А. Я. АНТОНОВИЧЪ.

Основанія Политической Экономіи.

Т. I.

Введеніе и основныя силы, дѣйствующія въ національномъ хозяйствѣ:

1. Сходства. Различія. Число.
2. Эволюція. Конъюнкція. Прогрессъ.
3. Потребности. Эмоціи. Идеи.
4. Талантъ. Правительство. Общество.
5. Природа. Капиталъ. Трудъ.

КІЕВЪ.
Типографія 2-й Артели, Владимірская, 43.
1914 г.

Прод. 1959

Пр.

Библиотека ООН

468
38

Псов 38

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Сходства.

I. Законъ сохраненія и развитія сходствъ, какъ проявленіе общаго закона самосохраненія. Союзы основанные на родствѣ, поглащая личность, усиливаютъ безопасность. II. Остатки экономическихъ союзовъ, основанныхъ на родствѣ. Родство производитъ формы хозяйства, а не наоборотъ. Общинное землевладѣніе и родство. Первобытные города. Сходство интересовъ ведетъ къ сходству учрежденій. III. Общества людей, какъ сообщества усугубленныхъ каменныхъ глыбъ. Сплошное мышленіе у первобытныхъ народовъ, какъ производное закона сходствъ. Общее сознаніе у культурныхъ народовъ. Борьба съ нарушеніями принципа сходствъ. Образованіе массовой души. Жизнеспособность кастъ. Родовая месть, какъ выраженіе внутренней силы закона сходствъ. Родъ въ древней Руси. Кровь отцовъ и дѣтей. IV. Борьба и война. Стремленія къ ассимиляціи. Трудности борьбы со взяточничествомъ. Мирное завоеваніе народностей. Законъ ассимиляціи массъ можетъ быть устраненъ только другимъ закономъ ассимиляціи же массъ. Нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ и канонизація собственныхъ. Искуственная ассимиляція, обезличивающая неселеніе. Отзывъ пр. Градовскаго. V. Національная Филавтія, обѣтованныя земли и избраннный народъ. VI. Война, какъ факторъ жизни. Прославленіе меча воина и презрѣніе кирки труда. Періоды войнъ: войны изъ за добычи для племени, вотчинныя войны и узурпаторскія. Самоистребленіе, какъ общій законъ жизни. Войны Россіи. Отрицаніе гуманности, какъ основы жизни. Теорія М. А Энгельгардта. Война, какъ болѣзнь, по міровоззрѣнію Н. Чернышевскаго. Неизбѣжность этой болѣзни . . 43—84

II. Различія.

I. Теорія избранныхъ и отверженныхъ націй. Вопросъ о смѣшеніи народовъ. Кристаллизація различій и значеніе національности. Ученіе А. Менгера о національномъ деспотизмѣ. Участіе иностраннаго элемента въ ростѣ Россіи. Идея народности и историческая миссія. Нація поглощаетъ личность и человѣка нѣтъ. Теорія Зиммеля и Н. Михайловскаго. Нѣтъ человѣка, нѣтъ и Правды. II. Цѣлое безъ частей. Кровь и

интересъ. Развитіе деревни. Общественность, какъ основа добровольнаго общежитія. Появленіе справедливости и разума въ общежитіи. Городъ и разрушеніе родового строя. Появленіе государства и вопросъ о національностяхъ, входящихъ въ его составъ. Pro и contra патріотизма. Мрачныя стороны отрицанія націонализма. Ученіе Н. Х. Бунге о націонализмѣ въ Россіи. Карлейль объ обществѣ, какъ меблированной гостинницѣ. III. Разслоеніе народовъ: побѣдители и побѣжденные, касты, сословія, феодализмъ, вотчинное государство и публичное право. Раздѣленіе властей. Ученіе Л. Толстого и факты изъ жизни. IV. Разслоеніе населенія по призванію и таланту. Государственная дифференціація по призванію и таланту въ Москвѣ. Профессіональная и классовая дифференціація. Ученіе экономическихъ матеріалистовъ. Интегрированіе населенія на началахъ свободы. Пролетаріатъ и процессъ деклассированія. Разложеніе классовъ. Партійная дифференціація, какъ спасеніе отъ экономическаго атомизма. Трэсты и стачки. Изсчезновеніе личности въ атомизмѣ различій. Ш. Стетсонъ о крайностяхъ половыхъ различій. Центростремительная и центробѣжная силы. Наслѣдственность, какъ факторъ дифференціаціи. Veritas—vita est. Отсталость Россіи . . . . . 84—128

III. Число.

Человѣкъ, какъ искусственное созданіе соціальнаго организма. Паденіе человѣка съ возвышеніемъ культуры. II. Платонъ и Аристотель о числѣ. Гоббезъ. Спиноза. Кондорсе. Кетле. О. Контъ. А. Эспинасъ. Б. Сидисъ. В. Бехтеревъ. М. Ковалевскій. Г. Бартъ. Средніе типы. Культурное значеніе городовъ. Л. Бурдо о коллективномъ разумѣ. Ученіе Э. Дюркгейма. Процессъ одухотворенія единицъ массой. Сильная власть и разъединеніе числа. Соціализирующая сила раздѣленія труда. III. Число и города. Отсталость Россіи. Соціальный вопросъ и города. Взглядъ Герцена на ростъ городовъ. Вѣроятное будущее городовъ. Факторы экономическаго благосостоянія городовъ. Культъ свободы и стяжанія. Средняя прибыль. Плутократія и массовая обездоленность. Пути къ лучшему будущему. Солидаризмъ. П. Жидъ. Буржуа. Бугле. Шейссонъ. Ж. Тардъ. IV. С. Булгаковъ о густотѣ населенія. Родбертусъ о реальномъ коммунизмѣ. Э. Дюркгеймъ. Воззрѣніе Н. Михайловскаго и С. Южакова. Теорія отчаянія Мальтуса и Маркса . . . . . 128—164

IV. Эволюція.

I. Эразмъ Дарвинъ и Ламаркъ. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе о естественномъ отборѣ, заимствованное у Мальтуса. Чудовищность эволюціоннаго отбора. А. Фулье. Относительное значеніе эволюціонизма и его реальность. Классики пол. экономіи и борьба за существованіе, какъ естественный законъ. Попытки оправданія эволюціонизма его результатами. Различіе между законами эволюціонизма и законами экономическаго прогресса. Л. Мечниковъ и Н.

Михайловскій. Отношеніе эволюціи къ нравственности и общему благосостоянію. II. Эволюціонный догматизмъ и подрывъ его самимъ же Ч. Дарвиномъ. Эволюція не можетъ быть отождествляема съ естественнымъ отборомъ. Измѣняемость расъ. Ученіе Н. Чернышевскаго. Историческая судьба. Соціальное вліяніе, средній человѣкъ и соціальная эволюція. Борьба за существованіе другихъ. Равновѣсіе борющихся силъ. Вліяніе общества и государства. Развитіе чувствъ гражданственности. Ученіе Галіани. Причины медленности эволюціи добра. Пророчество о предстоящей казни культурныхъ націй. III. Царство необходимости и случай. Исключеніе случая закономъ большихъ чиселъ. Ловля случая самой природой . . . . . 165—193

V. Конъюнкція.

I. Deus ex machina. Conjunctio rerum. Законъ и случай. Случай, какъ экономическій факторъ, проявляющійся въ спекуляціи и рискѣ. Теорія Галіани. Ученіе Ф. Ланге о случаѣ. П. И. Георгіевскій. II. Логика фактовъ. Случайность и образованіе московскаго государства. Фаталистичность работы случая и ея историческое значеніе. Чичеринъ и Герценъ о случаѣ. Отрицаніе цѣлесообразности въ исторіи. Чаадаевъ и Чернышевскій. П. Милюковъ. Н. Михайловскій. Теорія Грановскаго. М. М. Филипповъ. К. Каутскій. Ученіе позитивистовъ. III. Соотношеніе фактовъ. Эволюція и революція, какъ возстаніе противъ средняго типа. Образованіе языка и образованіе цѣнъ. Личность, какъ критерій соціальнаго строя. IV. Конъюнкція, какъ новообразованіе. Соціальный разумъ, какъ созданіе конъюнкціи. Конъюнктивный ростъ культуры . . . . . 193—224

VI. Прогрессъ.

Недостаточность эволюціи и конъюнкціи для объясненія происхожденія явленій. Попытка объясненій волевыми представленіями. Эволюція и конъюнкція не имѣютъ ничего общаго съ актомъ творенія въ точномъ смыслѣ этого слова. Та и другая постулируетъ Х-эволюціонирующій и конъюнктивирующій. Эгоизмъ и солидарность. Прогрессъ, какъ декорація человѣчества. Л. Толстой объ озвѣреніи людей. Ученіе А. Менгера о патріотизмѣ. Друмондъ о человѣчности. С. Южаковъ и Шмоллеръ о нравственности. Собачья этика. Спенсеръ и Соловьевъ объ эволюціи нравственности. Врожденность Этоса. II. Динамика прогресса и техническая культура. Ученіе Де-Греефа и Н. Чернышевскаго. Темныя стороны спеціально техническаго прогресса. Культура орудій и орудія культуры не одно и то же. Рабство не было факторомъ культуры. Рабы какъ и „добавочныя доли техники“ не могутъ создать культуру. III. Летурно о финикійскомъ идеалѣ технической культуры. Техническая культура есть приближеніе къ саморазрушенію. Ученіе Б. Чичерина о необходимости моральнаго воспитанія правящихъ классовъ. Моральное безразличіе техники, какъ двигатель-

ной силы. III. Можетъ ли въ принципѣ техника служить факторомъ прогресса? Служеніе техники меньшинству и всѣмъ. Добрая воля и механизмъ культуры техники. Мнѣнія Бертло и Брандеса. Мечты Н. Чернышевскаго. Истина и освобожденіе человѣчества. Идея прогресса—міръ потенцій. Пассивный и активный прогрессъ. Прогрессъ и фатализмъ. Прогрессивныя задачи. Г. Друмондъ объ эволюціонной помощи прогрессу. Мнѣніе Летурно. Конъюнкція и прогрессъ . . . . . 224—254

VII. Потребности.

Ненасытность человѣка. Луи Бурдо. Л. Уордъ. Г. Джорджъ о вѣчномъ недовольствѣ человѣка и необходимости воспитанія потребностей. Рабы богатства и вещей. Л. Толстой о ростѣ потребностей. Людоѣдство въ счастливой Аркадіи и темныя стороны ограниченія потребностей. Патологія потребностей. Ученіе древнихъ мыслителей о потребностяхъ, какъ несчастьи и проклятіи: Сократъ, Эпикуръ, циники, стоики. Ученіе древнихъ мыслителей о потребностяхъ, къ благодати: Платонъ и римскіе эпикурейцы и стоики. А. Смитъ о потребностяхъ. Ученіе Фурье. Эволюціонная разработка вопроса о потребностяхъ. Основы эволюціи: голодъ и половой отборъ. Анархизмъ въ потребленіи, ученіе Крапоткина. Коммунизмъ въ потребленіи. Соціализмъ стремится примирить не примиримое въ потребленіи. Причина противорѣчій въ научномъ анимизмѣ и субъективизмѣ. Ростъ потребностей и законъ Мальтуса. А. Пѣшехоновъ о происхожденіи и эволюціи потребностей. II. Потребности общественности, какъ плоть и кровь личности. Капитализація союзности въ личности. Однообразіе потребностей, жизни и дѣятельности. Великая любовь и великая ненависть къ чужимъ. Самоопредѣленіе націй. Личность, какъ органъ соціальной функціи. Не личныя потребности организуютъ общественность, но общественность создаетъ потребности личности. Дифференціація въ потребностяхъ. Ученіе Л. Штейна. Э. Дюркгеймъ о потребности въ правдѣ и справедливости. Возникновеніе индивидуализаціи и свободы личности. Bonum и jus. Отчаяніе. III. Потребности національны. Л. Каутскій о соціальныхъ потребностяхъ въ личности. В. Базаровъ о естественныхъ потребностяхъ, какъ результатѣ общественныхъ условій. Э. Дюркгеймъ объ образованіи потребностей подъ вліяніемъ раздѣленія труда и природы группы. Необходимость органическихъ потенцій для соціальнаго фактора. Интеграція потребностей. Эволюція и совѣсть. Процессъ равенства и симбіоза. Потребности какъ раскрытіе потенцій человѣческой личности. Законъ соотношенія головъ. Культура, какъ образованіе человѣка. IV. Однообразіе въ потребленіи и его значеніе. Сисмонди и марксизмъ. Капитализмъ и иностранные рынки. Отдѣленіе между производителемъ и потребителемъ и необходимость посредничества. Г. Джорджъ о личныхъ расходахъ. Растрата народныхъ капиталовъ. Личнымъ потребленіемъ никто не благодѣтельствуетъ другихъ. Сверхъ-потребленіе. V. Потребности не развиваются, но измѣ-

няется объектъ удовлетворенія. Не голодъ создаетъ культуру, а культура уничтожаетъ голодъ. Существуютъ болѣе высокія силы, которымъ подчиненъ трудъ. VI. Ученіе Тарда о матеріальныхъ потребностяхъ. Потребности и наклонности. Эволюція потребностей. Стремленіе потребностей къ одному уровню интенсивности. Законъ Галіани. Система потребностей. Потребности и борьба. Усиленіе соціализаціи потребностей и значеніе этого фактора. Массовой спросъ создаетъ современный капитализмъ. Экономическаго міра, основаннаго на эгоизмѣ или альтрюизмѣ, нигдѣ не существуетъ. Государственный характеръ проблеммы потребностей. . . . . 254—304

VIII. Эмоціи.

I. Общія понятія. Разумная—но безсознательная дѣятельность природы. Ученіе пр. Петаржицкаго. Основной источникъ эмоцій.—Соціально-историческая конъюнкція. Народы—кометы. Дифференціація между націями и въ націяхъ между классами. Лассаль о народныхъ безсознательныхъ мотивахъ. Тщеславіе, какъ соревнованіе. Безсознательность революціи, по сознанію самихъ революціонеровъ. Разсудокъ и эмоціи. Безсознательное въ индивидуальномъ творчествѣ II. Три категоріи эмоцій. Эмоціи сходствъ. Устойчивость племенъ и націй. Значеніе ассимиляціонныхъ эмоцій. Эмоціи различій, какъ стремленіе къ индивидуализаціи. Ученіе Л. Толстого объ оправданіи поступковъ. Трагедія между потенціями личнаго духа и соціальными стремленіями. Ученіе Спенсера. Соціальный элементъ въ изобрѣтеніяхъ. Проявленіе его въ чисто личныхъ условіяхъ. Духовныя эмоціи. Эмоціи среды. Ученіе Достоевскаго. Эмоціи наслѣдственныя и среды. Власть и эмоціи. III. Эмоціи, какъ историко-соціальные факторы. Насиліе, какъ соціальная эмоція. Безсознательная аристократизація и серважъ. Наше крѣпостное право и принципъ эволюціоннаго созданія рабами господъ. IV. Эмоція надежды, какъ продолженіе и развитіе инстинкта самосохраненія. Грубо-эгоистическіе элементы ея: вліяніе на войны и сущность пессимизма. V. Эмоціи даннаго состоянія общества. Человѣкъ экономистовъ. Михайловскій и Агафоновъ о морали. Вѣянье св. Духа. Пріобрѣтательныя наклонности и эмоція бродяжничества. Возвратъ къ морали предковъ. VI. Активныя эмоціи. Автономность воли и ея трансцедентальность. Вліяніе ея на экономическій бытъ. Капитализація воли. Переходъ потенціальной силы въ реальную. Телеологическій характеръ энергіи: цыгане, евреи—посредники, духовенство и чиновничество. Идеалы эпикуреизма и стоицизма. Преобладаніе животно-матеріальной культуры. Ростъ активныхъ элементовъ и ихъ накопленіе въ душѣ личности. Управленіе національной энергіей. Трудъ, какъ какъ категорическій императивъ судьбы и тождественность его съ дѣятельностью сердца . . . . . 304—357

IX. Идеи.

Призваніе. Религіозно-нравственная идея и ея значеніе. По религіознымъ представленіямъ можно судить о жизни и дѣятельности націи. Ученіе В. Соловьева объ Афротидѣ духовной и Афротидѣ вульгарной; о безчеловѣчномъ богѣ и безбожномъ человѣкѣ. Отношеніе къ этимъ идеямъ политической экономіи. Возвратъ къ язычеству у Ницше. Язычество въ формѣ будущаго золотого вѣка. Гр. Толстой о цѣли жизни. Элементы чудеснаго въ утилитаризмѣ и безуміе. II. Ученіе о борьбѣ идей Н. Чернышевскаго. Е. Дюрингъ о страстяхъ и идеяхъ. Друмондъ объ эгоизмѣ и альтрюизмѣ. Н. Михайловскій о борьбѣ за жизнь другихъ. Непротивленіе злу. Борьба идей создаетъ организующіе принципы. Иллюстрація борьбы идей язычествомъ среди христіанъ. Рыцарство въ Англіи и хартія свободы. Факты изъ французской революціи. Катаклизмъ въ мірѣ идей, произведенный христіанствомъ. III. Происхожденіе исторического матеріализма, какъ простой надстройки надъ желудкомъ и поломъ или „надъ производственными отношеніями“. Мысли вора о воровствѣ. Д. Дриль о животныхъ влеченіяхъ. Отзывъ Ф. Энгельса о человѣкѣ марксистовъ. Научное бушменство. Ж. Сорель противъ соціализма. IV. Коренной вопросъ политич. экономіи о свойствахъ человѣка. Совѣсть. Безсиліе государствъ въ дѣлѣ безопасности внѣ національной совѣсти. Совѣсть какъ факторъ культуры. Справедливость и совѣсть. Совѣсть и свобода. Злая и добрая воля. Механическая и органическая силы. Совѣсть есть величайшій капиталъ націи. Ученіе Шенберга, Друмонда и Филипповича. Безъ совѣсти не мыслимо соціальное хозяйство. V. А. Шопенгауэръ и Ф. Энгельсъ о государствѣ. Идея права. Въ прошедшемъ право создавало всю экономическую жизнь. Характеръ его на низшихъ ступеняхъ развитія. Римъ, какъ торжествующее преступленіе. Національныя утопіи евреевъ. Мечты о Мессіи Виргилія. Христіанство въ борьбѣ съ язычествомъ. Внѣшній и внутренній идеалы. Сатанизмъ и суверенитетъ общественнаго блага. Свобода всѣхъ и Карманъ всѣхъ. Святая святыхъ. Аналогія между жертвоприношеніемъ меньшинства большинству и большинства меньшинству. Герценъ. Дидро. Кутузовъ. Руссо и Монтескье. VI. Любовь не можетъ быть нравственно-руководящимъ принципомъ. Соціальный вопросъ есть вопросъ о національной совѣсти. Паденіе національной совѣсти было важнѣшею причиною паденія Рима. Совѣсть есть центральная идея національной жизни . . . . . 357—417

X. Талантъ.

I. Массы и талантъ. Безталанность и бѣдность. Таланты естественные, благопріобрѣтенные и соціальные. Семья и институціи, воспитывающія талантливость. Эалесъ о соціальной благодати. Народная честность, какъ національно-экономическій талантъ. II. Добыча талантомъ. Рёскинъ о талантахъ въ странѣ. Таланты въ формѣ атавистической эмоціи. Классификація населенія по талантамъ. Суррогаты

таланта. Кастовой строй убиваетъ таланты. Рёскинъ о воспитаніи талантовъ. Распятіе Бога у современныхъ народовъ. Мѣстопребываніе св. Духа. Либкнехтъ о таинственности появленія талантовъ. Тарасъ Шевченко. Людвигъ Кнопъ создатель бумагопряденія въ Россіи. Ричардъ Кобденъ. Одиночество таланта и безчисленность обыденности. Лавуазье. Менделѣевъ. Сила безсилія, побѣждающая талантъ. III. Сильные таланты производятъ опустошеніе въ національной душѣ. Но и сильная обыденность топитъ таланты. Гальтонъ о наслѣдственности таланта. Н. Чернышевскій о талантѣ, какъ двигательной силѣ. Мессіанизмъ таланта. Корни таланта въ національной почвѣ. Разсужденіе А. Бебеля и Г. Плеханова. IV. Русскіе таланты. Ученіе Менделѣева. Причина обилія талантовъ у англо-саксовъ. Подавленіе въ странѣ личности есть хула на св. Духа. С. Булгаковъ о правахъ личности въ народной экономіи. Заслуга въ наукѣ Н. К. Михайловскаго. Соціально-логическій кругъ и указаніе на него В. Бѣлинскаго. Выходъ, указываемый экономическимъ матеріализмомъ. Старо-языческое мессіанство въ новой формѣ. Причины теоретической безвыходности при рѣшеніи вопроса. Ученіе В. Соловьева . . . . . 417—441

XI. Правительство.

I. Отрицаніе государства, какъ экономическаго фактора. Д. Нортъ. Гурнэ. Кене. Руссо. А. Смитъ. Спенсеръ. Анархизмъ. Ученіе А. Д. Градовскаго. Изложеніе ученія Н. Чернышевскаго. Русская жизнь и правительство. II. Государство не надстройка надъ экономическимъ зданіемъ, но его фундаментъ и цементъ. Отзывы Лавелье и Монтескье. Гипертрофія государства, какъ экономическаго фактора. Система русской культуры П. Милюкова. Государство и экономическій бытъ въ Англіи. А. Смитъ объ экономическихъ законахъ Англіи. III. Правда въ теоріи А. Смита. Соціальный вопросъ и индивидуальность. Государство должно создавать условія для всесторонняго развитія личности. В. Розановъ о существѣ государства. Деспотія, какъ государство внѣ государственной сферы. Государство „для содержанія міра для спасенія душъ нашихъ“. Теорія Родбертуса и М. Мейера. Солидаризированіе государствомъ индивидуальныхъ силъ. Мысли А. Д. Градовскаго. Ф. Лассаль о государственной культурѣ. Индивидуальный абсолютизмъ и вотчинный. Государственная организація народнаго труда. Печальныя послѣдствія суевѣрія о невмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь. . . . . 441—463

XII. Общество.

I. До государства индивидуума не было, онъ былъ поглощаемъ стихійно-кровною общественностью, существовавшею раньше государства и послужившею основой для созданія государства. Историки, отрицающіе общество: Чаадаевъ. Герценъ. Леклеръ. Карамзинъ. Признаніе общественности начинается у насъ славянофилами. Основныя черты

нашей общественности. II. Вліяніе государства на его части. Племенное communio и его эволюція. Борьба за существованіе и союзность для существованія. Историческій процессъ освобожденія личности. Три категоріи союзовъ по ихъ происхожденію. III. Союзы возникающіе изъ совмѣстной жизни. Патронатъ. Русское закладничество. Дружина. Коммуны. Цехи и гильдіи. Всякій союзъ есть ограниченіе. Союзы не безъ тѣни, индивидуализмъ не безъ звѣрства. Малые союзы, добровольно возникающіе и быстро преходящіе. Свобода личности и свобода союзовъ. Кооперація и самопомощь. Синдикатизмъ. Артель. IV. Союзы, организуемые по приговору большинства. В. Зомбартъ о принудительныхъ цехахъ. Союзы, устанавливаемые ipso jure. Принципы мѣстнаго самоуправленія. Мѣстное самоуправленіе есть наилучшій органъ государственнаго управленія. Наша старинная система міровъ. . . . . 463—489

XIII. Природа.

I. Основныя категоріи явленій природы. Ученіе Г. Спенсера. Тайны природы и изученіе ихъ человѣкомъ. Подчиненіе природы человѣку. Искусство даетъ большій заработокъ, чѣмъ природа. Съ человѣческой точки зрѣнія природа безнравственна. В. Соловьевъ о природѣ, какъ царствѣ смерти. А. Шопенгауэръ о глупой экономіи природы. Характеристика творчества природы. Ученіе Ш. Фурье. Жизнь природы на мертвыхъ костяхъ. Воззрѣніе Э. де-Лавеле. Дары природы—дары Данайцевъ. Н. Чернышевскій о природѣ и благосостояніи. Недостатки природы человѣка. О. Контъ. И. Мечниковъ. И. Карышевъ. Карлейль. Вѣроятность „мірового голода“. В. Круксъ. Бертело. Изслѣдуйте истину. Д. Н. Менделѣевъ объ изученіи природы. II. Категоріи стихійныхъ явленій: время, пространство и матерія. Реальность времени. Мнѣніе Г. Джорджа. Законъ постоянства во времени. Дифференціація во времени. Борьба между старымъ и новымъ. Время, какъ сила, объединяющая всѣ другія силы. Воззрѣніе К. Менгера. Значеніе сознанія времени. Предусмотрительность и активность. Безполезность реформъ, противорѣчащихъ времени: борьба Петра I за децентрализацію и городское самоуправленіе. I. Бентамъ—сторонникъ истязаній государственныхъ преступниковъ. Изъ исторіи тѣлесныхъ истязаній въ Россіи. Г. Лебонъ о значеніи времени. Законъ времени разрушенія и времени созиданія. III. Союзность, какъ орудіе борьбы съ временемъ. Коллективныя права возникаютъ раньше индивидуальныхъ. Индивидуализація общества. Патріотизмъ, какъ орудіе борьбы съ эфемеридностью. Соціальное тѣло и юридическое лицо. Индивидуальная борьба съ эфемеридностью. IV. „Человѣкъ мгновенія“. Побѣда надъ временемъ. Экономическое значеніе времени работы природы. Прогрессъ, какъ отношеніе между эфемеридностью и вѣчностью. Пролетаріатъ, какъ атавизмъ варварства. О возстановленіи волевой энергіи. V. Территорій народа—его тѣло. О значеніи равнинности Россіи. Колонизаціонный характеръ русскаго народа по ученія М. В. Дов-

наръ-Запольскаго. Кровообращеніе въ физическомъ организмѣ и движеніе населенія въ соціальномъ. Причина разноплеменности Россіи. Попытки монизма въ изученіи вліяній природы. VI. Общедоступныя и не общедоступныя силы матеріальной природы. Сравнительное участіе природы въ разныхъ работахъ. Климатъ. Особенности русской природы. . . . . 489—544

XIV. Капиталъ.

I. Капиталъ, какъ искусство. Изложеніе ученія Н. Чернышевскаго. Капиталъ и золотой телецъ. Мирное завоеваніе государствъ иностранными капиталами. Послѣдователи марксизма и Н. Чернышевскій. Экспропріація капитала. Эксплоатація капитала рабочими. В. Зомбартъ объ образованіи капиталовъ въ З. Европѣ. Отзывъ С. Булгакова. II. Частно-хозяйственная и общественно-хозяйственная точки зрѣнія. Воспроизводство, какъ отличительная черта матеріальныхъ капиталовъ. Орудія и машины. Оборотные и постоянные капиталы. Основныя теоремы Милля о капиталѣ. III. Культура, какъ замѣна естественной матеріи искусственной. Капитализмъ и его значеніе. Наши народники и марксисты. Фетишизмъ накопленія. Революціонное и катаклистическое значеніе капитала. Равенство и привилегія. Единое на потребу. IV. Парцелляція и концентрація капиталовъ . . . . . 544—590

XV. Трудъ.

I. Соціализированность труда. А. Герценъ объ историческомъ факторѣ въ трудѣ. Ученіе Энгельса. Гобино о славянскомъ болотѣ. Трудовыя различія по производительности и по формамъ. Мѣры усмиренія звѣрства. Соціальный Везувій. Аннулированіе трудовой энергіи общиной. II. Простое сотрудничество, его особенности и значеніе. Сложное сотрудничество, раздѣленіе труда и занятій. Органическая связь между людьми, вызываемая раздѣленіемъ занятій. Отрицательныя стороны раздѣленія труда и занятій. Фергюсонъ, Энгельсъ, гр. Толстой, Н. Михайловскій, Н. Бердяевъ. Нейтрализація темныхъ сторонъ. Н. Чернышевскій. А. Менгеръ о духовномъ трудѣ. Эволюціонизмъ въ раздѣленіи труда. III. Трудъ и смерть. Суррогаты „дерева жизни“. Отвращеніе отъ труда. Благородство и неблагородство въ трудѣ. Классъ праздныхъ въ Россіи въ XVII в. Соблазнъ жизни безъ труда. Демоленъ и Нордау о пріятности тунеядства. Отрицаніе религіозно-уголовнаго принципа въ трудѣ: А. Бебель, Н. Чернышевскій, Н. Михайловскій. Трудъ и игра. Значеніе соціальной конъюнктуры. Утопистъ Т. Герцль не всякій трудъ признаетъ уважаемымъ. Horror laboris. Личность и трудъ. Средній національный трудъ. Цѣнность и трудъ обратно-пропорціональны. Атрофія трудовой энергіи. IV. Огосударствленіе труда. Общественно-необходимый трудъ и государство. Реквизиція труда. Необходимость организаціи труда. Вопросъ о культурѣ національнаго труда. При-

чины отвращенія отъ труда. Минимумъ рабочаго дня. И. Сѣченовъ и В. Соловьевъ. М. Меньшиковъ о трудовомъ вихрѣ. Трудовой отдыхъ. Женскій и дѣтскій трудъ. Стачки. О проектѣ организаціи отхожаго труда въ Россіи. V. О низкой производительности русскаго труда. Объ условіяхъ производительности труда. Призваніе и творчество. VI. Сравнительное значеніе различныхъ занятій: Физіократы, А. Смитъ, Д. С. Милль, Ж. Б. Сэ, Ригеръ, Ф. Листъ. VII. Право на трудъ. Задачи демократіи по ученію Шмоллера. Идеалъ новаго времени—достатокъ всѣхъ. Значеніе индивидуальныхъ усилій. Теоріи всеобщаго разрушенія. Значеніе государственныхъ усилій и принципы публичнаго права въ трудѣ. Интересы національнаго самосохраненія требуютъ національной организаціи труда 590

Введеніе.

Предметъ, система и методъ.

Политическая экономія есть наука о соціальныхъ законахъ борьбы съ эфемеридностью индивидуальнаго существованія, т. е. о законахъ восполненія личности соціэтарностью, о законахъ соціализаціи личности. Любой продуктъ, потребляемый ежедневно современнымъ культурнымъ человѣкомъ, потребовалъ бы для своего производства сотень лѣтъ и даже тысячелѣтій индивидуальнаго труда. Для того, чтобы имѣть сапоги, изолированному производителю нужно было бы гдѣ-то поймать безхозяйное животное, кожа съ котораго должна быть снята, а для этого необходимо найти желѣзную руду, научиться плавить ее, создавъ предварительно орудія плавки и за тѣмъ ковки. Произведеннымъ такимъ образомъ ножемъ кожа снимается, но она еще совсѣмъ не готова для дѣла. Необходимо научиться дубильному искусству, необходимо произвести цѣлый рядъ изслѣдованій и опытовъ надъ дубильными веществами, создать орудія дубленія и т. д. Предположимъ, что кожа готова. Необходимо далѣе произвести нитки для шитья, а для этого необходимо заняться производствомъ конопли. Для того же, чтобы получить коноплю, необходимо вспахать поле, т. е. сперва сдѣлать плугъ, для производства котораго опять таки нужно добыть желѣзо, создать орудія ковки желѣза, орудія обработки дерева, поймать и воспитать лошадей или воловъ, работающихъ въ плугѣ и т. д. Полученную коноплю необходимо обработать, для чего нужно сдѣлать подходящія орудія и т. д. Въ концѣ концовъ изолированный производитель въ лучшемъ случаѣ на склонѣ лѣтъ сдѣлалъ бы себѣ пару сапоговъ, въ которыхъ ему не легко было бы ходить, но которые ему надѣли бы на ноги его наслѣдники, зарывая его въ могилу. Но трудно предположить даже теоретически и этотъ лучшій исходъ. Нашъ производитель не можетъ посвятить себя всего производству сапоговъ. Ему нужно жить, ему нуженъ хлѣбъ, нужна одежда, нуженъ домъ, нужно топливо...

И онъ въ силу необходимости возвратился бы къ жизни праотцевъ, обходившихся не только безъ сапоговъ, но и безъ одежды и безъ жилищъ. Онъ въ своемъ стремленіи жить личнымъ трудомъ долженъ былъ бы превратиться въ голаго и голоднаго дикаря. Ни одинъ человѣкъ, оставаясь человѣкомъ, не живетъ своимъ индивидуальнымъ трудомъ. Гдѣ соціальный трудъ плохъ, гдѣ рабочіе люди лѣнивы, невѣжественны, недобросовѣстны, тамъ минимумъ благосостоянія. Каждый изъ насъ живетъ не личнымъ, а соціальнымъ трудомъ. И не трудомъ въ зоологическомъ смыслѣ этого слова, а работой всѣхъ силъ, въ итогѣ которыхъ зоологическій трудъ есть лишь гомеопатическая величина. Суконное платье, ежедневно носимое вами, потребовало овцевода Австраліи или степей Россіи, пищу для него создавалъ сельскій хозяинъ, перевозилъ шерсть пароходъ, произведенный въ Англіи, для производства котораго въ свою очередь потребовались матеріалы и орудія и денежныя средства чуть ли не всѣхъ странъ міра, а между прочимъ и хлѣбъ, создаваемый русскимъ земледѣльцемъ. Шерсть доставлена въ русскій портъ, для сооруженія котораго потребовались милліонныя затраты изъ государственнаго казначейства, и далѣе она отправлена по желѣзной дорогѣ, созданной на иностранные займы. Затѣмъ она попадаетъ къ московскому фабриканту, фабрика котораго, прямо или косвенно, ведетъ свое происхожденіе отъ Петра I, его запретительныхъ тарифовъ, приписки крѣпостныхъ къ фабрикамъ и заводамъ, иностранныхъ мастеровъ, выписанныхъ отъ нѣмцевъ для обученія русскихъ фабрикаціи суконъ. Въ настоящее время она поддерживается охранительными пошлинами, т. е. покровительственными повинностями всего населенія. Конечно, непосредственно эту повинность оплачиваетъ потребитель, но не изъ воздуха получаетъ онъ средства уплаты. Онъ работаетъ на землѣ, онъ можетъ работать какъ чиновникъ, учитель, священникъ, получая за свою работу вознагражденіе, идущее на покупку сукна. Въ организаціи сбыта его участвуетъ систематическій рядъ посредниковъ, цѣлое торговое сословіе, капиталы котораго поддерживаются системой банковъ, концентрирующихъ у себя народныя сбереженія, употребляемыя для ихъ коммерческихъ операцій. Всѣ эти дѣятели мыслимы только при извѣстной подготовкѣ, т. е. при организаціи государствомъ народныхъ общихъ и техническихъ школъ. Не меньшее значеніе имѣетъ правосудіе и честная полиція, законодательство о собственности, договорахъ, кредитѣ и т. д. Но еще большее значеніе имѣетъ исторія народа: гдѣ въ теченіи вѣковъ правительство заботилось о народной совѣсти, о народномъ умѣ, о народной предпріимчивости и энергіи, тамъ изъ поколѣнія въ поколѣнія переходитъ духовно-нравственный капиталъ, духовно-нравственное здоровье, вызывающее дѣя-

тельную жизнь. Гдѣ этого не было, тамъ накопляется апатія, растетъ лѣнь, эмоціи праздности и уныніе, атрофирующія всякія стремленія къ самодѣятельности и общественности. Въ такомъ уныломъ обществѣ всякія индивидуальныя усилія парализуются и личная энергія убивается общей инертностью.

Такъ доля каждаго опредѣляется свойствами цѣлаго. А это цѣлое есть накопленное вѣками прошлое и дѣйствующее настоящее. На этомъ основаніи трудъ культурнаго работника безконечно производительнѣе труда одинокаго дикаря, вся энергія котораго есть его личная энергія, которая сама по себѣ можетъ создать лишь то, что и имѣетъ всякій дикарь. Въ трудѣ культурнаго рабочаго сказывается прошлое и настоящее его родины, Каждая производимая имъ вещь есть не личный, а историко-національный продуктъ. И потому только эта вещь такъ общедоступна и дешева, что она есть овеществленіе громаднаго труда всей націи, въ ея прошломъ и настоящемъ. Въ теченіи одного дня своей жизни современный культурный человѣкъ переживаетъ тысячелѣтія работы человѣчества. Какъ эфемеридъ, которому между рожденіемъ и смертью данъ ничтожный промежутокъ времени, человѣкъ не можетъ разсчитывать только на себя, на свой личный трудъ, не желая оставаться голымъ и полуголоднымъ дикаремъ. Онъ началъ бороться со своей эфемеридностью индивидуума безпрерывностью существованія рода, а за тѣмъ племени, націи и человѣчества. Смерть личности, смертность поколѣній не ведетъ къ смерти и разрушенію созданнаго ими. Оно передается въ крови слѣдующимъ поколѣніямъ, передается въ законахъ и учрежденіяхъ потомству, становясь корнемъ, дающимъ жизнь существующему. И такъ постепенно, покоряя пространство и время, индивидуальная жизнь интенсивируется соціэтарностью. Каждая минута нашей эфемеридной жизни заключаетъ въ себѣ цѣлые вѣка культурнаго роста человѣчества и каждый личный трудъ отдѣльнаго человѣка наполненъ силами какъ предковъ, такъ и современниковъ. Какъ нѣтъ въ организмѣ клѣточки, которая могла бы существовать независимо отъ цѣлаго, къ которому она принадлежитъ, такъ нѣтъ и не можетъ быть личности внѣ соціальности. Человѣкъ, предоставленный самому себѣ съ дѣтства, лишенный общенія съ другими, перестаетъ быть человѣкомъ. Онъ ниже дикаря, такъ какъ и дикарь не лишенъ общенія съ подобными себѣ. Но онъ и не можетъ быть поставленъ внѣ людей, такъ какъ въ крови своей онъ несетъ съ собою наслѣдственный капиталъ, т. е. общеніе съ предками.

Въ этомъ отношеніи человѣкъ не составляетъ какого либо исключенія изъ міра живыхъ существъ на землѣ. Всѣ животныя и всѣ растенія подчинены закону восполненія недостатковъ эфемеридности болѣе устойчивыми началами породы, не толь-

ко сохраняющей основныя черты индивидуальныхъ особей передачей ихъ потомству, но и накопляющей въ поколѣніяхъ все наиболѣе жизненное и наиболѣе полезное данной породѣ. Передъ нами всеобщій законъ борьбы жизненнаго начала со смертью, борьбы Ормузда съ Ариманомъ. Въ мірѣ животныхъ и растеній это законъ строго механическій, осуществляющійся въ томъ, что въ борьбѣ за существованіе побѣждаетъ та особь, которая отличается наилучшими талантами для этой борьбы, переживая такимъ образомъ слабѣйшихъ и передавая свои таланты потомству. Въ человѣческомъ мірѣ до сихъ поръ это тотъ же самый механическій законъ. Но уже на зарѣ исторической жизни къ нему присоединилась и сознательная дѣятельность, все болѣе и болѣе развивающаяся по мѣрѣ чего безсознательный механизмъ въ жизни мало по малу уступаетъ мѣсто сознанію и волѣ, пассивность замѣняется активностью. Вотъ почему значеніе въ нашей жизни активной соціэтарности удобнѣе всего иллюстрировать на фактахъ изъ духовно-нравственной дѣятельности въ которой активность получила наибольшее примѣненіе. Любая изъ современныхъ наукъ имѣетъ такіе глубокіе историческіе корни, о которыхъ никто изъ образованныхъ людей и не думаетъ. Но тѣмъ не менѣе эти корни живутъ и дѣйствуютъ. Въ теченіи тысячелѣтій вырабатывалась способность мыслить и наблюдать и развитому мышленію не вѣрится, чтобы могли имѣть силу и значеніе чистѣйшія нелѣпости, которыми жили наши предки.

Въ древнемъ травникѣ читаемъ: „Траву Муравенцъ кто при себѣ держитъ—птичье разглагольствіе знать будетъ. Трава Железа добра, когда хочешь притворить себя птицей или звѣремъ, то съ нею переметнуться. Или хочешь невидимъ быть, положь въ ротъ за праву щеку и поди куда хошь, никто не увидитъ, хошь што дѣлай“ [1]).

Подобнаго рода свѣдѣніями наполнены всѣ старинные травники. Кажется, просто и легко провѣрить: взялъ траву, положилъ за праву щеку, и невидимъ. Но люди вѣрили безъ доказательствъ, да и боялись доказательствъ, какъ призыва злого духа. Только постепенно злой духъ исчезъ и мы съ трудомъ допускаемъ его господство у нашихъ предковъ. Медленно, гомеопатическими дозами исчезала безсознательность и вырабатывалась мыслительная способность. Если бы современный медикъ жилъ во времена господства злого духа древнихъ травниковъ, то и онъ допускалъ бы и траву Муравенцъ и траву невидимку. Теперь все это ему представляется невѣроятною нелѣпостью единственно потому, что его мыслительный аппаратъ развился на почвѣ общенія съ наукой, имѣющей свои корни у древнихъ происторическихъ арійцевъ, развитой древними мыслителями Греція и Рима, средневѣковыми монахами, алхимиками, философами и новѣйшими геніями

человѣческаго сознанія. Отбросьте всю эту исторію и культуру, и нашъ медикъ будетъ съ убѣжденностью любого знахаря-дикаря признавать траву невидимку и траву познанія языка животныхъ и даже растеній.

Да и непосредственныя его познанія не имъ созданы, но пріобрѣтены имъ путемъ изученія знаній и опыта другихъ, начиная съ основателей науки. Каждая наука есть сумма сложнаго сотрудничества массы лицъ, работавшихъ въ разное время и въ разныхъ широтахъ. Пріобрѣтать знанія значитъ пріобщаться къ общей работѣ по данной наукѣ всѣхъ геніевъ человѣчества. То, что выработано вѣками и тысячами научныхъ геніевъ, пріобрѣтается нами годами. Каждый часъ профессора, читающаго лекцію, представляетъ собою результатъ многихъ лѣтъ его собственнаго труда и выраженіе вѣковыхъ работъ человѣчества. Въ этомъ и заключается высокое дѣйствительно народно-экономическое значеніе народнаго просвѣщенія, значеніе школъ, университетовъ, академій. Этимъ путемъ народъ изъ своего варварскаго состоянія можетъ въ короткое время перейти къ высшимъ ступенямъ культуры, пріобщиться къ благамъ, созданнымъ болѣе счастливыми народами въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій. Учащійся въ теченіи часа слушанія лекціи пріобщается къ результатамъ многолѣтняго труда профессора и черезъ него къ тысячелѣтіямъ труда геніевъ человѣчества. Не даромъ говорятъ о могущественномъ вліяніи университетовъ на всю культуру страны. Студентъ, пробывшій въ теченіи четырехъ лѣтъ въ сообществѣ великихъ мыслителей, создавшихъ науку, испытываетъ на себѣ вліяніе ихъ сообщества, вліяніе Платона, Аристотеля, Декарта, Бенона, Дарвина и т. д. Такая среда высшей аристократіи человѣчества не можетъ не вліять на всю душу человѣка, пріобщающагося къ ней въ молодые, наиболѣе чуткіе ко всему доброму годы. И въ глубокой старости съ полнымъ благоговѣніемъ вспоминаешь эти лучшіе годы своей жизни и добромъ поминаешь свою alma mater.

Съ особою силою активная соціэтарность проявляетъ себя въ созданіи юридическихъ лицъ, не только восполняющихъ, но и замѣняющихъ собою физическія лица. Юридическія лица, по принципу, безсмертны. Таковы государственныя учрежденія, муниципалитеты, органы земскаго самоуправленія, товарищества, артели и т. п. Смертность отдѣльныхъ членовъ не мѣшаетъ оставаться въ живыхъ юридическому лицу. Благодаря своей принципіальной безсмертности, такія лица могутъ преслѣдовать цѣли, далеко превосходящія продолжительность жизни не только физическихъ лицъ, но и цѣлыхъ поколѣній. Въ естественномъ порядкѣ такими лицами были родъ, племя и нація. Но съ умноженіемъ жизни и развитіемъ потребностей возникла необходимость

въ болѣе или менѣе свободномъ и сознательномъ восполненіи человѣческой эфемерндности созданіемъ искусственнаго безсмертія, служащаго не только средствомъ безпрерывнаго накопленія, но и учетомъ будущаго въ пользу настоящаго. Акціонерная компанія строитъ желѣзную дорогу, которою будутъ пользоваться будущія поколѣнія. Было бы несправедливо строить ее только на средства живущаго нынѣ поколѣнія и къ уплатѣ капиталовъ, затраченныхъ на ея постройку, пріобщаются будущія поколѣнія установленіемъ опредѣленнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго срока погашенія акцій и облигацій. Для постройки крѣпости, для созданія университета и т. п. было бы въ равной мѣрѣ несправедливо собирать средства только съ даннаго поколѣнія и путемъ кредита мы пріобщаемъ къ такимъ работамъ нашихъ потомковъ.

Благодаря соціэтарности отдѣльная личность въ своей эфемерной жизни пользуется не только прошлымъ и настоящимъ націи и человѣчества, но и будущимъ. Благодаря соціэтарности личность соединяетъ въ себѣ прошлое, настоящее и въ значительной мѣрѣ будущее человѣчества. Смертное получаетъ нѣкоторую долю безсмертія, конкретное пріобщается къ абсолютному. Чѣмъ выше соціэтарность, тѣмъ больше овеществляется въ каждой единицѣ продукта производительныхъ силъ всего человѣчества и тѣмъ выше благосостояніе личности.

Но одновременно съ этимъ накопленіемъ силъ соціэтарность дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи, сокращая издержки производства и увеличивая сумму сберегаемаго людьми труда. Соціэтарность состоитъ не только въ сложеніи, но и въ раздѣленіи силъ, причемъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ происходитъ созданіе новаго фактора—силы массы. Сто дней работы одного человѣка могутъ быть совершенно не достаточны для поднятія камня, но сто соединившихся человѣкъ подымаютъ его, т. е. создаютъ нѣчто большее, чѣмъ могутъ создать сто дней труда. Это новая сила въ дѣйствительности значительно превышаетъ всю сумму индивидуальныхъ силъ, ибо послѣднія совсѣмъ не могутъ сдѣлать того, что дѣлается viribus unitis, т. е. соціэтарностью. Благодаря послѣдней личность живетъ не своимъ, но совокупнымъ факторомъ, т. е. сберегая, не растрачивая своихъ силъ, индивидуальное употребленіе которыхъ было бы и вполнѣ безполезно. Во второмъ случаѣ, т. е. при раздѣленіи силъ, возникаетъ спеціализація, увеличивающая въ значительной степени производительность силъ. Спеціалистъ сапожникъ производитъ сапоги въ одинъ день труда, между тѣмъ, какъ столъ могъ бы создать не иначе, какъ въ теченіи 6 дней. Наоборотъ, столяръ производитъ столъ въ одинъ день труда, между тѣмъ, какъ сапоги могъ бы произвести не иначе, какъ

затративъ 6 дней. Вступая въ обмѣнъ своими издѣліями, каждый изъ нихъ сберегаетъ 5 дней труда, а оба вмѣстѣ 10 дней. Въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ ежедневно сберегаются милліарды рабочихъ дней и это сбереженіе, давнымъ давно уясненное экономистами и уже извѣстное Аристотелю, представляетъ собою величайшую соціэтарную силу, заставляющую людей вступать въ мѣновыя сношенія. Это своего рода экономическій духъ, носящійся вверху бездны индивидуализма и соединяющій индивидуумовъ въ одно органическое цѣлое невидимой нитью, чудесно превращающей день труда въ шесть дней и дающей населенію милліарды свободныхъ рабочихъ силъ.

Такъ личность, претворясь соціэтарностью, пріобщается къ свойствамъ послѣдней. Тяготы жизни при этомъ дѣйствительно облегчаются, иначе люди не бросали бы первобытнаго варварства. Но при этомъ претвореніи измѣняется самое существо личности и лучшимъ доброжелателямъ человѣчества приходится убѣждать людей въ томъ, что „не существуетъ иного богатства, кромѣ жизни—жизни со всѣми силами любви, радости и восхищенія. Самая богатая та страна, которая воспитываетъ наибольшее число благородныхъ и счастливыхъ человѣческихъ существъ; тотъ богаче всѣхъ, кто, доведя до крайняго совершенства функціи своей собственной жизни, оказываетъ наиболѣе широкое вліяніе на жизнь другихъ, какъ лично, такъ и посредствомъ того, чѣмъ онъ обладаетъ“ [2]).

Дѣло въ томъ, что соціэтарность не могла не сдавить индивидуальности и вмѣстѣ съ тѣмъ свои задачи, какъ цѣли соціальныя, поставить выше задачъ личнаго существованія. Уже теперь никто не сомнѣвается въ томъ, что стихійная соціэтарность въ видѣ рода, племени, расы вполнѣ поглощала личность. Активная соціэтарность не даетъ такихъ рельефныхъ образцовъ, но врядъ ли кто можетъ утверждать, чтобы и ея историческое движеніе не требовало человѣческихъ жертвоприношеній или по крайней мѣрѣ не приводило бы къ нимъ. И теперь съ каждымъ днемъ разрастается въ массахъ населенія враждебное отношеніе къ существующему строю жизни, появленіе и развитіе чего было бы не объяснимо, если бы въ самомъ этомъ строѣ все было благополучно. Очевидно, какъ стихійно-механическій, такъ и сознательно-активные пути соціэтарности заключаютъ въ себѣ рядомъ съ элементами возвышающими человѣка восполненіемъ недостатковъ, коренящихся въ эфемеридности, также элементы умаленія жизни, т. е. саморазрушенія самой цѣли соціэтарности, какъ условія возвышенія и укрѣпленія личности.

Изученіемъ законовъ этой соціэтарности въ дѣлѣ осуществленія задачъ индивидуальной жизни и занимается политическая экономія. По библейскому выраженію, „человѣкъ, рожденный

женщиною, краткодневенъ и пресыщенъ печалями; какъ цвѣтокъ, онъ выходитъ и опадаетъ; убѣгаетъ, какъ тѣнь, и не останавливается". По своей эфемеридности, человѣкъ никогда не возвысился бы до того духовно-нравственнаго состоянія, въ которомъ уже и теперь находятся культурные народы, безъ претворенія „убѣгающей безслѣдно тѣни" въ болѣе прочное, не умирающее соціэтарное существо. Законы такого претворенія и составляютъ задачу экономической науки.

Пол. экономія есть наука о законахъ соціальнаго творчества. Обыкновенно прибавляютъ, что цѣль—удовлетвореніе потребностей. Но удовлетвореніе потребностей: а) не всегда цѣль, а большею частію мы удовлетворяемъ потребности, чтобы работать, а не на оборотъ, б) мы работаемъ вовсе не для потребленія, ибо это значило бы озвѣрять человѣка. Мы работаемъ потому, что работа есть естественная функція нашего организма. Человѣкъ есть творецъ по божественной природѣ своей, в) удовлетвореніе потребностей никогда не могло бы создать той творческой силы, которой человѣкъ отличается отъ животнаго. При этомъ, конечно, нельзя отрицать и того, что во образѣ человѣка попадаются и бездушныя животныя, для которыхъ работа вовсе не нужна, а нужно только прозябаніе.

Говоримъ о соціальномъ творчествѣ, въ отличіе отъ неорганическаго и органическаго. Неорганическое творчество—это творчество слѣпыхъ и безсознательныхъ силъ природы, обусловленное свойствами химическими и физическими матеріи. Органическое творчество есть планомѣрное творчество жизненной силы, организующей матерію сообразно жизненной идеѣ даннаго организма. Соціальное творчество—это работа массы, подчиненной законамъ: а) собственнымъ, какъ массы, б) индивидуальнымъ, племеннымъ и національнымъ особенностямъ, в) физическимъ и органическимъ свойствамъ мѣстности, г) духовно-нравственному строю.

Въ нашей литературѣ къ сказанному опредѣленію экономической науки ближе всего подходитъ опредѣленіе, высказанное С. Булгаковымъ. По его воззрѣнію, „политическая экономія подвергаетъ систематическому изученію технико-общественный прогрессъ народнаго хозяйства, стремясь установить тѣ причинныя зависимости, которыя существуютъ между разными сторонами этого прогресса, и описать и точно классифицировать его разныя формы. Политическая экономія есть историческая наука въ томъ смыслѣ, что она стремится описать и понять историческій фактъ общественнаго хозяйства и его развитіе, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ".—По его ученію, „все человѣчество представляетъ собою одного или нѣсколькихъ многорукихъ, многоглазыхъ, многоголовыхъ работниковъ, которые—хо-

рошо или плохо, но принуждены дѣйствовать, какъ одинъ, по одному общему плану, повинуясь одной общей волѣ“ [3]). „Христіанская полит. экономія ищетъ осуществленія Царствія Божія, свободы, правды и любви въ экономической жизни, въ области соціальной и экономической политики“. [4]) „Задачу ея можно опредѣлить еще такъ: она призвана освѣтить историческій путь соціальной любви“ [5]).

Можно согласиться даже и съ послѣднимъ заключеніемъ, но, конечно, при этомъ не закрывая глазъ на дѣйствительность, въ которой соціальная ненависть и особенно вражда до сихъ поръ имѣютъ господствующее значеніе, сравнительно съ соціальной любовью, пока лишь механически-безсознательно пробивающею путь—дорогу для возможнаго царства въ будущемъ человѣчествѣ. Даже среди теоретиковъ о соціальной любви пока еще не слышно, хотя уже давно говорятъ о соціальной правдѣ, о соціальной справедливости. Между прочимъ объ этомъ въ нашей экономической литературѣ уже говорилось въ началѣ истекшаго столѣтія.

Н. Тургеневъ въ своемъ „Опытѣ исторіи налоговъ“, изд. въ 1818 г. въ предисловіи говоритъ о значеніи политической экономіи. „Она благотворна въ своихъ дѣйствіяхъ на нравственность политическую. Разсматривая систему меркантилистовъ, невольно привыкаемъ ненавидѣть всякое насиліе, самовольство, и въ особенности методы дѣлать людей счастливыми вопреки имъ самимъ. Проходя систему физіократовъ, онъ пріучается любить правоту, свободу, уважать классъ земледѣльцевъ. Наконецъ, занимающійся политическою экономіей, проходя систему, называемую Смитовою или критическою, научается вѣрить однимъ только изслѣдованіямъ и соображеніямъ разсудка, простому здравому смыслу, и всему, что естественно, не принужденно. Онъ и здѣсь увидитъ, что все благое основывается на свободѣ, а злое происходитъ отъ того, что нѣкоторые изъ людей, обманываясь въ своемъ предназначеніи, берутъ на себя дерзкую обязанность за другихъ смотрѣть, думать, за другихъ дѣйствовать и прилагать о нихъ самое мелочное и всегда тщетное попеченіе.

Онъ же писалъ: „Государство не должно созидать своего благоденствія на несправедливости“ [6]).

Политическая экономія, раскрывая значеніе законовъ соціэтарности для благосостоянія, тѣмъ самымъ содѣйствуетъ активному осуществленію послѣдняго.

По выраженію Кропоткина, политическая экономія должна „занять по отношенію къ человѣческимъ обществамъ такое же положеніе, какое занимала физіологія по отношенію къ животнымъ и растеніямъ. Физіологія растеній изучаетъ, какими приспособленіями пользуются растенія, чтобы достигнуть наиболь-

шихъ результатовъ (сохраненіе особи и вида) при наименьшей затратѣ энергіи.—Пол. экономія должна поставить себѣ цѣлію изученіе потребностей общества и разнообразныхъ средствъ, употребляемыхъ для ихъ удовлетворенія; разобрать насколько они цѣлесообразны, а за тѣмъ—такъ какъ конечная цѣль всякой науки ея практическое приложеніе къ жизни—заняться изысканіемъ средствъ удовлетворенія этихъ потребностей съ наименьшею безполезною затратою труда (съ наибольшею его экономіей) и съ наибольшею пользою для человѣчества“ [7]).

II.

Приведенное нами опредѣленіе политической экономіи представляетъ собою обобщеніе фактическихъ воззрѣній наиболѣе авторитетныхъ экономистовъ, словесно въ этомъ случаѣ чрезвычайно далеко расходящихся.

По справедливому замѣчанію Г. Маклеода, хотя во многихъ наукахъ опредѣленіе предмета—задача не легкая, „но ни въ одной наукѣ она не представляетъ столько трудностей, какъ въ политической экономіи; ни въ одной наукѣ извѣстные писатели не выражали такихъ разнообразныхъ и разносторонніхъ мнѣній на счетъ свойства и пространства избраннаго предмета; ни въ одной наукѣ они не расходились до такой степени на счетъ того, что должно быть включено въ ея область и не расходились такъ въ изложеніи“ [8]). Въ доказательство этого приводимъ сводъ важнѣйшихъ воззрѣній на предметъ экономической науки.

По ученію основателя политической экономіи, А. Смита, предметъ этой науки состоитъ въ изученіи природы и источниковъ народнаго и государственнаго богатства [9]).

Точнаго опредѣленія того, что такое богатство, А. Смитъ не даетъ, но изъ его изслѣдованій видно, что подъ богатствомъ онъ разумѣетъ совокупность вещественныхъ продуктовъ или результаты того труда, который овеществляется въ произведеніяхъ. Невещественный трудъ, по его воззрѣнію, не имѣетъ производительнаго значенія, вслѣдствіе чего продукты такого труда не могутъ считаться въ реестрѣ народнаго богатства. И такъ, по ученію Смита, политическая экономія ограничивается изученіемъ природы и источниковъ матеріальнаго багатства народовъ и государствъ.

Ближайшій изъ учениковъ А. Смита, Ж. Б. Сэ, называетъ политическую экономію наукой о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатствъ; но, въ противоположность ученію Смита, въ понятіе богатства онъ включаетъ и невещественную дѣятельность человѣка. Невещественныя богатства, говоритъ онъ, могутъ приносить такой же доходъ, какъ и богатства матеріальныя. Изъ двухъ лицъ, одинаково лишившихся имущества, тотъ, кто владѣетъ лучшими способностями, долженъ быть признанъ болѣе богатымъ, чѣмъ другой, невладѣющій такими способностями. Человѣкъ, на воспитаніе котораго затрачены извѣстныя издержки, можетъ быть разсматриваемъ какъ накопленный капиталъ, по-

тому что затраченныя такимъ образомъ издержки приносятъ доходъ, подобно всякому другому капиталу [10]).

Д. Рикардо не даетъ опредѣленія политической экономіи; но уже изъ даннаго имъ названія своей книгѣ: „Начала политической экономіи и налоги“ можно заключить, что изученіе источниковъ государственнаго богатства (теорія налоговъ), по его мнѣнію, не входитъ въ составъ политической экономіи.

Шторхъ дѣлаетъ попытку вполнѣ самостоятельнаго включенія въ сферу экономическихъ изслѣдованій законовъ невещественой дѣятельности. Политическая экономія, говоритъ онъ, имѣетъ своимъ предметомъ изученіе тѣхъ естественныхъ законовъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе человѣческаго рода. Она указываетъ, какимъ образомъ человѣкъ, живя въ обществѣ, можетъ удовлетворить свои потребности какъ физическія, такъ и нравственныя, какъ природныя, такъ и пріобрѣтенныя, указываетъ при какихъ условіяхъ развиваются богатство, искусство, образованіе, товарищества; однимъ словомъ наука эта изучаетъ тотъ естественный механизмъ, которымъ обусловливается цѣлесообразность человѣческой дѣятельности. Она раздѣляется на двѣ самостоятельныя части, на теорію народнаго богатства и теорію цивилизаціи. Богатствомъ Шторхъ называетъ совокупность матеріальныхъ имуществъ, составляющихъ собственность извѣстнаго народа, а цивилизаціей — совокупность имуществъ нематеріальныхъ [11]). Такимъ образомъ Шторхъ совершенно по инымъ основаніямъ, нежели Ж. Б. Сэ, включаетъ въ сферу политико-экономическихъ изслѣдованій невещественную дѣятельность. Сэ отождествляетъ эту дѣятельность съ вещественною, включаетъ ее въ сферу экономическихъ изслѣдованій единственно потому, что она приноситъ доходъ, подобно труду, направленному къ производству вещественныхъ продуктовъ. По Шторху, политическая экономія занимается изученіемъ законовъ народнаго благосостоянія, состоящаго въ удовлетвореніи всѣхъ законныхъ потребностей человѣка. Невещественная дѣятельность имѣетъ въ виду удовлетвореніе духовныхъ потребностей человѣка, безъ какого удовлетворенія человѣкъ не можетъ чувствовать себя счастливымъ, благосостояніе его невозможно. Невещественная дѣятельность, поэтому, и должна восходить въ кругъ изслѣдованій науки, изучающей законы народнаго благосостоянія. Но такъ какъ дѣятельность эта не тождественна съ вещественною,—то изученіе, ея должно составить особый отдѣлъ политической экономіи, названный теоріей цивилизаціи.

По взгляду Кэри, политическая экономія есть практическая часть соціальной науки. Соціальная наука занимается изученіемъ законовъ, регулирующихъ стремленіе людей къ развитію индивидуальности и ассоціаціи; политическая экономія изучаетъ средства согласованія этихъ стремленій такимъ образомъ, чтобы соціальные законы могли вполнѣ осуществиться въ дѣйствительности [12]).

Маклеодъ называетъ политическую экономію наукой обмѣна. Потребности являются двигателями производства. Когда продукты произведены, то распредѣленіе ихъ можетъ быть основано на двухъ противоположныхъ законахъ; или на законѣ, по которому никто не имѣетъ исключительнаго права собственности на произведенное имъ, при чемъ всѣ произведенія поступаютъ

въ общій капиталъ и затѣмъ распредѣляются сообразно установленнымъ для этого правиламъ; или на совершенно противоположномъ законѣ, на признаніи принципа собственности, по которому распредѣленіе произведеній совершается посредствомъ обмѣна, при чемъ количество, отдаваемое въ обмѣнъ, опредѣляется частнымъ соглашеніемъ договаривающихся сторонъ. Всѣ разнообразные планы распредѣленія произведеній, основанные на первомъ законѣ, извѣстны подъ общимъ названіемъ соціализма. Всѣ эти планы—печальное заблужденіе, неосуществимая мечта, которая всегда приводила и будетъ приводить къ неудачамъ. Человѣкъ имѣетъ ненарушимое право удерживать за собою продукты своей дѣятельности и обмѣнивать ихъ на чужія произведенія по своему усмотрѣнію. „Этими-то обмѣнами и различными размѣрами, въ которыхъ предметы обмѣниваются одни на другіе, наука политической экономіи и должна ограничиться. Предметъ чистой науки политической экономіи заключается въ томъ, чтобы изучить законы, опредѣляющіе отношенія обмѣниваемыхъ количествъ. Мѣновыя отношенія каждаго количества къ другому называются его цѣнностью. Такимъ образомъ, истинная задача науки политической экономіи заключается въ томъ, чтобы изучить законы, опредѣляющіе цѣнность количествъ“ [13]).

По Д. С. Миллю, политическая экономія есть наука о богатствѣ. „Экономисты, говоритъ онъ, поставляютъ цѣлію своей науки изслѣдованія о сущности богатства, законахъ его производства и распредѣленія. Прямо или косвенно, въ этотъ кругъ входитъ изложеніе всѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ хорошее или дурное состояніе человѣчества вообще или извѣстнаго человѣческаго общества по отношенію къ предмету всеобщаго желанія людей, богатству“. Богатствомъ Милль называетъ сумму необходимыхъ, полезныхъ и пріятныхъ вещей, имѣющихъ мѣновую цѣнность, то есть годныхъ къ обмѣну и продажѣ [14]).

По ученію Молинари, политическая экомономія занимается описаніемъ общественнаго организма, условій богатства или бѣдности населенія, факторовъ производства продуктовъ, необходимыхъ для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей, способовъ пріобрѣтенія этихъ продуктовъ отдѣльными членами общества и законами распредѣленія доходовъ между участниками въ производствѣ. Эта наука имѣетъ своимъ предметомъ изученіе всего общественнаго механизма, она есть ни что иное, какъ анатомія и физіологія общества [15]).

По Рошеру, политическая экономія занимается главнымъ образомъ, матеріальнымъ бытомъ народовъ: она есть наука о законахъ хозяйственныхъ явленій народной жизни. Такъ какъ хозяйственный бытъ находится въ тѣсной связи со всѣми сторонами народной жизни, то политическая экономія косвеннымъ образомъ касается и сторонъ, прямо неотносящихся къ хозяйственнымъ явленіямъ, но имѣющихъ на послѣднія жизненное вліяніе [16]).

По опредѣленію Коклена, политическая экономія имѣетъ своимъ предметомъ промышленность, но не техническую ея сторону, а общественныя отношенія, которымъ промышленность подчиняется въ своемъ развитіи [17]).

По ученію Бастіа, предметъ этой науки — взаимныя между людьми услуги, направленныя къ удовлетворенію потребностей [18]).

По мнѣнію Сисмонди, цѣль полит. экономіи заключается не въ увеличеніи богатства, а въ увеличеніи всеобщаго благоденствія. Государство должно быть защитникомъ слабыхъ противъ сильныхъ. Оно должно быть представителемъ общихъ и постоянныхъ интересовъ [19]).

По Е. Дюрингу, пол. экономія должна принадлежать къ области изслѣдованій политическаго и естественно-правового характера. Предметъ и цѣль ея покидаютъ, при новой точкѣ зрѣнія, область пошлой алчности къ накопленію и переходятъ въ такую сферу, гдѣ матеріальное существованіе отдѣльныхъ лицъ и народовъ является лишь средствомъ для цѣли, лишь пьедесталомъ для интересовъ, имѣющихъ въ виду высшія жизненныя побужденія. Пока хозяйственная теорія ограничивалась разсмотрѣніемъ механизма отыскиванія пищи, авторы лучшихъ сочиненій лишь отчасти, и то только въ болѣе благопріятномъ случаѣ, были въ состояніи личными свойствами своего духа нѣсколько освободить это ученіе отъ печати пошлости“ [20]).

Густавъ Шенбергъ такъ опредѣляетъ: „Полит. экономія занимается хозяйственною дѣятельностью людей, живущихъ въ политическихъ союзахъ. Хозяйственная дѣятельность это та, посредствомъ которой человѣкъ или народъ доставляетъ себѣ матеріальныя средства для удовлетворенія своихъ потребностей и добытыя средства обращаетъ на такое удовлетвореніе. Люди живутъ или какъ индивиды, или въ семьяхъ и въ политическихъ союзахъ общественномъ и государственномъ. Ихъ потребности бываютъ индивидуальныя, семейныя, общинныя и государственныя. Народное хозяйство есть удовлетвореніе этихъ разнообразныхъ потребностей народа, поскольку для этого необходимы матеріальныя средства, какъ продукты человѣческаго труда“ [21]).

„Въ конкретномъ своемъ проявленіи народное хозяйство является чрезвычайно сложной игрой взаимно-переплетающихся силъ; поэтому оно не только различно у разныхъ народовъ одной эпохи, но и у одного народа измѣняется во времени. Каждое народное хозяйство есть видъ общаго, каждое имѣетъ свою исторію. Но вездѣ въ этомъ круговоротѣ принимаютъ участіе всѣ члены народа, всегда онъ является общимъ продуктомъ всѣхъ и какъ всякая общая жизнь и дѣятельность, требуетъ себѣ въ упорядоченной государственной жизни особой правотой организаціи. У каждаго прогрессирующаго народа хозяйственный строй, при всемъ различіи его исторіи, становится все сложнѣе“ [22]).

Г. Шмоллеръ: Пол. экономія имѣетъ въ виду „хозяйственную сторону великихъ общественныхъ тѣлъ“, называемыхъ націями или народами [23]). „Народъ есть совокупность многихъ лицъ, объединенныхъ языкомъ и происхожденіемъ, нравами и представленіями о нравственномъ, а по большей части правомъ и церковью, исторіей и государственнымъ устройствомъ; лица эти между собою связаны узами въ тысячи и милліоны разъ болѣе тѣсными, чѣмъ съ другими народами“ [24]).

„Воздвигнутый внутри міра физической природы міръ хозяйственной культуры возникновеніемъ своимъ прежде всего обязанъ духовнымъ силамъ людей, котор. ближайшимъ образомъ проявляются въ видѣ чувствъ и влеченій, представленій и цѣлей, а болѣе отдаленно — въ видѣ дѣйствій и привычныхъ на-

правленій воли. Такъ какъ въ цѣломъ своемъ силы эти изслѣдуются и изображаются психологіей и этикой, то въ послѣднее время національную экономію нерѣдко называли психологической или иногда этической наукой“ [25]).

Согласно съ этимъ Г. Шмоллеръ относится отрицательно къ нѣмецкой экономической школѣ К. Маркса, который всю политическую и религіозную жизнь хочетъ вывести изъ формъ хозяйственнаго процесса производства, хочетъ напримѣръ объяснить экономическими условіями христіанство и реформацію. „Это—съ методологической точки зрѣнія врядъ ли стоитъ много выше заблужденій Бокля и его послѣдователей, которые думали, что изъ пищи, географической широты мѣстности и тому подобныхъ факторовъ могутъ быть выведены психическія свойства людей и ихъ общественное устройство“ [26]).

„*Проф. Илли* (Ely) признаетъ идеаломъ пол. экономіи „наиболѣе полное развитіе всѣхъ человѣческихъ способностей въ каждомъ индивидуумѣ, какое только можетъ быть достигнуто“. Конечно цѣлію ея стремленій является „такое производство и такое распредѣленіе хозяйственныхъ благъ, которыя въ наивысшей достижимой степени удовлетворяли бы цѣли и назначенію челов. существованія всѣхъ членовъ общества“ [27]).

Д. Кейнсъ: „Когда говорятъ, что производство хозяйственныхъ благъ есть одинъ изъ главныхъ отдѣловъ пол. экономіи, то при этомъ имѣютъ въ виду преимущественно то, что можно назвать общественными законами производства, т. е. различныя вліянія, оказываемыя на производство раздѣленіемъ труда, внѣшней торговлей, формами распредѣленій и т. д., а не тѣ физическіе и химическіе процессы, посредствомъ которыхъ осуществляется производство“ [28]).

Дежевонсъ: Пол. экономія есть механика полезности и эгоизма; она покоится на вычисленіи удовольствія и страданія; цѣль ея—увеличеніе счастья путемъ покупки удовольствія за наименьшую сумму страданія“ [29]).

Ш. Жидъ: „Пол. экономія имѣетъ предметомъ своимъ отношенія людей, живущихъ въ обществѣ, поскольку эти отношенія направлены къ удовлетворенію ихъ матеріальныхъ потребностей и къ развитію ихъ благосостоянія“.

Фр. Видаль, коммунистъ,—„это наука, которая учитъ какъ слѣдуетъ организовать производство согласно съ общей пользой и распредѣлить богатство согласно со справедливостью“.

Гильомъ де Гресфъ видитъ въ пол. экономіи часть соціологіи. Она „есть основная составная часть соціальной науки, какъ цѣлаго, соціологіи, имѣющая своимъ предметомъ изученіе и познаніе абстрактныхъ законовъ строенія и жизни общественныхъ органовъ питанія, а равно условій историческаго и практическаго осуществленія законовъ“ [30]).

„Общественность—это жизнь въ троякомъ отношеніи: индивидуумовъ между собою, индивидуумовъ къ соціальнымъ группамъ и однѣхъ соц. группъ къ другимъ, со включеніемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ окружающей физической среды, которая, впрочемъ есть составная часть соціальнаго организма“ [31]).

По замѣчанію Г. Джорджа, политическая экономія въ изложеніи лучшихъ учебниковъ можетъ быть уподоблена красивой статуѣ, лишь на половину высѣченной изъ мрамора, или пей-

зажу, часть котораго вырисовывается отчетливо и ясно, а все остальное покрыто туманомъ [32]).

По словамъ Фр. Энгельса, „выраженіе національное богатство — обязано своимъ возникновеніемъ наклонности либеральныхъ экономистовъ къ обобщеніямъ. Покуда существуетъ частная собственность, это выраженіе не имѣетъ никакого смысла. „Національное богатство англичанъ огромно, и все-таки англійскій народъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ народовъ въ мірѣ. Необходимо одно изъ двухъ: либо совершенно отказаться отъ этого выраженія, либо признать такія предпосылки, которыя могутъ дать этому выраженію смыслъ. Тоже можно сказать и о выраженіяхъ— національная, политическая или общественная экономія. При современныхъ условіяхъ наука должна была собственно носить названіе частной экономіи, потому что всѣ общественныя отношенія существуютъ исключительно ради частной собственности [33]).

Въ кругъ экономическихъ изслѣдованій онъ относитъ и умственную дѣятельность.

Капиталисту, говоритъ онъ, нѣтъ дѣла до того, черезъ кого дошли до него дары науки, „послужившія къ его преуспѣянію и преуспѣянію его производства. Этого онъ не принимаетъ въ разсчетъ, прогрессъ науки не входитъ въ его цифровыя выкладки. Но при разумномъ порядкѣ вещей и духовный элементъ будетъ присоединенъ къ элементамъ производства и найдетъ себѣ мѣсто въ политической экономіи на ряду съ издержками производства. И тогда будетъ пріятно узнать, на сколько культивированіе науки вознаграждается матеріально, пріятно будетъ сознавать, что одинъ какой-нибудь плодъ науки, вродѣ паровой машины Джемса Уатта, за первые 50 лѣтъ своего существованія принесъ міру гораздо больше, чѣмъ міръ съ самаго начала потратилъ на разработку научныхъ истинъ“ [34]).

Эмиль де Лавеле: „Политическую экономію можно опредѣлить, какъ науку, устанавливающую, какіе законы должны установлять люди для того, чтобы быть въ состояніи съ возможно меньшими усиліями обезпечить себѣ наибольшее количество полезныхъ предметовъ для удовлетворенія своихъ потребностей, распредѣляя ихъ сообразно со справедливостью и потребляя ихъ съ разсудкомъ“ [35]).

Онъ сравниваетъ съ медициной: „Врачъ долженъ знать человѣческій организмъ, опредѣлять его болѣзни, предписывать средства отъ нихъ такъ же, какъ гигіеническій порядокъ, сохраняющій здоровье. Совершенно такая же задача представляется экономисту относительно общества. Онъ долженъ основательно познать механизмъ общественнаго тѣла, указать законы и обычаи, вносящія въ него потрясенія, и изложить порядокъ, наиболѣе благопріятствующій созданію благосостоянія посредствомъ труда [36]).

Нельзя смѣшивать, говоритъ онъ, пол. экономію съ наукой о трудѣ. „Пол. экономія имѣетъ своимъ предметомъ совершенно другое: она изслѣдуетъ, каковы законы религіозные, моральные, политическіе, гражданскіе и торговые, которые наиболѣе благопріятствуютъ производительности труда. Но она не учитъ насъ какъ нужно обрабатывать землю, разрабатывать рудники или дѣлать хлѣбъ; а это, собственно, и есть наука о трудѣ.

Названіе эконом. законовъ естественными онъ считаетъ неосновательнымъ. Законы, коими занимается пол. экономія, издаются законодателемъ, это не законы природы. „На лонѣ природы царитъ сила: добыча принадлежитъ славнѣйшему. Въ нѣдрахъ общества царитъ справедливость: cuique suum".

Не меньшее разногласіе по вопросу о предметѣ политической экономіи существуетъ и въ нашей экономической литературѣ.

По ученію Т. Степанова, эта наука „разгадываетъ физическую жизнь государствъ, какъ политическихъ обществъ; каждый человѣкъ живетъ двоякою жизнью, физическою и нравственною. Человѣкъ, какъ простое животное, долженъ жить, пить, одѣваться, сберегать себя отъ холода. Отсюда развиваются тысячи физическихъ или животныхъ нуждъ, потому что пища, питье, одежда, жилища облекаются человѣкомъ въ разнообразные виды и всякій стремится удовлетворить этимъ нуждамъ по мѣрѣ своихъ силъ. Кромѣ этихъ потребностей нашей физической природы, находятся еще другія нужды, нравственныя, относящіяся до нашей нравственной природы. Эти нужды равно многочисленны. Что мы сказали о частномъ человѣкѣ, то же идетъ къ цѣлымъ обществамъ, состоящимъ изъ частныхъ людей, заключающимъ въ своемъ кругу всѣ ихъ нужды физическія и нравственныя. Мы можемъ представить себѣ общества, какъ индивидуальныя лица, имѣющія жизнь физическую и нравственную. Предметы первой извѣстны подъ именемъ богатства, предметы второй составляютъ образованность, понимаемую въ обширномъ смыслѣ. Какъ богатства въ обществѣ пріобрѣтаются — вотъ задача, рѣшаемая политическою экономіею [37]).

По опредѣленію И. Горлова, политическая экономія разсматриваетъ хозяйственныя условія народнаго благосостоянія, на сколько они заключаются въ нравственной природѣ человѣка и въ общественности [38]).

По опредѣленію Н. Бунге, „задача полит. экономіи состоитъ въ изученіи общественной стороны хозяйственныхъ явленій, и законовъ, которымъ подчинены эти явленія" [39]).

По опредѣленію М. Вольскаго, наука эта опредѣляетъ общіе законы общественнаго организма и стремится къ достиженію благосостоянія отдѣльныхъ лицъ и обществъ [40]).

По опредѣленію Э. Вредена, полит. экономія есть наука человѣческаго хозяйства [41]).

Проф. Иванюковъ такъ опредѣляетъ: „Дѣятельность человѣка и общества, направленная на пріобрѣтеніе и употребленіе матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія потребностей, называется хозяйственною дѣятельностью. Насколько эта дѣятельность зависитъ отъ знанія силъ природы, она составляетъ предметъ техническихъ наукъ. Насколько она опредѣляется качествами человѣческой природы и общественными отношеніями, изслѣдованіе ея составляетъ задачу науки, получившей названіе политической экономіи [41]).

А. И. Чупровъ: „Полит. экономія, въ отличіе отъ техническихъ наукъ, изучаетъ дѣйствія человѣка, направленныя къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей, съ точки зрѣнія доставляемыхъ ими выгодъ и вызываемыхъ пожертвованій [42]). Политическая экономія есть отрасль обществовѣденія, которая изуча-

етъ дѣятельность человѣческихъ обществъ, направленную на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣка, разсматривая эту дѣятельность съ точки зрѣнія свойственныхъ ей выгодъ и пожертвованій. Короче, пол. экономія есть общественная наука, изучающая хозяйственную дѣятельность народовъ, или еще короче: пол. экономія есть наука о народномъ хозяйствѣ [43]).

По опредѣленію Б. Чичерина, „Коренная задача экономической науки состоитъ въ изслѣдованіи законовъ, по которымъ дѣйствуетъ личный интересъ въ нормальномъ экономическомъ обществѣ, т. е. при свободномъ взаимодѣйствіи промышленныхъ силъ“ [44]).

Полит. экономія, говоритъ С. Булгаковъ, изучаетъ общественныя отношенія людей, возникающія между ними въ ихъ общественномъ трудѣ, совмѣстномъ производствѣ благъ. Признакъ этотъ является рѣшающимъ для предмета политической экономіи, выражаясь языкомъ Канта, онъ констатируетъ экономическое явленіе [45]).

По мнѣнію С. Булгакова, „исповѣдуя, что міръ во злѣ лежитъ, и что зло существуетъ прежде всего какъ явленіе духовное, съ которымъ необходимо вести неослабную борьбу, христіанская полит. экономія вноситъ въ оцѣнку экономическаго прогресса и связаннаго съ нимъ роста потребностей чисто аскетическій коррективъ, учитъ быть всегда на сторожѣ. Ростъ богатства и соотвѣтственно потребностей съ христіанской точки зрѣнія допустимъ и желателенъ какъ условіе духовнаго роста отдѣльной личности и всего человѣчества, но ни какъ источникъ низкихъ, хотя бы и утонченныхъ наслажденій, грубыхъ, хотя бы и культурныхъ страстей. Народное богатство можетъ быть путемъ свободы и рабства, потому нужно бояться его искушеній, и добровольная бѣдность, подвигъ св. Франциска Ассизскаго, останется навсегда для христіанства возвышеннымъ и манящимъ образцомъ личной побѣды надъ искушеніями богатства“ [46]).

Польскій писатель І. Мархлевскій такъ опредѣляетъ: Пол. экономія „имѣетъ цѣлію выяснить, какія отношенія складываются между людьми при стремленіи ихъ удовлетворить свои потребности въ матеріальныхъ средствахъ (а почему же не духовныхъ?), и въ какую зависимость другъ отъ друга становятся люди, благодаря этимъ стремленіямъ [47]). Купившій готовую рубаху можетъ съ гордостью сказать, что люди въ самыхъ разнообразныхъ уголкахъ свѣта работали для того, чтобы его одѣть. На фермѣ въ Соед.-Штатахъ былъ засѣянъ хлопокъ, китайцы или негры его собирали, американскіе рабочіе при помощи машинъ его очищали, упаковывали, отправляли на желѣзную дорогу къ гавани, пароходъ перевезъ въ Одессу. Отсюда въ Лодзь по желѣзной дорогѣ. Здѣсь пряжа дѣлается польск. раб. на машинахъ, приготовленныхъ въ Англіи. На эти машины пошла сталь изъ руды, добытой въ Испаніи или Швеціи; а также дерево привезенное изъ Австраліи. Ткачъ выткалъ матерію на станкѣ изъ Германіи и т. д. и т. д.

Изъ приведенныхъ опредѣленій видно, что вопросъ о предметѣ политической экономіи до настоящаго времени не можетъ считаться рѣшеннымъ точно и безспорно. Между тѣмъ истинная констатировка предмета науки имѣетъ жизненное значеніе; полит. экономія не заслуживала бы имени науки, если бы предметъ ея

изслѣдованій не могъ быть точно и безспорно указанъ. Опредѣленіе предмета имѣетъ такое же значеніе въ наукѣ, какъ сознаніе для индивидуума; человѣкъ перестаетъ быть разумнымъ существомъ, коль скоро лишается сознанія, наука не можетъ быть истинной наукой, коль-скоро остается неопредѣленнымъ, неизвѣстнымъ поле ея изслѣдованій. Всякая совокупность знаній, въ числѣ другихъ условій необходимыхъ для того, чтобы быть наукой, должна быть органическимъ цѣлымъ. Но органической цѣлости не можетъ быть тамъ, гдѣ приходится бродить ощупью, гдѣ не установилась почва. Органическая цѣлость науки предполагаетъ ея индивидуальность или самобытность въ семьѣ другихъ наукъ, но это не мыслимо, такъ сказать, безъ самосознанія науки, то-есть безъ точнаго опредѣленія ея предмета, сферы и предѣловъ ея изслѣдованій, подобно тому, какъ немыслима индивидуальность человѣка внѣ самосознанія.

Въ дѣйствительности относительно предмета своей науки экономисты фактически далеко не такъ расходятся, какъ это можно бы предполагать на основаніи предложенныхъ ими опредѣленій. Эта однородность фактическихъ воззрѣній ихъ и даетъ намъ возможность точно формулировать задачу политической экономіи.

Анализируя воззрѣнія экономистовъ о предметѣ политической экономіи, мы находимъ въ этихъ воззрѣніяхъ двѣ стороны, въ большей или меньшей степени общія всѣмъ имъ. Съ одной стороны нельзя не признать такою общею стороною этихъ воззрѣній то, что экономисты, предлагая самыя разнообразныя опредѣленія своей науки, въ то же время всѣ одинаково или почти одинаково исключаютъ изъ сферы своихъ изслѣдованій физическій и этическій элементы, сосредоточивая свое вниманіе на элементѣ общественномъ въ дѣятельности людей. А. Смитъ въ своемъ геніальномъ трудѣ о богатствѣ народовъ изучаетъ природу и источники богатства не съ технической и нравственно-юридической сторонъ, но исключительно со стороны общественной, изучаетъ общественныя свойства и условія благосостоянія. Онъ занимается изслѣдованіемъ общественныхъ условій успѣшности труда, говоритъ о раздѣленіи его, о распредѣленіи продуктовъ, о цѣнности, деньгахъ, заработной платѣ, капиталистической прибыли, рентѣ, накопленіи и употребленіи капиталовъ, о естественномъ и историческомъ развитіи благосостоянія народовъ, о системахъ меркантилистовъ и физіократовъ, о государственныхъ налогахъ и расходахъ. Уже одинъ этотъ перечень предмета изслѣдованій достаточно ясно указываетъ, что А. Смитъ въ своемъ изслѣдованіи занимается исключительно общественною стороною богатства народовъ. То же самое необходимо сказать и о всѣхъ другихъ экономистахъ. Никто изъ извѣстныхъ представителей политической экономіи не считаетъ дѣломъ экономиста изученіе ни техники, ни этики человѣческой дѣятельности и ея результатовъ, народнаго богатства. Всѣ экономисты, если не въ опредѣленіяхъ предмета своей науки, то непосредственно въ своихъ изслѣдованіяхъ обращаютъ вниманіе свое на общественный элементъ въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, исключительно этотъ элементъ считаютъ предметомъ политико-экономическаго изслѣдованія.

Съ другой стороны, занимаясь изученіемъ общественности въ человѣческой дѣятельности, экономисты большею частью односторонне ею занимаются, обращаютъ вниманіе на одну ея сторону, игнорируя другую. Экономисты большею частью занимаются мѣновыми сношеніями между людьми, изучаютъ законы борьбы и союзности въ тѣхъ явленіяхъ общественности, которыя имѣютъ своимъ источникомъ существованіе различій въ свойствахъ и стремленіяхъ людей. Это лучше всего можетъ быть доказано сравненіемъ такихъ, повидимому, противоположныхъ воззрѣній на предметъ политической экономіи, какъ воззрѣнія Маклеода и Кэри. По господствующему мнѣнію, одинъ изъ нихъ съужаетъ, между тѣмъ какъ другой, напротивъ того, расширяетъ предѣлы экономической науки. Какъ мы видѣли, свое опредѣленіе предмета политической экономіи Кэри ставитъ въ зависимость отъ опредѣленія соціальной науки; политическая экономія, по его ученію, составляетъ прикладную часть соціологіи; чѣмъ занимается въ теоріи соціологія, тѣмъ съ практическай точки зрѣнія занимается политическая экономія. Такимъ образомъ легко можетъ показаться, что Кэри расширяетъ предметъ политической экономіи, почти отождествляя сферу изслѣдованій этой науки съ сферой изслѣдованій соціальной науки вообще. На основаніи этого многіе и заключаютъ, что Кэри отождествляетъ политическую экономію съ соціальною наукою и такимъ образомъ вводитъ въ экономическую науку то, что должно бы входить въ сферу соціологіи. Совершенно наоборотъ относительно Маклеода: большинство ученыхъ вооружается противъ крайняго съуженія имъ сферы экономическихъ изслѣдованій.

Но противоположныя воззрѣнія Маклеода и Кэри имѣютъ много тождественнаго. Общество по опредѣленію Кэри, есть ничто иное какъ сумма соединеній, происходящихъ отъ существованія различій между людьми. Оно возникло тогда, когда къ Робинзону Крузо присоединился Пятница и когда между ними появился обмѣнъ мыслей и услугъ. Общество и сношеніе между людьми— это понятія тождественныя. Но сношеніе возможно лишь тогда, когда существуетъ различіе между людьми. Если бы Робинзонъ и Пятница имѣли одни и тѣ же способности, то общенія между ними не было бы подобно тому, какъ нѣтъ химическаго соединенія между двумя атомами кислорода или водорода. Химическое соединеніе возникаетъ лишь тогда, когда производится соприкосновеніе между разнородными элементами. То же самое и въ мірѣ человѣческомъ. Общество не существовало бы, если бы не было различій между людьми. Чѣмъ значительнѣе различія, тѣмъ сильнѣе стремленія къ сношеніямъ, тѣмъ сильнѣе развивается общественность. Между обществами, исключительно занимающимися земледѣліемъ, ассоціація едва замѣтна; но она въ высшей степени развита въ тѣхъ сторонахъ, въ которыхъ фермеръ, юристъ, торговецъ, плотникъ, кузнецъ, каменщикъ, мельникъ, прядильщикъ, ткачъ, архитекторъ, производитель машинъ и добыватель желѣза входятъ въ общесто, какъ составная его часть. Въ обществѣ, подобно тому, какъ и въ мірѣ неорганическомъ, стремленіе къ ассоціаціи увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ различій и уменьшается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ ихъ [48]). Очевидно, что, по ученію Кэри, общество есть мѣновая ассоціація.

Одинъ изъ послѣдователей Кэри прямо говоритъ, что общество есть ничто иное, какъ сумма обмѣновъ [49]). Такимъ образомъ соціальная наука Кэри въ сущности мало отличается отъ политической экономіи Маклеода, та и другая занимаются изученіемъ сношеній, происходящихъ отъ существованія различій, т. е. явленій и законовъ обмѣна услугъ [50]).

Епископъ Уатли, предложивъ назвать политическую экономію каталактикою, какъ наукою о мѣновыхъ сношеніяхъ, не сказалъ ничего новаго, онъ только ясно формулировалъ то, что de facto признавало большинство другихъ экономистовъ. Всякій вопросъ экономисты разсматривали сквозь призму обмѣна; на самое общество нѣкоторые изъ нихъ, какъ видимъ, смотрѣли какъ на сумму обмѣновъ. Они слабо замѣчаютъ или даже игнорируютъ другую сторону общественности, совершенно противоположную мѣновой, а именно ту сторону, которая имѣетъ своимъ прямымъ источникомъ не различія, но сходства между людьми. Сношенія между людьми происходятъ не только отъ существованія различій, но также отъ существованія сходствъ. Я имѣю хлѣбъ, но желаю пріобрѣсть строительный матеріалъ, другой человѣкъ имѣетъ строительный матеріалъ и желаетъ пріобрѣсть хлѣбъ, между нами происходитъ обмѣнъ, появляется мѣновое сношеніе, имѣющее своимъ источникомъ существованіе различій. Десять человѣкъ, работая вмѣстѣ, могутъ общими усиліями поднять извѣстную тяжесть, между тѣмъ какъ усилія каждаго изъ нихъ не принесутъ никакой пользы, если каждый изъ нихъ будетъ работать отдѣльно. Здѣсь мы видимъ фактъ сношенія, источникъ котораго заключается въ существованіи сходствъ въ средствахъ и цѣли. Элементъ сходства лежитъ въ основаніи — безконечнаго множества разнообразныхъ союзовъ, начиная союзами родственными, племенными, и кончая союзомъ, обнимающимъ собою всѣ другіе—государствомъ. Соединенію мелкихъ капиталовъ мы обязаны всѣми великими предпріятіями, которыми гордится настоящее время, между тѣмъ какъ тѣ же самые капиталы, взятые въ отдѣльности, не приносили бы обществу никакой пользы, или, если бы и приносили, то самую ничтожную. Промышленность въ большихъ размѣрахъ возможна не иначе, какъ при разнообразныхъ соединеніяхъ труда съ капиталомъ. Наконецъ, одно простое соединеніе труда многихъ людей образуетъ множество разнообразныхъ производительныхъ союзовъ, называемыхъ артелями, производительными товариществами и т. п. Игнорировать закономъ единенія сходствъ, утверждать, что общества есть сумма сношеній, происходящихъ отъ существованія различій, значитъ повторять ошибку Гегеля, отрицавшаго существованіе звѣзднаго міра.

Итакъ, представители экономической науки, не смотря на всѣ свои словесныя разногласія, въ опредѣленіи предмета ея сходятся между собою въ томъ, что ни физическій, ни этическій элементы дѣятельности не входятъ въ сферу политической экономіи, они въ своихъ изслѣдованіяхъ занимаются исключительно общественнымъ элементомъ дѣятельности.

Вполнѣ соглашаясь съ этимъ фактическимъ воззрѣніемъ, намъ въ то же время нельзя согласиться съ тѣми воззрѣніями, по которымъ общественность состоитъ лишь изъ мѣновыхъ сношеній, коими исключительно и должна заниматься политическая

экономія. Истинная задача послѣдней состоитъ въ полномъ и всестороннемъ изученіи законовъ общественности въ дѣятельности людей, въ изученіи законовъ сношеній, происходящихъ отъ существованій различій и сходствъ между людьми, какъ равно и отъ другихъ силъ.

Считая предметомъ политической экономіи законы общественности въ дѣятельности, необходимо признать, что эта наука не можетъ ограничивать своихъ предѣловъ однимъ матеріальнымъ трудомъ, подобно тому, какъ она не можетъ ограничиться изученіемъ одной стороны общественности, игнорируя другую. Для полнаго представленія законовъ явленій общественности въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, политическая экономія должна уяснить законы разнообразныхъ сношеній между людьми, возникающихъ по поводу удовлетворенія потребностей какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ. Исключать изъ сферы политико-экономическихъ изслѣдованій категорію дѣятельности, направленной къ удовлетворенію духовныхъ потребностей, также не основательно, какъ не основательно ограниченіе ея лишь одной стороной явленій общественности. Необходимо сказать, что и въ вопросѣ о включеніи въ область политической экономіи общественныхъ законовъ духовной дѣятельности фактически разногласіе также не далеко простирается. Дѣло въ томъ, что экономисты, требовавшіе исключенія духовной дѣятельности изъ политической экономіи, не могли обойти ее совершеннымъ молчаніемъ. Такъ, они говорятъ о цѣнности труда артистовъ, художниковъ, ученыхъ, говорятъ о различныхъ союзахъ, образующихся между людьми при удовлетвореніи духовныхъ потребностей. Не могли они обойти молчаніемъ эту дѣятельность потому, что законы общественности, въ своемъ основаніи, тождественны во всѣхъ видахъ человѣческой дѣятельности, таковы напр. законы цѣнности, законы возникновенія и развитія союзовъ, называемыхъ товариществами, учрежденіями, заведеніями и т. п.

Нѣтъ надобности поэтому въ раздѣленіи политической экономіи на тѣ два отдѣла, о которыхъ говоритъ Шторхъ. Эта наука не имѣетъ такого двойственнаго содержанія, по которому является то „теоріей богатства“, то „теоріей цивилизаціи“. Она представляетъ собою науку о законахъ развитія человѣческой цивилизаціи, такъ какъ въ развитіи общественности и состоитъ развитіе цивилизаціи, какъ матеріальной, такъ и духовной.

III.

Политическая экономія есть наука, изучающая законы общественности въ дѣятельности людей. Но возможно ли строго научное изученіе явленій общественности? Предметомъ науки, въ строгомъ смыслѣ этого слова, могутъ быть только всеобщіе и неизмѣнные законы, которымъ подчинены тѣ или иныя явленія, въ противоположность предмету искусства, или такъ называемыхъ прикладныхъ знаній, изучающихъ средства и условія достиженія извѣстныхъ результатовъ. Законы, констатируемые наукою, не зависятъ отъ воли людей, мы ихъ не можемъ измѣнять и уничто-

жать, между тѣмъ, какъ средства и условія достиженія опредѣленныхъ результатовъ, констатируемыя прикладными знаніями, вѣчно измѣняются [51]). Можно ли сказать, что явленія общественности заключаютъ въ себѣ всеобщіе и неизмѣнные законы, изученіе которыхъ было бы задачей политической экономіи? Не видимъ ли мы, что въ сферѣ общественныхъ явленій царствуетъ та сила, которая носитъ названіе свободной воли? Тамъ, гдѣ все зависитъ отъ воли, прихоти, каприза людей, можетъ ли существовать естественная законо-подчиненность?

Все, что по собственной свободной волѣ устроено человѣкомъ, можетъ быть также свободно разрушено имъ, измѣнено и пересозданно. Дѣло рукъ человѣка, общественные факты, должны состоять въ безусловной отъ него зависимости; по его волѣ могутъ быть измѣняемы, разрушаемы, организуемы.

Нѣкоторые и утверждаютъ это. Общежитіе, говорятъ намъ, есть дѣло рукъ человѣка, который по своему произволу можетъ такъ или иначе организовать общественные процессы, можетъ свободно распоряжаться ими, давать то или другое направленіе, то или другое устройство. Тѣ начала, которыя лежатъ въ основаніи организаціи современныхъ обществъ, могутъ быть по нашему произволу измѣняемы и уничтожаемы. Мало того; по ученію нѣкоторыхъ, эти начала и должны быть уничтожены, такъ какъ они приняты человѣчествомъ во времена варварскія, почему и не проникнуты духомъ разума. Это послѣднее воззрѣніе лежитъ въ основаніи всѣхъ системъ, носящихъ общее названіе соціализма. Если нѣтъ никакихъ естественныхъ законовъ, которымъ подчинялись бы общественныя явленія, то, очевидно, политическая экономія не можетъ быть наукой; она въ этомъ случаѣ была бы искусствомъ, какъ сборникомъ правилъ или рецептовъ для наилучшаго устройства отношеній между людьми. Всякій экономистъ былъ бы „организаторомъ“, вся дѣятельность его состояла бы въ составленіи проэктовъ для достиженія всеобщаго счастья. Составленіе этихъ проэктовъ и легко, и для многихъ, очень пріятно. Составленіе ихъ удовлетворяетъ самолюбіе тѣхъ честолюбивыхъ мечтателей, которымъ самоувѣренность позволяетъ казаться всеобщими преобразователями, создателями порядка тамъ, гдѣ порядокъ, по ихъ мнѣнію, не данъ самимъ Провидѣніемъ. Идея естественной законоподчиненности общественныхъ явленій еще не получила надлежащаго распространенія. Неудивительно, потому, что всеобщіе организаторы и преобразователи еще могутъ находить аудиторію и пользоваться въ ней авторитетомъ. Для людей же науки эти утописты представляются не только безъ всякаго авторитета, но даже сумасшедшими [52]). Въ дѣйствительности это не сумасшедшіе, но плохіе мыслители; это люди, не знакомые съ самыми обыденными пріемами научнаго изслѣдова-

нія общественныхъ явленій. По справедливому замѣчанію Руссо, необходимъ философскій умъ для надлежащаго изученія окружающихъ насъ на каждомъ шагу явленій. Точнѣе говоря, для этого изученія необходимы научные пріемы.

Утописты, отрицающіе естественную законоподчиненность общественныхъ явленій, совершенно были бы правы, если бы для научныхъ изслѣдованій можно было довольствоваться поверхностнымъ обозрѣніемъ окружающихъ насъ фактовъ. И въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли можно представить себѣ что-нибудь болѣе хаотическое, какъ то, что каждый изъ насъ видитъ при поверхностномъ обозрѣніи этихъ фактовъ. Здѣсь все кажется какимъ-то страннымъ хаосомъ, все, повидимому, зависитъ отъ слѣпого случая, отъ каприза тѣхъ или иныхъ дѣятелей, отъ свободной воли каждаго изъ насъ. О законоподчиненности въ средѣ этихъ фактовъ, повидимому, не можетъ быть и рѣчи. И наблюдатель, разсуждающій такимъ образомъ, безусловно правъ со своей точки зрѣнія. Наблюдая отрывочно окружающіе насъ общественные факты, никто изъ насъ не замѣтитъ естественной ихъ законоподчиненности. При такихъ условіяхъ идея законоподчиненности никогда не можетъ возникнуть, подобно тому, какъ при наблюденіи отраженія свѣта въ незначительныхъ капляхъ воды, по замѣчанію А. Кетле, невозможно дойти до пониманія явленія радуги, причемъ мысль о связи между явленіемъ и отраженіемъ свѣта не возникаетъ въ умѣ наблюдателя, если онъ не измѣнитъ условій наблюденія[53]). Законоподчиненность общественныхъ явленій можетъ быть открыта лишь тогда, когда мы возвысимся надъ обыденнымъ, узкимъ кругозоромъ и станемъ изучать факты въ ихъ цѣлостности, взявъ для наблюденія значительныя ихъ количества, достаточныя для возможно полнаго обнаруженія ихъ естественной связи и преемственности въ пространствѣ и времени. Въ статистикѣ этотъ методъ, состоящій въ выводѣ заключеній изъ значительнаго количества фактовъ, впервые былъ научно уясненъ пасторомъ П. Зюсьмильхомъ, высказавшимъ и фактически доказавшимъ знаменитое положеніе: „чѣмъ болѣе численность сравниваемыхъ количествъ, тѣмъ болѣе исчезаетъ безпорядокъ, замѣчаемый въ небольшихъ количествахъ фактовъ“[54]). На этомъ положеніи основана вся система общественной физики А. Кетле. Это же положеніе, односторонне развитое, привело нѣкоторыхъ мыслителей къ полному отождествленію явленій общественныхъ съ физическими, то есть къ полному отрицанію свободы воли въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Особенно рѣзко выражено послѣднее воззрѣніе у Бокля. Сторонники свободы воли, говоритъ онъ, обыкновенно ссылаются на то, что мы сознаемъ себя свободными. Но сознаніе не можетъ быть верховнымъ критеріемъ истины. Сознаніе не непогрѣшимо. Исторія представляетъ намъ множество предразсудковъ, а эти

продукты сознанія доказываютъ, что сознаніе можетъ ошибаться. Доказательства его ошибочности можно найти и въ обыденной жизни. Развѣ въ извѣстныхъ случаяхъ не сознаемъ мы существованія призраковъ и привидѣній, а между тѣмъ развѣ не всѣми признано, что они существовать не могутъ? Если бы кто попытался опровергнуть это разсужденіе, сказавъ, что такое сознаніе есть кажущееся, а не дѣйствительное, то я спросилъ бы: кто можетъ разсудить, когда сознаніе истинно и когда оно ложно? Если эта способность обманываетъ насъ въ одномъ, то чѣмъ мы обезпечены, что она не обманываетъ насъ въ другомъ? Если же нѣтъ обезпеченія, то на эту способность нельзя положиться. Нельзя, такимъ образомъ, признать себя свободнымъ только потому, что я сознаю себя таковымъ. Между тѣмъ факты убѣждаютъ въ томъ, что свободы нѣтъ. Изъ статистики преступленій оказывается, что, при неизмѣненіи условій, преступленія повторяются съ такимъ постоянствомъ, что можно предсказывать изъ года въ годъ количество лицъ, которыя должны сдѣлаться преступниками. Особенно эта законоподчиненность поразительна въ такомъ преступленіи, какъ самоубійство. Самоубійство есть дѣйствіе вполнѣ изолированное; свободное отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, оно болѣе, чѣмъ какое-либо другое преступленіе, кажется произведеніемъ чистой воли. Между тѣмъ оказывается, что оно есть продуктъ всего состоянія общества, что отдѣльный преступникъ приводитъ въ исполненіе то, что является необходимымъ слѣдствіемъ предшествующихъ обстоятельствъ. При данномъ состояніи общества извѣстное число лицъ должно непремѣнно наложить на себя руку. Вопросъ, кто будутъ эти частныя лица, лишающія себя жизни, зависитъ отъ частныхъ законовъ. Сила общаго закона такъ велика, что ни любовь къ жизни, ни страхъ наказанія въ иномъ мірѣ не могутъ ничего сдѣлать даже для стѣсненія его дѣйствій. Даже число браковъ, ежегодно совершающихся, опредѣляется не характерами и желаніями частныхъ лицъ, но общими законами, надъ которыми частныя лица не имѣютъ никакой власти. Это число находится въ постоянномъ и опредѣленномъ отношеніи къ цѣнамъ на хлѣбъ. Даже отсутствіе памяти отличается общимъ характеромъ необходимости и неизмѣннаго порядка. Парижскій и лондонскій почтамты обнародовали свои отчеты за нѣсколько лѣтъ о числѣ писемъ, на которомъ писавшіе забыли выставить адресъ, число этихъ писемъ, если взять въ соображеніе различіе обстоятельствъ, почти одно и то же ежегодно. Такимъ образомъ, почти одно и то же число лицъ забываютъ эту простую формальность, такъ что за каждый извѣстный періодъ можно заранѣе предсказать приблизительно, у скольких человѣкъ не достанетъ памяти въ этомъ пустомъ, и, повидимому, случайномъ дѣлѣ [55]).

Положительная наука отрицаетъ это безусловное подведеніе къ одному знаменателю явленій общественныхъ съ физическими. Признавая въ сферѣ общественныхъ явленій существованіе естественныхъ законовъ, эта наука въ то же время проводитъ мысль, что, изучивъ эти законы, мы можемъ руководить ими сообразно съ нашими цѣлями.

При однихъ и тѣхъ же условіяхъ статистическія данныя показываютъ намъ одинаковую смертность, одинаковое число людей умираетъ въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ при равномъ вѣтрѣ волны на берегахъ моря разбиваются въ равномъ числѣ. Но, изучивъ эти условія, мы можемъ измѣнять ихъ и, такимъ образомъ, вліять на законъ смертности. Человѣкъ, какъ членъ общества, говоритъ А. Кетле, подчиняется опредѣленнымъ общественнымъ законамъ; но благодаря своимъ умственнымъ дарованіямъ, онъ можетъ управлять общественными законами [56]). Знаніе даетъ человѣку истинную свободу. Общество представляетъ собою организмъ, имѣющій свои законы, осознаніе коихъ даетъ возможность руководить ими, давать имъ направленіе, соотвѣтствующее нашимъ цѣлямъ. Политическая экономія занимается изученіемъ законовъ, имѣющихъ этотъ, а не какой-либо другой характеръ.

Отличительная черта экономическихъ, т. е. общественныхъ законовъ въ дѣятельности людей, направленной къ удовлетворенію потребностей, состоитъ въ томъ, что эти законы развиваются и не имѣютъ, подобно законамъ физическимъ, фаталистическаго характера. Во всякомъ же развитіи необходимо отличать два элемента: внутренній и внѣшній. Вполнѣ вѣрна мысль, что развитіе есть ничто иное, какъ постепенное осуществленіе возможности, содержащейся уже въ зародышѣ развивающагося даннаго, но при этомъ необходимо не забывать, что такое или иное осуществленіе возможности въ развитіи обусловливается средой, въ которой происходитъ процессъ развитія. Безъ всякаго сомнѣнія, развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка есть ни что иное, какъ постепенное осуществленіе той возможности, которая содержится уже въ зародышѣ нашего я; но, тѣмъ не менѣе, на это осуществленіе такое большое вліяніе оказываетъ внѣшній элементъ, что развитіе многихъ людей представляется скорѣе всего воплощеніемъ въ личности совокупности условій, при которыхъ пришлось развиваться и жить этимъ людямъ.

Внутренній элементъ въ развитіи, очевидно, подъ вліяніемъ внѣшняго можетъ быть низводимъ до едва замѣтнаго минимума.

Это никогда не должно быть забываемо при политико-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Но обращая вниманіе на ростъ экономическихъ принциповъ, экономистъ очень легко можетъ принять временное и относительное за постоянное и безусловное,

очень легко можетъ впасть то въ оптимизмъ, то въ пессимизмъ, смотря по тому, какой періодъ развитія экономическихъ принциповъ ему придется наблюдать. Если бы на лунѣ были жители, говоритъ Рошеръ, и если-бы кто-нибудь изъ нихъ увидѣлъ нашего ребенка, то, не зная закона развитія, не принялъ ли бы онъ это дитя, хотя бы оно было вполнѣ прекрасное, за урода съ несоразмѣрно большою головою, никуда не пригодными руками, ногами и т. д. [57]). А между тѣмъ подобнаго рода сужденія встрѣчаются весьма часто между изслѣдователями общественныхъ явленій, забывающими необходимость исторической индукціи въ изслѣдованіяхъ этихъ явленій.

Съ другой стороны, не менѣе часто забывается также необходимость пользованія при такихъ изслѣдованіяхъ дедукціей, состоящей въ изолированіи изучаемаго явленія отъ его мѣстныхъ, временныхъ, частныхъ и случайныхъ осложненій. Экономическіе законы можно раздѣлить на двѣ категоріи, на законы родовые и видовые. Первые проистекаютъ изъ самой природы экономическихъ отношеній и представляютъ собою ту идею возможности въ развитіи, которая содержится въ самой природѣ развивающагося даннаго и которая въ дѣйствительности постепенно осуществляется. Въ своемъ осуществленіи родовой законъ дифференцируется подъ вліяніемъ законовъ видовыхъ, какъ условій мѣстныхъ, временныхъ и частныхъ. Для отысканія родового закона необходимо устранить его осложненія, изолировать изучаемое явленіе отъ вліянія на него видовыхъ законовъ. На этомъ основаніи дедукція политической экономіи должна быть выводима изъ среднихъ величинъ. Въ статистическихъ изслѣдованіяхъ методъ этотъ состоитъ въ наблюденіи надъ массами явленій и заключеній отъ среднихъ данныхъ, выводимыхъ посредствомъ суммированія изучаемыхъ явленій и дѣленія суммы на число ея составныхъ частей, причемъ частныя, временныя и мѣстныя условія сглаживаются и получается рядъ общихъ или родовыхъ условій, отъ которыхъ зависитъ общественная жизнь [58]).

Вообще говоря, подъ выводомъ среднихъ величинъ въ статистикѣ подразумѣвается методъ устраненія въ изучаемыхъ явленіяхъ условій частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ въ цѣляхъ открытія общаго или родового закона. Но суммированіе данныхъ и дѣленіе полученной суммы на число ея составныхъ частей представляетъ собою только одинъ изъ видовъ изолированія явленія отъ его осложненій видовыхъ, причемъ этотъ видъ метода не приложимъ къ цѣлой массѣ явленій, ускользающихъ отъ подведенія ихъ подъ числовой знаменатель. Кромѣ статистическаго существуетъ логическій выводъ среднихъ величинъ, на которыхъ также можетъ быть основана политико-экономическая дедукція. Сущность его состоитъ въ различеніи общественнаго хозяйства

отъ частнаго и въ выборѣ для наблюденій средняго времени и средняго мѣста, посредствомъ какихъ пріемовъ дѣйствительно устраняются отъ изучаемаго явленія его видовыя осложненія, какъ условія случайныя, частныя, временныя и мѣстныя [59]).

Благодаря несоблюденію этихъ особенностей методовъ изслѣдованія, до настоящаго времени въ политической экономіи идетъ споръ между пессимистическими и оптимистическими воззрѣніями. Нѣкоторые экономисты и всѣ „организаторы“ утверждаютъ, что современный строй экономическихъ отношеній несправедливъ, безусловно основанъ на животной борьбѣ взаимно противоположныхъ интересовъ, что человѣкъ въ отношеніи къ человѣку является волкомъ. Изъ послѣдователей этого экономическаго пессимизма одни проникнуты фатализмомъ, считаютъ существующее зло неизбѣжнымъ и необходимымъ; другіе требуютъ радикальнаго переустройства всѣхъ отношеній и составляютъ проэкты новыхъ организацій, о которыхъ мы выше говорили. Оптимисты, напротивъ того, утверждаютъ, что существующій строй безусловно разуменъ и справедливъ, что люди, предоставленные самимъ себѣ, безъ всякихъ теорій наилучшимъ образомъ устраиваютъ свой бытъ; всякое вмѣшательство въ этотъ бытъ было бы только нарушеніемъ человѣческой свободы, нарушеніемъ вполнѣ естественнаго порядка экономическихъ отношеній. Между сторонниками этихъ противоположныхъ направленій происходитъ ожесточенная борьба, весьма часто переходящая изъ кабинетной и идейной въ уличную и кровавую.

Выходъ изъ этихъ односторонностей указывается правильнымъ методомъ экономическихъ изслѣдованій.

Одинаково не научно, какъ возведеніе явленій въ принципъ такъ и отрицаніе ихъ законоподчиненности. Необходимо только не забывать, что общественная законоподчиненность не тождественна съ физическою. Въ самой природѣ экономическихъ отношеній лежитъ упорядочивающій ихъ принципъ, тѣ естественные законы, которымъ человѣкъ долженъ повиноваться.

Но эти законы въ своемъ развитіи видоизмѣняются средой, весьма часто подавляются ею, низводятся до едва замѣтнаго минимума. Задача истинной науки политической экономіи — осознать природу экономическихъ отношеній, осознать ту идею возможности въ развитіи, которая представляетъ собою постепенно осуществляющійся законъ, и посредствомъ такого осознанія способствовать болѣе полному его осуществленію, руководить экономическою дѣятельностью, какъ общественною, такъ и частною, насколько дѣятельность человѣка зависитъ отъ его сознанія. Истинная экономическая наука, указавъ на высокое значеніе принципа раздѣленія труда, въ то же время указываетъ и на темныя стороны, сопровождающія осуществленіе этого принципа въ дѣй-

ствительности. Изученіемъ сущности этого принципа и причинъ его темныхъ сторонъ она даетъ возможность направлять осуществленіе его такимъ образомъ, чтобы это осуществленіе не сопровождалось темными явленіями. Точно также, указывая на законы союзности интересовъ между людьми, политическая экономія указываетъ и на явленія борьбы взаимно противоположныхъ интересовъ, изучаетъ причины ея и естественныя условія ея уничтоженія. Политическая экономія, какъ наука, должна быть чужда и пессимистическихъ и оптимистичетких увлеченій; не возводя явленій въ законъ лишь на основаніи ихъ существованія, она въ то же время и не должна отрицать законоподчиненности только потому, что то или иное частное, временное или мѣстное явленіе противорѣчитъ существованію общаго закона. Такая система политической экономіи вполнѣ справедливо на своемъ знамени можетъ имѣть великія слова мыслителя: homo sum et nihil humani mihi alienum puto. Политическая экономія проводитъ мысль о разумной союзности всѣхъ общечеловѣческихъ интересовъ, о томъ, что отъ такого или иного состоянія этой союзности зависитъ уровень удовлетворенія потребностей.

Она освѣщаетъ уже существующее согласіе интересовъ и указываетъ на естественные законы развитія возможно полнаго ихъ согласія. Видя же свои интересы въ такой или иной мѣрѣ солидарными съ интересами другихъ, человѣкъ постепенно пріучается къ этой солидарности, такъ что для него, наконецъ, становится чѣмъ-то патологическимъ отдѣленіе индивидуальныхъ интересовъ отъ общественныхъ. Для такого человѣка становится вполнѣ понятнымъ положеніе: я человѣкъ и ничто человѣческое не чуждо мнѣ.

Вотъ та завѣтная идея въ развитіи человѣчества, осознаніе и осуществленіе которой въ жизни составляетъ основную задачу политической экономіи.

Законы политической экономіи получатъ возможно полное значеніе въ жизни только тогда, когда они будутъ осознаны обществомъ. До той же поры они дѣйствуютъ чисто механически, хотя въ то же время естественно развиваются и, какъ бы насильно, входятъ въ сознаніе людей. Но только вполнѣ осознанные обществомъ, они получатъ надлежащее значеніе. Въ этомъ отношеніи много правды въ кажущемся парадоксомъ положеніи Ж. Б. Сэ, что человѣкъ, напйсавшій популярное сочиненіе по политической экономіи, приноситъ несравненно большую пользу человѣчеству, чѣмъ написавшій вполнѣ ученое сочиненіе по этому предмету, но мало доступное за запорами ученыхъ терминовъ, хотя бы въ немъ были проводимы и новыя мысли.

Политическая экономія, доктрины которой имѣютъ такое жизненное значеніе, тѣмъ не менѣе остается наукою въ строгомъ

смыслѣ этого слова, исключая изъ своей сферы элементы искусства и ремесла. Она имѣетъ своимъ предметомъ изученіе постоянныхъ и неизмѣнныхъ законовъ общественности въ дѣятельности людей, предоставляя изученіе наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ и условій организаціи ея, сообразно съ вѣчно измѣняющимися обстоятельствами, такъ называемымъ прикладнымъ наукамъ. Каждая отдѣльная отрасль дѣятельности, основываясь на общихъ экономическихъ законахъ, для своей цѣлесообразности требуетъ отдѣльныхъ, лишь ей свойственныхъ средствъ и условій, постоянно измѣняющихся во времени и пространствѣ.

Дѣятельность людей, направленная къ удовлетворенію потребностей государственнаго организма, основываясь на общихъ экономическихъ законахъ, въ то же время должна быть сообразуема съ постоянно имѣющимися разнообразными элементами, наприм., съ положительными и обычными законами страны, уровнемъ развитія образованія, путей сообщенія, народнаго благосостоянія и т. п. Дѣятельность сельскаго хозяина, подчиненная общимъ экономическимъ законамъ, въ то же время безусловно подчинена измѣняющимся обстоятельствамъ мѣста и времени, вслѣдствіе чего не можетъ быть одинакова какъ въ различныхъ странахъ, такъ и въ различное время. Тѣ интенсивныя системы хозяйства, которыя приносятъ большой доходъ вблизи такихъ большихъ городовъ, какъ Лондонъ и Парижъ, въ мѣстностяхъ слабо населенныхъ не только не дали бы сельскому хозяину никакого дохода, но разорили бы его. Каждая отдѣльная отрасль человѣческой дѣятельности такимъ же образомъ, основываясь на постоянныхъ и неизмѣнныхъ законахъ, изучаемыхъ политическою экономіею, въ то же время подчиняется измѣняющимся условіямъ среды, вслѣдствіе чего средства и условія ея цѣлесообразности не могутъ быть всегда одинаковы. Изученіе наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ и условій успѣшности каждой отдѣльной отрасли дѣятельности составляетъ предметъ прикладныхъ частей политической экономіи, которыхъ можетъ быть столько же, сколько существуетъ такихъ отдѣльныхъ отраслей. Таковы, наприм., прикладныя науки политической экономіи: государственная экономія, которая также называется теоріей финансовъ, финансовымъ хозяйствомъ, сельско-хозяйственная экономія, коммерческая экономія, юридическая экономія или полицейское право и т. п.

IV.

Обыкновенно экономическіе законы изучаются отдѣльно въ сферахъ производства, распредѣленія и потребленія. Но, какъ увидимъ ниже, между этими сферами дѣятельности существуетъ такая органическая связь, что изолированіе ихъ даже въ инте-

ресахъ изученія въ высшей степени затруднительно. Каждый актъ производства есть въ то же время актъ потребленія, а то и другое немыслимо безъ распредѣленія. Естественнѣе и логичнѣе раздѣлить всю область экономическихъ изслѣдованій на слѣдующіе отдѣлы:

А) Прежде всего необходимо изучить основныя силы, дѣйствующія въ экономической сферѣ. Экономисты сюда обыкновенно относятъ ученіе о силахъ природы, о капиталѣ и трудѣ, помѣщая это ученіе въ отдѣлѣ о производствѣ, хотя всякому очевидно, что природа, трудъ и капиталъ имѣютъ значеніе не только въ производствѣ, но также въ распредѣленіи и потребленіи. Но сами же экономисты рано должны были обратить вниманіе и на другіе факторы экономической дѣятельности. Такъ, наприм., одни говорятъ о личномъ интересѣ, какъ основномъ двигателѣ экономической жизни, другіе о сочувствіи и нравственныхъ мотивахъ, третьи о государственномъ вліяніи, о значеніи обычая и т. п. Раздѣливъ экономическую сферу на категоріи производства, распредѣленія и потребленія, экономисты не нашли мѣста для ученія о политико-экономическихъ силахъ, относящихся ко всѣмъ явленіямъ, какъ производства, такъ и распредѣленія и потребленія. Поэтому ученіе о политико-экономическихъ силахъ въ дѣйствительности является однимъ изъ наименѣе изученныхъ отдѣловъ науки. Между тѣмъ ученіе о силахъ, управляющихъ явленіями, прежде всего есть ученіе о законахъ явленій. Не удивительно, что самая законоподчиненность въ политической экономіи представляется смутною и неопредѣленною.

Въ нашемъ курсѣ ученіе о политико-экономическихъ силахъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: а) законы сходства, различій и числа; б) законы эволюціи, конъюнкціи и прогресса; в) законы вліянія таланта (личности), правительства и общества; г) законы силъ, проявляющихся въ потребностяхъ, эмоціяхъ и идеяхъ; д) вліяніе стихій, искусства и труда.

Б) Изучивъ основные факторы, мы обращаемся къ изученію ихъ дѣятельности. Второй отдѣлъ политической экономіи, поэтому, состоитъ въ изученіи политико-экономической работы. Это своего рода физіологическая часть экономической науки.

В) Послѣдній отдѣлъ—экономическая біологія или теорія политико-экономической жизни. Этотъ отдѣлъ, не смотря на богатство отдѣльныхъ изслѣдованій, особенно историческихъ, наименѣе разработанъ въ наукѣ. Изслѣдователи какъ бы забыли, что мы работаемъ для того, чтобы жить, а не живемъ для того, чтобы работать. Сосредоточивъ все свое вниманіе на средствахъ къ жизни, изслѣдователи забыли о самой жизни. А между тѣмъ, если политико-экономическіе законы не праздная выдумка ученыхъ, они должны существовать въ жизни и политико-экономи-

ческой жизнь должна быть критеріемъ политико-экономической истины. Здѣсь намъ слѣдуетъ изучить тѣ состоянія соціальной жизни, въ коихъ наиболѣе рельефно выражается дѣйствіе работы политико-экономическихъ силъ. Сюда входятъ: а) бѣдность, роскошь и богатство: б) состояніе свободы, равенства и братства; в) пропріятатизмъ, соціализмъ и коммунизмъ; г) аристократизмъ, буржуазія и демократія; д) ростъ соціальной культуры, смерть ея и борьба съ паденіемъ и смертностью.

Самый перечень категорій явленій, изучаемыхъ политической экономіей, свидѣтельствуетъ о жизненномъ значеніи ея.

Къ сожалѣнію, врядъ ли есть другая наука, которая находилась бы въ такомъ эмбріональномъ состояніи, какъ политическая экономія.

Н. Чернышевскій признаетъ двѣ причины медленнаго развитія политической экономіи.

1) Многосложность и неудобораздѣлимая перепутанность фактовъ, которые анализировать она должна. Рѣшая свой вопросъ, астрономъ не запутанъ въ разсмотрѣніе другихъ вопросовъ. Они для него „посторонніе вопросы“. Не то въ политической экономіи. Здѣсь есть главные и второстепенные, но нѣтъ посторонніихъ вопросовъ: они связаны всѣ съ главнымъ. Между тѣмъ скорѣе можно дойти до точнаго рѣшенія, рѣшая одну задачу, нежели рѣшая въ одно время пять, десять, двадцать задачъ. Такъ, наприм., плата фабричн. рабочихъ зависитъ: 1) отъ запроса на фабричн. издѣлія, 2) отъ степени соперничества между фабриками, 3) отъ соперничества между рабочими, 4) отъ состоянія другихъ отраслей промышленной дѣятельности, 5) отъ привычекъ народа, 6) отъ трудности работы и т. д. При рѣшеніи вопроса о тяготѣніи берутся во вниманіе два фактора: 1) разстояніе и 2) массы тяготѣющихъ другъ къ другу тѣлъ. Понятно, почему законъ тяготѣнія легче установить, чѣмъ, наприм., вопросъ о благосостояніи рабочаго класса.

2) Въ полит. экономіи сильно дѣйствуютъ любовь и пристрастіе, благосклонность и недоброжелательство. Извѣстно, почему доктора не лечатъ близкихъ родныхъ. Сильное участіе, принимаемое докторомъ въ больномъ, мѣшаетъ свѣтлой проницательности взгляда его на положеніе больного: близкій человѣкъ старается не замѣчать худыхъ признаковъ. Всякій докторъ—плохой врачъ для милыхъ ему. Таково почти всегда положеніе политико-экономa, если онъ не бездушная писальная машина. Вопросъ идетъ объ участи людей: кто можетъ не сочувствовать, не желать благопріятнаго отвѣта? А существенное условіе для вѣрнаго рѣшенія научныхъ вопросовъ—безстрастіе и безпристрастіе къ тому, каковъ будетъ отвѣтъ. Изслѣдователь истины долженъ искать только истины, а не того, чтобы истина была такова, а

не инакова; онъ же долженъ содрогаться при мысли о томъ, что получится въ отвѣтъ. Математику все равно, положительное или отрицательное количество получится въ результатѣ. Политико-экономъ не можетъ не желать благопріятнаго отвѣта. Желаніе не можетъ не имѣть вліянія на выводъ. Куда хочется придти, туда тянетъ идти [60]).

Имѣя въ виду разнорѣчія политико-экономическихъ школъ, мы въ существѣ дѣла должны признать, что кромѣ методовъ индукціи и дедукціи существуетъ еще третій методъ, который долженъ быть названъ субдуктивнымъ, не признаваемымъ нашими психологами и логиками единственно потому, что ими мало обращалось вниманія на факты, на обыденную жизнь, на исторію.

Въ мнѣніяхъ людей всегда болѣе или менѣе отражается дѣйствительность. Мнѣніе—это зеркало, отражающее ту или другую сторону дѣйствительности. Разнообразіе мнѣній есть отраженіе дѣйствительности. Противорѣчивость ихъ есть реальная, вполнѣ жизненная противорѣчивость Нѣтъ дыма безъ огня, а тѣмъ болѣе нѣтъ воззрѣній безъ жизненныхъ основъ. Какъ бы ни былъ черенъ дымъ, какъ бы ни былъ красенъ онъ, какъ бы ни былъ онъ бѣлъ или сѣръ—все это не пустыя фантазіи, а продуктъ горючаго матеріала и обстановки или условій, при которыхъ производится горѣніе. Каково бы ни было мнѣніе, оно продуктъ мыслительныхъ способностей, логическими орудіями обрабатывающихъ или воспроизводящихъ дѣйствительность.

Самыя орудія далеко не одинаковы. Сотня фотографическихъ клише, снятыхъ съ одного и того же лица, даютъ болѣе сотни оттѣнковъ его, часто исключающихъ другъ друга.

Поэтому мнѣнія о любомъ предметѣ представляютъ богатый матеріалъ для изученія разныхъ сторонъ его. И любой экономическій вопросъ требуетъ именно такого историческаго изученія мнѣній. Въ особенности важно прослѣдить тѣ условія, благодаря которымъ создавались тѣ или иныя теоріи. Зная это, изслѣдователь имѣетъ возможность избѣжать ошибки, въ которую впали его предшественники. Поэтому-то эмпиризмъ первобытнѣе науки.

По словамъ Эспинаса, грубо заблуждаются, полагая, что силлогизмъ есть единственная форма заключеній и выводовъ. „Свѣтъ истины приходитъ къ намъ не только путемъ многочисленныхъ отраженій отъ длиннаго ряда соотвѣтственно-установленныхъ зеркалъ, онъ озаряетъ умъ и внезапно при каждомъ изъ его актовъ и всякій разъ посредствомъ новаго начала. Можно ли допустить, чтобы рычагъ, дротикъ, искусство варить, жарить, раскалывать кости, рѣзать мясо посредствомъ острыхъ камней, словомъ, чтобы вся эта масса первобытныхъ и самыхъ существенныхъ изобрѣтеній были плодомъ разсужденій, основанныхъ на общихъ идеяхъ? Садоводство предшествовало ботаникѣ и самъ

Дарвинъ заимствовалъ свою идею о подборѣ отъ скотоводовъ, а не они отъ него. Практика вездѣ предшествовала теоріи [31]).

Эмпиризмъ, факты, окружающая жизнь создаютъ *настроеніе*, подъ которое и подводятся наблюдателемъ опредѣленныя явленія. А это и есть тотъ третій методъ мышленія, который обыкновенно игнорируется, но господство котораго врядъ ли когда-либо прекратится, особенно въ области изученія наиболѣе близкихъ къ намъ явленій. Субдукціи безсознательно подчинены индукція и дедукція.

Въ основаніи дедукціи лежатъ положенія, являющіяся лишь продуктомъ даннаго историческаго состоянія. Такъ, ученые охотно объясняютъ, наприм., происхожденіе государства теоріей Гоббеза, т. е. насильственнымъ сплоченіемъ, безъ котораго люди съѣли бы другъ друга. Точно также и всякіе союзы мы охотнѣе объясняемъ какъ шайки для нападенія или для отраженія враговъ. Такъ какъ въ индивидуалистическихъ тенденціяхъ современнаго индивидуалистическаго общества мотивы эгоизма и насилія наиболѣе понятны, то этимъ намъ лично наиболѣе понятнымъ мы и объясняемъ непонятное. Всегда по извѣстнымъ даннымъ судятъ о неизвѣстномъ. Поэтому и современный человѣкъ судитъ о давно происшедшемъ съ точки зрѣнія своего цензоріума, въ которомъ преобладаетъ эгоизмъ и наклонность къ насилію. Собственно въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ выводомъ или обобщеніемъ, но съ *наведеніемъ*, т. е. третьимъ методомъ мышленія, совершенно игнорируемымъ логиками и психологами, не смотря на то, что въ жизни и въ наукѣ именно этому методу принадлежитъ преобладающее значеніе. Мы наводимъ свои личныя эмоціи и тенденціи на факты, хотя кажется, что мы выводимъ дѣйствительность изъ аксіомическихъ положеній. Безсознательная недобросовѣстность здѣсь лишь маскируется ученою безпристрастностью.

Несомнѣнно, для человѣка съ понятіями строго родового или общиннаго быта, въ которомъ личность сливается съ цѣлымъ, наши теоріи показались бы теоріями каннибала, какъ бы сознательно задавшагося цѣлію найти научное оправданіе своего каннибализма. Онъ наводилъ бы на отношенія между людьми свои эмоціи родства и общинности, видѣлъ бы въ эгоизмѣ наитіе злого духа, элементъ противообщественный. И наши классическія доктрины политической экономіи онъ назвалъ бы разрушительными, анархическими и противоестественными.

На сѣромъ не бросается въ глаза сѣрое, на бѣломъ не замѣчается бѣлое. Этимъ и пользуются животныя въ борьбѣ за существованіе, приспособляясь къ средѣ, въ которой они живутъ. Не мало насѣкомыхъ такъ похожи на кору дерева, на которомъ

они проводятъ жизнь, что острый глазъ не отличитъ ихъ отъ коры.

Эта азбучная истина въ жизни имѣетъ громаднѣйшее значеніе. Мы обыкновенно совсѣмъ не замѣчаемъ того, что обыденно для насъ. Наше вниманіе сосредоточивается всегда на рѣзкихъ отличіяхъ; наприм., черное пятно на бѣломъ не остается незамѣченнымъ, если это явленіе рѣдко попадается въ глаза. Но если намъ ежедневно приходится видѣть черныя пятна на бѣломъ фонѣ, то глазъ до того привыкаетъ къ этому, что мы также не останавливаемъ своего вниманія на немъ, какъ и на сѣромъ среди сѣраго. Появились модныя шляпы у женщинъ въ видѣ банныхъ кадокъ. Первыя модницы обращали на себя общее вниманіе; всѣ съ ужасомъ говорили объ уродливой модѣ, превращающей въ уродовъ даже красивыхъ женщинъ. Но прошло время, банныя кадушки оказались на головахъ у всѣхъ дамъ и новая мода до того приглазѣлась, что безобразія шляпъ никто не замѣчалъ и даже многимъ уродливыя кадки стали казаться неотъемлемою частью жизненной красоты. Дамскія узкія платья, такъ безобразящія походку, сперва приводили въ удивленіе, а потомъ всѣ привыкли.

И нѣтъ ничего такого, къ чему человѣкъ не привыкъ бы. Даже тюрьма въ первые дни для заключеннаго представляется мрачною могилой, а проходитъ время и арестантъ не замѣчаетъ того, что онъ въ тюрьмѣ, а не на свободѣ. Появляется и сознательное стремленіе къ выработкѣ привычнаго порядка. Такъ, китаянки сознательно уродуютъ свою ногу, чтобы получилась общая для всѣхъ не годная нога. Такъ всякая женщина переноситъ стѣсненія и даже мученія, пока не привыкнетъ къ корсету. Турчанка не чувствуетъ униженія и страданій отъ своего затворничества, предписываемаго кораномъ. Мало того; свободно ходящія женщины ей кажутся какой-то низшей породой, недостойной называться женщинами.

На міру и смерть красна, выражаетъ этотъ фактъ народная философія. И въ ней глубочайшая истина, далеко еще не осознанная учеными. Нѣсколько приблизился къ этой истинѣ философъ Тардъ своимъ ученіемъ о подражаніи. Но суть въ этомъ случаѣ не въ подражаніи, а въ общихъ дѣйствіяхъ, въ подчиненіи цѣлому частей, въ созидающемъ началѣ ассимиляціи, закона уподобленія или осходствленія. Подобное подобнымъ же творится, превращая въ себя и неподобное. А насколько велика сила смерти на міру, видно изъ эпидеміи самоубійствъ, поражающей не слабыхъ и обреченныхъ, но наиболѣе жизнеспособныхъ, т. е. наиболѣе воспріимчивыхъ и отзывчихъ и поэтому поражающей не дѣтей и стариковъ, но юношей и юницъ, во цвѣтѣ лѣтъ, въ расцвѣтѣ надеждъ и здоровья. Таковы же всѣ моральныя и психическія

заболѣванія народныхъ массъ, наприм., во время крестовыхъ походовъ или во время преслѣдованій нашихъ старовѣровъ, когда происходило массовое самосожиганіе искренно вѣрующихъ. Пораженные коллективирующей силой сходствъ, индивидуумы не видятъ и не могутъ видѣть никакихъ доводовъ, не поддаются никакимъ убѣжденіямъ, отрицаютъ самую очевидность. Это въ буквальномъ смыслѣ слова—ослѣпленные, попавшіе во тьму и объятые тьмой со всѣхъ сторонъ. Когда тьма продолжается вѣка и тысячелѣтія, зрѣніе атрофируется и сколько угодно освѣщайте среду, слѣпой уже не видитъ свѣта, не знаетъ его. Скажите китайцу, что нога его жены уродлива, отвратительна, что уродованіе ногъ есть идіотство—и онъ съ ужасомъ отвернется отъ васъ, какъ отъ дикаря. Скажите еврею, что сущность еврейской религіи не въ обрѣзаніи, и онъ лишь пожалѣетъ васъ, какъ не способнаго понять величіе обряда. Убѣждайте сколько угодно штундиста, что церковь не враждебна совѣсти, а культивируетъ ее, что власти необходимы, что отраженіе враговъ требуется закономъ природы, и никакихъ доводовъ онъ не можетъ признать, но будетъ искренно возмущаться всѣми попытками внести свѣтъ логики въ его мышленіе, вызванное чувствами. Только всемогущество естественной эмоціи своими разсчитанными на вѣка средствами можетъ возвратить человѣку его разумъ.

Какъ-то Прудонъ говорилъ, что если-бы кому-либо была выгода въ спорности математическихъ истинъ, то ихъ и не было бы. Маколей не менѣе основательно замѣтилъ, что если бы этого потребовали интересы политическихъ партій, то и геометрическія аксіомы оказались бы вовсе не аксіомами.

Вотъ почему справедливо указываютъ, что нѣкоторыя науки носятъ чисто классовый характеръ. Отсюда и названіе классической политической экономіи буржуазной наукой, т. е. наукой, выражающей собою лишь интересы мѣщанства и отождествляющей ихъ интересы съ истинами науки.

Вотъ почему также справедливо, наприм., соціалъ-демократы говорятъ о необходимости новой пролетарской политической экономіи и, подобно буржуазнымъ экономистамъ, они отождествляютъ интересы пролетаріевъ съ истинами науки.

Все это справедливо, ибо человѣкъ есть человѣкъ и ему легко смѣшивать, даже безсознательно, интересъ съ истиной, благо съ правдой, пользу со справедливостью. Также совершенно правъ и разбойникъ, молящійся Богу о помощи передъ походомъ на разбой.

Все это—errare humanum est. И нужно много силы и благодати, чтобы человѣкъ сталъ выше звѣря, чтобы онъ могъ освободиться отъ стихійныхъ силъ, влекущихъ его, подчиняющихъ себѣ его умъ и сердце.

У современнаго человѣчества появилось еще новое чудище, еще болѣе могучее и еще сильнѣе подчиняющее себѣ человѣка.

Это чудище носитъ названіе—настроенія.

Это вѣтеръ, со всѣхъ сторонъ охватывающій личность и заставляющій ее кружиться по своей волѣ съ виду, и въ дѣйствительности по волѣ этого вѣтра.

Польза—факторъ сознательный. Настроеніе—факторъ, поражающій сознаніе.

Іезуиты прекрасно это понимали, поставивъ задачей своей воспитательной системы—Perinde ae cadaver.. Они превращали питомца въ живой трупъ, лишенный своей воли, своего я. Теперь достигаютъ такого совершенства гипнотизеры, но не съ каждымъ, а лишь съ подходящими субъектами. Іезуиты систематическимъ вліяніемъ у всякаго вытравливали его я и ставили на освободившееся мѣсто ими создаваемую душу. Это были вампиры-созидатели. Теперь ихъ работу дѣлаетъ настроеніе. Подъ вліяніемъ опредѣленныхъ событій въ обществѣ появляется реалистическое направленіе, какъ реакція безплодной метафизикѣ. Въ другое время подъ вліяніемъ господства грубаго матеріализма возникаетъ стремленіе къ идеализму. У насъ подъ вліяніемъ тяжелыхъ пораженій возникло отчаяніе, перешедшее въ бунтъ даже въ Москвѣ, центрѣ патріотизма. Послѣ севастопольской катастрофы возникло направленіе всѣхъ мыслей къ подъему путемъ свободы и образованія. Все это—настроенія времени, завладѣвающія массами. Отдѣльная личность подчиняется имъ и творитъ волю духа времени, а не свою волю.

Если личность, служащая концентраціей этого настроенія, по своей ли нервной впечатлительности, по личной или наслѣдственной жизни, создаетъ доктрину, отвѣчающую настроенію, ея ученіе принимается какъ откровеніе. Таково было въ свое время ученіе Р. Овэна, Фурье, Прудона. Таково же ученіе К. Маркса, все сотканное изъ настроеній, совершенно чуждое наукѣ, но тѣмъ не менѣе принятое массами за научное откровеніе. Достаточно сказать, что было время, когда возражать противъ новоявленнаго идола было физически опасно: возражателя если не оплевывали печатно, то готовы были избивать камнями.

Въ видѣ ли настроенія, въ видѣ ли выгоды, пользы, то, что болѣе или менѣе смутно чувствуется всѣми, болѣе чуткими и болѣе талантливыми точно *формулируется*. Такая формулировка отвѣчаетъ назрѣвшей потребности осознанія или сознательнаго отношенія къ извѣстнымъ явленіямъ. Она находитъ согласный откликъ и имѣетъ значеніе высокаго открытія, поражающаго всѣхъ и воспринимаего всѣми. Такъ, если вы имѣете два фортепьяно, одинаково настроенныхъ, то ударъ по клавишу одного вызываетъ соотвѣтственный отзвукъ въ другомъ, такомъ же. Вотъ

простой примѣръ подобныхъ прорицаній. Въ книгѣ премудрости Іисуса сына Сирахова, наприм., читаемъ: „Всякому человѣку не открывай сердца твоего, да не воздастъ тебѣ ложной благодати“ [61]). Такого рода изреченіями наполнены также книги премудростей Соломона и вообще древнихъ мудрецовъ. Мудрецъ точно формулируетъ то, что смутно сознавалось или чувствовалось. И поэтому онъ признается мудрецомъ. И поэтому же никакихъ доводовъ для него не требуется. Каждое изреченіе, какъ соотвѣтствующее условіямъ жизни и ея психикѣ, воспринимается всѣми, какъ воспринимаются аксіомы. Наболѣло у людей сердце отъ злоупотребленій ближнихъ откровенностью, каждый мучился тѣмъ, что былъ излишне откровененъ. И, понятно, онъ вполнѣ раздѣляетъ совѣты не раскрывать своего сердца, быть себѣ на умѣ, держать камень за пазухой при бесѣдѣ со своимъ ближнимъ. Такой хорошій совѣтъ не требуетъ логическихъ доводовъ. Онъ подсказываетъ нашему сознанію то, что нами чувствуется. И поэтому онъ охотно принимается нами и къ свѣдѣнію и къ руководству.

Примѣръ изъ притчей Соломона: лучше жить въ пустынѣ, нежели съ женою сварливою, многорѣчивою и гнѣвливою [62]). Почему пустыня лучше сварливой жены, этого не требовалось доказывать: передъ нами лишь формулировка чувства всѣхъ мужей времени Соломона.

Если иногда и прибѣгаютъ прорицатели къ доказательствамъ, то лишь въ формѣ сравненій одного прорицанія же, но болѣе извѣстнаго, съ другимъ, менѣе установившимся въ сознаніи, но которое желаютъ сдѣлать такимъ же общепріятнымъ.

Вотъ примѣръ изъ тѣхъ же мудрыхъ прорицаній премудраго Соломона. Кто станетъ вязать огонь одеждой и не сожжетъ ее? Кто будетъ ходить на раскаленныхъ угляхъ и не сожжетъ ногъ? Такъ вошедшій къ чужой женѣ или прикоснувшійся къ ней не останется безъ вины [63]).

Въ свое время и въ извѣстной средѣ подобныя формулировки производятъ сильнѣйшее впечатлѣніе.

И не даромъ прорицателей народъ называлъ мудрецами и премудрыми. Теперь это истины изъ прописей. Но и прописныя истины дѣйствуютъ въ предназначенной имъ средѣ и также представляются великими открытіями для дѣтской души, въ которой смутно бродятъ представленія и понятія.

Можно думать, что въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ въ видѣ воспринимающаго фактора и законъ наслѣдственности. Нѣкогда „премудрыя“ прорицанія, нынѣ прописныя правила и истины также въ потенціальномъ видѣ передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ передаются и всѣ культурныя потенціи, хотя бы въ видѣ неясныхъ предположеній. Если на этой почвѣ сѣется

прописная истина, она воспринимается какъ нѣчто родное, близкое, кровное.

По всей вѣроятности вѣрно и обратное. Въ народѣ, не знающемъ кастовыхъ отличій, легче возникаетъ идея о равенствѣ людей, чѣмъ въ кастовой средѣ. Первому она легко покажется истиной, между тѣмъ въ средѣ наслѣдственно-кастовой не только не будетъ воспринята, но покажется зловредной идеей, угрожающей нарушить общественную тишину и спокойствіе. Такъ въ народѣ, не возвысившемся надъ племеннымъ бытомъ, и теперь совершенно не понятна идея человѣка, и ближнимъ признается лишь единоплеменникъ.

Много насмѣшекъ вызываетъ преподаваніе правилъ морали въ элементарныхъ школахъ. Объяснить ихъ можемъ только невѣжествомъ. Мы не можемъ игнорировать законовъ потенціи и воспріимчивости. Правильно формулированныя положенія морали какъ бы воскрешаютъ въ душѣ ребенка идеи морали, находящіяся въ скрытомъ состояніи. Учитель помогаетъ раскрыться элементамъ совѣсти, какъ садовникъ облегчаетъ раскрыться цвѣтку или птицеводъ помогаетъ работѣ птенца, заключеннаго въ яйцѣ, разбить скорлупу. Сколько погибаетъ слабыхъ клювомъ, не имѣвшихъ силъ разбить эту скорлупу и потенціи превратить въ жизнь!

И не дѣти одни нуждаются въ помощи извнѣ, чтобы прояснить неясное, чтобы разбить твердую скорлупу духовной тьмы. Общество нуждается въ геніяхъ, способныхъ освѣщать пути жизни, указывать на опасности, предостерегать отъ ложныхъ путей. Таковы были пророки въ древнемъ мірѣ. Таковы публицисты, художники и ученые въ новое время.

Но имѣя громадное значеніе въ развитіи человѣческаго сознанія, тотъ же прорицательный методъ имѣетъ и не меньшее значеніе въ исторіи человѣческихъ заблужденій.

Сущность его заключается въ *субдукціи*, въ подведеніи не яснаго, темнаго, мало опредѣленнаго къ ясному, свѣтлому и опредѣленному. Субдукція есть олицетвореніе или индивидуализація духа, носящагося въ хаосѣ народной жизни. Наиболѣе чуткая личность воплощаетъ въ себѣ этотъ духъ и одухотворенное слово становится общею мыслью. Прекрасно слово: публицистъ. Оно ясно выражаетъ сущность дѣла. Публицистъ тотъ, кто имѣетъ силу вліять на массы, на публику. По-русски массовой человѣкъ, личность, проникнутая массовой душой. Онъ имѣетъ даръ прозрѣнія, а поэтому и прорицанія. Онъ ясно видитъ то, что еще скрыто въ туманѣ для всѣхъ, но что ощущается не ясно, туманно сознается ими. Онъ открываетъ завѣсу и всѣ поражаются „великимъ открытіемъ“.

Къ сожалѣнію, есть и другая сторона въ прозрѣніи. Попросту она называется навожденіемъ, навязчивой идеей, маніей

мышленія. Обыкновенно навожденіемъ поражаются не сильные, а наиболѣе слабые умы, не способные критически относиться къ готовымъ идеямъ, созданнымъ другими. Навожденный такой идеей умъ смотритъ сквозь данные ему очки и ничего другого не можетъ видѣть. Все подводитъ только подъ свою маніакальную идею и отъ души возмущается тѣмъ, что другіе люди не видятъ вѣдьмъ и чертей, такъ ясно, такъ отчетливо прозрѣваемыхъ имъ. Замѣчательно, что маніаковъ добра обыкновенно не бываетъ, но все злое, требующее крови, хотя бы во имя спасенія на томъ свѣтѣ или здѣсь же, т. е. ради небеснаго или земного рая, находитъ массу несчастныхъ и часто проявляется въ видѣ моральныхъ эпидемій.

Оригинальнѣйшій примѣръ ученаго маніакизма представляетъ собою книга А. Богданова и И. Степанова: Курсъ политической экономіи (1911 года). Вся книга прозрѣваетъ въ исторіи человѣчества одно: всѣ идеи коренятся въ желудкѣ, т. е. въ отношеніяхъ производства. Даже безсмертіе души наши маніаки объясняютъ „трудовымъ процессомъ“, т. е. запросами желудка. Отецъ организуетъ „трудовой процессъ“; когда онъ умираетъ, то замѣняется другимъ, но „непосредственная, такъ сказать, его организаторская функція реально не прекращается. Завѣты предковъ, повеленія предковъ въ видѣ жизненныхъ правилъ остаются обязательными для потомковъ и строго исполняются ими. Исполнять чье-либо повелѣніе, это, для конкретнаго мышленія тѣхъ временъ, значитъ подчиняться ему, какъ реальному существу, все равно живъ онъ или умеръ. Поэтически-образное выраженіе этого факта въ народномъ сознаніи образуетъ идею безсмертія души“ [63]). Тѣ же авторы приводятъ въ своей книгѣ не мало фактовъ, безспорно говорящихъ о томъ, что не отношенія производства создавали идеологію, но наоборотъ идеологія создавала тѣ или иныя производственныя отношенія. Тѣмъ не менѣе маніакальная идея остается во всей своей силѣ, и пораженные ею не видятъ противорѣчивыхъ фактовъ, хотя сами же констатируютъ ихъ.

Понятно, въ практической жизни маніаки идеи представляютъ собою нѣчто страшное и грозное. Таковы, напримѣръ, террористы, какъ бы эпидемически поражающіе весь культурный міръ. Подобно паціентамъ психіатрическихъ больницъ, они не признаютъ ничего, кромѣ своихъ идей. Все человѣчество должно преклониться предъ ними и устроить себя по ихъ „научнымъ“ доктринамъ. И для осуществленія своихъ идей они не останавливаются ни предъ чѣмъ: все позволено, все нравственно, что они творятъ. Они и собой вполнѣ сознательно жертвуютъ своимъ же доктринамъ. Думаютъ больныхъ исцѣлить образованіемъ, проповѣдями, наукой. Но еще не было случая, чтобы бомба не взрывалась по требованію педагога, когда все готово къ ея взрыву.

Только люди, дѣлающіе чудеса, могли бы сотворить чудо. Но таковыхъ все меньше и меньше въ жизни.

Объективной мысли въ политической экономіи не можетъ быть по той же причинѣ, въ силу которой врачъ не можетъ объективно опредѣлить болѣзнь сына или дочери: субъективизмъ неизбѣженъ, поэтому честный врачъ не лѣчитъ близкихъ, но обращается къ совѣту другихъ.

В. Соловьевъ прекрасно уяснилъ это значеніе воли въ нашемъ мышленіи. „Обыкновенно, говоритъ онъ, истины вѣры отвергаются заранѣе не по грубости ума, а *по лукавству воли.* Нѣтъ *сердечнаго влеченія* къ такимъ предметамъ, какъ Богъ, спасеніе души, воскресеніе плоти, нѣтъ желанія, чтобы истины эти дѣствительно существовали, безъ нихъ жизнь легче и проще, лучше о нихъ не думать, а тутъ уже уму не трудно найти предлогъ, чтобы не думать объ нихъ или по крайней мѣрѣ, не считаться съ ними серьезно“ [64]).

Вѣрно. Въ тайникахъ сердца предопредѣляется то, что мы склонны считать истиной. Отсюда различіе истинъ по классамъ общества, по племенамъ, по націямъ, по состояніямъ. И каждый раздѣлъ людской имѣетъ свою экономическую науку. Спасеніе ученый пробуетъ найти только въ такой аксіомѣ, которую онъ послѣ долгаго и усерднаго изслѣдованія можетъ признать за аріаднину нить въ лабиринтѣ пристрастій и страстей. Наприм. если самъ онъ признаетъ основнымъ критеріемъ *матеріальное благосостояніе всѣхъ,* у него уже имѣется фонарь для отысканія пути среди безпутья, среди хаоса фактовъ. Если онъ считаетъ критеріемъ не количественное благосостояніе, но качественное, то онъ признаетъ вмѣстѣ съ Ницше цѣлью жизни выработку сверхъ-человѣка, которому и рѣшаетъ приносить въ жертвы благосостояніе массъ. Многіе признаютъ суверенитетъ культуры національнаго блага и во имя этого Молоха, наприм., въ Англіи въ теченіе многихъ вѣковъ государство заботилось объ уменьшеніи заработной платы, такъ какъ увеличеніе ея мѣшало сбыту, вело къ увеличенію цѣнъ и ослабленію на внѣшнемъ рынкѣ.

Стало быть и этотъ путь не даетъ выхода.

Остается одно: errare humanum est и со скромными надеждами прослѣдить, нѣтъ ли въ самой экономической жизни аріадниной нити. Вотъ почему *эволюціонный методъ* въ настоящее время представляетъ собою физическую необходимость для всякаго, кто *честно* желаетъ найти истину въ средѣ интересовъ. А это и есть методъ историческаго наблюденія.

Говоря о методѣ науки, необходимо сказать и о методѣ преподаванія.

До сихъ поръ политическая экономія мало находила ученыхъ преподававшихъ ее съ университетскихъ каѳедръ съ достой-

нымъ ея святымъ воодушевленіемъ. Перебирая учебники, можно положительно утверждать, что политической экономіи не посчастливилось въ университетскомъ преподаваніи. Вмѣсто живыхъ проповѣдниковъ истинъ, которыми обусловливается счастье или горе человѣчества, мы имѣли, особенно въ Россіи, трупныхъ лекторовъ, мертвящихъ все ищущее жизни въ аудиторіяхъ. Безусловно правъ Е. Дюрингъ, говоря: „Мертвящее чтеніе тетрадокъ, стоящее въ противорѣчіи съ искусствомъ книгопечатанія, и вообще медленность, съ которою движется безжизненная ученость, не могутъ не оказывать воздѣйствія на юношество. Отупляющее вліяніе, производимое большею частію лекцій, можетъ быть наблюдаемо каждый семестръ и на тѣхъ, которое добросовѣстно стараются выдержать и потому, въ видѣ исключеній, регулярно посѣщаютъ лекціи. Разочарованность въ ученіи есть всегда результатъ коллективнаго дѣйствія, опредѣляющій собою господствующій типъ и отчасти поражающій наиболѣе свѣжіе элементы“ [65]).

Въ особенности вредно преподаваніе тѣхъ профессоровъ, которые не печатаютъ своихъ курсовъ, ограничиваются тетрадками, почти буквально повторяемыми изъ года въ годъ. Невольно вспоминаются слова Пирогова: „Кому даютъ званіе доцента, живое слово того признаютъ уже никакъ не ниже, а выше печатнаго; его облекаютъ правомъ учить публично, да не только публично, а учить избранную часть общества, его будущее поколѣніе; поэтому его живое слово имѣетъ значенія болѣе, нежели печатное; если же онъ, какъ всѣ мы грѣшные, можетъ на лекціи ошибаться и заблуждаться, то эти ошибки и заблужденія ничѣмъ не ниже тѣхъ, въ которыя онъ можетъ впасть, печатая свои мысли; напротивъ, по своимъ слѣдствіямъ, они во сто кратъ важнѣе: когда онъ напечатаетъ свою ошибку, ему замѣтятъ, его поправятъ, можетъ быть, и съ насмѣшкой, но это не идетъ къ дѣлу, а его ошибку изустную, сдѣланную на лекціи, кто поправитъ? Для чего же не быть, а казаться?“ И Пироговъ настаиваетъ, чтобы жрецы науки не оставляли общество „въ таинственной неизвѣстности о своихъ научныхъ достоинствахъ“, но печатали бы свои курсы.

Нашъ знаменитый педагогъ, очевидно, полагаетъ [66]), что контроль со стороны общества можетъ помочь дѣлу и оживить университетское преподаваніе. Но этотъ контроль мыслимъ только тамъ, гдѣ существуетъ общественное мнѣніе, на которое обращается вниманіе, какъ на дѣйствительную „силу мнѣнія“. Въ свою очередь „сила мнѣнія“ создается лишь при извѣстномъ уровнѣ распространенія образованности въ обществѣ. Гдѣ нѣтъ „силы мнѣнія“, тамъ обязательное печатаніе курсовъ ничего не поможетъ.

Передъ нами circulus vitiosus: силы мнѣнія нѣтъ, потому что университетъ, какъ разсадникъ просвѣщенія, плохъ, и университетъ плохъ, потому что силы мнѣнія въ странѣ нѣтъ.

Гдѣ же выходъ?

Говорятъ, что если вы потеряли что-либо, то нужно искать тамъ, гдѣ мало вѣроятности найти его. Такъ и въ данномъ вопросѣ.

Хорошія сливки можно получить только тогда, когда приготовите хорошее молоко. О молокѣ и нужно подумать прежде всего.

Народная школа создаетъ ту почву, которая даетъ наибольшую массу таланта. Необходимо эксплоатировать количество, какъ дѣлаетъ и природа въ своихъ эволюціяхъ. Чѣмъ больше образованная масса, тѣмъ вѣроятнѣе появленіе большого количества талантовъ, двигающихъ культуру. Чѣмъ шире простое народное образованіе, тѣмъ больше въ странѣ людей, создающихъ и общественное мнѣніе. Только широкой и глубокой постановкой простого народнаго образованія можно создать въ странѣ университеты и то просвѣщенное общественное мнѣніе, которое является наиболѣе національной силой, создающей дѣйствительно научное преподаваніе.

Покажите начальную школу и наблюдатель скажетъ, какова ваша высшая школа.

Основныя силы, дѣйствующія въ народномъ хозяйствѣ.

1. Сходства.

I.

Говорятъ, что цѣлое предшествуетъ своимъ частямъ, но противъ этого возражаютъ, что безъ частей немыслимо и цѣлое. Въ примѣненіи къ человѣку вопросъ разрѣшается исторіей. Исторія не знаетъ изолированнаго человѣка и то, что мы называемъ отдѣльнымъ человѣкомъ или индивидуумомъ, есть новѣйшее явленіе, созданное по истеченіи геологической эпохи жизни человѣчества, когда человѣка совсѣмъ не было. Были стада, были роды, племена, общины и даже государства, но безъ человѣка, какъ личности. Существовало цѣлое, но безъ частей, ибо все въ немъ было слито и неразрывно связано.

Объ этомъ начальномъ періодѣ жизни нашихъ предковъ мы и теперь находимъ свидѣтельства на каждомъ шагу. Мало того. Корни нашей современной жизни глубоко заключены въ этомъ же прошломъ и часто то, чѣмъ мы гордимся, какъ проявленіемъ высшей культуры, на дѣлѣ представляетъ собою лишь наслѣдство, полученное отъ предковъ, которыхъ мы охотно готовы назвать обезьянами, не предполагая у нихъ ничего культурнаго.

И они были несомнѣнно животными въ томъ смыслѣ, что жили и дѣйствовали, мало думая, но подчиняясь, и то безсознательно, чисто механическимъ факторамъ. Важнѣйшимъ и первобытнѣйшимъ изъ нихъ является законъ сходствъ, организовавшій самозащиту человѣка и основанныя на ней учрежденія.

Единство основной задачи жизни было факторомъ единства первобытныхъ учрежденій всѣхъ народовъ, не смотря на различіе климатовъ, почвы, расъ и т. п. Оно также естественно организовало *формы сношеній*, какъ паденіе камней съ горы внизъ естественно производитъ накопленіе ихъ у подошвы горы и образованіе тамъ холмовъ. Нельзя утверждать, чтобы камни сознательно стремились къ образованію каменныхъ холмовъ у подножія горы, но безсознательная планомѣрность тутъ несомнѣнна для всѣхъ камней, падающихъ съ горъ, не смотря на различіе климатовъ, не смотря на расовыя особенности камней (породъ ихъ) и т. п.

Планомѣрность внѣ сознанія возникаетъ изъ единства причинъ, приводящаго къ единству послѣдствій. Единство основной задачи жизни у всѣхъ первобытныхъ народовъ заключалось въ самосохраненіи, и это самосохраненіе и было первопричиной, создавшей такъ поражающее всѣхъ изслѣдователей, единство многихъ историческихъ учрежденій,

Эта форма общенія сильно развита въ мірѣ до-человѣческомъ. Перелетныя птицы соединяются въ такія геометрическія фигуры, при которыхъ легче всего преодолѣвать треніе воздуха. При встрѣчѣ съ непріятелемъ лошади и рогатый скотъ устрояютъ оборонительныя каре. При отдыхѣ разставляютъ часовыхъ для извѣщенія объ опасности.

Это *фигурное сообщество* заключаетъ въ самомъ существѣ своемъ не только спасеніе цѣлаго, но и поглощеніе отдѣльныхъ экземпляровъ. Такъ, при движеніи въ формѣ круга только половина *передней* границы движущагося круга имѣетъ кормъ, остальная часть сообщниковъ вынуждена удовольствоваться побитой и утоптанной, если не съѣденной совсѣмъ, травой. Поэтому тутъ же образуется жирная и здоровая аристократія животныхъ, что въ свою очередь даетъ силу поддерживать свое лучшее положеніе въ движущейся фигурѣ. При треугольникѣ и томъ-же пространствѣ фигуры приходится хорошаго корма для большей доли населенія, но и больше опасности, т. е. меньше силы сопротивленія и нападенія. При параллелограмѣ получается максимумъ корма для сторонъ, но и минимумъ безопасности. При квадратѣ минимумъ корма и максимумъ безопасности. Животныя избираютъ форму общежитія—движенія въ зависимости отъ естественныхъ условій прокормленія и безопасности, при чемъ въ силу необходимости слабымъ достается и минимумъ корма и минимумъ безопасности. Угнетеніе слабыхъ—законъ необходимости въ періодѣ, предшествующемъ разуму и совѣсти.

Хищники въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ общежитію, т. е. къ шайкѣ для нападенія. Но и въ случаяхъ образованія шайки видимъ полнѣйшую безформенность. У хищника инстинкты индивидуальности настолько велики, что онъ не можетъ жертвовать собою въ интересахъ общихъ, т. е. и его же самого. Поэтому же у хищныхъ даже семейный бытъ находится въ зародышевомъ состояніи и у нихъ, за слабыми исключеніями, предпочитается киногамія.

У людей жизнь была не мыслима безъ самозащиты. Неспособные къ самозащитѣ люди были наказываемы за свою неспособность смертною казнью, погибали, становясь жертвою стихійныхъ силъ, звѣрей и людей. Только способные къ ней переживали тяжелую борьбу и передавали свои способности человѣчеству путемъ наслѣдства. Естественно думать, что материнство было

первымъ институтомъ самозащиты человѣческаго рода, въ то время какъ физическая сила мужчинъ была первымъ факторомъ самозащиты личности. Та мать, которая не заботилась о своихъ дѣтяхъ, лишалась потомства; имѣли его только матери, любившія своихъ дѣтей и передавшія ео ipso наклонности любви къ дѣтямъ будущимъ поколѣніямъ. Равнымъ образомъ мужчина, не отличавшійся силой и не вступавшій въ союзъ съ другими для самозащиты, не переживалъ борьбы. Переживали ее лишь болѣе сильные и болѣе склонные къ дѣйствіямъ сообща, какія наклонности естественно передавались будущимъ поколѣніямъ. Не представляютъ въ данномъ случаѣ исключенія даже эфемериды. Лишенныя возможности сохраненія индивидуальнаго бытія, они „стремятся“ къ сохраненію рода. Родовое безсмертіе восполняетъ видовую эфемеридность на томъ простомъ основаніи, что безъ этого эфемеридъ совсѣмъ не существовалъ бы и ихъ жизнь ограничилась бы лишь первымъ поколѣніемъ. Не годные къ родовому самосохраненію также погибали безъ потомства, какъ и мать, не заботившаяся о своихъ дѣтяхъ. Остались и продолжаютъ существовать лишь тѣ, кто оказался способнымъ къ родовому безсмертію при индивидуальной эфемеридности. То, что нужно было для самосохраненія, а именно материнство и физическая сила, восполняемая союзами, было общимъ для всѣхъ людей и естественно повело къ общей или сходной организаціи ихъ. Можно поэтому сказать, что законъ сохраненія и развитія сходствъ есть въ сущности ничто иное, какъ проявленіе болѣе общаго для всего сущаго—закона самосохраненія.

Для самосохраненія необходима *устойчивость* существующаго. Существованіе и устойчивость въ сущности одно и то же. Устойчивость предполагаетъ лишь активную сторону того же существованія, т. е. противодѣйствіе всему, что угрожаетъ существованію. Но активъ—производное понятіе. Для дѣйствія предполагается дѣйствующій элементъ. И въ данномъ случаѣ этотъ дѣйствующій элементъ, этотъ пассивъ банка природы есть *принципъ самосохраненія.*

Очевидно, необходимо признать принципъ самосохраненія эмоціей, неотдѣлимой отъ существованія, какъ неотдѣлимы логическіе законы мышленія отъ самаго мышленія. Переходъ отъ статическаго состоянія къ динамическому представляется также органически неизбѣжнымъ, какъ и въ логикѣ переходъ законовъ мышленія къ мыслительному процессу. Первымъ этапомъ въ динамикѣ самосохраненія и является стремленіе къ устойчивости при встрѣчѣ съ неблагопріятными условіями. Устойчивость находится въ потенціальномъ состояніи, пока нѣтъ препятствій. И въ свою очередь она воспитывается и развивается процессами дѣятельности и атрофируется при бездѣйствіи.

Такимъ общимъ убѣжищемъ, крѣпостью или скалой, по библейскому выраженію, для до-историческаго человѣка было племя, какъ сумма сегментовъ, сросшихся другъ съ другомъ въ силу единства происхожденія, мѣстожительства и общихъ задачъ. Родство и единокровіе были первымъ факторомъ, образовавшимъ общежитіе между людьми. И у многихъ животныхъ мы видимъ подобныя же общества, рѣдко постоянныя, но большею частью временныя, вызываемыя общими опасностями и общими задачами, наприм., во время передвиженія за поисками пищи или болѣе благопріятнаго климата. Не прибѣгавшіе къ такимъ сегментарнымъ единеніямъ погибали безслѣдно, оставались и передавали свои наклонности только способные къ сегментированію. Въ свою очередь объединеніе давало перевѣсъ силы и побѣду. Понятно, чѣмъ больше былъ такой соціальный организмъ и чѣмъ сплоченнѣе были его части, тѣмъ больше было залога въ его самосохраненіи и побѣдѣ надъ препятствіями въ жизненной борьбѣ. Потребности самосохраненія естественно вырабатывали идеалъ сегментарнаго цѣлаго, въ которомъ всѣ части были бы лишь экземплярами породы, каждая являлась бы лишь повтореніемъ другой. Сегментарное цѣлое представляетъ собою нѣчто новое, въ которомъ части теряютъ свою индивидуальность. Это можно и теперь наблюдать, наприм., въ толпѣ.

Толпа, какъ временный аггрегатъ, по выраженію Л. Бурдо, часто представляетъ собою особыя явленія симбіоза и кажется тогда, что „толпа самопроизвольно организуется, составляетъ какъ бы нѣкоторое тѣло, одушевленное однимъ духомъ, въ которомъ слились всѣ одинаково настроенныя и согласныя взаимно души. Въ ней осуществляется особая индивидуальность, столь же отличная отъ индивидуальности составляющихъ ее существъ, какъ химическое соединеніе отличается отъ своихъ составныхъ частей“ [1]).

Г. Брандесъ весьма основательно обращаетъ вниманіе на то, что „толпа не есть 1+1+1 и такъ до полной суммы всѣхъ единицъ, но 1+1+1+X. Этотъ X—то звѣриное, что развивается въ отдѣльныхъ лицахъ, когда они становятся толпою“ [2]).

Это въ этическомъ отношеніи. Звѣриный X появляется въ дурныхъ обществахъ, но бываетъ и X добра, которымъ воодушевляются личности до самопожертвованія во имя патріотизма, вѣры, добра и пр.

Въ экономическомъ отношеніи это une plus value, добавочная цѣнность, создаваемая не сложеніемъ, а умноженіемъ силъ при соединенномъ трудѣ.

Этотъ-то экономическій X есть въ свою очередь крупный факторъ культуры.

бываетъ и умственный X, благодаря которому европеецъ выше азіата даже при равенствѣ образованія.

Прибѣгая къ сравненіямъ, напомнимъ, что аккордъ не простая сумма звуковъ, но новый звукъ, что картина—не сумма красокъ, но новое созданіе.

О характерѣ этого единенія можно судить лишь по пережиткамъ его въ настоящемъ и по остаткамъ, замѣчаемымъ въ исторіи и у современныхъ некультурныхъ народовъ.

II.

И въ наше время въ хорошихъ семьяхъ между родными нѣтъ счетовъ: все общее. Поэтому считается неудобной, а то и прямо позорной купля продажа между родителями и дѣтьми. До сихъ поръ также принадлежность къ семьѣ признается характернымъ признакомъ достоинства или недостатковъ личности; до сихъ поръ понятіе о родовой чести не исчезло, не смотря на то, что нѣкогда великій и всеобщій институтъ родства постепенно теряетъ свою жизненность.

Все это остатки лишь стараго принципа, безъ котораго не мыслима была бы человѣческая культура и само человѣчество ничѣмъ не отличалось бы отъ звѣрей. Родство является и теперь могучимъ факторомъ въ организаціи экономическихъ отношеній вездѣ, гдѣ оно еще не вытѣснено факторами позднѣйшихъ эпохъ. Такъ, наприм., у насъ вся оросительная система киргизъ основывается на принципѣ родства. „Артели, для проведенія оросительныхъ каналовъ, образуются почти всегда изъ лицъ, принадлежащихъ къ одной, болѣе или менѣе тѣсной родовой группѣ, и болѣе мелкія родовыя же подраздѣленія ложатся въ основу ближайшихъ пахотно-ирригаціонныхъ группировокъ“ [3]).

„У кочевниковъ, въ частности у киргизъ, говоритъ А. Кауфманъ, сохранилось очень много остатковъ чисто родовыхъ отношеній и распорядковъ, въ основѣ которыхъ лежитъ принципъ уваженія къ старшимъ, старшинства. При господствѣ этихъ распорядковъ, напр., сѣнокосы распредѣляются между хозяевами не по жребію, а по старшинству, а мѣстами сохранился оригинальный старинный обычай, по которому наиболѣе уважаемому „аксакалу“ т. е. старшему почетному старику выдѣляется большое пастбище, или львиная доля какой-либо добычи; это за то, что онъ постоянно принимаетъ гостей, поитъ ихъ кумысомъ, угощаетъ ихъ бараниной и пр. Родственные распорядки продолжаютъ играть роль при распредѣленіи угодій даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ разложеніе кочевого быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и родового строя, сдѣлало наибольшіе успѣхи“ [4]).

Закавказская родовая община имѣетъ своего святого покровителя, имѣетъ посвященныя этому образу и молельнѣ земель-

ныя угодія, имѣетъ свои храмовые праздники, свои общественно-административныя должности, имѣетъ свой судъ, имѣющій право изгонять изъ рода и конфисковать земельныя угодья. Ея населеніе „считаетъ всѣ земельныя угодья собственностью всѣхъ селеній волости и каждый домохозяинъ—полноправный участникъ во всѣхъ угодіяхъ. Каждый въ правѣ потребовать себѣ надѣлы въ любой изъ дачъ; земля разверстывается между отдѣльными селеніями уравнительно и пропорціонально числу домовъ въ каждомъ изъ нихъ“ [5]).

Только въ Закавказьѣ, а именно въ Тіонетскомъ горномъ районѣ, встрѣчаемъ еще эту глубокую старину. Здѣсь „родовыя начала, покоющіяся на общности происхожденія, до того прочны, что ни разрастаніе главной родовой общины въ волостную или племенную, ни насильственныя мѣры администраціи, расчленяющей эти волостныя общины съ цѣлію организаціи сельскихъ обществъ, не въ состояніи не только подоровать, но даже ослабить ту моральную связь, которая соединяетъ всѣ общины, принадлежащія къ одной волости или племени, въ одну обширную братскую общину“ [6]).

А. А. Кауфманъ приводитъ интересные факты о самообразованіи общины путемъ колонизаціи. Такъ, въ Олонецкой губерніи при подсѣчномъ хозяйствѣ, когда становится тѣсно, крестьянинъ уходитъ и занимаетъ новое мѣсто. Но при этомъ онъ не теряетъ связи съ прежнимъ, гдѣ остались у него родные. „Связь между деревней и починкомъ была до такой степени крѣпка, что иной починокъ долгое время не имѣлъ особаго названія и не только носилъ одно имя съ деревней, но и считался нераздѣльною частью деревни“.—„Въ результатѣ олонецкая деревня—это не одинъ поселокъ, а цѣлая группа поселковъ, связанныхъ между собою родствомъ и хозяйственными интересами: общностью пользованія покосами, общностью охотничьихъ путей, общимъ рыболовствомъ и т. п.“ [7]).

Кошеніе сѣна у киргизовъ ведется артелью тамъ, гдѣ родовая организація сильна. А. Кауфманъ заключаетъ на основаніи многочисленныхъ данныхъ, что „распространенность у кочевниковъ артельныхъ формъ труда состоитъ въ непосредственной связи съ родовою организаціей и поэтому естественно ожидать ея сокращенія съ упадкомъ этой организаціи“ [8]).

Подъ вліяніемъ же родства происходитъ и передѣлъ земель для уравненія участковъ. У однихъ многочисленныя семьи и на занятыхъ ими земляхъ тѣсно, у другихъ пастбища обширны. „Собираются аксакалы рода, просятъ отдать часть своихъ пастбищъ малоземельнымъ хозяевамъ; принудить не могутъ, но въ силу установившихся традицій дѣло обыкновенно кончается къ обоюдному удовлетворенію: многоземельный уступаетъ

часть своихъ пастбищъ малоземельному; опредѣляютъ новыя границы, колютъ барана, творятъ бату и проч.“ [9]).

У осѣдающихъ кочевниковъ происходитъ комбинированіе общаго сѣнокошенія съ отживающимъ свой вѣкъ родовымъ распредѣленіемъ покосовъ: сѣнокосъ, наприм., раздѣленъ по числу прадѣдовъ, потомки каждаго изъ нихъ косятъ сѣно сообща и дѣлятъ сѣно на число косъ [10]).

А. А. Кауфманъ, считающій „надстройками“ надъ экономическимъ бытомъ всѣ непроизводственныя отношенія, въ то же время, добросовѣстно констатировавъ факты, говоритъ, что „если распространенность артельныхъ трудовыхъ соединеній—нѣкоторый пережитокъ первобытной родовой организаціи, то значитъ, по мѣрѣ удаленія отъ этой послѣдней она должна не расти, а падать; и дѣйствительно мы видимъ постепенное исчезновеніе одной изъ типичнѣйшихъ для осѣдающихъ кочевниковъ формъ артельнаго труда, именно кошенія сообща“ [11]).

Если вѣрна теорія „надстроекъ“, то нужно и институтъ родства признать „надстройкой“ надъ хозяйствомъ, а тутъ какъ разъ наоборотъ. Институтъ родства родитъ опредѣленныя формы хозяйства и съ его измѣненіями происходятъ также и измѣненія хозяйства. Нынѣшній индивидуализмъ могъ возникнуть только съ ослабленіемъ родства, дѣйствительно сливавшаго въ одно цѣлое всѣ части родственнаго союза.

Наше общинное землевладѣніе своимъ первоначальнымъ источникомъ имѣетъ также родство и порядокъ распространенія общины у многихъ инородцевъ на окраинахъ Россіи несомнѣнно нѣкогда былъ общимъ порядкомъ у всѣхъ славянъ, какъ у всѣхъ народовъ.

Мало того; исторія свидѣтельствуетъ, что даже города возникали у насъ подъ вліяніемъ того же фактора.

Славянскіе роды были разрознены и, какъ свидѣтельствуетъ Мавркій, враждебны другъ къ другу. „Одно начало родовой независимости, говоритъ Забѣлинъ, необходимо требовало, чтобы эта независимость была охранена и защищена и на самой землѣ прочнымъ окопомъ, ибо всякое внутреннее или нравственное содержаніе жизни неизмѣнно находитъ себѣ выраженіе и въ ея вещественной обстановкѣ. Замокъ феодала на западѣ явился тоже вещественнымъ воплощеніемъ тамошнихъ бытовыхъ положеній жизни. И у насъ вслѣдствіе особности и независимости родовъ необходимо долженъ былъ вырости такой же замокъ-городокъ, какъ защита, какъ точка опоры для родовой округи или волости, не терпѣвшей надъ собою чужого владычества и всегда готовый отстаивать свою свободу до послѣднихъ силъ“ [12]).

Но и по мѣстамъ для той же цѣли возникали волости (области), какъ союзы родовъ, помогавшіе другъ другу лично и на-

ходившіе въ городѣ крѣпостную защиту. Нерѣдко города были лишь временными укрѣпленіями, куда временно сходились роды для обороны. Поэтому же города строились въ укромныхъ мѣстахъ. Отсюда наименованія ихъ: Кромъ, Кромный, Кремль.

Когда же развились промыслы, то еще больше понадобилась защита. Земледѣлецъ нуждается лишь въ личной защитѣ, такъ какъ земли и усадьбы бросались и мало стоили. Для торговца нужна постоянная защита, ибо его движимое имущество составляло все его состояніе. Поэтому торговцы и промышленники и содѣйствовали образованію постоянныхъ городовъ.

Даже такъ называемый вотчинный строй народовъ, такъ поражающій теперь культурныхъ людей, въ дѣйствительности есть результатъ не столько грубаго насилія вотчинниковъ надъ подчиненными имъ, сколько, наоборотъ, результатъ охраны слабыхъ болѣе сильными и могущественными людьми, т. е. имѣетъ за собою историческую правду. И здѣсь съ очевидностью сказался тотъ же общій законъ сходствъ, организовавшій населеніе въ интересахъ его самосохраненія.

По уничтоженіи римской имперіи побѣдители ея расположились на громадной территоріи, принадлежавшей прежде Риму, но распредѣлились на ней по родамъ, если такъ можно выразиться. Тутъ были всевозможныя племена, враждовавшія другъ съ другомъ, ничего общаго между собою не имѣющія и каждое изъ нихъ, съ недовѣріемъ относясь къ другимъ, старалось обособиться, уединиться, замкнуться. Началось образованіе націй. Но, по замѣчанію Токвиля, среди этой разнообразной массы людей „внезапно появились однообразные порядки“.

Появились учрежденія общія, симметрично соотвѣтствующія другъ другу. „Я имѣлъ случай, говоритъ Токвиль, ознакомиться со средневѣковыми учрежденіями Франціи, Англіи и Германіи и, подвигаясь впередъ къ этой работѣ, все болѣе изумлялся при видѣ поразительнаго сходства, обнаруживающагося между всѣми этими законодательствами, и удивлялся тому, какъ могли народы, настолько различные и такъ мало смѣшавшіеся между собою, установить въ своей средѣ до такой степени схожіе законы. Конечно, эти законы непрерывно и почти до безконечности измѣняются въ частностяхъ, соотвѣтственно различію мѣстъ, но ихъ основа вездѣ одна и та же. Когда я открывалъ въ старомъ германскомъ законодательствѣ какое-либо политическое учрежденіе, какую-либо юридическую норму или власть, я зналъ заранѣе, что поискавъ тщательно, найду во Франціи, въ Англіи что-либо существенно однородное и, дѣйствительно, всегда находилъ“ [13]).

Дѣйствительно, однородность учрежденій вездѣ прямо поражаетъ наблюдателя. Города и села управляются одинаково. По-

ложеніе крестьянъ одинаково, землевладѣніе и земленользованіе имѣютъ одинаковыя формы. „Отъ границъ Польши и до Ирландскаго моря помѣстье, вотчинный судъ, ленъ, оброкъ, повинности, феодальныя права, корпораціи—все однородно. Часто даже названія одни и тѣ же и, что еще замѣчательнѣе, всѣ эти аналогическія учрежденія проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ“ [14].

Токвиль даже полагаетъ, что въ средніе вѣка было больше однородности, чѣмъ теперь, при желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ, пароходныхъ сообщеніяхъ и пр. открытіяхъ, сблизившихъ между собою народы.

И это замѣчаніе совершенно основательно. Онъ же указываетъ и на дѣйствительныя причины „внезапной“ однородности въ соціальномъ устройствѣ варваровъ, занявшихъ наслѣдство римской имперіи.

Теперь при гарантіи личной безопасности каждой національности предоставляется больше возможности проявлять свои національныя особенности въ учрежденіяхъ. Поэтому, не смотря на сближеніе народовъ, мы теперь видимъ такую дифференціацію, о какой и помышлять нельзя было въ средніе вѣка. Наоборотъ, отсутствіе личной безопасности въ началѣ среднихъ вѣковъ было господствующимъ явленіемъ, съ которымъ одинаково нужно было бороться всѣмъ народностямъ. И такъ какъ въ это время не было организованной государственной власти, которая пришла бы на помощь къ частной дѣятельности, то вездѣ, на всемъ пространствѣ—отъ Польши и до Ирландскаго моря—за это дѣло взялись частныя силы и организовали вотчинный, т. е. частный порядокъ. Вотчинный режимъ, сперва раздѣленный на массу мелкихъ единицъ, постепенно централизовался и выработались вотчинныя государства, въ свою очередь съ теченіемъ времени метаморфозирующія въ полицейскія, правовыя и соціально-правовыя государства нашего времени.

Въ сущности такъ было и въ древнемъ мірѣ. Страшныя деспотіи Востока—это тѣ же вотчинныя государства; даже римскіе императоры—тѣ же восточные деспоты-вотчинники.

III.

У подножія горы поражаютъ художника разнообразныя группы камней, образовавшіяся, быть можетъ, въ теченіи вѣковъ невѣдомою имъ силою притяженія къ невѣдомому имъ центру. То малыя, то большія, то круглой, то пирамидальной, то квадратной формы, общества камней стойко отстаиваютъ занятую ими землю, считаютъ ее обѣтованной землей, и не легко заставить ихъ перемѣнить свою позицію. Они подчиняются не иначе, какъ только страшной силѣ разрушенія, концентрирующейся въ желѣзѣ, порохѣ, парѣ, динамитѣ.

Но общества людей—это общества усугубленныхъ камней, ибо они отличаются не только силой сопротивленія, но и силой нападенія во имя такого же невѣдомаго имъ центра тяготѣнія.

Соединившись въ группу случайностью происхожденія, люди образуютъ живой организмъ, имѣющій свою душу, свои чувства, желанія и мысли. Быть можетъ, въ образованіи массовой души группъ населенія не малую роль играетъ процессъ образованія общихъ понятій вообще. Гексли по этому случаю говоритъ: „Для уясненія природы этого умственнаго акта, говоря объ обобщеніи образа, можно его сравнить съ тѣмъ, что происходитъ въ произведеніи сложной фотографіи, когда, наприм., физіономіи шести лицъ получаются на одной и той же фотографической пластинкѣ въ теченіи $^1/_6$ времени, необходимаго для полученія одного портрета. Конечнымъ результатомъ является то, что всѣ эти точки, въ которыхъ 6 физіономій сходны, выходятъ очень ясно, тогда какъ тѣ, въ которыхъ онѣ различаются, остаются неопредѣленными. Въ этомъ случаѣ получается то, что можно было бы назвать родовымъ портретомъ шести лицъ, въ противоположность видовому портрету одного лица“ [15]).

Если признать это объясненіе вѣрнымъ, то оно лишь иными словами выражаетъ законъ сходствъ, ибо типическій портретъ получается не иначе, какъ въ сложномъ снимкѣ со сходныхъ лицъ, иначе получается неопредѣленная физіономія, т. е. ничего не получается.

Поэтому мы можемъ признать вполнѣ истиннымъ замѣчаніе А. Богданова, также отмѣчающаго фактъ „сплошного мышленія“ у первобытныхъ народовъ и объясняющаго это явленіе сходствомъ первобытныхъ членовъ опредѣленныхъ группъ. „Люди, принадлежащіе къ одной первобытной группѣ, психологически настолько тождественны между собою, насколько одинаково организованы физически. Благодаря этому, ихъ взаимныя отношенія безконечно просты и чужды всякихъ противорѣчій. Норма же нужна только тамъ, гдѣ отношенія сложны и противорѣчивы“ [16]). Нормы появились съ появленіемъ различій, когда и мышленіе сдѣлалось не сплошнымъ [17]).

Такое же объясненіе факта встрѣчаемъ почти у всѣхъ соціологовъ. Такъ, по замѣчанію П. Барта, общество можетъ существовать только потому, что содержанія сознаній одинаковы у его членовъ, наприм., одинаковое чувство гнѣва и одинаковое намѣреніе защищаться противъ нападающаго врага. Въ моментъ общихъ мыслей, чувствъ, желаній и дѣйствій общество обладаетъ сознаніемъ. А въ тѣ промежуточные періоды, когда этой общности меньше, у общества бываетъ и меньше сознанія, все равно какъ у отдѣльнаго человѣка бываютъ моменты подъема и моменты упадка душевной жизни“ [18]).

Безъ „сплошного мышленія“, безъ „массовой души“ не было бы единодушія, а безъ единодушія, какъ единой или коллективной души, никакая группа людей не могла бы существовать, какъ не существуетъ она среди хищниковъ, всякую минуту готовыхъ пожрать другъ друга. Общество немыслимо безъ единодушія входящихъ въ составъ его членовъ. Можетъ быть различіе лишь въ степени его, въ полнотѣ и силѣ, но гдѣ общество, тамъ eo ipso есть и коллективная душа.

Это вѣрно для всякаго времени, вѣрно и относительно самыхъ высоко-культурныхъ обществъ.

По выраженію Э. Дюркгейма, общее сознаніе „разсѣяно во всемъ обществѣ, но тѣмъ не менѣе оно имѣетъ специфическія черты, дѣлающія изъ него отдѣльную реальность. Оно не зависимо отъ частныхъ условій, въ которыхъ находятся индивиды; они проходятъ, а оно остается. Оно не измѣняется съ каждымъ поколѣніемъ, но наоборотъ, связываетъ послѣдовательныя поколѣнія одни съ другими. Оно—психологическій типъ общества, типъ, имѣющій свой способъ развитія, свои свойства, свои условія существованія“ [19]).

По его вѣрному замѣчанію, преступленіе „есть противоположность, существующая между преступленіемъ, каково бы оно ни было, и нѣкоторыми коллективными чувствами“. Проступокъ „преступенъ, потому что возмущаетъ общее сознаніе. Мы его порицаемъ не потому, что онъ преступленіе, но онъ преступленіе, потому что мы его порицаемъ“ [20]).

Вообще, „современная психологія возвращается къ идеѣ Спинозы, по которой вещи хороши потому, что мы ихъ любимъ, а не наоборотъ“.

Тѣмъ болѣе это вѣрно относительно первобытныхъ народовъ. Религіозная идея была наибольшимъ объединяющимъ принципомъ. Согласно съ этимъ оскорбленія общественнаго сознанія въ формѣ кощунства наказывались строже всего. Въ Библіи, въ законахъ Ману, въ древнемъ Египтѣ мало наказаній, защищающихъ личность, но масса ихъ относительно святотатства, обрядовъ. У евреевъ преступленія противъ религіи были самыми ужасными. По Конфуцію и Менъ-Тзы безбожіе большее преступленіе, чѣмъ разбой. Въ Египтѣ всякое святотатство наказывалось смертью.

Солидарность на основѣ сходствъ Дюркгеймъ характеризуетъ, *какъ орду*. Совершенный образецъ этой соціальной организаціи находимъ у индѣйцевъ Сѣверной Америки. „Всякое ирокезское племя состоитъ изъ нѣкотораго числа частныхъ обществъ. Взрослые обоихъ половъ тамъ равны между собою. Находящіеся во главѣ всякой изъ этихъ группъ сахемы и вожди, совѣтъ которыхъ управляетъ общими дѣлами племени, не пользуются ни-

какимъ преимуществомъ. Само родство также не организовано“ [21]).

Эта организація, „какъ организація орды, продолженіе которой она составляетъ, не допускаетъ другой солидарности, кромѣ той, которая происходитъ отъ сходствъ, такъ какъ общество образовано изъ подобныхъ сегментовъ, а эти послѣдніе, въ свою очередь, заключаютъ только однородные элементы“ [22]).

У первобытныхъ народовъ такой типъ былъ въ Америкѣ и Австраліи. Онъ обычный у африканскихъ негровъ. Евреи на немъ остановились. Вейцъ, описывая строеніе народовъ, которое онъ называетъ естественнымъ, говоритъ: „Вообще семьи живутъ однѣ подлѣ другихъ въ большой независимости и развиваются мало-по-малу, образуя небольшія общества, не имѣющія внутренней организаціи, пока внутреннія усобицы или внѣшнія опасности, въ видѣ войны, не выдѣлятъ одного или нѣсколькихъ человѣкъ изъ массы и не поставятъ ихъ во главѣ ея. Ихъ вліяніе, основывающееся единственно на личныхъ заслугахъ, не простирается далѣе границъ, отмѣченныхъ довѣріемъ или терпѣніемъ другихъ. Всякій взрослый по отношенію къ такому вождю остается въ состояніи полной независимости“.

Какъ пережитокъ прошлаго, казаки запорожской Сѣчи, избравъ атамана, наканунѣ вступленія его во власть, обливали его помоями и всячески издѣвались надъ нимъ, чтобы не забывался и помнилъ, что онъ слуга міру, а не наоборотъ.

Изъ этого видно, что разъ организовано на принципѣ сходствъ общежитіе, оно уже собственнымъ своимъ вѣсомъ сохраняетъ устойчивость, производя давленіе на все, что противорѣчитъ принципу сходствъ. И въ этомъ новомъ процессѣ уравненія или объединенія уже играетъ силу образовавшаяся и развившаяся коллективная душа.

Когда эскимосъ начинаетъ сильно богатѣть, онъ созываетъ всѣхъ своихъ сородичей на пиршество и когда гости насытятся, онъ раздаетъ имъ все свое богатство. Даль видѣлъ, какъ въ одной алеутской семьѣ хозяева все роздали и съ радостью заявили, что хотя стали бѣднѣе каждаго изъ гостей, зато пріобрѣли ихъ дружбу [23]).

У эскимосовъ такія раздачи практикуются каждый годъ.

По замѣчанію П. Кропоткина, „это, повидимому, очень древній обычай, возникшій одновременно съ первымъ появленіемъ личнаго богатства, какъ средство возстановленія равенства между сородичами, нарушавшагося обогащеніемъ отдѣльныхъ лицъ. Періодическіе передѣлы земли и періодическое прощеніе всѣхъ долговъ, существовавшіе въ историческія времена у многихъ различныхъ народовъ были, вѣроятно, пережиткомъ этого страннаго обычая. Обычай погребенія съ покойникомъ или уничто

женія на его могилѣ всего его личнаго имущества долженъ имѣть то же самое происхожденіе“ [24]).

Въ Сибири новоселы встрѣчаются старыми колонистами съ насмѣшками. „Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются отъ туземщины безпрерывной критикѣ и ироніи, сопровождаемыми и положительными совѣтами, какъ поступать на сибирской почвѣ, какъ пахать землю, какъ сдѣлать уступки ея дѣвственности, насколько и когда быть благосклонными къ бродягамъ, и когда жестокими, наконецъ, даже совѣтами, какъ говорить, не возбуждая смѣха [25]).

Образованію и росту массовой души много содѣйствовали и институціи, на ней же основанныя.

У древнихъ народовъ родъ или семья были единственными школами, въ которыхъ съ дѣтства пріучались къ занятіямъ.

Наслѣдственность занятій уже по этому одному должна была сдѣлаться общимъ и совершенно естественнымъ правиломъ.

Человѣкъ рождался въ опредѣленной профессіи, которую онъ изучилъ съ дѣтства и другой даже не зналъ, при отсутствіи сколько-нибудь развитыхъ сношеній. И ему естественно казалось, что самой судьбой опредѣленъ ему тотъ родъ жизни, какимъ жили его дѣды и отцы. Съ другой стороны, традиціи наслѣдственности укрѣплялись и освящались культомъ предковъ, болѣе или менѣе общимъ для всѣхъ первобытныхъ народовъ. Опредѣленное ремесло считалось священнымъ и обязательнымъ именно потому, что оно было ремесломъ предковъ. Даже въ средніе вѣка каждый цехъ имѣлъ свое спеціальное знамя, которое считалось священнымъ, какъ знамя профессіи предковъ. Индивидуальность въ данномъ случаѣ настолько сливалась съ корпоративностью, что каждый цеховой гордился принадлежностью именно къ своему цеху и свысока смотрѣлъ на другихъ. Отголоски такого сліянія индивидуума съ корпораціей и до сихъ поръ извѣстны, наприм., въ военномъ вѣдомствѣ марать честь мундира считается крупнѣйшимъ преступленіемъ съ точки зрѣнія корпораціи. На этомъ основывалось наше старинное мѣстничество, наши дворянскіе и купеческіе роды, фамильная гордость и т. п. Все это имѣетъ своимъ источникомъ, съ одной стороны, сплоченность, происходящую отъ сходствъ въ занятіяхъ, а съ другой, наслѣдственныя традиціи, какъ видимъ, сохраняющія свое вліяніе даже въ то время, когда наслѣдственность занятій, наприм., въ военной организаціи замѣняется простою преемственностью чужихъ людей. Въ послѣднемъ случаѣ передъ нами sui generis усыновленіе, дающее усыновляемому всѣ права семьи или племени.

Только по такимъ остаткамъ стариннаго экономическаго института наслѣдственности можемъ судить о силѣ и жизнен-

ности его въ древнемъ мірѣ и даже въ средніе вѣка. У грековъ жрецы эскулапа признавали его богомъ (культъ предковъ), а себя его прямыми потомками. Также наслѣдственны были занятія пророковъ, при чемъ даръ пророчества считался милостью боговъ для опредѣленныхъ родовъ.

С. Бунзенъ основательно отмѣчаетъ періоды, когда появляются личности, отражающія въ себѣ массовую душу. Существуютъ, говоритъ онъ, въ жизни каждаго народа, чувствующаго свою историческую роль и вѣрующаго въ свое будущее, моменты, когда является какая-то потребность проявленія общаго національнаго чувства, общей идеи жизни. И согласно этому спросу появляются пророки, служащіе этой потребности. Счастливъ народъ, если онъ во-время узнаетъ своего пророка. Этотъ пророкъ, если онъ проникаетъ во все высокое общество, если онъ даетъ точное выраженіе идеямъ, составляющимъ жизнь народа, становится какъ бы законодателемъ: его трудъ служитъ фундаментомъ, на которомъ зиждется народное развитіе. Исторія пока знаетъ появленіе такихъ пророковъ у двухъ націй—у іонитянъ и евреевъ въ лицѣ Моисея и Гомера [26]).

На этомъ основана и страшная жизненность кастъ, до сихъ поръ остающаяся, хотя и въ ослабленномъ видѣ, у самыхъ культурныхъ народовъ Европы въ видѣ сословій и классовъ. Теперь мы имѣемъ дѣло лишь съ пережитками глубочайшей старины, но по силѣ живучести ихъ можемъ судить о естественной ихъ жизненности въ древнемъ мірѣ. Недаромъ касты и наслѣдственность занятій признавались тогда священными институтами, установленными самимъ божествомъ. Вполнѣ правъ Э. Дюркгеймъ, говоря, что „если бы система кастъ была противна индивидуальнымъ стремленіямъ и соціальному интересу, то никакимъ искусственнымъ пріемомъ нельзя было бы удержать ее. Если бы въ среднемъ числѣ случаевъ индивиды не были рождены для функцій, которыя имъ предназначалъ законъ или обычай, то эта традиціонная классификація гражданъ была бы вскорѣ опрокинута. Доказательствомъ служитъ то, что такое опрокидываніе дѣйствительно происходитъ, какъ только вспыхиваетъ это разногласіе. Твердость соціальныхъ рамокъ выражаетъ только неподвижный образъ тогдашняго распредѣленія способностей, и самая эта неподвижность можетъ происходить только отъ дѣйствія законовъ наслѣдственности“ [27]).

Но наиболѣе характеристическимъ для исторіи массовой души явленіемъ служитъ родовая месть, дѣйствительно, какъ объединяющая людей, какъ проникающая во всѣ стороны ихъ жизни и подчиняющая себѣ мысли, чувства и желанія каждаго члена общества, что исчезаетъ всякое сомнѣніе у самыхъ рѣшительныхъ отрицателей общества, какъ организма. Тутъ уже по-неволѣ

приходится согласиться даже и со сторонниками соціологической доктрины, готовыми вполнѣ отождествить общество съ индивидуальнымъ организмомъ, въ которомъ отдѣльныя части имѣютъ своимъ назначеніемъ лишь выполнять задачу цѣлаго и безусловно теряютъ самостоятельную жизнь.

Населеніе, находясь въ сферѣ тяготѣнія къ принципу родовой мести, имѣетъ такія понятія о справедливости и правдѣ, которыя культурному человѣку представляются явно противорѣчащими элементарнѣйшимъ понятіямъ о справедливости и правдѣ. Въ случаѣ убійства кого-либо изъ членовъ даннаго рода, за убійство является отвѣтственнымъ не дѣйствительный убійца, но родъ, къ которому принадлежитъ этотъ убійца. Достаточно убить брата убійцы, его племянника и вообще родственника, и Немезида признаетъ себя совершенно удовлетворенной. Если родовая месть ограничивается опредѣленными степенями родства и нѣтъ подходящихъ въ данное время въ случаѣ, наприм., смерти самого убійцы, то кровавая месть можетъ быть объявлена его только что рожденному сыну или другому малолѣтнему родственнику, который, по достиженіи совершеннолѣтія и дѣйствительно подвергается преслѣдованію этой оригинальной Немезиды. За преступленіе отвѣчаетъ совершенно невинный, даже еще не родившійся въ то время, когда совершено преступленіе. И цѣлый народъ, часто состоящій изъ лицъ, получившихъ образованіе, не протестуетъ противъ этого жертвоприношенія невинныхъ для удовлетворенія кровавой жажды Немезиды.

У одного изъ нашихъ лучшихъ историковъ находимъ историко-теоретическое обоснованіе этого на первый взглядъ совершенно дикаго и нелѣпаго института.

По замѣчанію И. Забѣлина „мщеніе за родную кровь составляло религію русскихъ язычниковъ“ [28]).

При родовомъ бытѣ мщеніе являлось силой, соединявшей людей въ естественныя общества. Лѣтописецъ Несторъ говоритъ, что славяне жили по родамъ. „Въ наше время, говоритъ Забѣлинъ, при сильномъ развитіи быта государственнаго, общиннаго и общественнаго, въ дѣйствительности существуетъ только семья да общество и родичи совсѣмъ теряются, уходя далеко отъ семьи въ общество. Теперь, чтобы составить понятіе о родѣ, какъ о формѣ людского общежитія, какъ о главномъ дѣятелѣ жизни, необходимо прибѣгать къ извѣстнаго рода учености и необходимо даже чертить передъ глазами родословное древо. Но было время, когда такое древо существовало живьемъ на своемъ родномъ корнѣ, тѣсно и крѣпко переплетаясь своими вѣтвями около своего родного ствола, когда оно было неизбѣжною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единственною формою человѣческаго общежитія. Объ этомъ времени и говоритъ наша первая лѣтопись, объясняя, что всѣ жили

родомъ, владѣли родомъ, но не семьей и общиною. Лѣтопись не знаетъ ни семьи, ни общины. Она знаетъ только родъ по той причинѣ, что родъ былъ господствующею формою общежитія, такъ точно, какъ теперь господствующая форма нашего общежитія есть общество“ [29]).

Обособленность родовъ вызывалась беззащитностью. „Дѣтская беззащитность первобытной жизни естественно соединяла всѣхъ родичей въ одно цѣлое, въ одну общину родной крови, которая подъ именемъ рода становилась жизненною силою, способною защищать, охранять свое существованіе отъ всякихъ стороннихъ напастей. Для отдѣльной личности не находилось болѣе надежнаго и безопаснаго мѣста, какъ жить подъ охраною своего или хотя бы и чужого рода. Здѣсь только она могла чувствовать себя и самостоятельною, и независимою, а слѣдовательно и свободною. Для отдѣльной личной жизни въ первобытное время родъ сосредоточивалъ въ себѣ всяческія обезпеченія, какими человѣкъ пользуется теперь только при посредствѣ и подъ покровомъ государства и общества, и вотъ по какой причинѣ на первыхъ порахъ родъ въ дѣйствительности являлся первообразомъ государства“ [30]).

Это была первая стадія въ эволюціи, создавшей государство.

О дѣятельномъ значеніи рода, какъ начальнаго общества, Забѣлинъ основательно говоритъ: „Теперь мы почти ежеминутно опредѣляемъ наши мысли, побужденія, всякія дѣйствія и дѣянія понятіями объ интересахъ, выгодахъ и пользахъ общества. Идеалъ общества руководитъ нами во всѣхъ нашихъ соображеніяхъ о порядкахъ жизни, о ея задачахъ и цѣляхъ, о ея насущныхъ потребностяхъ. Идеалъ общества даетъ оцѣнку нашимъ добродѣтелямъ и нашимъ порокамъ. Во имя общества мы не только устраиваемъ все дѣйствительно ему полезное и приносимъ всякія жертвы, но, пользуясь этимъ святымъ именемъ, отлично устраиваемъ даже и собственное свое благополучіе во вредъ и разореніе самому же обществу. Намъ кажется, что очень сходное существовало и въ то время, когда всѣ понятія людей сосредоточивались только на идеалѣ рода, когда во всѣхъ умахъ, на мѣстѣ Общества высился родъ, и когда помышленія, побужденія и дѣянія людей руководились только интересами, выгодами и пользами только рода. Точно также и въ то время оцѣнку добродѣтелямъ и порокамъ давалъ родъ, и потому тогдашнія добродѣтели, родовыя, необходимо должны были отличаться отъ нашихъ добродѣтелей, общественныхъ“ [31]).

Связь въ родѣ была до того сильна, что о личности не могло быть и рѣчи. „Каждая личность, справедливо замѣчаетъ И. Забѣлинъ, представляла только извѣстную степень рода и ни

въ какомъ случаѣ не могла выдѣлить свои отношенія при этой тѣсной связи родовыхъ степеней. Родовая степень опредѣляла ея достоинства и указывала ея мѣсто въ общежитіи, опредѣляла ея права и обязанности. „Личность, не связанная ни съ кѣмъ родствомъ, была личность для всѣхъ чужая, что равнялось даже понятію о врагѣ, была личность безродная, и такая личность въ родовомъ союзѣ именовалась уже сиротою“ [32]).

Когда за родомъ никто не видѣлъ личности, совершенно естественно, что за преступленіе не могло отвѣчать то, чего не было, т. е. личность. Намъ трудно даже понять такое міросозерцаніе, но оно было реально, и пусть никто не подумаетъ, что родившись и живя въ средѣ родовой Немезиды, онъ могъ бы считать преступнымъ убійство невиннаго за виновнаго. Онъ мыслилъ и чувствовалъ бы такъ, какъ того требовала коллективная душа его рода.

Но пережитки рода долго остаются и теперь легко наблюдать наслѣдство крови. Кровь отцовъ переходитъ къ дѣтямъ и природа съ одинаковымъ безпристрастіемъ передаетъ какъ хорошія, такъ и дурныя стороны человѣка. Такъ, солнце одинаково смотритъ какъ на святого, такъ и на мерзавца, какъ на самопожертвованіе, такъ и на разбой. Съ этимъ наслѣдственнымъ элементомъ нельзя не считаться. Вѣковое рабство не исчезаетъ по мановенію самыхъ лучшихъ учрежденій. Напротивъ, въ нихъ оно получаетъ широкій просторъ для самопроявленія. Каждый изъ насъ живетъ наслѣдіемъ праотцевъ, и каковы праотцы, таковы и правнуки. Лучъ свободы съ трудомъ пробивается.

Правъ А. И. Герценъ, говоря о русскихъ дѣятеляхъ: „Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть Милля ракальей, забывая всю службу его—развѣ это не барская замашка, которая „стараго Гаврилу за измятое жабо хлещетъ въ усъ да въ рыло“. Развѣ въ этой и подобныхъ выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, станового, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра? Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы не ясно видите дерзость офицерщины и въ людяхъ, говорящихъ свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ, внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго „дать фельдфебеля въ Вольтеры“? Самая проказа взятокъ уцѣлѣла въ домогательствѣ денегъ нахрапомъ, съ пристрастіемъ и угрозами, подъ предлогомъ общихъ дѣлъ, въ поползновеніи кормиться на счетъ службы и мстить кляузами и клеветами за отказъ. Все это переработается и перемелется, но нельзя не сознаться, странную почву подготовила опека и цивилизація въ нашемъ „темномъ царствѣ“ [33]).

Наша юность, въ которой силы молодости еще заглушаютъ

старые наслѣдственные пороки, не должна бы никогда забывать этой соціальной почвы, на которой ей придется работать. Но въ особенности она должна слѣдить за собой, чтобы по возможности заглушать посѣянныя исторіей въ ея крови сѣмена подлости и паразитизма. Незамѣтно всходятъ они и затѣмъ молодой человѣкъ уже не узнаетъ самого себя. Правъ Гоголь. Юноша съ отвращеніемъ отвернулся бы отъ портрета своего, какимъ онъ будетъ въ старости.

Французскій писатель Мерме говорилъ о Бакунинѣ, что подъ тонкимъ покрываломъ поверхностной европейской культуры онъ сохранилъ необузданную дикость варвара. Бакунинъ проповѣдывалъ разрушеніе безъ всякой мысли о созиданіи. Онъ говорилъ: „Всякая болтовня о будущемъ преступна, потому что мѣшаетъ полнѣйшему разрушенію и препятствуетъ ходу революціи“ [34]).

Въ брошюрѣ: „Принципы революціи“ онъ говоритъ: „Мы не признаемъ никакой дѣятельности, кромѣ разрушительной: ядъ, кинжалъ, пуля; революція освящаетъ всѣ средства“.—„Подобную рѣчь, говоритъ Н. Герцбергъ, можно услышать развѣ только въ сумасшедшемъ домѣ. Но Бакунинъ отнюдь не страдаетъ разстройствомъ умственныхъ способностей; это было его серьезное мнѣніе“ [35]).

Тотъ же авторъ приводитъ такой отрывокъ изъ „Революціоннаго катихизиса“ Бакунина: „Революціонеръ не долженъ имѣть личныхъ интересовъ, личныхъ чувствъ, личнаго имущества; онъ долженъ имѣть лишь одинъ интересъ, одну мысль, одну страсть: революцію. Для этого онъ изучаетъ механику, физику, химію, даже медицину. Онъ презираетъ ходячую мораль; для него все то нравственно, что способствуетъ революціи, все порочно, что мѣшаетъ ей. Между нимъ и обществомъ царитъ война, неослабѣвающая, безпощадная, борьба на жизнь и смерть. Онъ долженъ быть готовымъ умереть, страдать, собственноручно убивать тѣхъ, кто мѣшаетъ революціи. Горе ему, если родство, дружба, любовь овладѣютъ имъ и парализуютъ его руку! Онъ долженъ двигаться въ обществѣ и казаться другимъ, не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ; онъ долженъ повсюду проникать, и къ знатнымъ, и къ незнатнымъ, и въ церковь, и въ управленіе, и въ ученый міръ, и въ тайную полицію, даже въ царскій дворецъ. Онъ долженъ вести списокъ тѣхъ, кто обреченъ на смерть и убивать ихъ, когда настанетъ ихъ очередь“ [36]).

IV.

Но omnis determinatio est negatio. Всякое самоопредѣленіе есть отрицаніе всего, что лежитъ внѣ сферы самоопредѣленія. Коллективная душа, какъ собирательное я, самоопредѣляется, т. е. растетъ, укрѣпляется и развивается не иначе, какъ въ борьбѣ

съ препятствіями, въ отрицаніи, удаленіи и преобразованіи, а то и въ разрушеніи всего, что лежитъ на дорогѣ къ цѣли. Та же причина, которая вызвала необходимость и неизбѣжность самоопредѣленія, становится и средой, наиболѣе соотвѣтствующей дальнѣйшему росту его. Борьба и война, вызвавъ къ жизни коллективную душу, укрѣпляютъ ея первые шаги, развивая мужество и идеалы привязанности къ своему народу, къ своему племени. Въ борьбѣ же и войнахъ опять-таки переживали наиболѣе самоопредѣлившіеся, наиболѣе сплоченные въ одно цѣлое. Побѣждали и передавали свои духовныя и физическія качества именно тѣ народы, въ которыхъ коллективное я наиболѣе приближалось къ индивидуальному, т. е. народы, наиболѣе пожертвовавшіе личностью интересамъ цѣлаго. На войнѣ всѣ должны подчиняться вождю, какъ въ физіологическомъ организмѣ всѣ части подчиняются идеѣ цѣлаго. Кто не удовлетворялъ этимъ требованіямъ жизни, тотъ неизбѣжно погибалъ, унося въ могилу идеи личности, идеи человѣка. Безчеловѣчье было господствующей идеей, управлявшей міромъ. Только безчеловѣчье передавалось въ потомство и было высшимъ закономъ, управляющимъ людьми. Совершенно правъ М. Оріу, утверждая, что каждая соціальная группа, естественно разростаясь, встрѣчаетъ другія группы, отличныя отъ нея, съ которыми она неизбѣжно вступаетъ въ борьбу. Когда появляется различіе, ассимилировавшаяся группа стремится сгладить препятствіе въ своемъ ростѣ тремя методами: исключеніемъ (elimination), синтезомъ и соглашеніемъ (transaction). Первое состоитъ, наприм., въ истребленіи враждебныхъ элементовъ, т. е. въ борьбѣ за существованіе. Синтезъ состоитъ въ примиреніи противоположностей. Соглашеніе—во взаимныхъ уступкахъ [37]).

На дѣлѣ, конечно, преобладало истребленіе, какъ наиболѣе простое, и наиболѣе доступное средство.

Ассимилированіе есть *основной законъ жизни.* Оно не есть только законъ распространенія, но именно законъ сохраненія жизни. Это уже признано естествознаніемъ. Когда возникло такое строеніе вещества, „въ силу котораго соприкасающіяся съ нимъ частицы могли съ нимъ ассимилироваться, замѣщая собою распадающіяся соединенія, тогда явилось *физическое основаніе жизни*, явился механизмъ, въ которомъ трата и возстановленіе компенсируются естественнымъ путемъ. На этой основѣ біологическая эволюція рисуетъ свои узоры, безконечно разнообразные, но проникнутые одной тенденціей, тенденціей къ накопленію внутреннихъ условій устойчивости жизненной системы; основываясь на пластичности живой матеріи и приспособительной измѣнчивости органическаго строенія, эта тенденція выражается въ процессѣ организаціи живыхъ существъ, въ установленіи внутреннихъ и внѣшнихъ равновѣсій жизни“ [38]).

Гораздо проще и точнѣе сказать, что это есть законъ самосохраненія при всѣхъ тратахъ силъ, законъ возстановленія тратъ, но такимъ образомъ, что живое тѣло остается прежнимъ. По закону ассимилированія, сохраненіе жизни достигается воспроизведеніемъ ея въ тѣхъ же формахъ, въ тѣхъ же свойствахъ, въ тѣхъ же особенностяхъ. Благодаря этому человѣческое я остается тождественнымъ и въ юности и въ старости, какъ и въ дѣтствѣ. Человѣкъ одинъ и тотъ же, не смотря на перемѣны въ возрастѣ, на перемѣны въ тѣлѣ, на перемѣны въ душѣ.

Только законъ ассимиляціи, создающій тождество, даетъ возможность развитію. Безъ него было бы измѣненіе, перемѣна, катаклизмы, но не было бы развитія. Ассимилированіе—это стремленіе къ самоопредѣленію во внѣ, это активная сторона того же фактора, пассивомъ котораго является устойчивость, это—жизнь, ея самосохраненіе. И оно имѣетъ громадное значеніе не только въ культурѣ здоровья, но и въ культурѣ болѣзней. Ненормальная массовая душа группы естественно претворяетъ въ себѣ все нормальное.

Законъ ассимиляціи выражается въ характерной русской пословицѣ: межъ волками жить—по-волчьи выть. И несомнѣнно нужно имѣть громадный талантъ ума и воли, чтобы межъ волками не выть по-волчьи.

Характерный примѣръ такого волчьяго вліянія людей на людей представляетъ намъ исторія борьбы нашего правительства со взяточничествомъ. Отдаленность Сибири отъ Москвы и Петербурга естественно вызвала слабость надзора за мѣстной администраціей; фактическая же безконтрольность ея, т. е. безотвѣтственность, создала съ первыхъ же шаговъ ея невѣроятное своеволіе и страшныя злоупотребленія властью. Отдаленность отъ центровъ требовала также снабженія администраторовъ особыми полномочіями, легко переходящими въ административный произволъ. Администраторамъ повелѣвалось дѣйствовать „по своему высмотру, какъ пригоже и какъ Богъ вразумитъ“. Воеводъ было много, почти въ каждомъ городѣ, и всѣ они руководствовались подобными же инструкціями. Понятно, сразу же и началось всевозможныхъ формъ взяточничество. Правительство отвѣчало смѣной и карами, но это еще болѣе усиливало произволъ. Каждый спѣшилъ нажиться въ короткое время, и взяточничество еще сильнѣе росло. Рѣшали назначить товарищей, помощниковъ и дьяковъ, чтобы усилить мѣстное наблюденіе. Но назначеніе новыхъ членовъ было лишь равносильно присылкѣ новыхъ взяточниковъ и усиленію ига населенія. Запрещено было администраторамъ имѣть мѣха въ большемъ количествѣ, чѣмъ нужно. По возвращеніи изъ Сибири ихъ обыскивали. Но взятки по прежнему брались. По словамъ Н. Ядринцева, „воеводы на-

живались и на самое назначеніе они смотрѣли, какъ на наживу. Самая нажива и хищничество считались совершенно законнымъ, естественнымъ въ новозавоеванномъ краѣ. Взглядъ на край, какъ на мѣсто наживы, былъ твердо усвоенъ сверху до низу. Страна эта не имѣла и тѣни гражданскаго полноправія, и потому вплоть до настоящаго столѣтія славилась громаднымъ взяточничествомъ. Строгіе указы противъ грабителей посылались сюда постоянно, воеводъ часто смѣняли, отдавали подъ судъ, иногда даже били кнутомъ, но все это не помогало дѣлу“ [39]).

Посылались ревизоры, но и ревизоры, окунувшись въ страну мерзостей, брали взятки и во взяточничествѣ превзошли ревизуемыхъ. Такъ, иркутскій ревизоръ Крыловъ просто-на-просто вымучивалъ взятки. Мѣстные администраторы забывали, что они чиновники. Они смотрѣли на свои вѣдомства, какъ на вотчины. Не признавали даже царскихъ указовъ. Такъ, воевода Вяземскій посланнаго къ нему посла съ царскою грамотою изувѣчилъ и убилъ. Эти люди, въ распоряженіи коихъ были кнуты, тюрьмы, пытки, конфискація имущества и т. д., превращались въ демоновъ, предъ которыми не было ничего святого. Когда появились намѣстники, то потребовали прямо идолослуженій для себя. Такъ, въ 1782 году намѣстникъ Кошкинъ устроилъ для себя царскій тронъ, возсѣдалъ на немъ, а сибирскіе туземцы должны были въ опредѣленномъ порядкѣ поклоняться ему. Не удивительно, что болѣе мелкія власти признавали себя если не за dii minores, то за царьковъ земныхъ. Доходило до того, что Нарышкинъ, управляющій Нерчинскими заводами, завелъ для себя даже собственное войско изъ бурятъ, сформировавъ красный гусарскій полкъ. Доносчиковъ, жалобщиковъ, своихъ личныхъ враговъ, администраторы подвергали пыткамъ и истязали до смерти. Для обузданія этихъ чиновниковъ, дошедшихъ до настоящаго идіотизма въ звѣрствѣ, правительству нерѣдко приходилось прибѣгать къ войскамъ. Такъ, для обузданія нѣкоего Жолобова назначенному надъ дѣйствіями его слѣдователю Сухареву понадобилась помощь цѣлой роты солдатъ [40]).

Извѣстный администраторъ Пестель постарался отрѣзать Сибирь отъ сношеній съ Россіей, перехватывая всѣ прошенія и письма. Благодаря этому, правительство было лишено возможности знать что-либо о Сибири, кромѣ того, что сообщалъ главный начальникъ. Конечно, сообщалъ онъ, что все благополучно и вездѣ служатъ благодарственные молебны. А на дѣлѣ наступилъ періодъ неимовѣрнаго взяточничества.

Находились и между чиновниками, вѣроятно, мелкими, склонные къ жалобамъ. Съ ними быстро расправлялись даже второстепенные и третьестепенные начальники. Такъ, енисейскій городничій катался по городу на чиновникахъ, осмѣлившихся на-

писать просьбу объ его злоупотребленіяхъ. Лоскутовъ дошелъ до того, что высѣкъ нижнеудинскаго протоіерея Орлова плетьми.

Интересно, что даже Петръ I всевозможными крутыми мѣрами ничего не достигъ. Администраторовъ сѣкли розгами, наказывали кнутомъ, вырывали ноздри, рубили головы и каждый вновь присланный на мѣсто казненнаго становился такимъ же взяточникомъ.

И совершенно вѣрно замѣтилъ гр. Сперанскій, на котораго возлагалось столько надеждъ по искорененію взяточничества: „Съ перемѣною людей перемѣнялись только виды и степень злоупотребленій“. Но и онъ ничего не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать къ улучшенію административныхъ нравовъ. Когда значительное большинство принадлежало къ казнокрадамъ, то отдѣльныя единицы терялись въ этой массѣ, приспособлялись къ средѣ и мало-по-малу становились такими же казнокрадами и мошенниками. Въ средѣ мерзавцевъ маломальски честный человѣкъ считается безчестнымъ, готовымъ измѣнить товариществу, опаснымъ. Вырабатывается особое общественное мнѣніе негодяевъ, подчиняющее своимъ принципамъ и людей съ искренними порывами къ честности. Морально слабые заражаются общимъ взяточничествомъ, а морально сильные избиваются и изгоняются И можно положительно утверждать, что при подобныхъ условіяхъ всѣ репрессіи не ослабляютъ, но усиливаютъ казнокрадство и взяточничество. Законъ ассимиляціи большинствомъ меньшинства оказывается сильнѣе кнута, пытокъ и смертныхъ казней.

То же видимъ и на примѣрѣ попытокъ путемъ репрессіи упразднить казнокрадство въ мірѣ интендантскомъ.

Распространеніе сходствъ по закону наслѣдованія ведетъ непосредственно къ мирному завоеванію народностей и превращенію ихъ въ типы побѣдителей. Сила сходствъ здѣсь такъ же успѣшно упраздняетъ національности, какъ и прямое истребленіе ихъ огнемъ и мечемъ. Но для этого необходимо, чтобы побѣждающая нація имѣла за собой численный перевѣсъ. Н. М. Ядринцевъ приводитъ рядъ доказательствъ, какъ въ Сибири инородцы поглощаютъ русскихъ. Онъ резюмируетъ свое изслѣдованіе слѣдующими положеніями: „Изъ нашихъ личныхъ наблюденій и изслѣдованій мы вывели, что воспріятіе и преобладаніе инородческихъ признаковъ зависитъ отъ числа русскихъ и инородцевъ и численнаго преобладанія того и другого племени, какъ и процентнаго отношенія въ той или другой мѣстности. Такъ на сѣверѣ въ березовскомъ, туруханскомъ краѣ и на Ленѣ встрѣчается чаще вырожденіе и объинородчиваніе русскихъ и пониженіе расы, чѣмъ въ среднихъ округахъ Сибири. Преобладаніе на Сѣверѣ инородцевъ выражается въ 354% — 445% надъ русскими, а въ срединѣ Сибири отъ 3% до 16% на русское населеніе“ [41]).

Подъ вліяніемъ бурятской крови русскіе превращаются въ настоящихъ бурятъ. Кровная помѣсь отражается и въ строеніи лица и во всемъ физическомъ строѣ, даже на психикѣ, наприм., забайкальскихъ казаковъ. Также мѣняется русскій типъ отъ смѣшенія съ сѣверо-енисейскими азіатскими племенами, преимущественно съ остяками. Объякучиваніе русскихъ уже давно обратило на себя общее вниманіе. Якуты, по словамъ Миддендорфа, своею хитростью, ловкостью и безстыдствомъ „напоминаютъ жидовъ“ и эти психическія свойства передаютъ русскимъ, не говоря даже о физическомъ вырожденіи. Даже въ земледѣліи русскіе переняли пріемы азіатовъ. „Этнографическія изслѣдованія убѣждаютъ насъ, говоритъ Ядринцевъ, что въ Сибири русскіе теряли очень часто вмѣстѣ съ типомъ и свои характеристическіе признаки, нравы, обычаи, вѣру и даже языкъ, словомъ утрачивали свою національность“ [42]).

На сколько большинство поражаетъ своими особенностями меньшинство, пріобщая его къ своей культурѣ, *ассимилируя его*, въ чемъ выражается сила закона сходствъ, видно наприм., изъ того, что наши самоѣды превращаютъ русскихъ въ свое самоѣдство. Кастренъ пишетъ о русскомъ обдорскомъ населеніи: „Обдорскіе жители заброшены судьбой на ледяные берега Ледовитаго океана и духъ ихъ окованъ узами, которыя такъ же крѣпки, какъ этотъ ледъ, который оцѣпеняетъ сердце природы въ ихъ теперешнемъ отечествѣ. Оковы эти—грубость, невѣжество и дикость. Коренные жители—остяки и самоѣды. Какъ у нихъ, такъ и у русскихъ, совершенно имъ уподобившихся, нѣтъ никакихъ умственныхъ интересовъ, хотя сколько-нибудь выходящихъ изъ ряда обыденной остяцко-самоѣдской жизни. Въ самомъ образѣ жизни, даже въ способѣ питанія, русскіе здѣсь уподобились туземнымъ остякамъ и самоѣдамъ. Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Обдорскъ и вошелъ въ домъ одного мѣщанина, переселившагося сюда изъ Тобольска, я нашелъ всю его семью сидящею на полу и пожирающею сырую рыбу, которую самъ хозяинъ дома разрѣзывалъ на части. Образованнѣйшій житель города хвастался тѣмъ, что въ теченіи цѣлаго полгода ѣлъ одно сырое мясо. Русскіе жители также дики, боязливы, какъ туземные остяки и самоѣды“ [43]).

Даже отвратительнѣйшее суевѣріе передается. Забайкальскіе казаки и крестьяне вѣрятъ въ бурятское шаманство, или ламайское прорицательство. И это наблюдается вблизи культурныхъ центровъ, наприм., вблизи Иркутска. Русскіе держатъ бурятскихъ идоловъ, истукановъ или божковъ на вышкахъ своихъ домовъ и тамъ шаманствуютъ тайкомъ. Въ нерчинскомъ округѣ русскіе лечатся у шамановъ, къ шаманамъ обращаются съ просьбою пошаманить, когда потеряютъ какую-либо вещь [44]).

Гартвигъ говоритъ, что „якуты представляютъ намъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, навязавшаго побѣдителямъ свои обычаи и языкъ, народа не только не подвергшагося вліянію завоевателей, но, напротивъ, втянувшаго его въ свою сферу [45]).

Страшное ассимилированіе русскихъ инородцами на нашихъ окраинахъ приводитъ г. Ядринцева къ постановкѣ вопроса о возможномъ поглощеніи русской національности инородцами. „Расовая устойчивость русскихъ на востокѣ далеко не такъ прочна, какъ предполагалось; русскіе во многихъ случаяхъ склонны были скорѣе подчиниться инородцамъ, чѣмъ надъ ними господствовать и они болѣе заимствовали отъ инородцевъ, чѣмъ передавали имъ. Все это наводитъ на вопросы: надо ли считать наше слитіе и метисацію съ инородцами при настоящихъ условіяхъ выгодными для русской національности? Что будетъ, если на такихъ же условіяхъ она будетъ продолжаться въ будущемъ?“ [46])

По его мнѣнію единственное спасеніе народности заключается въ образованіи: „Чѣмъ болѣе играетъ роль физіологическое вырожденіе и пониженіе расы, тѣмъ болѣе должно быть гарантировано повышеніе культурное. Если просвѣщеніе и цивилизація составляютъ естественное право человѣчества, то здѣсь оно имѣетъ особое значеніе, какъ единственное спасеніе народности [47]).

Но самъ же г. Ядринцевъ приводитъ не мало фактовъ, опровергающихъ значеніе культуры. Онъ свидѣтельствуетъ, что перениманію инородческихъ особенностей подчинены не только простые и невѣжественные люди, но также и культурные. Стало быть „единственное спасеніе“ оказывается по меньшей мѣрѣ слабымъ средствомъ. Противъ закона ассимиляціи массъ необходимо противопоставить прежде всего такой же законъ русскихъ массъ. Правительственное содѣйствіе колонизаціи должно состоять въ направленіи народныхъ массъ на окраины. Когда большинство населенія окажется русскимъ, получитъ такую же громадную силу законъ обрусенія инородцевъ. До той поры никакими школами не спасти русскихъ отъ поглощенія ихъ инородцами.

Лучшей иллюстраціей экстенсиваціи закона сходствъ, т. е. внутренней силы его къ всеобщему распространенію, служитъ извѣстная всѣмъ *нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ*. Каждый глубоко оскорбляется, когда критикуютъ его систему, его дѣятельность, его порядки жизни. И наоборотъ каждый восторгается, когда другіе восторгаются его дѣятельностью, его талантами, его мнѣніемъ и даже внѣшностью. На этомъ основываются, съ одной стороны, тщеславіе и любовь къ лести, а съ другой, надувательство тщеславныхъ и самолюбивыхъ лестью и пресмыкатель-

ствомъ хитрыхъ и подлыхъ. Нѣтъ такого дурака, который не пришелъ бы въ восторгъ, когда его называютъ умнымъ, какъ и нѣтъ такого умнаго человѣка, который глубоко не былъ бы обиженъ, если его признаютъ дуракомъ. Устойчивость воззрѣній многихъ, часто идіотски нелѣпыхъ сектъ, основывается именно на этомъ общечеловѣческомъ свойствѣ. Если нельзя распространить свои убѣжденія логическими доводами, ихъ распространяютъ хитростью, ложными чудесами, насиліемъ, огнемъ и мечемъ.

Между прочимъ, этою особенностью объясняется и то, съ какимъ трудомъ прививается даже въ культурныхъ странахъ идея свободы мысли и слова. Оппозиція, въ особенности энергическая, представляется чѣмъ то ужаснымъ, зловреднымъ, требующимъ искорененія, казней и тюремъ. И любой государственный дѣятель всѣ нападки „инако мыслящихъ“ склоненъ объяснять или личной злобой, или государственной злонамѣренностью, или невѣжествомъ. И инако мыслящіе преслѣдуются, какъ враги.

Въ средніе вѣка ихъ сжигали на кострахъ подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма. Но что такое фанатизмъ, какъ не сильная и страстная эмоція мѣрять всѣхъ на свой аршинъ, и надѣвать на головы ближнихъ одну и ту же каску? Это и есть законъ стремленія къ приведенію всѣхъ къ одному знаменателю, къ уравненію всѣхъ по одной мѣркѣ, къ превращенію людей въ простѣйшіе экземпляры одной и той же книги. И въ сущности нѣтъ никакого различія между всевозможными видами фанатизма—религіознымъ, политическимъ, научнымъ, экономическимъ и т. п. Какъ каждая клѣточка организма возсоздаетъ подобную себѣ, создаетъ другую клѣтку по образцу и подобію своему, такъ и каждый стремится свой образъ сдѣлать общимъ, навязать его другимъ. И какъ въ физическомъ организмѣ на этомъ свойствѣ клѣточки основывается устойчивость организма, устойчивость какъ въ здоровьи, такъ и въ болѣзняхъ, ибо больная клѣточка, разрушаясь, воспроизводитъ такую же, больную клѣточку, такъ и въ соціальномъ организмѣ законъ творчества сходствъ является страшной консервативной силой, сохраняющей даже патологическія уродства, противорѣчащія здравому смыслу. Такъ упорно сохраняется и распространяется скопчество, не смотря на очевиднѣйшую уродливость его. Такъ упорно сохраняется ветхозавѣтная одежда, ветхозавѣтные обряды, наприм. обрѣзаніе, не смотря на ясную, какъ божій день, нелѣпость ихъ.

Въ концѣ концовъ добытое исторически сходство объявляется велѣніемъ Бога, тѣмъ святая святыхъ, которое не допускаетъ никакого прикосновенія къ себѣ, а тѣмъ болѣе человѣческой критики. И уродство, объявленное святыней, уже охраняется не полиціей, не жандармами, а совѣстью каждаго, страхомъ предъ Богомъ.

Существуютъ искусственныя сходства между людьми, выра-

батываемыя внѣшнимъ гнетомъ—физическимъ или соціальнымъ безразлично. Это страшное сходство состоитъ въ *обезличеніи* населенія, страшномъ злѣ, дѣйствительно убивающемъ духовный и матеріальный бытъ людей и на тысячелѣтія задерживающемъ всякую культуру. Сходство въ видѣ обезличенія то же, что моровая язва. Или даже хуже этой черной смерти. Оно убиваетъ все живое въ странѣ, между тѣмъ какъ послѣ черной смерти остаются хотя нѣкоторые.

Въ этомъ направленіи прежде всего дѣйствуютъ физическія бѣдствія: постоянные неурожаи, тяжелый климатъ, отсутствіе безопасности, болѣзни и т. п. Но еще болѣе убиваютъ душу соціальныя бѣдствія въ видѣ гнета и произвола администраціи. О русскихъ людяхъ, воспитанныхъ въ системѣ кормленія, А. Д. Градовскій вѣрно замѣчаетъ: „Вглядитесь въ черты людей, составлявшихъ эти прошлыя поколѣнія, чередовшихся подъ дѣйствіемъ старой системы; вы не прочтете въ нихъ ни своеобразной мысли, ни живого, свободнаго чувства, ни пылкой вѣры, ни крѣпкой воли, ничего *своего*, ничего такого, что *различаетъ* людей, но въ то же время побуждаетъ ихъ къ общенію, образуетъ внутренняго человѣка и влечетъ его къ обнаруженію этого я въ области мысли, вѣры, поэзіи, науки, дѣлъ общественныхъ. Такъ всѣ похожи другъ на друга, какъ старыя потертыя монеты „одного достоинства“ [48]).

У насъ этотъ недостатокъ пр. Градовскій называетъ наслѣдственнымъ порокомъ. Это несмонѣнно страшный наслѣдственный порокъ, съ которымъ еще долго и долго придется вести борьбу.

Обезличеніе, къ сожалѣнію, не сопровождается лишь отрицательными общественными чертами, т. е. внѣшнимъ формализмомъ и равнодушіемъ къ общественнымъ обязанностямъ, отсутствіемъ энергіи и предпріимчивости, лѣностью и т. п. Нѣтъ. На этой почвѣ обезличенія выростаютъ злѣйшіе инстинкты въ человѣчествѣ. „Присмотритесь, говоритъ А. Градовскій, къ этимъ тусклымъ, безцвѣтнымъ въ духовномъ отношеніи лицамъ, выглаженнымъ, вычищеннымъ на одинъ образецъ, „всѣ какъ одинъ— не откроете ли въ нихъ чего-нибудь другого? О, да! Эти скучные молчальники, равнодушно молчавшіе въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ, подписывающіе всякіе счеты и бумаги, не читая ихъ, боящіеся проронить слово, обличающее какую-нибудь *свою* мысль, эти люди, забывшіе образъ Божій, не забыли и твердо помнятъ другой образъ—*звѣриный*. Вытертая, истертая, даже въ смыслѣ духовномъ, человѣческая личность съ тѣмъ большею силою развивается въ отношеніи плотоядномъ“ [49]).

И понятно, человѣкъ есть, по Аристотелю „общественное животное“. Если „общественное“ уничтожено въ немъ, то остается лишь просто „животное“.

Искусственныя сходства, превращающія общество въ собраніе физическихъ лицъ, чуждыхъ морали, съ среднимъ почти тождественнымъ разумомъ и соотвѣтствующими первобытными вѣрованіями, превращенными въ простую обрядность, приводятъ къ такому состоянію, выходъ изъ котораго собственными и самобытными силами немыслимъ. Такъ немыслимо человѣку, находящемуся въ глубокой ямѣ, схватить самого себя и выбросить на поверхность земли.

Интересно, что тѣ же писатели, которые такъ прекрасно понимаютъ все горе обезличенія народа и превращенія человѣка въ звѣря, питаютъ надежды на... естественное же теченіе. Тотъ же А. Градовскій пишетъ: „При первомъ вѣяніи общественной весны, дурные инстинкты и привычки, накопленные въ поразительномъ количествѣ за прежнее время, проявляются, можетъ быть съ большею силою, даже въ болѣе неприглядной формѣ, чѣмъ прежде, при трескучемъ морозѣ. Это не удивительно уже потому, что эти нечистоты, подъ вліяніемъ солнца, разлагаются. — Но весна возьметъ свое, трава выростетъ, деревья покроются цвѣтами и дадутъ плоды, если съумѣютъ сохранить ихъ отъ весеннихъ заморозковъ“ [50]).

Это надежды подлиповцевъ Рѣшетникова. Это настоящая ихъ философія. Все ждутъ чего-то лучшаго, но—его нѣтъ и при полномъ обезличеніи, когда человѣкъ весь превратился въ звѣря, нѣтъ и ожиданій, исчезаютъ и надежды. Есть люди, для которыхъ уже не приходитъ весна и не засвѣтитъ солнце. Они, какъ звѣри, не могутъ даже привѣтствовать будущаго словами: morituri te salutant. Это народы, обреченные на смерть.

V.

Какъ видимъ, законъ сходствъ можетъ создавать то обезличеніе, то однообразіе быта, которое естественно становится монотоннымъ, постояннымъ, избѣгающимъ всякихъ новшествъ, всякаго движенія впередъ, т. е. такимъ состояніемъ, которое напоминаетъ бытъ стадныхъ животныхъ. Съ нашей точки зрѣнія это не жизнь, а прозябаніе. Но люди привыкаютъ къ нему и не только не ищутъ новаго, но боятся его. Они искренно воспрещаютъ сношенія съ иноземцами, боясь перемѣнъ. Они искренно видятъ въ реформаторѣ Антихриста, нарушающаго ихъ покой и счастье. Талантливый человѣкъ, имѣвшій несчастье родиться въ этомъ царствѣ прозябанія, осмѣлился назвать обрубокъ дерева, которому обыватели поклонялись, обрубкомъ дерева. И мирные аркадцы объявляютъ его измѣнникомъ и предаютъ смертной казни.

Ни стола, ни ложа, никакихъ сообщеній не должно быть съ иноземцами, инако живущими. Всякое инобытіе встрѣчается

ими, какъ нѣчто враждебное, могущее нарушить ихъ бытъ, въ которомъ они видятъ свое счастье.

И самая исторія проходитъ мимо этихъ счастливцевъ. Жили люди и не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ: никакихъ походовъ, никакихъ пирамидъ изъ человѣческихъ череповъ, никакой славы, добытой разбоемъ и убійствомъ сотенъ тысячъ неповинныхъ человѣческихъ существъ. Такъ умираетъ безслѣдно какой-либо лѣсникъ, всю жизнь свою мирно и спокойно прожившій въ лѣсу, не знавшій никого и ничего, кромѣ своего лѣса. Онъ былъ счастливъ по своему и никому не сдѣлалъ несчастья. Поэтому и его не знаетъ исторія.

Но дѣйствительно-ли счастливы тѣ народы, которые не попадаютъ въ исторію. Дѣйствительно-ли счастье въ этой анонимности жизни, въ этомъ жизненномъ болотѣ?

Volenti non fit injuria. Но если бы они были счастливы, то счастье продолжалось бы до сихъ поръ и мы не знали бы вовсе исторіи. Стало быть, хотя лучшее врагъ хорошему, но тѣмъ не менѣе оно лучшее. И правъ Д. С. Милль, что лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ самодовольной свиньей.

Но тотъ же законъ въ своемъ осуществленіи даетъ совершенно иные результаты, когда, по требованіямъ условій, имъ создается могучее цѣлое, страшное другимъ именно своимъ объединеніемъ. Получается сильное національное я, полное своекорыстія и не признающее ничего священнаго внѣ своихъ эгоистическихъ интересовъ. Получается національная Филавтія, употребляя терминъ Эразма Роттердамскаго. Благодаря такой Филавтіи, британцы считаютъ за собою монополію физической красоты, шотландцы—монополію знатности, галлы—вѣжливости и общительности, итальянцы—изящества, венеціанцы считаютъ себя дворянами и т. д. [51]).

И почти всѣ—избранниками Божіими, которымъ должны служить другіе народы. И теперь нѣтъ народа, который, при всемъ своемъ духовномъ и матеріальномъ убожествѣ, не противополагалъ бы себя другимъ. Въ древности такая Филавтія достигала чудовищныхъ размѣровъ. Массовая душа политическихъ организмовъ была Молохомъ, которому приносилось въ жертву все и которымъ оцѣнивалось все. И повидимому, не было силы, которая могла бы остановить кровавыя жертвоприношенія этому идолу. Народъ, сегодня поверженный въ прахъ противникомъ, завтра повторяетъ дѣло своего противника надъ нимъ же самимъ. Будучи побѣждаемъ, онъ вопіетъ къ Богу о несправедливости; побѣждая, онъ усугубляетъ такую же несправедливость. Поляки искренно возмущаются идеей обрусенія и такъ же искренно производятъ ополяченіе русскихъ, не щадя никого, не останавливаясь и передъ человѣческими жертвоприношеніями идолу Ассимиля-

ціи. Глубоко-поучительную повѣсть встрѣчаемъ по этому случаю въ книгѣ „Эсфирь“. Персидскій министръ Аманъ исходатайствовалъ у царя Артаксеркса указъ, въ коемъ всѣ евреи, находившіеся во власти Персіи, признаны вредными и должны были въ опредѣленный день подлежать избіенію. Придворный еврей Мардохей, племянница котораго Эсфирь была въ числѣ женъ Артаксеркса, успѣлъ отговорить царя отъ страшнаго человѣкоубійства, и самъ министръ былъ повѣшенъ на томъ деревѣ, которое онъ приготовилъ для Мардохея. И вотъ случайные побѣдители, захвативъ при помощи женщины власть, начинаютъ буквально то же самое, что собирался дѣлать Аманъ. Они вѣшаютъ сыновей и всѣхъ родственниковъ Амана. Въ самой столицѣ Мардохей вѣшаетъ въ первый же день придворной побѣды до 500 персовъ. И на вопросъ Артаксеркса, что она еще попросила бы у него, Эсфирь отвѣчаетъ: продолжать избіеніе. И такимъ образомъ избиваютъ пятьдесятъ тысячъ ни въ чемъ неповиннаго народа. И еврейскій лѣтописецъ въ наивной безсердечности сообщаетъ, что „радость и веселость появилась среди іудеевъ, пированіе и утѣха, а многіе изъ язычниковъ обрѣзывались, принимали законъ іудейскій, „страха ради іудейскаго“. Послѣднія слова вошли теперь въ народную, нерѣдко комическую поговорку. Но не слѣдовало бы забывать, что слова эти относятся къ мрачнѣйшимъ фактамъ кровопролитія изъ-за стремленія евреевъ къ ассимиляціи другихъ народностей, и что только ассимилируясь обрѣзаніемъ, несчастные спасли себя отъ жестокостей случайныхъ побѣдителей. Нѣтъ болѣе мрачнаго закона, какъ законъ ассимилированія.

Конечно, мрачныя условія жизни вызывали эти явленія, и нельзя винить груду камней въ томъ, что она давитъ въ своемъ движеніи все, что попадается ей поперегъ дороги. Вспомнимъ чудную и въ то же время мрачно-разбойничью лирику тѣхъ же евреевъ, находившихся въ вавилонскомъ плѣну. „На рѣкахъ Вавилона сидѣли мы и плакали, вспоминая о Сіонѣ, т. е. о святой родинѣ, говоритъ ветхозавѣтный поэтъ. Да будетъ забвенна моя правая рука, если забуду когда-нибудь тебя, Іерусалимъ“! И глубоко преданный своей родинѣ патріотъ заканчиваетъ свою чудную пѣснь мрачными словами: „Дочь Вавилона, окаянная! Блаженъ тотъ, кто имѣетъ твое дитя: онъ можетъ размозжить его голову о камень!“ И вся книга псалмовъ наполнена славословіями Богу за истребленіе враговъ: въ этомъ истребленіи еврейскіе поэты видѣли благость и доброту Бога. Необходимо сказать, что этотъ древній памятникъ человѣческой поэзіи представляетъ собою не что иное, какъ поэтическую пропаганду ненависти къ инородцамъ въ цѣляхъ укрѣпленія любви къ своему племени. И начинается она какъ бы общей программой для всѣхъ псалмовъ, хотя и написанныхъ въ разное время и по самымъ разнообраз-

нымъ поводамъ. Вотъ начало перваго псалма: „Блаженъ, кто не идетъ на совѣтъ иновѣрцевъ“—im Rath der Gottlosen, какъ переводитъ М. Лютеръ. Иновѣрцы, т. е. инородцы—враги, и на каждомъ шагу поэтъ молитъ Бога объ истребленіи ихъ!

Истребленіе враговъ было необходимо, кто не желалъ быть истребленнымъ и даже съѣденнымъ и обращеннымъ въ рабство [52]).

И народы занялись истребленіемъ другъ друга. Совѣсти еще не было, ибо она существуетъ только у человѣка, а человѣкъ пока еще не появился. Бились и спокойно истребляли другъ друга народы, какъ сложные организмы, состоявшіе изъ объединенныхъ массъ то единствомъ происхожденія, то общей религіей, то общимъ страхомъ передъ вождями. Такъ уже на зарѣ исторической жизни появились націи, признававшія только себя и отрицавшія даже самое право на существованіе другихъ націй. Максъ Штирнеръ поразилъ своимъ „я“ современный ему культурный міръ. Всѣ склонны были видѣть мрачное и безсовѣстное преувеличеніе въ его ученіи о человѣческомъ „я“, какъ центрѣ вселенной, которому нѣтъ никакого дѣла до всего, что находится внѣ его. Въ дѣйствительности его теорія—не продуктъ воображенія и измышленія. Національная или племенная душа великихъ государствъ древняго міра была именно этимъ звѣрскимъ „я“, не признававшимъ кругомъ себя никакихъ обязанностей. Самъ Господь Богъ цѣнился лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ помогалъ истреблять враговъ и отдавалъ награбленное у нихъ излюбленному народу. Такъ прямо и чистосердечно и выражались лучшіе люди этой эпохи. Припомните глубоко-поэтическій псаломъ 136 [53]): „Превозносите Господа, потому что Онъ къ намъ благосклоненъ, потому что милость Его пребываетъ во вѣкъ“.—Превозносите Бога всѣхъ боговъ, потому что милость Его пребываетъ во вѣкъ“. „Онъ фараона съ войскомъ потопилъ въ морѣ, потому что милость Его пребываетъ во вѣкъ“. „Онъ могущественныхъ царей истребилъ, потому что милость Его пребываетъ во вѣкъ“. „Онъ погубилъ Сигона, царя аморитскаго, потому что милость Его пребываетъ во вѣкъ“.—„И Ога, царя Базанскаго, потому что милость Его пребываетъ во вѣкъ“.—„И далъ ихъ землю намъ, потому что милость Его пребываетъ во вѣкъ“. Онъ далъ ее „въ наслѣдство своему рабу Израилю, потому что милость Его пребываетъ во вѣкъ“.—„Превозносите Господа небесъ, потому что милость Его пребываетъ во вѣкъ“.

Такъ поютъ теперь гимны только продажные литераторы купившимъ ихъ дѣятелямъ, но они скрываютъ, что превозносятъ за „милости“. Ветхозавѣтные публицисты не скрывали мотивовъ ни своихъ славословій, ни своей любви. Они видѣли въ этихъ мотивахъ лишь благодарность за помощь, ибо внѣ своекорыстія

они не знали ничего. И свои отношенія къ Богу они основали на векселѣ въ видѣ „завѣта“ или договора.

Всякій народъ въ древнемъ мірѣ, да и европейскіе народы вплоть до Вестфальскаго мира видѣли въ своей національности соль земли, которою и старались осолить всю землю. Вестфальскій миръ призналъ начало самостоятельности государствъ, но и послѣ него старый принципъ продолжалъ господствовать въ умахъ. Наполеонъ I повторилъ кровавую идею Александра Македонскаго, а Германія, Франція и Англія въ своей колонизаторской политикѣ слѣдуютъ примѣру древнихъ, признававшихъ, что Господь Богъ помогаетъ грабить и истреблять слабыя народности и отдаетъ земли ихъ „въ наслѣдіе“ культурнымъ націямъ, какъ „обѣтованныя“ земли.

VI.

Безстрастная природа отъ сотворенія міра признала войну своимъ, т. е. естественнымъ факторомъ жизни. Видно это изъ того, какъ усердно она заботится объ усовершенствованіи всевозможныхъ орудій войны. Такъ, она вырабатываетъ у однихъ животныхъ могучіе рога и дѣйствительно мѣдные лбы, другимъ даетъ страшные клыки, третьимъ клювъ, четвертымъ когти, зубы и т. д. Изобрѣтательность природы въ созданіи орудій самообороны и нападенія изумительна. Природа не остановилась даже передъ такимъ съ точки зрѣнія человѣческой глубоко-безнравственнымъ средствомъ, какъ безконечная плодовитость. Многія породы сохраняютъ свой родъ только плодовитостью, благодаря которой самыя страшныя опустошенія не мѣшаютъ существованію и продолженію рода. Такъ, сельди существуютъ только своею плодовитостью, не смотря на страшное ихъ истребленіе человѣкомъ и другими хищниками. Кроткая и смирная овца поѣдается людьми и одѣваетъ своихъ истребителей, побѣждая силу истребленія своею плодовитостью. Очевидно, порода въ подобныхъ случаяхъ сохраняется принесеніемъ въ жертву массы индивидуальныхъ жизней: смерть личности служитъ спасеніемъ породы.

Человѣкъ не составляетъ исключенія въ системѣ заботъ природы о сохраненіи породы. Въ борьбѣ онъ выработалъ себѣ руки и изъ четвероногаго превратился въ двуногое. Но, быть можетъ, въ тотъ же періодъ жизни человѣкъ сдѣлался стаднымъ животнымъ, объединяясь по закону сходствъ. И рано въ борьбѣ выступаютъ не личности, а человѣческія стада, какъ многорукія животныя. И теперь война представляетъ собою борьбу стадъ. О характерѣ ея въ первобытное время можно судить по фактамъ, наблюдаемымъ и теперь у дикихъ народцевъ.

Въ Африкѣ царство дикости развертывается передъ нами во всемъ своемъ ужасѣ. Каждая деревня воюетъ съ сосѣдями,

Тамъ все сплошь—насиліе, грабежъ, убійства и набѣги, единственная цѣль которыхъ—захватъ скота и невольниковъ, вообще беззаконное пріобрѣтеніе. Это—борьба изъ-за обогащенія, гдѣ не стѣсняются ни сущностью, ни формами,—борьба, которая въ странѣ, гдѣ ни законъ, ни нравственность не обуздываютъ личнаго эгоизма, бываетъ также неумолима, какъ и борьба за существованіе. Въ дикомъ африканскомъ обществѣ человѣкъ одинокъ и покинутъ даже между своими: такъ короли торгуютъ подданными, мужья продаютъ женъ, родители дѣтей, а иногда и дѣти родителей [54]).

У древнихъ египтянъ былъ обычай фаллотоміи (оскопленія), дѣйствующій и теперь въ Абиссиніи. „Обычай увѣчить на полѣ битвы побѣжденнаго врага—вообще обычай довольно распространенный.—Возвращаясь домой послѣ удачнаго сраженія, абисинскіе воины несутъ на концахъ копій dépouilles viriles побѣжденнаго врага, затѣмъ подвѣшиваютъ надъ дверьми своихъ домовъ, какъ трофеи. При входѣ въ домъ знатнаго абиссинца можно видѣть до 50—60 такихъ трофеевъ. Это воспѣвается въ пѣсняхъ [55]).

Поэтому же, отвлекаясь отъ сантиментальной идеологіи, нельзя не назвать войну совершенно естественнымъ явленіемъ. Недаромъ еще Аристотель говоритъ: „Военное искусство есть какъ бы естественный способъ пріобрѣтенія; охота есть лишь одно изъ его подраздѣленій, примѣняемое къ дикимъ звѣрямъ и къ тѣмъ людямъ, которые, будучи созданы для повиновенія, не хотятъ повиноваться, такъ что сама природа говоритъ, что такая война справедлива“ [56]).

Мудрый Солонъ оставилъ въ Аѳинахъ коллегіи пиратовъ, а Ѳукидидъ заявляетъ въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, что въ старину пиратство не только не считалось позорнымъ, а было даже доблестно: „Обмануть или обокрасть чужестранца считалось въ древней Греціи очень похвальнымъ; за такого рода подвиги Гомеръ высокопарно прославляетъ Автолакая, славнаго хитрымъ притворствомъ и клятвъ нарушеніемъ [57]).

Летурно считаетъ это—первобытною моралью вообще [58]).

Весь древній міръ и средніе вѣка, говоритъ де-Лавеле, не смотря на поученія Евангелія, прославляютъ мечъ воина и презираютъ кирку работника. Всѣ эти гибельныя заблужденія до сихъ поръ еще живутъ въ умахъ, и изъ нихъ вытекаетъ антагонизмъ между народами, война, воинственное настроеніе и, можетъ быть, еще большій бичъ—вооруженный миръ. Вычисляютъ, что вооруженный миръ стоитъ народамъ ежегодно отъ 30 до 40 милліардовъ франковъ, считая потерю труда почти 3 милліоновъ солдатъ и моряковъ [59]).

Можно сказать, что въ этомъ отношеніи къ войнѣ мало разницы между древними и новыми народами.

Надпись о войнахъ ассирійскаго царя Тиглатъ-Пилезара I гласитъ: „Я наполнилъ трупами враговъ горныя долины и вершины, я обезглавилъ ихъ, украсилъ ихъ головами стѣны ихъ городовъ; я забралъ рабовъ, добычу и безчисленныя сокровища".

Царь Ассурна Ирпаль (ассирійскій) сдиралъ кожу съ живыхъ враговъ и обтягивалъ ею стѣны завоеванныхъ городовъ, иногда города сжигались съ жителями.

А не такъ давно извѣстный стратегъ графъ Мольтке въ письмѣ къ проф. Блюнчли въ 1880 г. писалъ: „Вѣчный миръ есть мечта и совсѣмъ не заманчивая. Война—*это элементъ порядка, установленнаго Богомъ*. Въ ней развиваются лучшія качества человѣка: мужество и безкорыстіе, вѣрность долгу и самоотверженію. Безъ войны міръ погрязъ бы въ матеріализмѣ".

Разница между стратегами древней Ассиріи и современными стратегами Германіи лишь въ томъ, что теперь не принято сдирать кожу съ плѣнныхъ, зато убиваютъ безконечно больше людей. Сущность же войнъ одна и та же.

Съ исторической точки зрѣнія можно различать три періода войнъ. Первый періодъ первобытныхъ войнъ, когда человѣческія стада нападали на другія человѣческія же стада изъ-за народной добычи. Войны велись въ интересахъ стадной добычи, наприм., для занятія земель и покоренія иноплеменниковъ въ цѣляхъ обращенія ихъ въ рабовъ. Но очень рано произошло усвоеніе власти наиболѣе сильными родами и появились вотчинныя государства. Возникъ второй періодъ войнъ, носящій чисто вотчинный характеръ. Воюетъ не народъ, а наемныя войска или служащіе у правителя дружинники. Наконецъ, съ появленіемъ демократіи естественно появляется узурпація власти, престижъ которой потребовалъ славы, величія, блеска дворовъ и т. п. Войны вступаютъ въ третій періодъ, когда народъ является лишь простымъ поставщикомъ живыхъ орудій войны. Таковы войны Наполеона I.

Всякая война возникаетъ изъ нападенія, требующаго отраженія, къ которому, съ появленіемъ осѣдлости, присоединилась защита насиженной земли. Защита родины—святое дѣло и понятна апологія такой войны. Но всякая война начинается нападеніемъ и поэтому самая природа ея заключается въ хищничествѣ. Въ этомъ отношеніи вполнѣ правы экономисты, видящіе въ войнѣ даже особый видъ производства [60]).

Такъ, К. Каутскій совершенно вѣрно видитъ въ войнѣ—способъ добычи. „На болѣе раннихъ ступеняхъ культурнаго развитія война играетъ выдающуюся роль въ производствѣ; она обыкновенно была борьбой за самое важное средство производства—территорію, необходимую для охоты или скотоводства, которую надо было защищать или завоевать. Гдѣ дикое племя жило по

сосѣдству съ цивилизованнымъ, тамъ къ войнѣ за спорную область присоединялся еще хищническій набѣгъ,—предпріятіе, приносившее воинственнымъ варварамъ богатую добычу. Были такія варварскія племена, у которыхъ грабежъ цивилизованныхъ сосѣдей составлялъ главный способъ пріобрѣтенія. Быть воиномъ при подобныхъ обстоятельствахъ было очень выгодно, и это стоило очень мало. Оружіе, необходимое для войны, было по большей части то же самое, которое употреблялось на охотѣ, бывшей самой важной отраслью пріобрѣтенія“ [61]).

Только напрасно К. Каутскій считаетъ войны для добычи варварствомъ. Лучшимъ опроверженіемъ этого служитъ тотъ фактъ, что войны никогда не прекращались и врядъ-ли скоро прекратятся.

За 3357 лѣтъ исторической жизни человѣчества съ 1496 года до Р. Х. по 1861 г. по Р. Хр. на войну приходится 3130 лѣтъ, а на миръ 227 лѣтъ [62]).

Въ періодъ съ 1853 по 1866 г. цивилизованный міръ принесъ жертву духу войны около 1.750.000 человѣкъ и 48 милліардовъ франковъ [63]).

Лапужъ высчитываетъ, что въ теченіи 5 тысячъ лѣтъ цивилизаціи войны дали убитыхъ до $2^1/_2$ милліардовъ. Войны революціи стоили французамъ 1.800.000 жизней, а прочимъ европейскимъ народамъ 2.500.000. Войны Имперіи 2.600.000 фанц. и 3.500.000 прочимъ [64]).

Лапужъ пишетъ: „Каждая нація, для упроченія своего будущаго, стремится раздавить другія, цѣною самыхъ тяжелыхъ жертвъ. Отсюда эти таможенныя войны, эти неслыханныя вооруженія, превращающія Европу въ вооруженный лагерь, отсюда эти постоянныя изысканія, порождающія чудеса въ искусствѣ истребленія, прогрессъ котораго превосходитъ всякій другой. Уже народы чувствуютъ, что у нихъ мало земли для растущаго населенія, и необходимость заставляетъ ихъ искать новыхъ территорій. Они жадно ищутъ ихъ по всему земному шару и вездѣ натыкаются на другіе народы. Сила распространенія нѣкоторыхъ расъ и окончательный захватъ странъ, удобныхъ для колонизаціи, фатально возвратятъ людей къ древнему способу войнъ, войнъ безпощаднаго истребленія... Всѣ формулы спиритуалистической философіи о братствѣ людей разлетятся, когда политика будущаго заставитъ ихъ смотрѣть другъ на друга, какъ на приматовъ, жизнь которыхъ сама по себѣ не болѣе священна, чѣмъ жизнь быка или барана. Тогда начнется рѣзня между желтыми, черными, бѣлыми, великія націи исчезнутъ, и побѣдители удобрятъ землю костями побѣжденныхъ. Счастливы сильные и плодовитые, будущее принадлежитъ имъ!“

Онъ совѣтуетъ оберегать силы теперь, силы, разрушаемыя

мелкими войнами, въ ожиданіи страшныхъ столкновеній народовъ. И несомнѣнно лишь слѣпые не видятъ этого страшнаго будущаго. Въ интересахъ нашихъ потомковъ мы обязаны готовить сильныхъ и могучихъ свободныхъ гражданъ, умѣлыхъ и готовыхъ жизнью жертвовать для спасенія своихъ. Нужны государства образованныя, посвящающія всѣ усилія образованію народа.

Исторія вполнѣ подтверждаетъ, что homo homini lupus est—съ тѣмъ лишь различіемъ, что волкъ волка не убиваетъ, а люди всю жизнь свою проводятъ въ самоистребленіи. Подумаешь, что и цѣль жизни человѣческой—самоистребленіе. И тѣмъ больше вѣроятности въ этомъ, что войны обыкновенно сопровождаются болѣзнями и голодомъ, какъ послѣдствіями опустошенія страны. Если присоединить къ войнамъ и ихъ послѣдствія, то несомнѣненъ фактъ, что люди или воюютъ, или вымираютъ и голодаютъ отъ войнъ, въ то же время, конечно, собираясь съ силами для новыхъ войнъ.

Съ 1055 г. по 1228 годъ у насъ было 80 усобицъ княжескихъ; круглымъ числомъ усобицы происходили почти черезъ годъ, иногда продолжались по 12 и 17 лѣтъ сряду. Но изъ остальныхъ 93 лѣтъ, свободныхъ отъ внутреннихъ усобицъ, было 45 важнѣйшихъ, записанныхъ нашествій половецкихъ и литовскихъ [65]).

Присоединимъ къ этому моръ и голодъ. Съ 1054—1228 г. лѣтописецъ упоминаетъ семь разъ о голодѣ и дороговизнѣ. Нѣкоторые годы, дѣйствительно, были страшны также по мору на людей и скотъ. Такъ, подъ 1092 г. въ Полоцкѣ люди поражались вдругъ какою-то язвою, которую приписывали ударамъ мертвецовъ, ѣздившихъ по воздуху. Моръ поразилъ почти весь югъ. Въ Кіевѣ отъ Филиппова дня до масленицы было продано 7000 гробовъ. Подъ 1187 г. суздальскій лѣтописецъ, говоря о страшной смертности, сообщаетъ, что не было двора безъ больного, а въ иныхъ дворахъ всѣ были больны и некому было и воды подать.

Очевидно, если сообразить все это, то населенію совсѣмъ трудно было жить въ этотъ почти двухсотлѣтній періодъ. Если не война, то голодъ или моръ—вотъ жизнь нашихъ предковъ за это время.

В. Ключевскій говоритъ, что въ 1492—1595 г. было 3 войны со Швеціей и 7 войнъ съ Литвой—Польшей совмѣстно съ Ливоніей. Эти войны поглотили не менѣе 50 лѣтъ, слѣдовательно на западѣ въ эти 103 года мы круглымъ счетомъ воевали годъ и годъ отдыхали [66]).

Въ то же время на азіатской границѣ шла изнурительная непрерывная война. Въ 1571 и 1572 г. крымскій ханъ дважды нападалъ на Москву съ полчищами въ 120.000 человѣкъ. Это

были разбойничьи набѣги. Во всемъ Крыму не было другой прислуги, кромѣ плѣнныхъ. Живой товаръ продавали въ Константинополь, Анатолію и въ другіе края Европы, Азіи и Африки [67]).

Описавъ оборону страны отъ южныхъ татаръ, В. Ключевскій заключаетъ: „Шагъ за шагомъ отвоевывали степь у степныхъ разбойниковъ. Въ продолженіи всего XVI вѣка изъ года въ годъ тысячи пограничнаго населенія пропадали для страны, а десятки тысячъ лучшаго народа страны выступали на южную границу, чтобы прикрыть отъ плѣна и разоренія обывателей центральныхъ областей. Если представить себѣ, сколько времени и силъ матеріальныхъ и духовныхъ гибло въ этой однообразной и грубой, мучительной погонѣ за лукавымъ степнымъ хищникомъ, едва ли кто спроситъ, что дѣлали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигла своихъ успѣховъ въ промышленности и торговлѣ, въ общежитіи, въ наукахъ и искусствахъ [68]).

Набѣги татаръ, по выраженію В. Ключевскаго, вызвали мысль разсыпать служилыхъ людей по границамъ, „*сдѣлать изъ земледѣльцевъ живую изгородь противъ степныхъ набѣговъ*“ [69]).

Въ теченіи 234 лѣтъ (1228—1462) сѣверная Русь вынесла 90 внутреннихъ усобицъ и до 160 внѣшнихъ войнъ, при частыхъ повѣтріяхъ, неурожаяхъ и пожарахъ [70]).

При царѣ Михаилѣ шли двѣ войны съ Польшей и одна съ Швеціей; всѣ три кончились неудачею. При Михаиловомъ преемникѣ шли опять двѣ войны съ Польшей за Малороссію и одна съ Швеціей; двѣ изъ нихъ кончились опять неудачно. При царѣ Ѳедорѣ шла тяжелая война съ Турціей, начавшаяся еще при его отцѣ въ 1673 г. и окончившаяся безполезнымъ Бахчисарайскимъ перемиріемъ въ 1681 г.; западная заднѣпровская Украина осталась за турками. На 70 лѣтъ (1613—1682) приходится 30 лѣтъ войны [71]).

Понятно, эти несчастливыя войны возбуждали въ народѣ неудовольствія и бунты. Это лишь усиливало эпоху бѣдъ смутнаго времени и вело къ сознанію народомъ необходимости перемѣнъ. Отсюда ласточки предстоящаго времени реформъ—Ѳ. М. Ртищевъ, кн. И. А. Хворостининъ, патріархъ Никонъ, Гр. Котошихинъ, Ю. Крижаничъ, Б. И. Морозовъ. А все это вело къ Петру I, который долженъ былъ появиться. Но произошли перемѣны, а сила судебъ лишь увеличила количество войнъ.

Не удивительно, что Россія оказалась позади культурнаго движенія. Трудно быть культурнымъ у Везувія, разрушающаго все, что создается трудомъ [72]).

Не удивительно также и то, что именно у насъ оказались возможными мрачныя теоріи, рѣшительно отрицающія гуманность, какъ основу жизни. Вотъ одна изъ этихъ доктринъ, принадлежащая М. А. Энгельгардту [73]).

Первыя стадіи культуры: 1) „Мирный періодъ третичнаго и древне-ледниковаго вегетаріанца; растительная пища, кроткіе нравы, отсутствіе войны, людоѣдства и дѣтоубійства; нашъ предокъ держится только сплоченностью, симпатіей, тѣснымъ союзомъ всѣхъ членовъ вида; онъ еще слишкомъ слабъ для внутренней войны и раздоровъ; 2) *Переходный періодъ:* переходъ къ плотоядной пищѣ, перемѣна фронта по отношенію къ животнымъ, война съ звѣрями, миръ съ людьми, возникновеніе новыхъ инстинктовъ жестокости и коварства, обращенныхъ пока только на животный міръ; 3) *Хищный или военный періодъ:* плотоядная пища; война, людоѣдство, дѣтоубійство; человѣкъ обезпечилъ себѣ господство надъ животными своимъ умственнымъ превосходствомъ, такъ что внутренняя война не грозитъ болѣе гибелью виду, а напротивъ является факторомъ прогресса“ [74]).

Самая первобытная община была мирнымъ союзомъ. Типомъ можетъ служить нашъ до-историческій человѣкъ Ладожскаго побережья. Здѣсь были общины охотниковъ и рыболововъ, соединенныхъ узами глубокой и тѣсной симпатіи, не знавшихъ войны и драки, угнетенія женщинъ, людоѣдства. (Иностранцевъ. Доисторическій человѣкъ кам. вѣка побережья Ладожскаго озера).

Война между племенами разрушила мирную общину. „Война вызываетъ необходимость подчиненія вождю, власть котораго, сначала временная, становится мало-по-малу (съ учащеніемъ войнъ) постоянной, собираетъ вокругъ себя аристократію, скопляетъ въ своихъ рукахъ богатство и т. д.“ [75]).

Война между мелкими племенами создаетъ болѣе крупные аггрегаты, которые продолжаютъ взаимную грызню, пока не сформируется одинъ, два, три десятка прочныхъ, крѣпко связанныхъ государствъ,—эти рано или поздно гибнутъ подъ натискомъ новаго роя мелкихъ племенъ, среди которыхъ возобновляется та же исторія. Сотня скорпіоновъ глотаетъ другъ друга, жирѣетъ, раздувается, растетъ; наконецъ, остается одинъ, заглотавшій всѣхъ остальныхъ, чудовищный, осовѣвшій, отяжелѣвшій; откуда ни возьмись врывается новая орава, разрываетъ его на клочки, затѣмъ обращается другъ противъ друга: вотъ исторія всѣхъ народовъ и государствъ, создавшихъ и двигавшихъ впередъ цивилизацію“ [76]).

„Война не развивала, а разрушала солидарность, замѣняя ее дисциплиной, дрессировкой, муштровкой, безпрекословнымъ не разсуждающимъ повиновеніемъ вождю, ничего общаго не имѣющимъ съ чувствами симпатіи, жалости, состраданія [77]).

Причины первобытной нравственности—беззащитность. „Въ до-военный періодъ своего существованія, человѣчество держалось противъ внѣшнихъ невзгодъ исключительно внутренней сплоченностью. Въ то время естественный подборъ сохранялъ

группы, въ которыхъ взаимная помощь доходила до высшей степени. Переживали наиболѣе самоотверженные, наиболѣе сострадательные, наиболѣе любящіе. Человѣкъ былъ такъ слабъ, такъ много людей погибало отъ дикихъ звѣрей, отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, что если бы къ этому присоединить еще внутренніе раздоры, родъ человѣческій исчезъ бы съ лица земли“ [78]).

Каннибализмъ появился довольно поздно въ исторіи развитія человѣчества, преуспѣвалъ постепенно и параллельно успѣхамъ культуры и достигъ наивысшаго развитія въ цивилизаціяхъ, которыя ближе стоятъ къ типу европейскихъ, античныхъ и восточныхъ государствъ, чѣмъ къ типу первобытнаго племени [79]).

„Древнѣйшая или *первобытная мораль* характеризуется отсутствіемъ войны, людоѣдства, дѣтоубійства, истязанія дѣтей и женщинъ, отсутствіемъ рабства, деспотизма, корыстолюбія, изувѣрства. Положительная характеристика: миролюбіе, отвращеніе къ войнѣ, широкая гуманность, безкорыстіе, жалость, симпатія, готовность жертвовать всѣмъ для другихъ. Ближе всего къ этой стадіи моральнаго развитія стоятъ веддахи, первобытные монголы Лаперуза, гольды, аины, эскимосы, бушмены; слѣды ея сохранились у многихъ дикарей въ видѣ безкорыстія и презрѣнія къ наживѣ, внутренней солидарности и взаимопомощи въ предѣлахъ племени, широкаго гостепріимства, отсутствія серьезныхъ преступленій и т. п. Эта стадія морали соотвѣтствуетъ безформенной стадіи общественнаго быта, когда не было націй, а было только человѣчество, еще не раздѣлившееся на враждующія племена“ [80]).

Затѣмъ *дикая мораль*. Она совпадаетъ съ обособленіемъ на враждующія племена. Нѣтъ еще рабства и внутренней войны, нѣтъ людоѣдствъ и убійствъ. Тасманійцы и австралійцы.

Культурная мораль. Ожесточенныя войны богатыхъ съ бѣдными, господъ съ рабами, рабство, деспотизмъ, корыстолюбіе, изувѣрство, дуэли, бои, культъ войны. Фиджійцы, дагомейцы, ашантіи, монбуты и т. п. Древняя Мексика, Египетъ, Ассирія, Греція; Римъ, Персія и пр.

Европейская мораль — мораль сантиментальныхъ тигровъ. При вѣрѣ въ доброту—страшныя гнусности. „Эта черта придаетъ особенно противный, гнусный, отталкивающій характеръ европейскимъ гадостямъ, прикрывающимся благороднѣйшими и возвышеннѣйшими принципами [81]).

Промышленный типъ общества, говоритъ Энгельгардтъ, ничуть не уступаетъ военному по части жестокости. Въ Англіи мы видимъ „безправную массу населенія, колонизаціонную политику, которая сводится къ истребленію народовъ ради рынковъ; принципъ „движенія къ собственности“, доведенный до мономаніи. Еще въ концѣ 18 ст. смертная казнь полагалась за 200 слишкомъ

преступленій; вѣшали за покражу вещи до 12 су. Нищихъ и оородягъ преслѣдовали съ остервенѣніемъ, доходя временами до повальныхъ, массовыхъ избіеній: при Генрихѣ VIII напримѣръ повѣшено до 38.000 нищихъ".

„Деспотизмъ, развивающійся параллельно развитію военныхъ типовъ, долженъ былъ создавать съ одной стороны властолюбіе, которое сводится, въ сущности, къ желанію давить, гнуть, приструнивать себѣ подобныхъ, съ другой—раболѣпіе и затаенную злобу [82]).

„Въ роковой 1492 г. генуэзскій бродяга показалъ старому европейскому гнѣзду тарантуловъ, ошалѣвшихъ отъ тысячелѣтней грызни, дорогу въ Новый Свѣтъ, и закаленная въ разбоѣ Европа выбросила въ Америку свои лютыя полчища; и тамъ, гдѣ милліоны мирныхъ людей въ праздничныхъ одеждахъ, подъ звуки пѣсенъ и гимновъ, весело трудились для общаго блага, тамъ, на залитой кровью землѣ, водворилось со своимъ богомъ Мамономъ ненасытное бѣлое племя" [83]).

„Нашествіе конквистадоровъ въ XVI в.—едва ли не единственный по гнусной жестокости примѣръ въ исторіи. Испанцы накидывались какъ тигры; караибы Антильскихъ острововъ изведены всѣ до послѣдняго человѣка, на Маріанскихъ островахъ истреблено 99% населенія. Англо-саксонская раса въ Америкѣ еще свирѣпѣе. Пока индѣйцевъ было много, ихъ истребляли охотой и войной. Рѣзали и пристрѣливали всѣхъ. Изъ 10.000.000 индѣйцевъ въ XVII ст. осталось всего 244.000 въ 1890 г. т. е. почти 98% населенія истреблено.

То же въ Африкѣ. Французско-голландскіе поселенцы истребляли поголовно мужчинъ и женщинъ. Отравляли, жгли, стрѣляли. Считаютъ, что европейцы вывезли изъ Африки 50 милл. рабовъ.

„Суровый Римъ не истреблялъ покоренныхъ племенъ, свирѣпые монголы не остановили роста русскаго населенія, во время хронической рѣзни великаго переселенія народовъ не погибла ни одна раса. Все это было школьнической дракой въ сравненіи съ нашествіемъ европейца. Это уже не вандалъ, не скивъ, не римлянинъ, не монголъ, это новый невиданный звѣрь. Нѣтъ такой гнусности, для которой онъ былъ бы недостаточно гнусенъ; нѣтъ такой подлости, для которой онъ былъ бы недостаточно подлъ; нѣтъ такой жестокости, для которой онъ былъ бы недостаточно извергъ! Это рафинированная свирѣпость, квинтэссенція звѣрства! Собаки, пріученныя разрывать людей, сожженіе гуртомъ, вымариваніе голодомъ, облавы, затаптываніе младенцевъ, поголовное вырѣзываніе, охота за скальпами, отрава, пытки, надругательства" [84]).

Но „никакая гнусность не продѣлывается просто изъ хищ-

ности, корыстолюбія, властолюбія—все это прикрывается соображеніями высшей морали.—Отъ генуэзскаго проходимца Колумба до американскаго босяка Стэнли—всѣ эти истребители младенцевъ и растлители малолѣтнихъ несли дикарямъ блага культуры, свѣтъ образованности“ и т. д. [85]).

Выводъ: „Исторія цивилизаціи есть исторія постепеннаго *озвѣренія людей*“ [86]).

Авторъ забылъ, напримѣръ, исторію истребленія туземцевъ обѣтованной земли во имя Бога! Вѣдь убивали всѣхъ!

Нѣтъ, человѣкъ былъ звѣремъ всегда, когда ему предоставлялась возможность быть таковымъ. Въ этомъ и есть его *первородный грѣхъ*. Онъ не былъ звѣремъ, когда былъ слабъ и искалъ помощи въ общинѣ противъ звѣрей и природы. И только. А разъ почувствовалъ себя сильнымъ—онъ проявляетъ свое звѣрство, свой первородный грѣхъ. Въ исторіи звѣрство усиливается вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ государствъ и улучшеніемъ истребительныхъ орудій. Это вполнѣ естественно.

Невольно возникаетъ даже мысль, что человѣчество болѣетъ войною, что оно не нормально. Такъ смотритъ на это дѣло, напримѣръ, Н. Чернышевскій. По его мнѣнію „должно быть что-то фальшивое, дикое въ томъ экономическомъ бытѣ, при которомъ для массы націи все равно, теряетъ ли нація 20%, 30% или даже 50% своего дохода (отъ войны), а для многихъ эта потеря даже выгодна,—при которомъ нація восхищается своими побѣдами и рада вести войну, лишь бы шла она удачно. Это напоминаетъ о состояніи ощущеній человѣка, одержимаго тифознымъ жаромъ, который самъ не можетъ опредѣлить, холодно ли или тепло въ комнатѣ, и который готовъ выпить хотя цѣлое ведро ледяной воды, отъ которой усиливается его болѣзнь“ [87]).

Это несомнѣнно патологическое состояніе, но оно неизбѣжно при патологическихъ условіяхъ, и націи, желающія сохранить свое существованіе, должны быть каждую минуту готовы къ войнѣ.

Е. Дюрингъ, стоя за миръ, въ то же время основательно говоритъ, что „готовность къ борьбѣ должна составлять не только необходимое требованіе жизни, но и самая оцѣнка послѣдней будетъ зависѣть отъ того, насколько отдѣльная личность и общество подготовлены и вооружены для защиты и активнаго нападенія въ интересахъ обороны своихъ естественныхъ правъ“ [88]).

На возможность упраздненія войнъ Дюрингъ смотритъ пессимистически. Нечего и думать, говоритъ онъ, объ уничтоженіи войнъ, пока будетъ существовать возможность увеличивать чувство собственной жизни испробованіемъ своей силы на несправедливомъ притѣсненіи ближняго и пока злоба и невѣжество не допустятъ людей до лучшаго единенія [89]).

А между тѣмъ онъ прекрасно понимаетъ, какое громадное

несчастье представляетъ собою война, даже побѣдоносная. По его словамъ, „для народной массы, война съ ея обычными цѣлями всегда представляется убыткомъ, независимо отъ того, кто выигрываетъ и кто побѣждается. Она поглощаетъ кровь и имущество отдѣльныхъ лицъ, а въ цѣломъ разрушаетъ національное и международное хозяйство. Какъ грубость и насиліе, она ухудшаетъ нравы даже и на послѣдующій періодъ мирнаго времени; она увеличиваетъ жестокость и распущенность; она питаетъ и поддерживаетъ ни на чемъ не основанное высокомѣріе и развиваетъ наклонность къ мистицизму, наглому насилію и постыдному забвенію элементарныхъ началъ справедливости“ [90]).

Даже В. Зомбартъ признаетъ войны неизбѣжными. Онъ сравниваетъ ихъ съ кровопусканіемъ [91]).

Но... вспомнимъ слова шиллеровскаго Валленштейна:

„Широкъ только міръ идей, міръ вещей—тѣсенъ: идеи легко уживаются одна рядомъ съ другой, но вещи въ пространствѣ приходятъ въ жестокое столкновеніе. Повсюду, гдѣ одна вещь занимаетъ мѣсто, другая должна его уступить. Чтобы не быть вытѣсненнымъ, надо самому вытѣснять другихъ. Борьба господствуетъ повсюду и только одна лишь сила торжествуетъ побѣду“.

Если широкій міръ идей станетъ управлять вещами, не передаетъ ли онъ имъ своей ширины?

А пока... роса очи выѣдаетъ и Молохъ войны упитывается кровавыми жертвоприношеніями. И какъ только жрецы этого кровожаднаго идола теряютъ свое значеніе, какъ только ослабѣваетъ ихъ власть и сила, даже честномыслящіе люди начинаютъ грустить и унывать. Рыцарь-де погибаетъ и купецъ съ мѣщаниномъ побѣждаютъ. Вспомнимъ, напримѣръ, Герцена.

По его опредѣленію, рыцарь—первообразъ міра феодальнаго, *купецъ*—новаго міра. Господа замѣнились хозяевами. Рыцарь—лицо, въ мѣщанинѣ главное—вещь, собственность. „Рыцарь былъ страшная невѣжда, бреттеръ, разбойникъ и монахъ, пьяница и піэтистъ, но онъ во всемъ былъ открытъ и откровененъ. Купецъ человѣкъ мира, а не войны“ [92]).

Подъ вліяніемъ мѣщанства все перемѣнилось въ Европѣ. Рыцарская честь замѣнилась бухгалтерской честностью, изящные нравы—нравами чинными, вѣжливость—чопорностью, гордость—обидчивостью, парки—огородами, дворцы—гостинницами, открытыми для всѣхъ“ [93]).

„Вся нравственность свелась на то, что неимущій долженъ всѣми средствами пріобрѣтать, а имущій хранить и увеличивать свою собственность; флагъ, который поднимаютъ на рынкѣ для открытія торга, сталъ хоругвью новаго общества. Человѣкъ de facto сдѣлался принадлежностью собственности; жизнь свелась на постоянную борьбу изъ-за денегъ“ [94]).

„Всѣ партіи и оттѣнки мало по малу раздѣлились въ мірѣ мѣщанскомъ на два главные стана: съ одной стороны, мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся поступиться своими монополіями, съ другой, неимущіе мѣщане, которые хотятъ вырвать изъ ихъ рукъ ихъ достояніе, но не имѣютъ силы, т. е. съ одной стороны *скупость*, съ другой *зависть*“ [95]).

Въ переводѣ на русскій языкъ это означаетъ, что идолъ, упитывающійся кровью ближнихъ, благороднѣе и выше человѣка, живущаго своимъ собственнымъ огородомъ. Съ одной стороны благородство, а съ другой—мѣщанство. Несчастна человѣческая мысль! Нѣтъ такого вѣтерка, который не носилъ бы ее по своему усмотрѣнію. Даже перекати-поле имѣетъ свой корень и выбираетъ себѣ подходящую почву, лишь пользуясь подходящими вѣяніями.

Будущій историкъ, разсматривая жизнь народовъ съ высоты горъ, образовавшихся накопленіемъ тысячелѣтій, уподобитъ ее... сталактитовымъ образованіямъ, произведеннымъ известкой. Осматривая одну изъ нихъ (въ Крыму, на Чатыръ-Дагѣ) Е. Марковъ говоритъ: „Начинаешь впадать въ какое-то мистическое сновидѣніе, начинаешь невольно мечтать о храмахъ кровавой богини Бохвани, требующей себѣ въ жертву смерти и одной смерти. Для кого эти сотни лампадъ, эти останки отъ тысячи жертвъ?“.

Но, какъ видимъ, наша дѣйствительность мрачнѣе самыхъ темныхъ сталактитовыхъ пещеръ. Образованные также механически, расы, націи, классы имѣютъ душу, которая не щадитъ крови, не признаетъ никого, кромѣ себя. И механически одушевленная глыба направляетъ свои стопы къ покоренію и поглощенію всего, что попадается ей на пути. Но въ своемъ движеніи механически образованныя глыбы встрѣчаютъ иной законъ, совершенно противоположный закону сходствъ. Это—также механическій законъ различій.

II. Различія.

I.

Сходства между людьми возникаютъ изъ единства происхожденія (родовые и племенные союзы), изъ единства мѣстожительства (союзы деревенскіе, городскіе, территоріальные или національные) и единства рода занятій (профессіональные, кастовые, сословные, классовые союзы).

Буквально тѣ же самыя причины лежатъ и въ основаніи различій между людьми.

Единство происхожденія создаетъ племена и расы, въ предѣлахъ коихъ происходитъ самоопредѣленіе и образованіе массовой души. Расовыя особенности въ значительной мѣрѣ коре-

нятся въ крови населенія и, безъ всякаго сомнѣнія, при равенствѣ остальныхъ условій, имѣютъ громадное значеніе для культуры, особенно же въ начальныхъ стадіяхъ ея. Естественно и преувеличеніе этой силы, если разсматривать историческіе факты съ чисто внѣшней или формальной точки зрѣнія. Такъ, Летурно пришелъ къ убѣжденію въ существованіи іерархій между расами. По его мнѣнію, раса болѣе чѣмъ среда является факторомъ культуры. Въ борьбѣ за существованіе человѣкъ, не одаренный особыми способностями, передаваемыми по наслѣдству, является безоружнымъ. Къ такимъ способностямъ онъ относитъ: энергію, какъ упорную волю къ достиженію намѣченныхъ цѣлей, стремленіе къ умственному развитію и способность къ солидарной работѣ, къ соединенію индивидуальныхъ стремленій для достиженія общихъ задачъ. Какова бы ни была среда, безъ этихъ расовыхъ способностей человѣкъ не способенъ къ культурѣ. Поэтому нѣтъ культуры негритянскаго происхожденія. „Еще не было примѣра, чтобы низшая по анатомическому строенію раса создала высшую культуру. Низшія расы какъ бы прокляты и нужны человѣческія эпохи для превращенія ихъ въ годныхъ къ культурѣ людей. Націи раздѣляются на „избранныхъ“ и „отверженныхъ“.

Л. Мечниковъ основательно возражаетъ, что „неспособность къ созданію высшихъ культуръ, которую Летурно считаетъ характеристичной для отверженной расы негровъ, можно констатировать также и у значительной части народовъ бѣлой расы и почти у всѣхъ представителей желтой. Вообще великія историческія культуры являлись результатами совмѣстной работы самыхъ сложныхъ смѣшеній различныхъ этнографическихъ элементовъ, смѣшеній, въ которыхъ даже приблизительно нельзя опредѣлить долю участія бѣлыхъ, желтыхъ или черныхъ“ [1]).

По его вѣрному замѣчанію, „такъ какъ ни семитамъ, ни ливійцамъ въ одиночку не удалось создать высокую и устойчивую культуру въ той же области Африки, то на этомъ основаніи можно *было бы* выставить гипотезу, діаметрально противоположную положеніямъ Летурно; именно, можно было бы утверждать, что свѣтлая, привиллегированная историческая раса нуждается для исполненія своей великой роли въ крови „отверженныхъ негровъ и что не будучи оплодотворена этой примѣсью, она тѣмъ самымъ осуждается на безплодіе“ [2]).

Нашъ изслѣдователь правъ. Расовыя отличія представляютъ собою лишь формы приспособительныхъ процессовъ въ борьбѣ за существованіе при данной обстановкѣ. Измѣненіе послѣдней ведетъ къ сглаживанію отличій. Характерный примѣръ находимъ у Ливингстона, который говоритъ объ измѣненіи голландскихъ женщинъ въ Трансваалѣ по образцу готтентотской расы. Такіе

же факты наблюдаются и у насъ. Бытовое соединеніе племенъ ведетъ къ дальнѣйшему дифференцированію человѣческаго типа. Н. М. Ядринцевъ констатируетъ это въ отношеніи смѣшенія сибирскихъ инородцевъ съ русскими. „При смѣшеніи расъ, говоритъ онъ, обыкновенно замѣчается законъ, по которому, при слитіи съ новыми народностями, присоединяются и нѣкоторыя новыя качества, не бывшія въ прежней расѣ. Нѣкоторыя особенно-изощренныя способности, выработанныя инородцами въ условіяхъ ихъ мѣстнаго быта, передаются и русскимъ. Такъ, тунгузы извѣстны, наприм., своею зоркостью. Русскіе пріобрѣли при скрещиваніи, хотя и въ слабой степени, тѣ же особенности“ [3]).

По мнѣнію г. Ядринцева „на Востокѣ слагается новый этнографическій типъ“. Это утверждаютъ Ровинскій и Щаповъ.

Образованіе смѣшанныхъ племенъ у насъ можно наблюдать на границахъ великорусскаго и малорусскаго племенъ, на границѣ малороссовъ и бѣлороссовъ, въ смежной полосѣ между поляками и малороссами и т. п.

Наконецъ, объ этомъ же говоритъ и „раса преступниковъ“, о которой вслѣдъ за Ломброзо такъ много было говорено въ свое время. Эта раса обязана своимъ происхожденіемъ не единству крови, но единству происхожденія въ городской нищетѣ и необезпеченности, при отсутствіи условій, благопріятствующихъ трудовой энергіи и устойчивости. Она является при всевозможныхъ климатахъ у всевозможныхъ народовъ, если только образуется среда, благопріятствующая ея процвѣтанію. И здѣсь она растетъ не только путемъ иммиграціи, но и естественнымъ размноженіемъ.

Группируя населеніе по различнымъ союзамъ, законъ сходствъ закрѣпляетъ за образовавшимися группами ихъ особенности, постепенно превращая группу людей какъ бы въ соціальный организмъ. Понятно, eo ipso различія между группами все болѣе и болѣе кристаллизуются и въ концѣ концовъ естественно возникаетъ даже сомнѣніе въ единствѣ происхожденія самаго человѣчества.

Наши изслѣдователи основательно видѣли въ національности сложный организмъ, образующійся на почвѣ опредѣленныхъ условій жизни, но имѣя исходнымъ пунктомъ единство крови.

По ученію Хомякова, „разумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія“.

По Кирѣевскому, „свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени“. Онъ видитъ въ нашей исторіи три начала: православіе, призваніе князей и общинное владѣніе. „Воображая себѣ русское общество древнихъ временъ, не видимъ ни замковъ, ни окружающей ихъ подлой черни, ни благородныхъ рыцарей, ни борюща-

гося съ ними короля. Видимъ безчисленное множество маленькихъ общинъ, по всему лицу земли русской разсѣянныхъ и имѣющихъ каждая на извѣстныхъ правахъ своего распорядителя и составляющихъ каждая свое особое согласіе или свой маленькій міръ“ [4]).

Кавелинъ признаетъ, что „русская исторія представляетъ собою совершенную противоположность исторіи зап. государствъ“. По его мнѣнію, только съ Петра В. Россія вступаетъ на европейскій путь [5]).

Соловьевъ въ XIII т. Исторіи Россіи, различаетъ два возраста. Въ одномъ „народъ живетъ преимущественно подъ вліяніемъ чувства“, во второмъ „чувство уступаетъ мало-по-малу свое господство мысли“. Но проявленіе ихъ зависитъ отъ: 1) природы племени, 2) хода внѣшнихъ событій и 3) природы страны. „Если обратить вниманіе на главное условіе, при которомъ началась и продолжалась русская исторія, именно на обширность страны и малочисленность населенія, то дѣло объяснится легко: земли было слишкомъ много; она не имѣла цѣнности безъ обрабатывающаго ее населенія“.—„Въ камнѣ свили свои гнѣзда западные мужи и оттуда владѣли мужиками; камень давалъ имъ независимость; но скоро и мужики огораживаются камнемъ и пріобрѣтаютъ свободу и независимость“. У насъ „мужамъ негдѣ вить гнѣзда; не живутъ они особо и самостоятельно, живутъ дружинами около князя и вѣчно движутся по широкому, безпредѣльному пространству“. У населенія также „нѣтъ прочныхъ жилищъ, съ которыми бы тяжело было разставаться, въ которыхъ бы обжились цѣлымъ поколѣніемъ; города состоятъ изъ кучи деревянныхъ избъ, первая искра—и вмѣсто нихъ куча пепла. Построить новый домъ ничего не стоитъ по дешевизнѣ матеріала; отсюда съ такой легкостью русскій человѣкъ покидалъ свой домъ, свой родной городъ или село; уходилъ отъ татарина, уходилъ отъ литвы, уходилъ отъ тяжкой подати, отъ дурного воеводы или подъячаго; брести розно было ни по чемъ“. Все похоже на „перекати-поле“, а на западѣ „все прочно, все опредѣленно, благодаря камню“.

Въ дѣйствительности это не „противоположности“, а различія, соотвѣтствующія средѣ. Въ безусловно чистомъ видѣ расовыхъ государствъ исторія почти не знаетъ. Всегда къ расовому элементу, составляющему хотя бы и значительное большинство, присоединяются „чужіе элементы“, а также особенности климата, почвы и т. п. Да и слава Богу, потому что чисто расовое государство, вродѣ еврейской теократіи, было бы худшимъ изъ всѣхъ видовъ деспотизма; оно убивало душу личности, замѣняя ее національной душой. И до сихъ поръ еврейское населеніе не можетъ освободиться отъ психизма, созданнаго нѣсколько тыся-

челѣтій тому назадъ. Совершенно въ этомъ отношеніи правъ А. Менгеръ, говоря, что національность является принципомъ деспотизма. „Идеалъ расы, говоритъ онъ, былъ бы достигнутъ въ томъ случаѣ, если бы народъ имѣлъ одно происхожденіе, одно государство, одну религію и одинъ языкъ, и если бы также его правовыя, моральныя и научныя воззрѣнія были одинаковаго характера. Такая раса проявила бы очень крупную силу; но въ то же время она управлялась бы своими властителями, какъ стадо, потому что, какъ показываетъ опытъ, слабые извлекаютъ наибольшую выгоду изъ антагонизма между сильными. Къ счастію, подобный идеалъ никогда еще не былъ достигнутъ“ [6]).

Принципъ стадности, такъ необходимый для самосохраненія въ борьбѣ съ природой и людьми, уже въ древнемъ мірѣ былъ умѣряемъ элементами различій, въ свою очередь подвергавшимися вліянію принципа стадности. Поэтому нельзя не согласиться съ Герценомъ, указывавшимъ на громадное значеніе въ ростѣ Россіи иностраннаго элемента, безъ котораго и самый ростъ ея не имѣлъ бы той энергіи и силы, какую проявила она въ своемъ историческомъ прошломъ.

А. Герценъ не признаетъ Россію „довлѣющею себѣ“. Онъ говоритъ: „Воспріимчивый характеръ славянъ, ихъ женственность, недостатокъ самодѣятельности и большая способность усвоенія и пластицизма дѣлаетъ ихъ по преимуществу народомъ, нуждающимся въ другихъ народахъ, они не вполнѣ довлѣютъ себѣ. Оставленные на себя, славяне легко „убаюкиваются своими пѣснями“, какъ замѣтилъ одинъ византійскій лѣтописецъ, „и дремлютъ“.—Чтобы сложиться въ княжество, Россіи нужны были варяги. Чтобы сдѣлаться государствомъ—монголы. Европеизмъ развилъ изъ царства московскаго колоссальную имперію петербургскую“ [7]).

Этимъ же объясняется и культивирующая сила многихъ народныхъ бѣдствій, о чемъ еще будемъ подробно говорить. Вспомнимъ, какое сильное вліяніе на наши судьбы оказали такія народныя бѣдствія, какъ севастопольская и японская войны. Безъ этихъ бѣдствій самыя коренныя язвы національнаго организма не были бы даже констатированы и до сихъ поръ продолжали бы подтачивать русскій соціальный организмъ.

Признавая національность результатомъ тѣхъ же причинъ, которыя заключаются въ законѣ сходствъ или ассимиляціи, нельзя въ то же время отрицать такъ называемыхъ „историческихъ миссій“ отдѣльныхъ націй. Мы не видимъ въ нихъ чего либо метафизическаго, неестественнаго. Народность, организованная опредѣленными историческими и физическими условіями, становится соціальнымъ индивидуумомъ, то прозябающимъ и безплодно и безцѣльно погибающимъ, то факторомъ, вносящимъ свою

долю труда въ общее дѣло человѣческой культуры. Ничего мистическаго, а глубокая, на фактахъ обоснованная, правда заключается въ слѣдующемъ положеніи пр. Булгакова:

„Вѣра въ свой народъ коренится въ метафизическихъ основахъ міросозерцанія, которое необходимо должно посчитаться съ проблемой національности. Народы, подобно индивидуумамъ, имѣютъ свою нравственную задачу, свою историческую миссію, и эта миссія предусмотрѣна въ нравственномъ міропорядкѣ, гдѣ напередъ усчитаны дѣла братскаго соревнованія народовъ на пажитяхъ исторіи. Съ этой точки зрѣнія самый фактъ историческаго существованія великаго народа свидѣтельствуетъ, что ему суждено на свой собственный ладъ послужить добру, сказать свое слово. Идея народности, такимъ образомъ понимаемая, является религіозной идеей, она связана съ общей идеей существованія нравственнаго міропорядка“ [8]).

Но только врядъ ли можно говорить о томъ, что выходитъ изъ предѣловъ фактовъ. Падающіе у горы камни образуютъ причудливыя формы, восхищающія наблюдателя. Но, не отрицая всемірнаго тяготѣнія, наблюдателю приходится видѣть только факты и указывать на естественныя причины ихъ. Законъ накопленія сходствъ, образовавъ между людьми безчисленныя родовыя группы, привелъ къ группировкѣ людей по расамъ и націямъ. Появилась дифференціація по національностямъ, послужившая основаніемъ образованія государствъ, то стремящихся къ поглощенію другихъ, то мирно уживающихся другъ съ другомъ и сообща работающихъ для цѣлей жизни.

И теперь, какъ и въ глубокой древности, человѣка не видно. Мы знаемъ грековъ, римлянъ, русскихъ, нѣмцевъ, англичанъ, но человѣка еще нѣтъ.

По вѣрному замѣчанію Луи Бурдо, „каждый изъ насъ обязанъ своему народу цѣлою совокупностью отличительныхъ чертъ, особымъ типомъ организаціи, особыми способностями, извѣстнымъ способомъ чувствовать и мыслить, понимать и изображать прекрасное, безцѣннымъ сокровищемъ умственныхъ навыковъ, роднымъ языкомъ, наслѣдственнымъ запасомъ нравовъ, вѣрованій, законовъ и учрежденій, всѣмъ, что управляетъ нашею политическою и общественною дѣятельностью и служитъ для нея рамкой. Наша личность состоитъ преимущественно изъ этихъ элементовъ.—Индивидуальное существо должно быть разсматриваемо, въ большей своей части, какъ произведеніе создавшаго его общества, поучаемое и руководимое имъ во всю жизнь“ [9]).

Тщетны попытки ослабить значеніе этого всемірнаго факта. Одну изъ такихъ попытокъ встрѣчаемъ у Зиммеля, который въ концѣ концовъ самъ же и признаетъ то, противъ чего выступилъ.

Зиммель считаетъ, что соціальныхъ законовъ нѣтъ. Каждый

членъ общества подчиненъ законамъ природы, но для цѣлаго нѣтъ законовъ. Здѣсь все неустойчиво. Эта неустойчивость соціальныхъ организмовъ и ведетъ какъ къ разногласіямъ въ соціальныхъ теоріяхъ, такъ и въ соціальной практикѣ [10]). Общество есть только собирательное названіе для взаимодѣйствій [11]). Но затѣмъ самъ же Зиммель говоритъ: „границы собственно соціальнаго типа мы должны искать тамъ, гдѣ взаимодѣйствіе между членами не опредѣляется субъективнымъ состояніемъ и поведеніемъ ихъ, но создаетъ объективный организмъ, представляющій извѣстную независимость отъ отдѣльныхъ образующихъ его частей“ [12]).

Взаимодѣйствіе индивидуальностей до того соединяетъ людей въ одно цѣлое, что „въ послѣднее время замѣчается склонность дѣлать общество отвѣтственнымъ за преступленіе индивида. Индивидуальная вина должна уступить мѣсто винѣ коллективной [13]).

Начало дифференціаціи даетъ семья, давая члену возможность спокойно развиваться, пока не достигнетъ самостоятельной устойчивости въ отношеніи болѣе обширнаго круга [14]).

Чѣмъ обширнѣе и разнообразнѣе соціальные круги, тѣмъ меньше давленіе ихъ на личность [15]).

Сила круга напоминаетъ ученіе о жизненной силѣ. Люди, состарившіеся въ опредѣленномъ соціальномъ кругу, немедленно по выходѣ изъ него теряютъ силы, съ помощью которыхъ они до того выполняли всѣ свои функціи [16]). Здѣсь основаніе силы партій [17]).

Здѣсь и темная сторона силы соціальной. Объ американскихъ голубяхъ разсказываютъ, что, живя въ болотныхъ стаяхъ они дѣлаются въ высшей степени глупыми, а живя въ одиночку, проявляютъ много ума [18]).

Очевидно, до человѣка еще далеко. И правъ Н. Михайловскій, ставящій такое глубокое пессимистическое заключеніе: „Человѣкъ добываетъ элементы правды при помощи пяти чувствъ, а будь у него ихъ больше или меньше, правда представлялась бы ему совсѣмъ иначе. Границъ, отмѣченныхъ перстомъ природы, перешагнуть нельзя. Правда, добытая всѣми средствами, какія представляютъ эти конечные предѣлы человѣческой личности, есть правда относительная; но практически она, пожалуй, безусловна для человѣка, потому что выше ея подняться нельзя. Но вотъ историческій ходъ вещей прибавляетъ къ природнымъ опредѣленіямъ, ограниченіямъ человѣческой личности, еще свои, особенныя, общественныя. Скажи мнѣ, къ какому общественному союзу ты принадлежишь, и я скажу тебѣ, какъ ты смотришь на вещи. Понятно, что все, добытое подъ напоромъ этихъ историческихъ опредѣленій, отстоитъ болѣе или менѣе далеко отъ той полноты правды, какая доступна человѣку; все это, слѣдователь-

но, неправда. И нѣтъ никакого основанія предпочитать одну неправду другой: наприм., національную—сословной, или наоборотъ [19]).

Конечно, нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что китаецъ правъ, считая европейцевъ бѣлыми дьяволами, но правы ли мы, считая китайцевъ желтыми дьяволами? Дѣйствительно, „нѣтъ никакого основанія предпочитать“ одну правду другой, по той простой причинѣ, что мы еще не знаемъ правды. Ибо правда одна и не можетъ быть здѣсь многобожія. А пока приходится личности довольствоваться той правдой, какая доступна ей, т. е. своей правдой, правдой того цѣлаго, въ которомъ личность играетъ лишь роль кровяного шарика въ организмѣ кровообращенія.

II.

Но тѣ же механическіе законы общежитія и такъ же давно, какъ существуютъ люди, намѣтили пути и къ освобожденію личности отъ роли безсознательнаго кровяного шарика въ организмѣ.

Ассимиляціонные организмы возникли, какъ спасеніе въ борьбѣ и средство для нападеній, т. е. возникли въ интересахъ самосохраненія. Но доводя поглощеніе личности до извѣстнаго предѣла, ассимиляціонный организмъ становится разслабленнымъ, такъ какъ поглощенная цѣлымъ личность перестаетъ быть частью цѣлаго, превращаясь въ ничтожество. Такое аннулированіе личности упраздняетъ самую идею цѣлаго, ибо цѣлое не можетъ состоять изъ нулей. Борьба и война воспитываютъ личность. Мужество развивается не смиреніемъ и рабствомъ, но борьбой. Это, конечно, неразумно даже съ точки зрѣнія слѣпой природы, ибо жизненность однихъ получается на счетъ жизни другихъ и часто количество жизненности далеко не уравновѣшиваетъ смертности, ею создаваемой, какъ мы создаемъ, наприм., пищу для своего тѣла. Мужество однихъ воспитывается и питается смертью другихъ. Иначе не можетъ быть въ начальныхъ стадіяхъ исторіи. Да и теперь мы можемъ наблюдать, какъ продолжительный миръ убиваетъ народное мужество и превращаетъ сыновъ героевъ въ трусовъ. Въ борьбѣ и войнѣ слабые естественно погибаютъ, мужество передается законами наслѣдованія. Поэтому уже и теперь можно сказать, что будущее принадлежитъ лишь тѣмъ народамъ, которые сумѣютъ организовать разумно-національный трудъ, который представляетъ собою не простое орудіе производства хлѣба и одежды, но также школу энергіи. Высшею ступенью въ метаморфозахъ самосохраненія является *активное развитіе энергіи*. Устойчивость переходитъ въ настойчивость и сохраненіе своей культуры въ распространеніе ея среди другихъ народовъ. Древніе народы, наиболѣе культурные по времени, стремились къ покоренію другихъ не только изъ-за стремленій избавиться

отъ сильныхъ сосѣдей-враговъ, также изъ-за желанія подчинить своей культурѣ другихъ. Древніе греки и римляне считали варварами всѣхъ, не имѣвшихъ счастья быть греками и римлянами, поэтому они видѣли рыцарство, высокій этическій подвигъ въ порабощеніи другихъ народовъ. И ихъ герои не были разбойниками, собиравшими хлѣбъ и драгоцѣнности, но были носителями идеи подчиненія высшей культурѣ всѣхъ, кого они считали варварами. Здѣсь законъ сходства становится активнымъ началомъ, только первоисточникъ котораго заключается въ устойчивости и самосохраненіи. Такъ оборона естественно переходитъ въ наступленіе.

Очевидно, вопросъ о сохраненіи личности становится въ свою очередь жизненнымъ вопросомъ для самыхъ соціальныхъ организмовъ и выступаетъ въ исторіи на такихъ же механическихъ основаніяхъ, какъ вопросъ объ организаціи самыхъ этихъ соціальныхъ организмовъ. Въ борьбѣ за существованіе естественно погибаютъ организмы, аннулировавшіе личность, поглотившіе ее и превратившіе въ ничтожество. Цѣлое безъ частей—безсмыслица, и народы, пытавшіеся обосновать на ней свою жизнь, погибли безслѣдно, какъ безслѣдно погибла первая мать, пожравшая своихъ дѣтей или не любившая ихъ и не заботившаяся объ ихъ развитіи. Исторія человѣчества полна такихъ трагическихъ смертей цѣлыхъ націй, нѣкогда могущественныхъ, а съ уничтоженіемъ личности гражданъ, превратившихся въ цѣлое безъ частей, т. е. въ выѣденное яйцо, тонкая скурлупа котораго уничтожается даже не силой, а простымъ поѣданіемъ первыми попавшимися насѣкомыми, если не самогніеніемъ. И наоборотъ, соціальные организмы, сохранившіе личность и устроившіе modus vivendi частей съ цѣлыми, сохраняютъ свою жизнь.

Необходимо прослѣдить тѣ пути, посредствомъ которыхъ соціальные организмы достигали этой цѣли—развитія общественности при соотвѣтствующимъ же развитіи ея составныхъ частей.

„Деревенская община, справедливо говоритъ В. Кропоткинъ, была главнымъ оружіемъ варваровъ въ ихъ тяжелой борьбѣ съ враждебной природой. Она также являлась связью, которую варвары противопоставляли угнетенію со стороны наиболѣе ловкихъ и сильныхъ, стремившихся усилить свою власть въ тѣ тревожныя времена.—Всякая ссора, возникавшая между двумя односельчанами, разсматривалась, какъ дѣло, касающееся всей общины—даже оскорбительныя слова, которыя вырвались во время ссоры, разсматривались, какъ оскорбленіе общины и ея предковъ“ [20]).

Но сама деревенская община есть лишь ступень въ развитіи и распространеніи рода. Орда, племя или стадо разлагались на роды, а роды въ свою очередь разлагались на семьи. Семья есть дальнѣйшее разложеніе рода. Съ каждымъ переходомъ отъ

стадной формы сожительства къ родовой и отъ родовой къ семейному быту человѣческая личность освобождалась отъ поглощенія цѣлымъ, изъ цѣлаго мало-по-малу выдѣлялись части, получавшія все болѣе и болѣе самостоятельное значеніе. Союзъ семействъ, объединившихся мѣстожительствомъ, и самоопредѣлившійся для общихъ интересовъ самообороны и нападеній, представляетъ собою дальнѣйшій шагъ въ этомъ освобожденіи личности и превращеніи простого экземпляра породы въ нѣчто, имѣющее образъ и подобіе человѣка. Деревня могла заключать въ себѣ и чужеродцевъ, которые наравнѣ со всѣми жителями участвовали въ общемъ дѣлѣ. Присоединеніе чужихъ не могло не ослабить принципа родства. Это былъ первый камень, брошенный въ идею родственной связи и вмѣстѣ съ тѣмъ новая брешь къ дальнѣйшему освобожденію человѣка.

Мѣсто крови, какъ связи отдѣльныхъ органовъ, заняла идея интереса, по существу своему менѣе тиранническаго характера и имѣющая значеніе компромисса между частями и ихъ цѣлымъ. Во имя своего личнаго интереса жители деревни уже не по родству, а по сознанію самоопредѣляются въ формѣ деревни. Конечно, на первыхъ порахъ и деревенское самоопредѣленіе представляется значительно проникнутымъ старымъ цементомъ крови. То единеніе, которое было выработано единствомъ происхожденія и вполнѣ оправдывалось родствомъ, какъ санкціонируется оно и теперь между близкими родственниками, переносится на самоопредѣленіе въ видѣ деревни. Мордвинъ-шаманистъ говоритъ, что „между сосѣдями корова и подойникъ—общее достояніе“, что „корову надо доить для себя и для того, кто можетъ попросить молока“ [21]).

Въ глухихъ деревняхъ Полѣсья и теперь крестьяне не продаютъ другъ другу хлѣба, а только одолжаются имъ, на случай нужды. Но это уже не стихійная, а моральная связь, не умаляющая человѣка, не превращающая его въ часть общаго механизма, но возвышающая его достоинство. И въ этомъ новомъ видѣ деревенская община, освободивши личность отъ старыхъ стихійныхъ узъ, все таки имѣла громадное значеніе въ исторіи. „Этотъ новый строй, выросшій естественнымъ путемъ изъ родового, позволилъ варварамъ пройти черезъ самый смутный періодъ исторіи, не разбившись на отдѣльныя семьи, которыя неизбѣжно погибли бы въ борьбѣ за существованіе. Дикая природа была побѣждена, черезъ лѣса и болота были проложены дороги и пустыня заселилась деревнями, отроившимися отъ материнскихъ общинъ. Рынки, укрѣпленные города, церкви—выросли среди пустынныхъ лѣсовъ и равнинъ“ [22]).

По этимъ-то деревнямъ и выработался тотъ инстинктъ общественности, безъ котораго немыслимо было-бы никакое добровольное общежитіе. Въ союзахъ родства общество цементирова-

лось единствомъ крови, въ деспотіяхъ—кнутомъ, казнями. Только въ деревенской тиши человѣчество вырабатывало цементъ солидарности—сперва въ видѣ солидарности интересовъ, потомъ симпатіи, а наконецъ чистой солидарности, чуждой всякихъ посторонніхъ соображеній. Объ этомъ инстинктѣ П. Кропоткинъ, возражая Бюхнеру, вѣрно замѣчаетъ: „свести общительность животныхъ къ любви и симпатіи значитъ съузить ея всеобщность и ея значеніе,—точно также, какъ людская этика, основанная на любви и личной симпатіи, ведетъ лишь къ съуженію понятія о нравственномъ чувствѣ въ цѣломъ. Я вовсе не руковожусь любовью къ хозяину даннаго дома, котораго я часто совершенно не знаю, когда увидѣвъ его домъ въ огнѣ, я схватываю ведро съ водой и бѣгу къ его дому, хотя бы нисколько не боялся за свой: мною руководитъ болѣе широкое, хотя и болѣе неопредѣленное чувство, вѣрнѣе *инстинктъ общечеловѣческой солидарности*, т. е. круговой поруки между всѣми людьми, и общежительности“ [23]).

Но нельзя согласиться съ нашимъ ученымъ изслѣдователемъ въ томъ, что такого рода инстинкты не могутъ быть разсматриваемы, какъ пережитокъ наиболѣе приспособленныхъ въ періоды бѣдствій на томъ основаніи, что это „былъ бы регрессъ. Гарнизонъ осажденной крѣпости выходитъ послѣ осады ослабленнымъ и съ ненормальной смертностью“. Дѣло въ томъ, что всякія бываютъ побѣды; бываютъ и такія, которыя хуже пораженій. Объединеніе, созданное деревней на мѣстѣ прежняго поглощенія личности кровными обществами, не только давало перевѣсъ силы, но и укрѣпляло побѣдителя. Общества, не аннулировавшія человѣка, имѣли больше шансовъ къ жизни и успѣвали передавать свои особенности будущимъ поколѣніямъ. Извѣстная степень самостоятельности личности была новой силой для самоопредѣлившихся общинъ, давала имъ побѣду въ борьбѣ. Не обладавшія этимъ усовершенствованнымъ оружіемъ погибали.

П. Кропоткинъ основательно отмѣчаетъ и тотъ фактъ, что это новое оружіе борьбы—*общежительность*—въ свою очередь вызвало *справедливость*, какъ дальнѣйшій шагъ въ его ростѣ и самоопредѣленіи деревень. „Жизнь сообществами была бы совершенно невозможна безъ соотвѣтственнаго развитія общественныхъ чувствъ и въ особенности если бы извѣстное коллективное чувство справедливости (начало справедливости) не развивалось и не обращалось въ привычку. Если-бы каждый индивидуумъ постоянно злоупотреблялъ своими личными преимуществами, а остальные не заступались-бы за обиженнаго, *никакая общественная жизнь не была-бы возможна*. Поэтому у всѣхъ общительныхъ животныхъ развивается чувство справедливости“ [24]).

Въ приведенныхъ словахъ заключается разумное объясненіе факта, явно разрушающее теорію автора, утверждающаго, что

природа избѣгаетъ борьбы и войны. Какъ видимъ, именно то обстоятельство, что въ союзахъ, не основанныхъ на крови, появился новый цементъ въ видѣ общежительности и справедливости, „безъ которыхъ общественная жизнь была-бы не возможна", вполнѣ ясно указываетъ на истинный источникъ роста этихъ принциповъ и смерти обществъ, не сумѣвшихъ или не успѣвшихъ культивировать у себя новое оружіе.

Законъ сходствъ вызываетъ къ жизни любовь. По вѣрному замѣчанію Ницше, „мы можемъ любить только что-нибудь совсѣмъ родное намъ: всего охотнѣе любимъ мы вымышленное нами существо. Излишне приказывать любить свое произведеніе или ребенка" [25]).

Законъ различій вмѣсто любви вырабатываетъ принципы общежительности и справедливости. На мѣстѣ родового „мы" возникаетъ я и ты. И если вспомнимъ, что существуютъ основанія вмѣстѣ съ Фейербахомъ происхожденіе разума отнесть къ общественности, то за деревенской общиной мы должны признать и первый починъ или первыя сѣмена дѣйствительныхъ различій между людьми—первыя сѣмена разума. Какъ извѣстно, Фейербахъ доказывалъ, что идеи возникаютъ не иначе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда „я" встрѣчается съ „ты". Самъ по себѣ человѣкъ не можетъ быть ни моральнымъ, ни мыслящимъ. Эта теорія названа „туизмомъ" [26]).

Кровная союзность, культивируя любовь и преданность, могла выработать въ личности только вѣру, какъ воплощеніе въ ней коллективной души. Деревенская община, въ которой цементъ крови началъ уступать роль цементу мѣстожительства, создавъ интересъ, создавъ общинность и справедливость, долженъ былъ вызвать и разумъ, какъ средство сознательнаго координированія частей съ цѣлымъ.

Но въ деревнѣ только появились зачатки новаго міра и новаго міросозерцанія. И не деревнѣ было суждено дать имъ возможность окрѣпнуть и оказать вліяніе на дальнѣйшее измѣненіе строя жизни. Въ деревнѣ всѣ занимались въ большей или меньшей мѣрѣ однимъ и тѣмъ же. Однообразіе занятій не могло не препятствовать дифференціаціи въ населеніи. Всѣ рѣзкія проявленія въ этомъ направленіи естественно подавлялись массой однообразія. Нужна была иная среда для дальнѣйшаго роста личности. Такой средой сдѣлался городъ.

Сходства въ видѣ родового союза, образовавъ городъ, создали силу, разрушившую въ самомъ принципѣ родовой строй. Предъ нами тяжелая, мрачная историческая драма, совсѣмъ не обратившая на себя вниманія историковъ. Это эволюціонная битва идей, когда дѣти-идеи пожираютъ своихъ идей-матерей и когда дѣтьми, убаюканными и воспитанными матерями, разрушается

все, что было создано послѣдними, все святое ихъ, вся *жизнь ихъ*. Вѣрно замѣчаніе И. Забѣлина: „Если вообще боевое поле служило основаніемъ для развитія дружинной жизни, то городъ въ свой чередъ былъ истиннымъ гнѣздомъ дружинныхъ и общинныхъ союзовъ и связей. Какъ мѣсто дружиннаго быта, онъ необходимо долженъ былъ въ точности опредѣлить положеніе и мѣсто каждаго лица, приходившаго на его защиту и поступавшаго въ его дружину. Родовая связь людей опредѣляла такія мѣста по родству. Дружинная связь должна была распредѣлить людей по иному порядку, какой самъ собою возникаетъ изъ боевого дѣла всѣхъ защитниковъ города. Въ этомъ случаѣ ихъ боевые ряды послужили основаніемъ для рядовъ дружинныхъ, т. е. общественныхъ, иначе сословныхъ. Здѣсь было положено первое сѣмя для раздѣленія людей по сословіямъ, первое сѣмя гражданства“ [27]).

Съ городомъ появился князь, какъ военачальникъ. И знаменательно, что, по Нестору, Кій началъ княжить тогда, когда братья ему начали строить городъ.

Но еще долго родовые принципы братства и единенія продолжаютъ существовать и въ новомъ мірѣ. Князь въ мирное время является лишь представителемъ всѣхъ.

Съ городами появилась спеціализація, т. е. сходства въ своей эволюціи переходятъ въ различія. Появились люди, всю жизнь посвящающіе защитѣ, оборонѣ и нападеніямъ. Появились центры богослуженій, съ пожизненными и наслѣдственными жрецами. Появились и промыслы съ торговлей, какъ спеціальныя занятія.

Но и между городами законъ сходствъ ведетъ къ организаціи столицы, т. е. государства. Историческая легенда такъ передаетъ этотъ эволюціонный процессъ: Богатырь А. Поповичъ, боясь мести князя Константина, созываетъ къ себѣ въ городъ богатырей. Богатыри разсуждали, что если они будутъ служить разнымъ княженьямъ, то будутъ всѣ перебиты, ибо князья воюютъ вѣчно другъ съ другомъ. Почему и уговорились служить имъ единому великому князю въ матери городовъ, въ Кіевѣ. И били челомъ великому князю Мстиславу Храброму и перешли къ нему на службу. Такъ изъ розни возникла идея созданія сильнаго центра, безопаснаго и для богатырей, а тѣмъ болѣе для простыхъ. Такъ возникла идея публичаго права.

Съ появленіемъ государствъ, конечно, принципъ національности или, основанной на немъ же, національной теократіи получаетъ еще большую силу. Кровное единство достигаетъ высшаго самоопредѣленія, получаетъ внѣшнее выраженіе своей сущности, матеріализуется. Но вмѣстѣ съ тѣмъ еще дальше идетъ и принципъ дифференціаціи. Массовая душа въ государственныхъ организмахъ получаетъ свою законченность, свою коллек-

тивную индивидуальность. Каждое государство стремится быть дѣйствительнымъ воплощеніемъ національнаго духа и въ человѣчествѣ широко развивается національное раздѣленіе труда.

А. Д. Градовскій видитъ въ національности проявленіе закона дифференціаціи. По его мнѣнію, „разложеніе національныхъ особенностей есть коренное условіе правильнаго хода *общечеловѣческой* цивилизаціи. Отдѣльный народъ, какъ бы велики ни были его способности и богаты его матеріальныя средства, можетъ осуществить только одну изъ сторонъ человѣческой жизни вообще. Лишить человѣчества его разнообразныхъ органовъ значитъ—лишить его возможности проявить во всемірной исторіи все богатство содержанія человѣческаго духа. Единство и исключительность цивилизаціи, однообразіе культурныхъ формъ противны всѣмъ условіямъ человѣческаго прогресса“ [28]).

Но если въ странѣ много національностей, какъ у насъ, то тѣмъ болѣе необходимо не сглаживаніе національныхъ особенностей, но полное развитіе ихъ. Необходимо лишь, въ интересахъ государственности, поддержаніе всего того, что имѣетъ общее государственное значеніе, къ чему довольно рано и начинаютъ стремиться государства съ болѣе сознательнымъ чувствомъ государственности. Такъ, наприм., уже римскій императоръ Клавдій считалъ латинскій языкъ обязательнымъ для римскихъ гражданъ и лишалъ гражданства тѣхъ, кто не отвѣчалъ ему по-латыни. „Нельзя быть римскимъ гражданиномъ, говорилъ онъ, не зная языка, на которомъ говорятъ въ Римѣ“.

Но въ то же время Клавдій провелъ въ законъ право доступа къ высшимъ должностямъ для инородцевъ. Онъ говоритъ: „Отчего погибли Лакедемонъ и Аѳины? Отъ того, что они умѣли побѣждать, но не умѣли обращаться съ побѣжденными и оставляли ихъ на положеніи чужеземцевъ“.

Но и Римъ погибъ оттого, что почти всѣ граждане его сдѣлались экономически чужеземцами въ отношеніи къ римскому отечеству. Нечего имъ было защищать. И варвары побили не римлянъ, но римскихъ чужеземцевъ. Такимъ образомъ, возникла новая забота: государства, въ интересахъ самосохраненія, предотвращая поглощеніе ихъ другими государствами, начинаютъ создавать условія для всесторонняго индивидуальнаго самоопредѣленія личности. Сверхъ заботъ о личной свободѣ, волей-не-волей государствамъ приходится, подъ угрозой покоренія иностранцами, предпринимать систематическій рядъ мѣръ къ имущественному благосостоянію гражданъ, ихъ умственному и нравственному развитію. Обездоленіе народныхъ массъ, составляющихъ государство, равносильно такому же аннулированію частей цѣлаго, какъ и полное поглощеніе личности государствомъ, и такъ же неизбѣжно приводитъ къ паденію послѣдняго. Въ подобныхъ случаяхъ ан-

нулируется и коллективная душа, исчезаетъ патріотизмъ, національное знамя, вмѣсто подъема силъ и оживленія ихъ, становится знаменемъ гнета и деспотизма. Если въ наше время во всей Западной Европѣ въ народныхъ массахъ находитъ успѣхъ доктрина людей sans patrie и самое слово патріотизмъ становится даже презрѣннымъ, то все это несомнѣнные симптомы государственной патологіи. Государства, страдающія такой соціальной болѣзнью, неизбѣжно погибнутъ, ибо какъ нѣтъ тѣла безъ души, такъ нѣтъ и государства безъ патріотизма, безъ массовой души. Г. Эрве совершенно основательно говоритъ, что „отрицаніе современнаго отечества есть необходимое логическое послѣдствіе соціализма“ [29]).

Во Франціи въ 1902 г. опубликована таблица о наслѣдствахъ. Изъ нея видно, что всѣхъ наслѣдствъ было 363.612, изъ коихъ 27 дали 250 милліоновъ, а 213.000 (менѣе 2 тысячъ франковъ каждое) дали 241 милліонъ. Значитъ 363.000 лицъ *имущихъ* обладали меньшею суммою, чѣмъ только 27 покойниковъ другихъ. Среднее число смертей во Франціи 800.000, изъ нихъ 40.000 малолѣтнихъ. На чашку вѣсовъ положимъ 400.000 покойниковъ не обложенныхъ, такъ какъ наслѣдства были меньше одного франка. Стало быть имѣемъ 213 тысячъ, оставившихъ наслѣдства менѣе 2 тысячъ франковъ и 400.000, не оставившихъ ничего=613 тысячъ на 27 капиталистовъ. „Бѣднякамъ, говоритъ Эрве, толпѣ маленькихъ чиновниковъ и мелкихъ служащихъ, лавочникамъ безъ запаса денегъ и товаровъ, слабымъ земледѣльцамъ, пролетарской массѣ, лишенной собственности, множеству прислугъ, оставляется на долю необразованность, вся тяжелая или противная работа, всѣ ремесла, опасныя или нездоровыя, непокладный и недоплаченный трудъ, который толкаетъ мужчинъ къ пьянству, а женщинъ къ разврату.—И вотъ все это называется отечествомъ“ [30]).

Онъ объясняетъ воспитаніемъ съ дѣтства то, что „французскій патріотъ гордится тѣмъ, что онъ французъ; нѣмецкій патріотъ хвалится, что онъ германской расы; вѣроятно, и русскій крестьянинъ недавно еще кичился, что принадлежитъ къ царству кнута“ [31]). Патріотизмъ понятенъ у первобытныхъ народовъ, защищавшихъ свою землю и боявшихся съѣденія или рабства. „У пролетаріевъ нѣтъ отечества. Пролетаріи, которые должны себя убивать за нынѣшнее отечество—не что иное, какъ обманутые дураки“ [32]).

Конечно, только хамъ можетъ въ душѣ своей полагать: ubi bene, ibi patria. Только хамъ можетъ искать матери, которая была бы побогаче и оставила бы побольше наслѣдства. Но и здѣсь патріотизмъ не исчезаетъ, онъ только становится хамскимъ. Для хамскаго патріота чѣмъ хуже для родины, тѣмъ лучше. И нѣтъ

такихъ кровавыхъ бѣдствій, которыхъ не желалъ бы для своей матери патріотъ-хамъ. Онъ радовался пораженіямъ родины, радовался избіенію на войнѣ десятковъ тысячъ близкихъ, еще болѣе радовался избіенію сотенъ тысячъ и мечталъ объ избіеніяхъ милліоновъ. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Поэтому ученый хамъ радуется и обездоленію народныхъ массъ, съ радостью говоритъ объ обезземеленіи крестьянъ, о развитіи у насъ пролетаріата. Это, говоритъ онъ, необходимо для счастья. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Странно устроенъ человѣкъ; своему идолу всегда онъ требуетъ крови и крови. Безъ крови онъ не понимаетъ ни религіи, ни науки...

Впрочемъ, это всегда такъ было. И даже чисто теоретически люди приходили къ подобнымъ же доктринамъ. Еще Экклезіастъ открылъ хамскую истину: „И псу живому лучше, чѣмъ мертвому льву“.

Но такое хамство, какого бы происхожденія оно ни было, все таки остается патологическимъ явленіемъ и можетъ быть страшной эпидеміей, угрожающей самому существованію государствъ. Поэтому и теперь имѣетъ силу естественный законъ: тѣ государства, кои справятся съ соціальными болѣзнями, останутся здоровы и живы, а государства, въ своей невѣжественной или легкомысленной беззаботности не предпринимающія мѣръ для борьбы съ эпидеміей, обречены на смерть. Нельзя разсчитывать, чтобы будущее зависѣло отъ доброй воли правительствъ. Добрая воля также подчинена механическимъ условіямъ роста и процвѣтанія. И если бы судьбы государствъ зависѣли отъ соціальныхъ врачей, то будущее было бы совсѣмъ безнадежно: вѣдь сколько врачей, столько и врачеваній, при томъ исключающихъ другъ друга. Къ счастью, рядомъ съ „сознательной“ дѣятельностью современныхъ дѣятелей дѣйствуютъ механическія силы, карающія смертною казнью неприспособленныхъ и негодныхъ для культуры, и дающія жизнь лишь жизненнымъ элементамъ среди народовъ. Государство „псовъ живущихъ“ механизмомъ силъ обречено на смерть, ибо, не имѣя души, невозможно жить. А душа и есть національность. Лебедевъ въ своей Исторіи говоритъ: „Національность есть *сознаніе* націй, есть идея націи. Умъ и чувство сливаются въ волѣ, религія и философія сливаются въ понятіяхъ народа“. „Если всѣ условія жизни совокупляются въ понятіи о національности, то самое торжественное выраженіе національности, есть языкъ, слово народа“ [33]).

По замѣчанію Н. М. Соколова, „если современная наука допускаетъ національность, какъ результатъ историческаго движенія, то она должна допустить ее и какъ *причину*, опредѣляющую направленіе дальнѣйшаго движенія, ибо въ противномъ случаѣ это будетъ не наука, а софистика“ [34]).

И совершенно вѣрно... Сложившійся соціальный организмъ, каковы бы ни были причины его образованія, живетъ, стало быть, владѣетъ своей жизненной силой, безъ которой ничто же бысть, еже бысть. Хотя бы въ видѣ той огромной толщи, съ которою сравнивалъ Россію еще гр. Сперанскій, мощная соціальная глыба не легко разрушается, слѣдовательно противостоитъ разрушительнымъ вліяніямъ, и легко давитъ все, что лежитъ на пути ея историческаго движенія, слѣдовательно владѣетъ и активными силами, производитъ то или иное вліяніе на окружающее. П. Милюковъ говоритъ: „Національность для современной науки не есть причина *всѣхъ явленій національной жизни*, а скорѣе *результатъ* исторіи, равнодѣйствующая, составившаяся изъ безконечно сложной суммы отдѣльныхъ историческихъ вліяній, доступная всякимъ новымъ вліяніямъ [35]).

Въ этихъ словахъ вся суть нашего „научнаго“ космополитизма. Какъ видимъ, онъ допускаетъ квадратуру круга. Часть національныхъ явленій объясняется не національностью, а чѣмъ-то другимъ. Но въ этомъ случаѣ зачѣмъ же называть національнымъ заимствованное или навязанное извнѣ? Затѣмъ національность разсматривается, какъ результатъ. Но будучи результатомъ, она почему же не можетъ быть и въ свою очередь причиною? Дѣти результатъ родителей, но и сами могутъ быть родителями. Но совершенно вѣрно то, что, будучи равнодѣйствующей сложныхъ причинъ, національность не можетъ быть недоступною новымъ вліяніямъ. Необходимо сказать больше: новыя вліянія нужны, иначе національность превратится въ китайщину, въ застой, въ которомъ и погибнетъ, какъ въ непроходимомъ соціальномъ болотѣ. Отрицаніе принципа національности, въ связи его съ патріотизмомъ, нельзя не признать въ высшей степени ретроградным явленіемъ, особенно вреднымъ для русскаго быта, въ которомъ такая масса отдѣльныхъ національностей. Насчитываютъ у насъ до 120 такихъ національностей. Если національность не представляетъ собою жизненной и дорогой силы, если она не является существеннымъ факторомъ нашей дѣятельности, т. е. причиною національныхъ явленій, то у насъ и не можетъ быть вопроса о національностяхъ, какъ о самоопредѣлившихся различіяхъ составныхъ частей страны. А между тѣмъ эти различія заявляютъ о себѣ на каждомъ шагу, часто вступая въ противорѣчія между собою, ведутъ настоящую борьбу другъ съ другомъ и нарушаютъ интересы цѣлаго, составными частями котораго они являются. Если національность—ничтожество, измышленіе патріотовъ, выдумка политиковъ, то вопросъ рѣшается просто подавленіемъ 120 національностей, изъ которыхъ каждая настолько невелика, сравнительно съ главнымъ государственнымъ элементомъ, что подавленіе съ внѣшней точки зрѣнія и не представило бы

особенно много затрудненій. Но такое аннулированіе составныхъ частей государства было ли бы въ интересахъ государства? Говорятъ, что такъ, потому что о патріотизмѣ, по сознанію нашихъ космополитовъ, не можетъ быть и рѣчи, какъ о факторѣ экономической и вообще соціальной дѣятельности. Такъ, А. Менгеръ полагаетъ, что патріотизмъ мыслимъ только тамъ, гдѣ государство состоитъ изъ одной націи. Но „большинство государствъ состоитъ изъ частицъ разныхъ народовъ, раздѣленныхъ обыкновенно также религіей и соединенныхъ съ обломками другихъ націй именно такъ, какъ это рѣшено судьбой сраженій или прихотью дипломатовъ“ [36]).

Поэтому и рѣшаютъ предпринимать мѣры внѣшняго сплоченія, внѣшняго объединенія, оставляя совсѣмъ въ сторонѣ патріотизмъ, противъ котораго уже давно направлены были стрѣлы космополитовъ и который этими стрѣлами не былъ подорванъ, а ослабѣлъ подъ вліяніемъ болѣе глубокихъ причинъ, между которыми на первомъ мѣстѣ стоитъ обездоленность массъ.

По странной ироніи судьбы именно ученіе, направленное противъ деспотизма, приводитъ къ наиболѣе опасному виду деспотизма—къ аннулированію національностей, входящихъ въ составъ государства, а слѣдовательно и къ новому подавленію личности.

Въ особенности много бѣдъ причиняетъ суженіе принципа національности, придуманное въ цѣляхъ облегченія борьбы съ нимъ. Многіе отождествляютъ національность съ языкомъ. Такъ, П. Милюковъ считаетъ, что „языкъ и національность—это понятія, если не тождественныя, то вполнѣ покрывающія одно другое. Предѣлы одного тождественны съ предѣлами другого.—Борьба за государственный языкъ, какъ за самое могущественное средство сліянія съ господствующей національностью, и отчаянное противодѣйствіе, которое оказываютъ этому національныя меньшинства въ разныхъ странахъ Европы, напоминаютъ намъ, что и до нашего времени тѣснѣйшая связь языка и національности признается основной аксіомой не въ однихъ только соціологическихъ трактатахъ [37]).

Впрочемъ, самъ же авторъ на слѣдующихъ страницахъ находитъ, что языкъ и національность уже не вполнѣ покрываютъ одно другое и что существуютъ еще и другіе элементы, такъ же существенные въ понятіи о національности, какъ и языкъ. Такъ, онъ пишетъ: „Въ національномъ самосознаніи религія часто является столь же существенной и представляется столь же коренной и исконной чертой національности, какъ и языкъ“ [38]). Полагаемъ, если бы нашъ историкъ русской культуры еще подумалъ, то нашелъ бы и не мало другихъ, не менѣе серьезныхъ элементовъ. Между прочимъ, напр., Н. Соколовъ находитъ, что

принципъ національности проникаетъ до самыхъ глубинъ души человѣческой. Онъ пишетъ: „Зажиточность, многочадіе и долголѣтіе носятъ въ себѣ несомнѣнно слѣды юдаизма. Арійскіе народы вѣру въ загробную жизнь принесли съ собою изъ своей далекой родины и она у нихъ неистребима“ [39]).

И несомнѣнно, какъ увидимъ еще впослѣдствіи, многое изъ того, что намъ кажется личнымъ, въ дѣйствительности есть въ нашей душѣ голосъ предковъ, при томъ голосъ неотразимый, повиновеніе которому неизбѣжно. Вотъ почему и отстаиваніе націями своихъ національныхъ особенностей почти всегда является не капризомъ, не прихотью, не продуктомъ даже воспитанія и вліяній агитаторовъ, а выполненіемъ заповѣдей предковъ. И подчиненный такому голосу давно умершихъ предковъ скорѣе предпочтетъ смерть, чѣмъ нарушеніе таинственнаго велѣнія національнаго духа. Для такого человѣка понятенъ левъ умершій и не доставляетъ удовольствія прозябанье „пса живущаго“.

Въ такомъ сложномъ этнографическомъ государствѣ, какъ Россія, однимъ изъ наиболѣе фундаментальныхъ вопросовъ необходимо признать вопросъ о національности. Это частью было осознано и лучшими изъ нашихъ государственныхъ людей. Н. Х. Бунге въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія возбудилъ этотъ вопросъ и въ государственныхъ учрежденіяхъ. Въ своей запискѣ онъ писалъ: у насъ „окраины далеко не объединены съ государствомъ, инородцы и единоплеменники не настолько сблизились съ русскимъ населеніемъ и сроднились со всѣмъ русскимъ, чтобы не было повода задумываться надъ разрѣшеніемъ вопроса, какъ слѣдуетъ дѣйствовать для того, чтобы *Россія принадлежала русскимъ*.

„Никто не можетъ сказать, чтобы ограниченіе правъ евреевъ на мѣстожительство, на пріобрѣтеніе собственности, на занятія промыслами не чувствовалось ими какъ стѣсненіе, и чтобы не было если не явной, то тайной борьбы между евреями и административной властью, которая, какъ исполнительница ограничительнаго закона, не можетъ быть ими любима, а сверхъ того не можетъ быть и уважаема, когда она смягчаетъ за деньги суровость дѣйствующихъ постановленій.

„Нельзя разсчитывать также на примиреніе между Россіею и Польшею. Мѣры, принятыя относительно господства въ школѣ русскаго языка, относительно уніатовъ, прегражденіе полякамъ доступа къ государственной и общественной службѣ сдѣлали все русское для поляковъ болѣе ненавистнымъ, чѣмъ когда-либо. Въ Царствѣ Польскомъ Россія держится только силою, и единственная опора государственной власти—крестьяне, которые преобразованіями 1864 года привлечены были на сторону Россіи, —должны снова, вмѣстѣ съ быстрымъ возростаніемъ населенія,

подпасть подъ вліяніе помѣстнаго землевладѣнія и польской, враждебной намъ, интеллигенціи".

Указавъ затѣмъ на прибалтійскія окраины и Финляндію, Н. Бунге говоритъ, что весь мусульманскій Востокъ и иноплеменники въ Закавказьи, въ Сибири и въ Средней Азіи—„*это стихійные слои*, надъ которыми господствуетъ русская власть, но не культура". Онъ полагаетъ, что „русская государственность должна опираться на признаніе превосходства русскихъ государственныхъ учрежденій; что иноплеменное населеніе должно сознавать не только необходимость, но и пользу отъ употребленія русскаго языка; что уваженіе къ господствующей церкви должно имѣть своимъ источникомъ духъ христіанской кротости и любви, какъ пасущихъ, такъ и пасомыхъ къ каждому человѣку. Только при соблюденіи этихъ условій можно разсчитывать на тѣсную связь окраинъ со всѣмъ государствомъ. Къ сожалѣнію, должно сознаться, что наша внутренняя политика много погрѣшила относительно окраинъ" [40]).

Это и есть вполнѣ научное разрѣшеніе труднаго и въ то же время самаго серьезнаго государственнаго вопроса. И такое разрѣшеніе его требуется механическими законами обществъ. Только то государство сильно, въ которомъ сильны его составныя части, дорожащія своимъ цѣлымъ, какъ дорогой родиной. Между Сциллой деспотизма и Харибдой сепаратизма существуетъ свободный путь, одинаково чуждый и деспотизма съ его централизаціей, и сепаратизма съ его антигосударственными тенденціями. Это путь объединенія на началахъ совѣсти и правды.

Реальная жизнь убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ самомъ разноплеменномъ государствѣ всегда находятся *общіе принципы*, которыми въ одинаковой мѣрѣ дорожатъ всѣ племена и націи, а вслѣдъ за ними и отдѣльныя личности. Такъ, въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки *одинаково* всѣмъ гражданамъ дорогъ принципъ личной свободы, личной независимости отъ своего правительства, принципъ *достоинства человѣческой личности*. И мы видимъ, что этотъ одинъ принципъ оказался могущественнымъ факторомъ, подъ вліяніемъ котораго и нѣмецъ, и англичанинъ, и французъ, и итальянецъ, поселившись въ Америкѣ, дорожатъ своей родиной, служатъ ей не за страхъ, но исключительно за совѣсть, и каждый изъ нихъ, забывая свои историческія традиціи, съ гордостью признаетъ себя гражданиномъ Соед. Штатовъ и дорожитъ своимъ гражданствомъ, какъ чѣмъ-то роднымъ, близкимъ, священнымъ. Этого единства сѣверо-американской націи не поняли у насъ, когда въ 1905 г. во время революціи Россію провозгласили лишь простымъ географическимъ терминомъ, для обозначенія разныхъ народностей, занимающихъ тер-

риторіи, называемыя русскими. А между тѣмъ еще Карлейль основательно говорилъ: „Можно ли назвать обществомъ то, въ чемъ не существуетъ болѣе никакой общественной идеи, даже хотя бы идеи общаго Дома, а лишь идея общихъ, биткомъ набитыхъ меблированныхъ комнатъ, гдѣ каждый обособленный, безъ вниманія къ своему сосѣду, но обращенный противъ своего сосѣда, хватаетъ, что только можетъ достать, и кричитъ „мы“, и называетъ это миромъ, потому что въ этой схваткѣ, гдѣ отрѣзываютъ кошельки и перерѣзываютъ горло, не могутъ быть употреблены стальные ножи, а только другой сортъ оружія, гораздо болѣе хитроумный“ [41]).

III.

Деревенская община, городъ и государство — это основныя формы, переживаемыя личностью въ своемъ стремленіи къ человѣческому достоинству.

Но рядомъ съ ними идетъ другой рядъ такихъ же могучихъ формъ, въ которыхъ также личность переживала и въ наше время переживаетъ опредѣленныя стадіи въ своемъ стремленіи къ разуму и свободѣ. И также эти формы чисто механическаго происхожденія, дѣйствіе ихъ на личность чисто механическое и результаты чисто механическіе. Въ оцѣнкѣ ихъ историческаго значенія также необходимо оставить въ сторонѣ всякій субъективизмъ, какъ сантиментальность и благородныя чувства, которыя не могутъ быть примѣняемы къ... дѣйствіямъ падающихъ съ горы камней, или къ маховому колесу паровика.

Весьма рано народы разслоились на составныя части: на побѣдителей и побѣжденныхъ, при чемъ побѣдители присваивали себѣ земли побѣжденныхъ, превращая послѣднихъ въ рабовъ. Такъ мало-по-малу образовались касты: правителей, воиновъ, гражданъ-побѣдителей, изъ коихъ вышло войско, и побѣжденныхъ, превращенныхъ въ рабовъ. Разслоеніе населенія, возникшее изъ насилія, поддерживалось также насиліемъ, но освящалось и религіями, ибо люди всегда создаютъ себѣ боговъ, санкціонирующихъ ихъ интересы и дѣйствія. При раздѣленіи на касты человѣка также никто не видѣлъ, какъ и при раздѣленіи по національностямъ. Каждый видѣлъ въ другомъ члена данной касты, не видя человѣка, заслоненнаго отъ наблюдателй стѣнами касты. Поэтому и ближнимъ считался лишь соучастникъ касты. Низшія касты считались чуть ли не животными, годными лишь для работы. Отъ такой мысли не могли отказаться даже такіе мыслители, какъ Аристотель, видѣвшій въ рабахъ низшую породу, годную только для вѣчной работы на свободныхъ гражданъ, которые именно по этой причинѣ и должны быть свободны отъ труда, какъ занятія не достойнаго званія свободнаго гражданина.

Эта первичная дифференціація населенія по группамъ есть значительный шагъ впередъ, сравнительно съ прежнимъ состояніемъ всеобщаго равенства, представляющагося почти тождествомъ. „Gemein, говоритъ Шопенгауеръ, значитъ заурядный, пошлый.—Да и какую цѣнность можетъ имѣть существо, не имѣющее ничего дальше и больше, чѣмъ милліоны ему подобныхъ? Милліоны? Скорѣе безконечное, безчисленное количество, которое природа непрестанно извергаетъ отъ неисчерпаемаго источника, in seculа seculorum, съ такою щедростью, какъ кузнечный молотъ искры!“ [42]).

Группировка по кастамъ выводитъ человѣчество изъ этого состоянія стада, въ которомъ каждый быкъ является повтореніемъ другого, каждый воробей является лишь экземпляромъ породы. Касты—это организованныя различія. Въ началѣ каждая изъ такихъ группъ самоопредѣлялась по принципу происхожденія и пока дѣйствовалъ этотъ принципъ, самоопредѣленіе группъ было дѣйствительной силой, объединявшей членовъ въ одно цѣлое. И кастовые порядки создали могущественнѣйшія государства древняго міра, просуществовавшія тысячелѣтія, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія жизни. Жизненность кастоваго строя поражаетъ историковъ. Ничего этого не было бы, если бы кастовое устройство не соотвѣтствовало условіямъ жизни. Оно было необходимо, и въ этой необходимости весь секретъ его жизненности. Оно и существовало лишь до той поры, пока было необходимо. Человѣкъ-звѣрь мрачной дисциплиной кастоваго строя былъ прирученъ и сдѣлался соціальнымъ животнымъ. Прирученіе должно было прекратиться или измѣниться. Касты исчезаютъ, уступая мѣсто сословіямъ и въ этомъ измѣненномъ видѣ кастовой строй продолжаетъ существовать въ теченіи среднихъ вѣковъ и въ новое время вплоть до прошлаго столѣтія. Конечно, касты не перешли въ сословія, какъ переходитъ, наприм., одинъ возрастъ въ другой, или гусеница въ бабочку. Но въ видоизмѣненномъ видѣ касты возникли въ видѣ сословій при видоизмѣненныхъ условіяхъ. Въ средніе вѣка болѣе сильные люди организовали вокругъ себя подчиненныхъ имъ, нуждающихся въ защитѣ. Такъ возникъ феодализмъ. Феодалы составляли сословіе сильныхъ, дававшее защиту и правосудіе слабымъ. Обрабатывавшіе землю платили имъ подати и несли нѣкоторыя натуральныя повинности. Они прикрѣплялись къ землѣ, такъ какъ безъ такого прикрѣпленія феодалы не могли бы выполнять своихъ функцій. Между феодалами и крѣпостными возникли также естественно сословія—военное и духовное, оба также подчиненныя феодалу, какъ вождю.

Когда болѣе сильный изъ феодаловъ покоряетъ другихъ, образуются большія феодальныя или вотчинныя государства, так-

же видоизмѣненныя деспотіи теократій древняго міра. Но въ государствахъ сословія получаютъ иныя функціи: они превращаются въ административныя категоріи населенія съ опредѣленными правами, но и также опредѣленными обязанностями, при чемъ самыя права предоставлялись лишь въ интересахъ функцій, наприм., съ правами землевладѣнія соединялись полицейскія обязанности. Подчиненныя государству сословія все болѣе проникаются принципами служебности, превращаясь въ чисто государственные классы, лишенные самостоятельности и сохранившія лишь ту долю самоопредѣленія, которая была необходима для государственныхъ цѣлей. Въ большихъ государствахъ возникла идея объ управленіи посредствомъ самоуправленія опредѣленныхъ классовъ, появляются выборные полицейскіе, выборные судьи, выборные администраторы по финансовой части и т. п. У насъ Иванъ Грозный, преслѣдуя наслѣдственное боярство, возвышаетъ и укрѣпляетъ значеніе мѣстныхъ міровъ, какъ органовъ самоуправленія въ интересахъ государственнаго управленія. Ослабленіе происхожденія въ управленіи, естественно разростаясь, переходитъ въ бюрократію, до сихъ поръ господствующую форму управленія. Система бюрократіи окончательно ставитъ государственную власть выше всѣхъ мѣстныхъ, частныхъ и сословныхъ интересовъ, превращая его въ организмъ публичнаго права.

Развитіе публичнаго права приводитъ къ спеціализаціи или раздѣленію элементовъ власти: къ отдѣленію власти законодательной отъ судебной и исполнительной. И эта спеціализація является непосредственнымъ продуктомъ уясненія разума публичнаго права. Впервые мысль высказана была философомъ Монтескье и, какъ соотвѣтствующая сущности публичнаго права, была молчаливо принята всѣми народами. Идея Монтескье произвела настоящій катаклизмъ въ строеніи соціальной жизни. Она лежитъ въ основѣ современной культуры. Степень культурности народа теперь измѣряется тѣмъ, насколько народъ успѣлъ воплотить въ своей жизни эту величайшую изъ всѣхъ практическихъ идей человѣчества. Идея эта произвела настоящій катаклизмъ въ соціальной жизни именно потому, что весь строй предшествовавшей жизни былъ чуждъ ей, хотя сама она представляетъ собою лишь логическое уясненіе сущности того публичнаго права, къ которому и механически пришло человѣчество. Понятно, почему всѣ мыслители, относящіеся отрицательно къ современному строю жизни, не могли не напасть на этотъ краеугольный камень нашей современной культуры. У насъ наиболѣе послѣдовательно и наиболѣе раціонально отрицаетъ его гр. Л. Н. Толстой, отвергающій вмѣстѣ съ раздѣленіемъ властей и всякое раздѣленіе между людьми занятій. По мнѣнію гр. Л. Толстого, „все устройство нашей жизни таково, что всякое личное благо человѣка пріобрѣ-

тается страданіями другихъ людей, которыя противны природѣ человѣка". Благодаря сложному механизму раздѣленія занятій, мы непосредственно не видимъ страданій и поэтому допускаемъ ихъ. „Ни одинъ судья не рѣшится задушить веревкою того, кого онъ приговорилъ къ смерти по своему правосудію. Ни одинъ начальникъ не рѣшится взять мужика изъ плачущей семьи и запереть его въ острогъ. Ни одинъ генералъ или солдатъ безъ дисциплины, присяги и войны не убьетъ не только сотни турокъ или нѣмцевъ, и не разоритъ ихъ деревень, но не рѣшится ранить ни одного человѣка. Все это дѣлается только благодаря той огромнѣйшей машинѣ государственной и общественной, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы разбивать отвѣтственность совершаемыхъ злодѣйствъ такъ, чтобы никто не чувствовалъ противоестественности этихъ поступковъ. Одни пишутъ законы, другіе прилагаютъ ихъ, третьи муштруютъ людей, воспитывая въ нихъ привычки дисциплины, т. е. безсмысленнаго и безотвѣтнаго повиновенія; четвертые—эти самые вымуштрованные люди—дѣлаютъ всякаго рода насилія, даже убиваютъ людей, не зная зачѣмъ и для чего. Но стоитъ человѣку хоть на минуту мысленно освободиться отъ этой сѣти устройства мірского, въ которой онъ запутался, чтобы понять, что ему не свойственно" [43]).

Факты разрушаютъ это добродушное воззрѣніе. Можно сказать, 99% казней происходятъ именно тогда, когда судья въ то же время палачъ: кровь будущая опьяняетъ сужденіе и склоняетъ вѣсы къ смертному приговору. Положительно можно утверждать, что раздѣленіе между обязанностями палача и судьи повело къ уменьшенію количества смертныхъ приговоровъ. Припомните, что дѣлалось во время французской революціи въ первые же мѣсяцы ея возникновенія. Вотъ напримѣръ, событія въ іюнѣ 1789 г. „Властная толпа отправляетъ всѣ функціи верховной власти, говоритъ Тэнъ: она и законодатель, и судья, и палачъ. Кумиры ея священны; если кто дерзнетъ отказать имъ въ уваженіи, виновнаго судятъ какъ за оскорбленіе величества и караютъ тотчасъ же. Въ первую недѣлю іюня одного аббата, дурно отозвавшагося о Неккерѣ, подвергли сѣченію, женщину, осмѣлившуюся выругаться передъ бюстамъ Неккера, высѣкли до крови".—„Схватили полицейскаго шпіона, выкупали его въ бассейнѣ, затравили, какъ звѣря на охотѣ, замучили подъ палочными ударами и каменьями, вырвали глазъ и въ заключеніе снова бросили въ бассейнъ. Пытка продолжалась съ 12 до $5^1/_2$ часовъ, причемъ палачей было по меньшей мѣрѣ тысячъ десять" [44]).

Всѣ ужасы возстаній, мятежей и революцій происходятъ именно отъ того, что падаетъ раздѣленіе занятій законодателя, судьи и палача, что всѣ эти занятія совмѣщаются, и палачъ становится законодателемъ и судьей, оставаясь палачомъ. Въ это

время и не палачъ становится палачемъ, законодателемъ и судьей, такъ какъ кровь зоветъ, тянетъ, тащитъ за собою, и люди превращаются въ звѣрей. Что такое звѣрь? Вѣдь это и есть совмѣщеніе законодателя, судьи и палача въ одномъ лицѣ. Разъедините ихъ, и звѣрь исчезаетъ, появляется человѣкъ. И все звѣрство въ человѣкѣ до сихъ поръ продолжалось бы, если бы не великій принципъ раздѣленія. Все зло не въ немъ, а въ отсутствіи его, въ смѣшеніи занятій.

Л. Толстой пишетъ, что если бы судьи были въ то же время и палачами, то не было бы казней. Это опровергается исторіей. До раздѣленія, о которомъ пишетъ Толстой, вѣдь судьи были и законодателями, и палачами вмѣстѣ, а часто и священниками. Раздѣленіе наступило позже. Наемные палачи даже прямо запрещались у многихъ народовъ. Такое воспрещеніе было, напримѣръ, у древнихъ евреевъ, у которыхъ приговоръ приводился въ исполненіе однимъ изъ свидѣтелей. „Если у свидѣтелей-обвинителей по какимъ-либо причинамъ отнимутся руки, то осужденный не можетъ быть казненъ другими людьми и освобождается отъ этой мѣры наказанія“ [45]).

Но цѣль дѣйствительно та, о которой пишетъ Толстой. Въ Пятикнижіи сказано: „не пируйте надъ кровью“. Стало быть пировали. Вѣроятно потому свидѣтели-обвинители призваны быть палачами, чтобы ослабить пиры судей-палачей, несомнѣнно бывшихъ у древнихъ евреевъ.

Полагаемъ, что самое преступленіе есть соединеніе въ одномъ лицѣ принциповъ законодателя, судьи и исполнителя. Убійца въ моментъ аффекта присваиваетъ себѣ право провозглашенія закона, дающаго санкцію на убійство, приговора на основаніи созданнаго такимъ образомъ закона и приведенія въ исполненіе послѣдняго. Онъ признаетъ данное убійство необходимымъ, т. е. признаетъ необходимымъ убійство въ принципѣ; въ данномъ случаѣ и самъ же приводитъ свое постановленіе въ исполненіе. Также и воръ одновременно оправдываетъ воровство, т. е. узаконяетъ его и приводитъ въ исполненіе свой вердиктъ. Въ подобныхъ случаяхъ законъ и судъ подчиняются эмоціи, вызывающей необходимость даннаго дѣянія, т. е. палачъ вызываетъ необходимые ему законъ и вердиктъ.

И люди никогда не вышли бы изъ состоянія звѣрства, если бы продолжалось чисто животное совмѣщеніе законодателя, судьи и исполнителя въ одномъ лицѣ. Откуда появилось раздѣленіе ихъ?

Причина появленія его не только механическая, но и органическая. Размножилось число людей и возникли столкновенія между ними. Появилась звѣрская борьба, какъ и въ животномъ мірѣ. Но и въ мірѣ хищныхъ звѣрей волки не ѣдятъ волковъ, иначе порода ихъ прекратилась бы. По закону подбора выгод-

ныхъ для сохраненія рода особенностей, тѣ экземпляры, которые брезгали кровью и мясомъ своей породы, или схожихъ съ собою, имѣли наиболѣе шансовъ къ сохраненію себя въ потомствѣ и къ распространенію. Законы эволюціи сохранили тѣ экземпляры породы, которые наиболѣе годны именно для ея сохраненія и распространенія. А таковыми были тѣ, кои ограничили свое право принесенія всѣхъ въ жертву своему я, т. е. ограничили свои верховныя права, какъ звѣря. Въ чемъ же состояло ограниченіе? Прежде всего въ томъ, что волкъ практически признаетъ не свой личный произволъ закономъ, относительно другого волка, но *общій для всѣхъ волковъ* законъ сохраненія породы, проявляющійся въ томъ, что онъ можетъ съѣсть своего ближняго лишь въ минуты сильнаго голода, когда всѣ волчьи его чувства подавляются, уступая мѣсто одному чувству личнаго голода. Инстинктъ здѣсь перестаетъ дѣйствовать, но это исключеніе лишь подтверждаетъ существованіе именно такого инстинкта, какъ *общаго закона*, устраняющаго личный произволъ. У людей инстинктъ переходитъ въ сознаніе и въ этой стадіи онъ получаетъ новыя черты, уже сознательною дѣятельностью человѣка вызываемыя къ жизни и цѣлесообразно направляемыя. Раздѣленіе властей, смутно понятое уже древними философами, научно развитое Монтескье сдѣлалось въ новое время основнымъ принципомъ жизни современныхъ культурныхъ государствъ. И результаты его очевидны. Попытки смѣшенія властей представляются опасными для культуры и вредными для свободы и достоинства человѣческой личности. И несомнѣнно, всякая попытка въ этомъ родѣ уже встрѣчается культурнымъ обществомъ какъ понятное движеніе, не соотвѣтствующее истиннымъ и разумнымъ интересамъ человѣчества. Мало того. Наука и жизнь къ выдѣленію и спеціализаціи трехъ основныхъ силъ общества—законодательной, судебной и исполнительной—присоединяютъ мысль о необходимости дальнѣйшей дифференціаціи. Таково, напримѣръ, ученіе о военной силѣ, какъ самостоятельной власти, имѣющей спеціальное назначеніе огражденія страны отъ внѣшнихъ враговъ. Поэтому употребленіе военной силы даже въ такихъ случаяхъ крайней необходимости, какъ борьба съ мятежами, встрѣчается современнымъ обществомъ не безъ опасенія, и всѣ стремятся въ законодательномъ порядкѣ точно формулировать такое внутреннее употребленіе военныхъ силъ исполнительною властью. Гарантію противъ возможныхъ злоупотребленій находятъ въ спеціальномъ законодательствѣ, регулирующемъ „чрезвычайныя мѣры“ и въ разрѣшеніи ихъ не иначе, какъ Верховною Властью, въ которой одной всѣ остальныя власти страны могутъ быть и должны быть объединены. Необходимо сказать, что военная власть есть въ существѣ тоже исполнительная, но въ примѣненіи къ оборонѣ

страны. Выдѣленіе ея отъ внутренней исполнительной есть лишь дальнѣйшая дифференціація основного принципа дѣленія властей.

IV.

Одновременно съ потерей прежняго значенія сословій вступаетъ въ силу разслоеніе населенія уже не по происхожденію, а по призванію и таланту. Въ бюрократіи мѣстничество послѣ болѣе или менѣе упорной борьбы уступаетъ мѣсто призванію и личнымъ способностямъ, хотя, конечно, продолжаетъ проявлять себя въ замаскированныхъ формахъ и на высшихъ ступеняхъ культуры. Въ сферѣ же свободныхъ профессій оно исчезаетъ совсѣмъ, такъ какъ заслуги предковъ, какъ бы велики ни были въ свое время, превращаются въ тѣнь, которая не можетъ бороться съ живыми и дѣятельными элементами. Когда же съ развитіемъ городовъ возникла торговля и обмѣнъ получилъ крупное значеніе въ жизни, окаменѣлость старыхъ формъ жизни оказалась вредною, убыточною, опасною для самаго существованія государствъ. Наиболѣе сильными оказались тѣ народы, которые предоставили широкій просторъ личности, ея призванію, ея способностямъ. Сами государства, замѣтивъ громадныя выгоды спеціализаціи занятій, начали систематически организовать ихъ, преслѣдуя исключительно фискальныя и частью благотворительныя цѣли. Такъ, у насъ въ Московской Руси было прекрасно организовано раздѣленіе профессій, имѣвшихъ значеніе для государства. Московскіе государственные дѣятели, не дожидаясь у моря погоды, сами рѣшили устроить необходимую имъ погоду и такъ организовали чисто государственное дѣленіе профессій, что быстро получили всѣ результаты, которыхъ они добивались. И дѣятельность московскихъ государей въ этомъ случаѣ можетъ служить прекраснымъ образцомъ государственнаго устройства раздѣленія занятій, о какомъ въ наше время могли бы только мечтать крайніе утописты. Свободной частной дѣятельности было мало и она не могла удовлетворять государственныя нужды. При томъ частная дѣятельность была разбросана и распылена по странѣ. Московское государство сумѣло концентрировать ее и превратить въ ту мощную силу, благодаря которой Москва и до сихъ поръ служитъ центромъ лучшихъ экономическихъ силъ въ странѣ, успѣшно выдерживая конкуренцію новыхъ территоріальныхъ силъ. Въ Москвѣ уже въ XVI и XVII в. в. было широко развито раздѣленіе занятій въ торговлѣ, при чемъ раздѣленіе носило территоріальный характеръ. Такъ въ московскомъ Китай-городѣ были ряды: сѣдельный, саадашный, красный, сапожный, скобяной, замочный, котельный, игольный, желѣзный, серебряный. Для разнаго рода пищевыхъ продуктовъ также существовали спеціальные ряды: масляной,

ветчинный, хлѣбный, калачный, овощный, рыбный-свѣжій, сельдяной, орѣшный, медьяной, муковый и чесноковый, харчевой, пироженный, соляной и т. д. Ряды устроялись по указанію властей. Въ XVI в. распланировка рядовъ послѣ пожара была произведена правительствомъ, хотя и на счетъ владѣльцевъ лавокъ и погребовъ.

Торговцы должны были платить за камень и кирпичъ, хотя бы постройка возводилась на его вотчинномъ мѣстѣ [46]). Также на началахъ спеціализаціи московское правительство организовало и московскую промышленность, при чемъ въ устройствѣ нѣкоторыхъ отраслей промышленности принимали непосредственное участіе и царицы. Таково было, наприм., тканье полотна или *хамовное* дѣло (вѣроятно, отъ индійскаго слова хамань—тонкое полотно). Выработкой полотенъ и вышиваньемъ завѣдывала царицына мастерская палата, которой были подчинены въ Москвѣ особыя слободы, а также нѣкоторыя села Ярославской губерніи. „Въ царицыныхъ слободахъ производство полотна было организовано такимъ образомъ, что работа распредѣлялась на каждый дворъ по годовому уроку; каждый хамовникъ работалъ „на дѣло“, т. е. опредѣленное количество пряжи или нитей. Размѣръ годового урока соотвѣтствовалъ количеству дворовой земли. Въ Хамовной свободѣ ткались полотна самаго разнообразнаго характера: двойныя и тройныя изъ соотвѣтственной пряжи, гладкія и полосатыя; затѣмъ ткались скатерти, убрусы, полотенца съ узорами и безъ узоровъ. Кромѣ хамовниковъ, производствомъ занимались еще и дѣловицы: ткальи, пряльи, бральи, швеи, задѣльницы, бѣльницы и бередники, каждыя соотвѣтственно своей спеціальности [47]).

„Хамовныя государевы слободы представляли собою такія мануфактуры, въ которыхъ каждый рабочій работалъ у себя на дому“. Но были и фабрики, на которыхъ работали. Такъ Самуилъ Коллинсъ разсказываетъ, что подъ Москвой для обработки льна и пеньки были построены красивые дома, находившіеся въ вѣдѣніе царицы, въ которыхъ доставлялась работа всѣмъ бѣднымъ [48]).

По замѣчанію М. Довнаръ-Запольскаго, „къ началу XVII в., т. е. еще въ періодъ до усиленія иностраннаго вліянія, количество ремёслъ въ Москвѣ было весьма значительно, при чемъ дифференціація ихъ достигла поразительныхъ размѣровъ: иногда очень дробная часть какого-нибудь дѣла имѣла своихъ спеціалистовъ. Такимъ образомъ изготовляемый предметъ, прежде чѣмъ попасть къ потребителю, проходилъ черезъ нѣсколько различныхъ мастерскихъ. Можно насчитать до 250 различныхъ спеціальностей, начиная отъ простого наемнаго рабочаго и кончая сложнымъ подраздѣленіемъ въ области иконописнаго, желѣзно-и мѣдно-литейнаго дѣла и пр. Наибольшую дифференціацію ре-

меслъ мы встрѣчаемъ въ области желѣзно-литейнаго и мѣдно-литейнаго дѣла, затѣмъ въ кожевенномъ и портняжномъ дѣлѣ. Въ области желѣзно-литейнаго и мѣднаго дѣла можно насчитать до 50 различныхъ спеціальностей. Такъ, кромѣ общаго названія кузнецовъ, пушкарей, денежныхъ мастеровъ съ подраздѣленіями ихъ на ствольниковъ, станочниковъ и замочниковъ; пушкарей съ подраздѣленіемъ ихъ на пушечныхъ литуевъ, на пушечныхъ кузнецовъ, мастеровъ и рѣзцовъ; по выработкѣ холоднаго оружія встрѣчаемъ: сабельниковъ, латныхъ мастеровъ, бронныхъ мастеровъ; по выработкѣ предметовъ домашняго обихода, кромѣ общихъ наименованій—мѣдниковъ, желѣзниковъ, котельниковъ, паяльщиковъ, оковщиковъ и пр., встрѣчаемъ еще спеціальности: замочниковъ, игольниковъ, шильниковъ, пуговичниковъ, ножевниковъ, скобеняковъ, кирочниковъ, подковщиковъ, удильщиковъ, пряжниковъ, рѣшеточниковъ, мисниковъ, булавочниковъ, трубниковъ, колокольниковъ, паникадильниковъ; сюда слѣдуетъ отнести и различнаго рода часовыхъ дѣлъ мастерства [49]).

Дифференціація образовалась не стихійно, но по разумному плану московскаго правительства, вызвавшаго въ Москву спеціалистовъ со всей Россіи и такимъ образомъ организовавшаго въ Москвѣ промышленность.

Дифференціація по призванію, способностямъ и состояніямъ создаетъ классовое государство. Необходимо при этомъ различать профессіональную дифференціацію отъ классовой въ точномъ смыслѣ этого слова. Различіе выработано самою жизнью. По требованіямъ общежитія, съ одной стороны, и въ силу стремленій освободившейся личности призваніе осуществляется въ профессіи, въ родѣ жизни, въ способахъ добыванія средствъ къ существованію. До этой поры вопросъ о средствахъ далеко не имѣлъ такого значенія. Одни жили на счетъ другихъ. Рабы и крѣпостные доставляли все, что нужно было для жизни... другихъ. Между средствами и жизнью существовало раздѣленіе: *одни жили, а другіе доставляли возможность жить*. Это было общимъ правиломъ съ тѣхъ поръ, какъ появились побѣдители и побѣжденные, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ возникло общество [50]). Но аннулированные воскресли изъ мертвыхъ и частью въ деревенскихъ обществахъ, но главнымъ образомъ въ городахъ стали сами добывать себѣ средства къ жизни и такимъ образомъ стали самостоятельно жить. Это новое явленіе получило названіе *свободы*. Въ дѣйствительности оно есть лишь соединеніе работы съ жизнью. Жизнь безъ работы стала дармоѣдствомъ и уже Ап. Павелъ говорилъ: не трудывыйся, да не ястъ. Но то были вдохновенныя слова, предвѣдѣніе отдаленнаго будущаго, высокій идеалъ. Въ городахъ занялись осуществленіемъ идеала, хотя и во имя необходимости. Ушедшіе отъ деревенскихъ притѣсненій въ города и защищен-

ные тамъ стѣнами и корпораціями, новые люди занялись по необходимости дѣломъ, дававшимъ средства къ существованію. Часть ихъ, уходя въ Запорожье и т. п. мѣста, занимались хищной добычей, вооружая противъ себя сосѣдей. Такія корпораціи не могли быть долговѣчными. Остались тѣ корпораціи, которыя въ городахъ занялись производительнымъ трудомъ, обмѣнивая продукты его на необходимое имъ для жизни. Такъ образовались оазисы свободы, оазисы новой жизни, живительное начало которой мало-по-малу покрыло весь міръ и продолжаетъ свою культурную работу и въ настоящее время. Призваніе, талантъ, протестъ противъ гнета—вотъ первоисточники новаго міра, зачатаго уже въ деревенскихъ мірахъ и получившаго широкій расцвѣтъ въ городахъ и изъ городовъ перешедшаго и переходящаго во всѣ закоулки обитаемыхъ странъ. Призваніе, талантъ и любовь къ свободѣ вызвали профессіи, а не наоборотъ.

Совершенно не правъ Е. Филипповичъ въ „Основ. политич. экон.“ признающій результатомъ раздѣленія труда образованіе профессій. Вотъ его интересное ученіе: „Воздѣлываніе земли, веденіе промышленнаго предпріятія, посредничество торговца, трудъ фабричнаго рабочаго—все это столь же опредѣленныя профессіи, какъ дѣятельность врача, чиновника, художника и др. Расчлененіе народа по профессіямъ обнаруживаетъ степень экономическаго и культурнаго развитія народа“ [51]).

Изъ профессій образуются *сословія*. „Гдѣ образуется своеобразное профессіональное сознаніе, нравы и право, тамъ мы видимъ уже сословія. Раздѣленіе по занятіямъ у всѣхъ народовъ становится, такимъ образомъ, съ теченіемъ времени раздѣленіемъ по сословіямъ“ [52]). Въ Германіи 6.000 видовъ производства. Но профессіи пріурочиваются къ наиболѣе крупнымъ видамъ. А затѣмъ общею цѣлію хозяйственной дѣятельности становится пріобрѣтеніе богатства вообще, появляется промышленная свобода, и корпораціи теряютъ значеніе. „Гдѣ профессіи потеряли всякое вліяніе, остался одинъ только моментъ, вліяющій на экономическое раздѣленіе общества, именно обладаніе имуществомъ“. Возникаютъ *классы*, какъ имущественныя группы. „Различные классы образуются благодаря различіямъ въ родѣ имущества, а внутри этихъ родовъ различіемъ въ величинѣ его. Промышленники, землевладѣльцы, торговцы, рантье—все это различные классы имущихъ съ различными интересами въ зависимости отъ рода ихъ имущества. Внутри этихъ имущественныхъ группъ имѣетъ значеніе величина имущества. Классы всегда существовали“ [53]).

Съ развитіемъ профессій трудъ упрощается и облегчается передвиженіе съ одной профессіи въ другую, многіе участвуютъ въ нѣсколькихъ профессіяхъ, имѣя къ нимъ одинаковую при-

способленность, обученія прежняго не требуется. Профессіональный элементъ исчезаетъ [54]). Преобладаетъ элементъ—имущественный или классовой.

Ученіе, какъ видимъ, логически стройное, какъ и вся система такъ называемаго экономическаго матеріализма. Но не всякая фантазія, при всей своей логичности, заключаетъ истину. Ученіе это не оправдывается жизнью, не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности. Въ исторіи призваніе, талантъ, стремленіе отъ гнета къ свободѣ были причиною, а не слѣдствіемъ, ухода какъ въ Запорожье для „лыцарской“ жизни, такъ и въ города, для соединенія труда съ жизнью. Конечно, привычка—вторая природа, и профессіональный трудъ въ свою очередь вліялъ на призваніе и способности. Такъ, дождь, будучи продуктомъ земли, вліяетъ на плодородіе ея. Но было бы странно утверждать, что дождь получается съ неба, а не съ нашей же планеты.

Ученіе экономическихъ матеріалистовъ, будучи невѣрно исторически, противорѣчитъ и живой дѣйствительности. Странно утверждать, что профессіональный элементъ исчезаетъ и замѣняется классовой дифференціаціей. Ничего подобнаго нѣтъ въ жизни, да и не можетъ быть. Профессіональная дифференціація вызвана къ жизни разнообразіемъ способностей людей и возможностью примѣненія ихъ къ разнообразнымъ потребностямъ для производства необходимыхъ средствъ существованія. Пока будутъ существовать люди, до той поры будетъ и эта дифференціація. Подавленіе ея равносильно возврату къ первобытному состоянію человѣчества, къ варварству. Безъ воздуха не мыслима физическая жизнь человѣка. Безъ возможности работать по призванію, по склонностямъ и талантамъ, не мыслима свобода, т. е. не мыслима соціальная жизнь, признающая достоинство и самостоятельность человѣческой личности.

Но вѣрно то, что рядомъ съ профессіональной дифференціаціей идетъ классовая дифференціація, представляющая собою не что иное, какъ объединеніе разныхъ профессій по закону сходствъ, т. е. по общему ихъ элементу, главнымъ образомъ проявляющемуся въ сходствѣ имущественныхъ интересовъ категорій лицъ опредѣленныхъ имуществъ или доходовъ. Дѣленіе населенія на богатыхъ, зажиточныхъ, обезпеченныхъ, бѣдныхъ и пролетаріевъ все болѣе и болѣе становится господствующимъ факторомъ и въ свою очередь кладетъ сильный отпечатокъ на современную культуру призванія и таланта. Классъ—это вполнѣ естественное и вполнѣ необходимое интегрированіе дифференціи.

Человѣкъ, какъ животное стадное, боится одиночества. Такъ же боится его, какъ, по средневѣковымъ представленіямъ, природа боится пустоты. Поэтому безусловно *всегда* при ослабленіи одной формы сходственныхъ союзовъ люди немедленно избираютъ

другую, прибѣгаютъ даже къ суррогатамъ союзовъ и прибѣгаютъ механически, въ силу обстоятельствъ.

Даже при ослабленіи союзовъ, основанныхъ на крови, люди прибѣгаютъ къ искусственной крови для образованія союзовъ.

Когда соціальный принципъ родства началъ терять свое могучее вліяніе, люди начали прибѣгать къ суррогатамъ. Таковыхъ суррогатовъ исторія знаетъ двѣ формы: побратимство и братство, и до сихъ поръ проявляющіяся у разныхъ народовъ, какъ пережитокъ прошлаго.

Побратимство возникло въ сѣдой древности, и христіанство освятило его, установивъ особый церковный обрядъ братотворенія, упоминаемый у насъ въ Печерскомъ Патерикѣ. О сущности побратимства свидѣтельствуетъ молитва братотворенія, въ которой читаемъ: „Господи... изволивый святые и славные апостолы Петра и Павла, Филиппа, Варфоломея братіи быти и не уздою рожественною, но вѣрно духовною и любовію сподобивый святая своя мученика Сергѣя и Ивакха брати быти, благослови раба сія“. Побратимство считается даже выше „уздъ рожественныхъ“, оно есть духовное рожденіе.

Существуетъ мнѣніе, что „причащеніе“ виномъ въ чинѣ братотворенія есть пережитокъ питія крови, употреблявшагося раньше при заключеніи братскаго союза, когда каждый сосалъ изъ раны кровь другого брата [55]).

Побратимство возникло какъ институтъ взаимной помощи, какъ взаимная гарантія безопасности, какъ союзъ для выполненія силъ личности въ общей борьбѣ за существованіе. И наоборотъ, гдѣ одинъ человѣкъ оказывалъ другому выдающуюся помощь, напримѣръ, спасалъ утопающаго, спасалъ отъ непріятеля, тамъ въ видѣ благодарности былъ заключаемъ союзъ побратимства, какъ освященіе братскаго союза, возникшаго изъ факта нравственнаго дѣйствія.

Братство есть перенесеніе союза побратимства на группу разнородныхъ лицъ. По уставу Кира Фердинанда епископа холмскаго (1826 г.) читается молитва о благословеніи союза Богомъ, „ликъ святыхъ своихъ апостоловъ избравшаго *во едино братство*“. Союзъ апостоловъ ставится какъ образецъ братства. Вѣрно замѣчаетъ О. А. Фотинскій: „Побратимство является противовѣсомъ сильно развитому соціальному индивидуализму“ [56]), хотя нельзя съ нимъ согласиться, что съ развитіемъ гражданственности оно теряетъ свой raison d'etre. Понятно, что профессіональное разслоеніе населенія должно было вызвать такія же стремленія къ интеграціи. Когда сословная связь оказалась несоотвѣтствующей новымъ условіямъ и естественно ослабѣла, уступивъ мѣсто свободному призванію по профессіямъ, распыленіе населенія было предупреждено классовымъ интегрированіемъ. Появились классы

населенія, изъ коихъ каждый имѣетъ общіе интересы, отличные и часто совершенно противоположные другимъ. Насильственное, принудительное, установленное обычаемъ и закономъ различіе по сословіямъ, какъ групповымъ сходствамъ, при господствѣ принципа свободы призванія должно было уступить мѣсто свободнымъ классовымъ группамъ, также основаннымъ на групповыхъ сходствахъ, но заключаемыхъ не по рожденію, какъ въ родственныхъ союзахъ древности, не по крови, а также обычаю и закону, какъ въ кастовыхъ и сословныхъ союзахъ, а по свободному самоопредѣленію лицъ даннаго имущественнаго состоянія и по опредѣленію ихъ воли *природой вещей*, природой принадлежащаго имъ состоянія. По источникамъ доходовъ обыкновенно различаютъ три класса въ ихъ типическихъ формахъ: классъ недвижимыхъ собственниковъ, классъ движимыхъ собственниковъ или капиталистовъ и трудовой классъ. Между ними въ свою очередь существуютъ подраздѣленія, также опредѣляемыя особенностями источниковъ доходовъ; таковы: владѣльцы городскихъ имуществъ, землевладѣльцы, фабриканты, заводчики, рабочіе, владѣющіе землей, батраки и пролетаріи. Каждая изъ этихъ категорій можетъ быть классомъ большихъ, среднихъ и малыхъ собственниковъ, а также чистыхъ пролетаріевъ, имѣющихъ заработокъ и безработныхъ. Классъ безработныхъ, конечно, не можетъ состоять постоянно изъ одного и того же состава лицъ, иначе онъ вымеръ бы, и такого класса не оказалось бы въ наличности. Но онъ не только существуетъ, но и имѣетъ тенденцію увеличиваться. Въ сущности онъ представляетъ собою опредѣленный процентъ другихъ болѣе или менѣе обезпеченныхъ классовъ, въ общемъ движеніи ихъ отбрасываемыхъ въ сторону, деклассируемыхъ и въ качествѣ таковыхъ становящихся особымъ классомъ деклассированныхъ или безклассовыхъ классовъ. Онъ постоянно пополняется процессами деклассированія, имѣющими въ современной культурѣ громадное народно-экономическое значеніе. При свободѣ труда многіе добиваются путемъ призванія высшаго положенія, но не всѣ усиживаются на добытыхъ мѣстахъ. Такъ легко строятъ дома при помощи кредита, но не всѣ строители выдерживаютъ платежи и остаются домовладѣльцами. Такъ не всѣ адвокаты имѣютъ практику, не всѣ врачи посѣщаются больными, не всякій день поденщикъ находитъ для себя работу, не всякій рабочій постоянно занятъ, часть предпріятій падаетъ, другая часть уменьшаетъ обороты и т. п. Такимъ образомъ, въ каждой странѣ получается извѣстный процентъ остающихся безъ всякаго заработка. Классъ этотъ является барометромъ, указывающимъ на соціальное давленіе. Чѣмъ напряженнѣе соціальная атмосфера, чѣмъ больше движенія и богатства, тѣмъ больше и усталыхъ, отсталыхъ, падающихъ и павшихъ. Чѣмъ больше

войскъ, сражающихся между собою, тѣмъ больше убитыхъ и раненныхъ. Чѣмъ больше масса людей на данной территоріи, тѣмъ больше и смертностей, предполагая даже полное равенство всѣхъ остальныхъ условій. Классъ безработныхъ такимъ образомъ естественно увеличивается въ каждой культурной странѣ, при свободной организаціи дѣятельности. Поэтому основательно говорятъ, что безработные—это продуктъ нашей цивилизаціи, продуктъ свободы, какъ принципа общежитія и труда. Раньше этого не было, потому что организаціи естественно заботились о прокормленіи своихъ членовъ, таковы роды, семья, цехи, какъ организованный по принципу семьи трудъ. Организаціи снесены революціей, поднятой во имя свободы личности. Свобода добыта, но она создала тотъ безработный классъ, или тотъ не обезпеченный въ трудѣ классъ, который все болѣе и болѣе заявляетъ о своемъ существованіи, относясь отрицательно къ обездолившему его строю общества. Соціализмъ и коммунизмъ перестаютъ быть мечтами доброжелателей человѣчества, становятся практическими доктринами, не скрывающими своего враждебнаго отношенія къ основнымъ принципамъ цивилизаціи и готовыми кровью и динамитомъ водворить счастье на землѣ. Кто не хочетъ новообѣтованнаго земного рая, тотъ долженъ исчезнуть съ лица земли. Магометъ завѣщалъ исламъ распространять огнемъ и мечемъ, но во имя того рая, въ которомъ уже не будетъ ни огня, ни меча. Проповѣдники новой политико-экономической религіи требуютъ уничтоженія существующаго строя во имя рая, въ которомъ также будетъ принципъ огня и меча, ибо проектируемый ими рай земной не можетъ быть основанъ на свободѣ личности, т. е. на томъ началѣ, которое неизбѣжно приводитъ къ деклассированію, къ обездоленію и неимуществу.

И эта проповѣдь не можетъ остаться безслѣдною въ исторіи человѣчества. Напрасно думали, что свобода, создавая экономическій атомизмъ, ослабляетъ личность. Жизнь разрушила иллюзію. На дѣлѣ оказалось, что подъ знаменемъ индивидуализма и во имя свободы чисто механически личность, наиболѣе индивидуализированная, нашла такую поддержку въ единеніи, по закону сходствъ, съ другими, такими же обездоленными личностями. Это не творческая сила, но сила угрозы разрушеніемъ, сила бѣдствія, одна изъ могущественнѣйшихъ силъ на пути къ разрушенію и преодолѣнію препятствій. Такъ разрушаетъ весной мелкій потокъ все, что попадается ему на пути, и рѣченка, которую лѣтомъ переходитъ вбродъ курица, становится великимъ, стихійнымъ дѣлателемъ... зла. Оказывается, что та самая причина, которая создала пролетаріатъ, создаетъ и его соціальныя силы.

Ростъ раздѣленія труда поднимаетъ силу пролетаріата, уменьшая силу сопротивленія ему со стороны правящихся классовъ.

„Въ современномъ производствѣ съ крайне развитымъ распредѣленіемъ труда все тѣсно переплетено между собою. Съ нарушеніемъ функцій одного органа разстраивается правильность отправленій всего организма. Это относится къ каждой отрасли труда въ отдѣльности, такъ и ко всему общественному производству въ цѣломъ. Машиниста можно „съ револьверомъ въ рукахъ“ заставить стать на работу. Но вѣдь онъ не можетъ вести локомотивъ, если кочегары, стрѣлочники, сцѣпщики и пр. не будутъ на своихъ постахъ. Его работа только мелкое колесико во всемъ огромномъ и сложномъ механизмѣ современнаго сообщенія. Ужъ не прикажете ли „съ револьверомъ въ рукахъ“ принудить весь желѣзнодорожный персоналъ стать на работу? Если стачка всеобща, то всей арміи будетъ недостаточно, чтобы принудить забастовщиковъ къ работѣ“ [58]).

Не забудемъ и того, что стачка въ одной отрасли промышленности, при раздѣленіи занятій, отражается и на остальныхъ. Старые экономисты глубоко заблуждались, полагая, что раздѣленіе труда порабощаетъ рабочихъ. При дѣйствительной свободѣ классовъ оно укрѣпляетъ силу рабочихъ. Раздѣленіе труда оказывается силой, которая должна разрѣшить и рабочій вопросъ.

На помощь рабочимъ приходитъ и ослабленіе классовъ. Классовые интересы никогда не организуются такъ, какъ были организованы кастовые или сословные интересы. Отсутствіе организаціи при расширеніи классовъ и свободѣ призванія естественно приводитъ къ тому, что классы мало по малу исчезаютъ и общество демократизируется.

Нѣкоторымъ мыслителямъ кажется, что самая идея безклассоваго государства въ принципѣ ложна. Такъ, Е. Дюрингъ ученіе соціалъ-демократовъ объ упраздненіи классового государства объясняетъ еврейскимъ происхожденіемъ К. Маркса. Онъ говоритъ: „Крики объ устраненіи „сословнаго государства“ имѣютъ тотъ дикій смыслъ, что въ будущемъ должно существовать государство безъ всякой классификаціи людей. По крайней мѣрѣ такой смыслъ придавался этому лозунгу внѣшнимъ образомъ, хотя за нимъ скрывалось нѣчто иное. Въ устахъ евреевъ-агитаторовъ въ родѣ К. Маркса лозунгъ этотъ въ сущности означалъ всеобщее гебраизированіе. Въ немъ высказался притязательный инстинктъ еврейства, желающаго обратить, подъ своимъ господствомъ, всѣ прочіе расы и классы въ однородную кашу. Прирожденная злоба соединилась здѣсь съ восточною недостаточностью и дикостью ума“ [59]).

Еврействомъ онъ объясняетъ и самую сущность соціалъ-демократіи. „Вмѣстѣ съ еврействомъ все болѣе проникаетъ въ организацію и дѣятельность соціальной демократіи духъ рабства. Еврейскій духъ былъ искони рабскимъ. Низшіе и высшіе рабы,

а надъ ними высшая порабощающая власть,—таковъ истинно еврейской идеалъ общественнаго устройства. И такое устройство можетъ быть легко навязано массамъ, долго бывшимъ въ рабствѣ. Предоставленіе богатаго меньшинства на произволъ грабящаго большинства подъ предводительствомъ цезаристскаго или нецезаристскаго начальника,—таково средство, которымъ масса можетъ быть соблазнена“ [60]).

Нѣмецкій экономистъ, очевидно, преувеличиваетъ значеніе психическихъ факторовъ, какъ чувства, соблазны массъ и т. п. На дѣлѣ жизнь движется, не справляясь ни съ нашими чувствами, ни съ нашими желаніями. И классы исчезаютъ, какъ исчезаютъ сословія, какъ исчезли касты. Кто теперь даже въ старыхъ центрахъ культуры говоритъ о классѣ землевладѣльцевъ, какъ о дѣйствительной корпораціи, преслѣдующей опредѣленные общіе интересы? Кто говоритъ теперь о классѣ капиталистовъ? Нѣтъ организаціи, хотя и есть общіе интересы. Но общіе классовые интересы, не представляемые корпораціей, могутъ имѣть лишь спорадическое, случайное значеніе. Классы такъ же далеко стоятъ отъ сословій, какъ сословія отъ кастъ.

Поэтому уже и теперь наблюдаемъ, что классовое разслоеніе общества ослабѣваетъ и классы уступаютъ мѣсто *партіямъ*.

Партійная дифференціація—новѣйшее явленіе, но уже обозначившееся настолько, что мы можемъ судить о немъ довольно точно. Партія состоитъ изъ людей, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ классамъ, сословіямъ и даже кастамъ. Объединяющимъ принципомъ партіи не интересъ, а политическое знамя. Мы не думаемъ, чтобы партіи въ современномъ обществѣ были бандами. Такъ, по словамъ А. Фреми, партіи основываются не на принципахъ, но на интересахъ и честолюбіи. Всякая партія по природѣ своей эгоистична, какъ все, что ведетъ къ организаціи банды [61]). Конечно, въ частныхъ случаяхъ возможно и это. Но въ общемъ партіи представляютъ собою объединеніе разнообразныхъ классовъ и именно объединеніе на почвѣ идей. Партія есть идейная классификація населенія, чисто идейная дифференціація его. Конечно, каждая партія упрекаетъ другую въ эгоистическихъ стремленіяхъ. Но именно этотъ взаимный упрекъ и доказываетъ, что въ основѣ партій лежитъ не эгоизмъ, а опредѣленное идейное знамя.

Соединеніе на почвѣ идей—есть высшее проявленіе великаго принципа призванія. И правы мыслители, полагающіе, что партійная борьба приведетъ къ уясненію соціальной истины и къ сознательному отношенію къ соціальнымъ вопросамъ. Правъ А. Фулье, утверждающій, что „путемъ нравственности, сначала инстинктивной у животныхъ, потомъ осмысленной у человѣка, общество преобразуется и достигаетъ своего конечнаго раз-

витія: первичная симпатія становится братствомъ, раздѣленіе функцій—справедливостью, делегація высшихъ функцій—правительствомъ“ [62]).

Тотъ же результатъ можетъ быть полученъ даже и не по такимъ высокимъ мотивамъ. И А. Менгеръ разсчитываетъ на уравненіе интересовъ, какъ на средство къ благостостоянію. „Въ народномъ трудовомъ государствѣ, пишетъ онъ, рѣчь будетъ идти не столько о самопожертвованіи и братствѣ, сколько о разумномъ уравненіи интересовъ“ [63]). Но „разумное уравненіе интересовъ“ въ концѣ концовъ и есть идейное объединеніе при регулированіи дѣятельности государствомъ на основаніи представительства, выражаемаго свободно избираемыми делегатами. А пока—это задача будущаго. Въ настоящемъ видимъ преобладаніе борьбы какъ идей, такъ и интересовъ. Одна изъ важнѣйшихъ темныхъ сторонъ раздѣленія занятій заключается въ томъ, что имъ вызывается и систематически развивается то противорѣчіе интересовъ, которое издавна служило главнымъ пунктомъ нападеній на историческій строй общества.

Раздѣленіе занятій естественно ведетъ къ раздѣленію интересовъ. Каждый производитель, вступая въ обмѣнъ съ другимъ, желаетъ дать какъ можно меньше и получить какъ можно больше. Такъ возникаетъ раздѣленіе интересовъ между представителями разныхъ отраслей труда. Сельскій хозяинъ видитъ въ мануфактуристѣ и фабрикантѣ человѣка, интересы котораго прямо противоположны его интересамъ: чѣмъ больше онъ получитъ и чѣмъ меньше отдастъ въ обмѣнъ, тѣмъ выше его благосостояніе. И чѣмъ разнообразнѣе въ странѣ профессіи, тѣмъ сильнѣе это взаимное противорѣчіе интересовъ и интенсивнѣе борьба за существованіе. Ученіе Фурье о противорѣчіи и враждебности интересовъ не выдумано, но представляетъ собою описаніе фактовъ.

К. Фурье всю критику существующаго строя основалъ на борьбѣ взаимно противоположныхъ интересовъ—коллективныхъ и индивидуальныхъ. „Врачъ желаетъ согражданамъ побольше лихорадки, прокуроръ—хорошихъ процессовъ въ каждой семьѣ. Архитекторъ нуждается въ хорошемъ пожарѣ, который бы уничтожилъ четверть города; стекольщикъ мечтаетъ о градѣ, который разрушилъ бы всѣ окна. Портной и сапожникъ желаютъ публикѣ плохихъ матерьяловъ, чтобы удвоить и утроить торговлю. Судъ счастливъ, что Франція продолжаетъ совершать ежегодно 120.000 преступленій и проступковъ, какое количество необходимо для прокормленія личнаго состава правосудія. Въ цивилизованномъ обществѣ всякій индивидуумъ находится въ злой войнѣ съ массой. Это необходимое состояніе антисоціэтарнаго общества“ [64]).

И несомнѣнно, интересъ врача вовсе не состоитъ въ томъ, чтобы не было больныхъ, но какъ разъ наоборотъ: состоитъ въ томъ, чтобы было какъ можно больше состоятельныхъ больныхъ, на счетъ которыхъ онъ можетъ жить. Интересъ гробовщика, чтобы въ мѣстности его дѣятельности была возможно большая смертность. Интересъ сапожника, чтобы покупаемые у него сапоги возможно скорѣе изнашивались; интересъ фабриканта, чтобы покупаемая у него матерія скорѣе портилась и замѣнялась новою. Каждый вырабатываетъ психику, основанную на положеніи, что его счастье основывается на несчастьи другихъ. Homo homini lupus est—этотъ принципъ Гоббеза хотя и отнесенъ имъ къ иному строю жизни, тѣмъ не менѣе проявляется во всемъ своемъ грандіозномъ объемѣ только при раздѣленіи людей на профессіи. Но не только разныя профессіи имѣютъ разные интересы. Возникаетъ конкуренція между однородными профессіями и тогда уже дѣйствительно каждый начинаетъ видѣть въ другомъ волка. Теорія борьбы за существованіе достигаетъ высшаго своего развитія.

При этомъ борьба становится все болѣе и болѣе не только внутреннею, заключенною въ предѣлахъ территоріи, но и международною, даже міровою. При механическомъ или сегментарномъ единеніи „сегменты образуютъ извѣстное количество маленькихъ обществъ, болѣе или менѣе закрытыхъ другъ для друга. Тамъ, гдѣ они имѣютъ семейное основаніе, перемѣнить ихъ такъ же трудно, какъ перемѣнить семью. Еще въ средніе вѣка рабочему было трудно найти работу въ другомъ городѣ, кромѣ своего; внутреннія таможни образовали, кромѣ того, вокругъ каждаго соціальнаго сегмента поясъ, защищавшій его отъ инфильтраціи постороннихъ элементовъ. При этихъ условіяхъ индивидъ удерживается на родной землѣ не только потому, что онъ притягивается связывающими его съ ней узами, но и потому, что онъ отталкивается другими сегментами; рѣдкость путей сообщенія служитъ доказательствомъ этой замкнутости каждаго сегмента [65]). Новѣйшее развитіе путей сообщенія не только удовлетворяетъ этому стремленію къ міровой борьбѣ или міровымъ отношеніямъ, но и служитъ ближайшею и непосредственною причиною ихъ.

Въ отличіе отъ цивилизаціи сходствъ или интегральной цивилизаціи культура различій вызываетъ такую односторонность въ занятіяхъ, которая способна поработить человѣка хлѣбу, превратить его въ простое орудіе производства.

„Древняя семья въ своемъ чистомъ видѣ является одновременно государствомъ, церковью, арміей и мастерской. Отецъ несетъ на себѣ функціи князя, жреца, полководца и хозяина. Вслѣдствіе этого трудъ первобытнаго человѣка былъ, можетъ быть, относительно разнообразнѣе труда современныхъ людей, но зато

вся его дѣятельность производилась въ сотрудничествѣ съ одними и тѣми же лицами, въ одномъ и томъ же кругу и по приказанію одного и того же главы рода. И если онъ не обреченъ на одно какое-нибудь занятіе, зато онъ прикованъ къ одной только ассоціаціи“ [66]).

Ницше основательно жалуется на односторонность въ людяхъ. „Я вижу людей, говоритъ Заратустра, у которыхъ во всемъ недостатокъ и только чего-нибудь одного у нихъ слишкомъ много; я вижу людей, которые представляютъ изъ себя только большой глазъ, или большой ротъ, или большой животъ, или вообще нѣчто большое—калѣки“ [67]).

По его мнѣнію люди изображаютъ собою какіе-то обломки и отдѣльные члены, при томъ разбитые и разсѣянные на поляхъ битвъ [68]).

Сквозь стѣну раздѣленія занятій люди не видятъ человѣка, не видятъ ближняго и этому ближнему, чтобы вызвать чувство состраданія нужно обнаруживать свои раны и язвы, показывать ихъ въ людныхъ мѣстахъ, у храмовъ, на рынкахъ. Это дѣйствительно темная сторона раздѣленія занятій, угрожающая самому существованію культуры. Въ странахъ, культивирующихъ исключительно раздѣленіе занятій, ближній исчезаетъ, а съ нимъ исчезаетъ и этика, ибо пустынность и этика—понятія исключающія другъ друга. Грубый, черствый эгоизмъ становится во главѣ угла, человѣкъ звѣрь, человѣкъ волкъ становятся господами положенія, и горе всѣмъ, у кого еще сохраняется человѣчность. И снова, какъ въ доброе старое время, получаетъ господство принципъ: homo homini lupus est.

Такъ какъ въ борьбѣ нѣтъ законовъ—inter armas silent leges, то и правила нравственности, выработанныя при господствѣ интегральной культуры, все болѣе и болѣе теряютъ свое значеніе у человѣка-звѣря. Совѣсть уступаетъ мѣсто Интересу. „Песъ живущій“ становится знаменемъ времени и свѣточемъ, освѣщающимъ пути каждаго въ жизненной тьмѣ.

Самая идея равенства, высочайшая идея человѣчества, подъ вліяніемъ такихъ мрачныхъ условій жизни вызываетъ мрачнѣйшіе факторы въ жизни.

Токвиль справедливо говоритъ, что во времена равенства люди не питаютъ никакого довѣрія другъ къ другу, вслѣдствіе своего сходства. Но это сходство вызываетъ безграничное довѣріе къ общественному мнѣнію, такъ какъ при одинаковомъ умственномъ уровнѣ истина кажется на сторонѣ *большинства*. Большинство становится Молохомъ, которому приносится въ жертву самая Истина, ибо истиной признается лишь то, что признается большинствомъ [69]).

Такъ и Совѣсть и Истина превращаются... въ проценты отъ

капитала, въ пользу, въ интересъ. Человѣкъ вполнѣ аннулируется. Богъ уходитъ. Но и при этомъ новомъ идолопоклонствѣ современнаго человѣчества даже англичане говорятъ: парламентъ все можетъ, за исключеніемъ превращенія женщины въ мужчину. Стало быть, не все можетъ. И меньше всего онъ можетъ создать счастье, создать благополучіе, т. е. меньше всего онъ можетъ создать то, для чего онъ созданъ. Ибо истина не въ постановленіяхъ парламента, какъ и правда не результатъ судоговоренія. Истина и правда пробиваютъ себѣ дорогу, и одинъ изъ механизмовъ, облегчающихъ путь ихъ, есть парламентъ.

Партіи, какъ политическіе союзы, имѣютъ своей коренной задачей улучшеніе самыхъ механизмовъ проявленія истины и правды въ народномъ строѣ и косвенно содѣйствуютъ оживленію народныхъ силъ. Главная же ихъ задача—гарантированіе этимъ силамъ свободы, освобожденіе ихъ отъ произвола и эксплоатаціи случайныхъ эксплоататоровъ. Есть воровство соціальное, какъ и частное. Отъ частнаго воровства спасаютъ полиція и судъ. Отъ политическихъ воровъ спасаютъ парламенты. Въ этомъ главное и наиболѣе серьезное ихъ значеніе. Парламенты представляютъ собою общую *волю* и рѣдко общій *разумъ*. Они хозяева, но не таланты. Партійное разслоеніе населенія далеко не достаточно для облегченія личности въ экономическомъ распыленіи обществъ.

Раздѣленіе труда, ослабившее силы на мѣновомъ рынкѣ, при увеличеніи производительныхъ силъ хозяйствъ, привело къ необходимости объединенія раздѣленныхъ занятій *по принципу сходства*. Но здѣсь сходство можетъ быть не только въ формѣ объединенія однородныхъ производителей, но также и разнородныхъ, объединенныхъ сходствомъ интересовъ производителей. *Трестомъ поэтому называется такое соединеніе отдѣльныхъ предпріятій, въ основаніе котораго положено или сходство, т. е. однородность производимыхъ продуктовъ, или сходство интересовъ производителей.* Въ томъ и другомъ случаѣ задача соединенія—уничтоженіе разрозненности производителей, теряющихъ свои силы во взаимной конкурренціи [70]).

Рабочіе въ свою очередь, кромѣ стачекъ, на основаніи принципа классовыхъ интересовъ, прибѣгаютъ къ производительнымъ и потребительнымъ товариществамъ, какъ къ трудовымъ предпріятіямъ, вродѣ цеховъ или семействъ и родовъ первобытныхъ народовъ. Но соединиться для борьбы или для разрушеній несравнено легче, нежели для производительныхъ цѣлей и поэтому видимъ, что производительные союзы пока не удаются или слабо удаются. Очевидно, осуществленіе и развитіе ихъ—дѣло будущаго. Въ настоящемъ считать товарищества вѣрнымъ средствомъ рѣшенія соціальнаго вопроса ошибочно. Законъ дифференціаціи не только проявляется въ томъ, что общества раздѣляются на тѣ

или иныя корпораціи, профессіи, партіи и т. п. Онъ въ особенности проявляется въ стремленіи личности освободиться отъ оковъ, связывающихъ ее со всѣхъ сторонъ со дня рожденія.

Дифференціація, выражающаяся въ созданіи индивидуальности, есть высшая ея ступень, есть ея полное развитіе, достиженіе возможныхъ предѣловъ. И недаромъ почти всѣ соціологи признаютъ законъ дифференціаціи общимъ закономъ всего живого.

У насъ вслѣдъ за Спенсеромъ Л. Мечниковъ признаетъ дифференціацію „однимъ изъ самыхъ очевидныхъ показателей прогресса: послѣдній неотступно сопровождается черезъ всю серію біологическихъ явленій дифференціаціей, опредѣляющей его повышенія и пониженія, точно также, какъ въ ртутномъ термометрѣ степень расширенія ртути показываетъ измѣненія температуры. Развитіе дифференціаціи достигаетъ своего апогея у высшихъ позвоночныхъ: въ человѣческомъ организмѣ, наприм., дифференціація частей и раздѣленіе труда между отдѣльными органами уже настолько совершенны, что всѣ части, органы, ткани и клѣтки, составляющіе его, окончательно потеряли свою физіологическую самостоятельность и не могутъ существовать одни безъ другихъ“ [71]).

Личность становится атомомъ соціальнаго цѣлаго. Она достигаетъ полнѣйшаго самоопредѣленія, но при этомъ является и совершенно не самостоятельною. Она исчезаетъ, какъ самостоятельный человѣкъ, въ тотъ моментъ, когда полагаетъ, что осуществлена ея задача—индивидуальное самоопредѣленіе. Это старая, какъ свѣтъ истина: познавъ добро, человѣкъ узнаетъ и зло.

Вотъ образецъ этого: Ш. Стетсонъ посвятила цѣлую книгу для уясненія опасности отъ половыхъ различій между людьми, доведенныхъ до крайности. „Наши половыя отличія, говоритъ она, достигли такой степени развитія, что оказываются неблагопріятными для нашего прогресса, какъ индивидуальнаго, такъ и расового. Мы не стали лучшими родителями или людьми оттого, что половое различіе доведено у насъ до такой чрезмѣрной степени, но скорѣе—хуже“ [72]).

Свойственная женщинамъ слабость и неловкость по наслѣдству передается и мальчикамъ, задерживая общечеловѣческое развитіе. Вмѣстѣ съ женственностью женщины культивируютъ привлекательность, какъ средство къ жизни и видятъ не въ культурѣ труда, а въ привлекательности орудіе для существованія. Понятно, это воззрѣніе на трудъ передается по наслѣдству и мальчикамъ. „Мы, говоритъ г. Стетсонъ, съ большимъ трудомъ и мученіями развивали и тщательно поддерживаемъ въ настоящее время громадный классъ непроизводительныхъ потребителей, классъ, составляющій полъ-міра и вмѣстѣ съ тѣмъ

матерей другой его половины. Мы внѣдрили въ строй человѣческой расы привычку и желаніе *брать* и уничтожили всякую связь этого желанія съ его естественнымъ предтечей и спутникомъ—*дѣлать*. Пользоваться пищей, одеждой, домомъ и мебелью, уборами и удовольствіями, брать и вѣчно брать—отъ одного, если они добродѣтельны, отъ многихъ, если онѣ порочны, но всегда брать, не думая никогда объ отдачѣ чего-либо въ возвратъ, кромѣ одной женственности—вотъ въ какія неестественныя условія поставлены матери человѣческой расы! Не удивительно, что ихъ сыновья берутся за такія дѣла, гдѣ бы „можно было что-нибудь получить!“ Не удивительно, что весь міръ наполненъ желаніемъ получить какъ можно больше и дать какъ можно меньше“ [73]).

Факты вѣрны, хотя и врядъ-ли можно согласиться съ такимъ простымъ объясненіемъ появленія экономическаго принципа—давать меньше и получать больше. Вѣдь отъ трутней происходятъ трудолюбивыя рабочія пчелы. И отъ молочной не рабочей коровы, какъ и отъ быка, стоящаго на привязи, получается чудный рабочій волъ. Даже попытки улучшенія породы рабочаго скота привлеченіемъ къ работѣ коровъ и быковъ нисколько не приводили къ дѣйствительнымъ улучшеніямъ.

Относительно фактовъ прошлаго человѣчества нельзя не согласиться съ тѣмъ, что принципъ эгоизма, выраженный экономистами въ формулѣ личнаго интереса, которому приносится все въ жертву, обязанъ своимъ одностороннимъ развитіемъ и страшнымъ распространеніемъ исключительно матерямъ, атрофировавшимъ въ себѣ трудолюбіе и культивирующимъ исключительно эгоизмъ въ формѣ „привлекательности“. Конечно, это относится только къ средѣ, составляющей теоріи и теоретизируемой наблюдателями.

Въ простомъ народѣ женщина менѣе атрофировала трудоспособность и поэтому въ немъ замѣчается больше общинности, больше альтруизма въ отношеніяхъ къ міру. Наши народники въ этомъ отношеніи правы. У народа экономическія теоріи А. Смита не находятъ такого широкаго примѣненія, какъ въ среднихъ и высшихъ классахъ, гдѣ женщина культивируетъ только привлекательность.

Н. Чернышевскій правъ, говоря, что простой рабочій народъ имѣетъ и иныя понятія о красотѣ и привлекательности женщины. Большія руки, большія ноги, физическое здоровье—вотъ идеалъ трудолюбивыхъ классовъ населенія, въ которыхъ и мать и отецъ живутъ собственнымъ трудомъ.

И было время, когда женщина была человѣкомъ. Въ первобытныхъ религіяхъ искусства и науки приписываются не богамъ, а богинямъ. Въ Греціи музы приписывались богинямъ поэзіи, музыки и танцевъ. Изида была „богиней колосьевъ и хлѣба“.

Деметра-законодательница научила египтянъ и грековъ культурѣ ячменя и пшеницы. Вмѣстѣ съ тѣмъ она отучила ихъ отъ людоѣдства. По словамъ Тацита у германцевъ въ допатріархальный періодъ женщина считалась священнымъ существомъ. У насъ вѣщія бабы и жрицы. У спартанцевъ жену называли η δεσποινα, т. е. правительница. Но мужчины побѣдили, и жена превратилась въ побѣжденную, damar. Гомеръ вспоминаетъ о патріархатѣ, говоря, что „мужчина даже въ столѣтнемъ возрастѣ жилъ при своей разумной матеріи, онъ получалъ продовольствіе въ ея домѣ, какъ взрослый ребенокъ“. Изъ этого П. Лафаргъ заключаетъ, что „не женщина, а мужчина имѣлъ въ тѣ времена дѣтскій мозгъ“ [74]).

А между тѣмъ дифференціація не останавливается. Она даже въ законѣ наслѣдственности находитъ свое проявленіе. На полѣ однородной почвы посѣянныя сѣмена одного и того же сорта хлѣба и совершенно схожія, даютъ сборъ безконечно разнообразныхъ индивидуальностей. Нѣтъ двухъ растеній, которыя были бы тождественны между собою, каждое отличается отъ другого то ростомъ, то объемомъ, то крѣпостью, то эластичностью. Природа имѣетъ какую-то наклонность, при сохраненіи общаго элемета—рода и вида—дифференцировать все живое по индивидуальностямъ. Здѣсь несомнѣнны двѣ эмоціи—центростремительная и центробѣжная. Первая сохраняетъ и вырабатываетъ общность или сходства, вторая вырабатываетъ индивидуальность или различіе. Если вы посѣете сѣмена одной и той же дикой груши или черешни, то получите такое-же разнообразіе экземпляровъ, часто не имѣющее почти ничего общаго съ материнскимъ и отцовскимъ экземпляромъ. Между прочимъ, на этомъ законѣ основано полученіе садоводами новыхъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ, цвѣтовъ, огородныхъ растеній и т. п. Садоводъ замѣчаетъ въ массѣ молодыхъ растеній наиболѣе оригинальныя, отмѣчаетъ ихъ и пользуется закономъ прививки для укрѣпленія новаго сорта въ интересахъ культуры. Прививкой консервируются эти „случайные“ дары природы. Наслѣдственность не всегда хорошее условіе такого укрѣпленія именно потому, что природа начинаетъ свое стремленіе къ дифференціаціи, и наслѣдники, сохраняя общее, ею индивидуализируются до того, что садоводу въ его практическихъ цѣляхъ подобная дифференціація становится невыгодною. Садовникъ ведетъ борьбу съ дифференцированіемъ путемъ прививки или посадки частей, образующихъ свои корни, т. е. путемъ дѣленія, какъ такого способа размноженія, при которомъ получается наименьшая степень дифференціаціи.

И въ мірѣ животныхъ констатируются тѣ же эмоціи къ сходствамъ и различіямъ, къ интеграціи и дифференціаціи. При этомъ замѣчается, что въ разные періоды имѣетъ преобладающее зна-

ченіе то одна категорія эмоцій, то другая. Въ особенности это вѣрно относительно человѣка. Въ первобытное время преобладали эмоціи сходствъ, по крайней мѣрѣ до того, пока люди размножились, и элементъ дифференціаціи получилъ новый толчекъ въ смѣшеніи крови разныхъ племенъ и расъ. Но старый принципъ въ свою очередь не сдавался и нашелъ выраженіе своихъ стремленій въ искусственномъ огражденіи: въ родѣ, семьѣ, въ кастахъ, сословіяхъ, племени, запрещавшихъ сношенія съ инородцами, иноплеменниками и т. д. Быть можетъ, благодаря этой искусственной поддержкѣ при культурѣ, основанной на сходствахъ, законъ наслѣдственности не дифференцирующей, а передающей особенности родителей ихъ дѣтямъ, имѣлъ гораздо большее значеніе, чѣмъ въ настоящее время. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что въ древнемъ мірѣ законъ наслѣдственной передачи особенностей имѣлъ гораздо большее значеніе, чѣмъ теперь. Теперь наслѣдственная передача усложняется дифференцированіемъ. Трудно найти человѣческую семью, въ которой бы всѣ дѣти отличались полнымъ фамильнымъ сходствомъ. И при этомъ опять таки характеристиченъ фактъ, что скорѣе замѣчается передача физическихъ свойствъ, чѣмъ духовныхъ эмоцій. Между дѣтьми одной и той же семьи, при физическихъ сходствахъ, почти никогда не бываетъ духовно-нравственныхъ сходствъ. У отца музыканта, насчитывающаго въ своемъ роду многихъ предковъ, занимавшихся музыкой, теперь рѣдко попадаются дѣти съ музыкальными наклонностями. Даже въ дворянствѣ, наиболѣе обезпеченномъ сословіи, прежняя наслѣдственность потеряла свое значеніе. Такъ называемая „дворянская честь“ уже становится отжившимъ принципомъ и въ самой дворянской средѣ уступаетъ мѣсто общечеловѣческимъ понятіямъ о чести. А это и есть явный признакъ ослабленія наслѣдственности. Вѣдь еще не такъ давно verbum nobile, т. е. „слово дворянина“ было страшной силой, сдерживавшей всякіе центробѣжные порывы отдѣльныхъ членовъ сословія. Это слово теперь уже въ жизненномъ обиходѣ и совсѣмъ не встрѣчается. А между тѣмъ оно было закономъ еще у дѣдовъ нынѣшняго поколѣнія. Очевидно, *наслѣдственность становится уже принципомъ дифференціаціи, а не исключительно сохраненія особенностей рода.*

О разнообразіи, какъ основѣ прогресса, прекрасно говоритъ Г. Джоржъ: „Крестьянинъ, для достиженія наилучшихъ урожаевъ, не долженъ высѣвать сѣмена, выращенныя на его же полѣ, а долженъ брать сѣмена, привезенныя издалека. Кровь домашнихъ животныхъ видимо всегда улучшается, благодаря привознымъ производителямъ, такъ что птицеводы, наприм., находятъ полезнымъ продавать своихъ самцовъ и замѣнять ихъ самцами, привезенными изъ другихъ мѣстъ.—Смѣшеніе національностей

всегда приводитъ къ подъему умственныхъ силъ: пропадаютъ предразсудки, изощряются способности, обогащается языкъ, подвергаются сравненію привычки и обычаи, и зарождаются новыя идеи. Самыми прогрессивными народами всегда были, если не народы смѣшанной крови, то во всякомъ случаѣ народы, которые всего болѣе приходили въ соприкосновеніе съ другими народами и всего болѣе научались отъ другихъ народовъ. „Не спрашивай стараго, а спрашивай бывалаго"—это вѣрно и въ отношеніи народовъ [75]).

Россія въ этомъ отношеніи была поставлена, подобно Китаю и Японіи, въ самыя отвратительныя условія, и только съ Петра I было привнесено къ намъ то условіе культуры, которое создало міровую культуру. Это одна изъ существеннѣйшихъ причинъ отсталости Россіи и отсталости прежде всего съ экономической точки зрѣнія. О ней забываютъ, говоря о способностяхъ русскаго народа. Не сомнѣваемся, что всякій другой народъ, историческою случайностью поставленный на нашемъ мѣстѣ, уже давно одичалъ бы, и представлялъ бы собою обезьянъ для удовольствія послѣдователей нашихъ же матеріалистовъ.

III. Число.

I.

Единица, входя въ связь съ другими, теряетъ свою индивидуальность, т. е. свою сущность, становясь матеріаломъ для образованія новаго числа, совершенно отличнаго отъ составныхъ его частей, взятыхъ изолированно, 1+1 образуетъ 2, т. е. совершенно новое число, въ которомъ единицы безслѣдно исчезаютъ.

Общество, какъ сумма индивидуумовъ, также поглощаетъ личность и не можетъ не поглощать, ибо всякое соединеніе есть преобразованіе составныхъ частей, есть новообразованіе, для котораго части послужили только необходимымъ матеріаломъ.

И недаромъ Платонъ видѣлъ въ бракѣ соединеніе половинъ. Только до брака это были цѣлыя величины, а, соединившись, каждая становится частью. И чѣмъ выше развивается общественность, тѣмъ сильнѣе подавленіе индивидуальности.

Еще авторъ „Бытія" могъ говорить о сотвореніи человѣка. Если бы современный ученый захотѣлъ заговорить на эту же тему, онъ уже не могъ бы говорить о созданіи человѣка. Это значило бы говорить о несуществующей алгебраической величинѣ, такъ какъ въ дѣйствительной жизни безпристрастный наблюдатель человѣка не находитъ. Есть русскіе, нѣмцы, французы, англичане, но человѣка нѣтъ и, если и есть, то не иначе, какъ въ абстракціи и мы его такъ же можемъ вообразить себѣ, какъ абстрактно воображаемъ въ 5-и его составныя части, наприм., 3+2.

Нужна не малая сила абстракціи, чтобы увидѣть это совсѣмъ невидимое.

Современный человѣкъ есть искусственное созданіе соціальнаго организма, клѣточкой котораго онъ является и функціи котораго являются функціями организма. Соціальное тѣло, какъ новообразованіе, составленное изъ матеріала отдѣльныхъ лицъ, кладетъ свою волю на личность, преобразуя ее въ подходящую, соотвѣтствующую его требованіямъ составную часть. И душа и тѣло современныхъ людей вполнѣ преобразованы. Человѣкъ уже не образъ и подобіе единаго Бога, но образъ и подобіе соціальнаго Молоха, въ жертву которому онъ обреченъ случайностью рожденія и судьбами всей своей жизни. Русскій, китаецъ, англичанинъ, негръ—все это образы исторіи, но не образы и подобіе единаго Бога.

Чернышевскій, вслѣдъ за Р. Овеномъ, утверждаетъ, что человѣкъ есть произведеніе данной обстановки, что поступки его не отъ него зависятъ, что хвалить или порицать человѣка за его дѣйствія то же, что хвалить или порицать за то, что онъ блондинъ, а не брюнетъ. И въ общемъ, въ большинствѣ случаевъ это вѣрно. Можно-ли порицать еврея за его еврейскій патріотизмъ? Можно ли порицать китайца за его китайскую мысль? И просвѣщеннѣйшіе европейцы 99% своего я напрасно приписываютъ себѣ. Понятно, что для мыслящаго человѣка вопросъ о соціальной жизни перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ является казна для казнокрада. Это вопросъ о личномъ существованіи, о спасеніи своего образа и подобія Божія отъ Молоха, стремящагося поглотить его съ душой и тѣломъ. Лучшіе изъ людей поняли это рано и уже давно изучается общественность, ея законы, ея цѣлесообразность и отношеніе къ личности. Но и въ самыхъ утопическихъ проектахъ наиболѣе цѣлесообразнаго устройства общества мы видимъ не истину, не правду, но отраженіе воли того же самаго кровожаднаго Молоха. Въ республикѣ Платона виденъ даже не идеализированный бытъ культурныхъ обществъ того времени. Утопіи соціалистовъ различаются по времени ихъ составленія, вполнѣ отражая идеи времени. Такимъ же образомъ въ древнихъ представленіяхъ о раѣ видимъ лишь поэтическія лѣтописи, характеризующія соціальный бытъ поэтовъ. Такъ мечты ребенка не идутъ далѣе хорошенькой куклы, а мечты адвоката сосредоточены на преступникѣ-милліардерѣ. И въ мечтѣ человѣкъ не можетъ освободиться отъ того цѣлаго, клѣточкой котораго онъ состоитъ. Весьма естественно возникаетъ мысль, что люди въ общежитіи перестаютъ быть людьми, превращаясь въ простыхъ автоматовъ. Наука объ обществѣ представляется соціальной физикой, какъ ученіемъ о механизмѣ, въ которомъ личность играетъ вполнѣ безвольную роль частей цѣлаго.

Обыкновенно пишутъ исторію такъ, что въ древнемъ мірѣ государство вполнѣ поглощало личность, сковывая ее по рукамъ и ногамъ, опредѣляя каждый шагъ дѣятельности, регламентируя всю жизнь человѣка, начиная отъ рожденія и оканчивая похоронными обрядами. Затѣмъ личность начинаетъ постепенно освобождаться и на высшихъ ступеняхъ культуры появляется государство, имѣющее въ своемъ фундаментѣ личную свободу.

Въ дѣйствительности было на оборотъ. Въ древнихъ государствахъ мы видимъ отдѣльныя ойкосныя хозяйства, въ которыхъ индивидуумъ былъ стѣсненъ внѣшнею властью и внѣшними предписаніями. Но не было той страшной орфической цѣпи, которая связываетъ душу и тѣло личности въ настоящее время. Теперь наша психика болѣе соціальна, чѣмъ психика первобытнаго гражданина любой деспотіи Востока. Теперь со всѣхъ сторонъ личность связана цѣпями не только обычаевъ, но и цѣпями мыслей, чувствъ, желаній. То грядущее рабство, отъ котораго такъ предостерегаетъ Спенсеръ, уже давно наступило. Констатировалъ его еще Токвиль въ своей „Democratie en Amerique“, называя его болѣе страшнымъ рабствомъ, чѣмъ былое рабство временъ старыхъ деспотій, ибо это новое рабство порабощаетъ себѣ самое сокровенное души человѣческой, превращая человѣка въ манекенъ данной гражданственности. И чѣмъ выше развивается соціэтарность, чѣмъ тѣснѣе судьбы личности связываются съ цѣлымъ, тѣмъ все меньше и меньше свобода личности. И не безъ основаній матеріалисты отрицаютъ самое существованіе души. Вѣдь душа предполагаетъ индивидуальное я, независимое и свободное. Какое же индивидуальное я можно найти въ средѣ, гдѣ даже забывчивость (надписать адресъ на письмѣ) опредѣляется соціальными условіями, и можно напередъ предсказать, сколько людей сдѣлается жертвой статистическаго закона общественности. Душа исчезаетъ какъ духъ, какъ сущность свободная. Прежде не боялись деспотовъ, могущихъ погубить тѣло, но не могущихъ погубить душу. Теперь и тѣло и душу одинаково упраздняютъ. Даже душу скорѣе, чѣмъ тѣло, такъ какъ за неприкосновенностью тѣла слѣдитъ полиція.

II.

Вопросъ о значеніи числа въ дѣятельности жизни принадлежитъ къ числу наиболѣе старыхъ вопросовъ. Оставляя въ сторонѣ мистическія доктрины пиѳагорейцевъ, мы должны начать съ *Платона*, который въ своей книгѣ *„О законахъ“* говоритъ, что основнымъ моторомъ соціальной жизни являются нравы населенія, т. е. привычки его, совокупность тенденцій и понятій. Безъ нравовъ не было бы законовъ, такъ какъ законы представляютъ собою не что иное, какъ формулированные нравы. Нравы же за-

висятъ отъ мнѣній, но не сознательныхъ или научныхъ, а безотчетныхъ, безсознательныхъ мнѣній народа. Климатъ, пища, всѣ внѣшнія обстоятельства вліяютъ на движеніе идей народа, какъ и на его тѣло. Хорошая или дурная конституція гражданъ, хорошее или дурное правительство ихъ—все это зависитъ отъ массы вліяній среды.

Все это сводится къ тому, что совокупность людей, живущихъ въ данной физической средѣ, создаетъ обычаи и нравы, какъ необходимыя условія совмѣстной жизни. Формулировка обычаевъ и нравовъ есть созданіе законовъ. Затѣмъ совмѣстность жизни вызываетъ *раздѣленіе труда*, которое создаетъ уже положительную полезность жизни въ массѣ. Здѣсь уже прямо число становится непосредственнымъ экономическимъ факторомъ, такъ какъ оно, создавая раздѣленіе труда, по ученію Платона: 1) создаетъ большую продуктивность, 2) даетъ возможность съ большею легкостью больше производить и 3) избавляетъ отъ потери времени при переходахъ отъ занятій.

Кромѣ того, по Платону, люди, рожденные въ одной и той же странѣ, привыкаютъ видѣть другъ въ другѣ какъ бы братьевъ и въ родной землѣ видѣть мать свою. Связи крови расширяются и возникаетъ *соціальное родство и любовь къ отечеству*.

Какимъ же образомъ число, т. е. множество является творческимъ факторомъ? Само по себѣ оно можетъ дать лишь хаосъ и анархію. Масса—„это дикое и гнусное животное, которое никогда не можетъ управлять своими дѣйствіями“, говоритъ Платонъ. Порядокъ можетъ дать только мудрецъ, какъ представитель Бога на землѣ. Въ старыя времена сыновья Нептуна царствовали и управляли народами въ Атлантидѣ, теперь посланники Божіи. „Въ старину самъ Богъ управлялъ людьми, какъ въ наше время люди высшей расы пасутъ стада людей низшей расы“ [1]).

Такимъ образомъ, по ученію Платона, увеличившееся число людей вызвало на землѣ или появленіе боговъ-правителей, или появленіе высшихъ расъ, изъ коихъ выходятъ правители для управленія толпой низшихъ расъ. Число людей въ томъ и другомъ случаѣ—какой-то злой демонъ, для укрощенія котораго необходимы или боги или деспоты—мудрецы высшей породы. Число —это стадо, а гдѣ стадо, тамъ скотъ, требующій пастуха.

Со временъ Платона эта мрачная идея господствуетъ тысячелѣтія, какъ господствовала она и до Платона фактически. Греческій философъ далъ ей лишь теоретическое оправданіе. И еще долго человѣчество будетъ вести съ ней борьбу, пока не будетъ понята всѣми истинная сущность числа въ населеніи. Шагъ къ этому сдѣланъ былъ уже ближайшимъ ученикомъ и противникомъ школы Платона философомъ *Аристотелемъ*.

По его ученію, общество есть число людей. Первѣйшее об-

щество—это пара, состоящая изъ мужа и жены, какъ части цѣлаго, о чемъ уже предугадывалъ Платонъ въ „Пирѣ“. Пара размножается, образуется семья. Семьи составляютъ общины, которыя, размножаясь, превращаются въ государство. Такъ же организуются общества и въ мірѣ животныхъ, но въ человѣческомъ мірѣ путемъ наслѣдственности и усовершенствованія общественность достигаетъ высшей ступени [2]). Общественность представляется развившимся живымъ существомъ, возникшимъ изъ опредѣленныхъ массъ людей. Поэтому: 1) не можетъ быть общаго устройства для всѣхъ людей и всѣхъ временъ; 2) будучи живымъ существомъ, общество состоитъ изъ разнородныхъ частей. Семейство—изъ мужа, жены, дѣтей. Разнородность частей требуетъ подчиненія и властвованія. Уже въ семьѣ мужу подчинены жена и дѣти. То же и во всѣхъ видахъ общественной жизни [3]). Разнородные элементы вступаютъ въ равновѣсіе. Балансъ этотъ и создаетъ прочность формъ правленія. Всякое измѣненіе въ элементахъ, нарушая равновѣсіе, т. е. какъ теперь выражаются, соотношеніе силъ, требуетъ и соотвѣтствующихъ измѣненій въ формахъ правленія. Наиболѣе прочно государство, въ коемъ не болѣе 10.000 гражданъ. 3) Единство массы выражается и производится общеніе мыслей гражданъ. Общій совѣтъ—это общее сознаніе, общій разумъ [4]). 4) Человѣкъ внѣ общества немыслимъ. Онъ живетъ общими идеями. Отдѣлившись отъ нихъ, онъ становится врагомъ другихъ и былъ бы ниже животныхъ, которыя также соединяются въ общества.

Какъ видимъ, въ противоположность Платону у Аристотеля человѣкъ есть общественное животное, по природѣ своей живущее совмѣстно съ другими, Количество—не грозное чудище, создающее насиліе и принужденіе, но благодать, возвышающая человѣка надъ животными. Въ государствѣ личность получаетъ выгоды отъ совмѣстной жизни и справедливость въ случаяхъ нарушеній своихъ интересовъ. Другими словами, число создаетъ не Левіаѳана, но выгоду и справедливость. И совершенно основательно А. Эспинасъ сопоставляетъ этотъ взглядъ съ основной доктриной христіанства, высказанной ап. Павломъ: „какъ въ одномъ тѣлѣ у насъ много членовъ, но не у всѣхъ членовъ одно и то же дѣло, такъ многіе составляемъ одно тѣло о Христѣ, а порознь одинъ для другого члены“ [5]).

Ученія Платона и Аристотеля лежатъ въ основаніи всѣхъ позднѣйшихъ доктринъ

Гоббезъ въ своемъ „Левіаѳанѣ“ доводитъ до абсурда идею Платона. Толпа, спасаясь отъ междоусобій, отдается Левіаѳану, поглощающему всѣхъ въ интересахъ порядка. Государство является всемогущимъ поглотителемъ личности, такъ какъ только въ этомъ поглощеніи толпа находитъ порядокъ.

Спиноза повторяетъ Аристотеля съ его ученіемъ объ общежительныхъ стремленіяхъ личности. Онъ утверждаетъ, что умаленіе личности государствомъ равносильно умаленію самаго государства, такъ какъ порядокъ, основанный на принципѣ управленія стадомъ животныхъ, не можетъ быть названъ общественнымъ порядкомъ. Подобное общество есть пустыня. „Въ числѣ, по идеямъ Спинозы, единица умножаетъ свои силы, находитъ помощь и правду. Если два индивида соединяются, то естественно возникаетъ увеличеніе силы и права, слѣдовательно, чѣмъ больше число лицъ, входящихъ въ составъ ассоціаціи, тѣмъ больше силы и правды". Вмѣстѣ съ тѣмъ соединенныя личности образуютъ какъ бы одну душу, дѣйствуя какъ одинъ человѣкъ. Душа является индивидуальною, когда части ея находятся въ полномъ единеніи, не смотря на измѣненіе ихъ состава. Индивидъ не измѣняется: 1) если части его не измѣняются, 2) если измѣняются въ одномъ направленіи, 3) если одни измѣняются въ одномъ направленіи, другіе въ другомъ, но общее движеніе остается прежнее, 4) если при общихъ измѣненіяхъ отношенія частей остаются безъ перемѣны.

Ученіе Аристотеля нашло прекрасную почву для своего развитія въ міровоззрѣніи, сблизившемся съ опытомъ въ т. наз. экспериментальномъ направленіи науки. Наиболѣе рельефно эта мысль выражена у *Кондорсе*. Въ Tableau général de la sciénce qui a pour objet l'application du calceul aux sciences politiques et morales Кондорсе науку объ обществѣ, основанную на числовомъ изученіи общественныхъ явленій, предлагаетъ назвать соціальной математикой. Онъ говоритъ, что такая наука, непосредственно изучающая факты, выражаемые числомъ, была бы наукой о счастьи и благосостояніи человѣчества. Подобно тому, какъ физика даетъ руководство къ управленію законами физической природы, такъ и соціальная математика дала бы возможность направлять соціальные законы къ общему счастью и благосостоянію.

Послѣ Кондорсе, идея числа, какъ самоорганизующейся силы, нашла наиболѣе основательныхъ выразителей въ лицѣ Кетле и Конта. Кетле, изучая статистически соціальныя явленія, пришелъ даже къ ограниченію свободы и личной инціативы въ соціальныхъ движеніяхъ. Свобода у него играетъ роль лишь случайной причины, между тѣмъ какъ законы, открываемые статистическимъ, т. е. числовымъ набюденіемъ надъ массами, имѣютъ значеніе постоянныхъ причинъ. Даже такія вполнѣ, повидимому, личныя дѣйствія, какъ забывчивость и т. п., вполнѣ подчинены закону среднихъ чиселъ. Вся наша душа, наши чувства, желанія, мысли вполнѣ и рѣшительно подчинены среднимъ даннымъ и въ дѣйствительности являются не нашими, а психическими свойствами средняго статистическаго человѣка данной страны. Самое понятіе

о красотѣ регулируется законами средняго человѣка страны или класса общества. Средняя рука для крестьянской среды, здоровая и большая, наиболѣе приспособленная къ условіямъ жизни, является идеальною, наиболѣе красивою. Для аристократа при бездѣятельности физически наиболѣе красивой рукой будетъ малая, совсѣмъ не приспособленная къ физическому труду.

О. Контъ находитъ, что только сердце человѣка есть истинный источникъ дѣятельности. Оно одно приводитъ къ единству и соглашенію разнообразныя стремленія человѣка. Безъ сердечнаго возбужденія мысль и дѣятельность погибла бы въ безплодныхъ попыткахъ. И въ собраніи массы, называемой обществомъ, личности остались бы при своихъ индивидуальныхъ интересахъ, если бы не были одарены чувствомъ симпатіи или стремленія другъ къ другу, непреодолимымъ чувствомъ, предшествующимъ сознанію. Это primum mover соціальной жизни.

По его мнѣнію, и у животныхъ встрѣчаемъ взаимную жизнь (vie de relation), т. е. зачатки общественной жизни. Поэтому наприм., у многихъ животныхъ мы встрѣчаемъ удивительные примѣры самоотреченія и самопожертвованія въ интересахъ близкихъ. Въ стадахъ мы находимъ власть и подчиненіе. Вся природа свидѣтельствуетъ о доктринѣ, которая признаетъ „основнымъ принципомъ любовь, фундаментомъ порядокъ и цѣлію прогрессъ“.

Мысль Конта въ высшей степени обоснованно проводитъ А. Эспинасъ въ своей прекрасной книгѣ „Des sociétés animales“. По его строго обоснованному на фактахъ ученію, и во всѣхъ обществахъ, отъ низшихъ до высшихъ, проявляется непрерывное возрастаніе чувствъ привязанности, которыя съ самаго начала будятъ въ каждомъ членѣ группы почти такую же неусыпную заботливость о другихъ, какъ и о самомъ себѣ. Многія изъ высшихъ общественныхъ животныхъ относятся къ своимъ собратьямъ такимъ образомъ, какъ будто бы личность каждаго члена группы имѣла для всѣхъ высокую безусловную цѣну.—За характерную черту жизни въ предѣлахъ одного и того же тѣла и одного и того же общества отнюдь нельзя признавать борьбу за существованіе и подавленіе индивида [7]).

Конечно, это такое же покрытіе дѣйствительности желательной окраской, какъ и противоположная доктрина. Но факты, точно и ясно установленные А. Эспинасомъ, съ очевидностью свидѣтельствуютъ, что число, вызывая общность жизни, можетъ направлять людей по теченію солидарности интересовъ. Вся исторія образованія обществъ, начиная со стада, семьи и оканчивая государствомъ, свидѣтельствуетъ о возможной солидарности массы при сохраненіи индивидуальныхъ свойствъ составныхъ ея частей. Число имѣетъ свои законы, которые дѣйствуютъ на личность, но не умаляя ее, а возвышая и укрѣпляя.

И такъ какъ жизнь въ одиночку невозможна, то указываемое свойство числа, организующагося по своимъ свойствамъ, должно быть признано однимъ изъ жизненныхъ факторовъ человѣческой культуры. Если бы общественная жизнь была по природѣ своей Молохомъ, требующимъ человѣческихъ жертвоприношеній, то анархизмъ находилъ бы для себя полнѣйшее оправданіе.

А. Эспинасъ объединеніе массы доводитъ до признанія массовой души и общества, какъ живого организма съ этой душой въ центрѣ. „Даже у животныхъ, не соединенныхъ между собою никакими органическими узами, наприм., у членовъ одного и того же стада, видимъ такую сильную солидарность чувствъ, что проявленіе ея не всегда можетъ заглушить даже страхъ, вызываемый крайнею опасностью. Ихъ взаимная привязанность прекращается только со смертью. Возможно-ли было бы такое почти безсознательное влеченіе, если бы каждое отдѣльное „я“ не охватывало собою всѣхъ остальныхъ и чувство общаго не господствовало въ индивидахъ надъ чувствомъ частнаго? И дѣйствительно, сознаніе животныхъ не составляетъ чего-либо безусловнаго или недѣлимаго. Оно, напротивъ того, способно къ раздробленію и дѣленію, и состоитъ изъ представленій и побужденій, способныхъ къ передачѣ. Воспріятіе происходитъ посредствомъ знаковъ отъ одного сознанія въ другое, поэтому—общественныя животныя обладаютъ значительно большимъ количествомъ идей, чѣмъ изолированныя.—Муравейникъ представляетъ собою *одну дѣйствующую мысль*, какъ различныя клѣточки и фибры мозга млекопитающаго“[8]).

Прекрасно уясняетъ соціальное значеніе числа Б. Сидисъ. Личность въ массѣ всецѣло подчиняется психическимъ вліяніямъ числа, при чемъ сила этого подчиненія прямо пропорціональна массѣ, т. е. чѣмъ больше масса, тѣмъ сильнѣе потеря индивидуальности. „Нигдѣ, кромѣ, быть можетъ, только одиночнаго заключенія, произвольныя движенія людей такъ не ограничены, какъ въ толпѣ, и чѣмъ толпа больше, тѣмъ больше это ограниченіе, тѣмъ ниже падаетъ индивидуальное. *Сила личности обратно пропорціональна числу соединенныхъ людей.* Этотъ законъ вѣренъ не только для толпы, но и для высоко организованныхъ массъ. Въ большихъ соціальныхъ организмахъ появляются обыкновенно только очень мелкія личности. Не въ древнемъ Египтѣ, Вавилонѣ, Ассиріи, Персіи слѣдуетъ искать великихъ людей, но въ маленькихъ общинахъ древней Греціи и Іудеи“ [9]).

В. М. Бехтеревъ полагаетъ, что въ толпѣ, „благодаря взаимовнушенію, отдѣльныя лица какъ бы наэлектризовываются и тѣ чувства, которыя испытываютъ отдѣльныя лица, наростаютъ до необычайной степени напряженія, дѣлая толпу существомъ могучимъ, сила котораго ростетъ вмѣстѣ съ возвышеніемъ чувствъ отдѣльныхъ ея членовъ. Только этимъ путемъ, путемъ взаимо-

внушенія, находящаго благопріятную почву въ общемъ состояніи народныхъ массъ, можно себѣ объяснить успѣхъ тѣхъ знаменательныхъ историческихъ событій, когда нестройныя толпы народа, воодушевленныя одной общей идеей, заставляли уступать хорошо вооруженныя и дисциплинированныя войска, дѣйствовавшія безъ достаточнаго воодушевленія“ [10]).

Хотя толпа дѣйствуетъ надъ вліяніемъ одной общей идеи, но тѣмъ не менѣе самъ В. Бехтеревъ вѣрно замѣчаетъ, что разума въ толпѣ нѣтъ, что она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ взаимнаго психическаго внушенія чисто автоматически. „Не подлежитъ вообще никакому сомнѣнію, что объединенныя извѣстной мыслью народныя массы ничуть не являются только суммой составляющихъ ихъ элементовъ, какъ иногда принимаютъ, такъ какъ здѣсь дѣло не идетъ объ одномъ только случайномъ объединеніи, но и о психическомъ объединеніи, поддерживаемомъ и укрѣпляемомъ главнѣйшимъ образомъ, благодаря взаимовнушенію. Съ этимъ вмѣстѣ активность отдѣльныхъ элементовъ толпы усиливается до наивысшей степени и при полномъ психическомъ объединеніи вся толпа можетъ дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ, двигаясь какъ одно огромное соціальное тѣло, объединенное однимъ общимъ настроеніемъ и одними и тѣми же чувствами и мыслями“ [11]).

По ученію М. Ковалевскаго, „достаточно одного только увеличенія населенія, чтобы народъ вышелъ изъ своей изолированности и заставилъ своихъ сосѣдей добровольно или подъ давленіемъ силы служить интересамъ своего собственнаго производства и потребленія; первый вопросъ, который долженъ ставить себѣ соціологъ, занятый изученіемъ возникновенія опредѣленнаго экономическаго строя, есть вопросъ о плотности населенія какъ данной страны, такъ и странъ, ее окружающихъ. Такимъ образомъ, для меня главнымъ двигателемъ экономической эволюціи является приростъ населенія“ [12]).

Процессъ вліянія числа онъ изображаетъ такъ: народы, живущіе охотой и рыбной ловлей, не могутъ обойтись безъ очень обширной площади земли. Такой образъ ихъ жизни можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока сосѣднія страны остаются доступными для нихъ. Всякое увеличеніе населенія въ этихъ сосѣднихъ владѣніяхъ производитъ тотъ же эффектъ, какъ и увеличеніе семей внутри охотничьяго племени. Ихъ вторженія въ сосѣднія области должны прекратиться, если только народы этихъ областей не будутъ силой принуждены признать волю побѣдителя и уступить ему свои земли. И такъ увеличеніе населенія есть могущественная сила, разрушающая эти первобытныя племена, не знающія иныхъ средствъ къ существованію, кромѣ тѣхъ, которые доставляютъ имъ лѣсные звѣри, рыбы въ рѣкахъ, озерахъ и моряхъ или, наконецъ, *человѣческое мясо, столь вы-*

соко цѣнимое этими антропофагами. Прирученіе животныхъ и подчиненіе военноплѣнныхъ представляетъ единственное средство въ этомъ случаѣ избѣгнуть смерти, не захватывая дерзкимъ и насильственнымъ образомъ владѣній сосѣднихъ племенъ, точно также воинственныхъ, которыя не легко позволятъ переступить границы своихъ владѣній [13]).

Затѣмъ размноженіе населенія заставляетъ перейти къ скотоводству. „Чтобы гарантировать и защищать пастбища отъ покушеній на захватъ сосѣднихъ племенъ, пастушескіе народы принуждены находиться въ оборонительномъ положеніи и силой оберегать свои границы [14]). Также происходитъ переходъ къ земледѣлію, [15]) при чемъ кочевое земледѣліе предшествуетъ осѣдлому [16]).

Общимъ во всѣхъ этихъ теоріяхъ является признаніе соціализирующей личность силы числа. И въ дѣйствительности то, что творится съ личностью временнымъ и случайнымъ сборищемъ, еще въ большей степени творится постояннымъ сборищемъ, называемымъ союзомъ, обществомъ и государствомъ. Здѣсь происходитъ, начиная съ дѣтства, соціальное внушеніе, въ результатѣ котораго получаются вмѣсто *людей граждане.*

Гражданинъ есть продуктъ соціальнаго гипноза. Подъ словомъ гражданинъ разумѣемъ, конечно, не расовыя особенности человѣка, но именно гражданскія, т. е. національныя, государственныя, религіозныя. Какъ въ толпѣ личность перестаетъ существовать, такъ и въ каждомъ общежитіи индивидуальность подчиняется соціальности и человѣкъ исчезаетъ. Вмѣсто человѣка появляются нѣмцы, французы, русскіе и т. д. Тутъ и днемъ со свѣчой человѣка не сыщешь [17]).

Прекрасно опредѣляетъ значеніе числа Г. Бартъ. Возражая Бурдо, утверждавшему, что всѣ люди, вмѣстѣ взятые, обладаютъ бо́льшимъ умомъ, чѣмъ Вольтеръ, онъ говоритъ: „Безчисленныя красныя точки, сложенныя вмѣстѣ, не произведутъ ни единой желтой точки, но увеличеніе числа колебаній эфира въ секунду и сокращеніе длины волнъ превращаютъ красный цвѣтъ въ желтый“ [18]).

Изъ массы разнородныхъ элементовъ, соединенныхъ въ одно политическое цѣлое, постепенно вырабатывается *средній типъ*, въ концѣ концовъ имѣющій такую же громадную силу на личность, на ея душу и дѣятельность, какъ и коллективная душа въ однородныхъ организмахъ. Замѣчательнымъ въ этомъ случаѣ примѣромъ служатъ Соед. Штаты Сѣверной Америки. Страна заключаетъ въ себѣ всѣ націи міра, тѣмъ не менѣе никто не сомнѣвается въ томъ, что всѣ эти безконечно разнородные элементы сглаживаются и повинуются *среднему человѣку*, такъ называемому у насъ американцу.

Полагаютъ, что въ С. Штатахъ $^1/_8$ часть населенія принадлежитъ къ родившимся за границей, больше $^1/_4$ къ родившимся

отъ иностранцевъ. Между промышленниками 56,2% родились отъ иностранныхъ выходцевъ, 35,1% родились за границей. Есть города, въ коихъ почти половина населенія состоитъ изъ родившихся за границей. Между тѣмъ всѣ эти разнородные элементы быстро ассимилируются вліяніемъ выработаннаго исторіей средняго типа—быстро получается американскій нѣмецъ, американскій полякъ, американскій русскій. Даже самый характеръ труда быстро мѣняется. Неподвижный малороссъ черезъ нѣсколько лѣтъ жизни въ Соед. Штатахъ превращается въ предпріимчиваго и подвижнаго американца, котораго начинаетъ искренно поражать характеръ его земляковъ, оставленныхъ на родинѣ. Соціальный воздухъ производитъ незамѣтно быструю перемѣну въ человѣкѣ, эмоціи котораго, выработанныя исторіей, исчезаютъ или переходятъ въ скрытое состояніе подъ вліяніемъ живой и бодрой окружающей среды. По вѣрному замѣчанію пр. Исаева, „такъ какъ типъ, господствующій въ Соед. Штатахъ, сильнѣе другихъ, то онъ и кладетъ свою печать на всѣ сферы быта. Его представители управляютъ разными видами труда; они приводятъ въ движеніе главныя пружины политической жизни; имъ принадлежитъ наибольшая масса земельной собственности и капиталовъ. Можно поэтому говорить съ полнымъ правомъ, что американскій отпечатокъ лежитъ на всей жизни Соед. Шатовъ [19]).

На этомъ же основывается культурное значеніе городовъ. Городъ есть концентрація духовно-матеріальныхъ силъ населенія, есть центръ тяжести соціальнаго цѣлаго, но не мертвый, а живой и дѣятельный. Человѣкъ въ своемъ стремленіи къ освобожденію отъ окружающей природы, создаетъ укрѣпленныя мѣста, за стѣнами которыхъ онъ сплачиваетъ свои силы какъ для отраженія, такъ и для нападенія. Будучи крѣпостью, городъ требуетъ искусства уже потому, что самъ онъ есть продуктъ искусства, продуктъ творческой мысли. Поэтому городъ является представителемъ искусства, какъ знанія, умѣнія, призванія. Въ противоположность деревнѣ, изолирующей человѣка и отдающей его во власть природы, городъ является факторомъ борьбы съ природой. Въ городѣ началось то творчество, благодаря которому преобразовался самъ человѣкъ и постепенно преобразуется сама природа. Въ городахъ началась наука, въ городахъ создались храмы, въ городахъ появились университеты, гимназіи, народныя училища и т. д. Всѣ просвѣтительныя средства результаты творчества городовъ, т. е. концентраціи людей. Городамъ несомнѣнно будетъ принадлежать и честь разрѣшенія соціальнаго вопроса.

Наша культура—городская въ полномъ смыслѣ слова. Воздухъ города, сдѣлавшій рабовъ свободными, распространился за стѣны его и вездѣ производилъ свободу. Умъ города дѣлаетъ съ деревней то же, что въ средніе вѣка производилъ „воздухъ“

городовъ. Деревня идетъ за городомъ, ибо только въ умѣ будущность человѣчества.

Не удивительно, что умъ, вырабатываемый соціальнымъ числомъ, нѣкоторые изслѣдователи склонны признать за нѣчто отдѣльное, стоящее внѣ личности. Такъ, Луи Бурдо признаетъ въ человѣчествѣ особый коллективный разумъ, управляющій индивидуальнымъ. „Въ человѣчествѣ нужно признать организующую и правящую силу, представляемую самобытнымъ и самостоятельнымъ, автономнымъ разумомъ, который управляетъ частными дѣятельностями, ведетъ ихъ къ невѣдомымъ для нихъ цѣлямъ и заставляетъ общія цѣли торжествовать надъ индивидуальными прихотями. Эта жизнь города такъ красива и богата по сравненію со столь бѣдною и узкою жизнью человѣческихъ существъ, что было бы строго вѣрнымъ повторить вмѣстѣ съ Бюффономъ, что одинъ человѣческій родъ дѣйствительно живетъ“ [20]).

Впрочемъ, онъ допускаетъ разумъ и въ неорганическомъ мірѣ. „Все, что живетъ, мыслитъ и желаетъ сильно, могло родиться отъ того, что живетъ, мыслитъ и желаетъ слабо“ [21]).

Такимъ образомъ, число *механически* вырабатываетъ *органическую силу* въ обществахъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ серьезнаго вниманія наблюденія Э. Дюркгейма, который объемъ и плотность, т. е. населенность признаетъ основнымъ факторомъ культуры. „Не остается другого перемѣннаго фактора, кромѣ числа индивидовъ, находящихся въ отношеніяхъ, и ихъ матеріальной и моральной близости, т. е. объема и плотности общества. Чѣмъ многочисленнѣе они и чѣмъ больше дѣйствуютъ они другъ на друга, тѣмъ сильнѣе и быстрѣе воздѣйствіе, тѣмъ интенсивнѣе становится соціальная жизнь. Но эта интенсификація и составляетъ цивилизацію“ [22]). По его замѣчанію, между людьми „даже самыя малыя группы превосходятъ по величинѣ большинство животныхъ обществъ. Будучи болѣе сложными, они также болѣе измѣнчивы, и эти двѣ причины вмѣстѣ производятъ то, что соціальная жизнь человѣчества не закрѣпляется въ біологической формѣ. Даже тамъ, гдѣ она наиболѣе проста, она сохраняетъ свою специфичность. Постоянно существуютъ вѣрованія и обычаи, которые общи людямъ, не будучи начертанными въ ихъ тканяхъ. Но эта черта становится рѣзче по мѣрѣ приращенія соціальнаго вещества и плотности. Чѣмъ болѣе ассоціировавшихся лицъ и чѣмъ болѣе они воздѣйствуютъ другъ на друга, тѣмъ болѣе также продуктъ этихъ воздѣйствій выходитъ изъ предѣловъ организма. Человѣкъ такимъ образомъ оказывается во власти причинъ sui generis, относительная доля которыхъ въ устройствѣ человѣческой природы становится все значительнѣй [23]).

Дѣйствительно, на низшихъ ступеняхъ наслѣдственныя способности превращаются въ біологическія традиціи, въ инстинкты.

Разнообразіе превращаетъ ихъ въ разумную дѣятельность. „У животныхъ организмъ ассимилируетъ соціальныя данныя и лишаетъ ихъ соціальной природы, превращая въ біологическія данныя. *Соціальная жизнь матеріализируется.* Въ человѣчествѣ наоборотъ (особенно въ высшихъ обществахъ), соціальныя причины становятся на мѣсто органическихъ. *Организмъ спиритуализируется* [24]).

И въ этомъ процессѣ одухотворенія единицъ массой нѣтъ ничего мистическаго. Процессъ механическій или ариѳметическій. Иллюстрируемъ примѣромъ изъ нашей исторіи.

Массы возбуждаются не столько злоумышленниками и революціонерами, сколько соціальной коньюнкціей, обездоливающей цѣлые классы населенія Горькая доля массъ усиливается взаимовнушеніемъ, ненависть къ притѣснителямъ, казнокрадамъ, взяточникамъ, благодаря соціальному гипнозу, доходитъ до взрыва, въ которомъ массы теряютъ волю, становятся автоматами, слѣпо повинующимися вожаку, въ которомъ какъ бы концентрируется протестъ противъ неправды. Въ этомъ отношеніи совершенно правъ старикъ изъ-подъ Царицына, говорившій Костомарову о Стенькѣ Разинѣ: „Стенька—это мука мірская! это кара Божія!“ Цѣлый рядъ несчастій съ одной стороны и съ другой, цѣлый рядъ насилій надъ рабочими массами, направленныхъ къ превращенію крестьянъ въ рабовъ, накопляли въ массахъ ненависть къ обездоливающимъ ихъ порядкамъ и, когда чаша народнаго горя переполнилась, когда муки сдѣлались невыносимыми, люди превратились въ звѣрей и упивались кровью первыхъ попавшихся. Жестокій и кровожадный, говоритъ Костомаровъ о Стенькѣ Разинѣ, онъ, казалось, не имѣлъ сердца ни для другихъ, ни даже для самаго себя; чужія страданія забавляли его, свои собственныя онъ презиралъ. Онъ былъ ненавистникъ всего, что стояло выше его. Законъ, общество, церковь—все, что связываетъ личныя побужденія человѣка, все попирала его неустрашимая воля. Для него не существовало состраданія. Честь и великодушіе ему были не знакомы. Таковъ былъ этотъ борецъ вольныхъ, въ полной мѣрѣ извергъ рода человѣческаго, *вызывающаго* подобныя личности неудачнымъ складомъ своего общества [25]).

Тяжелая коньюнкція дѣйствительно *вызываетъ* путемъ соціальнаго взаимовнушенія такихъ людей, въ сердцѣ которыхъ концентрируется въ усиленномъ видѣ то, что испытываютъ и чѣмъ мучатся отдѣльныя жертвы „неудачнаго склада“. Мы въ ужасъ приходимъ отъ этихъ „изверговъ человѣческаго рода“, забывая, что они наше созданіе, наша плоть и кровь, что вся ихъ дѣятельность есть автоматическое выполненіе нами же внушенной роли. Понятно, мы въ ужасъ приходимъ отъ разрушенія камня, служившаго основаніемъ для любимаго зданія, не замѣ-

чая вовсе тѣхъ капель, которыя въ концѣ концовъ произвели разрушительное дѣло. На капли не принято обращать вниманіе.

А каковы были эти капли, видно, наприм., изъ того, что послѣ сдачи Астрахани, въ которой звѣрствовали сподвижники Разина, убивъ послѣ страшныхъ мученій даже митрополита, воевода Милославскій оставилъ на свободѣ всѣхъ вожаковъ звѣрства, взявъ съ нихъ... взятки. Между прочимъ, „убійца митрополита, Алешка Грузиновъ, когда сами астраханскіе жители обвиняли его въ этомъ убійствѣ, отдѣлался тѣмъ, что роздалъ кафтаны да шапки (награбленные) приказнымъ людямъ и получилъ отпускъ изъ Астрахани. Монахи искупляли свое сношеніе съ мятежниками тысячами рыбъ, приносимыхъ боярину“.

Съ точки зрѣнія непротивленія злу это хорошо. Но врядъ ли такое, за взятки осуществляемое, непротивленіе можетъ не приводить въ ужасъ. И не удивительно, что ужасы и появились и чуть было не погубили самаго государства.

Число создаетъ *душевный климатъ*, имѣющій такое же значеніе для жизни культурнаго человѣка, какъ и физическій климатъ. Къ сожалѣнію, вліяніе его мало изучено, между тѣмъ какъ прекрасно изучено вліяніе физическаго климата. Въ затхлой атмосферѣ немыслимо появленіе психически здоровыхъ людей. Болото создаетъ только болотныя растенія, и напрасно вы будете ожидать отъ болота душистыхъ розъ или растительныхъ гигантовъ. Но зато въ соединеніи съ другими ноль становится величиной, равной десяткамъ, сотнямъ, тысячамъ, смотря по числу, съ которымъ онъ соединяется. Разъединенный человѣкъ—ничтожная пылинка, которою командуетъ и самый легкій вѣтерокъ. Революція начинается тѣмъ, что пылинки—случайными, экономическими или идейными силами—соединяются и образуется вихрь, все разрушающій, что попадается ему на пути. Получается реальнѣйшее чудо, производимое соединеніемъ чиселъ. Но и числовое разъединеніе можетъ создать такое же чудесное въ жизни. Сильную власть И. Тэнъ называетъ чудомъ. „Чтобы человѣкъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, иногда дряхлый старикъ, располагалъ имуществомъ и жизнью двадцати или тридцати милліоновъ людей, большинство которыхъ его никогда не видали; чтобы онъ приказывалъ имъ вносить десятую или пятую часть дохода и чтобы они вносили; чтобы онъ приказывалъ имъ идти убивать другихъ или подвергать свою жизнь опасности, и чтобы они шли; чтобы они продолжали такой образъ дѣйствія десять или двадцать лѣтъ, несмотря на всѣ испытанія, пораженія, несчастія, какъ французы при Людовикѣ XIV, англичане при Питтѣ, пруссаки при Фридрихѣ V, безъ волненій и внутреннихъ возстаній: вотъ истинное чудо“ [27]).

Въ жизни это чудо состоитъ *въ разъединеніи числа*, благо-

даря чему личность становится ничтожествомъ, становится меньше ноля. И только въ разъединенной, въ распыленной соціальной атмосферѣ мыслимъ настоящій деспотизмъ и настоящее рабство. При этомъ соціальная распыленность, личное аннулированіе часто доходили до полнаго упраздненія личности. Рабыня родитъ раба. По мнѣнію Токвиля, всѣ французы сдѣлались похожи другъ на друга именно благодаря подавленію самостоятельности провинцій. У нашихъ предковъ, говоритъ онъ, слова индивидуализмъ не было, такъ какъ не было ннднвидуума.

Страшная централизація, подавившая провинціальную жизнь, должна была задушить и личную самостоятельность, превративъ населеніе въ простыхъ экземпляровъ породы. Но именно песокъ, именно камень, превращенный въ порошокъ, легко поддается и легкому вѣтерку. Соединившись вмѣстѣ, эта бездушная частица производитъ страшный ураганъ, разрушеніями и кровью наполняющій свой путь. „Чудо“ Тэна восхитительно, но страшна кара Божія, всегда раньше или позже постигающая производителей ложныхъ чудесъ.

Такъ искусственное разъединеніе числа естественно вызываетъ реакцію въ формѣ соединенія раздѣленныхъ единицъ, которое можетъ быть съ полною основательностью названо соціальнымъ ураганомъ.

Населеніе въ своей числовой жизни и дѣятельности подчиняется такимъ же механическимъ процессамъ, какъ подчиняется оно на основаніи сходствъ и различій. Процессы эти не сочиняются, но должны быть изучаемы. Только при сознательномъ отношеніи къ нимъ, человѣкъ получаетъ возможность руководить ими. Число есть самостоятельный механическій факторъ, дѣйствующій совмѣстно съ другими, но дѣйствующій и самостоятельно. Оно дѣйствуетъ и на самыя различія и сходства, въ свою очередь испытывая вліяніе ихъ. Такъ Э. Дюркгеймъ основательно полагаетъ, что „раздѣленіе труда развивается прямо пропорціонально объему и плотности обществъ и, если оно прогрессируетъ непрерывно въ теченіе соціальнаго развитія то потому, что общества становятся постоянно плотнѣе и вообще объемистѣе“ [28]). Кэри на этомъ значеніи числа въ соединеніи различій между людьми обосновалъ всю свою соціальную систему. Чѣмъ больше въ данной мѣстности различій, тѣмъ больше сношеній, тѣмъ выше культура. И механически люди стремятся къ соединеніямъ въ одно цѣлое всего человѣчества.

По выраженію проф. Грота, „благодаря желѣзнымъ дорогамъ, пароходамъ, телеграфамъ и телефонамъ, а также журналамъ и газетамъ, возникла, почти на нашихъ глазахъ, новая сложная нервная система въ организмѣ человѣчества. Человѣчество становится, именно благодаря ей, единымъ цѣльнымъ орга-

низмомъ, всѣ части котораго поневолѣ принуждены функціонировать согласно. Первое послѣдствіе ея образованія заключается въ страшномъ ускореніи пульса жизни человѣчества, въ совершенномъ измѣненіи условій времени и пространства. Теперь на разстояніи двадцати лѣтъ совершается столько событій, сколько могло прежде совершиться въ сто лѣтъ и еще раньше—въ двѣсти или триста“ [29]).

Число, называемое обществомъ, уже какъ факторъ соціальнаго кровообращенія, оказываетъ громаднѣйшее вліяніе на свои же составныя части. Поэтому самое общество пр. Ковалевскій такъ опредѣляетъ:

„Общество не есть сумма разрозненныхъ особей; его психологія, какъ и экономія, представляетъ нѣчто болѣе сложное, чѣмъ сумма психическихъ состояній лицъ или сумма частныхъ хозяйствъ. *Сожитіе съ другими вызываетъ одновременно измѣненія и въ нихъ, и въ насъ самихъ, создавая то, что мы называемъ солидарностью.* Эта солидарность представляетъ собою связь во всякомъ случаѣ не меньшую, а превышающую ту, какая существуетъ между отдѣльными клѣточками организма. Не будь ея, не было бы и постояннаго сожитія, не было бы обществъ и самостоятельной науки объ обществѣ—соціологіи“ [30]).

Да, число создаетъ солидарность, но совершенно также естественно, какъ создаетъ и войну, конкуренцію, борьбу классовъ и пр. Понятно, почему именно числу принадлежитъ и существенная роль въ созданіи и коллективной души. Отъ объема и плотности населенія вполнѣ зависитъ развитіе и сила коллективной души. Среди разрозненнаго и рѣдкаго населенія общаго національнаго духа не можетъ быть. Далѣе, родственныя племена, раздѣленныя горами и водами, становятся чуждыми другъ другу. Появленіе вождей, учителей, пророковъ, великихъ людей также обусловливается объемомъ и плотностью населенія.

Великій человѣкъ почти всегда это тотъ, кто является какъ бы нервнымъ узломъ всѣхъ или большей частью нервныхъ теченій страны. Это человѣкъ, наиболѣе выражающій злобы дня, наиболѣе ясно формулирующій ихъ и поэтому находящій наибольшій откликъ въ массѣ своихъ соотечественниковъ. Вслѣдствіе такого отклика онъ становится вожакомъ партіи или даже націй. На него надѣются, на него смотрятъ, какъ на знамя, часто какъ посланика Божія какъ на генія. Предъ нимъ преклоняются, по первому зову его всѣ идутъ. Такимъ же чудомъ кажется піанино, издающее звуки въ то время, когда играютъ на другомъ піанино. Если бы оба инструмента были совершенно схожи, то играющій на одномъ какъ бы игралъ на двухъ инструментахъ и, понятно, сила его игры была бы удвоена.

Поэтому исторія знаетъ немало учрежденій, создаваемыхъ

народомъ даже безъ всякаго участія личности, безъ вождей. Таковъ, наприм., феодализмъ возникшій, послѣ паденія римской имперіи въ разнообразнѣйшихъ климатахъ и среди далеко не родственныхъ расъ. Таковы же города, возникшіе въ то же самое время и также при самыхъ разнообразныхъ расовыхъ и климатическихъ условіяхъ. Вождя, который бы руководилъ всѣмъ этимъ историческимъ дѣломъ, не было. Но была не личная, а коллективная сила, заключившаяся въ единствѣ потребностей и средствъ ихъ удовлетворенія. Такъ слагаются народныя пѣсни, народныя вѣрованія, народный языкъ. И уже потомъ, когда исторія окрѣпла, личность начинаетъ двигать и появляются народные поэты, народные проповѣдники, народные писатели. Наиболѣе *геніаленъ* тотъ изъ нихъ, кто находитъ наибольшій отзвукъ въ сердцѣ и умѣ націи, т. е., чѣмъ болѣе онъ національненъ, тѣмъ могущественнѣе его трудъ.

Значеніе числа лучше всего иллюстрируется значеніемъ въ соціальной жизни городовъ, какъ наиболѣе концентрированнаго соціальнаго числа.

Значеніе городовъ давно изучено и намъ приходится лишь въ сжатой формѣ привести наиболѣе серьезныя указанія.

В. Зомбартъ говоритъ: „Городъ есть поселеніе людей, достающихъ извнѣ необходимые для ихъ продовольствія продукты сельскохозяйственнаго труда“ [31]).

Но самъ же онъ замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ нельзя считать городами гигантскіе города древняго Востока, наприм., Ниневіи или Вавилона, а также современный Тегеранъ и т. п. Значитъ, опредѣленіе не выдерживаетъ критики [32]).

Но въ немъ заключается одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ города въ его современномъ смыслѣ. Городское населеніе не занимается земледѣліемъ и поэтому развитіе городовъ въ любой странѣ равносильно расширенію вмѣстимости страны для населенія.

„Если бы Англія, говоритъ А. Веберъ, осталась землед. страной безъ торговли и городовъ, то она не была бы столь могущественнымъ и богатымъ государствомъ, какъ теперь.—На данной площади промышленность можетъ прокормить во много разъ больше людей, чѣмъ земледѣліе, такъ что, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія, первая легко могла бы выйти побѣдительницей. Одинъ нѣмецкій ученый недавно показалъ, что земледѣльческія графства Англіи удвоили свое населеніе въ періодъ 1801—91 г.г. и что этотъ ростъ зависѣлъ отчасти отъ наличности богатыхъ потребителей въ городахъ. Отсюда слѣдуетъ, что если Англія осталась бы землед. страной, то она имѣла бы теперь около 16 мил. жителей, вмѣсто 28. Территорія Англіи не могла бы прокормить 28 мил. населенія, производя свои собственные пищевые продукты“ [33]).

Но и „производя свои собственные пищевые продукты", страна именно благодаря городамъ расширяетъ свою вмѣстимость. Извѣстно всѣмъ, что подгородное хозяйство выше хозяйства глухихъ уголковъ. Городъ улучшаетъ земледѣліе. По многимъ даннымъ можно сказать, что только и только городъ *создаетъ земледѣльческую культуру*. Достаточно сказать, что этотъ фактъ послужилъ основаніемъ для фонъ-Тюнена создать стройную теорію, по которой всѣ системы земледѣлія въ его „изолированномъ государствѣ" исключительно опредѣляются вліяніемъ города, какъ рынка для сбыта продуктовъ. И такъ какъ рынокъ есть главный факторъ, направляющій производство, то, понятно, почему городъ служитъ главнымъ факторомъ, управляющимъ земледѣліемъ. Города же, концентрируя у себя элементы, уходящіе отъ земледѣлія, *создали и не земледѣльческую промышленность*. Совершенно справедливо указываютъ на тотъ фактъ, что Россія принадлежитъ къ наиболѣе отсталымъ странамъ Европы именно потому, что въ ней процентъ городского населенія сравнительно съ сельскимъ ничтоженъ.

Культурною силою являются города еще и потому, что главный контингентъ выходцевъ изъ деревень—это люди взрослые, отъ 20 до 40 или 50 лѣтъ. Бросивъ традиціи деревенскія, эти люди не пристаютъ къ городскимъ традиціямъ, да таковыхъ въ городахъ и мало именно потому, что пришлые элементы входятъ въ новыя условія, бросивъ въ деревнѣ свои традиціи, какъ не подходящія для новой обстановки. Сверхъ того, тѣ кто бросаетъ родное мѣсто, уже стоятъ выше мѣстныхъ традицій, иначе они не вышли бы изъ сферы ихъ вліянія. Такъ образуются въ странѣ центры безъ традицій, по крайней мѣрѣ безъ сильныхъ традицій. Взоры такихъ центровъ обращены не назадъ, а впередъ, не въ прошлое, а въ будущее. Не кладбище ихъ связываетъ съ мѣстомъ родины, а надежды на жизнь и лучшее будущее. Въ городахъ, говоритъ Э. Дюркгеймъ, „настроенія такъ подвижны, что все приходящее изъ прошлаго кажется тамъ нѣсколько подозрительнымъ, наоборотъ, новизна, какова бы она ни была, пользуется вліяніемъ, почти равнымъ тому, какое прежде имѣли обычаи предковъ. Умы ихъ естественно направляются къ будущему. Поэтому жизнь въ нихъ измѣняется съ поразительной быстротой: вѣрованія, вкусы, страсти находятся тамъ въ постоянной эволюціи. Нѣтъ болѣе благопріятной почвы для эволюцій всякаго рода" [35]).

По выраженію Озерова, „въ большихъ центрахъ выростаютъ роскошные экземпляры человѣческой культуры: великія проблемы жизни обостряются въ городахъ, здѣсь тѣснѣе и ярче соприкасается нищета съ богатствомъ, пороки съ добродѣтелью, и эти контрасты оказываютъ сильное вліяніе на умы и волю отдѣльныхъ людей, повышаютъ чувствительность, и города служатъ

колыбелью новой исторіи: великія движенія послѣдняго времени исходили изъ городовъ“ [36]).

Поэтому то соціальное движеніе, которое такъ безпокоитъ современныя государства и которое ставитъ проблему благосостоянія рабочихъ людей, образовалось въ городахъ, питается ими и, можно думать, получитъ въ городахъ свое же разрѣшеніе. Достаточно сказать, что „трэдъ-юніонское движеніе, которое составляло видную силу въ дѣлѣ улучшенія жизненныхъ условій англійскихъ рабочихъ въ 19 в. оказалось бы невозможнымъ безъ скопленія большихъ массъ въ городахъ. Трэдъ-юніоны являются преимущественно городскими учрежденіями“ [37]).

Какъ мы уже говорили, и въ исторіи, въ особенности средневѣковой, городъ былъ главнымъ культурнымъ факторомъ.

„Укрѣпленное село, говоритъ П. Кропоткинъ, возстало противъ замка феодальнаго владѣльца: сперва оно свергло его власть, затѣмъ напало на него, и наконецъ, разрушило его. Движеніе распространялось отъ одного города къ другому; въ скоромъ времени въ немъ приняли участіе всѣ европейскіе города и менѣе чѣмъ во сто лѣтъ свободные города возникли на берегахъ Средиземнаго, Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, Атлантическаго океана и фіордовъ Скандинавіи; у подножья Аппенинъ, Альпъ, Шварцвальда, Грамліанскихъ и Карпатскихъ горъ; въ равнинахъ Россіи, Венгріи, Франціи и Испаніи“ [38]).

Города „покрыли страну прекрасными, роскошными зданіями, являвшимися выраженіемъ генія свободныхъ союзовъ свободныхъ людей, зданіями, которыхъ мы до сихъ поръ не превзошли по красотѣ и выразительности; они оставили въ наслѣдіе послѣдующимъ поколѣніямъ всѣ искусства и всѣ ремесла, и вся наша современная цивилизація представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе этого наслѣдія“ [39]).

Культурное значеніе городовъ происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, что бросаетъ деревню не всякій, а тотъ, кто не доволенъ строемъ экономической жизни на родинѣ и ищетъ лучшаго, кто надѣется на себя, на свою энергію и предпріимчивость. Здѣсь, въ городахъ, происходитъ искусственный подборъ лучшихъ людей страны, наиболѣе энергичныхъ и предпріимчивыхъ. Человѣкъ слабый, вялый, не надѣющійся на свои силы, остается на родинѣ, какъ бы плохо ему ни приходилось.

Такая концентрація лучшихъ силъ и является причиной того, почему городъ сдѣлался культурной силой, въ свою очередь вліяющей и на деревню.

Энергія и предпріимчивость въ городахъ развиваются наслѣдственно, отъ первыхъ выходцевъ, но и подкрѣпляются все новымъ и новымъ подборомъ изъ деревень. По Дюнану, годовой

приростъ 31 изъ большихъ европейскихъ городовъ даетъ 784,6 человѣкъ на 1000 иммигрантовъ изъ деревень.

Въ послѣднее время большіе города въ сою очередь начали увеличиваться численно на счетъ малыхъ городовъ и мѣстечекъ. Это значитъ, изъ наиболѣе энергическихъ и предпріимчивыхъ людей, перешедшихъ изъ деревень въ малые города и мѣстечка, самые лучшіе въ томъ же смыслѣ энергіи и предпріимчивости переходятъ въ большіе центры. Понятно, почему именно въ центрахъ страны и происходитъ наибольшая культурная работа.

Необходимо лишь направить эту работу разумно. Сама по себѣ энергія и предпріимчивость—это острый ножъ, которымъ можно и хлѣбъ рѣзать, и рѣзать головы людскія. Для того, чтобы города были морально культурной силой, необходима особенная заботливость со стороны государства. Городъ все болѣе и болѣе становится государственной силой, перестаетъ быть частно-экономическимъ факторомъ, но принимаетъ государственно-экономическій характеръ. Должны быть и измѣнены согласно съ этимъ и отношенія государства.

Но какъ и во всякой механической силѣ, число въ формѣ города заключаетъ въ себѣ и темныя стороны, также достаточно констатированныя въ литературѣ.

Большіе города Герценъ называетъ *нелѣпостью*. „Мы живемъ въ городѣ городовъ—въ Лондонѣ. Неужели вы думаете, что такая нелѣпость имѣетъ какую нибудь будущность? Одна волна населенія за другой прибивалась къ этимъ докамъ вселенной и осѣдала, какъ саранча на падающія крупицы. И вотъ скипѣлась трехмилліонная толпа, заражающая воздухъ, заражающая воду, тѣснящаяся и мѣшающая другъ другу и сростаясь въ какіе то плотные колтуны своими самыми больными частями. Взгляните на темные, сырые переулки, на населеніе, вросшее на сажень въ землю, отнимающее другъ у друга свѣтъ и землю, кусокъ хлѣба и грязное логовище; посмотрите на эту рѣку, текущую гноемъ и заразой, на эту шапку дыма и вони, покрывающую не только городъ, но и его окрестности... и вы думаете, что это останется, что это необходимыя условія цивилизаціи?“ [40]).

М. Нордау видѣлъ въ городахъ силу вырожденія. „Житель крупнаго города, даже самый богатый, непрерывно подверженъ неблагопріятнымъ вліяніямъ, которыя сокращаютъ его жизненныя силы значительно въ большей степени, чѣмъ это необходимо. Онъ дышетъ воздухомъ съ примѣсью различныхъ органическихъ частицъ; онъ ѣстъ несвѣжую, запыленную, фальсифицированную пищу; онъ чувствуетъ себя въ состояніи постояннаго нервнаго возбужденія и его можно сравнить безъ преувеличенія съ обитателемъ болотистыхъ мѣстностей“ [41]).

Впрочемъ М. Нордау полагаетъ, что въ будущемъ характеръ

вліянія городовъ измѣнится. „Ростъ городовъ не только усиливаетъ экономическую мощь, но и ускоряетъ біеніе національнаго пульса. Въ нашъ вѣкъ вліяніе городовъ, можетъ быть, не столь сильно въ идейномъ и культурномъ отношеніяхъ, такъ какъ мы живемъ въ сущности въ эпоху матеріализма. Но есть нѣкоторое основаніе вѣрить, что матеріализмъ постепенно уступаетъ мѣсто гуманитаризму и мы можемъ надѣяться, увидѣть современемъ, какъ крупные города будутъ оказывать облагораживающее вліяніе въ области мысли, какое оказывали Аѳины временъ Перикла и Эсхила, Римъ—временъ Лукреція и Ювенала, Флоренція—временъ Микель-Анжело, Лондонъ—временъ Елисаветы и Парижъ—2 половины 17 ст.“ [42]).

Но онъ вполнѣ раздѣляетъ мысль о числѣ, какъ особой притягательной силѣ городовъ. По его мнѣнію, „крупные города растутъ быстрѣе, чѣмъ маленькіе и поглощаютъ большую массу городского прироста. Гипотеза Левассера, что „сила привлеченія человѣческихъ группъ пропорціональна ихъ величинѣ“ почти повсюду подтверждается. Единственнымъ важнымъ исключеніемъ были Соед. Штаты, Англія и Австрія“ [43]).

Руссо въ „Эмилѣ“ называетъ города факторами прекращенія рода человѣческаго. „Чѣмъ тѣснѣе люди сходятся, тѣмъ больше развращаютъ другъ друга. Болѣзни тѣла и души—неизбѣжное слѣдствіе скопленія людей. Изъ всѣхъ животныхъ человѣку наименѣе свойственно жить въ стадѣ. Дыханіе человѣка смертельно для ближнихъ“ [44]).

По словамъ Э. Вандервельде, когда Руссо писалъ эти строки, еще не произошелъ промышленный переворотъ со всѣми его ужасными послѣдствіями для населенія, скопившагося въ городахъ. Переворотъ, собравъ тысячи деревенскихъ рабочихъ въ мѣстахъ, гдѣ ничего не было сдѣлано для предупрежденія опасностей отъ подобнаго скопленія, еще болѣе обострилъ возбужденіе противъ городовъ у всѣхъ, кого возмущало порабощеніе и нужда пролетаріата. „Города—это пожиратели людей; они притягиваютъ къ себѣ людей со всей территоріи, вбрасываютъ ихъ въ горнила и тамъ пожираютъ“ [45]).

По его мнѣнію, города будущаго будутъ не столько центрами мѣстожительства, сколько скопленіемъ памятниковъ, мѣстами для собраній, совмѣстнаго труда, мѣстами посѣщеній дѣловыхъ, научныхъ и посвященныхъ развлеченіямъ.

Всѣ эти темныя стороны городской жизни несомнѣнны и никто не можетъ ихъ отрицать. Но также несомнѣнны и ихъ культурныя стороны. Вѣроятно, въ будущемъ темныя стороны будутъ значительно смягчены, если не вовсе упразднены. Хотя возможно и то будущее, о которомъ пишетъ Э. Вандервельде. Съ развитіемъ воздушныхъ путей сообщеній, по всей вѣроят-

ности, города потеряютъ свою историческую миссію и перестанутъ существовать или превратятся въ мѣста временныхъ собраній для всевозможныхъ цѣлей. Тѣмъ вѣроятнѣе это пророчество, что, представляя въ прошломъ мѣста наибольшей самозащиты, въ будущемъ города въ ихъ настоящемъ видѣ будутъ представлять собою наиболѣе беззащитные центры страны. Несомнѣнно, въ недалекомъ будущемъ начнутся воздушныя войны и вся военная сила націи будетъ концентрирована въ небесныхъ пространствахъ. Скопленіе войскъ на землѣ будетъ равносильно облегченію пораженія ихъ непріятелемъ съ воздушной высоты. Земныя войны несомнѣнно уступятъ мѣсто воздушнымъ, гдѣ только и возможна будетъ концентрація военныхъ силъ. Военныя крѣпости сдѣлаются нелѣпостью—такъ какъ не можетъ быть такихъ земныхъ укрѣпленій, которыя не могли бы быть разрушены снарядами, бросаемыми съ высоты. Но если скопленіе военныхъ силъ на землѣ сдѣлается опаснымъ, то въ такой же мѣрѣ станутъ государственною опасностью и города. При томъ, чѣмъ многочисленнѣе городъ, тѣмъ онъ будетъ представлять собою болѣе слабое мѣсто съ точки зрѣнія самозащиты, ибо чѣмъ больше онъ, тѣмъ легче подвергается разрушенію бросаемыхъ съ высоты снарядовъ. Очевидно, съ развитіемъ воздушныхъ путей сообщеній не только долженъ измѣниться характеръ военныхъ дѣйствій, но и самый военный строй, способы защиты страны отъ непріятеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и числовое распредѣленіе населенія. Нынѣшняя концентрація его въ большихъ городахъ неизбѣжно прекратится и самые города исчезнутъ съ лица земли.

Какъ возникли они по требованіямъ самозащиты, такъ по требованіямъ же самозащиты должны и изчезнуть. Здѣсь мы видимъ образецъ того, какъ одна и та же причина, одинъ и тотъ же мотивъ, но при разныхъ обстоятельствахъ, вызываетъ разныя послѣдствія. Логика жизни ничего подобнаго не допускаетъ. Въ логикѣ жизни не можетъ быть противорѣчивыхъ и взаимно другъ друга исключающихъ положеній, исходящихъ изъ одного и того же начала. Но пока мы изучаемъ не логику, а механизмъ жизни, какъ ту слѣпую силу, для которой рожденіе и смерть одинаково безразличны, подобную солнцу, освѣщающему дорогу и для убійцы, и для спасающагося отъ разбойника. Механическіе законы жизни всегда относительны, абсолютнаго въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть ничего. Все хорошо, при данныхъ условіяхъ. Все отвратительно, при несоотвѣтствіи съ этими условіями. Поэтому всѣ институты, всѣ учрежденія, всѣ идеологіи, выработанныя при данныхъ условіяхъ, мѣняются съ измѣненіемъ этихъ условій. Говорить о вѣчныхъ установленіяхъ въ данной сферѣ значитъ раздѣлять воззрѣнія древнихъ, признававшихъ вѣковѣчность кастъ, вѣковѣчность рабства и деспотизма и создавшихъ для

вѣковѣчности даже теологическое оправданіе. Быть можетъ, именно съ тѣхъ поръ, т. е. подъ вліяніемъ наслѣдственности, мы и теперь склонны видѣть въ нами же созданныхъ или унаслѣдованныхъ нами учрежденіяхъ нѣчто сверхъестественное, божественное, не подлежащее измѣненіямъ, а тѣмъ болѣе уничтоженію и смерти. Но уже самая идеологія, ищущая вѣковѣчности созданнаго людьми въ теологическихъ санкціяхъ, т. е. въ сверхъестественномъ, очевидно свидѣтельствуетъ о томъ, что не сверхъестественное—не вѣковѣчно и не абсолютно, что оно не можетъ быть закономъ для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. И все-таки намъ не хочется и вѣрить, что... наступитъ день, и погибнетъ гордая Троя.

Такъ погибли великіе города древняго міра, нѣкогда гордившіеся своей культурой и могуществомъ, хотя вмѣстѣ съ ними погибли и цивилизаціи, созданныя ими. Сплотивъ населеніе для отраженія и нападеній, эти величественные центры превратились въ центры насилія и жизни безъ труда. Они явились организованнымъ тунеядствомъ, создавшимъ для себя вполнѣ подходящую идеологію, по которой работать безчестно, неблагородно, а жить грабежомъ, пиратствомъ, убійствомъ—высокій и благородный подвигъ. Гордо держали свои головы эти грабители, пираты и убійцы. Съ презрѣніемъ смотрѣли какъ трудились для ихъ же тунеядства даже такіе философы, какъ Аристотель. Всякая мысль о возможности иной жизни казалась богохульствомъ и за нее не одинъ Сократъ былъ казненъ смертною казнью. Нѣкто не внималъ пророческому голосу, слышавшемуся изрѣдка. Не обратили вниманія даже на огненныя слова, появившіяся на стѣнахъ среди оргіи: „мани, факель, фаресъ“. Вѣковѣчность учрежденій была выше сомнѣній. Теперь мы представить себѣ не можемъ ея: право считалось божественнымъ и люди, имѣвшіе за собой право, считались со своими противниками, какъ съ врагами боговъ.

Но пришло время и погибла гордая Троя.

А между тѣмъ жить безъ нея люди еще не могли. И вотъ изъ личины ея выростаетъ съ одной стороны по деревнямъ феодализмъ съ его замками-крѣпостями, децентрализовавшими власть силы, и съ другой—городскія общины равноправныхъ профессій, объединенныхъ лишь общей защитой жизни, свободы и труда.

По вѣрному предположенію П. Кропоткина, защита торжищъ, имѣвшая мѣсто еще у дикарей, играла не малую роль въ дѣлѣ развитія и освобожденія средневѣковыхъ городовъ [46]).

Поэтому нельзя согласиться съ В. Зомбартомъ, который на вопросъ о причинахъ выбора мѣста для городовъ отвѣчаетъ: „весьма многія обстоятельства и *въ значительной степени то, которое мы не можемъ не назвать иначе, какъ случайностью*“ [47]).

Выборъ мѣста для городовъ зависѣлъ отъ массы условій,

отвѣчающихъ задачамъ города. Въ древнемъ мірѣ это были главнымъ образомъ условія, благопріятствующія огражденію и нападенію. Въ средніе вѣка это были условія чисто экономическія на первыхъ порахъ, а затѣмъ духовныя и культурныя. Безопасность городовъ, какъ торжищъ, конечно, была на первомъ планѣ. Въ coutume города Байонны имѣются такія строки: „народъ древнѣе господъ. Народъ, численностью своей превосходящій другія сословія, желая мира, создалъ господъ для обузданія и усмиренія“ враговъ [48]).

Но не однихъ „господъ“ создавали они для организаціи безопасности. Они и сами организовались въ союзы для этой же цѣли. Городъ былъ пунктомъ безопасности для дѣловыхъ людей, незанимающихся или мало занимающихся земледѣліемъ. По основательному заключенію Уэльса, городъ былъ условленнымъ или обычнымъ мѣстомъ для встрѣчъ въ интересахъ торговли и только послѣ этого онъ превратился въ осѣдлый пунктъ, въ постоянное мѣстожительство [49]).

Самоопредѣлившись въ общіе и профессіональные союзы, граждане вначалѣ заботились лишь о своей безопасности и правахъ, а затѣмъ предпринимаютъ цѣлый рядъ систематическихъ мѣръ къ благосостоянію. Профессіи самоопредѣляются въ цехи и городъ является союзомъ цеховъ. Благосостояніе и богатство горожанъ добываются съ одной стороны дешевизной и полезностью производимыхъ ими или привозимыхъ ими издалека издѣлій, а съ другой широкимъ рынкомъ для сбыта. Предъ любымъ торговцемъ сукна, шелка и т. п. открывался широкій горизонтъ окружающихъ городовъ, деревень и замковъ; его товары легко было перевозить на далекія разстоянія. И вышло такъ, что съ міру по ниткѣ въ деревнѣ голому рубашка, а горожанину богатство. Горожане это рано замѣтили и рано начали болѣе или менѣе сознательно стремиться къ извлеченію доходовъ изъ возможно большаго числа потребителей. Для этого предстояло два пути. Одинъ изъ нихъ состоялъ въ затратѣ возможно большей массы капитала, дающей возможность содержать большее количество рабочихъ рукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ производить и сбывать большее количество издѣлій. Торговцы первые воспользовались выгодами большой заготовки товаровъ и широкаго сбыта ихъ. Поэтому между торговцами въ городахъ возникли первыя богатства и первое накопленіе капиталовъ въ дѣлѣ и для дѣла. И до сихъ поръ этотъ экономическій строй, зародившійся частью у торговцевъ древняго міра и получившій право гражданства въ средневѣковыхъ городахъ, является основнымъ источникомъ торговыхъ доходовъ. Извѣстно всѣмъ, какъ въ городахъ быстро составляется капиталъ. Для земледѣльца районъ сбыта хлѣба точно опредѣленъ размѣрами его поземельнаго участка и разстояніемъ,

которое можетъ выдержать его продуктъ при доставкѣ потребителю. Никакихъ въ этомъ случаѣ ограниченій не знаетъ торговецъ. Количество производимыхъ имъ шапокъ безгранично. Оно не ограничивается даже количествомъ головъ, ибо при дешевизнѣ и изяществѣ издѣлія потребитель перестаетъ смотрѣть на шапку, какъ на предметъ необходимости, но видитъ въ ней удобство, изящество, личное украшеніе и покупаетъ не одну, а нѣсколько шапокъ въ году. И торговецъ начинаетъ запасаться шапками въ возможно большемъ количествѣ, для возможно большаго сбыта ихъ. Вмѣсто того, чтобы производить самому съ рабочими, онъ начинаетъ скупать шапки у производителей и становится купцомъ, какъ посредникомъ между производителями и потребителями. Интересъ его въ посредничествѣ и чѣмъ больше актовъ посредничества, тѣмъ выше плата за его услуги, тѣмъ выше его благосостояніе и тѣмъ богаче онъ. Такимъ образомъ купецъ прямо заинтересованъ въ увеличеніи своего предпріятія. Расширеніе его есть расширеніе его благосостоянія и богатства. Вотъ почему очень рано возникли и противодѣйствія такому механическому увеличенію богатствъ. Богатый предприниматель не могъ своею дѣятельностью не стѣснять другихъ. Онъ и матеріалъ покупалъ дешевле, такъ какъ могъ заготовлять его въ большихъ количествахъ и въ удобное для покупки время. Онъ и лучшихъ рабочихъ могъ переманивать къ себѣ, давая имъ болѣе высокую плату. Производя въ большихъ размѣрахъ и получая меньшую плату отъ каждой единицы товара, онъ тѣмъ не менѣе зарабатывалъ большія деньги, между тѣмъ какъ мелкій производитель или мелкій торговецъ долженъ былъ терять, продавая свои издѣлія или услуги по той же цѣнѣ. И горожане начинаютъ ограничивать размѣры предпріятій то ограниченіями количества рабочихъ въ каждомъ предпріятіи, то всевозможными налогами на богатыхъ, то ограниченіями въ покупкѣ и продажѣ издѣлій и т. п. Такъ рано „нетрудовой“ доходъ вступилъ въ борьбу съ трудовымъ. Выражаясь справедливо, борьба тутъ шла иная, совсѣмъ не между трудомъ и личностью или бездѣльемъ. Нѣтъ. Борьба возникла между мускулами и нервами въ соціальномъ организмѣ, между физическимъ трудомъ, доступнымъ и животному, и умственнымъ трудомъ, не всякому животному доступнымъ. Животныя и теперь приручены для исполненія физическаго труда и для облегченія въ этомъ отношеніи человѣка. И не только животнымъ, но и бездушной матеріи теперь человѣкъ передаетъ свой физическій трудъ, наприм., вѣтру, пару, электричеству. Ни животнымъ, ни матеріи невозможно передать духовной работы. Да и между людьми къ ней далеко не всѣ способны. Большинство даже въ самыхъ культурныхъ странахъ пока находится на уровнѣ физическаго труда, доступнаго животнымъ и бездушной

матеріи. Понятно, почему выгоды умственнаго предпринимательскаго труда встрѣтили оппозицію со стороны къ нему неспособныхъ или мало способныхъ. Такъ и животныя, перевозящія тяжести, не рады самому существованію человѣка съ его умомъ и энергіей.

Но какъ ни ограничиваетъ, какъ ни преслѣдуетъ судьба человѣка, а разумное существо не только продолжаетъ существовать, но и побѣждаетъ неразумную природу. Такъ и духъ предпріимчивости, обосновавшей доходы не на физическомъ трудѣ, но *на размѣрахъ предпріятій*, какъ на трудѣ, потребовавшемъ замѣны въ руководителяхъ физической энергіи умственною, не былъ побѣжденъ, но въ концѣ концовъ побѣдилъ сопротивленіе и завоевалъ себѣ свободу работы, ту *свободу призванія*, во имя которой горожане давнымъ давно организовали свои профессіональные союзы, но въ которой они же начали отказывать большимъ предпринимателямъ, не подходившимъ подъ узкія рамки установленнаго строя.

На помощь предпринимательской энергіи пришелъ особый экономическій механизмъ, появившійся именно въ городахъ и создавшій силу городской дѣятельности. Въ немъ заключается второй путь сознательнаго стремленія къ извлеченію доходовъ отъ возможно большаго числа потребителей. Для расширенія предпріятія необходима наличность капитала, необходима наличность средствъ для дѣла. Въ этомъ отношеніи нѣтъ особой разницы между деревней и городомъ. Какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ для расширенія хозяйства одинаково необходима наличность средствъ. Фермеръ, чтобы расширить свое фермерское хозяйство долженъ имѣть большую наличность, необходимую для найма или покупки земли, для содержанія рабочихъ, для покупки живого и мертваго инвентаря. Въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не отличается отъ городского предпринимателя. Различіе существуетъ лишь въ указанномъ уже самоопредѣленіи фермерства сбытомъ, имѣющимъ точно ограниченные размѣры, чего не существуетъ для городского предпринимателя, организующаго свой сбытъ, въ значительной мѣрѣ поэтому зависящій отъ его энергіи, отъ его ума. Болѣе глубокое и серьезное различіе заключается въ томъ, что сельскій хозяинъ, завися отъ природы, затрачиваетъ свой капиталъ одинъ разъ въ году, между тѣмъ какъ производитель шапокъ въ городѣ можетъ затрачивать его много разъ. Имѣя тысячу рублей, земледѣлецъ затрачиваетъ ихъ осенью и ожидаетъ реализаціи до слѣдующей осени. Горожанинъ, затративъ тысячу рублей на производство шапокъ, можетъ распродать ихъ въ теченіе мѣсяца и снова употребить въ дѣло, т. е. затрачивать 12 разъ по тысячѣ рублей въ году. Въ дѣйствительности капиталъ его не тысяча, а двѣнадцать тысячъ рублей. Другими

словами, при равенствѣ средствъ горожанинъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ двѣнадцать разъ большій капиталъ, такъ какъ тысяча рублей, затрачиваемая 12 разъ въ теченіе года, имѣетъ значеніе двѣнадцати тысячъ, затрачиваемыхъ въ это же время одинъ разъ. Горожанинъ извлекаетъ такія выгоды, какія не имѣются въ земледѣліи. При равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, его богатство будетъ выше богатства сельскаго хозяина въ той пропорціи, въ какой онъ сумѣетъ усилить обращаемость затрачиваемыхъ въ предпріятіи средствъ.

Противъ этого возражаютъ: годовой трудъ горожанина обмѣнивается на годовой трудъ сельскаго хозяина, не обращая вниманія на количество создаваемыхъ ими вещей, издѣлій, полезностей, продуктовъ и пр. Если бы это было вѣрно, то, очевидно, горожанину не было бы никакихъ мотивовъ проявлять свою энергію и свой умъ. Все равно, его годовое производство обмѣняется на годовое же производство деревни. И было бы общее прозябаніе, общая бѣдность, общая лѣность. Очевидно жизнь не идетъ по доктринамъ. И въ дѣйствительности мы видимъ, что городской производитель шапокъ вовсе не обмѣниваетъ всего своего производства на хлѣбъ, производимый деревней. Въ шапкахъ ходятъ и городскіе жители, которые не сами ихъ производятъ, но покупаютъ... на свои издѣлія. Ибо и шапочнику, кромѣ хлѣба, еще нужно кое-что и это кое-что обыкновенно больше хлѣба. На хлѣбъ затрачивается, напримѣръ, одна четвертая часть доходовъ горожанина, а три четвертыхъ идутъ на пріобрѣтеніе средствъ, служащихъ для удовлетворенія такихъ потребностей, какъ книги, одежда, картины, обученіе и воспитаніе дѣтей и т. д. Ясно, что только одна, и то большею частью незначительная, доля производимыхъ горожаниномъ издѣлій идетъ на обмѣнъ за годовое производство деревни. Остальная и болѣе значительная часть ихъ промѣнивается между собою, такъ какъ лишь этимъ путемъ производитель получаетъ возможность удовлетворять своимъ разнообразнымъ потребностямъ, т. е. получаетъ возможность увеличивать свое благосостояніе и богатѣть. Такимъ образомъ въ городѣ создаются богатства быстрѣе, чѣмъ въ деревнѣ, при равенствѣ остальныхъ условій.

Богатство горожанъ, большая безопасность жизни въ городахъ, большія удобства, возможность во всякое время пользоваться врачебною помощью, духовными и художественными развлеченіями, возможность давать образованіе дѣтямъ — все это естественно привлекаетъ въ городъ болѣе зажиточныхъ изъ деревень. Городская иммиграція есть въ то же время концентрація въ городахъ капиталовъ.

Города позаботились и объ этихъ безличныхъ эмигрантахъ изъ деревень. Въ городахъ рано появились банкиры, а затѣмъ и

банки. Такъ появилась концентрація въ городахъ свободныхъ въ странѣ капиталовъ. Собираемыя такимъ образомъ имущества не долго оставались праздными. Банкиры и кредитныя учрежденія начали принимать вклады изъ процентовъ, а для платежа ихъ должны были открыть ссудныя операціи. При этомъ вклады вносились всѣми, какъ горожанами, такъ и сельскими жителями, но ссудами пользовались только горожане, имущественная состоятельность которыхъ была болѣе извѣстна кредиторамъ. Кредитный капиталъ въ свою очередь подкрѣпилъ ту наличность, которая была необходима для осуществленія предпріимчивости горожанъ. И такъ какъ главной ареной предпріимчивости была торговля, то именно торговый капиталъ получалъ могущественную поддержку въ кредитѣ. Въ первое время лишь объѣдки его шли въ непосредственное дѣло, выдавались для ремесленниковъ и мануфактуристовъ. Но и до сихъ поръ, несмотря на измѣненіе экономической жизни, торговый кредитъ имѣетъ преобладающее значеніе въ любой странѣ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда кредитъ направляется непосредственно въ производительныя предпріятія, по традиціи онъ выдается въ формахъ чисто торговаго кредита. До сихъ поръ вексель, орудіе чисто торговаго кредита, служитъ главнымъ орудіемъ кредита въ любой странѣ міра. Это бросающійся въ глаза остатокъ тѣхъ порядковъ, когда кромѣ торговаго кредита не было иныхъ формъ кредита. И наша преданность „былому“ доходитъ до нелѣпости и нравственной непристойности. До сихъ поръ должникъ, выдавая вексель, по которому онъ получаетъ въ ссуду деньги, пишетъ, что по этому векселю валюта—товаромъ или деньгами—получена. И эта явная ложь узаконяется законодательствами культурныхъ, морально-воспитанныхъ государствъ... Такъ сильна надъ настоящимъ власть былого. Мало того, санкціонирующіе ложь въ векселѣ признаютъ правду абсолютнымъ закономъ, не позволяющимъ, наприм.. врачу сказать больному о неизбѣжномъ концѣ его болѣзни...

Средневѣковые города въ широкихъ размѣрахъ воспользовались указываемыми факторами благосостоянія и богатства. Расширяя размѣры предпріятій увеличеніемъ наличности, обращаемой въ предпріятія, увеличеніемъ оборота капиталовъ и примѣненіемъ къ дѣлу кредита, города богатѣли и матеріально, и духовно, оказывая въ свою очередь воздѣйствіе и на деревню. Новые факторы оказались настолько жизненными, что старыя цеховыя формы должны были пасть и городской строй постепенно преобразовался, получивъ тѣ формы свободы призванія, которыя къ концу 18 в. получаютъ господствующее значеніе, создаютъ революціи и приводятъ къ полному измѣненію на началахъ свободы всего соціальнаго строя. Высшимъ выраженіемъ этого новаго порядка была первая французская революція. Современнымъ

выраженіемъ ея служитъ европейскій парламентаризмъ. И вполнѣ основательно современную культуру называютъ городскою или буржуазною. Это культура личной свободы, свободы предпріимчивости, свободы труда, свободы слова, мысли и совѣсти. Какъ необходимъ воздухъ для тѣлесной жизни, такъ дѣйствительно необходима свобода для культуры, созданной городомъ. Понятно, почему свобода сдѣлалась общимъ лозунгомъ всѣхъ друзей человѣчества, почему и вся соціальная наука, особенно же политическая экономія, превратилась въ простую апологію идей свободы. Начали эту идеологію физіократы, научно обосновалъ ее А. Смитъ и популяризировали французскіе и американскіе экономисты: Ж. Д. Сэ, Ф. Бастія, Кэри и др. Казалось, великій *культъ свободы* далъ наконецъ человѣчеству абсолютную истину и дальше уже некуда идти соціально-экономической наукѣ.

Къ сожалѣнію и этотъ новый культъ оказался иллюзіей, доставившей не малое удовлетвореніе теоретикамъ, не малое удовольствіе и жрецамъ его, пролившимъ не мало человѣческой крови во имя свободы, но въ то же время ничего или почти ничего не давшимъ народнымъ массамъ, попрежнему обреченнымъ на вѣчную бѣдность и вѣчную зависимость, но только уже не отъ представителей „бѣлой“ крови, но отъ рыцарей предпріимчивости.

Основные факторы новой культуры по существу своему должны были оказать давленіе на народныя массы и въ концѣ концовъ также на самую личность человѣка и свободу.

Накопленіе наличности немыслимо безъ энергіи стяжанія, безъ эгоизма, безъ алчности. На верхи новой культуры выходили лишь такіе дѣятели, которые отличались въ высокой степени этими качествами, требовавшими жесткости, безсердечія, а часто и отсутствія совѣсти. Остальные помѣщались въ подчиненные ряды, а то и выбрасывались внѣ, превращались въ новыхъ, номинально свободныхъ людей, но вполнѣ зависящихъ въ средствахъ существованія отъ первыхъ. Появилось раздѣленіе на экономическихъ господъ и экономическихъ рабовъ. Способные къ накопленію превратились въ работодателей, въ хозяевъ предпріятій. Соучастіе работой въ предпріятіи превратилось въ наемъ и вмѣстѣ съ нимъ прекратились всякія моральныя связи между организаторомъ и рабочими. Мало-по-малу производство отдѣлилось отъ производителей и цѣлью производства уже никто не ставитъ работающаго человѣка, но самъ человѣкъ превратился въ орудіе производства. *Производство для прибыли* сдѣлалось общимъ закономъ, управляющимъ отношеніями между людьми. И такъ какъ при свободѣ труда дѣйствуетъ конкурренція, въ силу которой капиталы устремляются въ тѣ отрасли, въ коихъ получается наибольшая прибыль, то всѣ прибыли получаютъ бо-

лѣе или менѣе одинаковый уровень и *средняя прибыль* становится дѣйствительно желѣзнымъ закономъ отношеній. Всякое предпріятіе, приносящее меньше средней прибыли, становится невыгоднымъ или убыточнымъ, наприм., при работѣ ссудными капиталами, и предприниматель нажимаетъ на заработную плату. Рабочіе, зависящіе въ средствахъ существованія отъ предпріятія, волей-неволей должны соглашаться работать за меньшую плату, должны жить впроголодь, отказывать себѣ въ предметахъ удобствъ и т. п. Производство начинаетъ жить насчетъ жизни рабочей массы. Появляется то хищническое хозяйство, при которомъ истощается не земля, а люди. При хищничествѣ земледѣлія хозяинъ забираетъ „соки“ земли, остается безплодный песокъ. При хищнической промышленной культурѣ эксплоатируются рабочія массы, физическія и умственныя силы конхъ истощаются и вмѣсто человѣка получается хилое, даже къ физическому труду мало способное существо, обреченное на раннюю смерть.

Говорятъ, что современная культура чисто матеріальная. Иною она и не можетъ быть. Разъ прибыль поставлена во главу угла, все стремится къ ней, все окрашивается ея цвѣтами. Конечно люди стремятся къ прибыли не ради ея самой. Въ основѣ стремленій лежатъ болѣе высокія оправданія и видимъ въ прибыли лишь средство къ достиженію цѣли. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ постоянное занятіе средствомъ ведетъ къ игнорированію самой цѣли и на первомъ планѣ жизни ставится прибыль, а затѣмъ лишь крохи ея идутъ на цѣли жизни. Говорятъ, въ Америкѣ, чтобы сдѣлаться милліонеромъ, достаточно годъ прожить безъ совѣсти. Но если такъ живутъ люди не годы, а цѣлыя поколѣнія остаются безъ совѣсти въ погонѣ за прибылью, передавая свои психическія особенности дѣтямъ, то естественно образованіе культуры, которую, лишь мягко выражаясь, называютъ матеріальною. Точнѣе выражаясь, такая культура приводитъ къ озвѣрѣнію; начинаясь отчужденіемъ, изолированіемъ, безчувственностью, она оканчивается жестокостью и кровопійствомъ. И горе народу, если при этой экономической отчужденности человѣка отъ человѣка, его религія освящаетъ изолированность и разрѣшаетъ видѣть въ иновѣрцѣ низшую породу, къ которой не примѣнимы заповѣди Божіи. Такой народъ неизбѣжно становится животнымъ, лишается человѣческой души. Исторія знаетъ немало подобныхъ мрачныхъ извращеній человѣческой породы.

Оборотъ капитала еще болѣе, чѣмъ предпринимательская наличность приводитъ къ тому же извращенію человѣка. Оборотъ—это маховое колесо въ механизмѣ предпріятія. Оно захватываетъ и разрушаетъ все, что попадается на пути его дѣйствія. Маховое колесо приводитъ всѣ малѣйшія части механизма въ движеніе, въ которомъ даже не различаются отдѣльныя ча-

сти, но все сливается въ одно движущееся тѣло. Оно создаетъ машину, какъ одухотворенную матерію, замѣняющую человѣческій духъ, замѣняющую самого человѣка.

Подъ вліяніемъ конкурренціи оборотъ не зависитъ отъ воли предпринимателя. Онъ опредѣляется общими условіями конкурренціи. Если я произведу меньшее количество оборота въ теченіе года, я не выручу той обычной или средней прибыли, безъ которой самое существованіе предпріятія немыслимо. Мое предпріятіе будетъ убито конкурренціей. Подъ угрозой погибели предпріятія предприниматель долженъ дать капиталу такой оборотъ, какой необходимъ для сохраненія мѣста въ борьбѣ съ другими. Размѣры оборота капитала становятся общественно необходимыми. Прибыль, какъ лично-психическій мотивъ, исчезаетъ, уступая мѣсто средней, общественно-необходимой прибыли. Каждый предприниматель выполняетъ заказы этого средне-статистическаго фактора, въ противномъ случаѣ онъ разоряется, уходитъ отъ дѣла, перестаетъ существовать, какъ предприниматель. На дѣловомъ рынкѣ остаются лишь тѣ, кто строго и точно выполняетъ требованія конкурренціи. Поэтому эти требованія и называются общественно-необходимыми.

Средняя, общественно-необходимая прибыль оказываетъ свое дѣйствіе съ особенною силою подъ вліяніемъ ссудныхъ капиталовъ, какъ равно и подъ вліяніемъ реализаціи товаровъ въ кредитъ. По кредитнымъ капиталамъ напередъ условленъ опредѣленный процентъ, съ исправной уплатой котораго связано самое существованіе предпріятія. Если при извѣстномъ минимальномъ оборотѣ предприниматель исправенъ въ платежахъ, то при ослабленіи или уменьшеніи ихъ онъ не выполняетъ принятыхъ на себя обязательствъ, предріятіе гибнетъ. Совершенно также, какъ при извѣстныхъ размѣрахъ дѣла онъ выручаетъ достаточный чистый доходъ, при меньшихъ же теряетъ и, не выдерживая конкурренціи, банкротится.

Такъ мало-по-малу появляется плутократія съ одной стороны и массовая обездоленность—съ другой.

Концентрація числового состава населенія въ городахъ механическимъ путемъ привела къ этому раздвоенію.

Но въ городахъ обездоленныя массы близко соприкасаются между собою, общая обездоленность еще болѣе сближаетъ ихъ, появляются союзы для борьбы съ плутократіей и мы въ настоящее время переживаемъ знаменательный періодъ столкновенія двухъ противоположныхъ силъ, въ результатѣ котораго должно получиться разрѣшеніе соціальнаго вопроса. Предпріимчивость и обездоленность еще никогда такъ не стояли другъ противъ друга, какъ въ настоящее время. Исторія знаетъ столкновенія богатыхъ и бѣдныхъ, но это были столкновенія наслѣдственныхъ

господъ и наслѣдственныхъ же рабовъ, патриціевъ и плебеевъ, бѣлой и черной крови, богатства отъ благородства отцовъ и обездоленности отъ трудовой и честной жизни. Теперь совсѣмъ иное. Борьба идетъ на базарѣ, гдѣ нѣтъ ни благородныхъ, ни подлыхъ, а есть лишь сильные и слабые. Слабые соединяются и въ свою очередь получаютъ силу. И возникаетъ борьба между предпринимателями и рабочими. Это борьба между нервами и мускулами, между духовной энергіей и физическимъ трудомъ. Къ этому примѣшиваются историческіе элементы, остатки болѣе или менѣе живучіе былыхъ временъ, уцѣлѣвшіе отъ крушенія и сохранившіе позицію главнымъ образомъ при государственномъ содѣйствіи. Но главная борьба—это борьба предпріимчивости и работы, борьба идеи и ея осуществленія, борьба между законодательной и исполнительной властью въ хозяйствѣ.

Такъ какъ эта борьба возникла на механической почвѣ и изъ механическихъ факторовъ, то и разрѣшеніе ея можетъ быть, также механическое. Какъ таковое, оно можетъ проявиться лишь въ двухъ формахъ.

Первая форма состоитъ въ компромиссѣ между двумя противоположными силами. И въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабочія массы объединились въ союзы и гдѣ онѣ привыкли дѣйствовать не подъ вліяніемъ чувствъ, но руководятся разумомъ и разсчетомъ, мы дѣйствительно видимъ систематическій рядъ попытокъ къ примиренію противоположностей. Государство съ своей стороны, также въ интересахъ предупрежденія волненій, вступаетъ на путь посредничества и регулированія экономическихъ отношеній. Въ теоріи этого рода дѣятельность наиболѣе разработана французскими мыслителями [50]).

П. Жидъ говоритъ, что въ обществѣ не только все связано въ настоящемъ, но даже и настоящее съ прошедшимъ и будущимъ. „Человѣчество состоитъ больше изъ умершихъ, чѣмъ изъ живущихъ; наше тѣло, продукты нашей работы, нашъ языкъ, мысли, учрежденія, искусства, все это не что иное, какъ наслѣдство, сокровище, которое медленно собиралось предками. Но между солидарностью существъ и свободнымъ развитіемъ индивида нѣтъ никакого противорѣчія, потому что общеніе, ассоціація существъ, не только содѣйствуетъ развитію цѣлаго, которое они образуютъ, но и развитію каждаго изъ нихъ“ [51]).

Буржуа выводитъ обязанности изъ того, что человѣкъ—должникъ общественности. „Съ ранняго возраста человѣкъ не дѣлаетъ ни одного шага, не удовлетворяетъ ни одной потребности, не упражняетъ ни одной изъ своихъ способностей безъ того, чтобы не черпать изъ огромнаго резервуара полезностей, сдѣланныхъ человѣчествомъ. Его пища является плодомъ долгой культуры, которая въ теченіе тысячелѣтій воспроизводила, улуч-

шала и умножала растительные и животные виды, превращаемые лишь теперь въ свою плоть и кровь. Свой языкъ оно воспринимаетъ отъ родителей, учителей, и каждое его слово содержитъ и выражаетъ сумму идей, на выработку которыхъ потребовались усилія огромнаго ряда поколѣній. Тому же человѣчеству онъ обязанъ книгой, которая необходима для его развитія, и орудіямъ труда, при помощи котораго онъ будетъ зарабывать свой насущный хлѣбъ. Трудно представить себѣ, какая масса усилій понадобилась на ихъ выработку, какое множество неуклюжихъ человѣческихъ рукъ ворочало этимъ орудіемъ труда, прежде чѣмъ онъ превратился въ теперешній легкій и удобный инструментъ, сколько потрачено усилій, сколько человѣческихъ жизней положено на то, чтобы доставить ему подъ видомъ маленькихъ кусочковъ свинца буквы, при помощи которыхъ такъ легко и удобно можетъ распространять свои мысли и знакомиться съ чужими“ [52]).

Каждое поколѣніе можетъ быть разсматриваемо, какъ узуфруктуарій.

Бугле доказываетъ необходимость во имя солидарности не случайнаго, а постояннаго вмѣшательства въ экономическую жизнь. Необходимо обезпечить minimum существованія, работу, образованіе, регламентированный трудъ. Солидаризмъ—это право на жизнь, право на трудъ, право на образованіе и право на отдыхъ.

Шейссонъ отъ соціальнаго долга выводитъ право нищаго на общественное призрѣніе.

Ж. Тардъ настаиваетъ на регламентаціи на основаніи самой идеи общественности.

„Всякаго рода трудъ, всякая служба, всякій обмѣнъ основываются на настоящемъ договорѣ, гарантируемомъ законодательствомъ, постоянно стремящимся все къ большей и большей регламентаціи, все болѣе усложняющемся, причемъ къ накопившимся предписаніямъ закона присоединяются обычаи, имѣющіе силу закона, и множество разныхъ обрядностей всякаго рода, начиная съ простѣйшихъ, но общихъ для всѣхъ формъ вѣжливости, вплоть до избирательныхъ и парламентскихъ обычаевъ. *Общество представляетъ скорѣе взаимное распредѣленіе обязательствъ или соглашеній, правъ и обязанностей, чѣмъ взаимную помощь*“ [53]).

Но въ то же время, какъ общественность требуетъ согласованія личной дѣятельности съ коллективною, личность стремится къ индивидуализированію себя. По выраженію Тарда, „цивилизованный человѣкъ нашего времени стремится обойтись безъ помощи другого. Онъ все менѣе и менѣе обращается за помощью къ другому человѣку, рѣзко отличающемуся отъ него, къ профессіональному спеціалисту, и все болѣе и болѣе обращается за

содѣйствіемъ къ порабощенной имъ природѣ и ея силамъ“ [54]). Съ послѣднимъ, конечно, нельзя согласиться. Изолируясь отъ другихъ, какъ личность, человѣкъ лишь усиливаетъ стремленіе эксплоатировать другихъ, т. е. стремится обратить ихъ въ простое орудіе своего „я“ и готовъ, подобно древнимъ, не признавать въ нихъ человѣка. Современнымъ государствамъ предстоитъ трудная задача управленія: развивая общественность, сохранить личность, регламентируя сношенія не нарушить свободы, солидаризируя числовой составъ населенія не аннулировать его составныхъ частей, а на оборотъ, создать условія, при которыхъ свобода призванія, умъ и талантъ развивались бы безгранично, возвышая благосостояніе всѣхъ. Задача эта и есть тотъ сфинксъ древнихъ, который говоритъ: разгадай меня или я поглощу тебя. Современный сфинксъ, подобно древнему же, предполагаетъ и новую эпоху жизни: вмѣсто механическаго движенія, требуетъ сознательнаго.

IV.

Жизнь приводитъ къ заключенію, что въ размноженіи числа заключаются и сѣмена упорядоченія числа, что въ самой густотѣ населенія неизбѣжно создаются силы, расширяющія вмѣстимость страны, т. е, силы противъ густоты, приводящей къ обездоленности. Это прекрасно выяснено С. Булгаковымъ.

„Густота населенія, говоритъ онъ, образуетъ самодѣятельную и великую силу цивилизаціи. Она увеличиваетъ человѣческій матеріалъ, который является субстрактомъ культуры, она увеличиваетъ, слѣдовательно, возможность появленія болѣе многочисленныхъ и болѣе разнообразныхъ талантовъ всякаго рода, несущихъ свою лепту въ духовную сокровищницу человѣчества: національная литература, искусства, науки въ томъ развитіи, въ какомъ мы сейчасъ ихъ имѣемъ, находятся въ несомнѣнной связи съ этой обширностью человѣческаго матеріала. Далѣе, чувства населенія развиваетъ и усиливаетъ общественность, создаетъ болѣе ощутительное психическое треніе людей другъ о друга, обогащаетъ жизнь и повышаетъ ея пульсъ; быть можетъ и въ этомъ лежитъ причина общественной нервности жизни XIX в. въ сравненіи со всѣми предыдущими. *Города и городская жизнь являются кульминаціоннымъ пунктомъ этого уплотненія населенія*, гдѣ взаимное треніе людей достигаетъ наибольшихъ размѣровъ и культурный контрастъ деревни городу создается прежде всего именно различіемъ въ количествѣ населенія“ [55]).

Сѣмена общности въ числовомъ строѣ населенія констатировали почти всѣ экономисты. Такъ, еще Ротбертусъ видѣлъ въ различіи занятій зачатки настоящаго коммунизма.

„Какъ наиболѣе широкое раздѣленіе труда по ступенямъ ведетъ къ тому, что совокупный продуктъ долженъ пройти че-

резъ руки всѣхъ, слѣдовательно обусловливаетъ общность труда въ самомъ широкомъ кругѣ, такъ раздѣленіе труда въ его мельчайшихъ развѣтвленіяхъ, въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, есть не что иное, какъ единство, общность труда. Раздѣленіе труда есть коммунизмъ, хотя не юридически, но фактически; если не коммунизмъ въ распредѣленіи продукта, то коммунизмъ въ производствѣ“ [56]).

„Раздѣленіе труда, говоритъ Э. Дюргеймъ, есть результатъ борьбы за существованіе, но оно представляетъ смягченную развязку ея. Благодаря ему соперники не вынуждены ко взаимному уничтоженію и могутъ существовать бокъ о бокъ. По мѣрѣ своего развитія оно доставляетъ средства существованія большему числу индивидовъ, которые въ болѣе однородныхъ обществахъ должны были бы исчезнуть.—Даже Аристотель находилъ естественнымъ уничтожать новорожденныхъ калѣкъ или слабыхъ. Въ развитыхъ обществахъ тщедушный индивидъ можетъ найти мѣсто. Если онъ слабъ только тѣлесно, а мозгъ его здоровъ, онъ посвятитъ себя кабинетнымъ занятіямъ, спекулятивнымъ функціямъ. Если „слабъ у него мозгъ“ –общество имѣетъ во вторичныхъ ячейкахъ своего улья достаточно малыя мѣста, которыя не дадутъ ему погибнуть“ [57]).

По мнѣнію Михайловскаго, „весь ужасъ, вся глубокая и возмутительная несправедливость общественнаго раздѣленія труда состоитъ въ томъ, что при немъ человѣкъ превращается въ „палецъ отъ ноги“, въ безвольный органъ нѣкотораго высшаго организма—общества; рабочій только работаетъ, мыслитель только мыслитъ и т. д., все равно, какъ въ индивидуальномъ организмѣ желудокъ только пищу перевариваетъ, мозгъ только высшими духовными отправленіями завѣдуетъ, мускулы только двигательную функцію выполняютъ и пр. При этомъ только мыслящій мыслитель и только землю пашущій землепашецъ не живутъ всѣ тою полнотою жизни, къ какой способенъ человѣкъ. Установившійся общественный порядокъ какъ бы обкрадываетъ ихъ, лишая каждаго изъ нихъ извѣстной доли радостей и труда, распредѣленныхъ по разнымъ общественнымъ группамъ, не говоря уже томъ, что однимъ достается много радостей и мало труда, а другимъ много труда, а мало радости“ [58]).

Михайловскій не считаетъ этотъ порядокъ неизбѣжнымъ и не отмѣннымъ. „Желудокъ напрасно возмущался бы противъ своего положенія, напрасно требовалъ бы онъ для себя такой полноты жизни, чтобы не только пищу переваривать, а и вкусными ощущеніями наслаждаться, и видѣть, и мыслить, и самопроизвольно двигаться, и любить и пр. Но человѣкъ, все таки обладающій способностью жить всесторонне, имѣющій очи видѣть и уши слышать, имѣющій и мозгъ, и сердце, вправѣ домогаться иного порядка вещей. *Какъ же этого добиться*“? [59]).

Вопросъ, какъ видимъ, ставится ребромъ самымъ ходомъ экономическаго механизма. У насъ С. Южаковъ, подобно Михайловскому, прекрасно уяснилъ значеніе интеграціи и дифференціаціи числового состава. „Искони, говоритъ онъ, два главныхъ историческихъ теченія волнуютъ своимъ столкновеніемъ жизнь человѣчества: теченіе, расчленяющее человѣчество на классы, дифференцирующее его, создающее всяческое неравенство и монополію но, вмѣстѣ съ тѣмъ преимущественно вырабатывающее высшія формы культуры, развивающее просвѣщеніе, вкусы; и другое теченіе, обратное первому, стремящееся уравнять людей, соединить ихъ въ братствѣ и солидарности, ведущее не къ дифференцированію, а къ ассимиляціи, вырабатывающее содержаніе культуры, мораль, справедливость, общинныя симпатіи.—Оба эти теченія, искони враждебныя и искони борющіяся, создаютъ, при послѣдовательной очереди своихъ торжествъ и пораженій, формы жизни, діаметрально противоположныя, исполненныя глубокихъ контрастовъ“ [60]).

Это и есть законы различій и сходствъ.

Начало человѣчество со сходствъ, проявившихся въ формахъ коммунизма и деспотій, павшихъ естественною смертью. Послѣ темнаго періода борьбы, побѣдилъ законъ различій и получилась мѣновая культура. Теперь недостатки ея исправляются союзами. Быть можетъ современная культура не падетъ именно потому, что недостатки культуры различій нейтрализованы будутъ принципами единенія сходствъ. Но союзы пока классовые, т. е. антагонистическіе, какъ пережитокъ въ новой формѣ принудительныхъ кастовыхъ союзовъ. Образованіе должно измѣнить ихъ характеръ и на мѣстѣ зоологической борьбы поставить человѣческую солидарность.

Мѣриломъ культуры должны быть задачи личности, т. е. субъективизмъ, развитый у насъ Михайловскимъ, Южаковымъ и еще раньше Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, дѣйствительно долженъ быть поставленъ во главу угла. Все то, что давитъ личность, что препятствуетъ человѣку быть человѣкомъ не можетъ не быть признано вреднымъ и антисоціальнымъ. Нормально только то, что возвышаетъ разумность и свободу личности. Это фундаменты могущества и государственности.

Но тотъ же пр. Булгаковъ, который такъ точно характеризовалъ культурное значеніе густоты населенія, находитъ, что сознательное движеніе чѣловѣчества встрѣчаетъ тормозъ именно въ этой же густотѣ, въ этомъ самомъ механизмѣ жизни.

По словамъ его, „съ ростомъ богатства міръ все болѣе и болѣе становится хлопочущей Марѳой и невольно забывается скромная Марія со своимъ „единымъ на потребу“.—„Цивилизація, въ своихъ высшихъ проявленіяхъ, достигшая небывалыхъ успѣховъ, создаетъ страшный для всего индивидуальнаго механизмъ,

захватывающій своими шестернями, зубцами, маховиками индивидуальную жизнь и практически провозглашающій принципъ: *не суббота для человѣка, а человѣкъ для субботы.* Антагонизмъ между духовной и матеріальной цивилизаціей неискоренимъ, и мѣщанинъ всегда будетъ удерживать свободный полетъ человѣческаго духа“ [61]).

Въ этомъ убѣжденіи, что не суббота для человѣка, а человѣкъ для субботы заключается основная причина, почему путь компромисса или солидаризаціи интересовъ до сихъ поръ такъ мало подвинулъ впередъ рѣшеніе соціальной задачи. Въ немъ же или, точнѣе говоря, въ условіяхъ, создавшихъ его, заключается и главная причина неудачи научнаго и сознательнаго разрѣшенія его.

Мы уже видѣли, какъ подъ вліяніемъ историческихъ условій жизни вырабатывается массовая душа, однимъ изъ видовъ которой является профессіональная душа. Соціальный механизмъ, объединяющій числовой составъ населенія, „захватываетъ своими шестернями, зубцами, маховиками“ и сознаніе. Появляется идеологія, какъ простой продукъ этихъ самыхъ „шестерней, зубцовъ, маховиковъ“. Таковы теоріи съ одной стороны въ видѣ санкціи существующаго, какъ естественный продуктъ отчаянія, наступившаго послѣ первыхъ же опытовъ свободы, и съ другой—теоріи девальваціи человѣка и возврата къ состоянію стадному предковъ. Санкцію существующаго наиболѣе рельефно выразили Мальтусъ и Рикардо. Девальвацію человѣка не мѣнѣе рельефно выразили Лассаль и Марксъ. Доктрины эти заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія не съ одной историко-литературной точки зрѣнія. Въ настояще время мрачное отчаяніе, выраженное ими, давитъ тяжелымъ камнемъ мысль лучшихъ людей и въ будущемъ человѣчество не скоро сброситъ съ себя эту страшную тяжесть. Она не создана учеными. Она только выражена ими. И до Мальтуса и послѣ Маркса люди, совершенно не знакомые съ этими мрачными доктринами, въ частныхъ случаяхъ высказываются въ такомъ же пессимистическомъ направленіи. Доктрины эти—простое отраженіе дѣйствительности, продуктъ ея. И какъ о деревѣ судятъ по плодамъ его, такъ и объ окружающей насъ экономической жизни лучше всего судить по этимъ несомнѣннымъ плодамъ ея. Мрачна дѣйствительность, создающая то Мальтуса, то Маркса съ толпами ихъ слѣпыхъ поклонниковъ. И мучительны проблемы, вызываемыя числомъ, т. е. сообществомъ. Съ одной стороны безъ соціэтарности немыслима личность, а съ другой на каждомъ шагу личность за-живо приносится въ жертву Молоху соціэтарности.

Обращаемся къ факторамъ, работающимъ надъ разрѣшеніемъ этихъ проблемъ.

IV. Эволюція.

Законы эволюціи—величайшее изъ открытій въ области мысли человѣческой. Послѣ тысячелѣтнихъ блужданій въ сферахъ мистицизма и метафизики, лучшіе изъ представителей мысли рѣшили обратиться къ обыкновенному *здравому смыслу* и посредствомъ этого здраваго смысла, не прибѣгая къ инымъ путямъ, размотрѣть то, что находится кругомъ насъ.

Какъ это обыкновенно бываетъ при всѣхъ великихъ открытіяхъ науки, попытки, болѣе или менѣе удачныя, своего рода намеки, посредствомъ которыхъ здравый смыслъ пробивалъ себѣ дорогу къ жизни для объясненія ея видоизмѣненій и роста, высказывались довольно рано, между прочимъ и у древнихъ греческихъ философовъ. Но только въ новѣйшее время здравому смыслу суждено было восторжествовать. Эразмъ Дарвинъ (1731 г.—1802 г.) былъ настоящимъ предтечей своего знаменитаго внука. Онъ пророческимъ видѣніемъ нарисовалъ поэтическую картину постоянныхъ метаморфозъ перваго атома жизни, принимающаго всевозможныя формы въ видѣ безчисленныхъ группъ растеній и животныхъ, сообразно съ условіями существованія. Но отрѣшеніе отъ метафизики и серьезное пользованіе здравымъ смысломъ еще большую силу получаетъ въ работахъ Ламарка (1744—1829 г.). Вмѣсто *предположенія*, что живыя существа созданы для опредѣленнаго образа жизни, онъ сталъ *изучать*, какъ способы жизни вліяютъ на образованіе живыхъ существъ и, оставивъ въ сторонѣ всѣ высокія соображенія, нашелъ, что здравый смыслъ достаточно замѣняетъ то, что считалось таинственнымъ и предустановленнымъ. Онъ нашелъ, что по мѣрѣ распространенія животныхъ по земному шару, каждый видъ измѣнялся примѣнительно къ условіямъ жизни, что спеціальное твореніе каждаго вида въ отдѣльности не оправдывается фактами, что нѣтъ постоянства структуры организмовъ, но существуетъ „деградація“, т. е. то постоянное измѣненіе видовъ и частей вида, которое теперь принято называть эволюціей. Организмъ приспособляется къ даннымъ условіямъ жизни и то, что является наиболѣе приспособленнымъ, передается по наслѣдству потомкамъ.

Послѣ Ламарка и одновременно съ нимъ видимъ цѣлый рядъ научныхъ изслѣдованій въ томъ же направленіи, пока наконецъ не получилось увѣнчаніе стремленій и труда въ настоящихъ откровеніяхъ здраваго смысла въ работахъ Чарльза Дарвина, который, по собственному сознанію, „работалъ по истинно бэконовскимъ принципамъ и, не руководствуясь еще никакою теоріей, собиралъ факты всякаго рода“. Чтобы найти истину, Ч. Дарвинъ сталъ изучать факты. Въ 1835 г. онъ изучалъ книги Мальтуса о народонаселеніи и при этомъ чтеніи у него возникла идея о борь-

бѣ за существованіе, какъ о фундаментальномъ факторѣ жизни всего существующаго. Спустя четыре года онъ въ сжатомъ видѣ изложилъ свои мысли, вошедшія потомъ въ его безсмертную книгу о происхожденіи видовъ. Основной законъ жизни есть борьба за существованіе. Въ борьбѣ побѣждаетъ сильнѣйшій, какъ такой организмъ, который или физически побѣждаетъ своихъ противниковъ, или вмѣщаетъ въ себѣ особенности, наиболѣе подходящія къ условіямъ жизни. Все слабое или не подходящее къ условіямъ жизни естественно погибаетъ. Оставшіеся передаютъ свои особенности по наслѣдству будущимъ поколѣніямъ. Борьба такимъ образомъ является факторомъ естественнаго подбора. Въ 1859 г. Дарвинъ писалъ Лайеллю: „Снабдите какое-нибудь простое твореніе древняго типа, подобное лепидосиренѣ, чувствами и нѣкоторыми зачатками мысли и, я думаю, естественнымъ подборомъ вы сможете объяснить развитіе изъ него всякаго позвоночнаго животнаго“ [1]). Естественнымъ отборомъ уничтожается все, что не соотвѣтствуетъ условіямъ жизни, выживаютъ и сохраняютъ свой родъ лишь наиболѣе приспособленные къ жизненной борьбѣ. Все слабое, все неподходящее къ условіямъ среды неизбѣжно удаляется со свѣта самой природой посредствомъ закона естественнаго подбора.

Когда Мальтусъ высказалъ эту мрачную идею, всѣ честные люди пришли въ ужасъ и на злосчастнаго священника посыпались со всѣхъ сторонъ страшные упреки въ богохульствѣ и звѣрствѣ. Чарльзъ Дарвинъ оказался болѣе счастливымъ. Борьба за существованіе и управляющій ею Богъ—естественный отборъ или подборъ—были встрѣчены привѣтствіями всего образованнаго міра. Попытки возраженій не находили никакого сочувствія. Всѣ преклонялись предъ этимъ дѣйствительно простымъ, доступнымъ пониманію каждаго объясненіемъ жизненныхъ явленій. И эволюціонное объясненіе измѣненій во всемъ существующемъ было признано не только послѣднимъ и очевиднѣйшимъ словомъ науки, но и величайшей истиной, обнимающей собою всѣ явленія жизни растительной, животной и соціальной. И въ настоящее время эволюціонный методъ является чуть ли ни единственнымъ научнымъ методомъ, безъ котораго самая наука о жизни считается немыслимою.

А между тѣмъ сравнительно съ Мальтусомъ Чарльзъ Дарвинъ не сказалъ абсолютно ничего новаго. Онъ лишь подтвердилъ идеи Мальтуса систематически собранными и хорошо описанными фактами. Чарльзъ Дарвинъ представляется каждому безпристрастному историку науки лишь простымъ иллюстраторомъ къ идеямъ, высказаннымъ Мальтусомъ. И на голову учителя посыпались проклятія, а на голову достойнаго ученика, создавшаго чудныя иллюстраціи къ идеямъ учителя, посыпались благословенія, слава и честь!

Эта разница въ пріемахъ учителя и ученика въ свою очередь является иллюстраціей существа закона эволюціи. Самъ Ч. Дарвинъ предостерегалъ отъ увлеченія единомышленниковъ, склонныхъ отождествлять эволюцію съ прогрессомъ. Онъ прямо объявилъ „нелѣпостью“ ученіе Ламарка о „стремленіи къ прогрессированію“. Онъ представлялъ себѣ эволюцію, какъ естественную силу, которая, подобно солнцу, съ одинаковымъ безпристрастіемъ служитъ какъ убійцѣ, такъ и его жертвѣ. Это сила совершенно слѣпая. Это механизмъ, чудовищный, страшный, могущественный, но только механизмъ, нѣчто слѣпое и безумное. Этотъ механизмъ дѣйствуетъ такими средствами, какъ предоставленіе побѣды роду снабженіемъ его неимовѣрною плодовитостью. Слабыя существа, не имѣющія для борьбы ни клыковъ, ни зубовъ, ни когтей, спасаютъ свой родъ только обиліемъ рожденій. Сколько бы ни истребляли сельдей хищныя рыбы и еще болѣе страшный хищникъ человѣкъ, порода сельдей остается, такъ какъ всѣхъ сельдей истребить нѣтъ силъ. Плодовитость индивидовъ спасаетъ породу. Тоже видимъ и въ растеніяхъ: милліарды сѣмянъ производятся ежегодно, но лишь сотни ихъ находятъ для себя подходящія условія и сохраняютъ породу. Порода погибла бы, если бы не было этой неимовѣрной плодовитости, соединенной съ неимовѣрно-безпощадною гибелью зародышей. Ясно какъ Божій день, что эволюціонизмъ Ч. Дарвина это уже не жестокость Мальтуса, не безсердечіе англиканскаго священника, сказавшаго, что сама природа удаляетъ людей, не находящихъ мѣста на пиру, ею заготовленномъ. Тутъ сама безсердечная природа производитъ безпощадную жестокость, находя ее совершенно нормальною и полезною въ своихъ видахъ—сохраненія породы.

Почему же возникъ этотъ разный пріемъ одной и той же доктрины? Почему одна и та же идея вызвала проклятія на голову англиканскаго священника и лавровые вѣнки на голову ученаго естествоиспытателя?

Отвѣтъ даютъ тѣ же законы эволюціи. Мальтусъ сказалъ свое слово въ послѣдній годъ 18 в., когда еще живы были идеи гуманизма, когда люди еще думали, что живутъ не для хлѣба единаго, что они не для субботы, но суббота для нихъ. Чарльзъ Дарвинъ заговорилъ уже далеко эволюціонировавшей публикѣ въ стремленіи подчинить человѣка субботѣ и въ признаніи хлѣба единымъ элементомъ жизни. И слово его нашло привѣтственный откликъ. Такъ, звукъ, произведенный на одномъ музыкальномъ инструментѣ, вызываетъ отзвукъ на другомъ, но такомъ же инструментѣ. Массовая душа интеллигенціи оказалась болѣе воспріимчивою къ здравому смыслу. Метафизическій и соціально-мистическій туманъ 18 вѣка разсѣялся и люди перестали отказываться отъ здраваго смысла ради „насъ возвышающаго обма-

на". Не легко было разставаться съ нимъ, ибо эти метафизическія и соціально-мистическія идеи дѣйствительно возвышали душу, облагороживали людей. Не легко было съ ними разстаться и потому, что открытія простого здраваго смысла, указывая истину, стояли на рубежѣ отрицанія самой истины и признанія ея лишь одной изъ эволюціонныхъ формъ, имѣющихъ преходящее и относительное значеніе.

Все относительно, все временно, все преходяще—вотъ знамя новаго открытія. Нѣтъ ничего абсолютнаго, стало быть нѣтъ и истины, ибо истина по существу абсолютна. То, что мы величаемъ истиной, есть лишь идеологія существующихъ условій жизни. Для даннаго времени такая идеологія представляется истиной, а пройдетъ нѣсколько лѣтъ и всѣ ее признаютъ нелѣпымъ заблужденіемъ. Все течетъ, говорилъ древній философъ. Все превращается, говоритъ дарвинизмъ. И совѣсть подлежитъ тому же закону. Право и нравственность—это идеологія даннаго состоянія естественнаго отбора и только.

По мысли Ч. Дарвина, даже источникъ нравственности заключается въ общественныхъ инстинктахъ. „Инстинкты эти очень сложны по своей природѣ и у низшихъ животныхъ порою даютъ особыя стремленія къ извѣстнымъ опредѣленнымъ поступкамъ; но у насъ наиболѣе важными элементами нравственности оказываются любовь и отличное отъ ней чувство симпатіи. Животныя, надѣленныя общественными инстинктами, находятъ удовольствіе въ обществѣ имъ подобныхъ, предупреждаютъ другъ друга объ опасности, помогаютъ и защищаютъ другъ друга различными способами. Такъ какъ эти инстинкты крайне полезны для преуспѣянія вида, то по всей вѣроятности они были пріобрѣтены путемъ естественнаго отбора" [2]).

Если все превращается по закону естественнаго отбора, если истина и даже совѣсть относительны, то, очевидно, и эволюціонизмъ имѣетъ лишь относительное значеніе.

Послѣднее-то и вѣрно. Эволюціонизмъ—величайшая относительная истина и, какъ увидимъ ниже, самъ Чарльзъ Дарвинъ, несмотря на свое страстное увлеченіе монизмомъ естественнаго отбора, придавалъ своему эволюціонизму лишь *относительный смыслъ*. Значеніе Дарвина въ томъ, что вмѣсто causae finales, вмѣсто предустановленныхъ цѣлей, онъ выдвинулъ идею, что функція органа не составляетъ цѣли его устройства, а сама функція вырабатывала себѣ органъ. Безконечная масса точно установленныхъ фактовъ подтверждаетъ эту мысль, въ которой изслѣдователь нашего времени имѣетъ научную аріаднину нить, дающую ему возможность оріентироваться въ лабиринтѣ феноменовъ жизни. Борьба за существованіе съ ея кореннымъ закономъ естественнаго отбора является организующей силой, вели-

кимъ дѣятельнымъ элементомъ. Но она организуетъ жизнь не по предустановленнымъ цѣлямъ, а чисто механически. А. Фулье выражаетъ эту мысль въ слѣдующихъ словахъ:

„Общество микроскопическихъ животныхъ складывается мало-по-малу въ животное съ опредѣленными формами, которыя, размножаясь тѣмъ же путемъ въ теченіи вѣковъ, производятъ видъ, никогда не были цѣлью, а только простымъ *результатомъ*, устоичивымъ въ теченіи извѣстнаго времени, а въ концѣ концовъ измѣняющимся съ вѣками. Такое движеніе микроскопическихъ животныхъ я бы охотно сравнилъ съ теченіемъ рѣки, которая въ концѣ концовъ сама прокладываетъ себѣ русло и сама устраиваетъ свои берега“ [3]).

Ничего постояннаго, ничего неизмѣннаго, ничего вѣчнаго.

Могутъ возразить, что эволюціонизмъ напоминаетъ извѣстный безконечный кругъ да и нѣтъ о критянинѣ. Критянинъ говоритъ, что всѣ критяне лгуны; стало быть онъ лжетъ и критяне говорятъ правду; а если такъ, то значитъ критянинъ не лжетъ и всѣ критяне лгуны и т. д. до безконечности.

Эволюціонизмъ не принадлежитъ къ категоріи такого рода умозаключеній. Онъ заключаетъ въ себѣ относительную истину, какъ имѣющую мѣсто относительно опредѣленной массы случаевъ видоизмѣненій въ жизни. Этимъ не уменьшается его глубокое, міровое значеніе.

Прежде всего эволюціонизмъ указалъ на дѣйствительное значеніе природы для человѣка и общества. Онъ разрушилъ иллюзію гуманистовъ о томъ, что все, исходящее изъ рукъ природы, величественно и разумно. Оказывается, что основной законъ движенія жизни въ природѣ—*слѣпъ и не цѣлесообразенъ*. Это чисто механическій законъ, одинаково приводящій къ самымъ противоположнымъ результатамъ. Оказывается, что пирронизмъ не изобрѣтеніе Пиррона, а давно практикуемое правило самой природой, не признающей ничего, кромѣ пирронизма, отрицающей и утверждающей отрицаемое съ одинаковымъ усердіемъ и одинаковой охотой.

Затѣмъ принципъ эволюціи—*достиженіе наименьшихъ результатовъ съ наибольшими пожертвованіями*. При полной свободѣ неизбѣженъ законъ борьбы, при которой побѣждаетъ сильнѣйшій и погибаютъ массы слабѣйшихъ. Это законъ, о которомъ мечталъ Ренанъ, который представлялся также идеаломъ и Ницше. У насъ превозноситъ его К. Леонтьевъ.

И человѣчество въ эволюціонномъ состояніи держится тогоже принципа естественной экономіи. Оно тысячелѣтія и милліоны лѣтъ прозябало въ животномъ состояніи, пока выработалась человѣчность. Оно страшными войнами достигаетъ гомеопатическихъ успѣховъ. Оно—по исторической инерціи—и до сихъ поръ

живетъ эволюціонной экономіей, т. е. употребляетъ наибольшія усилія для полученія наименьшихъ результатовъ. Оно затрачиваетъ сотни милліоновъ на тюрьмы, тратя гроши на просвѣщеніе. Онъ вѣшаетъ и истребляетъ людей, вмѣсто употребленія ихъ на дѣло культуры созданіемъ условій образованія полезныхъ дѣятелей. Оно танцуетъ, собирая пожертвованія для голодающихъ.

Многимъ эта экономія покажется не-экономной. Въ дѣйствительности и въ ней есть своя разумность. Природа какъ бы *всѣ усилія направляетъ на полученіе изъ большаго количества возможно лучшее качество путемъ подбора.* И несомнѣнно лишь въ борьбѣ вырабатывается лучшее качество.

Викторъ Гюго говоритъ: „Я—головастикъ архангела".

По мнѣнію Г. Друммонда, эволюція доказываетъ, что человѣкъ есть существо духовное и направленіе его долгаго поприща клонится къ все болѣе широкой, богатой и возвышенной жизни [4]). Со всѣмъ этимъ можно согласиться, если взять во вниманіе результаты жизни, уже добытые естественнымъ подборомъ. Но сколько крови стоятъ эти результаты! И сколько еще потребуетъ эволюція крови, чтобы превратить головастика архангела въ архангела, и человѣка въ существо дѣйствительно духовно-нравственное! Эволюція—это Молохъ, питающійся только кровью.

Послѣдовательные эволюціонисты даже отказываются отъ мысли, чтобы эти кровавыя жертвоприношенія дѣйствительно вели къ совершенству.

Тимирязевъ [5]) доказываетъ, что нѣтъ единаго мѣрила совершенства организаціи. Для морфолога совершенство есть синонимъ большой сложности или дифференцированія. Для физіолога—соотвѣтствіе организаціи съ условіями существованія, т. е. приспособленность къ средѣ. „Физіологическое совершенство можетъ быть несомнѣнной деградаціей, регрессомъ въ смыслѣ морфологическомъ".

Лестеръ Уордъ также говоритъ: „Мы должны освободиться отъ обычнаго понятія, что эволюція необходимо предполагаетъ все высшую и высшую организацію".

W. Tchisch говоритъ: „Идея совершенства можетъ имѣть значеніе только по отношенію къ цѣли: тотъ организмъ выше, который лучше достигаетъ ее". Но онъ ставитъ цѣлью жизни самую жизнь. Съ этой точки зрѣнія, гов. Н. Михайловскій, „феодальный баронъ, грабившій на большихъ дорогахъ, воевавшій направо и налѣво, дравшійся на турнирахъ и пр. лучше, вѣрнѣе осуществлялъ цѣль жизни, чѣмъ земледѣлецъ, пастухъ или ремесленникъ" [6]).

Другіе также на основаніи фактовъ изъ жизни полагаютъ, что эволюціонизмъ на дѣлѣ есть оправданіе звѣрства. Поэтому наприм. въ ученіи классиковъ п. экономіи видятъ развитіе ученія

Гоббеса и Макіавели о человѣкѣ-звѣрѣ. У экономистовъ „рисуется истинная арена того человѣческаго звѣрства, которое вначалѣ было присуще лишь конквистадорамъ, работорговцамъ и пиратамъ, а теперь въ болѣе скромныхъ размѣрахъ наполнило собой все стадо мелкихъ звѣрей, грызущихся между собою на рынкѣ, за каждымъ прилавкомъ и изъ-за каждаго брошеннаго имъ куска“ [8]).

Жалобы на соціальныя несообразности въ дѣйствительности представляютъ собою жалобы на основной принципъ эволюціонной экономіи: затраты наибольшихъ средствъ въ дѣлѣ полученія минимальныхъ результатовъ. Возьмемъ самый обыденный фактъ. До сихъ поръ человѣчество почти не эксплоатируетъ разума и сердца людей. Разумно живутъ сотни, остальная масса играетъ роль вьючнаго скота. Сердцемъ живутъ только праведники и мы ихъ канонизируемъ, какъ нѣчто небывалое, сверхъестественное. Остальная масса ведетъ животную жизнь эгоистовъ хищниковъ. Между тѣмъ всѣ сознаютъ, что только разуму не многихъ человѣчество обязано великими открытіями, составляющими фундаментъ культуры. Также всѣ сознаютъ, что былъ правъ Сенека, говоря: amor omnia vicit, любовь побѣждаетъ все. Почему же въ человѣчествѣ именно разумъ и сердце въ полнѣйшемъ пренебреженіи?

Отвѣтъ очевиденъ. Потому что человѣчество не вышло еще изъ періода эволюціонной экономіи. Оно живетъ наибольшими затратами и получаетъ наименьшіе результаты. Это экономія тьмы, экономія слѣпого рока. Безъ этой неимовѣрной и срашной траты силъ человѣчество не могло бы вовсе эволюціонировать, не могло бы изъ звѣрскаго состоянія превратиться въ человѣческое. И совершенно понятны жалобы на этотъ путь, избранный судьбой. Мы, жалуется пр. Озеровъ, спускаемся въ нѣдра земли, остаемся тамъ безъ свѣта, безъ воздуха изо дня въ день, чтобы колоть желѣзными кирками твердые пласты каменнаго угля, вода насъ готова затопить, но мы продолжаемъ свою работу. Мы за золотомъ идемъ въ тайгу, подвергаясь опасности быть съѣденными заживо волками или тиграми,—а мозгъ человѣка, его сердце лежатъ такъ близко, лежатъ на поверхности земли, и мы не утилизируемъ ихъ [9])

И еще болѣе правъ онъ, говоря: „Точно проклятіе какое-то тяготѣетъ надъ человѣчествомъ, точно кто-то хочетъ, чтобы мысль, мозгъ, мечта человѣка развивалась лишь медленно, а какъ міръ былъ бы красивъ, если бы всѣ думали и грезили, какими бы грезами украсился. Теперь міръ—пустыня, только кое-гдѣ блеститъ въ немъ мысль и высокая мечта, блѣдная, захудалая, какъ низкорослый кустарникъ у снѣговой линіи“ [10]).

Всѣ нападки на классическую политическую экономію вызваны тѣмъ, что экономисты чуть ли не на цѣлое столѣтіе преду-

предили систему эволюціонистовъ въ примѣненіи ея, конечно, къ явленіямъ экономическимъ. Естественные законы физіократовъ, А. Смита, Рикардо, Мальтуса—это законы экономической эволюціи, совершенно тождественные съ тѣми, которые столѣтіе спустя были такъ прекрасно изображены Ламаркомъ и Дарвиномъ. Это тѣ же, главнымъ образомъ, законы борьбы за существованіе. Таковъ, наприм., законъ цѣнъ. Въ среднемъ цѣнности обмѣниваются пропорціонально затратамъ. Но это среднее получается не иначе, какъ въ видѣ равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ, т. е. заключеніе мира между воюющими сторонами и, конечно, условія мира зависятъ отъ относительной силы враговъ, хотя въ концѣ концовъ должны быть приняты условія пропорціональности затраты иначе хозяйство немыслимо. Если бы этотъ процессъ происходилъ вдругъ, то дѣйствительно свобода торговли естественно упорядочивала бы мѣновыя сношенія и была бы не только естественнымъ, но и человѣческимъ, т. е. разумнымъ закономъ. Но этого не бываетъ. И совершенно основательно указывалъ аббатъ Галіани на этотъ недостатокъ природы, отрицающій человѣческое значеніе естественныхъ законовъ экономистовъ, т. е. законовъ экономической эволюціи. Аббатъ Галіани возражалъ физіократамъ, исходя именно съ человѣческой точки зрѣнія. „Ничего вдругъ“—вотъ сущность его возраженій. Физіократы учили, что счастье достигается, благодаря природѣ, свободѣ и равновѣсію. Аббатъ отвѣчаетъ имъ. „Нѣтъ ничего вѣрнѣе и нѣтъ ничего ложнѣе. Что природа, когда ей ничто не мѣшаетъ, тянетъ къ равновѣсію, то это свѣтлая истина въ головѣ метафизика; это истина, потому что мыслитель видитъ только причины и слѣдствія, но не принимаетъ въ разсчетъ продолжительности эпохъ возврата, онъ беретъ среднія, которыя, кромѣ какъ въ мышленіи, нигдѣ не существуютъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ сказанное совершенно ложно съ точки зрѣнія не метафизика, а практика, потому что человѣкъ, когда онъ дѣйствуетъ, становится такъ мелокъ, такъ слабъ, какъ пятифутовому животному подобаетъ, ибо онъ чувствуетъ тогда слабость своего сложенія, кратковременность жизни, мимолетность нуждъ, шероховатость малѣйшихъ неровностей и не можетъ ничего ни вознаградить, ни сдать, не подвергаясь страданію или смерти“ [11]).

И правда. Экономисты были бы совершенно правы съ человѣческой точки зрѣнія, если бы между причинами и слѣдствіями не лежали цѣлыя эпохи. А въ эти эпохи люди бѣдствуютъ, умираютъ отъ голоду, бьютъ и истребляютъ другъ друга. Въ концѣ концовъ наступаетъ равновѣсіе, и свобода съ природой создаютъ порядокъ. Такъ дѣло и происходитъ въ мірѣ животномъ и растительномъ. Борьба за существованіе, при помощи такихъ законовъ природы, какъ наслѣдственность и приспособляемость, со-

здаетъ ту великую эволюцію, вѣнцомъ которой есть человѣкъ. Но—какія сотни милліоновъ лѣтъ для этого понадобились! Сколько крови пролито, какія массы несчастій должно было пережить живымъ существамъ! И какъ та же природа—въ промежуткахъ между причиной и слѣдствіемъ является кровожадною и бездушною! Съ человѣческой точки зрѣнія каждый мыслящій эволюціонистъ не можетъ не назвать природы именно кровожадной и бездушной.

Тѣмъ не менѣе экономисты правы. Они лишь предвосхитили законы эволюціи и примѣнили ихъ къ людямъ, какъ части природы. Они указали *естественные* законы. Но совершенно ошибочно признали ихъ справедливыми, какъ сдѣлали это физіократы, грубо-справдливымъ, какъ выразился А. Смитъ, необходимыми и неизбѣжными, какъ называли ихъ Мальтусъ и Рикардо. Для эволюціи, обнимающей сотни милліоновъ лѣтъ, это такъ. Но для человѣка—это не законы разума, не законы любви, не законы человѣчности.

Политическая экономія должна изучать средства борьбы съ естественными законами эволюціи, средства борьбы съ ними во имя человѣка.

Пріемы эволюціонистовъ уже давно практикуются экономистами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходится оправдывать временное зло, вызываемое той или иной экономической эволюціей. Таковъ, наприм., вопросъ о машинахъ. Никто изъ серьезныхъ экономистовъ не отрицаетъ того, что введеніе ихъ неизбѣжно сопровождается во многихъ отрасляхъ труда страшными рабочими кризисами. Но, какъ говорятъ экономисты, это жертвы, въ концѣ концовъ создающія обшее благосостояніе, а слѣдовательно и благосостояніе рабочихъ. Книгопечатаніе временно сократило число переписчиковъ, но быстро число лицъ, занятыхъ печатаніемъ книгъ, значительно превзошло прежнее количество переписчиковъ. Тоже и съ желѣзными дорогами: потребовались не только милліоны рабочихъ, но и число занятыхъ подвозкой лицъ и товаровъ гораздо больше прежняго.

Все это конечно такъ. Но говоря словами аббата Галіани, между причиной и слѣдствіемъ существуетъ „эпоха“, въ теченіе которой много горя, много бѣдствій, не мало и голодныхъ смертей испытываютъ жертвы прогресса. Вѣдь людямъ мало утѣшенія въ мысли, что они служатъ навозомъ для культуры пшеницы общаго благосостоянія. Живой человѣкъ въ превращеніи его въ самый лучшій навозъ культуры не можетъ не видѣть только жестокаго варварства, напоминающаго древнія человѣческія жертвоприношенія для умилостивленія боговъ. Можетъ быть боги-то и умилостивлятся, но сжигаемому отъ такой милости не легче. Огонь сжигаетъ, не разбирая цѣлей.

Эволюція, какъ естественный законъ природы, не знаетъ принциповъ морали. Она можетъ оправдывать средства цѣлями. Но человѣкъ только потерявъ человѣческое достоинство, потерявъ въ себѣ образъ Божій, можетъ оправдывать человѣческія жертвоприношенія идолу культуры. Лучше разбить этого идола, чѣмъ жертвовать человѣкомъ, т. е. жертвовать совѣстью, правдой, любовью.

Французскій экономистъ пр. Жидъ, не находя возможнымъ оправдывать культурный каннибализмъ и признавая его неизбѣжнымъ, утѣшается тѣмъ, что великія техническія преобразованія должны вскорѣ прекратиться и человѣчество надолго останется въ покоѣ, т. е. въ неподвижномъ состояніи, изъ котораго вывели его великія открытія и изобрѣтенія.

Глубоко наивное и тщетное самоутѣшеніе, при томъ такое, которое напоминаетъ переходъ изъ огня въ полымя. Вѣдь неподвижное состояніе еще худшее зло, чѣмъ этотъ самый каннибализмъ.

Но оно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ дѣйствительно безотрадно положеніе науки, смѣшавшей законы эволюціонизма съ законами экономическаго прогресса. Первые не исключаютъ послѣднихъ, но въ рукахъ человѣка слѣпые и темные законы эволюціонизма должны быть превращены въ сознательный прогрессъ, основанный на гуманности. Пассивный прогрессъ говоря словами г. Николаева, долженъ раньше или позже уступить мѣсто активному. Наука должна указать рядъ условій, при которыхъ введеніе машинъ и тому подобныхъ техническихъ улучшеній не сопровождалось бы тѣми печальными сторонами, которыми сопровождается оно въ настоящее время.

Ожиданіе далекихъ улучшеній, которыми воспользуются лишь потомки, также лежитъ въ основѣ всей системы, извѣстной подъ названіемъ марксизма. Это очень интересная картина каннибализма, самооправдывающагося законами эволюціи. По его ученію, рабочіе должны жить впроголодь, ибо это естественный путь къ общему благосостоянію. Фактически часто такъ и бываетъ, но фактъ и принципъ далеко не одно и то же.

Интересный и общераспространенный фактъ несоотвѣтствія законовъ эволюціи съ законами прогресса представляетъ собою ростъ духовныхъ силъ человѣка.

Эволюція ума изъ всѣхъ эволюцій наименѣе успѣшна. Тѣло эволюціонируетъ именно потому, что половой возрастъ совпадаетъ съ наибольшею физическою зрѣлостью. Физически человѣкъ наиболѣе зрѣлъ отъ 20 до 30 лѣтъ; къ этому времени заключается наибольшее количество браковъ и на этотъ же періодъ приходится наибольшее количество рожденій. Но именно на этотъ же періодъ времени приходится наибольшая сила борьбы за суще-

ствованіе. Понятно, предъ нами всѣ благопріятныя условія для эволюціи тѣла. Но къ сожалѣнію, это время наибольшей интенсивности дѣйствій силъ эволюціи не совладаетъ съ умственною зрѣлостью. Только подъ старость въ душѣ человѣка накопляется максимумъ опыта и знаній. Только къ этому времени сознаніе человѣка получаетъ свое высшее развитіе. Но именно тогда-то физически человѣкъ начинаетъ ослабѣвать и вмѣстѣ съ борьбой за существованіе ослабѣваетъ и половой подборъ. Вступленіе въ бракъ въ это время имѣетъ характеръ лишь случайный, а рождаемость и совершенно прекращается у женщинъ. Поэтому ни отецъ, ни мать не имѣютъ возможности передать потомству то психическое достояніе, которое выработано ими въ теченіи долгой жизни. И въ жизни наблюдаемъ, что дѣти похожи на родителей въ ихъ молодости. Молодость родитъ молодость, юность родитъ юность. Умъ не можетъ стать факторомъ эволюціи, такъ какъ развивается лишь тогда, когда физическія силы уже слабы. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается главная причина *умственной отсталости* сравнительно съ физическимъ и физіологическимъ ростомъ живыхъ существъ. Умъ слабо эволюціонируетъ. Это естественно, но далеко не раціонально. Очевидно, не все естественное разумно. Ничего иного нельзя было и ожидать отъ естественныхъ законовъ.

Главные дѣятели эволюціи — незамѣтные, мелкіе, не обращающіе на себя вниманія. По выраженію Л. Мечникова, „истинныя творческія и пластическія силы, вносящія глубокія измѣненія въ наружную оболочку земли, это дождевыя капли, ручьи, звонкіе и прозрачные потоки, безпрестанныя измѣненія температуры, словомъ, цѣлый легіонъ агентовъ, своей незамѣтной, но продолжительной дѣятельностью разрушающихъ непокорныя скалы и радикально измѣняющихъ наружную поверхность земли. Такими же незамѣтными агентами являются модрепоровые кораллы, постепенно строящіе рифы, острова, цѣлые могучіе материки. Съ дѣятельностью этихъ невидимыхъ агентовъ обнаруживаетъ замѣчательное сходство интимная незамѣтная дѣятельность предшествовавшихъ намъ историческихъ поколѣній. Ихъ трудомъ созданы историческія формаціи, но сами творцы скрываются отъ нашихъ поисковъ“ [12]).

Все это такъ, все это вѣрно. А стало быть вѣрно и то, что все это созданіе эволюціи—величайшая могила. И не на могилѣ найти человѣку свое человѣчье счастье.

Н. Михайловскій правъ говоря, что законъ борьбы вовсе не ведетъ къ прогрессу. „Мечтательный сантиментализмъ нашихъ отцовъ видѣлъ въ наукахъ пророчицъ грядущаго совершенства или счастья. Въ дѣйствительности наука пророчитъ совсѣмъ иное. Астрономія учитъ насъ бренности отдѣльныхъ міровъ, въ

томъ числѣ и земли, которая задолго до своего собственнаго конца станетъ необитаемою. Палеонтологія развертываетъ предъ нами картину гибели цѣлаго ряда могучихъ и высоко развитыхъ существъ.—Эволюція совершается не въ одномъ какомъ-нибудь направленіи и въ частности не непремѣнно въ направленіи къ совершенству, какъ мы себѣ его представляемъ. Она движетъ формы жизни разными путями, въ разныя стороны и нерѣдко назадъ, въ сторону регресса или даже прекращенія. Мало того, Лапужъ считаетъ возможнымъ установить „законъ быстраго истребленія наиболѣе совершенныхъ“. Исчезнувшія высокія формы жизни отступили не передъ высшими, а побѣждены какими нибудь ничтожными, но сильными своимъ ничтожествомъ врагами,—микробами, паразитами. Такъ и въ человѣческомъ обществѣ. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ борьбѣ одолѣваетъ высшій, лучшій въ какомъ бы то ни было отношеніи. Пошлость и ничтожество могутъ служить залогомъ успѣха, а величіе—причиной пораженій. Это мы и видѣли въ дѣйствительности [13]).

Михайловскій дѣлаетъ и такой пессимистическій выводъ: „какъ погибли древнія цивилизаціи, такъ погибнетъ и современная европейская. Сумма знаній и матеріальная мощь будутъ накопляться, но человѣкъ будетъ терять свою цѣнность и грандіозность мечты утопистовъ разобьется объ ничтожество нашихъ потомковъ“ [14]).

Нравственность въ эволюціонномъ порядкѣ часто требуетъ пьедестала изъ... безнравственности. Какъ это ни странно, но тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно. „Проститутка, говоритъ М. Лекки въ своихъ Evroean morals, будучи высочайшимъ типомъ порока и, въ то же время служитъ наиболѣе вѣрнымъ стражемъ добродѣтели. Безъ нея нетревожимая чистота домашняго очага не имѣла бы покоя. Этой невѣжественной и падшей креатурой насыщаются страсти, которыя иначе наполнили бы міръ позоромъ. Тогда какъ религія и цивилизація рождаются, живутъ и исчезаютъ, она, вѣчная жрица человѣчности, жертвуетъ собою грѣхамъ народа“ [15]).

Но характернѣе всего то, что по самому существу своему эволюціонная дѣятельность природы на дѣлѣ оказалась направленною не ко благу породы, называемой человѣкомъ, но лишь ко благу нѣкоторыхъ счастливцевъ изъ этой породы. По обыкновенному представленію эволюція жестока въ отношеніи къ личности, но ея жестокость предпринимается въ интересахъ рода, вида, породы. Люди даже и въ данномъ случаѣ представляютъ собою печальное исключеніе.

Странна судьба человѣчества. Всѣ *мысли* лучшихъ людей направлены не на общеполезное, но на пользу нѣкоторыхъ, на пользу меньшинства. И меньшинство сильно именно этимъ *геніемъ человѣчества,* поступившимъ къ нему на службу.

Какъ это случилось? Почему геній направленъ на изобрѣтеніе телефоновъ, телеграфовъ, музыки, танцевъ—а не хлѣба? И почему производитель хлѣба признается мужикомъ и его трудъ—мужицкимъ трудомъ? Вѣдь мысль, одухотворившая земледѣльческій трудъ, преобразовала бы вселенную! Какъ же это случилось, что геній добра нашелъ путь къ игрушкамъ и бездѣлушкамъ, а не къ насущному въ жизни человѣчества?

Причиной—законы эволюціи. Эволюціонный—это методъ косвенный, кривой. Природа избѣгаетъ прямыхъ путей. И человѣчество, въ эволюціонномъ періодѣ, строитъ свою жизнь по этому же косвенному пути. Оно вырабатываетъ культуру меньшинства, какъ бы полагая, что оно въ свою очередь создастъ и культуру всѣхъ или большинства. Это путь аристократизаціи въ цѣляхъ цивилизаціи. Путь, нашедшій и теоритическихъ сторонниковъ, на примѣръ, въ Ренанѣ, Ницшѣ и др.

Въ концѣ концовъ, законъ эволюціи перестаетъ быть закономъ человѣчества. Онъ стремится на кровавомъ пьедесталѣ массъ выработать породу аристократовъ, породу удачниковъ, сильныхъ, могучихъ и знающихъ. Идеалъ эволюціи не человѣкъ, а сверхчеловѣкъ. Изъ труповъ живыхъ существъ, чувствовавшихъ боль и муки, эволюція образовала цѣлые материки. Достигнувъ этого, она идетъ дальше и на счетъ человѣческой крови стремится образовать сверхчеловѣка. Человѣку не много въ этомъ счастья, какъ мало счастья испытываетъ рабъ, тѣло котораго пожирается важнымъ людоѣдомъ. Не думаю, чтобы много было удовольствія вмѣстѣ съ В. Гюго, чувствовать себя головастикомъ архангела. Утѣшеніе развѣ въ томъ, что отъ головастика до человѣка, вѣроятно, не меньшее разстояніе, чѣмъ отъ человѣка до архангела. Во всякомъ случаѣ матаморфоза уже предсказывается. И всѣ эти предсказанія были бы основательны, если бы представители эволюціонизма не оставили въ дальнѣйшемъ развитіи своей системы механическихъ измѣненій того порвоначальнаго фактора, который положенъ ими же въ основаніе ея. Устранивъ отъ глазъ изслѣдователей туманъ мистики и метафизики, дѣйствительно закрывавшій предъ нами жизнь, давъ мѣсто простому здравому смыслу тамъ, гдѣ царствовали иллюзіи и мечты, ученые эволюціонисты въ увлеченіи открытымъ ими міромъ забыли здравый смыслъ и создали новую эволюціонную догматику, которая все-таки остается догматикой, хотя бы и съ новымъ прилагательнымъ. И эволюціонный догматизмъ естественно долженъ былъ сдѣлать свойственное каждому догматизму: закрыть глаза на дѣйствительность, не подходящую или мало подходящую къ установленнымъ догматамъ. А закрывая глаза, ученые потребовали вѣры, но не въ чудесное, а въ... ариѳметику, въ то, гдѣ долженъ бы хозяйничать простѣйшій здравый смыслъ.

Понятно, здравый смыслъ исчезъ, разъ признанъ былъ абсолютнымъ законъ... отсутствіе абсолютнаго.

II.

Ч. Дарвинъ естественный подборъ превратилъ въ священный и единственный догматъ эволюціонизна весьма рано. Несомнѣнно еще въ 1859 г., какъ видимъ изъ упомянутаго письма къ Ляйелю, онъ всѣ измѣненія, весь эволюціонизмъ относилъ къ естественному подбору, но уже при изданіи книги о „Происхожденіи видовъ“, вышедшей въ томъ же 1859 г., онъ уже осторожно выражается противъ собственнаго фанатизма: „естественный подборъ, пишетъ онъ, главное, но *не исключительное* орудіе видоизмѣненій“. Основной догматъ подрывается, какъ видимъ, самимъ апостоломъ новаго ученія. Какъ истинный ученый, Ч. Дарвинъ продолжалъ изучать факты и подъ вліяніемъ очевидности все болѣе и болѣе отказывался отъ своего отождествленія эволюціи съ естественнымъ подборомъ. Въ особенности его вѣру въ подборъ подорвали наблюденія надъ искусственнымъ подборомъ заводчиковъ, садоводовъ и т. п. И онъ уже въ 1862 г. писалъ къ Ляйелю, что работы, предпринятыя имъ, приводятъ *„къ признанію прямого дѣйствія физическихъ условій“*. При этомъ самъ онъ сознается, что признаніе физическихъ факторовъ подрываетъ авторитетъ естественнаго подбора и это ему больно. Въ 1878 г. онъ полностью признаетъ теорію Вагнера объ эволюціонномъ значеніи среды. А затѣмъ приходитъ къ убѣжденію, что правы Бюффонъ и Ламаркъ, признававшіе въ числѣ эволюціонныхъ факторовъ среду и наслѣдственную передачу особенностей, вырабатываемыхъ употребленіемъ или неупотребленіемъ опредѣленныхъ органовъ [16]).

Эти дополненія и измѣненія, въ корнѣ подрывающія исключительное значеніе естественнаго подбора, свидѣтельствуя о научной добросовѣстности Ч. Дарвина, имѣютъ несомнѣнно громадное значеніе для эволюціонизма, въ особенности съ практической точки зрѣнія. Если рядомъ съ естественнымъ подборомъ такимъ же факторомъ эволюціи является физическая среда, то эволюція можетъ быть подчинена волѣ человѣка, получается возможность направлять ее, согласно интересамъ человѣка и человѣчности. Но если физическія условія вліяютъ на организмъ, то и соціальныя условія въ свою очередь должны быть признаны не менѣе могущественнымъ факторомъ эволюціи. Ч. Дарвинъ, сосредоточивъ главное вниманіе на мірѣ растеній и животныхъ, понятно, не останавливался на этой серьезнѣйшей проблемѣ именно человѣческой эволюціи. И въ этомъ заключается главный недостатокъ эволюціонной теоріи въ томъ видѣ, въ какомъ она была выработана Ч. Дарвинымъ и его лучшими послѣдователями. Ставъ на высотѣ,

откуда виднѣется зоологическій процессъ выработки протоплазмы въ головастика и головастика въ архангела, Ч. Дарвинъ оставилъ въ сторонѣ чисто человѣческую точку зрѣнія. И такимъ образомъ эволюціонизмъ аннулировалъ человѣка, превратившись въ главу изъ учебника зоологіи. А въ дѣйствительности „Слово эгоизмъ, какъ слово любовь, слишкомъ общи: можетъ быть гнусная любовь, можетъ быть высокій эгоизмъ, и обратно. Эгоизмъ развитого, мыслящаго человѣка благороденъ, онъ то и есть его любовь къ наукѣ, къ искусству, къ ближнему, къ широкой жизни, къ неприкосновенности и проч.; любовь ограниченнаго дикаря, даже любовь Отелло высшій эгоизмъ. Вырвать у человѣка изъ груди его эгоизмъ значитъ вырвать живое начало его, закваску, соль его личности; къ счастью это невозможно“ [17]).

Невозможно въ жизни, но, какъ видимъ, вполнѣ возможно въ теоріи, хотя для теоретика мыслима и иная картина эволюціи. Такъ Бертело въ Парижѣ на банкетѣ химическихъ фабрикантовъ въ 1894 г. произнесъ рѣчь о химіи будущаго. Въ 2000 г., говоритъ онъ, не будетъ сельскаго хозяйства, химія сдѣлаетъ его излишнимъ. Не будетъ угольныхъ шахтъ, будетъ использована солнечная теплота и тотъ запасъ тепловой энергіи, который скрытъ въ раскаленномъ ядрѣ земного шара“. Вопросъ о средствахъ существованія—чисто химическаго характера; въ тотъ день, когда найдутъ дешевый источникъ энергіи, люди сумѣютъ приготовить всякаго рода пищу, добывая углеродъ изъ углекислоты, водородъ и кислородъ изъ воды, азотъ изъ окружающей атмосферы. То, что до сихъ поръ вырабатывали растенія, будетъ впредь дѣлать промышленность и пожалуй еще совершеннѣе, чѣмъ природа. Земля превратится въ одинъ сплошной садъ, въ которомъ будутъ свободно произрастать трава, цвѣты, кустарники и лѣса, и въ этомъ саду человѣческій родъ будетъ жить въ изобиліи, какъ это было, по преданію, во время золотого вѣка.

Это ученыя мечты, но осуществленіе ихъ не такъ далеко, какъ принято думать. Дѣло въ томъ, что тѣ факторы эволюціи, которые игнорировались создателями эволюціонизма, дѣйствуютъ быстрѣе и прочнѣе естественнаго отбора, вмѣстѣ съ тѣмъ пользуясь послѣднимъ для своихъ цѣлей. И очень часто игнорированіе этихъ могущественныхъ факторовъ эволюціи приводитъ къ серьезнымъ заблужденіямъ.

Таковъ, наприм., вопросъ о культурномъ значеніи расъ [18]).

Несомнѣнно расы образовались подъ дѣйствіемъ естественнаго отбора. Но можно ли сказать, что расовыя особенности неизмѣняемы?

Прежде всего очевидно, что въ данномъ случаѣ дарвиновскій эволюціонизмъ попадаетъ въ положеніе критянина-лгуна. Если расы вырабатываются естественнымъ подборомъ, то онѣ

представляютъ собою вродѣ каменныхъ глыбъ, способныхъ усложняться и механически увеличиваться, не подвергаясь измѣненію по существу, т. е. эволюція приводитъ къ отрицанію эволюціи. Съ другой стороны признаніе расъ окаменѣлостями, произведенными такой страшной силой, какъ эволюція, мы должны признать различіе между народами и классами въ смыслѣ древнихъ кастъ и средневѣковыхъ сословій, должны признать часть людей годными лишь для рабства, а другую часть ихъ природными господами. А это опять таки было бы положеніемъ не хуже положенія критянина-лгуна. Принципъ расы, какъ и принципъ кастъ и сословій, есть отрицаніе эволюціи, какъ естественнаго подбора, ибо члены расы, касты и сословій стояли внѣ свободнаго естественнаго подбора, представляютъ собою ограниченіе поля его дѣятельности.

Но такое одностороннее представленіе о сущности эволюціонизма было въ высшей степени зловредной практической доктриной. Дѣленіе народовъ на аристократовъ и плебеевъ, естественно принимаемое логически послѣдовательными сторонниками дарвиновскаго эволюціонизма, въ сущности есть возвратъ къ варварству древнихъ народовъ, изъ коихъ каждый признавалъ себя избраннымъ народомъ, не признавая человѣческаго достоинства за другими.

Въ особенности нелѣпо объясненіе разности экономическаго быта европейцевъ расовыми особенностями.

Н. Чернышевскій возражаетъ противъ сторонниковъ этого ученія. „Испанцы, французы, нѣмцы, англичане и славяне такъ мало различаются между собою по органическому устройству, что разсудительный наблюдатель долженъ сознаться: на физическихъ особенностяхъ европейскихъ народовъ вовсе не можетъ опираться то чрезвычайное разнообразіе быта и привычекъ, которымъ полагается столь громадная разница и въ настоящемъ благосостояніи и въ надеждахъ на будущее у англичанина и славянина, у француза и испанца“ [19]).

Н. Чернышевскій справедливо замѣчаетъ, что почти всѣ европейскіе народы принадлежатъ къ одной и той же расѣ. Стало быть о расовыхъ различіяхъ не можетъ быть и рѣчи при объясненіи культурныхъ различій. И физическихъ различій между ними вообще говоря мало. „Говорятъ о различіи въ объемѣ мозга и упругости его фибръ. Тутъ разница между европейскими народностями ограничивается сотыми и тысячными дробями единицы, и несравненно значительнѣйшая разность находится между сословіями одного и того же народа. И знаете ли, какъ просто объясняетъ физіологія всѣ эти различія? У простого народа лобъ менѣе высокъ, челюсти болѣе развиты, нежели у высшихъ сословій. Отчего это? Человѣкъ высшаго сословія ѣстъ ку-

шанья питательныя, хорошо приготовленныя, его зубы во время обѣда трудятся весьма мало; неужели вашъ хлѣбъ черствъ, или вашъ бифштексъ похожъ на подошву, неужели ваша редиска похожа на деревянную рѣдьку? Ваша пища такъ легко пережевывается, что ваши сосѣди за обѣдомъ не замѣчаютъ даже, есть ли у васъ зубы вставные. Не такова пища простолюдина. Она груба и жестка, она мало питательна, потому и пережевывать ее гораздо труднѣе, и количество ея гораздо значительнѣе. Не гордитесь же тѣмъ, что вашъ лицевой уголъ больше, что скулы у васъ менѣе выдались—это зависитъ просто отъ того, что пережевывать вамъ приходится гораздо меньшее количество гораздо менѣе грубыхъ съѣстныхъ матеріаловъ. Болонка вашей супруги также имѣетъ болѣе крутой лобъ и гораздо менѣе развитыя челюсти, нежели дворняшки“ [20]).

Признавая, что племенные особенности европейскихъ народовъ не могутъ служить основаніемъ различія въ ихъ бытѣ и привычкахъ, что эти особенности слишкомъ ничтожны для произведенія такового великого разнообразія и признавая тождество общаго типа ихъ, Н. Чернышевскій видитъ „совершенно достаточную причину въ различіи исторической судьбы различныхъ народовъ Европы“ [21]).

„Историческая судьба“, т. е. соціальныя условія жизни являются могучимъ факторомъ эволюціи, въ особенности если вспомнимъ, что не только на плечахъ каждаго живущаго, но и въ крови его заключается его родная исторія. Каждый носитъ въ своей крови исторію націи, къ которой онъ принадлежитъ. Если капля, падающая за каплей, пробиваетъ камни, превращаетъ ихъ въ мелкій песокъ, то милліарды милліардовъ такихъ каплей, текущихъ въ теченіи тысячелѣтій въ крови индивидуумовъ, не могутъ не образовать могучихъ рѣкъ, могучихъ національныхъ организмовъ, въ которыхъ личность человѣка теряетъ свою индивидуальность, дѣйствительно становясь лишь частью цѣлаго.

Мы уже говорили о массовой душѣ, лишь тѣнью которой является личность. Какъ тѣнь личность слѣдуетъ за своимъ создателемъ, не отступая ни на шагъ отъ него. Тутъ дѣйствуетъ своего рода соціальный гипнозъ, превращающій личность въ автоматъ.

Вліяніе его страшно тѣмъ, что оно начинается съ молокомъ матери, а часто и зачатія, т. е. отъ наслѣдственной крови, затѣмъ систематически охватываетъ всю жизнь человѣка ежечасно и ежеминутно. Поэтому то въ обыкновенномъ индивидуальномъ гипнотизированіи можно встрѣтить субъектовъ, не подчиняющихся внушеніямъ даже сильныхъ гипнотизеровъ, а вліянію соціальнаго гипноза подчинены всѣ и каждый. Человѣкъ становится автоматомъ, собственной воли не имѣетъ. Онъ простой механическій инструментъ, ничего своего не имѣющій.

Средній человѣкъ даннаго класса, по Кетле, есть центръ, къ которому естественно тяготѣютъ мысли, чувства и желанія отдѣльныхъ лицъ. Возьмемъ наприм. понятіе о красотѣ. Оказывается, что оно ничего общаго не имѣетъ съ индивидуальностью. Руки значительно превосходящія среднюю длину руки даннаго класса кажутся безобразнымъ уродствомъ. Руки черезчуръ короткія сравнительно съ этой средней, представляются намъ также уродливыми. Наиболѣе красивою кажется рука, наиболѣе приближающаяся къ среднему типу руки класса или средѣ, къ которой принадлежитъ человѣкъ. Уродство—это отклоненіе отъ средней величины въ ту или другую сторону. Великанъ также кажется намъ не нормальнымъ, какъ и карликъ. Наши понятія о красотѣ вообще не наши индивидуальныя понятія, а понятія среды, къ которой мы принадлежимъ. Среда предписываетъ намъ наши понятія, наши чувства, наши желанія. И мы повинуемся этимъ приказаніямъ не за страхъ, но исключительно за совѣсть. Мы повинуемся имъ, не чувствуя всей силы деспотизма, подъ игомъ котораго живемъ и дѣйствуемъ. Мы всею жизнью своею готовы жертвовать, исполняя каждую букву предписаній деспотіи.

Понятно, при таковомъ состояніи „естественный подборъ“, олицетворяемый личностью, перестаетъ существовать, какъ самостоятельный факторъ эволюціи и сама личность перестаетъ лично эволюціонировать, какъ лично перестаетъ эволюціонировать капля воды въ рѣкѣ, подчиняясь эволюціи цѣлаго, называемаго рѣкой, озеромъ, моремъ, океаномъ. Вмѣсто личной или индивидуальной эволюціи получается *соціальная эволюція*.

Существованіе ея иллюстрируется на каждомъ шагу исторіей. Разъ достигнутая ступень соціальной эволюціи встрѣчаетъ враждебно всѣ стремленія къ измѣненіямъ. Виды и роды стремятся къ самосохраненію. Новшества отсѣкаются или приспособляются къ старому. Не даромъ, по словамъ Токвиля, „каждый разъ, когда французы желали уничтожить абсолютную власть, они ограничивались тѣмъ, что ставили голову Свободы на тѣло раба“ [22]). Свобода у нихъ была чѣмъ то теоретическимъ, а на дѣлѣ республиканская администрація ничѣмъ не уступала императорской и королевской.

Имперія была повтореніемъ королевства, а республика и теперь напоминаетъ старую Имперію. Коллективный организмъ эволюціонируетъ безконечно труднѣе, чѣмъ индивидуальный именно потому, что онъ сложный организмъ. *Смерть* является главнымъ двигателемъ индивидуальной эволюціи: все слабое вымираетъ, болѣе сильное переживаетъ. Но смерть лишь въ слабой мѣрѣ примѣнима къ коллективнымъ организмамъ. Понятно, почему націи оказываются такъ жизненны и такъ консервативны. Нація можетъ остаться безъ земли, безъ собственной власти, но

остается жива и дѣятельна. И такъ какъ отдѣльная личность можетъ эволюціонировать не иначе, какъ въ связи со своимъ цѣлымъ, то, понятно, личная эволюція, превращаясь въ соціальную, становится менѣе внезапною, менѣе легкою. Такъ большія рѣки текутъ медленнѣе горныхъ потоковъ.

Только тамъ, гдѣ къ непосредственному вліянію готовой среды, примѣшивается искусственный подборъ, видимъ исключеніе изъ этой медленности и постепенности.

Быстрое и, можно сказать, безпримѣрное развитіе американской предпріимчивости произошло подъ вліяніемъ искусственнаго подбора ея населенія. Уже первые переселенцы изъ Англіи представляли собою элементъ стойкій, способный бросить родину изъ за религіозныхъ убѣжденій. Затѣмъ ежегодно страна наполнялась такими же выдающимися элементами. Не всякій способенъ бросить родное мѣсто, перемѣнить отечество и переселиться на жительство въ страну съ невѣдомымъ языкомъ. Только наиболѣе сильные рѣшаются на это. Америка концентрировала у себя энергію Европы и другихъ частей земного шара. И результаты этой концентраціи силы на лицо, предъ всѣмъ міромъ. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть этого. А между тѣмъ жители старыхъ культурныхъ странъ удивляются... результатамъ своей же дѣятельности. Это они не удержали у себя или даже прямо изгнали отъ себя все наиболѣе энергичное и затѣмъ удивляются, что „американецъ“ живетъ, между тѣмъ какъ старыя культурныя страны... кормятся своими же изгнанниками и выходцами. Соединенные Штаты—это концентрація лучшей энергіи человѣка со всего земного шара. И удивленія достойны не результаты концентраціи силъ, не предпріимчивость и энергія въ трудѣ, полученная въ результатѣ искусственнаго подбора наиболѣе предпріимчивыхъ и энергическхъ людей. Заслуживаетъ удивленія и изученія то обстоятельство, что концентрированная такимъ образомъ сила имѣетъ способность въ короткое время претворять въ себя и слабые элементы, теперь все чаще попадающіе въ Америку. „Американская душа“ націи является той таинственной жизненной водой сказокъ, которая оживляетъ мертвыхъ. Ибо мертвецы въ сферѣ народнаго труда, попавшіе въ трудовую сферу Соед. Штатовъ, превращаются въ короткое время въ живыхъ и дѣятельныхъ людей, высылающихъ на старую родину громадные капиталы для поддержанія оставшихся тамъ родственниковъ, не могущихъ разстаться съ родными могилами.

Неоходимо сказать, что если смерть, этотъ ближайшій и непосредственный союзникъ естественнаго подбора дѣйствительно даетъ страшную силу индивидуальной эволюціи, то смерть народовъ, наоборотъ, не только не имѣетъ значенія роста эволюціи, а служитъ серьезнымъ отрицаніемъ ея въ ея догматической формѣ.

Теорія естественнаго отбора, наслѣдственности и приспособленія рѣшительно опровергается разрушеніемъ всѣхъ древнихъ цивилизацій и окаменѣніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя сохранились до сихъ поръ. Правъ Г. Джоржъ, краснорѣчиво выражающійся по этому поводу: „Земля—могила мертвыхъ имперій не менѣе чѣмъ мертвыхъ людей. Вмѣсто того, чтобы прогрессъ подготовлялъ людей для большаго прогресса, каждая цивилизація, которая была въ свое время такой же сильной и передовой, какъ наша теперь, сама по себѣ остановилась. Снова и снова искусство падало, ученость понижалась, сила ослабѣвала, народонаселеніе становилось рѣдкимъ, отъ тѣхъ поръ, когда народъ, построившій величественные храмы и могущественные города, поворачивалъ рѣки, и прорубалъ горы, обрабатывалъ землю, какъ садъ и вносилъ величайшую утонченность въ мелочи жизни,— уцѣлѣла только горсть грязныхъ варваровъ, которые даже утратили воспоминаніе о томъ, что сдѣлали ихъ предки и смотрѣли на уцѣлѣвшіе обломки ихъ величія, какъ на работу духовъ могучаго допотопнаго племени. Это такъ справедливо, что когда мы думаемъ о прошедшемъ, оно кажется намъ неумолимымъ закономъ, котораго мы также мало можемъ надѣяться избѣгнуть, какъ молодой человѣкъ, который чувствуетъ жизнь во всѣхъ органахъ, можетъ надѣяться избѣгнуть разложенія, являющагося общимъ закономъ для всѣхъ“ [23]).

Естественный подборъ несомнѣнно дѣйствовалъ въ средѣ народовъ давно похороненныхъ. Но—онъ оказался недостаточнымъ для поддержанія даже ихъ жизни и не далъ побѣды въ борьбѣ съ варварами. У послѣднихъ, еще не испытавшихъ всей силы естественнаго подбора, оказалось нѣчто еще болѣе существенное, что и дало имъ перевѣсъ въ борьбѣ.

Это нѣчто болѣе существенное и болѣе жизненное, не замѣченное Ч. Дарвиномъ, есть также борьба, но не за личное существованіе, а за существованіе другихъ. И эта борьба эволюціонируетъ, подобно борьбѣ за личное существованіе. Мало того. Эволюція борьбы за существованіе другихъ даже раньше началась и на цѣлыя тысячелѣтія предшествовала борьбѣ за личное существованіе. Вѣдь въ доисторическое время и въ первыя историческія эпохи личнаго существованія совсѣмъ не было. Было общее племенное, было общее родовое существованіе. Была борьба стадъ, племенъ, родовъ. Внутри каждаго изъ этихъ союзовъ основнымъ закономъ была кровная связь, полное единство, общая жизнь. Тогда-то и выработались тѣ высокія чувства любви, по которымъ личность не отдѣлялась отъ общества и общество было связано непобѣдимымъ цементомъ взаимной защиты, взаимной помощи, взаимнаго единенія. Мы уже имѣли случай замѣтить, что именно эта взаимность, по закону единенія сходствъ, была

первичнымъ закономъ человѣческой эволюціи. Только соединившись въ родственные союзы, человѣкъ не погибъ въ борьбѣ съ природой, съ животнымъ міромъ и съ другими людьми. Все что дѣйствовало въ одиночку, погибло, не оставивъ никакихъ слѣдовъ о своемъ существованіи [24]).

По мнѣнію В. Соловьева, нельзя дѣлать выводовъ изъ генетической связи явленій. „Ни одинъ дарвинистъ изъ принимаемаго имъ происхожденія человѣка отъ животныхъ не выводилъ того заключенія, что человѣкъ долженъ быть скотиной". (Собраніе сочиненій т. VII, стр. 534). Къ сожалѣнію, самъ Дарвинъ близокъ былъ къ заключенію, что человѣкъ именно поэтому есть животное, подчиненное лишь борьбѣ за личное существованіе.

А между тѣмъ на основаніи его же законовъ эволюціи легко было замѣтить и нѣчто совсѣмъ иное въ дѣятельности эволюціи.

Признается общимъ закономъ, что каждое высшее существо, происходящее по законамъ эволюціи отъ низшихъ, въ своемъ развитіи переживаетъ стадіи жизни своихъ предковъ. И этотъ законъ въ такой степени признается общимъ и несомнѣннымъ, что по стадіямъ переживанія съ полною достовѣрностью заключаютъ о предшествовавшихъ стадіяхъ жизни.

Но если признать это, то приходится сдѣлать заключеніе, идущее въ разрѣзъ съ самими законами эволюціи простѣйшей протоплазмы въ растеніе и животное.

Ближайшее наблюденіе надъ жизнью дѣтей не только среди людей, но и среди животныхъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что вообще дѣти отличаются миролюбіемъ, жизнерадостностью, симпатіей и сочувствіемъ къ другимъ. Даже дѣти свирѣпыхъ хищниковъ, каковы волки, львы, тигры, и т. д. не имѣютъ страшныхъ инстинктовъ ихъ родителей. Даже маленькая змѣя не жалитъ и самый ядъ образуется въ ея жалѣ только послѣ извѣстнаго возраста. О нашихъ дѣтяхъ и говорить нечего. Дѣтскій возрастъ именно характеризуется полнѣйшею незлобивостью, чуткостью къ чужому горю, любовью ко всѣмъ.

Это переживаніе всѣми дѣтьми какого-то первобытнаго состоянія, когда въ животномъ мірѣ еще не было ни эгоизма, ни альтрюизма, когда какой-то иной факторъ управлялъ дѣйствіями всѣхъ живыхъ существъ. Это біологическій документъ, свидѣтельствующій о томъ, что есть какая-то не понятная намъ правда въ легендахъ о золотомъ вѣкѣ, о раѣ, о райскомъ состояніи людей и животныхъ.

Даже самыя злыя и хищныя породы далеко не представляютъ въ этомъ случаѣ исключенія. Нѣтъ такого дикаго звѣря, который не былъ бы въ молодости ручнымъ и добродушнымъ и который не былъ бы способенъ къ культурѣ уживчивости и доброжелательства [25]).

Культивирующей силой и естественно эволюціонирующей его въ направленіи общественности и доброжелательства является уравненіе интересовъ сперва естественное, а потомъ искусственное.

Однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ на этомъ пути является равновѣсіе борющихся силъ, заставляющее враговъ заключать перемиріе, поддерживать миръ и согласіе, избѣгать войны. Первая шайка для разбоя заключала въ себѣ и средства противъ разбоя. Шайка могла состояться только тогда, когда члены ея условились уважать неприкосновенность другъ друга, т. е. признали относительно другъ друга принципы безопасности личности. Первая коммуна, первый родъ, первая семья заключали въ себѣ дальнѣйшее развитіе того же принципа, ибо никакое общеніе не мыслимо, когда люди не обезпечиваютъ другъ другу хотя бы физическую жизнь. Изъ зерна выростаетъ растеніе и изъ перваго сѣмени общенія выростаютъ союзы, несущіе съ собою идеи мира, идеи примиренія борющихся, идеи очеловѣченія людей. Наполненъ человѣческою кровью этотъ путь. Сурова природа наша, нѣтъ у нея сердца. Не знаетъ она личности, не знаетъ пощады. Но все таки въ ея безпощадности и безсердечіи вырабатывается любовь и состраданіе.

Иллюстрируемъ нашу мысль на таліонѣ. Право возмездія: око за око, зубъ за зубъ представляетъ собою нѣчто страшное, съ нашей точки зрѣнія. Оно существовало почти у всѣхъ народовъ, принимая самыя разнообразныя формы; отрѣзывали ноги у раба, пытавшагося бѣжать; вливали раскаленное олово въ уши раба, слушавшаго священныя книги и т. д. Въ законахъ Канута за первую кражу—выкупъ, за вторую—отсѣченіе руки или ноги, за третью—носъ, губы, и уши и т. д. „лишь бы остался живымъ“.

Но всѣ эти мерзости въ дѣйствительности являются лишь смягченіемъ еще большаго звѣрства, когда человѣка убивали за всякую провинность. Желая смягчить звѣрства, общество умѣряетъ ихъ установленіемъ равной кары съ преступленіемъ, за тѣмъ переходитъ къ ограниченію мести лишь извѣстными степенями родства, потомъ прекращаетъ частную месть и беретъ на себя полицію безопасности и организуетъ публичную месть, въ какомъ видѣ въ теченіи вѣковъ является человѣческое правосудіе. Изрѣдка и въ дѣятельности общества возникаетъ уголовный атавизмъ, но въ общемъ струя гуманности увеличивается и одухотворяетъ самые темные уголки жизни. Государство изъ вотчиннаго становится полицейскимъ и изъ полицейскаго правовымъ, наконецъ изъ послѣдняго на нашихъ глазахъ превращается въ народно-экономическій организмъ, проводящій въ жизни начало солидарности на фундаментѣ свободы и индивидуальности.

Та классовая борьба, которою проникнутъ теперь весь строй европейской жизни, была бы звѣрскою войною всѣхъ и каждаго, если бы народно-экономическія мѣры современныхъ государствъ неумѣряли ее и не приходили на помощь къ наиболѣе нуждающимся въ ней во имя человѣчности. Само государство эволюціонируетъ въ томъ же направленіи.

По словамъ Оріу „хотя государство и имѣетъ въ виду преимущественно изолированныхъ индивидовъ и хотя его миссія заключается въ обезпеченіи имъ равенства и свободы, тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія человѣческой группы, и оно имѣетъ нѣкоторыя изъ обязанностей, которыя *влечетъ за собой солидарность.* И дѣйствительно, между людьми, которые являются членами государства, несомнѣнно существуетъ солидарность, но она отличается отъ солидарности семейной, корпоративной и религіозной; она рождается не изъ кровныхъ узъ, не отъ раздѣленія труда, не отъ участія всѣхъ людей въ служеніи одному и тому же Богу, *она рождается изъ раціональной ассоціаціи,* устанавливающей государство; люди революціи называли ее братствомъ, и она порождаетъ организацію публичнаго призрѣнія бѣдныхъ“ [26]).

Но государство при эволюціяхъ изъ вотчиннаго въ публично-правовой и за тѣмъ въ народно-экономическій организмъ мало-по-малу вводитъ въ свою сферу союзы, какъ свои составныя части, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ и общія ихъ тенденціи. Союзы: семейный, родственный, артельный, благотворительный, земскій, городской и т. д. не только правовые и экономическіе, но также и моральные институты. И государство, включая ихъ въ свою кровь, воспринимаетъ также моральный характеръ, основная черта котораго—братство или солидарность.

Вотъ почему вполнѣ правъ В. А. Гагенъ, къ выше приведеннымъ заключеніямъ Оріу прибавляющій такой краткій очеркъ эволюціоннаго храктера: „На смѣну теоріи индивидуализма явилась теорія солидарности, вмѣсто холоднаго, бездушнаго отношенія государства къ своимъ погибающимъ гражданамъ возникло иное отношеніе, проникнутое сознаніемъ необходимости оказанія имъ помощи; дѣлаются энергичныя попытки превратить прежнее механическое скопленіе людей, работающихъ въ одной и той же мастерской экономическихъ благъ, въ одухотворенную высшими началами справедливости ассоціацію людей, готовыхъ подать другъ другу руки для совмѣстной культурной работы во имя общечеловѣческихъ идеаловъ. Обязательное призрѣніе бѣдныхъ признается теоріей солидарности, какъ одинъ изъ способовъ сближенія имущихъ и неимущихъ классовъ, извѣстнымъ коррективомъ несправедливостей существущаго экономическаго и государственнаго строя. При современныхъ условіяхъ, право бѣднаго на призрѣніе является тѣмъ же, чѣмъ въ будущемъ

государствѣ явится для всякаго гражданина „право на существованіе“ [27]).

Совершенно основательно В. Гагенъ раздѣляетъ всю массу бѣдныхъ на 3 категоріи: 1) нетрудоспособныхъ, наприм., по физическимъ недостаткамъ, 2) безработныхъ и 3) безхозяйственныхъ, какъ лицъ, не имѣющихъ вообще хозяйства. Обыкновенно призрѣніе относится лишь къ первой категоріи, но съ моральной эволюціей государства оно обнимаетъ остальныя категоріи. Попытки этого уже имѣются и въ нынѣшней стадіи государственнаго роста.

Обыкновенно съ моральной эволюціей благотворительныя функціи постепенно расширяются. Начинаясь въ родственныхъ союзахъ, переходятъ въ общины и приходы, за тѣмъ союзы общинъ, въ земскія и городскія самоуправленія, подъ контролемъ и при нормированіи и содѣйствіи со стороны государства. Иногда же начинается дѣло въ обратномъ порядкѣ. Государство само организуетъ мѣстные союзы въ извѣстномъ порядкѣ постепенности, разсчитывая на морализированіе самаго населенія путемъ самодѣятельности въ такихъ союзахъ. И, кажется, безусловно правъ Спенсеръ, относясь отрицательно къ чисто казенной благотворительности. Государство не имѣетъ права атрофировать своей казенщиной этой лучшей стороны въ человѣчествѣ. Оно обязано лишь возвышать, вызывать самодѣятельность, приходя непосредственно на помощь въ случаяхъ, превышающихъ силы индивидуумовъ и ихъ самодѣятельныхъ союзовъ. Горе въ странѣ, въ которой даже моральная самодѣятельность задушена казенной монополіей добрыхъ дѣлъ. Задушить эту благородную самодѣятельность въ существѣ дѣла значитъ задушить самую жизнь, повѣсить человѣка. Такая страна—страна труповъ, висѣльниковъ, а не живыхъ и достойныхъ званія человѣка гражданъ. Тутъ-то выступаетъ со своей страшной силой и законъ естественнаго отбора. Государства, не создавшія условій эволюціи личности въ гражданина, погибаютъ въ международной борьбѣ съ болѣе сильными государствами, въ которыхъ личность возвысилась до состоянія гражданства, т. е. самостоятельности и человѣческаго достоинства. Глубоко этическое и въ то же время вполнѣ соціальное чувство гражданственности входитъ постепенно въ плоть и кровь населенія и чисто эволюціоннымъ путемъ на мѣстѣ звѣря водворяется человѣкъ, на мѣстѣ борьбы за существованіе солидарность для существованія, на мѣстѣ людоѣдства здоровая и разумная человѣчность.

Интересно, что именно экономисты, давшіе Ч. Дарвину идею борьбы, также рано выяснили и способности человѣка эволюціонировать въ направленіи блага.

Законъ приспособленія былъ уже извѣстенъ аббату Галіа-

ни. Человѣкъ, говоритъ онъ, „принимаетъ всѣ складки, всѣ формы, какія угодно, не разрушаясь; посредствомъ привычки придаютъ его силамъ, его натурѣ, его первичному существу такія видоизмѣненія, которыя по первому впечатлѣнію кажутся не возможными. И что еще болѣе странно, такъ это то, что какъ только привычка усвоена, онъ находитъ, что она совершенно естественна, что существовала во всѣ времена и что иначе быть не можетъ, что это его физическое состояніе. Онъ какъ рыба въ водѣ въ томъ положеніи, въ которомъ его выдержали въ теченіи многихъ вѣковъ“ [28]).

Измѣненіемъ учрежденій можно измѣнить самую душу человѣка. Долго спорили, что появилось раньше: яйцо или курица. Долго спорили, учрежденія ли создаютъ человѣка, или наоборотъ. Споръ теперь не нуженъ. Интеллигентный классъ уже есть. Онъ и могъ бы создать тѣ учрежденія, которыя подняли бы рабочій людъ до человѣческаго уровня. Не даромъ говорятъ, что это долгъ интеллигенціи. Это долгъ не долгъ, а необходимость и стратегическій пріемъ. Если загадка сфинкса не будетъ разгадана, интеллигенція будетъ пожрана звѣремъ и самимъ звѣрскимъ образомъ.

Медленность эволюціи добра сравнительно съ эволюціей эгоизма и борьба объясняется... эволюціей же. Въ силу законовъ эволюціи наша культура зависитъ отъ прошлаго, будущее опредѣляется прошедшимъ.

Это истина и злая истина. Это все равно, какъ если бы глаза у человѣка были въ затылкѣ и онъ съ такими глазами долженъ бы двигаться впередъ! За каждымъ шагомъ впередъ онъ долженъ былъ бы оборачиваться и за тѣмъ глядя вспять идти слѣпымъ впередъ.

А между тѣмъ такъ оно и есть по законамъ эволюціи. И понятно, почему каждый шагъ эволюціи такъ медленъ, такъ труденъ, такъ безуменъ и безсердеченъ. Вѣдь это шествіе слѣпыхъ. А толпа слѣпыхъ въ своемъ движеніи безжалостно топчетъ и давитъ. Слѣпое шествіе инымъ и не можетъ быть, именно потому, что оно слѣпое. Говорятъ, что прошлое, т. е. кровь предковъ постепенно претворяется въ культурную, исчезаетъ. „По вычисленію Чейсона, считая по три поколѣнія въ одномъ вѣкѣ и не принимая въ разсчетъ единокровныхъ союзовъ, каждый изъ насъ имѣлъ бы двадцать милліоновъ предковъ, жившихъ въ тысячномъ году и болѣе 18 милліоновъ билліоновъ, если спуститься къ началу христіанской эры“ [29]).

Пройдя чрезъ такую среду, чрезъ такой океанъ крови, кровь предковъ должна совсѣмъ претвориться. Но каждая клѣточка имѣетъ способность къ самовоспроизводству. Каждая клѣточка производитъ лишь подобную себѣ клѣточку. Благодаря

этому кровь предковъ такъ жива, такъ сильна, такъ реальна и теперь. Она не призракъ, она сама дѣйствительность. И тѣмъ больше обязано человѣчество законамъ эволюціи, побѣждающимъ вѣковѣчныя силы.

Прошлое даже лучшихъ европейскихъ народовъ на столько кроваво и жестоко, что не только отгоняетъ всякую мысль о совершенствованіи, но порождаетъ идею неизбѣжной казни. У насъ В. Заболотный доказываетъ не только необходимость, но и справедливость разрушенія европ. культуры. „Идея справедливости— верховное руководящее начало мірового процесса—требуетъ, въ силу своего смысла, истребленія европейцевъ. Допускать противное—значитъ допускать, будто народы, исторія которыхъ началась разрушеніемъ римской имперіи, развилась и развивается уничтоженіемъ и истребленіемъ аборигеновъ богатѣйшихъ странъ свѣта, всецѣло ознаменовалась разрушеніемъ Рима, Мексики, Перу, и отчасти Индіи, Египта, Греціи, что эти народы, по какой то непонятной, ничѣмъ не объяснимой милости судьбы, совершивши богатую тризну на могилахъ убитыхъ имъ предшественниковъ, сами, за всѣ эти кровоизліянія и разрушенія, получили удѣлъ спокойнаго безкровнаго вѣчнаго существованія“ [36]).

Конечно, велико преступленіе, но и страшна кара. И если бы судьба зависѣла отъ сознанія и совѣсти людей, то дальнѣйшее движеніе человѣчества было бы очень туманно. Къ счастью, именно слѣпыя, чисто механическія силы эволюціи, не спрашиваясь у человѣка, эволюціонируютъ человѣчество къ лучшему будущему. По вѣрному замѣчанію Г. Друмонда, любовь не есть позднѣйшая мысль въ твореніи. „Она не есть новость романтической цивилизаціи. Она не есть благочестивое слово религіи. Ея корни начали расти вмѣстѣ съ первой клѣточкой жизни, распустившейся на этой землѣ“ [31]).

„Пища міра, особенно пища дѣтей, есть пища дѣтей растеній, пища, которую безкорыстная дѣятельность запасаетъ вокругъ колыбелей безпомощныхъ, что бы они не нуждались, когда солнце разбудитъ къ ихъ новой жизни. Каждое растеніе въ мірѣ живетъ для другихъ. Оно отлагаетъ нѣчто въ сторону, нѣчто цѣнное, о которомъ оно озаботилось, высшее выраженіе ея природы. Сѣмя—это десятая часть любви, десятина, которую природа отдаетъ человѣку. Человѣкъ, живущій сѣменами, живетъ любовью. Буквально, научно любовь есть жизнь. Если борьба за жизнь произвела человѣка, приготовила и дисциплинировала его, то поддерживаетъ его борьба за любовь“ [32]).

Борьба за жизнь есть отчасти сила разъединяющая, борьба за жизнь другихъ есть сила всецѣло соціальная. Соціальныя усилія первой второстепенны; соціальныя усилія послѣдней первичны [33]).

Начавшись материнскою любовью, укрѣпленною естественнымъ отборомъ и переданной законами наслѣдованія всему человѣческому роду, очеловѣченіе человѣка поддерживается общественностью, воспитывается и укрѣпляется государственностью, оно само создаетъ гуманныя учрежденія, въ свою очередь возвышающія человѣка. Эволюція изъ зоологической эпохи переходитъ въ эпоху соціальную. И то мрачное прошедшее, которое такъ основательно вызываетъ мысль о карающей Немезидѣ, заключаетъ въ себѣ и гуманныя стороны. Въ кровавой борьбѣ вырабатывались идеи лучшей жизни, идеи правды и любви. Слѣпой и именно по этому мрачный законъ эволюціи заключаетъ въ себѣ и нѣкоторый лучъ надежды на лучшее будущее. Освѣщая тьму звѣрства, этотъ лучъ создаетъ учрежденія, культивирующія человѣчность.

III.

Эволюція въ видѣ ли естественнаго отбора или въ видѣ физической или соціальной среды, дѣйствуя механически, уже поэтому дѣйствуетъ детерминистически. Эволюція—это царство необходимости, это сфера дѣйствій, неизбѣжно вытекающихъ изъ данныхъ причинъ. Существуютъ опредѣленныя причины, неизбѣжно должны существовать и послѣдствія ихъ дѣятельности.

Если стать на точку зрѣнія анимизма, если вообразить себѣ эволюцію въ видѣ живого и сознательнаго существа, то можно сказать, что эволюція ведетъ борьбу со всѣмъ, что можетъ быть въ жизни случайнаго, произвольнаго, не подчиненнаго слѣпому Фатуму. Эволюція стремится своими законами упразднить эти элементы, какъ стоящіе на пути въ ея задачахъ.

Извѣстенъ въ статистикѣ *законъ большихъ чиселъ*. По этому закону, чѣмъ больше масса наблюденій, тѣмъ болѣе исчезаетъ все случайное и получается предъ наблюдателемъ въ среднемъ выводѣ то, что составляетъ сущность явленій, дѣйствительную идею ихъ существованія.

Этимъ-то закономъ большихъ чиселъ пользуется и природа въ ея стремленіяхъ къ эволюціи и развитію всего живого какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствахъ. Эволюція признаетъ существованіе случая и ведетъ съ нимъ упорную борьбу и даже пользуется имъ, какъ факторомъ. Такъ въ растительномъ мірѣ мы видимъ, наприм., слѣдующее. Растеніе, за ничтожными исключеніями, прикрѣплено къ мѣсту и не можетъ переносить своихъ сѣмянъ въ мѣста, пригодныя для ихъ культуры. На томъ же мѣстѣ, гдѣ живетъ материнское дерево, разбросанныя сѣмена естественно осуждены на погибель, такъ какъ рослое материнское дерево закрываетъ свѣтъ и мѣшаетъ проникновенію влаги. Очевидно, если бы сѣмена и проросли, то ростъ ихъ по той же причинѣ былъ бы плохой, да и новое растеніе мѣшало бы

жизни стараго. Въ данномъ случаѣ или родители убивали бы своихъ дѣтей, или дѣти убивали бы родителей. И природа находитъ выходъ изъ этого тяжелаго положенія въ законѣ большихъ чиселъ. Природа создаетъ безчисленное количество сѣмянъ, надѣясь, что найдется на долю хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ благопріятный случай перенесенія вѣтромъ, птицами и другими животными въ мѣста, гдѣ онѣ могутъ получить надлежащее развитіе. Здѣсь природа прямо разсчитываетъ *на благопріятный случай*, вѣроятность котораго тѣмъ полнѣе, чѣмъ больше производится сѣмянъ. И растеніе борется съ неблагопріятными условіями закономъ массы, при которомъ наибольше вѣроятности появленія благопріятныхъ моментовъ. Природа *массой* ловитъ благопріятный *случай*. Поэтому только въ массахъ и можетъ быть замѣчена *тенденція*, наз. закономъ. Но такая ловля случая въ особенности бросается въ глаза въ окрашиваніи цвѣтовъ и даже въ особыхъ приспособленіяхъ, посредствомъ которыхъ привлекаются животныя, служащія для перенесенія плодотворной пыли. Насѣкомое, привлекаемое цвѣтомъ или запахомъ, садится на цвѣтокъ и собираетъ питательные соки, въ то время наклоняется кончикъ тычинки, наполненной пылью, и смазываетъ спинку насѣкомаго. Насѣкомое, перелетая на другой цвѣтокъ, передаетъ такимъ же путемъ пыльцу материнскому ростку—пестику. Милліарды пыли пропадаетъ, но въ концѣ концовъ масса побѣждаетъ и побѣждаетъ настолько систематически, что мы имѣемъ плодовые сады, имѣемъ фрукты и огородныя плоды. Все питаніе населенія фундаментируется на этомъ случаѣ. Вѣдь оплодотвореніе нашихъ хлѣбовъ производится вѣтромъ и насѣкомыми.

Интересно, что человѣкъ очень рано замѣтилъ эту дѣятельность случая въ природѣ и очень рано предпринялъ нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы поставить свою волю на мѣстѣ слѣпого случая. Геродотъ разсказываетъ, что въ древнемъ Египтѣ былъ обычай въ извѣстное время года отправляться въ пустыню и срѣзывать тамъ цвѣтущія вѣтви дикихъ пальмъ. Этими вѣтвями они размахивали надъ цвѣтами плодовыхъ пальмъ въ садахъ и вѣрили, что безъ такого обряда боги не дадутъ фиников. И дѣйствительно боги не давали ихъ, такъ какъ перенесеніе мужской пыли съ дикихъ пустынныхъ пальмъ посредстомъ насѣкомыхъ не такъ надежно, какъ прямое опыленіе руками человѣка. Теперь подобное опыленіе уже практикуется всѣми сознательно дѣйствующими садовниками и огородниками. Человѣку нельзя ждать у моря погоды. Онъ уже не разсчитываетъ на случай и стремится обосновать свое благополучіе на болѣе прямыхъ средствахъ.

Но и это служитъ лишь подтвержденіемъ факта—значенія въ системѣ эволюціи природы случая. Тѣ задачи, которыя природа осуществляла затратой массъ, человѣкъ старается дости-

гать болѣе разумно и безъ такихъ громадныхъ затратъ силъ и средствъ.

Основной законъ эволюціи—достиженіе наименьшихъ результатовъ съ наибольшими пожертвованіями—необходимъ единственно потому, что въ немъ механизмъ эволюціи проявляется съ наибольшею полнотою, т. е. въ немъ проявляется самая сущность ея. Гдѣ есть сознаніе, гдѣ есть чувство, тамъ уже нѣтъ механизма. При сознаніи и при наличности чувства немыслимъ былъ бы тотъ механическій порядокъ, который получается лишь, какъ законъ большихъ массъ. И сознаніе, и совѣсть подсказали бы, что необходимо подумать не только объ интересахъ рода, но и объ итересахъ индивида. Но тогда былъ бы уже предустановленный порядокъ. Между тѣмъ какъ эволюція, приводя порядокъ въ хаосѣ, создаетъ, какъ выражаются эволюціонисты, не органы для функцій, а пользуется функціями для созданія органовъ. Поэтому совершенно правъ Ч. Дарвинъ, рѣдко нападавшій на самую идею предусмотрительности въ эволюціи, обвинявшій Ламарка въ отсутствіи научнаго метода, когда онъ допускалъ преднамѣренное стремленіе къ совершенствованію. Эволюція, какъ механическая сила, не можетъ допустить ничего подобнаго. Въ хаосѣ явленій, управляемыхъ случаемъ, не можетъ быть иного закона, какъ законъ массъ, въ которомъ всѣ элементы случая исчезаютъ и взаимно-нейтрализуются. Эволюція, исключая случай, открываетъ въ явленіяхъ необходимое, неизбѣжное, какъ неизбѣжно слѣдствіе, разъ есть причина.

Но... опять таки вспоминается старый критянинъ. Случая нѣтъ, но для того, чтобы его не было, необходимы массы, необходимы геологическія эпохи, необходимы сотни милліоновъ лѣтъ. Значитъ, онъ—этотъ случай—есть?

V. Конъюнкція.

Знаменитый противникъ эволюціонизма Ж. Кювье (1764—1832 г.) не только отрицалъ развитіе видовъ изъ одного общаго предка, не только признавалъ всѣ существующія породы неизмѣнными, но признавалъ въ мірѣ цѣлый рядъ катастрофъ, сопровождавшихся полнымъ исчезновеніемъ однихъ породъ и возникновеніемъ другихъ. Въ своемъ: „Discours sur les Révolutions sur la surface du Globe“ онъ допускаетъ, что міръ нашъ пережилъ рядъ внезапныхъ разрушеній и такихъ же созиданій новыхъ существъ. Создатель „школы фактовъ“, пользуясь исключительно данными опыта и наблюденія, онъ признавалъ метафизикой „транформизмъ“, т. е. эволюцію въ мірѣ животныхъ и растеній. Существуетъ не эволюція, но революція, т. е. такое измѣненіе условій, при которыхъ существовавшія формы должны были изсчезнуть и замѣ-

ниться совершенно новыми, соотвѣтствующими новымъ условіямъ жизни. Natura non facit saltum, говоритъ Дарвинъ словами Лейбница. Природа дѣйствуетъ только скачками, говоритъ Кювье и самая идея транформизма представлялась ему легкомысленною, недостойною серьезнаго ученаго.

По Кювье, какой-то невѣдомый случай является создателемъ всего, что существуетъ на земномъ шарѣ.

Это Deus ex machina въ буквальномъ смыслѣ слова.

И замѣчательно, что въ то время, когда масса ученыхъ увлекались законами Дарвина, самъ Дарвинъ признавалъ, что самые законы его зависятъ отъ болѣе высокой и болѣе жизненной силы, называемой случайнымъ стеченьемъ обстоятельствъ. Въ одномъ изъ писемъ къ товарищамъ по наукѣ онъ писалъ: „крупнѣйшее упущеніе въ моей книгѣ состоитъ въ томъ, что я не объяснилъ, отчего по моей теоріи прогрессъ всѣхъ формъ *не необходимъ*“. Между тѣмъ гдѣ законы, тамъ именно и должно быть царство необходимости. Въ письмѣ къ Ляйелю по вопросу о греко-римской культурѣ онъ пишетъ: „Размышляя о предметѣ нашего разговора, о высокой степени развитія древнихъ грековъ, за которой не послѣдовало никакого прогресса или прогрессъ ничтожный, я пришелъ къ заключенію, что этотъ фактъ, представлявшійся намъ громадною трудностью, въ дѣйствительности вполнѣ соглашается съ нашими взглядами. Трудность была бы велика, если бы этотъ фактъ приходилось объяснить на основаніи Ламарковской теоріи необходимаго прогресса, но *съ моей теоріей зависимости прогресса отъ условій* онъ не стоитъ въ противорѣчіи и находится въ согласіи съ другими фактами прогресса тѣлесной структуры у животныхъ“ [1]).

И вполнѣ основательно замѣчаніе по этому поводу Г. Греефа, что ни общественный прогрессъ, ни общественный регрессъ не представляютъ собой чего либо необходимаго, какъ не не обходима вообще жизнь и смерть органическихъ существъ [2]).

Законы проявляютъ силу, когда встрѣчаются соотвѣтствующія осуществленію ихъ условія. Не можетъ проявиться самый естественнѣйшій законъ роста организма тамъ, гдѣ зародышъ организма на зарѣ жизни убивается упавшимъ камнемъ, глыбой земли, пожаромъ. Законы соціальнаго прогресса, не встрѣчая благопріятной среды, не проявляются. И на каждомъ шагу мы видимъ паденіе тамъ, гдѣ слѣдовало ожидать развитія. Deus ex machina—сильнѣе всего въ мірѣ. Онъ то и погубилъ старыя культуры. Онъ же уродуетъ и готовитъ къ смерти новыя. И самая смерть организмовъ его дѣло.

Наука отрицаетъ случай, а жизнь на каждомъ шагу признаетъ его [3]).

Между наукой и жизнью въ этомъ случаѣ полнѣйшій раз-

ладъ и правда, конечно, за жизнью, а не наукой, которая должна быть уясненіемъ жизни, а не башмакомъ для втискиванія въ него жизни.

Оставимъ въ сторонѣ обыденную жизнь, обыкновенно состоящую изъ ряда случаевъ. Остановимся на болѣе выдающихся явленіяхъ изъ области случая.

Въ Англіи житель Вальтгемстоу Ральфъ родился въ одинъ день съ королемъ Эдуардомъ, женился въ одинъ день съ нимъ и умеръ въ одинъ и тотъ же день и часъ.

О подобномъ же фактѣ разсказываютъ въ связи съ жизнью другого англійскаго короля Георга III. Нѣкто Геммингсъ, торговецъ желѣзомъ, родился въ одинъ день и одинъ часъ съ королемъ и въ одномъ съ нимъ приходѣ св. Мартина. Когда Георгъ III вступилъ на престолъ, Геммингсъ очутился во главѣ своего дѣла, вслѣдствіе смерти отца. Онъ женился въ одинъ день съ королемъ, имѣлъ... одинаковое число дѣтей и умеръ въ одинъ день съ нимъ Онъ страдалъ временными припадками помѣшательства, начинавшимися и исчезавшими одновременно съ припадками, которыми страдалъ король.

Есть ли какая либо внутренне необходимая, логически, психически, этически неизбѣжная связь между жизнью Ральфа и Эдуарда VII, Геммингсомъ и Георгомъ III?

Очевидно, никакой. А между тѣмъ эти совпаденія фактовъ изъ жизни этихъ людей не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Не больше связи между этими людьми, какъ и между королемъ Эдуардомъ и копями Вайтвегенъ. А между тѣмъ смерть короля сопровождалась взрывомъ въ этихъ копяхъ и погибелью 135 рудокоповъ. Эти же копи были открыты въ день рожденія короля Эдуарда, и въ день его свадьбы произошелъ въ нихъ первый пожаръ.

Врядъ ли найдется такой ученый, который серьезно могъ бы утверждать, что между жизнью Эдуарда VII и копями Вайтвегенъ существовала особая связь, въ силу которой факты изъ жизни и дѣятельности короля должны были отражаться на рудникахъ, или что бы Эдуардъ VII былъ виновникомъ смерти 135 рудокоповъ.

Случаемъ и называется совпаденіе явленій, (conjunctio rerum) не вызываемое психическою или этическою необходимостью, а равно вліяніе такихъ совпаденій на человѣка, также не вызываемое законами. Такъ камень падаетъ съ карниза и убиваетъ прохожаго.

Если голосъ народа есть голосъ самой жизненной правды, то мы должны согласиться, что на землѣ случай есть все, остальные же дѣятели только случайное явленіе. По мнѣнію народа, случай управляетъ всѣмъ. Случай—это счастье, доля, жребій. Случай у

насъ замѣнилъ должность языческаго Фатума, который влекъ человѣка за собой. На долю одного выпадаетъ счастье, богатство, почетъ. Русскій народъ зоветъ такого человѣка случайнымъ. Онъ въ случаѣ, говоритъ народъ. Другого судьба преслѣдуетъ, на каждомъ шагу не везетъ. Случай ему не благоволитъ.

Эта народная философія несомнѣнно эмпирическаго происхожденія. На каждомъ шагу мы видимъ, что однимъ везетъ сильное счастье, другихъ убиваетъ. И понятно, народъ долженъ былъ признать страшную силу Случая. Признавъ же его силой, онъ уже легко пришелъ къ мысли, что это сила не зримая, руководящая всѣми и опредѣляющая судьбу каждаго. Эмпирически народное мышленіе отъ случая должно было перейти къ необходимости, отъ слѣпоты къ разуму, отъ произвола къ законамъ, какъ къ проявленію высшей силы.

Такъ Случай создалъ и законъ, произволъ въ своей эволюціи перешелъ въ Фатумъ, предопредѣленіе. Но, уступивъ мѣсто, онъ не ушелъ изъ той самой жизни, которая послужила эмпирическимъ основаніемъ къ его оправданію. Онъ исчезъ лишь *въ среднемъ мірѣ*, гдѣ всѣ частности и случайности взаимно нейтрализуются и получается *общій законъ*. *Въ эмпирическомъ же мірѣ* онъ остался во всей своей могучей силѣ, осложняя общую законоподчиненность и препятствуя или содѣйствуя ея проявленію въ жизни. Случай и законъ не исключаютъ другъ друга. Они существуютъ рядомъ и исключать случай во имя законоподчиненности также не разумно, какъ и исключать законоподчиненность во имя случая. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ семьѣ дѣтей можетъ не быть, но въ общемъ каждая т. е. средняя семья имѣетъ дѣтей и при томъ въ опредѣленномъ соотношеніи между рождающимися мальчиками и дѣвочками. Законъ и случай—это мысль и ея воплощеніе, идея и жизнь, душа и тѣло.

Отрицающимъ значеніе въ народной экономіи Случая, какъ особаго экономическаго двигателя, слѣдовало бы вспомнить объ обыденномъ экономическомъ явленіи, называемомъ *спекуляціей*. Спекуляція—это факторъ, имѣющій силу только тамъ, гдѣ имѣетъ значеніе случай. Въ часовомъ механизмѣ все предусмотрѣно и послѣ третьяго часа неизбѣжно наступленіе четвертаго. Никто не станетъ спекулировать на наступленіе четвертаго часа послѣ третьяго, ибо это наступленіе неизбѣжно. Но тамъ, гдѣ оно можетъ быть и можетъ не быть, естественно появленіе спекуляціи. Выигрываетъ тотъ, кто лучше угадываетъ появленіе неизвѣстнаго по даннымъ извѣстнымъ. Но если бы изъ послѣднихъ неизбѣжно проистекало первое, наприм., какъ 5 проистекаетъ изъ 25 послѣ вычета 20, то никакой спекуляціи не было бы. Еврей Іосифъ, сдѣлавшій запасъ хлѣба въ виду возможности неурожаевъ, дѣйствовалъ какъ спекулянтъ, а не метеорологъ и не агрономъ. И

также философъ Θалесъ, скупившій винные прессы въ Милетѣ и Хіосѣ въ ожиданіи урожая оливковъ и заработавшій на этомъ громадныя деньги, оказался лишь хорошимъ спекулянтомъ, но не философомъ. И Θалесъ, и Іосифъ не предусматривали, а рисковали на счетъ *вѣроятности* событій. Случай и даетъ мѣсто вѣроятности, на которой основывается всякій рискъ, т. е. спекуляція.

Самое распространеніе и громадное экономическое значеніе спекуляціи свидѣтельствуютъ о томъ, какое широкое распространеніе и громадное значеніе въ экономической жизни имѣетъ случай. И вполнѣ правъ Леруа-Буалье въ своемъ краснорѣчивомъ описаніи спекуляціи говорящій: „Давая пищу воображенію, она приводитъ въ дѣйствіе капиталы, и если вѣрно, что капиталъ вызвалъ коренной переворотъ въ хозяйственной жизни народовъ, то это тѣмъ болѣе можно сказать о спекуляціи. Обнимая своимъ взоромъ всѣ страны, она никогда не отдыхаетъ; она слѣдитъ за всѣми новыми открытіями, что бы ускорить или распространить ихъ примѣненіе. Она постоянно возрождается, служитъ тою благодѣтельною или вредною силою, которая руководитъ всѣми промышленными и торговыми измѣненіями и переворотами. Смѣлая, иногда дерзкая, она сохраняетъ за собою роль одного изъ великихъ факторовъ хозяйственнаго прогресса. Безъ ея содѣйствія всѣ экономическіе и промышленные успѣхи совершались бы чрезвычайно медленно. Идеальное государство, въ которомъ, по желанію моралистовъ, всякая спекуляція была бы изгнана, неизбѣжно отличалось бы застоемъ. Спекуляція, какъ вѣтеръ, очищаетъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ. Она приводитъ воду въ движеніе, поднимаетъ волны, если она вызываетъ бури и кораблекрушенія, то съ другой стороны она надуваетъ паруса, является движущею силою. Человѣческое общество безъ спекуляціи—стоячее болото“ [4]).

Элементъ случая и производитъ то, что жизнь людей не стоячее болото, не безсмысленный механизмъ и не разумный организмъ, дѣйствующій по строго опредѣленнымъ законамъ фізіологіи. Обнаковенно выраженіе—слѣпой случай—вѣрно фактически, но говорящіе это забываютъ, что слѣпой случай вызываетъ и развиваетъ людское зрѣніе, ибо безъ него, какъ безъ свѣта у крота, наше умственное зрѣніе атрафировалось бы. Не даромъ Прудонъ пропѣлъ настоящій гимнъ спекуляціи, которая, говоритъ онъ, есть добрый геній всѣхъ открытій и изобрѣтеній, она подобна безконечному духу, создавшему все изъ ничего“. (Manuel du speculateur à la Bourse“).

Случайности въ жизни соотвѣтствуетъ *духъ риска* въ душѣ человѣка. Это совершенно естественная эмоція, развивающаяся подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій, но почти никогда не заглушаемая вполнѣ. И правъ одинъ изъ экономистовъ, что если

бы человѣчество было организовано по идеямъ соціалистовъ, но съ сохраненіемъ свободы, то на другой же день наши соціалисты открыли бы себѣ биржу и начали играть на повышеніе и пониженіе трудовыхъ свидѣтельствъ объ исполненномъ рабочемъ днѣ. Люди всегда поклонялись двуликому Янусу.

Объектами риска служатъ: 1) лоттерея, 2) игра бумажными цѣнностями, 3) торговля, какъ покупка въ цѣляхъ продажи, 4) примѣненіе новыхъ способовъ въ производствѣ, дающее временную ренту, т. наз. демократическую.

Послѣдняя имѣетъ несомнѣнно громадное значеніе въ прогрессѣ. Но въ общемъ *Рискъ* есть Духъ энергіи и предпріимчивости. Безъ него не пустыня даже, а гніющее болото.

Значеніе случая въ экономіи прекрасно было уяснено уже аббатомъ Галіани въ его возраженіяхъ физіократамъ. Онъ случай отождествлялъ съ игрой. „Крупный игрокъ, говоритъ онъ, отличается характеромъ, который есть результатъ его жизни. Такъ какъ между его вѣрнымъ доходомъ и тѣмъ, что игра можетъ дать ему въ одинъ вечеръ, существуетъ громадная несоразмѣрность, то его жизнь есть сплетеніе надежды и сомнѣнія, онъ не можетъ ни опредѣлить, ни разсчитать своего дохода.— Онъ себѣ ни въ чемъ не отказываетъ, кромѣ необходимаго. Его домъ поражаетъ съ одной стороны богатствомъ, съ другой недостаткомъ денегъ и безпорядкомъ во всемъ.“—„Онъ находится постоянно въ волѣ случая“.

Все земледѣліе, по его мнѣнію, основано на этомъ случаѣ. „Земледѣлецъ есть дѣйствительный игрокъ. Онъ беретъ цѣлые свертки червонцевъ (т. е. цѣну посѣва, обработки, сбора) и бросаетъ ихъ въ поле противъ стихій и временъ года, которыя держатъ банкъ“.—„Рядъ хорошихъ урожаевъ можетъ поднять государство, но неурожаи повергаютъ его въ затрудненія. Въ это время торговля открываетъ ворота изворотливому чужеземцу, который является соблазнять новыми предметами свойственную человѣку жадность. Онъ возбуждаетъ новыя потребности, новыя желанія. Онъ развращаетъ нравы земледѣльцевъ, не смягчивъ ихъ. Вкусъ къ празднествамъ и къ пышности зарождается въ сердцахъ высшаго класса; они желаютъ роскоши прежде чѣмъ появились искусства для ея удовлетворенія. Они притѣсняютъ слабаго для полученія на это средствъ.—Культура страдаетъ, налоги растутъ, національный доходъ уменьшается. Государство близится къ своему паденію. Народъ приписываетъ свою бѣдность злоупотребленіямъ вельможъ. Это послѣдняя эпоха“ [5]).

Галіани противополагаетъ мануфактуру земледѣлію и утверждаетъ, что въ мануфактурахъ дѣйствуетъ законъ постоянства и прочности въ хозяйствѣ. Но самъ же онъ опровергаетъ себя, говоря, что отъ цѣнъ хлѣба зависитъ все благосостояніе

населенія, а слѣдовательно и мануфактуристовъ. Сверхъ того, не забудемъ, что земледѣліе есть рынокъ для мануфактуриста. А это значитъ, что реализація мануфактурныхъ издѣлій зависитъ отъ случая, завися отъ земледѣлія. И стало быть въ фундаментѣ всего экономическаго зданія лежитъ игра или случай.

Интересно, что Галіани же въ явленіяхъ случая находитъ и законы. „Случайности, говоритъ, онъ, могутъ быть, могутъ и не быть для одного человѣка, и кажутся столь трудно предвидѣнными, какъ и не подлежащими разсчету; но возьмите ихъ *въ массѣ*, сведите всѣ случайности въ теченіе цѣлаго года въ примѣненіи къ цѣлому классу людей, или ко всей націи; и тогда оказывается, что случайность есть величина постоянная, опредѣленная, періодическая, всегда одинаковая или въ теченіе года или по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ“ [6]).

Весьма основательно замѣчаетъ М. Драгомировъ, что Галіани совершенно ясно понималъ законъ, открытіе котораго потомъ приписали Кетле. И не только Галіани констатируетъ законъ въ массѣ случаевъ, но и констатируетъ *борьбу* съ случаемъ. Такова борьба въ цѣнахъ зерна. „Случайности, которыя дѣйствуютъ на цѣну вещей, говоритъ онъ, и должны быть вводимы въ составъ этой цѣны. Они дошли до этого по приближеніи, съ теченіемъ времени, навыка, болѣзненныхъ опытовъ и особенно благодаря той силѣ моральнаго равновѣсія, которое состоитъ *во взаимномъ отталкиваніи и въ отклоненіи отъ себя потерь на другихъ, пока хватаетъ силы и духу*. Только натура и инстинктъ рѣшаютъ эти задачи необъятной сложности, предъ которыми всякое вычисленіе безсильно. Эта натура мало по малу подсказала, что масса случайностей относительно зерна и хлѣба выражается одною третью, соотвѣтственно чему нужно сдѣлать прибавку къ цѣнѣ сверхъ обыкновенныхъ расходовъ“ [7]).

Это и есть законъ экономической борьбы, приводящій къ миру и побѣдѣ надъ случаемъ и рискомъ.

Въ наше время значеніе случая прекрасно уяснилъ Фридрихъ Альбертъ Ланге. Онъ называетъ случай счастьемъ.

Абсолютно говоря, утверждаетъ онъ, въ природѣ не существуетъ случайности. Но *случайными* обстоятельствами нужно считать тѣ, которыя не вытекаютъ логически изъ природы и силъ самого индивида, а обусловливаются стеченіемъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ. Если человѣкъ нашелъ самородокъ золота, то фактъ находки будетъ случайностью, но поднялъ его и узналъ не случайно, ибо разсѣянный не обратилъ бы никакого вниманія. На скачкахъ опытные знатоки лошадиныхъ достоинствъ предсказываютъ побѣду наиболѣе „скаковымъ“ лошадямъ, но всегда бываютъ случаи, когда побѣда достается другимъ.

Признаніе Случая не противорѣчитъ законоподчиненности.

Такъ, наприм., „когда морозъ уничтожаетъ милліоны яичекъ или личинокъ какого нибудь насѣкомаго, то изъ общей громадной массы остаются въ живыхъ не тѣ, природныя свойства которыхъ лучше приспособлены къ перенесенію холода, а скорѣе тѣ, которымъ удалось забраться въ лучшія норы, въ середину плотнаго клубка или вообще стать подъ защиту какой нибудь подобной, непредвидѣнной случайности. Но всегда между норами, которыя при извѣстномъ уровнѣ температуры перестаютъ служить достаточною защитою отъ холода, и между безусловно ненадежными норами найдется значительное число такихъ, температура которыхъ стоитъ какъ разъ на границѣ нормальной. Здѣсь въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ все лучше приспособленное сохраняется, а слабое подвергается уничтоженію“ [8]).

Можно сказать, что природа не жалѣетъ громадныхъ милліардовъ зародышей именно для доставленія большихъ шансовъ въ борьбѣ организмовъ съ страшной силой Случая. Чѣмъ больше такихъ зародышей, тѣмъ вѣроятнѣе побѣда, ибо случай не всѣмъ одинаково благотворитъ. Выживаютъ тѣ виды, которые отличаются наибольшею плодовитостью, т. е. наибольшею растратою силъ, такъ какъ только они и могутъ бороться со слѣпымъ Случаемъ.

Въ народной экономіи именно слѣпой Случай играетъ громадную роль. Представьте себѣ, говоритъ Ланге, сто человѣкъ средняго имущественнаго состоянія, предпринимающихъ при одинаковыхъ условіяхъ раскопку каменнаго угля. Большинство изъ нихъ, растративъ капиталъ, бросаетъ дѣло. Другіе находятъ уголь тогда, когда уже средства истощены и также бросаютъ дѣло. Третьи добьются хорошихъ результатовъ, но главный выигрышъ достается не многимъ, а чаще всего одному. Счастливецъ пріобрѣтаетъ машины, нанимаетъ людей, ведетъ въ большихъ размѣрахъ дѣло и богатѣетъ.

Вотъ почему въ жизни *рискъ* играетъ большое значеніе. „Прослѣдите жизнь цѣлаго ряда людей, пробившихся изъ ничтожества или даже полной нищеты къ громадному богатству, и вы почти вездѣ замѣтите, что они вообще отличаются большой наклонностью къ риску, но въ юности гораздо чаще рѣшались на безразсудно-смѣлыя предпріятія, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ, когда они поступаютъ съ гораздо большей обдуманностью, хотя затѣи ихъ все еще продолжаютъ носить въ себѣ характеръ грандіозности. Правда, эти дерзкіе игроки, рѣшавшіеся въ юности на самыя отчаянныя ставки, всѣ выиграли т. е. тѣ разумѣется, о которыхъ мы вообще что-нибудь знаемъ; остальные вѣдь пропали безъ вѣсти“ [9]).

Фр. Ланге даже приходитъ къ суевѣрному заключенію. „Либо на жизненномъ пути вообще нѣтъ никакихъ серьезныхъ опас-

ностей, или же нужно допустить, что извѣстное число индивидовъ, не смотря на все сходство природныхъ способностей, и вообще всѣхъ другихъ жизненныхъ условій, потерпѣло неудачу или погибло, а одинъ одержалъ верхъ единственно потому, что ему *повезло счастье*“ [10]).

Значеніе случая въ современной экономической жизни еще болѣе усилилось, чѣмъ когда либо. При кастовомъ устройствѣ судьба человѣка, его состояніе и жизнь опредѣлялись непосредственно соціальными условіями, выходъ изъ которыхъ строго былъ караемъ. При сословномъ строѣ видимъ то же, но въ меньшей степени, такъ какъ сословіе есть пережитокъ той же касты, но видоизмѣненный уступками времени, потребовавшему большей доли свободы личности и большей гуманности въ отношеніяхъ. При классовомъ и индивидуалистическомъ строѣ, когда принципъ личной свободы сдѣлался фундаментомъ общественныхъ пирамидъ, непосредственное опредѣленіе судьбы закономъ, обычаемъ и привычками почти упраздняется и получаетъ значеніе *посредственное* опредѣленіе, т. е. стеченіе обстоятельствъ, большею частью мало зависящихъ отъ воли человѣка, получаетъ значеніе внѣшняго фактора, такъ или иначе вліяющаго на всю жизнь человѣка.

Изъ экономистовъ больше всего обратилъ на это вниманіе А. Вагнеръ, а вслѣдъ за нимъ наши экономисты Вреденъ и Георгіевскій. Послѣдній подробно останавливается на этомъ вопросѣ. Соціальныя и природныя условія такимъ образомъ вліяющія на человѣка носятъ общее названіе *конъюнктуры или конъюнкціи.* Главнѣйшіе элементы ея [11]):

1) Колебанія урожаевъ главнѣйшихъ хлѣбовъ въ зависимости отъ атмосферныхъ условій.

2) Техническія усовершенствованія, становящія въ невыгодное положеніе производителей по старой системѣ.

3) Измѣненія въ средствахъ сообщенія, подрывающія тѣхъ, кто поставленъ былъ въ болѣе выгодное положеніе относительно сбыта.

4) Мода.

5) Измѣненія въ положеніи государства и его учрежденій, особенно же кредитной системы.

6) Измѣненія въ экономическо-правовомъ строѣ, наприм., въ таможенной политикѣ.

7) Измѣненія въ размѣщеніи населенія, наприм., по городамъ и деревнямъ.

8) Классовыя измѣненія, наприм., охрана рабочихъ законодательствомъ, организація союзовъ и т. п.

Таковы формы конъюнктуры, которыя, по выраженію пр. Георгіевскаго, могутъ встрѣчаться и совмѣстно въ дѣйствительности, въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ, и могутъ сдѣ-

лать тщетными самые тщательные разсчеты, напрасными прилежаніе и бережливость, настойчивость и талантливость. (Н. стр. 144).

Въ этой то неожиданности и заключается все существо случая. Это несомнѣнно Deus ex machina. Но напрасно пр. Георгіевскій полагаетъ, что бороться съ *причиной*, а не симптомами зла возможно только или регулированіемъ частныхъ хозяйствъ или изъятіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ передачей государству, въ рукахъ котораго „выгодныя и невыгодныя послѣдствія конъюнктуръ“ разлагалась бы на цѣлое общество [12]).

Случай господствуетъ и въ мірѣ физическомъ, какъ и въ мірѣ растеній и животныхъ. И тамъ дѣло обошлось безъ государства и даже безъ разума и таланта. Законы естественной эволюціи уже достаточно изучены и могутъ многому поучить и человѣка въ его дѣятельности. А тѣмъ болѣе что у человѣка, къ естественнымъ условіямъ, присоединяются еще такія, говоря сравнительно, т. е. по отношенію къ животнымъ и растеніямъ, такія сверхъ-естественныя силы, какъ разумъ, талантъ, энергія и т. п. И то, что въ теченіи тысячелѣтій дѣлала природа приспособленіемъ, наслѣдственностью, борьбой, человѣкъ въ нѣсколько лѣтъ можетъ достичь разумомъ, да и безъ такихъ страшныхъ жертвъ. Случай имѣетъ свою логику—это давно извѣстная историкамъ логика фактовъ, почти всегда болѣе сильная, болѣе могущественная, чѣмъ индивидуальная логика, даже геніальнѣйшихъ изъ человѣческой породы. Опредѣленная конъюнкція вызываетъ соотвѣтствующую ей дѣятельность, которая въ свою очередь сопровождается соотвѣтствующими ей послѣдствіями, т. е. является дальнѣйшимъ раскрытіемъ или развитіемъ первой конъюнкціи. Такъ опасность для жизни вызываетъ необходимость слабому обратиться за помощью къ болѣе сильному, могущество котораго еще болѣе возрастаетъ присоединеніемъ къ нему слабыхъ. Укрѣпившись такимъ образомъ болѣе сильный держитъ въ страхѣ и покорности подчинившихся ему, становится ихъ господиномъ, деспотомъ, феодаломъ. Логика фактовъ, начавшись ничтожной искрой, постепенно и совершенно естественно приводитъ къ большому пожару, опустошающему все, что встрѣчается на пути. И пожаръ самъ себя питаетъ, разрастаясь въ страшное бѣдствіе.

Таковъ, наприм., историческій пожаръ, извѣстный подъ названіемъ французской революціи. „Наиболѣе поражающимъ явленіемъ во французской революціи, говоритъ де-Местръ, представляется неимовѣрная сила, разрушившая на своемъ пути всѣ препятствія. Революціонный вихрь схватывалъ, какъ легкую соломинку, все, что человѣческая сила ему противопоставляла. Никто не могъ безнаказанно стать на его пути. И замѣчено, что революція вела за собою людей, а не люди вели ее. Не люди руководили революціей, но революція распоряжалась людьми“ [13]).

Другой мыслитель также основательно замѣтилъ, наблюдая ходъ явленій французской революціи, что „идеи революціи имѣютъ свой фатумъ. Это рѣка, стѣсненная плотиной. Когда плотина разрушена, вода увлекаетъ все“ [14]).

Точнѣе сказать, это комъ снѣга, катящійся съ горы и на пути захватывающій все, что попадается, постепенно увеличивающійся и все разрушающій. Это и есть *логика фактовъ*, которая часто управляетъ народами, является ихъ судьбой, созидая, развивая и за тѣмъ разрушая цѣлыя государства.

Прекрасной иллюстраціей ея можетъ служить естественный ростъ и за тѣмъ паденіе императорскаго Рима.

Какимъ образомъ Калигула могъ царствовать 5 лѣтъ, Неронъ 14 лѣтъ, Домиціанъ 14 лѣтъ, Коммодъ 11 лѣтъ, Каракалла и Геліогабалъ 11 лѣтъ? Еще проще: какимъ образомъ республика могла превратиться въ самую мрачную деспотію?

Римляне, устрояя свой бытъ, приняли принципъ народнаго суверенитета. Они полагали, что въ фундаментѣ государства лежитъ *воля народа*, а не высшіе принципы природы. Когда, по обстоятельствамъ внѣшней безопасности и внутренняго управленія, воля народа стала олицетворяться въ принцепсѣ, какъ представителѣ народа, на него естественно была перенесена идея суверенитета. То народъ все могъ, а теперь правитель—все можетъ. Quod principi placuit, leges habet vigorem—что нравится принцепсу, то законъ. Salus populi suprema lex естественно превратилось въ salus principis suprema lex, благосостояніе народа въ благосостояніе его представителя. Какъ говоритъ Филонъ, Калигула разсуждалъ строго-логически: „Такъ какъ тѣ, кто ведетъ стада животныхъ, не той же породы, но высшей, то тѣмъ болѣе управляющіе людьми не могутъ быть такими же людьми, какъ и управляемые, они боги“. И римскіе императоры серьезно считали себя богами и строили себѣ или народъ имъ строилъ храмы, какъ богамъ. Конечно, не сразу это сдѣлалось. Еще Октавій Августъ признавалъ себя только принцепсомъ, какъ первымъ гражданиномъ. Но къ концу своего царствованія онъ получаетъ титулъ Августа, т. е. тотъ титулъ, который до него давали только богамъ. „Были ль это безумцы? спрашиваетъ психіатръ Лере. Увы, нѣтъ. Гордость кажется безуміемъ только при ея эксцессахъ, когда мало таланта и силы заставить другихъ вѣрить въ себя“ [15]).

А римскимъ безумцамъ вѣрилъ народъ, строя имъ храмы. Очевидно, это не были безумцы. Это были только логически послѣдовательные правители. Да и теперь та же логика лежитъ въ уваженіи бѣдными милліонеровъ, малыми чинами генераловъ. Въ одномъ случаѣ большой и поразительный силлогизмъ изъ конъюнкціи, а въ другомъ—маленькій. Но сущность логики совершенно та же.

Величайшій въ мірѣ образецъ случая, какъ великаго историческаго фактора, представляетъ собою русское Самодержавіе.

В. Ключевскій приводитъ въ высшей степени интересный примѣръ вліянія случая на образованіе госуд. строя цѣлой страны. Случаю Россія обязана избавленіемъ отъ вотчинной системы удѣловъ и возстановленіемъ самодержавія. „Съ Ивана Калиты въ продолженіи ста лѣтъ великимъ княземъ становился почти всегда старшій сынъ предшествовавшаго великаго князя, у котораго въ минуту смерти обыкновенно не оказывалось на лицо младшихъ братьевъ. Случилось такъ, что московскій княжескій домъ не разростался въ боковыя вѣтви, младшіе дяди во время уходили со сцены, не становясь поперекъ дороги старшимъ племянникамъ. Потому переходы великокняжескаго достоинства въ нисходящей линіи до смерти Калитина правнука вел. кн. Василія Димитріевича не вызывалъ спора среди московскихъ князей, а князьямъ другихъ линій, соперничавшихъ съ московскими, не удалось перебить у нихъ великаго княженія. Случайность, повторяясь, становится прецедентомъ, который силой привычки превращается въ обязательное требованіе, въ правило". Такъ превратилось въ „отчество и дѣдство" единодержавіе на Руси [16]).

Въ явленіхъ случайности на каждомъ шагу наблюдается непонятная повторяемость. Въ обыденной жизни этого рода случайности называются счастьемъ, судьбой, дающей однимъ и отнимающей у другихъ, превозносящей однихъ и низвергающей другихъ. Своего рода законоподчиненность или, точнѣе говоря, фаталистичность работы Случая уже подмѣчена была древнимъ еврейскимъ мудрецомъ, основательно замѣтившимъ, что всякаго человѣка есть свое время, время возвышенія и время униженія, время прибытка и время потери. Играющіе въ азартныя игры не только констатируютъ эту фаталистичность работы Случая, но и давно придумали способъ бороться съ ней. Они замѣтили, что во время напр., игры въ винтъ, сидящему на извѣстномъ мѣстѣ „везетъ" и онъ выигрываетъ. Для нейтрализаціи этой локализаціи счастья они и придумали мѣняться мѣстами по очереди такъ, чтобы въ теченіи игры каждому игроку досталось счастливое мѣсто, излюбленное въ данное время Случаемъ. Они замѣтили также, что Случай избираетъ себѣ не только излюбленное мѣсто на время игры, но также имѣетъ и своихъ случайныхъ временщиковъ, которымъ зря и безтолку „везетъ". И для нейтрализаціи работы невѣдомаго властителя азартной игры въ карты игроки придумали устроить игру такъ, чтобы участники играли съ каждымъ по очереди, имѣя общія потери и общій выигрышъ.

Уже давно замѣчено, что именно игроки отличаются наибольшимъ суевѣріемъ, часто граничащимъ съ безуміемъ. При-

дается фаталистическое значеніе какой либо цифрѣ, извѣстной картѣ, наприм., у насъ пиковой дамѣ, встрѣчѣ, при выходѣ изъ дому для игры и т. п. Замѣчено также, что такому „безумію“ придаются часто люди серьезные, вполнѣ образованные, прекрасно ведущіе практическую жизнь. Очевидно, самое распространеніе во всемъ мірѣ такого рода „безумія“, независимо отъ расъ, національности, положенія, знаній, этики и т. д. свидѣтельствуетъ о существованіи въ жизни фактовъ, вызывающихъ такое общечеловѣческое явленіе. Non fuit in intellectu, quot non fuit in sensu.

Отрицаніе наукой случая совершенно естественно, потому что предъ наукой является въ данномъ случаѣ категорія явленій, не имѣющая ничего общаго съ наукой. Явленія случая вызываютъ признаніе Фатума, Таинственнаго, Непонятнаго, Безсознательнаго, т. е. не ноддающегося человѣческому сознанію.

Случайность, отражаясь въ сознаніи, вызываетъ *Мистицизмъ*.

Законоподчиненность или причинность творитъ *Науку*.

Цѣлесообразность создаетъ въ практической жизни *Ремесло* и *Искусство*, въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ—Право и Этику.

Въ жизни человѣка эти категоріи двигателей, создаваемыхъ сознаніемъ, также реальны, какъ и стихійные дѣятели, наприм., огонь, вода, воздухъ, химическіе дѣятели.

Мистицизмъ создаетъ *Авторитетъ*. И цѣлая многовѣковая эпоха человѣчества, является подчиненною Авторитету—теократическому и потомъ политическому. Въ то время Авторитетомъ поглощается и наука, и промышленность, и право, и этика.

Но сознаніе идетъ далѣе. Не довольствуясь мистицизмомъ и авторитетомъ, оно ищетъ причинности и находитъ законы явленіи. Возникаетъ наука, ставящая на мѣстѣ авторитета *свободу* человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ компромиссы между новымъ и старымъ принципами: между монархіей и республикой конституціонализмъ, между вѣрой и знаніемъ терпимость, между предпринимателемъ и свободнымъ рабочимъ законодательство о трудѣ и т. д.

Новый путь переживаетъ на нашихъ глазахъ лучшая часть современнаго человѣчества. Но уже видны признаки недовольства. Авторитетъ подавлялъ личность, но и свобода создала въ новой формѣ рабство пролетарія. И человѣчество ищетъ выхода въ высшемъ синтезѣ—*въ гуманности*, постепенно начинающей проникать во всѣ стороны человѣческаго бытія. Это и есть эпоха *цѣлесообразности*. Тѣмъ не менѣе случайность никогда не можетъ исчезнуть. Она—необходимый элементъ нашей жизни.

По мнѣнію Б. Чичерина, „случайность составляетъ есте-

ственное и необходимое условіе человѣческой жизни.—Въ общемъ ходѣ природы и исторіи случайность сглаживается, ибо, каковы бы ни были частныя столкновенія, во всѣхъ ихъ выражаются общіе законы, управляющіе движеніемъ цѣлаго. Но въ предѣлахъ этихъ законовъ остается мѣсто для безконечнаго разнообразія частныхъ отношеній, которыя составляютъ область случайности и игралищемъ которыхъ является всякая частная сила. Въ такой средѣ призванъ дѣйствовать человѣкъ. Вліянію случайностей подвержена какъ частная, такъ и общественная его жизнь, нѣтъ причины, почему бы отъ нихъ изъята была одна экономическая область“ [17]).

Цѣлое не исключаетъ частей и части мыслимы только при существованіи цѣлаго. Случайность—это понятіе, объединяющее многообразіе жизни, въ которомъ наука, методомъ исключенія всего, что является лишь случайнымъ, получаетъ однообразіе, какъ основу многообразія.

По поводу закономѣрности въ дѣяніяхъ, напоминающей точное движеніе планетъ, Герценъ основательно говоритъ: „Нѣтъ причины, чтобы иной разъ планета и не сорвалась. У Сатурна кольцо уцѣлѣло и вертится съ нимъ, у земли одна луна, какъ бѣльмо на глазу. Но вмѣсто обсерваторіи стоитъ заглянуть въ любую больницу, чтобы видѣть, какъ живые организмы даютъ въ сторону, развиваются въ своемъ отклоненіи и доводятъ его до относительнаго совершенства, искажая, а иногда и убивая весь организмъ. Шаткое равновѣсіе всего живого колеблется и до нѣкоторой степени уступаетъ уклоненіямъ: но еще шагъ въ ту же сторону—и худо стянутый узелъ, связывающій ихъ, развязанъ, и освобожденные элементы идутъ въ другія сочетанія... Разумѣется, что общіе законы остаются тѣ же, но въ частныхъ приложеніяхъ они могутъ развиться до совершенно противоположныхъ явленій. Повинуясь одному и тому же закону, пухъ летаетъ, а свинецъ падаетъ“ [18]).

На этомъ основаніи нашъ публицистъ основательно отвергаетъ строгую послѣдовательность историческихъ схемъ. „Есть народы, состарившіеся безъ полнаго мѣщанства (кельты) есть другіе, котор. мѣщанство такъ идетъ, какъ вода жабрамъ, отчего же не быть и такому роду, для котораго мѣщанство будетъ такимъ же состояніемъ, какъ жабры для утки?“ [19]).

Необходимо сказать, что въ нашей литературѣ Случаю вообще повезло. Врядъ ли найдется другой соціальный факторъ, который нашелъ бы у насъ такъ много сторонниковъ и почитателей. Уже Чаадаевъ отрицаетъ цѣлесообразность въ исторіи. „Цѣлыя цивилизаціи погибали безслѣдно; продукты культуры, добытые вѣками, обращались въ прахъ и человѣкъ поднимался высоко на лѣстницѣ развитія какъ будто для того только, чтобы за тѣмъ пасть еще ниже“ [20]).

Также относится къ случаю и Н. Чернышевскій. Древній міръ, говоритъ онъ, убитъ исключительно волненіемъ, которое овладѣло всѣми кочевыми племенами отъ Рейна до Амура. Тутъ было ни больше, ни менше, какъ погибель страны отъ наводненія. *Никакой внутренней необходимости въ смерти не было.* Напротивъ, жизнь была свѣжа, прогрессъ—безостановоченъ. Погибель Римской Имперіи—та же геологическая катастрофа, какъ погибель Геркулана и Помпеи, какъ погибель страны, по которой гуляютъ теперь волны Зейдеръ-зе.—Не толкуйте о разумности, о благотворности этихъ катастофъ. Лошадь ударила человѣка по виску и онъ умеръ, какая тутъ разумность, какія тутъ внутреннія причины смерти?“ [21]).

Изъ разбоя, продолжавшагося нѣсколько вѣковъ вышелъ феодализмъ—это „ни больше ни меньше какъ грабежъ, приведенный въ систему, междуусобица, подведенная подъ правила“ [22]).

Изъ новѣйшихъ историковъ П. Милюковъ *точно* ставитъ вопросъ о случаѣ въ исторіи: „Создается ли государсто по образцу того, какъ сорвавшійся камень убиваетъ случайнаго прохожаго, или какъ дерево выростаетъ изъ сѣмени, или какъ техникъ строитъ машину? Другими словами, надобно ли объяснять происхожденіе государства—механически, органически или психологически?“ [23]).

Онъ допускаетъ внутреннія общественныя силы, но главное придаетъ *случаю* [24]).

Его необходимость есть механическая случайность, простое совпаденіе „*Случайно,* говоритъ онъ, не то, что внѣшняя опасность была на лицо и дѣйствовала, какъ внѣшній факторъ образованія государства, а то, что дѣйствіе этого фактора *совпало* съ данной *степенью развитія* внутреннихъ общественныхъ силъ“.

Этотъ „внѣшній факторъ“ также распространенъ, „какъ зародыши всевозможныхъ болѣзней въ окружающей атмосферѣ“.

Впрочемъ авторъ и самую историческую законоподчиненность понимаетъ такъ своеобразно, что даже историческую преемственность формъ быта и управленія онъ ставитъ внѣ ея.

„Извѣстно, говоритъ онъ, то наблюденіе, выведенное преимущественно изъ античной жизни, по которому за патріархальной монархіей слѣдуетъ господство аристократіи, за тѣмъ идетъ демократизація государственнаго строя, кончающаяся господствомъ черни и возвращеніемъ къ новой формѣ монархіи“. Можно ли видѣть въ этомъ „историческій законъ?“ П. Милюковъ отвѣчаетъ: нѣтъ, хотя бы это явленіе было общимъ для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ. „Нѣтъ, такъ какъ каждую изъ этихъ формъ мы никоимъ образомъ не могли бы считать причиной послѣдующей формы—точно также, какъ не можемъ считать моло-

дость—причиной зрѣлаго возраста, а зрѣлый возрастъ—причиной старости".

Но каждая изъ формъ можетъ не быть причиною послѣдующей, какъ дѣтство не причина юности, за то всѣ формы могутъ быть подчинены общей причинѣ.

Особенно оригинальную теорію предложилъ Н. К. Михайловскій, систематически проводившій ее въ теченіе всей своей дѣятельности. Онъ говоритъ: „Существуютъ ли цѣли природы или нѣтъ, я ихъ во всякомъ случаѣ не знаю и не могу знать. Для меня это или вѣчно закрытое или просто пустое мѣсто.— Объективно міръ или точнѣе жизнь представляетъ безконечно сложную систему индивидуальностей, находящихся въ самыхъ разнообразныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Все единое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и многое, всякое цѣлое состоитъ изъ частей, и потому можно различать нѣсколько ступеней индивидуальности, т. е. степеней способности, самостоятельности, концентраціи силъ.— Всякое цѣлое слѣпо, стихійно, въ силу „имманентныхъ" законовъ своего бытія, „стремится" подчинить себѣ свои части, обратить ихъ въ служебное состояніе для вящей полноты своего существованія. Въ возникающей отсюда борьбѣ за индивидуальность, направленной на два фронта—вверхъ и внизъ—шансы побѣды растутъ, такъ сказать, лавинообразно: чѣмъ больше удалось данному цѣлому подчинить себѣ свои части, тѣмъ болѣе гарантировано оно отъ подчиненія высшему цѣлому, часть котораго оно само составляетъ. Всякая высшая индивидуальность подчиняетъ себѣ низшія, раздѣляя между ними трудъ своего существованія, усваивая имъ ту или другую спеціальную функцію и тѣмъ самымъ лишая ихъ самостоятельности. Общество есть одна изъ ступеней индивидуальности и его отношенія къ другимъ ступенямъ, опредѣляются тѣмъ же закономъ борьбы. Какъ и всякая другая индивидуальность, общество самымъ прогрессомъ своего развитія „стремится" подчинить себѣ входящія въ его составъ индивидуальности, предоставляя имъ, путемъ спеціализаціи, служебное положеніе. Но оно встрѣчаетъ при этомъ противодѣйствіе со стороны этихъ низшихъ индивидуальностей, и побѣда склоняется въ ту или другую сторону, смотря по обстоятельствамъ. Общества животныхъ, разсматриваемыя рядомъ съ человѣческимъ обществомъ, представляютъ образецъ различныхъ результатовъ этой борьбы.—Чѣмъ организмъ выше, тѣмъ болѣе гарантированъ онъ противъ поглощенія обществомъ.—Нѣкоторые изъ составляющихъ сафонофору полиповъ и медузъ суть просто половые органы, всѣ остальные безполы. Въ пчелиномъ роѣ есть трутни, которые, хотя и составляютъ собственно говоря, въ совокупности половой органъ роя и ради этого отправленія только и терпятся, но все таки самостоятельно ѣдятъ, летаютъ. Суще-

ствуютъ и безполыя рабочія пчелы. Это—меньшая степень побѣды общества: превратить однѣхъ пчелъ въ простые органы труда, а другихъ въ простые органы размноженія рою не удалось, но исключеніе все таки сильно. Наконецъ, въ человѣческомъ обществѣ безполый рабочій возможенъ только въ идеѣ—въ теоріи мальтузіанцевъ“ [25]).

Міропорядокъ представляется Михайловскому „въ видѣ необъятной системы индивидуальностей, изъ которыхъ каждая *стремится все къ большей сложности, разнородности и концентраціи своего состава,* борясь и съ низшими, и съ высшими индивидуальностями и то побѣждая, то терпя пораженіе въ этой неустанной борьбѣ на два фронта. *Общей цѣли этого міропорядка мы не знаемъ и не можемъ знать, она для насъ не существуетъ, и мы склонны видѣть въ этой вѣковой борьбѣ, съ человѣческой точки зрѣнія, скорѣе безпорядокъ, лишенный всякаго нравственнаго смысла и цѣли.* Но это не исключаетъ необходимости и возможности нравственности и телеологіи, но только не объективной, а субъективной. Въ безконечномъ потокѣ стремящихся къ все большей и большей сложности и самостоятельности индивидуальностей разныхъ степеней, вѣчно борющихся между собою съ различными результатами борьбы, есть одна и только одна волна, за судьбами которой мыслящій человѣкъ не можетъ не слѣдить съ извѣстной тревогой. Это—человѣкъ, человѣческая личность; ибо только ея жизнь можетъ онъ переживать, только ей сочувствовать, сострадать и сорадоваться. Повинуясь объективному, стихійному закону борьбы за индивидуальность, онъ именно ее, эту борьбу, долженъ сознательно поставить цѣлью своей жизни, на ея побѣдѣ построить свой идеалъ. Здѣсь и лежитъ точка примиренія объективнаго и субъективнаго, правды-истины и правды-справедливости“.

Какъ видимъ, вопросъ все таки далекъ отъ разрѣшенія. Если правда-истина требуетъ борьбы, то значитъ необходимы и жертвы, а гдѣ жертвы, тамъ нѣтъ правды-справедливости, такъ какъ съ точки зрѣнія жертвы пораженіе не есть идеалъ и не можетъ быть желательнымъ для нея.

Н. К. Михайловскій высказываетъ положеніе, близкое къ дѣйствительному разрѣшенію вопроса. Онъ полагаетъ, что законоподчиненность не противорѣчитъ личной дѣятельности и отвѣтственности. „Категорія необходимости столь всеобща и непререкаема, что обнимаетъ собою даже самыя безумныя надежды и самыя безсмысленныя опасенія, съ которыми она, повидимому, призвана воевать. Съ ея точки зрѣнія, надежда прошибить стѣну лбомъ есть не глупость, а необходимость, совершенно такъ же, какъ Казимодо не уродъ, а необходимость, Каинъ или Іуда не злодѣй, а необходимость. Словомъ, руководясь въ практической

жизни ею одною, мы попадемъ въ какое-то фантастическое безграничное пространство, гдѣ нѣтъ идей и вещей, нѣтъ явленій, а есть только одноцвѣтныя тѣни идей и вещей. Но въ дѣйствительности никто никогда и не становится на эту, невозможную для человѣческаго ума, точку зрѣнія. Въ дѣйствительности, какъ только мы вступаемъ въ нее въ качествѣ живыхъ участниковъ, *необходимость умѣряется возможностью и вѣроятностью и окрыляется желательностью*, при чемъ не исчезаетъ, а занимаетъ свое опредѣленное условное мѣсто въ нашемъ міровоззрѣніи и міровоздѣйствіи. Въ своемъ безусловномъ, метафизическомъ видѣ, идея необходимости безполезна для житейской практики, а по скольку сбиваетъ съ толку людей, ввергая ихъ въ омутъ недоразумѣній, и прямо вредна. Таковы же ея услуги въ наукѣ. Въ томъ фантастическомъ царствѣ, гдѣ метафизическія тѣни явленій заслоняютъ отъ насъ самыя явленія съ ихъ цвѣтомъ и запахомъ, красотою и безобразіемъ, подлостью и величіемъ—нѣтъ и героевъ и толпы, а есть только равно необходимые люди, въ извѣстномъ порядкѣ выскакивающіе изъ таинственныхъ нѣдръ исторіи. Въ дѣйствительной жизни, однако, герои и толпа существуютъ, герои ведутъ, толпа бредетъ за ними“ [26]).

Въ этихъ словахъ много правды. Идеи возможности раскрываются въ человѣчествѣ при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ. Разъ возможность проявилась въ личности, она стремится къ воплощенію и путемъ пропаганды производитъ „міровоздѣйствіе“, т. е. герой ведетъ толпу. *Необходимость*—это воздухъ историческій, безъ него нѣтъ и самой жизни личности, но въ средѣ, необходимой, какъ почва растенію, для проявленія и роста *возможности*, эта *возможность становится идеей*, зовущей къ дѣятельности. Осуществленіе ея опредѣляется *вѣроятностью*, т. е. живучестью идеи и соотвѣтствіемъ среды, что предполагаетъ *силу желанія и воли*. Разумъ, чувство и воля—вотъ три фактора дѣятельности на почвѣ исторіи, какъ прежде данныхъ человѣку, какъ предварительной среды.

Значеніе случая допускалъ и Грановскій. „Великая роль случая, говоритъ онъ, допускается только въ эпохи умственнаго и нравственнаго ослабленія, когда человѣкъ перестаетъ вѣрить въ законное движеніе событій, когда онъ теряетъ изъ виду божественную связь, охватывающую всю жизнь человѣчества“ [27]).

Наконецъ часть нашихъ мыслителей допускаетъ свободу дѣйствій и въ связи съ нею случай въ виду признанія особаго характера соціальныхъ законовъ, въ отличіе отъ законовъ физическаго міра.

М. М. Филипповъ, по поводу утвержденія Штамлера, что было бы нелѣпо добиваться возникновенія партіи, содѣйствующей лунному затмѣнію, пишетъ:

„Нелѣпость такой партіи обусловлена исключительно *физическою* невозможностью воздѣйствовать на данное явленіе. Но есть и возможность воздѣйствія въ сферѣ необходимости. Такъ мы знаемъ, что въ данное время будетъ опредѣленное число грозъ, но это не мѣшаетъ намъ устраивать громоотводы. Если бы могли также воздѣйствовать и на лунное затменіе, то не смотря на полную увѣренность въ наступленіи его, *при нашемъ невмѣшательствѣ*, мы предпринимали бы мѣры, чтобы воспрепятствовать ожидаемому явленію. Мы допускаемъ законы въ выпаденіи града, но физика имѣетъ право искать средствъ противъ этого явленія“ [28]).

„Если я вижу возможность столкновенія поѣздовъ и хватаюсь за колесо, то это нелѣпость, но если я бѣгу, размахивая флагомъ и обращаю на себя вниманіе машиниста, то этимъ спасаю жизнь массѣ людей“ [29]).

Въ томъ же направленіи высказываются и всѣ наши послѣдователи такъ называемаго экономическаго матеріализма, слѣдуя въ этомъ случаѣ разъясненіямъ К. Каутскаго.

К. Каутскій простодушно сознается, что „законы“ марксистовъ никого и ничему не подчиняютъ, а являются лишь... какимъ то позывомъ къ мятежу, безъ котораго не мыслимъ соціализмъ. „Концентрація капитала ставитъ историческую задачу: введеніе соціалистическаго общественнаго строя. Она порождаетъ силы для рѣшенія этой задачи, пролетаріевъ, и создаетъ также средства для ея рѣшенія: общественное производство; но она сама собою, безъ всякихъ дальнѣйшихъ условій, не даетъ еще рѣшенія задачи. Это рѣшеніе можетъ дать только *сознаніе, воля, дѣятельность пролетаріата*“ [30]).

Стало быть, когда они говорятъ, что цѣнность опредѣляется трудомъ, то въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго, а сознаніе и разбой *должны* сдѣлать то, что публицисты эти считаютъ истиной.

Самъ же Каутскій отрицаетъ и свое основное положеніе матеріалистическаго толкованія исторіи. Онъ пишетъ: „Сила научнаго изслѣдованія такъ велика, что она можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, поднять изслѣдователя соціальныхъ отношеній выше традиціонной точки зрѣнія *его собственнаго класса*“ [31]).

Хотя это и сказано для объясненія факта появленія теорій Маркса и Энгельса, которыя не мыслимы были по ихъ же собственному ученію, но тѣмъ не менѣе выходитъ, что *надстройка* не всегда является продуктомъ фундамента—экономическихъ отношеній. Выходитъ, когда рѣчь идетъ объ ученіяхъ другихъ, то все это есть чиханье производственныхъ условій, а теорія собственная—это что то сверхъ-естественное.

Не божественнаго ли происхожденія, какъ говорили о своихъ теоріяхъ талмудисты?

А между тѣмъ Каутскій правъ, когда говоритъ, что отрицаніе закономѣрности общественнаго развитія равносильно отрицанію „возможности научнаго обсужденія великой проблемы нашего времени", т. е. самъ же, отрицая закономѣрность или, точнѣе выражаясь, признавая закономѣрность лишь такую, которая водворяется въ жизни полицейскими или разбойными усиліями, отрицаетъ работу всей своей жизни.

Еще къ большему самоотрицанію и слѣдовательно самоубійству пришли европейскіе ученые, разсуждавшіе объ этой же коллизіи законовъ и свободы съ чисто теоретической точки зрѣнія. Таково наприм. воззрѣніе такъ называемой матеріалистической школы.

Вся она признаетъ, что законъ или категорія причинности есть результатъ индукціи изъ окружающаго насъ міра, въ которомъ связаны причины и слѣдствія. Наше мышленіе на основаніи вѣкового опыта вылилось въ категоріи причинности и поэтому мы на каждомъ шагу подходимъ къ явленіямъ съ предвзятой идеей причинности. Позитивистъ Д. С. Милль говоритъ поэтому: „Я убѣжденъ, что каждый, кто привыкъ къ абстракціи и анализу и правильно употребляетъ свои способности, какъ скоро его воображеніе пріучилось питать это понятіе, ни мало ни затруднится представить себѣ, что наприм. въ одной изъ твердей, на которыя теперь астрономія раздѣляетъ вселенную, могутъ слѣдовать другъ за другомъ событія *произвольно* и безъ опредѣленнаго закона; и въ нашемъ опытѣ или въ нашемъ умѣ нѣтъ ничего, что могло бы составить достаточное, или въ дѣйствительности лишь какое-нибудь основаніе для того, чтобы думать, что это нигдѣ не бываетъ [32]).

Въ представленіяхъ Д. С. Милля идея причинности—идея благопріобрѣтенная путемъ индукціи и затѣмъ врожденная, какъ передаваемая по наслѣдству, подобно идеямъ времени и пространства не имѣетъ значенія абсолютной истины. Возможны явленія и безъ всякихъ причинъ... А изслѣдователь явленій ищетъ причинъ только потому, что у него въ головѣ есть категорія причинности. Такъ мальчикъ бѣжитъ, испугавшись свиста въ своемъ носу отъ насморка. И куда бы онъ не побѣжалъ, за нимъ всюду бѣжитъ и страшный для него свистъ. Ученый Д. С. Милль еще несчастнѣе. Онъ знаетъ, что причинность у него въ головѣ, а не въ дѣйствительности, и все-таки долженъ переносить ее на дѣйствительность. Онъ судитъ, предварительно произнося вердиктъ.

III.

Предъ нами хаосъ мнѣній о хаосѣ жизни.

Но какъ въ хаосѣ жизни, такъ и въ хаосѣ мнѣній должна быть сила сцѣпленія, безъ которой ничто не можетъ существовать. Само не-бытіе мы понимаемъ, какъ отсутствіе жизни, т. е. опредѣляемъ границу, въ которой оно существуетъ, какъ нѣчто цѣлое. И въ нашемъ хаосѣ, обозначаемомъ словомъ Случай, не можетъ не быть такой силы, иначе немыслимо было самое существованіе его. И она есть и состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ соотношеніяхъ фактовъ, возстающихъ противъ закона эволюціи и въ то же время въ своемъ движеніи подчиненныхъ этому самому закону эволюціи.

По закону эволюціи, не можетъ быть ни одной капли воды, которая не стремилась бы къ уравненію съ другими: въ сообщающихся между собою сосудахъ вода стремится къ одному уровню. На этомъ основано движеніе рѣкъ и образованіе водныхъ бассейновъ. Каждая частица воды стремится занять наиболѣе глубокое мѣсто, подчиняясь закону тяготѣнія. Такъ образуется общій уровень, которымъ связываются и какъ бы цементируются отдѣльныя капли. Образовавъ изъ своихъ мельчайшихъ частей одно цѣлое, капли уже въ видѣ рѣки стремятся сообща въ наиболѣе глубокія части доступной имъ территоріи. И въ теченіи вѣковъ образуются водные источники, оказывающіе громадное вліяніе на физическій, соціальный и даже духовный строй территорій.

И справедливо говорятъ, что рѣка образуетъ свое собственное ложе, устрояетъ свой собственный путь, организуетъ свою собственную судьбу. Это самообразованіе рѣки, при которомъ, конечно, принимаются въ разсчетъ не только внутреннія силы воды, но также условія территоріи, климатъ, географическое положеніе и т. п. Это самообразованіе и называется эволюціей. Здѣсь вырабатывается *средній типъ*, выробатывается *родовое сходство*, составляющее всю сущность эволюціоннаго процесса.

Но этотъ процессъ *исключаетъ различія*. Онъ исключаетъ все то, что возмущаетъ средній уровень, всѣ волненія, всѣ бури. А между тѣмъ это революціонизирующее существуетъ въ жизни и производитъ то, что въ дѣйствительности нѣтъ ни одного мгновенія, когда вода занимала бы средній уровень, когда капля воды не была бы выше, или ниже другой.

Съ точки зрѣнія эволюціи, это настоящая революція, какъ возстаніе противъ средняго типа, средней величины, противъ однообразія, вырабатываемаго по закону сходствъ. Разнообразіе вступаетъ въ борьбу съ однообразіемъ. Законъ сходствъ подтачивается закономъ стремленія къ различіямъ.

Но и различія сталкиваются между собою, образуя борьбу или союзность въ взаимныхъ отношеніяхъ, т. е. образуя нѣчто *общее* для всей массы различій, въ которомъ отдѣльныя различія и получаютъ свое проявленіе, то сглаживаясь, то развиваясь въ направленіи еще большаго различія. Это общее и есть *конъюнкція*, какъ conjunctio rerum, *какъ сумма мирныхъ или бурныхъ сношеній*, какъ сумма соглашеній или соперничества, тождества дѣйствій при сходствѣ условій и причинъ, взаимнаго подражанія, всякихъ видовъ внушеній и т. п.

То, что вслѣдъ за Дарвиномъ, теперь уже почти единогласно принято называть закономъ эволюціи, въ сущности представляетъ собою тотъ же *законъ сходствъ*, уже уясненный нами.

Въ свою очередь то, что Кювье назвалъ революціей въ мірѣ животныхъ и растеній, въ существѣ дѣла есть *законъ различій*, вызывающій то борьбу, то соглашеніе и союзность.

Лучшей иллюстраціей его можетъ служить образованіе языка.

Нѣтъ ни одного народа, который получилъ бы языкъ готовымъ. Языкъ каждаго народа создается имъ самимъ, т. е., создается коллективно, работой мысли и слова каждаго жителя и при томъ безъ всякаго общаго плана работъ, безъ формулированной и даже безъ сознательной цѣли. Тѣмъ не менѣе въ результатѣ массовыхъ усилій отдѣльныхъ личностей, получается нѣчто общее, планомѣрное, закономѣрное. Лингвинисты открываютъ чудную законоподчиненность въ словообразованіяхъ и въ формахъ употребленія словъ. Языкъ культурныхъ людей представляется стройнымъ организмомъ, поражающимъ изслѣдователя своею планомѣрностью и вмѣстѣ съ тѣмъ изяществомъ, богатствомъ формъ и словъ, вполнѣ достаточнымъ для выраженія самыхъ тонкихъ движеній ума, чувства и воли. Изучая языкъ многихъ народовъ, уже утратившихъ свою самобытность, поражаешься величіемъ даннаго имъ орудія и часто не соотвѣтствіемъ современнаго быта народа съ его величественнымъ языкомъ. И самъ народъ склоненъ думать, что его языкъ данъ ему высшей силой, не продуктъ его творчества, не орудіе, имъ же самимъ созданное, но божественная благодать. А между тѣмъ еще не старые памятники свидѣтельствуютъ, что лѣтъ сто назадъ языкъ былъ менѣе совершененъ, что онъ развивается и теперь, что онъ образуется нами же и каждое поколѣніе вноситъ не малую долю своей энергіи на образованіе его.

Предъ нами стройный и планомѣрный организмъ, въ созданіи котораго нѣтъ архитектора, хотя и получается работа выше всѣхъ архитектурныхъ работъ, вмѣстѣ взятыхъ. Великіе писатели несомнѣнно принимаютъ дѣятельное участіе въ этомъ національномъ созданіи языка. Но они и велики потому, что пользуются совершеннѣйшимъ орудіемъ, безъ котораго весь ихъ та-

лантъ, вся ихъ геніальность оказались бы гомеопатическими. Ломоносовъ, Гоголь и Пушкинъ оказали громаднѣйшее вліяніе на русскій языкъ. Но русскій языкъ создалъ и Ломоносова и Гоголя и Пушкина. Пользуясь орудіемъ, созданнымъ на примѣръ, калмыками, эти великіе дѣятели остались бы незамѣтными и ихъ работа была бы ничтожною. Такъ въ общей національной работѣ исчезаетъ единица, какъ бы сильна она ни была. На оборотъ— своимъ величіемъ, своею мощностью единица обязана великому орудію, созданному національнымъ міромъ.

И такъ конъюнкція—это національный міръ. Это тотъ сложный организмъ различій, въ которомъ всѣ части взаимно помогаютъ другъ другу, стремясь не къ общей цѣли, но исключительно къ личнымъ задачамъ. Это міръ слагающійся tacite безъ уговора и договора, безъ бюрократіи и управленія. Мы не видимъ его, мы не видимъ дѣятеля, но видимъ дѣйствія и по дѣйствіямъ должны судить о дѣятелѣ. Въ сущности, когда мы говоримъ о законахъ, то всегда имѣемъ въ виду дѣйствія, подчиненныя безличной силѣ. Когда есть на лицо сознательный дѣятель, мы можемъ говорить о подчиненіи ему. Когда личная сознательность замѣняется представительствомъ—наслѣдственнымъ или выборнымъ,—можетъ быть рѣчь объ искусственныхъ законахъ, создаваемыхъ людьми. Здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ невидимымъ законодателемъ, которому подчиняются всѣ, какъ мы подчиняемся лингвинистическимъ законамъ, пользуясь языкомъ. Грамматика не сочиняетъ ихъ, а только изучаетъ. И законы конъюнкціи мы можемъ изучать, но создаемъ ихъ лишь въ той же мѣрѣ, въ какой участвуемъ въ созданіи своего національнаго языка. Законы этого языка для насъ обязательны. Не знающій его, не желающій мыслить и говорить на немъ, конечно, можетъ уйти въ пустыню и оставить родину. Но жить въ странѣ и не подчиняться законамъ національнаго языка никто не можетъ, не впадая въ идіотство или не живя паразитомъ, отдѣленнымъ отъ родины китайскими стѣнами кастъ. И такъ какъ мы мыслимъ не иначе, какъ словами, то національный языкъ управляетъ и нашею мыслью, а стало быть и нашимъ сознаніемъ. Общее, созданное всѣми, становится регуляторомъ индивидуальнаго и частнаго.

Какъ въ образованіи языка, такъ и въ образованіи характера, нравовъ, обычаевъ, *націи вообще,* конъюнкція дѣйствуетъ не замѣтно, постепенно проникая во всѣ части, во всѣ капли крови. Человѣкъ, не замѣтно для самого себя, превращается въ нѣчто, что ему же показалось бы ужаснымъ и невѣроятнымъ въ другое время.

Заслуга классиковъ экономической науки, въ особенности всемірная заслуга А. Смита, состоитъ въ томъ, что они сдѣлали предметомъ своихъ изслѣдованій это *общее* въ человѣческихъ дѣй-

ствіяхъ, которое представлялось имъ *въ видѣ равнодѣйствующей* свободныхъ сношеній между людьми. Не забѣгая впередъ, напомнимъ ученіе А. Смита объ отношеніи между естественною цѣнностью вещей и ихъ рыночною цѣнностью. Рыночная цѣнность вещей опредѣляется спросомъ и предложеніемъ; чѣмъ больше спросъ, сравнительно съ предложеніемъ, тѣмъ выше цѣнность продаваемаго; на оборотъ, чѣмъ больше предложеніе, тѣмъ ниже цѣнность. Цѣнности, опредѣляемыя на рынкѣ закономъ спроса и предложенія, онъ сравниваетъ съ грубою справедливостью, которая можетъ быть далека отъ нашего идеала, но тѣмъ не менѣе при данныхъ условіяхъ является единственною осуществимою справедливостью. Но и эта жизненная, хотя и грубая, справедливость имѣетъ свои границы, свои предѣлы, за которые она на долго не можетъ выступить. И эти границы—реальная правда, представляющая собою какъ бы центръ тяжести, къ которому естественно тяготѣютъ всѣ колебанія рыночныхъ цѣнностей. Существуетъ и должна существовать въ жизни естественная цѣнность, къ которой вѣчно стремятся вѣчно колеблющіяся рыночныя цѣны. Такая естественная цѣнность есть средняя величина заработной платы, прибыли и ренты, выручаемая въ цѣнѣ продукта. Выше ея цѣнность долгое время не можетъ быть по той простой причинѣ, что въ этомъ случаѣ одинъ изъ составныхъ элементовъ цѣны будетъ выше, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ. Положимъ, прибыль будетъ вмѣсто среднихъ 5 наприм. 10. Тогда капиталистамъ будетъ выгодно переводить свои капиталы въ производство, дающее не 5, а 10 процентовъ. Благодаря этому, производство продуктовъ усиливается, увеличивается предложеніе ихъ и цѣны падаютъ до средняго уровня прибыли. Если, на оборотъ, прибыль въ данной отрасли производства будетъ ниже средней, на примѣръ не 5, а всего 2, то такое производство становится невыгоднымъ для капиталистовъ, они сокращаютъ его, переводятъ свои капиталы въ болѣе выгодныя предпріятія. Благодаря этому, предложеніе товаровъ уменьшается и цѣны ихъ увеличиваются до уровня оплаты среднихъ размѣровъ прибыли. Очевидно, сколько-нибудь продолжительное время на рынкѣ цѣны продуктовъ не могутъ быть ни выше, ни ниже естественной или справедливой цѣнности. Справедливость является въ центрѣ вѣчно колеблющихся рыночныхъ цѣнъ. Она регулируетъ ихъ, управляетъ ими, управляя такимъ образомъ свободною дѣятельностью индивидуумовъ и, какъ видимъ, управляетъ такимъ образомъ, что каждый производитель, заботясь лично о себѣ, о своей собственной выгодѣ, о своихъ собственныхъ интересахъ, въ то же время весь свой трудъ, всю свою энергію направляетъ къ удовлетворенію выгодъ другихъ, интересовъ цѣлаго. Личная свобода, регулируемая невидимой центральной силой, называемой естественной цѣнностью,

является высшимъ организаторомъ различныхъ и противоположныхъ интересовъ. Она централизуетъ всѣ центробѣжныя силы и самую центробѣжность превращаетъ въ центростремительность. И человѣкъ, по ученію Смита, наибольшую пользу приноситъ обществу не тогда, когда онъ заботится объ общественныхъ дѣлахъ, когда онъ жертвуетъ собою для общественной службы, для общественнаго благосостоянія. Нѣтъ, наибольшую пользу обществу онъ приноситъ тогда, когда думаетъ и заботится только о самомъ себѣ. Купецъ, заботящійся только о своей прибыли, безконечно больше приноситъ пользы обществу, чѣмъ любой филантропъ, только и думающій о другихъ. Личный интересъ въ концѣ концовъ есть vis medicatrix naturae, есть таинственная жизненная сила, часто спасающая общество вопреки безсмысленныхъ предписаній соціальныхъ врачей.

А. Смитъ нашелъ этотъ внутренній законъ видимаго хаоса, это однообразіе въ кажущемся и дѣйствительно существующемъ разнообразіи интересовъ и стремленій, слѣдуя въ своихъ изысканіяхъ не столько индукціи, сколько дедуктивнымъ пріемамъ мышленія. Онъ изображаетъ самоорганизующуюся общественность при предположеніи полноты личной свободы и личнаго интереса. Онъ предполагаетъ, что каждый человѣкъ лучшій судья въ своемъ собственномъ дѣлѣ, что каждый лучше всего знаетъ, что ему нужно и какими средствами достигнуть желаемаго. При этомъ онъ допускаетъ, что въ обществѣ господствуетъ реальная свобода, каждый дѣлаетъ то, что ему нравится, надъ чѣмъ онъ желаетъ трудиться. Другими словами, А. Смитъ чисто гипотетически ставитъ крайнюю центробѣжность въ главѣ угла общественнаго зданія. Каждый совершенно свободно преслѣдуетъ только свои личныя цѣли, не заботясь о другихъ, не думая о нихъ или лучше, думая о другихъ лишь на столько, на сколько эти другіе могутъ служить средствомъ удовлетворенія его личныхъ стремленій. „Я“ Макса Штирнера за долго до появленія мрачнаго нѣмецкаго эгоиста было провозглашено центромъ вселенной: все, что не „я“ и у А. Смита служитъ только орудіемъ личныхъ интересовъ. Разница лишь въ томъ, что у А. Смита conjunctio личныхъ стремленій приводитъ къ „грубой справедливости“, вѣчно колеблющейся во-кругъ своего центра—естественной справедливости. А. Шоппенгауэръ, также исходя изъ принципа эгоизма, пришелъ къ убѣжденію, что человѣкъ есть дьяволъ въ отношеніи къ другому человѣку [33]).

Какъ видимъ, А. Смитъ, не отрицая эгоизма, т. е. того же самаго сатанизма, находитъ, что *соединеніе, столкновеніе, сообщество* тѣхъ же дьяволовъ образуетъ общую пользу, общую солидарность и даже на центральномъ принципѣ справедливости. Сумма сношеній, предпринимаемыхъ во имя хотя бы самого Са-

таны, вызываетъ къ жизни *высокіе принципы* общественности, въ свою очередь, какъ среда, облагораживающіе и главные элементы своего собственнаго самообразованія. Различіе и противоположность интересовъ приводитъ къ обмѣну услугами, къ взаимности и солидарности.

Такъ частицы воды, стремясь обогнать другихъ, чтобы занять самое глубокое мѣсто, образуютъ величественныя рѣки, озера, моря, океаны. Каждый атомъ воды озабоченъ лишь собственнымъ стремленіемъ, но conjunctio ихъ создаетъ величественные водные источники.

Такова сила вещей, а, быть можетъ, и ratio rerum.

Глубоко грустны возраженія противъ А. Смита, основанныя на фактахъ борьбы и подавленія. Будто бы величайшій изъ мыслителей былъ слѣпъ и не видѣлъ того, что видятъ и дѣти [34]).

Онъ видѣлъ и разливы рѣкъ со всѣми ихъ бѣдствіями, видѣлъ грозныя опустошенія отъ наводненій. Но онъ видѣлъ и не всѣмъ зримую силу образованія организмовъ, хотя бы изъ тѣхъ же водъ, служащихъ дѣлу культуры. И указывая на эту естественную силу, А. Смитъ говорилъ объ условіяхъ ея приближенія, ея наибольшаго воцаренія. Онъ говорилъ *о полнотѣ свободы* сношеній. Указываютъ на всѣмъ извѣстные историческіе факты противоположнаго. Но кто же можетъ утверждать, что эти факты относятся къ дѣйствительной полнотѣ человѣческой свободы? Кто можетъ утверждать, что человѣкъ, гдѣ бы то ни было, хотя на мгновеніе былъ дѣйствительно свободенъ и въ силу своей свободы дѣйствительно отвѣтственъ? Ничего подобнаго не было. И ничего подобнаго не можетъ быть. Такъ не бываетъ въ жизни математическаго маятника, ибо физическій маятникъ всегда заключаетъ въ себѣ такую массу осложненій, что между физическимъ и математическимъ маятниками всегда будетъ существовать такое же сходство, какъ между небомъ и землей. Такъ не бываетъ въ жизни параллелограма силъ, дѣйствующихъ въ противоположномъ направленіи подъ угломъ, хотя всѣ полеты птицъ, всѣ движенія лодокъ, пароходовъ, аэропланов и т. д. основаны на этомъ реальномъ законѣ [35]).

И не мыслимъ въ здравомъ умѣ такой инженеръ, который бы строилъ планы на основаніи отрицанія этихъ физическихъ законовъ единственно потому, что онъ не видѣлъ и не можетъ никогда увидѣть физическаго маятника равнаго математическому и не можетъ видѣть въ жизни закона параллелограмма силъ!

Къ сожалѣнію, то, что не мыслимо для здраваго ума въ физикѣ, считаютъ здравомыслящимъ въ соціологіи! Извѣстны всѣмъ цѣлыя системы, отрицающія то ratio rerum, то conjunctio rerum omnium, на основаніи которыхъ А. Смитъ вывелъ самообразованіе экономическихъ организмовъ. Забыли, что это ratio есть ни

болѣе, ни менѣе, какъ свобода, т. е. самъ человѣкъ. Внѣ этого ratio можно, конечно, имѣть чудный механизмъ народнаго благосостоянія въ матеріальномъ смыслѣ слова, какъ есть чудныя конюшни, образцовые скотные дворы, великолѣпные птичники. Но человѣкомъ можетъ быть только такое существо, для котораго существуетъ древо познанія добра и зла. Съ однимъ добромъ, хотя бы и самымъ заманчивымъ, человѣка еще нѣтъ, какъ нѣтъ его и въ сферѣ, живущей только зломъ. И только то общежитіе можетъ быть названо дѣйствительно человѣческимъ, которое основывается на полнотѣ свободы индивидуума. Личность—единственный критерій нормальности или ненормальности соціальнаго строя. Но и наоборотъ: принципы соціальнаго строя, законы его самосохраненія и роста, служатъ въ то же время критеріемъ нормальности или ненормальности свободы личности. Такъ, по замѣчанію С. Южакова: „Удовлетвореніе своихъ потребностей въ ущербъ другихъ индивидовъ такъ же естественно и такъ же цѣлесообразно, какъ и на счетъ физической среды. Общественная точка зрѣнія не можетъ допустить такого безразличія, это безразличіе она именуетъ преступностью. Дѣятельность въ интересахъ индивидуальнаго самосохраненія можетъ оказаться въ антагонизмѣ съ интересами общественнаго самосохраненія, можетъ оказаться мятежной и преступной“.

И въ дѣйствительности свобода личности не дается человѣку, какъ нѣчто готовое, а вырабатывается имъ совмѣстно съ общей дѣятельностью соціальнаго организма. Если интересы личности служатъ критеріемъ нормальности общежитія, то и на оборотъ интересы общежитія требуютъ выработки такихъ формъ свободы личности, при которыхъ общежитіе могло бы не только сохраняться, но и правильно функціонировать. И чѣмъ выше свобода личности, тѣмъ могутъ быть и даже должны быть строже требованія общественности.

„Въ Вашингтонѣ устроено „депо мертвыхъ писемъ“, куда пересылаются всѣ недоставленныя письма, вслѣдствіе невѣрнаго адреса. Письма эти вскрываются по прошествіи года и изъ нихъ вынимается болѣе 3 милліоновъ долларовъ. Въ Соед. Штатахъ всякій имѣетъ право посылать деньги въ простомъ или заказномъ письмѣ; американцы не находятъ удобнымъ для публики принимать деньги такъ, какъ ихъ принимаютъ въ Россіи, заниматься писаніемъ кому, куда, ставить штемпеля и т. д. и, пока въ русской почтовой конторѣ отпустятъ одного отправителя, въ Штатахъ отпустятъ десятки, если они отправляютъ заказ. письма. На заказное письмо немедленно выдается готовая квитанція, на которой стоитъ такой же знакъ, какой ставятъ и на письмѣ. Чеки на какую бы то ни было сумму пересылаются въ простомъ, или въ заказномъ письмѣ. Письма не теряются. Законъ ограж-

даетъ письма: *за вскрытіе, завладѣніе чужимъ письмомъ съ злымъ намѣреніемъ налагается страшное наказаніе—20 лѣтъ одиночнаго заключенія*".

Страшной карой сдерживаются волчьи инстинкты человѣка и человѣчество выигрываетъ.

Не даромъ говорится, что истинная свобода личности не можетъ быть подаркомъ свыше, что она вырабатывается въ теченіи исторической жизни самимъ же народомъ.

Ничего тутъ таинственнаго нѣтъ. Если человѣкъ дѣлаетъ одежду, то и одежда дѣлаетъ человѣка: она спасаетъ его отъ стужи, она даетъ ему тепло, безъ котораго нѣтъ жизни. Соціальный организмъ создается массовой *конъюнкціей* и созданная такимъ образомъ сила въ свою очередь вліяетъ на составныя ея части.

Къ субъективизму нашихъ гуманистовъ необходимо добавить, что не всякая личность является критеріемъ соціальнаго цѣлаго. Интересъ вора и разбойника—не оцѣнка нормальности или ненормальности общежитія. Критеріемъ можетъ быть только *соціальная личность*, не изолированное животное, но человѣкъ, живущій въ союзѣ.

И на оборотъ, не всякая общественность можетъ быть критеріемъ личности. Шайка воровъ и разбойниковъ не можетъ быть указателемъ нормальности индивидуума. Только та общественность, которая возвышаетъ личность, есть нормальная. Не суть власти, которыя не отъ Бога.

Законъ эволюціи приходитъ на помощь законамъ конъюнкціи. Націи, наиболѣе удовлетворяющія условіямъ общности и личности, имѣютъ на своей сторонѣ болѣе могущества и имъ принадлежитъ будущее.

IV.

Конъюнкція, какъ сумма сношеній между людьми, конечно, есть результатъ частичныхъ сношеній, подобно тому, какъ образованіе рѣки есть результатъ движенія капель воды, или языкъ есть результатъ индивидуальныхъ стремленій къ обмѣну мыслями, чувствами, желаніями, продуктами и услугами.

Общее производится частнымъ, цѣлое—частями. Но для того, что бы осуществилось общее, необходима идея его. По замѣчанію С. Булгакова, „хозяйство *не только логически*, но и фактически, исторически есть prius отдѣльныхъ актовъ хозяйства" [38]). Это, конечно, уже настоящая метафизика. Въ дѣйствительности идея цѣлаго предшествуетъ частямъ, но реально сочетаніе частей производитъ цѣлое по идеѣ, соотвѣтствующей фактическимъ особенностямъ частей. Конъюнкція есть сочетаніе, какъ нѣчто новое для слагаемыхъ, для сочетающихся, но свойства послѣд-

нихъ необходимо отливаются въ формахъ новообразованія. А. Смитъ безусловно правъ, утверждая что конкурренція (грубая справедливость) сама создаетъ естественную цѣнность (справедливость), какъ центръ своего собственнаго регулированія. Также онъ совершенно послѣдовательно и справедливо очень часто противополагаетъ естественный или идеальный порядокъ строя фактическому или историческому. Такъ, наприм., онъ говоритъ, что въ естественномъ порядкѣ города должны бы возникнуть уже послѣ того, какъ получаютъ надлежащее развитіе деревни, и обрабатывающая промышленность должна бы возникнуть позже земледѣлія и послѣднее должно бы передать лишнія руки на фабрики, заводы и мануфактуры. Исторически же было обратное явленіе. Города развивались раньше деревень и оказывали громадное вліяніе на развитіе земледѣлія. Объясняется дѣло тѣмъ, что экономическая конъюнктія лежитъ въ основѣ историческихъ фактовъ, хотя сама она создаетъ тѣ или иныя формы не произвольно, но по идеѣ этихъ формъ. Факты сложились такъ, что часть населенія, убѣгая отъ деревенскихъ безпорядковъ, образовала рынки для сбыта продуктовъ земледѣлія въ видѣ центральныхъ пунктовъ, называемыхъ городами. И такъ какъ сбытъ оказываетъ громадное вліяніе на производство, то развитіе городовъ создало производство хлѣба, какъ товара, превративъ земледѣліе изъ домашняго производства, продающаго лишь излишки, въ промышленность, работающую исключительно для сбыта. Въ логическомъ порядкѣ деревня должна бы создать городъ; фактически, т. е. по логикѣ конъюнктіи, городъ создаетъ деревню. Это не только общеизвѣстный фактъ, но и давно жалуются на несоотвѣтствіе, а то и разногласіе между теоріей и практикой. Логика чистаго разума и логика практическаго разума не сходятся. И это къ счастью человѣчества. Если бы жизнь не имѣла своихъ собственныхъ законовъ, а зависѣла бы исключительно отъ воли отдѣльнаго человѣка, то сколько головъ, столько было бы и проектовъ жизни. Конъюнктія разрѣзаетъ гордіевъ узелъ образованіемъ своей собственной логики жизни, самообразующейся отъ самой конъюнктіи или отъ сочетанія всей массы случаевъ.

Поэтому-то всѣ идеальные проэкты общежитія имѣютъ лишь значеніе для выработки коллективнаго сознанія, безъ котораго они жизненнаго значенія не имѣли и не могутъ имѣть. Поэтому и говорятъ, что самые прекрасные законы безполезны, коль скоро не соотвѣтствуютъ данному уровню народнаго сознанія, его нравамъ и обычаямъ. И часто самыя лучшія благожеланія со стороны законодателей оканчиваются общимъ адомъ. Поэтому-то исторія человѣчества имѣетъ свою собственную логику, свой безличный разумъ, но нежелающій подчиняться дѣйствительному разуму. Философія исторіи есть настоящая философія безсо-

знательнаго, творящаго механически, творящаго *только конъюнктивно.*

Историческій и вообще соціальный Разумъ, при всей своей безсознательности, при всемъ своемъ разногласіи съ индивидуальнымъ Разумомъ, чуждъ произвола. Онъ образуетъ національные языки, въ коихъ любой изслѣдователь легко замѣчаетъ чудную правильность, планомѣрность, послѣдовательность. Также онъ претворяетъ и все, захватываемое имъ на своемъ пути. Въ особенности это необходимо сказать объ экономическихъ явленіяхъ. Большая часть ихъ не столько эволюціоннаго, сколько конъюнктивнаго происхожденія. Такъ различія между людьми, какъ и различія въ силахъ природы вызываютъ необходимость обмѣна, для осуществленія котораго необходимо установленіе цѣнности, денегъ и кредита, а также установленіе условій распредѣленія элементовъ цѣнностн между участниками въ производствѣ. Такимъ же механическимъ путемъ устанавливается и собственность, какъ необходимое условіе сохраненія въ сношеніяхъ интересовъ личности и общественности. Положительное законодательство каждой страны неизбѣжно согласуется съ этими конъюнктивными условіями, выработанными исторіей и современною жизнью. Оно является коррективомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда конъюнкція въ своемъ механическомъ процессѣ требуетъ жертвъ, безъ коихъ возможно обойтись при направленіи процесса по сознательному пути. Или же оно представляется ничѣмъ инымъ, какъ коллективнымъ сознаніемъ, замѣняющимъ для націи тотъ цензоріумъ, каковымъ является для личности индивидуальное сознаніе, дѣйствующее не противъ законовъ личнаго организма, но въ согласіи съ ними, и въ подчиненіи его функцій сознательнымъ цѣлямъ [39]). Экономическая жизнь болѣе другихъ сферъ есть результатъ конъюнкціи и управляется ея законами, ея природой, ея особенностями. Но и въ общемъ вся соціальная жизнь представляетъ собою не столько продуктъ эволюціи, сколько результатъ дѣятельности конъюнктивныхъ силъ.Съ точки зрѣнія конъюнкціи политическая, наприм., исторія представляетъ собою слѣдующіе этапы: первоначально слабыя существа—люди—соединялись въ союзы, въ коихъ все было общее до того, что не было и мысли объ отдѣльномъ благополучіи. Дикарь, найдя добычу, не пользуется ею, какъ бы голоденъ ни былъ, но объявляетъ племени и всѣ приступаютъ къ удовлетворенію себя. Человѣкъ былъ политиканъ зоонъ, т. е. было право всѣхъ, общее право, *публичное право.* Ius privatum еще не зародилось. Откуда же оно взялось?

Обращаясь къ стаднымъ животнымъ, мы видимъ, что болѣе сильныя изъ нихъ эксплоатируютъ ближнихъ, отнимая у нихъ лучшіе куски. Безъ стада и эти сильныя животныя не могутъ жить, у нихъ уже выработался инстинктъ стадности. Но тѣмъ не менѣе

они не прочь пожить въ свою личную пользу, хотя бы на счетъ всего общества. Очевидно, необходимость общей жизни не у всѣхъ атрофируетъ эгоизмъ. И вотъ эти худшіе элементы общества въ свою очередь соединяются для удовлетворенія своихъ эгоистическихъ наклонностей. Они становятся или вождями племени, оберегая его отъ нападеній и получая за это львиную долю, ими же самими, какъ болѣе сильными и опредѣляемую. Или же, образовавъ шайку, уходятъ покоряютъ другія племена и заставляютъ ихъ служить себѣ, организуя общества, вполнѣ имъ подчиненныя. Частное право возникло изъ публичнаго и на счетъ публичнаго. Исторически, частное право есть захватъ публичнаго.

Кто первый отгородилъ себя, тотъ создалъ частную собственность, выдѣлившись изъ публичнаго права пользованія. Общественные инстинкты не атрофируются и здѣсь. Они получаютъ лишь интенсивное направленіе. Вмѣсто общаго въ племени появляется общее въ семьѣ, хотя бы и на счетъ племени.

Такъ вмѣсто союза для существованія возникаетъ борьба за существованіе.

Въ этой борьбѣ побѣдитель видитъ собственность во всемъ, что ему подвластно. Возникаетъ вотчинное право.

Болѣе сильныя племена входятъ въ соглашеніе съ вождями, имѣющими дружины, передавая имъ власть для огражденія безопасности и регулируя ихъ дѣятельность на собраніяхъ племени. Таковы князь и вѣче кіевскаго періода Руси. Таково, по Ключевскому, образованіе русскаго государства. Общими дѣлами распоряжается вѣче, князю и дружинѣ предоставлена исполнительная полицейская власть. Такіе порядки перешли въ Новгородъ и Псковъ, гдѣ и сохранились до Ивана IV.

Но и здѣсь начинаетъ дѣйствовать принципъ захвата общаго въ частное. Князья становятся наслѣдственными и видятъ въ своихъ функціяхъ вотчинное право. Возникаютъ государи—вотчинники, между ними борьба и побѣждаетъ одинъ, становящійся общимъ вотчинникомъ въ странѣ.

Но съ расширеніемъ хозяйства нельзя самому со всѣмъ справиться. Отсюда приказчики и цѣльные приказы, дѣйствующіе именемъ хозяина, но самостоятельно. Мало по малу отъ хозяина управленіе переходитъ къ приказчикамъ—назначаемымъ или выборнымъ. Хозяину остается общее руководительство всѣмъ. Судъ творится именемъ Царя, казни—его именемъ, сборъ податей его именемъ, и т. д. При сложности машины необходимы совѣты, думы, составляющія программы. Постепенно вотчинное управленіе превращается въ самодержавное и jus privatum въ jus publicum. Стихійный порядокъ ограничиваетъ и произволъ: сперва дружиной, боярщиной, аристократіей, бюрократіей и выборными людьми.

Н. Рожковъ въ своей книгѣ „Происхожденіе самодержавія

въ Россіи" указываетъ на стихійныя причины развитія самодержавія. Указывая на организацію подчиненнаго управленія въ московскомъ государствѣ въ XVI и XVII. в., онъ указываетъ на постепенное выдѣленіе хозяйственно-распорядительныхъ функцій изъ непосредственнаго вѣдѣнья государями именно подъ вліяніемъ усложнившагося и развившагося порядка. Силъ не было не только одному человѣку, но и центральнымъ органамъ справиться съ расширившимся дѣломъ. На долю государей оставалось только *общее* руководство и *общій* надзоръ.

Но этотъ стихійный или конъюнктивный порядокъ говоритъ о превращеніи частнаго права въ публичное, но не о превращеніи послѣдняго въ обязательство, *въ обязанность*. Публичное право въ лицѣ приказовъ было дѣйствительно публичнымъ, а не частнымъ, ибо лица дѣйствовали по приказу царя, а не въ собственныхъ интересахъ. Но какъ у царя вотчинныя права превратились въ обязательства предъ Богомъ и страной?

Стихійный методъ не можетъ дать отвѣта. Тутъ должна дѣйствовать внутренняя сила—моральнаго и вообще духовнаго развитія. Вѣдь самодержавіе даже при Николаѣ I не было Вотчиной. Хозяинъ бился не изъ за личныхъ цѣлей, но для блага страны и видѣлъ въ своихъ неусыпныхъ заботахъ не только право, но и священный долгъ.

Это уже приводитъ насъ къ разсмотрѣнію болѣе высокихъ и болѣе таинственныхъ законовъ, стоящихъ надъ эволюціей и надъ конъюнкціей. Это законы—*развитія или прогресса.*

VI. Прогрессъ.

„Никто не станетъ, гов. Дарвинъ, приписывать оттѣненія глазковъ фазана-аргуса, оттѣненія, возбудившаго удивленіе многихъ опытныхъ художниковъ, простой случайности, т. е. случайному скопленію атомовъ окрашивающаго вещества. Невозможно думать, чтобы эти украшенія образовались благодаря подбору цѣлаго ряда послѣдовательныхъ измѣненій и, чтобы ни одно изъ такихъ измѣненій не стремилось первоначально къ цѣли—произвести эффектъ глазного яблока, лежащаго въ его глазной орбитѣ. И утверждать это было бы также странно, какъ и то, что созданіемъ Рафаэлевской мадонны мы обязаны подбору случайныхъ мараній, въ которыхъ упражняли свои силы поколѣнія молодыхъ художниковъ".

Какъ видимъ, самъ Дарвинъ, обыкновенно прибѣгавшій къ случаю, какъ послѣдней инстанціи творчества, въ концѣ концовъ долженъ былъ согласиться съ тѣми, которые и раньше его признавали, что случай не все вывозитъ.

Еще Руссо говорилъ, что невозможно разсыпать шрифтъ и

получить хотя бы одинъ стихъ Энеиды. А Кантъ назвалъ *безстыднымъ* возрѣніе Эпикура, что атомы безъ всякой причины могли измѣнять свое теченіе.

Спасеніе Дарвинъ думалъ видѣть въ положеніи, что функціи создаютъ для себя соотвѣтствующіе органы. Но для этого необходимо допустить нѣчто уже совсѣмъ внѣ-логическое. У насъ оно признано и научно обсновано Т. Соловьевымъ.

Т. Соловьевъ всю эволюцію животныхъ объясняетъ волевыми представленіями. Всякое движеніе зависитъ отъ представленія. Волевое представленіе „есть колебаніе молекулъ мозга, которое реализуется во внѣ, т. е. въ той же силѣ сообщается двигательнымъ нервамъ“. Если это движеніе повторяется, то обращается въ привычку и соотвѣтственно ему образуется опредѣленное расположеніе молекулы и развиваются спеціальныя части: нервные мышцы, хрящи и пр. [2]).

По его мнѣнію, „упражненіе, заключающееся въ постоянной реализаціи извѣстнаго представленія, въ зависимости отъ инстинктовъ, есть тотъ общій принципъ, который долженъ быть поставленъ на мѣсто не только подбора, но и приспособленія“ [3]).

Этими упражненіями въ реализаціи представленій Т. Соловьевъ объясняетъ происхожденіе не только нервной системы, но даже и желудка. „Всасываніе пищи производится путемъ послѣдовательнаго сосредоточенія вниманія на притягательной силѣ сначала одной (наружной) группы атомовъ, ближе всего соприкасающейся съ предметомъ питанія, затѣмъ другой (уже внутренней), пришедшей послѣ того въ такое же ближайшее соприкосновеніе съ этимъ предметомъ и т. д.“. Такъ постепенно представленія вырабатываютъ сперва „ротовое отверстіе“, а за тѣмъ его продолженіе желудокъ и кишечную систему“ [4]).

Автору для полноты картины остается лишь доказать, что путемъ волевыхъ представленій образовался и самый органъ представленій, т. е. мозгъ [5]).

Ни эволюціей, ни конъюнкціей нельзя объяснить всѣхъ тѣхъ явленій, которыя не заключаютъ въ себѣ простыхъ механическихъ элементовъ. Эволюція можетъ закрѣплять и передавать потомству опредѣленныя свойства, появившіяся въ данной индивидуальности. Она можетъ передавать изъ поколѣнія въ поколѣніе „оттѣненіе глазковъ фазана-аргуса“, т. е. можетъ сохранить породѣ полученный первымъ индивидомъ капиталъ. *Полученіе* его предполагается, какъ исходной пунктъ эволюціонной дѣятельности. Но эволюція *ничего не творитъ* въ точномъ смыслѣ этого слова. Она только передаетъ разъ кѣмъ-то или чѣмъ-то данное, оказавшееся полезнымъ роду. Не точно также говорятъ, что эволюція усовершенствуетъ. Нѣтъ, и этого она не можетъ дѣлать. И здѣсь она лишь укрѣпляетъ за родомъ или породой

то лучшее, что окажется въ данномъ существѣ общеполезнымъ съ точки зрѣнія рода.

Конъюнкція болѣе могущественный и болѣе жизненный факторъ. Она также не творитъ, но можетъ улучшить, можетъ совершенствовать то, что дано ей. Такъ она посредствомъ благопріятныхъ физическихъ или соціальныхъ условій можетъ укрощать звѣрей, приручать дикихъ животныхъ, развивать въ человѣкѣ чувство общественности или развивать еще большее звѣрство. По справедливому опредѣленію Вильгельма Гумбольта, цивилизація состоитъ въ облагораживаніи индивидуумовъ *общественностью*. Культура же состоитъ въ подчиненіи природы человѣку [6]).

Въ томъ и другомъ случаѣ конъюнкція творитъ облагораживаніе и подвластность природы человѣку, т. е. создаетъ новое, называемое цивилизаціей и культурой, капитализируемое для человѣчества законами эволюціи. Сверхъ того, конъюнкція изъ двухъ сочетающихся особенностей создаетъ нѣчто новое также въ томъ отношеніи, что сочетаніе приводитъ къ смѣшаннымъ типамъ, смѣшаннымъ видамъ, что также имѣетъ значеніе созданій новаго элемента, часто совсѣмъ не похожаго на свои составныя части. Такъ сто человѣкъ, вмѣстѣ работая, подымаютъ тяжесть, которую каждый изъ нихъ порознь не можетъ поднять, хотя бы работалъ и всю свою жизнь. Можно ли сказать, что это *новое* дѣйствительно создается? Можно ли думать, что здѣсь мы имѣемъ предъ собою актъ творенія?

Если изъ сочетанія кислорода съ водородомъ получается вода, то это „новое“ не изъ ничего получено, а, стало быть, есть сочетаніе уже существовавшихъ элементовъ, т. е. не созданіе, а перемѣщеніе, превращеніе одной формы въ другую, какъ шитье платья изъ полотна, полученнаго изъ нитокъ, добытыхъ изъ конопли.

Очевидно, ни въ эволюціи, ни въ конъюнкціи мы не имѣемъ ничего общаго съ актомъ творенія.

И не менѣе очевидно также и то, что для эволюціоннаго и конъюнкціоннаго „творчества“ необходимо то, что ими перерабатывается, какъ перерабатываются наши волокна конопли въ одежду.

Это нѣчто, какъ мы видимъ, предполагаетъ и Дарвинъ, то въ видѣ случая, то въ видѣ сознательной идеи, вырабатывающей глазъ фазана-аргуса.

О наличности такого X говоритъ и сущность процесса, называемаго развитіемъ.

Развитіе требуетъ тождества развивающагося.

Внѣ такого тождества возможны катастрофы, возможны перемѣны, возможно уничтоженіе стараго и созданіе на его мѣстѣ новаго, но не возможно развитіе.

Доморощенный антикварій показываетъ любителю вазу Александра Македонскаго. Но почему же, спрашиваетъ любитель, на нижней половинѣ ея изображенъ Наполеонъ III? Потому, отвѣчаетъ антикварій, что эта часть разбилась и я заказалъ новую съ изображеніемъ Наполеона. — Но вѣдь и на верхней виднѣется Бисмаркъ?

— Да, она тоже разбилась и я заказалъ новую съ Бисмаркомъ.

Врядъ ли эти объясненія удовлетворили любителя старины. Но наши сторонники „естественныхъ“ процессовъ совершенно удовлетворяются ими, хотя бы на глазахъ ихъ ваза Александра Македонскаго была сдѣлана ремесленникомъ съ портретами Наполеона и Бисмарка.

Тождество измѣняющагося, подъ дѣйствіемъ ли эволюціи или конъюнкціи, или подъ дѣйствіемъ внутреннихъ самовозбудителей, предполагается вездѣ, гдѣ есть историческая преемственность или территоріальная измѣняемость.

Но понятіе тождества въ свою очередь постулируетъ единство въ многообразіи, которое не можетъ быть дано извнѣ, не можетъ быть результатомъ вѣчно измѣняющихся внѣшнихъ условій физической или соціальной среды. Среда можетъ оказывать свое вліяніе на данную величину, но она должна раскрываться во внѣ подъ дѣйствіемъ своихъ собственныхъ силъ, составляющихъ ея сущность, составляющихъ ея природу.

Сторонники крайняго эволюціонизма исходятъ изъ принципа, что случайно появившійся элементъ самосохраненія далъ перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе, остались въ живыхъ лишь существа, владѣвшія эгоизмомъ, благодаря чему весь процессъ эволюціи заключается въ борьбѣ за существованіе и въ побѣдѣ наиболѣе приспособленныхъ. Уже Лассаль ясно представлялъ себѣ всю ложь подобнаго эволюціонизма, въ примѣненіи къ человѣчеству. По его словамъ, „можно не понимать человѣческой солидарности, общности, но уничтожить ихъ нельзя. Если существуютъ общественныя учрежденія, не признающія и не регулирующія эту солидарность, она тѣмъ не менѣе существуетъ, но обнаруживается уже какъ *грубая естественная сила*, мстящая за свое непризнаніе, *какъ рокъ*, играющій какъ мячикомъ мнимой свободой представленнаго самому себѣ индивидуума. Невѣдомыя и потому тѣмъ болѣе не обузданныя силы то возносятъ одного на верхъ богатства, то низвергаютъ сотни другихъ въ пропасть нищеты, дробя и давя ихъ и ихъ поступки, ихъ трудъ и работу. *Судьба разыгралась и мячами служатъ ей люди!*“ [7]).

И не только судьба играетъ людьми, но играетъ, испытывая наибольшее удовольствіе отъ разливаемой ею человѣческой крови, при чемъ сама же заставляетъ людей исполнять въ угоду ей роль мрачныхъ палачей.

По выраженію одного изъ эволюціонистовъ, у животныхъ есть человѣческая мораль, а у первобытныхъ людей есть также животная мораль. Стюартъ разсказываетъ, что одинъ австраліецъ разбилъ о камень голову своего больного ребенка, котораго онъ тотъ часъ же велѣлъ зажарить, что бы его съѣсть. Байронъ видѣлъ, какъ одинъ фиджіецъ разбилъ о скалы своего ребенка въ наказаніе за опрокинутую корзинку съ яйцами морскихъ птицъ. У нѣкоторыхъ племенъ южной Африки дѣти служатъ для приманки львовъ въ западни. На Огненной землѣ во время неурожая ѣдятъ старухъ, которыхъ предварительно душатъ, держа ихъ головы въ дыму горящей зелени. Фатцъ-Рой спросилъ туземцевъ, отчего они не употребляютъ для этого своихъ собакъ, ему чистосердечно отвѣтили: „Собака ловитъ выдру“ [8]).

Но, по мнѣнію эволюціонистовъ, современный человѣкъ есть лишь накопленный опытъ прежнихъ временъ. Стало быть въ любомъ человѣкѣ долженъ быть лишь этотъ накопленный эгоизмъ, должно быть звѣрство, превращенное путемъ эволюціи, т. е. естественнаго подбора, въ настоящее сатанинство. Злой дьяволъ—человѣкъ будущаго. Это несомнѣнный вполнѣ логическій выводъ изъ эволюціонизма, принявшаго принципъ эгоизма и борьбы за основаніе своихъ построеній. Необходимо сказать, что наши эволюціонисты не далеки отъ этого сатанизма.

Пр. Исаевъ признаетъ, что нашъ будущій экон. бытъ „будетъ точнымъ снимкомъ съ жизни Запада въ томъ, что крупное—частнокапиталистическое производство укрѣпится еще гораздо болѣе, нежели наблюдается нынѣ, неравенство состояній обострится гораздо болѣе, нежели то было до сихъ поръ, экономически сильный будетъ не только свободенъ, но и самовластенъ, будетъ исключительно опредѣлять все направленіе хозяйственной политики. Какъ богачъ, скупой, но внѣшнимъ образомъ благотворительный, накопляетъ и умножаетъ свои сокровища и въ то же время считаетъ неудобнымъ, неблаговиднымъ отказать въ копѣйкѣ нищему, который проситъ милостыню на церковной паперти, такъ и классъ, экономически сильный и властвующій, отводя въ хозяйственной политикѣ 99% всего мѣста мѣропріятіямъ, которыя только служатъ его личнымъ выгодамъ, будетъ изъ приличія уступать 1% мѣста такимъ госуд. мѣрамъ, котор. имѣютъ общенародное значеніе“ [9]).

И эта доктрина представляется въ значительной мѣрѣ господствующею въ настоящее время. В. Соловьевъ вѣрно характеризуетъ современную культуру, какъ „стремленіе организовать человѣчество внѣ безусловной религіозной сферы, утвердиться и устроиться въ области временныхъ, конечныхъ интересовъ“ [10]).

Подъ этими временными и конечными интересами, какъ сути культуры, нашъ философъ подразумѣваетъ животные, эгоистическіе интересы человѣчества.

Понятно, что съ эволюціонной точки зрѣнія и вся исторія представляется лишь толченіемъ людей, преслѣдующихъ лишь свои грубо эгоистическія цѣли. Извѣстный эволюціонистъ Ш. Летурно считаетъ „всеобщимъ закономъ“ слѣд. положеніе: „Люди сначала соединяются въ звѣроподобныя орды, затѣмъ въ республиканскія племена, далѣе въ монархическія и, наконецъ, въ большія государства, слагающіяся обыкновенно въ абсолютныя монархіи, иногда въ аристократическія республики. Отъ монархій послѣднія отличаются только тѣмъ, что не имѣютъ верховнаго главы, но рано или поздно и эти псевдо-республики почти неизбѣжно превращаются въ деспотическія монархіи“[11]).

Но почему же въ дѣйствительности мы не только не видимъ озвѣренія человѣчества, не только не замѣчаемъ усиленія звѣрства, капитализаціи его, охраняемой и передаваемой закономъ естественнаго подбора, но всякому бросается въ глаза очеловѣченіе людей, развитіе гуманности и подавленіе звѣрства. Въ дѣйствительности не видимъ не только роста озвѣренія, но замѣчаемъ совершенно обратное явленіе, дающее право самый прогрессъ человѣчества опредѣлить *какъ декорацію людей*, какъ ослабленіе звѣря въ человѣкѣ?

Съ эволюціонной точки зрѣнія этого не должно быть, если не допускать чуда.

Такой эволюціонизмъ въ то же время противорѣчитъ и самому эволюціонизму. Онъ рисуетъ намъ... неподвижность и вѣчность скотства. Л. Толстой объ этомъ эволюціонизмѣ пишетъ:

„Думаютъ, говоритъ онъ, что мысль объ отреченіи личности отъ блага жизни личной представляется отголоскомъ древняго невѣжества. Эти „несчастные не подозрѣваютъ того, что самый грубый индіецъ, стоящій годы на одной ногѣ во имя только отреченія отъ блага личности для нирваны, безъ всякаго сравненія болѣе живой человѣкъ, чѣмъ они, озвѣрѣвшіе люди современнаго европейскаго общества, летающіе по всему міру по желѣзнымъ дорогамъ и при электрическомъ свѣтѣ показывающіе всему свѣту свое *скотское состояніе*“ [12]).

Вмѣсто чуда или скотства, какъ естественнаго состоянія людей, послѣдователи эволюціонной теоріи обратились къ конъюнкціи, полагая, что конъюнкція людей создастъ принципы общежитія эволюціоннымъ путемъ закрѣпляемые въ видѣ инстинктовъ общежитія. Несомнѣнно, конъюнкція въ данномъ случаѣ имѣетъ громадное значеніе.

Междучеловѣческія сочетанія и особенно учрежденія оказываютъ реформирующее вліяніе не только на духовный, но даже и на тѣлесный складъ. Укажемъ напр., на то, какъ измѣняется органъ слуха. Въ изолированномъ состояніи слухъ развивается въ высшей мѣрѣ, являясь органомъ самообороны или

нападенія. Въ стадѣ онъ уже имѣетъ меньше значенія, такъ какъ здѣсь индивидуальная сила замѣняется многочисленностью ушей. Въ обществѣ слухъ значительно атрофируется, потерявъ всякое значеніе для безопасности. У человѣка нѣтъ и слѣдовъ органовъ, при помощи которыхъ уши передвигались, направляясь по волѣ животнаго въ ту или другую сторону, какъ это сохранилось у волковъ, собакъ, лошадей и т. д. У дикаря ухо еще подвижной органъ, въ высшей степени чуткій.

Тоже необходимо сказать относительно всего тѣла. Нѣтъ, наприм., у ногъ той мускульной силы, которою ноги отличались раньше. Исчезли многіе органы, оказавшіеся излишними. Если таково вліяніе среды на физическій организмъ, то тѣмъ болѣе должно быть вліяніе его на строй понятій и чувствъ. Отсюда—простой переходъ къ мысли, что рядомъ съ эгоизмомъ существуютъ чувства общественности, вырабатываемыя самою общественностью. Остановимся на нѣкоторыхъ разъясненіяхъ этого.

По словамъ А. Менгера, „патріотизмъ коренится не въ глубинѣ человѣческой природы, а напротивъ представляетъ изъ себя явленіе искусственное, исторически обусловленное. Но было бы большой ошибкой предполагать, что въ опредѣленный историческій моментъ всѣ классы народа въ одинаковой степени любятъ родину. Напротивъ, любовь къ отечеству обусловливается еще и соціальнымъ положеніемъ отдѣльныхъ классовъ населенія, у которыхъ интенсивность патріотическаго чувства достигаетъ той или другой степени въ зависимости отъ того, болѣе или менѣе тѣсно связаны ихъ интересы съ интересами государства“ [13]).

Патріотизмъ издавна возмущалъ многихъ публицистовъ соціалистическаго направленія и они съ усердіемъ стремятся упразднить его, объявивъ, что онъ представляетъ собою лишь историческое созданіе, не коренящееся въ природѣ человѣка. Но возможно ли слѣпому отъ рожденія соціальными условіями создать зрѣніе или внушить понятіе о цвѣтахъ? Если бы въ человѣкѣ не было потенціи къ патріотизму, то не нашлось бы силъ создать патріотическія чувства, какъ невозможно дереву привить человѣческія мысли. Конъюнкціонныя силы могутъ развить, укрѣпить и совершенствовать то, что заключается въ силахъ личности, но создать что либо новое онѣ никогда не создавали и не могутъ создавать. Конъюнкція—это среда, которая можетъ быть благопріятною или неблагопріятною для развитія. Такъ почва можетъ быть каменистою, но можетъ быть и плодороднымъ черноземомъ. На первой зерно погибаетъ или выростаетъ чахлымъ, на второй получается здоровое растеніе, приносящее здоровый плодъ. Благопріятныя условія могутъ содѣйствовать усовершенствованію зерна, могутъ вліять на его вѣсъ и объемъ. Но не ими создается самое зерно.

Въ дѣйствительности не соціальныя условія создаютъ патріотизмъ, а на оборотъ патріотизмъ создаетъ соціальныя условія. Больше всего космополитизма у богатыхъ и состоятельныхъ классовъ, при равенствѣ условій, конечно. Дворянство всегда считалось международнымъ институтомъ. Бѣлая кровь—нѣчто глубоко интернаціональное. Международный соціализмъ лишь заимствовалъ формулу единенія у благородныхъ. Затѣмъ вспомните нашъ 12 годъ. Наполеонъ несъ свободу русскому народу и даже далъ личную свободу конституціей герцогства Варшавскаго въ 1807 г. полякамъ. Но русскіе рабы храбро умирали, сражаясь съ нимъ, ибо у нихъ былъ патріотизмъ. У насъ такъ атрофировано это чувство, что мы теперь и совсѣмъ не понимаемъ того, какъ это рабы умирали за отечество, державшее ихъ въ страшномъ рабствѣ. А между тѣмъ это фактъ. Рабы защищали свою родину, относившуюся къ нимъ жестоко и сурово, какъ мачиха. Они любили мать, хотя она была и безчеловѣчна съ ними. Это святая *любовь* простого народа, по которой рабы должны быть признаны въ большей мѣрѣ людьми, чѣмъ ихъ благородные и образованные господа, въ бѣдѣ измѣнявшіе матери, когда больше выгодъ давалъ врагъ. Такъ часто любимые сынки убиваютъ родителей, а не любимые спасаютъ ихъ.

Отрицаніе патріотизма, какъ чувства, коренящагося въ природѣ человѣка, находится въ тѣсной связи съ признаніемъ эгоизма—единственнымъ чувствомъ человѣка. Эгоизмъ понятнѣе и доступнѣе каждому, ибо нѣтъ человѣка, у котораго не было бы этого общаго и животнымъ чувства.

Но есть же люди, жертвующіе собою за счастье ближнихъ. Это значитъ, что природѣ *этихъ людей* свойствененъ не эгоизмъ, но альтрюизмъ. Такого рода примѣры рѣдки, но, по замѣчанію Л. Шестова, „гиппопотамы и носороги, даже на своей родинѣ въ жаркомъ поясѣ, тоже рѣже встрѣчаются, нежели лошади и мулы; развѣ изъ этого слѣдуетъ, что они менѣе естественны и трансцендентны“ [14]).

По основательному мнѣнію одного изъ первыхъ экономистовъ, заговорившихъ о пол. экономіи, аббата Галліани, есть существа безъ головы, но ни одно не можетъ жить безъ сердца. „Политическое тѣло, если и не процвѣтаетъ, то можетъ по крайней мѣрѣ жить безъ геніальныхъ людей, но безъ добродѣтели все погибло“ [15]).

При всемъ эгоизмѣ человѣка, при всей жестокости и варварствѣ борьбы за существованіе, человѣческое общежитіе было бы не мыслимо, если бы рядомъ съ эгоизмомъ не было бы въ человѣкѣ человѣчности. Было бы общество животныхъ, но не человѣческое общество. И лучшіе изъ эволюціонистовъ вынуждены были логикой фактовъ признать, что эволюціонизмъ не мыслимъ

былъ бы въ направленіи гуманности, если бы въ исходной точкѣ его была положена только одна борьба за личное существованіе.

По выраженію Г. Друммонда, тотъ часъ, когда мать приходитъ на помощь своему дѣтенышу, становится для міра часомъ его самаго святого рожденія [16]).

„Борьба за жизнь другихъ не является вставкой въ концѣ процесса, но кореннымъ образомъ также глубоко заложена въ міровомъ строѣ, какъ и борьба за жизнь собственную“ [17]).

„Борьба за жизнь другихъ на растительномъ и животномъ уровнѣ въ видѣ дѣятельности, выражающейся въ размноженіи новыхъ жизней, является конечнымъ условіемъ прогресса.—*Безъ борьбы за жизнь другихъ не можетъ быть борьбы за жизнь личную, а слѣдовательно и эволюціи*“ [18]).

По справедливому замѣчанію С. Южакова, альтрюистическіе инстинкты и въ до-культурномъ періодѣ были могучей силой въ борьбѣ за существованіе и давали перевѣсъ не только общежитію надъ одинокимъ бытомъ, но и въ средѣ самыхъ общежитій тѣмъ изъ нихъ, которыя отличались болѣе высокимъ развитіемъ альтрюистическихъ чувствъ, симпатій, солидарности, даже самоотверженія, этихъ зачатковъ морали [19]).

Тѣ чувства симпатіи и общежитія, которыя дали право древнему философу назвать человѣка общественнымъ животнымъ, въ дѣйствительной жизни представляютъ собою фундаментъ всякаго разумнаго общежитія. По выраженію Шмоллера, нравственность есть Этосъ жизни и въ соединеніи съ правомъ онъ производитъ то, что мы называемъ экономическимъ прогрессомъ.

По Шмоллеру, прогрессъ состоитъ въ морализированіи отношеній, въ подчиненіи общества морали. Этическіе элементы лежатъ въ основѣ всѣхъ экономическихъ явленій. Безъ нихъ не мыслимъ былъ бы рынокъ, обмѣнъ, денежное обращеніе. Нѣтъ такого общества, которое состояло бы изъ однихъ техническихъ процессовъ. Наоборотъ, эти техническіе процессы вездѣ управляются обычаями, правомъ и моралью [20]).

До какого траги-комизма доходятъ ученые, желающіе замѣнить нравственные принципы искусственными мѣропріятіями, можно судить изъ того, что профессоръ вѣнскаго университета А. Менгеръ въ будущемъ соціалистическомъ государствѣ предлагаетъ замѣнить нравственные мотивы *мнѣніями газетъ*. „Газетная пресса должна быть къ услугамъ каждаго“.—„Я думаю, говоритъ онъ, что подобная система гласности представляетъ для поддержанія нравственности лучшія гарантіи, чѣмъ наша равнодушная, обуреваемая тысячами сомнѣній, религіозность“ [21]).

Дальше этого въ профанированіи соціальной науки трудно пойти. Но нашлась писательница, перешедшая и эти предѣлы. Такова американская экономистка Ш. Стетсонъ.

Собака, пишетъ она, уже давно лишена возможности добывать себѣ пищу естественными способами и всецѣло зависитъ въ своемъ пропитаніи отъ человѣка. Пока она была дикой собакой, то для нея необходимы были храбрость, находчивость, свирѣпость. Когда же стала прирученнымъ порабощеннымъ животнымъ, то является болѣе выгоднымъ полное подчиненіе волѣ хозяина, пресмыкающееся униженіе, такое состояніе, когда она лижетъ ногу, наносящую ей удары. Мы совершенно передѣлали первоначальную природу собаки, и совершившаяся перемѣна обнаруживается рѣзче въ ея духѣ и нравственномъ складѣ, чѣмъ въ ея физической организаціи.

По ея мнѣнію, нравственные идеалы человѣка также мѣняются, какъ и идеалы собаки. Индивидуализмъ уступаетъ мѣсто соціальнымъ добродѣтелямъ, когда удовлетвореніе потребностей перестаетъ зависѣть отъ личныхъ добродѣтелей, но опредѣляется соціальными условіями.

Какъ видимъ, это дѣйствительно собачья этика. Но Спаситель говоритъ: любите враговъ, т. е. отымающихъ у васъ хлѣбъ, если вы ничего, кромѣ хлѣба, не признаете. Христіанство есть именно противоутилитарная доктрина. Полюбите насъ черненькими, а бѣленькими всякій полюбитъ, высказываетъ свое мнѣніе по этому поводу и русскій народъ въ своихъ пословицахъ.

Наконецъ, какъ можно видѣть *корень* добродѣтели въ томъ, что именно и есть противовѣсъ личному интересу?

Но и собака, лижущая ногу, бьющую ее, нерѣдко лижетъ не изъ боязни лишиться хлѣба, а изъ *привязанности* къ человѣку. Эволюція, создающая привязанность, ничего общаго не имѣетъ съ выработкой лакейства и пресмыкательства.

Но сильное распространеніе доктринъ, приводящихъ въ концѣ концовъ къ собачьей этикѣ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что чувства человѣчности далеко еще и въ настоящее время не имѣютъ той силы, какую имѣютъ чувства звѣрскія. Это горькая правда жизни, но, признавая ее, мы не имѣемъ права отрицать самую человѣчность, борющуюся съ звѣрствомъ и эгоистическими инстинктами, причемъ степень побѣды ея есть степень жизненности самаго прогресса человѣчества.

Наконецъ, самая сплоченность современныхъ соціальныхъ организмовъ, послужившая даже основаніемъ къ отождествленію ихъ съ физическими организмами, свидѣтельствуетъ объ ослабленіи борьбы за существованіе и объ усиленіи взаимности и солидарности въ цѣляхъ лучшаго общаго существованія.

По Г. Спенсеру, противоположность между первобытнымъ племенемъ и цивилизованною націей заключается въ томъ, что *первое разрозненно*, а послѣдняя *сплочена*. У дикарей нѣтъ различія въ занятіяхъ, всякій охотникъ, а при случаѣ и воинъ. Въ

цивилизованномъ обществѣ раздѣленіе труда вызвало сплоченность людей. „Большія, малыя и мельчайшія части, на которыя распадается современное общество, представляютъ собою группы людей, различающіяся между собою лишь исполненіемъ различныхъ функцій, необходимыхъ для поддержанія національной жизни“ [22]).

Въ нашей литературѣ это прекрасно уяснено В. Соловьевымъ. По основательному замѣчанію В. Соловьева, ученіе объ эволюціи нравственности изъ эгоизма противорѣчитъ общеизвѣстнымъ историческимъ фактамъ. Первобытная форма только исключала индивидуализмъ. Это была родовая форма, въ которой царствовало самоотреченіе особи. Индивидуализмъ съ его эгоизмомъ, какъ основнымъ факторомъ дѣятельности, возникъ лишь въ позднѣйшее время, когда всѣ основныя понятія нравственности были выработаны [23]).

Всевозможные случаи самопожертвованія В. Соловьевъ сводитъ къ 4 категоріямъ: 1) непосредственному движенію симпатическихъ чувствъ, когда наприм. бросаются безъ размышленій спасать утопающаго, 2) состраданію, 3) долгу и 4) религіозному вдохновенію [24]).

Необходимо признать, что общее стремленіе къ механическому объясненію законовъ общежитія эволюціей эгоизма въ значительной мѣрѣ само объясняется преобладаніемъ въ человѣкѣ инстинктовъ эгоизма. Намъ тѣмъ легче согласиться наприм. съ Шопенгауэромъ, что только голодъ и половое влеченіе—основные мотивы всего живого, что намъ эти мотивы ближе и, какъ болѣе близкіе, они намъ и понятнѣе. Мотивы симпатіи не всякому доступны, какъ не понятны цвѣта слѣпому. Полагаютъ, что и слѣпой вырабатываетъ себѣ нѣкоторое представленіе о цвѣтахъ, исходя изъ субъективныхъ представленій, служащихъ основаніемъ къ заключенію отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Таковымъ критеріемъ является ощущеніе мягкости и твердости матеріи, гладкости ея и т. п. Словомъ, какъ говорится, всякій судитъ по себѣ. И такъ какъ большинство людей болѣе понимаютъ эгоизмъ, чѣмъ сочувствіе, то большинство ихъ и склонно къ эволюціи эгоизма. Въ существѣ же дѣла одинаково логично или не логично, какъ допущеніе случая, создавшаго эгоизмъ, такъ и допущеніе такого же случая, создавшаго сочувствіе. Для случая—это совершенно безразлично. А еще болѣе безразлично для процесса эволюціи. Съ одинаковой энергіей процессъ эволюціи закрѣпляетъ въ потомствѣ какъ эгоизмъ, такъ и сочувствіе, какъ звѣрство, такъ и совѣсть. На примѣрѣ матери, полюбившей своихъ дѣтей, мы видимъ, что процессъ эволюціи даже склоненъ съ большей энергіей развивать симпатіи, чѣмъ эгоизмъ. Вѣдь мать эгоистка, не заботящаяся о своихъ дѣтяхъ, наказывается тѣмъ, что ея эгоис-

тическія наклонности умираютъ вмѣстѣ съ нею, не передаваясь будущимъ поколѣніямъ. И если при всемъ томъ мы болѣе склонны къ доктринѣ эволюціонизма эгоизма, то это предпочтеніе объясняется лишь нашими собственными особенностями.

Намъ болѣе понятенъ эгоизмъ и мы предпочитаемъ извѣстнымъ опредѣлять неизвѣстное. Чадолюбивая мать, на оборотъ, не можетъ понять матери эгоистки и даже злой мачихи. Съ ея точки зрѣнія исходнымъ пунктомъ эволюціи является *врожденное* чувство любви къ дѣтямъ и готовность самопожертвованія, а не эгоизмъ. *Врожденность* любви ей болѣе понятна, чѣмъ врожденность же эгоизма.

А для науки происхожденіе человѣка отъ обезьяны или отъ глины одинаково не обязываетъ видѣть въ человѣчествѣ или одно скотство или одну безсознательную и безчувственную матерію. Какъ одному, такъ и другому веществу, принявшему форму человѣка, съ одинаковою мощностью могла быть дана не поддающеюся наукѣ Силою потенція и эгоизма и любви.

Двойственность исходныхъ принциповъ находится въ противорѣчіи съ общею человѣческою наклонностью къ объединенію, къ отыскиванію единства въ многообразіи. Такая потребность въ человѣкѣ несомнѣнно существуетъ. Но это потребность производная, а не первичная. Древній міръ ее не зналъ и ему многобожіе представлялось также естественнымъ, какъ намъ оно представляется неестественнымъ и не раціональнымъ. Если подводить факты подъ эту новообразованную категорію нашего мышленія, то намъ пришлось бы жертвовать истиной во имя предвзятой идеи и допустить наприм. не пять чувствъ въ человѣкѣ, но лишь одно. Тѣмъ не менѣе въ основаніи эволюціоннаго эгоизма нельзя не видѣть вліянія, хотя бы и безсознательнаго, этого стремленія нашего мышленія къ монизму.

II.

Таковымъ монизмомъ объясняется и стремленіе всѣ динамическія явленія прогресса свести къ развитію техническихъ знаній. Такова довольно распространенная схема прогресса Де-Греефа, предложившаго періодизацію культуры по основнымъ орудіямъ производства. Это періоды: 1) камня и другихъ грубыхъ матеріаловъ, 2) отбивного камня, 3) вѣкъ полированнаго камня, 4) вѣкъ металловъ: бронзовый, желѣзный, пахатныхъ и ручныхъ промышленныхъ орудій, 5) вѣкъ машинъ, пара, электричества.

Такимъ образомъ техника двигаетъ культуру и такъ какъ въ свою очередь техника зависитъ отъ науки, то приходится сказать, что культура обусловливается и опредѣляется наукой. Согласно съ этимъ, авторъ полагаетъ, что не земледѣліе предшествовало промышленности, а на оборотъ.

„Возникновенію земледѣльческихъ обществъ предшествовало довольно значительное промышленное развитіе, о чемъ свидѣтельствуютъ издѣлія изъ отбивного кремня и полированнаго камня, относящіяся къ доисторическому періоду. Земледѣліе требуетъ значительныхъ свѣдѣній изъ области химіи и біологіи; поэтому оно могло появиться въ соціальной жизни позже промышленности. Соціальное развитіе транспорта, обращенія вообще предшествовало развитой промышленности и земледѣлія“ [24]).

У насъ подобное воззрѣніе было высказываемо Н. Чернышевскимъ. „Прогрессъ, говоритъ Н. Чернышевскій, основывается на умственномъ развитіи; коренная сторона его прямо и состоитъ въ успѣхахъ и развитіи знаній“ [25]).

„Творя тихо и медленно, наука творитъ все; создаваемое ею знаніе ложится въ основаніе всѣхъ понятій и потомъ всей дѣятельности человѣчества, даетъ направленіе всѣмъ стремленіямъ, силу всѣмъ его способностямъ. Наука—чернорабочій, не играющій блистательной роли въ обществѣ; но трудами этого чернорабочаго живетъ все: и государство и семейство, и политика и промышленность; только оплодотворенныя знаніемъ стремленія человѣка получаютъ характеръ, совмѣстный съ общимъ и частнымъ благомъ, силы человѣка производятъ полезное дѣйствіе“ [26]).

Литературѣ Н. Чернышевскій придаетъ второстепенное значеніе. „Она не общая мать всѣхъ другихъ дѣятельностей человѣка: она сама такая же спеціальная, частная дѣятельность, какъ и все остальное въ человѣческой жизни, кромѣ знанія.—Пусть политика и промышленность шумно движутся на первомъ планѣ, исторія все-таки свидѣтельствуетъ, что *знаніе—основная сила*, которой подчинены и политика, и промышленность, и все остальное въ человѣческой жизни“ [27]).

Интересно, что самъ же Де-Греефъ возражаетъ противъ преувеличенія значенія техники. „Производительныя матеріальныя силы у Маркса, говоритъ онъ, дѣйствуютъ какъ различныя существа, потому что на извѣстной ступени своего развитія онѣ *требуетъ* обобществленія средствъ производства и притомъ единообразнаго. Не напоминаетъ ли это древнія антропоморфическія вѣрованія, слѣды коихъ остались въ обыденной рѣчи, наприм. въ выраженіи—вѣтеръ бушуетъ. Это не матеріализмъ, но анимизъ“. Но и самъ Де-Греефъ въ значительной мѣрѣ проникнутъ этимъ же древнимъ анимизмомъ, говоря о творческой силѣ орудій, создающихъ цѣлыя культурныя эпохи. И совершенно основательно онъ же приводитъ такіе факты, какъ наприм., открытіе механическаго ткачества въ Данцигѣ въ 1579 г., между тѣмъ какъ въ это время не произошло никакой механической революціи и только два вѣка спустя такое же механическое изобрѣтеніе вызвало промышленную революцію. Очевидно, одной техники еще

мало для дѣла экономической революціи. „Изобрѣтеніе въ то время не отвѣчало потребностямъ мірового производства, начавшаго развиваться лишь послѣ великой французской революціи". Вѣрно, техники мало для движенія экономической культуры. И самая періодизація культуры по господствующимъ орудіямъ производства представляетъ собою лишь *технической прогрессъ*, какъ осуществленіе въ жизни идей технологіи. Такой техническій прогресъ не совладаетъ съ прогрессомъ въ другихъ сферахъ жизни. У насъ напрм. О. Вильчинскій констатируетъ интересный фактъ, что въ русскихъ областяхъ „въ періодъ стекла вообще стали проявляться въ нравахъ народовъ какія-то варварскія начала: жертвоприношеніе людей, убиваніе рабовъ на могилахъ вельможъ. Доказательствомъ тому служатъ знаки на костяхъ, которые не исчезли до нашихъ временъ; самыя кости, разбросанныя въ безпорядкѣ и нерѣдко обожженыя, указываютъ, что ихъ владѣльцы легли отъ насильственной смерти. Сильные стали угнетать слабыхъ подъ разными предлогами и видами [28]).

Періодъ стекла свидѣтельствуетъ о довольно высокомъ развитіи техники. Несомнѣнно самое человѣкоубійство появилось какъ результатъ изобрѣтеній орудій убійства. Звѣри обладали естественными орудіями для ловли и разрѣзыванія добычи—быстрымъ бѣгомъ, когтями, клыками, страшными зубами. Человѣку для этого нужно было придумать орудія и создать такимъ образомъ капиталъ. Первое орудіе, а слѣдовательно и первый капиталъ—это орудіе и капиталъ разбоя. И съ тѣхъ поръ техника въ цѣляхъ убійства прогрессируетъ безпрерывно. Можно сказать нѣтъ ни одной отрасли техники, которая такъ сильно развивалась бы, какъ техника орудій для истребительныхъ цѣлей. Къ сожалѣнію, самое высокое развитіе этой техники ведетъ именно къ осуществленію поставленной задачи, къ все болѣе и болѣе полному осуществленію идеи истребленія, но не идеи благосостоянія. Періоды культуры орудій являются только тѣмъ, чѣмъ должны быть орудія. Дѣло въ томъ, что орудія культуры и культура орудій совсѣмъ не одно и то же. Культура орудій истребленія ведетъ только къ прогрессу истребленія. Рабство, подобно людоѣдству и убійству, сдѣлалось возможнымъ только благодаря культурѣ орудій истребленія. Вмѣсто того, чтобы съѣдать плѣнниковъ, побѣдители превратили ихъ въ безоружныхъ рабовъ, охраняемыхъ вооруженной стражей. Развитіе рабства ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признакомъ развитія культуры вообще. Это лишь признакъ развитія культуры орудій. Въ особенности безсовѣстно видѣть въ рабствѣ одну изъ ступеней развитія гуманности, на чемъ настаиваютъ сторонники экономическаго матеріализма, дорожащіе механической схемой періодизаціи, наобходимой имъ для завершенія историческаго хода по-

средствомъ „эксплоатаціи эксплоататоровъ“. Совершенно основательна мысль Штамлера доказывающаго, что „людоѣдство и рабство ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть справедливыми. Если на невольничество смотрѣли иначе, ссылаясь на то, что только при его помощи могла быть достигнута высшая степень культуры, то это лишь печальное заблужденіе. Нельзя считать достиженіемъ высшей культуры то состояніе, при которомъ отдѣльныя личности или классы достигаютъ высшихъ духовныхъ наслажденій, благодаря тому, что другіе должны совершенно отказаться отъ человѣческаго достоинства“ [29]).

И историческіе факты вполнѣ подтверждаютъ это. Если въ нѣкорыхъ странахъ рабство было ступенью къ высшему состоянію, хотя не гуманности, а гражданскихъ порядковъ, то въ значительномъ большинствѣ случаевъ было совершенно обратное: рабство содѣйствовало дальнѣйшему озвѣренію и за тѣмъ паденію государствъ.

Н. К. Михайловскій совершенно основательно по этому поводу замѣчаетъ: „Если на античномъ рабствѣ и выросла блестящая греческая культура, изъ которой черезъ Римъ развилась современная Европа, то мы знаемъ множество случаевъ, когда рабство такихъ результатовъ не давало, какъ въ Ассиріи Вавилонѣ, Персіи, да и нынѣ не даетъ, наприм., въ Африкѣ [30]).

И дѣйствительно, рабство было страшнымъ тормазомъ, а не факторомъ культуры, какъ и людоѣдство. Это одного поля ягоды. И сравнительно съ людоѣдствомъ это лишь измѣненіе формы звѣрства, а не сущности дѣла.

Техника служитъ не культурѣ, но съ одинаковымъ безпристрастіемъ можетъ служить какъ культурѣ, такъ и варварству. Все зависитъ отъ того, кто ею пользуется и въ какихъ интересахъ пользуется. Побѣдители, воспользовавшись техникой, давшей имъ побѣду, обезоруживаютъ побѣжденныхъ и превращаютъ ихъ въ рабовъ. Здѣсь техника произвела и укрѣпила разчлененіе обществъ на господъ и рабовъ. И въ дальнѣйшемъ своемъ историческомъ шествіи, вплоть до 19 в., техника укрѣпляла сильныхъ и рѣдко возвышала слабыхъ. Она же въ значительной мѣрѣ убиваетъ и самую надежду на лучшее будущее. Развитіе ея въ сущности не только отдаляетъ знаменитую „эксплоатацію эксплоататоровъ“, но и дѣлаетъ ее не мыслимой.

Благодаря культурѣ техники, всѣ культурныя общества расчленены на жрецовъ техники и ея жертвъ, при чемъ жрецы кормятся жертвами своего божества И новѣйшіе жрецы не уступаютъ ни въ чемъ старымъ языческимъ прототипамъ. Они распространили свои догматы о спасительности техники, они успѣли уже убѣдить въ томъ, что внѣ культуры техники нѣтъ спасенія.

И жертвы новой религіи все болѣе и болѣе обезличиваются, превращаясь въ живой инвентарь техники.

Полагаютъ, что они эксплоатируютъ эксплоататоровъ и образуютъ новый экономическій міръ! Это чудо произведутъ... обездоленные, чуждые знаній, лишенные энергіи живые органы мертвой техники. Нѣтъ двухъ ученыхъ, которые сошлись бы между собою въ проэктахъ устройства всеобщаго благосостоянія. Нѣтъ двухъ публицистовъ, изъ коихъ каждый не относился бы къ проекту другого, какъ произведенію невѣжества и эксплоатаціи! А „добавочныя доли“ техники сразу водворятъ на мѣстѣ разрушенія Соломоновъ храмъ! [31]).

Расчлененіе обшества путемъ развитія техники вполнѣ признается эволюціонистами. Ш. Летурно наприм., опредѣленно выражается что культура техники естественно ведетъ къ финикійскому идеалу, но это должно вызвать реакцію, которая водворитъ на мѣстѣ техники гуманность.

„Допустимъ, пишетъ Ш. Летурно, что наша культура, принимая все болѣе промышленный и торговый характеръ, въ одинъ прекрасный день раздѣлитъ всю дѣятельность цивилизованнаго человѣчества на двѣ отрасли: съ одной стороны ручной трудъ для однихъ, съ другой—торговля и спекуляція для другихъ. Тогда всѣ обитаемые пояса нашей планеты будутъ населены только рабочими, живущими одной своей заработной платой, строго ограниченой закономъ спроса и предложенія, и работающими для обогащенія правящаго класса, который будетъ состоять исключительно изъ заводчиковъ, купцовъ, спекулянтовъ и банкировъ. Какъ низокъ былъ бы умственный и нравственный уровень этого міра, обращеннаго въ одну сплошную фабрику! Какое мѣсто осталось бы въ немъ для искусства, поэзіи, философіи, даже для науки, опустившейся до второстепеннаго положенія на службѣ у прикладной механики! Но такой строй не былъ бы долговѣченъ, потому что человѣчество не можетъ удовлетвориться одними машинами и деньгами. Поэтому этотъ печальный отрицательный идеалъ никогда не будетъ достигнутъ хотя мы, по видимому. приближаемся къ нему: человѣчество не можетъ стать жертвой *финикійскаго идеала*. Уже подготовляется реакція; она вспыхнетъ, когда переполнится чаша терпѣнія; тогда произойдетъ общественный переворотъ, *который снова создастъ на развалинахъ торговаго и промышленнаго режима совершенно иной порядокъ вещей* [32]).

Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ сторонниковъ эволюціонизма въ техникѣ не можетъ указать, въ чемъ будетъ состоять этотъ „совершенно иной порядокъ вещей“, при которомъ техника потеряетъ свое господство и воцарится гуманность! Безграмотные, чуждые мысли рабочіе должны разрѣшить то, чего разрѣшить и не пы-

таются ихъ ученые благожелатели. Можно полагать, что у новыхъ варваровъ, созданныхъ техникой, хватитъ силъ разрушить технику, но ихъ не окажется для творчества, какъ не хватаетъ его и у пророковъ предстоящей катастрофы и возсозданія новаго міра на развалинахъ стараго.

Пророчество о катастрофѣ, какою долженъ закончиться прогрессъ технической культуры, является сознаніемъ самыхъ же пророковъ о томъ что ихъ прогрессъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что принято разумѣть подъ этомъ словомъ. Съ точки зрѣнія исторической перспективы, это не прогрессъ, а постоянное приближеніе къ саморазрушенію. Конечно, мы говоримъ и о прогрессированіи болѣзней, говоримъ о прогрессированіи порочности и злодѣйства, взяточничества, хищенній и т. п. Но кто же серьезно полагаетъ что это прогрессъ дѣйствительно, а не простое размноженіе?

Этотъ-то „преступный прогрессъ“ технической культуры заслуживаетъ вниманія не со стороны его естественности и неизбѣжности, а со стороны предотвращенія катастрофы.

Б. Чичеринъ въ заключеніе своего классическаго изслѣдованія о собственности и государствѣ пришелъ къ слѣдующему заключенію:

„Насущная потребность европейскихъ народовъ заключается вовсе не въ поднятіи матеріальнаго уровня низшихъ классовъ, о котор. нынѣ такъ много хлопочутъ, *а въ поднятіи умственнаго и нравственнаго уровня высшихъ классовъ*, безъ котораго не возможно никакое дальнѣйшее развитіе. Поднятіе матеріальнаго уровня низшихъ классовъ совершается само собою, съ помощью труда и сбереженій; на это нужны только время и свобода. Поднятіе же умственнаго и нравственнаго уровня высшихъ классовъ требуетъ несравненно большой работы. Надобно вызвать человѣческую мысль изъ той низменной области, въ кот. она въ настоящее время погружена и гдѣ за бездною частностей исчезаетъ изъ виду общее“ [33]).

Совершенно вѣрно, что безъ поднятія уровня командующаго элемента въ войскахъ не мыслимо улучшеніе арміи. Также не мыслимо улучшеніе человѣчества безъ улучшенія интеллигенціи. Если культура техники укрѣпляетъ экономически сильныхъ, то необходимо сдѣлать ихъ и морально сильными. Тогда техника перестанетъ служить одной физической силѣ.

Техническій прогрессъ по природѣ своей безразличенъ. Ножемъ рѣжутъ хлѣбъ, но рѣжутъ и людей. Техника въ своемъ прошломъ всегда служила тому, кто и безъ того былъ сильнѣе. Поэтому она увеличивала неравенство, создавая цѣлые классы хозяевъ и еще болѣе многочисленные классы рабочихъ, зависящихъ въ самомъ существованіи своемъ отъ первыхъ.

Какъ и во всѣхъ механическихъ прогрессахъ, техника не повинна въ производимыхъ при посредствѣ ея явленіяхъ. Повинны тѣ силы, которыя воспользовались ею въсвоихъ своекорыстныхъ интересахъ. Но то же необходимо сказать и относительно всѣхъ основныхъ двигателей въ человѣчествѣ, какъ физическихъ, такъ даже и духовныхъ. Такъ наприм., одинъ изъ самыхъ внѣ-мірныхъ двигателей, какъ забота о спасеніи своей души, въ дѣйствительности лежитъ въ основаніи грандіознаго проявленія эгоизма въ видѣ монастырскаго землевладѣнія.

В. Ключевскій объясняетъ ростъ нашего монастырскаго землевладѣнія идеей поминовенія, какъ средства къ спасенію души. „Сострадательная заботливость церкви о не успѣвшихъ позаботиться о себѣ послужила для податливой на соблазнъ и трусливой совѣсти поводомъ къ мнѣнію, что можно отмолиться чужой молитвой, лишь бы были средства нанять ее и лишь бы она была не кое-какая, а истовая, технически усовершенствованная молитва. Привеллегированными мастерскими такой наемной молитвы были признаны монастыри: свѣтъ инокамъ ангелы, свѣтъ мірянамъ иноки, говорили въ древней Руси. Такой взглядъ на монастыри, укрѣпившійся въ древнерусскомъ обществѣ, былъ большимъ несчастіемъ для монастырскаго монашества, разстраивавшимъ его бытъ и мѣшавшимъ ему понять свое истинное назначеніе. Средствомъ для найма монастырской молитвы и служили вклады ради спасенія души, „въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ“ [34]).

Таково происхожденіе монастырскаго землевладѣнія и его послѣдствій.

„Неправильно понятая идея церковной молитвы, говоритъ далѣе Ключевскій, за усопшихъ повела къ непомѣрному земельному обогащенію монастырей и поставила ихъ въ безвыходный кругъ противорѣчій.—Общества отшельниковъ, убѣгавшихъ отъ міра, *міръ превратилъ* въ привиллегированныя наемныя молельни о мірскихъ грѣхахъ и *ломился* въ мірныя обители со своими заказами [35]).

Такъ даже ложно понятая идея становится могучимъ создателемъ экономическаго института, въ свою очередь оказавшаго громадное вліяніе на экон. строй населенія.

III.

И такъ ростъ техники въ прошломъ не можетъ быть признанъ ни причиной, ни симптомомъ прогресса.

Но можно ли согласиться, что *въ принципѣ* прогрессъ техники не можетъ быть и не долженъ быть такимъ же основаніемъ человѣческаго прогресса, какимъ является заключеніе изъ посылокъ, математическій выводъ изъ аксіомъ? Вѣдь прогрессъ техники говоритъ о побѣдѣ человѣка надъ препятствіями, объ уси-

леніи власти человѣка надъ природой. Если эта власть въ прошломъ была удѣломъ не многихъ и безъ того сильныхъ, то почему же она не можетъ быть удѣломъ всѣхъ и каждаго?

Для отвѣта на эти вопросы необходимо обратиться къ уясненію причинъ, почему культура орудій не служила общечеловѣческой культурѣ. Оказывается, что основная причина—варварское состояніе самой этой технической культуры.

До новѣйшаго времени она была лишь порожденіемъ случая, развивалась чисто эмпирически, подобно наприм., медицинѣ въ видѣ знахарства. Можно сказать, что до конца 18 вѣка вся техника людская вполнѣ зависѣла отъ случая и ее называютъ эмпирической, въ противоположность новой научной, появившейся послѣ научныхъ открытій въ химіи, физикѣ и механикѣ. Случайно нашедшій тотъ или иной способъ облегченія производства передавалъ свое открытіе по наслѣдству или завѣщалъ въ даръ своимъ близкимъ. Теперь случай въ этой средѣ играетъ уже ничтожную роль, но все же не потерялъ своего значенія и врядъ ли когда потеряетъ его. Случайность была фундаментомъ и самой же техники.

По выраженію В. Зомбарта, „капризы русалокъ и бога вѣтра имѣли рѣшающее значеніе въ томъ, могъ ли человѣкъ въ какомъ направленіи и когда пользоваться силой воды и вѣтра“. И только съ открытіемъ пара и электрическаго тока человѣкъ освободился отъ этихъ капризовъ [36]).

Но въ свою очередь электричество и паръ доступны лишь ничтожному меньшинству, которое и пользуется ими, предоставляя другимъ служить у себя. И до той поры, пока усвояемые двигатели будутъ предоставлять ихъ владѣльцамъ возможность заставлять другихъ работать на себя, техника будетъ служить меньшинству, а не всему населенію. Но и въ этой стадіи своего развитія она все-таки приноситъ извѣстныя выгоды всѣмъ. Такъ тѣ быстрыя путешествія, которыя еще сто лѣтъ тому назадъ были доступны лишь королямъ, теперь доступны каждому нищему. Мѣсто лучины, которою пользовались еще наши отцы по деревнямъ для освѣщенія, теперь занято керосиномъ или газомъ, а въ городахъ электричествомъ. Мало того. Техника теперь разсчитываетъ на массовое потребленіе, а для массоваго сбыта необходимо соотвѣтствующее удешевленіе продуктовъ и услугъ. Другими словами, концентрируясь въ производствѣ, по требованіямъ культуры техники, промышленность децентрализуется и демократизируется въ сбытѣ и потребленіи. Первое немыслимо безъ послѣдняго, а слѣдовательно интересы меньшинства уже на нынѣшней стадіи культуры техники требуютъ возможно болѣе всесторонняго удовлетворенія потребностей всѣхъ. Такъ культура техники въ своемъ механическомъ движеніи становится *въ новое*

русло—удовлетворенія потребностей не меньшинства, а большинства населенія. Посредствомъ синдикатовъ, картелей и т. п. ассоціацій меньшинство въ теченіи нѣкотораго времени можетъ не приспособляться къ интересамъ большинства, но держать въ своихъ рукахъ потребителей. Это и дѣлается на каждомъ шагу. Но уже и теперь всѣмъ ясно, что такія мѣры—это поддержка жизни умирающаго посредствомъ кофеина, камфоры и т. п. Это искусственная жизнь, которая раньше или позже должна быть прекращена. И прекратится она, по всей вѣроятности, дальнѣйшимъ же ростомъ культуры орудій. Уже съ изобрѣтеніемъ электричества надѣялись, что новый двигатель, легко передаваемый изъ центральныхъ пунктовъ въ самые глухіе уголки страны, долженъ произвести настоящую революцію въ формахъ производства. И если этого не случилось, то единственно потому, что новый двигатель оказался еще далеко отъ совершенства. Для того, чтобы ввести его во всеобщее употребленіе, оказалось необходимо еще соотвѣтствующее развитіе въ странѣ этическихъ элементовъ, т. е. моральной воли правительствъ, которая организовала бы эксплоатацію даровыхъ силъ, наприм., водопадовъ, и сдѣлала бы новый двигатель общедоступнымъ. Послѣдняго условія не оказалось и надежды оказались преждевременными. Ясно, что ожидать дѣйствительнаго прогресса культуры орудій возможно не иначе, какъ при дальнѣйшемъ развитіи этой самой культуры, т. е. отъ изобрѣтеній въ добычѣ и распространеніи электричества, благодаря которому, этотъ двигатель сдѣлался бы общедоступнымъ *безъ доброй воли,* а въ силу своихъ собственныхъ силъ.

Добрая воля, особенно же выраженная коллективно, много значитъ. По крайней мѣрѣ въ нее вѣритъ и на нее надѣется человѣчество. Къ сожалѣнію, добрыми намѣреніями и адъ вымощенъ. Поэтому лучшіе изъ мыслителей не столько надѣются на добрую волю, сколько *на механизмъ культуры техники.*

„Если количество пищевыхъ веществъ, доставляемыхъ въ распоряженіе человѣческаго рода, непрерывно увеличивается, говоритъ М. Бертло, мы обязаны этимъ не логическимъ разсужденіямъ, не богословскимъ декламаціямъ; это только необходимый результатъ открытій химіи, механики и физіологіи, которыя кореннымъ образомъ измѣнили современное положеніе земледѣлія и еще болѣе измѣнятъ его въ ближайшемъ будущемъ“ [37]).

М. Бертло отрицаетъ всякое значеніе слѣпого эмпиризма. „Только открытія астрономіи направили съ увѣренностью путь кораблей, переплывающихъ океанъ, и позволили начертать общія и подробныя карты материковъ и острововъ съ дотолѣ неизвѣстною точностью; открытія современной физики раскрыли теоретическіе законы паровъ и термодинамики, которые теперь каждый

день замѣняютъ и размножаютъ человѣческій трудъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности; открытія химіи въ области газовъ, горѣнія и добыванія желѣза и стали въ связи съ открытіями механики, чистой и прикладной, положили начало фабрикаціи и примѣненію нашихъ машинъ, нашихъ пароходовъ и локомотивовъ. Словомъ наука, одна наука, а не слѣпой эмпиризмъ, породила тотъ изумительный прогрессъ, который осуществленъ за послѣдніе вѣка [38]).

М. Бертло полагаетъ, что уже въ 2000 году „на свѣтѣ не будетъ ни земледѣлія, ни пахарей, ни пастуховъ. Задача земледѣлія будетъ осуществляема химіей, не будетъ болѣе угольныхъ копей, ни подземной работы, не будетъ и стачекъ [39]).

Вотъ почему многіе разсчитываютъ даже не на распространеніе знаній въ массахъ, какъ на дѣйствительно культурную силу, а исключительно на строго научныя изслѣдованія, на упорный трудъ, направленный къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ.

По выраженію Г. Брандеса, „для благополучія массъ созданіе одного Пастера значитъ больше, чѣмъ первоначальное образованіе милліона посредственностей. И то, что вѣрно относительно этого мужа науки, такъ же вѣрно относительно великихъ изобрѣтателей, которые являются творцами почти осязаемаго счастья. Одинъ дѣлается благодѣтелемъ милліоновъ. Тѣ которые изобрѣли спички, или керосиновыя лампы, желѣзныя дороги, телеграфы, велосипеды—подвинули впередъ человѣческое благосостояніе значительнѣе, чѣмъ оно подвинулось отъ Юлія Цезаря до 19 вѣка [40]).

Брандесъ жалѣетъ, что Крапоткинъ бросилъ ученый трудъ. „Если бы Пастеръ такимъ же образомъ отказался бы отъ своихъ серьезныхъ работъ, чтобы распространять въ массахъ назидательныя истины, человѣчество отъ этого проиграло бы [41]).

Замѣчательно, что именно у насъ, въ странѣ наиболѣе отсталой культуры техники, эта мысль раньше другихъ была сознана и рано проводилась въ общественное сознаніе, не смотря на то, что именно у насъ интеллигенція менѣе всего свои „добрыя пожеланія“ основывала на культурѣ общечеловѣческой техники, не на знаніяхъ, опытахъ и наблюденіяхъ а... на патріархальной „доброй волѣ“, для добычи которой не останавливалась и передъ кровью.

Н. Чернышевскій рано понялъ значеніе культуры техники. Еще въ молодости и затѣмъ учителемъ онъ работалъ надъ машиной „вѣчнымъ двигателемъ“, который долженъ былъ осчастливить человѣчество. Въ 1849 г. въ дневникѣ онъ говорилъ, что изобрѣтеніе почти готово: „Я одинъ заклеймилъ двадцать вѣковъ политическаго безумства, и одному мнѣ обязаны всѣ настоящія и будущія поколѣнія началомъ ихъ безконечного счастія. До меня

человѣчество потеряло тысячи лѣтъ, безумно сражаясь съ природой: я первый покорился ей и изучилъ тяготѣніе, единственный источникъ всѣхъ ея велѣній". Его машина „должна переворотить свѣтъ и поставить меня самого величайшимъ изъ благодѣтелей человѣка въ матеріальномъ отношеніи, въ которомъ теперь болѣе всего человѣку нужны богатства. Послѣ, когда физическія нужды не будутъ обезпокоивать его, начнется для него жизнь какъ бы въ раю. Когда снимется проклятіе „въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой", тогда оно перейдетъ къ слѣдующимъ задачамъ. Я построю мостъ и человѣку останется только идти въ поле нравственности и познанія" [42]).

Въ этой прекрасной мечтѣ облагодѣтельствовать людей освобожденіемъ ихъ отъ проклятія столько искренней юношеской вѣры въ науку и въ то же время совсѣмъ не-юношескаго недовѣрія къ людямъ, къ ихъ доброжелательству, связанному по рукамъ и ногамъ этимъ же самимъ проклятіемъ. И потомъ, въ старости, Н. Чернышевскій, какъ ни увлекался разсудочнымъ утилитаризмомъ, больше вѣрилъ прогрессу техники, чѣмъ прогрессу доброжелательства. И нельзя не согласиться съ тѣмъ, что техника въ своемъ прогрессѣ естественно стремится къ тому, что бы подчинить природу человѣку, не тѣмъ или инымъ лицамъ и классамъ, но именно человѣку. Высшее развитіе ея должно состоять въ освобожденіи человѣка отъ рабства у природы. Это задача истины. По заповѣди Спасителя, изслѣдуйте истину и истина свободитъ вы. Освобожденный отъ рабства у матеріи, человѣкъ получитъ полную возможность моральнаго и духовнаго совершенствованія, о которомъ Спаситель же говоритъ: будьте совершенны, яко же совершененъ есть Отецъ вашъ небесный [43]).

Такимъ образомъ предъ нами законъ внутренняго развитія, какъ осуществленія идеи, заключающейся потенціально въ самомъ зародышѣ развивающагося даннаго.

Такъ въ сѣмени дуба заключается потенція, въ силу которой изъ его сѣмени выростетъ дубъ, а не роза.

Такъ въ идеѣ перваго факта техники заключалась уже потенціально идея, осуществленіемъ которой является техника нашего времени. Эта идея—власть человѣка надъ природой. Каждый шагъ культуры техники есть новая ступень въ господствѣ человѣка надъ силами природы, въ освобожденіи его отъ того естественнаго рабства у природы, въ какомъ находятся всѣ животныя, въ какомъ находился и человѣкъ въ своемъ первобытномъ состояніи, въ какомъ онъ находится и теперь, сравнительно съ будущимъ, даже не такъ далекимъ.

И такъ, *прогрессъ есть осуществленіе идеи возможности, заключающейся въ природѣ развивающагося даннаго.*

Этимъ существенно прогрессъ отличается, какъ отъ эволюціи, такъ и отъ конъюнкціи.

Законъ эволюціи экспропріируетъ въ пользу рода всѣ особенности индивидуума, оказывающіяся въ какомъ-либо отношеніи полезными роду. Это sui generis ипотечная система природы, закрѣпленіе актовъ полезныхъ роду или породѣ. Это крѣпость въ сферѣ вѣчной измѣнчивости, вѣчныхъ колебаній, вѣчныхъ стремленій къ метаморфозамъ.

Законъ конъюнкціи, представляя благопріятную или не благопріятную среду, экспропріируетъ эти особенности прежде всего на пользу индивидуума. Такъ изъ сѣмени дуба при благопріятныхъ условіяхъ вырастаетъ величественное растеніе, при неблапріятныхъ—несчастный карликъ, едва прозябающій. Такъ въ одномъ обществѣ культивируется населеніе во всей полнотѣ гуманныхъ чувствъ, и въ другомъ—преступная раса.

Наконецъ законъ прогресса—это исходная точка для эволюціи и конъюнкціи. Это тотъ внутренній законъ, который развивается по своимъ силамъ, но для своего осуществленія требуетъ какъ родового, такъ и индивидуальнаго закрѣпленія т. е. осуществляется путями эволюціи и конъюнкціи.

Силой созиданія ни эволюція, ни конъюнкція не обладаютъ, и то, чего нѣтъ въ потенціальномъ мірѣ, т. е. въ идеѣ, не можетъ быть и въ реальномъ мірѣ.

За то сила разрушенія во всей ея полнотѣ присуща какъ эволюціи, такъ и конъюнкціи, въ особенности вмѣстѣ соединеннымъ. При неблагопріятной конъюнкціи бываетъ такъ, что только морально безразличные могутъ выживать и слѣдовательно только моральное безразличіе передается потомству и такимъ образомъ культивируется. Всѣмъ извѣстно, что нѣтъ предѣловъ для паденія человѣка. Путемъ одичанія человѣкъ превращается въ звѣря.

Всеобщія легенды о золотомъ вѣкѣ человѣчества свидѣтельствуетъ объ единогласномъ признаніи этихъ разрушительныхъ силъ [44]).

Объ этихъ же силахъ свидѣтельствуетъ и всякое развитіе отдѣльныхъ личностей, геніевъ мысли и добра. „Не бездарна та природа“, въ потенціальномъ мірѣ которой заключаются они. Только злой рокъ эволюціи и конъюнкціи превратилъ ее въ бездарность.

Сомнѣваться въ существованіи потенціонального міра значитъ допускать, что 2×2 можетъ быть стеариновой свѣчкой. Нѣтъ такой силы, которая могла бы произвести это. Очевидно, въ 2×2 заключается потенція, выражающаяся цифрой 4. И математика состоитъ въ изученіи потенцій числа.

Законы потенцій составляютъ предметъ изученія и всѣхъ остальныхъ наукъ. Но математика изучаетъ ихъ непосредственно,

между тѣмъ какъ остальныя науки изучаютъ ихъ въ проявленіяхъ, въ фактахъ, въ осуществленіяхъ. Такъ химія изучаетъ потенціи соединеній физическихъ элементовъ, находитъ ту пропорцію, которая есть самое существо явленія, есть его неизбѣжное, вѣчное, есть его природа. Физика изучаетъ законъ движенія вещества, опредѣляетъ наприм., что при одномъ движеніи въ секунду появляется звукъ, при другомъ теплота, при третьемъ свѣтъ и т. д., т. е. изучаетъ въ явленіяхъ также ихъ природу, ихъ существо, судя о природѣ или существѣ по феноменамъ, по фактамъ, подлежащимъ изслѣдованію. Природа можетъ феноменозироваться въ матеріи, пространствѣ и времени. По феноменамъ матеріи судимъ о вѣчныхъ ея силахъ, при извѣстномъ сочетаніи образующихъ воду, при другихъ тепло и т. д. По феноменамъ пространства изучаемъ потенціи конъюнкціи, образующей въ борьбѣ за существованіе защитную окраску животныхъ и даже цѣлыя защитныя ихъ формы, образующей преобладаніе тѣхъ или иныхъ частей въ организмѣ, наприм., обиліе сѣмянъ или обиліе соломы въ ржи и пшеницѣ, образующей „привычный образъ жизни“, и связанные съ нимъ идеалы и т. п. Наконецъ, по феноменамъ времени судимъ о прогрессѣ, т. е. о законахъ развитія. Существо даннаго „я“, будетъ ли оно сознательное или безсознательное, все равно, въ принципѣ, постепенно раскрывается, постепенно осуществляется, появляется изъ потенціальнаго міра не въ видѣ Минервы, вышедшей вполнѣ формированной изъ головы Юпитера, но путемъ одухотворенія окружающей матеріи и претворенія ея въ свои органы, объединенные въ своихъ функціяхъ общимъ центромъ. Развитіе дерева отличается отъ развитія человѣка лишь тѣмъ, что въ деревѣ имѣемъ дѣло съ безсознательнымъ я, воплощающимся въ опредѣленныхъ матеріальныхъ формахъ и согласно своей природѣ претворяющимъ окружающую матерію въ свое, наиболѣе пригодное ему тѣло. Въ человѣкѣ кромѣ безсознательнаго закона, дѣйствуетъ еще и сознаніе, которое имѣетъ значеніе свѣта, освящающаго тьму жизни, благодаря чему идея человѣка получаетъ возможность осуществляться не только пассивно, но и активно.

С. Южаковъ прекрасно уясняетъ различіе между естественной эволюціей и культурной, т. е. активной, трудовой. Такъ лѣсъ самъ культивируетъ почву, отѣняя ее, удобряя листьями и пр. „Лѣсъ живетъ, растетъ, развивается. Своимъ ростомъ онъ образуетъ непроницаемую шапку надъ почвою, непроницаемое дно для облака; своею жизнью онъ поглощаетъ свободную энергію среды (теплоту) и потому не можетъ замѣнить собою почвы и, получивъ теплоту отъ солнца и почвы, возвращаетъ ее атмосферѣ и облакамъ. Такъ дѣйствуетъ лѣсъ, увлажняя климатъ и почву территоріи, въ предѣлахъ которой живетъ.—Человѣкъ проводитъ каналы, роетъ

водоемы, строитъ запруды. Онъ затрачиваетъ силу, производитъ работу.—При работѣ лѣса затрачиваетъ энергію солнце, а жизнь поглощаетъ ее и сохраняетъ. Здѣсь человѣкъ затрачиваетъ энергію.—Поэтому *„поглощеніе свободной энергіи—это методъ, которымъ реагируетъ пассивная жизнь на среду; выдѣленіе свободной энергіи—методъ жизни активной. Пассивная жизнь растетъ, активная работаетъ“*.

Активность, говоритъ онъ, заключается въ цѣлесообразной реакціи жизни на среду для приспособленія среды къ потребностямъ жизни. Цѣлесообразность—вотъ первый, отличительный признакъ, присущій одной лишь активности“ [46]).

Объ эволюціонномъ раздѣленіи труда С. Южаковъ вѣрно замѣчаетъ: „Въ пассивномъ общежитіи все зависитъ отъ мѣста прикрѣпленія (на периферіи ли общежитія, или въ центрѣ, съ солнечной или тѣневой стороны); это различіе по мѣсту прикрѣпленія внесло дифференцированіе отправленій членовъ, развивая у однихъ одни, у другихъ другія. Въ культурномъ активномъ общежитіи распредѣленіе занятій (отправленій) складывается такъ или иначе, благодаря тому или иному разнообразію культуры, требующей и разнообразія занятій“. Такъ въ общежитіи термитовъ одни могутъ только плодить потомство, другіе выродились въ гигантскія челюсти, страшныя въ бою, но не годныя для мирной жизни; третьи — безполые и безоружные — отличные работники [47]).

Согласно съ этимъ, С. Южаковъ основательно различаетъ *историческій прогрессъ отъ прогресса органическаго*. Послѣдній велъ къ образованію сложныхъ органовъ чрезъ сліяніе простыхъ. Первый „ограничиваетъ и частью отмѣняетъ это движеніе созданіемъ культуры, противодѣйствующей господству физической среды, направлявшей жизнь раньше, а съ другой стороны, наклонность самой культуры возстановить за свой счетъ отъ своего имени этотъ двойной процессъ дифференцированія и образованія сложныхъ организмовъ онъ парируетъ дальнѣйшимъ развитіемъ активности, т. е. способности посредствомъ выдѣленія необходимой энергіи охранять индивидуальность“.

Эти прекрасныя строки, какъ и ученіе Михайловскаго, лежатъ въ основѣ русской соціологической науки.

Но вѣрнѣе бы различать не историческій и органическій прогрессы, а просто *эволюцію* и *прогрессъ*. Это точнѣе и болѣе соотвѣтствуетъ фактамъ. Но какъ же быть съ *законами* потенціи?

В. Джевонсъ говоритъ, что „законодатели уже давно открыли *безсмысленность* попытокъ установленія цѣнъ путемъ закона. Правительство можетъ также основательно издавать законы о состояніи погоды, какъ и о состояніи торговли, которая въ значи-

тельной степени зависитъ отъ погоды, войнъ и другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ“ [48]).

Къ сожалѣнію В. Джевонса и къ счастію людей, теперь сознали, что именно дѣло правительства издавать законы о состояніи погоды, какъ и законы о состояніи торговли и т. п. Благодаря такимъ законамъ, какъ устройство защитныхъ лѣсовъ, какъ обязательное правильное лѣсное хозяйство, обязательное древонасажденіе, теперь государства вліяютъ на климатъ страны, также управляютъ погодой, какъ и другими явленіями природы. Благодаря экономическому законодательству, сознаніе истины получаетъ практическое значеніе, направляя законы прогресса къ нормальному и желательному осуществленію. Велика евангельская истина: „кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть“ [49]). Въ идеѣ нашего „я“ заключается потенція, къ природѣ которой мы не можемъ ничего прибавить. Но эта потенція—безконечна. Идеалъ ея—совершенство Отца Небеснаго. При тяжелыхъ условіяхъ ростъ не проявляется, при другихъ онъ проявляется больше и сильнѣе. Вліяя на условія, мы, не прибавляя и локтя къ потенціальному росту, вліяемъ на ростъ отдѣльнаго человѣка. Мы имѣемъ въ болотныхъ и болѣзненныхъ мѣстностяхъ почти карликовое населеніе, и въ роскошныхъ степяхъ здоровыхъ и рослыхъ людей. Да, Истина свободитъ вы. Болѣе высокой истины нѣтъ и не можетъ быть.

Прогрессъ исключаетъ фатализмъ. Экономическій прогрессъ и ничегонедѣланіе—понятія не совмѣстимыя. Вполнѣ основательно замѣчаніе М. Бертло, что фаталистическая точка зрѣнія на прогрессъ должна уступать мѣсто моральной. Если прежняя точка зрѣнія „въ извѣстной мѣрѣ оправдывалась изученіемъ прошлаго, то не начинаетъ ли она становиться несостоятельной въ виду постоянно возростающаго вліянія науки, то есть сознательной воли и разума человѣка, руководимаго наблюденіемъ фактовъ и опытовъ“ [50]).

Экономическому фатализму, который такъ широко въ одно время былъ распространенъ въ русскомъ обществѣ, прекрасно отвѣчалъ Н. К. Михайловскій: „Поколѣніе, которому впервые было возвѣщено евангеліе Христа, выставило и христіанъ и гонителей христіанства“ [51]).

И съ точки зрѣнія чисто человѣческой онъ ставитъ такую *задачу* прогресса: „быть можетъ борьба никогда не кончится, б. можетъ не увидитъ ея конца и застывшая и соженная земля. Но человѣку, въ которомъ мысли, чувства и воля достаточно дѣятельны, нельзя въ ней не участвовать. Задача не въ томъ, чтобы соединить интеллектъ современнаго европейца съ нравственнымъ типомъ первобытнаго человѣка, и не въ томъ, чтобы цѣною

жизни и достоинства милліоновъ челов. существъ выработать сверхъ-человѣка. Задача въ томъ, чтобы найти и осуществить такую форму общежитія, которая *не налагала бы на личность цѣпей, которыя она сама признаетъ цѣпями*“ [52]).

Просто, элементарно, также какъ и всегда просто и элементарно то, что истинно.

Наблюдаемое въ этомъ направленіи историческое движеніе человѣчества въ дѣйствительности и послужило основаніемъ для нѣкоторыхъ ученыхъ назвать прогрессъ—этическимъ факторомъ. Такъ Густавъ Конъ[53]) говоритъ, что этическіе мотивы—это нравственныя требованья, еще не осуществленныя, то, что должно быть. То, что есть—это осуществленные идеалы прошлаго и настоящаго. Факты и идеалы—это выраженія одного начала—морали. Конечно, это тотъ же гегеліанизмъ, но только вмѣсто разума поставленъ этосъ. И также какъ не все существующее разумно, такъ еще съ большимъ основаніемъ нельзя видѣть въ существующемъ должное лишь потому, что оно существовало или существуетъ. Для науки имѣетъ громадное значеніе самый фактъ существованія тенденціи. Если она есть, хотя бы въ единичномъ случаѣ, значитъ она есть въ природѣ человѣка, есть въ потенціи, а слѣдовательно можетъ быть и въ реальности.

Изъ постоянства и неизмѣнности естественныхъ законовъ нельзя заключать о постоянствѣ и неизмѣнности экономическихъ фактовъ и учрежденій. Естественные законы не только не исключаютъ идеи измѣненія, но всегда и вездѣ ее предполагаютъ. Можно спорить съ соціалистами о замѣнѣ наемн. труда кооперацією, но нельзя утверждать, что такое измѣненіе противорѣчитъ ест. законамъ, ибо по тѣмъ-же законамъ сѣмя смѣняется цвѣткомъ, а цвѣтокъ—плодомъ.

Къ этому въ концѣ концовъ стремится и эволюція. Страшенъ и мраченъ ея путь, но и результаты внѣ сомнѣнія. Вотъ какъ изображаетъ эту эволюціонную помощь прогрессу Генри Друммондъ: „Дитя, будучи не въ состояніи бороться съ опасностью одно, умираетъ. Въ этомъ проявляется строгость и прямая справедливость природы. Мать, которая оказалась не состоятельной придти на помощь, не должна оставлять преемника той же недостойности. Однако гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ существуетъ другая, лучшая въ этомъ отношеніи мать. Когда представляется крайность, она поднимается до высоты, требуемой случаемъ. На одинъ часъ она превосходитъ самое себя. Въ этотъ день нравственный ростъ человѣчества увеличивается; первый актъ самопожертвованія заносится въ пользу человѣческаго рода.—Нѣсколько десятковъ столѣтій больше, нѣсколько милліоновъ матерей больше—и зародыши терпѣнія, заботливости, нѣжности, симпатіи и самопожертвованія укореняются въ человѣчествѣ“ [54]).

Также совершенно вѣрно и указаніе эволюціонистовъ на то, что законы разума и этики подлежатъ общимъ законамъ эволюціи. И здѣсь такой же кровавый и жестокій путь. Скажемъ прямо: безнравственный путь для водворенія нравственности и безумная дорога къ разуму. Эволюціонистъ Летурно въ своей „Evolution de la propiété (1889) говоритъ: „Римская Имперія погибла вслѣдствіе крупной собственности, рабства и колоната; не погибнетъ ли нашъ міръ вслѣдствіе саларіата? Если ничто не улучшится въ этомъ положеніи вещей, вѣроятно *европ. цивилизація погибнетъ также, какъ и предшествующія ей.* Она умретъ отъ своихъ недостатковъ или падетъ подъ ударами внѣшнихъ или внутреннихъ варваровъ. Но неизбѣженъ ли подобный исходъ? Никоимъ образомъ. Что бы тамъ ни говорили, соціальныя явленія не имѣютъ свойства непреложности, какъ наприм., астрономическія. Отъ человѣка въ значит. степени зависитъ ихъ видоизмѣненіе; націи сами могутъ устраивать свою судьбу".

И это вполнѣ согласно съ законами эволюціи. Тѣ націи, которыя раньше освободятся отъ крайностей обездоленности массъ, окажутся могущественнѣе другихъ и въ борьбѣ за существованіе болѣе слабыя націи погибнутъ, а съ ними погибнетъ и обездоленность, какъ естественно погибаетъ безсердечіе матерей, не передающихъ своихъ свойствъ дѣтямъ, рано умирающимъ. Какъ ни жестоко это положеніе эволюціонизма, но отрицать его безпристрастная наука не можетъ. Несомнѣнно, уже въ настоящее время международная борьба приводитъ къ необходимости для государствъ предпринимать систематическій рядъ мѣръ къ умственному и нравственному возвышенію населенія, такъ какъ теперь оказывается, что безъ этого государство не можетъ выдерживать международной борьбы. И волей не волей государства въ интересахъ самосохраненія должны заботиться объ интересахъ народныхъ массъ. Экономическое положеніе народныхъ массъ все болѣе и болѣе переходитъ изъ сферы частноправовыхъ отношеній въ сферу публичнаго права, становится чисто государственнымъ вопросомъ. Давно ли вопросы о народномъ образованіи считались чуть ли не праздными? Давно ли вмѣсто образованія насыщали знаніемъ латинскихъ и греческихъ склоненій и спряженій? Не давно ли была эта блаженная simplicitas, а теперь съ трудомъ вѣрится, что она существовала и столько вреда сдѣлала странѣ, довела ее чуть ли не до погибели въ борьбѣ съ культурно-образованнымъ язычникомъ! Давно ли нужно было серьезному публицисту пресерьезно доказывать у насъ и пользу наукъ?

„Въ наукѣ, гов. Н. Чернышевскій, хранятся плоды опытности и размышленій человѣческаго рода, и главнѣйшимъ образомъ на основаніи науки улучшаются понятія, а потомъ нравы и жизнь людей. Но открытія и соображенія науки приносятъ дѣй-

ствительную пользу только тогда, когда разливаются въ массѣ публики“ [55]).

Теперь этого не приходится доказывать даже мрачнымъ послѣдователямъ экономическаго матеріализма. И они спокойно взираютъ на обезземеленіе массъ, но... не говорятъ о необходимости и пользѣ невѣжества.

Никто теперь не сомнѣвается въ томъ, что весь современный экономическій строй есть результатъ роста знаній. То что дѣлалось эволюціей въ теченіи геологическихъ эпохъ, теперь достигается въ теченіи десятковъ лѣтъ [56]).

Вѣдь современная культура едва можетъ насчитывать за собой сотню лѣтъ своего существованія. До 19 вѣка во всѣхъ странахъ міра наука была въ подозрѣніи и только одно столѣтіе болѣе или менѣе общаго свободнаго изслѣдованія произвело такой катаклизмъ въ человѣчествѣ, какого не создавали и неизмѣримыя геологическія эпохи. А сама эта наука еще въ младенчествѣ. И еще въ большемъ младенчествѣ находится распространеніе знаній, отъ котораго зависитъ пріобщеніе милліоновъ работниковъ къ великому дѣлу изслѣдованія истины [57]).

Съ другой стороны и конъюнкція также приходитъ на помощь прогрессу, привлекая къ общей работѣ человѣчества по изслѣдованію Истины все, что есть живого въ странѣ. До 19 в. науки были удѣломъ высшихъ классовъ. Но уже въ то время населеніе, стоящее внѣ культуры и физически работавшее для досуга состоятельныхъ, выдѣляло геніевъ, имена которыхъ безсмертны. Достаточно припомнить, что Гаргривъ, изобрѣтатель Джени, былъ ткачъ; Аркрайтъ, изобрѣтатель прядильнаго станка, былъ простымъ цирульникомъ; Картрайтъ, изобрѣтатель ткацкаго станка, былъ деревенскимъ священникомъ. Въ какой же мѣрѣ должна была увеличиться сумма изобрѣтеній и открытій съ того времени, когда массы получили большій или меньшій доступъ къ свѣту. Самый эгоизмъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ рабочія массы получили возможность жить головой, а не однѣми руками. Въ настоящее время уже не мыслимы такіе устарѣлые пріемы благопріобрѣтенія, какъ шейлокство, плюшкинство, чичиковщина. Уже и теперь каждый начинаетъ понимать, что удовлетвореніе желудка зависитъ отъ собственной головы. И мы видимъ общее стремленіе примѣнять къ хозяйству знаніе, видимъ стремленіе изобрѣтать и примѣнять новыя орудія, кооперація въ сбытѣ и пріобрѣтеніи начинаетъ играть все большую и большую роль. И мы всѣ начинаемъ проникаться великой истиной, что будущее принадлежитъ лишь всесторонне образованнымъ націямъ. По вѣрному замѣчанію А. И. Чупрова, „лишь народная школа можетъ подмѣтить и выдвинуть впередъ тѣхъ талантливыхъ людей, которые двигаютъ впередъ жизнь и знаніе. Она беретъ изъ массы

тѣхъ, въ комъ свѣтитъ искра божественнаго огня; она даетъ этимъ людямъ, освѣщеннымъ печатью таланта, вѣру въ себя и въ свое призваніе, не позволитъ имъ заглохнуть и затеряться, она снабдитъ ихъ средствами къ тому, что бы эти таланты не были зарыты въ пескѣ; но и менѣе геніальныя натуры она обогатитъ знаніями, которыя дудутъ имъ способность осуществлять идеи, создаваемыя первыми“ [58]).

„Для того, что бы благородныя усилія лучшихъ людей страны встрѣтили для себя подготовленную почву, образованіе, хотя бы въ самомъ элементарномъ его видѣ, должно нѣсколько встряхнуть природную косность ума и возбудить запросы лучшаго. Не нужно забывать, что единственный способъ для борьбы съ бѣдностью заключается въ увеличеніи производительности труда, для чего вѣрнѣйшій путь—знаніе и образованіе“ [59]).

Неудивительно, что въ новое время совершенно измѣнился даже характеръ утопій. Древніе золотой вѣкъ относили къ давнозабытымъ и неизвѣстнымъ временамъ. Наше время золотой вѣкъ помѣщаетъ въ будущемъ. Въ поэмѣ Гезіода „Труды и дни“ Боги создали сперва расу золотого вѣка. Но это чудное племя угасло, превратившись въ духовъ, заботящихся и до сихъ поръ о людяхъ. За тѣмъ пустующая земля была заселена людьми серебрянаго вѣка, вѣчно враждовавшими между собою и поглощёнными землей. За тѣмъ появилось мѣдное племя, вѣчно воевавшее и отъ войнъ сошедшее въ царство Гадеса. Потомъ появилась раса героевъ Трои и Ѳивъ. Она частью погибла въ войнѣ, частью переведена на блаженные острова. Наконецъ появился желѣзный вѣкъ, злой, полный неправды. Онъ также долженъ погибнуть. А вотъ утопія начала новаго времени: По ученію Фурье, человѣчество послѣдовательно переживаетъ слѣдующіе періоды: 1. Періодъ эдемизма, сохранившійся въ воспоминаніяхъ о золотомъ вѣкѣ. Собственности тогда не было, преобладала растительная пища, господствовали миръ и любовь. Рай палъ съ увеличеніемъ населенія. 2. Періодъ дикости—время звѣроловства и рыболовства. Союзы—это шайки; женщины и плѣнники въ рабскомъ состояніи. 3 и 4. Періоды патріархата и варварства—создана семья, приручаются животныя, начинается земледѣліе, появляется собственность и союзы, завершаемые государствомъ. 5. Эпоха цивилизаціи. Возникаетъ теократическое правительство, жрецы создаютъ науку, возникаетъ торговля и меркантилизмъ. 6. Періодъ гарантизма. Возникаетъ рабочее и соціальное законодательство, концентрація капиталовъ, крупные центры производства и потребленія. 7. Эпоха ассосіаціи. — Возникаетъ гармонія интересовъ по системѣ Фурье, создающая всеобщее счастье, о которомъ и мечтать не могутъ нынѣшніе люди, не знающіе о величественныхъ творческихъ силахъ, заключающихся въ полной свободѣ страстей и

чувствъ. Какъ видимъ, мечта новаго мыслителя—напутствіе къ жизни, благословеніе на счастье, между тѣмъ какъ всѣ лучшія утопіи старыхъ мыслителей—это грустное и заунывное реквіемъ. Появилась вѣра въ прогрессъ, надежда на лучшее будущее человѣчества, любовь къ людямъ. А мать ихъ Софія, до сихъ поръ преимущественно техническая, но уже не мало въ ней и сердца и совѣсти.

VII. Потребности.

Потребность—это, по отзыву однихъ, проклятіе, а по мнѣнію другихъ—благословеніе Божіе.

Человѣкъ есть всеядное хищное животное, отличающееся сравнительно съ другими существами невѣроятною интенсивностью и также невѣроятною экстенсивностью потребностей. Потребности у человѣка—все. Для нихъ онъ живетъ, ими онъ живетъ, для нихъ все приноситъ въ жертву. И нѣтъ ничего святого, чѣмъ бы онъ не пожертвовалъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Ничего подобнаго нѣтъ ни въ одномъ изъ другихъ видовъ и родовъ живыхъ существъ. Хищничество человѣка превосходитъ хищничество всѣхъ самыхъ хищныхъ и самыхъ свирѣпыхъ животныхъ. Волки не питаются волками, но человѣкъ не останавливается и предъ съѣденіемъ своего ближняго не подъ вліяніемъ голода, но изъ-за лакомства [1]). Мало того, исключительно изъ-за лакомства человѣкъ порабощаетъ своего же ближняго, изъ-за лакомствъ обрекаетъ на нищету массы близкихъ ему людей же. Рабство, крѣпостное право, голодный пролетаріатъ—вызваны въ исторіи не нуждой, не голодомъ, но прихотями, часто безсмысленными и идіотскими, недостойными разумнаго существа. Для того, чтобы лучше одѣваться, имѣть болѣе просторный домъ, для того, чтобы побольше ѣсть и пить человѣкъ заставляетъ кнутомъ работать несчастныхъ рабовъ, отдающихъ свою жизнь страшному труду, лишь бы насытить алчнаго хищника. Мы поражаемся кретинизму фараоновъ, не останавливавшихся предъ смертью сотень тысячъ народа, строившихъ никому ненужныя пирамиды. Но исторія знаетъ еще большій кретинизмъ. Это кретинизмъ ненасытнаго человѣка, изъ-за алчности создавшаго институты рабства и деспотіи.

Потребности человѣка—это съ точки зрѣнія остальной природы настоящее проклятіе. И съ точки зрѣнія самого же человѣка—это бочка Данаидъ, называемая культурой и цивилизаціей.

По выраженію Дондана, душа человѣка напоминаетъ дочь Цереры, нарисованную Овидіемъ. Она бѣгаетъ по склонамъ Сицилійскихъ горъ съ цвѣтами въ рукахъ, срывая все новые цвѣты и выбрасывая вонъ раньше сорванные.

Луи Бурдо по этому поводу вѣрно замѣчаетъ: „Мы переходимъ отъ иллюзій къ отвращенію, отъ энтузіазма къ разочарованію, не будучи въ состояніи встрѣтить сколько нибудь продолжительное наслажденіе среди безсчисленныхъ видовъ прекраснаго. Насъ соблазняетъ, намъ нравится и насъ обманываетъ постоянно все новое и новое“ [2]).

По словамъ Л. Уорда, „всѣ огромныя усилія жизни направлены къ единственной цѣли освобожденія отъ роя желаній, которыя обступаютъ и преслѣдуютъ человѣка отъ рожденія до смерти“ [3]).

Но онъ же признаетъ потребности основнымъ двигателемъ. „Желаніе есть общераспространенный, одушевляющій міръ принципъ, всемірный пульсъ природы, источникъ всякаго дѣйствія и жизненная сила міра. Оно представляетъ собою органическую силу. Его многочисленныя формы, подобно многочисленнымъ силамъ органическаго міра, представляютъ собою различныя проявленія одной всемірной силы“ [4]).

Очевидно, съ одной стороны убійственный рой желаній, а съ другой полымя смерти, ибо безъ желаній нѣтъ жизни. И рой желаній долженъ безконечно разрастаться, ибо удовлетвореніе попотребностей равносильно прекращенію культуры и движенія, т. е. цѣлію культуры былъ бы огромный О, который, при всей своей огромности, все таки остается О, ничѣмъ не отличающимся и отъ самаго маленькаго О.

Г. Джорджъ справедливо называетъ человѣка „единственнымъ животнымъ, желанія котораго увеличиваются по мѣрѣ того, какъ они удовлетворяются, единственнымъ животнымъ, которое никогда не бываетъ довольнымъ“ [5]).

Ограничиваясь низшими потребностями, онъ и здѣсь вноситъ свое недовольство. „Двѣнадцать вепрей вертятся на вертѣлахъ для того, что бы кусочекъ мяса для Антонія былъ изжаренъ настоящимъ образомъ; всѣ царства природы опустошаются для того, что бы увеличить прелести Клеопатры, и возникаютъ мраморныя колоннады и висячіе сады и пирамиды, соперничающія съ горами. Перейдя къ высшимъ формамъ желанія, все что дремало въ растеніи и прихотливо шевелилось въ животномъ просыпается въ человѣкѣ.—Онъ непрерывно работаетъ, что бы удовлетворить голодъ, котораго не чувствовало ни одно животное, утолить жажду, которой не можетъ испытать ни одно животное“ [6]).

Г. Джорджъ прямо ставитъ вопросъ о необходимости уменьшить интенсивность нашихъ потребностей. Онъ совершенно вѣрно считаетъ источникомъ этой интенсивности боязнь бѣдности, въ силу которой люди сперва наживаютъ для застрахованія себя отъ нищеты, а за тѣмъ это входитъ въ привычку, становясь инстинктомъ, всецѣло поглощающимъ человѣка. Инстинкты эти пере-

даются по наслѣдству и мы нерѣдко видимъ цѣлыя племена, въ крови у которыхъ заключаются наслѣдственныя потребности къ наживѣ, часто не разбирая средствъ и еще чаще даже безъ всякой личной пользы. При организаціи общества такимъ образомъ, чтобы исчезла боязнь бѣдности и что бы каждый былъ обезпеченъ отъ случайностей нищеты, могъ бы исчезнуть источникъ зла и жадность къ наживѣ перестала бы служить инстинктомъ, часто уничтожающимъ въ человѣкѣ все человѣческое. По вѣрному предположенію Г. Джорджа, „зрѣлище такихъ людей, которымъ осталось прожить только нѣсколько лѣтъ, работающихъ какъ невольники для того, что бы умереть богатыми, само по себѣ такъ неестественно и нелѣпо, что при такомъ устройствѣ общества, гдѣ уничтоженіе страха нужды разсѣяло бы завистливое удивленіе, съ которымъ люди теперь смотрятъ на обладаніе большимъ богатствомъ, на каждаго, кто бы трудился, что бы пріобрѣсти больше, нежели онъ намѣревается употребить, смотрѣли бы такъ, какъ мы смотрѣли бы теперь на человѣка, который нахлобучилъ бы на голову съ полдюжины шляпъ, или разгуливалъ бы въ шубѣ въ жаркій солнечный день. Когда всякій увѣренъ, что онъ будетъ въ состояніи добыть достаточно, никому не захочется дѣлать изъ себя вьючную лошадь“ [7]).

И правда, нельзя забывать того, что вся матеріализація современной культуры коренится въ выработанныхъ и чрезвычайно развитыхъ въ населеніи инстинктахъ къ наживѣ. Все нѣкогда священное и дорогое забыто въ погонѣ за богатствомъ. Братъ брата не щадитъ въ борбѣ изъ за лоскутковъ матеріи, изъ за металла, изъ за денегъ. Семья разлагается и люди становятся рабами вещей. Богатство—все, человѣкъ—простое орудіе добычи богатства. Теперь вопросъ идетъ уже объ освобожденіи не человѣка отъ человѣка, прежде всего объ освобожденіи человѣка отъ... вещей [8]). Слова одной изъ идолопоклонницъ предметовъ: Вещь—новый тиранъ, который мучительнѣе всѣхъ тирановъ міра. Онъ подчиняетъ себѣ не только тѣло, но и душу. Прежнимъ историческимъ тиранамъ жертвы съ гордостью могли говорить: вы властны надъ моимъ бреннымъ тѣломъ, но совсѣмъ не властны надъ моей душой. Жертвы современнаго матеріалистическаго тирана уже даже на словахъ не протестуютъ. Они съ охотой, съ увлеченіемъ, по доброй волѣ исполняютъ всѣ велѣнія новаго божества—Вещи. Ослабленіе, если не уничтоженіе этого новаго идолопоклонства было бы равносильно освобожденію духа и направленію дѣятельности человѣчества къ высшимъ цѣлямъ и мотивамъ жизни. Вполнѣ основательно мнѣніе Г. Джорджа, что уменьшеніе интенсивности инстинктовъ накопленія богатствъ было бы равносильно перенесенію энергіи человѣка въ высшія сферы жизненныхъ благъ, въ

тѣ сферы, которыя теперь оказываются наиболѣ заброшенными и заглушенными низменными инстинктами.

Если мы съ ужасомъ читаемъ исторію рабства человѣка у человѣка, если намъ кажутся чѣмъ то невѣроятнымъ истязанія человѣка человѣкомъ, то для безпристрастнаго будущаго историка нашей жизни еще болѣе невѣроятнымъ покажется наше современное рабство, подчиняющее человѣка не человѣку, хотя бы и звѣрю, но пустотѣ въ видѣ шелка, металловъ, камней. Вѣдь древній Молохъ все таки былъ символомъ и жертвы приносились не матеріи, а символу. Теперь уже мы приносимъ жертвы прямо и непосредственно вещамъ. Къ нимъ стремятся всѣ наши помыслы и люди, какъ лунатики или механически двигающіеся манекены, всю жизнь свою полагаютъ въ стремленіи къ вещамъ.

По мнѣнію Л. Толстого, „увеличеніе потребностей не есть усовершенствованіе, напротивъ: чѣмъ больше ограничилъ человѣкъ свои потребности, тѣмъ больше въ немъ сознанія своего человѣческаго достоинства, тѣмъ онъ свободнѣе, мужественнѣе и, главное, способнѣе служить Богу и людямъ“ [9]).

На дѣлѣ и это совсѣмъ не оправдывается.

Многіе первобытные народы, живущіе въ благословенныхъ странахъ, доставляющихъ человѣку все, необходимое ему, почти безъ труда, отличаются жестокими нравами, доходящими до каннибализма.

Въ Полинезіи растутъ: кокосовое дерево, ямсъ, корни, котораго вѣсятъ иногда до 25 килограммовъ, сладкіе пататы, сахарный тростникъ, бананы, хлѣбное дерево. Послѣднее для полинезійскихъ острововъ, говоритъ Ш. Летурно, настоящій даръ провидѣнія. На островахъ Таити оно такъ акклиматизировалось, что перестало давать сѣмена и разводить его можно только черенками, но и въ этомъ не представляется надобности; напротивъ, приходится принимать мѣры противъ чрезмѣрнаго его размноженія, такъ какъ это дерево широко разстилаетъ свои корни, которые даютъ отростки, и если дать ему расти на свободѣ, оно скоро заполнитъ всю равнину. Всѣ растенія растутъ въ дикомъ состояніи. „Полинезійцамъ нѣтъ надобности въ потѣ лица зарабатывать хлѣбъ свой, поэтому на банальныя увѣщанія мнимыхъ цивилизаторовъ европейцевъ—работать, трудиться, жители Таити отвѣчаютъ: „Къ чему намъ работать? Вѣдь у насъ кокосовъ, банановъ и плодовъ хлѣбнаго дерева больше, чѣмъ мы можемъ съѣсть. Вамъ нужны красивыя платья, красивые корабли—ну, и работайте себѣ въ добрый часъ. А мы довольны и тѣмъ, что имѣемъ“.

Объ этой счастливой Аркадіи Летурно сообщаетъ со словъ путешественниковъ: Общество распадается на два класса: аристократовъ и простой народъ, находящійся въ полномъ порабощеніи у первыхъ. „При встрѣчѣ съ аристократомъ кикино долженъ

падать ницъ; пироги аристократовъ спокойно плывутъ впередъ, нерѣдко опрокидывая по пути лодки кикино, эти же бѣдняки не имѣютъ возможности свернуть съ дороги, такъ какъ, завидя аристократа, они первымъ долгомъ обязаны бросить весла и пасть ницъ, на дно пироги". Людоѣдство распространено и обычай закланій практикуется въ широкихъ размѣрахъ. По смерти вождя обязательно принести въ жертву по крайней мѣрѣ двухъ человѣкъ изъ черни. Отряды воиновъ ловятъ несчастныхъ и ведутъ на мѣсто закланія. На нѣкоторыхъ островахъ пожираютъ плѣнныхъ на полѣ битвы. Полинезійскіе боги остаются людоѣдами, они требуютъ человѣческихъ труповъ. Вожди и жрецы сговариваются, кого выбрать, и пользуются этимъ, чтобы избавится отъ непріятныхъ людей [10]).

Когда потребности элементарны и удовлетвореніе ихъ легко, человѣкъ придумываетъ новыя не останавливаясь предъ самымъ невѣроятнымъ. Такъ въ полудикой Полинезіи, мѣстные аристократы, отупѣвшіе отъ праздной и военной жизни, занялись особымъ упитываніемъ своихъ женщинъ. Въ теченіи извѣстнаго времени они кормятъ ихъ до отвала пищей, богатой крахмаломъ, бананами, плодами хлѣбнаго дерева и пр. и не позволяютъ ровно ничего дѣлать, даже ходить; единственная дозволенная прогулка— пойти къ рѣкѣ, чтобы вымыться. По окончаніи искуса, женщинъ раздѣваютъ до нага и дѣлаютъ имъ смотръ. Если достигнута полнота тѣла, красавица возбуждаетъ общій восторгъ [11]).

Ограниченность потребностей порождаетъ пустоту жизни и вырабатываетъ самыя противоестественныя понятія. Таково понятіе дикарей благодатной Абиссиніи о благородствѣ. Такъ абиссинцы уродуютъ побѣжденныхъ способомъ, назыв. „фаллотоміей". „Человѣка, не совершившаго ни одного изъ этихъ гнусныхъ подвиговъ, всѣ презираютъ, гнушаются имъ; онъ не имѣетъ права заплести свои волосы въ косу. На окраинахъ селеній шатается множество такихъ удальцовъ, въ одиночку срывающихъ фаллотомическіе лавры; они не разборчивы; они рады захватить и пахаря въ полѣ, крестьянина въ его хижинѣ; они не щадятъ даже дѣтей и уродуютъ грудныхъ младенцевъ" [12]).

Этимъ же объясняется манія египетскихъ фараоновъ къ постройкѣ пирамидъ и храмовъ. Они воевали, чтобы плѣнными сооружать чудовищныя постройки, нѣкоторые заставляли и египтянъ участвовать въ этой египетской работѣ. Фараонъ Хеопсъ 10 лѣтъ работалъ надъ шоссе для перевозки матеріаловъ для своей могилы, а надъ самой пирамидой заставилъ сто тысячъ людей работать 20 лѣтъ. По словамъ Геродота, такія безумныя растраты силъ народа продолжались въ Египтѣ сто шесть лѣтъ. Народъ гибъ массами для удовлетворенія маніакальныхъ потребностей правителей, у которыхъ сумасшествіе отъ праздности сдѣлалось

наслѣдственнымъ. И при этомъ маніаки страшно гордились своими подлыми и глупыми затѣями. Такъ, „чтобы выяснить будущимъ поколѣніямъ все величіе своей затѣи, Хеопсъ повелѣлъ вырѣзать на своей пирамидѣ надпись, возвѣщавшую прохожимъ, что тысяча шестьсотъ серебряныхъ талантовъ были истрачены только для снабженія рабочихъ лукомъ, чеснокомъ и петрушкой“ [13]).

Этимъ же объясняется и вообще патологическое состояніе многихъ потребностей. Такъ: „Если человѣческое удовольствіе, говоритъ Забѣлинъ, находилось подъ осужденіемъ и проклятіемъ, человѣку ничего другого не оставалось, какъ предаваться веселью пьянства“. Питіе, говоритъ Дитятинъ, это единственная утѣха, допускаемая самыми представителями церкви, вошло въ плоть и кровь нашихъ предковъ, сдѣлавшись утѣхой всѣхъ безъ различія классовъ, пола и чуть ли даже не всякаго возраста. „Пили всѣ почти одинаково, говоритъ Жмакинъ, князья и бояре, представители церкви. Низшее духовенство даже перещеголяло другія сословія въ этомъ отношеніи. Женщины мало отставали отъ мужчинъ въ пьянствѣ, даже малолѣтнія дѣти и тѣ пріучались къ вину“. Пьянство господствовало въ древней Руси, говоритъ Соловьевъ, и господствовало въ значительной мѣрѣ потому, что „для человѣка замкнутаго постоянно среди не многихъ явленій бѣдной жизни обыкновенно является стремленіе искусственными средствами... забыться“ [14]).

Наконецъ этимъ же объясняется и всеядность человѣка. О всеядности человѣка можно судить по пищѣ, нерѣдко употребляемой людьми осажденными непріятелемъ въ крѣпостяхъ. Извѣстны въ этомъ отношеніи невѣроятныя бѣдствія поляковъ въ 1612 и 1613 годахъ въ Москвѣ. Когда исчезъ хлѣбъ, они питались крысами и кошками, травой и кореньями. Они пользовались греческими рукописями, найденными въ Кремлѣ, вываривая пергаментъ и добывая изъ него клей. Потомъ они выкапывали трупы и съѣдали ихъ, убивали и ѣли плѣнныхъ и, наконецъ, начали ѣсть другъ друга. Очевидецъ Будзило сообщаетъ по числамъ кто и кѣмъ былъ съѣденъ: лейтенантъ и гайдукъ съѣли каждый по двое изъ своихъ сыновей, другой офицеръ съѣлъ свою мать. По словамъ К. Валишевскаго, „сильнѣйшіе пользовались слабыми, а здоровые больными. Ссорились изъ-за мертвыхъ и къ порождаемымъ жестокимъ безуміемъ раздорамъ примѣшивались самыя удивительныя представленія о справедливости. Одинъ солдатъ жаловался, что люди изъ другой роты съѣли его родственника, тогда какъ по справедливости имъ должны были питаться онъ съ товарищами. Обвиняемые ссылались на права полка на трупъ однополченца, и полковникъ не рѣшался круто прекратить эту распрю, опасаясь, какъ бы проигравшая тяжбу сторона изъ ме-

сти за приговоръ не съѣла судью. Будзило увѣряетъ, что возникало много подобныхъ дѣлъ; томясь голодомъ, наполняя ротъ кровавой грязью, обгладывали себѣ руки и ноги, грызя камни и кирпичи, всѣ эти люди несомнѣнно впадали въ безуміе“ [15]).

Древніе мыслители относились также отрицательно къ потребностямъ, видя въ нихъ несчастье и даже проклятіе. Такъ матеріальныя потребности Сократъ признавалъ нечистыми. По его ученію, даже по смерти „душа оставляетъ тѣло оскверненною и не чистою вслѣдствіе того, что постоянно жила одною съ нимъ жизнью, служила ему и любила его, постоянно очаровывалась имъ, страстями и удовольствіями до того, что ей ничто уже не представлялось истиннымъ, кромѣ того, что тѣлесно, что можно осязать или видѣть, пить, ѣсть или чѣмъ можно пользоваться для удовольствій любви“. Поэтому по смерти такая душа, получившая земную оболочку, тянется къ міру „пугаясь невещественнаго и той области, которую называютъ аидомъ. Тогда она начинаетъ блуждеть вблизи надгробныхъ памятниковъ и могильныхъ кургановъ, вокругъ которыхъ дѣйствительно бываютъ иногда видимы мрачныя привидѣнія“. И эти души блуждаютъ, пока не воплотятся опять, избирая подходящее ихъ вкусамъ тѣло. „Люди, которые предавались обжорству, разврату и пьянству, естественно должны входить въ разныя породы ословъ и подобныхъ животныхъ. А люди, которые выказывали особенную наклонность къ разнаго рода несправедливостямъ, тиранствамъ и грабежамъ, переселяются въ волковъ, ястребовъ и коршуновъ“ [16]).

Только духовныя потребности, по ученію Сократа, приближаютъ человѣка къ Богу. Занятія философіей очищаютъ душу [17]).

Занятія философіей это занятія тѣмъ, что по природѣ родственно душѣ человѣка, т. е. невещественно, божественно, безсмертно и разумно“ [18]).

Поэтому онъ полагаетъ, что „войти въ сонмъ боговъ тому, кто не посвящалъ себя занятіямъ философіей и не отошелъ совершенно чистымъ—невозможно. Это доступно только любителю знанія“ [19]).

По *Эпикуру*, мудрецъ можетъ быть счастливъ, имѣя только хлѣбъ и воду; „онъ презираетъ удовольствія, которыя позволяетъ роскошь, не потому, чтобы онъ относился отрицательно къ нимъ самимъ, а изъ за тѣхъ страданій, которыя неизбѣжно связаны съ ними“. „Часто пріобрѣтеніе богатства, говоритъ Эпикуръ, есть только другая форма страданій, а не окончаніе ихъ. *Вы хотите сдѣлать Питокла богатымъ? Не увеличивайте его достоянія, но лишь уменьшите его страсти*“. Бѣдность, не противорѣчащая естественнымъ потребностямъ, большое состояніе“ [20]).

Циники также проповѣдывали презрѣніе къ богатству. На пирѣ у Ксенофонта Сократъ говоритъ Антисфену, первому изъ

циниковъ: „Теперь скажи намъ, почему ты, будучи бѣднымъ гордишься своимъ богатствомъ?—„Потому, друзья мои, что богатство, какъ и бѣдность, надо искать не въ домахъ людей, а въ ихъ душахъ. Я нахожу большое число лицъ, которыя, обладая большимъ состояніемъ, все же считаютъ себя бѣдняками, рискуютъ на всякія опасности, лишь бы еще что нибудь прибавить къ своимъ богатствамъ. Нѣкоторые тираны обладаютъ такою жадностью къ богатству, что совершаютъ самыя низкія преступленія, отъ которыхъ покраснѣли бы самые отверженные. Они напоминаютъ мнѣ человѣка, который ѣстъ очень много и никогда не сытъ.—Такое богатство, какъ у меня, дѣлаетъ человѣка свободнымъ“ [21]).

Стоики думали также. Эпиктетъ совѣтуетъ мудрецу не бояться бѣдности. Крайній предѣлъ нищеты—смерть, а она не страшна для мудреца.

Но въ древности же появилось и ученіе о потребностяхъ, какъ благодати, какъ основномъ факторѣ благосостоянія. Платонъ въ своей книгѣ „О государствѣ“ доказываетъ, что самое общество могло возникнуть не иначе, какъ подъ вліяніемъ потребностей, вызывающихъ съ одной стороны раздѣленіе труда, а съ другой необходимость обмѣна, т. е. соединеніе того же труда. [22])

Но и Платонъ вынужденъ былъ признать многія изъ потребностей излишними и недостойными человѣка. По его мнѣнію, государство обезображиваетъ себя, допуская въ свою среду плотниковъ, кузнецовъ, пастуховъ и торговцовъ. Роскошь вредна, она вызываетъ войны, жестокость, несправедливость. Подъ вліяніемъ роскоши государства погибаютъ, такъ какъ между гражданами возникаетъ зависть, борьба, раздоры и революціи [23]).

Какъ доктрины отражались на практикѣ, свидѣтельствуетъ римская исторія. Въ римскомъ Сенатѣ двѣ партіи боролись. Эпикурейцы требовали усиленія императорской власти, стоики умѣренія ея Сенатомъ. Первые требовали абсолютизма, который не смущалъ бы ихъ покоя агитаціями, неизбѣжными при свободѣ. „Неронъ, говоритъ де-Ферронъ, осуществилъ государство Эпикура во всей славѣ. Онъ впрочемъ, слѣдовалъ лишь тому, что было въ нравахъ молодыхъ людей его времени. Найдите, говорилъ Тацитъ, молодыхъ людей, которые говорили бы о чемъ иномъ, а не о скандалахъ, гладіаторахъ и лошадяхъ [24]).

Совершенно послѣдовательно ученіе о потребностяхъ, какъ прогрессивномъ и организующемъ факторѣ, начинаетъ развиваться съ А. Смита

Основатель политической экономіи видѣлъ въ потребностяхъ, подобно Платону, основаніе общежитія. Каждый человѣкъ, преслѣдуя удовлетвореніе своихъ личныхъ потребностей, тѣмъ самимъ удовлетворяетъ потребности другихъ, съ которыми онъ всту-

паетъ въ обмѣнъ произведеніями и услугами. И чѣмъ меньше стѣсненій, чѣмъ больше свободы для каждаго заниматься тѣмъ, къ чему онъ чувствуетъ наибольшую склонность, тѣмъ больше благосостоянія въ странѣ.

На этомъ принципѣ свободы въ удовлетвореніи потребностей Ш. Фурье обосновалъ всю свою систему новаго міра.

По ученіи Ш. Фурье, даже лакомство въ соціэтарномъ состояніи служитъ факторомъ „мудрости, свѣта и соціальнаго согласія".

Нѣтъ, говоритъ онъ, другой страсти, которая такъ была бы осуждаема, какъ лакомство. Можно ли предположить, что Богъ видѣлъ порокъ въ страсти, которой онъ придалъ наибольшую силу? Нѣтъ другой страсти, которая была бы такъ сильно распространена въ народѣ. Другія страсти, наприм. любовь, честолюбіе, вліяютъ на возрасты болѣе зрѣлые и мужественные, но лакомство не теряетъ никогда своей власти при всякомъ возрастѣ: оно наиболѣе постоянно, оно одно царствуетъ отъ колыбели до конца жизни. Оно царствуетъ деспотически какъ въ высшихъ классахъ, такъ и въ народѣ, какъ и среди дѣтей. Вездѣ люди рабы своего рта. Могъ ли Богъ такъ сильно подчинить человѣка этой страсти, если бы не предназначилъ ей высокой роли въ механизмѣ, который онъ намъ опредѣлилъ?—Лакомство есть сила, созидающая промышленныя Серіи, душа ихъ. Въ цивилизованномъ мірѣ лакомство не соединяетъ, такъ какъ рабочій не пользуется продуктами труда. Эта страсть между нами удовлетворяется лишь праздными людьми. Въ соціэтарномъ состояніи она не будетъ служить праздности, но труду [25]).

Согласно съ этимъ Ш. Фурье настаиваетъ на развитіи потребностей, на возможномъ расширеніи ихъ, на умноженіи, усовершенствованіи. Такъ какъ чѣмъ больше будетъ потребностей, тѣмъ сильнѣе будетъ соціэтарный трудъ и тѣмъ выше благосостояніе всѣхъ и каждаго. По его мнѣнію, теперь богачи и понятія не имѣютъ о томъ богатствѣ, которое въ соціэтарномъ состояніи будетъ доступно всѣмъ и каждому. Теперешніе богачи будутъ казаться нищими для людей соціэтарнаго состоянія.

На гармоніи интересовъ, проистекающей изъ единенія потребностей, обоснована и вся система школы гармонистовъ—Бастія-Кэри.

Съ появленіемъ эволюціонизма, ученіе о потребностяхъ начало разработываться съ эволюціонной точки зрѣнія и эволюціонисты также положили въ основу соціальнаго развитія ростъ потребностей.

Органическое отъ неорганическаго, говоритъ Г. Друммондъ, отличается тѣмъ, что животное ѣстъ, а камень нѣтъ. Почти все, пріобрѣтенное въ ранней исторіи міра, обязано было голоду [26]).

Къ голоду былъ присоединенъ половой инстинктъ и получилось два начала, лежащія въ основѣ всякой эволюціи.

Отношеніями къ этимъ „основамъ жизни“ въ сущности опредѣляется и различіе между современными экономическими системами. Такъ, вслѣдъ за Ш. Фурье, многими признается полная свобода потребностей и законъ потребностей единственнымъ закономъ общежитія. Таковъ *анархизмъ*, исключающій всякую власть, всякое насиліе, всякое ограниченіе личности.

Кропоткинъ считаетъ что революція начнется не съ экспропріаціи орудій производства, но съ экспропріаціи предметовъ потребленія. Это первый шагъ на пути къ новому устройству общества [27]).

По его мнѣнію и принципомъ распредѣленія должно быть потребленіе, а именно „каждому по его потребностямъ“. Вознагражденіе по труду считаетъ несправедливымъ, такъ какъ, при раздѣленіи труда, продуктъ есть результатъ коллективной работы всего человѣчества. Но такъ какъ продуктовъ можетъ быть мало, то необходимо также дѣленіе по равнымъ долямъ. „Каждому по потребностямъ, если продуктъ имѣется въ изобиліи; дѣлежъ по порціямъ, разъ количество продукта ограничено“.

Конечно, при этомъ должна пострадать самая элементарная справедливость. По замѣчанію В. Базарова, „фактически потребности людей далеко не одинаковы количественно и уже во всякомъ случаѣ не однородны качественно; поэтому при равной дѣлежкѣ, одни неизбѣжно будутъ чувствовать себя болѣе удовлетворенными, другіе менѣе или вовсе не удовлетворенными“ [28]).

Очевидно, Кропоткинъ считаетъ не выполнимой идею Бабефа исправить природу и установить работу по способностямъ, а каждой способности выдавать вознагражденіе по потребностямъ.

Понятно, анархизмъ долженъ былъ вызвать протестъ и онъ былъ вызванъ весьма рано. Свобода естественно приводитъ къ возвышенію болѣе талантливыхъ или сильныхъ. Получается неравенство и возникаетъ необходимость возмущенія. Именно таковъ смыслъ „Заговора равныхъ“ Бабефа. Равенство должно быть фактическое, для чего необходима сильная народная власть. Отсюда *коммунизмъ*. Это бунтъ противъ анархизма.

Послѣдователи свободы и коммунизма представляются въ исторіи людьми послѣдовательныхъ и твердыхъ убѣжденій. Устами ихъ говоритъ послѣдовательная логика чувства, желаній и мысли.

Но всегда между крайностями встрѣчается середина, какъ оппортунизмъ, какъ сидѣнье между двухъ стульевъ. Это и есть *соціализмъ*, задавшійся цѣлію примирить непримиримое, соединить не соединимое: свободу съ деспотизмомъ, анархію съ коммунизмомъ.

Самая эта противорѣчивость воззрѣній по основному вопросу

политической экономіи свидѣтельствуетъ о томъ, что и самая наука экономическая находится пока въ состояніи первобытномъ, когда анимизмъ и за тѣмъ субъективизмъ предрѣшали истину и подъ готовый вердиктъ, къ которому ученый чувствувалъ симпатію, подводились готовые факты. Въ данномъ случаѣ не представляетъ собою исключенія даже система Мальтуса съ его фактической борьбой за существованіе и соціальной точкой зрѣнія на потребности. По его ученію, каждый новый человѣкъ есть организмъ новыхъ потребностей, ищущихъ своего удовлетворенія и не находящихъ его въ уже занятомъ мірѣ. Необходимо или предупредить это или подчиниться естественному закону природы, устанавливающему равновѣсіе между потребностями и средствами усиленной смертностью слабыхъ.

Мальтусъ оказался не правъ въ своихъ прогрессіяхъ: геометрической—размноженія населенія и ариѳметической—розмноженія средствъ существованія. Дѣйствительно, средства существованія, благодаря высокой техникѣ, размножаются даже быстрѣе и во много разъ быстрѣе размноженія населенія. *Исторически* Мальтусъ безусловно не правъ.

Но ни Мальтусъ, ни его противники не замѣтили другого. Они не обратили вниманія на законъ *роста потребностей*. Альфонсъ Карръ едва ли далекъ отъ истины, утверждая, что отношеніе роста потребностей къ средствамъ существованія равно отношенію 1:3, т. е. если средства существованія увеличиваются на 1, то потребности увеличиваются на 3. „Въ настоящее время нужно признать, говоритъ онъ, безпорнымъ, что потребности человѣка растутъ въ пропорціи значительно превосходящей прогрессъ производства“ [29]). По его мнѣнію, значительное размноженіе населенія сравнительно съ другими животными объясняется тѣмъ, что человѣкъ ѣстъ все. „Каждое животное можетъ жить только опредѣленной пищей. Человѣкъ ѣстъ все, что ѣдятъ отдѣльныя животныя; онъ ѣстъ скотъ, подобно волку, онъ ѣстъ траву, подобно скоту; онъ ѣстъ сѣмена и плоды, подобно птицамъ, онъ ѣстъ и самихъ птицъ; мало того, онъ изобрѣтаетъ способы размножать свои питательные средства. Уменьшите завтра на половину пастбища или вообразите себѣ породу скота, который пожиралъ бы въ три раза болѣе, чѣмъ нынѣшній, и неизбѣжно уменьшится количество скота на двѣ трети. Вообразите себѣ расу волковъ, которая могла бы питаться травою полей и листьями деревьевъ, и вся земля наполнится волками“ [30]).

Потребности людей съ развитіемъ культуры быстро увеличиваются. Это особенно замѣтно теперь, съ появленіемъ и развитіемъ городовъ. Понятно, что чѣмъ больше потребностей — тѣмъ при равенствѣ остальныхъ условій больше бѣдности. Ростъ потребностей—это тотъ-же законъ Мальтуса.

Вся эта, быть можетъ излишне подробно изложенная исторія ученій, доказываетъ, что вопросъ о потребностяхъ еще далекъ отъ своего научнаго разрѣшенія.

Какъ вѣрно замѣтилъ А. Пѣшехоновъ, вопросъ о происхожденіи и эволюціи потребностей остается мало изслѣдованнымъ.

По его мнѣнію, въ немъ нѣтъ ничего метафизическаго. Изъ всѣхъ клѣточекъ, образовавшихся въ мірѣ, сохранились и распространились лишь тѣ, которыя оказались способными къ самосохраненію и размноженію [31]).

Эти первобытныя потребности эволюціонировали, т. е. осложнялись и размножались по законамъ Дарвина о происхожденіи видовъ, различающихся своими органами и ихъ функціями. При этомъ не только всякое измѣненіе въ морфологическомъ строеніи организма непрерывно связано съ измѣненіемъ его физіологическихъ функцій, но и наоборотъ всякая перемѣна, какая вносится въ отправленія организма извнѣ, почти неизбѣжно сказывается на его строеніи. Поэтому средства удовлетворенія потребностей, измѣняя строеніе, сами становятся цѣлію. Движеніе—средство самозащиты и добыванія пищи, развиваетъ мускулатуру. Мускулатура же вызываетъ потребность въ движеніяхъ, доставляющихъ удовольствіе сами по себѣ. „Знаніе для человѣка это прежде всего средство въ борьбѣ за существованіе; на извѣстной ступени развитія оно дѣлается, однако, самодавлѣющей цѣлію и стремленіе къ истинѣ является одной изъ важнѣйшихъ потребностей человѣческаго духа“ [32]).

Потребность самосохраненія для живого существа не ограничивается фактомъ существованія, но состоитъ въ сохраненіи организма со всѣми его наслѣдственными и благопріобрѣтенными особенностями. „Стремиться къ сохраненію своей личности со всѣми ея силами, способностями и потребностями, стремиться къ сохраненію ея въ настоящемъ и будущемъ, пользоваться для этого всѣми доступными средствами и, стало быть, всѣми возможностями для дальнѣйшаго ея развитія, это *естественное* право человѣка въ буквальномъ смыслѣ слова“.

Между развившимися потребностями возникаютъ противорѣчія, напр. между самосохраненіемъ и размноженіемъ, другія гипертрофируются, напр. обжорство. Поэтому возникаетъ различіе между здоровыми и полезными потребностями, а также вредными и гибельными. Выборъ между ними—задача нравственно-разумной жизни. Въ біологическомъ мірѣ цѣль достигается механически, напр. атрофіей органовъ, исчезновеніемъ видовъ, Затѣмъ появляются инстинкты, по коимъ животное отличаетъ ядовитыя травы. Въ человѣкѣ—мысль и чувство.

Появляется сила долга и чести, также растущая. Сперва идеи чести исчерпываются физической неприкосновенностью, потомъ и

нравственною. Этапы роста чести: семья, родъ, племя, нація, государство, человѣчество. „Этапы эти намѣчаютъ столь опредѣленное направленіе, что сомнѣваться въ конечномъ торжествѣ правды на землѣ не приходится“ [33]).

Попытка А. Пѣшехонова—единственная по раціональной постановкѣ задачи. Къ сожалѣнію, это попытка лунатика, на все смотрящаго сквозь призму таинственныхъ вліяній луннаго свѣта. Для него напр, слово „оказія“ есть чудодѣйственный жезлъ Моисея, вызывающій воду изъ камня. Почему-то „оказались“ тѣ или иныя особенности, наприм. мысль, честь и т. д., и все это подхватывается подборомъ и за тѣмъ получается чудная картина жизни. Блаженны вѣрующіе въ „оказію“; наука не въ ихъ числѣ. Она во всемъ сомнѣвается, она ищетъ только фактовъ.

И вопросъ объ экономическомъ значеніи потребностей можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ на основаніи фактовъ. Это задача будущаго.

II.

Можно изучать лишь то, что существуетъ. Конечно, возможна и философія Нирваны, т. е. небытія, несуществованія. Но это философія, а не точное знаніе.

Экономисты изучали индивидуальныя потребности, т. е. потребности воображаемаго Робинзона. Понятно, получилось ученіе о свойствахъ безсвойственности. Изолированнаго человѣка нѣтъ и то, что мы называемъ личными потребностями, въ дѣйствительности есть фактъ соціальный. Поэтому изученіе потребностей человѣка необходимо начинать съ потребностей общественности.

Всякая общественность есть союзъ, наличность котораго требуетъ признанія взаимной неприкосновенности. Это требованіе есть самая идея союза и всякій союзъ есть осуществленіе ея. Гдѣ человѣкъ убиваетъ или съѣдаетъ живьемъ своего ближняго, тамъ нѣтъ союза и не можетъ быть. Первая шайка разбойниковъ, соединившихся для грабежей, оказалась возможною только потому, что участники союза рѣшили грабить другихъ, не обижая другъ друга. Взаимность была необходимымъ условіемъ для зарожденія перваго союза. И тѣ, которые въ своей личной природѣ имѣли наклонность къ взаимности, могли организовать шайки; не способные къ этому не выдерживали борьбы и исчезали. *Взаимность, какъ постулатъ союза, укрѣпляется эволюціей и конъюнкціей.* Потребность общественности становится плотью и кровью личности. Личная потребность есть осуществленіе идеи общественности.

Въ потенціи союза заключается двѣ идеи: а) идея взаимности и б) идея общей дѣятельности. Потенція союза переходитъ въ реальный міръ не иначе, какъ при осуществленіи обѣ-

ихъ идей. Если нѣтъ взаимности, то физически не можетъ быть союза. Если нѣтъ общей дѣятельности, то нѣтъ цѣли, слѣдовательно союзъ невозможенъ морально. И если идея взаимности проявляется въ признаніи личной неприкосновенности другъ друга, то идея общей дѣятельности требуетъ подчиненія и авторитета. И это мы и видимъ вездѣ, гдѣ возникаетъ общественность. Естественно, что тѣ союзы, въ которыхъ основныя идеи союзности наиболѣе рельефно осуществляются, отличаются наибольшею жизненностью, остаются побѣдителями въ борьбѣ за существованіе и передаютъ свои особенности по наслѣдству. Такъ мало по малу въ данномъ населеніи накопляется сила союзности, постепенно капитализируется идея союзности и вырабатываются великія историческія націи, могущественно отражающія враговъ и не менѣе могущественно уничтожающія ихъ и покоряющія своей власти. Въ сердцѣ личности вырабатывается съ одной стороны мужество и безстрашіе, а съ другой гражданскія чувства, часто доходящія до полнаго поглощенія личнаго я.

Говоря о законѣ сходствъ, мы видѣли, что высшаго своего развитія соціэтарность достигаетъ въ племени, родѣ и за тѣмъ въ патріархальной семьѣ. Въ этихъ-то союзахъ вырабатывается въ человѣчествѣ національная душа со всѣми ея аттрибутами, т. е. съ національной религіей, національной наукой или міровоззрѣніемъ, національнымъ языкомъ, національной поэзіей, національнымъ искусствомъ, національной одеждой и также національной пищей.

Полнѣйшее однообразіе—основной признакъ этой первичной формаціи человѣческой культуры. При единствѣ національной души, отъ которой личность не отдѣляетъ себя, такое однообразіе поддерживается эволюціей и ведетъ упорную борьбу съ неподходящей или противорѣчащей ему конъюнкціей, поглощая всѣ зачатки потенцій прогресса, какъ элементы враждебные цѣлостности и могуществу образовавшагося и дѣйствующаго союза. Однообразіе потребностей неизбѣжно ведетъ къ однообразію во всей хозяйственной дѣятельности.

Каждый производилъ то, что производилъ и другой; каждый имѣлъ то, что имѣлъ и другой; каждый потреблялъ то, что потреблялъ и другой. Хозяйственной связи между людьми не было. Связь была одна—общее единство, выражавшееся въ единствѣ религіи, единствѣ знаній и чувствъ. Слабый пережитокъ этого времени видимъ въ патріархальныхъ семьяхъ по глухимъ деревнямъ, гдѣ родные дѣйствительно родные, гдѣ между родными нѣтъ ни моего, ни твоего, гдѣ царствуетъ общая радость и общая печаль.

Но великая любовь ведетъ къ еще большей ненависти. Защищая родное дитя, мать „ослѣпляется“ ненавистью къ врагу,

ея ненависть дѣйствительно безгранична. Защищая родину люди во имя патріотизма не жалѣютъ своей жизни и полны не земной радости, когда цѣною своей жизни истребляютъ десятки враговъ. Если любовь росла въ ариѳметической прогрессіи въ мірѣ, то ненависть увеличивалась и разрасталась въ геометрической. И не удивительно, что въ мірѣ оказалось больше ненависти, чѣмъ любви. Ибо каждая единица любви создавала геометрическую прогрессію ненависти. Поразительно и достойно удивленія то, что страшная волна ненависти еще не поглотила любви. Вспомните Гунновъ и Вандаловъ, вспомните Аттиллу, вообразите себѣ пути, украшенныя пирамидами изъ человѣческихъ череповъ. Это шли тысячи, связанныя единствомъ родства, а сотни тысячъ и, быть можетъ, милліоны разъединенныхъ должны были пасть предъ одухотворенной взаимностью ордой! Таковъ законъ эволюціи, выращивающій оазисы любви на счетъ всеобщаго распространенія ненависти.

Всеобщая ненависть—это основной эволюціонный законъ. Весьма рано, подъ вліяніемъ его страшной тяжести, націи замкнулись въ изолированные политическіе организмы, всецѣло поглотившіе личность. Маркъ Аврелій говорилъ: „мы рождены для взаимной помощи, какъ ноги, руки, глаза, какъ верхняя и нижняя челюсти. Было бы противоестественно имъ вредить другъ другу“ [34]).

Но это противоестественное превращалось въ естественное, когда шла рѣчь объ иностранцѣ. Тѣ же челюсти, руки, ноги, глаза—всѣ вмѣстѣ устремлялись къ истребленію, взаимно облегчая дѣло истребленія.

Культура сходствъ, создавъ великій законъ единенія внутри племенъ, націй, организовавъ государства, явилась эволюціонной функціей, которая превратила личность въ свой органъ. Только части, удовлетворявшія потребностямъ цѣлаго, сохраняли свое существованіе и передавали свои особенности потомству. Потребностями цѣлаго опредѣлялись потребности частей. Государству нужно было единодушіе, единство вѣрованій, единство стремленій, любовь къ родинѣ и единокровнымъ, и личность должна была выработать въ себѣ эти свойства, иначе не мыслимо было бы ея существованіе. *Тутъ функція дѣйствительно создала органъ.* Благодаря этой исторической работѣ эволюціи сходствъ мы и теперь родимся съ готовыми особенностями, отвѣчающими интересамъ цѣлаго, къ которому принадлежимъ. Мы родимся русскими, нѣмцами, англичанами, французами. Не мы создаемъ себя органами націи, но становимся таковыми со дня рожденія. Наши потребности, духовныя или матеріальныя, это безразлично, не наши личныя потребности, но потребности русскаго, нѣмца, француза, англичанина. Родному языку сопутствуютъ національныя вѣрованія,

національное мышленіе, національная эстетика, національная пища и одежда. Все это, что мы считаемъ своимъ и личнымъ, *есть не свое и не личное, а наше.* Такъ было въ той глубокой древности, о которой можетъ только гадать археологъ. Такъ и теперь, о чемъ свидѣтельствуетъ простое наблюденіе того, что дѣлается кругомъ насъ. Конечно, въ глубокой древности не было и личнаго мѣстоимѣнія. Личное я вполнѣ и безраздѣльно поглощалось цѣлымъ и не было для него мѣста въ языкѣ. Теперь мы знаемъ свое я, но тѣмъ болѣе намъ необходимо осознать и то, что въ немъ есть простая функція цѣлаго.

Изъ этого видимъ, какъ глубоко ошибались экономисты, признавшіе тѣ или иныя личныя потребности факторами, организующими общество. Жизнь говоритъ объ обратномъ. Не личныя потребности организуютъ общество, а на оборотъ общество создаетъ соціальныя потребности въ нашемъ я. Это очень прискорбно и очень неблаговидно. Но наука не выдумываетъ, а только констатируетъ факты. Еще Спаситель училъ, что нужно воздавать Кесарево Кесареви и Божіе Богови. Но еще не скоро люди будутъ находить и различіе между тѣмъ, что дается имъ общественностью и что дано Богомъ, что Кесарское и что божественное въ человѣкѣ. Ибо легко бремя Божіе и тяжело иго человѣческое. На образъ и подобіе Бога волею судебъ возложено эволюціонное покрывало. И оно готово было превратиться въ смертное покрывало для человѣчества, каковымъ и оказалось для всѣхъ безъ исключенія народовъ древняго культурнаго міра. Мрачный покровъ, закрывъ доступъ воздуха, омертвилъ цѣлыя великія націи.

Отъ потери образа и подобія Божія человѣчество было спасено конъюнкціей различій, вызванной увеличеніемъ числа населенія и произшедшимъ изъ этого смѣшеніемъ племенъ. Различія дали мѣсто призванію, спеціальнымъ наклонностямъ и способностямъ, внесли элементъ индивидуализаціи въ потребностяхъ. Дифференціація начала дѣйствовать не иначе, какъ въ предѣлахъ общаго, но и самое раздѣленіе по сходствамъ въ свою очередь содѣйствовало дальнѣйшей дифференціаціи, спеціализируя цѣлыя націи въ занятіяхъ, дающимъ имъ особый, отличный отъ другихъ обликъ и характеръ. Къ этимъ то потребностямъ относится прекрасное замѣчаніе Л. Штейна:

„Потребности личности являются выраженіемъ высшаго назначенія человѣка—назначенія, заключающагося въ подчиненіи природы условіямъ его личнаго развитія. Прогрессъ, съ помощью котораго онъ осуществляетъ это въ волѣ и въ дѣйствіи, называется трудомъ. Сознаніе высшей силы, во имя которой выполняетъ свои функціи трудъ какъ индивидуальный, такъ и коллективный, развивается въ сознаніи Божества, и это религіозное сознаніе осуществляетъ для каждаго всѣ тѣ условія, при помощи

которыхъ достигается присущее человѣку призваніе. Эти факты сами по себѣ присущи всѣмъ людямъ. Но какъ и тѣлесная форма, они принимаютъ у каждаго народа свой особый видъ. Особенную форму этихъ факторовъ мы и называемъ народнымъ характеромъ [35]).

Э. Дюркгеймъ полагаетъ, что культура, признавшая права различій, выработала *понятіе справедливости*, какъ новый факторъ общежитія.

„Подобно тому, какъ для низшихъ обществъ идеаломъ было создать или сохранить во всей ея интенсивности общую жизнь, въ которой индивидъ былъ поглощенъ, нашъ идеалъ ввести какъ можно болѣе справедливости въ наши общественныя отношенія, чтобы обезпечить свободное развитіе всѣхъ соціальныхъ полезныхъ силъ“ [36]).

Онъ полагаетъ, что это неизбѣжный путь эволюціи. „Нѣтъ болѣе справедливыхъ потребностей, чѣмъ эти стремленія, такъ какъ онѣ суть необходимыя послѣдствія происшедшихъ въ строеніи обществъ измѣненій. Такъ какъ элементарный типъ исчезаетъ и развивается организованный, такъ какъ мало по малу представляется органическая солидарность, на мѣсто той, которая происходитъ отъ сходствъ, то неизбѣжно уравненіе внѣшнихъ условій. Дѣло идетъ о гармоніи функцій и слѣдовательно о существованіи обществъ. Точно такъ, какъ древніе народы нуждались прежде всего въ общихъ вѣрованіяхъ и чувствахъ, мы нуждаемся въ справедливости, и можно быть увѣреннымъ, что эта потребность станетъ все настоятельнѣй, если, какъ все заставляетъ думать, управляющія эволюціей условія останутся тѣ же“ [37]).

Точнѣе выражаясь, идея справедливости послѣ раздѣленія занятій становится въ число такихъ же настоятельныхъ потребностей общества, какъ и для древняго міра были идеи общихъ вѣрованій и механической солидарности.

А это значитъ, что новый строй общества для правильности въ своемъ функціонированіи требуетъ и новаго органа. Личность, какъ простой экземпляръ породы, уже не удовлетворяетъ новымъ соціальнымъ функціямъ. Требуется личность живая, бодрая, энергичная, умная и талантливая. Соціальность требуетъ личнаго призванія, а слѣдовательно и свободы самоопредѣленія. Безъ этого новаго фактора въ жизни она не можетъ существовать и должна погибнуть безъ него въ борьбѣ за существованіе съ культурными организмами. Но призваніе и свобода легко приходятъ въ столкновеніе. Появляется борьба классовъ, союзовъ, профессій и индивидуальное соперничество. Возникаетъ необходимость для государства найти принципъ, при которомъ бы новый законъ жизни, т. е. призваніе и свобода, далъ бы максимумъ добра при минимумѣ стѣсненій. Вопросъ *о правдѣ въ жизни* становится основ-

нымъ и наиболѣе жизненнымъ вопросомъ. И водвореніе ея—задача нашего времени. Но въ то же время справедливость, оберегая пріобрѣтенныя права, не всегда совпадаетъ съ интересами обездоленныхъ. Часть населенія справедливостью можетъ быть сыта и довольна, но болѣе значительная часть *взываетъ къ старому bonum*, къ общественному благу, которому нѣкогда приносили въ жертву личность, а слѣдовательно и всѣ духовные ея интересы. *Bonum и jus приходятъ въ коллизію* и воля большинства стремится быть всѣмъ, т. е. источникомъ и блага и самой правды, источникомъ свободы и достоинства личности. Волю большинства стремятся объявить верховнымъ закономъ, т. е. мало по малу приходятъ къ отрицанію всякихъ законовъ. И все сильнѣе и сильнѣе слышится проповѣдь, что нѣтъ никакихъ принциповъ правды, нѣтъ никакихъ законовъ, все относительно, все продуктъ времени и соотношенія борющихся силъ. Кто побѣдитъ тотъ и правъ. Горе побѣжденнымъ—вотъ снова тотъ самый девизъ, которымъ началась общественность, которымъ жило человѣчество въ древнемъ мірѣ и отъ котораго остались лишь могилы. Не тотъ ли конецъ предстоитъ и намъ?

Весьма возможно. Но характерно, что и *новое теченіе* есть также произведеніе функціи, создающей для себя личность въ видѣ tabula rasa. Ничего святого, ничего вѣчнаго. Нѣтъ ни истины, ни добра. Нѣтъ ни любви, ни красоты. Все относительно. Все это даже не надстройка надъ отчаяніемъ вызваннымъ обездоленностью, но плохонькая постройка, построенная людьми на самомъ краю отчаянія. Вѣдь дѣйствительно нужно много мрачнаго отчаянія, чтобы отрицать всякую правду, отрицать совѣсть, отрицать гуманность. Очевидно, постройка эта должна рухнуть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будетъ положенъ конецъ людскому отчаянію.

III.

Потребности національны. Нѣтъ такой личной потребности, въ созданіи которой не участвовала бы вся нація въ ея прошломъ и настоящемъ.

Это основное положеніе въ ученіи о потребностяхъ. Нѣкоторые изъ экономистовъ, отступая отъ ученія классиковъ о личныхъ потребностяхъ, признаютъ въ то же время, что подъ вліяніемъ соціальныхъ условій и самыя „естественныя“ личныя потребности измѣняются и въ этомъ случаѣ становятся какъ бы соціальными.

К. Каутскій говоритъ о громадной силѣ этихъ потребностей. Соціальныя потребности часто вступаютъ въ борьбу съ естественными и человѣкъ ведетъ борьбу съ своей же собственной природой.

„Голодъ и любовь, говоритъ Каутскій,—два фактора, которые,

по общему признанію служатъ, стимулами всякой дѣятельности, слѣдовательно, и дѣятельности человѣка. Факторы эти, казалось бы, непреодолимы. Что же мы видимъ? Вотъ лавки и магазины, переполненные хлѣбомъ, мясомъ и различными жизненными припасами, а предъ ними множество людей, которые голодаютъ, или нѣтъ, даже ужаснѣе, которые видятъ голодными своихъ дѣтей. И эти люди противостоятъ однако инстинктивнымъ побужденіямъ голода и не берутъ ничего изъ тѣхъ обильныхъ запасовъ, которые лежатъ предъ ними; ихъ удерживаетъ не только чувство страха передъ закономъ, но и глубоко укоренившееся чувство уваженія къ чужой собственности; запретъ общества, обязанный своимъ происхожденіемъ соціальной потребности, оказывается болѣе могущественнымъ, чѣмъ голодъ.—А любовь? Общество наложило запретъ на внѣбрачную любовь, запретъ дѣйствительный хотя бы для женщинъ изъ имущихъ классовъ; брачная же любовь становится недоступной все возростающему числу дѣвушекъ. При такихъ обстоятельствахъ цѣлые милліоны этихъ женщинъ отказываются отъ какой бы то ни было любви и предпочитаютъ скорѣе остаться старыми дѣвами, чѣмъ искать счастья въ внѣбрачной любви—не вслѣдствіе только внѣшняго давленія, но главнымъ образомъ потому, что запретъ общества стоитъ для нихъ выше, чѣмъ голосъ собственной „человѣческой природы“ [38]).

Примѣры, приведенные К. Каутскимъ, заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Вѣдь голодъ и половая любовь обыкновенно приводятся въ видѣ доказательства, что именно на нихъ основывается всякое общежитіе. Говорятъ, что это фундаментальные мотивы дѣятельности, заключенные въ самой природѣ человѣка. А на дѣлѣ оказывается, что соціальныя условія сильнѣе ихъ и человѣкъ руководствуется въ своей дѣятельности, подчиняясь не голоду и половой любви, а соціальнымъ условіямъ.

Не удивительно, что въ массѣ другихъ, менѣе „естественныхъ“ потребностей экономисты легко находятъ и такія, источникомъ которыхъ признаются единственно соціальныя условія. В. Базаровъ по этому поводу говоритъ: „Такъ называемыя естественныя потребности представляютъ нерѣдко прямой результатъ общественныхъ условій. Древне-римскіе патриціи, какъ владѣльцы и организаторы сельско-хозяйственнаго производства латифундій, имѣли цѣлый рядъ потребностей, обусловленныхъ исключительно этою общественною ихъ ролью и потому чуждыхъ всей остальной массѣ. Для удовлетворенія такихъ спеціально-организаторскихъ потребностей дифференцировался цѣлый общественный класъ художниковъ, скульпторовъ, поэтовъ, философовъ, наконецъ, просто остроумныхъ благеровъ!.. Если бы колонамъ удалось выработать самостоятельныя и смодовлѣющія экономическія организаціи, вродѣ древне-германскихъ марокъ, то

классъ патриціевъ немедленно превратился бы изъ общественно-необходимаго въ общественно излишній и трудъ, предназначенный для удовлетворенія патриціанскихъ потребностей, утратилъ бы свой производительный характеръ“ [39]).

Нашъ экономистъ вполнѣ правъ. Даже оставивъ исторію и обратившись лишь къ фактамъ, окружающимъ каждаго изъ насъ, легко замѣтимъ громадную массу потребностей, коренящихся не въ природѣ человѣка, но въ окружающей средѣ, въ исторіи родины, класса, сословія, даже въ условіяхъ мѣстожительства. Жители столицъ и большихъ городовъ иначе одѣваются, чѣмъ жители деревень и часто богатая и роскошная одежда деревенскаго франта является въ городѣ нищенской одеждой, которой стыдится любой изъ бѣднѣйшихъ городскихъ жителей. Даже потребности въ пищѣ также измѣняются у людей съ измѣненіемъ мѣстожительства, класса, сословія! Кажется, лишь потребность въ здоровой водѣ остается одинаковою для всего человѣчества. Все остальное подлежитъ вѣчной эволюціи, вѣчной измѣняемости.

Э. Дюркгеймъ констатируетъ фактъ образованія новыхъ потребностей подъ вліяніемъ раздѣленія труда. Послѣднее есть результатъ борьбы за существованіе. „Но для поддержанія жизни необходимо, чтобы возмѣщеніе было пропорціонально тратѣ; вотъ почему пища, которой до сихъ поръ хватало для возстановленія органическаго равновѣсія, теперь недостаточна. Необходима болѣе обильная и изысканная пища. Вотъ почему крестьянинъ, трудъ котораго менѣе истощаетъ, чѣмъ трудъ городского рабочаго, поддерживаетъ себя также хорошо болѣе скудной пищей. Этотъ послѣдній не можетъ довольствоваться растительной пищей“ [40]).

Хотя съ послѣднимъ заключеніемъ о необходимости животной пищи для городского жителя и трудно согласиться, но вполнѣ вѣрно, что городской рабочій требуетъ болѣе интенсивной пищи, между тѣмъ какъ деревенскій вполнѣ довольствуется экстенсивнымъ кормомъ. Преобладанію животной пищи и въ городахъ предстоитъ конецъ, такъ какъ съ увеличеніемъ населенія немыслимо поддерживать въ соотвѣтствующей пропорціи скотоводство. Раньше или позже прійдется обратить усилія къ тому, чтобы изъ растительнаго міра получать болѣе интенсивное кормленіе, что уже и теперь достигается введеніемъ въ пищу нѣкоторыхъ растеній, каковы бобы, фасоль и т. п., вполнѣ замѣняющихъ мясо. Разнообразіе занятій является принципомъ, дифференцирующимъ національныя потребности. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что рабочій, всю жизнь свою проводящій за физическимъ трудомъ, имѣетъ не такія матеріальныя же потребности, какъ писецъ, ученый или чиновникъ. И это различіе потребностей устанавливается помимо сознанія и воли, въ силу

простой необходимости давать организму то, безъ чего не мыслимо возстановленіе его силъ. Трата силъ возстановляется соотвѣтственнымъ кормленіемъ. Если нѣтъ этого возстановленія, не будетъ и работниковъ, необходимыхъ при данномъ состояніи и движеніи общественной жизни. Но вся эта дифференціація происходитъ въ предѣлахъ интеграціи потребностей, т. е. въ сферѣ общихъ національныхъ потребностей. Э. Дюркгеймъ единственный изъ писателей, обратившій серьезное вниманіе на соціальную сторону личныхъ потребностей и ученіе его, глубоко проникнутое фактами, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Не чуждый увлеченій, онъ въ то же время сообщаетъ и данныя для совершенно правильной постановки вопроса о значеніи нашихъ личныхъ потребностей.

По ученію Э. Дюркгейма, „соціальные факты не представляютъ простого продолженія психическихъ фактовъ; по большей части послѣдніе не что иное, какъ продолженіе первыхъ внутри сознаній.—Если въ организаціи семьи видятъ логически необходимое выраженіе человѣческихъ чувствъ, присущихъ всякому сознанію, то опрокидываютъ реальный порядокъ фактовъ; какъ разъ на оборотъ: соціальная организація отношеній родства вызвала чувства родителей и дѣтей. Они были бы совсѣмъ иныя, если бы соціальное строеніе было инымъ, и доказательствомъ этого служитъ то, что дѣйствительно отцовское чувство неизвѣстно во многихъ обществахъ (материнская семья).—Безспорна та истина, что нѣтъ ничего въ соціальной жизни, чего не было бы въ индивидуальныхъ сознаніяхъ; но все, что въ нихъ находится, взято ими у общества.—Такъ какъ они продукты групповой жизни, то только природа группы можетъ объяснить ихъ“ [41]).

Но самъ же Э. Дюркгеймъ говоритъ, что „солидарность, будучи прежде всего соціальнымъ фактомъ, *зависитъ отъ нашего индивидуальнаго организма.* Для ея существованія необходимо, чтобы наше физическое и психическое устройство дозволяли ее“ [42]). Въ заключеніи своего прекраснаго изслѣдованія онъ впрочемъ „индивидуальному организму“ придаетъ лишь слабое значеніе. „Само собою разумѣется, говоритъ онъ, что состоянія сознанія *не были бы возможны,* если бы индивидуальныя строенія не были годны для этого; но эти послѣднія только отдаленныя условія ихъ, а не опредѣляющія причины“ [43]). Но если безъ соотвѣтствующихъ индивидуальныхъ особенностей *не были возможны* состоянія сознанія, то это уже не отдаленныя условія, а необходимыя. Вѣдь безъ соотвѣтствующаго строенія глаза никакими соціальными вліяніями не создать зрѣнія. Необходимы тѣ потенціи, которыя проявляются въ томъ или иномъ видѣ въ соотвѣтствующей средѣ. Среда не все, а только одно изъ условій проявленія потенціальныхъ силъ человѣка. Условіе, конечно,

очень существенное. Часто оно подавляетъ и убиваетъ тѣ или иныя потенціи, а еще чаще извращаетъ ихъ до неузнаваемости.

Замѣчаемое и въ настоящее время всемогущество интеграціи потребностей объясняется тѣмъ, что интегрированіе ихъ началось въ доисторическое время, когда оно было ассимилирующей силой, создававшей организмы, способные противостоять враждебнымъ человѣку силамъ. Начавшись въ глубочайшей древности и сослуживъ человѣчеству роль колыбели, обезпечившей слабому сравнительно съ другими животными существу побѣду и самооборону, интеграція потребностей въ историческомъ періодѣ проявилась въ организаціи громадныхъ деспотій, еще болѣе укрѣпившихъ и кристаллизовавшихъ ее въ жизни.

Первобытный *коммунизмъ* могъ возникнуть эволюціоннымъ путемъ изъ 3-хъ условій: 1) На почвѣ единства происхожденія. Всѣ дѣти естественно не чувствуютъ себя другъ къ другу чужими, между ними все общее. 2) На почвѣ всеобщей опасности для жизни. Общая опасность сплачиваетъ людей въ одно стадо, въ одинъ союзъ не меньше, чѣмъ единство происхожденія и общность жизни съ дѣтства. Предъ общею опасностью всѣ равны, всѣ нуждаются другъ въ другѣ, у нихъ и все общее. Наиболѣе крупная соціальная потребность въ сплоченіи покрываетъ собою всѣ другія потребности, приносимыя ей въ жертву. 3) Подъ вліяніемъ этихъ двухъ факторовъ, а частью и въ силу общихъ законовъ развитія первобытный человѣкъ былъ ребенкомъ въ умственномъ и моральномъ отношеніяхъ. Личности въ немъ также не могло быть, какъ нѣтъ ее въ любомъ экземплярѣ изъ стада коровъ. Нѣтъ мышленія, нѣтъ и личности. По этимъ тремъ причинамъ коммунизмъ былъ *неизбѣжной* ступенью въ развитіи. Разложеніе ихъ ведетъ къ дальнѣйшей также естественной и также неизбѣжной эволюціи. Семья разростается, родство дифференцируется, и въ гомеопатическомъ дѣленіи исчезаетъ, по крайней мѣрѣ для видимости. Люди становятся чужими. Опасность для жизни уменьшается съ появленіемъ первобытныхъ формъ общежитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что человѣкъ отличается отъ другихъ животныхъ умственнымъ и моральнымъ ростомъ. Естественно коммунизмъ уступаетъ мѣсто *общинѣ и артели*, основанныхъ на началѣ равенства. Дальнѣйшее развитіе личности, т. е. ума и морали, ведетъ къ равенству между не равными—юридическому равенству, т. е. свободѣ отношеній. Возникаютъ *феодализмъ* и *предпріятія* капиталистическія. Какъ же пойдетъ дальше эволюція?

Она шла до сихъ поръ къ выработкѣ *личности* и *свободы* путемъ коммунизма, рода, общины, артели, феодализма и предпріимчивости наиболѣе талантливыхъ или сильныхъ.

Но въ своемъ движеніи слѣпая сила эволюціи встрѣтилась

съ совѣстью. Появилось христіанство, сказавшее страшной языческой богинѣ, сытой лишь человѣческими жертвами: стой, ты давишь несчастныхъ, давишь слабыхъ. И вотъ 2000 лѣтъ язычество борется съ христіанствомъ, эволюція съ прогрессомъ, естественный и ветхій законъ съ новымъ, требующимъ упраздненія человѣческихъ жертвоприношеній. Но идолъ силенъ и кровь человѣчья по прежнему обильно льется.

Изслѣдователи констатируютъ фактъ, что артели процвѣтаютъ въ чистомъ видѣ вдали отъ городовъ, какъ центровъ новой жизни и что по мѣрѣ приближенія къ городамъ артель все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто товариществу, организуемому предпріимчивыми людьми, владѣющими собственнымъ или кредитнымъ капиталомъ. Это естественно приводитъ къ мысли что русская артель возникла на почвѣ первобытнаго коммунизма и является лишь одной изъ стадій эволюціи въ отношеніяхъ между людьми [41]).

Это заключеніе вѣрно. Въ артели первобытный коммунизмъ, оказавшійся не умѣстнымъ въ отношеніяхъ между разросшейся семьей, члены которой сдѣлались болѣе или менѣе чужими другъ для друга, каково наприм., отношеніе родныхъ братьевъ къ двоюроднымъ и троюроднымъ, замѣненъ принципомъ равенства. Въ коммунизмѣ, какъ въ хорошей семьѣ, не различаютъ между моимъ и твоимъ, все общее и неравенства никто не замѣчаетъ. Въ артели для полной справедливости уже точно формулируется мое и твое, т. е. равенство. Артель поэтому есть предпріятіе, основанное на началахъ трудового равенства.

Но за тѣмъ естественна и дальнѣйшая эволюція. Равенство между не равными можетъ быть только пропорціональнымъ. Отсюда въ центрахъ высшей культурной жизни или вообще въ эпохи болѣе культурныя неизбѣжно превращеніе артели въ товарищества и товариществъ въ индивидуальное или общественное и государственное предпринимательство. Въ этихъ стадіяхъ проявляется въ жизни наилучшее при отчужденіи людей другъ отъ друга использованіе талантовъ, энергіи, знанія и т. п., при ослабленіи риска для болѣе слабыхъ. Возникаетъ симбіозъ слабыхъ съ болѣе сильными. И въ будущемъ, вѣроятно, онъ останется на вѣки въ формѣ симбіоза таланта и энергіи съ наклонностью къ физическому, лишенному риска труду.

Такой симбіозъ не всегда свободенъ, бѣднякъ въ силу необходимости идетъ на работу къ предпринимателю, а чаще всего и предприниматель не представитель таланта и энергіи, а наслѣдственнаго или случайнаго капитала. Понятно, возникаетъ мысль о полномъ товариществѣ въ сферахъ производства, распредѣленія и потребленія. И уже со второй половины прошлаго столѣтія мысль эта все болѣе и болѣе становится популярною и въ общемъ хозяйствѣ начинаютъ видѣть спасеніе отъ бѣдъ. Пока

больше теоретически, чѣмъ практически, люди возвращаются къ тому, съ чего начался человѣческій бытъ. И, по всей вѣроятности, не за горами громадный и величественный атавизмъ въ исторіи человѣчества: попытки возврата къ общему органическому быту праотцевъ.

Муравьи, пчелы и нѣкоторыя изъ другихъ соціальныхъ животныхъ породъ омертвѣли, кристаллизовались въ первобытной общей формѣ жизни. Человѣкъ бросилъ ее во имя интересовъ личности. Теперь во имя интересовъ личности же заговорили о возвратѣ къ прошлому атавистическіе инстинкты. Нельзя отрицать, что въ самой жизни не мало условій, возстановляющихъ атавизмъ потребностей и инстинктовъ. Нельзя отрицать искренности массъ, желающихъ продать добытое кровью первородство въ видѣ свободы личности за простую чечевичную похлебку. Но не мало и такихъ, которые не согласятся промѣнять свой индивидуализмъ, свою свободу личности за самую роскошную матеріальную жизнь. И врядъ ли человѣчество легко откажется отъ добытаго имъ человѣческаго достоинства. *Потребность въ свободѣ* сдѣлалась уже одною изъ насущнѣйшихъ потребностей человѣка. Правда, и она выработалась національнымъ путемъ и является функціей культурныхъ государственныхъ организмовъ. Но такая функція, исходя изъ цѣлаго, въ то же время служитъ интересамъ частей, являясь воплощеніемъ потенціи въ личности человѣческаго достоинства [45]).

Національныя потребности, воплощаясь въ личности, на высшихъ ступеняхъ культуры, такимъ образомъ, представляютъ собою раскрытіе высшихъ потенцій человѣческой личности. Цѣлое и часть находитъ высшее объединеніе въ идеѣ, согласующей цѣлое съ частями и часть съ цѣлымъ. Съ точки зрѣнія исторіи потребностей націи и личности экономическая жизнь есть ростъ народнаго духа, дѣятельность котораго выражается въ подъемѣ индивидуальной души до уровня идеи свободнаго междучеловѣческаго союза.

Со времени Ф. Лассаля, съ его легкой руки, теперь сдѣлалось общимъ мѣстомъ выраженіе, что ростъ національной культуры есть выраженіе *соотношенія силъ* страны. На этомъ основывается вся доктрина матеріалистическаго пониманія историческихъ явленій.

Какая бы судьба была человѣка, если бы въ мірѣ дѣйствовалъ *законъ соотношенія силъ!* Съ одной стороны слабое существо, владѣющее гомеопатической дозой свѣта сознанія, съ другой— страшныя силы физическаго міра. И въ дѣйствительности этими грозными силами владѣетъ человѣкъ, направляетъ ихъ, руководитъ ими, устрояетъ съ ними такое соотношеніе, при которомъ онъ извлекаетъ наиболѣе выгодъ. Съ одной стороны вселенная,

съ другой слабое мерцаніе сознанія. И сознанію подчинена вселенная.

Разсказываютъ про Александра III, что онъ не могъ выносить лошадей, не могъ даже равнодушно смотрѣть на нихъ и для него было мученіемъ ѣхать на лошадяхъ. По разсказамъ, покойный государь не могъ выносить того, что такое сильное животное, какъ лошадь, смиренно подчиняется каждому, взявшему въ руки кнутъ и возжи. Вѣдь ей стоило бы лишь легонько напречь свои силы, что бы уничтожить своего правителя, а часто и мучителя.

Вотъ настоящая иллюстрація теоріи соотношенія силъ. Съ одной стороны умъ, а съ другой физическая сила. И физическая сила взята на узду, повинуется даже мальчику.

И вездѣ одно и тоже. Слѣпой подчиняется зрячему, свѣтъ побѣждаетъ тьму.

Предъ нами бурса г. Помяловскаго. Въ классѣ 200 учениковъ, въ числѣ коихъ половина великовозрастныхъ. Учитель тщедушный и чехоточный, но злой, какъ дюжина чертей. Истерзанный болѣзнью, онъ неимовѣрно истязаетъ учениковъ. Онъ засѣкаетъ многихъ до смерти. И страшная сила 200 молодцовъ слѣпо повинуется одному, ничтожному и слабому существу, которое могло быть растерзано въ куски и истерто въ порошокъ массой жертвъ его. Но съ одной стороны не пониманье своей силы, а съ другой сознаніе, что эта сила не дошла до самосознанія, что она до смерти будетъ выносить свои муки. Съ одной стороны лошадиныя головы, а съ другой голова звѣря, жаждущаго крови и воплей. И волкъ терзаетъ лошадь.

Это въ порядкѣ вещей. Въ данномъ случаѣ можно говорить *о соотношеніи головъ*, но ни въ какомъ случаѣ *не о соотношеніи силъ*. Ибо сила на сторонѣ массы, а не одного, произвольно распоряжающагося инертнымъ, хотя и живымъ матеріаломъ.

И въ историческихъ судьбахъ народа всегда была такая же грустная исторія, какую мы видимъ въ бурсѣ Помяловскаго. Сила, дѣйствительная, реальная сила была на той сторонѣ, которая всегда была жертвою. Меньшинство подчиняло большинство населенія любой страны.

И напрасно макіавелизмъ объясняетъ это принципомъ divide et impera. Для того, что бы сдѣлать divide, нужно сперва imperare. Что же раньше: курица или яйцо?

Рабы и крѣпостные не потому были рабами и крѣпостными, что были подѣлены между владѣльцами, а потому были подѣлены между ними, что были рабами и крѣпостными, что существовалъ мрачный духъ, превращавшій людей въ скотовъ. Это царство тьмы, въ которомъ могли царствовать удачники, захватившіе кнутъ и узду. Часто этими удачниками были выходцы изъ міра

рабовъ и крѣпостныхъ. И это были самые страшные господа. Какая же тутъ можетъ быть рѣчь о соотношеніи силъ? Если бы жертвы захотѣли уничтожить палачей, то одного мгновенія достаточно было бы для прекращенія въ мірѣ рабства и крѣпостного права. А оно существуетъ и еще будетъ существовать. Ибо свободнымъ можетъ быть только человѣкъ, т. е. сознательное и отвѣтственное существо, а не механизмъ, хотя бы и въ образѣ человѣка.

Предъ нами *прогрессъ* потребностей, происходящій путемъ эволюціи и конъюнкціи. Медленно, но неустанно человѣкъ—животное, національизируясь и образуясь органами, подобно пчеламъ и муравьямъ, не только сохраняетъ свою жизнь въ борьбѣ за существованіе, но и получаетъ въ томъ же соціальномъ цѣломъ возможность раскрытія и развитія человѣчности, изъ животнаго вырабатывается человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ стада и орды нравственно-разумные соціальные организмы. Культура состоитъ въ постепенномъ превращеніи механизма въ организмъ, *въ образованіи человѣка*. Процессъ созданія человѣка въ свою очередь состоитъ *въ выдѣленіи индивидуума изъ соціэтарности*, въ которой онъ былъ поглощенъ въ интересахъ самосохраненія. Это процессъ превращенія потенціальной силы въ реальную, переходъ изъ скрытаго состоянія въ дѣятельное. Превращеніе происходитъ постепенно и по частямъ, проявляясь въ дифференціаціи потребностей по классамъ, состояніямъ, талантамъ и т. п. Соотношеніе дифференцированныхъ потребностей и является основой культуры. То, что мы назвали соотношеніемъ головъ, и есть соотношеніе потребностей, лежащее въ основѣ данной исторической стадіи роста націи.

IV.

Въ сферѣ потребностей дѣйствуетъ законъ сходствъ и различій, какъ законъ интеграціи и дифференціаціи.

Есть всѣмъ людямъ общія потребности,—это такъ называемыя низшія или матеріальныя нужды. Безъ удовлетворенія ихъ ни одинъ человѣкъ не можетъ существовать. Въ формальномъ отношеніи онѣ различно удовлетворяются, что обусловливается климатомъ, привычками и соціальными условіями. Но въ существѣ вполнѣ одинаковы. Въ однихъ мѣстахъ голодъ утоляется ржанымъ хлѣбомъ, въ другихъ пшеничнымъ, въ третьихъ кукурузнымъ, ячменнымъ и т п. Мясная пища также разнообразна въ зависимости отъ физическихъ условій. Средства удовлетворенія различны, но потребности одинаковы, общи. Съ историческимъ развитіемъ и происходитъ значительная интеграція и въ самыхъ средствахъ. Пути сообщеній и торговля ведутъ къ обмѣну продуктовъ подъ вліяніемъ чего мѣстности, не годныя къ

культурѣ наприм. пшеницы, получаютъ ее изъ мѣстъ годныхъ для пшеничной культуры. Въ особенности же большое объединеніе средствъ происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда продукты легко перевозятся на большихъ разстояніяхъ, т. е. при маломъ вѣсѣ и высокой цѣнѣ. Таково наприм. полотно, платья, кожи. Развитіе однообразія въ средствахъ удовлетворенія общихъ потребностей имѣетъ громадное значеніе. Оно вызываетъ переходъ отъ работы по заказу или ремеслъ въ мануфактуры, фабрики и заводы. XIX вѣкъ въ этомъ отношеніи составляетъ эпоху въ культурѣ всего человѣчества. Быстрое развитіе самыхъ путей сообщенія объясняется значительнымъ однообразіемъ въ средствахъ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, достигнутымъ постепенно въ новое время. Оно вызвало современную промышленность какъ спросъ вообще вызываетъ предложеніе или, какъ было раньше, заказчикъ даетъ работу ремесленнику. Потребительное однообразіе явилось факторомъ, вызвавшимъ къ жизни крупную промышленность или такъ называемое товарное производство, вмѣсто производства продуктовъ по заказу или для собственнаго употребленія. Обыкновенно объясняютъ новѣйшую промышленную революцію примѣненіемъ пара къ промышленности. Но самое это примѣненіе пара было вызвано развившимся интегрированіемъ потребностей и не было возможно раньше, когда продукты должны были производиться по заказу.

Общія потребности не только лежатъ въ основѣ всей экономической дѣятельности, но и къ удовлетворенію ихъ направлены всѣ мысли, вся наука и всѣ искусства. Въ этомъ отношеніи существуетъ серьезная разница между европейской и восточной культурами. До сихъ поръ вся европейская культура носитъ матеріалистическій характеръ: техника и естественныя науки преобладаютъ въ ней, а изъ другихъ наукъ пользуются наибольшимъ распространеніемъ соціальныя и экономическія, въ которыхъ также преобладаетъ матеріальный интересъ надъ всѣми другими. Метафизическая или спиритуалистическая восточная культура оставляетъ на второмъ планѣ матеріальныя общія потребности, сосредоточивая главное вниманіе на потребности духа, по существу индивидуальныя.

Но методы интегральной культуры переходятъ и на культуру, происходящую изъ потребностей дифференціальныхъ. Такъ мы заводимъ школы въ видѣ фабрикъ для обученія юношества по шаблонамъ фабричнаго производства вообще. Между тѣмъ въ педагогіи должны имѣть преобладающее значеніе методы приспособленія къ индивидуальнымъ наклонностямъ и призваніямъ. И въ дѣлѣ безусловно индивидуальномъ, какъ религія, до послѣдняго времени преобладали принципы интеграціи. Всякое иновѣріе разсматривалось какъ преступленіе. То же и

въ интеллектуальной сферѣ: кто иначе мыслилъ, чѣмъ всѣ, тотъ наказывался. Всѣ институціи, какова цензура, преслѣдованіе иновѣрцевъ, ограниченія иностранцевъ, воспрещеніе сношеній съ иноземцами и т. д.—все это продуктъ стремленій, происходящихъ изъ интеграціи подробностей.

По ученію Сисмонди, интеграція потребностей имѣетъ громадное значеніе съ точки зрѣнія рынка для сбыта товаровъ. Равенство потребленія имѣетъ тенденціей расширеніе рынка, между тѣмъ какъ не равенство ведетъ къ его сокращенію[46]).

Очевидно, то, что теперь принято называть капитализмомъ, имѣетъ тенденціей, по ученію Сисмонди, сокращать рынокъ для производства внутри страны и становится неизбѣжнымъ отыскиваніе внѣшнихъ рынковъ и борьбы изъ за нихъ. Если наприм. вмѣсто 50 мелкихъ фермеровъ появится одинъ крупный, у котораго будетъ работать 50 поденныхъ рабочихъ, то 50 семействъ нищихъ поденныхъ не представляютъ собой такого рынка для потребленія, какъ 50 семействъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ. Очевидно, концентрація капитала въ небольшихъ рукахъ ведетъ къ обнищанію массы, т. е. къ сокращенію рынка. Одинъ богатый фермеръ вмѣстѣ съ 50 поденщиками не купитъ того, что могутъ купить 50 хозяевъ, хотя бы и мелкихъ. Концентрація, т. е. капитализмъ неизбѣжно ведетъ къ сокращенію внутренняго потребленія. Это же доказываетъ, что ростъ внутренняго рынка требуетъ національнаго, т. е. народнаго благосостоянія, которое Сисмонди отличаетъ отъ коммерческаго. Сисмонди ссылается на Англію, въ которой устройство крупныхъ фермъ повело къ исчезновенію самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ и сокращенію внутреннихъ потребителей городской промышленности. Роскошь нѣкоторыхъ не уравновѣсила потребленія массы. Одинъ крупный фермеръ, при всей своей роскоши, не представляетъ собою такого рынка для промышленности, какъ сто исчезнувшихъ крестьянъ-хозяевъ.

В. Ильинъ, одинъ изъ серьезныхъ „учениковъ“ К. Маркса возражаетъ Сисмонди: „развитіе капитализма вообще и фермерства въ частности не сокращаетъ, а *создаетъ* внутренній рынокъ. Развитіе капитализма идетъ вмѣстѣ съ развитіемъ товарнаго хозяйства, и по мѣрѣ того, какъ домашнее производство уступаетъ мѣсто производству на продажу, а кустарь уступаетъ мѣсто фабрикѣ, идетъ образованіе рынка *для капитала*. Поденщики, выталкиваемые изъ земледѣлія превращеніемъ крестьянъ въ фермеровъ, *поставляютъ рабочую силу для капитала*, а фермеры являются покупателями продуктовъ индустріи и при томъ не только покупателями предметовъ потребленія, а также покупателями орудій производства, которыя не могли уже оставаться прежними при замѣнѣ мелкаго земледѣлія крупнымъ“[47]).

Какъ видимъ, первая часть возраженія не есть возраженіе, а лишь голословное отрицаніе. Тамъ, гдѣ Сисмонди говоритъ „сокращаетъ“, г. Ильинъ говоритъ „увеличиваетъ“. Но и вторая часть не основательна. Съ появленіемъ капитализма возникаетъ сверхъ *личнаго потребленія* (т. е. потребленія хлѣба, мяса и пр.) также *потребленіе капитала,* т. е. орудій и машинъ производства, а людямъ занятымъ этой новой отраслью труда нужно личное потребленіе. Но не можетъ ли возникнуть это новое производство и безъ капитализма? Почему же только крупные хозяева должны пользоваться усовершенствованными орудіями и машинами, а средніе и мелкіе не могутъ? Да и теперь для усовершенствованныхъ плуговъ мелкіе хозяева въ массѣ представляютъ гораздо бо́льшій рынокъ, чѣмъ крупные, которыхъ, какъ именно болѣе крупныхъ, меньше массы мелкихъ. Даже у нашихъ крестьянъ теперь широко распространены не только плуги, но также косилки, жатки, молотилки. Спросъ создалъ соотвѣтствующую промышленность, наиболѣе приноровленную именно къ мелкому производству. Въ Англіи на почвѣ насилія исчезло мелкое хозяйство и появилась промышленность приноровленная къ крупному спросу. Въ Америкѣ на оборотъ эта же промышленность приспособилась къ потребностямъ мелкихъ хозяевъ и тамъ нѣтъ такого мелкаго фермера, который не пользовался бы усовершенствованными орудіями и машинами. Поэтому же въ странахъ, сохранившихъ мелкое хозяйство, внутренній спросъ большой на все, что технически улучшаетъ трудъ такихъ хозяйствъ. Здѣсь дѣйствительно происходитъ увеличеніе внутренняго потребленія —и непосредственнаго или личнаго, и посредственнаго, или потребленія орудій, машинъ и т. п. Въ этомъ случаѣ вполнѣ оправдывается ученіе Сисмонди, что національное благосостояніе является лучшимъ рынкомъ для сбыта продуктовъ обрабатывающей промышленности. Капитализмъ въ погонѣ за рынками затрачиваетъ страшныя усилія и деньгами и человѣческою кровью. Англія не останавливалась предъ войнами изъ-за сбыта въ Китаѣ одурманивающихъ веществъ. Если бы сотую долю такихъ усилій, безъ всякой крови, было затрачено на поднятіе благосостоянія массъ внутри страны, то страна имѣла бы обезпеченный внутренній рынокъ и дѣйствительное, а не патологическое богатство.

Съ другой стороны не всякое *личное* потребленіе полезно. Такъ съ усложненіемъ раздѣленія труда происходитъ отдѣленіе между потребителемъ и производителемъ, между тѣмъ большое производство не можетъ ограничиться мѣстнымъ сбытомъ, приходится искать потребителя на всемъ мірѣ. Объединяющими силами являются: агенты, коммивояжеры, объявленія и рекламы.

Необходимость такихъ посредниковъ зависитъ отъ того,

что одновременно съ *однообразіемъ* продуктовъ, потребляемыхъ массами, возникаетъ безконечное *разнообразіе*, направленное къ удовлетворенію вкусовъ каждаго. Чѣмъ больше производство, тѣмъ затруднительнѣе сбытъ и поэтому тѣмъ настоятельнѣе производить продукты, удовлетворяющіе самымъ разнообразнымъ потребностямъ. Еще не такъ давно даже не мыслимо было то разнообразіе въ производимыхъ издѣліяхъ, которыми отличается современное производство. Вѣрно замѣчаніе г. Цыперовича, что теперь мы имѣемъ колоссальную гамму всевозможныхъ оттѣнковъ, изгибовъ, тоновъ и красокъ, богатство самыхъ сложныхъ прихотливыхъ сочетаній, безпрерывную смѣну удивительныхъ по своей жизненности и оригинальности рисунковъ, ежедневно предлагаемыхъ на рынкѣ и удовлетворяющихъ самому утонченому вкусу [48]).

Для освѣдомленія съ этими издѣліями требуется настоящая армія посредниковъ. И чѣмъ развитѣе промышленность, тѣмъ больше потребность въ этой арміи для завоеванія покупателей. Напрасно думаютъ, что наприм. реклама исчезнетъ съ полной концентраціей производства, когда промышленность будетъ монополизирована въ рукахъ не многихъ. Новые промышленные короли также вынуждены будутъ „ходить въ полюдье“ для собиранія дани, какъ и первобытные князья. Сама дань не придетъ, а тѣмъ болѣе если она собирается въ формѣ добровольной покупки. Необходимо приблизить концентрированное производство къ потребителю, что и дѣлаютъ посредники. Даже торговцы вынуждены имѣть своихъ агентовъ, производящихъ ту же работу приближенія товара къ потребителю.

Все это необходимо при раздѣленіи между производствомъ и потребленіемъ. Но всякому очевидно, что эта необходимость содержать армію посредниковъ есть минусъ въ производствѣ. Она цѣликомъ входитъ въ составъ издержекъ производства, а не въ составъ національнаго дохода. И упитанная армія необходимыхъ людей не входитъ какъ плюсъ въ національномъ благосостояніи, но содержится на его счетъ.

Таково же значеніе всѣхъ *исключительно личныхъ расходовъ*. Г. Джорджъ совершенно основательно говоритъ наприм. о расходахъ богатыхъ людей, не занятыхъ въ производствѣ.

Въ бѣдной деревушкѣ двое крестьянъ дѣлаютъ землякамъ предложеніе облагодѣтельствовать всѣхъ жителей. „Дайте намъ привиллегію собирать съ каждаго жителя по пяти сентовъ. Налогъ не чувствительный. Но его достаточно, чтобы появилось въ деревнѣ двое богачей. Мы станемъ жить на широкую ногу, увеличимъ наши дома, заведемъ экипажи, прислугу, станемъ давать пиры. Дадимъ толчекъ торговлѣ и оживимъ спросъ на трудъ. Всѣ станутъ благоденствовать“ [49]).

Какъ ни странно, но въ данномъ случаѣ можетъ произойти оживленіе труда и всей экономіи. Такъ холодный компрессъ можетъ вызвать приливъ крови и согрѣть часть тѣла, на которую онъ положенъ. Непроизводительный спросъ не продолжителенъ и ничего не даетъ новаго въ обмѣнъ за расходуемое. Это переливанье изъ пустого въ порожнее. Таковы и всѣ расходы непроизводительныхъ классовъ населенія. Создаваемое ими оживленіе —пустой миражъ, который лишь въ дѣтствѣ экономической науки можно было принимать за дѣйствительность.

Очевидно, не всякая потребность имѣетъ значеніе полезнаго или нормальнаго рынка. Личныя потребности людей не участвующихъ въ созданіи національнаго дохода являются вычетомъ изъ него, а не плюсомъ. Если нація производитъ милліардъ единицъ, служащихъ къ удовлетворенію потребностей, и если 50% ихъ идутъ на удовлетвореніе не производительныхъ потребителей, наприм. дѣтей, стариковъ, больныхъ, праздныхъ женщинъ и т. д., то на долю производителей остается лишь полъ-милліарда. Люди, занятые производствомъ орудій производства и орудій для производства орудій производства также живутъ на счетъ этого милліарда. И они не увеличиваютъ національный доходъ, но уменьшаютъ его на всю сумму потребленія своего. Конечно, со временемъ дѣти выростутъ и новыя орудія будутъ работать. Но— это уже будутъ, быть можетъ, взрослые работники и полезныя орудія. А теперь рѣчь идетъ не о нихъ. Мы говоримъ о личномъ потребленіи людей, не производящихъ средствъ потребленія [50]). Къ нимъ-то вполнѣ относится положеніе А. Карра, что благосостояніе можетъ уменьшаться отъ двухъ причинъ: отъ того, что земля менѣе родитъ и отъ того, что *каждый болѣе потребляетъ*. Обѣ причины теперь въ дѣйствіи. Умноженіе и расширеніе городовъ не только отымаетъ силы отъ земледѣлія—это первая причина, но и въ страшной пропорціи усиливаетъ потребленіе,—это вторая причина. Крестьянинъ, превратившись въ горожанина, перенимаетъ привычки, которыя сперва казались ему излишними, безумными, а теперь сдѣлались обычными, необходимыми [51]).

„Если вы приготовили обѣдъ для шести персонъ и приходитъ 12 или же приглашенные чувствуютъ двойной аппетитъ, вашъ обѣдъ недостаточенъ и произойдетъ то, что или всѣ лишь на половину пообѣдаютъ, или половина пообѣдаетъ сполна, а другая останется голодною".

Въ послѣднемъ примѣрѣ А. Карръ имѣетъ въ виду гостей, не участвующихъ въ приготовленіи обѣда. Очевидно, увеличеніе ихъ равносильно уменьшенію доли каждаго. И очевидно, не всякое увеличеніе потребностей, не всякое увеличеніе потребленія и сбыта полезно. Бываетъ и такое увеличеніе ихъ, которое равносильно нашествію непріятеля, появленію чумы, мора и глада.

Личная потребность, не совпадающая съ соціальной, имѣетъ значеніе блуждающей кометы, отпавшей отъ своего центра и движущейся „безъ пути“. Въ этомъ отношеніи совершенно безразличенъ какъ эгоизмъ, такъ и альтрюизмъ. Лучшіе изъ экономистовъ вѣрно подмѣтили, что своимъ личнымъ потребленіемъ человѣкъ не приноситъ никому пользы, кромѣ самого себя. (Д. С. Милль). Но почему же человѣкъ приноситъ пользу, когда потребляетъ не имъ произведенное благо, но произведенное другими людьми? Если я помажу хлѣбъ масломъ и покажу вамъ, а самъ съѣмъ, то отъ этого вамъ будетъ мало пользы. Съ этимъ экономисты всѣ до единаго согласны. Но развѣ не то же самое получается, если я помажу свой хлѣбъ масломъ, а съѣстъ его другой? Вѣдь отъ этого мнѣ-то пользы никакой совершенно въ такой же степени, какъ въ первомъ случаѣ вы не имѣли никакой пользы отъ съѣденнаго мною хлѣба. Да, личное потребленіе полезно личности, но не другимъ. Да и личности оно *вредно*, когда является дѣйствительно личнымъ, а не *соціальнымъ* потребленіемъ.

При соціальномъ потребленіи потребляется доходъ, а не капиталъ. При личномъ потребленіи потребляется капиталъ. Если я потребляю, ничего не производя взамѣнъ, то я уничтожаю народное благо. Если я не потребляю, но храню, то останавливаю кровообращеніе и неизбѣжно гніеніе и даже гангрена. Если я потребляю и произвожу равноцѣнность—то состояніе стаціонарное. Для прогресса необходимо, чтобы производство превосходило потребленіе. *Сверхъ-потребленіе и есть дѣйствительный доходъ общества.* Есть его страховой фондъ на случай несчастья, а также фондъ для усиленія производительной дѣятельности страны. Безъ такого фонда страна не можетъ усиливать производства, какъ не можетъ она усиливать его безъ новыхъ рабочихъ рукъ.

И такъ для страны полезно не потребленіе, дающее лишь стаціонарное состояніе, но *сверхъ-потребленіе*, т. е. излишки отъ потребленій. Старое ученіе о безконечномъ развитіи потребностей представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ самообмановъ, вредныя послѣдствія котораго для человѣчества неисчислимы. Люди вообразили, что ихъ потребности развиваются, что существуютъ не только разные разряды потребностей, но и разныя степени ихъ развитія. Человѣкъ, считающій, что онъ развилъ въ себѣ высшія потребности, съ презрѣніемъ смотритъ на человѣка, не достигшаго этого высшаго уровня культуры, съ сожалѣніемъ говоритъ о первобытныхъ потребностяхъ дикаря. Мало того. Первобытностью потребностей объясняютъ и первобытность культуры человѣка. Говорятъ, что для выхода изъ состоянія дикости необходимо познакомить дикарей съ болѣе высокими потребностями и тогда они начнутъ работать для удовлетворенія послѣднихъ, въ корнѣ измѣнятъ свой образъ жизни, сдѣлаются культурными

людьми. Нерѣдко люди съ низшими потребностями признаются даже низшей породой, людьми особой, низшей, не благородной крови. Такъ у насъ долго признавалось, что крестьянинъ, довольствующійся чернымъ хлѣбомъ, нѣчто низшее сравнительно съ паномъ, пожирающимъ бѣлый хлѣбъ. И мужичекъ, танцующій козачка, существо не благородное, между тѣмъ, какъ танцующій мазурку—благородное существо.

Въ дѣйствительности между потребностями, считающимися высоко развитыми, такая же разница, какая существуетъ между мазуркой и козачкомъ, или между бѣлымъ и чернымъ хлѣбомъ.

Потребности не развиваются, а измѣняется лишь объектъ удовлетворенія. Такъ въ сферѣ матеріальныхъ потребностей мы видимъ настоящее топтанье на одномъ мѣстѣ, напоминающее собою топтанье бѣлки въ игрушечномъ колесѣ. Бѣлка со всѣхъ силъ старается, бѣжитъ, тянется въ верхъ, употребляя каждую секунду громадныя усилія, но съ каждымъ шагомъ ея движенія впередъ колесо подвигается внизъ и она остается на томъ же самомъ мѣстѣ. Это дѣйствительно безтолковый кругъ · circulus vitiosus, спасеніе отъ котораго бѣлка находитъ лишь въ томъ, что бросаетъ свою нелѣпую работу, уходя въ сосѣднюю клѣтку. Но люди не имѣютъ и такого выхода, а бьются до кроваваго пота въ своемъ кругѣ безтолковья.

Голодный дикарь охотится за животнымъ и питается трупомъ убитой жертвы. Высоко цивилизованный человѣкъ ѣстъ бифштексъ, искусстно приготовленный поваромъ. Переходъ отъ сырого мяса дикаря къ бифштексу не говоритъ ровно ничего о развитіи потребностей. Потребность та же, разница лишь въ гастрономической отдѣлкѣ пожираемаго трупа. И человѣку, поѣдающему бифштексъ, нѣтъ никакихъ основаній превозноситься надъ своимъ предкомъ, поѣдавшимъ сырое мясо. Видѣть какое-то особое благородство въ кормленіи себя бифштексомъ и низость въ исключительномъ потребленіи сырого мяса такая же нелѣпость, какъ, наприм., видѣть благородство въ верховой ѣздѣ на бѣлой лошади и неблагородство въ ѣздѣ на рыжей лошади. Подобная логика даже опасна, ибо она свидѣтельствуетъ о психической болѣзни субъекта. Убійца П. А. Столыпина на вопросъ, желаетъ ли онъ откровеннымъ сознаніемъ сохранить себѣ жизнь, отвѣчалъ: нѣсколько лишнихъ лѣтъ жизни—нѣсколько тысячъ съѣденныхъ бифштексовъ. И только. Очевидно, онъ видѣлъ въ бифштексѣ цѣль и суть жизни, но стоитъ ли жить ради бифштексовъ? Несомнѣнно, не стоитъ. А между тѣмъ, къ этому логически неизбѣжному концу естественно приводитъ самообманъ развитія потребностей, въ силу котораго потребленіе бифштекса нѣчто высокоблагородное, а потребленіе дикаремъ сырого мяса—нѣчто низменное, варварское. Разницы въ степени варварства тутъ нѣтъ.

Потребности въ одеждѣ, помѣщеніи и т. п. и на высшихъ ступеняхъ культуры остаются такими же, какъ и у дикарей. Разница только въ отдѣлкѣ объектовъ, служащихъ удовлетворенію. Дикарь довольствуется одеждой, охраняющей его отъ холода и жары, а культурный человѣкъ ищетъ въ своей одеждѣ изящества или подражаетъ модѣ. Но самое изящество большею частью является результатомъ обычая или моды. То, что въ одной мѣстности красиво, то въ другой вызываетъ смѣхъ и даже презрѣніе. Модная шляпа сперва кажется уродствомъ, а привыкаютъ къ ней и она кажется красивою. Помѣщеніе изъ одной комнаты, вполнѣ удовлетворяя привыкшаго къ ней человѣка, кажется нищетой богатому. А помѣщеніе послѣдняго бѣдняку кажется безнравственнымъ излишествомъ. Богатый человѣкъ въ своемъ замкѣ скучаетъ и придумываетъ искусственныя средства къ тому, чтобы „убить время“, между тѣмъ какъ бѣднякъ не нуждается въ этомъ убійствѣ.

Очевидно, матеріальныя потребности по существу не измѣняются. Потребности въ утоленіи голода, въ одеждѣ, въ помѣщеніи, въ удобствахъ жизни совершенно тождественны у всѣхъ людей. Разница только во внѣшнихъ предметахъ, служащихъ цѣли человѣка. Нельзя сказать, что человѣка удовлетворяетъ потребность въ одеждѣ выше, потому что онъ носитъ англійское, а не русское сукно, какъ нельзя сказать, что житель Сѣвера имѣетъ высшую потребность, чѣмъ житель Юга, когда первый носитъ теплую шубу, а послѣдній ходитъ голышемъ.

Если же потребности матеріальныя не измѣняются, то нельзя сказать, что они являются двигателями матеріальнаго прогресса. Не можетъ быть прогрессивнымъ двигателемъ то, что само не подлежитъ прогрессу. Только движущійся факторъ можетъ быть факторомъ движенія.

Въ сущности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда потребности вызываютъ ту или иную дѣятельность, они являются тормазомъ прогресса Когда голодное населеніе разбиваетъ хлѣбные магазины, оно не создаетъ прогресса, а разрушаетъ его. Когда подъ вліяніемъ голода нищій грабитъ богатаго, это ничего общаго не имѣетъ съ прогрессомъ.

Думаютъ, что въ основѣ всей дѣятельности лежатъ именно матеріальныя потребности. Но при этомъ забываютъ, что голодный человѣкъ не работаетъ, а грабитъ. Работаетъ только сытый и чѣмъ менѣе онъ убивается нуждой, тѣмъ лучше его работа. Нужда убиваетъ экономическую дѣятельность, а не создаетъ ее. И то, что убиваетъ, не можетъ быть факторомъ оживленія. Не подлиповцы вѣчно нуждающіеся и отъ нужды едва движущіеся создаютъ прогрессъ, но сытые англичане, здоровые нѣмцы. Если бы основаніемъ прогресса былъ голодъ, то давно уже Рос-

сія была бы самою передовою страною въ мірѣ, такъ какъ нигдѣ голодъ такъ не царствуетъ, какъ у насъ, не исключая даже Индіи.

Изъ послѣдняго примѣра видно, что *не голодъ создаетъ культуру, а культура уничтожаетъ голодъ.*

Вникнувъ въ это безспорное положеніе, мы имѣемъ право обобщить его и сказать: не потребности создаютъ культуру, но на оборотъ, культура создаетъ потребности, видоизмѣняетъ средства ихъ удовлетворенія, научаетъ и пріучаетъ человѣка употреблять тѣ или другіе предметы въ томъ или другомъ видѣ, сообразно тому, что она признаетъ наиболѣе соотвѣтствующимъ организму.

Если бы потребности создали культуру, то всякое удовлетвореніе ихъ вело бы къ прекращенію культурной дѣятельности. Италіанскій лаццарони, при всей своей нищетѣ, отказывается отъ самаго легкаго труда, когда онъ сытъ. Если бы все человѣчество работало по мотивамъ потребностей, то оно и было бы лишь въ положеніи италіанскихъ нищихъ и изображало бы собой босяковъ, которые приступаютъ къ работѣ лишь тогда, когда уже нечего съѣсть. Между тѣмъ на каждомъ шагу мы видимъ, что трудъ никогда не ограничивается размѣрами потребностей въ средствахъ для удовлетворенія потребностей. Напротивъ того, трудъ стремится производить, не сообразуясь съ потребностями, производить единственно потому, что какая-то внутренняя сила превращаетъ его въ вѣчнаго жида, который вѣчно идетъ, идетъ и идетъ, часто не зная куда и для чего. Такъ пчела работаетъ и не перестаетъ работать, пока жива, пока силы имѣетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ темы стремленіе къ работѣ вызываетъ всеобщее удивленіе. Американскіе милліардеры уже имѣютъ все, что нужно для удовлетворенія ихъ потребностей и даже для удовлетворенія ихъ потомства на цѣлые вѣка. И не смотря на это, продолжаютъ работать.

И такимъ образомъ *потребности не только не являются факторомъ экономической культуры, но не служатъ мотивомъ дѣятельности человѣка.*

Человѣкъ въ дѣйствительности, не выдуманный и сочиненный экономистами человѣкъ, а реальный, такой, какимъ создала его жизнь, работаетъ не потому, что голоденъ, но голодаетъ потому, что его работоспособность парализована неблагопріятными условіями жизни. И не поиски за хлѣбомъ заставляютъ его работать, но хлѣбъ, превратившись изъ потенціальной трудовой силы въ реальную, проявляется въ человѣческой работѣ. Не для матеріальныхъ потребностей мы работаемъ, но матеріальныя потребности служатъ работѣ, создавая мускульную и нервную силу, выражающуюся за тѣмъ въ работѣ.

И такъ, 1) матеріальныя потребности не только не безграничны, но строго ограниченны самой природой своей. По народной поговоркѣ, не можетъ человѣкъ стать выше собственныхъ ушей, ибо на какую высоту онъ не взошелъ бы, часть головы будетъ все-таки выше его ушей, а уши останутся на прежнемъ мѣстѣ.

То, что мы называемъ развитіемъ потребностей, прогрессомъ ихъ и цивилизаціей, есть простое топтанье бѣлки въ движущемся колесѣ. Несчастная воображаетъ, что путемъ усилій она можетъ подвинуться впередъ, а въ дѣйствительности остается на томъ же мѣстѣ. Здѣсь дикарь и высоко-образованный человѣкъ сходятся. Разницы между ними нѣтъ никакой. Первая царица моды въ Парижѣ и любая готтентотка ничѣмъ не отличаются по существу своихъ потребностей въ украшеніи тѣла. Первѣйшій въ мірѣ гастрономъ, пожирающій самыя изысканныя блюда, также утоляетъ потребность въ пищѣ, какъ и первый встрѣчный бѣднякъ.

2) За тѣмъ какъ неподвижный факторъ, потребности не могутъ быть двигателями прогресса, не могутъ производить движенія. Лежачій камень именно вслѣдствіи своей неподвижности непроизводительная сила. Онъ мѣшаетъ производительной дѣятельности. Онъ можетъ быть тормазомъ прогресса, но не можетъ быть его основаніемъ, ни его движущей силой. Діогенъ пьетъ воду, зачерпнувъ ее въ рѣкѣ ладонями; нынѣшній горожанинъ пьетъ ее изъ стакана, наливая въ графинъ изъ городского водопровода. Потребность въ томъ и другомъ случаѣ тождественна. О развитіи потребности въ водѣ можетъ говорить только безумный. Очевидно, не развитіе остающейся тождественной потребности повело къ созданію водопровода и къ прогрессу въ удовлетвореніи жажды горожанъ. Мы видимъ большіе города, довольствующіеся колодцами и водовозами. Мы видимъ многотысячныя селенія, также довольствующіеся колодцами и водовозами съ водоносами. Если бы потребность была активною силою, создающею водопроводы, то вездѣ, гдѣ сила въ наличности, были бы въ наличности и результаты ея активности. Должно быть признано безспорной истиной, что никакой активности, никакой созидательной силы нѣтъ и не можетъ быть въ матеріальныхъ потребностяхъ.

Вотъ киргизскій султанъ, гордящійся тѣмъ, что у него кибитки не изъ дерева, а изъ слоновой кости. Сторонники прогресса потребностей, доказывающіе, что изящная шляпка безконечно выше простого очипка крестьянки, должны признать, что киргизскій султанъ прогрессистъ въ точномъ смыслѣ слова, такъ какъ его кибитка изъ слоновой кости также относится къ деревянной, какъ парижская шляпка къ деревенскому очипку. Къ сожалѣнію, признать это возможно не иначе, какъ при пожертвованіи твердой

памятью и здравымъ умомъ. Кибитка изъ простого дерева также удовлетворяетъ потребности въ передвиженіи, какъ и кибитка изъ слоновой кости. И парижская дамская шляпа можетъ хуже покрывать голову и больше безобразить красивое лицо, чѣмъ простой очипокъ, очень изящный и совершенно удовлетворяющій цѣли. Tout est bon, tout est bien, tout est grand á la place!

3) Матеріальныя потребности, не будучи факторомъ, служатъ лишь *указателемъ* того, чѣмъ должна быть занята, къ чему должна быть направлена *активная сила*, ничего общаго не имѣющая съ самымъ указателемъ. Вотъ почему мы на каждомъ шагу можемъ наблюдать то, что въ жизни употребляется громадный трудъ, часто затрачиваются неимовѣрныя усилія, даже самопожертвованіе, для цѣлей... ничего общаго не имѣющихъ съ дѣйствительными и серьезными потребностями.

Давно наприм., извѣстно выраженіе: преступникъ—плохой счетчикъ. Жизнь преступленіемъ—самое плохое ремесло, менѣе всего оплачиваемое. Въ среднемъ выводѣ заработокъ преступника меньше заработка чернорабочаго. А между тѣмъ не мало людей, съ рискомъ потери или свободы или даже самой жизни, посвящаютъ себя этому ремеслу. Ясно, не голодъ, не нужда, не матеріальныя потребности заставляютъ преступника трудиться до изнеможенія и ежеминутно рисковать свободой или жизнью.

Въ жизни встрѣчаемъ также не мало честныхъ профессій, совсѣмъ не оплачиваемыхъ или плохо оплачиваемыхъ, но въ то же время переполненныхъ такъ, что и кандидаты на эти должности насчитываются тысячами. Таковы должности писцовъ во всѣхъ частныхъ, общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ. Въ среднемъ выводѣ заработокъ писца безконечно меньше заработка крестьянина, работающаго на 2—3 десятинахъ земли, гораздо меньше заработка мелкаго торговца и т. п. Ясно, что не голодъ, и не нужда бросаетъ цѣлыя категоріи часто способныхъ и образованныхъ людей къ занятію, которое такъ плохо вознаграждаетъ ихъ трудъ. Если бы они искали матеріальныхъ выгодъ, если бы искали богатства, то избѣгали бы профессій, обѣщающихъ только убожество. Слѣдуетъ также вспомнить, какая масса адвокатовъ живетъ со дня на день, имѣя въ среднемъ выводѣ ничтожнѣйшій заработокъ. Наконецъ и масса посредниковъ между производителями и потребителями, не смотря на громадную затрату энергіи и физическаго труда, не смотря на вѣчное безпокойство и риски, также въ среднемъ имѣетъ нищенскій хлѣбъ. А между тѣмъ и эта профессія переполнена.

Стоитъ лишь приглядѣться къ жизни, оставивъ метафизику, и мы увидимъ, что не голодъ, не жадность, не стремленіе къ богатству лежатъ въ основѣ человѣческой дѣятельности, а равно и не лѣнь, не боязнь труда, не стремленіе къ казенному пайку

и жизни паразитарной на счетъ ближнихъ. *Существуютъ иныя силы, которымъ вполнѣ подчиняется и самъ человѣкъ, которымъ подчиняются и сами потребности его.*

На потребностяхъ моды мы видимъ, что человѣкъ живетъ не индивидуальными потребностями организма, но *обычаями или законами общества.* Парижская шляпа для жительницы пустыни показалось бы продуктомъ безумія, какъ и для деревенскаго жителя модный фракъ. Стало быть общество навязываетъ индивидууму свои шляпы и свои фраки. И личность удовлетворяетъ не свои потребности, но потребности общества, ибо творитъ не свою, а чужую волю.

И если разсмотрѣть со вниманіемъ составъ средствъ служащихъ къ тому, что обыкновенно мы называемъ удовлетвореніемъ своихъ потребностей, то найдемъ, что въ сущности по меньшей мѣрѣ 99% ихъ не наши естественныя, а искусственныя, чужія потребности.

Къ сожалѣнію, эти чужія, нерѣдко деспотическія велѣнія, извращающія естественныя потребности, *направляютъ трудъ,* отвлекая производительныя силы отъ другихъ назначеній, болѣе согласныхъ съ дѣйствительными потребностями личности.

Бѣдствія, пауперизмъ, даже пролетаріатъ большею частью являются какъ *разультатъ несоотвѣтствія между реальными движущими дѣятельность силами и данными потребностями.* При данномъ уровнѣ затраты энергіи, укрѣпленной наслѣдственностью и обычаемъ, личность привыкаетъ къ тому, что называютъ высшими потребностями, наприм., къ кибиткѣ изъ слоновой кости вмѣсто простой кибитки. Понятно, лишеніе слоновой кибитки представляется серьезнымъ бѣдствіемъ, умаляющимъ значеніе и достоинство ея. Простая кибитка кажется символомъ нищеты хотя для дѣла тутъ разницы нѣтъ ровно никакой.

VI.

Не будучи экономическимъ двигателемъ, не являются ли наши потребности возбудителемъ энергіи?

Такъ полагаютъ многіе. Такъ, по словамъ Л. Уорда, „счастье человѣка тѣмъ сильнѣе, чѣмъ у него будетъ больше желаній и чѣмъ выше будутъ самыя эти желанія. Задача соціальной науки заключается въ томъ, чтобы указать, какимъ образомъ можетъ быть достигнуто наиболѣе полное и всеобщее удовлетвореніе человѣческихъ желаній, что сводится въ сущности къ проблемѣ наибольшаго счастья“ [52]).

Съ этимъ сходится и наше обыденное представленіе. Вѣдь всякій работаетъ изъ за счастья, стремясь къ личному благополучію, которое такимъ образомъ является руководителемъ нашей дѣятельности [53]).

Съ этимъ же тождественно и наше обычное представленіе, что солнце движется, а земля не подвижна. И мы также руководствуемся этой идеей въ своей жизни: солнце восходитъ и мы начинаемъ работать, солнце садится и мы ждемъ сна.

Къ сожалѣнію, уже чисто теоретически здѣсь мы попадаемъ въ безысходную путаницу, отмѣченную В. Заболотнымъ.

По мнѣнію В. Заболотнаго, прогрессъ не имѣетъ ровно никакого значенія ни на увеличеніе, ни на уменьшеніе счастья. „Если прогрессъ ведетъ къ наилучшему состоянію людей, къ ихъ счастью, значитъ онъ имѣетъ конечною цѣлью нѣчто такое высокое, блаженное состояніе, выше котораго уже не остается ничего желать; мы приходимъ такимъ образомъ къ заключенію, что прогрессъ имѣетъ цѣлью остановку, *неподвижность, застой* жизненныхъ проявленій и во всякомъ случаѣ однообразіе ихъ. Получился выводъ, противорѣчащій самому понятію о прогрессѣ. Если же допустить, что прогрессъ не имѣетъ цѣлью своею что-нибудь постоянное, опредѣленное, неподвижное—въ такомъ случаѣ онъ опять таки теряетъ всякій смыслъ, такъ какъ при такомъ взглядѣ на него выходитъ, что прогрессирующій прогрессируетъ для того, чтобы вѣчно прогрессировать, или, иначе говоря, бѣгающій бѣгаетъ для того, чтобы *вѣчно бѣгать*“ [54]).

Отсюда выходъ онъ находитъ въ положеніи, что счастье дикаря такое-же полное, содержательное, какъ счастье мужика, ученаго и даже самаго Зевса [55]). Т. е., что каждый счастливъ по своему.

Стало быть и этотъ выходъ есть выходъ изъ огня въ полымя.

Съ другой стороны, конечная цѣль стремленій, говорятъ, есть счастье, а счастье состоитъ въ удовлетвореніи потребностей. Значитъ, потребленіе есть конечная цѣль нашихъ стремленій. Выходитъ такъ, что будто бы человѣкъ все творитъ для потребленія, вся дѣятельность его имѣетъ цѣлью—потребленіе.

Но вѣдь въ прописяхъ пишутъ, что мы потребляемъ для того, чтобы жить, а не живемъ для того, чтобы потреблять. Экономисты несомнѣнно превратили человѣка въ какое-то свинообразное существо, стремящееся только къ пищѣ. Не пища для человѣка, а человѣкъ для пищи. Такъ и поняли тѣ, кто получилъ возможность потреблять, не работая.

Но мы въ сущности и работаемъ, и распредѣляемъ, и потребляемъ *для жизни*. Жизнь есть конечная цѣль всей дѣятельности какъ въ производствѣ и распредѣленіи, такъ и въ потребленіи. Нельзя отождествлять жизнь съ работой, ибо живутъ же, не работая. И не только не работающихъ никто не считаетъ мертвецами, но для многихъ безработная жизнь кажется идеаломъ. Тѣмъ не менѣе можно признать цѣлью жизни трудъ распредѣленія, ибо задача распредѣленія состоитъ лишь въ доставкѣ

того, что произведено. Но также нельзя отождествлять жизни и съ потребленіемъ, ибо нужно потерять всякій разумъ, чтобы принятіе пищи считать за жизнь. Стало быть сытый есть мертвецъ. Самая же сытость имѣетъ лишь значеніе наполненія печи топливомъ, т. е. не можетъ быть самодовлѣющимъ чѣмъ-то. И то, что вѣрно относительно частей, также вѣрно и относительно суммы ихъ, ибо сумма не можетъ быть больше ея составныхъ частей.

Вотъ почему нѣкоторые изъ болѣе морально чуткихъ писателей перестали придавать первенствующее значеніе матеріальнымъ потребностямъ и матеріальнымъ интересамъ отводятъ минимальное значеніе въ дѣлѣ благосостоянія. Таково, наприм., ученіе Тарда.

Тардъ въ картинѣ будущаго человѣчества рисуетъ *образованіе* новыхъ потребностей. „Когда нужно мало для жизни, тогда остается много времени для мысли. *Минимумъ утилитарнаго труда и максимумъ эстетическаго*—не это ли составляетъ самую сущность цивилизаціи? То мѣсто въ сердцѣ, которое осталось пустымъ, благодаря *сокращенію потребностей*, заняли художественныя, поэтическія и научныя *наклонности*. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе умножаясь и укореняясь, онѣ сдѣлались настоящими пріобрѣтенными потребностями, но потребностями въ творчествѣ, а не въ уничтоженіи“ [56]).

Въ точномъ смыслѣ слова, т. е. съ точки зрѣнія человѣческой личности, цивилизація и есть переходъ изъ міра потребностей, всецѣло поглощавшихъ жизнь, въ міръ наклонностей, т. е. потребностей духа. Это высшая ступень именно потому, что наклонности духа несомнѣнно являются *потребностями въ творчествѣ*, а не въ простомъ *уничтоженіи*. Различіе, какъ отмѣчаетъ и Тардъ, очень существенное. „Артистъ наслаждается, когда творитъ, и только онъ одинъ творитъ такимъ образомъ. Легко понять, какъ глубока должна быть та соціальная революція, которая произошла съ тѣхъ поръ, какъ эстетическая активность, постоянно расширяясь, одержала, наконецъ, верхъ надъ активностью утилитарной, и вмѣстѣ съ тѣмъ преобладающимъ элементомъ общенія между людьми сдѣлалось отношеніе артиста къ знатоку, вмѣсто прежняго отношенія производителя къ потребителю“. Идеалъ услугъ уступаетъ мѣсто идеалу общихъ радостей.

Легко покажется, что теорія Тарда совпадаетъ съ эволюціей потребностей. Въ эволюціи ихъ замѣчаемъ двѣ стороны необходимости въ жизни. Необходимость можетъ быть физіологическою и соціальною. Первая—естественная, общая человѣку съ животными, вторая во всей полнотѣ соціальная или условная. Человѣкъ не можетъ жить безъ хлѣба и воды—это естественныя потребности. Но тѣ же естественныя потребности съ развитіемъ культуры также естественно эволюціонируютъ. Большая дѣятель-

ность требуетъ большей траты органическаго вещества, а слѣдовательно и большаго возмѣщенія, т. е. потребленія. Вмѣсто хлѣба появляется такой же естественно-физіологическій спросъ на мясо. И такъ какъ человѣкъ считаетъ себя „мѣрою вещей“, то, понятно, онъ оправдываетъ убійство своими потребностями въ мясѣ.

Такъ *естественно* эволюція потребностей ведетъ къ пожиранію. Условными называются потребности, сдѣлавшіяся необходимыми по соціальнымъ условіямъ. Сапоги еще сто лѣтъ тому назадъ не были предметомъ необходимости. Теперь они замѣняются лаптями лишь въ темныхъ углахъ Полѣсья. Появленіе босого культурнаго человѣка на балу или даже на улицѣ было бы принято даже за нарушеніе правилъ благочинія и босого чудака отправили бы въ полицію. Малорусскій или великорусскій національный костюмъ еще сто лѣтъ тому назадъ былъ обычнымъ для людей средняго достатка. Теперь появленіе въ этомъ костюмѣ въ обществѣ считается чудачествомъ. Европейскій костюмъ сдѣлался предметомъ необходимости.

Этимъ же путемъ образуется такъ называемый „жизненный обиходъ“, т. е. соціальный минимумъ средствъ существованія, совсѣмъ не совпадающій съ физіологическимъ или естественнымъ. Минимумъ средствъ существованія, признаваемый англійскимъ рабочимъ, совсѣмъ не совпадаетъ наприм. съ минимумомъ средствъ существованія нашего деревенскаго рабочаго. Первый для послѣдняго рабочаго показался бы не доступною и даже излишнею роскошью. Ученіе Ф. Лассаля о „желѣзномъ законѣ средствъ существованія“, хотя и заимствовано имъ у классиковъ экономической науки, тѣмъ не менѣе есть измышленіе, каковымъ является и экономическій человѣкъ классической науки. На дѣлѣ минимумъ существованія всегда выше физіологическаго. Животный или естественный минимумъ не встрѣчается даже у дикарей.

Этотъ-то соціальный характеръ личныхъ потребностей и приводитъ къ тому, что личныя потребности не могутъ быть признаны экономическимъ двигателемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и въ то же время не могутъ быть признаны и возбудителемъ дѣятельности. Съ соціальной точки зрѣнія *всѣ потребности равны.* Потребность въ жаждѣ не можетъ быть сильнѣе потребности въ пищѣ и т. п. Въ частныхъ случаяхъ это бываетъ на каждомъ шагу, но постоянство общежитія было бы не мыслимо, если бы различіе между потребностями было источникомъ различія въ ихъ интенсивности. Общество существуетъ, значитъ въ среднемъ выводѣ всѣ существующія потребности удовлетворяются и въ этомъ отношеніи между ними нѣтъ различія. Если зимой населеніе нуждается въ топливѣ, а лѣтомъ въ легкой одеждѣ, то, при среднемъ или обыкновенномъ положеніи дѣлъ нельзя сказать, чтобы потребность въ топливѣ была интенсивнѣе потребно-

сти въ легкой одеждѣ, или потребность въ теплой одеждѣ была настоятельнѣе потребности въ легкой одеждѣ.

Если же въ среднемъ выводѣ потребности равны, то можно говорить объ общемъ ихъ вліяніи на трудъ, а не съ точки зрѣнія мотивовъ. Мотивы въ потребностяхъ могутъ имѣть силу лишь при неравенствѣ интенсивности ихъ, когда одна потребность дѣйствуетъ сильнѣе другихъ, привлекая къ себѣ и трудъ населенія.

Обобщая сказанное, утверждаемъ, что въ хозяйствѣ націи всѣ потребности стремятся къ одному уровню интенсивности, вокругъ котораго происходятъ вѣчныя колебанія. Потребности націи въ мѣрѣ вѣса и мѣрѣ длины одинаковы; нельзя сказать, что потребность въ аршинѣ интенсивнѣе потребности въ фунтѣ, хотя въ однихъ случаяхъ нуженъ фунтъ, а въ другихъ аршинъ. Нельзя сказать, чтобы потребность въ водѣ была интенсивнѣе потребности въ хлѣбѣ, хотя для человѣка, находящагося въ Сахарѣ, потребность въ глоткѣ воды сильнѣе всѣхъ другихъ потребностей. *Стремленіе потребностей къ одному уровню интенсивности выражается въ организаціи хозяйства.* Чѣмъ лучше эта организація, чѣмъ менѣе хозяйство подвержено игрѣ случая и каприза, тѣмъ больше равенства въ потребностяхъ. То различіе въ интенсивности, на которомъ основывается ученіе о прогрессивномъ характерѣ потребностей, есть признакъ неудовлетворительности въ организаціи національнаго хозяйства. Бываютъ и строго патологическія нарушенія равновѣсія. Прекраснымъ примѣромъ такой соціальной патологіи можетъ быть извѣстная „тюльпаноманія“, охватившая всю Голландію въ 1620 г. Всѣ бросились покупать тюльпаны, цѣны ихъ росли неимовѣрно, а особо рѣдкіе экземпляры (наприм. Semper Augustus) продавались по 30000 гульденовъ за экземпляръ. Бредъ тюльпаноманіи достигъ своего апогея въ 1637 г., послѣ чего луковицы начали падать въ цѣнѣ, при чемъ вмѣсто 30000 гульденовъ рѣдкіе экземпляры можно было покупать по 5 гульденовъ. Конечно, насталъ страшный крахъ, отъ котораго вся страна не скоро могла поправить свои дѣла.

Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ болѣзнью, вызванной системой внушенія или массового подражанія. Массовое, особенно классовое непроизводительное потребленіе есть та же массовая манія, психико-экономическая болѣзнь, послѣдствія которой для страны зависятъ отъ размѣровъ ея. Увлеченіе модными дорогими бездѣлушками чѣмъ же лучше тюльпаноманіи?

Не менѣе интереснымъ примѣромъ является и манія, вызванная Джономъ Ло во Франціи (1717—1719 г.). Тогда покупались бумажки также по страшнымъ цѣнамъ и немедленно же перепродавались. Всѣ, какъ стадо, были увлечены.

Прекрасно описываетъ соціальную манію сатирикъ Рабле въ

„Пантагрюэлѣ“. Панургъ, путешествовавшій по морю съ скотопромышленникомъ, поссорился съ нимъ и отомстилъ ему такъ: купилъ у него овцу и бросилъ въ море. Остальныя овцы, увидѣвъ это, увлеклись ея примѣромъ и всѣ бросились въ море, гдѣ и утонули.

Стадность, какъ манія, часто поражаетъ людей, заставляя ихъ дѣйствовать вопреки разуму, подчиняя своей волѣ сознаніе и чувство. Вспомнимъ крестовые походы дѣтей (1212 г.) бичующихся (XIII и XIV в.), одержимыхъ пляской св. Витта и св. Іоанна (1729—1739 г.), эпидеміи трясуновъ (tremBleurs) и т. д. Это болѣзни въ сферѣ соціальной и этической.

Въ экономической сферѣ болѣзнь приводитъ къ обѣдненію цѣлыя страны.

Она же лежитъ въ основѣ кризисовъ.

Конечно, законъ равновѣсія потребностей, какъ соціальный и историческій законъ, осуществляется эволюціей, конъюнкціей и силами прогресса и чѣмъ ниже культура страны, тѣмъ меньше потребительнаго равновѣсія.

По выраженію одного миссіонера, ѣда для американцевъ-дикарей тоже, что напитки для пьяницъ Европы. Эти всегда жаждущія души умерли бы въ чашѣ мальвазіи, а дикарь—въ кострюлѣ съ мясомъ; тѣ только и говорятъ, что о пищѣ, эти только о ѣдѣ [57]).

Сравненіе вѣрное. Потребность пьянства можетъ объяснить намъ и характеръ обжорства дикаря. Это не произвольное, вызванное длиннымъ голодомъ, пожиранье, при полной беззаботности о завтрашнемъ днѣ. Пьянство есть лишь атавистическая потребность, основаніемъ которой служитъ обжорство первобытнаго человѣка. И проповѣдническія чайныя противъ атавизма пьянства не даромъ остаются безрезультатными.

На низшихъ ступеняхъ культуры отсутствіе организованности въ хозяйствѣ не могло не вызывать громадныхъ колебаній въ удовлетвореніи потребностей и соотвѣтствующаго различія въ интенсивности ихъ. Тогда и проявлялось вліяніе потребностей на весь строй жизни. Къ этому періоду относится законъ аббата Галіани объ отношеніяхъ между свободой и потребленіемъ.

„Всякое животное, которое отказывается отъ свободы или теряетъ ее, вмѣстѣ съ тѣмъ освобождается отъ заботы о своемъ продовольствіи. Всякое животное, которое пріобрѣтаетъ или возвращаетъ права на свободу, въ ту же минуту облагается заботою себя прокормить; этотъ законъ также общъ, какъ и вѣченъ“ [58]).

Но онъ, какъ видимъ общъ и вѣченъ—для животнаго, а не культурнаго состоянія. Освобождаясь отъ животнаго состоянія, человѣчество пріобрѣтаетъ права на свободу, такъ какъ каждый становился хозяиномъ своего труда, не завися въ потребностяхъ своихъ отъ заботъ о немъ другихъ людей.

Распредѣленіе фискальныхъ расходовъ можетъ служить показателемъ системы потребностей не только народа, но и индивидуума въ первое время его жизни. Государство—позднѣйшая эволюція и, какъ дикарь можетъ служить живой исторіей жизни первобытнаго человѣка, такъ государственное хозяйство можетъ служить иллюстраціей первобытной жизни индивидуума.

Если наприм. мы видимъ, что въ государственномъ расходномъ бюджетѣ на военные расходы идетъ 90% дохода, то мы имѣемъ право сказать, что и въ до-государственное время 90% заботъ человѣка составляли заботы о безопасности. Если и теперь государства, поглощенныя заботами о военныхъ успѣхахъ, не могутъ много удѣлять средствъ на духовныя нужды человѣка, то и первобытный человѣкъ долженъ былъ свести до минимума свои духовныя потребности. То, что теперь видимъ въ международныхъ отношеніяхъ, нѣкогда было общимъ явленіемъ въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ вообще.

Понятно почему эволюція человѣка въ догосударственный періодъ жизни была такъ страшно продолжительна. Весь человѣкъ былъ поглощенъ самообороной и нужно поражаться не тѣмъ, что эта эволюція продолжалась милліоны лѣтъ, но тѣмъ, что человѣкъ могъ уцѣлѣть въ страшной борьбѣ съ природой и другими людьми.

Понятно также, почему и въ государственномъ періодѣ жизни человѣкъ медленно эволюціонировался и совсѣмъ не прогрессировалъ. Вѣдь въ этотъ періодъ жизни онъ вошелъ съ потребностями и эмоціями, выработанными въ эпоху, которая по своимъ размѣрамъ равняется геологическимъ періодамъ. Онъ вошелъ съ инстинктами, привычками и понятіями существа, которое сохранило свою жизнь только на счетъ жизни другихъ. И новому строю приходилось измѣнять самую природу человѣка. Отсюда кровавый крестный путь культуры.

Всякій шагъ въ дѣлѣ умиротворенія народовъ ведетъ къ увеличенію культурнаго бюджета на счетъ военнаго и государство, становится непосредственно активнымъ факторомъ народной жизни.

Тутъ-то получаетъ громадное значеніе теорія, прекрасно развитая пр. Георгіевскимъ объ общественности, какъ факторѣ производства [59]).

Общественность имѣетъ такой же экономическій смыслъ, какъ машины и орудія. Она сокращаетъ издержки производства, увеличивая производительность населенія. Государственные налоги взимаются не съ труда, не съ капитала и не съ земли или вообще силъ природы, но съ продукта, создаваемаго ею же самою. Если въ изолированномъ состояніи человѣкъ производитъ въ день 10 единицъ, а при раздѣленіи труда 30 единицъ, то

очевидно, что государство, получая 10 единицъ продукта въ видѣ налога, взимаетъ налогъ съ той доли производства, которая создана раздѣленіемъ труда, не уменьшая доли, принадлежащей другимъ факторамъ. Но такимъ образомъ собранные налоги употребляются на дальнѣйшее развитіе общественности и такимъ образомъ создаются источники новыхъ налоговъ, не обременяющихъ плательщиковъ, но облегчающихъ ихъ экономическое положеніе. Необходимо только одно, а именно, чтобы доходы государства дѣйствительно расходовались на удовлетвореніе общественныхъ потребностей, имѣющихъ *производительное значеніе.*

Тамъ, гдѣ общественность получаетъ свое высшее завершеніе въ нормальной государственности, не можетъ быть и рѣчи о такихъ явленіяхъ, какъ голодъ, періодическіе неурожаи и т. п. бѣдствія, существованіе которыхъ служитъ достаточной иллюстраціей состоянія государства. Конечно, при этомъ состояніи будетъ неравенство интенсивности потребностей, ибо голодный прежде всего ищетъ хлѣба, забывая обо всемъ остальномъ. Но это и есть не нормальное положеніе. И врядъ ли даже послѣдователи ученія о потребностяхъ, какъ факторѣ прогресса, согласятся съ тѣмъ, что періодическія голодовки полезны, что онѣ ведутъ къ прогрессу. Самая періодичность ихъ лучшее опроверженіе этого стариннаго ученія.

Но если потребности не имѣютъ значенія двигательной силы, то откуда же борьба за существованіе? А между тѣмъ она лежитъ въ основѣ эволюціи, т. е. въ основѣ важнѣйшаго изъ процессовъ естественно-историческихъ.

Ученіе о потребностяхъ дѣйствительно лежитъ въ основѣ ученій о борьбѣ за существованіе, но не въ основѣ самой борьбы. Эта борьба прежде всего существуетъ въ мірѣ неорганическомъ, въ которомъ потребностей никто не предполагаетъ, между тѣмъ столкновеніе неорганическихъ силъ также ведетъ къ эволюціи въ неорганическомъ мірѣ, къ созиданію и разрушенію цѣлыхъ материковъ, къ созданію и перемѣнамъ въ климатѣ, въ физическомъ строеніи земли и т. д. Потребностей, какъ сознательныхъ стремленій къ удовлетворенію нуждъ, нѣтъ и въ растительномъ мірѣ, а между тѣмъ здѣсь не менѣе борьбы, чѣмъ и въ мірѣ животныхъ. Въ послѣднемъ мірѣ голодъ и половая любовь дѣйствительно являются главными мотивами борьбы за существованіе.

Но уже и между животными встрѣчаемъ общественную жизнь, совершенно подчиняющую своимъ интересамъ, интересамъ цѣлаго, личную жизнь. Таковы государства муравьевъ и пчелъ. Эти насѣкомыя работаютъ, руководясь исключительно соціальными, а не личными потребностями. Наконецъ у людей въ ихъ племенныхъ и родовыхъ союзахъ личность также исчезаетъ

и о личной работѣ по личнымъ мотивамъ не можетъ быть и рѣчи, что, впрочемъ, видимъ и теперь въ хорошихъ семьяхъ. Гдѣ же тутъ пресловутая борьба за существованіе? Для того, чтобы спастись отъ борьбы, люди вступаютъ въ союзы, исключающіе борьбу. На высшихъ ступеняхъ культуры государство дѣлаетъ то, что на низшихъ дѣлали кровные союзы. Оно исключаетъ борьбу, умѣряетъ ее, солидаризируетъ населеніе. Борьба есть, но она состоитъ въ ...борьбѣ съ борьбой.

И странное дѣло, въ то время, какъ наши русскіе дарвинисты (наприм. Тимирязевъ) только и говорятъ о борьбѣ за существованіе, видя въ ней всю сущность дарвинизма, самъ Дарвинъ, заимствовавшій ее у Мальтуса, говоритъ о ней фигурально, больше въ стиллистическихъ цѣляхъ, для лучшей иллюстраціи мысли, чѣмъ въ научныхъ. Какъ представитель настоящей науки, онъ въ борьбѣ за существованіе видѣлъ лишь обобщеніе, принимая этотъ терминъ въ широкомъ смыслѣ, относя сюда наприм. трудъ и т. п. Свою систему эволюціи онъ обосновываетъ не на борьбѣ за потребности, но за жизнь вообще и главнымъ образомъ на реальномъ и дѣйствительно могучемъ законѣ „естественнаго отбора“, который неправильно переводятъ у насъ наши дарвинисты словомъ подборъ. Подбора эволюція не знаетъ, но она знаетъ отборъ всего того, что не годится для конъюнкціи, что не выдерживаетъ суровыхъ условій жизни. И побѣждаетъ не сильнѣйшій, какъ думалъ Ламаркъ и противъ чего особенно рѣзко вооружается Дарвинъ, но побѣждаетъ, точнѣе говоря, „переживаетъ“ наиболѣе приспособленный. Такъ слабое насѣкомое, забравшись на зиму подъ глубокій слой листьевъ, остается въ живыхъ, между тѣмъ какъ его здоровый и сильный сородичъ, понадѣявшійся на свое здоровье и оставшійся зимовать подъ легкой корой дерева, погибаетъ. Какая же тутъ борьба за потребности? Такъ и слабый физически человѣкъ, соединившись въ кровный союзъ, сообща собираетъ плоды на зиму, сообща потребляетъ ихъ и переживаетъ тѣхъ могучихъ и здоровыхъ индивидуалистовъ, которые не пожелали ограничить свои личные интересы интересами другихъ. Гдѣ же тутъ борьба? Видѣть борьбу въ спасеніи отъ нея врядъ ли согласно со здравымъ смысломъ. И вся система научнаго дарвинизма состоитъ не въ законѣ борьбы за существованіе, какого закона нѣтъ, но въ великомъ законѣ эволюціи — *переживанія наиболѣе приспособленныхъ къ данной конъюнкціи.*

То, что называемъ борьбой, есть чисто животное состояніе, дѣйствительно коренящееся въ голодѣ и половой потребности. Но изъ этого состоянія человѣкъ нашелъ спасеніе въ соціальномъ строѣ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе освобождается. Когда человѣкъ отымаетъ жизнь у ближняго, съѣ-

даетъ его или когда онъ превращаетъ его въ раба, тутъ дѣйствительно борьба и эксплоатація побѣжденныхъ. Но такое положеніе отношеній не законъ ужъ потому, что оно исчезаетъ и замѣняется или человѣчностью или сознательнымъ хозяйствомъ. Конечно, въ хозяйственной жизни болѣе талантливые, производя съ меньшими затратами, выигрываютъ, между тѣмъ какъ слабые, неразумные хозяева теряютъ. Но это опять-таки не борьба, а „переживанье“ наиболѣе приспособленныхъ, т. е. законъ эволюціи. Съ другой стороны и болѣе талантливые и совсѣмъ слабые въ большинствѣ случаевъ имѣютъ одинаковыя потребности, а производительность у нихъ не одинакова. Еще новое указаніе на то, что производительность не опредѣляется потребностями. Не нужда заставляетъ человѣка работать. Даже не „духовная жажда“ заставляетъ его всю жизнь дѣйствительно „въ потѣ лица своего“ искать истину, изслѣдовать, изучать, описывать и т. п. А еще менѣе можно говорить въ этомъ случаѣ объ „умственныхъ наслажденіяхъ“. Тернистый путь не есть путь наслажденій [60]).

Но потребности, *давая направленіе* работѣ, несомнѣнно лежатъ въ этомъ смыслѣ въ основѣ всякаго труда.

Такъ *соціализація* индивидуальныхъ потребностей съ каждымъ годомъ, особенно начиная съ XIX в., все болѣе и болѣе проникаетъ во всѣ отдаленные уголки, заставляя атрофировать личныя потребности и приневоливая каждаго довольствоваться однообразными соціальными заказами. Происходитъ это безъ всякихъ предписаній свыше, безъ всякой регламентаціи со стороны государства или общества. Личность въ своей жизни и дѣятельности свободно избираетъ путь, но путь этотъ на дѣлѣ всегда оказывается кратчайшимъ. А кратчайшій путь въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей состоитъ съ одной стороны въ экономіи средствъ, а съ другой въ экономіи самихъ потребностей соотвѣтственно экономіи средствъ. Экономія средствъ требуетъ, чтобы человѣкъ довольствовался дешевымъ платьемъ, но дешевое платье можетъ быть лишь тогда, когда оно производится въ большихъ количествахъ, а послѣднее въ свою очередь становится возможнымъ лишь тогда, когда производитель производитъ не для индивидуальнаго потребителя, но для массы или для цѣлыхъ категорій производителей. Индивидуальная потребность сокращается, подчиняясь общественной. При заказѣ ремесленнику потребитель имѣлъ платье вполнѣ отвѣчающее его индивидуальной потребности. При покупкѣ у торговца готовымъ платьемъ онъ свой вкусъ подчиняетъ требованіямъ рынка.

Современная соціализація потребностей производитъ настоящую революцію въ производствѣ и вообще въ народной экономіи. Соціальныя потребности, возникшія съ централизаціей населенія въ городахъ и также съ усовершенствованіемъ путей сообщенія,

приблизившихъ потребителей къ производителемъ, вызвали къ жизни массовое производство, потребовавшее концентраціи массы рабочихъ въ одномъ мѣстѣ, содѣйствовали широкому раздѣленію между ними труда и всевозможнымъ техническимъ изобрѣтеніямъ. Онѣ же вызвали къ жизни тѣ классическіе экон. принципы, которые долго отождествлялись съ наукой и которые лежали и до сихъ поръ лежатъ въ основѣ нашего экономическаго строя.

По словамъ К. Бюхера, сильное скопленіе людей въ большихъ городахъ, большія арміи, крупныя государственныя и общественныя учрежденія, обширныя транспортныя предпріятія и т. п. явились центрами массоваго спроса и вызвали современную промышленность. Тому же содѣйствовали и задачи современной культуры. Потребовалось изготовленіе локомобилей, скоропечатныхъ машинъ и т. д., для чего въ свою очередь потребовались механическія приспособленія огромной силы и массы рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и спросъ на промышленный трудъ не только сосредоточился по мѣстности и сконденсировался въ крупныя производительныя задачи, но сталъ также однороднѣе и пріобрѣлъ болѣе массовой характеръ. Въ наше время замѣтна тенденція къ нивелировкѣ, сглаживающей различія жизненныхъ привычекъ и обычаевъ разныхъ слоевъ населенія. Народные костюмы почти исчезли, обстановка квартиры, кухни стала богаче, но однообразнѣе [61]).

Мода дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, совершенно соціализируя индивидуальныя потребности и превращая массы людей въ особаго рода стада, живущія даже не стадною, а модною жизнью. Мода поражаетъ не только женщинъ. Она поражаетъ всѣхъ, проникая въ самые скромные уголки жизни. Такъ по замѣчанію К. Бюхера, „вышли изъ моды оловянныя тарелки и чашки, которыя имѣлись почти въ каждомъ хозяйствѣ, какъ городскомъ, такъ и крестьянскомъ. Ихъ мѣсто заняли фарфоръ и фаянсъ и вслѣдствіе этого оловяное ремесло почти совсѣмъ потеряло почву подъ ногами“.

Соціализація потребностей въ настоящее время должна быть признана общимъ явленіемъ, а индивидуализація исключеніемъ, и при томъ все болѣе и болѣе рѣдкимъ. Ремесло, т. е. производство для индивидуальнаго потребителя, конечно, не исчезаетъ совсѣмъ, но все болѣе становится рѣдкостью, доступною или самымъ бѣднымъ (шитье свитокъ по деревнямъ) или самымъ зажиточнымъ людямъ (шитье платья у портныхъ по заказу).

Если же такъ, то какое же значеніе можетъ имѣть въ примѣненіи къ современному строю доктрина, доказывающая, что двигателемъ экономическаго прогресса являются личныя потребности? Если еще можно было согласиться съ тѣмъ, что дикарь

подъ вліяніемъ голода занимается охотою или выращиваетъ зерно, то подобная теорія можетъ быть приложима къ дикарю, а не современному культурному человѣку. Гробовщикъ приготовляетъ гробы не для собственныхъ похоронъ и не нужда въ гробахъ заставляетъ его работать. *Чужія потребности даютъ направленіе его труду*, а это совсѣмъ не то, о чемъ принято говорить сторонниками ученія о потребностяхъ, какъ двигателѣ прогресса. Потребность считается побужденіемъ къ труду и чѣмъ настоятельнѣе и выше она, тѣмъ энергичнѣе трудъ. Это и есть заблужденіе. Не потребность или ея интенсивность управляетъ трудомъ, воспитываетъ его, содѣйствуетъ его эволюціи. И это къ сожалѣнію, потому что вопросъ о ростѣ въ странѣ трудовой энергіи рѣшался бы очень просто—*усиленіемъ въ ней бѣдствій и нужды.*

Но и *чужая потребность* не управляетъ трудомъ, послѣдній только направляется ею къ опредѣленной задачѣ, точнѣе говоря *служитъ объектомъ для оперированія силы.* Кто изъ производителей современныхъ культурныхъ странъ работаетъ *для личныхъ потребностей?* Также мало работаютъ для личныхъ потребностей, какъ и для потребностей другихъ. Въ дѣйствительности также мало царствуетъ эгоизмъ, какъ мало царствуетъ и альтрюизмъ. *Общественныя, соціальныя силы работаютъ, а не индивидуальныя.* Посмотрите на американскихъ милліардеровъ, они милліардной долей своихъ капиталовъ не пользуются для личныхъ или иныхъ потребностей. А все таки работаютъ.

Сводя всю дѣятельность человѣка къ потребностямъ, экономисты естественно попали въ теоретическій тупикъ: что же дѣлать людямъ, когда всѣ ихъ потребности не только удовлетворены, но и удовлетвореніе ихъ обезпечено на сотни лѣтъ собраннымъ уже капиталомъ? Остается ничего не дѣлать, не проявлять никакой энергіи, а спокойно дожидаться смерти? Но этого нигдѣ нѣтъ и не было. Люди совершенно обезпеченные продолжаютъ работать и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается съ экономической точки зрѣнія странное явленіе: чѣмъ обезпеченнѣе человѣкъ, тѣмъ продуктивнѣе его работа и тѣмъ больше онъ работаетъ. Очевидно, въ самомъ корнѣ экономисты попали въ заблужденіе, въ силу котораго теорія ихъ разошлась съ фактами жизни.

Экономисты задумали создать свой собственный міръ, назвавъ его экономическимъ. Для этого даже придумали особаго, ими же созданнаго человѣка, который обязанъ былъ руководиться въ своей дѣятельности только однимъ эгоизмомъ и соотвѣтственно съ этимъ только лишь матеріальными потребностями. Человѣкъ—эгоистъ, человѣкъ—матеріалистъ подчиненъ у нихъ только грубо животнымъ инстинктамъ, которымъ не подчинены даже стадныя животныя. Наприм., свиньи знаютъ потребности сочувствія и жертвуютъ собою, спасая свинью, попавшую къ врагу и взываю-

щую о помощи. Понятно, что съ такимъ человѣкомъ, который даже ниже свиньи, науки о человѣкѣ не могли создать.

Ошибка въ методѣ. Не слѣдовало создавать человѣка, слѣдовало изучать его, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. И прежде всего необходимо было примѣнить къ человѣку общіе законы эволюціи, которымъ въ извѣстной до-сознательной стадіи подчинено все живое, всѣ растенія и всѣ животныя.

Какъ видимъ, проблемма потребностей не можетъ быть отнесена къ частной или личной сферѣ. Это вопросъ народно-экономическій и государственный въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ.

Рескинъ единственный изъ экономистовъ, обратившій вниманіе на необходимость *воспитанія потребителя*. „Лошадь, говоритъ онъ, не будетъ для насъ богатствомъ, если мы не умѣемъ ѣздить на ней; а также и картина, если мы не умѣемъ смотрѣть на нее; вообще никакая благородная вещь не можетъ быть богатствомъ ни для кого, кромѣ какъ для высоко-развитой личности. По мѣрѣ того, какъ возрастаютъ способности потребителя, увеличивается дѣйствительная цѣнность предмета; во всей полнотѣ она можетъ существовать лишь при доведенномъ до совершенства искусствѣ пользованія и при полномъ природномъ соотвѣтствіи“ [62]).

Приведя эти слова Д. Гобсонъ замѣчаетъ, что „только въ настоящее время еще начинаетъ выясняться въ умахъ наиболѣе просвѣщенныхъ политико-экономовъ, что благосостояніе страны можетъ возвышаться въ такой же мѣрѣ воспитаніемъ потребителя, какъ и возрастаніемъ искусства производителя“ [63]).

Эта идея заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія. О потребностяхъ никто не заботится. Здѣсь все предоставлено или слѣпому случаю, или естественнымъ законамъ, или интересамъ производителей. Въ дѣйствительности извращенныя понятія о потребленіи являются серьезнымъ источникомъ народныхъ бѣдствій. Такъ у насъ наприм., льняныя и конопляныя одежды оставлены подъ вліяніемъ мнимой дешевизны бумажныхъ фабрикатовъ, въ дѣйствительности теряетъ населеніе: 1) проводя праздно зимнее время и 2) нося бумажную одежду годъ, вмѣсто 3 и 4 лѣтъ собственнаго издѣлія. При извѣстномъ уровнѣ умственнаго развитія человѣкъ не думаетъ о будущемъ и увлекается минутой, за что и плотится въ будущемъ нуждой, а часто и нищетой. Въ подобныхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о низшихъ стадіяхъ мышленія, необходимо руководительство классовъ, уже перешедшихъ эти стадіи жизни дикарей. Руководительство можетъ состоять не только въ одномъ общемъ умственномъ развитіи, но и въ прямомъ покровительствѣ наиболѣе полезному потребленію поощреніемъ производства произведеній льна и конопли, устройствомъ общественныхъ фабрикъ для обработки, наградами на выставкахъ

за лучшіе образцы какъ обработки, такъ и культуры на поляхъ и т. п. Мы уже и не говоримъ о содѣйствіи развитію въ странѣ духовныхъ потребностей.

VIII. Эмоціи.

„Творю не еже хощу, но еже не хощу, сіе содѣваю. Вижду инъ законъ, противовоюющъ законамъ ума моего".

Въ этихъ прекрасныхъ словахъ ап. Павла ясно и точно высказывается сущность эмоцій, какъ стремленій, не зависящихъ отъ воли и подчиняющихъ себѣ волю, какъ источниковъ энергіи, не зависящихъ отъ сознанія и часто подчиняющихъ себѣ сознаніе [1]).

Въ растительномъ и животномъ мірѣ это своего рода безсознательная цивилизація.

По вѣрному замѣчанію Л. Мечникова, культура и искусство существовали на землѣ уже до появленія человѣка, хотя бы у бобровъ. Самые отсталые народы все же обладаютъ зачатками культуры.

Безсознательная, но вполнѣ разумная соціальность существуетъ во всемъ растительномъ и животномъ мірѣ. Такъ наприм. многія птицы кормятъ птенцовъ сокомъ, выдѣляющимся изъ клюва самца или самки. По выраженію А. Эспинаса, это механическій, рефлективный актъ организма. Кормленіемъ птицы освобождаются отъ накопившагося вещества. Также рефлекторно дѣйствуютъ самки, кормя своею грудью дѣтей. Саланганы строятъ даже свои гнѣзда такими выдѣленіями вещества. „Яйца и гнѣзда многихъ рыбъ приклеиваются выдѣляемой ими слизью лишь во время кладки яицъ и вылупленія изъ нихъ дѣтенышей. Процессъ выдѣленія этой слизи не зависитъ отъ ихъ воли, онъ требуетъ предустановленнаго органическаго механизма, переданнаго по наслѣдству [2]).

Согласно съ этимъ, мы должны сказать, что въ мірѣ растеній и животныхъ существуетъ чисто механическая цивилизація, своего рода цивилизація безсознательнаго. Но... она же, эта безсознательная философія, лежитъ и въ основѣ человѣческой культуры. Основные двигатели нашей дѣятельности лежатъ внѣ сознанія, даже управляютъ самимъ сознаніемъ, руководятъ имъ, вселяя въ душу человѣка такъ называемыя убѣжденія, вѣрованія, надежды.

Пр. Петаржицкій ученіе о безсознательныхъ мотивахъ выясняетъ на голодѣ.

Обыкновенно голодъ называютъ или ощущеніемъ или чувствомъ и говорятъ, что страданія, вызываемыя голодомъ, и представляютъ собою импульсъ движенія, мотивъ поведенія. Но „го-

лодъ—аппетитъ есть не ощущеніе и не чувство, а явленіе особаго рода, не подходящее вообще ни подъ одну изъ существующихъ психологическихъ рубрикъ, и представляющее съ одной стороны своеобразное, отличное, какъ отъ ощущеній, такъ и отъ чувствъ, претерпѣваніе (пассивное, страдательное въ общемъ смыслѣ переживаніе, pati), а съ другой стороны, своеобразное внутреннее понуканіе, позывъ, appetitus (стремленіе къ...) и могущее быть охарактеризованнымъ, какъ страдательно-моторное, пассивно-активное переживаніе или какъ моторное раздраженіе, импульсивное возбужденіе“ [3]).

И дѣйствительно, голодъ не есть чисто недоѣданіе, ибо чѣмъ сильнѣе недоѣданіе, тѣмъ больше долженъ быть бы голодъ, а между тѣмъ послѣ извѣстной степени напряженія наступаетъ при голодѣ апатія. И вѣрно также, что недоѣданіе не всегда есть страданіе, ибо l'appetit vient en mangeant: аппетитъ возростаетъ по мѣрѣ ѣды...

Поэтому приходится признать голодъ специфическимъ возбудителемъ къ отысканію средствъ питанія, не зависящимъ ни отъ сознанія, ни отъ ощущенія или чувства пріятности или страданій. Это независящій отъ нашего я возбудитель. На оборотъ, онъ возбуждаетъ наше я. По замѣчанію Л. Петражицкаго, онъ направляетъ *вниманіе* на предметы питанія, повышаетъ воспріимчивость внѣшнихъ органовъ, служащихъ дѣлу питанія, вызываетъ соотвѣтственныя физіологическія измѣненія въ области нервной системы, а также въ железахъ и мускулахъ.

Вообще голодъ „имѣетъ тенденцію превращать организмъ на время въ аппаратъ, спеціально приноровленный къ дѣлу успѣшнаго питанія“ [4]).

Механическій возбудитель дѣйствуетъ даже при отсутствіи голода. Такъ сытая кошка ловитъ мышей, играетъ съ жертвой и бросаетъ ее, какъ ненужную вещь.

Это показываетъ, что возбудитель, выработанный вѣковой эволюціей, дѣйствуетъ и при измѣнившихся условіяхъ. Чѣмъ дольше онъ вырабатывался, тѣмъ больше его внутренняя сила.

Самую разницу между охотой и трудомъ въ земледѣліи или фабрикѣ можно объяснять тѣмъ, что охотничьи возбужденія—продукты множества тысячелѣтій естественнаго подбора, приспособленія и дифференціаціи. Пастушескія и земледѣльческія моторныя возбужденія продукты сравнительно весьма кратковременныхъ процессовъ культурнаго приспособленія.

Пр. Петражицкій основательно видитъ въ сужденіяхъ также „эмоціональные акты“ [5]). Эти эмоціи въ существѣ представляютъ собою основную причину споровъ, доходящихъ до истребленія противниковъ. И не только тамъ, гдѣ есть мѣсто интереса,

но и въ чистой математикѣ возможны споры, на основаніи безсознательныхъ эмоцій къ отрицанію или положенію [6]).

Главнымъ источникомъ нашихъ эмоцій служатъ соціально-историческія причины.

Каждый человѣкъ представляетъ собою могилу, въ которой похоронены его предки. Но въ отличіе отъ обыкновенной могилы, въ человѣкѣ покойники живутъ и нѣтъ такого осиноваго кола, которымъ можно было бы заставить живыхъ мертвецовъ уснуть на вѣки. Покойники, конечно, не могутъ сами дѣйствовать, но они заставляютъ дѣйствовать насъ сообразно своимъ потребностямъ.

Вотъ страстный охотникъ. Онъ жертвуетъ всѣмъ своимъ состояніемъ и всѣмъ достояніемъ для удовлетворенія своей страсти. Онъ считаетъ свою страсть благороднѣйшимъ въ мірѣ занятіемъ и возмущается тѣмъ, что другіе не понимаютъ этой страсти. Онъ даже не ѣстъ дичи. Онъ убиваетъ только для того, чтобы даже не убивать, а чтобы охотиться. Онъ вовсе не кровожаденъ.

И кошка, насыщенная хорошимъ кормомъ, охотится за мышью, играетъ со своей жертвой, выпускаетъ ее изъ цѣпкихъ лапъ и снова ловитъ, пока не замучитъ несчастнаго звѣрька, руководствуется тѣмъ же возбудителемъ, полученнымъ ею въ наслѣдство отъ предковъ.

Много тысячелѣтій человѣкъ жилъ охотой. Для него охота была необходимостью, она давала ему питаніе. Теперь объ этомъ времени мы знаемъ лишь по старымъ преданіямъ и уже очень не много людей на земномъ шарѣ, которые жили бы охотой. Тѣмъ не менѣе охота увлекаетъ и самаго культурнаго человѣка. Мало того; какъ въ старину каждый охотникъ убивалъ соперниковъ, такъ и еще недавно для цѣлей охоты сгонялись съ своихъ земель мирные земледѣльцы и пахатныя поля превращались въ охотничьи парки. Въ теченіи тысячелѣтій охотничьей жизни выработалась *эмоція* къ охотѣ. То, что было средствомъ къ удовлетворенію потребности въ питаніи, превратилось само въ эмоцію, не менѣе сильную, чѣмъ самая потребность въ питаніи. И культурный человѣкъ кровожадничаетъ, не будучи кровожаднымъ. Онъ исполняетъ не свою волю, но волю предковъ, оставившихъ свою душу въ его душѣ, свое тѣло въ его тѣлѣ, свою кровь въ его крови. И онъ подчиняется голосу покойниковъ, хотя бы велѣнія ихъ противорѣчили его сознанію и его чувству.

Это „инъ законъ“—законъ, диктуемый мертвецами, похороненными въ живомъ человѣкѣ. И этихъ иныхъ законовъ, противовоюющихъ законамъ живого я, какъ мертвое противовоюетъ живому, въ тѣлѣ и душѣ человѣка едва ли не больше, чѣмъ законовъ разума и свободы.

Въ свое время и для своего времени всѣ они были закономъ разума и свободы.

Такъ въ охотничій періодъ жизни человѣка тотъ, кто отличался наибольшею *склонностью* къ охотѣ, имѣлъ наиболѣе шансовъ въ жизни, имѣлъ много пищи для себя и своихъ. Эта склонность передавалась имъ по наслѣдству; такъ какъ не имѣвшіе ея имѣли меньше шансовъ остаться въ живыхъ. Она же укрѣплялась самою жизнью, воспитаніемъ съ дѣтства; вообще жизненною необходимостью. Она была вполнѣ цѣлесообразна, а слѣдовательно и разумна.

Но прошли вѣка и тысячелѣтія. Строй жизни совершенно измѣнился. Люди занялись земледѣліемъ и промышленностью. Инымъ условіямъ жизни понадобились иныя склонности. Но въ человѣкѣ живы умершія идеи, въ немъ слышатся замогильные голоса. У однихъ больше, у другихъ меньше. И мы видимъ дѣйствительно культурныхъ людей съ инстинктами сытаго кота, охотящагося за несчастной мышью, убивающаго эту мышь и за тѣмъ за не надобностью бросающаго трупъ и предпринимающаго новую погоню за трупомъ же.

Инстинктивная потребность создаетъ и свою идеологію. Охотникъ въ древности гордился своими полезными трофеями; гордилось имъ и племя, которое кормилось добычей ловкаго звѣролова. Оно его украшало лавровыми вѣнками, какъ героя, какъ выдающагося общественнаго дѣятеля. Теперь культурный охотникъ также ищетъ славы и создаетъ ее въ убѣжденіи, что охота— есть признакъ хорошей породы. И это правда. Она признакъ хорошихъ въ свое время людей, промышлявшихъ охотой, т. е. убійствомъ.

Очевидно, инстинктъ, какъ безсознательная потребность, въ концѣ концовъ покоряетъ себѣ не только волю и чувство, но также и сознаніе человѣка. Другими словами, покойники вполнѣ завладѣваютъ живымъ человѣкомъ. Онъ творитъ не свою волю, но волю труповъ. Онъ чувствуетъ радости и муки труповъ, считая ихъ собственными радостями и муками. Наконецъ и мысль не его, а этихъ же тысячелѣтія тому назадъ похороненныхъ предковъ.

Люди гордятся тѣмъ, что имѣютъ въ документахъ своихъ предковъ. Наивное тщеславіе. Въ дѣйствительности предки не по документамъ числятся, но въ крови и душѣ живыхъ. И нѣтъ такого человѣка, у котораго не было бы своихъ предковъ, связывающихъ его по рукамъ и ногамъ, связывающихъ его на всю жизнь—отъ рожденія, до могилы. Къ несчастію, нѣтъ утѣшенія и въ послѣдней. Ибо и могилой нынѣшняго живого человѣка являются наши же дѣти, откуда мы также будемъ выходить на свѣтъ и волить-неволить человѣчество.

Греческій философъ однажды спросилъ Пирра, что онъ будетъ дѣлать, когда покоритъ Италію? „Я завоюю Сицилію“.—А послѣ Сициліи?—Африку.—А когда вы завоюете весь міръ?—Тогда, любезный философъ, мы можемъ хохотать и жить въ собственное удовольствіе. — Прекрасно, возразилъ философъ, для чего же откладывать дѣло, почему не начать жить теперь же?

Конечно Пирръ не обратилъ никакого вниманія на философскій совѣтъ, не смотря на всю логическую основательность его. Имъ руководили *эмоціи*, какъ наклонности, лежащія по ту сторону сознанія, по ту сторону добра и зла, по ту сторону истины и заблужденія. Происхожденіе ихъ таково же, какъ и происхожденіе сознанія, происхожденіе логики—т. е. тайна созданія.

И велика истина въ словахъ: не хлѣбомъ однимъ живъ человѣкъ. 99% наклонностей выше матеріальныхъ нуждъ и люди готовы голодать, но не откажутся отъ удовлетворенія ихъ, не займутся дѣлами личнаго удовольствія и не бросятъ завоеванія міра. Даже въ самомъ трудѣ добыванія хлѣба почти всегда проявляются не поиски хлѣба, но удовлетвореніе этихъ не матеріальныхъ потребностей. Земледѣлецъ работаетъ съ утра до ночи, добывая лишь черствый хлѣбъ. Но предложите ему самую роскошную жизнь въ одиночной тюрьмѣ и онъ сойдетъ съ ума, если согласится на это, и также сойдетъ съ ума, если вы насильно заключите его въ роскошнѣйшую въ мірѣ одиночку. Экономическая нирвана—это смерть человѣка.

Говорятъ, что наши князья въ удѣльномъ періодѣ изъ за личнаго интереса воевали. Но вотъ предъ нами Святославъ Игоревичъ. Всю жизнь онъ провелъ въ походахъ, ничѣмъ не отличаясь отъ своей дружины. Не возилъ съ собой повозокъ съ пищей и питьемъ. Не возилъ даже котла для варки мяса, а изрѣзавъ конину или звѣрину, жарилъ на угляхъ. Не было съ нимъ даже шатра, чтобы укрываться отъ непогоды. Такова была и вся дружина его. Для чего же бился, для какой цѣли велъ жизнь подвижника-воина?

Нашъ лучшій историкъ, И. Забѣлинъ въ этой неугомонной дѣятельности готовъ видѣть своего рода атавизмъ кочевого быта. По его мнѣнію, „Святославовы обычаи прямо переносятъ насъ въ бытъ кочевниковъ, какими обыкновенно представляются, наприм., Роксоланы и Унны. Военныя дружины, которыхъ только и знали древніе писатели, конечно, всегда въ ихъ глазахъ являлись кочевниками и потому Святославъ необходимо долженъ быть причисленъ къ тѣмъ же кочевникамъ, какимъ былъ и Аттила“ [7]).

Но въ такомъ же смыслѣ необходимо назвать кочевниками и всю удѣльную Русь. Вѣдь князья то и дѣло, что отражали или нападали. И потомъ внѣшняя исторія Россіи вплоть до послѣдняго времени также является вѣчно воюющей.

Но идея г. Забѣлина вѣрна. Необходимо лишь назвать мотивъ не эмоціей кочевого быта, но той высшей эмоціей духа, проявленіемъ котораго и былъ самый кочевой бытъ. Это безпокойный духъ эфемериднаго сына вѣчности, котораго ничто окружающее и достигнутое не могло удовлетворить. Это тотъ духъ, который ищетъ покоя только въ буряхъ, для котораго гроза и молнія—нѣчто родное, а стоячее болото вызываетъ лишь чувство отвращенія. И какъ есть любители стоячихъ болотъ, весело квакающіе въ нихъ всю свою маленькую жизнь, такъ есть и обыватели среди грозъ и молніи, чувствующіе себя только въ этой сферѣ хотя слабо удовлетворенными.

Поучительной иллюстраціей коллективныхъ эмоцій служатъ современные кочевые народы, своего рода народы-кометы.

Народы-кометы до сихъ поръ въ соціальномъ и психическомъ отношеніяхъ мало изслѣдованы. О нихъ мы знаемъ даже меньше, чѣмъ объ астрономическихъ кометахъ. Происхожденіе послѣднихъ болѣе или менѣе извѣстно, между тѣмъ какъ появленіе кометарныхъ народовъ остается полнѣйшей загадкой. Остается поэтому извѣстнымъ объяснять аналогичное, но не извѣстное. По всей вѣроятности при осѣданіи до тѣхъ поръ вѣчно двигавшихся народовъ отдѣлились наиболѣе консервативные элементы и, соединившись въ группы, продолжали вести прежній образъ жизни. Столкновеніе ихъ съ новыми условіями и начавшіяся отсюда преслѣдованія еще болѣе содѣйствовали сплоченію подъ старымъ знаменемъ кочевья. Прежнія эмоціи получили новый толчекъ къ росту въ окружающихъ стѣсненіяхъ и интенсивность ихъ дѣлалась прямо пропорціональною противодѣйствіямъ. По всей вѣроятности именно такъ образовались соціальныя кометы, блуждающія до сихъ поръ среди самыхъ культурныхъ народовъ, каковы наприм. цыгане. Кто еще полагаетъ, что нѣтъ соціальной или племенной души, эхомъ которой служитъ индивидуумъ, тотъ пусть обратитъ свое вниманіе на психику цыганъ. Каждый изъ нихъ въ буквальномъ смыслѣ слова соціально-психическій автоматъ, творящій не свою волю, но волю племени, волю духа своего народа. Быть можетъ, въ основѣ этой зависимости лежатъ матеріальныя причины, каковы единство крови и единство средствъ питанія, но не малое значеніе необходимо приписать и соціальнымъ причинамъ, въ особенности соціальному гипнозу. Гипнозъ начинаетъ дѣйствовать съ перваго дня рожденія и поддерживается всю жизнь взаимнымъ вліяніемъ. И если горбатыхъ теперь не одна могила исправляетъ, то автоматовъ, созданныхъ соціальнымъ гипнозомъ, при настоящемъ состояніи знаній исправить нѣтъ никакой возможности. Какъ не устраивайте жизнь цыгана, его будетъ тянуть непреодолимая сила къ жизни племени. Онъ броситъ богатство, оставитъ роскошь, отецъ или мать бро-

ситъ дѣтей и пойдетъ странствовать и бѣдствовать со своимъ племенемъ. Ни суровыя кары, ни соблазны роскошной жизни, ни привязанности семьи, ни высокія идеи науки не въ силахъ бороться съ кометарными эмоціями, превращающими личность въ эхо племенной крови и племенного духа.

По словамъ А. Кауфмана, у насъ „переходъ кочевниковъ къ осѣдлости и земледѣлію отнюдь не имѣетъ своимъ непремѣннымъ слѣдствіемъ сокращенія размѣровъ скотоводства. Но если между земледѣліемъ и скотоводствомъ въ этомъ смыслѣ нѣтъ антагонизма, то существуетъ антагонизмъ понятій, привычекъ и интересовъ тѣхъ изъ кочевниковъ, которые уже въ большей или меньшей мѣрѣ совершили переходъ къ осѣдлости и земледѣлію, и тѣхъ, которые пока еще остаются при кочевомъ бытѣ и хозяйствѣ; и отсюда тяжелая, иногда принимающая острыя формы борьба между отживающимъ и нарождающимся типомъ хозяйства“ [8]).

Дѣло въ томъ, что новые земледѣльцы усвоили понятіе объ ограниченіи владѣнія, о собственности, а старые кочевники держатся старыхъ идей о пастьбѣ скота вездѣ. Приверженцамъ старыхъ идей новыя представляются чѣмъ-то ужаснымъ и они производятъ потравы, насилія надъ представителями новыхъ теченій. Такія „потравы, сплошь и рядомъ, принимаютъ характеръ совершенно разорительный для осѣдающихъ киргизъ и гибельный для ихъ зарождающагося земледѣлія. Есть указанія на случаи, когда постоянныя и весьма вѣроятно въ значительной степени намѣренныя потравы ведутъ и къ совершенному прекращенію зарождавшагося хлѣбопашества“.

Еще хуже дѣло на Закавказьѣ. Здѣсь вооруженное населеніе съ оружіемъ отстаиваетъ свои права.

Но почти всякое измѣненіе культуры сопровождается такой же борьбой стараго съ новымъ, одной психики съ другой. Переходъ отъ трехполья къ плодосмѣну встрѣчается массой населенія враждебно и даже потребовалъ законодательнаго воспрещенія въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краяхъ въ видѣ оставленія „толоки“, т. е. закономъ предписывается сохраненіе трехполья. Нашъ законъ сталъ прямо и откровенно на сторонѣ старой, дикой психики и узаконена трехпольная система, которую агрономы назвали с.-хозяйственной чумой.

Громадное значеніе народныхъ безсознательныхъ мотивовъ, какъ инстинктовъ, прекрасно понимаютъ вожаки революціи. „Сила революціи, писалъ Лассаль къ Марксу, состоитъ въ ея *одушевленіи*, въ непосредственномъ довѣріи идеи къ своей собственной силѣ и безконечному значенію. Но одушевленіе есть—именно непосредственная увѣренность во всемогуществѣ идеи—прежде всего абстрактное игнорированіе конечныхъ средствъ къ ея дѣйствительному осуществленію“. „Великая французская рево-

люція 1792 года, побѣдившая при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, побѣдила только потому, что поняла и разсудила отбросить въ сторону разсудокъ. Здѣсь лежитъ тайна силы крайнихъ партій въ революціяхъ. Здѣсь лежитъ и тайна того, почему инстинктъ массъ въ революціяхъ обыкновенно настолько превышаетъ пониманіе образованныхъ людей. „И чего не видитъ разсудокъ разсуждающаго, то дѣлаетъ“. Именно недостатокъ образованія, присущій массамъ, предохраняетъ ихъ отъ подводнаго камня хитроумнаго поведенія.—„Революціи можно дѣлать лишь при помощи массъ и ихъ страстной преданности“ [9]).

И самъ Марксъ также разсчитывалъ не на сознаніе его принциповъ соціализма, а на *чувство* солидарности, которое должно развиться въ рабочемъ классѣ подъ вліяніемъ концентраціи капиталовъ, что въ концѣ-концовъ механически должно привести къ „экспропріаціи экспропріаторовъ“.

Въ самой душѣ агитаторовъ лежитъ именно эта безсознательная сила. Н. С. Русановъ правъ, говоря *о самолюбіи* Маркса и Лассаля. „У Маркса оно носитъ болѣе абсолютный характеръ. Азъ есмь азъ, я—Марксъ, а то, что нашла моя непогрѣшимая мысль, есть истина; то, въ чемъ я вижу своимъ проницательнымъ взглядомъ пользу для общаго дѣла, есть единственная политика“. „У Лассаля гигантское самолюбіе, опиравшееся на сознаніе своего превосходства надъ людьми, носило характеръ болѣе мелкаго самообожанія“ [10]).

Самолюбіе въ формѣ тщеславія есть эмоція, вырабатываемая подборомъ на почвѣ соперничества. Наиболѣе сильные побѣждаютъ и пользуются побѣжденными плѣнными и восхищеніемъ соплеменниковъ, которымъ полезны ихъ дѣянія. Это вызываетъ соревнованіе и появляется тщеславіе, какъ одинъ изъ могучихъ мотивовъ къ дѣятельности. Кто по наслѣдству или подъ дѣйствіемъ среды пораженъ этой моральной болѣзнью—гипнозомъ, тотъ проявляетъ чудеса храбрости и труда, хотя всѣ его дѣйствія ничѣмъ не отличаются отъ дѣйствій лунатика.

Анархистъ Сергѣй Кравчинскій въ письмѣ къ Петру Лаврову говорилъ: „Никогда еще въ исторіи не бывало примѣра, чтобы революція начиналась ясно, сознательно, „научно“, какъ вы ждете отъ самой великой и трудной изъ всѣхъ—революціи соціальной. И 89-й, и 48-й годъ, и коммуна начались *безсознательно*. Только потомъ, въ самомъ развитіи своемъ эти революціи достигли сознательности. Всякая революція начинается *бунтомъ*. Но достаточно, чтобы въ немъ тлѣла хоть одна революціонная искра, чтобы бунтъ перешелъ со временемъ въ революцію.—Не идей не достаетъ народу. Всякій, кто много шатался по народу, скажетъ вамъ, что въ его головѣ совершенно зрѣлы основы „элементарнаго“ (конечно, не научнаго) соціализма. Все,

чего не достаетъ народу, *это страсти.* Но и страсти вспыхиваютъ мгновенно и нежданно. Если же въ народѣ революціонныхъ элементовъ мало, то бунтъ неминуемо будетъ подавленъ“ [11]).

Правъ нашъ анархистъ. Для революціи нужны въ народѣ страсти, т. е. то, что вырабатывается вѣковыми страданіями, ведущими съ одной стороны къ признанію разбоя единственнымъ средствомъ избавленія отъ не нормальныхъ условій жизни и съ другой стороны къ отвращенію и ненависти ко всѣмъ устоямъ жизни, создающей страданія. Люди не думаютъ о будущемъ. Они часто готовы лишь перемѣнить деспота и деспотизмъ, но лишь бы перемѣнить. Это движеніе чисто инстинктивное, животное, внѣразсудочное. Это дѣйствительный лунатизмъ, который поражаетъ массы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ эти массы невѣжественнѣе. Всякій лучь разсудка, т. е. образованіе, вызывая рефлексъ, ослабляетъ безсознательныя эмоціи. Когда массы начинаютъ думать, революція погибаетъ. Не въ средѣ „сознательныхъ“ рабочихъ находитъ почву революція, но въ средѣ страданій, создающихъ ненависть и отвращеніе, создающихъ чисто звѣрское, но совершенно естественное отношеніе къ виновнику мукъ и страданій.

Вѣрно говорятъ, кто сѣетъ вѣтеръ, пожинаетъ бурю. Безъ посѣва ничего не бываетъ. Generatio spontanea пока ничѣмъ не доказано и все происходитъ изъ сѣмени. Революція накопляется въ крови населенія, медленно передается по наслѣдству и при благопріятныхъ условіяхъ проявляется въ жизни. Новые палачи обыкновенно жесточе своихъ палачей. Въ соціальномъ мірѣ уголъ отраженія не равняется углу паденія, а квадрату паденія. Это мы и видимъ во всѣхъ революціяхъ, какія только знаетъ исторія. Не кровь за кровь—принципъ революціи, а безсознательное разрушеніе, находящееся по ту сторону добра и зла. Истребленіе для истребленія. Такъ разрушаетъ все на своемъ пути вихрь.

Пока еще мы не умѣемъ ни предупреждать, ни регулировать вихрей. Все человѣчество очевидно находится пока въ стадіи—по ту сторону не только добра и зла, но и по ту сторону сознанія. Пока безсознательность—основная форма историческаго движенія человѣчества.

Но даже и все лучшее въ индивидуальномъ мірѣ подчинено тому же безсознательному, какъ и все мрачное.

Дѣйствія лунатика напоминаютъ собою работы мыслителей и поэтовъ. Н. Михайловскій пишетъ о себѣ: „*Потребность теоретическаго творчества* требовала себѣ удовлетворенія и въ результатѣ являлось философское обобщеніе или соціологическая теорема. Но тутъ же иногда, среди самаго процесса этой теоретической работы, привлекала меня къ себѣ своею яркостью и шумной пестротой, всею своею плотью и кровью житейская практика сегодняшняго дня, и я бросалъ высоты теоріи, чтобы че-

резъ нѣсколько времени опять къ нимъ вернуться и опять бросить“ [12]).

Но при всемъ своемъ увлеченіи разнообразіемъ жизни, Михайловскій представляетъ собою типическое однообразіе—одной лишь мысли знаетъ онъ власть. По справедливому замѣчанію Н. С. Русанова, „этотъ писатель наложилъ яркую печать своей индивидуальности на всѣ сферы своей литературной дѣятельности: философскую, научную, критическую, публицистическую. И всѣ эти области у него связаны одною идеею: культомъ человѣческой личности, всесторонне развивающейся внутри солидарнаго общества“ [13]).

И почти всѣ наши выдающіеся геніи мысли и слова могутъ сказать: „Одной лишь мысли зналъ я власть, одну, но пламенную страсть, она во мнѣ, какъ червь жила, изгрызла душу и сожгла“.

Да, это *страсть*, страданіе, мученичество, но то высокое мученичество, которое является высокимъ подвигомъ и которое знаютъ христіане: блажени мученицы, иже добрѣ страдаше. Въ особенности такимъ страстнотерпцемъ является Гоголь. Когда онъ смѣялся сквозь слезы, публика хохотала, не замѣчая, что надъ собой смѣется. А когда онъ перешелъ къ прямымъ слезамъ, его стали проклинать, не замѣчая, что себя проклинаютъ, свое невѣжество, свою дикость, свой вандализмъ.

А вотъ еще примѣръ непроизвольныхъ влеченій.

Моцартъ въ 3 года съ любовью игралъ на фортепьяно; онъ такъ былъ чувствителенъ къ звукамъ, что звукъ трубы вызывалъ конвульсію.

Гайденъ музыку предпочиталъ дѣтскимъ играмъ. Въ 8 лѣтъ онъ занимался по 16 часовъ въ сутки музыкой.

Микель-Анджелло также въ дѣтствѣ проявилъ особую наклонность къ краскамъ и рисованію.

Д. Дриль приводитъ факты изъ жизни венгерскаго ученаго Ментелли. Бѣднякъ, онъ пѣшкомъ исходилъ всю Европу. „Въ Парижѣ, подъ игомъ своего влеченія, онъ отказался отъ возможной для него и хорошо оплачиваемой каѳедры и поселился въ плохо сколоченной лачугѣ въ саду, гдѣ всецѣло предался своимъ занятіямъ. Онъ спалъ въ ящикѣ и выходилъ только одинъ разъ въ недѣлю, чтобы давать урокъ, который и доставлялъ ему средства существованія. Болѣе одного урока онъ не бралъ. Во время своего выхода онъ закупалъ и провизію на цѣлую недѣлю. Послѣдняя состояла изъ хлѣба и картофеля, которыми онъ питался, и масла, которое онъ жегъ въ лампѣ во время своихъ занятій. Питьемъ для него служила вода. Онъ регулярно работалъ по 20 часовъ въ сутки. Въ 1814 г. онъ не имѣлъ уроковъ и обратился въ одно заведеніе. „Очень немного пищи, сказалъ онъ, съ

меня будетъ достаточно, для помѣщенія, удовольствуюсь всякимъ угломъ, а денегъ мнѣ вовсе не нужно. Онъ получилъ занятія и принялся по прежнему за трудъ. Онъ отказался отъ употребленія бѣлья, деньги употреблялъ на книги“ [14]).

А. Н. Лодыгинъ всю жизнь свою посвятилъ изобрѣтательности и жизнь его есть жертва его же эмоціи изобрѣтательности. Достаточно сказать, что онъ первый разрѣшилъ проблему свѣта безъ горѣнія, за что получилъ ломоносовскую премію отъ Академіи наукъ. Идеей Лодыгина воспользовался Эдиссонъ, за что Соед. Штаты поднесли ему 600000 р. на устройство лабораторіи! А Лодыгинъ продолжалъ изобрѣтать и изобрѣтать, бѣдствуя и почти голодая. Онъ изобрѣлъ металлическую лампу накаливанія и его идеей воспользовался извѣстный Ауэръ.

II.

Три категоріи эмоцій свойственны всему живому.

1) Каждый родъ живыхъ существъ имѣетъ сходныя черты, въ силу которыхъ мы отличаемъ дубъ отъ вербы, рыбу отъ вола, человѣка отъ животныхъ и растеній. Элементы сходства не только существуютъ, но и владѣютъ стремленіями къ самосохраненію въ пространствѣ и времени. Не смотря на всевозможные климаты, пшеница во всемъ мірѣ остается пшеницей, а верба вербой, человѣкъ не превращается въ рыбу и обезьяна не метаморфозируется въ человѣка,—по крайней мѣрѣ на нашихъ глазахъ и при обычныхъ условіяхъ. Очевидно, самой *сущности* живого существа *присуще* стремленіе къ сохраненію своихъ родовыхъ свойствъ. *Это эмоція къ сохраненію и даже развитію сходствъ*, по коимъ группа или родъ отличаются отъ другихъ группъ или родовъ. Она сказывается такъ могущественно, что не одинаковые роды не способны къ взаимному оплодотворенію, т. е. не признаютъ другихъ за существъ, равныхъ себѣ. И не только половое, но и всякое общеніе допускаютъ только въ своей средѣ, а на остальныхъ смотрятъ или какъ на орудія для своихъ цѣлей, или какъ на пищу. Волкъ волка не ѣстъ даже во время голода, не смотря на свое хищничество относительно другихъ породъ животныхъ. Только человѣкъ, далеко отошедшій отъ инстинктовъ предковъ, составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе.

Законъ сходствъ наиболѣе рельефно выражается въ наслѣдственности. Даже мелкія черты, часто совсѣмъ безполезныя, передаются по наслѣдству. Часто органы, сдѣлавшіеся по условіямъ жизни не нужными, напр. глаза у крота, все таки, хотя и въ атрофированномъ состояніи, передаются изъ поколѣнія въ поколѣнія. А тѣмъ болѣе естественна передача свойствъ, полезныхъ данному роду. Нерѣдко свойства, потерянныя въ теченіи тысячелѣтій и милліоновъ лѣтъ, неожиданно возстановляются.

Отсюда такъ называемый атавизмъ, дающій возможность судить по даннымъ настоящаго о предкахъ давно прошедшаго.

Но наиболѣе поразительную иллюстрацію закона сходствъ представляетъ собою устойчивость племенныхъ и національныхъ особенностей. Проходятъ тысячелѣтія, а образовавшіяся племенныя черты остаются почти безъ всякихъ измѣненій, не смотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства къ поддержанію и сохраненію ихъ. И можно думать, что всѣ мѣры къ ассимиляціи безполезны, что только поголовнымъ истребленіемъ, вродѣ истребленія амаликитянъ евреями, возможно избавиться отъ не желательной крови. Нѣкоторые частичные случаи, наприм. поглощеніе западныхъ славянъ нѣмцами, свидѣтельствуютъ скорѣе объ единствѣ и сходствѣ ассимилирующихся съ ассимилирующими, чѣмъ о слабости самосохраненія племеннаго или національнаго типовъ. Самая рознь между націями, часто ведущая къ кровавымъ столкновеніямъ, представляетъ собою лишь частичное проявленіе самоопредѣленій въ человѣчествѣ по закону сходствъ. И замѣчается при этомъ, что сила сопротивленія почти всегда растетъ пропорціонально нападенію. Чѣмъ больше нападеніе, чѣмъ сильнѣе вражда къ племени, тѣмъ больше оно самоопредѣляется. Изолированность лишь усиливаетъ изолированность породъ [15]).

Заключаясь въ крови, передаваясь по наслѣдству, укрѣпляясь преслѣдованіями и развиваясь самостоятельно при благопріятныхъ условіяхъ, типы сходствъ съ теченіемъ времени растутъ экстенсивно и интенсивно. Это сказочный змѣй, который растетъ на свободѣ, но еще болѣе размножается, когда его разсѣкаютъ на части.

Страшная, могущественная сила дана всему живому въ этомъ законѣ сходствъ.

Повидимому, онъ является эмоціей изолированія. И дѣйствительно, сапожникъ не нуждается въ сапожникѣ, продавецъ хлѣба въ продавцѣ хлѣба. И ассоціація обыкновенно слаба тамъ, гдѣ люди схожи другъ съ другомъ.

На дѣлѣ же именно сходные интересы вызываютъ къ жизни союзы сходствъ. Таковы касты, сословія, классы. Такова семья. Таковы союзы въ видѣ цеховъ, торговыхъ компаній, производительныхъ ассоціацій. Благодаря всѣмъ этимъ соединеніямъ людей, человѣкъ перестаетъ быть экономическимъ Робинзономъ. Онъ представляется намъ носителемъ идей рода, представителемъ прошлаго и настоящаго племени. Эфемерность вида замѣняется вѣчностью рода. Человѣкъ XX в. заключаетъ въ себѣ все прошлое человѣчества и является какъ бы итогомъ его. Здѣсь въ слѣпомъ эволюціонномъ порядкѣ вырабатывается своего рода безсмертіе, но безсмертіе не вида, а рода.

Самое *развитіе* возможно только, благодаря этому закону

устойчивости, своего рода живой инерціи. Если бы не было его, предъ нами были бы въ исторіи метаморфозы, превращенія, катаклизмы. Или точнѣе выражаясь, не было бы исторіи, стало быть не было бы и верховъ ея—культуры.

Но и много темнаго, мрачнаго, безсердечно и безрасудно суроваго несетъ съ собою этотъ законъ. Подобно всякой эволюціи, тѣ эволюціи, которыя имѣютъ въ своемъ основаніи сходства, характеризуются достиженіемъ наименьшихъ результатовъ при наибольшихъ пожертвованіяхъ. И мы видимъ, что культура эволюціонируетъ по трупамъ массъ, что культура питается человѣческими жертвоприношеніями.

Эволюція по закону сходствъ дѣйствуетъ помимо воли и сознанія, какъ помимо воли и сознанія данное растеніе является вишней, а не сливой, какъ помимо воли растеніе и животное растутъ. Но въ ней сказывается и активная сторона. Единство учрежденій, вѣрованій, языка, т. е. силъ, создаваемыхъ человѣкомъ, содѣйствуетъ выработкѣ національнаго типа, которому подчиняются въ своей жизни и дѣятельности индивидуумы. И эти соціальныя силы въ свою очередь оказываютъ такое могущественное дѣйствіе, что воля индивидуума прямо уничтожается. Быть можетъ, индивидуумъ опредѣленной націи, наприм. русскій за-границей, еврей и т. п. и не желалъ бы обнаруживать свою національность, но скрыть ее оказывается дѣломъ совсѣмъ не возможнымъ. Отражаясь на внѣшности, законъ сходствъ кладетъ не меньшій отпечатокъ и на весь душевный строй. Онъ организуетъ національный трудъ, національное мышленіе, національное сознаніе. Онъ производитъ то, что пол. экономія каждаго народа имѣетъ свои національныя особенности, легко узнаваемыя даже въ произведеніяхъ труда. Изящество французской работы, точность нѣмецкой, грандіозность и практичность англичанина вошли въ поговорку. Даже по научнымъ пріемамъ изслѣдователей можно узнать, къ какой націи принадлежитъ тотъ или иной ученый [16]).

2) Эмоція различій. Какъ нѣтъ двухъ предметовъ физическаго міра, которые были тождественны, такъ нѣтъ двухъ человѣкъ, которые лишены были бы индивидуальности. *Эмоція индивидуальности,* конечно, позднѣйшаго происхожденія, сравнительно съ эмоціей сходствъ. Быть можетъ именно поэтому развитіе индивидуальныхъ свойствъ происходитъ на почвѣ культуры сходствъ.

У нашихъ предковъ хитрость была нравственнымъ идеаломъ. Она, говоритъ И. Забѣлинъ, представляла собою высокое нравственное качество, приводившее въ восторгъ и восхищеніе и имѣла значеніе вѣщей силы. „Въ древнихъ понятіяхъ хитрость, даже обманная, означала собственно искусство побѣждать остро-

тою ума и враговъ и всякія препятствія, стоявшія на пути къ достиженію цѣли.—Творецъ именуется Всехитрецомъ, Доброумомъ, Хитрецомъ“ [17]).

Хитрость—строго индивидуальное свойство, но оно культивировалось по требованіямъ общежитія, по требованіямъ соціальной жизни. Да и теперь не лучше. Хитрый полководецъ, заведшій въ засаду непріятеля и истребившій его, считается геніемъ и благодарное отечество воздвигаетъ ему памятники. Вся суть хитрости въ остроуміи, приносящемъ пользу своимъ и вредъ чужимъ. Это одна *изъ стадій* эволюціи совѣсти.

Не менѣе интересный фактъ въ исторіи роста индивидуальной жизни на почвѣ условій соціальныхъ представляетъ собою исторія мести. Кровавая месть, какъ цементъ родового быта, имѣетъ громадное соціальное значеніе. Вотъ примѣръ. Константинопольскій царь Василій былъ въ гостяхъ въ Арменіи въ сопровожденіи русскаго отряда. Тамъ же были и грузинскіе полки. Какъ то грузинъ обидѣлъ русскаго воина. Началась драка. Узнали объ этомъ русскіе и всѣ въ числѣ 6000 человѣкъ двинулись на грузинъ и такъ отомстили, что „не ускользнулъ ни одинъ благородный грузинъ, всѣ заплатили смертью за свою преступленіе“. „Вотъ по какой причинѣ, гов. И. Забѣлинъ, имя Руси было страшно всѣмъ врагамъ“ [18]).

Современному культурному человѣку, легко замѣчающему сучекъ въ глазу ближняго, все это кажется варварскимъ. А между тѣмъ и теперь не мало бревенъ въ его собственныхъ глазахъ. Изъ того же самаго источника, который создалъ чувство мести, возникло высокое чувство *національной чести*, такъ высоко стоящее наприм. у англичанъ. Гдѣ бы англичанинъ не находился, онъ чувствуетъ себя членомъ великой націи, всегда готовой защитить его отъ обидъ и оскорбленій. Каждый англійскій подданный знаетъ, что за нимъ—вся страна. Это съ одной стороны сдерживаетъ его отъ поступковъ, компроментирующихъ родину, а съ другой поддерживаетъ въ немъ человѣческое достоинство. Собственно говоря, это тоже чувство мести, которое заставило нашихъ предковъ при царѣ Василіѣ избить грузинъ, оскорбившихъ русскаго. Но у насъ оно не эволюціонировало въ чувство національной чести, какъ въ Англіи [19]).

Прекрасно понималъ значеніе соціальныхъ эмоцій гр. Л. Н. Толстой. Онъ говоритъ: „Всякому человѣку для того, что бы дѣйствовать, необходимо считать свою дѣятельность важною и хорошею. И потому, каково бы ни было положеніе человѣка, онъ непремѣнно составитъ себѣ такой взглядъ на людскую жизнь вообще, при которомъ его дѣятельность будетъ казаться ему вѣчною и хорошею. Обыкновенно думаютъ, что воръ или убійца, признавая свою профессію дурною, долженъ стыдиться. Происхо-

дитъ же совершенно обратное. Люди судьбами и своими грѣхами—ошибками поставленные въ извѣстное положеніе, какъ бы оно ни было не правильно, составляютъ себѣ такой взглядъ на жизнь вообще, при которомъ ихъ положеніе представляется имъ хорошимъ и уважительнымъ. Для поддержанія же такого взгляда люди инстинктивно держатся того круга, въ которомъ признаются понятія, составленныя ими себѣ о жизни и о своемъ въ немъ мѣстѣ".

Не совсѣмъ вѣрно лишь то, что люди ищутъ круга для помѣщенія своихъ понятій. Такіе пока не правило, а исключеніе. Въ общемъ же нужно сказать, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни, болѣе или менѣе продолжительныхъ для опредѣленнаго круга людей, составляются безсознательно извѣстныя моральныя понятія и представленія, которымъ личность подчиняется. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ „сплошному" или общему мышленію древнихъ, исключающему индивидуальное мышленіе. И совершенно естественно, что воръ не только не стыдится того, что онъ воръ, но даже гордится своею ловкостью и высокимъ искусствомъ. Такъ и всякій человѣкъ гордится, когда онъ воплощаетъ въ себѣ идею типа, т. е. идеальныя стремленія той среды, къ которой онъ принадлежитъ. Общее получаетъ реальное значеніе не иначе, какъ воплощаясь въ индивидуальномъ. Оно реализируется черезъ индивидуальное и поэтому уже при культурѣ сходствъ индивидуальность должна была культивироваться, хотя въ смыслѣ подчиненія общей душѣ, общимъ интересамъ, общимъ вѣрованіямъ. Но тѣмъ сильнѣе оказались принципы, заброшенные уже въ эту геологическую эпоху въ душу человѣка.

Въ эмоціяхъ различій заключается глубокая трагедія борьбы между потенціями личнаго духа и соціальными стремленіями. Личность стремится къ осуществленію во внѣшнемъ мірѣ и внутреннему развитію своего я; соціальныя стремленія влекутъ къ однообразію, къ подчиненію личности коллективной душѣ. Массы населенія несомнѣнно подчиняются послѣдней и личныя воззрѣнія съ трудомъ пробиваются на свѣтъ Божій. Происходитъ и своеобразный компромиссъ между личностью и обществомъ, проявляющійся въ дѣйствіяхъ съ виду сознательныхъ, но въ дѣйствительности имѣющихъ мало общаго съ дѣйствительнымъ сознаніемъ. Безсознательные факторы, дѣйствующіе чрезъ сознаніе, поражаютъ всѣ стороны души и превращаютъ человѣка въ лунатика, воображающаго, что онъ дѣйствуетъ и мыслитъ свободно, независимо, вполнѣ сознательно. Объ этомъ лунатизмѣ сообщаетъ много интересныхъ и поучительныхъ данныхъ Г. Спенсеръ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

„Убѣжденіе, говоритъ онъ, носитъ на себѣ печать характера,

оно въ сущности есть его произведеніе. Это достаточно доказывается антропоморфизмомъ. Желанія людей окончательно выражаются въ ихъ вѣрованіяхъ, т. е. въ ихъ дѣйствительныхъ вѣрованіяхъ, а не въ нормальныхъ. Разложите на части теорію вещей какого либо человѣка, и вы найдете, что она основана на фактахъ, собранныхъ по внушенію его желаній. Пламенная страсть затираетъ всѣ факты, противные тому, что необходимо для ея удовлетворенія, и соединяетъ тѣ, которые, должны служить ея цѣлямъ, обращаетъ ихъ въ орудія, съ помощью которыхъ она можетъ достигать этихъ цѣлей. Нѣтъ такого порочнаго поступка, для котораго не находилось бы оправданія у того, кто его совершилъ, а если поступокъ часто повторяется, то оправданіе обращается въ убѣжденіе. Самые низкіе поступки, которые записаны въ исторіи, находили себѣ защитниковъ, даже убійства варѳоломеевской ночи и тому подобное; мало этого, ихъ старались обратить въ выполненіе воли Божьей. Не лишена мудрости басня, изображающая намъ волка, который сначала обвиняетъ овцу, а потомъ пожираетъ ее. То же самое постоянно дѣлается между людьми. Каждый завоеватель, прежде чѣмъ онъ поднималъ знамя войны, старался увѣрить себя, что онъ защищаетъ справедливое дѣло. Жертвоприношенія и молитвы предшествовали всякому военному походу, начиная съ кампаній Цезаря и кончая пограничнымъ набѣгомъ. Съ нами Богъ—вотъ общій крикъ“ [22]).

Этимъ гипнозомъ желаній нашего сознанія объясняется рознь воззрѣній между людьми. „Среди народовъ, гонящихся за деньгами, человѣкъ цѣнится соразмѣрно количеству часовъ, проведенныхъ имъ за дѣлами; въ наши дни страсть къ пріобрѣтенію создала апоѳеозу труда и даже скряга не лишенъ нравственнаго кодекса, которымъ онъ оправдываетъ свое скопидомство. Управляющіе классы оправдываютъ себя тѣмъ, что собственность имѣетъ больше права на представительство, чѣмъ личность, что преобладаніе должно оставаться за интересами поземельныхъ владѣльцевъ. Бѣдный вполнѣ убѣжденъ, что онъ имѣетъ право на помощь; монахи считаютъ книгопечатаніе изобрѣтеніемъ дьявола, и многіе изъ современныхъ нашихъ сектъ полагаютъ, что люди другой вѣры находятся подъ властью нечистой силы. Для духовенства ничего не можетъ быть яснѣе того, что установленіе государственной церкви справедливо и существенно для поддержанія религіи. Обладатель синекуры приходитъ въ справедливое, по его мнѣнію, негодованію, если не обращается вниманіе на его право собственности въ доходахъ. И такимъ же образомъ зарождаются убѣжденія во всемъ обществѣ, съ начала до конца“ [23]).

Но мрачнѣе всего то, что эти гипнотическія убѣжденія передаются по наслѣдству. „Всѣ варварскія проявленія прошедша-

го были произведеніемъ извѣстныхъ душевныхъ расположеній. Свойства эти не уничтожились. То, что мы называемъ повелѣніемъ и послушаніемъ, это ни что иное, какъ современныя проявленія угасшихъ деспотизма и рабства. Съ философской точки зрѣнія они тождественны".

И теперь „духъ кастъ пытаетъ свои жертвы нравственными пытками съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ индѣецъ пытаетъ своего врага. Игроки равнодушно наполняютъ свои карманы выигранными деньгами; нашъ биржевой игрокъ не заботится о томъ, кто потеряетъ, лишь бы ему получить свою премію. Люди и до сихъ поръ проявляются не много лучше варваровъ, одѣтыхъ въ грубую холстину, не смотря на ихъ общественное положеніе. Мы до сихъ поръ требуемъ цѣпей; намъ нужны правители, которые бы надѣвали ихъ на насъ; намъ нужно обожаніе власти, которое вынуждало бы къ повиновенію ей" [24]).

Сюда же относится и убѣжденіе, что „народный голосъ" можетъ все сдѣлать, что все зависитъ отъ большинства. Неужели одна часть населенія можетъ обратить въ рабство другую, меньшую [25]).

О соціальныхъ эмоціяхъ свидѣтельствуютъ также изобрѣтенія.

Гобсонъ говоритъ, что ни одно изъ изобрѣтеній, игравшихъ крупную роль въ промышленности, не есть результатъ способности одного человѣка; каждое представляетъ собою въ своемъ окончательномъ видѣ сумму различныхъ усовершенствованій [26]).

Вѣрнѣе сказать, что изобрѣтенія носятся въ средѣ, представляя собою направленіе умственныхъ силъ на извѣстный предметъ. Здѣсь происходитъ взаимный гипнозъ, выражающійся въ стремленіи лучшихъ людей вѣка разрѣшить загадку сфинкса— потребностей времени. Всѣ великія эпохи подъема умственныхъ и нравственныхъ силъ естественно и ведутъ къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ. Загадки сфинкса мѣняются, мѣняются и направленія мыслительныхъ способностей. Въ вѣкѣ возрожденія появились великіе художники и духовные писатели. Предъ французской революціей появились величайшіе юристы и гуманисты. Въ XIX в. появилися великіе техники и естествоиспытатели. И нельзя сказать, куда поведетъ соціальный сфинксъ мыслителей даже въ недалекомъ будущемъ. Конечно, есть сѣмена въ ростѣ умственномъ человѣчества, несущіяся сквозь вѣка. Но въ однѣ эпохи эти сѣмена даютъ высокій гуманизмъ, въ другомъ богословіе, въ третьемъ технику. И вѣрно то, что живи Ѳома Аквинатъ въ 19 вѣкѣ, онъ писалъ бы о законахъ борьбы или занятъ былъ бы изобрѣтеніями въ нашей техникѣ.

И здѣсь, въ этой святая святыхъ человѣчества, есть иная, не индивидуальная сила, подчиняющая себѣ всѣхъ и ведущая

ихъ къ ею же поставленнымъ цѣлямъ. Отдѣльная личность, при всей ея геніальности, является лишь орудіемъ соціальнаго сфинкса. Такъ ветхозавѣтные пророки силой услышаннаго ими голоса Бога бросали свой обычный трудъ и шли проповѣдывать народу вдохновленныя имъ идеи. Простой пастухъ являлся къ царю отъ имени Іеговы, предсказывая ему страшныя бѣдствія за ослушаніе высшей воли. И потомъ, ни костры, ни тюрьмы, ни муки инквизиторовъ не могли остановить лучшихъ людей человѣчества въ исполненіи велѣній Бога Истины, Правды и Любви. Это эмоціи—сверхъ-индивидуальныя.

Но эмоціи могутъ заключаться не только въ соціальныхъ, но также въ чисто личныхъ условіяхъ. Такъ безсознательныя эмоціи проявляются въ видѣ антропоморфизма или вообще *самозаключенія*. Безнравственный человѣкъ во всемъ мірѣ видитъ зло. Для Собакевича: „есть тамъ одинъ порядочный человѣкъ, но и тотъ, сказать правду, свинья“. Эмоціи этого рода вырабатываются исключительно въ средѣ зоологичности, подавленности личности. Не даромъ говорится: для лакея нѣтъ великаго человѣка. Это не потому, чтобы онъ видѣлъ лишь мелочи жизни, хотя бы и дѣйствительно великаго человѣка, а потому, что онъ психически лакей.

Вотъ наприм. книжка В. Заболотнаго: „Что такое счастье?“ Авторъ съ какимъ то собакевичевскимъ аппетитомъ, захлебываясь отъ радости, убѣждаетъ своихъ читателей, что всѣ величайшіе мыслители—тѣ же свиньи. Ученый мужъ, пишетъ онъ, „можетъ быть создаетъ плодотворнѣйшую теорію, гигантскими шагами двигаетъ науку, лучше всякаго урагана человѣческихъ страстей разсѣиваетъ мракъ суевѣрія, все это, допустимо, такъ; тѣмъ не менѣе этотъ мужъ, ученый, талантливый, геній не болѣе ни менѣе, *какъ спортсменъ*, дѣйствующій вродѣ охотника, шахматиста, яхтъ-клубиста и пр. Разница между нимъ и другими спортсменами только *въ направленіи дѣятельности, но не въ цѣли ея*. Всѣ эти люди заранѣе въ своихъ занятіяхъ ищутъ для себя удовольствія, и въ этомъ отношеніи, какъ ни разнятся другъ отъ друга по видимому, на самомъ то дѣлѣ „одного поля ягоды“. Такими спортсменами авторъ называетъ Сократа, Спинозу, Руссо, Толстого... [27]).

И великихъ мучениковъ, великихъ филантроповъ нашъ писатель также называетъ... спортсменами, стремящимися лишь къ самодовольству. „Одинъ видѣлъ свое счастье, говоритъ онъ, обозрѣвая дѣятелей, въ спокойномъ созерцаніи, другой—въ богатствѣ, третій въ философскихъ размышленіяхъ, четвертый въ бурной политической дѣятельности, пятый въ обжорствѣ, въ животныхъ наслажденіяхъ, этотъ въ жертвѣ за другихъ, а тотъ во власти надъ другими. Одинъ, потерявъ надежду на достиженіе

счастья на землѣ, переноситъ его за предѣлы міра; другой напротивъ того, стремится овладѣть имъ только здѣсь, въ настоящемъ своемъ существованіи, считая всякую мысль о будущемъ существованіи заблужденіемъ; третій, не теряя надежды на счастье въ жизни загробной, не хочетъ упустить случая пользоваться имъ „здѣсь, въ этомъ мірѣ“.

И великій мученикъ идеи, и великій ученый, и простой воришка—„ягоды одного и того же поля“. Легко каждому сдѣлаться великимъ филантропомъ, слѣдуетъ лишь измѣнить „свое направленіе“! Пусть мыслитель пишетъ соками своихъ нервовъ и кровью своихъ венъ—все это то же... свинство. Разница лишь въ направленіи. И онъ иллюстрируетъ свою мысль на эскимосѣ, „который ѣлъ до тѣхъ поръ, пока не впалъ въ совершенно безсознательное состояніе. Лицо его разгорѣлось, побагровѣло, ротъ раскрылся, сонъ безпрерывно одолѣвалъ его. Возлѣ него сидѣла его жена..., чтобы съ помощью указательнаго пальца засунуть ему въ ротъ по возможности большой кусокъ полусырого мяса, подрѣзывая его ножемъ возлѣ самаго рта. При этомъ счастливый человѣкъ не шевелилъ ни однимъ членомъ, за исключеніемъ челюстей и даже не открывалъ своихъ глазъ“ [28]).

Все это одного поля ягоды съ людьми, жертвующими собою для блага другихъ. И человѣкъ съѣдающій своего ближняго и человѣкъ умирающій для спасенія своего ближняго—все это одно и то же.

Только историко-соціальной эмоціей среды, подавляющей все благородное въ человѣкѣ, можно объяснить появленіе такого рода философій. Такъ слѣпой не можетъ имѣть представленій о цвѣтахъ радуги.

А между тѣмъ эмоціи духовной природы несомнѣнно заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

В. Чертковъ въ своихъ запискахъ „О послѣднихъ дняхъ Л. Н. Толстого“ разсказываетъ, какъ нашъ великій писатель наканунѣ смерти „былъ полонъ привлекавшими его писательскими замыслами и, какъ ребенокъ радовался открывшейся ему возможности зажить согласно со своими дѣйствительными душевными влеченіями. При этомъ умирающій обнаружилъ писательскую „потребность дѣлиться съ людьми внутренней работой своего сознанія,—потребность до такой степени привычную и упорную, что даже во время тяжкой болѣзни, не будучи уже въ состояніи самъ писать, онъ стремился диктовать свои мысли“. А вотъ еще эмоція, подмѣченная тѣмъ же В. Чертковымъ. Умирающій геній обнаружилъ „замѣчательное уваженіе и вниманіе къ выраженію чужой мысли. До самаго послѣдняго періода своей жизни онъ чувствовалъ потребность посвящать много времени не только изложенію для другихъ своихъ собственныхъ мыслей, но

и ознакомленію себя съ мыслями и внутренней жизнью другихъ людей, у которыхъ онъ всегда находилъ чему поучиться путемъ ли личной съ ними бесѣды, или чтенія ихъ писаній".

3) Наконецъ не мало эмоцій, происходящихъ изъ смѣшенія элементовъ среды и индивидуальности.

Наполеонъ, достигшій власти при помощи преступленія, былъ виновникомъ гибели до $2^1/_2$ милліоновъ людей. И все это эфемерное величіе, по выраженію А. Менгера, разрушено было подъ Ватерлоо, какъ карточный домикъ. И этотъ величайшій изъ разбойниковъ не чувствовалъ никакого угрызенія совѣсти. Въ своей бесѣдѣ съ Меттернихомъ 26 іюня 1813 г. онъ говорилъ, что гибель лишняго милліона людей ничего не стоитъ для такого человѣка, какъ онъ [29]).

А. Менгеръ объясняетъ появленіе такихъ людей безъ совѣсти тѣмъ, что „между силой и совѣстью существуетъ обратное отношеніе". Чѣмъ сильнѣе положеніе, тѣмъ меньше опасности соціальныхъ послѣдствій и тѣмъ меньше стѣсняются въ своей дѣятельности. Династическія войны Людовика XIV, Фридриха II и Маріи Терезіи—дѣйствительно лучшее доказательство того, что между силой и совѣстью существуетъ обратное отношеніе. Чѣмъ больше силы, тѣмъ меньше совѣсти.

Но напрасно А. Менгеръ думаетъ, что въ душѣ человѣка нѣтъ врожденныхъ элементовъ совѣсти. Они только атрофируются при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ. И всякій человѣкъ, поставленный въ подобныя же условія, былъ бы такимъ же человѣкомъ. Звѣремъ нельзя сказать, ибо между звѣрями не бываетъ и не можетъ быть „геніальныхъ" полководцевъ, изъ за пустяка истребляющихъ милліоны, и все таки не чувствующихъ насыщенія своей жадности къ хищничеству. Увлеченіе аналогичное у лисицъ, попавшихъ въ курятникъ.

Достоевскій прекрасно изображаетъ звѣрскія эмоціи, развивающіяся въ человѣкѣ подъ вліяніемъ тюремнаго режима.

„Есть люди, какъ тигры, жаждущіе лизнуть кровь. Кто испыталъ разъ эту власть, это безграничное господство надъ тѣломъ, кровью и духомъ такого же, какъ самъ человѣка, кто испыталъ власть и полную возможность унижать самымъ высочайшимъ униженіемъ другое существо, носящее на себѣ образъ Божій, тотъ уже по неволѣ какъ-то дѣлается невластенъ въ своихъ ощущеніяхъ. Тиранство есть привычка; оно одарено развитіемъ, оно развивается, наконецъ, въ болѣзнь. *Я стою на томъ, что самый лучшій человѣкъ можетъ огрубѣть и отупѣть отъ привычки до степени звѣря.* Кровь и власть пьянятъ: развиваются загрубѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и, наконецъ, сладки самыя ненормальныя явленія... *Свойства палача въ зародышѣ находятся почти въ каждомъ современномъ чело-*

вѣкъ. Но не равно развиваются звѣрныя свойства человѣка... Бываютъ примѣры до крайности странные: я знавалъ людей даже добрыхъ, даже честныхъ, даже уважаемыхъ въ обществѣ, а между тѣмъ они, на примѣръ, не могли хладнокровно перенести, если наказуемый не кричитъ подъ розгами и не проситъ о пощадѣ. Разъ жертва не молитъ о пощадѣ, то исполнители, даже добродушные, увеличиваютъ наказаніе“ [30]).

Предъ нами пережитокъ старой старины, тлѣющій въ душѣ каждаго изъ насъ. Эта искорка огня, нѣкогда прометеевская и имѣвшая свой великій моральный смыслъ, теперь при благопріятныхъ обстоятельствахъ разгорается и мы видимъ человѣка-звѣря въ лицѣ „добрыхъ, честныхъ и даже уважаемыхъ въ обществѣ людей“. Но при иной культурѣ, при иномъ свѣтѣ, этотъ старый огонь представляется намъ уже огнемъ геенны огненной, а не небеснымъ огнемъ Прометея, жертвующаго собой для защиты людей отъ жизненнаго мороза. И великій смыслъ имѣютъ стремленія, направленныя ко всякому ограниченію всѣхъ случаевъ, когда человѣку дается власть надъ другимъ человѣкомъ, хотя бы и каторжникомъ. Вотъ смыслъ молитвы о не введеніи во искушеніе и избавленіи отъ дьявола.

Въ особенности страшенъ атавизмъ въ формѣ влеченія къ крови. По замѣчанію Д. Дриля, многіе преступники „къ крови чувствуютъ какое-то загадочное влеченіе и проявляютъ поразительную наклонность дѣйствовать убійствомъ“ [31]). Но попадаются и лютые звѣри, „которые всегда жаждутъ крови для удовлетворенія своихъ даже маловажныхъ инстинктовъ, между ними есть похожіе на пантеръ и тигровъ, и, кажется, что дѣлать зло доставляетъ имъ удовольствіе“ [32]).

Одинъ изъ такихъ звѣрей въ своемъ дневникѣ пишетъ: „Когда человѣкъ является въ свѣтъ, судьба овладѣваетъ имъ: она слѣдуетъ за нимъ по всѣмъ этапамъ его жизни, она дѣлаетъ изъ него честнаго человѣка или злодѣя, а иногда, что еще хуже, убійцу“. Онъ говоритъ, что у него была непреодолимая потребность убивать людей и жалѣетъ, что не убилъ... своей матери [33]).

Бываютъ злосчастныя эпохи, когда атавистическія эмоціи получаютъ страшное развитіе, угрожая самому существованію общества. Таковы всегда эпохи національнаго угнетѣнія, когда удушливый соціальный воздухъ давитъ всѣхъ.

По замѣчаніи Д. Дриля, „въ нѣкоторыя эпохи общественнаго существованія, подъ вліяніемъ широко дѣйствующихъ тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій общественной жизни, дурно-уравновѣшенныя, дурно-приспособленныя и общественно-регрессирующія личности нарождаются въ значительномъ числѣ, и тогда ихъ участіе въ общественной жизни, какъ и участіе многихъ дурныхъ инструментовъ въ оркестрѣ, становится

весьма замѣтно и окрашиваетъ особымъ тѣмъ или инымъ цвѣтомъ цѣлые историческіе періоды“ [34]).

Ослабленіе въ такой средѣ власти въ высшей степени опасно. Когда въ теченіи вѣковъ государство преобладало надъ личностью, когда такимъ образомъ уже въ достаточной мѣрѣ атрофирована въ населеніи личная энергія, то быстрый переходъ къ свободѣ можетъ оказаться роковымъ для самаго существованія націи.

1) Привыкшее къ силѣ, къ кнуту, населеніе не будетъ искать спасенія отъ бѣдствій въ самомъ себѣ, въ своемъ трудѣ. Оно по инерціи будетъ продолжать старое насиліе, но въ примѣненіи къ другимъ. Отсюда происходятъ нападенія на чужую собственность, разбои и грабежи въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что самое существованіе въ подобныхъ странахъ становится не мыслимымъ. Населеніе возвращается къ первобытному варварству: никто не обезпеченъ въ обладаніи результатами своего труда, никто не обезпеченъ и въ самой жизни. У насъ это было въ 1905 году. Во Франціи это было во время первой революціи и послѣ франко-нѣмецкой войны 1870 года во время страшнаго господства коммуны въ Парижѣ. И вездѣ рабы, не привыкшіе къ личной энергіи, къ личному труду, получивъ свободу, начинаютъ грабить и убивать. Жизни человѣка они не знаютъ и, получивъ свободу человѣка, они понимаютъ ее, какъ свободу грабежа и убійствъ. Характерно, что таковъ характеръ и освободившейся интеллигенціи. Свобода слова, наступившая послѣ длиннаго періода рабскаго слова, становится свободой клеветы, лжи, насилій. Даже введеніе открытокъ почтовыхъ въ первое время сопровождается огромнымъ количествомъ пасквильныхъ писемъ. И въ этомъ мелкомъ дѣлѣ болѣе дешевый способъ сношеній, т. е. бо́льшая свобода сношеній раскрываетъ атрофированную душу населенія, обнаруживающаго свои темные инстинкты, до той поры лишь сдерживаемые насильно. И проходитъ обыкновенно не мало времени, когда темные инстинкты, благопріобрѣтенные исторіей, уступаютъ мѣсто свѣту, погибаютъ подъ вліяніемъ свѣта и разумная жизнь вступаетъ въ свои права.

2) При атрофированной экономической предпріимчивости иностранные предприниматели давятъ на энергію туземцевъ и подавляютъ первые проблески самодѣятельности. Тутъ безъ государственной помощи ростъ національной культуры прямо не мыслимъ, особенно въ странахъ съ вѣковымъ гнетомъ надъ личностью.

III.

Эмоціи, какъ историко-соціальные факторы, представляютъ собою основную причину національныхъ различій и почти на каждомъ шагу тѣ дѣйствія, которыя мы охотно признаемъ инди-

видуальными, въ дѣйствительности коренятся въ историческихъ и соціальныхъ условіяхъ жизни всей націи. Глубоко вѣрно слѣдующее положеніе нашего криминалиста Д. Дриля:

„Ничто въ мірѣ, а слѣдовательно и человѣческія дѣйствія, не проходитъ безслѣдно, а напротивъ заносится въ книгу жизни. На этомъ и основывается власть прошлаго человѣка надъ его настоящимъ“ [35]).

Стойкость даже суевѣрій, упорство въ сохраненіи формъ одежды, консерватизмъ въ убѣжденіяхъ и боязнь новшествъ — явленія совершенно естественныя и неизбѣжныя [36]). Но также совершенно естественна и неизбѣжна та смута умовъ, которая появляется при измѣненіи условій жизни, требующихъ новыхъ умственныхъ и моральныхъ принциповъ. Старое вступаетъ въ борьбу съ новымъ и не легко сдается въ архивъ исторіи. Умирающіе хотятъ жить, не сдаются смерти. То хотятъ жить покойники, остающіеся въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Но какъ не жизненны они теперь, въ старину ихъ жизненность была еще сильнѣе.

В. Базаровъ вѣрно отмѣчаетъ факты полнѣйшей связи личности съ первобытнымъ коммунистическимъ обществомъ. „Пріемы и способы производства и всѣ обусловленныя ими общественныя отношенія переходили изъ рода въ родъ въ застывшей, неподвижной формѣ непререкаемой традиціи. Онѣ представлялись людямъ не свободно установленными институтами, а совершенно неустранимыми, почти физически неизбѣжными формами жизни, внѣ которыхъ самое существованіе не мыслимо. Человѣкъ былъ не личностью, а органомъ недѣлимаго родового организма“ [37]).

Теперь старая и мрачная связь легко вызывается къ жизни нами же и именно въ то время, когда мы добиваемся совершенно противоположнаго. Стремясь во имя „просвѣщеннаго деспотизма“ сразу прервать нить исторически выработанныхъ эмоцій, мы часто вполнѣ добросовѣстно прибѣгаемъ къ крутымъ мѣрамъ, желаемъ спасти людей противъ ихъ воли и прямо загоняемъ ихъ въ самый адъ. Такъ на почвѣ религіозной нетерпимости возникъ у насъ расколъ и крайнее проявленіе его секта бѣгуновъ. Послѣдователи послѣдней убѣждены, что „въ настоящіе послѣдніе дни антихристовой прелести, единственно спасительный путь сущимъ въ вѣрѣ—путь тѣсный, нуждный и прискорбный, еже не имати града, ни села, ни дому,—разорвать съ обществомъ всѣ связи, бѣгать изъ одного мѣста въ другое, скрываясь отъ руки сына погибели, или наконецъ убѣжать въ пустыню, въ которой одной, какъ недоступной для власти антихриста, только и можно спастись“.

Эта почти невѣроятная секта вѣчныхъ странниковъ, отрицающая общество и государство, развилась и распространилась также, какъ и самый расколъ, т. е. благодаря преслѣдованіямъ.

Какъ извѣстно, расколъ начался безъ догматики, безъ положительныхъ идеаловъ. Онъ только отрицалъ нововведенія Никона. „Казалось бы, говоритъ справедливо г. Розовъ, что при такомъ, чисто отрицательномъ и лишенномъ прочныхъ основаній, отношеніи къ церкви расколъ не могъ существовать; не имѣя положительныхъ, твердыхъ и вѣрныхъ задатковъ для своего дальнѣйшаго развитія, онъ не могъ обѣщать организаціи въ твердо обоснованную церковно-религіозную общину. Скорѣе можно было ожидать, что надъ нимъ исполнятся слова Аввакума: „глупцы-раскольники пропадутъ, какъ черви капустные“. Но не сбылось предсказаніе Аввакума, расколъ не пропалъ“ [38]).

Да, не пропалъ, благодаря жестокостямъ, направленнымъ къ его искорененію. Отвергнутый государствомъ и проклятый церковью, расколъ началъ организоваться на принципахъ взаимности, самопомощи и самодѣятельности. Преслѣдованія создали мартирологію и еще болѣе укрѣпили эти эмоціонныя начала жизни и слабое растеніе превратилось въ могучее и сильное, раздѣляющее русскихъ людей до того, что братья не ѣдятъ изъ одной и той же миски, даже не могутъ хоронить своихъ мертвецовъ на одномъ кладбищѣ. Рознь перенесена и на тотъ свѣтъ.

Бѣгуны—это лишь крайнее, логически неизбѣжное развитіе отверженія, созданнаго добрыми намѣреніями. Отверженные стали искать спасенія именно въ этомъ отверженіи всего, что отнеслось къ нимъ, какъ къ отверженнымъ. Въ авторахъ отверженія они естественно увидѣли рать Антихриста и появилась мрачная проповѣдь: бѣгите отъ людей, бѣгите отъ сыновъ дьявола, не имѣйте съ ними ничего общаго.

Врядъ ли можно найти болѣе разительный образецъ соціально-политической эмоціи, передаваемой по наслѣдству и укрѣпленной вѣками. И нѣтъ силъ для борьбы съ ненавистью, нами же вызванною къ жизни. Она до конца пройдетъ...

Но и самыя мѣропріятія, направленныя противъ раскола и въ концѣ-концовъ создавшія расколъ, также являются результатомъ господствовавшихъ соціальныхъ эмоцій и слѣдовательно являются исторически неизбѣжными. Важнѣйшая изъ соціальныхъ эмоцій—избраніе кратчайшаго и наиболѣе доступнаго пути къ достиженію цѣли. Во всякой борьбѣ таковымъ путемъ служитъ насиліе, уничтоженіе врага или ослабленіе и подчиненіе его страхомъ и карами. Путь убѣжденій и соглашеній—самый сложный и не всякому доступенъ. Понятно, противники раскола избрали тѣ орудія борьбы, къ которымъ они чувствовали наибольшую склонность и которыя на дѣлѣ усилили расколъ. Такой эмоціональный характеръ дѣятельности и приводитъ *къ соціальнымъ неожиданностямъ*, о которыхъ въ послѣднее время много говорилось. Тамъ, гдѣ господствующей силой служитъ эмоція,

гдѣ отводится больше мѣста чувству, чѣмъ разсудку, иныхъ результатовъ и не можетъ быть [39]).

Поучительный примѣръ такой неожиданности видимъ въ исторіи закрѣпощенія населенія.

Эти *соціальныя неожиданности* въ настоящее время представляютъ собою строго-законоподчиненныя явленія, изучаемыя историками и экономистами. Оказывается, что часто въ результатѣ едва замѣтной дѣятельности появляются такія громадныя неожиданности, какъ появленіе цѣлыхъ материковъ, создаваемыхъ ничтожными животными. Глубоко трагическій образецъ, при томъ имѣющій общее историческое значеніе, представляетъ собою колонатъ, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и наконецъ ихъ рабство,

„Движимое имущество, говоритъ Ф. де-Куланжъ, удваивающее и утраивающее теперь экономическое имущество націй, почти не существовало въ Римѣ, какъ самостоятельная сила“ [40]). Благодаря этому поземельная аристократія была всемогуща и народъ оказался отъ нея въ полной зависимости [41]). И не только пролетаріи, но и мелкіе поземельные собственники должны были поступить въ зависимость отъ землевладѣльцевъ. Мелкій собственникъ при неурожаѣ получалъ ссуду отъ крупнаго, отдавая ему свою землю, которая съ теченіемъ времени и превращалась въ собственность помѣщика. „Крестьянинъ то продавалъ свой участокъ за безцѣнокъ, то просто покидалъ его, не найдя покупателя, и бросалъ землю, которую былъ не въ состояніи ни обрабатывать, ни продать. Иной разъ онъ совершалъ формальную дарственную запись въ пользу своего богатаго сосѣда подъ единственнымъ условіемъ—остаться на своемъ клочкѣ въ качествѣ съемщика. Иногда, наконецъ, онъ чувствовалъ себя вынужденнымъ пожертвовать даже независимостью своей личности, дѣлался колономъ, отпущенникомъ или рабомъ богача“ [42]).

Обобщая факты изъ римской исторіи, Фюстель де-Куланжъ дѣлаетъ слѣдующій въ высшей степени справедливый выводъ: „Нѣтъ необходимости въ насильственной революціи или завоеваніи одного народа другимъ, въ перемѣнѣ господствующей расы для того, чтобы люди потеряли свою гражданскую свободу и подчинились сеньерамъ, чтобы образовались порядки серважа, личнаго подчиненія, чтобы сложились отношенія вассалитета. Перемѣщеніе богатства происходитъ иногда путемъ естественнаго и постепеннаго хода развитія соціальныхъ и экономическихъ явленій. Послѣднее само по себѣ иногда приводитъ къ чрезмѣрному усиленію одного класса и ослабленію всѣхъ другихъ и незамѣтно ставитъ общество въ такое положеніе, что нѣкоторые его члены дѣлаются господами, а большинство обращается въ слугъ. Общество такимъ образомъ преобразуется понемногу, безсозна-

тельно, даже вопреки дѣйствующимъ въ немъ законамъ, благодаря непобѣдимой силѣ нравовъ и могуществу интересовъ. Это именно и произошло съ обществомъ римской Имперіи“ [43]).

Характернымъ выраженіемъ и причиной атоніи воли былъ прекарій, распространявшійся вмѣстѣ съ римскими завоеваніями. Земля отдавалась въ видѣ милости для пользованія, при чемъ пользованіе не охранялось закономъ. Государственныя земли фактически находились во владѣніи 400 или 500 знатныхъ фамилій, а на нихъ нѣсколько милліоновъ свободныхъ прекаристовъ, занимавшихъ земли по милости первыхъ. Даже собственники отказывались отъ собственности, поступали подъ патронатъ сильныхъ и владѣли уже какъ прекаристы своими участками. Патронъ владѣлъ тысячами кліентовъ, связанныхъ между собою покровительствомъ вельможи.

По мнѣнію Ф. де-Куланжа, патронатъ „представляетъ собою бытовую форму, глубоко присущую человѣческой природѣ. Очень рѣдко управляются общества достаточно правильно такъ, чтобы всѣ входящія въ нихъ единицы дѣйствительно могли реально пользоваться покровительствомъ общихъ законовъ и государственной власти. Отсюда-то почти съ необходимостью происходитъ, что болѣе слабый изъ двухъ людей вступаетъ подъ защиту болѣе сильнаго; тѣмъ самымъ онъ отдаетъ себя въ его власть. Подобное частное покровительство, патронатъ, развивается особенно широко въ общежитіяхъ безпокойныхъ и мало устойчивыхъ“ [44]).

Такъ пѣсня за здоровье оканчивается похоронами свободы. По всей вѣроятности и наше крѣпостное право возникло на этой же почвѣ соціальныхъ эмоцій, вызывающихъ при опредѣленныхъ условіяхъ зависимость массы населенія отъ болѣе сильныхъ представителей породы. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что прикрѣпленіе крестьянъ началось съ института старожильства [45]). Старожильцы—это были свободные люди, осѣвшіе на чужихъ земляхъ для хозяйства и получившіе на первое обзаведеніе необходимыя орудія и сѣмена, а часто и деньги для построекъ, покупокъ скота и т. п. Проживши на одномъ мѣстѣ десятки лѣтъ, они становились болѣе или менѣе зажиточными, привыкали къ мѣсту и ими дорожили землевладѣльцы, какъ исправными плательщиками. Понятно, интересъ послѣднихъ состоялъ въ томъ, чтобы удерживать такихъ рабочихъ на мѣстахъ, а въ этомъ заключался и интересъ старожильцевъ. Такъ выработалось обычное право, осуждавшее уводъ и уходъ старожильцевъ, которое затѣмъ превратилось въ писанное право. Прикрѣпленіе къ мѣстамъ старожильцевъ въ свою очередь психически вліяло на прикрѣпленіе и другихъ крестьянъ. Такъ мало-по-малу въ теченіи столѣтій сперва свободная связь землевладѣльца съ земледѣль-

цемъ превратилась въ не-свободную и возникъ институтъ крѣпостного права. И до тоій поры, пока государство не вмѣшивалось въ отношенія между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ, обычное право хотя и связывало контрагентовъ, но связь была взаимно-экономическая. Государство придало ей юридическую силу, которая въ конечномъ результатѣ и создала неожиданность— крѣпость къ землѣ, крѣпость къ лицу и рабство. Когда разцвѣлъ плодъ, когда появилось во всемъ безобразіи рабство нѣкогда свободныхъ гражданъ, избиравшихъ себѣ даже князей, новый институтъ оказался уже психически естественнымъ—у рабовъ отрицалась даже душа человѣческая, а для рабовладѣльцевъ потребовалась особая исторія созданія благородныхъ не изъ обычной глины, а изъ какой-то бѣлой кости.

Началось такъ хорошо. Началось помощью и защитой. А окончилось безпомощностью и беззащитностью.

Таковы „неожиданности“ соціальныхъ эмоцій. Конечно, всякая такая эмоція дѣйствуетъ не иначе, какъ чрезъ индивидуальное сознаніе и индивидуальное чувство. На этомъ основаніи многіе пришли къ мысли о тождествѣ эмоцій съ психикой. И это вѣрно, если не отождествлять индивидуальной психики съ соціальной. Вполнѣ правъ Л. І. Петражицкій, говоря, что наприм., „каждый институтъ права по самой природѣ своихъ основныхъ принциповъ и тоій общественной почвы, на которой онъ прививается и развивается, обладаетъ, такъ сказать, *особою душою*, особыми психологическими чертами и врожденными ему психологическими силами, съ которыми приходится считаться, какъ съ естественными данными“ [46]). Но отсюда еще очень далеко до пропагандируемаго имъ же отождествленія наприм. исторіи права съ *психологической* исторіей права, если не разумѣть подъ этимъ словомъ психологіи коллективной души. Историческія эмоціи, которымъ подчинается личность, какъ въ данномъ случаѣ роста крѣпостного права, создаются слѣпыми силами эволюціи и конъюнкціи и дѣйствительно представляютъ собою „нѣчто особое“, отличное отъ составныхъ частей. Конечно, изъ стада бѣлыхъ гусей не создать и маленькаго лебедя, но масса гусей превращается въ организмъ, называемый стадомъ, создающій такія условія жизни, о коихъ и не можетъ мечтать отдѣльный гусь. Стадо саранчи— нѣчто ужасное, побѣждающее и человѣка, а отдѣльный ея экземпляръ—невинное насѣкомое, которымъ можно любоваться. Это нѣчто новое и есть сила, подчиняющая и индивидуальную душу. Она доводитъ человѣка до... потери имъ образа и подобія Божія, до потери всего человѣческаго. Ибо она—сила слѣпой стихіи, хотя бы и состояла изъ массы добрыхъ, умныхъ и сердечныхъ частей. Это не сумма частныхъ психологій. Не сумма итоговъ частной дѣятельности, при которой люди „обыкновенно думаютъ

только о себѣ, своемъ хозяйствѣ, своей семьѣ", и при этомъ „работая для себя и семьи, они работаютъ на общую пользу, сохраняя и умножая частное достояніе, сохраняютъ и умножаютъ народное и общечеловѣческое богатство и благосостояніе". Нѣтъ, это не классическая экономія и не гармонія интересовъ. Но это такая дѣятельность, которая „вызывается и направляется на общее благо правомъ особаго характера и содержанія, которое заставляетъ (людей), подобно паровому или электрическому двигателю, приводящему въ движеніе множество колесъ или иныхъ элементовъ сложнаго механизма, двигаться такъ, какъ это надобно *съ точки зрѣнія непонятныхъ и неизвѣстныхъ имъ задачъ*" [47]). Здѣсь, очевидно, частное лицо, дѣйствуя по иниціативѣ конъюнкціи, имѣетъ право сказать: творю, не еже хощу, но еже не хощу, сіе содѣваю. Какая же тутъ психологія, т. е. сознаніе личности? Тутъ эмоція, т. е. отрицаніе психологіи, если не допускать... безсознательной психологіи или эмоціональной психологіи. Но это есть безсознательное сознаніе...

Необходимо не забывать этого эволюціоннаго и конъюнктивнаго характера эмоцій. Иначе легко впасть въ ошибку Гегеля и находить разумнымъ все существующее, только потому, что оно существуетъ или существовало. Въ такую ошибку впалъ П. Е. Михайловъ въ своей теоріи русскаго старожильства пришедшій къ заключенію о разумности, „мотиваціи и воспитательномъ значеніи"... крѣпостного права. Онъ доказываетъ, что „безсознательно зародившись, институтъ старожильства столь же безсознательно стихійно и развивался, служа своему важному соціально-культурному дѣлу спасенія народнаго хозяйства и возстановленія общественнаго порядка, а также и воспитанія хозяйственно-дѣльнаго характера въ средѣ крестьянства" [48]). Прикрѣпленіе крестьянъ „возбуждало мотивы къ усидчивости, осѣданію на землю, къ привязанности и, такъ сказать, родству „съ родомъ владѣльца и землею" и ео ipso къ трудоспособности, бережливости и поднятію благосостоянія хозяйства" [49]). Это вѣрно въ такой же мѣрѣ, въ какой можно назвать не только разумнымъ, но и нравственнымъ факторомъ размноженіе, какъ средство сохраненія въ борьбѣ за существованіе. Кровь погибшихъ сельдей не перевѣшиваетъ ли на вѣсахъ правды и любви долю счастья оставшихся въ живыхъ? Не допустить ли и мысль о самопожертвованіи массъ для сохраненія породы, т. е. счастья не многихъ?

Нѣтъ, напрасны въ безсознательномъ поиски сознанія.

IV.

Между безчисленными эмоціями особенно существенное экономическое значеніе имѣетъ эмоція ожиданія каждымъ человѣкомъ лучшихъ шансовъ въ своей жизни. Подобно тому, какъ каждый

въ настоящемъ предпочитаетъ пользу вреду, прибыль потерѣ, счастье несчастью, такъ и въ вѣроятномъ будущемъ каждый *безсознательно надѣется* на лучшее для себя, а не на худшее.

Эмоція надежды лежитъ въ фундаментѣ всей дѣятельности человѣка. Безъ надежды нѣтъ жизни. Слово отчаяніе значитъ отсутствіе надежды.

Насколько безсознателенъ и въ то же время насколько могущественъ этотъ фактъ дѣятельности можно судить изъ слѣдующаго сравненія. Никто не предполагаетъ для себя худшаго въ вѣроятномъ будущемъ. Такъ, двадцатилѣтній читатель, знающій изъ статистики, что ему предстоитъ еще вѣроятная жизнь въ 25 лѣтъ, не сомнѣвается, почти увѣренъ въ томъ, что ему остается прожить 25 лѣтъ. Онъ прекрасно знаетъ, что такое вѣроятная жизнь. Онъ знаетъ, что изъ всѣхъ его двадцатилѣтнихъ сверстниковъ половина должна умереть до 45 лѣтняго возраста, т. е. чрезъ 25 лѣтъ не окажется въ живыхъ половины. Тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что его вѣроятная жизнь еще 25 лѣтъ. Между тѣмъ это такая же вѣроятная жизнь, какъ и вѣроятная смерть до этого срока.

Садясь играть въ карты любой игрокъ прекрасно знаетъ, что онъ можетъ также проиграть, какъ и выиграть. Но если бы надежда выиграть не была сильнѣе въ его душѣ такой же вѣроятности проиграть, онъ не вовсе не игралъ бы. Мало того; чѣмъ больше онъ проигрываетъ. тѣмъ сильнѣе у него надежда отыграться, въ концѣ концовъ ведущая его къ разоренію и самоубійству. Самоубійство такого игрока есть въ буквальномъ смыслѣ слова отчаяніе, т. е. потеря надежды. Можно сказать, психически человѣкъ умеръ раньше, чѣмъ наложилъ руку на свое тѣло.

Еще яснѣе безсознательность силы надежды, покрывающей и нейтрализующей противоположныя тенденціи, проявляется въ лотереѣ. Каждый владѣлецъ выигрышного билета надѣется выиграть 200.000 р., хотя знаетъ, что выигрышъ обыкновенно достается одному на милліонъ владѣльцевъ. Всѣ вмѣстѣ вносятъ по 1 рублю, одинъ выигрываетъ 200.000 р., остальные проигрываютъ 800.000 рублей. Тѣмъ не менѣе каждый разсчитываетъ на выигрышъ. Если бы разсчитывалъ на проигрышъ, то не покупалъ бы билета, за исключеніемъ конечно, случаевъ, когда собирается путемъ лотерей суммы на благотворительныя цѣли.

При лотереѣ каждый надѣется выиграть 200.000 рублей хотя одинъ шансъ выигрыша приходится на милліонъ билетовъ. Но если въ данномъ городѣ каждый годъ одинъ человѣкъ погибаетъ отъ молніи, то никто изъ жителей того города не только не предполагаетъ быть убитымъ молніей, но даже не обращаетъ никакого вниманія на эту гомеопатическую вѣроятность, не предпринимаетъ никакихъ мѣръ противъ возможной погибели, не устро-

яетъ громоотводовъ, не сообразуется съ возможнымъ несчастьемъ при постройкѣ дома и т. п. Даже городскія самоуправленія, вѣдающія общіе интересы жителей, совершенно игнорируютъ этотъ гомеопатическій шансъ не нужной гибели. И само законодательство страны обыкновенно не предвидитъ ея въ строительныхъ уставахъ, въ перечисленіи правъ изданія обязательныхъ постановленій для жителей администраціей и городскими думами, земствами и пр.

Понятно, почему въ обыденномъ языкѣ слово надежда относится лишь къ чаянію или ожиданію лучшаго. Никто не говоритъ о надеждѣ на холеру, говорятъ лишь объ опасеніи холеры.

Человѣкъ безсознательно разсчитываетъ только на лучшее и этотъ безсознательный разсчетъ называется надеждой.

Это эмоція, составляющая какъ бы продолженіе и развитіе врожденнаго каждому живому существу инстинкта самосохраненія. Инстинктъ самосохраненія есть надежда въ настоящемъ; надежда—есть инстинктъ самосохраненія въ примѣненіи къ будущему. По всей вѣроятности эмоція надежды возникла изъ самосохраненія. По крайней мѣрѣ, подобно инстинкту самосохраненія, эмоція надежды заключаетъ въ себѣ свѣтлыя и темныя стороны соотвѣтствующія свѣтлымъ и темнымъ сторонамъ инстинкта самосохраненія.

Подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія человѣкъ ставитъ свое я въ центрѣ вселенной, забывая о другихъ, игнорируя даже близкихъ и ближайшихъ къ себѣ. Также и эмоція надежды заставляетъ, принуждаетъ человѣка видѣть лишь свое счастье, свою удачу, свои выгоды, пренебрегая другими, даже закрывая ихъ своимъ непроницаемымъ для свѣта покрываломъ.

Именно на этомъ грубо-эгоистическомъ элементѣ эмоціи надежды основывается страшнѣйшій бичь рода человѣческаго, называемый войной.

Почему люди громадными массами идутъ на войну?

Полагали, что эти массы движутся высокими идеями любви къ отечеству, религіозными стремленіями, любовью къ приключеніямъ храбрости, отваги, рыцарства.

Въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ. Мысль эта есть продуктъ того же самомнѣнія или эмоціи самовозвеличенія. Нѣтъ такой подлости, которую сотворившій ее, не оправдывалъ бы какою либо святостью, т. е. повеленіемъ или разрѣшеніемъ какого либо физическаго или психическаго идола, большею частью имъ же созданнаго или унаслѣдованнаго отъ предковъ. И въ данномъ случаѣ люди склонны къ оправданію войнъ разнаго рода высокими побужденіями, не смотря на то, что почти всегда, за ничтожными исключеніями, причины войнъ очень низменнаго характера. Даже войны Ислама—хищническія войны, также оправ-

дывавшіяся постороннимъ обстоятельствомъ—распространеніемъ идей Магомета. О древнихъ войнахъ нечего и говорить—это исключительное проявленіе хищничества у стоявшихъ во главѣ государствъ.

Но почему же массы, именно страшныя массы слѣпо повиновались какому либо Александру Македонскому или Наполеону? Не страхъ ими руководилъ, не боязнь деспота. Они шли съ радостью, гордясь и славословля своего предводителя.

Въ основѣ этой абсолютно нелѣпой подчиненности массъ одному предводителю лежитъ эмоція надежды.

Ни одинъ солдатъ, за незначительными исключеніями, не разчитываетъ на смерть, идя на войну, какъ ни одинъ изъ владѣльцевъ лотерейнаго билета не разсчитываетъ на несомнѣнный проигрышъ, какъ ни одинъ житель города не считается съ возможностью быть убитымъ молніей, какъ ни одинъ изъ остающихся въ городѣ во время чумы не разсчитываетъ умереть отъ чумы. Каждый разсчитываетъ на благое отношеніе судьбы лично къ нему. И храбрый воинъ смѣло работаетъ въ дѣлѣ избіенія враговъ, руководясь той же эмоціей надежды. Онъ желаетъ отличиться, желаетъ добыть славу и благосостояніе. И оставшіеся въ живыхъ побѣдители превозносятъ храбрость полководца, освѣщаясь лучами его славы. Послѣ 3 милліоновъ людей, убитыхъ Наполеономъ, остались въ живыхъ пережившіе страшные ужасы и они то преклонились предъ величайшимъ въ мірѣ разбойникомъ, какъ предъ величайшимъ геніемъ. Одни отдали честь безпощадности врага, другіе превозносили безпощадность своего полководца, головами своихъ и враговъ усѣявшаго дорогу Франціи къ Славѣ. И нашъ поэтъ Лермонтовъ искренно и глубоко симпатично пѣлъ славу великаго полководца. Онъ также видитъ славу не замѣчая чужой крови. Очевидно, и чужая слава ближе чужой крови... А тѣмъ болѣе близка слава своя собственная, изъ за которой и не видятъ ни мукъ, ни смертей, ни слезъ вдовъ и сиротъ, отцовъ и матерей. Такова проклятая эмоція, съ виду такая гомеопатическая, а въ дѣйствительности создающая, подобно Тамерлану, громадныя пирамиды изъ человѣческихъ череповъ. Все дѣло сводится къ тому, что никто не разсчитываетъ отдать свой черепъ въ видѣ кирпича для страшной пирамиды, но каждый надѣется на свое счастье. И это зерно горушечно движетъ массы. На немъ и только на немъ зиждутся войны.

И думается, что на этомъ зернышкѣ основаны всѣ важнѣйшія человѣческія учрежденія, восточныя деспотіи, римскій цезаризмъ, средне-вѣковыя католическія деспотіи, ужасы удѣльнаго періода Россіи, ужасы Ивана Грознаго. Каждый надѣется, что страшная буря не задѣнетъ его, но скорѣе принесетъ выгоды.

И не даромъ Ивана Грознаго русскій народъ воспѣвалъ въ своихъ чудныхъ пѣсняхъ. Не даромъ онъ величалъ и Стеньку Разина и Пугачева. Воспѣвавшіе не замѣчали крови чужой, а видѣли только безпощадную удаль. Такъ читаются и слушаются съ удовольствіемъ разсказы о похожденіяхъ разбойниковъ. Все это занимательно потому, что рѣчь идетъ о крови ближнихъ, а не своей собственной. Поэтому же съ удовольствіемъ вспоминаются и собственныя бѣдствія, но уже пережитыя и не подлежащія возврату.

Могутъ возразить, что въ жизни оптимизму противополагается пессимизмъ, нѣчто совершенно противоположное. Но въ дѣйствительности пессимизмъ подтверждаетъ лишь страшную силу эмоціи надежды. Байронъ, лучшій изъ представителей европейскаго пессимизма, прекрасно замѣтилъ какъ-то: „На жизнь мы часто руку подымаемъ, но никогда нашъ смертный часъ не будетъ во-время для насъ“.

Пессимистъ дорожитъ жизнью наиболѣе интенсивно. Это болѣзненный оптимизмъ, это верхъ оптимизма. Человѣкъ до того самочувствителенъ, что уколы булавки представляются ему ударами изъ пушки, что чиханье сосѣда является какимъ-то міровымъ событіемъ, вродѣ катаклизма. Это высшая степень самоощущенія, т. е. тѣхъ же началъ самолюбія и самосохраненія. Для пессимиста все отвратительно, потому что Творецъ не счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ нимъ, какъ устроить міръ. Своею жизнью онъ дорожитъ, хотя и признаетъ, что если бы былъ творцемъ, то лучше устроилъ бы ее. Недаромъ Шопенгауэръ ложился спать не иначе, какъ съ револьверомъ подъ подушкой. Онъ дорожилъ жизнью, иначе бы не боялся за нее.

Свѣтлыя стороны надежды состоятъ въ томъ, что самое развитіе этой эмоціи есть проявленіе закона приспособленія къ тяжелымъ жизненнымъ условіямъ. Не будь эмоціи надежды, самая жизнь была бы не мыслима. Какъ не тяжело жить пессимисту, онъ искренно полагаетъ, что никогда нашъ смертный часъ не будетъ во-время для насъ. Только лишенные надежды оканчиваютъ самоубійствомъ. Подобно пріостановкѣ въ дѣятельности сердца, прекращающей жизнь, лишеніе надежды хотя бы на мгновеніе приводитъ къ самоубійству. Спасенный можетъ снова начать спокойную жизнь, когда возстановится біеніе сердца жизни— эмоція надежды.

Прошлое человѣчества до того мрачно, что недоумѣваешь, какъ могли оставаться въ жизни и даже дорожить своею жизнью рабы, крѣпостные, жертвы религіозныхъ преслѣдованій и т. п. Инстинктомъ самосохраненія здѣсь ничего нельзя объяснить. Самосохраненіе можетъ имѣть силу лишь тамъ, гдѣ есть что сохранять. Но что было сохранять рабу, вся жизнь котораго была

однимъ длящимся мученіемъ? Если же онъ все таки дорожилъ своею жизнью, то, значитъ надѣялся на жизнь, которой въ сущности не имѣлъ, надѣялся на облегченіе участи, на лучшее отношеніе и т. д. И люди переносили тысящелѣтія страшныхъ мукъ, подбодряемые эмоціей надежды, разсчетомъ хотя бы на то, что поднятый кнутъ ударитъ другого или послѣ одного удара не будетъ второго. Наивныя, чисто дѣтскія надежды, но имъ и только имъ человѣчество обязано тѣмъ, что дожило и дождалось хотя нѣсколько лучшихъ дней [49]).

И теперь народныя массы больше живутъ не хлѣбомъ, а надеждами, скрашивающими ихъ жизнь и дающими возможность оставаться въ жизни и переносить горе.

V.

Въ основѣ значительной доли экономическихъ ученій лежатъ эмоціи даннаго состоянія общества. Таковы эмоціи, изъ которыхъ выводятся законы ренты, прибыли, заработчей платы, цѣнности и т. д. Все это имѣетъ лишь историческій смыслъ, но не абсолютный, ибо абсолютъ не мыслимъ для эфемернаго существованія. Естественно, что съ измѣненіемъ современныхъ эмоцій должна измѣниться современная политическая экономія.

Такъ современная пол. экономія предполагаетъ, что человѣкъ есть существо, исключительно стремящееся къ выгодамъ, состоящимъ въ матеріальныхъ продуктахъ, что человѣкъ ищетъ только богатства.

Но вѣдь нелѣпо думать, что человѣкъ и теперь даже только „добыватель долларовъ“, а особенно, что онъ вѣчно будетъ таковымъ. Несомнѣнно наступитъ время, когда человѣкъ на первомъ мѣстѣ будетъ ставить духовные интересы и нынѣ господствующіе матеріальные интересы займутъ третьестепенное значеніе. Понятно при такихъ условіяхъ совершенно измѣнится и политико-экономическое міровоззрѣніе. И теперь для ученаго человѣка коммерческій дѣятель, посвящающій всю свою жизнь пріобрѣтенію богатства, представляется ненормальнымъ, психически больнымъ человѣкомъ. Таковъ онъ и дѣйствительно. Дѣло въ томъ, что стремленіе къ сбереженію существуетъ лишь у животныхъ, которымъ приходится голодать въ извѣстные періоды времени. Такъ бѣлка на зиму накопляетъ орѣхи, нѣкоторые жуки листья, пчелы медъ и т. п. Всѣ эти заботы о завтрашнемъ днѣ представляютъ продуктъ существованія черныхъ дней и являются совершенно естественными, какъ естественно собирать медъ съ цвѣтовъ, пока растенія цвѣтутъ, на то время, когда меда въ растеніяхъ не будетъ и не будетъ пищи. Но многіе изъ людей средства къ существованію превращаютъ въ цѣль существованія. Подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій, среди которыхъ

предкамъ приходилось голодать и прятать свои средства существованія отъ хищниковъ, постепенно эмоція предусмотрительности вырабатывается въ хищническій и мрачный инстинктъ накопленія для накопленія. Таковы всѣ добыватели долларовъ. Чѣмъ больше какая либо нація подвержена превратностямъ судьбы, чѣмъ менѣе она обезпечена правомъ и справедливостью, тѣмъ лучше въ ней почва для появленія въ ея средѣ экономическаго разбоя въ видѣ плюшкинства или шейлокства. Какъ пьяницу непреодолимая для его воли сила тянетъ къ алкоголю, такъ непреодолимыя эмоціи тянутъ къ богатству, къ накопленію, не разбирая средствъ. Это несомнѣнно психически и морально больные продукты исторіи и современности.

Укрѣпленіе правъ и водвореніе справедливости въ общественныхъ организмахъ парализуютъ первобытныя эмоціи и здоровые люди начинаютъ все меньше и меньше накоплять, все больше и больше освобождаются отъ рабства у вещей и становятся людьми. Понятно, для „людей“, какъ духовно-моральныхъ существъ, погоня за долларомъ перестаетъ быть цѣлью жизни, матеріальныя блага перестаютъ быть языческимъ идоломъ, требующимъ человѣческихъ жертвоприношеній. Для христіанина—все это безтолочь и тлѣнъ. Не тысячная шляпа украшаетъ женщину, но женщина украшаетъ собою ея одежду. Напрасно думаютъ злосчастныя жертвы Молоха, что это лишь религіозная мечта. Въ дѣйствительности на небо мы переносимъ лишь наиболѣе задушевные наши идеалы. И нѣтъ ничего на небѣ для насъ, чего не было бы на землѣ.

Экономистъ никогда не долженъ забывать словъ поэта: „Все йде, все минае і краю не мае“, хотя при этомъ остается вѣрнымъ и болѣе старое положеніе ветхозавѣтнаго мудреца: „ничто не ново подъ луною“. Все мѣняется, все движется безконечно и безгранично, но въ сферѣ потенцій, присущихъ самой природѣ человѣка. Существованіе этихъ-то потенцій и служитъ для науки аріадниной нитью въ лабиринтѣ вѣчнаго измѣненія и вѣчнаго движенія. Отрицать ихъ значитъ отрицать тождество нашего я, не смотря на всѣ измѣненія, испытываемыя живымъ существомъ или растеніемъ отъ рожденія до смерти.

Интересна эволюція этой мысли въ нашей литературѣ.

Штирнеръ, проводящій чисто звѣрскій эгоизмъ въ книгѣ „Der Einzige und sein Eigenthum“, въ то же время пишетъ: „Я сочувствую каждому чувствующему существу, и его мука мучаетъ меня, а радость радуетъ. Видя страданіе любимаго человѣка, я самъ страдаю и не могу успокоиться, пока не испробую всего, чтобы его утѣшить и развеселить; если онъ веселъ, я радуюсь его веселью“.

Н. К. Михайловскій, приводя эту цитату изъ Штирнера, въ

то же время говоритъ, что „мораль начинается съ того момента, когда человѣческое я накладываетъ на себя какую-нибудь узду“.

По этому поводу В. К. Агафоновъ основательно говоритъ:

Я бы назвалъ моралью „совокупность тѣхъ эмпирическихъ правилъ, для руководства при сношеніи съ другими людьми, которыя вырабатываетъ себѣ человѣкъ въ своемъ жизненномъ опытѣ въ цѣляхъ наименьшей траты психической энергіи. Такъ какъ жизненный опытъ большинства людей одного племени, одной соціальной группы крайне однообразенъ и обыкновенно не удаляется ни вверхъ, ни внизъ отъ средняго уровня данной соціальной среды, то и мораль большинства есть мораль стадная, племенная, классовая. Въ этой морали много „узды“, но еще больше собственнаго благополучія, такъ какъ она вызывается неоспоримымъ личнымъ интересомъ, выгодой, позволяющей человѣку при наименьшей затратѣ психической энергіи получить наиболѣе благопріятный дѣйственный интересъ. По отношенію къ такой „морали“ правы съ одной стороны англійскіе утилитаристы, построяющіе мораль на личномъ интересѣ, съ другой марксисты, утверждающіе, что мораль есть надстройка надъ экономикой“ [50]).

Вполнѣ правъ г. Агафоновъ, что „удовольствіе“ не приложимо къ массѣ моральныхъ дѣйствій. „Наши герои-мученики идутъ на смерть за свободу своего народа, но они любятъ жизнь, умирать имъ тяжело, и, конечно, мы не оскорбимъ памяти погибшихъ борцовъ, объясняя ихъ подвиги утилитарной теоріею „удовольствія“. Мы совершенно отвергаемъ это слово въ подобныхъ случаяхъ и остаемся только при „свойствахъ натуры“, мы утверждаемъ, что героическія натуры осуществляютъ героическое, вопреки эгоизму. Еще болѣе запутываетъ слово выгода. Какая выгода быть повѣшеннымъ, какой интересъ просидѣть всю жизнь въ каменномъ мѣшкѣ Шлиссельбургской тюрьмы“?

Всѣ попытки свести нравственность къ эгоизму равносильны упраздненію нравственности.

Если вы получаете пользу или удовольствіе отъ своей дѣятельности, то, очевидно, вы дѣйствуете во имя пользы или удовольствія. Конечно, въ результатѣ вашей дѣятельности можетъ быть благо ближнему. Такъ богатый человѣкъ изъ тщеславія жертвуетъ большія суммы на благотворительность и получаетъ награду въ видѣ ордена. Кто же назоветъ его жертву нравственной? Это самый обыденный гешефтъ, торговый оборотъ. О нравственномъ стимулѣ въ дѣятельности тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Если бы всѣ люди въ своихъ дѣйствіяхъ—эгоистическихъ или альтрюистическихъ—руководствовались только пользой или удовольствіемъ, то необходимо было бы сказать, что нѣтъ нравственныхъ факторовъ въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, что существованіе ихъ—вымыселъ или ошибка.

А между тѣмъ ежедневные факты не только изъ сферы человѣческой дѣятельности, но даже и изъ дѣятельности животныхъ убѣждаютъ въ противномъ.

Между животными всѣмъ извѣстны факты самопожертвованія для защиты близкихъ. Мать, спасая своихъ дѣтей, храбро бросается на непріятеля, истекая кровью отъ жестокихъ ударовъ, отражаетъ врага, пока не будетъ убита. Какое же ей удовольствіе или какая польза въ этихъ мукахъ самопожертвованія?

Вы скажете—это животный *инстинктъ*. Да, это животный инстинктъ, что и требовалось доказать.

Есть у людей инстинктъ не только пользы, но и добра и правды, какъ есть инстинкты стремленія къ истинѣ.

Другіе называютъ эти инстинкты *эмоціями*.

Э. Кантъ называетъ категорическимъ императивомъ воли. Народъ называетъ голосомъ совѣсти.

Названіе ничего не объясняетъ. Но фактъ не сомнѣненъ.

На каждомъ шагу люди дѣйствуютъ безкорыстно, по нравственнымъ побужденіямъ, повинуясь исключительно голосу совѣсти.

Совѣсть—самое старое, получившее всѣ историческія права давности на названіе безкорыстныхъ побужденій дѣятельности... Только тѣ дѣйствія моральны, въ коихъ единственнымъ мотивомъ служитъ совѣсть.

Откуда она берется?

Отвѣтъ простъ: оттуда же, откуда у насъ зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе.

Подъ вліяніемъ естественныхъ законовъ зрѣніе можетъ быть атрофировано, какъ наприм. у крота, которому оно излишне при подземной жизни и работѣ.

При другихъ условіяхъ оно неимовѣрно развивается, какъ наприм. у орла, парящаго въ небесахъ. Тоже со всѣми чувствами. Тоже и съ эмоціями.

Совѣсть можетъ совершенно заглохнуть, какъ слухъ у рыбъ, какъ зрѣніе у школьника, какъ и умъ у него же, когда ему приходится лучшіе годы жизни зубрить и зубрить. Совѣсть можетъ быть и высоко развита, когда для роста ея встрѣчаются благопріятныя индивидуальныя и соціальныя условія. Она подымается въ громадныхъ массахъ, возвышая и облагораживая дѣятельность и жизнь цѣлыхъ націй, жертвующихъ и жизнью и имуществомъ для освободительныхъ войнъ, для борьбы съ хищниками и эксплоататорами. Часто кажется, что Духъ Святой пролетѣлъ надъ страной и поднялись отъ смертнаго сна всѣ, отъ мала до велика. А можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ это вѣянье Духа Святого...

Въ особенности совѣсть ничего общаго не имѣетъ съ пріобрѣтательными эмоціями. Происхожденіе ихъ глубоко безнравственное.

Глубоко вѣрное исторически и психически замѣчаніе высказываетъ В. Розановъ, утверждая, что стремленіе къ богатству не есть естественная, или первоначальная потребность, а производная, пріобрѣтенная. „Не первоначальны, говоритъ онъ, въ человѣкѣ всѣ стремленія къ богатству. Богатство, какъ обладаніе средствами жизни сверхъ того, что нужно для жизни, служитъ *для удовлетворенія тщеславія*. Это видно изъ того, что тщеславіе обнаруживается въ явленіяхъ, имѣющихъ цѣлію или удивить, или внушить зависть кому нибудь; въ обладаніи жилищемъ, во всѣхъ отдѣленіяхъ котораго нельзя одновременно жить, за ихъ многочисленностью, или платьями, которыхъ одновременно нельзя надѣть по той же причинѣ, или пищею и напитками, которыхъ одному нельзя употребить, лошадьми, на которыхъ нельзя сразу ѣхать, прислугою, которой нечего сразу приказать, *и всѣмъ прочимъ подобнымъ, что не нужно*. Все это, употребляясь попеременно, служитъ для удовлетворенія тщеславія, которое не принадлежитъ къ первоначальнымъ чувствамъ человѣка. Дѣятельность, направленная къ пріобрѣтенію богатства, будетъ ли она личная, общественная или государственная, есть вызванная и не необходимая“ [51]).

Конечно, *стремленіе къ богатству, какъ къ тому что не нужно*, могло возникнуть только послѣ того, какъ человѣкъ удовлетворилъ свои потребности въ томъ, что нужно. Оно могло возникнуть именно изъ тщеславія, т. е. изъ чувства въ свою очередь искусственнаго. Но оно также возникаетъ и изъ того, что господствовала необезпеченность и человѣкъ заботился о завтрашнемъ днѣ, не будучи увѣренъ, что найдетъ необходимое для себя. Въ ограниченныхъ размѣрахъ богатство, какъ форма предусмотрительности черныхъ дней, необходимо. Но начавъ работать въ этомъ направленіи, человѣкъ забываетъ цѣль и средство становится цѣлію. Плюшкинство неизбѣжно именно тамъ, гдѣ нѣтъ обезпеченности, нѣтъ единенія, гдѣ господствуетъ экономическое уединеніе. Это болѣзнь, но не личная, а соціальная.

Пріобрѣтательная эмоція есть такая же невольно, соціальными условіями вызванная, какъ наприм., эмоція бродяжничества.

Въ первое время у первобытныхъ людей количественно потребности не велики, ихъ очень мало. Таковы заботы о физической безопасности, о пищѣ, питьѣ и нѣкоторой одеждѣ. Но удовлетвореніе ихъ не легко, въ особенности при отсутствіи предусмотрительности. Первобытный человѣкъ поэтому долженъ и физически передвигаться съ мѣста на мѣсто. Онъ передвигается, убѣгая отъ звѣрей и себѣ подобныхъ животныхъ. Онъ передвигается, гонясь за пищей, ищетъ лучшаго климата, воды и т. д.

Онъ долженъ быть кочевникомъ и кочевой бытъ его прямо и рѣшительно обусловливается его потребностями.

Но человѣкъ, говоря словами Галіани, есть существо привыкающее къ условіямъ жизни и пріобрѣтенныя привычки обращаются въ естественныя или личныя побужденія. Такъ возникаетъ эмоція движенія, *потребность бродяжничества*, являющаяся первичной формаціей культуры. О силѣ ея можно судить по явленіямъ атавизма, часто встрѣчающимся и теперь. Бродягъ не останавливали ни кнуты, ни шпицрутены, ни смертныя истязанія. „Не щадно били“, а русскіе бродяги все таки брели.

Не легко исчезаютъ эмоціи, сдѣлавшіяся второй натурой, благодаря геологической давности. И теперь люди бредутъ. И если бы возвратились варварскія времена и начали „не щадно бить“ путешественниковъ, странниковъ, любителей всякихъ модныхъ курортовъ и т. п., то и эта крутая мѣра принесла бы не больше пользы, чѣмъ и кнутъ для бродягъ. Измѣнилась форма бродяжничества, но принципъ тотъ же. Необходимо сказать, что стремленіе къ передвиженію является однимъ изъ величественныхъ факторовъ культуры, которому обязаны своимъ существованіемъ массы историческихъ явленій.

Эти потребности были причиною великихъ переселеній народовъ. Онѣ же и теперь являются цементомъ, связывающимъ народы земного шара. Не будь этой потребности движенія, человѣчество застыло бы на данной стадіи эволюціи и вмѣсто человѣка мы имѣли бы стадо простыхъ животныхъ.

Но весьма рано эмоція движенія встрѣтилась съ потребностью въ осѣданіи, въ созданіи гнѣзда, домашняго очага и поля для полученія хлѣба. Сперва осѣдлость была лишь временною, такъ какъ старыя привычки были слишкомъ живы и при томъ главнымъ элементомъ, осѣдавшимъ на мѣстахъ, были женщины, какъ воспитывавшія дѣтей. Мужчина еще долго оставался бродягой и въ самомъ бродяжничествѣ видѣлъ признакъ благородства и бѣлой кости. Но въ концѣ концовъ женщина побѣдила и мужчина сталъ семьяниномъ.

Можно думать, что даже пріобрѣтательная наклонность людей есть производная эмоція бродяжничества. Невѣдомая, но могучая сила говоритъ бродягѣ: иди, иди. И онъ идетъ, какъ вѣчный жидъ, хотя бы и зналъ, что каждый шагъ его пути несетъ другимъ болѣзни и смерть, холеру и чуму. Вмѣсто движенія экстенсивнаго, пріобрѣтатель вѣчно стремится къ новому и новому, вѣчно работаетъ, не досыпая и даже голодая. Онъ хочетъ воздвигнуть вавилонскую башню, хотя и самъ не знаетъ для чего она ему нужна. Онъ рабъ эмоціи бродяжничества и соціалистическое правительство будетъ не щадно бить своихъ гражданъ, но

также будетъ успѣвать, какъ успѣвали и наши предки, пользуясь кнутомъ противъ бродягъ.

И скорѣе люди истребятъ страшныя геологическія формаціи въ физическомъ мірѣ, чѣмъ хотя нѣсколько ослабятъ такія же формаціи въ мірѣ моральныхъ потенцій. Измѣненіемъ конъюнкціи и длительнымъ прогрессомъ эволюціи мы можемъ старыя эмоціи заставитъ замолчать, уступивъ мѣсто новымъ формаціямъ. Но онѣ въ геологическомъ строеніи психики остаются не тронутыми. Это очевидно изъ ихъ жизненности, когда обстоятельства снимаютъ покровъ новыхъ наслоеній. Припомнимъ, что и теперь нерѣдко убійство человѣка человѣкомъ является высокимъ моральнымъ подвигомъ.

Представимъ себѣ великаго писателя русской земли, проповѣдывавшаго непротивленіе злу. Представимъ себѣ, что разбойники нападаютъ на его родную мать. Они мучатъ и истязаютъ ее, смерть угрожаетъ ей каждую минуту. Неужели великій проповѣдникъ непротивленія злу далъ бы полную свободу разбойникамъ мучить, истязать и наконецъ убить его мать, взывающую къ нему о помощи, о спасеніи? Неужели онъ могъ бы спокойно уйти отъ разбоя или же спокойно смотрѣть, какъ они убиваютъ и мучатъ родную мать? О, нѣтъ! Великій писатель русской земли, такъ много думъ вызвавшій въ странѣ, такъ возвысившій родину своими вдохновеніями, въ страшную минуту жизни вспомнилъ бы, что Спаситель, запрещавшій противленіе злому, въ то же время сказалъ, что въ міръ принесъ онъ мечь для истребленія зла. Или, выражаясь ближе къ истинѣ, Левъ Толстой даже не вспомнилъ бы объ этомъ, а естественно, по человѣчьи, вынулъ бы мечь и убилъ бы разбойниковъ, если бы у него для этого было достаточно силъ; или же погибъ бы въ борьбѣ съ ними, если бы силъ оказалось мало [52]).

Такъ поступилъ бы и всякій честный человѣкъ. Стало быть сопротивленіе разбойнику, даже убійство его—честное и святое дѣло.

А наши праотцы на каждомъ шагу, ежеминутно были именно въ такомъ положеніи. Со всѣхъ сторонъ имъ угрожала опасность отъ звѣрей во образѣ человѣка. И совершенно естественно, что всѣ лучшіе люди заботились о своихъ мечахъ, о своихъ силахъ борьбы и истребленія. Эти заботы были также естественны или, выражаясь по нашему, правомѣрны, какъ и стремленія современнаго человѣка къ истребленію разбойниковъ, нападающихъ на его родную мать.

При такихъ то обстоятельствахъ всеобщей войны и истребленія и естественно возникла высокая мораль самозащиты и истребленія разбойниковъ и хищниковъ.

Идеалъ физической силы и хитрости есть лишь символи-

зація высокой человѣчной идеи защиты и истребленія разбойниковъ и хищниковъ. Кровожадность—одна изъ формъ ея же. Ибо мягкосердіе тогда было бы преступною низостью.

Когда homo homini lupus est, тогда все то, что ведетъ къ побѣдѣ надъ врагомъ, стремящимся васъ убить и съѣсть, имѣетъ значеніе наиболѣе жизненнаго фактора, ибо имъ сохраняется жизнь. Понятно, въ этомъ состояніи высокою добродѣтелью, высокимъ моральнымъ идеаломъ являются: физическая сила, храбрость, способность переносить холодъ и голодъ, хитрость, обманъ, кровожадность какъ жестокосердіе, не останавливающееся предъ несчастьемъ врага, предъ нанесеніемъ ему возможно большаго зла. И исторія свидѣтельствуетъ, что именно эти свойства человѣка у первобытныхъ народовъ, вѣчно враждовавшихъ другъ съ другомъ, признавались высочайшими моральными качествами. Не даромъ эти народы даже боговъ своихъ считали кровожадными, жестокими, безсердечными, хитрыми. Свой личный моральный идеалъ люди переносили и на божество.

Теперь мы говоримъ, что это не мораль, а звѣрство, недостойное человѣка.

Но мы глубоко заблуждаемся. Это звѣрство нашихъ предковъ и было самою высокою моралью, какая только и была возможна при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Что бы понять мораль нашихъ предковъ, необходимо себя поставить въ такое положеніе, при которомъ возникали ихъ первичные идеалы морали.

И теперь же мораль предковъ находитъ полное оправданіе во всѣхъ случаяхъ, аналогичныхъ жизни ихъ. Такъ для спасенія жизни всѣ культурные кодексы допускаютъ убійство или изувѣченіе нападающаго разбойника. И общественное мнѣніе осуждаетъ человѣка, не рѣшившагося убить разбойника и допустившаго убійство близкихъ. Не подаяніе помощи жертвѣ разбойника также сурово осуждается. Убійство человѣка такимъ образомъ и теперь, при самомъ высокомъ состояніи культуры, находитъ не только оправданіе, но и освященіе какъ въ положительномъ законодательствѣ, такъ и въ общественной совѣсти.

И теперь также избіеніе враговъ отечества въ военное время всѣми признается великимъ подвигомъ и удачливые полководцы чествуются, какъ герои, сравнительно съ которыми общеполезные подвиги наприм. ученыхъ и изобрѣтателей имѣютъ третьестепенный успѣхъ. Эдиссонъ и Кантъ, Дарвинъ и Пастеръ маленькія величины сравнительно съ Наполеономъ и Велингтономъ. У насъ Скобелева всѣ знаютъ, но никому и мысль не пріидетъ о постановкѣ памятника Менделѣеву, Ключевскому, Соловьеву...

Напрасно видятъ въ каннибализмѣ что-то звѣрское. Въ дѣй-

ствительности каннибализмъ встрѣчается на каждомъ шагу и, если каннибалъ не пользуется славой героя, то признается ловкимъ, умнымъ, честнымъ человѣкомъ, всецѣло преданнымъ интересамъ семьи, а часто и благочестивымъ. Вотъ предъ вами разсчетливый хозяинъ, дорожащій каждой копѣйкой, съ большимъ трудомъ достающейся ему, вслѣдствіе чего онъ ежеминутно находится на краю той пропасти, которая ведетъ къ голоду и бѣдности всей семьи, часто маленькихъ дѣтей, просящихъ хлѣба. Онъ покупаетъ себѣ платье самое дешевое, созданное еще болѣе несчастнымъ рабочимъ, попавшимъ въ колесо потогонной системы. Купивъ дешево, онъ искренно радуется, радуется съ нимъ и вся семья. И этотъ счастливецъ знаетъ, что дешевая покупка —это голодные дни производителя. Онъ радуется въ дѣйствительности голоду ближняго. Онъ одѣтъ только потому, что ближній голъ. Онъ сытъ только потому, что ближній голоденъ. И совѣсть освящаетъ его дѣйствія. Онъ не злое существо, онъ не сынъ дьявола. Онъ человѣкъ, и при томъ добрый человѣкъ, разсчитывающій на хорошую карьеру и въ будущей жизни. Какой же онъ звѣрь! А вотъ ученый, пишущій о великомъ значеніи конкурренціи. Онъ съ удовольствіемъ говоритъ, какъ соперничество, улучшая и удешевляя производство, создаетъ великія богатства. Забывается при этомъ лишь положеніе рабочей массы, превращенной въ орудіе производства вещей. Какой же онъ звѣрь?

Все это люди изъ той породы людей, которые распяли Христа и о которыхъ Христосъ молилъ: Прости имъ, Господи, не вѣдятъ бо, что творятъ.

Не даромъ Я. Гуссъ, при видѣ старушки, сердечно подкладывавшей дрова подъ костеръ, на которомъ онъ былъ сожженъ, воскликнулъ: *sancta* simplicitas.

Не удивительно, что даже наиболѣе образованные наши писатели относятся такъ отрицательно къ альтрюизму. Они выросли въ средѣ, не знающей этой новой силы.

Пр. Исаевъ, какъ послѣдовательный ученикъ К. Маркса, относится безусловно отрицательно къ альтрюизму. Онъ рѣзко критикуетъ Рошера, Книса, Шмоллера, Кидія и Толстого. Онъ пишетъ: „Римскій богачъ, англійскій лордъ, американскій капиталистъ, русскій вельможа изъ поколѣнія въ поколѣніе слыхали этотъ призывъ. Нѣтъ основанія утверждать, что въ былое время этотъ призывъ отличался меньшею силою и краснорѣчіемъ, чѣмъ нынѣ. Нѣтъ, все вдохновеніе, все могущество слова, весь даръ глаголомъ жечь сердца людей были исчерпаны въ прошломъ. Какое воззваніе къ богатымъ, исходящее изъ лучшихъ писателей и проповѣдниковъ новаго времени, превосходитъ увѣщанія и обличенія апостола Павла, блаженнаго Августина, Іоанна Злато-

уста, Саваноролы? Эти вѣщія слова заставляли трепетать людей; они пріобрѣтали надъ нѣкоторыми, немногими такую власть, что давали новое направленіе въ ихъ жизни. Но въ общемъ все оставалось по прежнему: альтрюизмъ производилъ только небольшую рябь, которая не была способна измѣнить даже поверхность общежитія“ [53]).

Къ счастью человѣчества, кромѣ конъюнкціи, кромѣ „среды“, есть еще нѣчто, служащее залогомъ лучшей жизни.

Самъ пр. Исаевъ говоритъ объ успѣхахъ христіанства, хотя и объясняетъ эти успѣхи *„средой“* [54]), но самое описаніе среды лишь подтверждаетъ, что и камни могутъ отвѣтить аминь на проповѣдь искренняго проповѣдника. Вѣдь та среда, въ которой работали первоучители христіанства была безконечно каменистѣе, чѣмъ среда хотя бы XIX вѣка. А между тѣмъ и камни заговорили и превратились не только въ хорошихъ людей, но даже и въ святыхъ мучениковъ. Кромѣ пассивныхъ, рабскихъ, звѣрскихъ эмоцій существуютъ и активныя эмоціи, зовущія человѣка въ лучшій міръ.

Ап. Павелъ хотѣлъ творить желаемое. Онъ хотѣлъ, чтобы между его апостольской волей и дѣломъ не было пропасти. Творю, еже хощу—это апостольскій идеалъ. Но это и всечеловѣческій идеалъ, провозглашенный Спасителемъ въ заповѣди: будьте совершенны, яко же совершененъ есть Отецъ Вашъ небесный. А Отецъ нашъ небесный всемогущъ, для Него мановеніе воли и дѣло—одно и тоже.

До сихъ поръ я говорилъ объ эмоціяхъ, управляемыхъ законами эволюціи и конъюнкціи. Это эмоціи вполнѣ относительнаго характера, возникающія при данныхъ обстоятельствахъ и неимѣющія никакого значенія съ измѣненіемъ этихъ обстоятельствъ, но никогда не исчезающія изъ души человѣка, переходящія изъ состоянія дѣятельнаго въ скрытое состояніе.

Теперь переходимъ къ активнымъ эмоціямъ. Онѣ также представляютъ собою потенцію, но такую, которая имѣетъ своимъ источникомъ душу человѣка и есть ея существо.

Предъ вами двѣ посылки, а заключенія нѣтъ. По законамъ лежащимъ внѣ нашего сознанія и воли, по законамъ, подчиняющимъ себѣ наше мышленіе, управляющихъ самимъ мышленіемъ, предполагается и требуется заключеніе. Содержаніе его для васъ можетъ быть совершенно безразлично, но эмоція души требуетъ заключенія. Заключеніе это есть категорическій императивъ мышленія. Оно требуется, оно предполагается. Безъ него нѣтъ силлогизма, безъ него начатое дѣло не окончено, начатая книга не написана. Можно ли сказать, что это заключеніе проистекаетъ изъ хода мышленія, что оно есть результатъ нашей свободной воли? Очевидно, нѣтъ. Оно необходи-

мо по законамъ, находящимся по ту сторону и мышленія и воли, ибо оно управляетъ мышленіемъ и не подчиняется волѣ, но повелѣваетъ ею. Мышленіе можетъ не выводить заключенія, волѣ можетъ быть противно оно. Тѣмъ не менѣе оно неизбѣжно. Яблоко падаетъ на землю, но закона, управляющаго паденіемъ его, не видѣли до Ньютона, указавшаго на законъ всемірнаго тяготѣнія. Но законъ существовалъ и имъ пользовались люди, помимо сознанія и даже противъ сознанія, такъ какъ господствовавшія міровоззрѣнія противорѣчили ему. Возьмемъ одно-посылочный силлогизмъ: цѣлое состоитъ изъ частей, слѣдовательно часть меньше цѣлаго. Заключеніе естественно и неизбѣжно. Оно не дѣлается только тѣмъ, кто лишенъ способности переводить въ сознаніе и волю явленія жизни. Заключеніе заключается въ въ посылкѣ, оно есть уже, оно дано. Остается человѣку лишь *констатировать фактъ*, это и называется *заключеніемъ*.

И такъ, заключеніе предполагается, напередъ полагается, если такъ выразиться, существуетъ въ самомъ зародышѣ предпосылки, есть осуществленіе идеи потенціи, содержащейся въ этомъ зародышѣ.

Ограничено ли въ данномъ случаѣ мышленіе? Очевидно, нѣтъ. Если бы человѣкъ мыслилъ иначе, онъ былъ бы лишенъ здраваго смысла, онъ не былъ бы мыслящимъ существомъ. Законъ мышленія есть самое мышленіе.

И для того, что бы „творить, еже хощу“ наше хотѣніе должно быть актомъ самоопредѣляемымъ, автономнымъ, самозаконнымъ въ истинномъ смыслѣ слова, т. е. что бы законъ, составляющій существо нашего я, оставался таковымъ во внѣшнемъ проявленіи. Между твореніемъ и волей не должно быть раздѣленія, ибо въ принципѣ, въ идеѣ, въ существѣ—это одно и тоже.

Творческая сила—это *воля*. Утверждаютъ, что ея нѣтъ,—быть можетъ, правы детерминисты. Но всякій изъ насъ на опытѣ знаетъ, что она есть и всякій изъ насъ дорожитъ волей, видя въ ней важнѣйшій элементъ нашего я. Нѣтъ воли, нѣтъ и человѣка.

Воля есть актъ творчества, есть стремленіе къ разрушенію и созиданію. Это накопленная въ личности энергія вѣковъ разрушенія и творчества. Капиталъ воли—основной капиталъ націи. И въ этомъ отношеніи дѣйствительно существуетъ громадная разница между націями. Однѣ закапывали въ гробы полученные ими капиталы, другіе пользовались ими и увеличивали данное предками священное наслѣдство. Между націями съ точки зрѣнія культуры воли несомнѣнно первенство принадлежитъ англичанамъ и они справедливо гордятся, что никогда не были лукавыми рабами, зарывавшими въ землю таланты воли.

Какъ актъ творчества, воля должна быть чистою, такъ сказать трансцедентальною. Прекрасно понялъ это Э. Кантъ, говоря о нравственномъ законѣ, какъ о категорическомъ императивѣ воли. Воля сама по себѣ есть императивъ; иначе, подчиняясь чему-либо, она подчиняется, т. е. перестаетъ быть волей, уступая мѣсто неволѣ, принужденію. Воля можетъ быть понятна только изъ противоположенія своего, изъ понятія о неволѣ. Что такое неволя? Это смерть личнаго я и замѣна его чужимъ. Это отрицаніе личности и замѣна ея безличіемъ. Невольная дѣятельность это работа часового механизма, творящаго волю создавшаго его механика. Поэтому она не вмѣняема, безотвѣтственна, не моральна. Всеобщій законъ прогресса заключается въ освобожденіи жизни отъ механическаго движенія, отъ невмѣняемости, безотвѣтственности, безсознательности. „Овца кротка, говоритъ одинъ изъ учителей Церкви, но что въ этой кротости! Вѣдь она кротка по натурѣ своей и не можетъ быть иною". Эта кротость та же работа часового механизма и міровая эволюція цѣлый рядъ жертвъ принесла въ концѣ концовъ для того, чтобы появилось существо сознательное, отвѣтственное, разумное. Воля—работа творческихъ силъ, продуктъ ихъ и теперь уже, глядя на пройденный путь, можно сказать—цѣль великой эволюціи.

Воля сама въ себѣ есть инициатива въ выборѣ дѣятельности. Она есть *imperium* человѣческаго я въ мірѣ. И, какъ imperium, она есть творчество, т. е. начало дѣятельное по существу своему. Будучи инициативой выбора, воля ео ipso есть дѣятельное начало, ибо выборъ и есть дѣятельность и понятіе о выборѣ и есть дѣятельность, избирающая одинъ путь и отрицающая другой, т. е. творчество.

Отъ развитія ея вполнѣ зависитъ развитіе потребностей человѣка и степень удовлетворенія ихъ. Развитіемъ ея въ странѣ вполнѣ и безусловно опредѣляется производство, распредѣленіе и потребленіе благъ. У однихъ народовъ мы видимъ безпрестанную дѣятельность, не останавливающуюся ни предъ какими препятствіями, охотно завоевывающую моря и пустыни, не останавливающуюся предъ врагами, какъ предъ враждебными силами природы. У другихъ народовъ малодѣятельное, не живое, не предпріимчивое населеніе нищенствуетъ и среди благодатнѣйшей природы. Одни побѣждаютъ міръ, пользуясь полнѣйшей свободой; другіе прозябаютъ въ рабствѣ, избѣгая собственной воли больше, чѣмъ кнута. Кнутъ у нихъ можетъ дать хотя безопасность отъ съѣденія другъ другомъ, а свобода создаетъ лишь анархію, убійства, да иллюминаціи. И нѣтъ выхода для личности, ставшей выше историческихъ опредѣленій, употребляя прекрасное выраженіе покойнаго Грановскаго. Она сама должна быть между молотомъ и наковальней, потому, что та соціальная среда, изъ кото-

рой личность силой генія освободилась, знаетъ лишь или молотъ или наковальню. И напрасно думаютъ, что страна, вѣка пробывшая между молотомъ и наковальней, мановеніемъ просвѣщеной власти можетъ сразу сдѣлаться свободной. Нѣтъ такой просвѣщенной власти, которая могла бы сразу вернуть кроту глаза, атрофированные жизнью въ подземной тьмѣ. Тутъ нужно время, нужны силы эволюціи, конъюнкціи и прогресса для созданія атрофированныхъ элементовъ.

„Не видимая Божія, твореньми помышляема, видима суть присносущная сила и Божество". Это великія слова и въ нихъ величайшая въ мірѣ истина.

Богъ не устами говоритъ съ человѣкомъ, но своею мыслью, выражаемою твореніемъ. По прекрасному выраженію А. Эспинаса, „божественное творчество не обнаруживается въ природѣ (наприм. въ ростѣ растенія) какимъ-либо внѣшнимъ вмѣшательствомъ сознательной воли. Оно обнаруживается въ основныхъ силахъ, скрытыхъ въ растеніи, такъ какъ нѣтъ другихъ силъ въ этомъ существѣ, лишенномъ центральнаго сознанія" [54]).

Вся міровая эволюція живыхъ организмовъ свидѣтельствуетъ о божественной „присносущной силѣ", въ теченіи, быть можетъ, сотень милліоновъ лѣтъ развивающейся и накопляющейся въ нихъ. Начиная отъ атома мертвой матеріи и оканчивая человѣкомъ, мы видимъ постепенное развитіе самосознанія. Начавшись едва мерцающимъ чувствомъ въ первичной клѣточкѣ, эволюція представляетъ намъ систематическій ростъ мысли, какъ высшаго увѣнчанія личности, индивидуальности бытія. Но этотъ ростъ сознанія только въ извѣстной мѣрѣ происходилъ безсознательно или физико-механически. Законы эволюціи требовали еще въ большей мѣрѣ активности со стороны эволюціонирующихся. Такъ отличающійся наибольшимъ мужествомъ естественно побѣждалъ менѣе сильныхъ и передавалъ человѣчеству появившійся и воспитанный имъ капиталъ мужества. Такъ первая мать, почувствовавшая особыя материнскія наклонности къ дѣтямъ и проявившая ихъ въ своихъ заботахъ о дѣтяхъ передала потомству капиталъ материнства, ея дѣти лучше были сохранены, чѣмъ дѣти другихъ, не имѣвшихъ надлежащаго материнскаго чувства. Поэтому же трудолюбивый человѣкъ, имѣя тѣмъ самымъ средства сохранить дѣтей, скорѣе передаетъ эмоцію трудолюбія своимъ потомкамъ, чѣмъ празднолюбивое существо.

Но и въ самомъ человѣкѣ первыя эмоціи творчества, какъ воплощенія потенціи сознанія, могли быть получены отъ его предковъ, которые въ теченіи милліоновъ лѣтъ работали надъ собою, пока наконецъ не получилось высшее на землѣ сознаніе въ человѣкѣ. Сколько борьбы за существованіе, сколько борьбы съ природой и другими животными, сколько міровыхъ катастрофъ

пережила органическая жизнь на землѣ, пока не появился наконецъ человѣкъ, подчинившій себѣ и самую природу и все болѣе и болѣе упраздняющій борьбу, замѣняя ее союзностью для лучшаго существованія. Не пассивно подчинялось живое невѣдомымъ ему силамъ на своемъ эволюціонномъ пути, не пассивно влекли эти силы протоплазму къ созданію человѣка. Безъ активнаго элемента, безъ культивированія силы, ума, чувства и т. п. міровая эволюція, отождествляемая съ ростомъ прогресса, была бы не мыслима. Жизненные элементы были не глиной, изъ которой по своему усмотрѣнію эволюція вырабатывала формы, но это были дѣйствительно жизненные, т. е. активные, творческіе элементы. Божественная искра творчества, зародившаяся въ матеріальномъ атомѣ, постепенно разгоралась, неустанно работала, передавая поколѣніямъ свои начала, развиваясь и разростаясь въ теченіи милліардовъ лѣтъ. И человѣкъ, какъ созданіе божественной мысли, выражаемой міромъ вѣчной эволюціи, есть *накопленная творческая энергія*. Онъ сынъ Божій. Онъ сынъ Творца и поэтому творческая энергія есть его естественная природа.

Лукавый рабъ часто зарываетъ въ землю данный ему капиталъ. Но въ своей недѣятельности онъ находитъ для себя наказаніе. Въ немъ еще при жизни атрофируется человѣкъ, т. е. онъ умираетъ раньше своей физической смерти и законы міровой эволюціи не оставляютъ его въ покоѣ: люди, не культивирующіе въ себѣ божественнаго огня, т. е. энергіи или творчества, сперва прозябаютъ, а потомъ и вымираютъ, какъ вымираютъ дикіе народы.

Культура творческой потенціи человѣка—вотъ божественная заповѣдь, извѣстная чуть ли не всѣмъ религіямъ земного шара. И наука о благосостояніи есть наука о законахъ культуры творчества, о волѣ человѣка, о развитіи божественнаго капитала, завѣщаннаго человѣчеству вѣками и милліонами лѣтъ міровой эволюціи. Потребности—лишь маршрутъ для проявленія человѣческаго творчества, но слабый и временный, имѣющій значеніе до появленія широкаго сознанія.

VI.

Накопленная и культивированная милліонами лѣтъ *энергія* представляетъ собою потенціальную силу, идею возможности, ищущую воплощенія въ фактахъ жизни. *Переходъ потенціальной силы въ реальную и есть дѣятельность человѣка.*

Переходъ этотъ осуществляется въ опредѣленной средѣ и подъ вліяніемъ опредѣленныхъ возбудителей. Потенціальная сила зерна можетъ быть убита каменистой почвой, растеніе убивается засухой. Безъ тепла и влаги зерно не дастъ ростка. Отсюда различіе въ реализаціи энергіи человѣка у разныхъ народовъ, какъ и различіе среди разныхъ націй въ капиталѣ энергіи. Одни на-

роды, подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, полученный отъ предковъ родовой капиталъ энергіи пріумножаютъ, у другихъ онъ умаляется, часто разрушается, аннулируется. У богатыхъ народовъ замѣчается громадная трудовая энергія, не смотря на отсутствіе такихъ вульгарныхъ возбудителей, какъ голодъ и нужда. У другихъ, не смотря на обиліе этихъ вульгарныхъ возбудителей, трудовая энергія атрафирована вѣковымъ гнетомъ, отсутствіемъ самодѣятельности, иниціативы и самосознательной свободной дѣятельности. И мы на каждомъ шагу можемъ наблюдать, какъ, вопреки экономической доктринѣ, населеніе испытываетъ острую нужду въ самомъ необходимомъ и въ тоже время трудовая энергія его ничтожна. Даже голодъ со всѣми его мрачными спутниками не можетъ дать силу народу, у котораго она отнята мачихой-исторіей. И часто хозяйство такого обезсиленнаго экономически народа напоминаетъ хозяйство у подошвы огнедышущей горы. Сколько бы ни помогали голодному населенію, чрезъ четыре—пять лѣтъ опять приходится помогать и т. д. И нѣтъ выхода изъ бѣдствій. На высшихъ ступеняхъ культуры производительность земли зависитъ отъ головы. Какъ же убѣдить въ этомъ человѣка, у котораго нѣтъ головы? Очевидно, дѣло не поправимое, пока не будетъ найдена у несчастнаго и голоднаго его собственная голова.

Энергія, какъ наслѣдственный національный капиталъ, есть не только безъобъектная сила, подобно наприм. электрической силѣ, то направляемой къ производству хлѣба, то направляемой къ уничтоженію людей, но въ значительной степени также телеологическая сила. Извѣстны историческіе факты передачи по наслѣдству опредѣленной энергіи. Склонность лишь къ опредѣленнымъ занятіямъ часто представляетъ собою непреодолимое препятствіе къ ассимиляціи цѣлыхъ племенъ и народовъ. Такъ цыгане нигдѣ не ассимилируются съ кореннымъ населеніемъ, но продолжаютъ свой кочевой образъ жизни, наполненный лишеніями, бѣдствіями, страшной нуждой въ самомъ необходимомъ. Если бы сотую долю своей энергіи цыгане употребили на земледѣліе или промышленность, они были бы вполнѣ сыты и довольны. Но все-таки они предпочитаютъ свою голодную, нищенскую бродячую жизнь осѣдлой, культурной жизни. И каждый изъ нихъ сознаетъ, что на своемъ національномъ пути онъ не найдетъ сытости и довольства; не найдетъ благосостоянія. Тѣмъ не менѣе онъ остается цыганомъ, презирающимъ осѣдлую жизнь культурныхъ народовъ. Ясно, что наслѣдственная энергія націи направляетъ ихъ трудъ, всю ихъ дѣятельность умственную, моральную и матеріальную по опредѣленному пути и нужна громадная сила личности, чтобы высвободиться отъ историческаго самоопредѣленія. Быть можетъ, понадобятся цѣлыя тысящелѣтія, чтобы на-

родъ оставилъ свой историческій путь, оказавшійся не соотвѣтствующимъ новымъ условіямъ жизни человѣчества. Но теперь любой цыганъ спокойно согласится, чтобы погибло все человѣчество, но сохранилось бы цыганство съ его бродячестью, нищенствомъ и голодовками.

На цыганахъ мы видимъ образецъ передачи по наслѣдству объективированной національной энергіи, происхожденіе которой кроется въ до-историческомъ періодѣ жизни человѣчества. Но можно указать и на факты искусственнаго образованія у народа строго объективированной національной энергіи, заставляющей націю и ея отдѣльныхъ членовъ работать лишь въ исторически опредѣленномъ направленіи, не смотря на полнѣйшую безрезультатность этой работы Данаидъ. Таковы евреи, еще до Р. Христова занявшіеся торговлей и посредничествомъ, вслѣдствіе малой производительности земледѣлія на своей родинѣ. Въ теченіи двухъ—трехъ тысящелѣтій посредническая дѣятельность сдѣлалась второй природой племени и всѣ усилія къ направленію труда націи на иные пути оказываются рѣшительно безплодными. Императоръ Николай I для привлеченія евреевъ къ земледѣлію не останавливался предъ такими рѣшительными мѣрами, какъ отнятіе дѣтей и воспитаніе ихъ христіанами, но изъ его воспитанниковъ выходили хорошіе посредники, даже умные чиновники, но не земледѣльцы. Наслѣдственныя привычки, заключенныя потенціально въ крови, брали верхъ надъ суровыми казенными мѣропріятіями.

Въ сущности эта же историческая сила лежитъ въ основѣ и всей національной экономіи. Потребности не только не руководятъ ею, но вполнѣ ей подчиняются.

Духовенство наше представляетъ собою лучшую иллюстрацію этого закона. Не смотря на трудность полученія приходовъ, дѣти предковъ духовнаго званія ищутъ только духовнаго званія. Даже школа, превращенная изъ спеціальной духовной въ почти общую гражданскую, не отвлекаетъ своихъ питомцевъ въ иныя сферы дѣятельности, за ничтожными исключеніями, лишь подтверждающими самимъ существованіемъ своимъ общее правило. Дѣти прекрасно знаютъ, что имъ предстоитъ не легкая жизнь, какую вели и ихъ отцы. Но тѣмъ не менѣе охотно идутъ по дорогамъ своихъ отцовъ. Они чувствуютъ силу призванія, какъ принято въ подобныхъ случаяхъ выражаться. Это призваніе и есть зовъ энергіи, накопленной вѣками и требующей опредѣленной реализаціи.

Поэтому же дѣти служилаго сословія предпочитаютъ за нищенское жалованье всю жизнь проводить въ душныхъ канцеляріяхъ, вмѣсто работы на свѣжемъ воздухѣ на землѣ, работы не только болѣе здоровой, но и болѣе доходной.

Когда данной стадіи накопленія объективированной уже энергіи соотвѣтствуютъ потребности, тогда населеніе чувствуетъ довольство. Потребности находятъ свое надлежащее удовлетвореніе, каковъ бы не былъ относительный уровень силъ и средствъ, спроса и предложенія, нуждъ и труда. Люди могутъ довольствоваться чисто матеріальнымъ бытомъ, не чувствуя еще духовныхъ потребностей или чувствуя ихъ въ слабой мѣрѣ. Тогда идеаломъ благосостоянія служитъ матеріальная культура. Можетъ быть и на оборотъ; подъ вліяніемъ конъюнктіи духовныя потребности получаютъ преобладаніе и матеріальныя нужды кажутся чѣмъ-то низменнымъ, животнымъ, не соотвѣтствующимъ человѣческому достоинству. Тогда возникаютъ идеалы умерщвленія плоти, идеалы духовнаго подвижничества.

Въ обѣихъ крайностяхъ энергія одна и та же, но измѣняется ея объектъ. Эпикуреизмъ направляетъ ее на потребности тѣла, стоицизмъ на нужды духа. Но можетъ быть въ одномъ и томъ же человѣкѣ не одинаковъ уровень разныхъ потребностей. Можно умственно сознавать всю пошлость низменныхъ потребностей и въ то же время воля подчиняется этимъ низменнымъ потребностямъ, какъ наслѣдственной энергіи, объективированной въ опредѣленномъ направленіи. Такъ Сенека, учившій о ничтожествѣ потребностей, въ то же время накоплялъ громадныя богатства, пользуясь могуществомъ своего ученика, страшнаго Нерона. Такъ Соломонъ, учившій о суетѣ суетъ, наполнялъ свои дома роскошью и гаремами. Такъ и гр. Толстой, учившій о благѣ низведенія потребностей къ минимуму, убоялся даже мысли, чтобы семья его могла бѣдствовать, хотя лично для себя готовъ былъ, ничего не жалѣя, радостно осуществить свою теорію. Нерѣдко подобная двойственность поражаетъ, возникаетъ даже мысль о неискренности проповѣдуемыхъ убѣжденій. Idea et voluntas idem et eadem res est. Это вѣрно. Но если новая идея встрѣчается съ идеей, выработанной милліонно-вѣковымъ періодомъ эволюціи, то ясно, что побѣда будетъ не за новшествомъ, а за идеей покойниковъ, похороненныхъ въ крови живущихъ.

Это имѣетъ значеніе не только теоретическое. На дѣлѣ потребности матеріальныя признаются всемогущими для жизни единственно потому, что это потребности эволюціоннаго періода, когда въ теченіи милліоновъ лѣтъ до человѣческаго періода живое существо культивировало едва ли не исключительно потребности тѣла. Человѣкъ ее своими не матеріальными потребностями, характеристически отличающими его отъ животныхъ, носитъ въ своемъ организмѣ весь періодъ чисто животной эволюціи. Онъ получилъ въ свою кровь элементы первороднаго грѣха и эти элементы уже въ силу своей вѣковѣчности болѣе могущественны, чѣмъ чисто человѣческія нужды. Человѣкъ прежде всего

животное, носящее въ себѣ въ потенціальномъ состояніи животную жизнь, предшествовавшаго періода.

И нельзя не признать настоящимъ чудомъ то, что человѣческіе элементы не были задушены и поглощены страшнымъ потокомъ животно-матеріальной эволюціи, что свѣтъ не погасъ во тьмѣ ночи безконечной и неисчислимой, предшествовавшей появленію сознанія. Эволюціонисты съ трудомъ перескакиваютъ пропасть, отдѣляющую матерію отъ чувства и мысли, допуская даже чудо въ видѣ случая, нарушающаго догматъ законоподчиненности. Но еще большій скачекъ нужно сдѣлать для пропасти, отдѣляющей матеріальныя потребности наприм. растенія отъ духовныхъ потребностей Менделѣева, Ключевскаго, Соловьева, Толстого. Первые зародыши человѣческой жизни встрѣтили въ крови человѣка готовый матеріальный міръ потребностей и энергіи, уже объективированной въ направленіи именно этихъ потребностей. И тьма не объяла свѣта. И хотя еще далеко, когда свѣтъ освѣтитъ всю тьму, тѣмъ не менѣе уже давно человѣчество пришло къ сознанію, что лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ самодовольной откормленной свиньей. Уже первобытный человѣкъ искалъ Бога. Мало того, онъ своему Богу приносилъ даже свою жизнь и жизнь всего, что дорого ему.

Когда животное узнало Бога, дѣйствительно появился человѣкъ. И много исторической правды въ словахъ: Богъ вдунулъ въ животную матерію душу живую и былъ созданъ человѣкъ.

Знаніе и воля—одно и то же, а между тѣмъ правъ Ап. Павелъ, жалуясь на „инъ законъ, противовоющъ законамъ ума моего“. Какъ видимъ, есть и силенъ этотъ „инъ законъ“. Онъ—законъ животной эволюціи, за нимъ страшная многовѣковая давность, а съ ней и сила инерціи. Но тѣмъ не менѣе idea et voluntas—idem et eadem res est, по прекрасному выраженію Спинозы. Идея и воля—одно и то же. Мало того. Можно сказать, идея и жизнь—одно и то же. Ибо гдѣ нѣтъ идеи, тамъ прозябаніе, а не жизнь. И слѣпая эволюція въ концѣ концовъ оказалась планомѣрною, т. е. идеесообразною. Мало того. Эта слѣпая эволюція въ лицѣ языческихъ волхвовъ пришла на службу новой жизни и всю свою мощь направила къ укрѣпленію ея. Мысль укрѣпилась законами эволюціи и въ концѣ концовъ открыла путь къ сознательной эволюціи, къ осознанію законовъ ея и затѣмъ къ подчиненію ея человѣческой волѣ.

Люди весьма рано замѣтили, что духовное начало представляетъ собою могущественнѣйшее орудіе въ борьбѣ за существованіе съ природой и другими людьми. Появилось настоящее преклоненіе сперва предъ хитростью, затѣмъ предъ умѣньемъ, потомъ предъ умомъ и знаніемъ. Началось обожествленіе выдающихся государственныхъ дѣятелей, своимъ умомъ и доброй во-

лей создававшихъ благосостояніе и культуру. Въ свою очередь развившееся знаніе принесло очевидные всѣмъ плоды въ техникѣ производства, въ сношеніяхъ между людьми, въ побѣдѣ надъ пространствомъ, надъ силами природы. Человѣкъ изъ раба природы все болѣе и болѣе превращается въ побѣдителя ея.

Но еще важнѣе и могущественнѣе оказалось сознаніе, что не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ, что хлѣбъ, т. е. матеріальныя нужды нѣчто второстепенное и ничтожное. Развитіе духа—единое на потребу, все остальное приложится само собою, разъ человѣкъ станетъ дѣйствительно человѣкомъ, какъ существомъ созданнымъ по образу и подобію Бога. Величайшія слова Спасителя: изслѣдуйте истину и истина дастъ вамъ свободу—были величайшимъ откровеніемъ, все значеніе котораго еще не уяснено человѣчествомъ, но съ каждымъ шагомъ на культурномъ пути не только уясняется, но и становится краеугольнымъ камнемъ дѣятельности.

І. Христосъ говорилъ эфемеридамъ: не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ. И для чего эфемеридѣ, не знающей, будетъ ли она жива въ наступающую секунду, заботиться о немъ. Жизнь ея—мгновеніе. А между тѣмъ она нагромождаетъ камни на камни, строитъ вѣковыя житницы и собираетъ въ нихъ хлѣбъ. И она готова душу свою отщетить, лишь бы у нея было какъ возможно больше средствъ—на завтрашній день, когда ея уже не будетъ на свѣтѣ. Что же это какъ не безуміе? Но съ другой стороны жизнь эфемеридъ, какъ рода, представляетъ собою нѣчто совсѣмъ не эфемерное. Эти существа мгновенія, родящіяся для того, чтобы родить другихъ и исчезать безслѣдно, образуютъ фундаментальную культуру, побѣждающую враждебныя силы природы и постепенно вырабатывающую разумъ, вѣру, надежду, любовь. Исчезаютъ нагроможденные камни на камни, исчезаетъ все, что является дѣломъ эфемеридъ-людей, но есть нѣчто, что живетъ въ потокѣ геологическихъ эпохъ и никогда не умираетъ.

Объ этомъ вѣчно-живущемъ и не умирающемъ и говоритъ І. Христосъ, ссылаясь на Отца Небеснаго, который питаетъ и украшаетъ птицъ и весь растительный міръ. Оно есть и въ душѣ человѣка, представляя собою естественное сбереженіе, данное самой природой, сбереженіе, которое никогда не прекращается, но вѣчно увеличивается. Только вмѣсто нагроможденныхъ камней на камни оно хранится въ мірѣ не рукотворенномъ—въ потенціальныхъ тайникахъ души человѣка. Въ каждомъ человѣкѣ, въ его потенціальной силѣ живетъ человѣчество вообще и въ частности весь родъ, всѣ его предки. Новѣйшія наслоенія психической геологіи покрываютъ болѣе старыя. Но о существованіи послѣднихъ точно и опредѣленно говорятъ факты атавизма, могущественныхъ проявленій силъ давно исчезнувшихъ для міра

матеріальнаго, но остающихся неприкосновенно въ потенціяхъ души.

Этотъ потенціальный міръ и есть самая дѣятельная сила, которая вѣчно творитъ въ направленіи интеграціи жизнь эфемеридъ, не смотря на дифференціаціи мгновенія и конъюнкціи. Духовно-нравственныя силы, изъ вѣка въ вѣкъ накопляемыя въ потенціяхъ души, управляютъ людьми и ведутъ ихъ по пути, намѣченному назадъ тому страшныя геологическія эпохи. Въ этихъ дѣйствительныхъ сбереженіяхъ, въ этомъ исторически накопленномъ богатствѣ потенцій и заключается залогъ прочности культуръ, часто переживающихъ вѣка противодѣйствія и разрушенія.

Въ минуты соціальной и государственной жизни трудныя этой научной истины никогда не нужно забывать. Она тотъ свѣточь, которымъ освѣщается и самый гнетущій мракъ. Еще не такъ давно русскіе люди съ ужасомъ думали о разложеніи родины революціонной смутой. Но можетъ ли пасть нація, въ потенціальномъ мірѣ которой находятся силы, пережившія страшную татарщину, время Грознаго, смутное время. Можетъ ли исчезнуть народъ, безъ наступленія создавшій величайшее въ мірѣ государство? Можетъ ли умереть нація, въ національной потенціи которой есть силы, создавшія Пушкина, Лермонтова, Достоевскаго, Чернышевскаго, Менделѣева и Толстого? Великія потенціи могутъ быть закрыты позднѣйшими наслоеніями, но наступитъ пора и историческія силы перейдутъ изъ потенціальнаго міра въ реальный. Пробудится орелъ и найдетъ свой путь къ вершинамъ и поднебесью, а то и къ небесамъ...

Видящіе въ личномъ интересѣ и собственности основны мотива дѣятельности забываютъ самый простой фактъ, что человѣкъ лишь временный жилецъ на землѣ, а между тѣмъ въ теченіи тысящелѣтій накопляетъ и создалъ ту величественную матеріальную культуру, которая какъ бы заставляетъ думать, что работавшіе надъ нею предполагали вѣчно жить и вѣчно пользоваться плодами своей энергіи. Говорятъ, что временный владѣлецъ земли не имѣетъ такихъ побужденій къ работѣ, какъ собственникъ. Но вѣдь это говорятъ о человѣкѣ, т. е. о временномъ жильцѣ на землѣ. Если бы въ основѣ дѣятельности лежали мотивы лишь твердой заинтересованности, то никакой матеріальной культуры и не могло бы существовать. Человѣкъ остался бы звѣремъ и въ лучшемъ случаѣ предусмотрительнымъ звѣремъ, не способнымъ къ той неусыпной работѣ, благодаря которой дикарь превратился въ культурнаго европейца.

Дайте человѣку, говоритъ А. Юнгъ, во временное пользованіе садъ и онъ превратитъ его въ пустыню. Но Богъ далъ человѣку на мгновеніе землю и онъ превратилъ ее въ садъ.

Очевидно, не тамъ экономисты ищутъ мотивовъ труда, гдѣ слѣдуетъ ихъ искать. Необходимо допустить совсѣмъ иное. Сердце всего живого работаетъ, не имѣя въ виду никакого интереса, ни личнаго, ни общественнаго. Съ точки зрѣнія работающаго сердца и личный и общественный интересы—прекрасная вещь, но не имъ подчинена его дѣятельность. Оно работаетъ по той простой причинѣ, что *для него работа есть функція его,* или—*категорическій императивъ Судьбы,* создавшей его. Также работаетъ и человѣкъ. Не работать онъ не можетъ. Трудъ есть функція мускульной и нервной системъ, а еще проще—*трудъ есть такая же необходимая эмоція, какъ и дѣятельность сердца.*

Это свойство указываетъ и на критерій для оцѣнки человѣка и общества съ экономической точки зрѣнія. Гдѣ трудъ обременителенъ, тамъ сердце или страдаетъ порокомъ или стѣснено въ своей дѣятельности окружающими органами. Необходимо исправить зло, необходимо подлѣчить соціальный организмъ, ибо болѣзнь угрожаетъ и самому организму.

Біеніемъ сердца опредѣляется вся дѣятельность организма. Смерть наступаетъ немедленно, когда сердце перестанетъ работать. Это коренной центральный двигатель въ организмѣ. Соотвѣтственно этому, энергія или воля или лучше волевая энергія, служащая выраженіемъ эмоцій, опредѣляетъ всю дѣятельность соціальныхъ организмовъ. Богатство или бѣдность народа, процвѣтаніе или упадокъ страны, одностороннее классовое или общее развитіе благосостоянія—все это зависитъ отъ состоянія національной энергіи совершенно также, какъ отъ энергіи сердца зависитъ физическое здоровье организма. Человѣкъ можетъ высоко развить свои умственныя способности, можетъ проводить жизнь въ высокихъ подвигахъ нравственности и долга, можетъ свою жизнь подчинить разсудку и т. п., но если у него сердце плохо, онъ обреченъ на преждевременную смерть или хилую жизнь. И нація, волевая энергія которой страдаетъ аневризмомъ, не можетъ быть бодрою и живою. Она мучится безпричинной тоской, отъ которой ищетъ забвенія въ табакѣ, спиртѣ, въ оргіяхъ разврата. Но за минутнымъ забвеніемъ здоровье еще болѣе подрывается и порокъ сердца еще съ большей силой ускоряетъ свой разрушительный процессъ. Отдѣльныя части національнаго организма могутъ работать исправно, но раньше или позже и ихъ дѣятельность поражается ослабленіемъ центральной силы. И напрасны будутъ всѣ попытки врача, направляющаго свои усилія противъ слабой дѣятельности почекъ, печени, кишечника. Все это паліативы, временно облегчающія тяжелое положеніе, но не улучшающіе здоровья. Близкимъ и роднымъ тяжело осознать фактъ страшнаго бѣдствія, но самообманъ обыкновенно не надолго успокаиваетъ ихъ и всѣ паліативы имѣютъ лишь значеніе

такого вполнѣ простительнаго, но и безполезнаго обмана. Смерть или жизнь безъ жизни, эта тьма безъ темноты, недостойное человѣка прозябаніе со звѣрскими порывами отчаянія—вотъ естественный удѣлъ пораженныхъ аневризмомъ. Иногда бываетъ, что несчастные какъ будто оживаютъ, начинаютъ нападать на взяточничество и казнокрадство, даже вѣшаютъ взяточниковъ и казнокрадовъ. Но, занявъ освободившіяся вакансіи, съ буквальною точностью повторяютъ старое. Иначе и быть не можетъ [55]).

IX. Идеи.

По словамъ русскаго поэта, „часто въ жизни то бывало, кто-то свѣтлый подлетитъ и подыметъ покрывало и въ далекое манитъ“. И нѣтъ на земномъ шарѣ человѣка, который не испытывалъ бы этого зова и вліянія „кого-то свѣтлаго“. Замѣчено также, что таинственный свѣтлый чаще всего появляется тамъ, гдѣ его меньше всего можно было ожидать. Большею частью онъ избѣгаетъ каменнымъ палатъ и роскошныхъ дворцовъ, милліардеры американскіе его совсѣмъ не знаютъ или знаютъ лишь по воспоминаніямъ трудовой и злосчастной юности. Поэтому они и умираютъ отъ скуки, проклинаютъ свою скучную жизнь, хотя и не соглашаются промѣнять ее на судьбу рабочаго бѣдняка. Они также рабочіе и нерѣдко больше работаютъ, чѣмъ послѣдній бѣднякъ. Но работа не даетъ имъ покоя и седьмой день имъ въ тягость, а не отдыхъ и радость. Работа американскаго милліардера это убійство времени, это законное самоубійство отъ тоски и пресыщенія. „Кто-то свѣтлый“ давно оставилъ подобныхъ людей и нѣтъ въ ихъ жизи, по ихъ же собственному сознанію, ничего свѣтлаго.

Кто же онъ, этотъ свѣтлый и таинственный?

Другой нашъ поэтъ въ стихотвореніи „Ангелъ“, отвѣчаетъ, что это небожитель. Ангелъ, несшій на землю душу, тихую пѣсню пѣлъ о Богѣ великомъ.

Онъ младую душу въ объятьяхъ несъ
Для міра печали и слезъ.
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Вотъ почему душа человѣка и томится найти слова къ чуднымъ небеснымъ звукамъ, т. е. найти смыслъ жизни. Никакая земная музыка ее не удовлетворяетъ. Человѣкъ ищетъ неба.

Такъ говорили и думали поэты. Прозаиковъ это не удовле-

творяетъ хотя бы по той простой причинѣ, что они прозаики, что нужно быть поэтомъ, что бы чувствовать то, что чувствуетъ поэтъ. А разъ нѣтъ соотвѣтствующаго чувства, то и нечего спрашивать о немъ [1]).

Но горе великое не имѣющимъ ушей, чтобы слышать и глазъ, чтобы видѣть. Прозаикъ Амасія донесъ Іеровоаму, царю Израильскому, на пророка Амоса, что де появился пастухъ и предсказываетъ скверное царю, а самому пророку предложилъ уйти вонъ изъ страны. И Амосъ сказалъ Амасіи: я не пророкъ и не сынъ пророка. Я былъ пастухъ и собиралъ сикоморы. Но Господь взялъ меня отъ овецъ и сказалъ мнѣ: иди, пророчествуй къ народу Моему Израилю. А за то, что ты меня изгоняешь, вотъ что говоритъ Господь: жена твоя будетъ обезчещена въ городѣ, сыновья и дочери твои падутъ отъ меча, земля твоя будетъ раздѣлена межевою вервью, а ты умрешь въ землѣ нечистой и Израиль непремѣнно выведенъ будетъ изъ земли своей.

Исполнились слова пастуха, котораго Господь взялъ отъ овецъ. И съ тѣхъ поръ не мало было пророковъ, взятыхъ Господомъ отъ овецъ, хотя еще больше бываетъ пророковъ, годныхъ лишь въ пастухи къ овцамъ—это и есть дѣйствительные прозаики, на которыхъ и до сихъ поръ исполняется слово Бога, сказанное чрезъ пастуха Амоса Царю Израильскому и его народу.

Богъ зоветъ. Сила вышняя призываетъ. Народъ обозначаетъ этотъ таинственный процессъ простымъ словомъ: призваніе. Хорошее это слово и много жизненной правды въ немъ.

Къ сожалѣнію, какъ уже замѣтилъ О. Контъ, то, что ближе всего къ намъ, менѣе всего изучается и осознается. Призваніе—это весь человѣкъ, вся суть нашей жизни, а между тѣмъ оно менѣе всего было предметомъ изученія.

Констатированъ только тотъ фактъ, что таинственный зовъ среди народовъ чаще всего появляется въ критическія минуты ихъ соціальной жизни.

„Разсматривая съ вершины настоящаго погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, говоритъ пр. Грановскій, нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно разныхъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіяхъ народной жизни въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены печатью гордой и самонадѣянной силы. Эти люди идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины прошедшаго.—Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былого. За то за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Большее право на личное сочувствіе имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота и все достоинство отходящаго времени. Они его лучшіе представители и доблестные защитники“ [2]).

Стоя на высотѣ, эти вожди превращаются въ легендарныхъ героевъ. А въ дѣйствительности это пастухи, взятые Господомъ прямо отъ овецъ. Таковы въ особенности наши настоящіе національные герои.

Какъ извѣстно, Минину и Пожарскому поставленъ нелѣпый памятникъ въ Москвѣ, изображающій какихъ-то римскихъ воиновъ въ миѳическихъ позахъ. Въ дѣйствительности это были скромнѣйшіе люди. „Они были, говоритъ полякъ историкъ К. Валишевскій, просто честные люди, которые робко и какъ будто даже не совсѣмъ охотно выступили изъ рядовъ, что бы совершить дѣло, которое требовалось отъ нихъ стеченіемъ обстоятельствъ; они весьма просто, никогда не напуская на себя ни малѣшей важности, несли всю тяжесть государственной отвѣтственности и, совершивъ свой трудъ до конца, послѣ того, какъ они держали въ своихъ рукахъ судьбу великаго народа, безъ малѣйшаго усилія незамѣтно скрылись, безъ замѣтныхъ сожалѣній вернулись въ свое прежнее положеніе: одинъ — къ своей мелкой торговлѣ, другой—въ ряды служилаго дворянства“ [3]).

Мининъ и окончилъ жизнь свою думнымъ дворяниномъ, а Пожарскій, и то лишь по возвращеніи Филарета, получилъ вотчину, поступилъ въ служилые и былъ „выданъ головою“ своему врагу, довольно темной личности [4]).

Таковы обыкновенно награды героямъ.

А если бы они и ждали иныхъ, то не были бы въ числѣ званныхъ и призванныхъ. Но лучшіе изъ современниковъ иначе относились къ своимъ вождямъ. Вотъ отзывъ одного изъ нихъ: „Воздвигаетъ Богъ нѣкоего мужа отъ христіанскаго (крестьянскаго) благочестивого народа, не славного родомъ, но мудраго смысломъ, который, видя многихъ насильствуемыхъ, зѣло оскорбился и Зоровавельски поболѣлъ душею за людей Господнихъ: принялъ на себя молву безчисленныхъ печалей, всегда носился бурями различныхъ попеченій“ [5]).

Безъ этого торговца мясомъ, возбудившаго народъ и нашедшаго для него хорошаго полководца, наше смутное время, вѣроятно, дало бы возможность осуществить мечты сосѣдей: раздѣлить и упразднить Россію, какъ самобытное государство. Видя чудо, народъ и вѣритъ, что „воздвизаетъ Богъ“ пастуховъ для спасенія государствъ отъ преждевременной кончины ихъ.

И. Забѣлинъ приводитъ глубоко поучительный фактъ изъ той же исторіи смуты, ясно доказывающій, что „подвигъ всенароднаго спасенія и очищенія земли отъ политическихъ и общественныхъ бѣдъ совершился не руками какой либо хитрой своекорыстной партіи, но только помощью той общественной и нравственной *чистоты народныхъ понятій*, которая скрывалась глу-

боко въ земствѣ и которая наконецъ восторжествовала, какъ природная, ничѣмъ не побѣдимая сила самой жизни“ [6]).

Жилъ въ то время затворникъ пр. Принархъ, сынъ крестьянина ростовскаго села Кондакова. Онъ *трудился*, по выраженію современниковъ, работая въ подвигахъ. Послѣ его смерти осталось „праведныхъ трудовъ“—ужище, которымъ онъ привязывалъ тебя къ колодкѣ, 142 креста, которые всѣ надѣвались имъ на себя; семь веригъ, путо шейное, путы ножныя, 18 оковцевъ для рукъ и перстовъ и т. д. Такъ онъ подвизался болѣе 30 лѣтъ. И вотъ къ этому то старцу, всю жизнь свою посвятившему подвигамъ монаха, въ смутное время начали стекаться всѣ, кто болѣлъ душой о родинѣ. Старецъ благословлялъ на подвиги борьбы и возстановленія порядка. Народъ вѣрилъ, что въ большомъ крестѣ затворника заключается чудесная сила для побѣды надъ врагами. Къ нему обращались за этимъ крестомъ и онъ снабжалъ имъ ополченіе, которое смѣло шло на борьбу, вѣря въ чудо креста. „Этотъ мѣдный простой крестьянскій поклонный крестъ затворника, говоритъ нашъ историкъ, возвышается своею благодатію именно надъ тѣми людьми и надъ тѣми событіями, гдѣ народъ чувствовалъ, что дѣло находится въ рукахъ истинной преданности отечеству, что полагается трудъ и подвигъ только за общее, земское дѣло. Благословеніе и приснопамятный крестъ старца Иринарха возносятся до послѣдней минуты Смутнаго времени и окончательно покоряютъ смуту уже при царѣ Михаилѣ“.

Да, побѣдилъ смуту Крестъ, какъ благословенное знамя, съ которымъ шли вѣровавшіе въ него. Безъ этой вѣры, безъ этой чистоты совѣсти, поднявшейся на защиту родины, отъ нашей родины въ настоящее время и слѣдовъ не было бы. Могущественнѣйшее въ мірѣ государство было вновь создано, было вновь сотворено изъ хаоса смуты простымъ крестьянскимъ Крестомъ. И простые люди, несшіе его, превратились въ легендарныхъ героевъ, ибо они могли смѣло говорить о себѣ: съ нами Богъ. Наука, игнорируя эти могучіе факторы соціальной жизни, роняетъ себя. Поэтому она и пребываетъ въ дѣтствѣ.

Не забудемъ, что въ то время, какъ и долго потомъ, наши предки жили исключительно религіозно-нравственными идеями. И на государство они смотрѣли, какъ на Церковь.

Авторъ „Бесѣды преподобныхъ Сергія и Германа“ съ отвращеніемъ говоритъ объ иноземныхъ государствахъ, не понимающихъ истинной цѣли государства. „Богъ не повелѣ на невѣрныхъ ризъ и на ихъ обычаи вѣрнымъ человѣкомъ завидѣти. Богомерзко и незаконно ихъ житіе и обычай ихъ непріятенъ, занеже не дано имъ разумѣти про нашу новую благодать; и имъ наше ничтоже завидно есть; *они прочатъ сесвѣтное житіе, а мы угождаемъ на будущее житіе*“ [7]).

Цѣль государства—спасеніе душъ православныхъ. „Сотворилъ Богъ благовѣрные цари и великіе князья и прочія власти на воздержаніе міра сего для спасенія душъ нашихъ“

Подъ „воздержаніемъ“ онъ разумѣетъ управленіе. „Царемъ инокомъ селы и волости со христіаны жаловати не достоитъ, и не похвально есть царемъ такое дѣло. Таковые *воздержатели* сами собою царство *воздержати* не могутъ и отдаваютъ міръ свой, Богомъ данной, аки поганыхъ иноземцовъ, въ подначаліе. Богъ повелѣ ему царствовати и міръ воздержати, и для того цареви въ титлахъ пишутся самодержцы“.

Онъ врагъ совѣтовъ. Недостойны, говоритъ онъ, писаться самодержцами цари, прибѣгающіе къ пособникамъ.

„Дана есть Богомъ царю власть надо всѣми и за весь міръ царства ихъ, въ ономъ вѣцѣ, праведный и страшный Царь небесный Христосъ Богъ нашъ на нихъ всего много испытаетъ и ко *отвѣту за всѣхъ* поставитъ“ между тѣмъ какъ „міру сему комуждо по дѣломъ его“ [8]).

Только съ Татищева начинается у насъ ростъ мысли, что государство не есть духовно-нравственное учрежденіе, созданное самимъ Богомъ, но чисто земной институтъ, созданный исключительно для земныхъ цѣлей человѣка [9]).

Понятно, религіозно-нравственная идея покрывала всѣ другія, поглащала ихъ и такимъ образомъ была центральнымъ факторомъ жизни и дѣятельности. Въ трудныя времена государственной жизни она и сосредоточила въ себѣ атомы соціальнаго тѣла и возсоздала государственный организмъ.

Вліяніе этой основной идеи въ исторіи часто отрицается единственно потому, что моральный бытъ народа кажется намъ далеко несоотвѣтствующимъ религіозному міросозерцанію. Это ошибка. Религіозное міросозерцаніе также подлежитъ развитію, какъ и всякая идея. На данной стадій своего развитія, наприм. при господствѣ фетишизма въ формахъ обрядности, оно можетъ санкціонировать и многое аморальное [10]).

Быть можетъ, именно на этомъ основаніи нѣкоторымъ изслѣдователямъ пришла мысль, что въ дѣйствительности управляютъ событіями не сами по себѣ идеи, а лишь заблужденія, т. е. не развившіяся идеи [11]).

По большей части такъ и бываетъ. Даже самый крайній атеизмъ представляетъ собою не упраздненіе изъ жизни религіознаго фактора, но борьбу съ нимъ, т. е. признаніе его вліянія и жизненности [12]).

Поэтому безпристрастное наблюденіе убѣждаетъ каждаго въ въ томъ, что въ фундаментѣ дѣятельности націй лежитъ ихъ религіозное міросозерцаніе.

И основательно говорятъ, что по религіознымъ представле-

ніямъ народа можно судить объ его жизни и дѣятельности. По выраженію одного изъ французскихъ писателей, „вся индивидуальная жизнь народовъ, вся моральная жизнь людей основывается на понятіи о Богѣ. И для философіи исторіи достаточно знать, каковы понятія даннаго народа о Богѣ, чтобы знать народъ. Каково понятіе о Богѣ, таковъ и народъ, такова раса, такова цивилизація“ [13]).

Справедливо отмѣчаетъ С. Бунзенъ фактъ, что наприм. евреи переживаютъ и въ настоящее время исторію, основаніе коей положено въ Библіи. Они считаютъ себя избраннымъ народомъ и поэтому отдѣляются отъ другихъ народовъ, вмѣсто единенія въ человѣчество вностятъ раздоръ [14]).

Принципіальная живучесть религіознаго фактора въ прошломъ свидѣтельствуется силой его и въ настоящее время. Идеи, высказанныя въ „Бесѣдѣ преподобныхъ Сергія и Германа“ еще недавно были пропагандируемы у насъ серьезнѣйшимъ изъ нашихъ философовъ—В. Соловьевымъ.

„Пока существуетъ въ человѣчествѣ религіозное чувство и философская пытливость, говоритъ онъ, пока есть у него стремленіе къ вѣчному и идеальному, до тѣхъ поръ и мистика и чистое художество, и теологія, и метафизика, и церковь останутся непоколебимо, не смотря на всѣ успѣхи и всѣ притязанія низшихъ степеней, проводникомъ которыхъ является только умственный и нравственный vulgus. Эти низшія степени не могутъ замѣнить собою высшихъ по той же причинѣ, по которой удовлетвореніе животной потребности не можетъ замѣнить удовлетворенія потребности духовной и вульгарная Афродита не можетъ обладать вѣнцомъ Афродиты небесной“ [15]).

Онъ даже полагаетъ, что въ будущемъ вліяніе религіознаго фактора у насъ возрастетъ и въ этомъ видитъ нашу историческую національную миссію.

По ученію В. Соловьева, мусульманскій Востокъ уничтожаетъ человѣка и утверждаетъ *безчеловѣчнаго бога*. Западная цивилизація утверждаетъ *безбожнаго человѣка*. Россія со славянствомъ должны создать истинныя основы жизни. „Великое историческое призваніе Россіи, отъ котораго только получаютъ значеніе и ея ближайшія задачи, есть призваніе религіозное въ высшемъ смыслѣ этого слова. Когда воля и умъ людей вступятъ въ дѣйствительное общеніе съ вѣчно и истинно существующимъ, тогда только получатъ свое положительное значеніе и цѣну всѣ частныя формы и элементы жизни и знанія—всѣ они будутъ необходимыми органами или посредствами одного живого цѣлаго“ [16]).

Если оставить распространенный у насъ методъ признанія желательнаго за дѣйствительное, тенденціи за фактъ, то нельзя не согласиться съ нашимъ философомъ, что религіозное призва-

ніе въ широкомъ смыслѣ этого слова было, есть и будетъ, вѣроятно, національной идеей, составляющей самую сущность нашей души. Если политическая экономія занимается не личнымъ, а народнымъ хозяйствомъ, то она не можетъ аннулировать народъ, какъ предметъ своего же изслѣдованія. Между тѣмъ въ народныхъ массахъ не менѣе 90% населенія глубоко проникнуты религіозными убѣжденіями, которыя, естественно, отпечатлѣваются во всей ихъ дѣятельности. Но и для остальныхъ 10% религія составляетъ предметъ настоятельнѣйшей необходимости. Не даромъ Ницше, этотъ рѣдкій апостолъ атеизма, придумалъ собственную религію и собственное многобожіе въ лицѣ будущихъ сверхъ-людей, которымъ должно быть принесено въ жертву современное человѣчество.

Народныя массы представляются Ницше „заслуживающими вниманія только въ трехъ отношеніяхъ, какъ расплывающіяся копіи великихъ людей, воспроизведенныя на плохой бумагѣ стертыми клише, затѣмъ какъ противодѣйствіе великимъ и наконецъ, какъ орудія великихъ; въ остальномъ—побралъ бы ихъ чортъ и статистика“!

Дѣло въ томъ, что въ концѣ концовъ Ницше личность приноситъ въ закланіе на алтарь выработки сверхъ-человѣка. Вотъ одна изъ рѣчей Заратустры: „Выше любви къ ближнему—любовь къ дальнему и будущему; выше любви къ человѣку—любовь къ дѣламъ и призракамъ. Братъ мой, призракъ, витающій предъ тобою, прекраснѣе тебя; зачѣмъ же не отдаешь ты ему свою плоть и кровь? Но ты страшишься и бѣжишь къ своему ближнему.—Пусть будущее и отдаленное будетъ причиною твоею сегодня. Сверхъ-человѣка ты долженъ любить, какъ свою причину. Братья мои, я не любовь къ ближнему совѣтую вамъ, я совѣтую вамъ любовь къ дальнему“.

Ницше, какъ видимъ, проповѣдуетъ пожертвованіе личностью въ пользу сверхъ-человѣка. И вполнѣ правъ Н. К. Михайловскій, отрицающій безнравственныя тенденціи въ его системѣ [17]).

Сущность системы Ницше Н. Михайловскій резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: Когда-то жили люди, подобные хищнымъ звѣрямъ. Они были воинственны, кровожадны, властолюбивы, храбры. Ихъ мораль ничего общаго не имѣла съ нашею. „Злое“, т. е. злобное не значило „дурное“. Напротивъ. Но они столкнулись съ другой расой, подѣлили ее. Возникла мораль рабовъ наряду съ моралью господъ. Побѣдители считали добродѣтелью храбрость, жестокость, чувственность, властолюбіе, открытость во всѣхъ дѣйствіяхъ, слѣд. правдивость. Добродѣтели рабовъ—любовь къ ближнему, осторожность, мягкость, умѣренность, хитрость. Рабы возстали и свою мораль сдѣлали общею. Рабская мораль

смиренія, самоотреченія, кротости, состраданія вытѣснила господскую мораль. Альтрюизмъ—рабская мораль. Послѣднимъ „великимъ временемъ“ Ницше считалъ эпоху возрожденія и идеализируетъ Цезаря Борджіа. Современные люди приняли рабскую мораль вслѣдствіе своей слабости.—Но должна выработаться раса великихъ людей [18]).

Этой-то будущей расѣ людей-звѣрей и должны мы всѣ принести себя въ жертву.

Начавъ во здравіе личности Ницше кончилъ за упокой ея во славу будущаго человѣка-звѣря, для котораго нѣтъ ничего святого! Вотъ новый языческій Молохъ, серьезно пропагандируемый философомъ!

Такова же и вообще религія золотого вѣка въ будущемъ.

По словамъ Мережковскаго, „китайскому поклоненію предкамъ, золотому вѣку въ прошломъ соотвѣтствуетъ европейское поклоненіе потомкамъ, золотой вѣкъ въ будущемъ. Ежели не мы, то потомки наши увидятъ рай земной, земное небо—утверждаетъ религія прогресса. И въ поклоненіи предкамъ, и въ поклоненіи потомкамъ одинаково приносится въ жертву единственное человѣческое лицо, личность безличному, безчисленному роду, народу, человѣчеству—„паюсной икрѣ, сжатой изъ миріадъ мѣщанской мелкоты“, грядущему вселенскому полипняку и муравейнику. Отрекаясь отъ Бога, отъ абсолютной Божественной Личности, человѣкъ неминуемо отрекается отъ своей собственной человѣческой личности“.

И это обще всѣмъ соціалистамъ. Они полипняку приносятъ въ жертву личность. И чѣмъ лучше этотъ полипнякъ религіи безвѣрія сравнительно съ камнемъ первобытныхъ фетишей? Это даже не атавизмъ, а простое извращеніе религіозной идеи.

Но такое же извращеніе представляетъ собою и вся доктрина альтрюизма. Это также томленіе духа, полнаго чудными желаніями, для котораго звуковъ небесъ замѣнить не могли скучныя пѣсни земли. Въ особенности таковъ альтрюизмъ гр. Л. Толстого.

Гр. Толстой видитъ въ альтрюизмѣ цѣль жизни. Разсуждая строго логически, если это дѣйствительно цѣль жизни, то—это цѣль, напоминающая квадратуру круга.

Прекрасно объ этомъ говорилъ еще Писаревъ: „Представьте себѣ, что вы живете на бѣломъ свѣтѣ для того, что бы воспитывать вашего сына, вашъ сынъ, чтобы воспитывать вашего внука и т. д. каждое отдѣльное поколѣніе сначала готовится къ жизни, потомъ готовитъ къ ней другихъ, а жить то когда же? И для чего же готовить другихъ къ тому, чѣмъ имъ не прійдется пользоваться“?

Дѣйствительно, если цѣль каждаго жить для другаго, то

кто же будетъ жить для себя? Тогда никто не будетъ жить, т. е. самой жизни не должно быть.

По выраженію Тургенева, если каждый будетъ предоставлять свое пальто ближнему, то всѣ останутся безъ пальто.

И такъ, если цѣль въ счастьѣ ближняго, то она равна 0, ибо каждый будетъ отказываться отъ своего счастья.

Но она и не въ личномъ счастьѣ. Ибо совершенно правъ Куно-Фишеръ, говоря: „Если бы жизнь оцѣнивалась по суммѣ жизненныхъ наслажденій, то цѣль эта была бы ниже нуля, потому что всякое наслажденіе есть разложеніе“.

А если наслажденіе есть разложеніе, то еще болѣе дико первое понятіе. Вѣдь желать ближнему наслажденія, значитъ желать ему разложенія. Это уже и безнравственная цѣль.

Гдѣ же цѣль?

Если не въ личности, то и не въ другихъ, ибо другіе—тѣ же личности.

И приходится искать цѣли не въ личности, а въ природѣ. Природа создала человѣка, Богъ вдунулъ ему душу живу и человѣкъ исполняетъ высшую волю своею жизнью. Цѣль жизни—функція, т. е. служба и только. Сначала слѣпая, потомъ сознательная.

Наконецъ и въ самомъ ученіи объ эгоизмѣ, какъ основѣ всего сущаго, находимъ элементъ чудеснаго, т. е. тотъ же элементъ вѣры, религіи. Остановимъ наше вниманіе на лучшемъ изъ представителей этой доктрины, на ученіи философа Шопенгауэра. По его ученію, человѣкъ руководится въ своей дѣятельности исключительно эгоизмомъ.

Желанія человѣка, говоритъ онъ, безграничны, притязанія неисчерпаемы и каждое удовлетворенное желаніе порождаетъ новое. Никакое возможное на свѣтѣ удовлетвореніе не въ силахъ насытить требованій, поставить цѣль домогательствомъ и заполнить бездонную бездну сердца [19]).

Отъ эгоизма А. Шопенгауэръ непосредственно переходитъ къ альтрюизму. Между состраданіемъ и страданіемъ разницы нѣтъ. Помогая, избавляюсь. Но здѣсь „граница между Я и не—Я на мгновеніе исчезла“. Какимъ же образомъ Я переходитъ въ не Я?

Этотъ переходъ А. Шопенгауэръ называетъ таинственнымъ. „Этотъ процессъ таинственъ, ибо онъ есть нѣчто, о чемъ мой разумъ не можетъ дать никакого непосредственнаго отчета, и основанія чему нельзя дознать путемъ опыта [20]).

Но за тѣмъ онъ все-таки пытается проникнуть въ тайну и находитъ, что principium individuationis есть пространство и время, какъ формы мышленія. Вещи въ себѣ чужды пространства и времени. Вещь въ себѣ нѣчто *единое*. „Представляемое,

какъ множество, т. е. изображаемое во времени и пространствѣ, не можетъ быть вещью въ себѣ, а только явленіемъ". Въ вещи въ себѣ не—Я нѣтъ, все—Я. И проявленіемъ этой сущности служитъ сочувствіе.

Очевидно, если пространство раздѣляетъ Я отъ не Я, то время должно то же дѣлать и съ Я, т. е. вчера былъ одинъ индивидъ, сегодня другой и я исчезаетъ.

Съ другой стороны если не—я есть фантомъ, то почему же истинное Я пожираетъ себя? Вѣдь это даже не каннибализмъ, а самосъѣденіе.

Наконецъ все таки тайна превращенія зла (эгоизма) въ добродѣтель (сочувствіе) остается не разрѣшенной. Да и какая это добродѣтель, которая состоитъ лишь въ освобожденіи отъ страданій, какъ освобождается человѣкъ выкупомъ отъ разбойниковъ?

Совершенно послѣдовательно поступилъ Ницше, разрушая одновременно не только принципы чистой морали, но также и принципы разума. По его ученію, истина есть удача. „Интеллектъ долгое время не производилъ ничего кромѣ заблужденій; нѣкоторыя изъ нихъ оказались полезными и сохраняющими родъ: кто наталкивался на нихъ или наслѣдовалъ ихъ, тотъ былъ въ борьбѣ за свое существованіе или за существованіе своего потомства счастливѣе". И такимъ образомъ получилось: „что удается, то истинно" [21]).

Далѣе этого уже некуда идти. Человѣчество—это домъ сумасшедшихъ, это тьма безъ темноты, это бездна пустоты [22]).

II.

Растерявъ не только совѣсть, но и разсудокъ, человѣкъ уже не ищетъ звуковъ небесныхъ, которыя замѣнили бы ему скучныя пѣсни земли. Къ сожалѣнію, пока еще есть гомеопатическая доля совѣсти и разсудка человѣкъ не хочетъ разстаться съ ними и жизнь, хотя бы и самую мизерную, предпочитаетъ самой превосходной смерти.

На русской духовно-нравственной почвѣ это теоретическое шествіе къ самоубійству и Нарванѣ не получило благопріятныхъ условій для роста и совершенно преосуществилось въ оригинальную доктрину, которую можно назвать *ученіемъ о борьбѣ идей*, какъ объ основномъ факторѣ жизни и дѣятельности, не исключающемъ, впрочемъ, эмоцій, но подводящимъ ихъ подъ управленіе идейными факторами [23]). Утилитаризмъ Н. Г. Чернышевскаго и выражаетъ собою доктрину борьбы идей, которая въ человѣческомъ мірѣ должна бы замѣнить собой борьбу за существованіе.

„При внимательномъ изслѣдованіи побужденій, руководящихъ

людьми, гов. Н. Чернышевскій, оказывается, что всѣ дѣла, хорошія и дурныя, благородныя и низкія, геройскія и малодушныя, происходятъ во всѣхъ людяхъ изъ одного источника: человѣкъ поступаетъ такъ, какъ пріятнѣе ему поступать, руководясь разсчетомъ, велящимъ отказываться отъ меньшей выгоды или меньшаго удовольствія для полученія большей выгоды или большаго удовольствія. Конечно, этою одинаковостью причины, изъ которой происходятъ дурныя и хорошія дѣла, вовсе не уменьшается разница между ними: мы знаемъ, что алмазъ и уголь— все одинъ и тотъ же чистый углеродъ, но тѣмъ не менѣе алмазъ есть алмазъ, вещь чрезвычайно драгоцѣнная, а уголь все таки уголь, вещь очень мало цѣнная“ [24]).

„Разсчетъ“, о которомъ говоритъ нашъ мыслитель, есть борьба разныхъ мотивовъ, присущихъ человѣку. Болѣе сильный мотивъ одерживаетъ верхъ надъ болѣе слабыми и человѣкъ дѣйствуетъ въ направленіи, указываемомъ мотивомъ—побѣдителемъ. У Н. Чернышевскаго выгода есть то, что требуется мотивомъ—побѣдителемъ и разсчетъ человѣка есть своего рода діагональ параллеллограмма борющихся побужденій. Такая „выгода“ въ дѣйствительности очень часто совсѣмъ не выгода и даже вредъ.

„Въ каждой многочисленной корпораціи есть люди нравственно дурные, которымъ дорога не столько собственная выгода, сколько возможность удовлетворять дурнымъ страстямъ: тщеславію, самовластію, лѣности, низкимъ порокамъ и т. п. Для этихъ испорченныхъ людей злоупотребленіе пріятно само по себѣ; они возстаютъ противъ улучшеній не по ограниченности ума или свѣдѣній, не по ошибочному разсчету, не по робости передъ нововведеніями, а изъ пристрастія къ дурному. Въ каждомъ сословіи есть такіе люди, но они не принадлежатъ собственно ни къ какому сословію, кромѣ сословія людей нравственно испорченныхъ. Какое бы оффиціально имя не носили они, все равно, они лично, *сами по себѣ, вредны для общества*, вредны не положеніемъ своимъ, которое бываетъ очень различно, *а качествами своего сердца. Но природа человѣческая такъ благородна по своей сущности, что число такихъ людей незначительно* [25]).

Можно согласиться съ благородствомъ потенціальной, а не фактической природы человѣка. Но какъ въ той, такъ и въ другой несомнѣненъ *разсчетъ* мотивовъ, хорошихъ или дурныхъ— это безразлично. *Разсчетъ же мотивовъ и есть борьба идей*, т. е. борьба изъ-за цѣлей, образовъ, представленій о полезномъ, необходимомъ, пріятномъ и т. п. Въ этой психической борьбѣ участвуютъ всѣ побужденія человѣка и какъ нелѣпо обосновывать все на альтрюизмѣ, такъ не менѣе не основательно обосновывать все на эгоизмѣ. Ученіе экономистовъ объ эгоизмѣ—это худшая изъ философскихъ доктринъ по своей односторонности и проти-

ворѣчію съ фактами. Борьба идей дѣйствительно коренной законъ жизни, въ которомъ можно находить разныя стадіи, въ которой то однѣ, то другія силы получаютъ преобладаніе и господство. Но мы не имѣемъ права, не отрицая фактовъ, по своему усмотрѣнію, ограничивать сферу лишь одной категоріей идей, наприм. матеріальныхъ или духовныхъ [26]).

Даже такъ называемыя страсти вносятъ свою долю благотворнаго вліянія, укрѣпляя господствующія идеи. Вполнѣ правъ Дюрингъ:

„Отнимите у насъ нашу любовь, нашу ненависть и жизнь превратится въ однообразную пустыню.—Совершенно справедливо говорятъ, что ничто великое не можетъ быть осуществлено безъ страсти. Жизнь была бы до жалости ничтожной, если бы въ ней не было страстей.—Если гдѣ-нибудь она и поднимается надъ уровнемъ темнаго, безсознательнаго состоянія, свойственнаго растительному міру, то именно тамъ, гдѣ она проявляется въ болѣе высокой формѣ аффектовъ. Не желать душевныхъ возбужденій, значитъ презирать самую жизнь. Освобожденіе отъ страстей влечетъ за собой или аскетизмъ или себялюбивую, грубую чувственность [27]).

Генри Друмондъ въ книгѣ „*Прогрессъ и эволюція человѣка*“ доказываетъ, что въ основѣ европейской культуры лежатъ альтрюистическія чувства, накопленныя вѣками и дѣйствующія рядомъ съ эгоистическими мотивами. „Борьба за жизнь, гов. онъ, не составляетъ „высшаго факта, котораго достигла мало по малу біологія“. Это фактъ, котораго достигъ Дарвинъ, но если мы обратимся къ біологіи вполнѣ, она не дала бы столь искаженнаго свѣдѣнія о самой себѣ“.—„Рядомъ съ борьбой за жизнь другихъ, борьба за жизнь собственную есть только преходящій фазисъ. Столь же давняя, какъ и глубоко таящаяся въ природѣ, эта дальняя сила была съ самаго начала предназначена заслонить собою борьбу за жизнь и выстроить болѣе благородную постройку на основаніяхъ, заложенныхъ этой послѣдней“.

По мнѣнію Друмонда, борьба за собственную жизнь есть производное питанія, а борьба за жизнь другихъ—результатъ воспроизведенія.

Справедливо бы сказать, что въ дѣтяхъ она впервые проявляется во всемъ животномъ мірѣ, а въ человѣкѣ она возникла даже раньше семьи—въ общинахъ, соединившихся для самозащиты.

Игнорированіе борьбы за жизнь другихъ—громадное заблужденіе. Даже война была бы не мыслима, если бы массы не соединялись воедино идеей защиты родины, славы, побѣды надъ врагомъ иной вѣры, во славу Божію и т. п. Нельзя же думать, что народы, какъ глупыя стада барановъ, влекутся по мановенію

воли правителей. Нельзя же допустить, чтобы эти массы подчинялись лишь страху предъ своимъ правителемъ, ибо на войнѣ страхъ внутренній не хуже внѣшняго. Въ общемъ массы движутся по закону общей идеи, по закону высшему, чѣмъ инстинктъ прокормленія своего тѣла. Таковы войны съ невѣрными. Таковы наши освободительныя войны. Таковы войны японцевъ, не щадящихъ жизни за честь родины. И побѣдителемъ является не дисциплина физическаго характера, а внутреннее чувство, влекущее къ побѣдамъ надъ врагами.

Н. К. Михайловскій основательно обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что часто „борьба за жизнь другихъ“ является причиною смерти и избіенія другихъ. „Материнское чувство, говоритъ онъ, это, по Друмонду, прообразъ и источникъ всѣхъ формъ „борьбы за жизнь другихъ“, давая, безъ сомнѣнія, много образчиковъ высокаго самоотверженія, передъ которымъ нельзя не преклониться, часто становится источникомъ семейнаго эгоизма, топчущаго интересы и другихъ семей, и высшихъ обществ. единицъ, и даже членовъ собственной семьи. Патріотизмъ, эта болѣе широкая школа любви и самоотверженія, часто осложняется лютою враждою къ другимъ національнымъ или государственнымъ единицамъ. Наконецъ есть общественныя формы, для поддержанія своего требующія внутренней борьбы, борьбы за жизнь, борьбы на смерть, между своими членами. Такова современная промышленная организація“ [28]).

Совершенно вѣрно. Любовь къ себѣ, какъ и любовь къ другимъ требуютъ уничтоженія всего, что стоитъ на дорогѣ любви. Любовь—причина вражды, ненависти и войны.

Это нѣчто страшное. И не даромъ Толстой пришелъ къ своему глубоко буддистическому непротивленію злу.

Но въ сущности это утопія. Ибо если бы *всѣ* люди не сопротивлялись злу, тогда и дѣйствительно зла бы не было. Но если бы всѣ къ этому стали способны, тогда бы зла и не было бы. Стало быть нечему было бы и не сопротивляться. Но пока одинъ будетъ убивать васъ и съѣдать за обѣдомъ, то глупо было бы не убить этого людоѣда и не прекратить его похожденія, дожидаясь того времени, пока онъ пресытится человѣческимъ мясомъ и перестанетъ людоѣдствовать. Нелѣпо было бы позволить змѣѣ свободно разгуливать по вашей квартирѣ и допускать, чтобы она своимъ злымъ ядомъ отправила всѣхъ живущихъ на тотъ свѣтъ. Непротивленіе злу достойно ангеловъ, но въ средѣ ангеловъ зла и не бываетъ. А люди не могутъ обойтись безъ борьбы съ тѣмъ, что мѣшаетъ имъ жить и осуществлять цѣли жизни, какъ они ихъ понимаютъ. Борьба за свою жизнь и борьба за жизнь другихъ для человѣка неизбѣжны, ибо ничто человѣческое не должно быть чуждо человѣку. Но рядомъ съ этой борьбой существу-

етъ и законъ соединенія въ цѣляхъ достиженія тѣхъ же цѣлей жизни. А тотъ и другой объединяются въ высшей формѣ—въ борьбѣ идей, дающей *организующіе принципы* всей человѣческой дѣятельности.

Прекрасной иллюстраціей борьбы идей можетъ служить язычество, до сихъ поръ сохраняемое и упорно поддерживаемое населеніемъ самыхъ передовыхъ странъ христіанской культуры. Ф. де Куланжъ основательно утверждаетъ, что даже въ средніе вѣка, особенно въ началѣ ихъ, „вѣрить въ Бога и въ Христа было недостаточно, искали вѣры въ святыхъ. Культъ святыхъ захватывалъ душу еще тѣснѣе, чѣмъ культъ высшаго Бога“ [29]). Въ этомъ культѣ сказалось старое политеистическое язычество, которому подчинялись и культурные люди того времени. Такъ св. Колумбанъ былъ обокраденъ въ то время, когда онъ молился на могилѣ св. Мартина. Узнавъ объ этомъ, онъ возвратился на могилу и сталъ упрекать святого: „Развѣ ты думаешь, что я пришелъ молиться надъ твоими останками для того, чтобы украли мое имущество“. Подобными отношеніями наполнена вся агіографія среднихъ вѣковъ. Понятно, что въ массахъ населенія, какъ наиболѣе темномъ классѣ, язычество сильнѣе сохраняется въ самой грубой формѣ. Поэтому Ф. де-Куланжъ совершенно правъ, давая совѣтъ: „Остерегайтесь очищать религіозныя понятія, если вы хотите, чтобы вѣра господствовала въ широкихъ слояхъ“ [30]).

По его мнѣнію, утонченность нравственнаго чувства совершенно не была понятна въ эпоху старой франкской монархіи. „Намъ трудно понять, что проступокъ можно выкупить деньгами или землею, но людямъ того времени такое представленіе казалось вполнѣ естественнымъ“. Пожертвованіе „было актомъ обмѣна, даромъ за даръ; прямо говорилось, давайте и дастся вамъ, date et dabitur. Это была, собственно, мѣна земного богатства на небесное блаженство“ [31]).

Да, но и теперь едва ли не то же, не смотря на развитіе „утонченности нравственнаго чувства“. Идеи стараго язычества, въ коихъ человѣчество такъ долго жило, еще живы и апостольство христіанства далеко еще не закончено. Жизнь наша до того еще не христіанская, что самая мысль о христіанской политической экономіи представляется многимъ дикою. Полагаютъ, что экономическая сфера есть сфера исключительно языческаго міросозерцанія.

„Исторія европейской государственности вообще и русской въ частности, говоритъ Д. С. Мережковскій, установила слишкомъ тѣсную, почти неразрывную связь между религіозными, въ особенности „христіанскими“ идеями, съ одной стороны, и самыми грубыми формами общественной неправды и политическаго гнета

—съ другой. Религія и реакція сдѣлались почти неразличимыми синонимами. Кажется, довольно произнести слово Богъ, чтобы многоголосное эхо въ вѣкахъ и народахъ отвѣтило: гнетъ. Это кощунственное превращеніе имени Божьяго въ главную гайку, которою привинчиваются къ духу и плоти такъ называемаго „христіанскаго“ человѣчества всевозможныя колодки, кандалы и другія, болѣе или менѣе усовершенствованныя орудія порабощенія есть одно изъ величайшихъ всемірно-историческихъ преступленій“ [32]).

Это вѣрно. Не довольствуясь созданіемъ идоловъ, люди эксплоатируютъ и имя Бога для своихъ звѣрскихъ потребностей и не гнушаются убивать во имя Бога Жизни, проповѣдуютъ ненависть и вражду во имя Бога Любви. Въ свою очередь религіозный деспотизмъ приводитъ къ революціи противъ Бога, къ атеизму.

Таково, наприм., происхожденіе страшнаго атеизма Бакунина. „Если Богъ есть, то человѣкъ—рабъ“, говорилъ онъ. И мотивировалъ это тѣмъ, что „свобода есть отрицаніе всякой власти, а Богъ есть власть“.

Между тѣмъ Бакунинъ былъ истинно вѣрующій. „Что съ нимъ случилось, спрашивалъ Тургеневъ. Вѣдь онъ всегда былъ вѣрующимъ, даже Герцена бранилъ за атеизмъ“. И вотъ этотъ вѣрующій человѣкъ пришелъ къ страшному атеизму подъ вліяніемъ извращенія идеи Бога въ христіанствѣ. „Христосъ, говоритъ Мережковскій, открылъ людямъ, что Богъ не власть, а любовь, не внѣшняя сила власти, а внутренняя сила любви. Любящій не желаетъ рабства любимому“ [33]).

Но и атеистъ Герценъ признавалъ связь революціонныхъ идей съ христіанскими. Онъ утверждаетъ, что декларація правъ человѣка не могла возникнуть внѣ христіанства. „Революція, говоритъ онъ, также какъ и реформація, стоятъ на церковномъ погостѣ“. Поэтому-то въ настоящее время уже не подлежитъ сомнѣнію, что великая французская революція вовсе не вызвана экономическими причинами, какъ думали еще недавно. Нужда, голодъ и всевозможныя народныя бѣдствія, о коихъ такъ много писалось историками, тутъ не причемъ.

И въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. Революцію начали и пропагандировали наиболѣе обезпеченные классы, бѣднота присоединилась къ нимъ потомъ. Токвиль даже по отдѣльнымъ провинціямъ Франціи находитъ, что наиболѣе пострадавшіе отъ стараго режима меньше всего протестовали и даже явились защитниками его. „Нигдѣ, говоритъ онъ, старый порядокъ не сохранился такъ хорошо, какъ вдоль нижняго теченія Луары, среди болотъ Пуату и луговъ Бретани. Именно тамъ зажглось и поддерживалось пламя междоусобной войны, именно

тамъ революція встрѣтила наиболѣе ожесточенное и продолжительное сопротивленіе; такимъ образомъ, можно сказать, что *французы находили свое положеніе тѣмъ болѣе невыносимымъ, чѣмъ больше оно улучшалось*“ [34]).

Обобщая факты, Токвиль говоритъ: „Порядокъ вещей, уничтожаемый революціей, почти всегда бываетъ лучше того, который непосредственно ему предшествовалъ и опытъ показываетъ, что для дурного правительства наиболѣе опаснымъ является обыкновенно тотъ моментъ, когда оно начинаетъ преобразовываться“ [35]).

Впрочемъ и Токвиль впадаетъ въ ошибку: не бѣдность и страданія вызываютъ революцію—это такъ. Ибо гдѣ бѣдность и страданія, тамъ нѣтъ *двигателя*, нѣтъ пара или электричества, благодаря чему есть лишь бѣдность и страданіе и не можетъ быть ничего положительнаго, въ томъ числѣ и революціи. Но и не „улучшенія“ создаютъ ее. Здѣсь post hoc, ergo propter hoc. Когда появляется въ населеніи *двигатель*, накопляемый вѣками во время нищеты и страданій, то онъ производитъ и улучшенія и революцію. Та сила, которая производитъ оживленіе въ трудѣ, производитъ и революцію. Двигатель ищетъ выхода и, встрѣтивъ препятствія, ломаетъ ихъ. О существованіи его во Франціи говоритъ и Токвиль: „Въ 1780 г. никто уже не думалъ, что Франція находится въ упадкѣ; и скорѣе можно было сказать въ это время, что нѣтъ границъ ея преуспѣянію. Тогда то возникло ученіе о способностяхъ человѣка къ непрерывному и безграничному совершенствованію. Лѣтъ за двадцать предъ тѣмъ на будущее не возлагали никакихъ надеждъ; теперь отъ будущаго ждутъ всего“ [36]).

Въ Англіи видимъ не менѣе поучительный примѣръ борьбы идей.

М. Рейснеръ основательно рыцарство относитъ къ дѣятельности во имя призванія. „Только рыцари духа могутъ создать истинную науку, только тѣ, кто подобно рыцарю можетъ не страшиться непрестанной борьбы за великую идею, не подчиняются ни какимъ внѣшнимъ авторитетамъ и ведутъ вѣчное междоусобіе въ славной брани за истину. Тотъ, кто подобно воину не готовъ отдать самую жизнь за призваніе, тотъ не можетъ быть истиннымъ и вѣрнымъ товарищемъ вселенскаго братства“ [37]).

Рыцарство въ Англіи создало великую хартію свободы. Рыцари создали право суда равными, рыцари не могли подчиниться платить налоги безъ своего согласія, рыцари не могли допустить вторженія въ свое жилище постороннихъ не иначе, какъ по суду. Рыцари создали тѣ краеугольные камни, на которыхъ основывается вся современная культура. И пасть культура человѣчности, т. е. благородства, можетъ только тогда, когда духъ хамства

одержитъ побѣду надъ духомъ рыцарства. Соціализмъ и стремится къ этому, готовый продать права человѣка за чечевичную похлебку, за общее корыто съ кормомъ для свиней [38]).

Въ сущности борьба идей—это борьба титановъ. Она безконечно серьезнѣе борьбы интересовъ, съ которыми обыкновенно отождествляютъ борьбу за существованіе. Идея, воплотившись въ жизни, наприм., въ учрежденіяхъ, въ обычаѣ, въ законѣ, подчиняется законамъ эволюціи. Она стремится къ самосохраненію и росту. Выражается это стремленіе сперва приспособленіемъ къ средѣ, а затѣмъ приспособленіемъ къ себѣ самой среды. Сперва эволюціонируя въ пассивномъ направленіи, идея затѣмъ получаетъ активность и подчиняетъ себѣ окружающій міръ.

Интересна въ этомъ случаѣ общая картина эволюціи идей, какъ выражается она въ основныхъ учрежденіяхъ и соотвѣтственныхъ чувствахъ людей.

Древній міръ имѣетъ въ своемъ основаніи принципъ рода и общины, какъ размножившагося рода, и наконецъ племени, какъ объединеннаго происхожденіемъ населенія данной территоріи. Во всѣхъ стадіяхъ роста, т. е. рода, общины и племени, развивается одно начало: коммуна, общность, подчиняющая себѣ единоличное и индивидуальное. Это, собственно говоря, тотъ самый коллективизмъ, о которомъ мечтаютъ современные пролетаріи, какъ о будущемъ раѣ, но который въ дѣйствительности есть потерянный рай.

Предки европейскихъ народовъ вышли изъ травянистыхъ равнинъ Азіи, гдѣ вели кочевое хозяйство на началахъ родового быта въ широкомъ смыслѣ слова (родъ — кровь — единство происхожденія). Они привыкли тамъ къ жизни на счетъ природы, къ ограниченному труду. Они жили коллективною жизнью, находя поддержку и средства въ общинѣ или въ племени. Земля у нихъ не могла быть частною собственностью, трудъ не могъ быть индивидуальнымъ; личность, энергія и предпріимчивость подавляются родовымъ хозяйствомъ, формами, принятыми всѣми. Каждый могъ быть только экземпляромъ породы. Человѣка, какъ личности, какъ отвѣтственнаго существа еще не было. И до сихъ поръ ее нѣтъ у жителей тѣхъ же благословенныхъ мѣстъ Азіи. Ибо рабство духа, созданное и культивированное тысящелѣтіями, не проходило безслѣдно. Хула на Духа Святого никода не прощается человѣку.

И наказаніе за эту страшную хулу предковъ до сихъ поръ несетъ человѣчество, не могущее освободиться отъ страшной язвы, передаваемой по наслѣдству отъ предковъ.

По мѣрѣ отдаленія отъ центра происхожденія, населеніе встрѣчало иныя условія жизни, требовавшія личной энергіи и личной свободы. И вотъ мы видимъ, что на крайнемъ сѣверѣ Ев-

ропы населеніе англо-саксовъ издавна отличается предпріимчивостью и энергіей. Оно рано выработало политическую свободу, которая и послужила фундаментомъ экономическаго строя. Поэтому же и въ С.-Штатахъ тѣ-же принципы самоуправленія и самодѣятельности положены англо-саксами въ основаніе всей дѣятельности населенія, при чемъ и элементы, воспитанные въ традиціяхъ атрофіи личности, тамъ перевоспитываются въ духѣ свободы и человѣческаго достоинства [39]).

Примѣру англо-саксовъ начинаютъ слѣдовать и другіе народы, но пока это подражаніе не даетъ тѣхъ результатовъ, какъ въ средѣ народа старой и вѣковой свободы. Такъ, напр., по словамъ Демулена, нѣмецъ и теперь „представляетъ собою не болѣе, какъ послушное орудіе въ рукахъ вожаковъ, съ необычайною легкостью формирующихъ изъ него полки и бригады; онъ является орудіемъ въ рукахъ соціалистовъ-революціонеровъ, онъ безпрекословно подчиняется вожакамъ соціалъ-консерваторовъ и т. д. Своимъ воображаемымъ могуществомъ вожаки германскаго соціализма обязаны исключительно тому, что они держатъ въ своихъ рукахъ матеріалъ, которому могутъ придавать какую угодно форму, — стадо, которое позволяетъ вести себя куда угодно [60]).

Нужны вѣка, чтобы возстановить въ населеніи утраченныя имъ способности личной предпріимчивости, трудовой энергіи; не легко было силѣ эволюціи выработать въ живомъ существѣ чувства человѣчьи, но не легко и воскресить ихъ, разъ на мѣстѣ святѣ водворились и царствовали въ теченіи тисящелѣтій духи тьмы и злобы.

Понятно, почему въ царствѣ тьмы и злобы были выработаны: 1) сперва *идея подавленія личности* государствомъ—таковъ браминизмъ, 2) затѣмъ *идея отчаянія,* какъ дальнѣйшее аннулированіе человѣческой личности—буддизмъ и всѣ системы пессимизма. 3) Только въ Греціи блеснула *идея жизнерадости,* но тутъ же была подавлена стоицизмомъ и государственностью, нашедшею въ Римѣ высочайшее выраженіе, дошедшее до *обожествленія цезарей.* Дальше идти не куда было, хотя богъ Калигула все таки не такъ омерзителенъ, какъ богъ быкъ египтянъ, или богъ—кошка.

Христіанство производитъ катаклизмъ въ этомъ слѣпомъ теченіи. Оно внесло въ міръ познаніе закона.

Законъ — это единственное, что не создано, слѣдовательно единственно вѣчное, отъ вѣка существующее, прежде всякихъ вѣковъ существующее и не могущее не существовать.

Цѣлое больше своихъ частей—это безвѣчный законъ, который не можетъ не существовать, который не можетъ быть созданнымъ по той простой причинѣ, что создавать можно лишь то,

что могло не существовать и можетъ не существовать. Но никогда не могло быть такъ, чтобы часть была больше своего цѣлаго и никогда этого не будетъ.

Законъ — это безсмертная величина именно потому, что она не создана. Не имѣя начала, она не имѣетъ и конца, не можетъ имѣть конца. Не имѣя начала и конца, она не имѣетъ ни прошлаго, ни будущаго, а слѣдовательно и настоящаго, такъ какъ всякое настоящее было будущимъ и становится прошедшимъ. *Она внѣ времени.*

Она же и *внѣ пространства*, такъ какъ бытіе ея не ограничивается пространствомъ, территоріей, планетой. Вездѣ цѣлое больше его частей и нѣтъ такого четвертаго или иного какого либо измѣренія, въ которомъ цѣлое было бы меньше своихъ же частей.

Законы поэтому *находятся внѣ времени и пространства.* Они составляютъ ту канву, на которой судьба производитъ и время и пространство.

Это ткани жизни, не созданныя и вѣчныя. Время и пространство исчезаютъ, уступая мѣсто инымъ господамъ положенія. Но законъ остается. Онъ не можетъ не существовать и безъ него ничто не можетъ существовать.

Стало быть, изучать законъ значитъ изучать то, что внѣ времени и пространства, что внѣ не только трехъ, но и внѣ всякихъ измѣреній, но что составляетъ *основу* въ техническомъ смыслѣ слова и времени, и пространства, и всякихъ измѣреній.

И это не метафизика и не суевѣріе. Это самая реальность, создающая всякую реальность.

Возьмемъ законъ эволюціи. Онъ заключается въ идеѣ подбора въ борьбѣ, дающаго перевѣсъ жизни, т. е. побѣду наиболѣе приспособленнымъ къ даннымъ условіямъ борьбы. Мать, не любящая своихъ дѣтей и бросающая ихъ, eo ipso лишается потомства, такъ какъ брошенныя на произволъ судьбы дѣти погибаютъ. Порокъ наказывается смертною казнью жестокаго и безсердечнаго рода. Погибаютъ дѣти жестокаго и безсердечнаго корня, погибаетъ и мать ихъ, лишенная возможности передать свои свойства потомству. Наоборотъ, добрая мать передаетъ потомству свою любовь и продолжаетъ жить въ потомствѣ. Материнская любовь накопляется и становится могущественнѣйшимъ инстинктомъ.

Въ чемъ же тутъ законъ эволюціи?

Въ не созданной и поэтому безсмертной и вездѣ сущей идеѣ, что при равенствѣ остальныхъ условій болѣе сильное побѣждаетъ менѣе сильное. Это всегда было и не можетъ не быть. Добрая мать, хотя бы и физически слабая, передаетъ свою доброту дѣтямъ, а злая не передаетъ своей злости, ибо дѣти ея

гибнутъ. Доброта оказывается могучей силой, побѣждающей простой пращей Голіафа, и даже не пращей, не камнемъ, а хлѣбомъ, т. е. сердцемъ. Иначе не можетъ быть и поэтому дѣйствительно предъ нами *законъ*, какъ основа жизни вездѣ, гдѣ есть смерть и гдѣ есть рожденіе.

Этотъ законъ есть *идея*, воплощающаяся во времени и пространствѣ. Какъ идея, законъ не создается, а только познается. Онъ вѣченъ, какъ вѣчно все не созданное. И въ дѣйствительности истинно только то, что соотвѣтствуетъ его идеѣ. *Идея является критеріемъ нормальности или ненормальности сущаго.*

Во всякомъ случаѣ Духъ Св. носится въ верху бездны и безъ него ничего не создается. Духомъ святымъ является эволюціонно осуществляемая идея наибольшей приспособленности къ даннымъ условіямъ въ цѣляхъ самосохраненія. По степени осуществленія ея можемъ судить и о степени нормальности эволюціи. На этомъ основаніи наприм. говорятъ, что глазъ человѣка далеко не можетъ быть названъ совершеннымъ, такъ какъ идею зрѣнія онъ осушествляетъ далеко не достаточно и приходится искусственно создавать глаза, чтобы видѣть наприм. то, что не доступно невооруженному глазу.

На этомъ же основаніи двигательныя силы человѣка мы признаемъ безусловно не совершенными и искусственно создаемъ аэропланы, желѣзныя дороги, пароходы и т. д. *Идея выше того, что могло быть осуществлено эволюціоннымъ путемъ. Умъ выше природы. Выше природы и любовь*, возмущающаяся жестокостью и безбожіемъ природы, на каждомъ шагу требующей кровавыхъ жертвоприношеній за малѣйшія свои благодѣянія.

Такъ, законъ, какъ идея въ хаосѣ эволюцій, какъ Духъ Святой, носящійся въ верху бездны (веруахъ марафесъ галъпене тегомъ), уступаетъ мѣсто сознательному стремленію къ воплощенію Бога Слова, къ воплощенію сознательному Логоса.

Этотъ предвѣчный и вѣковѣчный Логосъ и составляетъ предметъ вѣчнаго научнаго изученія. Въ соціальныхъ наукахъ болѣе чѣмъ въ другихъ необходимо не забывать этого истиннаго характера изслѣдованій. Логосъ безконечно выше природы, какъ проявленія идеи во времени и пространствѣ. Все несовершенство природы и вся задача культуры сводятся къ тому, что бы раскрыть истину, т. е. познать ближе и ближе идею жизни и дать возможность воплощенія ея въ болѣе полномъ и близкомъ къ существу ея видѣ.

Истины науки являются относительными единственно потому, что, живя во времени и пространствѣ, мы не можемъ освободиться отъ этихъ конъюнкцій нашей жизни и можемъ наблюдать идею лишь во плоти, въ матеріи, слѣдовательно можемъ видѣть неограниченное лишь въ ограниченномъ. Тѣмъ не менѣе

это свѣтъ, который и во тьмѣ свѣтитъ. А тѣмъ болѣе это—путеводная звѣзда волхвовъ и волхвы должны указывать ее, открывать ее, изучать ее.

III.

Къ глубочайшему сожалѣнію политическая экономія началась строго научнымъ дедуктивнымъ методомъ, который не былъ понятъ ближайшими учениками А. Смита. Въ своей книгѣ„ О богатствѣ народовъ“ А. Смитъ въ основѣ всей жизни и всей дѣятельности человѣка положилъ принципъ эгоизма. Согласно съ этимъ, всѣ учрежденія, всѣ институты духовно-нравственные,—всѣ теоріи, всѣ виды міровоззрѣній и т. д.—представляютъ собою простую надстройку надъ экономическимъ базисомъ, т. е. являются производнымъ эгоизма. Въ другой книгѣ своей „О нравственности“ А. Смитъ, на оборотъ, все считаетъ надстройкой надъ принципомъ сочувствія или состраданія. Очевидно, великій дедуктивистъ предполагалъ затѣмъ объединить одностороніе выводы. Но этого не успѣлъ сдѣлать, а ученики его, не понявъ своего учителя, ограничились односторонней теоріей, продолжая лишь дальше развивать односторонность своего учителя. Такъ произошло ученіе, носящее теперь названіе историческаго матеріализма или просто экономизма. Не идеи создаютъ соціальныя явленія сознательнаго міра, но наоборотъ—все наше сознаніе, всѣ наши идеи—простая надстройка надъ экономизмомъ, т. е. надъ желудкомъ и половымъ инстинктомъ. Не знаніе создаетъ технику, но техника создаетъ технологію и химію. Не нравственность создаетъ добрыя отношенія въ производствѣ, но производственныя отношенія создаютъ принципы нравственности. Даже религіи — продуктъ промышленности и вообще производства.

Благодаря односторонности выводовъ А. Смита, логическимъ путемъ представители науки и публицистики пришли къ созданію доктрины, поражающей въ самомъ корнѣ всѣ лучшія стороны человѣка. Ни Бога, ни совѣсти, ни знанія—ничего нѣтъ. Существуютъ лишь надстройки „надъ производственными отношеніями“. И самая эта доктрина не имѣетъ значенія абсолютной истины, но есть лишь простая надстройка надъ экономизмомъ. Нѣтъ ничего абсолютнаго, нѣтъ истины, все относительно.

И нельзя не согласиться съ тѣмъ, что экономизмъ въ этомъ смыслѣ есть несомнѣннѣйшая надстройка надъ современными „производственными отношеніями“. Часто въ жизни то бывало, что и голодъ и половой инстинктъ порабощаютъ мысль человѣка и создаютъ для себя надстройки. Экономизмъ и есть одна изъ такихъ надстроекъ.

Уже давно констатирована связь многихъ и многихъ нашихъ

понятій и представленій отъ той среды, въ которой мы живемъ, о чемъ уже мы не разъ говорили. Уже давно констатировано и то, что профессія, опредѣленные виды труда и т. п. сказываются въ данномъ случаѣ особенно сильно. На этомъ основаніи дѣйствительно легко придти къ мысли наприм. объ относительности принциповъ нравственности, права и т. п.

Жестъ одинъ и тотъ же при томъ, когда разбойникъ бросаетъ въ толпу бомбу, какъ и при томъ, когда добрый человѣкъ подаетъ руку помощи утопающему, бросая ему спасательный кругъ. И вотъ это тождество жеста приводитъ къ мысли, что нравственнаго закона нѣтъ, что существуютъ лишь механическія дѣйствія, которыя становятся въ нашихъ понятіяхъ то нравственными, то безнравственными по степени пользы или вреда, причиняемаго нашими жестами. Самъ по себѣ жестъ можетъ быть или красивъ, или отвратителенъ, но не можетъ быть ни нравственнымъ, ни безнравственнымъ. Это только извѣстное физическое движеніе. Общественное мнѣніе разбойничьей шайки признаетъ жестъ человѣка, спасающаго отъ нихъ жертву, преступленіемъ, достойнымъ смертной казни. Общественное мнѣніе честныхъ людей признаетъ наоборотъ жестъ, направленный къ убійству, преступленіемъ, справедливо караемымъ смертью или удаленіемъ изъ общества. Если же оцѣнка жеста зависитъ отъ очекъ, отъ точки зрѣнія наблюдателя, то объ объективной моральной оцѣнкѣ нечего и говорить. Очки вырабатываются исторіей, сожительствомъ, общими интересами. Они различны у разныхъ народовъ и у разныхъ классовъ. Они передаются отъ отцовъ дѣтямъ и являются выработанными условіями жизни эмоціями, которыя психологами принимаются за врожденныя идеи...

Быть можетъ, въ массѣ соціальныхъ явленій это и дѣйствительно такъ. Въ періодѣ слѣпой эволюціи, когда жизнью управляютъ темныя силы исторіи и физической природы, массы вырабатываютъ извѣстныя идеи, передаваемыя ими по наслѣдству. Такъ бушменъ считаетъ добромъ, когда онъ крадетъ жену, и зломъ такіе жесты, когда у него крадутъ женъ.

Несомнѣнно по этой же причинѣ происходятъ массовыя односторонніе влеченія, представленія, даже міровоззрѣнія. Когда воръ получаетъ образованіе и возможность публиковать свои идеи, онъ склоненъ думать, что нравственность есть выдумка сытыхъ, ограждающихъ себя 10 заповѣдями противъ голодныхъ. Это-де дешевле полиціи. Когда разбойникъ начинаетъ философствовать, онъ проповѣдуетъ, что убійство позволительно и готовъ оправдывать его правомъ силы, законами борьбы и т. д. Когда въ публицистическую среду вступили мошенники и разбойники, тогда естественно появились мошенники пера и разбойники печати.

Д. Дриль приводитъ не мало фактовъ односторонніхъ вле-

ченій изъ чисто животной жизни человѣка. Ихъ много въ особенности въ половой сферѣ, гдѣ они извѣстны подъ названіемъ эротическаго помѣшательства. Но не мало и въ сферѣ желудочной. „Разнообразныя разновидности желудочной породы были особенно распространены въ Римѣ временъ имперіи, когда невоздержанность, лѣнь, разгулъ, пьянство и сонъ овладѣвали всѣми, когда роскошь, погоня за наживой и чувственность достигли ужасныхъ размѣровъ, когда римская знать унижалась и молчала, какъ рабъ, ради займовъ и богатыхъ наслѣдствъ, когда значительное число людей, носившихъ имя римскихъ гражданъ, превратились въ какіе-то ходячіе желудки и когда послѣдніе сдѣлались богами руководящихъ классовъ римскаго общества. „За столомъ, если не поспѣетъ съѣсть что, гов. Аполлинарій, такъ украдетъ, если слишкомъ много наѣстся, жалуется на то, что все хочется пить. Хвастунъ, привыкшій къ побоямъ, любитель попьянствовать, еще большій охотникъ поклеветать, онъ, кажется, въ одно время извергаетъ изо рта и грязь и винный запахъ“ [40]).

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что и экономизмъ, видящій въ желудкѣ и полѣ источникъ вѣрованій, морали и знаній, такого же совершенно реальнаго происхожденія, которымъ онъ объясняетъ всѣ человѣческія доктрины. Это „надстройка“ надъ желудкомъ и поломъ. Если бы это ученіе имѣло значеніе абсолютной истины, то оно убивало бы само себя, доказывая, что существуютъ лишь относительныя истины и нѣтъ абсолютныхъ. Стало быть, оно—относительная истина, какъ надстройка надъ данными желудкомъ и поломъ. Съ измѣненіемъ данныхъ желудка и пола оно теряетъ всякій смыслъ и должно создать новую „надстройку“, соотвѣтствующую новымъ желудочнымъ и половымъ нуждамъ. Такъ бушменъ, воруя чужую жену, составляетъ „надстройку“ о добрѣ, а когда у него воруютъ его жену, то появляется другая „надстройка“, по которой то же воровство становится уже зломъ.

Экономизмъ и есть этика бушменства: морально то, что мнѣ или намъ хорошо и безнравственно то, что мнѣ или намъ вредно. Но никто не сомнѣвается въ томъ, что этика бушменовъ дѣйствительно существуетъ. Точно также и мрачная доктрина экономическаго матеріализма не выдумана: она—простое зеркало, отражающее одну изъ мрачныхъ сторонъ дѣйствительной жизни. Научное бушменство также реально, какъ и настоящее бушменство. Различіе лишь въ томъ, что научное бушменство нѣсколько грубѣе дѣйствительнаго, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ оно было выражено К. Марксомъ и его учениками. Такъ эгоизмъ А. Смита превратился въ страшное идолище—поганое, сотворенное „научными“ соціалистами. Вотъ отзывъ о немъ Ф. Энгельса:

„Самая отвратительная алчность есть побудительная причи-

на всѣхъ дѣйствій въ цивилизаціи, съ перваго дня ея и до нашего времени; богатство и еще богатство, и богатство не всего общества, а отдѣльнаго индивида—вотъ единственная цѣль цивилизаціи. И если на ея долю выпало прогрессивное развитіе науки, и если нѣкоторые періоды ея отличаются высокимъ состояніемъ искусства, то это лишь потому, что безъ нихъ нельзя было достичь подобнаго нынѣшнему развитія богатства. Такъ какъ цивилизація основана на эксплоатаціи одного класса другимъ, то въ теченіи всего этого періода господствуетъ противорѣчіе въ общественныхъ отношеніяхъ. Всякій прогрессъ производства сопровождается регрессомъ въ положеніи рабочаго класса, т. е. большинства. У варваровъ права и обязанности были одинаковы у всѣхъ; въ цивилизаціи и слѣпой замѣтитъ, что всѣ права предоставлены одному классу, всѣ обязанности лежатъ на другомъ“ [41]).

Къ сожалѣнію, научное бушменство остановилось на полдорогѣ. Слѣдовало бы идти до конца и изображать эгоизмъ во всей его систематической послѣдовательности. По замѣчанію В. Розанова, „чувство эгоизма, безсознательное и простодушное въ началѣ, преемственно переходитъ сперва въ безсердечіе, какъ равнодушіе къ чужимъ мученіямъ, а потомъ въ неутолимую жажду чужого страданія, какъ это мы замѣчаемъ наприм., въ послѣднія минуты древнеримской жизни, когда, по словамъ одного наблюдателя современника, „никто болѣе не чувствовалъ себя счастливымъ, пока не видѣлъ всѣхъ окружающихъ страдающими“ [42]).

Картина вѣрная. Несомнѣнно эгоизмъ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи легко превращается въ манію стремленія къ обоснованію личнаго счастья на несчастьи ближнихъ. И печальные факты изъ дѣйствительности подтвердили бы это заключеніе. „Любить страну нельзя, говоритъ Н. К. Михайловскій, можно любить людей, живущихъ въ ней, и любимъ мы ихъ тѣмъ крѣпче, чѣмъ мы къ нимъ ближе, чѣмъ понятнѣе намъ ихъ радости и горести, чѣмъ болѣе эти радости и горести совпадаютъ съ нашими собственными, чѣмъ, слѣдовательно, наше собственное положеніе имѣетъ больше сходства съ ихъ положеніемъ. Такое сходство положеній играло до сихъ поръ, какъ извѣстно, на Руси православной не особенно важную роль и проявлялось только въ нѣкоторыхъ экстренныхъ случаяхъ. *Бывало всѣмъ тяжело, но не бывало всѣмъ легко.* О солидарности интересовъ тутъ и рѣчи быть не могло. А потому одна половина народа совершенно безсознательно, неумышленно *привыкла смотрѣть на деньги, трудъ и кровь другой половины, какъ на пѣшки,* которыя она можетъ какъ угодно двигать, для осуществленія своей личной фантазіи—будь эта фантазія грандіозный политическій планъ, или просто желаніе имѣть орду содержанокъ. И политическіе

фантазеры, гордо держащіе знамя Россіи, какими бы демократами они не прикидывались, и казнокрады одинаково смотрятъ на казну, какъ на неисчерпаемый сундукъ и одинаково игнорируютъ источники его пополненія. Патріоты, въ смыслѣ любовниковъ географическаго понятія, и казнокрады—кровные братья“ [43]).

Все это правда, какъ правда и то, что есть на свѣтѣ психически больные саддисты, хотя изъ такихъ фактовъ никто еще, кромѣ марксистовъ, не утверждалъ, что всѣ люди должны переживать періодъ саддизма и психическихъ болѣзней вообще.

Но лучшіе изъ сторонниковъ соціализма въ послѣднее время увидѣли бездонную пропасть, въ которую попала доктрина эгоизма. Вѣдь если принципы морали и науки относительны, то ихъ доктрина также относительна, т. е. не имѣетъ значенія авторитета и ни для кого не обязательна. И они отвернулись отъ ученія, претендовавшаго стать догмой при отрицаніи въ то же время всякой догмы. Таковъ наприм., извѣстный соціалистъ Ж. Сорель. Онъ рѣшительно утверждаетъ что *высшія идеи* лежатъ въ основѣ всѣхъ историческихъ дѣйствій.—„Во время войны за освобожденіе каждый солдатъ смотрѣлъ на себя, какъ на личность, которой предстоитъ выполнить въ сраженіи нѣчто очень важное, а не считалъ себя лишь составною частью военнаго механизма, ввѣреннаго верховному управленію начальствующаго лица. Въ литературѣ этого времени обращаютъ на себя особое вниманіе постоянныя противопоставленія *свободныхъ людей* изъ республиканскихъ армій *автоматамъ* армій королевскихъ, и такія утвержденія отнюдь не были въ устахъ писателей простыми риторическими фигурами. Поэтому сраженія нельзя было тогда уподоблять шахматной игрѣ, въ которой человѣкъ играетъ роль пѣшки; они становятся сосредоточіемъ героическихъ подвиговъ, совершаемыхъ отдѣльными личностями, которыя находятъ побужденіе для своихъ дѣйствій въ своемъ собственномъ энтузіазмѣ“ [44]).

Этотъ *энтузіазмъ*, по мнѣнію Сореля, будетъ и основнымъ двигателемъ будущаго общества.

Всеобщая стачка, говоритъ онъ, есть война за освобожденіе. Она блестящее проявленіе индивидуалистическаго духа въ поднявшихся массахъ. Поэтому 1) свободный производитель въ мастерской высоко развитого общества никогда не долженъ измѣрять затрачиваемыхъ имъ усилій какою либо внѣшней мѣрой 2). Получится высокая добросовѣстность. 3). О наградѣ не будетъ и рѣчи, ибо никогда не было бы на войнѣ великихъ подвиговъ, если бы каждый разсчитывалъ на награду [45]).

Этотъ возвратъ къ „идеологіи“ совершенно естественъ. Этика бушменовъ не могла долго господствовать, все мало мальски честное возстало противъ нея и теоретики соціальнаго бушменства не могли не замѣтить, что попали въ безвыходное болото.

И въ настоящее время предъ каждымъ безпристрастнымъ изслѣдователемъ два пути: *бушменство*, т. е. относительность всего, а стало быть самаго бушменства, какъ временной надстройки, *и истина*, какъ начало абсолютное, исключающее всякій пирронизмъ, всякую относительность и двусмысленность, а тѣмъ болѣе многосмысленность. Истина не можетъ быть не истиною въ то же время; значитъ исключаетъ бушменство. Бушменство не можетъ быть истиною, потому что оно признаетъ и да и нѣтъ въ одно и то же время относительно одного и того же явленія.

Бушменство вполнѣ удовлетворяетъ бушмена и экономическій матеріализмъ вполнѣ удовлетворяетъ соотвѣтствующую ему среду. Этимъ и объясняется его огромный успѣхъ, особенно въ Россіи. Нашъ разночинецъ, главный контингентъ интеллигенціи, это въ экономическомъ отношеніи эфемеридное существо, появившееся на свѣтъ Божій изъ сѣраго хаоса и признающее поэтому лишь свое мгновеніе жизни критеріемъ всего сущаго, которое для него тоже, что для проѣзжаго курьерскимъ поѣздомъ случайная станція, доставляющая ему обѣдъ. Онъ и цѣнитъ ее только съ точки зрѣнія своего мгновеннаго обѣда. Иного критерія у него нѣтъ. Интеллигенція нѣмецкая, французская, англійская, даже польская или чешская—это дѣти прочныхъ хозяевъ земли или капитала. Она имѣетъ унаслѣдованныя традиціи не только въ этикѣ и знаніяхъ, но и въ способахъ и пріемахъ мышленія. Это сыны исторіи своей родины, естественно предназначенные къ продолженію національнаго историческаго творчества. Бушменство ихъ уже не можемъ удовлетворить. Они видятъ въ немъ варварство, давно пережитое ихъ же предками и отъ котораго они освободились не легкимъ путемъ міровой эволюціи. Тутъ возвратъ къ бушменству не мыслимъ. И какъ легокъ онъ тѣмъ, кто и безъ того такъ близокъ къ бушменамъ...

IV.

Джонъ Локкъ называлъ органы нашихъ чувствъ воротами, черезъ которыя въ сознаніе наше проходитъ внѣшній міръ. Съ этимъ всѣ соглашаются, ибо нельзя даже ученымъ идти противъ очевидности и отрицать *врожденность* глазъ, ушей, носа и т. д. Но почему же мы, признавая врожденными ворота, отрицаемъ всякую врожденность въ свойствахъ того существа, къ которому ведутъ внѣшній міръ эти ворота? Почему сила, создавшая ворота къ усадьбѣ, оставила самую усадьбу въ видѣ tabula rasa, т. е. въ видѣ пустыря, въ коемъ даже и чертополохъ не растетъ? Очевидно, это была бы явная нелѣпость. Свойства въ видѣ зрѣнія, слуха, осязанія, вкуса и ощущенія даны, а то, что видитъ, слышитъ, осязаетъ, ощущаетъ и обоняетъ, есть лишь пустое мѣ-

сто? Но въ такомъ случаѣ любое животное, имѣющее также эти ворота, должно бы легко превратиться въ человѣка.

Почему же даже обезьяны не превращаются на нашихъ глазахъ въ человѣка, а превратились лишь, по словамъ Дарвина, во времена оны, о коихъ никакихъ свидѣтельствъ не имѣется? Почему мы соглашаемся, что изъ дуба не произошла слива и изъ сливы не произошелъ дубъ, а у каждаго изъ этихъ растеній имѣются данныя ему, т. е. врожденныя свойства, а человѣкъ только tabula rasa?

Это коренной вопросъ политической экономіи. Человѣкъ, какъ факторъ въ экономической сферѣ, не tabula rasa, на которой что угодно могутъ писать предержащія власти, но опредѣленная величина, опредѣляющая своими свойствами и окружающій ее внѣшній міръ. Человѣкъ—это образъ и подобіе Бога, вселенная потенцій, безконечный міръ силъ, находящихся въ скрытомъ состояніи и раскрываемыхъ въ исторіи путями эволюціи, соотвѣтствующей конъюнкціи и прогресса. Отрицать или игнорировать потенціальный міръ значитъ отрицать самую науку и довольствоваться такими измышленіями, каковы наприм., экономическое суевѣріе о человѣкѣ, имѣющемъ лишь желудокъ и половыя страсти. Хорошо, что еще хотя эти свойства признавались...

Обращаемся къ важнѣйшимъ врожденнымъ идеямъ, какъ потенціямъ экономической дѣятельности. На первомъ планѣ о совѣсти.

Совѣсть принадлежитъ къ числу основныхъ факторовъ культуры. Значеніе ея проявляется въ отрицательномъ и положительномъ вліяніи.

Обыкновенно считаютъ важнѣйшею обязанностью государства заботы о безопасности. Но это также достижимо, какъ, напр., доставленіе государствомъ здоровья всѣмъ и каждому. Государство дѣйствуетъ больше въ сферѣ каръ и пресѣченій, т. е. когда зло уже сдѣлано и только косвеннымъ образомъ дѣйствуетъ предупреждающе. Но въ устрашающемъ вліяніи каръ не мало серьезныхъ представителей науки сомнѣвается. Пр. А. Ф. Кистяковскій высказывалъ даже убѣжденіе, что только невѣжество заставляетъ думать объ устрашающемъ вліяніи даже смертной казни. Такое мнѣніе, училъ онъ, также основательно, какъ основательно мнѣніе, что солнце движется, что мы и „видимъ“ каждый день, а между тѣмъ наука считаетъ это заблужденіемъ. Также „кажется“, что смертная казнь устрашаетъ, но наука не можетъ съ этимъ согласиться, а даже существуютъ основанія думать, что смертная казнь вызываетъ огрубѣніе нравовъ и увеличеніе преступленій. Можно не раздѣлять этого воззрѣнія, но уже одно существованіе его не можетъ не вызывать сомнѣній въ спасительности устрашеній вообще.

Такимъ образомъ государство въ своей общепризнанной сферѣ предоставленія безопасности не можетъ *все сдѣлать*. Надежды напрасны, хотя и нельзя отрицать *паліативнаго* характера полиціи безопасности. Положительная же сторона принадлежитъ совѣсти. Гдѣ въ населеніи слаба совѣсть, тамъ не мыслима безопасность. Если бы дѣйствительно люди были волками, общежитіе было бы невозможно. Никакой Левіаѳанъ не создалъ бы его. Каждая копѣйка въ рукахъ ближняго была бы его смертнымъ приговоромъ.

Внѣ совѣсти общежитіе возможно только при страшномъ деспотизмѣ и рабствѣ всего населенія. Поэтому-то свободное общежитіе такъ медленно и культивируется въ исторіи. Свобода мыслима только на пьедесталѣ совѣсти и чѣмъ больше совѣсти въ народѣ, тѣмъ выше его свобода и выше его культура. Не порабощая всѣхъ, государство не можетъ слѣдить за каждымъ, пресѣкая его попытки къ грабежу, воровству и разбоямъ. Обыкновенно государству въ дѣлѣ водворенія безопасности принадлежитъ 1%, а 99—совѣсти народа. Таково несомнѣнное громадное значеніе совѣсти въ дѣлѣ культуры въ отрицательномъ отношеніи, т. е. въ расчисткѣ почвы для свободной дѣятельности.

Но еще большее значеніе имѣетъ или должно имѣть въ будущемъ *положительное* вліяніе совѣсти, какъ фактора культуры.

Отрицательное вліяніе говоритъ о томъ, чего люди не должны дѣлать въ отношеніи къ другимъ. Положительное указываетъ на то, что они обязаны дѣлать, повинуясь свободному влеченію или чувству долга.

Культурный человѣкъ не можетъ пройти мимо ближняго, впавшаго въ несчастье. Видя утопающаго, онъ спасаетъ его. Видя пожаръ, онъ помогаетъ тушить. Видя разбой, онъ помогаетъ поймать или убить разбойниковъ. Теорія непротивленія злу—страшная безнравственность, особенно когда дѣло идетъ о спасеніи другихъ, а не себя. Это уже *очевидная* всѣмъ культурнымъ людямъ обязанность. Исторія все болѣе и болѣе выдвигаетъ людей, самоотверженно и безкорыстно служащихъ культурѣ. Къ сожалѣнію, у насъ ихъ меньше, чѣмъ на западѣ. По справедливому замѣчанію проф. Исаева, среди людей образованнаго класса на западѣ больше дѣятелей на пользу народа, чѣмъ у насъ. „Вспомнимъ хотя бы объ университетскомъ движеніи, начавшемся въ 70-хъ годахъ съ цѣлію провести науку въ народъ. Число людей науки, принявшихъ участіе въ этомъ движеніи, число рабочихъ и крестьянъ, пріобщенныхъ къ университетскому знанію, разнообразіе знаній, проводимыхъ въ жизнь, такъ велико, что было бы странно отыскивать въ русской жизни что-либо параллельное, могущее хотя въ отдаленной степени сравниться съ этимъ движеніемъ въ Англіи. Не будемъ забывать о внѣшнихъ

препятствіяхъ, съ которыми связаны въ Россіи различные виды этой дѣятельности, о подозрительности и придирчивости, которыя нерѣдко парализуютъ вполнѣ законномѣрныя начинанія“ [41]).

Какъ бы то ни было, общее число людей, самоотверженно и безкорыстно посвящающихъ себя общему благу, растетъ и эта сила въ дѣйствительности оказываетъ громаднѣйшее вліяніе уже и въ настоящее время. Результаты ея дѣйствія еще труднѣе предвидѣть, чѣмъ можно было гадать о послѣдствіяхъ введенія пара и электричества. Это новая сила, которая вводитъ въ экон. организмъ совершенно новые элементы—обоснованія личнаго благосостоянія не иначе, какъ на фундаментѣ благосостоянія всѣхъ. Это та божественная сила, которая впервые провозглашена христіанствомъ и съ тѣхъ поръ упорно превращаетъ звѣря въ человѣкѣ въ человѣка.

Мы переживаемъ темный періодъ борьбы христіанской культуры съ языческою. Къ сожалѣнію, пол. экономія до сихъ поръ основывается на эгоизмѣ, какъ языческомъ принципѣ, совершенно игнорируя принципы совѣсти, начала христіанства.

Справедливость и совѣсть не одно и тоже. Справедливость —механическій законъ воздаянія,—благо или нравственность органическій законъ союзности. Это прекрасно высказано въ притчѣ І. Христа о царствѣ небесномъ. Хозяинъ договорился съ рабочими по динарію въ день и послалъ ихъ въ виноградникъ. Выйдя около третьяго часа, онъ увидѣлъ другихъ, праздно стоящихъ, и сказалъ имъ: идите и вы на работу. Затѣмъ, выйдя около шестого и девятаго часа, сдѣлалъ то же. Наконецъ, выйдя около одиннадцатого часа, онъ нашелъ также праздно стоящихъ, которыхъ никто не нанялъ на работу. Онъ и ихъ нанялъ. По окончаніи работъ хозяинъ далъ всѣмъ по динарію. Тогда вышедшіе раньше начали роптать. Хозяинъ отвѣчалъ имъ: не за динарій ли договорились со мною? Возьми свое и иди. Или тебѣ завидно, что я добръ? (Ев. Матѳея, гл. 20). Здѣсь доброта противополагается справедливости. Такъ братство противополагается равенству. Такъ любовь противополагается закону и праву.

Заработная плата можетъ быть вполнѣ справедлива, будучи въ тоже врѣмя нищенскою. Но, будучи справедливою, она можетъ быть глубоко безнравственною, можетъ быть разбойничьей справедливостью. Ибо есть справедливость и между разбойниками, дѣлящими поровну добычу, послѣ убійства проѣзжихъ. Въ наше время мы находимся въ періодѣ справедливости въ опредѣленіи размѣровъ заработной платы. Но это еще далеко отъ того, что принято называть нравственностью.

Справедливость имѣетъ въ своемъ основаніи свободу и равенство. При полной свободѣ, не нарушаемой никакимъ неравенствомъ, хозяинъ и рабочій договариваются о заработней платѣ.

Рабочій вполнѣ доволенъ получаемымъ имъ вознагражденіемъ, вполнѣ доволенъ и предприниматель. Никто изъ нихъ не думаетъ объ интересахъ другого, каждый думаетъ только объ удовлетвореніи собственнаго интереса. Но этого еще мало для нравственныхъ отношеній. Справедливая заработная плата можетъ повести къ эксплоатаціи труда дѣтей. Съ нравственной же точки зрѣнія это преступленіе. И у кого есть моральное чувство, тотъ не можетъ довольствоваться одной справедливостью. А государство тѣмъ болѣе. Оно обязано защищать наиболѣе слабыя мѣста человѣческой культуры, къ каковымъ при данной ея эволюціи безъ всякаго сомнѣнія относится нравственность. Оно обязано установлять minimum заработка, время работы, запрещать работы дѣтей и т. д.,—все, чего не дѣлаютъ предприниматели по своей моральной слѣпотѣ.

Между совѣстью и справедливостью всѣмъ ясная разница въ томъ, что принципы совѣсти для человѣка принудительно не обязательны, какъ исходящіе исключительно изъ доброй воли, между тѣмъ какъ принципы справедливости обязательны и при отсутствіи доброй воли подлежатъ принудительному осуществленію.

Эта разница имѣетъ громадное значеніе какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ смыслѣ.

Совѣсти нѣтъ, гдѣ индивидуумъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ какого-либо внѣшняго или внутренняго принужденія. Совѣсть безъ доброй воли не существуетъ. Если добрая воля отсутствуетъ, если она подавлена воспитаніемъ, средой, коллективностью, если она подчиняется посторонней, внѣ-лежащей цѣли, наприм., интересу, тщеславію и т. п., то не можетъ быть и рѣчи о нравственномъ дѣяніи [42]).

Но возможно ли такое необусловливаемое состояніе человѣческой воли?

Оно, какъ видимъ, необходимо. Но возможно ли оно фактически? Теоретическую необходимость его прекрасно понималъ Шопенгауэръ, но законъ причинности требовалъ отрицанія доброй воли въ дѣйствительности. И мрачный философъ призналъ не менѣе мрачную двойственность: воля свободна сама въ себѣ, но какъ явленіе, т. е. какъ фактъ, не свободна. Конечно, такое объясненіе мало кого удовлетворило и по существу оно не пріемлемо. Очевидно, въ жизни, въ фактахъ дѣйствительности нѣтъ ни свободы, ни доброй воли. Она существуетъ гдѣ-то въ иномъ мірѣ, въ мірѣ вещей въ себѣ, намъ не понятныхъ, намъ не извѣстныхъ, въ мірѣ, гдѣ, по предположенію, нѣтъ ни печали, ни воздыханій. Если такъ, то о нравственности можно говорить только какъ о явленіи какого-то иного, намъ совершенно не извѣстнаго міра. Словомъ, нравственности нѣтъ и не можетъ быть въ жизни.

Поэтому не можетъ быть отвѣтственности, нѣтъ инициативы, нѣтъ самоопредѣленія. Все—пустой и бездушный механизмъ. Чувство человѣчности возмущается этимъ бездушіемъ философіи и требуетъ нравственности на землѣ.

Правъ Н. Бердяевъ: „Объективная нравственность возможна лишь при признаніи апріорнаго характера нравственнаго закона, принудительно отличающаго добро отъ зла; только въ такомъ случаѣ добро пріобрѣтаетъ общеобязательный характеръ. Этически общеобязательное значитъ долженствующее быть [43]).

Въ существованіи злой воли никто не сомнѣвается. Сомнѣваются только въ существованіи доброй воли.

Это характерный фактъ для опредѣленія нашего времени. Добрая воля, говорятъ, есть продуктъ эгоизма и нѣтъ ни одного дѣйствія, направленнаго въ пользу ближняго, которое не проистекало бы изъ собственной пользы. Эгоизмъ—основа всего. Но что касается злой воли, тутъ наши ученые настоящіе эксперты, знатоки дѣла и имъ можно вполнѣ вѣрить. Они и утверждаютъ, что злая воля руководится вовсе не личнымъ интересомъ, а сама собою, своею злостью, своею злокачественною природою. Поэтому злой человѣкъ очень часто вредитъ самому себѣ, нанося вредъ ближнему. Такъ со злости дикарь, желая напакостить врагу, идетъ къ его дому и распариваетъ себѣ животъ: пусть де врагъ повозится съ падалью.

Признавая въ дѣлѣ философіи злой воли вполнѣ компетентными большинство людей, полагаю, что изъ уясненныхъ нами свойствъ злой воли, какъ отъ извѣстной величины, можно заключить и о неизвѣстной величинѣ—доброй волѣ.

По всему видно въ дѣйствіяхъ человѣка, распаривающаго свой собственный животъ на порогѣ врага, объ эгоизмѣ не можетъ быть и рѣчи. Какая польза человѣку въ томъ, что онъ распариваетъ себѣ животъ и такимъ мучительнымъ способомъ умираетъ. Стало быть, эгоизмъ руководитъ *не всѣми дѣйствіями человѣка*. Это уже не малая брешь въ теоретической крѣпости эгоизма или утилитаризма. Воспользуемся ею и посмотримъ на свѣтъ, открываемый ею.

Убивая себя, чтобы отомстить врагу, человѣкъ дѣйствуетъ, подчиняясь какому-то не утилитарному мотиву. Поищемъ его.

Намъ говорятъ о злой волѣ. Положимъ. Но что-же такое злая воля? Врагъ, нанесшій обиду, не досягаемъ для обиженнаго, который можетъ повредить ему только посредствомъ харакири. Значитъ, харакири есть видъ мести или воздаянія зломъ за зло. Законъ воздаянія такъ могучъ, что вполнѣ подчиняетъ волю человѣка, жертвующаго жизнью для выполненія категорическихъ императивовъ его. Очевидно, есть нѣчто болѣе высокое, чѣмъ эгоизмъ. И Кантъ назвалъ его даже категорическимъ импе-

ративомъ воли, видя въ самой волѣ мотивы для ея дѣйствій. Дѣло, конечно, не въ названіи, а въ сущности. Сущность же состоитъ въ томъ, что этотъ могучій императивъ, побѣждающій самый инстинктъ самосохраненія, т. е. самый источникъ и корень эгоизма, не можетъ имѣть ничего общаго съ эгоизмомъ. *То, что разрушаетъ въ человѣкѣ его эгоизмъ, не есть эгоизмъ.* Наличность его свидѣтельствуетъ, что въ организмѣ находится и иная сила, которой подчиняется и самый эгоизмъ.

Называютъ ее злою волею. Но если воля можетъ быть злою по ту сторону эгоизма, то почему же она не можетъ быть и доброю, также по ту сторону эгоизма? Если я безъ всякихъ эгоистическихъ побужденій могу рѣзать себѣ или ближнему животъ, то почему же я также безъ всякихъ эгоистическихъ побужденій не могу накормить своего ближняго? Почему при добромъ дѣлѣ необходимо возникаетъ подозрѣніе: нѣтъ ли тутъ взятки, а при зломъ дѣяніи уже никто не сомнѣвается въ отсутствіи взятки? Въ средѣ честно мыслящихъ скорѣе бы наоборотъ полагали.

Но будетъ ли добрая, или будетъ злая воля факторомъ или мотивомъ дѣйствій, остается несомнѣннымъ одно: *воля сама по себѣ*, по своей сущности, можетъ быть факторомъ или мотивомъ дѣйствій, направляясь или по пути добра, или по пути зла, т. е. смотря по указанію разума, какъ психическаго свѣта, освѣщающаго дѣйствительность. Воля можетъ стремиться къ личнымъ удовольствіямъ и исполнять требованія закона самосохраненія. Она же можетъ стремиться къ благу другихъ и исполнять требованія законовъ сохраненія и развитія рода, общества, націи, человѣчества. Но она же можетъ и идти противъ этихъ законовъ, стать съ ними во враждебное отношеніе, исполняя свои собственныя желанія. Убивая себя или убивая другихъ, человѣкъ нарушаетъ инстинкты самосохраненія и себя и другихъ. Жертвуя собою для другихъ, человѣкъ также нарушаетъ инстинктъ личнаго самосохраненія, но нарушая самолюбіе, покоряется любви къ другимъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ *проявляется воля*, которая можетъ быть направляема объективно, но можетъ и сама себя направлять [44]).

Говоря о злой волѣ, нельзя не вспомнить вышедшей въ 1845 г. книги Каспара Шмидта подъ псевдонимомъ Макса Штирнера: „Der Einzige und sein Eigenthum“ [45]).

Н. Михайловскій признаетъ его предшественникомъ Ницше. Авторъ ничего не признаетъ надъ своимъ я. Человѣчество развивается и процвѣтаетъ, не сообразуясь съ моими интересами, и часто на нихъ строитъ свое благополучіе. Съ какой же стати я, индивидъ, буду поступать иначе? Люди эгоисты по кореннымъ свойствамъ своей природы и ничѣмъ инымъ быть не могутъ.

„Тысящелѣтія культуры омрачили васъ, заставили васъ думать, что вы не эгоисты, а призваны быть идеалистами. Бросьте это! Не ищите свободы въ самоотверженіи, ищите себя, будьте эгоистами, пусть каждый изъ васъ станетъ всемогущимъ я". — „Я въ тебѣ ничего не признаю и не уважаю ни собственника, ни бѣдняка, ни человѣка, я тебя *потребляю*. Я нахожу, что соль придаетъ моей пищѣ вкусъ, и потому солю ее; въ рыбѣ я вижу питательный матеріалъ и потому ѣмъ ее; въ тебѣ я открываю способность скрашивать мою жизнь и потому выбираю тебя въ товарищи. Или: на соли я изучаю кристаллизацію, на рыбѣ—животныхъ, на тебѣ—людей и т. д. Ты для меня именно то, что ты есть,—мой предметъ и, какъ *мой* предметъ—моя собственность".

„Такихъ чудовищно-циническихъ рѣчей, говоритъ Н. Михайловскій, міръ не слыхалъ. Въ принципѣ нѣтъ, значитъ, нравственныхъ препятствій даже и для людоѣдства, если я вижу въ своемъ ближнемъ не „способность скрашивать мою жизнь", а „питательный матеріалъ". Естественно вытекающее отсюда презрѣніе къ слабымъ и возвеличеніе сильныхъ получаетъ свое окончательное развитіе у Ницше".

Теорію Штирнера Н. Михайловскій излагаетъ довольно подробно и вполнѣ вѣрно выводитъ изъ принциповъ Штирнера всю систему Ницше. Но еще основательнѣе было бы и Штирнера и Ницше выводить изъ Бентама и классической школы. Сверхъразбойникъ у Ницше такой же сынъ классиковъ, какъ и разбойный соціализмъ Маркса, тѣмъ болѣе что Марксъ умалчиваетъ о будущей организаціи...

И вотъ этотъ дѣйствительный Сатана во образѣ человѣка признаетъ... совѣсть. Онъ утверждаетъ, что совѣсть есть въ человѣкѣ въ дни юности. Юноша, пишетъ онъ, смотритъ на все духовными очами, стремится все одухотворить. „Въ юности при каждомъ нашемъ начинаніи мы наталкиваемся на голосъ духа, разума, *собственной совѣсти*. Это неразумно, не по христіански, не патріотично и т. д.—раздаются окрики нашей совѣсти и удерживаютъ насъ отъ того, что мы собираемся сдѣлать. Мы не боимся ни мести Евменидъ, ни гнѣва Посейдона, ни всевидящаго Бога, ни родительской розги, *мы боимся нашей совѣсти*". По мнѣнію М. Штирнера, эта боязнь совѣсти проходитъ по мѣрѣ возраста. Въ зрѣломъ возрастѣ человѣкъ проникается личнымъ, эгоистическимъ интересомъ. Тогда — „Я смотрю на міръ, какъ на „Мое", какъ на мою собственность: я все отношу къ Моему Я". „Я отвергъ весь міръ; сознавъ себя самовластной единицей, я отвергаю все „духовное", всѣ „идеи" въ ихъ пустой, призрачный міръ" [47]).

По легендѣ, бываютъ мгновенія, когда и Сатана призадумывается, когда и у него появляется совѣсть. М. Штирнеръ от-

водитъ человѣческому „я“ человѣчность въ теченіи цѣлой эпохи личности—всю юность. Только за тѣмъ человѣкъ, по его выраженію, черствѣетъ, теряетъ всѣ благородныя черты, становится сатаной.

И много правды въ этомъ. Жизненная конъюнкція убиваетъ совѣсть. Такъ вмѣсто величественнаго дуба получается мизерный карликъ на каменистой почвѣ. Но имѣемъ ли мы право утверждать, что на свѣтѣ бываютъ только эти мизерные карлики, что могучихъ дубовъ вовсе не бываетъ? Совѣсть подавляется. Стало быть, она есть, ибо нечего было бы подавлять. Она есть prius нашей дѣятельности. Она намъ дана и служитъ нормой дѣятельности. Она же служитъ и источникомъ дѣятельности, позывомъ къ ней, возбудителемъ и укрѣпителемъ ея. Не правъ В. Соловьевъ, проповѣдуя этическій механизмъ. По его ученію, „Огонь страстей и теченіе необходимыхъ дѣлъ человѣческихъ, совсѣмъ не виноваты въ томъ употребленіи, которое мы изъ нихъ дѣлаемъ, какъ не виноваты *кони и экипажъ*, везущіе убійцу на мѣсто преступленія: они съ тѣмъ же удобствомъ повезли бы его и для дѣлъ вѣры и любви. Зло не въ страстяхъ и въ дѣлахъ, а въ безсмысленности страстей, въ безуміи и суетности дѣлъ“.

Въ эволюціонномъ мірѣ несомнѣненъ этотъ механизмъ и это моральное безразличіе.

Въ царствѣ *эволюціи* всепроникающимъ принципомъ является *принципъ равенства*. Солнце, этотъ основной факторъ эволюціи, одинаково свѣтитъ, какъ на злыхъ, такъ и на добрыхъ, какъ на гада, такъ и на величайшаго святого. Для него нѣтъ ни собаки, ни льва, ни комара, ни человѣка. Для него бацилла чумы также достойна свѣта, какъ и жертва ея. Принципъ равенства всего сущаго, доведенный до крайнихъ предѣловъ, есть самая сущность эволюціи. И комаръ пьетъ кровь величайшаго изъ людей, считая себя вѣнцомъ творенія. Все живое признаетъ только себя — т. е. за спиной *всѣхъ* дѣйствуетъ принципъ равенства, такъ какъ если *каждый* считаетъ себя выше всѣхъ, то *всѣ* равны.

Изъ этого принципа равенства всего сущаго и проистекаетъ *законъ борьбы за существованіе*, по которому любая чумная бацилла не щадитъ никого.

Изъ него же проистекаетъ и принципъ *эгоизма*, признаваемый экономистами основнымъ началомъ отношеній. Наконецъ изъ него же происходитъ и система моральнаго безразличія, которую Ницше относитъ лишь къ сверхъ-человѣку. „По ту сторону добра и зла“ находится не въ сверхъ-человѣческомъ мірѣ, не въ небесахъ, но здѣсь на землѣ, въ исторіи, въ прошломъ и настоящемъ. Каждое растеніе, каждое животное, каждый дикарь-чело-

вѣкъ признаютъ себя центромъ вселенной, вслѣдствіе чего fiat ихъ жизнь и pereat mundus.

Совѣсть не принадлежитъ къ этому механическому порядку. Она та человѣческая сила, которая ведетъ борьбу съ безразличіемъ. Она есть источникъ индивидуализаціи и ассоціаціи, она есть источникъ добра, источникъ справедливости, братства и любви. По самой природѣ своей она не можетъ быть безразличіемъ. Поэтому она предназначена управлять страстями, какъ эволюціонной и механической силой.

О созидательной ея силѣ прежде всего свидѣтельствуетъ духовно-нравственная жизнь любого народа. Такъ, мотивъ совѣсти прекрасно иллюстрируется сооруженіями въ странѣ церквей. Трудно въ настоящее время найти деревню, въ которой не было бы храма Божія. Кто ихъ построилъ? Объ обыкновенныхъ эгоистическихъ мотивахъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Строили люди, глубоко убѣжденные въ томъ, что, сооружая храмъ Божій, они дѣлаютъ святое дѣло. Само дѣло привлекаетъ къ себѣ дѣлателей и творитъ чудеса. Кто не въ силахъ осуществить зовъ желанія своими единоличными усиліями, тотъ идетъ по міру, собираетъ грошевыя пожертвованія и въ итогѣ мы имѣемъ святые храмы, поражающіе путешественниковъ. Деревня часто бѣдна, постройки обывателей поражаютъ своимъ нищенскимъ видомъ. Но среди нихъ высится величественный и дорогой храмъ.

И эти храмы служатъ лучшими доказательствами того, что великія дѣла не привилегія, и не монополія богатыхъ, но именно привилегія и монополія бѣдныхъ. Только бѣдняки своими грошами могли воздвигнуть эти величественные храмы, дающіе право говорить о *святой* Руси. Только бѣдняки своими грошами могли проникнуть во всѣ закоулки страны и тамъ создать... дворцы самаго Бога. И только нищіе способны создавать дворцы самому всемогущему Богу, оставаясь въ своихъ злосчастныхъ избахъ. Богатство способно создавать столицы, крупные центры роскоши, нищета и только нищета, откликающаяся на зовъ Бога, создаетъ вездѣ храмы Божьи, возвышая тѣмъ человѣка до божества. И если каменныя глыбы столицъ говорятъ о Мамонѣ, вызывая въ человѣкѣ такія же чувства, какія естественно возникаютъ у каждаго при созерцаніи безполезныхъ пирамидъ, то дѣло „призванія“, одухотворяющее жизнь въ глуши песковъ и лѣсовъ, всѣмъ свидѣтельствуетъ, что Духъ Святый еще не покидаетъ русскихъ людей. Имъ жили наши предки,—Имъ будутъ живы и наши потомки. Было горе, было разстройство. Но есть и сила созидающая.

О высокомъ моральномъ подъемѣ устроителей храмовъ Божіихъ на Руси можно судить наприм. по предсмертнымъ словамъ монаха о. Пафнутія (XV в.): „Пречистая Сама Царица из-

волила, паче же возлюбила на семъ мѣстѣ прославити свое имя и храмъ свой воздвигла и братью совокупила и мене нищаго много времени питала и покоила и съ братіею, и мнѣ какъ въ гробъ зрящу смертному человѣку, себѣ не могущу помощи, сама Царица какъ начала, такъ и устроити имать полезное своему дому. Вѣсп самъ, не княжьскою властью, ни багатствомъ сильныхъ, ни златомъ, ни сребромъ возважеся мѣсто сіе, но изволеніемъ Божіимъ и Пречистыя Его Матери хотѣніемъ. Не требовахъ отъ земныхъ князь даровъ кыихъ пріяти или приложити здѣ и хотящимъ даяти ти, но всю надежю и упованіе положихъ о всемъ на Пречистую Царицу до сего дня и часа, въ онь же разлучити имать Создатель и Творецъ душю отъ тѣлесе, и отсюду отшествіи Пречистая же Царица покрыетъ своею милостію отъ насилія мрачныхъ и лукавыхъ духовъ [49]).

Это были люди идеи и идея ими руководила. По ихъ же сознанію всѣмъ они обязаны святой идеѣ. Поэтому и дѣла ихъ переживаютъ вѣка.

Видя такую историческую картину проявленія дѣятельности совѣсти, можно ли думать, что экономическая сторона дѣятельности, имѣющая такое громадное значеніе въ жизни, должна, по признанію экономистовъ, находиться по ту сторону совѣсти, должна быть въ буквальномъ смыслѣ слова безсовѣстною и подчиненною лишь грубымъ, чисто животнымъ инстинктамъ?

Эта дикая мысль не произвела особеннаго вреда на западѣ, гдѣ много было безкорыстной дѣятельности въ теченіи вѣковъ. Животная доктрина не многихъ изъ людей соблазнила. Поэтому и теоретики все болѣе и болѣе склоняются къ тому, что бы не признавать экономической дѣятельности только продуктомъ своекорыстія. Практики ужъ давно признали, что эгоизмъ далеко не основной принципъ дѣятельности въ обществѣ. При Генрихѣ VIII въ Англіи казнили ежегодно 5000 преступниковъ; съ тѣхъ поръ населеніе возросло въ 12 разъ, теперь слѣдовало бы казнить ежегодно 60.000 злодѣевъ. А казнятъ среднимъ числомъ 15, т. е. въ 4.000 разъ меньше, чѣмъ слѣдовало бы.

Очевидно, въ соотвѣтствующей пропорціи поднялась нравственность въ населеніи и казни сдѣлались не нужными. Англичане не церемонятся со своими преступниками и если уменьшаютъ кары, то единственно по практическимъ соображеніямъ.

Какимъ суровымъ путемъ водворялась нравственность, видно изъ того, что въ Англіи по статутамъ, дѣйствовавшимъ еще въ началѣ XIX вѣка, число всѣхъ, подлежавшихъ смертной казни родовъ и видовъ правонарушеній съ различными казуистическими подраздѣленіями выражается чудовищной цифрой 6.789, которая кажется нѣсколько менѣе изумительною, когда мы узнаемъ, что смертной казни по этимъ законамъ подлежали между

прочимъ: порубка деревьевъ, увѣчье чужого скота, воровство выше одного шиллинга при нѣкоторыхъ отягчающихъ обстоятельствахъ, простое воровство въ 5 шиллинговъ, кража писемъ, злостное банкротство, угроза на письмѣ, окрашиваніе серебряной монеты въ золотую, или мѣдной въ серебряную и т. д.

По всей вѣроятности, значительная доля этихъ мѣропріятій Дракона въ дѣйствительности была вызвана интересами отдѣльныхъ классовъ, но въ основѣ каждаго изъ нихъ лежитъ признаніе необходимости культа совѣсти въ странѣ. Можно возражать противъ цѣлесообразности формъ, но въ необходимости этого культа никто изъ англичанъ и теперь не сомнѣвается. Даже процвѣтаніе кооперативовъ въ этой странѣ едвали не исключительно объясняется тѣмъ, что англійскіе рабочіе придаютъ громадное значеніе совѣсти избираемыхъ ими руководителей. Изучая составъ дѣятелей кооперативовъ въ Англіи Б. Уэббъ говоритъ: „По скольку мы сумѣли въ этой арміи работниковъ распознать людей, выходящихъ изъ ряда, эти люди отличаются скорѣе нравственными достоинствами, чѣмъ силой ума,—обстоятельство, быть можетъ, доказывающее то обобщеніе Герберта Спенсера, что въ прогрессивной стадіи цивилизаціи характеръ будетъ цѣниться выше интеллекта“ [52]).

И мы знаемъ изъ фактовъ нашей экономической жизни, что хуже всего принимаются и распространяются кооперативы тамъ, гдѣ совѣсть слабо распространена и культивирована. Нѣтъ честныхъ дѣятелей и самыя прекрасныя учрежденія погибаютъ въ рукахъ экономическихъ дѣятелей, фактическихъ сторонниковъ экономическаго матеріализма. Вотъ почему намъ представляется совершенно варварскимъ ученіе Б. Чичерина о значеніи эгоизма и совѣсти въ народной экономіи. Б. Чичеринъ отстаиваетъ классиковъ. „Не можетъ быть и рѣчи, говоритъ онъ, о замѣнѣ экономическихъ побужденій нравственными въ области матеріальнаго производства. Безкорыстная любовь къ ближнему столь же мало можетъ заступить мѣсто стремленія къ хозяйственной выгодѣ, какъ она можетъ замѣнить въ искусствѣ творческую силу и чувство красоты. Художественное произведеніе, вытекшее не изъ свободной творческой фантазіи, а изъ самыхъ почтенныхъ нравственныхъ цѣлей, будетъ не выносимо скучно и лишено всякаго художественнаго значенія. Точно также и промышленное предпріятіе, основанное не на разсчетѣ, а на любви, будетъ разорительно“ [53]).

Оставивъ въ сторонѣ экономическое суевѣріе, отъ котораго не свободны даже крупные умы, и обратившись къ обыденнымъ фактамъ, находимъ, что 99% всего національнаго производства имѣютъ въ основаніи своемъ не эгоизмъ, не стремленіе обосновать свое благополучіе на несчастьи ближнихъ, но любовь къ

семьѣ, къ творчеству, къ труду. Художникъ работаетъ, не думая о выгодахъ отъ своего творчества, но подчиняясь призванію. Но и всякій, свободно избираемый трудъ, также самоопредѣляется призваніемъ, творческими наклонностями, боязнью праздности, любовью къ семьѣ и т. д. Въ каждомъ экономическомъ предпріятіи концентрируется вся совокупность побужденій, заставляющихъ человѣка работать и вести человѣчью жизнь. Выдѣлить какое либо одно изъ этихъ побужденій и сказать, что предпріятіе есть результатъ его силъ также невозможно, какъ невозможно въ произведеніи указать долю работы отдѣльныхъ его сомножителей. Такое выдѣленіе не мыслимо ни теоретически, ни практически. Даже въ дѣятельности купца, работающаго въ сферѣ покупокъ для перепродажи, элементу выгоды обыкновенно отводится гомеопатическая роль. Купецъ работаетъ для семьи, поддерживаетъ свое классовое положеніе, работаетъ изъ за привычки и т. д. И при этомъ канвой всѣхъ дѣйствій является совѣсть. Древніе юристы безъ колебаній разрѣшали мошенничать въ торговлѣ. Такъ Помпоній говоритъ, что „при покупкѣ и продажѣ естественно дозволяется попытка обмануть“. Юристъ Павелъ: „покупатель имѣетъ естественное право купить дешево дорогую вещь, а продавецъ продать дорого дешевую, оба имѣютъ право провести другъ друга“. Теперь назвать торговца обманщикомъ значитъ оскорбить его. Очевидно, совѣсть уже получила то значеніе въ данной профессіи, какое имѣетъ, наприм., воздухъ для жизни. И слово разбойникъ теперь уже не вызываетъ благоговѣнія. А вотъ арабскіе разбойники смотрятъ на свое ремесло, какъ на почетное занятіе и названіе разбойникъ—одинъ изъ самыхъ лестныхъ титуловъ, который только можно дать молодому герою. Арабъ грабитъ своего врага, своего друга и своего сосѣда, если только они не находятся въ его собственной палаткѣ, гдѣ ихъ собственность священна [54]).

Совѣсть есть величайшій капиталъ націи. Всякое ослабленіе ея, всякій подрывъ ея принциповъ неизбѣжно ослабляютъ и подрываютъ національное хозяйство, національную предпріимчивость и національное благосостояніе. А. Смитъ видѣлъ въ свободѣ эгоизма фундаментъ общежитія. Но мыслимо ли общежитіе безъ развитія и распространенія въ населеніи совѣсти? Не ясно ли каждому, что безъ совѣсти не мыслимъ никакой союзъ между людьми, начиная отъ семьи и кончая государствомъ. Совѣсть является тѣмъ цементомъ, которымъ связывается страна въ одно стройное цѣлое. И культура совѣсти въ населеніи является одной изъ основныхъ задачъ національной жизни.

Мысль эта получаетъ все больше и больше права гражданства въ наукѣ. Такъ Г. Шенбергъ основательно отвергаетъ спеціально экономическіе мотивы: „хозяйственная жизнь есть сво-

бодный продуктъ человѣческаго духа, а вся хозяйственная жизнь народа—лишь одна сторона народной жизни, которая стоитъ въ тѣсной прочной связи съ другими проявленіями народнаго духа; экономическія силы суть общія, дѣйствующія въ человѣкѣ и природѣ силы, которыя создаютъ лишь особыя формы и въ этихъ формахъ особыя дѣйствія. Прежде всего мы твердо помнимъ, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, съ людьми, которые также дѣйствуютъ въ хозяйственной области, какъ и въ семейной, государственной и общественной, а не являются здѣсь одними, а тамъ другими. Вотъ почему мы не признаемъ никакихъ особыхъ экономическихъ мотивовъ и не можемъ согласиться, что бы хозяйственная жизнь была областью, къ которой не приложимы общенравственное ученіе и категорическій императивъ нравственнаго долга: на оборотъ, мы утверждаемъ, что нравственный законъ и преданность нравственному долгу и здѣсь, какъ въ остальной народной жизни, должна стать руководствующей силой, если мы хотимъ развитія счастливыхъ условій для общества“ [55]).

Отсюда руководящій принципъ экономической политики: „Культурное государство, какъ общая сила и общая воля, имѣетъ право и обязанность всюду вмѣшиваться своимъ законодательствомъ и управленіемъ въ экономическую жизнь, гдѣ при его содѣйствіи цѣли народнаго хозяйства могутъ быть достигнуты въ болѣе совершенной степени, чѣмъ одними изолированными и соединенными силами отдѣльныхъ личностей“ [56]).

Теперь оставлено старое заблужденіе. „Рядомъ съ безспорно могучими факторами эгоизма признается столь же могучій мотивъ—чувство права, общаго блага и сознаніе нравственнаго долга“ [57]).

Идеалъ—въ экономической жизни долженъ найти осуществленіе общій нравственный законъ.

Г. Друммондъ вѣрно отмѣчаетъ тотъ фактъ, что съ развитіемъ культуры стихійные дѣятели эволюціи перестали дѣйствовать въ прежнемъ направленіи. Эволюція руки прекратилась, такъ какъ исчезли причины, способствовавшія ея эволюціи. Открыты орудія—внѣшнія руки. Открыты рычаги—это продолженіе костей предплечія; молотки—лишенные чувствительности кулаки; ножи —замѣна ногтей, клещи и щипцы—замѣняютъ пальцы. „Въ тотъ день, когда пещерный человѣкъ впервые раскололъ мозговую кость медвѣдя, всадивъ въ нее палку и ударяя по ней камнемъ, былъ произнесенъ приговоръ надъ рукой“. Но и орудія уже дѣлаются не рукой, а мозгомъ и скоро появляются орудія для производства орудій. Эволюція имѣла своей задачей поднять человѣка до точки, когда онъ станетъ дѣлать открытія. Съ зрѣніемъ тоже. Человѣкъ совершенствуетъ теперь не глаза, но орудія глазъ: очки, микроскопы, телескопы, фотографію“ [58]).

Е. Филипповичъ также констатируетъ фактъ большого значенія въ народной экономіи не эгоистическихъ мотивовъ.

„Желаніе обладанія собственными благами и удовлетворенія личныхъ потребностей не всегда непремѣнно бываетъ рѣшающимъ моментомъ хозяйственной дѣятельности. Честолюбіе, жажда славы, семейная гордость, общественное чувство и многія другія качества столь же часто служили поводомъ къ основанію весьма обширныхъ хозяйственныхъ предпріятій, какъ и желаніе богатства или наилучшаго обезпеченія благами. Вообще нельзя себѣ представить ни одного душевнаго настроенія, которое не могло бы оказывать вліянія также и на экономическую жизнь“ [59]).

Изъ не своекорыстныхъ мотивовъ главнѣйшій—*чувство общественности,* встрѣчающееся на всѣхъ отрасляхъ культуры. „Это есть какъ бы рефлексъ зависимости индивидуума отъ общества, сознаніе, что благополучное развитіе общества составляетъ одно изъ условій всякаго индивидуальнаго развитія.—*Чувство общественности* покоится на сознаніи разумно понимаемой общности интересовъ людей, *альтрюизмъ* же на порождаемыхъ чувствомъ наклонностяхъ, которыя развиваются культурой, но никогда не овладѣваютъ всецѣло человѣкомъ. Альтрюизмъ можетъ подавить чувство своекорыстія у нѣкоторыхъ людей, а чувство общественности этого не въ состояніи сдѣлать.—Подобно тому, какъ своекорыстіе вытекаетъ изъ побужденій самосохраненія личности, такъ общественное чувство зарождается изъ стремленій къ самосохраненію общества, членами котораго чувствуютъ себя отдѣльныя лица. Личный интересъ и общественное чувство суть двѣ основныя творческія силы въ экономической жизни, имѣющія существенное значеніе“ [60]).

Необходимо сказать, что экономисты такъ называемаго этическаго направленія разсматриваютъ вопросъ съ индивидуалистической точки зрѣнія. Если бы они, оставивъ въ сторонѣ частное хозяйство и частную дѣятельность, обратили свое вниманіе на соціальную сторону, то увидѣли бы, что совѣстъ есть не подчиненный и второстепенный факторъ, но настоящій фундаментъ соціально-экономическаго зданія. *Внѣ совѣсти нѣтъ соціальнаго хозяйства.* Могутъ быть частныя хозяйства, могутъ быть хозяйства въ видѣ вооруженныхъ шаекъ, въ формѣ феодализма и т. п., но не можетъ быть соціальнаго хозяйства въ точномъ смыслѣ слова. То таинственное, о которомъ писалъ А. Шопенгауеръ какъ о чудѣ, соединяющемъ, Я съ не-Я, и есть Совѣсть. Сила эта не замѣтная уже потому, что ею игнорировала наука. Но таково свойство всѣхъ дѣйствительно великихъ силъ.

Гольденвейзеръ въ своей книжкѣ „Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи“, на основаніи обозрѣнія важнѣйшихъ соціальныхъ данныхъ, дѣлаетъ такое заключеніе: „Та-

ковы значительные этапы, которые въ Англіи за послѣднія десятилѣтія, благодаря прогрессу наукъ, политической свободѣ, просвѣщенной религіозной проповѣди и ничѣмъ не стѣсняемой личной иниціативѣ, а, главное, благодаря дружному взаимодѣйствію всѣхъ этихъ началъ, мирно отвоеваны альтрюистическими идеями въ той самой области, которая еще недавно почиталась нормальною подъ безпредѣльнымъ и даже будто бы никакимъ ограниченіямъ не подлежащимъ господствомъ экономическаго соревнованія и эгоизма".

Вслѣдъ за г. Гольденвейзеромъ Н. Михайловскій считаетъ альтрюистическое движеніе въ Англіи знаменемъ времени, въ противоположность старому знамени, когда нищета и невѣжество народныхъ массъ признавались необходимымъ условіемъ цивилизаціи. Онъ говоритъ: „Движеніе существуетъ и очень сильное и, что особенно важно, жизнеспособное, т. е. подлежащее дальнѣйшему развитію. Оно составляетъ залогъ довѣрія, съ которымъ цивилизація можетъ относится къ своему будущему. Мудрено ожидать, чтобы историческая дорога лежала передъ человѣчествомъ такою чистою скатертью, какъ думаетъ Беллами, но отъ „крушенія" цивилизацію можно считать гарантированною" [61]).

Видимость противъ этого оптимистическаго заключенія. Вѣдь не скрыть никому того обстоятельства, что противъ нищеты и невѣжества—единицы, а противъ современной цивилизаціи—обездоленныя массы.

Трудно чайной ложечкой исчерпать море, но можно надѣяться на моральную силу единицъ. Вѣдь не даромъ и Гольденвейзеръ, говоря о дѣятельности добровольцахъ, борющихся съ народными бѣдствіями, замѣчаетъ: „Картина получается такая, какую мы привыкли встрѣчать только въ описаніяхъ жизни первыхъ подвижниковъ христіанства въ станѣ язычниковъ". Да, сравненіе вѣрно. Не можемъ же мы забыть и того, что эти единицы святыхъ-мучениковъ побѣдили весь міръ. И побѣдили они вышней силой, силой великой идеи, руководившей ими.

Совѣсть, какъ сила развивающаяся и раскрывающаяся, т. е. преходящая изъ понтенціальнаго состоянія въ реальное, коренится прежде всего въ личности и является въ этомъ смыслѣ великимъ субъективнымъ факторомъ народнаго блага. Въ противоположность эволюціи и конъюнкціи, она не давитъ личности, но возвышаетъ ее, ибо совѣсть есть составная часть самой сущности человѣческаго я. Это лучъ свѣта, пробивающійся сквозь тьму вѣковъ эволюціи и конъюнкціи. Это *законъ прогресса*, какъ осуществленія идеи возможности, заключающейся въ существѣ души. И не даромъ народы смутно вѣрятъ, что душа есть часть Божества, что она „вдунута" тѣлу дыханіемъ Бога.

Эта—то сила, развившись въ личности, переходитъ и въ

союзный строй людей. Поднявъ личность и въ опредѣленной мѣрѣ освободивъ ее отъ цѣлаго, отъ коллективной души, какъ продукта эволюціи и конъюнкціи, индивидуумъ начинаетъ творить уже по образу и подобію Бога общество и государство, т. е. претворяетъ и коллективную душу, переноситъ на нее долю благодати, полученной имъ самимъ свыше.

Первоначальный процессъ этого претворенія начался съ признанія, что государство есть институтъ идей права и справедливости, осуществляемыхъ путемъ насилія.

Государство есть насиліе *въ скрытомъ состояніи*, переходящее въ реальное для противодѣйствія злу.

По словамъ А. Шопенгауэра, если въ мірѣ есть порядокъ, то мы всѣмъ этимъ обязаны *единственно* государственной машинѣ. Непосредственно дѣйствуетъ только физическая сила, такъ какъ люди только къ ней одной оказываютъ воспріимчивость и почтеніе [61]).

Дѣйствительно, каждое ослабленіе госуд. машины вызываетъ скрытаго звѣря. Скрытый звѣрь нейтрализуется возможнымъ во всякое время насиліемъ.

„Государство не есть что либо извнѣ навязанное обществу, оно не есть также „воплощеніе нравственной идеи“, „воплощеніе разума“, какъ утверждаетъ Гегель. Государство есть продуктъ общества, достигшаго извѣстной степени развитія; есть сознаніе, что общество находится въ неразрѣшимомъ противорѣчіи само съ собою, что оно распалось на непримиримые классы и что оно не имѣетъ средствъ примирить эти противоположности и противорѣчія. *Чтобы эти противорѣчія, эти общественные классы съ противоположными экономическими интересами не уничтожали другъ друга* и вмѣстѣ съ тѣмъ самое общество въ безплодной борьбѣ, *понадобилась особая власть*, стоящая, повидимому, выше общества, призваніе которой если не уничтожить борьбу, то держать ее въ границахъ „порядка“; эта власть, изъ общества выдѣлившаяся, надъ нимъ ставшая и вмѣстѣ съ тѣмъ ему чуждая, *и есть государство*“.

Вы думаете, что это слова Гоббеса?

Нѣтъ. Это ученика Маркса—Ф. Энгельса [62]).

И Ф. Энгельсъ правъ, но правъ какъ эволюціонистъ, смотря на государственный организмъ съ исторической точки зрѣнія, хотя часто государство и является „извнѣ навязаннымъ“. Но въ общемъ совершенно вѣрна мысль, что въ государствѣ противорѣчія встрѣчаютъ регулирующій принципъ и этотъ принципъ состоитъ въ идеяхъ права и правды.

Исторически право и правда постепенно воплощаются въ жизни посредствомъ государства.

Въ римской юриспруденціи право опредѣлялось, какъ искусство блага и равенства (jus est ars boni et aequi), правда же, какъ воздаяніе каждому по его праву (justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi). „Въ этихъ двухъ опредѣленіяхъ, гов. Чичеринъ, слово право употребляется въ двухъ разныхъ значеніяхъ: въ первомъ въ объективномъ, во второмъ въ субъективномъ. Объективное право, или норма добраго и справедливаго, проистекаетъ отъ правды; субъективное же право предполагается правдою, которая имѣетъ въ виду воздать каждому то, что ему принадлежитъ. Слѣдовательно, держась этихъ опредѣленій, мы должны заключить, что субъективное право есть основное начало, а объективное производное. Съ этой точки зрѣнія, свобода является источникомъ права, законъ же устанавливается для опредѣленія и охраненія свободы [63]).

Это воззрѣніе, наиболѣе послѣдовательно установленное Кантомъ, лежитъ въ основѣ всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся ученій о существѣ права. Право противополагаютъ пользѣ, jus—bonum. На основаніи исторіи ученій и законодательства можно представить понятіе права въ слѣдующемъ.

Право возникло впервые тогда, когда люди перестали быть волками въ отношеніи другъ къ другу, когда они соединились для общей цѣли, т. е. когда вступали въ союзъ.

Не можетъ быть и рѣчи о правѣ, когда человѣкъ одинъ среди окружающей природы. Не можетъ быть и рѣчи о немъ, когда человѣкъ уничтожаетъ другого человѣка. Inter armas silent eges. Но когда два человѣка сошлись для общей цѣли, возникло право, какъ основа ихъ постояннаго или временнаго союза. Союзъ по природѣ своей предполагаетъ, что два лица обязались признавать взаимную неприкосновенность физическаго существованія. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ не мыслимъ союзъ. Чѣмъ далѣе развивалась союзность, тѣмъ болѣе развивалось и право, какъ сумма требованій, заключавшихся въ самой природѣ союза. Право на жизнь выразилось въ заповѣди: не убивай. Право на имущество: не укради и т. д. Въ основѣ своей право характеризуется, поэтому, отрицательными постановленіями. Ими очерчивается кругъ личности или свободы каждаго, за который никто не долженъ переступать, иначе нарушится союзъ. Поэтому къ праву присоединилось принужденіе, какъ предупрежденіе или кара для нарушителей союза.

Но союзность развивалась и въ своемъ развитіи требовала и положительныхъ дѣйствій.

Эти требованія должны были уже нарушать свободу, т. е. тотъ самый принципъ, изъ котораго и возникло самое право. Союзъ потребовалъ дисциплины, подчиненія, кастъ, рабства и т. д. Право превратилось въ страшную силу, отъ которой зависѣла

вся экон. жизнь населенія. Право произвело полнѣйшее безправіе народныхъ массъ, перешло въ полнѣйшее беззаконіе. Человѣкъ былъ поглощенъ союзомъ безраздѣльно. Тогда личность подняла бунтъ и послѣ вѣковой борьбы видимъ компромиссъ личности и союза, а также возвратъ къ праву, какъ требованіямъ свободнаго союза. И теперь господствуетъ эта идея права, какъ фундамента для огражденія личной свободы каждаго.

Но и новое время создаетъ особый видъ поглощенія личности, не тождественный, но аналогичный съ древними и средневѣковыми. Во имя свободы собственность охранена и произошло порабощеніе массъ, номинально свободныхъ. Собственники въ Англіи изгоняли арендаторовъ со своихъ земель и они должны были или искать новаго отечества или умирать съ голоду. Такъ право привело или къ голоду или къ изгнанію изъ родины. Во имя права произнесено страшное слово Мальтуса: человѣкъ, пришедшій въ занятый уже міръ, долженъ уйти вонъ, ему нѣтъ мѣста. Народн. массы могутъ гибнуть отъ голода, а современное право умываетъ руки, подобно Пилату. „Какое мнѣ дѣло до погибающихъ, говоритъ юристъ, я вѣдь не создалъ ихъ погибели и я не обязанъ работать для ихъ жизни“. И юристъ правъ, какъ правъ былъ древній рабовладѣлецъ, для котораго рабство было естественнымъ условіемъ существованія союза въ формѣ республики, монархіи или деспотіи. Тутъ личность поглощалась государствомъ, такъ какъ при взаимной враждѣ людей государство иначе не могло существовать, не поглощаясь врагами. Очевидно личность погибаетъ, такъ какъ иначе должна погибнуть свобода.

А еще говорятъ, что право есть „надстройка“ надъ экон. отношеніями, создаваемая самими этими отношеніями. Нѣтъ, право создавало до сихъ поръ *всю экономическую жизнь*, всю экон. *исторію*.

Но это право и эта правда на низшихъ ступеняхъ развитія представляется въ видѣ страшныхъ чудовищъ, полныхъ эгоизма относительно всего посторонняго, а затѣмъ и относительно гражданъ, какъ матеріала для жизни чудовищъ.

Такъ тотъ же Римъ, который такъ прекрасно уяснилъ людямъ идею права, какъ замѣчаетъ Летурно, *былъ ничто иное, какъ великое торжествующее преступленіе*. Римляне, какъ гов. Монтескье, поставили себѣ за правило: „Никогда не заключать мира искренне, а только для видимости. Уничтоживъ войска противника, разорять его чрезмѣрными налогами. Обрушиваться на побѣдителя, истощеннаго войной, и вырвать у него плоды побѣды. Если два народа воюютъ между собою, поддерживать слабѣйшаго, чтобы занять выгодное положеніе въ спорѣ. Раздѣлять, чтобы господствовать. Предлагать миръ на сходныхъ условіяхъ,

а когда ихъ примутъ, присоединятъ къ нимъ другія, болѣе тягостныя. Въ договорѣ вводить выраженія неясныя, дающія мѣсто различнымъ толкованіямъ, такъ наприм. обѣщать пощадить *карѳагенянъ*, и разрушить его, какъ городъ. Давать полную волю алчности и мѣрять добытую славу количествомъ золота и серебра, фигурирующимъ въ тріумфѣ. Присваивать себѣ сокровища покореннаго міра“ (Montesquieu. Grander et décadence des Romains. ch VI.).—Масса гражданъ была порабощена нѣсколькими тысячами крезовъ, разбогатѣвшихъ именно вслѣдствіе того, что они были презрѣнные люди. Деньги заступали мѣсто всякой добродѣтели, граждане охладѣли къ общественному дѣлу. Продажность воцарилась повсюду.—Римъ просуществовалъ какихъ нибудь тысячу лѣтъ, изъ нихъ нѣсколько вѣковъ упадка. Стоило ли ради такого жалкаго результата топить въ крови цѣлый міръ и останавливать ходъ естественнаго развитія ста различныхъ народовъ [64]).

Такое же царство мрачнаго эгоизма видимъ у всѣхъ народовъ древняго міра.

У каждаго народа существуютъ національныя мечты, по которымъ можно судить о національномъ характерѣ самаго народа. Такъ характеръ ветхаго Израиля сказался въ мечтахъ пророка Исаіи о Мессіи. По словамъ Исаіи, Мессія явится на землю исключительно для возвеличенія евреевъ. Онъ „соберетъ разбросанныхъ израильтянъ и соединитъ разсѣянныхъ отъ четырехъ концовъ земли. И чужеземцы соединятся съ ними... а народы возьмутъ ихъ и приведутъ въ мѣсто ихъ; и домъ Израиля приметъ ихъ въ наслѣдство на землѣ Господа *рабами и рабынями*“... „Такъ говоритъ Господь Богъ Израилю, презираемому всѣми, отверженному народами, рабу властелиновъ: Я подниму руку мою къ народамъ и выставлю мое знамя племенамъ, и принесу сыновъ твоихъ въ объятіяхъ и дочери твои будутъ несомы на плечахъ. И цари будутъ воспитателями твоими, и царицы ихъ кормилицами твоими; будутъ *кланяться тебѣ лицомъ до земли и лизать прахъ ногъ твоихъ*...“ Пошлый матеріалистъ, очевидно, высказалъ въ этихъ словахъ всю свою низкую душонку. А вотъ и мечты его о матеріальномъ благосостояніи: „Ты будешь питаться тукомъ народовъ и наслаждаться царскимъ изобиліемъ“. Самъ Богъ доставитъ евреямъ вмѣсто мѣди золото, вмѣсто желѣза—серебро, вмѣсто дерева мѣдь, вмѣсто камней желѣзо, словомъ—„всѣ достоянія народовъ“ пойдутъ на упитываніе сыновъ Израиля. А при этомъ чужіе—будутъ питаться... собственною плотью. Впрочемъ, всѣ животныя будутъ наслаждаться вмѣстѣ съ Израилемъ: „волки будутъ жить вмѣстѣ съ агнцемъ и леопардъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и тѣлецъ, и левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ и малое дитя поведетъ ихъ“. Вѣроятно, все это

блаженство будетъ достигнуто тѣмъ, что всѣ народы не-евреи будутъ рабами и рабынями. Пророкъ не говоритъ, чѣмъ будутъ питаться хищные звѣри и будутъ такъ сыты, что не станутъ поѣдать ни овецъ, ни телятъ, ни коровъ. Но можно догадываться, что евреи будутъ кормить ихъ рабами и рабынями...

М. А. Рейснеръ полагаетъ, что въ еврейскомъ мечтаніи о земномъ раѣ, имѣющемъ наступить, сказалась чисто крестьянская идеологія: „Это, говоритъ онъ, рай наивный и простой, рай, который способенъ удовлетворить какъ разъ простыя потребности крестьянина, возведенныя пророкомъ въ перлъ созданія“ [65]).

Въ сущности крестьянскаго тутъ мало. За то вся суть— страшный національный эгоизмъ, доходящій до того, что всѣ другіе народы изъ милости будутъ живы лишь въ качествѣ рабовъ и рабынь, будутъ ниже даже животныхъ...

Но этотъ мрачный эгоизмъ былъ въ сущности отличительною чертою всѣхъ древнихъ народовъ, какъ остается онъ и теперь въ фундаментѣ національныхъ строеній у современныхъ народовъ, хотя, конечно, въ ослабленной христіанствомъ мѣрѣ.

Такъ мечталъ о Мессіи и Виргилій, но только римскій мечтатель относитъ свое пророчество къ ближайшему времени. Онъ ждетъ Мессіи въ первомъ же потомкѣ „божественнаго Августа“. Этотъ потомокъ Августа „положитъ конецъ ненавистному желѣзному вѣку“, возстановитъ золотой рай. „Онъ до предѣловъ вселенной намъ племя возвратитъ золотое“. И въ ожиданіи такого царя, который водворитъ на землѣ рай, римляне превращали въ боговъ своихъ императоровъ, строили имъ храмы, воздвигали статуи и поклонялись имъ... Это уже соціально-психіатрическое явленіе, вызванное надеждами на появленіе Государя, который сразу преобразуетъ небо и землю. Въ дѣйствительности были звѣри и съ отчаянія народъ боготворилъ звѣрей... Такъ несчастный истязуемый рабъ цѣлуетъ руку палача: авось облегчитъ ударъ...

Тяжела доля человѣка. Даже въ мечтахъ снятся ему лишь страшные кошмары.

Не удивительно, что и палачи, видя ползающихъ у ихъ ногъ несчастныхъ рабовъ, провозглашали себя богами и—такова горькая судьба логики—искренно увѣрены были въ этомъ. Калигула объявилъ самъ себя богомъ и заставилъ почитать себя, какъ бога. Менѣе наглые, объявляли себя лишь намѣстниками боговъ. Аммураби говорилъ о себѣ: „Духъ Господень почіетъ на мнѣ, помазалъ меня, что бы... утѣшить печальныхъ“. Положительно можно сказать, что весь теократизмъ государствъ древняго міра основанъ на этой идеѣ—спасенія людей ставленниками боговъ.

Среди этого всеобщаго ожиданія Царя-благодѣтеля, явился на землю Сынъ Божій съ откровеніемъ, что царство Божіе есть внутри каждаго, что нужно надѣяться на себя, а не на посторонняго реформатора. Понятно, проповѣдь свободы не была принята рабами и христіане стали ожидать второго пришествія Сына Божія, который будетъ царствовать тысячу лѣтъ и принесетъ человѣчеству счастье. Когда и это ожиданіе рабовъ не оправдалось, наступилъ періодъ борьбы идеаловъ язычества съ христіанствомъ, которымъ характеризуются средніе вѣка. Но и въ новое и новѣйшее время эмоціи язычества, переходящія изъ поколѣній въ поколѣнія, не смотря на высокую культуру на каждомъ шагу сказываются не только въ стремленіяхъ и идеалахъ темныхъ массъ, все разсчитывающихъ на правителей, но и въ книгахъ ученыхъ и публицистовъ, замѣнившихъ правителей-боговъ учрежденіями, не менѣе чудодѣйственными, не менѣе божественными. Только жертвы и поклоненія должны быть приносимы не Калигулѣ или Нерону, а соціальнымъ учрежденіямъ. Появляются и старые языческіе или еврейскіе пророки, въ лицѣ напримѣръ Лассаля, Маркса, Жореса и т. дал. Появляются и „великіе дѣятели“, не останавливающіеся ни предъ чѣмъ для облагодѣтельствованія рода человѣческаго, для водворенія всеобщаго счастья. И нѣтъ такой среды, которая не выдвигала бы ихъ. Католичество выдвинуло великихъ филантроповъ Лойолу и Торквамедо. Соціализмъ выдвинулъ Марата, Робеспьера. Государство выдвинуло Наполеона I. Всѣ эти теоретики и практики какъ бы завидуютъ вавилонскому Царю Аммураби, который, по сравненію М. А. Рейснера, за полторы тысячи лѣтъ до пророка Исаіи говоритъ о себѣ въ словахъ, словно заимствованныхъ у еврейскаго пророка. Онъ называлъ себя „возвышеннымъ, богобоязненнымъ царемъ, который пришелъ, что бы водворить законъ правды въ странѣ, уничтожить негодныхъ и злыхъ, дабы сильный не вредилъ слабому“. Онъ доставляетъ всеобщее благоденствіе, снабжаетъ всѣхъ хлѣбомъ и водой, устрояетъ пастбища, защищаетъ бѣдныхъ, истребляетъ враговъ всеобщаго счастья... И вѣроятно, Аммураби не меньше истребилъ людей во имя всеобщаго счастья, чѣмъ его новѣйшіе послѣдователи... А нищета и горе здравствуютъ. И оказывается правъ ветхозавѣтный поэтъ: не надѣйтеся на князи, сыны человѣческіи, въ нихъ бо нѣтъ спасенія. А теперь приходится сказать: не надѣйтеся и на правительство, т. е. на учрежденія. Спасеніе внутри васъ, въ вашемъ умѣ и вашемъ сердцѣ. Поэтому то оно такъ трудно, хотя и такъ близко, что ближе ничего нѣтъ.

Въ нашей литературѣ прекрасно выясняетъ государственную идею въ дѣлѣ благосостоянія М. А. Рейснеръ. „Магическій элементъ въ созданіи монархической власти общеизвѣстенъ, го-

воритъ онъ: и если у дикарей царь оказывается кудесникомъ, у котораго громъ находится во лбу, который мановеніемъ руки ниспосылаетъ дождь или огонь съ небесъ, насылаетъ и врачуетъ разныя болѣзни, то развѣ не то же мы видимъ въ мессіанскомъ образѣ Исаіи или въ манифестѣ вавилонскаго царя правды; и если впослѣдствіи такія грубыя и примитивныя представленія о царѣ-волшебникѣ, о царѣ-чудотворцѣ видоизмѣняются, то развѣ въ самомъ *чудѣ власти* недостаточно основаній, что бы считать именно царя вмѣстѣ съ тѣмъ и великимъ колдуномъ".

Въ своемъ естественномъ развитіи чудо власти переходитъ въ учрежденія, которымъ также приписывается магическая сила. Но уже сила не теологическая, а метафизическая и за тѣмъ позитивная. Власть подчиняетъ себѣ массы, организуетъ ихъ. Она можетъ опустошать и создавать организованной силой народныхъ массъ. Понятно, склонные къ идолопоклонству люди, потерявъ вѣру въ божественность идола, стали приписывать ему сперва метафизическую магію, считая учрежденія созидателями культуры, а за тѣмъ позитивную магію же, провозглашая ихъ созидателями и самаго человѣка, а не только его благосостоянія. И получается *историческая схема:*

Судьбы народовъ рѣшаются: 1) Богомъ-Монархомъ и его временщиками. 2) Въ переднихъ монарховъ министрами. 3) Въ засѣданіяхъ конституціонныхъ парламентовъ. 4) Въ засѣданіяхъ представителей народа.

Во всѣхъ случаяхъ не человѣкъ творилъ свою судьбу, а посторонняя чудодѣйственная сила. И не удивительно, что долго приходится ждать у моря погоды.

Только христіанство указало дѣйствительный путь къ спасенію и на землѣ. Оно вернуло человѣка къ нему же самому.

Цѣли человѣка не во внѣ и не въ будущемъ, а въ настоящемъ. Въ этомъ смыслѣ совершенно понятна заповѣдь: не думайте о завтрашнемъ днѣ. Не думайте о завтра по той простой причинѣ, что и „завтра" будетъ „сегодня" и что суть именно въ „сегодня". Вотъ примѣръ. Спаситель сказалъ: блаженны чистые сердцемъ, они Бога узрятъ. Если вы откладываете чистоту сердца на завтра, то это лишь самообманъ. Такъ разсуждаетъ и разбойникъ, говорящій: сперва убью, а потомъ покаюсь. Не въ прошломъ и не въ будущемъ нужно искать цѣлей, а сегодня, въ эту данную минуту.

Поиски идеаловъ въ прошломъ естественно ведутъ къ разбойничеству и бомбамъ. „Предметъ дѣла и качество дѣлателя, справедливо говоритъ В. Соловьевъ, неразрывно связаны между собою во всякомъ *настоящемъ* дѣлѣ, а тамъ, гдѣ эти двѣ стороны раздѣляются, тамъ настоящаго дѣла и не выходитъ. Тамъ

искомое дѣло раздвояется. Съ одной стороны выступаетъ образъ идеальнаго строя жизни, установляется нѣкоторый общественный идеалъ. Но этотъ идеалъ принимается независимо ни отъ какой внутренней работы самаго человѣка,—онъ состоитъ только въ нѣкоторомъ заранѣе опредѣленномъ и извнѣ принудительномъ экономическомъ и соціальномъ строѣ жизни; поэтому все, что можетъ человѣкъ сдѣлать для достиженія этого *внѣшняго* идеала, сводится къ устраненію внѣшнихъ же *препятствій* къ нему. Такимъ образомъ самъ идеалъ *является исключительно только въ будущемъ*, а въ настоящемъ человѣкъ имѣетъ только дѣло съ тѣмъ, что противорѣчитъ этому идеалу, и вся его дѣятельность отъ несуществующаго идеала обращается всецѣло *на разрушеніе существующаго*, а такъ какъ это послѣднее держится людьми, то все это *дѣло* обращается въ насиліе надъ людьми и цѣлымъ обществомъ“ [67]).

Естественно, что нашъ философъ въ концѣ-концовъ приходитъ къ мысли, что всякій серьезный переворотъ есть *нравственный переворотъ*. У насъ, говоритъ онъ, „въ эпоху духовнаго броженія, въ то время, какъ приверженцы „общественнаго идеала“, такого же внѣшняго и поверхностнаго, какъ „царствіе“ іудейскихъ матеріалистовъ, возстаютъ и убиваютъ, губятъ другихъ и сами гибнутъ безплодно и безславно, а другіе или теряются въ умственномъ хаосѣ, или погрязаютъ въ равнодушномъ своекорыстіи, являются лишь не многіе люди, которые, не удовлетворяясь никакими внѣшними цѣлями и идеалами, чувствуютъ и возвѣщаютъ необходимость глубокаго *нравственнаго* переворота и указываютъ условія новаго духовнаго рожденія Россіи и человѣчества. Изъ этихъ не многихъ предвѣстниковъ русской и вселенской будущности безспорно первымъ былъ Достоевскій, ибо онъ глубже другихъ провидѣлъ сущность грядущаго царствія, сильнѣе и одушевленнѣе предвозвѣщалъ его“ [68]).

„Общественный идеалъ“ является не нужнымъ, какъ нѣчто внѣшнее, завтрашнее.

И лучшіе наши представители русской мысли, каковы Гоголь, Достоевскій, Михайловскій, стоятъ на томъ, что самый вѣрный путь къ реформамъ—это подъемъ человѣческой личности и интересы личности являются критеріемъ нормальности или не нормальности соціальнаго строя.

Это и есть настоящая вполнѣ христіанская точка зрѣнія. Сущность ея состоитъ въ томъ, что государство должно превратиться въ организмъ, во главѣ котораго должна быть поставлена совѣсть, т. е. тотъ самый внутренній голосъ Божій, отъ развитія котораго зависитъ и развитіе какъ человѣка, такъ и человѣческаго общества. Другими словами, государство и общество, какъ

созданія рукъ человѣка, должны быть созданы по образу и подобію того же Бога, по образу и подобію котораго сотворенъ человѣкъ. А образъ и подобіе Бога въ человѣкѣ проявляется прежде всего въ совѣсти. Государство, проникнутое совѣстью, должно быть и несомнѣнно будетъ той божественной силой на землѣ, которая избавитъ человѣчество отъ бѣдности и нищеты, отъ злобы и ненависти, отъ голода и войнъ. Совѣсть необходимо признать сущностью Божества именно потому, что внѣ совѣсти появляется тотъ *идеализмъ*, который заключаетъ въ себѣ великую идею суверенитета или верховенства, но безъ внутренняго содержанія ихъ. Благодаря этому получается извѣстнѣйшій въ исторіи *сатанизмъ* подъ маской обожествленія. Таковъ сатанизмъ, во имя котораго въ древнемъ мірѣ поглощалась личность государствомъ. Таковой же сатанизмъ воскресъ во время великой французской революціи въ видѣ суверенитета общественнаго блага. Припомнимъ нѣкоторыя черты послѣдняго.

Суверенитетъ блага во время революціи привелъ къ терроризму. Маратъ не могъ видѣть мученій истязуемаго насѣкомаго. Въ 1787 г. онъ опубликовалъ Plan de legislation criminelle, гдѣ высказывается противъ смертной казни. Но тотъ же Маратъ требовалъ въ 1791 г. 800 головъ лучшихъ французскихъ гражданъ, а въ 1792 г. даже 200,000 головъ. И онъ торжественно говорилъ, что этого массоваго убійства требуетъ даже гуманность, такъ какъ „вполнѣ человѣчно пролить немного крови, чтобы избѣжать въ будущемъ еще большаго пролитія ея“.

Такъ объясняютъ всегда человѣческія жертвоприношенія идолу Блага.

Робеспьеръ, воспитанникъ аббатства де-Сентъ-Вастъ, лауреатъ коллегіи Людовика Великаго, былъ назначенъ епископомъ членомъ уголовнаго трибунала въ Арросѣ. Но, будучи обязанъ произнести смертный приговоръ надъ однимъ преступникомъ, онъ отказался отъ этого и отъ своей должности, не смотря на крайнюю нужду въ средствахъ къ существованію. Въ 1791 г. онъ протестовалъ противъ всякихъ мѣропріятій противъ ксендзовъ. Онъ требовалъ постепенности въ прогрессѣ: Парижъ не созданъ въ одинъ день и нельзя въ одинъ день его возсоздать“. Въ 1791 же году онъ говорилъ вмѣстѣ съ Дюпономъ противъ смертной казни вообще.

И тотъ же Робеспьеръ во имя суверенитета Блага превратился въ кровожаднаго звѣря, дѣятельность котораго и теперь еще приводитъ въ ужасъ всѣхъ честныхъ людей! И это во имя Блага!

Нѣтъ худшаго Зла, какъ это Благо!

И нѣтъ на свѣтѣ такого зла, которое не было бы учинено людьми во имя Блага, во имя „святого гнѣва“ противъ злоупот-

ребленій, во имя „святой ненависти“ противъ эксплоататоровъ. Суверенитетъ Блага есть худшій изъ всѣхъ возможныхъ деспотизмовъ. Нѣтъ такой Подлости, на которую не рѣшался бы человѣкъ во имя борьбы съ подлостью.

Соціальный сатанизмъ въ формѣ суверенитета общественнаго блага есть страшное зло, оцѣнка котораго до сихъ поръ на каждомъ шагу затрудняется именно его божественной маской. Глубоко поучительный образецъ такихъ затрудненій находимъ въ отношеніяхъ нашего историка Ключевскаго къ просвѣщенному деспотизму Петра I.

В. Ключевскій признаетъ, что реформа Петра I была борьбою деспотизма съ косностью народа, что реформаторъ „грозою власти“ хотѣлъ вызвать самодѣятельность въ порабощенномъ народѣ и „черезъ рабовладѣльческое дворянство водворить въ Россіи европейскую науку, народное просвѣщеніе, какъ необходимое условіе общественной самодѣятельности, хотѣлъ что бы рабъ, оставаясь рабомъ, дѣйствовалъ сознательно и свободно“. Но въ этомъ нашъ историкъ не могъ также не видѣть политической *квадратуры круга*. Тѣмъ не менѣе и эту „политическую квадратуру круга“ онъ оправдываетъ. „Самовластіе, говоритъ онъ, само по себѣ противно, какъ политическій принципъ. Его никогда не признаетъ гражданская совѣсть. Но можно мириться съ лицомъ, въ которомъ эта противоестественная сила соединяется съ самопожертвованіемъ, когда самовластецъ, не жалѣя себя, идетъ на проломъ во имя общаго блага, рискуя разбиться о неодолимыя препятствія и даже о собственное дѣло. *Такъ мирятся съ бурной весенней грозой, которая, ломая вѣковыя деревья, освѣжаетъ воздухъ и своимъ ливнемъ помогаетъ всходамъ новаго посѣва*“ [69]).

Также смотрѣлъ на реформу Петра и кн. Щербатовъ, который въ насильственномъ размахѣ великаго реформатора видѣлъ порчу характера русскаго народа, но въ то же время сдѣлалъ остроумный хронологическій разсчетъ, „во сколько бы лѣтъ при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ могла Россія сама собою, безъ самовластія Петра Великаго, дойти до того состоянія, въ какомъ они нынѣ есть въ разсужденіи просвѣщенія и славы“. И оказалось, что этого Россія достигла бы только къ 1892 году! А между тѣмъ, присоединяетъ къ этому В. Ключевскій, какой-нибудь Каръ XII или Фридрихъ II поотрывали бы себѣ части Россіи и тѣмъ еще болѣе замедлили бы ее развитіе...

Противъ *необходимаго насилія*, конечно, ничего нельзя возразить, какъ ничего нельзя возразить противъ насильственнаго спасенія утопающаго. Но дѣйствительно ли безъ деспотизма Петра I Россіи бы не было въ настоящее время? Дѣйствительно

ли, этотъ деспотизмъ былъ необходимъ, какъ обязательно наприм. насильственное спасеніе утопающаго?

Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ $1^1/_2$ вѣковая исторія страны послѣ Петра I, когда о продолженіи реформъ Петра I не было и рѣчи и только при Имп. Александрѣ II Россія выступила на путь дѣйствительныхъ реформъ, опоздавшихъ также на нѣсколько столѣтій. Нѣтъ, и безъ Петра I Россія существовала бы. Думать иначе, значитъ забывать великій народъ, создавшій первое на земномъ шарѣ по своей величинѣ государство и изъ-за государственныхъ заботъ, изъ-за устроенія государства забывшаго даже свое частное домостроительство. Отвернувшіеся отъ Петра I старовѣры не исчезли же и если продолжаютъ коснѣть въ старой метафизикѣ и буквоѣдствѣ, то не по своей винѣ. Они кристализовались на данной стадіи національнаго роста политическими гоненіями [70]).

Если признать суверенитетъ блага, то нѣтъ и не будетъ предѣловъ для жертвъ, приносимыхъ обожествленному благу. Для бѣдняка самая бѣдственная жизнь предпочтительнѣе чудныхъ похоронъ. Но съ точки зрѣнія суверенаго блага эта жизнь есть ничтожество, о пожертвованіи которой въ интересахъ цѣлаго не стоитъ и раздумывать. Не жалѣть же спички, чтобы зажечь сигару. Вотъ почему всевозможныхъ направленій люди, прогрессисты и ретрограды, одинаково признаютъ, что интересы меньшинства должны быть принесены въ жертву большинству и нѣтъ такой жертвы, предъ которой въ этомъ случаѣ можно было бы останавливаться.

Классическая индивидуальная свобода, съ такимъ восторгомъ принятая человѣчествомъ въ концѣ 18 в., теперь признается только учеными, которыхъ величаютъ отсталыми, архивными, живыми трупами. Никто изъ пролетаріевъ не сомнѣвается въ томъ, что работать во время объявленій забастовки преступно и нѣтъ тѣхъ страшныхъ средствъ, предъ которыми не останавливались бы, преслѣдуя штрейкбрехерство. Рабочій не можетъ перенести голода дѣтей и идетъ на работу. И на пути его убиваютъ, во имя коллективизма. Индивидуальная свобода приносится въ жертву на *алтарь новаго Молоха—Свободы Всѣхъ*. И жертвоприношенія по прежнему совершаются, но только уже не во имя Бога, но во имя *Кармана Всѣхъ*.

Обожествленіе блага, признаніе за нимъ суверенитета, возведеніе его въ идола—соціальнаго Молоха—также естественно и строго логически приводитъ къ жертвамъ человѣческою личностью во имя интересовъ забастовки, какъ и во имя интересовъ борьбы съ забастовкой. Все зависитъ лишь отъ того, что мы станемъ считать за общественное благо. Для общественнаго блага все можно и все свято.

По прекрасному замѣчанію Кельнскаго архіепископа Зимара, въ древне-языческихъ государствахъ не было мѣста личной совѣсти.

„Государство занимало мѣсто Бога и совѣсти, устанавливая по своему усмотрѣнію границы нравственности, религіозной вѣры и жизни. Это неограниченное господство государства въ области религіи и нравственности является не чѣмъ инымъ, какъ практическимъ обоготвореніемъ его“ [71]).

Не даромъ римскіе императоры признавались богами!

А развѣ не тѣ же идолопоклонники нынѣшніе соціалистическіе вожаки, приговаривающіе къ смертной казни несчастнаго рабочаго, не способнаго перенесть плача голодающихъ дѣтей!

Есть святая святыхъ, куда бы не долженъ имѣть доступа никакой деспотъ.

Глубоко трогателенъ разсказъ объ отношеніи Ивана Грознаго къ Василію блаженному. Вотъ грозный царь на Красной площади за своимъ кровавымъ дѣломъ. Сѣкутъ головы, жгутъ людей на кострахъ, пытки и изстязанія кругомъ. И подходитъ къ страшному Звѣрю Василій и говоритъ ему: „Что же ты меня не казнишь? Я не хуже другихъ“. Разсердился Царь и замахнулся на блаженнаго. Но въ это время смиренный народъ въ свою очередь грозно заговорилъ со своимъ грознымъ Царемъ: „Не тронь его, въ нашихъ головахъ ты воленъ, а его не тронь“. И смирился Грозный предъ этакой грозной волей своего смиреннаго народа.

В. Маклаковъ вѣрно замѣчаетъ, что таково же было отношеніе русскаго государства къ Л. Н. Толстому, который самъ просилъ, что бы его судили и наказывали, вмѣсто осужденія и наказанія его послѣдователей. Но... рука не подымалась у власть имущихъ. Какой-то ангелъ-хранитель удалялъ ее отъ человѣка, такъ много давшаго націи [72]).

Если во имя суверенитета соціальнаго блага многіе требуютъ обожествленія большинства, то съ совершенно равнымъ основаніемъ, другіе требуютъ принесенія въ жертву меньшинству этого самаго большинства.

Ренанъ признаетъ, что въ интересахъ культуры большинство должно быть принесено въ жертву меньшинству. „Для воспитанія меньшинства требуется тяжелый трудъ большинства. Устраните этотъ великій законъ, подведите всѣхъ подъ одинъ уровень, дайте всѣмъ равныя права, развяжите узы подчиненія общему дѣлу—и вы получите эгоизмъ, сухость, жизнь станетъ невозможна“ [73]).

Такова же общественная теорія Ницше. Сверхъ-человѣкъ его—это высшая индивидуальность, въ жертву которой должно быть принесено все. „Зрѣлый плодъ общественнаго древа есть

верховный индивидуумъ, себѣ лишь равный, отъ нравственности освобожденный, автономный, сверхнравственный индивидуумъ“ [74]).

Это значитъ: да здравствуетъ рабство во имя свободы!

Въ русской литературѣ подобное соціальное язычество до послѣдняго времени совсѣмъ не находило сторонниковъ. Напротивъ, большинство лучшихъ представителей русской мысли всегда отстаивало святая святыхъ отъ покушеній государства. Интересно въ данномъ случаѣ міровоззрѣніе Герцена.

Герценъ возстаетъ противъ порабощенія личности въ какой бы формѣ оно ни было. „Подчиненіе личности обществу, народу, человѣчеству, идеѣ—продолженіе человѣческихъ жертвоприношеній, закланіе отца для примиренія Бога, распятіе невиннаго за виновныхъ“ [75]).

Въ связи съ этимъ онъ защищаетъ эгоизмъ. „Какой смыслъ всѣхъ разглагольствованій противъ эгоизма, индивидуализма? Люди эгоисты, потому что они лица; какъ же быть самимъ собою, не имѣя рѣзкаго сознанія своей личности? Лишить человѣка этого сознанія, значитъ распустить его, сдѣлать существомъ прѣснымъ, стертымъ, безхарактернымъ. Мы эгоисты и потому добиваемся независимости, благосостоянія, признанія нашихъ правъ, потому жаждемъ любви, ищемъ дѣятельности... и не можемъ отказывать безъ явнаго противорѣчія въ тѣхъ же правахъ другимъ“.

Единеніе между личностью и обществомъ Герценъ видитъ въ слѣдующемъ: „Дѣло просто въ томъ, что эгоизмъ и общественность не добродѣтели, и не пороки; это основныя стихіи жизни человѣческой, безъ которыхъ не было бы ни исторіи, ни развитія, а была бы или разсыпчатая жизнь дикихъ звѣрей или стада ручныхъ троглодитовъ. Уничтожьте въ человѣкѣ общественность, и вы получите свирѣпаго орангъ-утанга; уничтожьте въ немъ эгоизмъ, и изъ него выйдетъ смирное Жоко. Всего меньше эгоизма у рабовъ. Самое слово „эгоизмъ“ не имѣетъ въ себѣ полнаго содержанія. Есть эгоизмъ узкій, животный, грязный, такъ, какъ есть любовь грязная, животная узкая. Дѣйствительный интересъ совсѣмъ не въ томъ, что бы убивать на словахъ эгоизмъ и похваливать братство, оно его не пересилитъ, а въ томъ, что бы сочетать гармонически, свободно эти два неотъемлемыя начала жизни человѣческой“.

По странной ироніи судьбы эти идеи у насъ давно были извѣстны.

Еще Дидро объяснялъ Екатеринѣ II, гдѣ причина плохого состоянія Россіи. „Свобода личности сведена здѣсь къ нулю, верховная власть слишкомъ еще сильна и естественныя права слишкомъ еще урѣзаны... Всякій произволъ дуренъ; я не исключаю и неограниченной власти добраго, твердаго, справедливаго и просвѣ-

щеннаго государя".—„Одно изъ величайшихъ несчастій, которое можетъ случиться со свободнымъ народомъ, это два или три царствованія подрядъ въ духѣ просвѣщеннаго деспотизма. Три такихъ государя, какъ Елисавета (англійская), и англичане были бы не чувствительно порабощены на долго". Екатерина II отвѣтила Дидро: je le crois—я такъ думаю.

И справедливо, что и самое прекрасное учрежденіе можетъ дать совсѣмъ неожиданные результаты, подобно тому, какъ самое прекрасное намѣреніе можетъ привести въ самую глубину ада. Вспомнимъ и другой фактъ изъ той же эпохи.

По поводу преслѣдованія массоновъ Екатериною II, Кутузовъ писалъ Лопухину: „Горе землѣ, въ которой подчиненные, начальники и судьи, а не законы управляютъ гражданами и дѣлами. Всякій изъ нихъ считаетъ себя мудрецомъ высшей степени... и отъ сего... у семи нянекъ дитя безъ глазу. Коль скоро позволяется человѣку судить о намѣреніяхъ человѣка и догадки свои равнять дѣйствительному дѣянію, толь скоро исчезнетъ личная безопасность, ослабѣваетъ довѣренность законовъ, да и сами законы теряютъ свою силу. Граждане содѣлываются нерѣшительными, твердость и мужество уступаютъ мѣсто робости и ползающему духу; правда и праводушіе отступаютъ отъ сердецъ нашихъ; коварство, хитрость и лукавство воздымаютъ смѣло главу свою; *отечество наше становится намъ чуждо, ибо содѣлывается жилищемъ нашего душевнаго мученія...*"

Все это старая старина, а какъ будто бы вчера написано и по поводу нашихъ злободневныхъ нуждъ.

Полагаютъ, что катаклизмъ въ исторіи идей произвелъ въ новомъ направленіи Ж. Ж. Руссо.

По замѣчанію М. Бертло, Ж. Ж. Руссо великъ тѣмъ, что консервативному понятію *соціальной пользы*, столь дорогому для установленныхъ правительствъ, онъ противопоставилъ болѣе возвышенное, болѣе способное къ прогрессу, но за то и болѣе обоюдоострое, болѣе опасное ученіе *о соціальной справедливости*, всегда готовое ихъ опровергнуть.

Все это правда и заслуга Ж. Ж. Руссо велика. Но еще важнѣе заслуги Монтескье, который въ интересахъ именно соціальной справедливости предложилъ свое знаменитое раздѣленіе властей.

Скромный ученый преобразовалъ весь культурный міръ. Его ученіе вошло въ плоть и кровь народовъ и появилась та свобода, о которой не смѣли и мечтать самые смѣлые утописты до эпохи смѣшенія властей. Всякая попытка къ возврату къ старому режиму, не отдѣлявшему законодательной, административной и судебной властей теперь признается варварствомъ, чѣмъ-то дикимъ и страннымъ, равносильнымъ посягательству на достоинство культурныхъ людей.

И несомнѣнно, ученіе Монтескье открыло новую эру человѣчеству. Что такое деспотизмъ?—Это именно и есть соединеніе въ одномъ лицѣ 3 властей—законодателя, судьи и администратора. Раздѣленіе этихъ элементовъ равносильно разложенію деспотизма и возвышенію личности, укрѣпленію ея свободы. Тоже необходимо сказать и о клерикализмѣ. Фанатикъ—священникъ держалъ въ своей волѣ всю жизнь человѣка, разъ онъ былъ и судьей и исполнителемъ собственнаго вердика, а частью и толкователемъ закона и даже его создателемъ. И наше крѣпостное право страшно было именно тѣмъ, что владѣлецъ былъ и судьей и исполнителемъ своего приговора, хотя и не былъ законодателемъ.

И до той поры, пока люди будутъ дорожить своей свободой, принципъ Монтескье будетъ живъ.

Я не знаю другого благодѣтеля человѣчества, который въ такой мѣрѣ заслуживалъ бы памятника отъ благодарнаго человѣчества, какъ Монтескье. Это дѣйствительно скромный ученый, сдѣлавшій человѣчеству больше блага, чѣмъ всѣ правители, вмѣстѣ взятые. Онъ далъ человѣчеству идею организаціи самого правительства и при томъ такой организаціи, въ которой принципу *соціальной совѣсти,* а не простой справедливости отведено центральное мѣсто.

И такъ, совѣсть есть основаніе и критерій нормальности или ненормальности государственности, общественности и положенія въ нихъ личности. Совѣсть—единственное верховное начало на земномъ шарѣ, которому подчинена личность, а чрезъ нее и государственность со всевозможными союзами.

Можетъ ли любовь быть нравственно-руководящимъ принципомъ?

Н. Михайловскій училъ: „Есть группа людей, рѣшительно и громко отрицающихъ патріотизмъ, во имя любви къ людямъ вообще - это анархисты. Учитель кротости и непротивленія злу, врагъ всякаго насилія, не только осуждающій войну, но и отъ животной пищи отказавшійся, дабы не принимать участія въ пролитіи крови, хотя бы курицы, сходится съ людьми, не останавливающимися предъ массовымъ убійствомъ неизвѣстныхъ имъ посѣтителей какого нибудь театра или ресторана. Это не сближаетъ его, разумѣется, съ ними, но показываетъ, что любовь къ людямъ вообще, въ связи съ отрицательнымъ отношеніемъ къ патріотизму, не даетъ еще опредѣленнаго нравственно-руководящаго начала“ [78]).

Могутъ сказать, что отсутствіе патріотизма—признакъ отсутствія и любви вообще, ибо „не полюбишь человѣчества, не полюбивши близкихъ“.

Но Н. Михайловскій основательно говорилъ тоже и о другихъ видахъ любви.

„Любовь мужчины къ женщинѣ и обратно, любовь самая пламенная и полная, часто ведетъ къ поступкамъ, рѣшительно не одобряемымъ ни собственною совѣстью совершающаго ихъ, ни совѣстью общественною, выраженною или не выраженною въ какомъ нибудь писаномъ или не писаномъ кодексѣ морали. И точно также любовь къ дѣтямъ, къ семьѣ, и точно также патріотизмъ, любовь къ отечеству или соотечественникамъ. Національное чувство не обязываетъ ненавидѣть чужихъ, но оно скользитъ по краю этой пропасти, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ рѣшаетъ и даже освящаетъ такія дѣянія, которыя, внѣ этихъ обстоятельствъ, современная мораль ни коимъ образомъ не одобритъ“ [79]).

Объясняется дѣло тѣмъ, что любовь къ людямъ есть развившійся эгоизмъ и поэтому приводитъ къ тому же, къ чему приводитъ и всякій эгоизмъ. Это прекрасно понялъ еще Шиллеръ (О необходимыхъ границахъ при употребленіи прекрасныхъ формъ), говорящій: „Мы болѣе заботимся о себѣ, чѣмъ о предметѣ своей любви, ибо мы скорѣе готовы видѣть его страдающимъ, чѣмъ самимъ страдать вслѣдствіе упрековъ нашей совѣсти“.

Очевидно, любовь въ какой бы то ни было формѣ, въ формѣ ли эгоизма, или формѣ любви къ ближнимъ, не можетъ быть руководящимъ принципомъ жизни и дѣятельности. Любовь могла бы сдѣлаться всеобщимъ руководящимъ принципомъ только въ томъ случаѣ, если бы возможно было „перемѣнить человѣческое сердце“ [90]).

Само сердце требуетъ руководящаго принципа. Гдѣ же искать его, какъ не въ совѣсти?

По словамъ Спенсера, „благоденствіе общества и справедливость его учрежденій зависитъ въ сущности отъ характера его членовъ и ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи улучшеніе невозможно безъ улучшенія характера людей, которое достигается путемъ развитія мирныхъ занятій, не стѣсняемаго ничѣмъ, кромѣ *потребностей благоустроеннаго общежитія*. Вѣрованіе не однихъ соціалистовъ, но и такъ называемыхъ либераловъ, усердно расчищающихъ путь для первыхъ, состоитъ въ томъ, что при надлежащемъ умѣньи *худо функціонирующее человѣчество можетъ быть вогнано въ формы отлично функціонирующихъ учрежденій*. Но это не болѣе какъ иллюзія. Природные недостатки гражданъ неминуемо проявятся въ дурномъ дѣйствіи всякой соціальной конструкціи, въ какой бы ихъ ни устроили. Нѣтъ такой политической алхиміи, посредствомъ которой можно было бы получить *золотое поведеніе изъ свинцовыхъ инстинктовъ*“ [91]).

Все дѣло въ томъ, что „отлично-функціонирующихъ учрежденій“ не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ совѣсти. *Весь соціальный вопросъ въ существѣ дѣла есть вопросъ о національной совѣсти.*

Всякое иное рѣшеніе его—или мечта утопистовъ, или мрачное насиліе деспотизма надъ личностью, соціальная квадратура круга, какъ стремленіе кнутомъ рабовладѣльца культивировать свободу рабовъ, долженствующихъ оставаться на вѣки рабами. И какихъ опытовъ не дѣлаютъ люди надъ... людьми же. Исторія—настоящая вивисекція.

Соціальный вопросъ есть въ буквальномъ смыслѣ слова вопросъ о совѣсти, не личной, не частной, но національной, коллективной, государственной. Ослабленіе въ странѣ совѣсти—это ослабленіе національной воли, ослабленіе мужества и стойкости. Когда человѣкъ дѣйствуетъ по принципамъ совѣсти, онъ не знаетъ того, что принято называть сидѣньемъ между двумя стульями, онъ не можетъ поклоняться одновременно и Богу и Мамонѣ. Мужество прямо пропорціонально совѣсти. Мы не говоримъ о мужественности въ сферѣ наживы, о мужественности въ интригахъ и низости. Мужественность—это воля, всецѣло проникнутая нравственными принципами. Мы можемъ говорить, поэтому, и о мужественномъ разбойникѣ, когда разбойникъ не щадитъ своей жизни въ борьбѣ съ другими. Отрѣшеніе отъ эгоизма въ минуту опасности и порочному злодѣю придаетъ ореолъ морали, вызывая у присяжныхъ судей поиски смягчающихъ вину обстоятельствъ. Быть можетъ по этой причинѣ сила воли, называемая храбростью, вызываетъ благоговѣніе у насъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она проявляется нашими злѣйшими врагами. Такъ темной ночью лучъ свѣта кажется такимъ отраднымъ. И въ глухую ночь взаимнаго истребленія между народами храбрый воинъ невольно представляется въ ореолѣ добродѣтели, ибо дѣятельность его чужда всего, чѣмъ грязнится человѣкъ въ обыденной жизни, она всецѣло одухотворена идеями самопожертвованія, принципами совѣсти...

Въ какой мѣрѣ моральнымъ достоинствомъ личности держатся государства, видно изъ исторіи Рима.

Идея личности тамъ появилась рано и имѣла не меньшій смыслъ, чѣмъ наприм., у современныхъ англичанъ. „Римскій гражданинъ“ это было выраженіемъ моральнаго достоинства человѣка. Дѣло въ томъ, что уже за 2000 лѣтъ тому назадъ римляне понимали достоинство личности римскаго гражданина. По преданію, народолюбецъ Валерій укрѣпилъ неприкосновенность личности римскаго гражданина, который даже въ случаѣ осужденія на смерть могъ апеллировать къ народу. По закону трехъ Порціевъ, граждане не могли быть подвергаемы пыткамъ и вообще тѣлеснымъ наказаніямъ.

Но мало по малу „гражданинъ“ ослабѣлъ, моральное достоинство римлянина атрофировалось и паденіе Рима стало неизбѣжнымъ.

Фюстель де-Куланжъ считаетъ основною причиною паденія всемірной римской Имперіи „не испорченность нравовъ, а разслабленіе воли, обезсиленіе характера населенія". Подъ вліяніемъ историческихъ причинъ пала въ населеніи мужественность, ослабѣла жизненность, потерялась внутренняя сила, заставляющая человѣка бороться съ неблагопріятными условіями и побѣждать ихъ. „Можетъ быть, говоритъ де-Куланжъ, жизнь стала даваться людямъ слишкомъ легко, не оказывалось уже необходимости въ борьбѣ, не существовало внѣшнихъ или внутреннихъ трудностей при достиженіи житейскихъ цѣлей, которыя закаляли бы натуры и производили бы подборъ сильныхъ" [92]).

Атонію воли Ф. де-Куланжъ видитъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни. Такъ въ теченіи четырехъ вѣковъ продолжительнаго мира наука не подвинулась ни на шагъ; въ литературѣ не было создано ничего могучаго и возвышеннаго. Послѣ Тацита не появлялось ни одного историка, ни одного человѣка, который умѣлъ бы глубоко понимать и изображать событія, обнимать однимъ взоромъ все общество. „Кажется, будто умъ, изнѣженный легкостью существованія, утратилъ силу идейнаго творчества, которая одна создаетъ великія произведенія. Какая то лѣность мысли мѣшала построенію широкихъ плановъ и сосредоточенію на трудныхъ задачахъ. Писали тогда не для того, что бы научить, убѣдить или возвысить душу, а что бы показать свой талантъ" [93]).

Въ политической области таже атонія воли. Римляне только повинуются и „повинуются точно такъ же Геліогабалу, какъ и Трояну; они одинаково будутъ повиноваться и варварскому военачальнику, и римскому императору. Такой родъ повиновенія является слѣдствіемъ гибели воли и отреченія отъ права" [94]).

Объ атоніи воли свидѣтельствуетъ страшное развитіе всевозможныхъ видовъ подчиненія и зависимости отъ богатыхъ и сановныхъ людей.

Когда мелкая собственность исчезла, увеличалось число рабовъ, колоновъ и кліентовъ. „Тогда-то и осталось лишь весьма небольшое число свободныхъ людей на безчисленное количество зависимыхъ". Сальвіанъ описываетъ стада рабовъ, дрожащихъ даже не предъ господиномъ, котораго они не знаютъ, а предъ его агентами. Аристократія, обладавшая огромными богатствами, уходила отъ военной службы, предпочитая гражданскія должности, но мало развивала умъ и волю. И на встрѣчу съ варварами съ одной стороны долженъ былъ идти народъ, не знавшій отечества, а съ другой изнѣженные и не способные аристократы. „Когда въ низшихъ классахъ изсякла энергія, благодаря ихъ зависимости, высшій былъ также лишенъ ея, не смотря на свое превосходство надъ низшимъ" [95]). При наличности этихъ условій

не понадобился ни особенно могущественный врагъ, ни какая нибудь ужасающая катастрофа.

И пали римляне предъ врагомъ несомнѣнно не могучимъ и сильнымъ. Германцы, наводнившіе римскую Имперію, были „обрывки обезсиленной расы, которая въ теченіе трехъ вѣковъ претерпѣвала нападенія и пораженія со стороны Римлянъ, а также со стороны Славянъ и Гунновъ, которая страдала въ особенности отъ продолжительныхъ внутреннихъ раздоровъ, была ослаблена цѣлымъ рядомъ соціальныхъ переворотовъ и утратила крѣпость своихъ исконныхъ учрежденій“ [96]).

И въ дѣйствительности такъ называемое германское вторженіе въ римскую Имперію, по замѣчанію Ф. де-Куланжа, не можетъ быть даже названо завоеваніемъ. „Въ римской Имперіи государство истощалось все больше и больше съ каждымъ днемъ на глазахъ у возвышавшейся аристократіи; германское вторженіе было только новою, лишнею, можетъ быть самою могущественною причиною быстраго прогресса уже далеко зашедшаго разложенія“ [97]).

Словомъ, нѣмцы воспользовались агоніей нѣкогда сильнаго народа и на глазахъ умирающаго захватили его... также не законно нажитое добро.

Трудно найти лучшую иллюстрацію той великой истины, что государства живутъ исключительно моральнымъ достоинствомъ своихъ гражданъ. Можетъ быть разница въ ступеняхъ роста совѣсти, можетъ быть громадное различіе въ культурныхъ особенностяхъ идей, которыми руководятся люди въ своихъ дѣйствіяхъ, но моральное паденіе личности всегда ведетъ къ физическому паденію государствъ. Нѣтъ и не можетъ быть такого государства, которое процвѣтало бы при атрофіи совѣсти у населенія.

Бываютъ критическіе моменты, когда вопросъ о культурѣ совѣсти, какъ видимъ, становится вопросомъ о жизни или смерти государства. Весь древній міръ палъ, не сумѣвъ устроить на прочномъ основаніи нравственнаго достоинства личности. Падетъ и современная культура, если не будутъ созданы условія для развитія совѣсти. Нельзя говорить о народномъ благосостояніи, игнорируя этотъ основной пунктъ благосостоянія, основную творческую силу его, можно сказать еще рѣшительнѣе:—душу народнаго экономическаго организма. Безъ души остается трупъ. И хотя безъ тѣла нѣтъ конкретной души, но и безъ души нѣтъ тѣла, нѣтъ той живительной силы, которая матерію превращаетъ въ живой организмъ.

Совѣсть есть центральная идея, къ которой, какъ къ естественному центру, тяготѣютъ всѣ идеи человѣческой личности, обыкновенно сводимыя къ тремъ категоріямъ: идеямъ Истины, Блага и Красоты [98]). Между этими идеями въ жизни на каждомъ

шагу существуетъ борьба и получается суверинитетъ той или другой категоріи идей, обыкновенно приводящій къ ослабленію и извращенію побѣжденныхъ идей и вмѣстѣ съ тѣмъ къ народнымъ бѣдствіямъ. Борьба идей есть борьба между людьми. Но центральная идея, идея совѣсти, мало-по-малу объединяетъ стремленія людей и указываетъ человѣчеству на единое на потребу, на идею совершенствованія, на завѣтъ Спасителя: будьте совершенны, какъ совершененъ есть Отецъ небесный. Идеалъ безконечный, поэтому и мы такъ безконечно далеки отъ него, что готовы признать лишь желудокъ и половые инстинкты двигателями и регуляторами дѣятельности существъ, одаренныхъ также и совѣстью, и разумомъ.

X. Талантъ.

Разумъ всегда былъ у не многихъ, энергія еще у меньшаго количества, а предпріимчивость совсѣмъ рѣдкое явленіе. Согласно съ этимъ богатство и благосостояніе всегда были удѣломъ меньшинства. Большинство коснѣетъ, по выраженію Грановскаго, „въ историческихъ опредѣленіяхъ“, а точнѣе говоря, въ невѣжествѣ, безволіи, инертности. Напрасно ссылаются на гнетъ капитала, законовъ, захвата земли и т. п. Предпріимчивые люди и безъ земли, безъ капиталовъ и подъ гнетомъ тяжелыхъ законовъ пробиваютъ дорогу. Не многіе съ гордостью могутъ сказать о себѣ: Въ ночь подъ бурею, я коня сѣдлалъ; въ путь дорогу отправляяся, горе мыкать, съ злой судьбиной перевѣдаться. Большинство не способно къ этому. Оно естественно коснѣетъ въ данной обстановкѣ и способно только къ порывамъ зависти, ненависти и злобы ко всему, что выше образа животнаго, что выше его образа жизни. И пророки его, какъ представители прозябанія народныхъ массъ, могли додуматься только до проповѣди ненавѣсти къ имущимъ, до проповѣди разрушенія всего того, что поставило людей выше животныхъ. Атависты варварства, стоящіе во главѣ соціалъ-демократіи, какъ и слѣдовало ожидать отъ атавистовъ, не способны къ творчеству, они проповѣдуютъ только воровство и грабежъ чужого, а въ результатѣ грабежа обѣщаютъ стадную жизнь массъ. При этомъ, несомнѣнно, разсчитываютъ превратиться въ пастуховъ человѣческихъ стадъ. Добросовѣстность ихъ филантропіи болѣе чѣмъ сомнительна. У атавистовъ ее обыкновенно не бываетъ. Не даромъ даже въ мышленіи ихъ проявляется дѣтство. Знаменитое изреченіе: собственность есть воровство вѣдь ясно говоритъ о дѣтствѣ мысли: для того, чтобы украсть, необходимо существованіе собственности, значитъ была она раньше воровства и слѣдовательно не можетъ быть произведеніемъ производнаго своего же. Съ такимъ же ата-

вистическимъ основаніемъ говорятъ, что собственность есть результатъ грабежа. Но вѣдь для наличности грабежа необходимо предварительное существованіе собственности.

Въ экономическомъ отношеніи отсутствіе энергіи, предпріимчивости и разума называется бѣдностью. Въ логическомъ отношеніи отсутствіе разума называется кретинизмомъ, идіотствомъ, слабостью мышленія. Въ этическомъ отношеніи отсутствіе энергіи вызываетъ оправданіе воровства, грабежа, убійства. Это все— ягоды одного и того же поля: безталанности.

Человѣчество свою жизнь, согласно представленіямъ эволюціонизма, начало съ животной жизни дикаря и постепенно переходило къ высшимъ ступенямъ культурной эволюціи. Но не могло же оно переходить къ послѣднимъ всей однородной массой одновременно. Одни личности и за ними классы подвигались дальше, въ болѣе короткое время, другіе отставали отъ нихъ въ большей или меньшей мѣрѣ, смотря по обстоятельствамъ историческимъ и физическимъ, а также вѣроятно и біологическимъ. И теперь предъ нами каждое культурное общество состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ напластованій. Народныя массы остались почти въ первобытномъ состояніи безталанности и надъ этимъ темнымъ слоемъ человѣчества идутъ классы, постепенно уменьшаясь численно и съ постепенно все большимъ и большимъ духовнымъ ростомъ. Понятно почему бѣдность присуща массамъ. Здѣсь видимъ то же, что и у первобытныхъ дикарей, когда *всѣ были бѣдны* и нельзя было сваливать вину на болѣе талантливыхъ и болѣе умныхъ.

Талантъ можетъ быть: 1) *естественнымъ*, т. е. эволюціоннымъ, благодатью природы, даромъ Божества. Таковы выдающіяся способности, получаемыя отъ рожденія. 2) Талантъ можетъ быть *благопріобрѣтеннымъ*. Нерѣдко усиліями воли человѣкъ достигаетъ совершенства въ трудѣ, въ искусствѣ, въ наукѣ. И относительно этихъ наиболѣе распространенныхъ видовъ талантовъ справедливо говорятъ: геній есть терпѣніе или упорный трудъ. 3) Но сверхъ этихъ индивидуальныхъ или частныхъ талантовъ есть громадная категорія *соціальныхъ талантовъ*, благодаря которымъ страны рѣзко отличаются одна отъ другой. Таковы счастливыя государственныя и общественныя учрежденія. Таково законодательство страны, соотвѣтствующее нормальнымъ задачамъ и общества и личности. Все это таланты въ буквальномъ смыслѣ слова, т. е. благодать Божія, но благодать не личная, воплощаемая не въ индивидуумѣ, а въ соціальномъ организмѣ, въ государственномъ, земскомъ и общественномъ устройствѣ. Это такая благодать, по которой трудъ англичанина во много разъ производительнѣе труда дикаря, труда гражданина азіатскихъ государствъ. Соціальная благодать въ видѣ хорошихъ

учрежденій возвышаетъ личность до того, что человѣкъ становится какъ бы чѣмъ-то высшимъ сравнительно съ индивидуумами, менѣе счастливыми въ своихъ учрежденіяхъ. Скажутъ, что всякій народъ имѣетъ тѣ учрежденія, которыхъ онъ заслуживаетъ. Вѣрно. Англичанинъ стоитъ своей Habeas-corpus, но она *дана ему* энергіей предковъ, а имъ только поддерживается и достойно цѣнится.

Соціальная благодать, созидающая талантъ, начинается государствомъ и обнимаетъ собою всю область союзныхъ отношеній, оканчиваясь семьей, сосѣдствомъ и т. п. Въ семьяхъ мало мальски нормальныхъ, въ которыхъ родители заботятся о своихъ дѣтяхъ и совмѣстнымъ трудомъ воспитываютъ дисциплину въ работѣ, выдержанность въ характерахъ, разсудительность въ сношеніяхъ, вырабатывается будущее страны. Самая преемственность національной культуры обусловливается связью поколѣній въ семьяхъ, т. е. семейный цементъ создаетъ національное зданіе. Плохъ цементъ и постройка рушится при первомъ колебаніи почвы. Еврейская семья служитъ чудной иллюстраціей величественной воспитательной силы семьи, сохраняющей народность безъ государственности или въ чуждыхъ и часто враждебныхъ сферахъ государственности. Конечно, это факторъ глубоко эволюціоннаго характера, почти не подчиненный волѣ и сознанію. Семьи не создаются, онѣ nascuntur. Но то, что дано эволюціей, можетъ быть поддерживаемо или заглушаемо условіями жизни. Послѣ семьи наибольшее значеніе имѣютъ институціи, воспитывающія въ населеніи общность интересовъ не только матеріальныхъ, но и духовныхъ. Общность матеріальныхъ интересовъ существуетъ и у разбойниковъ, и у волковъ. Только общій духовно-нравственный интересъ создаетъ національные таланты, возвышаетъ и облагораживаетъ людей. И тамъ, гдѣ родители привыкли сообща содержать училища, библіотеки для дѣтей, гдѣ свободно и съ любовью культивируется мѣстная религіозная жизнь, мы видимъ самостоятельное, полное энергіи и жизненности населеніе.

Идею соціальной благодати высказалъ Ѳалесъ: „благодарю боговъ, что я родился аѳиняниномъ, а не варваромъ“. И несомнѣнно счастливъ человѣкъ, получающій съ молокомъ матери могущественное наслѣдство національнаго духа.

Къ соціальнымъ талантамъ принадлежитъ *народная честность*. Тотъ народъ, у котораго изъ рода въ родъ передается честность, всегда въ матеріальномъ отношеніи выше народа, у котораго честность менѣе культивирована. Въ этомъ отношеніи всѣ экономисты, обосновывающіе политическую экономію на своекорыстіи, впадаютъ въ глубочайшее противорѣчіе съ жизнью. Экономическій своекорыстный человѣкъ представляется звѣремъ, но такимъ, котораго въ дѣйствительности не существуетъ. *Не*

своекорыстіе, но честность лежитъ въ фундаментѣ народной экономіи. Достаточно сравнить любую европейскую страну съ населеніемъ мало культурнымъ и всякому бросается въ глаза, что основной причиной разницы между ними въ матеріальномъ благосостояніи является разница въ честности. Въ Германіи по большимъ дорогамъ растутъ плодовыя деревья и цвѣты. Никому и въ голову не приходитъ мысль воспользоваться чужимъ, хотя бы и никто не видѣлъ и воръ не былъ бы пойманъ. Не воруютъ не потому, что боятся кары закона или общественнаго мнѣнія, но просто потому, что честны. Понятно, при такой честности населенія каждый можетъ вести самую высокую культуру, не опасаясь воровства и не затрачивая капиталовъ на охраненіе своего труда отъ воровъ. У насъ же многія культуры по деревнямъ физически не мыслимы, благодаря повальному воровству. Такъ наприм. раціональное садоводство совсѣмъ не мыслимо, такъ какъ крестьяне воровство изъ садовъ даже не считаютъ воровствомъ. Таково же искусственное рыбоводство. Украсть чужую курицу крестьянинъ не прочь, но онъ уже сознаетъ, что крадетъ. Красть же чужую рыбу не только не признаетъ воровствомъ, но своего рода удальствомъ, не разбирая даже того, помѣщичья ли это рыба, или же своего же брата-крестьянина.

II.

Талантъ не зависитъ отъ воли нашей, по крайней мѣрѣ при настоящемъ состояніи человѣческихъ знаній. Въ этомъ отношеніи совершенно вѣрно сравненіе талантовъ съ золотомъ, находимымъ въ нѣдрахъ земли, но не создаваемымъ. Таланты человѣчество можетъ добывать и только. Съ экономической точки зрѣнія это добывающая промышленность въ тѣсномъ смыслѣ слова. Вполнѣ правъ Рёскинъ, говоря, что „извѣстное количество художественныхъ талантовъ ежегодно родится въ каждой странѣ; оно больше или меньше, смотря по природѣ и степени развитія націи или породы людей; но ежегодно ихъ имѣется вполнѣ опредѣленное количество, которое вы не можете увеличить ни на одну крупинку. Вы можете растерять или собрать его, вы можете оставить его лежать на днѣ оврага, зарытымъ въ пескѣ, или можете дѣлать изъ него стѣны и врата храмовъ, но самое большее, что вы можете дѣлать, это—просѣивать, плавить, ковать и очищать, но не создавать его“ [1]).

Въ дѣйствительности это вѣрно относительно всѣхъ талантовъ, а не только однихъ художественныхъ. Всякій талантъ есть созданіе невѣдомыхъ намъ силъ и мы не можемъ по своему усмотрѣнію увеличивать ихъ количество въ странѣ. Эту истину никогда не нужно забывать въ особенности въ странахъ не богатыхъ талантами. Все то, что ведетъ къ зарытію талантовъ въ

землю, лишь усиливаетъ общую бѣдность страны. Точь въ точь какъ въ странахъ, не богатыхъ золотомъ, драгоцѣнный матеріалъ для экономическаго кровообращенія часто лежитъ втуне только потому, что не имѣется соотвѣтствующихъ правовыхъ условій къ добычѣ его. Даже при богатствѣ золотыхъ розсыпей, если нѣтъ соотвѣтствующихъ правовыхъ условій, страна можетъ нуждаться въ золотѣ. Таково наприм. положеніе Россіи до Петра I и даже до послѣдняго времени, когда перестали имѣть силу законодательные принципы Петра I. Имѣя собственныя богатѣйшія въ мірѣ розсыпи, страна нуждается въ иностранномъ золотѣ, должаетъ иностранцамъ, задыхается въ долгахъ еще больше, чѣмъ отъ безденежья. И относительно талантовъ наша родина находится въ такомъ же положеніи. Таланты есть, но они гибнутъ при несоотвѣтствующихъ ихъ развитію правовыхъ условіяхъ.

Бываютъ и таланты въ видѣ безсознательной атавистической эмоціи.

Психіатры отмѣчаютъ фактъ внезапнаго появленія художественныхъ талантовъ у психически ненормальныхъ людей. У больныхъ, часто никогда ничего не рисовавшихъ даже карандашемъ, возникаетъ потребность рисовать и они рисуютъ, какъ бы одолѣваемые какимъ-то демономъ, рисуютъ день и ночь и ихъ съ трудомъ можно отвлечь отъ часто непосильнаго труда. Но при этомъ наблюдается, что такіе художники рисуютъ лишь самые примитивные образы, какъ бы „воскрешающіе предъ нами первобытные періоды человѣческой культуры со всѣми атавизмами“. Рисунки ихъ напоминаютъ живопись доисторическихъ могилъ, находимыхъ археологами, а также очень похожи на сохранившіяся отъ древности картины японскихъ художниковъ и остатки живописи отъ вымершаго мексиканскаго племени ацтековъ. У другихъ являются таланты къ лѣпкѣ и они лѣпятъ причудливыхъ звѣрей и всякихъ чудовищъ.

Предъ нами атависты въ буквальномъ смыслѣ слова. Талантъ предковъ сохранился въ духовномъ мірѣ человѣка потенціально и воскресаетъ со всей силой при подавленіи другихъ, его подавлявшихъ талантахъ новаго образованія.

И въ жизни этотъ атавизмъ на каждомъ шагу проявляется. Мы часто присутствуемъ при такихъ обыденныхъ фактахъ, какъ самыя кровавыя мѣры государства остаются безрезультатными въ борьбѣ съ бомбистами и всякаго рода анархистами. Объясняется дѣло тѣмъ, что при нѣкоторыхъ соціальныхъ условіяхъ возникаютъ атависты люди-звѣри, ни предъ чѣмъ не останавливающіеся и признающіе священнымъ дѣломъ убійство намѣченныхъ ими жертвъ. Никакая проповѣдь, никакіе эшафоты не превратятъ атависта въ нормальнаго человѣка, а тѣмъ болѣе не предупредятъ появленія въ странѣ соціальнаго атавизма, разъ воз-

никли условія, при которыхъ возникновеніе его неизбѣжно. И эти люди-звѣри страшное несчастье для человѣчества. Вообразите себѣ, что страдающій идіотизмомъ человѣкъ вообразилъ себѣ, что нѣтъ ничего полезнѣе для человѣчества, какъ живопись и скульптура ацтековъ. Онъ не останавливается ни предъ чѣмъ для превращенія человѣчества въ ацтековъ, уничтожаетъ бомбами не согласныхъ съ нимъ, убиваетъ изъ за угла, разбойничаетъ для пріобрѣтенія средствъ пропаганды и т. п. Какая проповѣдь или какой эшафотъ могутъ остановить его кровавое звѣрство!

Талантъ лежитъ и въ фундаментѣ классификаціи обществъ. Вотъ примѣръ. Въ половинѣ XVIII в. въ Германіи *классификація* населенія доходила до невѣроятнаго дробленія. „Различные классы населенія были до того раздѣлены предразсудками, гордостью сверху и раболѣпствомъ снизу, что представлялись какими то египетскими кастами. Въ каждомъ классѣ существовало множество подраздѣленій, изъ которыхъ каждое презирало всѣ низшія, будучи въ свою очередь, презираемо высшими.—Чиновники раздѣлялись другъ отъ друга такими же китайскими стѣнами. Любовь къ чинамъ и титуламъ была безмѣрна и *послѣ привычки къ грабительству составляла сильнѣйшую пружину всей жизни.* Даже торговый классъ не былъ свободенъ отъ этой заразы. Гильдіи и цехи считались старшинствомъ между собою и были раздѣлены взаимнымъ презрѣніемъ и надменностью. Дворянинъ презиралъ чиновника и былъ презираемъ придворными; чиновникъ, раболѣпно преклоняясь предъ родовымъ дворянствомъ, презирало купца; купецъ презиралъ ремесленника; наконецъ народъ, презираемый всѣми, презиралъ самого себя. Для курьеза можно замѣтить еще, что профессоръ рангомъ своимъ равнялся лейбъ-кучеру, и что ученое сословіе вообще стояло такъ низко, что никогда не считалось достойнымъ награды ни однимъ изъ безчисленныхъ орденовъ“ [2]).

Произошло это такъ. Сперва уважался *талантъ* — вождя, предпринимателя, вообще болѣе умнаго и болѣе храбрага и т. п. Таланты даже обоготворялись. Понятно, въ свою очередь они, какъ люди, теряли голову отъ фиміама, всякій фиміамъ одуряетъ,—считали себя выше массы, презирали ее. Дѣти ихъ привыкли также считать себя сыновьями такого-то или дочерями такого-то, перенося *славу* родителей на себя по естественнымъ законамъ наслѣдованія. Такъ получилось презрѣніе къ остальнымъ, хотя и безъ качествъ предковъ, дававшихъ основанія для славы и превознесенія. Появились классы, безъ внутренняго основанія для существованія, но съ наслѣдственною преемственностью. До сихъ поръ у евреевъ существуютъ ароните, потомки знаменитаго вождя, во мнѣніи евреевъ стоящіе такъ высоко, что имъ дано право благословить народъ. Потомки эти ничего общаго

не имѣютъ со своимъ знаменитымъ предкомъ, но гордятся чужою славою, будучи сами часто совсѣмъ безславны. Это просто на просто *суррогаты таланта*, вызываемые инстинктивной потребностью въ талантахъ. Суррогаты сыграли страшную роль въ исторіи, въ противоположность дѣйствительнымъ талантамъ. Такъ часто суррогатъ хлѣба причиняетъ смерть, хотя и утоляетъ голодъ. Люди забыли истинные таланты и даже сжигали ихъ, видно довольствуясь суррогатами...

Кастовой строй, рожденный талантомъ, ведетъ естественно къ убійству талантовъ. Таланты въ настоящее время совершенно игнорируются государствомъ и обществомъ. Если они и пробиваются на свѣтъ Божій, то или случайно, подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, или пробиваются сквозь толстую кору неблагопріятныхъ обстоятельствъ и выходятъ на свѣтъ Божій искалѣченными, ослабленными и уже далеко не такими, какими могли бы быть при иныхъ условіяхъ. Большею же частью тяжелая кора придушиваетъ ихъ въ самомъ зародышѣ. Такъ въ нашихъ степяхъ превосходные всходы пшеницы придушиваются тяжелой коркой, образующейся послѣ обильнаго дождя, и погибаетъ будущая жатва, а населеніе живетъ впроголодь. Между тѣмъ достаточно было бы снять корку бороной и Божья благодать проявилась бы во всей ея полнотѣ. Благодать дана, да нѣтъ ума и воли воспринять ее.

Мало того. Школьнымъ однообразіемъ программъ мы убиваемъ лучшіе таланты, заставляя ихъ работать не надъ тѣмъ, къ чему ихъ самъ Богъ призвалъ, а надъ тѣмъ, что угодно учебному вѣдомству.

Прекрасно эту мысль понялъ Рёскинъ, являющійся даже сторонникомъ феодализма въ интересахъ общественнаго использованія таланта. Если таланты проявляются въ классѣ, то необходимо поддерживать цѣлый классъ людей, Если они проявляются въ отдѣльныхъ личностяхъ, необходимо дать имъ возможность развиться и приносить пользу человѣчеству. И Рёскинъ правъ, говоря: „Если въ годы ранняго воспитанія не дѣлали никакихъ попытокъ открыть, къ какого рода дѣятельности юношество каждой націи наиболѣе пригодно по своимъ индивидуальнымъ способностямъ, если не было принято никакихъ мѣръ, что бы приставить лицъ, несомнѣнно доказавшихъ свою способность къ тѣмъ или инымъ функціямъ, къ должностямъ, которыя они лучше всего могли бы исполнять,—то назвать божественнымъ установленіемъ подобный безпорядокъ въ соціальномъ строѣ и жизни, порожденный преступной безтолковостью и конкурренціей, значитъ самымъ дерзкимъ, самымъ недостойнымъ образомъ призывать имя Господа всуе“ [3]).

Самымъ лучшимъ доказательствомъ общаго распространенія

системы убійства талантовъ, т. е. ежедневнаго распятія Господа Бога, ибо таланты отъ Бога суть, служитъ то, что эта система превратилась изъ психологическаго міросозерцанія въ чисто эмоціональное. Такъ тотъ же Рёскинъ, слова котораго мы только что привели, говоря, что различіе между людьми основывается на „непреодолимыхъ различіяхъ въ матеріалѣ, изъ котораго сотканы люди", именно изъ этого выводитъ заключеніе, что дѣти рабочихъ должны быть приготовляемы къ простымъ работамъ, что они къ этому „самой природой предназначены; что дѣти ремесленниковъ должны быть ремесленниками, дѣти художниковъ —художниками и т. д. Переходъ изъ касты въ касту долженъ быть допускаемъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ".

Этотъ передовой мыслитель второй половины XIX в. не зналъ, что Духъ Святой не знаетъ ни кастъ, ни сословій, что Онъ знаетъ лишь человѣка. И тамъ, гдѣ больше всего бѣдствія, тамъ, понятно, и Святой Духъ. Не въ раззолоченныхъ палатахъ храмовъ Мамоны, а въ бѣдныхъ лачугахъ Ему мѣсто. Любовь тамъ, гдѣ бѣда, а не тамъ, гдѣ въ ней не нуждаются. Не даромъ почти всѣ великіе реформаторы, которымъ міръ обязанъ своимъ человѣческимъ достоинствомъ, вышли изъ среды обездоленныхъ и нищихъ. Не даромъ само христіанство въ первые вѣка своего существованія было религіей нищихъ, оскорбленныхъ и униженныхъ. И самое преслѣдованіе христіанъ въ вѣротерпимомъ Римѣ было преслѣдованіемъ низшихъ классовъ, возвышавшихся надъ богатыми и властными новой религіей. Не даромъ и величайшія открытія и изобрѣтенія произведены не богачами, кажется имѣющими достаточно досуга для умственныхъ занятій, а почти нищими, рабочими, добывавшими кровавымъ трудомъ средства къ существованію. И апостолъ Павелъ, всю жизнь свою работавшій, не случайно училъ: „не трудывыйся да не ястъ" въ то время, когда все интеллигентное и богатое считало работу принадлежностью рабовъ.

Появленіе и развитіе талантовъ до сихъ поръ дѣло не объяснимое. В. Либкнехтъ, не смотря на весь свой реализмъ и отвращеніе ко всему таинственному, допускаетъ относительно талантовъ нѣчто совсѣмъ таинственное. Онъ говоритъ, что таланты появляются какъ трава весною. „Взгляните на чудесное зрѣлище, которое представляла Франція въ концѣ XVIII вѣка. Въ маѣ 1789 г. „тысячи неизвѣстныхъ" вошли въ Версаль, а нѣсколько недѣль спустя имена этихъ неизвѣстныхъ были на устахъ Европы, всего міра. Франціи нужны были законодатели, и необходимость создала ихъ. Франція нуждалась въ воинахъ, виртуозахъ войны, и точно изъ земли выросли войска, полководцы, которые казнили внутреннихъ враговъ и разбили на голову вышколенныя арміи старой Европы" [4]).

Но въ странахъ обездоленныхъ такая необходимость въ талантахъ велика, а между тѣмъ она не вызываетъ ни талантливыхъ воиновъ, ни талантливыхъ законодателей. Предъ японской войной Россія страшно нуждалась въ талантливыхъ государственныхъ дѣятеляхъ, которые могли бы предупредить и войну и безумное возстаніе обездоленныхъ и отупѣвшихъ отъ невѣжества голодныхъ массъ. И вмѣсто талантовъ у насъ были лишь лягушки, надувавшіяся до размѣровъ быка. На войнѣ еще болѣе нуждались мы въ геніяхъ войны. Но геніи оказались на сторонѣ непріятеля.

Вѣрно, что спросъ создаетъ предложеніе. Но предложеніе предложенію рознь. Бываетъ и маргаринъ, а то бываетъ и фальсификація самаго маргарина. Совершенно правъ В. Либкнехтъ, что безъ революціи тысячи „героевъ мира и войны“, которые, подобно метеорамъ, появлялись во Франціи въ послѣднее десятилѣтіе XVIII в., заглохли бы въ своихъ адвокатскихъ камерахъ, въ мастерскихъ или же за плугомъ. Но въ другихъ странахъ бываютъ и революціи, а „герои войны и мира“ что то не появляются. Стало быть не въ революціи дѣло.

В. Либкнехтъ весьма основательно отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ основѣ изобрѣтеній лежитъ не жажда наживы, но талантъ, ищущій дѣятельности. По его мнѣнію, таланты разсѣяны въ населеніи, но не всегда попадаютъ въ благопріятныя условія. „Зародыши разсѣяны въ родѣ человѣческомъ въ безконечномъ изобиліи, но почти всѣ погибаютъ вслѣдствіе отсутствія въ современномъ общественномъ укладѣ условій, необходимыхъ для ихъ развитія. Если какой-либо талантъ разцвѣтаетъ, то это явная случайность. Таланты бѣдняка имѣютъ столь же шансовъ вырости и расцвѣсти, какъ сѣмя, брошенное на утоптанную непрерывно попираемую ногами и колесами проѣзжую дорогу. До чего обильны таланты, даже наиболѣе крупные, такъ какъ они равномѣрно (?) распредѣлены по всему человѣчеству, это явно обнаруживается въ тѣ бурные исторіи періоды, когда человѣчество подъ угрозой гибели должно отвѣтить на вопросъ сфинкса и разрѣшить культурную задачу, заключающую въ себѣ вопросъ жизни или смерти, когда каждый въ отдѣльности чувствуетъ потребность спасти цѣлое или хоть внести свою лепту для спасенія его. Таланты появляются тогда, какъ весною трава“ [5]).

Это вѣрно. И чудесно факты возникновенія талантовъ въ минуты необходимости ихъ уясняетъ Гоголь, говоря о превращеніи лежебоковъ, женолюбовъ и пьяницъ въ героевъ, когда раздается кличъ работы во имя высокой идеи.

Но тотъ же В. Либкнехтъ не понялъ значенія таланта для выхода изъ фундаментальнаго круга о нормальномъ воспитаніи и нормальномъ государствѣ. Онъ утверждаетъ, что нормальныя школы должны быть созданы нормальнымъ государствомъ, ко-

торое образуется по марксовскому методу бунта. Но вѣдь для того, что бы состоялось нормальное государство нужно соотвѣтствующее образованіе, т. е. нормальныя школы. И въ этомъ отношеніи знаменитый нѣмецкій соціалистъ разрѣзываетъ Гордіевъ узелъ, не рѣшая его. Разрѣзать дѣйствительно можно, но рѣчь идетъ также о созданіи. Въ жизни вопросъ рѣшается хотя и медленно, но проще: таланты интеллигенціи вліяютъ на организацію школы, въ свою очередь находящей умныхъ и талантливыхъ гражданъ. Идея предшествуетъ практикѣ, являющейся осуществленіемъ первой.

Древніе говорили: oratores fiunt, poetae nascuntur. Въ сущности и oratores, какъ и все выдающееся, nascuntur. Біографіи всѣхъ выдающихся людей таланта свидѣтельствуютъ объ этомъ съ полнѣйшею очевидностью. Талантъ пробиваетъ себѣ путь сквозь строй жизненныхъ невзгодъ и, если строй невыносимъ, если осуществленіе эмоцій таланта становится не мыслимымъ, носитель дара свыше предпочитаетъ самоубійство жизни, не соотвѣтствующей призванію.

Чудной, хотя и трагической иллюстраціей этого можетъ служить жизнь Тараса Шевченко. Въ дѣтствѣ этотъ великій малорусскій поэтъ чувствовалъ непреодолимую эмоцію къ живописи. И вотъ ребенкомъ, будучи крѣпостнымъ пастухомъ, онъ мечталъ о живописи и самоучкой учился рисовать. Когда рабовладѣлецъ взялъ его къ себѣ за мальчика для услугъ въ домѣ, гдѣ ему приходилось работать съ утра до ночи, онъ ночью продолжалъ рисовать и одинъ разъ „баринъ“ засталъ его за копировкой портрета атамана Платова, за какое преступленіе юный живописецъ и былъ высѣченъ „съ достодолжнымъ усердіемъ“. За тѣмъ уже въ то время, когда добрые люди выкупили его изъ рабства за 10000 р., Т. Шевченко, занимаясь живописью, секретно началъ писать. Одинъ изъ пріятелей нашелъ въ его убогой квартирѣ на полу стихотвореніе, написанное на клочкѣ бумаги. Стихотвореніе оказалось чуднымъ и тутъ же пріятель узналъ, что у Шевченка цѣлый ящикъ стихотворныхъ произведеній. Послѣ долгихъ уговоровъ Шевченко согласился на изданіе ихъ и такъ вышелъ въ свѣтъ въ 1840 г. знаменитый „Кобзарь“. Въ ссылкѣ ему запрещено было писать и рисовать, но, по его сознанію, „бисова муза“ не давала ему покоя и вынужденъ былъ покоряться невѣдомой силѣ, нарушая всѣ человѣческіе законы: хотя бы меня и распяли, писалъ онъ пріятелю, но я не могу выдержать и тихонько, что бы никто не поймалъ на мѣстѣ преступленія, писать буду. И безусловно правъ Г. Жоли, замѣчая, что геній какъ бы вынуждается идти впередъ, не смотря на всѣ противоборствующія событія. У него „потребность творить“ такая же, какъ склонность къ убійствамъ у убійцъ [6]).

Говорятъ, что личность ничто въ національной экономіи, что существуетъ матер. основы, создающія экономію страны.

У мелкаго торговца въ Бременѣ въ 1821 г. родился сынъ Людвикъ Кнопъ. По окончаніи курса коммерч. училища онъ сдѣлался коммиссіонеромъ манчестерской фирмы Джерса, вывозившей пряжу въ Россію. Изучивъ за годъ бумагопряденіе въ Англіи, Кнопъ задумалъ пересадить рочдэльскую промышленность въ Россію, на почву запретит. тарифа и сдѣлалъ это. Въ 1830 г. онъ прибылъ въ Москву и сталъ изучать промышленниковъ. Онъ уговорилъ торговца пряжи С. В. Морозова выписать изъ Англіи машины прядильной фабрики въ кредитъ отъ его же фирмы Джерса и устроилъ большую бумагопрядильню. „Предпріятіе блестящимъ образомъ осуществилось и скоро за нимъ послѣдовали другія. Одинъ за другимъ торговцы пряжей становились прядильными фабрикантами при содѣйствіи Кнопа. Къ концу своей жизни Кнопъ уже насчитывалъ 122 основанныхъ имъ прядильныя фабрики. Кнопъ нашелъ дорогу также и во Владиміръ и сталъ снабжать тамошнихъ фабрикантовъ механическими ткацкими станками и машинами для крашенія и набойки, а также и англійскими техниками. О немъ сложилась даже поговорка: „что ни церковь, то попъ, что ни фабрика, то Кнопъ“ [7]).

Вотъ дѣйствительно грандіозный примѣръ значенія личной иниціативы. А государств. чиновники въ то же время ѣли, пили, спали и писали свои экономическія сочиненія. Кнопъ не даромъ работалъ. За свое посредничество онъ получилъ громадное состояніе. Но получилъ за дѣло. Онъ создалъ хлопчатобумажное производство въ Россіи. На него нападаютъ. Всѣ привыкли что бы у насъ даромъ брали, а за хорошее дѣло ничего не нужно давать, только выругать человѣка.

Онъ создалъ и конкуррента Москвѣ въ лицѣ Крэнгольмской мануфактуры въ Нарвѣ. Въ 1857 г. онъ купилъ водопадъ, а въ 1860 г. окончилъ первое фабричное зданіе, одно изъ громаднѣйшихъ въ мірѣ предпріятій.

Умеръ въ 1894 г. крупнѣшимъ фабрикантомъ въ Россіи.

Ричардъ Кобденъ, повернувшій своимъ могучимъ талантомъ весь экономическій бытъ Англіи съ первой половины XIX в., происходитъ изъ семьи фермеровъ, почти раззоренной, образованіе получилъ самое скромное въ начальной школѣ. Съ 15 лѣтъ онъ уже былъ рабочимъ конторщикомъ. Но талантъ сказался уже въ это время. Онъ самоучкой тогда же изучилъ французскій языкъ и за тѣмъ путемъ самообразованія достигъ того, что въ зрѣломъ возрастѣ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей Англіи. На сколько велика была энергія, можно судить изъ того, что при всѣхъ бѣдствіяхъ своихъ и родныхъ, которымъ онъ по-

могалъ, онъ въ 1832 г. писалъ брату, что полонъ надеждъ и восторжествуетъ, надъ всѣми бѣдствіями. „Барыня—Фортуна, какъ всѣ красавицы, любитъ, что бы за ней ухаживали бодро, радостно и довѣрчиво“ [8]).

Онъ работалъ всю жизнь и разстроилъ не только состояніе, нажитое личной энергіей, но и здоровье, работая для отечества. И знаменитый Робертъ Пиль, оставляя постъ перваго министра, объ этомъ бѣднякѣ изъ народа сказалъ, что свободной торговлей, особенно хлѣбомъ, Англія обязана Кобдену. „Это, говоритъ онъ, не имя лорда, представителя Лондона; это и не мое имя. Господа! имя, которое должно быть и непремѣнно будетъ связано съ успѣхомъ совершеннаго дѣла, это имя—Ричарда Кобдена“ [9]).

Когда онъ раззорился, сосредоточивъ все свое вниманіе на политикѣ, нація поднесла ему подарокъ въ 80.000 фун. стерлинговъ „въ память заслугъ, оказанныхъ имъ великому народному дѣлу“. И честный дѣятель принялъ ихъ, по его словамъ, „какъ отецъ и мужъ“, которымъ въ старости и болѣзни онъ уже не могъ оказывать помощь. Всѣ силы затратилъ обществу и культурнѣйшее въ мірѣ общество дало на старость хлѣбъ тому, кто далъ хлѣбъ дешевый всей націи.

Талантъ одинокъ, тупость не любитъ одиночества, она всегда многочисленна. Не легка поэтому борьба. И хотя говорится, что одинъ—не воинъ, но тѣмъ не менѣе талантъ всегда одинокій воинъ. И быть можетъ именно поэтому культура такъ медленна и такъ много жертвъ требуетъ.

Обыденность, посредственность, благонамѣренная тупость всегда стоятъ на дорогѣ талантливыхъ людей. Лавуазье погибъ на гильетинѣ, куда послала его именно республиканская тупость—самый страшный изъ всѣхъ видовъ тупости. А какъ былъ правъ Лагранжъ, сказавшій по этому поводу, что въ нѣсколько секундъ гильетина отняла у человѣчества голову, между тѣмъ для появленія подобной приходится ожидать цѣлые вѣка.

У насъ величайшій изъ химиковъ Менделѣевъ былъ отвергнутъ бездарностями и тупицами Академіи Наукъ и на старость нашелъ себѣ пріютъ въ петербургской пробирной палаткѣ вѣсовъ и мѣръ! Это въ Россіи, въ которой наука еще такъ слабо распространена и которая нуждается въ Духѣ Божьемъ для оживленія ея пустынь! И послѣ этого удивляются, что Россія такъ бѣдна, такъ отстала и такъ завоевывается иностранными капиталистами и предпринимателями. Ученый, составляющій гордость науки, оцѣненъ только, какъ чиновникъ для провѣрки мѣръ и вѣсовъ. Кювье по зубу ископаемаго животнаго судилъ о строеніи всего организма допотопнаго животнаго. Еще съ большимъ основаніемъ онъ могъ бы изобразить цѣлую картину со-

стоянія нашей родины по этому факту пріюта Менделѣева въ пробирной палаткѣ.

Если признается существованіе Духа жизни, который воплощается въ немногихъ, то тѣмъ болѣе необходимо допустить существованіе Духа прозябанія, духа тьмы, порождаемаго массой тупоумія и въ свою очередь поражающаго массы и вмѣстѣ съ ними и все живое и талантливое.

Вѣрно, что свѣтъ Христовъ и во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не обниметъ. Но пора бы создать условія, чтобы не гасли свѣтильники народа и человѣчества.

Бездарность, чувствуя свое безсиліе, въ борьбѣ за существованіе имѣетъ страшну силу именно въ своемъ безсиліи и побѣждаетъ талантъ. Она приспособляется къ средѣ и всегда массой идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія. И успѣхъ въ жизни ей вполнѣ гарантированъ. По природѣ своей она не разборчива въ средствахъ и она создала маккіавелизмъ и іезуитизмъ, она говоритъ объ относительности принциповъ нравственности, она выгоду признаетъ основнымъ закономъ жизни. Все это линіи наименьшого сопротивленія, т. е. прямой путь бездарности, лѣности, отсутствія энергіи, отсутствія сознанія и мысли.

Талантъ есть сила и ея путь—противоположный. Талантъ не можетъ гнуть спины, не можетъ кланяться, не можетъ жить неправдой. И естественно его путь съ поконъ вѣковъ—тернистый путь. Бездарность естественно своею гибкостью давитъ талантъ и въ жизни самый прочный успѣхъ всегда обезпеченъ за бездарностью и самые трудные пути—пути талантливыхъ людей.

Такъ какъ большинство, по выраженію Шиллера о толпѣ, всегда бездарно, то стремленія большинства всегда являются могильной плитой для таланта. Талантъ—это чудная комета, вращающаяся въ противоположномъ направленіи съ орбитой массъ, но ежеминутно испытывающая притяженіе ихъ, т. е. давленіе глупости, пошлости, тупоумія. Къ счастью, есть внутренняя сила въ талантѣ, способная покорять массы и нейтрализовать ихъ опошляющее и помрачающее притяженіе. Свѣтъ — который во тьмѣ свѣтитъ и тьмѣ его не объять. Поэтому только дѣйствительно сильные таланты двигаютъ исторію, не подчиняясь эволюціоннымъ путямъ приспособленія и сѣрости.

Но эти таланты требуютъ *благодати Случая*, ибо одна ласточка еще не дѣлаетъ весны, а погибаетъ отъ морозовъ.

III.

Выдающіеся таланты производятъ опустошеніе въ національной душѣ. Они подавляютъ *инициативу* болѣе слабыхъ, готовыхъ воспринимать, а не создавать. Соціальная опасность генія состоитъ въ этомъ психическомъ, часто совершенно невольномъ дес-

потизмѣ, ничѣмъ не уступающемъ и обыкновенному политическому деспотизму. Подобно великимъ разбойникамъ вродѣ Наполеона I, всякій крупный талантъ оставляетъ поле, усѣянное черепами и костьми. Подавляя и даже разрушая самостоятельность, личную энергію и предпріимчивость, талантъ имѣетъ характеръ вполнѣ разбойничій.

Уже давно замѣчено, что послѣ Корнеля и Расина французскій театръ опустѣлъ, появились лишь ничтожные писатели, не имѣвшіе никакого общественнаго значенія. Кантъ и Гегель произвели такое-же опустошеніе въ нѣмецкой философіи. Не смотря на всю склонность нѣмецкаго ума къ философіи, послѣ этихъ геніевъ философіи до сихъ поръ появляются лишь второстепенные мыслители. Также послѣ классиковъ политической экономіи, европейская мысль какъ-бы измельчала: ни одного крупнаго таланта, за исключеніемъ, конечно, временныхъ и часто бездарныхъ метеоровъ, этихъ ложныхъ пророковъ, которыми такъ богата была ветхозавѣтная исторія евреевъ. Великій пророкъ создаетъ только толпу лжепророковъ. Великій талантъ создаетъ толпу карликовъ, мнящихъ себя великанами. Великій предприниматель создающій громадныя богатства своимъ геніемъ, создаетъ толпу мелкихъ мошенниковъ и финансовыхъ негодяевъ, стремящихся безъ труда разбогатѣть, не имѣя ума великаго финансиста.

На этомъ же основаніи періоды великихъ подъемовъ на родной душѣ сопровождаются разслабленіемъ, упадкомъ духа и энергіи. Послѣ Петра I слѣдуютъ женщины и бироны, мелочныя задачи и мелочныя средства. И не потому, что рядомъ съ Монбланомъ всякое зданіе кажется мелкимъ, а потому, что оно задавлено и искрошено Монбланомъ.

Въ древней Греціи боги завидовали талантамъ, такъ какъ талантъ возвышалъ человѣка до боговъ. Для грека „вся историческая судьба человѣчества представляется какъ бы рядомъ волнъ, поднимающихся и опускающихся: боги равняютъ все, зависть боговъ низвергаетъ все возвышающееся надъ положеннымъ уровнемъ“. Прометей, страдая за человѣчество, принесъ людямъ небесный огонь. Зевесъ казнитъ за это Прометея, а на людей наводитъ рядъ бѣдствій черезъ брата Прометея. У Гомера Посидонъ завидуетъ Одиссею и караетъ феакійцевъ за ихъ помощь Одиссею. У ногъ Зевса стояли двѣ урны: изъ одной онъ черпаетъ добро, изъ другой—зло. И Пиндаръ говоритъ, что урнъ не двѣ, а три, и только въ одной изъ нихъ благо: и за каждое благо, посланное Зевсомъ, человѣкъ отъ него же терпѣлъ двѣ бѣды [9]).

Въ этомъ сказалась жизнь. Талантъ, какъ выдѣляющееся изъ ряда явленій, заливается рядомъ обыденности. Такъ волна, поднявшись надъ уровнемъ моря, влечется внизъ силой средняго

уровня. Но въ образованіи его участвуетъ именно эта самая волна, которая и влечется внизъ, т. е. обезличивается среднимъ уровнемъ.

Лессингъ въ предисловіи къ сочиненіямъ Мильуса говоритъ: „Предположимъ, что геніальный человѣкъ родится въ сословіи, если не въ самомъ нищемъ, то слишкомъ скудномъ: вы знаете, что *природа находитъ, кажется, какое-то удовольствіе выводить геніевъ изъ этого сословія чаще, нежели изъ какого-нибудь другого.* Подумайте же, какія препятствія долженъ побѣдить этотъ геній въ странѣ, подобной Германіи, гдѣ почти неизвѣстно, что называется ободреніемъ таланту.—Удивительно-ли, что онъ, истощивъ запасъ молодого здоровья, сокрушается порывомъ бури?“

Но тѣмъ выше и благотворнѣе талантъ, если страна представляетъ для него благопріятную среду. Интересный примѣръ этого даетъ намъ уже первобытная, стадная жизнь.

Извѣстный Гальтонъ, авторъ книги „Наслѣдственность таланта“, пишетъ: „Жить стадомъ—значитъ сдѣлаться нитью огромной чувствующей ткани, покрывающей собою нѣсколько акровъ; значитъ стать обладателемъ способностей, постоянно бодрствующихъ, глазъ, видящихъ во всѣхъ направленіяхъ, ушей и ноздрей, изслѣдующихъ широкую полосу воздуха; значитъ сдѣлаться обладателемъ всѣхъ преимуществъ, дающихъ возможность слѣдить за приближеніемъ дикихъ звѣрей. Охранительныя чувства индивида, избирающаго жизнь общественную, возрастаютъ въ значительной степени, въ силу чего она пріобрѣтаетъ maximum безопасности цѣною минимальной бдительности. Изолируя животное, успѣвшее привыкнуть къ стадной жизни, мы сокращаемъ его охранительные рессурсы, и само оно начинаетъ сознавать, что оно ограждено отъ опасности только съ одной стороны, съ той именно, куда въ данный моментъ устремлено его вниманіе; оно знаетъ, что бѣда легко можетъ надъ нимъ стрястись оттуда, откуда оно не ожидаетъ“ [11]).

Хотя талантъ получаетъ питаніе въ окружающей средѣ, тѣмъ не менѣе онъ выше ея и собою возвышаетъ самую среду.

Н. Чернышевскій въ своей біографіи Лессинга прекрасно описываетъ талантъ, какъ двигательную силу. Лессингъ „не работать не могъ. Мы знаемъ, что такое называется въ С. Амер. Штатахъ колонистомъ „Дальняго Запада“ — это человѣкъ, которому скучно жить и работать на тѣхъ заселенныхъ поляхъ, обработка которыхъ стала уже доступна силамъ каждаго; онъ уходитъ далеко за границы поселеній, въ невѣдомыя пустыни, прокладываетъ дорогу среди болотъ и лѣсовъ, поселяется одиноко среди дикихъ звѣрей и враждебныхъ дикарей, прогоняетъ ихъ, очищаетъ землю отъ нихъ и открываетъ для цивилизаціи обширныя, обильныя области. Сколько битвъ выдержалъ онъ,

сколько лишеній перенесъ онъ, сколько опасностей и затрудненій преодолѣлъ онъ! Но вотъ безопасенъ сталъ занятый имъ округъ, даетъ уже богатую жатву—тогда, привлеченные молвою, приходятъ по проложенной имъ дорогѣ толпы людей, селятся вокругъ него, привольно работаютъ, безъ всякихъ лишеній, въ безопасности начинаютъ веселую и сладкую жизнь. И онъ могъ-бы наслаждаться всѣмъ, чѣмъ наслаждаются они, именно ему больше всѣхъ и должно бы наслаждаться, потому что все окружающее его благоденствіе возникло благодаря его предпріимчивости, мужеству и силѣ. Но нѣтъ, ему уже скучно и противно жить на этомъ привольномъ, безопасномъ, роскошномъ мѣстѣ, натура влечетъ туда, куда еще нѣтъ путей, гдѣ каждый шагъ соединенъ съ лишеніями, опасностями и борьбою,—а онъ, покидая спокойное село, опять идетъ въ пустыню, дальше и дальше, прокладывая путь цивилизаціи“ [12]).

Въ этихъ словахъ прекрасно изображается существо работы таланта. Сынъ родины сторицею отплачиваетъ за заботы матери объ его воспитаніи и образованіи. Онъ впереди массы, которая идетъ только по его стопамъ.

Еще лучше Н. Чернышевскаго значеніе таланта опредѣляетъ П. Лавровъ, не смотря на свое преклоненіе предъ детерминизмомъ. „Твои индивидуальныя силы, какъ строителя будущаго, ничтожны, но столь же ничтожны были индивидуальныя силы всѣхъ твоихъ предшественниковъ, построившихъ настоящее. Старайся же сдѣлаться историческою силою, потому что лишь этимъ путемъ одержаны всѣ побѣды, сперва казавшіяся иногда совсѣмъ невѣроятными и которыя большинство впослѣдствіи готово было признать чудесами. *Чудотворцемъ всегда была и будетъ сила мысли и энергія воли личностей*, какъ необходимый органъ совершающагося историческаго детерминизма.“—„Борись за будущее и помни слова“: „побѣжденъ лишь тотъ, кто призналъ себя побѣжденнымъ“ [13]).

Существуютъ и воззрѣнія, отрицающія историческое происхожденіе таланта. Такъ, по словамъ Георга Брандеса, „великій человѣкъ никогда не является итогомъ уже существующей цивилизаціи. Онъ—источникъ и начало новаго состоянія цивилизаціи“ [14]).

„Никогда никакая философская, религіозная или политическая идея, никогда художественная концепція или форма не исходила изъ толпы. Она всегда исходила отъ индивида, который, послѣ долгихъ усилій, передавалъ массамъ свою манеру чувствовать и думать. Далѣе произведенія, которыя остаются плодомъ коллективнаго творчества, напр., народныя пѣсни, не были сочинены толпою. Они созданы однимъ человѣкомъ и только позднѣе были усовершенствованы другими, болѣе одаренными“ [15]).

Сходство между великими людьми и обществомъ Г. Брандесъ объясняетъ скрытой работой подражанія великому человѣку.

Согласно съ этимъ обыкновенно говорятъ, что талантъ всегда пробьетъ себѣ дорогу. Говорятъ, Фидій былъ человѣкъ изъ народа, никто его не сдѣлалъ Фидіемъ, онъ самъ сдѣлался имъ. Поэтому утверждаютъ, что распространеніемъ образованія геніевъ нельзя создать, ибо они не создаются.

Но сколько же Фидіевъ погибаетъ, благодаря не соотвѣтствующему процвѣтанію генія соціальному климату! И на оборотъ, при благопріятномъ соціальномъ климатѣ и малые таланты имѣютъ возможность сдѣлаться большими.

Говоря это, мы не отрицаемъ мессіанизма таланта. Сократъ вѣрилъ, что Богъ далъ ему *миссію* пробуждать гражданъ отъ нравственнаго оцѣпененія, ободрять и учить каждаго, неотступно преслѣдуя его и не давая ему покоя [16]).

Въ талантѣ своемъ, какъ миссіи просвѣщать гражданъ, Сократъ видѣлъ нѣчто сверхъ-естественное, видѣлъ повелѣніе Бога. „Въ справедливости того, что самъ Богъ послалъ меня этому городу, говорилъ онъ на судѣ, приговорившемъ его къ смертной казни, можете вы убѣдиться изъ слѣдующаго: развѣ не сверхъестественно во мнѣ то, что я, въ продолженіи уже столькихъ лѣтъ, совершенно принебрегъ мои частные интересы, а всегда имѣлъ только въ предметѣ заботу о вашемъ благѣ: каждаго изъ васъ порознь я, какъ бы отецъ или старшій братъ, убѣждалъ— посвятить себя служенію добродѣтели. Если бы я, по крайней мѣрѣ, извлекалъ какую нибудь для себя пользу изъ своихъ усилій или получалъ бы за мои труды вознагражденіе, то мой образъ дѣйствій былъ бы еще сколько нибудь понятенъ. Но противники мои, возводя на меня съ удивительнымъ безстыдствомъ множество самыхъ нелѣпыхъ обвиненій, не рѣшались упрекнуть меня и доказать, чтобы я отъ кого нибудь просилъ или получалъ плату. А лучше всего свидѣтельствуетъ въ справедливости словъ моихъ моя бѣдность“ [17]).

Масса, по ученію Сократа, не имѣетъ ума. „Неужели всѣ люди способны дѣлать лошадей лучшими, кромѣ одного, который ихъ портитъ? Не чаще ли видимъ совершенно противное? Не случается ли, что только одинъ конюхъ или весьма немногіе обладаютъ умѣньемъ хорошо обучать лошадей? Что же касается до остальныхъ людей, то, садясь на лошадей и употребляя ихъ въ ѣзду, они нерѣдко ихъ портятъ. Развѣ это несправедливо, какъ относительно лошадей, такъ и всѣхъ прочихъ животныхъ“ [18]).

Сущность, конечно, не въ томъ, что масса не имѣетъ ума. Но она не имѣетъ такого ума, какой составляетъ характеристическую черту таланта, стоящаго выше массы.

Все талантливое, какъ выдающееся надъ уровнемъ инерт-

ныхъ массъ, именно поэтому всегда встрѣчаетъ вражду и злобу. Лучшей иллюстраціей этого является миѳъ о Прометеѣ.

Но будучи вождемъ или врагомъ массы, талантъ именно въ своей родной національной массѣ имѣетъ свои корни. И много правды въ слѣдующемъ разсужденіи Бебеля:

„Человѣкъ есть продуктъ времени и обстоятельствъ, среди которыхъ онъ живетъ. Если бы Гете родился среди тѣхъ же благопріятныхъ условій не въ 18, а въ IV в., онъ сталъ бы, вѣроятно, не знаменитымъ поэтомъ и естествоиспытателемъ, а выдающимся отцомъ церкви, который затмилъ бы, можетъ быть, даже св. Августина. Если бы, на оборотъ, Гете родился не сыномъ богатаго франкфуртскаго патриція, а сыномъ бѣднаго франкфуртскаго сапожника, то изъ него вышелъ бы не великогерцогскій веймарскій министръ, а вѣроятнѣе всего почтенный сапожный мастеръ. Гете самъ признавалъ все значеніе въ его развитіи того момента, что онъ родился въ благопріятной матеріальной и общественной обстановкѣ, какъ это онъ разсказываетъ въ своемъ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“. Родись Наполеонъ десятью годами позже, онъ никогда не сдѣлался бы императоромъ Франціи. Безъ войны 1870—1871 г.г. изъ Гамбетты не вышло бы того, чѣмъ онъ сталъ. Поселите хорошо одаренное дитя образованныхъ родителей среди дикихъ—изъ него выйдетъ дикарь. Такимъ образомъ, тѣмъ, чѣмъ становится отдѣльный человѣкъ, онъ обязанъ обществу. Идеи не образуются въ головѣ каждаго изъ ничего или благодаря насилію свыше, но являются продуктомъ общественнаго прогресса, духа времени. Аристотель не могъ имѣть идей Дарвина, а Дарвинъ долженъ былъ иначе думать, чѣмъ Аристотель. Каждый думаетъ такъ, какъ его принуждаетъ думать духъ времени, т. е. окружающая его среда и ея явленія“ [19]).

Не отрицая національныхъ корней таланта, предъ вліяніемъ его преклоняются даже наиболѣе рѣзкіе сторонники экономическаго матеріализма. Такъ Г. Плехановъ, поклонникъ Маркса и сторонникъ экон. матеріализма, пишетъ о Чернышевскомъ: „До сихъ поръ вліяніе этого замѣчательнаго человѣка сказывается на всемъ томъ, что есть прекраснаго и благороднаго въ сердцахъ передовыхъ русскихъ людей. И до сихъ поръ передовые русскіе люди, какъ бы ни расходились они съ Чернышевскимъ, въ тѣхъ или иныхъ вопросахъ теоріи или практики, относятся къ нему съ величайшимъ благоговѣніемъ“ [20]).

Конечно, для того, чтобы передвинуть любой предметъ, необходимо стать внѣ его. Архимедъ легко повернулъ бы и земной шаръ, если бы нашелъ точку опоры для своего рычага внѣ земли. Съ этой точки зрѣнія геній стоитъ какъ бы внѣ общества, будучи сыномъ его. „Чтобы придумать что-нибудь новое, чтобы открыть что-либо, чтобы пробудиться на мгновеніе отъ своего сна

семейнаго или національнаго, индивидъ долженъ хоть на короткое время вырваться изъ общества. И въ то время, какъ онъ обладаетъ этой столь рѣдкой храбростью, онъ является скорѣе сверхъ-соціальнымъ, чѣмъ соціальнымъ существомъ“ [21]).

IV.

Нашъ экономическій бытъ представляетъ собою богатѣйшій научный матеріалъ для уясненія того, какъ безплодно погибаютъ міровые таланты, не находя подходящей среды для своего развитія. Открытіе парового двигателя весь міръ приписываетъ генію англичанина Уатта. Между тѣмъ въ дѣйствительности паровая машина изобрѣтена въ Барнаулѣ чертежникомъ Ползуновымъ, модель которой хранится въ Барнаулѣ, въ музеѣ Алтайскаго округа, причемъ изобрѣтатель былъ даже награжденъ императрицей Екатериной Великой чиномъ и 400 рублей. Но открытіе произведено въ совершенно не подготовленной средѣ и не получило никакого практическаго значенія. Говорятъ, что и летательная машина изобрѣтена у насъ еще въ XVII столѣтіи, не оставивъ по себѣ и слѣдовъ. Такъ гибнетъ ласточка, застигнутая морозами. Отъ соціальнаго мороза у насъ личность спасалась: 1) или бѣгствомъ въ Запорожье, въ вольное казачество, 2) или въ монастыри, 3) или приспособленіемъ къ деспотизму, т. е. подавленіемъ всего человѣческаго. Все остальное, какъ не приспособленное, погибало. Отсюда: появился характеръ высшаго и средняго сословія—жестокій и грубо эгоистическій; 4) въ народныхъ низахъ, вдали отъ поверхности государства, осталась цѣлина. Но и она повреждена рабствомъ и служилыми людьми.

Въ слабомъ развитіи личности Д. Менделѣевъ основательно видитъ одну изъ причинъ нашей отсталости. „Существенною причиною малаго развитія у насъ промышленности, не смотря на множество условій ея широкаго процвѣтанія, должно считать отсутствіе личной предпріимчивости, опредѣляемое преимущественно тѣмъ, что русскіе люди привыкли все получать готовенькимъ, такъ сказать въ видѣ подарка, отъ кого бы то ни было, сверху или снизу, и если манна небесная сама собой не валится, то наша образованность привыкла обвинять кого-нибудь или вверху или внизу, а сама ничего не предпринимать, если оно сопряжено съ необходимостью личнаго труда, риска и упорства, какъ это и нужно для дѣлъ промышленности“ [22]).

Дѣло въ томъ, что талантъ требуется вездѣ, гдѣ требуется человѣческая работа. Нѣтъ человѣческой работы внѣ мысли и сознанія. Но мысль и сознаніе невозможны въ средѣ, отрицающей личную самостоятельность. Поэтому мы видимъ, что больше всего дала міру талантовъ и талантливости англо-саксонская

раса, весьма справедливо въ данномъ случаѣ названная Демуленомъ аристократической расой между народами.

„Въ Англіи, гов. проф. Гнейстъ, впервые въ исторіи мы видимъ идею свободы въ примѣненіи къ большому государству: въ видѣ *соціальной* свободы, т. е. закономѣрной возможности, предоставленной каждому, какъ бы скромно ни было его происхожденіе, достигнуть собственными заслугами и талантами почестей и имущественнаго обезпеченія, въ видѣ *личной* свободы, которая, безъ ущерба полнотѣ государственной власти, гарантируетъ личную и имущественную неприкосновенность отдѣльныхъ гражданъ; въ видѣ *политической* свободы, т. е. способности народа издавать самому для себя законы и приводить ихъ въ исполненіе путемъ свободнаго самоуправленія.—Не права парламента и не формы парламентскаго управленія, а личная дѣятельность, проявлявшаяся какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, въ ежедневной работѣ на пользу государства, создала величіе Англіи“ [23]).

Проф. Гнейстъ, говоря это, игнорируетъ лишь маленькое обстоятельство: самый парламентъ и вся его дѣятельность есть выраженіе той же самодѣятельности англичанъ. Поэтому-то и нигдѣ такъ не стойка парламентская жизнь, какъ въ Англіи. Соед. Штаты С. Америки, развивъ систему англійскаго самоуправленія, въ то же время достигли соотвѣтствующаго развитія личности и въ связи съ этимъ таланта. Все то, что въ другихъ государствахъ осуществляется не иначе, какъ государственными силами, въ Соед. Штатахъ осуществляется по частному почину и частными усиліями.

Тамъ, наприм., вся громадная сѣть жел. дорогъ сооружена частными усиліями, привлекаемыми государствомъ: 1) свободой учрежденія компаній и полученія концессій и 2) пособіями землей для разселенія народа и превращенія пустынь въ цвѣтущіе сады. Для полученія концессіи необходима компанія отъ 5 до 10 лицъ. Если дорога по одному штату, то концессія выдается судебн. учрежденіемъ, не входящимъ въ разсмотрѣніе финанс. стороны дѣла. Смѣта лишь примѣрная: длина миль и номильная стоимость. И жел. дороги въ С. Шт. лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ мірѣ. Ими поднята и поддерживается вся культура. Такая же иниціатива проявляется американцами и во всѣхъ другихъ сферахъ дѣятельности, сводя къ минимуму работу государства. Въ старыхъ культурныхъ странахъ Европы, за исключеніемъ Англіи, права личности значительно атрофированы мрачнымъ прошлымъ и это одна изъ причинъ отсталости ихъ въ экономическомъ отношеніи сравнительно съ Англіей и С. Штатами.

Вотъ почему экономическая наука должна признать аксіомой, что всякое подавленіе въ странѣ личности есть смертный

грѣхъ противъ человѣчества и культуры, есть хула на Духа Святаго, которая никогда не прощается. Право личности есть воздухъ для таланта. Кто хочетъ убить въ странѣ талантливость, кто хочетъ отнять у нея жизненность, тому достаточно свои усилія направить противъ самостоятельности и самоуправленія населенія. Цѣль будетъ достигнута, ибо будутъ аннулированы тѣ условія, при которыхъ только и развиваются въ странѣ таланты. Аннулированіе личности есть аннулированіе въ самомъ зародышѣ таланта.

С. Булгаковъ вполнѣ правъ, отмѣчая высокое значеніе *правъ личности* въ нар. экономіи. „Всѣ мѣры, которыя стремятся въ той или иной формѣ возстановить или сохранить позорныя узы крѣпостного права, усилить полицейскую опеку, лишая населеніе свободы дѣйствій, нужной въ его экономической обстановкѣ, всѣ онѣ заслуживаютъ самаго безусловнаго осужденія экономиста. Экономическій проигрышъ населенія, если лишить его половины его земли или капитала, будетъ меньше, чѣмъ если на одну десятую подвергнутся умаленію его права; и на оборотъ, при отсутствіи этихъ правъ лучше не принимать никакихъ мѣръ для расширенія крестьянскаго землевладѣнія и поднятія кр. хозяйства, но дать ему то, безъ чего ему не помогутъ никакія мѣры—дать голодному хлѣбъ, а не камень. Безъ этого условія бѣдность въ деревнѣ не искоренима. Перефразируя извѣстное выраженіе Тургенева, что Венера Милосская несомнѣннѣе принциповъ 89 года, можно сказать, что для крестьянства и его хозяйства эти принципы несомнѣннѣе фосфористыхъ удобреній, плуговъ, элеваторовъ, крестьянскихъ банковъ и т. д.“ [24]).

Безталанныя страны—это всегда страны съ атрофированными самодѣятельностью и самоуправленіемъ. И неизбѣжно это всегда нищенствующія, нуждающіяся въ иностранныхъ капиталахъ страны.

Фр. Ланге констатируетъ фактъ *избытка талантовъ*, создаваемыхъ природою [25]).

Онъ сравниваетъ этотъ избытокъ талантовъ съ перепроизводствомъ живыхъ зародышей.

Если это вѣрно, то тѣмъ преступнѣе дѣятельность, подавляющая Божью благодать, ибо въ жизни талантъ—рѣдкій гость.

Здѣсь, въ этомъ пунктѣ культуры благодати Божьей, интересы націи и интересы личности, интересы общіе и частные вполнѣ совпадаютъ. И несомнѣнна въ нашей литературѣ заслуга Н. К. Михайловскаго, выяснившаго значеніе личности, какъ основы разумнаго общежитія. Нашъ мыслитель указываетъ и на абсурды, возникающіе естественно при игнорированіи значенія личности въ національной экономіи.

Н. К. Михайловскій говоритъ: „Богаты и бѣдны люди и

только люди. Фигурально выражаясь, можно сказать, что англійская нація очень богата, но когда мы знаемъ, что двѣ трети этой богатой націи нищенствуютъ, или почти нищенствуютъ, то „народное богатство“ должно быть признано фикціею, абстракціей, страдающей хроническимъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Раскрыть это противорѣчіе можно только съ точки зрѣнія самостоятельной личности и ея судебъ [26]).

Не менѣе правъ нашъ мыслитель говоря: „Отказываясь стать на единственно плодотворную точку зрѣнія личнаго начала, мы запутаемся въ противорѣчіяхъ нищенскаго богатства или богатой нищеты и рабской свободы или свободнаго рабства, ибо въ механизмѣ производства и распредѣленія „народнаго богатства“ есть дѣйствительно элементы богатства и нищеты, свободы и рабства. А слѣдовательно только разложеніемъ этого механизма на его атомы могутъ вскрыть его внутреннія противорѣчія. Для этого надо отрѣшиться отъ предвзятаго пристрастія къ какой бы то ни было формѣ общенія, какія бы пышныя названія она ни носила и какъ бы ни было велико традиціонное къ ней уваженіе. Это и будетъ истинно соціологическая точка зрѣнія, которая не только внесетъ свѣтъ въ трущобы экономической науки, но и выяснитъ отношенія ея къ сопредѣльнымъ отраслямъ знанія“ [27]).

Но въ той же самой Англіи, какъ и въ С. Штатахъ, при высокомъ развитіи началъ свободы личности, именно существуетъ нищенское богатство и богатая нищета. Очевидно, начала свобода личности, будучи благопріятны появленію и развитію талантовъ, носятъ въ себѣ и сѣмена смерти и разрушенія... тѣхъ же талантовъ.

Н. Михайловскій не нашелъ выхода изъ этого соціальнаго логическаго круга. Не нашелъ его и В. Бѣлинскій, также высоко ставившій значеніе личности.

„Развитіе, говорилъ онъ, всегда и вездѣ совершалось черезъ личности и потому то исторія всякаго народа такъ похожа на рядъ біографій отдѣльныхъ лицъ. Исторія показываетъ, какъ часто случалось, что одинъ человѣкъ видѣлъ дальше и понималъ лучше всего народа то, что нужно было народу, однако боролся съ нимъ и побѣждалъ его сопротивленіе, и самимъ народомъ причислялся потомъ за это къ числу героевъ“ [28]).

Въ письмѣ къ Боткину отъ 4 окт. 1840 г. онъ писалъ:

„Для меня *человѣческая личность* выше исторіи, выше общества, выше человѣчества [29]).

„Идея либерализма въ высшей степени разумная и христіанская, ибо его задача—возвращеніе правъ личнаго человѣка, возстановленіе человѣческаго достоинства“.

Но, по замѣчанію Русанова, „апоѳеозъ индивидуума обрам-

ляется у Бѣлинскаго постоянно мыслью объ окружающихъ живыхъ существахъ, о людяхъ—братьяхъ“ [30]).

8 сен. 1841 г. Б. писалъ Боткину. „Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность“? Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Прочь отъ меня блаженство, если оно—достояніе мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братьями моими! И настанетъ время, когда никого не будутъ жечь, никому не будутъ рубить головы... когда не будетъ безсмысленныхъ формъ и обрядовъ, не будетъ договоровъ и условій на чувство, не будетъ долга и обязанностей, и воля будетъ уступать не волѣ, а одной любви; когда не будетъ мужей и женъ, а будутъ любовники и любовницы, и когда любовница придетъ къ любовнику и скажетъ: „я люблю другого“, любовникъ отвѣтитъ: „я не могу быть счастливъ безъ тебя, я буду страдать всю жизнь, но ступай къ тому, кого ты любишь“, и не приметъ ея жертвы, если по великодушіи она захочетъ остаться съ нимъ. Не будетъ богатыхъ, не будетъ бѣдныхъ, ни царей и подданныхъ, но будутъ братья, будутъ люди“.

Какъ видимъ это не выходъ изъ противорѣчій жизни, не разрѣшеніе трудной задачи, но... соціалистическая маниловщина.

И современная система экономическаго матеріализма есть такая же маниловщина.

Въ настоящее время наука, не смотря на утвержденія марксистовъ, все же безсильна доказать неизбѣжность замѣны капиталистическаго строя соціалистическимъ. Вообще можно сказать, что „экономическій матеріализмъ“ вдается въ область вѣры, когда говоритъ „о гигантскомъ скачкѣ изъ царства необходимости въ царство свободы“. Дѣйствительно *гигантскій* скачекъ! Тысячелѣтія личность была ничто и вдругъ стала всѣмъ“ [31]).

По основательному замѣчанію, г. Агафонова теорію экономическаго матеріализма слѣдовало бы назвать *теоріей гигантскихъ скачковъ* [32]).

Быть можетъ въ виду такого безотраднаго положенія вопроса А. Герценъ пришелъ даже къ мысли, что высокія личности въ странѣ представляютъ собою не творческую, но пассивную силу, являются не причиною, но результатомъ даннаго состоянія общества [33]).

Не удивительно, что современный нашъ экономистъ А. Богдановъ, очевидно, признавая нелѣпость гигантскихъ скачковъ и безотрадность дѣйствительности, провѣдуетъ спасеніе въ коллективномъ мессіанствѣ. Прійдетъ не Мессія, но Мессіи, всѣ люди будутъ мессіями.

„Человѣкъ еще не пришелъ“ говоритъ онъ, „но онъ близокъ и его силуэтъ ясно вырисовывается на горизонтѣ“ [34]).

По его мнѣнію въ грядущемъ „новомъ“ обществѣ „исчезнетъ разъединяющая сила конкуренціи и классовой борьбы и та психологія разъединенія, въ которой личность противопоставляетъ себя со своими цѣлями и интересами другимъ личностямъ и всему обществу“ [35]).

„Государственной казармы“ не будетъ, не каждый будетъ работать по любви. „Когда въ столкновеніи двухъ армій солдатъ одной изъ нихъ объединяетъ и ведетъ въ бой принудительная сила долга, служебнаго и моральнаго, и солдатъ другой—живое непосредственное сознаніе общей цѣли въ видѣ любви къ родинѣ —тогда мы хорошо знаемъ, которая изъ двухъ окажется на дѣлѣ организованнѣе и сильнѣе“ [36]).

Все это прекрасно для людей, способныхъ спокойно сидѣть на рѣкахъ вавилонскихъ, ожидая пришествія Мессіи, который бы ихъ освободилъ отъ каторги, ими же созданной для себя. Для людей живыхъ и бодрыхъ все это лишь злокачественная маниловщина, sui generis соціальный ракъ, въ корнѣ подрывающій основныя силы экономическаго организма. Ожиданіе „барина, который пріѣдетъ, да разсудитъ и порядки заведетъ“ возможно только въ душѣ крѣпостного раба, неспособнаго и шагу сдѣлать безъ соизволенія барина. Грядущій человѣкъ будетъ плотью отъ нашей плоти, кровью отъ нашей крови. Стало быть и душою отъ нашей души.

Приходится надѣяться на себя же, на свои силы, на свои средства. Это и дѣлается въ жизни. Тамъ, гдѣ индивидуальныя усилія оказываются недостаточными, возникаютъ коллективныя силы и восполняютъ то, что оказывается недоступнымъ или мало доступнымъ личности. Теоретическая безвыходность въ политической экономіи получилась именно вслѣдствіе игнорированія или даже сознательнаго исключенія этихъ коллективныхъ силъ человѣчества. Таковы коллективные факторы—правительство и самоуправленіе.

Талантъ неразрывно связанъ съ личностью, ибо нѣтъ таланта безъ личности. Конечно, не всякому дается одинъ и тотъ же талантъ. Въ сферѣ талантовъ о равенствѣ никто и не говоритъ, да и по существу своему талантъ есть не равенство, есть даже монополія. Такимъ образомъ талантъ въ самомъ себѣ, въ своемъ существѣ, въ самой идеѣ своей, заключаетъ нѣчто антисоціальное—неравенство, монополію, привилегію, преимущество. И такъ какъ нѣтъ такой человѣческой работы, которая не требовала бы таланта, въ формѣ ли мысли, въ формѣ ли воли и энергіи, въ формѣ ли этики, то все человѣческое освящено силой таланта. Разница лишь въ степени таланта, приходящагося по волѣ судьбы на долю личности. Возникающее отсюда умственное, волевое и моральное разнообразіе не можетъ не вызывать столкновеній и

въ борьбѣ болѣе сильный побѣждаетъ и поглощаетъ менѣе сильныхъ или болѣе слабыхъ. Необходимо сознательно устроить такъ, чтобы люди изъ каждаго таланта извлекали наибольше пользы и какъ можно меньше вреда. Отсюда необходимость правительства и союзовъ самоуправленія, какъ факторовъ координаціи или упорядоченія индивидуальныхъ силъ. Можно даже согласиться съ нашимъ философомъ Вл. Соловьевымъ, что „задача права вовсе не въ томъ, чтобы лежащій во злѣ міръ обратился въ Царствіе Божіе, а только въ томъ, чтобы онъ *до времени* не превратился въ адъ [37]). Если путемъ коллективнаго труда правительства и союзовъ самоуправленія этотъ минимумъ желаній можетъ быть достигнутъ, то и это будетъ счастьемъ для людей и даже большимъ счастьемъ, ибо „лежащій во злѣ міръ" въ экономическомъ отношеніи уже очень и очень близокъ къ состоянію, напоминающему адъ.

XI. Правительство.

Первый приступъ къ дѣлу иногда опредѣляетъ и судьбу дѣла. Совершенно случайно, подъ вліяніемъ печальной конъюнктуры, первые основатели политической экономіи отрицательно отнеслись къ дѣятельности государства въ экономической сферѣ. И съ ихъ легкой руки до сихъ поръ экономисты не только искоса смотрятъ на „чиновниковъ", но и готовы признать соціалистомъ каждаго, кто не отрицается, какъ отъ сатаны, отъ государственной экономической дѣятельности.

Дедлей Нортъ въ сочиненіи „Discourses upon Trade principally directed to the Cases of the interest, Coinage, Clipping, increase of Money" 1691 г. объявилъ всякое правительственное вмѣшательство въ экономическую дѣятельность народа вреднымъ. Цѣны продуктовъ устанавливаются сами, правительство не можетъ назначать ихъ. Каждый работаетъ по личнымъ мотивамъ и принужденіе въ трудѣ кромѣ вреда ничего не приноситъ. Только трудъ и свобода создаютъ богатство, правительство не обогащаетъ народъ, но питается его богатствомъ.

Гурнэ говорилъ королевскимъ министрамъ: „самая лучшая изъ мѣръ къ поднятію народнаго хозяйства—это свобода труда (laissez-faire, laisser passer)".

Кене, врачъ Людовика XV и основатель физіократіи, на вопросъ дофина, что онъ дѣлалъ бы, если бы сталъ королемъ, отвѣчалъ: „Ничего".

Всѣ эти воззрѣнія были лишь приложеніемъ къ экономической жизни общаго философскаго міровоззрѣнія Руссо: „все, исходящее изъ рукъ Творца, прекрасно; все это прекрасное искажается въ рукахъ человѣка". И экономисты, вслѣдъ за юристами

того времени, предоставляли государству только заботы о безопасности.

Это воззрѣніе цѣликомъ принято и А. Смитомъ, положившимъ его въ основаніе своей экономической системы, а вслѣдъ за А. Смитомъ и всѣ экономисты признали, что невмѣшательство государства въ экономическую дѣятельность составляетъ основной принципъ, между тѣмъ какъ вмѣшательство должно быть допускаемо лишь, какъ исключеніе.

У насъ идеи А. Смита усердно пропагандировались въ началѣ XIX ст. органомъ мин. внутрен. дѣлъ. „Санктпетербургскій журналъ“ въ 1804 г. писалъ: „Обязанность правительства весьма легка. Оно не должно дѣйствовать, *ему надлежитъ только не вредить*, ему должно только покровительствовать естественной свободѣ промышленности“ [1]).

Мин. вн. дѣлъ гр. Кочубей въ своемъ отчетѣ за 1803 г. писалъ: „Оставлять въ свободѣ частную промышленность; имѣть, сколько можно, достовѣрныя о успѣхахъ ея свѣдѣнія; доставлять ей въ случаяхъ необходимыхъ нужныя пособія; особливо удалять отъ нея всякое стѣсненіе: въ семъ состоятъ общія правила управленія сей частью“.

Въ половинѣ прошлаго вѣка эти идеи свободы отъ государства съ особенною настойчивостью были пропагандируемы Спенсеромъ. По его ученію, „государственная власть упадаетъ въ въ той же степени, въ какой развивается цивилизація. Власть эта необходима для дурныхъ людей, для хорошихъ она излишняя. Это—стѣсненіе, которое создаетъ для себя народная слабость, и стѣсненіе это прямо пропорціонально степени слабости. Существованіе власти доказываетъ, что еще не пришелъ конецъ варварства. Законъ для узкаго эгоиста—то же, что для дикаго звѣря клѣтка. Ограниченіе необходимо для дикаго, для грабителя, для склоннаго къ насилію; для человѣка справедливаго, доброжелательнаго, великодушнаго оно излишне. Всякая потребность во внѣшней силѣ указываетъ на болѣзненное состояніе. Тюрьма нужна для преступника, сумасшедшая рубашка для помѣшаннаго, костыли для хромого, корсетъ для страдающаго слабостью позвоночнаго хребта, для безхарактернаго нуженъ распорядитель, для ограниченнаго руководитель; но ничего подобнаго не нужно для человѣка, у котораго здоровая душа находится въ здоровомъ тѣлѣ“ [2]).

Наконецъ это же міровоззрѣніе лежитъ и въ основѣ теоретическаго анархизма, въ особенности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является у Бакунина и Кропоткина. Государство совсѣмъ не нужно, каждый долженъ быть предоставленъ самому себѣ и добровольно организующимся союзамъ. Только съ упраздненіемъ го-

сударства личность получитъ полную свободу, которая и создастъ благосостояніе.

На всей этой маниловщинѣ можно было бы и не останавливаться, если бы она не сыграла въ исторіи науки печальной роли. Она остановила ея ростъ, превратила науку въ метафизику, въ безжизненный трупъ. Самая завѣтная задача ея—подъемъ личности—оказалась недостижимой и вызвала лишь глумленіе со стороны людей противоположнаго направленія. Иначе и не могло быть. Игнорируя ту единственную силу, въ которой индивидуумъ съ одной стороны восполняетъ и увеличиваетъ свои силы, а съ другой находитъ регулятора, наука не смогла не оказаться внѣ жизни.

Сторонники laisser faire игнорировали положительныя задачи государства. Они ограничивали его сферой полиціи безопасности и предупрежденія. Поэтому, какъ основательно замѣчаетъ г. А. Залшупинъ, „тотъ финансистъ считался мудрымъ, кто умѣлъ тратить какъ можно меньше и доведеніе государственныхъ потребностей до незначительныхъ размѣровъ считалось аксіомой финансовой политики“ [3]).

Между тѣмъ жизнь выработала совершенно новую идею. „Страшное развитіе промышленности, раздоры между трудомъ и капиталомъ, рабочій вопросъ, банковое дѣло, желѣзныя дороги, народное образованіе, требованіе мѣръ общ. гигіены, обезпеченіе нар. продовольствія, помощь бѣднымъ, тарифы... все это подсказывало, что *дѣйствіе* государства имѣетъ въ виду еще и другіе интересы и что если оно заключится въ строго юридическую сферу, оно дѣлается безплодно и само государство не будетъ имѣть никакого резона продолжать свое существованіе“.

Народное міровоззрѣніе въ этомъ случаѣ всегда рѣшительно и рѣзко расходилось съ научно-экономическимъ. „Массы, говоритъ пр. Градовскій, если не съ полнымъ раціональнымъ сознаніемъ основаній, то по крайней мѣрѣ инстинктивно видятъ въ государствѣ не только высшее средство обезпеченія, огражденія личныхъ силъ, но и высшую форму человѣческаго общенія. Основаніе государства, его значеніе—не только въ системѣ юридическихъ гарантій, доставляемыхъ имъ каждой отдѣльной личности, но и въ общности и взаимности развивающихся въ немъ интересовъ и черезъ него получающихъ свое осуществленіе“ [4]).

Въ нашей литературѣ это народное воззрѣніе на задачи государства и правительства прекрасно уяснилъ Н. Чернышевскій.

„Если мы внимательно прослѣдимъ исторію каждой изъ европейскихъ націй, говоритъ онъ, мы увидимъ, что весь ея современный бытъ, всѣ ея наклонности объясняются вліяніемъ тѣхъ гражданскихъ учрежденій, подъ вліяніемъ которыхъ она жила и живетъ. Вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ событій

появлялись въ гражданскомъ обществѣ различныя учрежденія, потомъ создавались законы, сообразные съ этими учрежденіями. Нація измѣняла свои привычки сообразно духу этихъ учрежденій и законовъ. Событія и учрежденія въ различныхъ странахъ были различны, потому и націи, начавшія свою жизнь совершенно съ одинаковыми привычками и наклонностями, являются въ настоящее время совершенно различными“ [5]).

Эту мысль, имѣющую громадное значеніе въ наукѣ и такъ рѣзко расходящуюся съ такъ наз. экономическимъ матеріализмомъ, Н. Чернышевскій подтверждаетъ историческими данными. „Вестъ-готы, франки и англо-саксы ни на волосъ не отличались другъ отъ друга своими наклонностями и обычаями; завоеванныя ими страны также были населены народами, получившими одинаковыя качества подъ вліяніемъ римскаго владычества. Но въ Испаніи начинается упорная семисотлѣтняя борьба противъ мусульманъ-мавровъ; вслѣдствіе этого испанцы предаются католическому фанатизму; у нихъ является инквизиція, первоначально направленная противъ мавровъ. Привыкнувъ считать католичество основною драгоцѣнностью своей жизни, они отдаются въ полное распоряженіе доманиканцамъ, а потомъ іезуитамъ. Это сковываетъ ихъ мысль. Подъ покровительствомъ инквизиціи, опираясь на католическій фанатизмъ, макіавелевская политика разрушаетъ всѣ тѣ учрежденія, которыми держалась самодѣятельность народа, и испанцы становятся націею, лишенной всякой умственной и гражданской жизни. Они погружаются въ летаргію и невѣжество. Вторженіе французовъ пробуждаетъ ихъ къ жизни. Но они такъ долго спали, что отвыкли отъ умѣнья вести свои дѣла; они такъ пропитались предубѣжденіями и формализмомъ невѣжества, что являются людьми, совершенно отвыкшими ясно понимать вещи, потому исторія ихъ, со времени французскаго вторженія, есть безпорядочная борьба между всевозможными ошибками неопытности и увлеченіями умственнаго дѣтства.—Законности у нихъ давно не было, потому они не уважаютъ закона; собственность и личность очень долго лишены были всякихъ гарантій, потому они лѣнивы, и энергія ихъ умѣетъ проявляться еще только судорожнымъ, лихорадочнымъ образомъ, и за стремительнымъ порывомъ, внушаемымъ настоящими потребностями, слѣдуетъ долгій припадокъ апатическаго бездѣйствія“ [6]).

Въ Франціи послѣ хаоса переселенія народовъ является распаденіе страны на нѣсколько областныхъ владѣній, возникаетъ борьба между этими владѣльцами и королемъ, который побѣждаетъ ихъ, во время войны съ англичанами является регулярное войско. Войско помогаетъ королю покорить окончательно феодаловъ и горожанъ. Возникаетъ *придворное* управленіе.

Отсюда всѣ дальнѣйшія событія, какъ выводъ изъ этого управленія, опирающагося на войско,

Связи жизни и дѣятельности англичанъ съ ихъ учрежденіями—фактъ всѣмъ извѣстный.

И такъ „если мы замѣчаемъ въ привычкахъ и бытѣ извѣстнаго народа особенности, благопріятствующія возрастанію его капитала, иначе сказать, возрастанію его благосостоянія, мы должны знать, что благодарить за то онъ долженъ не племенныя особенности своего организма, не климатъ страны, а просто—гражданскія свои учрежденія; и на оборотъ, если мы видимъ, что въ народѣ развились привычки, препятствующія возрастанію національнаго капитала, мы должны знать, что и тутъ основаніе лежитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ націи“ [7]).

Проф. Бабстъ эту же мысль выражаетъ въ слѣд. словахъ: „Трудно себѣ представить, до какой степени дурная администрація, отсутствіе безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурныя учрежденія дѣйствуютъ гибелью на бережливость, накопленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на умноженіе народнаго капитала. *Междоусобныя войны, борьба политич. партій, нашествія, моръ, голодъ не могутъ имѣть такого гибельнаго вліянія на народное богатство, какъ деспотическое и произвольное управленіе*“ [8]).

Н. Чернышевскій ссылается также на Бентама, на переводъ, сдѣланый при Александрѣ I. Малая Азія, Греція, Египетъ, берега Африки процвѣтали въ счастливыя времена Рима и пали подъ турецкимъ игомъ. Это правительство, ненавистное для всякаго мыслящаго человѣка, владычествовало истощеніемъ народа и поддержкой невѣжества. „И прекраснѣйшія страны земныя сдѣлались въ рукахъ варваровъ скудными, безплодными и лишились признаковъ прежняго благосостоянія“ [9]).

Н. Чернышевскій заключаетъ: „Нравы создаются гражданскими учрежденіями. Безсильны надъ нравами законы, не измѣняющіе гражданскихъ учрежденій. Но за измѣненіемъ гражданскихъ учрежденій, необходимо измѣняются и нравы народа“ [10]).

Н. Чернышевскій на государство возлагаетъ и обязаность переустройства на товарищескихъ началахъ всего хозяйства. Если правительство, разсуждаетъ онъ, ежегодно бросаетъ десятки милліоновъ на покровительство сахарнымъ заводчикамъ и оптовымъ торговцамъ, то оно можетъ произвести такія же жертвы и для товариществъ трудящихся. „Правительство назначаетъ такую сумму, какая сообразна съ его финансовою возможностью. За ссуду оно получаетъ обыкновенные проценты и ссуда погашается постепенными взносами въ казну изъ прибылей товариществъ.—Если оптовые торговцы и компаніи желѣзныхъ дорогъ получаютъ пособія, то нельзя назвать излишней притязательностью предположеніе, что трудящійся классъ также имѣетъ нѣко-

торое право ожидать отъ государства такого содѣйствія, которое не будетъ стоить ни одной копѣйки казнѣ“ [11]).

И въ дѣйствительности каждый шагъ правительства такъ или иначе отражается на всемъ народномъ строѣ. У насъ, въ особенности въ московскомъ періодѣ, самое строеніе населенія вполѣ опредѣлялось государствомъ.

Московское государство принимало экономическія и соціальныя формы подъ вліяніемъ финансовыхъ тисковъ правительства. В. Ключевскій вѣрно замѣчаетъ о XVII в. „Съ цѣлію обезпечить казнѣ постоянный составъ прямыхъ или косвенныхъ работниковъ, законодательство сбило общество въ замкнутыя сословія, прикрѣпивъ каждое къ его повинностямъ, запретило самовольный выходъ изъ посадовъ и превратило договорную пожизненную неволю владѣльческихъ крестьянъ въ потомственную крѣпостную зависимость. Но какъ ни тщательно переписывали и прикрѣпляли обывателей, способныхъ къ тяглу, оставалось много избылыхъ, ускользнувшихъ отъ казенныхъ повинностей. Хотѣли одной общей мѣрой, *какъ рыбу большимъ неводомъ*, захватить въ работу на казну все населеніе, рядовое и привеллегированное, взрослое и малолѣтнее обоего пола“ [12]) [13]).

II.

Всѣ разговоры о томъ, что правительство не экономическій факторъ, но лишь простая надстройка надъ раньше созданными экономическими фактами, представляютъ собою „вервіе простое“ метафизика, попавшаго въ яму. Безъ этого „вервія простого“ выхода нѣтъ и если оно слишкомъ затянуто или плохо сложено положеніе дѣйствительно безвыходно. Н. Чернышевскій стоялъ на вѣрномъ пути, говоря, что даже при ограниченіи государственной дѣятельности одною безопастностью, все таки получается могущественнѣйшій факторъ экономической дѣятельности.

„Не только слабость успѣховъ нашего земледѣлія, но и медленность въ развитіи нашего населенія вообще, нашего городского населенія въ частности, неудовлетворительное состояніе нашихъ путей сообщенія, торговли, промышленности, недостатокъ оборотнаго капитала въ земледѣліи, все это и не только это, но также и крѣпостное право, и упадокъ народной энергіи, и умственная наша неразвитость—всѣ эти факты, подобно всѣмъ другимъ фактамъ нашего быта, коренную, сильнѣйшую причину свою имѣютъ въ состояніи нашей администраціи и судебной власти“. Самое крѣпостное право онъ объясняетъ правительствомъ. „Это учрежденіе развилось отъ безсилія нашей старинной администраціи охранить прежнія свободныя отношенія поселянъ, жившихъ въ извѣстной дачѣ, къ владѣльцу дачи, и удержать постепенное расширеніе произвольной власти, захватываемой вла-

дѣльцемъ надъ населявшими его земли людьми; замѣтимъ еще, что возможность учредить крѣпостное состояніе происходила только отъ того, что вольные люди, слишкомъ плохо защищаемые управленіемъ, терпѣли слишкомъ много притѣсненій, такъ что переставали дорожить своей свободою и не видѣли слишкомъ большой потери для себя отъ записки въ принадлежность сильному человѣку. Крѣпостное право обязано продолжительностью своего существованія только дурному управленію“ [14]).

Дѣйствительно, нужно имѣть метафизическую слѣпоту, что бы отрицать очевидность и признавать надстройкой зданія то, что служитъ не только фундаментомъ и крѣпостью его, но вмѣстѣ съ тѣмъ и организующей силой.

Можно ли считать не существенной силой, а простой надстройкой наприм. чуму, голодъ и войну? Между тѣмъ по выраженію Э. де Лавеле: „Чума, голодъ и война, эти три бича, избавленія отъ которыхъ мы просили въ молитвахъ у неба, составляютъ проходящія бѣдствія: плодовитость браковъ и усилія труда вскорѣ поправляютъ причиненное разореніе. Дурное же правительство составляетъ бѣдствіе продолжительное. Поскольку оно продолжается, постольку усиливаются производимыя имъ бѣдствія“ [15]).

Въ подтвержденіе свей мысли де Лавеле ссылается на слова Монтескье: „Есть два вида бѣдныхъ народовъ: тѣ, которыхъ суровость правительства сдѣлала таковыми, и эти люди не способны почти ни къ какой доблести, потому что бѣдность ихъ соединяется съ рабствомъ. Другіе бѣдны только потому, что или пренебрегали удобствами жизни, или не знали ихъ, и эти народы могутъ совершать великія дѣянія, такъ какъ бѣдность ихъ соединена со свободою“ [16]).

Въ жизни государство въ той или въ иной формѣ сопутствуетъ личность съ первыхъ же эпохъ человѣческой жизни. Каждое животное физически болѣе снабжено средствами для борьбы за существованіе, чѣмъ человѣкъ. У однихъ ноги быстрѣе, у другихъ страшные клыки, у третьихъ могучіе рога у четвертыхъ орлиный глазъ и т. д. Человѣкъ же беззащитенъ. Но у него оказался выше, чѣмъ у другихъ животныхъ, мыслительный аппаратъ, который и подсказалъ ему на соединеніе съ другими, какъ на лучшее средство къ сохраненію, оборонѣ и нападенію.

Соединеніе требуетъ общей дѣятельности, а для этого необходимо руководительство, т. е. власть и подчиненіе, распоряженіе и исполненіе, конечно на основаніи одинакового стремленія къ одинаковой цѣли, т. е. соглашенія или закона. И дѣйствительно на первыхъ же ступеняхъ исторіи, о какихъ остались смутные слѣды, мы человѣка встрѣчаемъ въ постоянномъ стадѣ, развившемся за тѣмъ въ общество и государство со всѣми входящими

въ нихъ меньшими союзами. Это значитъ, что на первыхъ же ступеняхъ исторіи мы встрѣчаемъ человѣка и правительство съ его тремя вѣтвями: закономъ, судомъ и администраціей. Это значитъ также, что на на первыхъ же ступеняхъ исторіи мы встрѣчаемъ человѣка не только въ своемъ развитіи подчиненнаго внутреннимъ силамъ, но также и силамъ, вытекающимъ изъ самой природы отношеній между людьми, т. е. природы союза, природы общественной среды, какъ цѣлаго, свойство котораго кладутъ печать на его части, ибо цѣлое не мыслимо безъ частей и части не мыслимы безъ цѣлаго. Опредѣленіе свойствами цѣлаго свойствъ составныхъ его частей и составляютъ сущность того, почему правительство, на ряду съ другими факторами, является факторомъ культуры вообще и экономической въ частности.

И реальная жизнь скорѣе даетъ право преувеличивать значеніе этого фактора, чѣмъ ослаблять или отрицать его, сравнительно съ другими факторами. Наши историки уже давно это и дѣлаютъ. Таковъ наприм. П. Милюковъ.

П. Милюковъ самую плотность населенія въ Россіи объясняетъ вліяніемъ государства, въ противоположность Ковалевскому, признающему плотность основнымъ факторомъ. Въ до-петровское время, говоритъ онъ, густотой своего населенія отличался только старый центръ. Юго-Западъ былъ слабо населенъ, такъ какъ государство не обезпечивало безопасности, страна подвергалась частымъ татарскимъ набѣгамъ изъ степи. Смоленская губ. была также слабо населена. „Мѣстное населеніе жестоко страдало отъ цѣлаго ряда воінъ: его истребляли, переводили въ другія мѣста; при Петрѣ пограничныя смоленскія земли сильно опустошены были шведской войной“ [17]).

Русскій югъ до самаго Петра былъ слабо населенъ по той же причинѣ.

„Опасность съ юга и съ востока не прошла еще здѣсь и ко времени Петра; немудрено, что богатыя залежи чернозема продолжаютъ пустовать“.

Колонизація страны идетъ параллельно съ устройствомъ безопасности. Набѣгъ 1521 г. показалъ, что и Москвѣ можетъ угрожать со стороны степей. Появилась регулярная охрана границъ. Къ серединѣ XVI в. создается правильная линія обороны и строятся крѣпости-города. Послѣ смутнаго времени оборонительное строительство растетъ. „Правительству приходилось строить новые города, спеціально съ цѣлями обороны; во многихъ городахъ ему приходилось вмѣстѣ съ городами создавать и населеніе“.

Для войска и вообще служащихъ жалованье давалось натурой и приходилось издалека доставлять хлѣбъ. Поэтому правительство заботилось объ устройствѣ запашекъ на мѣстахъ. Отводились земли съ обязательствомъ запахивать. Такъ какъ еще

зоологическія богатства не были использованы, то дѣло шло медленно. Такъ въ Воронежѣ въ 1615 г. владѣлецъ пахалъ только по $1^1/_2$ десятины изъ отведенныхъ 25. Въ 1755 г. запорожскіе казаки просили у Импер. Елисаветы прибавки хлѣбнаго жалованья, говоря, что „войско хлѣба не пашетъ, да и въ степныхъ мѣстахъ весьма малый родъ бываетъ“. Это говорилось о плодороднѣйшихъ земляхъ въ мірѣ!

Колонизуя страну, правительство вводило и системы хозяйства. „Правительство, руководившее колонизаціей, при первомъ же заселеніи вводило здѣсь повсюду московское трехполье. Однако же и въ самомъ центрѣ трехпольная система не успѣла еще въ то время (XVI в.) вытѣснить болѣе экстенсивныхъ культуръ“.

2) Мануфактура и фабрика въ Россіи „создана была впервые правительствомъ, руководившимся при этомъ своими практическими нуждами (наприм. въ деньгахъ для арміи), такъ и теоретическими соображеніями о необходимости развитія національной промышленности. Старинные русскіе кустари при этомъ были забыты и новая форма производства перенесена съ Запада готовою. Въ странѣ безъ капиталовъ, безъ рабочихъ, безъ предпринимателей и безъ покупателей эта форма могла держаться только искусственными средствами и могла привиться благодаря продолжительному и успѣшному покровительству. Затѣмъ правительство поддерживало запрет. и охран. тарифомъ. „Капиталистическій типъ фабрики развивался на смѣну посессіонному и крѣпостному типу лишь при сильнѣйшей правительственной поддержкѣ“.

Поэтому рядомъ съ искусственно созданной правительствомъ фабрикой существуетъ кустарная промышленность, созданная народомъ.

3) „Въ удобныхъ и правильныхъ сообщеніяхъ раньше населенія Россіи нуждалось ея правительство, а затѣмъ иностр. торговцы. Задолго до устройства искусственныхъ путей, правительство старалось себѣ обезпечить возможность административныхъ сношеній со всѣми частями управляемой страны путемъ устройства казенныхъ „ямовъ“. Въ допетровское время ямскія учрежденія служили исключительно потребностямъ государства. Регулярныхъ сношеній не было. Частныя лица не могли пользоваться казенными ямами. Только при Алек. Мих. (1663 г.) иностр. торговцамъ разрѣшено было устроять ямы“. И теперь почта въ рукахъ государства.

Остальные пути—также созданіе правительства.

4) „Вся организація русскаго кредита, вплоть до конца царствованія Николая I, находилась исключительно въ рукахъ правительства“. „Частная и общественная инициатива въ дѣлѣ кре-

дита безусловно отсутствовала; за пключеніемъ полуторы дюжины городскихъ банковъ и одного сельскаго".

Разсмотрѣвъ эти факты, Милюковъ говоритъ: „Въ Россіи государство имѣло огромное вліяніе на общественную организацію, тогда какъ на Западѣ общественная организація обусловила государств. строй". Это вѣрно. Но наивна попытка спасти экон. матеріализмъ: „элементарное состояніе экономическаго „фундамента" вызвало у насъ въ Россіи гипертрофію государственной „надстройки" и обусловило сильное обратное воздѣйствіе этой надстройки на самый „фундаментъ". Но вѣдь было прямое отсутствіе фундамента: создавались дороги при бездорожьи и отсутствіи товаровъ, тоже о кредитѣ, населеніи и т. д. Надъ чѣмъ же надстройка?

Но есть сторона противоположная. Не создавался, иногда, а разрушался экономическій „фундаментъ" мѣрами, съ виду благодѣтельными.

Развитіе правительства повело къ подавленію частнаго почина, индивидуальности и свободы.

5) И это отличіе отъ Запада констатируетъ Милюковъ. „Суть контраста въ томъ, что на востокѣ Европы госуд. организація сложилась *раньше,* чѣмъ могъ создать ее процессъ внутренняго экономическаго развитія, тогда какъ въ Запад. Европѣ госуд. строй явился результатомъ внутренняго процесса.—На Руси общество строилось сверху внизъ: центр. полит. власть закрѣпила подъ собою военно-служилый классъ, а этотъ классъ закрѣпилъ подъ собою крестьянство".

Весь строй страны организованъ по потребностямъ военной самообороны и возникшаго изъ этой потребности военнаго государства.

6) Города также развивались подъ вліяніемъ правительства. Русскій городъ, гов. Милюковъ, вслѣдствіе медленнаго развитія русской торгово-промышленной жизни „не былъ естественнымъ продуктомъ внутренняго экономическаго развитія", но возникъ подъ дѣйствіемъ правительства.

Придавая такое громадное значеніе правительству, П. Милюковъ какъ бы извиняется и успокаиваетъ сторонниковъ экономическаго матеріализма. „Условія исторической жизни, гов. онъ, задержали развитіе численности русскаго населенія, но дальнѣйшій процессъ по необходимости будетъ заключаться въ размноженіи и увеличеніи плотности этого населенія: *Условія обстановки задержали экономическую эволюцію, но дальнѣйшій ходъ ея, какъ вездѣ, пойдетъ одинаковымъ порядкомъ".*

Вотъ уже буквально страха ради іудейска ученый становится пророкомъ. Не видя въ прошломъ и настоящемъ оправда-

нія теоріи, онъ успокаиваетъ сторонниковъ: я де не отрицаю, но въ будущемъ ваша теорія найдетъ приложеніе и къ Россіи.

Но совершенно напрасно нашъ ученый историкъ утверждаетъ, что на Западѣ экономическая эволюція происходила совершенно иначе, чѣмъ у насъ и что въ этой эволюціи у насъ государству принадлежала творческая сила, а на Западѣ государство ея лишено было. На Западѣ, вплоть до самой французской революціи, государству принадлежала еще большая творческая сила, чѣмъ въ Россіи. Не у насъ, а на Западѣ вотчинный характеръ государства былъ возведенъ въ стройную систему и нашелъ теоретическую санкцію, совершенно неизвѣстную или мало извѣстную у насъ.

По феодальному принципу суверенитетъ монарха и собственность—одно и то же. Согласно съ этимъ Людовикъ XIV говорилъ: „короли это абсолютные владыки и они естественно имѣютъ въ своемъ полномъ и свободномъ распоряженіи все, чѣмъ владѣютъ подданные. Все, что находится въ государствѣ, принадлежитъ государю“ [18]).

И западные государи распоряжались всѣмъ въ государствѣ, какъ своимъ имуществомъ, своею личною собственностью. Безспорный фактъ, что государства возникали и организовались путемъ борьбы и войны. Побѣдители по своему, по своимъ желаніямъ, потребностямъ и задачамъ организовали подчиненное имъ населеніе. Даже въ такихъ странахъ, какъ Англія, общій историческій путь былъ устрояемъ правительствомъ. Н. Катаевъ въ своей интересной книгѣ „Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія“ безусловно правъ, говоря, что и Англія не можетъ служить образцомъ спокойнаго саморазвитія населенія въ экономическомъ отношеніи. Напротивъ того, именно въ Англіи можно наблюдать дѣятельность государства, какъ могущественнѣйшаго фактора въ экономической сферѣ. Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ важнѣйшіе историческіе факты, обыкновенно игнорируемые сторонниками экономическаго матеріализма.

Англія *4 столѣтія* была римской провинціей. Были крупныя римскія владѣнія съ рабствомъ и колонатомъ. *Въ V вѣкѣ* высаживаются германскіе отряды англовъ и саксовъ. Возникла новая насильственная „надстройка“ и германскіе порядки съ военной организаціей и родовымъ характеромъ. Селились сельскими общинами со сходами и военнымъ строемъ. Въ центрѣ общинъ стояли графства. Власть короля была ограничена военнымъ совѣтомъ изъ мѣстныхъ князей и епископовъ. *Въ IX вѣкѣ* врывается датская орда хищниковъ, усилившая принципъ хищничества въ завоеванной землѣ. Мелкіе собственники были совсѣмъ обезземелены, графы пріобрѣли почти абсолютную власть. *Въ XI вѣкѣ* волна французовъ и норманновъ. Въ 1066 г. норман-

скій герцогъ разбилъ саксовъ и завоевалъ страну. Это *Вильгельмъ-Завоеватель*: „онъ прошелъ по плодородной странѣ съ огнемъ и мечомъ, опустошилъ все на своемъ пути, потомъ взялся за управленіе. Онъ составилъ *Книгу Страшнаго Суда*, все объявлено собственностью короля и роздано баронамъ на ленномъ правѣ. Крестьяне были закрѣпощены. Былъ введенъ полный феодализмъ, хотя и сохранено мѣстное самоуправленіе, подчиненное баронамъ. Но король былъ независимъ, сохранивъ старую податную систему. „Феодализмъ въ Англіи всегда былъ завоевательно хищническимъ надъ чужими расами и на этой почвѣ оказался сильнѣе и долговѣчнѣе феодализма континента.—Онъ превосходно, на почвѣ расовой вражды, прошелъ черезъ всѣ вѣка и сохранился до сихъ поръ“ [19]).

Между феодалами и буржуазіей не было вражды. „Ихъ соединялъ шерстяной рынокъ, получившій въ Англіи доминирующее значеніе уже съ XIII в.“ Они соединились для борьбы противъ короля и крестьянства. Къ нимъ присоединилась и церковь, владѣвшая огромными помѣстьями.

Послѣ революціи 1688 г. арена „огня и крови“ была перенесена въ Шотландію и Ирландію, а за тѣмъ и въ новыя заморскія страны. „На протяженіи 2 вѣковъ побѣдителями производится хищническая завоевательная экспропріація Шотландіи и Ирландіи“. „Доминирующее значеніе получаютъ *„огонь и кровь“* и это дало основу экономическому строю Англіи“ [20]).

Для марксовой школы „не существуетъ вопроса о томъ, подтверждаетъ ли хронологія историческихъ фактовъ ея положеніе, что „феодальная система земледѣлія и промышленности“ причина, а „феодальныя правовыя учрежденія“—слѣдствіе. А между тѣмъ простая справка съ исторіей говоритъ, что данное развитіе производительныхъ силъ и производительныхъ отношеній—феодальная организація земледѣлія—сами являются въ дѣйствительности продуктомъ государственныхъ отношеній, продуктомъ права насилія завоевателей“.—„Не будь въ исторіи Англіи „Книги Страшнаго Суда“ и ей подобныхъ моментовъ, не будь завоевательнаго феодализма, и, вѣроятно, исторія промышленности и торговли Англіи была бы иная, чѣмъ та, которую мы знаемъ“ [21]).

Королевскія авантюры подняли силу феодаловъ и буржуазіи, въ 1215 г. одолѣваютъ замотавшагося вздорнаго короля Іоанна Безземельнаго и появляется *„Великая Хартія вольностей“*, легшая въ основу „парламентской свободы“. Появилось „парламентское надувательство націи“. Развивается шерстяной рынокъ и „овцы ѣдятъ людей“, какъ говорятъ документы XIV вѣка. Въ 16 ст. при Елисаветѣ вывозъ шерсти воспрещенъ и сукно

сдѣлалось „основой богатства“. Въ 17 в. шерстяные товары составляли $^2/_3$ англійскаго вывоза.

Въ концѣ XIV ст. „парламентская коалиція „для надуватєльства націи“ создаетъ кровавое законодательство о бродяжничествѣ и о наемномъ трудѣ для пониженія зараб. платы и удлиненія рабочаго дня, создаетъ новое промышленное закрѣпощеніе уже освобожденныхъ къ тому времени рабочихъ массъ. Эксплоатація женскаго и дѣтскаго труда уже тогда начинаетъ процвѣтать не менѣе, чѣмъ въ XIX в.“ Statute of laboures 1349 г. устанавливаетъ подъ страхомъ тюрьмы maximum зар. платы. Зак. 1530 г.: престарѣлые и нетрудоспособные нищіе получаютъ позволеніе просить милостыню, но здоровые бродяги присуждаются къ наказанію плетьми и заключ. въ тюрьму; ихъ должно привязать къ тачкѣ, бичевать до тѣхъ поръ, пока кровь не начнетъ струиться изъ тѣла; тогда они должны дать клятву—приняться за работу. При рецидивѣ отрѣзываютъ части тѣла, въ третій разъ—смертная казнь. Зак. 1547 г. еще суровѣе: бродяги обращались въ рабовъ къ доносителямъ, ихъ клеймили раскален. желѣзомъ. Во время Елисаветы бродягъ вѣшали рядами въ 300—400 человѣкъ. Съ 1831 по 1835 г. у земледѣльцевъ Шотландіи было отнято 1.530.332 акра и обезземеленные вывезены въ Канаду.

Какъ прежде, такъ и теперь, заключаетъ авторъ, нац. богатство Англіи „обусловливалось непрерывнымъ завоевательнымъ насиліемъ, системою огня и крови, грабежомъ колоній и рабскимъ трудомъ цвѣтныхъ расъ“ [22]).

А. Смитъ совершенно основательно говорилъ, что экономическіе законы Англіи законы Дракона, писанные кровью человѣческою. И онъ не такъ безцеремонно обращался съ историческими фактами, какъ это дѣлаютъ его же не достойные ученики. Онъ не отрицаетъ могущественнаго вліянія правительства на экономическій строй населенія. Онъ лишь утверждалъ, что возможно обойтись безъ этого фактора, пользующагося огнемъ и мечемъ для осуществленія своихъ задачъ. Онъ лишь доказывалъ, что мирнымъ путемъ при полной свободѣ соперничества задачи общаго благосостоянія лучше и полнѣе достигаются, чѣмъ при государственномъ вмѣшательствѣ. Но и самая система А. Смита могла возникнуть только въ англійской средѣ своекорыстія, не останавливающагося предъ мечемъ и огнемъ для достиженія цѣлей. Англійскіе рабочіе какъ бы инстинктивно чувствуютъ огромную силу государственности въ экономической жизни страны и поэтому они такъ дорожатъ своею государственностью и стремятся къ мирному разрѣшенію всѣхъ конфликтовъ съ капиталомъ. Англійскіе рабочіе заинтересованы въ вампиризмѣ государства, живущаго на хребтѣ всего міра и высасывающаго изъ него соки, по выраженію Либиха. Отсюда и жесто-

кость англичанъ, не знающихъ пощады, гдѣ идетъ рѣчь объ интересахъ государственныхъ. Отсюда и весь моральный складъ политики. Это дѣла и идеи вампира въ громадныхъ размѣрахъ. Такой націи—вампира еще не знала исторія. Вся политика этого вампира—это политика огня и крови.

И съ другой стороны только въ этой средѣ экономическаго вампиризма возможны были мрачныя системы Мальтуса и Рикардо, во многихъ отношеніяхъ только возводящія въ принципъ существующія или существовавшія явленія. Только въ царствѣ безсердечнаго своекорыстія и эгоизма возможны въ устахъ мыслителя слова: бѣдный, не находящій занятія, пусть умираетъ, этого требуетъ законъ природы и въ этомъ отношеніи чума, холера и война являются своеобразными благодѣтелями рода человѣческаго...

III.

А. Смитъ былъ вполнѣ правъ, говоря о вредѣ вмѣшательства государства въ экономическую жизнь на основаніи историческихъ фактовъ. Противополагая историческій порядокъ придуманному имъ „естественному“, онъ противополагалъ свободную личность подневольной, задавленной, униженной правительствами. Онъ былъ правъ именно потому, что возставалъ во имя человѣческаго достоинства противъ гнета. Но онъ только поставилъ задачу, которая не разрѣшена и до сихъ поръ. И теперь видимъ два теченія: старый абсолютизмъ, въ видѣ соціализма, этого грядущаго абсолютизма, и старый же либерализмъ, начатый А. Смитомъ. Соціализмъ есть паліативъ, который давая хлѣбъ, отымаетъ душу. Всякій коллективизмъ доставляетъ чечевичную похлебку за право первородства, за человѣческое достоинство. Это тоже поклоненіе Молоху, но въ обратномъ смыслѣ. Предлагаютъ принесть въ жертву человѣческую свободу для того, чтобы новый Молохъ далъ сытое самодовольство. Либерализмъ даетъ дѣйствительную свободу лишь болѣе ловкимъ, сильнымъ и безпринципнымъ на счетъ человѣческаго достоинства остальныхъ. Здѣсь массы приносятся въ жертву бѣлой крови. Это старая польско-шляхетская культура, превратившаяся въ буржуазно-денежное шляхетство. Либерализмъ также система Молоха, но болѣе человѣчная, чѣмъ соціализмъ. Здѣсь хотя *нѣкоторые* становятся людьми на счетъ человѣческаго достоинства остальной массы. Въ соціализмѣ *всѣ* превращаются въ животныхъ, хотя можетъ быть и сытыхъ и самодовольныхъ, но все таки скотовъ, а не свободныхъ людей.

Для спасенія личности требуется *сохраненіе личности*. Стало быть тамъ, на этой почвѣ сохраненія личности необходимо искать рѣшенія соціальнаго вопроса, какъ вопроса *о спасеніи че-*

ловѣка. Спасти человѣка, его достоинство, его развитіе, его душу—вотъ задача и смыслъ соціальнаго вопроса. Поэтому соціальный вопросъ есть индивидуальный. Все сводится къ условіямъ наилучшаго развитія *души человѣка,* какъ личности.

Это *критерій* всей политической экономіи. И велика заслуга русскихъ писателей, уяснившихъ сущность *субъективнаго метода.* Велика тѣмъ болѣе, что имъ приходилось работать среди полнѣйшаго подавленія достоинства человѣческой личности не только правительствомъ и исторіей, но и теоретиками, уничтожавшими личность во имя всяческихъ механизмовъ—идеалистической діалектики, экономическаго матеріализма, историческаго детерминизма. Они одиноко свѣтили во тьмѣ и тьма ихъ не объяла, не потушила свѣтильниковъ.

Соціологическій принципъ элементаренъ. *Государство должно создать условія наилучшаго развитія свободной личности.* Для этого оно обязано: 1) Предоставлять полноту свободы личной энергіи во всѣхъ сферахъ дѣятельности, 2) Создавать и вызывать къ жизни условія подъема личныхъ силъ путемъ ассоціаціи ихъ, наблюдая въ тоже время, чтобы не происходило подавленія личности какъ въ ассоціаціяхъ внутри, такъ и въ дѣйствіяхъ союзовъ на другихъ, и 3) Созидая *усиліями всѣхъ,* т. е. податями, все *общее,* безъ чего не мыслима полнота личной свободной жизни, т. е. устрояя школы, пути сообщеній, капиталъ и т. д.

Задача науки *найти пути наибольшаго субъективнаго развитія въ объективной средѣ.* Въ числѣ личность не должна быть аннулирована, но самое число должно быть лишь *воздухомъ личности,* свѣжимъ, здоровымъ, полезнымъ.

Основная ошибка классиковъ въ томъ, что они представляли себѣ государство въ видѣ отдѣльнаго правящаго класса, пользующагося лишь суммой частныхъ силъ, входящихъ въ его составъ.

„Для англійскихъ экономистовъ-классиковъ, начиная съ А. Смита, государство было какъ бы механическимъ агрегатомъ отдѣльныхъ лицъ, связанныхъ правительственными отношеніями; роль государства была какъ бы ролью „ночного сторожа“ охраняющаго свободное соотношеніе эконом. силъ, охраняющаго имущество и личную безопасность, сторожа, въ обязанность котораго нелѣпо включать какія либо положительныя задачи въ сферѣ народнаго хозяйства; государство гарантируетъ лишь свободу торговли, такъ какъ и рабочую силу человѣка, по ихъ представленіямъ, нельзя разсматривать иначе, какъ товаръ. Отсюда этотъ знаменитый принципъ laisser faire. Къ такой постановкѣ соціальныхъ проблемъ полит. экономія англійскихъ классиковъ присоединила универсальную примѣнимость ея ко всѣмъ странамъ и ко всѣмъ эпохамъ. Марксъ заимствовалъ ее цѣликомъ, только

освѣтивъ ее пролетарской идеологіей. Историческое изученіе почти не имѣло мѣста при построеніи этой (классической) политической экономіи. Точно также и Марксъ не былъ историкомъ; историч. экскурсіи ему нужны были лишь только для подбора иллюстрацій при діалектической стройкѣ. И историческая дѣйствительность, если не произнесла, его, конечно, произнесетъ суровый приговоръ надъ не-историческимъ псевдо-классическимъ зданіемъ, тѣмъ болѣе, что и исторія англійскаго государства никогда не была исторіей „сторожа“, охранявшаго будто-бы имущество и личную безопасность всѣхъ гражданъ. Не свобода, а плутократическая власть въ англійскомъ государствѣ была обстановкою развитія хозяйственныхъ формъ“ [23]).

Теперь теорія и практика создаютъ совсѣмъ иное представленіе о существѣ государственной власти. В. Розановъ выражаетъ это реальное понятіе такъ:

„Идеи, чувства и стремленія, и основанная на нихъ дѣятельность, которыя не индивидуальны по происхожденію, по цѣли и по формѣ, есть государство“ [24]). Доказываетъ такъ: Вообразимъ, что проснувшись, люди забыли, что такое государь и подданный, что такое законъ и повиновеніе, начальникъ и подчиненный—государство перестало бы существовать. „Проснулось бы нѣсколько милліоновъ единичныхъ людей, такъ же мало составляющихъ изъ себя государство, какъ мало составляютъ его изолированные другъ отъ друга жители Австраліи или индусскіе отшельники“ [25]). Чувства—общія всѣмъ, стремленія по мотивамъ лежащимъ внѣ воли и одинаковыя для всѣхъ—отсюда появленіе и единство дѣйствій.

В. Розановъ несомнѣнно въ приведенныхъ словахъ указываетъ на то понятіе о государствѣ, которое все болѣе и болѣе становится общимъ міровоззрѣніемъ культурныхъ народовъ. Существуетъ особая сфера чистой государственности, при выходѣ изъ коей государство берется не за свое дѣло, становится опаснымъ и даже вреднымъ для человѣческой личности и для національнаго благосостоянія.

Государство плохой священникъ, еще болѣе плохой мыслитель и ученый уже потому одному, что оно одно для себя санкціонируетъ насиліе противъ насилія частнаго и общественнаго. Въ виду этого оно легко прибѣгаетъ къ палочнымъ доказательствамъ истины, въ борьбѣ идей склонно прибѣгать къ дубинамъ, кнуту, шпицрутенамъ и т. п. И вездѣ, гдѣ государство выступало, какъ религіозный или духовно-нравственный дѣятель, оно становилось тираническимъ. *Деспотія—это государство внѣ государственной сферы.* Когда оно насилуетъ насильника—оно въ своей сферѣ. Переходя къ насилію въ сферѣ совѣсти оно само становится насильникомъ.

Очевидно, необходимо точно опредѣлить предѣлы государственной сферы, такъ какъ каждое выступленіе изъ нея равносильно прямому или косвенному аннулированію человѣческой личности. Сфера эта въ сущности можетъ быть сведена къ приведенному нами положенію, что задача государства состоитъ *въ созданіи наилучшихъ условій роста и развитія личности.*

Авторъ памфлета „Бесѣды Сергія и Германа“ говоритъ, что власть создана „на воздержаніе міра сего *для спасенія душъ нашихъ*“.

Въ этихъ прекрасныхъ словахъ лишь своеобразно высказана величайшая идея государственности. А позже ее уже близкимъ къ нашимъ понятіямъ языкомъ высказалъ Ю. Крижаничъ, который тиранію называетъ „людодерствомъ“. „Начинателемъ русскаго людодерства, гов. онъ, былъ царь Иванъ Грозный“. Противоположное правленіе называетъ „распустой“. Необходимо умѣлое и честное. „Спроси всѣхъ королей на свѣтѣ, какъ они понимаютъ свои обязанности, и ты много найдешь такихъ, которые не смогутъ объяснить тебѣ отчетливо, за чѣмъ Богъ создалъ на свѣтъ королей и за чѣмъ далъ имъ власть надъ народами. Мнятъ короли, что не они созданы ради королевствъ и народовъ, а королевства ради нихъ. Мнятъ короли, что ихъ дѣло только господствовать, повелѣвать и пользоваться удовольствіями, а не промышлять день и ночь о народномъ благѣ“.

Мы забыли и этихъ старыхъ писателей и проводимыя ими мысли. И не удивительно. Не мы одни повинны въ этомъ. Такъ по ученію знаменитаго предшественника и фактическаго учителя К. Маркса извѣстнаго Родбертуса, „не государство существуетъ ради благополучія индивидовъ, а напротивъ, индивиды должны служить духовному, нравственному и хозяйственному преуспѣянію государства“; въ случаѣ столкновенія интересы ихъ должны приноситься въ жертву интересамъ соціальнаго цѣлаго [26]).

Да и современные экономисты не далеко ушли отъ этихъ понятій. „Государство, какъ воплощеніе общественнаго разума, говоритъ М. Мейеръ, призвано восполнить тѣ пробѣлы, которые организуются въ хозяйственномъ организмѣ при исключительномъ господствѣ эгоизма. Орудіе его дѣятельности есть принужденіе, заставляющее частную выгоду преклоняться предъ высшими задачами государства. Государству, преслѣдующему болѣе идеальныя задачи, чуждъ принципъ возмездности, платы услугой за услугу, господствующій въ частныхъ хозяйствахъ“ [27]).

Принужденіе есть одно изъ орудій власти, но такое, которое должно бы имѣть значеніе лишь въ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ. Основными орудіями государства должны быть: народное просвѣщеніе, хозяйственная дѣятельность, поднимающая частную, наприм. устройство путей сообщенія и т. п. Если

принужденіе признать отличительной чертой государства, то легко придти къ ученію о безвластіи, что доказывалъ у насъ извѣстный Ѳеодосій Косой, учившій, что „не подобаетъ въ христіанствѣ властямъ быти“. Онъ какъ еретикъ осужденъ на соборахъ 1553—1554 г. [28]).

Но совершенно вѣрно, что государство призвано восполнять тѣ пробѣлы, которые появляются въ хозяйственномъ организмѣ при свободѣ эгоизма. Необходимо лишь добавить, что пробѣлы могутъ быть и при свободѣ и даже господствѣ альтрюизма, когда индивидуальныхъ силъ не достаточно для цѣли. Безъ государственнаго регулированія, какъ солидаризированія индивидуальныхъ силъ, самое развитіе личности ограничивается лишь низшими общечеловѣческими элементами.

По заключенію А. Д. Градовскаго, „національная теорія противорѣчитъ теоріи узкаго индивидуализма, выставленнаго въ свое время принципомъ государственной политики. Дѣятельность государства не можетъ быть сведена къ простому *охраненію личныхъ силъ*, задачѣ отрицательной. Предметъ государственной политики—жизнь опредѣленнаго народа во всемъ ея объемѣ и вотъ почему *государство должно быть такимъ же орудіемъ прогресса, какъ и личная предпріимчивость* [29]).

Мы желаемъ лишь и здѣсь добавить, что государство должно быть факторомъ того самаго прогресса, которымъ обусловливается и развитіе личной предпріимчивости, или точнѣе выражаясь—вообще индивидуальное развитіе, развитіе человѣческой личности, т. е. спасеніе души, по выраженію автора „Бесѣды Сергія и Германа“.

Ф. Лассаль приводитъ примѣръ именно такого государственнаго участія въ національной экономіи. „Физіологъ Бурмейстеръ давно доказалъ, что было бы очень легко воспользоваться для прокормленія питаемаго картофелемъ европейскаго рабочаго населенія безчисленными стадами бизоновъ, которыя пасутся въ Техасѣ и другихъ областяхъ Центральной и Южной Америки до самаго морского берега; индѣйцы охотятся за ними для удовольствія и оставляютъ убитыхъ гнить на мѣстѣ, потому что они никому не нужны; между тѣмъ изъ мяса ихъ можно было бы приготовлять на мѣстѣ экстрактъ, въ которомъ сохранилась бы вся питательность въ чрезвычайно уменьшонномъ объемѣ, такъ что перевозка громадныхъ массъ мяса обходилась бы въ самую ничтожную цѣну. Или: болѣе 100 лѣтъ тому назадъ знаменитый мореплаватель Кукъ говорилъ, что человѣкъ, посадившій одно хлѣбное дерево, сдѣлалъ бы больше для пропитанія человѣческаго рода, чѣмъ европейскій работникъ, надсаждающійся всю жизнь въ работѣ. Питательное содержаніе плодовъ хлѣбнаго дерева можно было бы также приводить въ такое сконцентрированное

состояніе, для чего можно было бы предпринять экспедицію на острова Товарищества. Нашъ голодающій народъ имѣлъ бы хлѣбъ и мясо почти даромъ“ [30]).

На каждомъ шагу встрѣчается настоятельная необходимость такой дѣятельности государства въ виду того, что подобная дѣятельность превышаетъ силы отдѣльныхъ лицъ или ихъ союзовъ, а между тѣмъ безъ нея народное благосостояніе немыслимо. До сихъ поръ морскія и океанскія богатства почти не служатъ человѣчеству, такъ какъ эксплоатація ихъ мало или часто совсѣмъ не доступна частнымъ силамъ. А между тѣмъ использованіе ихъ при государственной организаціи могло бы безъ особыхъ затрудненій поднять благосостояніе народныхъ массъ, доставивъ имъ дешевый насущный хлѣбъ, получивъ который они бы перешли и къ заботамъ о хлѣбѣ надсущномъ, къ заботамъ о своей душѣ, о своемъ человѣческомъ достоинствѣ.

Слѣдовало бы никогда не забывать одного: индивидуальный абсолютизмъ представляетъ собою такой же абсурдъ, какъ и феодальный или вотчинный абсолютизмъ. Абсолютный абсурдъ слышится въ словахъ Людовика XIV: L'etat c'est moi. Но не менѣе абсолютную нелѣпость представляетъ собою и предоставленіе индивидуальнымъ силамъ того, что по существу національно и требуетъ для осуществленія общаго организованнаго государственнаго труда.

Раньше или позже на этомъ національно-экономическій путь государства должны будутъ вступить подъ домакловымъ мечомъ заботы о собственномъ существованіи. Если до послѣдняго времени государства въ поискахъ за землями предпринимали войны и истребляли цѣлыя народности, чтобы овладѣть ихъ землями, то этотъ путь теперь уже съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Поэтому даже такія государства, какъ Великобританія, должны были искать иныхъ путей. Пока остановились на государственной помощи неимущимъ, т. е. на налогахъ на богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. Какъ не тяжелъ этотъ путь, но при многихъ условіяхъ онъ просто на просто неизбѣженъ.

Возражая Спенсеру противъ его мысли о вредѣ госуд. заботъ о неимущихъ Л. З. Слонимскій основательно говоритъ: „Что сдѣлали бы добродѣтельные и зажиточные классы Англіи, если бы существующія въ ней милліоны бѣдняковъ, представленные вполнѣ на произволъ судьбы, не пожелали погибнуть тихо и мирно, а вздумали бы съ шумомъ требовать хлѣба и пріюта, подъ угрозою насилій и волненій? Очевидно, господствующіе классы должны заботиться о бѣдныхъ, ради собственной своей безопасности, и налогъ въ пользу неимущихъ есть только способъ страхованія отъ непріятныхъ столкновеній и безпорядковъ.

Развѣ для общества безразлично, что выйдетъ изъ многихъ тысячъ бѣдняковъ—поступятъ ли они въ число преступниковъ и опасныхъ негодяевъ или превратятся въ полезныхъ работниковъ и образованныхъ людей?“ [31]).

Рядомъ съ этимъ государства, также исходя изъ интересовъ самосохраненія, предпринимаютъ и рядъ мѣръ предупредительнаго характера, заботятся объ урегулированіи труда, устанавливаютъ minimum заработной платы, устраиваютъ примирительныя палаты для соглашеній труда съ капиталомъ, организуютъ эмиграціи и т. п. Пока все это предпринимается лишь для того, что бы предупредить развитіе въ странѣ тѣхъ гунновъ и вандаловъ, тѣхъ обездоленныхъ культурой, которые не могутъ относиться къ ней иначе, какъ къ силѣ ихъ обездолившей.

Во многихъ случаяхъ государственной экономической организаціи требуютъ и прямые интересы военнаго дѣла. Такова наприм. государственная организація раздѣленія труда во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо въ короткое время осуществить то, что частными силами можетъ быть осуществлено лишь по истеченіи многихъ десятковъ лѣтъ.

Работа въ теченіе шести мѣсяцевъ 300 заводовъ равняется 1800 мѣсяцамъ или 150 годамъ!

То, что однимъ заводомъ можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ послѣ упорной стапятидесятилѣтней работы, соединенными силами 300 заводовъ производится въ теченіе шести мѣсяцевъ, въ общей совокупности дающихъ работы 1800 мѣсяцевъ или 150 лѣтъ.

Если государство желаетъ построить 4 броненосца, то въ обыкновенномъ патріархальномъ порядкѣ должно затратить для этого не менѣе 5 лѣтъ для каждаго броненосца. Это срокъ, принятый лучшими европейскими заводами. Если заказъ будетъ сданъ одному заводу, то сооруженія 4 броненосцевъ пришлось бы съ куропаткинской тактикой ждать 20 лѣтъ. Поэтому обыкновенно заказы сдаются нѣсколькимъ заводамъ. Если заказъ сданъ 4 заводамъ, изъ коихъ каждый будетъ работать по 5 лѣтъ, то 20 лѣтъ работы будетъ получено въ теченіе 5 лѣтъ.

Но это примитивнѣйшее раздѣленіе труда. Несравненно больше экономіи во времени получается тогда, когда броненосецъ будетъ раздѣленъ, напримѣръ, на 300 отдѣльныхъ частей и производство каждой изъ нихъ будетъ поручено отдѣльному заводу.

Предположимъ, имѣется въ виду создать 30 броненосцевъ. Въ обыкновенномъ порядкѣ это потребуетъ работы 150 лѣтъ на нѣсколькихъ частныхъ заводахъ. Но, раздѣливъ работу между 300 зоводовъ, мы 150 лѣтъ работы можемъ получить въ шесть мѣсяцевъ.

Для странъ, въ культурномъ отношеніи отсталыхъ, госу-

дарственное раздѣленіе труда для осуществленія высокихъ національныхъ задачъ представляетъ собою могущественную силу, превосходящую всѣ до сихъ поръ извѣстныя чудеса. Это дѣйствительно чудодѣйственная сила, сравниться съ которою не могутъ и чудеса, творимыя электричествомъ и паромъ.

Только воспользовавшись этой чудодѣйственной силой творчества viribus unitis, культурно-отсталыя государства могутъ догнать болѣе культурныя государства. Только этимъ путемъ такія отсталыя государства, экономизируя или учитывая десятилѣтія и цѣлые вѣка культурной работы, могутъ стать равными въ семьѣ болѣе счастливыхъ народовъ. А при современныхъ хищническихъ войнахъ только въ этой же чудотворящей силѣ заключается и спасеніе отъ поглощенія или подчиненія.

Такимъ образомъ должно быть признано аксіомой, что въ государственномъ раздѣленіи труда между частными заводами государство получаетъ возможность десятилѣтія и вѣка превращать въ дни и мѣсяцы. Это величайшая изъ соціальныхъ силъ, которой несомнѣнно предстоитъ крупное будущее въ развитіи народовъ.

Россіи долженъ принадлежать починъ въ эксплоатаціи этой великой силы уже по тому одному, что на долю русскаго народа выпалъ небывалый въ исторіи жребій культивировать громадной величины пространства, требующія для одного огражденія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ такого напряженія, о какомъ и понятія не имѣютъ болѣе интенсивныя культуры запада. Ни одному изъ европейскихъ государствъ не приходится оберегать столько границъ отъ всевозможныхъ хищниковъ, какъ Россіи. Ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ нѣтъ такого безчисленнаго множества инородцевъ. Ни въ одномъ изъ нихъ немыслимы такія климатическія условія, благодаря которымъ нашъ земледѣлецъ работаетъ не болѣ 5 или 6 мѣсяцевъ на полѣ и этимъ кратковременнымъ трудомъ долженъ прокормить себя въ теченіе всего года. Мы поэтому отстали на цѣлые вѣка и безконечно несправедливо объяснять нашу отсталость плохимъ управленіемъ или свойствами племени. Между тѣмъ оставаться дальше въ положеніи, приведшемъ къ Цусимѣ и Портсмуту, невозможно. Нуженъ рѣшительный выходъ къ свѣту.

Для этого предъ нами великая сила государственно-національнаго производства на началахъ самаго широкаго раздѣленія труда между русскими заводами. Необходимо оставить старую патріархальную идею о содержаніи казенныхъ заводовъ, которые обслуживали бы русское государство всѣмъ, что необходимо ему для существованія и культурной жизни. Еще болѣе необходимо оставить заграничные заказы, лишь культивирующіе взяточничество и позорящіе русскихъ людей, состоящихъ на службѣ у го-

сударства. Нужно обратиться къ національнымъ силамъ, организовать ихъ, соединить для общей работы. Если Церковь состоитъ не изъ церковно-служителей только, но изъ всѣхъ вѣрующихъ, то тѣмъ болѣе православное государство должно состоять изъ всѣхъ гражданъ, объединенныхъ въ своей національной дѣятельности. Цусима и Портъсмутъ обнаружили политическую чуму, такъ долго поражавшую нашу страну. Она состояла въ отдѣленіи бюрократической стѣной населенія отъ государства. Пора покончить съ этой язвой и призвать населеніе къ національному строительству. Viribus unitis Русь возстановитъ свою мощь и свое величіе.

Если бѣдныя въ экономическомъ отношеніи страны таковыми и остаются, если онѣ эксплоатируются иностранными капиталами, часто призываемыми самими правительствами, то виной бѣдствія является исключительно научная традиція, отрицающая правительство въ экономической сферѣ. Каждая наука имѣетъ свое суевѣріе, принимаемое на-вѣру, принимаемое всѣми также, какъ мы принимаемъ любой предразсудокъ, наприм. боязнь числа 13, опасеніе выдавать деньги по понедѣльникамъ и т. п. Къ такимъ нелѣпымъ суевѣріямъ принадлежитъ и мысль, что государство не можетъ быть экономическимъ дѣятелемъ, что правительство должно быть рѣшительно удалено изъ экономической сферы. И правъ Г. Спенсеръ, говоря о традиціи, какъ факторѣ даже нашего мышленія. По его словамъ, въ общежитіи традиція играетъ громадную роль.

Живые управляютъ мертвыми, прошлое настоящимъ. „Правительственное чувство населенія есть накопленное и организованное чувство прошлаго.—Правитель, являющійся отчасти органомъ окружающихъ его воль, еще въ большей мѣрѣ есть органъ воль отошедшихъ, а его собственная воля, сильно сдерживаемая первыми, еще въ большей степени сдерживается послѣдними.—Правитель—это агентъ, черезъ котораго чувства мертвыхъ контролируютъ дѣйствія живыхъ“ [32]).

Прошлое несомнѣнно живетъ въ настоящемъ и является страшной силой, отъ которой лишь отдѣльныя личности, порывомъ ума, могутъ въ нѣкоторой степени освобождаться и увлекать за собой другихъ. Безъ прошлаго нѣтъ націй, нація—это мертвые, сплачивающіе живыхъ своимъ духомъ. Евреи—лучшій образецъ этого. У нихъ нѣтъ территоріи, нѣтъ государственности. Но разсѣянные по всей землѣ они составляютъ одну націю, ибо нѣтъ страшнѣе силы, какъ сила, съ которой борьба не мыслима, это—сила кладбища. Освободительное движеніе—одно изъ самыхъ трудныхъ движеній. Только Минерва вышла на свѣтъ во цвѣтѣ лѣтъ, да и то вышла изъ головы Юпитера. Но нѣтъ худа безъ добра и очень рѣдко трупъ безъ гніенія. Горе, если

прошлое въ видѣ гніющаго трупа заражаетъ живое. Оно и живое обращаетъ въ трупъ.

Старое суевѣріе о невмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь произвело у насъ такъ называемое мирное завоеваніе страны иностранными капиталистами. Естественныя богатства, пріобрѣтенныя трудомъ и кровью предковъ, мирно отдаются иностранцамъ потомками, полагающими, что въ распродажѣ наслѣдія отцовъ заключается даже заслуга—распространеніе культуры! Во имя этой культуры намъ остается и свою свободу продать, поступивъ въ рабство къ иноземнымъ капиталистамъ.

И наступитъ время, когда наши потомки не будутъ даже понимать тѣхъ идей, которыми мы руководимся, распродавая иностранцамъ родину. Имъ мы будемъ казаться дикарями, отдававшими богатства за блестящія, желтенькія побрякушки.

XII. Общество.

Гербертъ Спенсеръ въ „Соціологіи“ доказываетъ, что общество или государство, хотя и представляетъ собою организмъ, но безъ чувствующаго соціальнаго органа (social sensorium). Это вѣрно. Въ соціальномъ организмѣ нѣтъ нервнаго центра, нѣтъ головы, но каждая частица связана со всѣми, какъ въ любомъ организмѣ. Общество не есть біологическій организмъ. Въ послѣднемъ части существуютъ для цѣлаго. Рука и ноги не имѣютъ самостоятельнаго значенія, онѣ рабы цѣлаго. Въ соціальномъ организмѣ на оборотъ *цѣлое существуетъ для частей*. Государство для индивидуума, а не индивидуумъ для государства.

И это вѣрно не только теоретически, но и исторически. До государства индивидуума не было. Въ до-государственный періодъ жизни были семьи, было общество семей и родовъ, но личности не было. Личность могла появиться только съ разложеніемъ союзовъ, поглощавшихъ ее, съ уничтоженіемъ рода, семьи, общины, т. е. съ появленіемъ государства. Въ этомъ смыслѣ частью правы, утверждающіе, что *личность создана государствомъ*. Вѣрнѣе она появилась въ то междуцарствіе, когда старые союзы исчезли, а новый—государство—еще не окрѣпъ до того, что бы начать новое поглощеніе личности уже самымъ государствомъ.

Противъ этого Левіаѳана единственное средство—развитіе общественности, какъ элемента, посредничающаго между государствомъ и личностью.

Общественность, какъ политическая сила, сдерживающая государство и организующая народъ, существовала во всѣ времена и она-то создавала націи. Вѣрно полагалъ Н. Чернышев-

скій, что Франція создана національнымъ чувствомъ, а принципъ абсолютизма „только эгоистически пользовался силою, существовавшею независимо отъ него“, что „искони вѣковъ, съ самаго Гуго-Капета до Людовика XIV главною заботою представителей абсолютнаго принципа было полученіе возможно большаго количества доходовъ, какими бы то ни было средствами, начиная съ постояннаго разоренія всей націи законными и не законными поборами, до нарушенія контракта, продажи должностей и дѣланія фальшивыхъ монетъ“ [1]).

Въ видѣ исключенія можно указать лишь на Людовика святого и Генриха IX.

Большинство нашихъ историковъ въ нашей исторіи не находитъ общества. Въ этомъ пунктѣ сходятся всѣ крайности: Устряловъ подаетъ руку Милюкову, Чаадаевъ и Герценъ—Карамзину.

Чаадаевъ въ философическомъ письмѣ пишетъ: „Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей, владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились до настоящаго времени. Вотъ горестная исторія нашей юности. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые, все пространство земли, нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который бы высказалъ вамъ прошедшее сильно, картинно, живо. *Мы живемъ въ какомъ то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и будущаго.* Первые годы нашего существованія, проведенные въ неподвижномъ невѣжествѣ, не оставили никакого слѣда въ умахъ нашихъ. Мы не имѣемъ ничего индивидуальнаго, на что могла бы опереться мысль наша“.

Еще съ большимъ отрицаніемъ, если не сказать отвращеніемъ, говоритъ объ исторіи русской общественности Герценъ.

„Невѣроятнѣйшій сборъ всего на свѣтѣ составлялъ петербургскую сѣчь (18 в.), сказали бы мы, если бы намъ не жаль было бѣдныхъ запорожцевъ. Бритые русскіе князья и бояре, иностранная сволочь, шедшая на добычу, рейтеры и ланскене всѣхъ краевъ міра, пасторскія дѣти и профессора, шулера и военноплѣнные, остозейцы, финлянцы, шведы, поляки, молдоване, сербы, греки, татары, нѣмцы и нѣмцы. Чего и чего тутъ не было—отъ свѣтлѣйшаго князя Кантемира до чернаго инженеръ-генерала, оставившаго Пушкину въ наслѣдство курчавые волосы и африканскія черты. П. И. Карѣевскій говаривалъ, что разсадникъ великихъ фамилій, окружавшій Петра I, представляетъ тотъ элементъ въ народѣ нашемъ, который онъ самъ выразительно называлъ *голью кабацкой*; она то—какъ нормандскіе бароны Англіи—раздѣлила Россію и на вѣдомства и управленія, провинціи и округа и пошла володѣть ею“ [3]).

А володѣла она, по словамъ Герцена, такъ: „Въ половинѣ XVIII ст. имперія представляетъ собою военно-гражданское занятіе обширной и малонаселенной страны, мирно завоеванной какой-то петербургской лейбъ-компаніей. Тянутся еще дворяне—сеттлеры расчищать лѣса, заводятъ пашни въ степяхъ, строятъ усадьбы, скупаютъ рабовъ, сгоняютъ ихъ на плантаціи, наполняютъ житницы хѣбомъ, сѣкутъ мужиковъ и бабъ, а иногда и собственныхъ женъ. Судъ, земская полиція почти неизвѣстны, а въ случаѣ несчастья есть у нихъ милостивцы въ Петербургѣ. Плетутся еще чиновники на кормленіе службой—голодные и алчные, но съ краснымъ воротникомъ и съ пропорціональной долей царской власти и осѣдаютъ саранчей на города и уѣзды... тяжелѣютъ и сливаются съ общей массой помѣщиковъ, гибнутъ въ грязи и бѣдности, или вновь тянутся къ источнику всѣхъ благъ—къ канцелярской родинѣ своей на берега Невы, чтобы плестись оттуда въ иныя вѣдомства и проч. Закабаленные *туземцы*, отданные во власть военно-гражданской компаніи, еще не были окончательно сломлены и порывались сбросить съ себя кучку пришельцовъ и пройдохъ. Но цивилизаторы побили дикихъ; крамольный кацикъ нашихъ православныхъ индѣйцевъ, Пугачевъ, замученъ въ Москвѣ и крѣпостной порядокъ мирно и невозмущаемо упрочился до 19 февр. 1861 г.“ [4]).

Леклеръ въ своей шеститомной Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie (1783—1792 г.) доказываетъ, что Россія страна невѣжества и деспотизма, что народъ въ ней находится въ варварствѣ, рабствѣ и суевѣріи. Между тѣмъ „государи могутъ все, что хотятъ, когда они благое имѣютъ въ виду; довольно имъ только пожелать, чтобъ ихъ государство было цвѣтущимъ, а народы блаженными“, да этого не желаютъ, а для своего покоя держатъ народъ въ дикости и угнетеніи [5]).

Это отзывъ образованнаго иностранца, бывшаго врача гетмана Разумовскаго, почетн. члена русской академіи наукъ. Противъ Леклера возсталъ Болтинъ, книга котораго издана самой императрицей. Въ ней Болтинъ доказываетъ, что русскіе—не исключеніе изъ рода человѣчества по порокамъ.

Впрочемъ и великій патріотъ Карамзинъ не лучше Леклера. Онъ писалъ: „До сихъ поръ (т. е. до XVI в.) я только хитрилъ и мудрилъ, выпутываясь изъ трудностей. *Вижу за собой песчаную степь африканскую*“ [6]).

Ученіе П. Милюкова, всѣ историческія явленія въ Россіи сводящаго къ дѣятельности правительства и въ этомъ случаѣ буквально повторяющаго Устрялова, мы уже привели. И другіе наши историки не далеко ушли отъ нихъ. Они какъ бы не признаютъ самаго существованія русскаго народа, описывая лишь походы и битвы. Совершенно правъ Хомяковъ, сказавшій по по-

воду исторіи Соловьева: „Читатель изъ всего чтенія выноситъ одно сомнѣніе: была ли бы для человѣчества какая нибудь утрата, если бы все пространство отъ Чернаго моря до Бѣлаго и отъ Нѣмана до Урала оставалось пустынно, населенно бродячими вогулами, остяками или даже медвѣдями?“

Только славянофилы открываютъ изученіе тѣхъ идей, ради которыхъ и которыми живетъ Русь. К. Аксаковъ въ статьѣ „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“ говоритъ, что основной идеей жизни была община, какъ „союзъ людей, отказывающихся отъ своего эгоизма, отъ личности своей и являющій общее ихъ согласіе“. Это—„нравственный хоръ, и какъ въ хорѣ не теряется голосъ, но слышится въ согласіи всѣхъ голосовъ, такъ и въ общинѣ не теряется *личность*“. Выражается она въ совѣщаніи (вѣче, сходка, соборъ, дума). Самое начало Русской исторіи есть такое совѣщаніе.

Благодаря трудамъ славянофиловъ аннулированіе русскаго народа въ исторіи Россіи сдѣлалось оригинальничаньемъ, не достойнымъ науки. Говорятъ вѣрно, покажите мнѣ ваше жилище и я скажу, кто вы. Это не отъ того лишь, что жилище устраивается каждымъ по образу и подобію своему, но также отъ того, что само жилище кладетъ свой отпечатокъ на живущаго. Въ сыромъ домѣ жильцы слабосильны, ревматичны, нервны, апатичны. Въ грязномъ домѣ нечистоплотны, нерадивы, лѣнивы, грязь родитъ грязь.

Тоже съ обществомъ и государствомъ. Не только народъ имѣетъ то правительство, какого онъ заслуживаетъ, но и правительство имѣетъ тотъ народъ, котораго оно заслуживаетъ. Казнокрадское правительство имѣетъ воровской народъ. И здѣсь грязь родитъ грязь, а честность родитъ честность, умъ родитъ умъ. Какъ въ организмѣ, такъ и въ обществѣ и въ государствѣ.

Известки и цемента въ любомъ дворцѣ, въ любомъ домѣ гораздо меньше, чѣмъ камня и кирпича. Но тѣмъ не менѣе именно известка и цементъ связываютъ камень и кирпичъ въ одно цѣлое. Такъ и національныя силы населенія. Онѣ могутъ быть количественно незначительны, задавлены, порабощены, но качественно онѣ проникаютъ все и дѣлаютъ возможнымъ самое существованіе совмѣстной жизни. Безъ нихъ копѣйка въ рукахъ ближняго была бы смертнымъ для него приговоромъ. Безъ нихъ каждый видѣлъ бы въ ближнемъ лишь врага, какъ и теперь видитъ врага желтолицый въ бѣлолицомъ, мусульманинъ въ православномъ. Для единенія нужно единство, которое въ эволюціонномъ порядкѣ дается только единствомъ происхожденія, а въ конъюнктивномъ и прогрессивномъ порядкахъ единствомъ вѣрованій, стремленій, убѣжденій, единствомъ совѣсти и идей.

Единство христіанства содѣйствовало объединенію славян-

скихъ народовъ и укрѣпленію самой идеи отечества. Наша православная церковь не была связана съ мѣстностью и съ нею, говоритъ Костомаровъ, совокупно развивалась идея объ общности всѣхъ русскихъ земель, объ единствѣ русскаго народа. „Духовенство, пріучаясь смотрѣть на всю Россію, какъ на единое тѣло, научало и князей смотрѣть на нее такъ же“ [7]).

И въ данномъ случаѣ вполнѣ правы славянофилы, считающіе православіе русскаго народа факторомъ, стоящимъ наравнѣ съ народностью. Общая вѣра довершила дѣло племеннаго единства. Но они также правы, считая самодержавіе третьимъ факторомъ образованія русскаго національнаго государства.

Съ паденіемъ удѣловъ и установленіемъ единодержавія Русь сдѣлалась и физически единою. Народность, православіе и самодержавіе несомнѣнно имѣли значеніе стихійныхъ силъ, образовавшихъ великую родину. На этихъ стихіяхъ историческая судьба разшивала свои узоры и эти стихіи даже вопреки стремленіямъ судьбы строили жизнь населенія.

Страна, занявшая въ теченіи своей исторіи чуть ли не цѣлый материкъ, подчинившая себѣ массы народностей, не можетъ быть... пустымъ мѣстомъ, не можетъ быть африканской песчаной пустыней, не можетъ быть величиной безъ прошедшаго и будущаго. Населеніе ея создавало свою исторію, оно должно было проявлять свои творческія силы. Прекрасно по этому поводу выражается Н. Чернышевскій: „Ходъ великихъ міровыхъ событій неизбѣженъ и неотвратимъ, какъ теченіе великой рѣки: никакая скала, никакая пропасть не удержитъ ея, не говоря уже о плотинахъ, произвольно устраиваемыхъ: плотиною ничья сила не пересыплетъ Рейна или Волги, и всесильная рѣка однимъ напоромъ выброситъ на берегъ всѣ сваи и весь мусоръ, которымъ дерзкая рука безумца хотѣла преградить ея теченіе; единственнымъ результатомъ безразсудной политики будетъ только то, что берегъ, который спокойно напоялся бы рѣкой и зеленымъ раскошнымъ лугомъ, будетъ на время истерзанъ и обезображенъ гнѣвомъ оскорбленной волны,—а рѣка пойдетъ—таки своимъ путемъ, зальетъ всѣ пропасти, прорветъ хребты горъ и достигнетъ океана, къ которому стремится. Совершеніе великихъ міровыхъ событій не зависитъ ни отъ чьей воли, ни отъ какой личности. Онѣ совершаются по закону столько же непреложному, какъ законъ тяготѣнія или органическаго возрастанія. Но скорѣе или медленнѣе совершается міровое событіе, тѣмъ или другимъ способомъ совершится оно—это зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя предвидѣть и опредѣлить напередъ. Важнѣйшее изъ этихъ обстоятельствъ—появленіе сильныхъ личностей, которыя характеромъ своей дѣятельности даютъ тотъ или другой характеръ неизмѣнному направленію событій, ускоряютъ или замед-

ляютъ его ходъ и сообщаютъ своею преобладающею силой правильность хаотическому волненію силъ, приводящихъ въ движеніе массы" [8].

Очевидно, и такое міровое событіе, какъ образованіе Россіи, не зависѣло отъ произвола и усмотрѣнія отдѣльныхъ лицъ, не зависѣло и отъ произвола сильнѣйшихъ личностей. Это событіе имѣло свою собственную душу, свое собственное я, свой собственный разумъ и свою волю. Тѣ или иныя личности могли замедлить или ускорить ростъ и развитіе національныхъ потенцій, но остановить или создать ихъ—это уже дѣло не человѣческое. Не можетъ остановить или упразднить его и государственная власть, которая естественно стремится къ поглощенію составныхъ частей ихъ цѣлымъ. Та же сила, которая влечетъ къ образованію цѣлаго, называемаго государствомъ, влечетъ и къ образованію меньшихъ единицъ, въ которыхъ части находятъ для себя не только восполненіе индивидуальныхъ силъ, но и помощь противъ подавленія цѣлымъ.

II.

Процессъ суммированія частныхъ силъ въ государственное цѣлое является творческимъ процессомъ. *Онъ создаетъ массу.* Разъединенные экземпляры саранчи никому не опасны; соединенные вмѣстѣ они образуютъ массу, обезлюдниваюшую страны. Капли воды не страшны и безполезны. Но соединенныя въ одно цѣлое въ видѣ рѣкъ, озеръ, морей онѣ являются великой стихіей.

Стало быть и общее благо, будучи суммой частныхъ благъ, представляетъ собою нѣчто новое, отличное отъ всякихъ благъ: процессъ суммированія создаетъ *новое благо*, такъ же отличное отъ частныхъ благъ, какъ море или рѣка отличаются отъ капель воды, какъ буря или ураганъ отъ частицъ воздуха, которымъ мы дышемъ.

Это новое можетъ быть полезно или вредно не только постороннимъ элементамъ, но и тѣмъ атомамъ, изъ которыхъ оно возникло. Свойствами его опредѣляются свойства составныхъ частей, ихъ судьба, ихъ дѣятельность. На этомъ основаніи морская вода рѣзко отличается отъ озерной и рѣчной, а болотная отъ воды горныхъ потоковъ. На этомъ основаніи тихая вода греблю рветъ, а вода съ холерическимъ характеромъ шумитъ, суетится, бѣжитъ куда-то, а гребля остается цѣлою. На этомъ основаніи комъ снѣга, катящійся съ горы, съ каждымъ шагомъ своимъ увеличивается въ массѣ, становится все болѣе и болѣе грозной силой, поглощающей уже не только частицы снѣга, но все, что попадается ему на пути.

На этомъ же основаніи процессъ массированія людей, окончившійся организаціей обществъ и государствъ, есть процессъ

созданія *новой человѣческой силы*, отличной отъ силъ индивидуумовъ, входящихъ въ ихъ составъ.

Новая сила, постепенно разрастаясь, превратилась въ идола, который по образу и подобію своему сталъ управлять и личностью, направляя ея жизнь и дѣятельность сообразно съ интересами своего я. Личность, создавшая идола, преклонилась предъ нимъ, часто поглощается дѣлами рукъ ея, приносится въ жертву тому цѣлому, частицей котораго она состоитъ. Самый фактъ принесенія въ жертву личности свидѣтельствуетъ о томъ, что цѣлое не есть лишь сумма частей, а совершенно *новая сущность*, имѣющая свое я, свои потребности, свои идеи, свою волю.

Не разъ задавались вопросомъ, какимъ образомъ подлиповцы Г. Успенскаго могли бы выйти изъ своего прозябанія безъ посторонней помощи? Гдѣ та сила, которая вдохнула бы жизнь людямъ—деревьямъ, годнымъ лишь на дрова? И часто историки въ подобныхъ случаяхъ ищутъ спасенія извнѣ, не замѣчая даже, что это чисто дѣтское рѣшеніе вопроса о появленіи дѣтей изъ капусты. Но вѣдь и въ капустѣ нужно было кому то положить ребенка, чтобы нянька могла доставить и бездѣтнымъ или малодѣтнымъ семьямъ.

Есть основанія полагать, что именно въ новообразованномъ факторѣ, какъ продуктѣ массированія личностей, и заключается искомая сила, не только способная поглощать личность, но и возвышать ее и направлять на культурный путь. Государство для своего существованія требуетъ удовлетворенія своихъ государственныхъ потребностей. Оно обращается къ индивидуумамъ, направляя ихъ дѣятельность для этого удовлетворенія своихъ потребностей. Оно организуетъ трудъ, организуетъ хаосъ, направляя его бродильныя силы въ русло собственныхъ интересовъ. Каковы эти интересы, таково и направленіе силъ личности. Если личность при этой организаціи не возвысится, то самое существованіе не только личности, но и государства не прочно. Древнія государства пали и нѣтъ и помину о народностяхъ, входившихъ въ ихъ составъ. Потомки, нѣкогда могущественныхъ государствъ, теперь подлиповцы. Вѣроятно, и тогда они были таковыми, но сила организованной массы скрывала это и исторія говоритъ о могущественныхъ побѣдителяхъ, покорителяхъ и т. п. И теперь народамъ не слѣдовало бы забывать безжалостной судьбы древней исторіи. Народы исчезаютъ безслѣдно, когда исчезаетъ тотъ государственный факторъ, въ которомъ заключается дѣйствительная сила ихъ. Съ исчезновеніемъ того фактора, который создается массой, и который есть организованная масса, остается хаосъ. Остаются личности, но нѣтъ уже живого духа, нѣтъ могучаго фактора, создававшаго и могущество личности.

Подобно тому, какъ omnis determinatio est negatio, т. е. вся-

кое опредѣленіе есть отрицаніе, такъ и всякое communio est mater risarum, т. е. всякій союзъ есть раздоръ. Вступая съ кѣмъ либо въ союзъ, человѣкъ выдѣляетъ себя отъ другихъ, становясь съ ними во враждебное отношеніе въ формѣ ли прямой борьбы, каково нападеніе шайкой, какова война племенъ, націй, религіозныхъ сектъ и т. п., или въ формѣ вооруженнаго мира, то есть коллективнаго кулака, во всякое время готоваго къ бою и отраженію.

Когда изъ племенной общины выдѣлился родъ, образовались тѣ родовые союзы, междоусобная борьба которыхъ у нашихъ предковъ привела къ необходимости подчиненія варягамъ. Земля была велика и обильна, но порядка не могло быть, такъ какъ всякій родъ былъ враждебенъ другимъ и такимъ образомъ принципъ единенія создавалъ разъединеніе, спасеніемъ отъ коего было государство. Но почему же люди перешли отъ общиннаго и племенного быта къ родовому? Почему племенное communio уступило мѣсто роду, т. е. разъединенію племени?

Племенное communio тоже было, подобно всякому communio, mater risarum. Племенной бытъ выработалъ страшную систему морали, въ силу которой иноплеменникъ не признавался ближнимъ, не считался человѣкомъ. И въ отношеніи къ этому дальнему допускалась чисто животная борьба; человѣкъ племенной культуры, не видя въ иноплеменникѣ человѣка, обращался съ нимъ такъ, какъ мы обращаемся съ животными; онъ убивалъ ихъ и употреблялъ въ пищу, за тѣмъ обращалъ въ рабовъ и заставлялъ ихъ работать на себя. Но эта война съ иноплеменнымъ міромъ требовала страшной внутренней дисциплины, т. е. поглощенія личности племенемъ. И такое поглощеніе господствовало въ теченіи тысящелѣтій. Оно было необходимо, какъ неизбѣжно подчиненіе личности любой шайкѣ, живущей нападеніями на враговъ или самообороной отъ нихъ.

Но племя разросталось численно, занимало все большее и большее пространство. При этомъ естественно терялась связь между отдаленными другъ отъ друга членами племени; кровный цементъ разжижался и появилась необходимость въ такихъ законахъ, по которымъ наприм. евреямъ Мойсей воспрещалъ обращать въ рабовъ своихъ единоплеменниковъ. При тѣсномъ племенномъ союзѣ въ подобныхъ постановленіяхъ не было нужды; всѣ были связаны другъ съ другомъ цементомъ крови. Не было также необходимости въ заповѣдяхъ: не убій, не кради и пр., какъ нѣтъ надобности въ нихъ для семьи, имѣющей все общее и живущей общею жизнью.

Съ другой стороны въ этомъ же революціонномъ направленіи работала и междуплеменная борьба. Въ ней вырабатывались характеры, развивались стремленія къ личной жизни, къ самостоятельности. Это и выразилось въ видѣ сепаратизма, носящаго

названіе родовой организаціи. Въ сущности эта эволюція представляетъ собою ни что иное, какъ раздѣленіе большой арміи на маленькіе партизанскіе отряды. Дѣленіе племени на роды произошло тогда, когда большая племенная армія потеряла свою силу съ одной стороны вслѣдствіе численнаго распространенія ея, а съ другой вслѣдствіе болѣе высокаго развитія личности, пожелавшей обосноваться самостоятельно. И роды, т. е. партизанскія шайки, образовались по образу и подобію племени. Глава рода носитъ характеръ военачальника, которому подчинены всѣ члены и подчинены также, какъ на войнѣ, т. е. съ правомъ жизни и смерти.

Но и родовой бытъ по тѣмъ же причинамъ подлежитъ дальнѣйшей эволюціи и переходитъ въ семейный. Семья—такое разложеніе рода, какъ и родъ—разложеніе общиннаго племенного быта. Вражда междуплеменная съ родомъ становится и внутри племенною, т. е. родовою, а съ семьей она становится семейною и индивидуальною.

Изъ этого видно, что борьба за существованіе и союзъ для существованія это двѣ стороны одной и той же медали. Нельзя отдѣльно разсматривать ихъ, а тѣмъ болѣе нельзя признавать борьбу и отрицать любовь и союзность вообще. Миръ и вражда, любовь и ненависть, борьба и согласіе идутъ вмѣстѣ и происходятъ изъ одного и того же источника, являясь лишь разными формами одного и того же содержанія. Это даже не тезисъ и антитезисъ Гегеля. Это воплощеніе идеи жизни примѣнительно къ опредѣленной средѣ, въ которой происходитъ процессъ осуществленія.

Интересно, что и семья на нашихъ глазахъ вступаетъ въ новый фазисъ эволюціи, логически не избѣжный и въ то же время явно революціонный, подобно самой семьѣ, революціонно разрушившей родъ. Высокое развитіе личнаго начала въ современныхъ культурныхъ началахъ ведетъ къ разложенію семьи, какъ союза, сплачивающаго въ органически цѣлое мужа, жену и дѣтей. Появляются сожитія вполнѣ равносильныя англійской поземельной арендѣ at vill. Союзъ существуетъ до перваго желанія разойтись. Разводъ становится общедоступнымъ и находитъ для себя оправданіе въ самыхъ высокихъ моральныхъ интересахъ. Мужъ и жена свободные и равноправные члены. Ни мужчина, ни женщина, заключая брачный договоръ, не желаютъ ограниченія своей общечеловѣческой свободы, не желаютъ поглощенія личности, т. е. болѣе или менѣе видоизмѣненнаго рабства. И такіе брачные договоры все болѣе и болѣе получаютъ господствующее значеніе. Теперь слово „родная“ наприм. относительно жены кажется дикимъ, а еще нашимъ отцамъ оно казалось естественнымъ. Теперь намъ это слово кажется естественнымъ относитель-

но дѣтей, но нашимъ дѣтямъ оно несомнѣнно будетъ казаться „пережиткомъ“ изъ области лингвинистики. Тогда уже ростъ индивидуализма достигнетъ своего предѣла.

Таковъ *историческій* ходъ части, освобождающійся отъ своего цѣлаго. Но одновременно съ этимъ освобожденіемъ цѣлое не перестаетъ быть страшной силой, подавляющей личность. И вотъ мы видимъ, что рядомъ съ видимымъ освобожденіемъ части отъ цѣлаго, цѣлое все сильнѣе и сильнѣе связываетъ личность, но уже не по рукамъ и ногамъ, а связываетъ самую душу.

Сюда относящіеся факты невѣжественно возведенные въ принципъ соціалистами въ виду основныхъ тенденцій соціализма. На основаніи этихъ несомнѣнныхъ фактовъ, соціалисты пришли къ отрицанію нравственности, какъ идеи, прирожденной душѣ человѣка. Такъ А. Менгеръ говоритъ: „Нравственнымъ признается тотъ, кто приспособляется къ существующимъ отношеніямъ соціальныхъ силъ; безнравственнымъ тотъ, кто возстаетъ противъ нихъ. Такъ какъ соотношенія соціальныхъ силъ съ теченіемъ времени измѣняются, то довольно нерѣдко случается, что лица и поступки, встрѣтившія сегодня одобреніе и удивленіе, завтра вызываютъ отвращеніе и клеймятся позоромъ“ [9]). И много правды въ заключеніи А. Менгера, что „огромная масса подчиняется общему закону, согласно которому всякая данная конъюнктура соотношеній соціальныхъ силъ неминуемо обуславливаетъ собою опредѣленное число браковъ, рожденій, преступленій и благородныхъ поступковъ“ [10]).

Но А. Менгеръ не правъ относительно нравственности чистой. Онъ имѣетъ въ виду лишь нравственность, которая наприм. въ религіозной сферѣ выражается „въ желаніи обезпечить себѣ лучшее мѣсто въ загробной жизни“ [11]). Точь въ точь, какъ подаетъ бѣднымъ богачъ въ надеждѣ получить орденъ. А. Менгеръ и не догадывается о томъ, что такое нравственность. По этому ему показалось китайской грамотой ученіе Э. Канта. А между тѣмъ побуждаемые мотивами, не зависящими отъ борьбы и приспособленій, отъ эволюціи и конъюнкціи, стремясь къ осуществленію и развитію духовно-нравственныхъ потенцій, составляющихъ существо или самую идею человѣка, люди рано начали создавать искусственные союзы, въ которыхъ находили и находятъ не только защиту своего человѣческаго достоинства, но и лучшія условія для его дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія.

Союзы въ настоящее время могутъ быть сведены къ тремъ категоріямъ по происхожденію ихъ. Прежде всего это союзы, имѣющіе въ основѣ своей національность. Таковы всѣ государственные союзы, хотя и эти союзы на высшихъ ступеняхъ развитія становятся не кровными физически, но объединенными духовно общежитіями. Таковы наприм. Соединен. Штаты Сѣвер.

Америки и Швейцарія. За тѣмъ въ сферѣ каждаго государства между личностью и государствомъ существуетъ стройная система союзовъ частью добровольныхъ, частью обязательныхъ. Къ добровольнымъ союзамъ относятся товарищества и общества, учреждаемыя по частному соглашенію въ предѣлахъ общихъ законовъ. Къ обязательнымъ относятся союзы, устанавливаемые самимъ государствомъ, видящимъ въ нихъ органы самоуправленія, т. е. болѣе или менѣе свободные же союзы, но устанавливаемые не произвольно, не по частному почину, а въ силу закона.

III.

Союзы ведутъ свое происхожденіе изъ совмѣстной жизни, что означается словомъ компанія (com—вмѣстѣ, panis—хлѣбъ). И долго компаньонами считались „люди ѣдящіе одинъ хлѣбъ".

По замѣчанію І. Эшли, „обычай, возникшій сперва, вѣроятно, среди братьевъ, могъ легко распространиться и на товарищей-ремесленниковъ, не связанныхъ другъ съ другомъ узами крови, а изъ ремеслъ его можно было легко перенести и въ торговлю. Отъ этой совмѣстной жизни членовъ компаніи, отъ этого обыкновенія жить вмѣстѣ и вмѣстѣ работать ведетъ свое начало отличительная черта обыкновеннаго современнаго товарищества—неограниченная отвѣтственность всѣхъ его членовъ" [12]).

Каждое время имѣетъ свои союзы, различіе между которыми опредѣляется степенью свободы личности, предоставляемой членамъ союза. Одной изъ первобытнѣйшихъ формъ добровольныхъ союзовъ можно признать патронатъ.

О сущности римскаго патроната Ф. де-Куланжъ говоритъ: „Слабый, не чувствуя себѣ поддержки въ государствѣ, искалъ опоры въ другомъ человѣкѣ. Онъ обращался къ кому либо изъ знати и просилъ его защиты отъ другихъ сильныхъ. Было справедливо, что бы такое покровительство оплачивалось. *Цѣною его оказалась зависимость.* Покровительствуемый поступалъ подъ власть покровителя. Цезарь ясно говоритъ это: „Въ каждомъ государствѣ, даже въ каждомъ округѣ находишь частныя общества людей; каждая изъ такихъ группъ имѣетъ своего особаго начальника; начальникъ рѣшаетъ все; онъ пользуется верховною властью и руководитъ всѣми предпріятіями". „Начальникъ защищаетъ людей отъ притѣсненій, насилія и обмана. Если бы онъ не защищалъ ихъ, то потерялъ бы всякую власть". „Защищающій ихъ получаетъ надъ ними такія права, какъ господинъ надъ своими рабами" [13]).

Такимъ образомъ патронатъ такому непосредственному наблюдателю, какъ Цезарь, представлялся въ видѣ сообщества (factiones sunt), въ видѣ соціальнаго предпріятія, организующа-

гося при сильномъ человѣкѣ и способнаго дать защиту членамъ своимъ отъ нападеній. Въ такомъ сообществѣ индивидуальная воля исчезала и замѣнялась властной волей лица, стоящаго во главѣ общества. Понятно, что такая организація не только не содѣйствовала развитію индивидуальной воли, но убивала ее въ самомъ корнѣ и естественно должна была атрофировать личную волю въ населеніи. Это и случилось въ Римѣ.

Но въ древнемъ Римѣ существовали и другіе союзы, о которыхъ уже въ императорскомъ періодѣ говорили, какъ о священныхъ обрядахъ. Въ древнемъ Римѣ существовало арвальское братство. Оно было основано, по легендѣ, 12 сыновьями Акки, „матери ларовъ“, блюстительницы домашнихъ боговъ. Оно возникло въ до-историческое время и праздновало свой день 23 дек., въ символическое время перехода отъ зимней спячки къ жизни. Братство пользовалось большимъ почетомъ, въ числѣ арвалвъ числились лучшіе изъ императоровъ. Но это честь—учрежденію предковъ. О древности его можно судить по тому, что въ братствѣ не допускалось желѣзо: очевидно, оно возникло и укрѣпилось раньше появленія въ обиходѣ желѣза. Въ историческое время въ Римѣ остались только праздники, какъ остатокъ нѣкогда могучаго института братьевъ. У насъ также рано возникли искусственные или добровольные союзы.

Въ XIII т. своей Исторіи Россіи Соловьевъ говоритъ *объ искусственныхъ* союзахъ, имѣвшихъ громадное политич. значеніе. „Послѣ первоначальной формы, послѣ естественнаго кровнаго союза (рода) съ самыхъ раннихъ поръ замѣчаемъ уже другія формы союза, союза искусственнаго—въ противоположность кровному. Это союзъ *закладничества*, заключаемый подъ разными видами и условіями, отъ захребетничества и сосѣдства до холопства, но во всѣхъ видахъ имѣющій одну отличительную черту: слабый ищетъ покровительства сильнаго; при чемъ лишается извѣстной доли своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, иногда своихъ личныхъ правъ.—Вторая искусственная форма союза есть форма *дружинная*, когда люди соединяются добровольно вмѣстѣ для какого либо предпріятія“.

Это закладничество Соловьевъ прямо называетъ феодализмомъ.

„Въ древней Россіи, говор. онъ, мы видимъ сильное стремленіе добровольно входить въ частную зависимость. Человѣкъ отдавался или продавался добровольно въ холопы, давалъ на себя кабалу... Кромѣ этого добровольнаго закабаливанія себя въ личное услуженіе, видишь стремленіе людей, имѣющихъ независимое хозяйство и промысла, закладываться за людей сильныхъ, для пріобрѣтенія защиты и освобожденія отъ тяжкихъ государственныхъ повинностей, стремленіе, по тогдашнему выраженію,

жить за чужимъ хребтомъ, быть въ захребетникахъ, въ сосѣдяхъ и подсосѣдникахъ".

Исторически это вѣрно. У насъ, какъ во всемъ мірѣ, необходимо различать: 1) естественные союзы, между коими родовые должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ и 2) искусственные въ формахъ закладничества и дружины. Во всѣхъ нихъ общее: единство сходныхъ интересовъ; такъ закладчикъ поступалъ за хребетъ болѣе сильнаго, усиливая его и увеличивая свою собственную безопасность. На такихъ же основаніяхъ поступалъ и въ холопы, находя не только защиту, но и заботы о себѣ. Необходимо при этомъ не забывать, что чувство личнаго достоинства въ массахъ было едва въ зародышѣ и холопство не чувствовалось такъ, какъ оно представляется болѣе культурнымъ людямъ. И на дѣлѣ протестовали рѣдко противъ принципа холопства, а лишь противъ жестокихъ господъ.

Но не меньше основаній допустить, что и родовые союзы въ своемъ естественномъ развитіи эволюціонировали и преобразовались въ коммуны деревень и городовъ, въ міры и союзы міровъ.

Какъ мы уже говорили въ теоріи сходствъ, такіе союзы представляютъ собою явленіе до того элементарно-простое и естественное, что возникновеніе ихъ должно быть отнесено еще къ міру до-человѣческому.

Разсказываютъ, что въ пампасахъ Америки крупныя животныя пасутся тѣсными стадами отъ болѣе хищныхъ звѣрей. Во главѣ идутъ самые сильные, сила которыхъ поддерживается тѣмъ, что имъ достается самая лучшая пища, идущимъ за ними уже съѣденная и потоптанная, а въ концѣ идутъ слабые, которымъ уже нечего ѣсть. Они падаютъ и ихъ поѣдаютъ хищники.

Это и есть истинный образъ общества, образованнаго по законамъ природы, т. е. законамъ эволюціи. У первобытныхъ людей подобнымъ же образомъ въ чисто эволюціонномъ порядкѣ должны были возникнуть искусственные союзы, но на дальнѣйшее развитіе ихъ долженъ былъ оказать существенное вліяніе разумъ, сознаніе полезности союза.

Вотъ почему мы видимъ не только безконечное разнообразіе союзовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенный ростъ ихъ въ направленіи возможно лучшаго осуществленія ихъ основной задачи—подъема личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдаемъ, что многія изъ формъ союзовъ естественно исчезали по мѣрѣ того, какъ переставали служить основной идеѣ своего существованія. Таково наприм. развитіе и исчезновеніе цеховъ и гильдій.

Цехи первоначально были союзами, основанными на принципѣ родства и только впослѣдствіи разрѣшенъ былъ пріемъ чужеродцевъ. Принципъ родства въ первое время былъ настолько силенъ, что сыновья, достигнувъ совершеннолѣтія, ео ipso станови-

лись полноправными членами цеха, безъ всякихъ экзаменовъ и т. п. Постороннія же лица принимались по выполненіи опредѣленныхъ уставомъ условій, въ сущности имѣвшихъ задачей своей ограниченіе для вступленія въ цехъ. Другими словами, это были элементарныя трудовыя монополіи.

Гильдіи—такое же явленіе въ сферѣ торгово-промышленной. Ассоціаціи среднихъ вѣковъ давали защиту и помощь своимъ членамъ. Въ Англіи во многихъ гильдіяхъ было принято, что въ случаѣ ареста одного изъ членовъ остальные принимали мѣры къ освобожденію. Въ Берлинѣ если члену угрожала смерть или увѣчье, нѣкоторые члены гильдіи должы были работать для него, во время болѣзни [14]).

Гильдія, говоритъ Эшли, вовсе не походила на современныя ассоціаціи, преслѣдующія всегда какую нибудь частную матеріальную выгоду. „Братство это вмѣшивалось почти во всѣ стороны повседневной жизни своихъ членовъ. Члены гильдіи навѣщали своихъ больныхъ членовъ, посылали имъ вино и кушанья со своихъ праздниковъ, помогали своимъ обѣднѣвшимъ членамъ, давали приданое дочерямъ послѣднихъ при выходѣ ихъ замужъ или пособіе при поступленіи въ монастырь, а когда умиралъ членъ гильдіи, его товарищи присутствовали на похоронахъ и заботились о томъ, чтобы были исполнены всѣ обряды“ [15]).

Какъ монополіи, цехи и гильдіи естественно вызывали массу жалобъ и, когда идеи свободы получили господствующее значеніе, также естественно было ослабленіе и упраздненіе ихъ.

Ле-Шапелье, авторъ извѣстнаго закона противъ корпорацій, въ засѣданіи Національнаго Собранія 14 іюня 1791 г. возставалъ даже противъ профессіональной благотворительности. Никому, говорилъ онъ, не должно быть позволено отдѣлять однихъ гражданъ отъ другихъ. Нельзя обманываться увѣреніями, вродѣ тѣхъ, которыми „плотники хотѣли спасти свое общество взаимопомощи, а наборщики свой типографскій и филантропическій клубъ. Эти корпораціи были предназначены для оказанія помощи рабочимъ, больнымъ или безработнымъ; эти кассы взаимопомощи показались полезными. „Но пусть не обманываются однимъ утвержденіемъ; доставлять работу нуждающимся въ ней и помощь больнымъ должна сама нація черезъ посредство дожностныхъ лицъ. А частная дѣятельность въ этой области клонится къ воскрешенію цеховъ“ [16]).

Напрасно пр. Тарле видитъ въ словахъ Ле-Шапелье и его законѣ духъ эгоизма буржуазіи. Вѣрнѣе здѣсь сказывается духъ великой доктрины личной свободы, во имя котораго поднялся французскій народъ на борьбу со старымъ режимомъ, который былъ проникнутъ духомъ именно классовъ и корпорацій. Вся вина Ле-Шапелье состояла въ томъ, что онъ былъ строго послѣ-

довательный революціонеръ, избѣгавшій всякихъ компромиссовъ. И предъ современнымъ человѣчествомъ дилемма та же, съ которою имѣлъ дѣло Ле-Шапелье: или личная свобода, или новое рабство, рабство даже въ тѣхъ же формахъ, получившихъ лишь новое названіе корпорацій. И до сихъ поръ наиболѣе послѣдовательные либералисты предпочтутъ высокую свободу личности самому сытому рабству въ стойлахъ всяческихъ корпорацій.

Какъ относились интеллигенты в. французской республики къ стачкамъ и вообще союзамъ рабочихъ, между прочимъ видно изъ того, что писала въ 1791 г. демократическая газета „Les Revolutions de Paris“. Авторъ называетъ „смѣшной системой“ вмѣшательство властей въ отношенія между рабочими и капиталистами. По его мнѣнію, „собраніе, куда могутъ быть допущены только люди, занимающіеся одною и той же профессіей, оскорбляетъ новый порядокъ вещей; изолируя гражданъ, оно дѣлаетъ ихъ чуждыми отечеству,—уча ихъ заниматься самими собою, оно заставляетъ ихъ забывать общее дѣло; словомъ, оно стремится увѣковѣчить тотъ эгоизмъ, тотъ корпоративный духъ, который хотѣли уничтожить вплоть до названія, ибо онъ—смертельный врагъ духа общественности“ [17]).

Патріоты великой французской революціи прекрасно понимали, что всякій союзъ есть ограниченіе, что *корпоративный и эгоистическій* духъ—одно и тоже. Собственно и вся революція это есть борьба патріотизма противъ классовой, корпоративной и эгоистической Франціи. Самые ужасы ея объясняются силой пресса классовъ и корпорацій на личность. Уголъ паденія создаетъ свое отраженіе въ видѣ угла нападенія. Въ данномъ случаѣ цехи показывали то, чего можно было ожидать отъ профессіональныхъ корпорацій. Цехи не только отдѣляли гражданъ другъ отъ друга, но и гражданъ отъ страны. Они пріучали видѣть въ своихъ профессіональныхъ интересахъ нѣчто болѣе высокое, чѣмъ общіе интересы родины. И патріоты упразднили ихъ. Они же справедливо предвидѣли, что профессіональные союзы будутъ лишь новыми цехами и будутъ также антипатріотичны и безнаціональны. Горькая дѣйствительность вполнѣ подтвердила это предвидѣніе: на почвѣ рабочихъ союзовъ выросъ космополитическій анархизмъ и ученіе, отрицающее патріотизмъ и отечество. Соціализмъ, взявшій подъ свое покровительство корпорацію, также естественно пришелъ къ подобнымъ же доктринамъ, вызывая оновательный ужасъ у людей, не отказывающихся отъ своихъ матерей и отцовъ. Это возвратъ къ состоянію даже не дикарей, а къ культурѣ кукушекъ.

Но патріоты великой французской революціи не знали той пропасти индивидуализма, къ которой они вели своихъ согражданъ. Если союзъ ведетъ къ отграниченію и есть война, то индивидуа-

лизмъ есть пожираніе плѣнныхъ. И они достигли послѣдняго. Они не знали стариннаго повѣрья, что лишь безконечно злые люди не имѣютъ тѣни. И союзы не безъ тѣни, какъ и индивидуализмъ не безъ звѣрства. Но въ союзахъ индивидуумъ не только находитъ для себя поддержку, но и среду для развитія общечеловѣческихъ свойствъ. Объ этомъ ясно говорятъ даже торговыя товарищества, между тѣмъ какъ именно въ торговлѣ, по существу дѣла, больше всего развиваются наклонности эгоистическія. И въ земледѣліи, издавна считающемся занятіемъ, развивающемъ обособленность и эгоизмъ, союзы ведутъ къ взаимности и общности.

Изложивъ ростъ нѣмецкихъ товариществъ въ земледѣліи, Т. фонъ-деръ-Гольцъ говоритъ, что нѣмецкія сельско-хоз. товарищества содѣйствовали укрѣпленію среди отдѣльныхъ хозяевъ чувства ихъ взаимной связи и общности интересовъ. Они пріучаютъ сочленовъ къ самовоспитанію и самоотреченію, побуждаютъ ихъ къ бережливости и хозяйственному порядку, пробуждаютъ въ нихъ и питаютъ духъ общественности. Отдѣльные члены товарищества принуждаются, въ собственныхъ интересахъ, слѣдить за ходомъ общаго дѣла; это повышаетъ уровень ихъ дѣловитости вообще и въ частности даетъ имъ познанія и свѣдѣнія, крайне существенныя для успѣха ихъ общаго предпріятія. Благодаря участію въ товариществахъ многіе хозяева научились раціональнымъ пріемамъ хозяйства, правильной организаціи скотоводства, молочнаго хозяйства и пр. [18]).

Проф. И. Янжулъ отмѣчаетъ серьезное значеніе *„сосѣдскихъ гильдій“*, т. е. товариществъ на принципѣ сосѣдства, для поднятія рабочей жизни.

Сосѣдскія гильдіи, конечно, не могутъ удовлетворять фантазеровъ, желающихъ „жестомъ“ бомбы сразу преобразовать міръ и низвести на землю рай. Но если имѣетъ великое значеніе для великихъ дѣлъ энтузіазмъ, то въ жизни имѣютъ значеніе копѣйки, въ числѣ коихъ простая сердечность—самое обыденное и самое необходимое. Люди живутъ не зернами въ величину бомбы и не лабарданомъ Хлестакова, а зернами ржи и пшеницы.

Сосѣдскія гильдіи—это именно такія маленькія братства изъ сосѣдей дома или ближайшихъ домовъ, сѣющія тотъ хлѣбъ, безъ котораго не мыслимо существованіе. Это братства для культуры человѣка.

И совершенно правъ пр. Янжулъ, первый, обратившій на нихъ серьезное вниманіе [19]).

Эти малые союзы, ежеминутно возникающіе и быстро преходящіе, представляютъ собою среду benevolentiae, среду общности и доброжелательства, представляютъ собою великую воспитательную силу, безъ которой также не мыслимо развитіе въ стра-

нѣ гуманности, какъ не мыслима на земномъ шарѣ физическая жизнь безъ воздуха. Это воздухъ человѣчности, воздухъ этической культуры.

Согласно съ этимъ свобода личности и свобода союзовъ — фундаментальныя условія экономической культуры. Государство, какъ высшій союзъ, управляющій другими, обязано регулировать свободные союзы такимъ образомъ, чтобы не имѣло мѣста подавленіе союзами другихъ союзовъ же, какъ равно и подавленіе личности. Это и происходитъ въ дѣйствительности. Къ сожалѣнію, почти всѣ государства, стремясь къ осуществленію своей вполнѣ законной и настоятельно необходимой задачи, избираютъ для этого опасный путь. Они подчиняютъ администраціи самое возникновеніе союзовъ, т. е. установляютъ, вмѣсто простого явочнаго порядка, порядокъ разрѣшительный. Понятно, благодаря такой системѣ свободы союзовъ въ дѣйствительности не можетъ быть. Былъ бы всеобщій голодъ и наступила бы неизбѣжно смерть, если бы для производства каждаго хлѣбнаго зерна требовалось спеціальное разрѣшеніе правительства. Голодъ и смерть оказались бы неизбѣжными даже тогда, когда бы требовалось разрѣшеніе не для производства каждаго отдѣльнаго зерна, а для посѣва опредѣленныхъ партій его. Понятно, почему союзы, основанные на свободномъ соглашеніи, такъ ничточжны и до сихъ поръ въ культурныхъ странахъ. Если бы потеряли свое значеніе естественные союзы, наприм. семья и родство, то населеніе любой страны напоминало бы собою простое стадо ничѣмъ близко не связанныхъ между собою экземпляровъ породы. Общество тѣмъ и отличается отъ стада, что въ немъ существуетъ рядъ посредствующихъ союзовъ, въ которыхъ личность находитъ для себя поддержку и покровительство противъ всемогущества государства, какъ цѣлаго. Никакими соціальными контрактами, никакими парламентами, никакими законами индивидуальность не можетъ быть спасена отъ поглощенія массой, если она не находитъ для себя поддержки и укрѣпленія въ свободномъ союзномъ строѣ. Въ этомъ отношеніи даже классовые союзы имѣютъ громадное культурно-освободительное значеніе. Въ этихъ классахъ культивировалась общность идей и интересовъ, общность дѣйствій и жизни. Тѣ же начала культивируются сперва естественными, а за тѣмъ соціальными союзами. Самая трудность въ развитіи союзовъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что индивидуалистическіе мотивы слишкомъ уже овладѣли человѣческой душой въ ущербъ совѣсти и сердца. Такъ у насъ общаго труда на поляхъ крестьяне избѣгаютъ. „Каждый мужикъ, говоритъ К. Головинъ, боится переработать, боится, какъ бы изъ-за своего усердія онъ не исполнилъ часть дѣла за своего лѣниваго сосѣда. Общая артельная работа имѣла бы несомнѣннымъ послѣдствіемъ пониженіе

успѣшности труда до уровня наихудшихъ работниковъ“ [20]). Г. Орловъ пишетъ, что „общей обработки земли, общаго сбора, общихъ земледѣльческихъ орудій, общихъ сѣмянъ, общей жатвы и т. п. не встрѣчается въ общинахъ Московской губерніи“ [21]).

Вотъ почему на основаніи изученія жизненныхъ фактовъ Г. Смитъ пришелъ къ заключенію, что кооперація должна возникать лишь *на почвѣ самопомощи*. „Главный принципъ, который оказался наиболѣе примѣнимымъ на практикѣ, состоитъ въ томъ, что государственная помощь слѣдовала за добровольными усиліями самихъ же земледѣльцевъ и что кооперативное движеніе зарождается въ самомъ населеніи—внутри его, а не навязывается со стороны—извнѣ. Фермеры смотрятъ на государство, какъ на своего покровителя. Раньше, чѣмъ экономическій взглядъ страны не измѣнится и земледѣльцы не сознаютъ, что *они должны выработать свое экономическое спасеніе*, до тѣхъ поръ кооперативное движеніе не будетъ имѣть прочнаго основанія“ [22]).

Интересный типъ такихъ свободныхъ товарищескихъ организацій представляютъ собою „арагашества“ Эриванской губерніи. Это самый простой типъ сельскаго товарищества: оно состоитъ обыкновенно изъ 1, 3, очень рѣдко 4 или 5 бобылей или малодушныхъ дымовъ, которые иногда связаны узами родства, а прежде состояли исключительно изъ родственниковъ. При полномъ арагашествѣ члены его наравнѣ съ рабочею силою слагаютъ всю массу принадлежащей имъ надѣльной земли, при не полномъ они сообща обрабатываютъ лишь опредѣленные участки. Въ томъ и другомъ случаѣ полевыя работы производятъ сообща, а урожай и вообще всѣ продукты земледѣлія дѣлятъ между собою пропорціонально затраченному труду и участкамъ, принадлежащихъ каждому изъ отдѣльныхъ арагашей.

Особый видъ, имѣющій несомнѣнно громадную будущность, представляютъ собою временныя товарищества для заключенія договоровъ о заработной платѣ. Въ настоящее время заработная плата опредѣляется главнымъ образомъ посредствомъ индивидуальнаго соглашенія между рабочимъ и капиталистомъ. Даже законодательства совсѣмъ не знаютъ коллективныхъ договоровъ и Л. Брентано въ этомъ обстоятельствѣ видитъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ конфликтовъ между трудомъ и капиталомъ.

И нельзя не согласиться съ этимъ. Коллективный договоръ даетъ больше гарантіи выработки справедливой заработной платы и въ немъ несомнѣнно заключается могущественный рычагъ для разрѣшенія соціальнаго вопроса. Коллективный договоръ долженъ быть не только признанъ, но и узаконенъ государствомъ, индивидуальные договоры должны быть воспрещены или допускаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія фабричной инспекціи. Къ этому мало-по-малу и стремится дѣйствительность. По замѣчанію

Г. Швиттау, „въ странахъ наиболѣе развитыхъ въ соціально-экономическомъ отношеніи промышленные конфликты все болѣе и болѣе направляются въ сторону признанія предпринимателями рабочихъ союзовъ и ихъ права установленія коллективныхъ договоровъ объ условіяхъ найма“. По отношенію къ этому требованію всѣ остальныя требованія, какъ бы они не были значительны и важны въ отдѣльныхъ случаяхъ, должны быть признаны требованіями частными и временными“ [23]).

Такого рода коллективные договоры полезны не только рабочимъ, но и капиталистамъ, гарантируя выполненіе заключенныхъ условій общей круговой порукой договаривающагося товарищества. Очевидно развитіе и распространеніе ихъ вполнѣ желательно. Коллективные договоры представляютъ собою выраженіе уже начинающей получать все больше и больше правъ гражданства идеи, что договоръ между трудомъ и капиталомъ имѣетъ не только частную, но и общественную сферу. Впрочемъ, эта идея зародилась еще во время господства цеховъ и гильдій:

По замѣчанію У. Эшли, гильдіи ставили себѣ идеаломъ соединеніе хорошаго качества продуктовъ и справедливой цѣны въ интересахъ потребителя и достаточнымъ вознагражденіемъ рабочаго. И это „стремленіе разсматривать процессы производства и продажи въ ихъ отношеніи къ общему соціальному благосостоянію остается постояннымъ урокомъ для современныхъ экономистовъ“ [24]). Полагаемъ, что это не только урокъ, но и естественный ростъ общечеловѣческой идеи, получающей все большее и большее значеніе въ экономической жизни.

Такимъ же образомъ и нынѣшній синдикализмъ представляетъ собою лишь дальнѣйшее развитіе экономическихъ идей, зародившихся подъ вліяніемъ экономической конъюнктіи въ средніе вѣка. Таковы *ганзы*, возникшія на почвѣ слабости государствъ, не способныхъ гарантировать безопасность торговцамъ отъ феодаловъ и пиратовъ. Это слово древне-германское, значитъ товарищество. Въ первое время ганзы устроялись въ средѣ купцовъ одного города, потомъ превратились въ союзы нѣсколькихъ городовъ. Чѣмъ больше была территорія ганзы, тѣмъ сильнѣе было товарищество и тѣмъ лучше достигалась цѣль. Могущественные союзы городовъ успѣшно боролись съ врагами и содѣйствовали усмиренію феодаловъ и росту городовъ. Таковъ *союзъ ганзейскихъ городовъ*, возникшій въ 1241 г. между городами Любекомъ и Гамбургомъ и потомъ разросшійся въ союзъ лучшихъ нѣмецкихъ городовъ. Понятно, почему уже въ 14 в. ганзейскій союзъ получилъ громадную политическую силу. Такъ когда въ 1361 г. датскій король Вальдемаръ III разрушилъ городъ Висби, Ганзейскій союзъ наказалъ его воспрещеніемъ купцамъ имѣть дѣла съ Даніей (это первый бойкотъ...) и, соединившись съ Швеціей,

отправилъ противъ Даніи сильный флотъ и датчане въ концѣ упорнаго сопротивленія должны были смириться, заключивъ унизительный для себя миръ въ 1380 г.

Теперь тоже дѣлаютъ синдикаты, съ особенною силою распространившіеся въ С. Штатахъ Сѣв. Америки. О значеніи ихъ мы еще будемъ говорить, теперь обращаемъ вниманіе на то, что синдикаты во многихъ отрасляхъ промышленности, въ особенности мелкой, представляются неизбѣжными. Гр. Рокиньи вполнѣ основательно замѣчаетъ о сельско-хозяйственныхъ синдикатахъ:

„Самый простой экономическій разсчетъ показалъ, что не слѣдуетъ допускать мелкаго производителя до безполезныхъ крупныхъ затратъ на пріобрѣтеніе нѣсколькихъ орудій, когда извѣстное число общинниковъ свободно можетъ пользоваться однимъ и тѣмъ же. И въ этомъ нѣтъ ничего новаго, такъ какъ въ бретанскихъ селеніяхъ давно уже земледѣльцы входили въ складчину для покупки наприм. молотилокъ въ 3—4 лошадиныхъ силы, стоящихъ около 600 франковъ, съ цѣлію имѣть одну на цѣлый приходъ, вмѣсто 10—12. Походныя яблочныя давильни, или прессы, также въ большомъ употребленіи въ нѣкоторыхъ частяхъ Нормандіи и въ нѣкоторыхъ департаментахъ; въ Gers на примѣръ, очистка винъ производится передвижными дистилляторами, очень хорошо приспособленными“ [25]).

Сельскіе синдикаты оказываютъ громадное вліяніе на земледѣльческія удобренія. Они контролируютъ качество удобрительныхъ веществъ, что совсѣмъ не доступно отдѣльнымъ хозяевамъ [26]).

Въ сущности такіе синдикаты представляютъ собою могущественную экономическую силу, уравнивающую значеніе мелкихъ предпріятій съ крупными и средними. Темныя стороны синдикатовъ общеизвѣстны, но нѣтъ такого союза между людьми, который не имѣлъ бы естественной тенденціи превратиться въ шайку. Задачи государства предупреждать и пресѣкать такое превращеніе.

Синдикаты какъ трудовые, такъ и промышленные представляютъ собою одно изъ настоятельнѣйшихъ средствъ противъ многихъ печальныхъ послѣдствій свободной конкурренціи. Это частно-хозяйственный коррективъ конкурренціи.

„Можно считать за правило, говоритъ пр. Янжулъ, что тамъ, гдѣ вложенъ большой основной капиталъ и имѣютъ мѣсто опредѣленные твердые платежи (напр. по займам.) конкурренція легко спускаетъ цѣны ниже стоимости производства или дѣла, и въ концѣ концовъ промышленнымъ предпріятіямъ угрожаютъ банкротства, а странѣ, при значительномъ количествѣ ихъ, промышленнный или торговый кризисъ“. Выходъ—синдикаты. „Свобод-

ная конкурренція не только не даетъ выхода изъ затрудненія, но родитъ здѣсь монополію или точнѣе—монополизацію производства, ибо сокращаетъ число соперниковъ“ [27]).

Рабочіе синдикаты даже не въ сферѣ производства, но въ распорядительной сферѣ, также неизбѣжны. Безъ нихъ сами рабочіе поѣдаютъ другъ друга. Противники синдикализма справедливо указываютъ на темныя стороны его, часто проявляющіяся въ подавленіи многихъ отраслей промышленности, какъ и въ такомъ увеличеніи заработчей платы, при которомъ вся доходность предпріятій поглощается трудомъ. Все это вѣрно, какъ вѣрно и то, что ножемъ пользуются для убійствъ, изъ чего однако не слѣдуетъ, что ножи должны быть изъяты изъ обращенія. Государство исполняетъ свои обязанности, наказывая убійцъ или предупреждая появленіе ихъ мѣрами экономическаго и моральнаго подъема личности. Также государство обязано бороться и съ темными сторонами синдикализма, не прибѣгая къ воспрещенію ихъ, но регулируя ихъ дѣятельность сообразно съ общими интересами.

Если бы частная союзность даже имѣла болѣе темныхъ, чѣмъ свѣтлыхъ сторонъ, тѣмъ не менѣе воспрещеніе ея было бы громаднымъ преступленіемъ противъ культуры. Всякое ограниченіе и пресѣченіе свободы не во имя права, но во имя общей пользы неправомѣрно и несправедливо. До той поры, пока человѣкъ или группа людей не причиняютъ никому вреда, государство не имѣетъ право вмѣшиваться въ ихъ дѣятельность. Деспотизмъ и состоитъ именно въ подобномъ вмѣшательствѣ. Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что союзность есть главный факторъ и моральной культуры.

По выраженію В. Соловьева, „вопреки своему эгоизму никакое существо не можетъ устоять въ своей отдѣльности: неодолимою силой влечется оно и тяготѣетъ къ другому и только въ связи со „всѣмъ“ находитъ свой смыслъ и свою истину“ [28]).

Поэтому-то наша артель представляетъ собою одинъ изъ стариннѣйшихъ экономическихъ институтовъ. На сколько она является первобытнымъ институтомъ, видно изъ того, что и теперь артель возникаетъ и успѣшно дѣйствуетъ лишь въ примитивныхъ формахъ и условіяхъ экономическаго быта. По справедливому замѣчанію А. Н. Егунова, простѣйшія артели, въ которыхъ легко учитывается общедоступная работа, „устраиваетъ сама жизнь и не только въ средѣ собственно русскихъ крестьянъ, но даже въ полудикой средѣ нашихъ инородцевъ“. Въ сложныхъ предпріятіяхъ артели съ трудомъ прививаются“ [29]).

Это послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что умственный кругозоръ современнаго нашего крестьянина не далеко ушелъ отъ кругозора предковъ. И теперь крестьянинъ

охотно идетъ въ тѣ элементарнѣйшія артели, которыя практиковались съ такимъ же успѣхомъ его предками. Для новаго дѣла первобытный умъ не годится и вино новое не вливается въ мѣха старые.

Переходимъ къ союзамъ, занимающимъ средину между принудительно-государственными организмами и союзами добровольными.

Прежде всего сюда относятся союзы, организуемые по принципу воли большинства членовъ.

Въ Германіи существуютъ обязательные принудительные цехи на основаніи закона 26 іюня 1887 г. Можно заставить вступить въ цехъ, если половина ремесленниковъ одного ремесла выразитъ согласіе на образованіе цеха. Задачи цеховъ: 1) развитіе общественнаго духа и сословной части; 2) заботы о добрыхъ отношеніяхъ между мастерами и подмастерьями; 3) регулированіе ученичества и вообще техническаго образованія; 4) рѣшеніе недоразумѣній и т. п. Цехи устрояютъ школы, богадѣльни, даже хозяйственныя предпріятія.

В. Зомбартъ считаетъ, что „принудительные цехи“ не принесутъ ремесленникамъ никакой пользы въ ихъ борьбѣ съ капитализмомъ. Въ подтвержденіе своего пессимизма В. Зомбартъ ссылается на то, что давно уже цехи могли устроять производительныя артели, но ничего въ этомъ духѣ не было ими сдѣлано [30]).

Но съ такимъ же основаніемъ слѣдовало бы отрицать введеніе наприм. жатвенныхъ машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ: не мало примѣровъ изъ недавняго прошлаго, что многіе помѣщики потеряли на попыткахъ введенія машинъ въ свои хозяйства. И съ такимъ же основаніемъ слѣдовало бы отрицать и возможность введенія въ нашей трехпольной полосѣ плодосмѣна: вѣдь не мало хозяевъ еще въ прошломъ столѣтіи пробовали это „новшество“ и бросили свою затѣю, какъ безполезное дѣло... при ихъ умственномъ уровнѣ и при ихъ познаніяхъ въ агрономіи.

Таковы же союзы, обязательно устанавливаемые между сосѣдями землевладѣльцами, по приговору большинства ихъ, для осушенія болотъ, для орошенія и т. п.

Сюда же относятся и союзы сосѣдей, обязательно учреждаемые приговоромъ большинства относительно школъ, относительно санитарнаго состоянія участка, устройство приходской благотворительности и т. п.

Особый видъ такихъ союзовъ на основаніи воли большинства представляютъ собою и рабочіе союзы, учреждаемые для представительства, для защиты интересовъ рабочихъ и для урегулированія заработной платы. Въ всѣхъ такихъ союзахъ рѣшеніе большинства, по законамъ совѣсти и разума, не можетъ не

быть не обязательнымъ для всѣхъ. Гдѣ единогласія нельзя добиться, а между тѣмъ общая дѣятельность необходима въ интересахъ всѣхъ, тамъ единственный исходъ можетъ быть въ подчиненіи меньшинства большинству. Конечно, здѣсь требуется жертва со стороны меньшинства, но такія жертвы приносятся на алтарь общаго дѣла и большинствомъ. Стало быть о несправедливости подчиненія не можетъ быть и рѣчи. Пока это дѣло въ рабочей средѣ новое и поэтому оно вызываетъ много споровъ. Но въ дѣйствительности все общежитіе основывается на принципѣ подчиненія меньшинства большинству и безъ такого подчиненія не мыслимо было бы общежитіе. Старо-шляхетское veto, при всей его видимой симпатичности, приводило лишь къ тому, что самыя необходимыя мѣры, оправдываемыя большинствомъ, не могли имѣть практическаго значенія, благодаря сопротивленію даже не меньшинства, а одного шляхтича.

Рядомъ съ этими союзами, происходящими изъ воли большинства и регулируемыми волей большинства, слѣдуетъ систематическій рядъ союзовъ, устанавливаемыхъ ipso jure; устанавливаемыхъ самимъ закономъ, безъ всякой воли членовъ и даже противъ ихъ воли, но вызывающихъ и культивирующихъ ихъ волю. Таковы союзы мѣстнаго самоуправленія—земскіе и городскіе, а также союзы мѣстныхъ сословій—дворянъ, мѣщанъ, священниковъ и крестьянъ. Къ послѣднимъ нерѣдко присоединяются союзы труда: ремесленные цехи, профессіональныя корпораціи, наприм. гильдіи, обязательные школьные союзы, обязательные рабочіе союзы и т. п. Въ основѣ всѣхъ ихъ лежатъ опредѣленныя соціальныя идеи, мало по малу все болѣе и болѣе осознаваемыя и по мѣрѣ своего осознанія все болѣе и болѣе осуществляемыя въ жизни.

Первая изъ нихъ есть та идея, что при современныхъ условіяхъ каждая работа *усерднѣе всего* выполняется лицами, болѣе или менѣе непосредственно заинтересованными результатами ея, а равно каждая работа, при равенствѣ остальныхъ условій, *лучше всего* выполняется людьми наиболѣе свѣдущими. Въ первомъ отношеніи наиболѣе элемента усердія даютъ лица, участвующія въ выгодахъ работы.

Таковы мѣстные жители, заинтересованные мѣстными путями сообщеній, мѣстными санитарными условіями, мѣстными школами, мѣстнымъ хозяйствомъ и т. п. Во второмъ отношеніи таковыми же являются тѣ же мѣстные жители, наиболѣе знакомые съ мѣстными условіями производства, сбыта и потребленія, наиболѣе знакомые съ исполнителями работъ, съ ихъ честностью и энергіей, съ мѣстными нуждами и потребностями. Поэтому государство очень рано многія изъ работъ даже общегосударственнаго значенія поручаетъ мѣстнымъ силамъ, но еще раньше ра-

боты мѣстнаго значенія государства начали поручать мѣстнымъ силамъ и мѣстнымъ средствамъ.

Такъ возникли органы мѣстнаго самоуправленія, представляющіе собою въ существѣ дѣла органы же государственнаго управленія, имѣющіе значеніе восполнять недостаточность администраціи и неприложимость ея къ массѣ явленій чисто мѣстнаго характера.

Вторая идея—это идея финансовой справедливости, которая мало чувствительна на низшихъ ступеняхъ культуры, но съ развитіемъ послѣдней становится все болѣе и болѣе чувствительною. Потребности чисто мѣстнаго характера было бы несправедливо удовлетворять изъ общегосударственныхъ средствъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда заинтересованное въ этомъ дѣлѣ населеніе не нуждается въ особой помощи извнѣ. Такъ было бы безусловно несправедливо спеціальныя школы для евреевъ или магометанъ содержать на средства православнаго населенія. Но и потребности населенія данной губерніи, имѣющія общее значеніе, было бы несправедливо удовлетворять на счетъ средствъ населенія другихъ губерній. Такова наприм. потребность въ начальномъ образованіи. Всякому очевидно, что было бы несправедливо заставлять обывателей однихъ губерній воспитывать и обучать дѣтей обывателей другихъ губерній. Точно такъ же было бы несправедливо жителей Архангельской губерніи заставлять давать средства на содержаніе полиціи въ г. Бердичевѣ, гдѣ, въ силу особыхъ бытовыхъ условій, требуется особый составъ полиціи, вызываемый мѣстными особенностями жизни населенія.

Наконецъ послѣдняя идея мѣстной самодѣятельности можетъ быть названа государственною необходимостью, когда государство не можетъ обойтись безъ организаціи мѣстнаго самоуправленія. Сюда относятся наприм. натуральныя земскія повинности.

Многія потребности, какъ мѣстныя, такъ и общія могутъ быть удовлетворены не иначе, какъ при посредствѣ уравнительной раскладки натуральной повинности, напримѣръ для расквартированія солдатъ и т. п.

Такимъ образомъ польза, справедливость и необходимость заставляютъ государства прибѣгать къ осуществленію задачъ государственнаго благоустройства мѣстными силами и мѣстными средствами, т. е. организаціей мѣстныхъ союзовъ какъ общихъ, такъ и частныхъ.

Общіе земскіе союзы обыкновенно обнимаютъ всѣ стороны территоріи, начиная съ приходскихъ или деревенскихъ союзовъ и оканчивая губернскими органами самоуправленія.

Если признать, что жизнь современныхъ дикарей, что научно допустимо, есть жизнь первобытныхъ людей, то мы и теперь

можемъ прослѣдить процессъ образованія первичныхъ мѣстныхъ обществъ.

Дикари Южной Америки—кайагуасы—живутъ небольшими группами, человѣкъ не болѣе 20. Также живутъ ведды на островахъ Цейлона. На Огненной Землѣ фуэжійцы живутъ группами въ 12—20 человѣкъ. Въ Африкѣ бушмены живутъ такими же небольшими группами. Жизнь всѣхъ этихъ людей почти ничѣмъ не отличается отъ жизни стадныхъ животныхъ. Малое стадо было первой формаціей въ образованіи общественности. И у всѣхъ народовъ до сихъ поръ деревня, приходъ, міръ, громада—являются такими первоначальными и основными клѣточками соціальнаго цѣлаго.

Напрасно думаютъ, что эти первоосновы государствъ потеряли значеніе естественно съ развитіемъ болѣе культурной государственной силы. По справедливому замѣчанію П. Кропоткина, „разговоры объ естественной смерти деревенскихъ общинъ въ силу экономическихъ законовъ представляютъ такую же безобразную шутку, какъ если бы мы говорили объ естественной смерти солдатъ, убитыхъ на полѣ битвы. Деревенскія общины прожили болѣе тысячи лѣтъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне не были разорены войнами и поборами, они постепенно улучшали методы культуры; но такъ какъ цѣнность земли возрастала, вслѣдствіе роста промышленности, и дворянство при государственной организаціи пріобрѣло такую власть, какой оно никогда не имѣло при феодальной системѣ,—оно завладѣло лучшей частью общинныхъ земель и приложило всѣ усилія, чтобы разрушить общинныя установленія“ [31]).

Когда настала пора укрѣпленія и роста огромныхъ организмовъ, называемыхъ государствами, мелкія единицы самоуправленія не могли не потерять своего прежняго значенія. У насъ же именно борьба родовъ, т. е. тѣхъ же мѣстныхъ общественныхъ единицъ и привела къ добровольной организаціи государственности, для чего необходимо было отказаться отъ многихъ старыхъ началъ мірской самостоятельности. Когда же историческія условія потребовали организаціи государства въ видѣ военной силы, то умаленіе міровъ должно было идти еще дальше.

„Московское государство, гов. В. Ключевскій, было народнымъ лагеремъ изъ боевой Великороссіи, Оки и верхней Волги, боровшихся на три фронта: восточный, южный и западный. Оно родилося на Куликовомъ полѣ, а не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты. Военное по происхожденію, оно и устроилось по военному“ [32]).

С. Котляревскій говоритъ, что „здѣсь коренная причина столь слабаго развитія личнаго права и личнаго притязанія, когда всѣ общественныя группировки прикрѣпились къ стихійно

поставленнымъ государственнымъ задачамъ, для такихъ правъ и притязаній не остается мѣста“ [33]).

Но затѣмъ дальнѣйшій ростъ государственности, потребовавшій огромныхъ финансовыхъ средствъ, въ свою очередь долженъ былъ вызвать возстановленіе старыхъ міровъ, какъ естественной финансовой опоры.

На сколько „верстанье“ податей союзами распространялось правительствомъ, видно изъ того, что даже „казаки“ нашего сѣвера, т. е. наемные рабочіе, облагаемые казеннымъ тягломъ, обязаны были верстать между собою подати. М. Богословскій приводитъ фактъ образованія правительствомъ особаго финансоваго мірка въ 1608 г. въ Кольскомъ уѣздѣ изъ семи рабочихъ. Они „должны были составить родъ микроскопической тяглой общины, связанной разверсткой подати: „А верстатись имъ межъ себя самѣмъ по своимъ животомъ и по своимъ промысломъ“ [34]).

Требованія государственности въ данномъ случаѣ вполнѣ совпали съ интересами населенія, привыкшаго группироваться въ общины и за „хребтомъ міра“ находитъ для себя спасеніе отъ сильныхъ міра. Такъ русская старинная община получила хотя и крутую, но въ концѣ концовъ полезную поддержку со стороны государства и получила то широкое значеніе въ организаціи населенія, которое она имѣетъ въ настоящее время и которое будетъ развиваться дальше, постепенно превращая деревню, приходъ, общину въ основную самостоятельную клѣточку соціальнаго организма. Этого настоятельно требуютъ и новыя задачи о благоустройствѣ, постепенно налагаемыя на государство современнымъ сознаніемъ. И государства къ этому стремятся, организуя систему міровъ, въ видѣ волостныхъ, уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, при чемъ логически эта система должна заканчиваться парламентомъ, какъ общей организаціей міровъ.

Совершенно такое же значеніе имѣетъ и классовая или профессіональная система самоуправленія, существующая рядомъ съ общей или земской и служащая восполненіемъ ея. Также, какъ и въ земскомъ территоріальномъ самоуправленіи, классовое и профессіональное самоуправленіе развиваетъ общественныя стороны личности, возвышая и укрѣпляя достоинство ея и гарантируя свободное развитіе въ человѣкѣ человѣчности. И теперь видимъ, что наиболѣе сильны лишь тѣ государства, въ коихъ начала общественности получили наибольшее развитіе. Историческая эволюція только такимъ государствамъ дастъ право на будущность, ибо гдѣ нѣтъ міровъ, тамъ слаба и подавлена личность, а гдѣ слаба и подавлена личность, тамъ нѣтъ будущности для государства. Во время великой французской революціи государство называли акціонерной компаніей.

Быть можетъ, это и вѣрно, но во всякомъ случаѣ государ-

ство не анонимная акціонерная компанія. Исторія съ очевидностью, всѣмъ явною, свидѣтельствуетъ о томъ, что государства—анонимы обречены на быстрое разложеніе.

Этого не слѣдуетъ забывать всѣмъ, кому еще дорога родина. Мы видимъ и теперь разлагающіеся государственные трупы, ищущіе спасенія въ свѣжемъ воздухѣ человѣческаго достоинства. Но оказывается, что для трупа и свѣжій воздухъ не только не помогаетъ, но еще ускоряетъ гніеніе.

XIII. Природа.

Природа—это вѣчная и безпрерывная, не знающая ни отдыха, ни покоя работа невѣдомыхъ, но изучаемыхъ человѣкомъ силъ. Природа есть безпрестанное творчество. Всѣ измѣненія, всѣ эволюціи, всѣ явленія роста и развитія сводятся къ тремъ категоріямъ самодвиженія природы: къ созиданію, къ разрушенію и къ самосохраненію, какъ равновѣсію между созиданіемъ и разрушеніемъ. Но это дѣленіе только логическое. Въ дѣйствительности всякое созиданіе есть разрушеніе и всякое разрушеніе есть созиданіе. Даже самосохраненіе есть актъ воспроизводства, т. е. созиданія на мѣстѣ разрушенія. Такова есть жизнь органической клѣточки. Она сохраняется лишь воспроизводствомъ.

Самосохраненіе безъ созиданія и разрушенія не мыслимо, природа не знаетъ покоя. Вѣчная, безпрерывная работа—естественное свойство естественныхъ силъ. Подобно тому, какъ небесныя тѣла движутся по своимъ орбитамъ, безпрерывно и ежесекундно вступая въ невѣдомыя пространства, такъ и все въ природѣ безпрерывно движется, созидая, разрушая и самосохраняясь въ этомъ же созиданіи и разрушеніи. Рожденіе, жизнь и смерть—общая участь всего сущаго, участь и „мертвой“ матеріи и міровъ растительнаго и животнаго.

Это существо природы прекрасно уяснилъ Г. Спенсеръ.

По его выраженію, „природа, въ ея безконечной сложности, постоянно стремится къ новому развитію. Каждый послѣдовательный результатъ порождаетъ новаго дѣятеля для измѣненія въ извѣстной степени всѣхъ послѣдующихъ произведеній. Всякая новая нить, которая входитъ въ составъ безконечной ткани, сотканной на шумномъ станкѣ времени, измѣняетъ ея рисунокъ въ болѣе или менѣе значительной степени. Такъ было съ начала временъ. Если мы обратимся къ страницамъ первобытной исторіи земли, если мы будемъ разбирать гіероглифы, въ которыхъ сохранились происшествія неизвѣстнаго прошедшаго, мы найдемъ ту же самую вѣчно возобновляющуюся, никогда не прекращающуюся цѣпь движеній и перемѣнъ. Мы видимъ то же самое и въ органической и въ неорганической природѣ, въ разложеніи

старыхъ и въ появленіи новыхъ комбинацій матеріи, и въ постоянно мѣняющихся формахъ животной и растительной жизни. Старыя формаціи разлагаются, новыя осаждаются. Лѣса и болота обращаются въ каменноугольныя копи, искала нынѣ огненнаго происхожденія была когда то осадочною. Атмосфера мѣняется, температура понижается, и земля и море постоянно производятъ новыя породы насѣкомыхъ, растеній и животныхъ. Повсюду произошла метаморфоза, раковины инфузорій превратились въ мѣлъ и въ кремень, песокъ превратился въ камень, камень сдѣлался хрящемъ. Пласты исковерканы внутренними силами, налились моря, земля то поднималась, то опускалась. Тамъ, гдѣ когда то бездонный океанъ катилъ свои волны, теперь возвышаются покрытыя снѣгомъ вершины надъ обширной, роскошной страной, исполненной жизни. Тамъ, гдѣ когда то широко раскинувшись высились материки, тамъ теперь лишь нѣсколько пустынныхъ коралловыхъ острововъ указываютъ на могилу опустившихся въ волны горъ. Тоже самое мы видимъ среди міровъ. Орбиты измѣнили свои формы, оси свое наклоненіе, небесныя тѣла свой свѣтъ“ [1]).

Часто приходится слышать, что природа слѣпа. Слѣпыя силы природы—это нѣчто громадное и ужасное именно въ своей слѣпотѣ. Оно давитъ все, что лежитъ на его пути.

Изъ послѣдняго и заключаютъ, что природа слѣпа. Заключеніе не точное. Можно сказать, природа не имѣетъ совѣсти—это вѣрно, ибо она давитъ безъ зазрѣнія совѣсти. Съ нашей человѣческой точки зрѣнія она слѣпа лишь въ томъ смыслѣ, что не смотритъ на наши интересы, не обращаетъ вниманія на наши вопли.

Это такъ. Но никакъ нельзя сказать, что природа не разумна. Напротивъ того, она есть овеществленный Разумъ. Она на каждомъ шагу поражаетъ безпристрастнаго наблюдателя такимъ разумомъ, который и не снился нашимъ мудрецамъ. И разумъ самаго человѣка состоитъ лишь *въ разгадываніи и раскрытіи тайнъ природы*, т. е. ея разума. Разумъ природы есть все, разумъ человѣка только гомеопатическая доля этого великаго разума. Если вы видите часовой механизмъ прекрасно дѣйствующій, вы говорите, что въ немъ есть идея, т. е. разумъ. Такой же сверхсознательный разумъ имѣетъ и природа. Она заключаетъ въ себѣ истину и задача сознанія найти ее, открыть, снять покровы тайны. Природа имѣетъ чудную силу создавать изъ минеральнаго органическое вещество. Человѣкъ еще до сихъ поръ не разгадалъ этой величайшей тайны природы и въ этомъ заключается одна изъ важнѣйшихъ причинъ бѣдствій. Можно сказать, въ нашемъ невѣжествѣ, въ нашемъ неумѣньи разгадать тайну образованія мертвой матеріи въ живую заключается все неустрой-

ство соціальной и личной жизни. Вѣдь если бы люди открыли тайну эту, то все нужное для жизни добывалось бы не у властной природы, но производилось бы трудомъ, сообразно съ потребностями людей. И правъ Гегель, утверждая, что въ человѣкѣ природа достигаетъ своего самосознанія. Достигаетъ и еще безпредѣльно мало сдѣлано на этомъ пути, ибо, можно сказать, лишь вчера человѣкъ занялся изученіемъ природы и оставилъ дѣтскія сказки. Задача мысли, открывъ тайны, т. е. истину, упразднить господство природы и утвердить царство сознанія.

Поэтому-то съ развитіемъ культуры участіе природы въ дѣятельности человѣка увеличивается и степенью этого увеличенія измѣряется ростъ культуры. Такъ съ примѣненіемъ каменнаго угля человѣчество получило такую мощь, о которой раньше нельзя было и думать. Въ одной тоннѣ угля заключается потенціальная энергія, которая въ одиннадцать милліоновъ разъ больше вѣса этого угля. Но и въ настоящее время только одиннадцатая часть этой энергіи эксплоатируется людьми при помощи паровыхъ машинъ. Слѣдовательно и теперь еще десять одиннадцатыхъ энергіи, заключенной въ каменномъ углѣ, исчезаетъ. А между тѣмъ человѣчество, вмѣсто того, чтобы направить свои помыслы на упраздненіе этой потери, эксплоатируетъ лишь рабочихъ. Каждый рабочій, добывая въ день пять тоннъ угля, доставляетъ человѣчеству и теперь энергіи въ пять милліоновъ, между тѣмъ при болѣе полной эксплоатаціи силы онъ доставлялъ бы 55 милліоновъ тоннъ энергіи.

Одинъ изъ американскихъ экономистовъ, уясняя значеніе силы, заключенной въ каменномъ углѣ, говоритъ, что „кусочекъ угля, который можетъ пройти черезъ кольцо, величиной въ двугривенный, даетъ силу, достаточную для провоза по морю одной тонны груза на разстояніе одной мили. Восьмой части фунта угля довольно для перевозки по желѣзной дорогѣ тонны угля на одну милю. Говорятъ, что углерода, заключающагося въ почтовой маркѣ, достаточно для передвиженія письма на средній путь, совершаемый письмами вообще“.

Для мухи такъ мало нужно, чтобы пахать: достаточно сѣсть на спину вола. Для человѣка еще меньше нужно, чтобы руководить силами природы: нужно только знать ихъ. Но скорѣе муха станетъ пахать, чѣмъ человѣкъ узнаетъ всѣ силы природы. До сихъ поръ люди сжигали на кострахъ тѣхъ, кто хотѣлъ исполнить свое человѣческое дѣло: узнать природу. И теперь самая распространенная религія соціалистовъ увѣряетъ всѣхъ и каждаго, что только муха пашетъ, сидя на спинѣ... природы, что только трудъ—муха создаетъ цѣнности. Умъ не нуженъ, счастье въ мускулахъ. И новая религія также охотно шлетъ на костры представителей мысли, воли, предпріимчивости, таланта. Все дол-

жно быть подведено подъ одну каску. И это подведеніе всѣхъ головъ подъ одну каску носитъ названіе—равенства. По истинѣ, если инквизиторъ подвергалъ пыткамъ во имя Бога милосердія, то новые инквизиторы предпринимаютъ то же во имя—справедливости. Честнѣе поступаютъ китаянки: онѣ равняютъ ноги, а не головы и не сердце.

Человѣкъ покоряетъ природу, направляя ея работу для своихъ цѣлей. Въ этомъ состоитъ главный источникъ благосостоянія.

Въ Пруссіи въ 1900 г. было 2.913.003 лошади и въ то же время паровозы желѣзныхъ дорогъ представляли собой силу около 8 милліоновъ лошадиныхъ силъ. Если бы то количество лошадиныхъ силъ, которое дается человѣку искусственными лошадьми въ видѣ пара или электричества замѣнить натуральными, то подъ овесъ не стало бы земли въ Зап. Европѣ для ихъ прокормленія и человѣкъ остался бы безъ хлѣба. Если бы человѣкъ слѣдовалъ природѣ, а не искусству, то культура была бы не мыслима.

Коренной шагъ въ развитіи человѣчества произошелъ именно въ тотъ моментъ, когда люди задумали освободиться отъ природы, когда они перестали подражать ей, но стали изучать врага, чтобы воспользоваться его слабыми сторонами и, гдѣ возможно, замѣнить природу искусствомъ, какъ очеловѣченной природой, или, точнѣе выражаясь, сознательной природой. „Лишь теперь мы въ состояніи понять, пишетъ Зомбартъ, почему развитіе машиннаго производства въ прошломъ столѣтіи могло явить собой столь блестящее зрѣлище. Развитіе это должно приписать своеобразному и сознательному повороту, происшедшему въ воззрѣніяхъ изобрѣтателей машинъ; поворотъ этотъ заключался въ томъ, что машина не стремится болѣе подражать работѣ, производимой рукою, или природѣ, а пытается рѣшить поставленную ей задачу своими собственными средствами, порою совершенно отличными отъ средствъ, которыми оперируетъ природа“ [2]).

Искусство даже съ точки зрѣнія заработка даетъ болѣе труду, чѣмъ природа. Производство желѣза даетъ средства къ существованію гораздо большей массѣ людей, чѣмъ обработка дерева, замѣненнаго желѣзомъ. Анилинъ, замѣнившій растительную краску, (крапъ и вайду) даетъ больше работы людямъ—химическимъ заводамъ, красильщикамъ и живописцамъ, чѣмъ могли давать и давали эти растительныя, натуральныя краски. Сахаръ даетъ безконечно больше труду, чѣмъ медъ и т. д. И въ дѣйствительности экономическая статистика отмѣчаетъ тотъ фактъ, что наибольшее развитіе замѣчается въ тѣхъ отрасляхъ труда, въ коихъ природа, особенно же органическая, играетъ наименьшую роль. И это видно изъ соотношенія цѣнности продуктовъ природы и продуктовъ, сдѣланныхъ трудомъ изъ этихъ же продуктовъ при-

роды. Льна на рубашку идетъ на гривенникъ, а произведенная изъ него рубашка стоитъ нѣсколько рублей.

Выраженія „естественный порядокъ“, „естественное право“, „естественный законъ“ и т. д. все это пережитокъ первобытнаго фетишизма, послѣднія запоздалыя тучи страшной тьмы, нѣкогда всецѣло владѣвшей человѣчествомъ. Природа и до сихъ поръ для массъ есть страшный идолъ, которому въ жертву приносятся ежедневно массы жизней. И только въ XIX в. появилась мысль, что природа не божество, что она въ отношеніи къ человѣку слѣпа и враждебна, что пути ея—эволюціонные, лишенные сознанія и совѣсти. И съ каждымъ днемъ эта мысль начинаетъ все болѣе входить въ общее сознаніе. Съ человѣческой точки зрѣнія природа не только безсознательна, *но и безнравственна*. Она въ широчайшихъ размѣрахъ практикуетъ убійства. Она бьетъ лежачаго и всегда предоставляетъ торжество сильному. Она не щадитъ дѣтей. Цѣлыми милліардами производитъ зародыши, сохраняя жизнь лишь болѣе удачливымъ десяткамъ. Грабежи, убійства, поджоги—обыкновеннѣйшія средства въ ея дѣйствіяхъ. Она не по ту сторону добра и зла, она вся въ злѣ. И если бы человѣкъ слѣдовалъ природѣ, то онъ былъ бы подлѣйшимъ изъ всего, что только можно вообразить себѣ подлаго. Она съ спокойною совѣстью истребляетъ милліарды жизни, какъ бы тѣшась и упитываясь кровью своихъ жертвъ. Молохъ не миѳъ. Онъ есть, онъ кругомъ насъ. Молохъ—это природа.

Жизнь однихъ поддерживается не иначе, какъ смертью другихъ. Это законъ природы. Выбора не существуетъ, tertium non datur природой. Если овца должна остаться жива, то волкъ долженъ умереть. Если трава должна остаться въ жизни, то волъ долженъ погибнуть. Если вы не желаете убить бактеріи, попавшіе въ горло человѣка, то должны обречь его на смерть. Иного выхода природа не знаетъ. У ней нѣтъ совѣсти, нѣтъ жалости. Она не знаетъ и любви.

Совершенно основательно разсуждаетъ Л. Шестовъ, что сама природа внушала Ф. Ницше его идею сверхчеловѣка, не знающаго ни добра, ни зла. „Грому можно убивать, а человѣку нельзя. Засухѣ можно обрекать на голодъ огромный край, а человѣка мы называемъ безбожнымъ, если онъ не подаетъ хлѣба голодному! Должно ли быть такое противорѣчіе? Не является ли оно доказательствомъ, что мы, поклоняясь противному природѣ закону, идемъ по ложному пути, и что въ этомъ тайна безсилія добра, и что добродѣтелямъ такъ и полагается ходить въ лохмотьяхъ, ибо они служатъ жалкому и безполезному дѣлу?“ [3]).

Пути природы—явный обманъ, какъ выражается В. Соловьевъ. Каждое поколѣніе существуетъ для производства слѣдующаго, т. е. „жизнь каждаго поколѣнія безсмысленна, но если безсмыс-

ленна жизнь каждаго, то значитъ—безсмысленна жизнь всѣхъ. Это безсмысленное существованіе называется жизнью рода“ [4]).

По мнѣнію Вл. Соловьева, „царство природы есть царство смерти“ и „власть смерти, тяготѣющая надъ нашимъ животнымъ существованіемъ и превращающая его въ напрасный *порывъ*, не есть что-нибудь случайное“. Доказываетъ тѣмъ, что не только особи умираютъ, но вымираютъ и цѣлые роды существъ. Геологія разсказываетъ о гибели цѣлыхъ образованій животнаго и растительнаго царства, а астрономія говоритъ, что цѣлые міры и собранія міровъ, образовавшись изъ безформеннаго и безвиднаго міроваго вещества, снова разлагаются и разсѣваются въ пространствѣ и что прежде чѣмъ подобная участь постигнетъ нашъ солнечный міръ, земля и другія планеты мертвыми ледяными глыбами будутъ носиться кругомъ потухающаго солнца [5]).

По словамъ В. Соловьева, „живи по природѣ значитъ—убивай другихъ и себя. Человѣкъ животное покоряется такой участи, но человѣческое сердце не можетъ съ этимъ помириться“ [6]).

А. Шопенгауэръ находитъ въ природѣ лишь глупую экономію. „Гдѣ только нужна случайная экономія; она соблюдена природою и органъ, даже внѣ порядка, отсутствуетъ; поэтому наприм. многимъ разновидностямъ гусеницъ не дано глазъ. Бѣдныя созданія переползаютъ съ листа на листъ, выставляя на воздухъ три четверти туловища, при чемъ движутъ его во всѣ стороны, пока не наткнутся на что нибудь“ [7]).

Мрачный отзывъ Шопенгауэра вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности.

Характеристической чертой природы въ ея безконечномъ и неустанномъ творчествѣ является страшная трата зародышей, т. е. трата силъ, живыхъ существъ. Природѣ безразлична судьба индивида, она всѣ силы своей энергіи направляетъ лишь на сохраненіе и продолженіе рода. И въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями ея средствами, какъ это прекрасно уяснилъ Дарвинъ, служатъ: 1) массовое производство зародышей, 2) приспособленіе ихъ къ жизненной обстановкѣ, путемъ подбора приспособленныхъ и уничтоженія неприспособленныхъ и 3) наслѣдственная передача наиболѣе подходящихъ къ жизни особенностей. Все слабое, все безпомощное, все нуждающееся по слѣпому закону природы обречено на смертную казнь, на которую въ концѣ концовъ обреченъ и всякій индивидуумъ, исполнивъ свои обязанности по продолженіи рода, согласно велѣніямъ природы.

Наше нравственное чувство возмущается этими кровавыми законами природы и мы для человѣка желаемъ создать иные законы, законы, въ коихъ разуму и любви было бы отведено больше мѣста.

Горькой ироніей кажется въ настоящее время ученіе Руссо,

Фурье и ихъ сторонниковъ о природѣ, какъ совершенствѣ, какъ идеалѣ стремленій человѣчества. „Revenons à la nature“—это кличъ старыхъ утопистовъ въ настоящее время звучитъ чѣмъ-то дѣтски наивнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грубымъ, жесткимъ и глубоко безнравственнымъ. Этотъ-то кличъ и привелъ въ своемъ логическомъ развитіи къ системѣ аморализма Ницше и его учениковъ.

Ш. Фурье говоритъ: „Богъ создалъ соціальные кодексы для насѣкомыхъ; можетъ ли быть, чтобы онъ не создалъ ихъ для рода человѣческаго, болѣе достойнаго заботъ, чѣмъ пчелы, муравьи, осы? Могъ ли онъ создать страсти и элементы индустріи, не зная къ чему ихъ предназначать? Въ этомъ случаѣ было бы болѣе неблагоразумія, чѣмъ даже въ нашихъ работахъ, потому что архитекторъ, собирающій матеріалы для постройки, не пренебрегаетъ обязанностью напередъ составить планъ зданія, за которое онъ берется. Богъ долженъ былъ предвидѣть неспособность нашихъ законодателей — Солоновъ, Юстиніановъ, Монтескье, Тарже. Если эти люди признаютъ себя способными создавать соціальные кодексы, Богъ тѣмъ болѣе зналъ, что дѣлалъ; они опираютъ свои законы на принужденіи, на полицейскихъ, на висѣлицахъ, Богъ основалъ ихъ на взаимномъ ихъ влеченіи“ [9]).

„Богъ сдѣлалъ хорошо все то, что онъ сдѣлалъ“. [10]).

Но самъ же онъ признаетъ, что цивилизація разрушаетъ естественные законы, что соціальный строй долженъ быть замѣненъ новымъ, который онъ называетъ соціэтарнымъ. Если такъ, то значитъ соціальные законы, созданные Богомъ, въ дѣйствительности не проявляютъ своей силы. Если законъ всемірнаго тяготѣнія не дѣйствуетъ въ дѣйствительности, то какой же это законъ! Онъ былъ бы пустѣйшимъ измышленіемъ, если бы для своего осуществленія требовалъ открытія его Фурье—Ньютономъ и за тѣмъ созданія тѣхъ условій, при коихъ онъ долженъ дѣйствовать.

Глубоко прискорбные факты на каждомъ шагу убѣждаютъ насъ въ неосновательности оптимизма, приписывающаго природѣ всевозможныя совершенства и начало коему въ христіанскомъ мірѣ было положено еще І. Златоустомъ, сказавшимъ, что Богъ помѣстилъ человѣка какъ въ царскій дворецъ. Онъ полагалъ, что каждый долженъ съ презрѣніемъ смотрѣть на созданія искусства, видя наприм. восходящее солнце [11]).

Природа дѣйствительно величайшій художникъ, и ея картины поражаютъ самыхъ великихъ художниковъ. Но фактъ этотъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что человѣкъ пока плохой художникъ, что художество въ его настоящемъ состояніи напоминаетъ первобытное производство

орудій, которыя были простымъ подражаніемъ природѣ. И врядъ ли на этой обезьяньей стадіи человѣческое художество остановится. Муравью представляется величественной горой обыкновенный камень, являющійся простой пращей даже не для Галіафа.

Въ дѣйствительности тотъ пышный дворецъ, о которомъ говоритъ І. Златоустъ, есть ни болѣе, ни менѣе, какъ мертвецкая. Можно положительно сказать, что природа главнымъ образомъ творитъ лишь смерть.

Она рождаетъ живыхъ только какъ матеріалъ для своей смертоносной цѣли. Все живое она предназначаетъ къ закланію. И въ общемъ за прошлое смерть занимаетъ 99%, а производство матеріала для смерти не болѣе 1%. Вымерли лѣса растительности, вымерли цѣлые роды и виды животныхъ. И это общее *свойство природы*. Говорятъ, грѣхъ произвелъ смерть, Но чѣмъ же согрѣшили деревья? Чѣмъ согрѣшили животныя?

Одинъ человѣкъ созналъ, что есть и должно быть безсмертіе. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ выше природы.

По выраженію В. Соловьева, „земная природа вѣчно строитъ жизнь на мертвыхъ костяхъ“ [12]).

По его основательному замѣчанію, безсердечіе природы особенно проявляется въ любви. „Законъ того животнаго размноженія, котораго мы стыдимся, есть законъ вымѣщенія или вытѣсненія однихъ поколѣній другими, законъ прямо противный принципу всечеловѣческой солидарности. Обращая силу своей жизни на произведеніе дѣтей, мы отвращаемся отъ отцовъ, которымъ остается только умереть. Мы не можемъ ничего создавать изъ себя самихъ,—то, что мы даемъ будущему, мы отнимаемъ у прошедшаго, и черезъ насъ потомки живутъ на счетъ предковъ, живутъ ихъ смертью. Такъ поступаетъ природа, она равнодушна и безжалостна“ [13]).

Отношеніе между природой и человѣкомъ иллюстрируются фактомъ: вода течетъ въ рѣки, т. е. туда, гдѣ ее много. Человѣкъ же своимъ инженернымъ искусствомъ направляетъ ее въ сухія, высокія, безводныя пространства. На нашихъ поляхъ создаваемое исключительно природою выдергивается и уничтожается—это сорныя травы и сельскій хозяинъ, стремясь увеличить количество хлѣба, борется съ природою, очищая поля отъ ея произведеній.

„Въ эпоху варварства, говоритъ популярнѣйшій изъ европейскихъ экономистовъ, природа создаетъ человѣка; въ эпоху цивилизаціи человѣкъ создаетъ природу. Въ теченіи одного поколѣнія мы видѣли одну и ту же страну, подъ однимъ и тѣмъ же климатомъ, населенную послѣдовательно сперва людьми, погрязшими въ самую гнусную нищету, а затѣмъ другими людьми, наслаждающимися высшею прелестью благосостоянія. Въ Австра-

ліи, гдѣ недавно туземцы питались падалью и часто умирали отъ голода, возвышаются великолѣпные города, Сидней и Мельбурнъ, украшенные всѣмъ блескомъ цивилизаціи. Въ Америкѣ, въ этихъ обширныхъ равнинахъ, гдѣ жалкій индѣецъ безъ конца продолжалъ бы жить ненадежными продуктами охоты, англосаксонцы со дня на день основываютъ замѣчательно счастливыя общины“ [14]).

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда природа щедра, ея дары—дары Данайцевъ. Народы, населяющіе острова Новыхъ Гебридъ, ничего не видѣли, кромѣ коралла, лавы и деревьевъ. „Они не знали о существованіи чего либо другого на свѣтѣ.—Природа здѣсь добра до несчастья. Ихъ солнце освѣщаетъ такъ, что они никогда не знаютъ ни холода, ни жары; оно даетъ имъ урожаи въ такомъ изобиліи, которому нѣтъ примѣра, и распредѣляетъ ихъ такъ, что они представляютъ собою сплошное время жатвы. —Стоя внѣ борьбы за жизнь, они стоятъ внѣ самой жизни. Третированные какъ дѣти, они остаются дѣтьми“ [15]).

Изъ нашихъ экономистовъ наиболѣе основательно ученіе о природѣ Н. Чернышевскаго. По его мнѣнію, съ точки зрѣнія человѣческихъ потребностей природа устроена совсѣмъ не цѣлесообразно. Прорываютъ „Суэзскій и Панамскій перешейки—ясно, что эти перешейки чему-то мѣшаютъ. Французы сверлятъ въ южной половинѣ Алжиріи артезіанскіе колодцы,—надобно полагать, что воды въ тѣхъ мѣстахъ меньше нежели нужно человѣку. Риттеръ и Гумбольтъ давно доказали, что расположеніе Алтайскихъ горъ на югѣ Сибири вовсе не удобно для сибиряковъ, которымъ было бы лучше защищаться горами отъ полюса; они же говорятъ, что если бы море раздробило Азію на такіе же мелкіе куски, какъ раздроблена Европа, то для азіатовъ было бы гораздо лучше. Африкою они совершенно не довольны, и если бы только дать имъ волю, они бы всю ее исполосовали длиннѣйшими и широкими заливами, устроили бы въ ней по крайней мѣрѣ два или три Средиземныхъ и Балтійскихъ моря. Нельзя сказать, чтобы они во всемъ были довольны и Европой: по ихъ мнѣнію, жаль, что горы у ней на югѣ, а не на сѣверѣ. Если бы ихъ воля, они перенесли бы Балканы въ Олонецкую губернію. Это, конечно, не скоро удастся сдѣлать; но что могутъ, то дѣлаютъ люди, что бы переработать природу по своему. Гдѣ могутъ, они стараются осушать болота, поправлять теченіе рѣкъ, очищать ихъ устья, строить плотины, проводятъ каналы,—мало ли чего они не дѣлаютъ. Да и что такое экономическая дѣятельность, какъ не переработка природы для удовлетворенія человѣческимъ потребностямъ? Надобно человѣку ѣсть,—ему приходится пахать землю; да еще мало того, что пахать, надобно удобрить ее, надобно передѣлывать почву. Хочется человѣку укрыться отъ непогоды,

опять оказывается, что природа не приготовила для него ничего, кромѣ пещеръ, и приходится опять таки передѣлывать природу, строить себѣ жилище. Даже тѣ вещи, которыя въ природномъ видѣ могли бы быть для него полезны, онъ находитъ все еще неудовлетворительными и старается улучшить ихъ по своимъ узкимъ соображеніямъ. Наприм., есть на овцѣ натуральное руно, онъ этою шерстью недоволенъ: говоритъ, будто она груба; начинаютъ перевоспитывать овецъ, разводить искусственную породу мериносовъ. Можно питаться говядиной—онъ опять таки находитъ, что надобно передѣлать коровью породу, чтобы мяса было больше и что бы оно было вкуснѣе. Словомъ сказать, до чего дотронется человѣкъ, все не по немъ, все не такъ, все надобно передѣлать". На каждомъ шагу „искусственный порядокъ вещей" [16]).

Вѣрно. Безтолкова рѣчь о цѣлесообразности природы съ точки зрѣнія потребностей человѣка. Весь хозяйств. трудъ говоритъ о нецѣлесообразности, о борьбѣ съ природой, о приспособленіи къ ней, о передѣлкѣ ея. Весь хозяйств. бытъ есть искусство человѣка, его творчество, результатъ его труда.

Но и съ своей собственной природой необходимо бороться. Хотя Н. Чернышевскій признаетъ природу человѣка „стройною и согласною въ своихъ частяхъ", но „подъ вліяніемъ противныхъ потребностямъ человѣка условій внѣшней природы самая жизнь человѣка подвергается уклоненіямъ и развиваются въ ней самой противорѣчія. Различныя потребности, развиваемыя недостаткомъ нормальнаго удовлетворенія, достигаютъ крайностей, вредныхъ для всякаго человѣка. Всѣ эти крайности еще болѣе искажаются и преувеличиваются вліяніемъ тщеславія, составляющаго искаженіе основного чувства человѣческой природы, чувства собственнаго достоинства. Т. образомъ человѣкъ подвергается внутреннему разстройству отъ порока и экзальтированныхъ страстей. Условія, въ которыхъ мы живемъ, такъ неблагопріятны для коренныхъ потребностей челов. природы, что самый лучшій изъ насъ страдаетъ этими недостатками. Коренной источникъ ихъ—несоразмѣрность средствъ къ удовлетворенію съ потребностями—имѣетъ чисто экономическій характеръ; изъ этого уже легко сообразить, что пороки и экзальтированныя страсти должны самымъ прямымъ образомъ отражаться въ экономической дѣятельности, да и самыя дѣйствительныя средства противъ нихъ должны заключаться въ экономической области: вѣдь надобно обращаться противъ зла въ самомъ корнѣ, иначе не истребить зла" [17]).

Изъ несоразмѣрности потребностей и средствъ возникаетъ необходимость хоз. труда. И такъ какъ силы природы неизмѣнны, а силы человѣка растутъ, то не только есть надежда покорить природу, но и превзойти ее. „Мы принимаемъ за ариѳметическую истину, что со временемъ человѣкъ вполнѣ подчинитъ себѣ

внѣшнюю природу, на сколько будетъ ему нужно, передѣлаетъ все на землѣ сообразно съ своими потребностями, отвратитъ или обуздаетъ всѣ не выгодныя для себя проявленія силы внѣшней природы, воспользуется до чрезвычайной степени тѣми силами ея, которыя могутъ ему служить въ пользу. Этотъ одинъ путь уже могъ бы привести со временемъ къ уничтоженію несоразмѣрности между челов. потребностями и средствами ихъ удовлетворенія. Но достиженіе такой цѣли значительно сократится измѣненіемъ въ размѣрахъ и важности разныхъ челов. потребностей“ [18]).

Такимъ образомъ нашъ экономистъ приходитъ къ заключенію, что и природа самаго человѣка далека отъ совершенства и также подлежитъ перетворенію, какъ окружающая насъ внѣшняя природа. Мысль совершенно вѣрная. Въ мірѣ все подлежитъ измѣненію и самъ человѣкъ не можетъ не эволюціонировать и развиваться подъ вліяніемъ собственнаго разума.

Уже О. Кантъ говоритъ о недостаткахъ природы человѣка. Такъ онъ совершенно основательно жалуется, что у людей чувственность сильнѣе, чѣмъ мышленіе [19]) что органы мысли занимаютъ не болѣе $^1/_6$—$^1/_4$ мозга, что эгоизмъ сильнѣе симпатіи. Хотя онъ признаетъ, что при обратномъ отношеніи духъ потерялся бы въ умозрѣніяхъ и пала бы энергія, но для чего же одну несправедливость замѣнять другой, почему не допустить равенства?

И. Мечниковъ считаетъ природу человѣка далекою отъ совершенства. По его мнѣнію „въ настоящее время можно считать прочно установленнымъ животное происхожденіе человѣка отъ какой нибудь породы обезьянъ“. Человѣкъ есть усовершенствованная обезьяна, съ значительно развившимся черепомъ и менѣе развитой лицевой частью. Человѣкъ унаслѣдовалъ отъ своихъ животныхъ предковъ цѣлый рядъ вредныхъ для него свойствъ. Такъ часть кишекъ, нужная обезьянамъ при растительной пищѣ, совершенно не нужна человѣку. Толстыя кишки не только безполезны, но даже вредны для организма. Въ нихъ вырабатываются яды, убивающіе человѣка. „Я могу заключить, гов. онъ, совершенно обратно Руссо, что все, выходящее изъ рукъ Творца, далеко не во всѣхъ отношеніяхъ совершенно и что оно также далеко не портится въ рукахъ человѣческихъ. Напротивъ, человѣкъ, при помощи науки, въ состояніи исправить несовершенства своей природы“ [20]).

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи человѣка изъ глины или обезьяны, необходимо согласиться, что природа человѣка далека отъ совершенства, что до сихъ поръ разумъ мало былъ занятъ усовершенствованіемъ природы человѣка какъ ду-

ховной, такъ и матеріальной. Если начавшаяся культура не будетъ разрушена ею же создаваемыми варварами, обездоленными массами, то въ будущемъ и человѣческій организмъ будетъ сознательно усовершенствованъ въ соотвѣтствіи съ развивающимися потребностями.

И большинство наблюдателей признаютъ, что природа человѣка далека отъ совершенства.

По основательному замѣчанію И. А. Карышева, „человѣкъ— не послѣднее звено творенья, онъ не можетъ называться вѣнцомъ живыхъ и разумныхъ существъ, онъ не идеалъ совершенства. Всмотритесь въ его жизнь, какъ въ частную, такъ и общественную, развѣ это не цѣлый и безконечный рядъ курьезовъ, ни съ чѣмъ не сообразныхъ: вѣдь всякій себя медленно убиваетъ; всѣ народы мало-по-малу себя раззоряютъ; всѣ общества погрязли въ непроходимыхъ абсурдахъ и связали себя по рукамъ и ногамъ совершенно не нужными предразсудками, принципами, тенденціями и обычаями; причуды, въ которыхъ они запутались, заставляютъ страдать каждаго изъ ихъ и милліоны народовъ, стоящихъ въ зависимости отъ нихъ“ [21]).

Говорятъ, что человѣкъ есть микрокозмъ. Если это вѣрно, то понятно, почему природа человѣка заключаетъ въ себѣ такой же хаосъ, какой находится и во внѣшней природѣ. О послѣдней весьма основательно замѣчаніе Т. Карлейля, что природа какъ сфинксъ божественна, мила и нѣжна. У нея лицо и грудь богини, но въ то же время когти и тѣло львицы. Въ ней что-то небесно-прекрасное—порядокъ и разумъ—и черная роковая жестокость— порожденіе ада. Она богиня, но богиня лишь наполовину освобожденная изъ темницы, наполовину еще заточенная въ тюрьмѣ [22]).

Тѣмъ болѣе это необходимо сказать о природѣ человѣка. Это хаосъ въ микрокозмѣ и слѣдовательно хаосъ концентрированный, интенсивный. Божественнымъ принципамъ совѣсти и разума приходится вести упорную борьбу не только съ внѣшней природой, но и съ внутренней, съ физическими и духовно нравственными недочетами человѣка.

Растеніе есть дагеротипъ, животное ищетъ для себя укрѣпителей и проявителей, человѣкъ творитъ. Онъ не только фотографъ, онъ создаетъ фотографію. Онъ не только животное, укрѣпляющее и проявляющее свои природныя силы, онъ творитъ самую природу, заставляя ее работать на себя. Искусство и наука не только проявители и укрѣпители силъ, но и творческія силы сами по себѣ.

И вступить на этотъ путь человѣчеству обязательно, иначе ему угрожаетъ погибель. Уже Уильямъ Круксъ предсказывалъ неизбѣжность „мірового голода“.

Бертело уже звалъ химиковъ къ приготовленію искусствен-

ныхъ азотистыхъ веществъ. А теперь говорятъ о необходимости изготовлять искусственную бѣлковину. „Если въ XX ст. теоретическая химія откроетъ способы полученія искусственной бѣлковины, тогда рѣшится самый важный вопросъ человѣчества: — мы получимъ бѣлокъ, составляющій неотъемлемую принадлежность жизни. Тогда только мы приблизимся къ вопросу, что такое жизнь. Это будетъ величайшая побѣда человѣчества“ [23]).

М. Филипповъ, резюмируя успѣхи науки въ XIX в., говоритъ о тенденціи мысли въ близкомъ будущемъ. По его мнѣнію, вѣкъ пара отживаетъ свое время. Этотъ вѣкъ поглотитъ много милліардовъ пудовъ каменнаго угля совершенно напрасно, такъ какъ паровыя машины даютъ только 15—20% полезнаго дѣйствія. На смѣну паровыхъ машинъ выступаютъ машины термическія. Но особенно много можно ожидать уже въ XX в. отъ электричества и химіи, поставившей такіе идеалы, какъ производство искусственныхъ питательныхъ веществъ, искусственныхъ красокъ, искусственныхъ волоконъ и т. п. [24]).

Вотъ почему преступно, страшно преступно забывать слово Божіе: Ищите истину и истина освободитъ вы. Только въ наукѣ, въ знаніи человѣкъ находитъ дѣйствительный выходъ изъ состоянія раба природы и можетъ побѣдить основной и мрачный ея законъ смерти. Безконечно далека эта цѣль и человѣчеству предстоитъ еще не мало пережить новыхъ вполнѣ эволюціонныхъ и конъюнктивныхъ стадій, которыя оно, по заблужденію и самомнѣнію, часто принимаетъ за прогрессивныя. Достаточно сказать, что даже знаменитѣйшій изъ представителей нашего естествознанія, Д. И. Менделѣевъ видѣлъ прогресъ въ распространеніи нынѣшней культуры на моря и океаны. Онъ говорилъ, что въ непродолжительномъ времени и моря будутъ также культивируемы, какъ уже культивируется земля. „Сперва и землей пользовались исключительно такими же способами, какими до нынѣ пользуются морями, а именно собирали и потребляли только то, что само по себѣ, безъ всякаго участія человѣка, производилось землею. Понемногу люди овладѣли землею ради своихъ потребностей и стали только тогда усиленно размножаться и, слагаясь въ государства, совершенствовать и спеціализировать свои труды. А къ тому времени, когда жителей земли станутъ считать десятками милліардовъ, навѣрное успѣютъ овладѣть и моремъ для хозяйственнаго производства въ немъ всякаго рода полезностей, начиная отъ разведенія всякихъ полезныхъ и подходящихъ растеній и животныхъ, и кончая добычею золота, котораго въ моряхъ не только на днѣ, но прямо въ водѣ великое количество, даже болѣе чѣмъ на сушѣ“ [25]).

По всей вѣроятности, этотъ путь окажется неизбѣжнымъ, если развитіе химіи не сдѣлаетъ совершенно излишнимъ самые

принципы нынѣшней, чисто эволюціоной и конъюнктивной культуры. Если наука откроетъ секретъ превращенія неорганическаго вещества въ органическое, то исчезнетъ всякая борьба за существованіе, наша планета сдѣлается безпредѣльно вмѣстимою для населенія всѣхъ видовъ и родовъ. Вопросы о питаніи перестанутъ тревожить людей и вся энергія, затрачиваемая нынѣ на матеріальныя нужды, будетъ обращена къ духовно-нравственному творчеству. Человѣкъ приблизится къ Богу. Наслѣдственныя черты Отца Небеснаго, существующія нынѣ лишь въ потенціяхъ, получатъ реальное выраженіе. Рабы природы забыли о своемъ наслѣдственномъ правѣ. Они на каждомъ шагу топчутъ ногами свое право первородства, бѣгая за чечевичной похлебкой, и благодаря этому, потерявъ образъ и подобіе Отца, остаются и безъ чечевичной похлебки, борясь за нее, какъ собаки за кусокъ брошенной имъ кости. Учитесь и изслѣдуйте. Ищите истину, она и только она дастъ свободу человѣчеству, возвратитъ ему божественное наслѣдіе.

II.

Уже и въ первобытное время природа зависѣла отъ человѣка. По замѣчанію Гердера, поселите китайцевъ въ Греціи и никогда не было бы исторической Греціи. Но въ то время природа больше подчиняла себѣ человѣка, чѣмъ человѣкъ природу. Освобожденіе происходитъ медленно, но неуклонно, несмотря на всевозможныя препятствія, создаваемыя темными силами самаго человѣка. Но, по видимому, правъ Г. Спенсеръ, полагающій, что въ потенціяхъ человѣчества есть силы, естественно ведущія его къ лучшему. „Цивилизація не есть что нибудь искусственное, но это необходимое условіе мірового существованія, точно также, какъ и развитіе зародыша и цвѣта. Измѣненія, послѣдовавшія въ человѣчествѣ, имѣющія мѣсто до сихъ поръ, вытекаютъ изъ закона, которому подчиняется вся органическая природа.—Человѣческія свойства будутъ вполнѣ приспособлены къ общественной жизни, исчезнетъ все то, что мы называемъ зломъ и безнравственностью“ [26]).

Человѣкъ побѣждаетъ и покоряетъ природу въ ея проявленіяхъ. Силы же природы проявляются въ трехъ категоріяхъ естественныхъ явленій: во времени, пространствѣ и матеріи. Намъ необходимо прослѣдить путь борьбы съ природой въ тѣхъ основныхъ ея проявленіяхъ.

Говорятъ, что время есть категорія мышленія. Предполагается, что это элементъ субъективный, а не объективный. Если такъ, то можно утверждать, что было время (до появленія субъекта), когда времени не было, а это уже прямо нелѣпость. Въ дѣйствительности время есть реальнѣйшая величина въ мірѣ, не

создаваемая субъектомъ, но подчиняющая себѣ и всѣхъ субъектовъ. Время—это жизнь съ ея измѣненіями. Это движеніе всего живого по законамъ физическимъ, физіологическимъ, нравственнымъ, умственнымъ и соціальнымъ. Всякая потенція для своего осуществленія требуетъ времени и самое время есть процессъ осуществленія потенцій. Время не только мѣшокъ для содержимаго, но и процессъ метаморфозъ этого содержимаго. Экономисты давно поняли это, предлагая цѣнность вещей измѣрять рабочимъ времени. Если бы трудъ не проявлялся во времени, то не было бы различія въ стоимости, т. е. въ затратахъ личности для производства продукта. *И въ общемъ* количествомъ рабочаго времени для существъ болѣе или менѣе однородныхъ несомнѣнно можетъ быть измѣряемо количество затраты организма. Но точно также и относительно даровъ природы. Природа также не творитъ по мановенію воли. Она расходуетъ свои силы во времени и временемъ ея работы можетъ быть измѣняемо количество затратъ ея силъ и средствъ. Вполнѣ правъ Г. Джорджъ, считая время дѣятельности природы весьма существеннымъ экономическимъ элементомъ. „Во многихъ отрасляхъ, пишетъ онъ, роль труда можетъ быть уподоблена дѣйствіямъ дровосѣковъ, которые бросаютъ свои бревна въ рѣку, предоставляя теченію отнести ихъ къ берегу лѣсопильнаго завода милями ниже—время элементъ. Сѣмя пускаетъ въ землю ростки и растетъ, въ то время какъ фермеръ спитъ и вспахиваетъ новыя поля“ [27]).

И здѣсь время труда природы есть проявленіе затратъ ея силъ и средствъ, которыя должны быть вознаграждены для того, чтобы была возможность управлять силами, т. е. хозяйничать. Тоже и относительно капитала. Если бы охотникъ не имѣлъ части полезности создаваемой ружьемъ, то онъ не создавалъ бы ружья.

Наблюдатель, отправляющійся въ своихъ наблюденіяхъ съ пункта времени, замѣчаетъ двѣ категоріи силъ, которымъ подчиняются всѣ явленія.

Однѣ силы стремятся къ сохраненію родовъ и видовъ среди измѣнчивыхъ формъ. Такъ каждое растеніе даетъ сѣмена, изъ коихъ выходитъ такое же растеніе. Даже улучшенныя породы стремятся къ возстановленію особенностей своихъ предковъ. Такъ посѣвы сѣмянъ улучшенныхъ сортовъ яблокъ и грушъ даютъ не улучшенные сорта, а возстановляютъ дикихъ предковъ. Распространеніе культурныхъ сортовъ большею частью производится только дѣленіемъ или прививками. Въ мірѣ животномъ, какъ и въ человѣческомъ, наблюдается то же самое. Обобщая факты этого рода, можемъ сказать, что въ природѣ существуетъ *законъ постоянства во времени*, напоминающій собою законъ инерціи въ физическомъ мірѣ и законъ самосохраненія въ біо-

логическомъ мірѣ. Это какъ бы эхо вѣчности; эмоція, происшедшая изъ міра, въ которомъ нѣтъ смерти.

Но и постоянство имѣетъ свои градаціи. Особенности, наиболѣе сохранявшіяся въ теченіи цѣлыхъ рядовъ поколѣній, отличаются и наибольшей силой постоянства. Дикая яблоня или дикая груша побѣждаетъ культурныя особенности и изъ сѣмени культурнаго дерева получается дикій видъ именно потому, что первобытныя особенности побѣждаютъ вновь созданныя. Поэтому же чѣмъ старѣе культура народа, тѣмъ труднѣе у такого народа введеніе новшествъ и даже насильно введенныя новшества приспособляются къ старымъ привычнымъ образамъ. И у насъ христіанство должно было принять многія изъ формъ первобытныхъ вѣрованій, прежде чѣмъ замѣнило ихъ. Хотя и теперь на каждомъ шагу еще встрѣчаются остатки до—христіанской эры. Въ свою очередь новыя особенности отъ времени получаютъ права гражданства и дѣйствительную силу, т. е. начинаетъ въ новой сферѣ дѣйствовать тотъ же законъ постоянства во времени. Будучи закономъ инерціи, законъ постоянства не заключаетъ въ себѣ творческой силы. Онъ представляетъ собою въ природѣ то, чѣмъ является полиція въ гражданской сферѣ или военная сила, ограждающая страну отъ враговъ.

Творческая сила обыкновенно носитъ названіе дифференціаціи. Сущность ея намъ не извѣстна, какъ до сихъ поръ не извѣстны сущности вообще. Мы знаемъ только проявленія ихъ, т. е. явленія, по которымъ судимъ и о сущности.

Дифференціація состоитъ въ томъ, что всѣ явленія подлежатъ измѣненіямъ во времени. Наиболѣе рѣзкимъ примѣромъ такой эволюціи служитъ коренное измѣненіе наприм. плодовыхъ деревьевъ. На милліарды сѣмянъ выходитъ одно растеніе, рѣзко отличающееся отъ всѣхъ другихъ и за тѣмъ искусственно культивируемое. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такая эволюція получается въ результатѣ искусственнаго опыленія, хорошаго питанія, особо удачнаго положенія въ отношеніи къ солнцу и влагѣ и т. п. Въ этомъ же направленіи дѣйствуютъ законы борьбы, законы приспособленій и подбора.

Но эволюція не только встрѣчаетъ въ законѣ постоянства поддержку, но также и лютаго врага. Старое вступаетъ въ борьбу съ новымъ и лишь продолжительное время доставляетъ побѣду новому и лучшему, какъ болѣе соотвѣтствующему условіямъ жизни. Особенно это нужно сказать о моральномъ ростѣ человѣчества. Токвиль разсказываетъ объ офицерѣ изъ индѣйцевъ, съ колыбели воспитанномъ въ образованной семьѣ и получившемъ среднее и высшее образованіе. Онъ участвовалъ на сторонѣ сѣверянъ въ войнѣ за освобожденіе и тутъ замѣтили, что послѣ битвы молодой, образованный краснокожій офицеръ уда-

ляется отъ товарищей и въ уединеніи скальпируетъ павшихъ враговъ. Предки живутъ и въ современномъ человѣкѣ. Не даромъ говорятъ: поскребите культурнаго человѣка и за европейской внѣшностью вы найдете азіата. Каждый изъ насъ носитъ въ себѣ прошлое, но каждый же, передавая его потомкамъ, передаетъ и нѣчто новое, постепенно растущее, постепенно укрѣпляющееся. Только для суевѣрныхъ возможно такое чудо, какъ скачекъ „изъ области необходимости въ царство свободы“ и всеобщаго счастья, всеобщей любви и т. д. Чудесъ обыкновенно не бываетъ.

Время есть одинъ изъ существеннѣйшихъ факторовъ экономическаго прогресса. Это всѣ сознаютъ и объ этомъ наука чрезвычайно мало говоритъ. Между тѣмъ, всякій *процессъ* есть ничто иное, какъ *движеніе силъ во времени* и если прогрессъ есть процессъ, то, очевидно, время для него есть такое же необходимое условіе, какъ и наприм. время для перехода человѣка отъ одного возраста къ другому. Нельзя сразу сдѣлаться съ ребенка взрослымъ мужемъ. Для этого необходимо время. И положительно можно сказать, что какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для животнаго и для растеній, время есть сила, въ движеніи которой заключаются всѣ другія извѣстныя или неизвѣстныя намъ силы, такъ и для экономическаго прогресса *время есть сила силъ*.

Изъ экономистовъ можно указать на одного Карла Менгера, который уяснилъ надлежащимъ образомъ этотъ факторъ прогресса. По его вѣрному замѣчанію, „прогрессъ въ познаніи причинной связи предметовъ съ благосостояніемъ людей и возрастающее подчиненіе наиболѣе отдаленныхъ условій этого благосостоянія привели людей отъ состоянія дикости и глубочайшей бѣдности къ современной ступени ихъ культуры и благосостоянія, обратили страны съ малочисленнымъ, трудящимся и все же находящимся въ крайней нуждѣ населеніемъ въ густо населенныя культурныя страны, и можно быть увѣреннымъ, что хозяйственный прогрессъ людей и въ будущемъ будетъ опредѣляться указанными успѣхами“ [28]).

Съ этой точки зрѣнія Менгеръ совершенно основательно отрицаетъ то преувеличенное значеніе раздѣленія труда, въ которое впалъ А. Смитъ и вслѣдъ за нимъ всѣ экономисты въ дѣлѣ объясненія благосостоянія. Менгеръ представляетъ себѣ общество съ полнѣйшимъ раздѣленіемъ труда. Какое либо австралійское племя раздѣлило между своими членами трудъ такъ, что одни занимаются охотою, другіе—рыболовствомъ, третьи—собираніемъ дико растущихъ плодовъ, женщины приготовленіемъ пищи и т. д. Можетъ ли это дѣленіе вызвать благосостояніе? „Очевидно, данное племя будетъ достигать такимъ способомъ прежнихъ результатовъ труда съ меньшими усиліями, а при за-

тратѣ тѣхъ же усилій—большихъ результатовъ и такимъ образомъ улучшитъ свое положеніе, насколько это достижимо при наиболѣе цѣлесообразной и плодотворной организаціи оккупаторной дѣятельности; однако это улучшеніе значительно будетъ отличаться отъ того, которое мы дѣйствительно наблюдаемъ у прогрессирующихъ въ хозяйственномъ отношеніи народовъ. Мы видимъ, что охотникъ, преслѣдующій дичь съ дубиною въ рукахъ, переходитъ къ охотѣ съ помощью лука и сѣти, къ скотоводству и постепенно къ болѣе интенсивнымъ его формамъ; мы видимъ, что люди, питающіеся дико-растущими плодами, переходятъ все болѣе и болѣе къ интенсивнымъ формамъ земледѣлія, мы видимъ, что возникаютъ промыслы, что они совершенствуются введеніемъ орудій и машинъ, и что въ тѣсной зависимости отъ указанныхъ переходовъ растетъ благосостояніе народа“ [29]).

Другими словами, само по себѣ раздѣленіе труда не даетъ прогресса. Для появленія послѣдняго необходимо сознаніе значенія времени, умѣнье соединять идею настоящаго съ идеей будущаго. Дикарь срубаетъ дерево, чтобы воспользоваться его плодами. Можно устроить какое угодно раздѣленіе труда по рубкѣ деревьевъ, но оно дастъ лишь разрушеніе благосостоянія, а не дѣйствительное благосостояніе. Можно какъ угодно раздѣлить ловлю рыбы въ рѣкѣ, но это раздѣленіе поведетъ лишь къ истребленію рыбы, а не къ увеличенію благосостоянія.

Но люди мало-по-малу пріучаются къ предусмотрительности. Въ свою очередь это результатъ времени, т. е. наблюденій за смѣной времени года, за урожайностью и т. п. Согласно съ этимъ люди начинаютъ думать о будущемъ и дѣятельность принимаетъ планомѣрный характеръ. Прогрессъ изъ пассивнаго становится активнымъ.

Вотъ почему самыя прекрасныя мѣропріятія очень часто не даютъ желательныхъ результатовъ, не соотвѣтствуя времени.

При Петрѣ I была сдѣлана попытка такой высокой децентрализаціи, о которой и до сихъ поръ у насъ никто не мечтаетъ. Въ 1721 г. указомъ о магистратахъ было дано почти *невѣроятное* городское самоуправленіе. „Понеже магистратъ, яко глава и начальство есть всему гражданству, говоритъ регламентъ, то онаго должность состоитъ въ томъ, еже *судити* гражданъ, содержати въ своемъ смотрѣніи *полицію,* положенные съ нихъ *доходы* собирать и отдавать по указамъ, куда отъ камеръ-колегіи будетъ опредѣлено, учреждать всю *экономію* (или домостроительство) города, яко купечество, всякое ремесло, художество и прочее, и чинить о всякихъ нуждахъ, и что къ гражданской пользѣ принадлежитъ, потребныя предложенія до главнаго магистрата“. Очевидно, въ рукахъ мѣстнаго самоуправленія было сосредоточено

все мѣстное благоустройство и даже „предложенія“, т. е. ходатайство о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ.

На дѣлѣ изъ этого ровно ничего не вышло. Новое вино встрѣтилось со старыми мѣхами, насчитывавшими цѣлыя вѣка жизни. Это система кормленія. Самоуправленіе отнимало хлѣбъ у кормильцевъ, привыкшихъ смотрѣть на населеніе, какъ на дойную скотину. И старые правители разрушали новый порядокъ. Историкъ Соловьевъ разсказываетъ, что въ Костромѣ дворъ городского самоуправленія въ 1722 г. былъ насильно отнятъ полковникомъ Татариновымъ подъ свою квартиру. Не послушныхъ представителей самоуправленія били „смертнымъ боемъ“, подвергали тюремному заключенію и т. д. Самъ Петръ I понималъ, что для мѣстныхъ органовъ необходима была въ то время большая центральная охрана отъ насильниковъ и создалъ ее въ видѣ Главнаго Магистрата. Но и Главный Магистратъ ничего не могъ подѣлать съ людьми, привыкшими къ системѣ кормленія въ теченіи вѣковъ. Вступался въ дѣло и Сенатъ, посылалъ на мѣста „командировъ“, чтобы придать „смѣлости“ представителямъ самоуправленія. Ничего не помогло. И нѣтъ силы, которая могла бы создать „смѣлость“ тамъ, гдѣ она атрофирована вѣковымъ административнымъ гнетомъ. Можно было ожидать лишь превращенія самоуправленія въ новую форму того же кормленія. И правъ пр. Градовскій: „когда въ человѣкѣ заглушено аристотелевское „общественное животное“, даетъ себѣ волю гадкое, себялюбивое, ненасытное я, которое есть самое злое зло и самый развратный развратъ въ мірѣ. Оно жадно захватитъ въ свои руки и общественныя дѣла“ [30]).

Какъ велико значеніе времени относительно воззрѣній видно изъ того, что даже знаменитый Бентамъ не возставалъ противъ истязаній государствомъ преступниковъ, а только желалъ бы такъ урегулировать истязанія, чтобы поменьше было произвола для палачей. Онъ этотъ великій гуманистъ—проектировалъ даже спеціальную машину, которая, подъ надзоромъ чиновниковъ, производила бы опредѣленныя порціи истязанія [31]).

Не удивительно, что у насъ въ теченіе всей нашей исторіи тѣлесныя истязанія были интегральною частью управленія. „Никто не избавлялся отъ нихъ, они грозили въ столькихъ случаяхъ и по такимъ разнообразнымъ поводамъ, что мудрено было прожить въ московскомъ государствѣ, не испытавъ въ какой либо формѣ тѣлеснаго наказанія. Были они распространены и въ западно-европейскомъ правѣ, но тамъ примѣненіе ихъ не допускалось для высшихъ сословій, они не были всеобъемлющими“ [32]).

Хотя одни изъ нашихъ историковъ, какъ Владимірскій-Будановъ, Фойницкій, полагаютъ, что до татаръ у насъ не было той системы истязаній, которая развилась послѣ татаръ, но ско-

рѣе можно согласиться съ С. М. Соловьевымъ и пр. Сергѣевскимъ [33]), что и до татарскаго нашествія наша общественность не отличалась особою мягкостью. Потокъ „Русской Правды“ состоялъ въ изгнаніи, заточеніи, смертной казни. Уже Владиміру св. епископы внушали: „ты еси поставленъ на казнь злымъ“. Само духовенство пользовалось казнями. Въ XI в. епископъ Лука Жидята обвинявшему его холопу велѣлъ отрѣзать руки и носъ. Въ XII в. епископъ Ѳеодорецъ поступилъ не менѣе жестоко. Въ 1068 г. князь Мстиславъ Изяславичъ, возвратившись послѣ изгнанія, массами кіевлянъ перерѣзалъ, другихъ ослѣпилъ. Въ 1098 г. ослѣпленъ кн. Василько. Въ 1177 г. рязанцы ослѣпили двухъ князей. Въ 1446 г. Василій Темный, самъ ослѣпленный, ослѣпилъ враждебныхъ ему князей. Въ 1545 г. Бутурлину отрѣзанъ языкъ за „невѣжливыя слова“. Въ 1743 г. въ царствованіе Елизаветы отрѣзаны языки у Лопухиной и Бестужевой за рѣчи противъ ея Величества. Петръ I, кромѣ вырѣзыванія языка, употреблялъ прожженніе его каленымъ желѣзомъ. Отрѣзаніе рукъ было общимъ явленіемъ въ XVII вѣкѣ.

По Соборному Уложенію 1649 г. отрѣзаніе рукъ полагалось даже за корчемство и воровство. Носы отсѣкались въ XIII вѣкѣ за кражу и государственныя преступленія. Уши отрѣзывались въ полицейскихъ цѣляхъ: чтобы можно было опознать. Для того же вырѣзывались и ноздри, что было отмѣнено уже въ 19 столѣтіи, а именно въ 1817 году и то лишь потому, что оно найдено „излишнимъ“ — „при нынѣшнемъ устройствѣ внутренней стражи“. Съ 1397 г. употребляется также клейменіе. Въ 1705 г. приказано натирать клейма порохомъ „многажды на крѣпко, чтобы они тѣхъ пятенъ ничѣмъ не вытравливали и не оживили и тѣ пятна на нихъ, ворахъ, были знатны на смерть ихъ“. Сохранено клейменіе и въ Уложеніи 1845 г. Въ указѣ сказано, что это „полицейская мѣра для предупрежденія побѣговъ“, т. е. для облегченія полиціи уродовали людей. Конечно, послѣ всѣхъ предварительныхъ истязаній клейменіе могло быть лишь полицейской мѣрой. Оно называлось „заорленіемъ“. Въ 1702 г. священника Никитина за наученіе прихожанина къ неправильному показанію велѣно „быть кнутомъ нещадно и заорля въ щеку сослать“.

Но постояннѣе и страшнѣе всего былъ кнутъ, считающійся у европейцевъ русскимъ знаменемъ. По словамъ А. Г. Тимофеева, изучавшаго вопросъ спеціально, „болѣзненныя тѣлесныя наказанія были извѣстны русскому праву въ разнообразныхъ формахъ отъ кнута до розгъ, занимали въ немъ господствующее положеніе и налагали рѣзкій отпечатокъ на всю карательную систему, въ которой битье являлось почти неизбѣжнымъ спутникомъ всякаго значительнаго наказанія, не говоря уже о

многочисленныхъ случаяхъ, въ которыхъ оно примѣнялось самостоятельно“ [34]).

„Кнутъ, говоритъ онъ далѣе,—самое тяжкое болѣзненное наказаніе, наводившее ужасъ на иностранцевъ, не одно столѣтіе занималъ центральное положеніе въ русской карательной системѣ, такъ что *понятіе о немъ даже стало связываться съ представленіями о русской юстиціи вообще*“ [35]).

Цѣлыя легенды создавались объ этомъ страшномъ орудіи правосудія въ Россіи. Датскій посланникъ Юстъ Юль (1709—1710 г.) разсказываетъ, что кнутъ есть „особый бичъ, сдѣланный изъ пергамента и сваренный въ молокѣ. Онъ до того твердъ и остръ, что имъ можно рубить, какъ мечемъ“ [36]).

Кнутъ былъ извѣстенъ до татаръ. Въ древнѣйшемъ академическомъ спискѣ „Русской правды“ говорится: „если кто ударитъ кнутомъ, палкою“. О кнутѣ упоминается у Даніила Заточника. Съ эпохи судебниковъ онъ получаетъ уже широкое историческое значеніе. Судебникъ 1497 г. говоритъ „бити кнутьемъ да исцево на немъ доправити“. Битье кнутомъ называлось „торговой казнью“. Многихъ сперва били, потомъ вѣшали. Въ Уложеніе 1649 г., по счету пр. Сергѣевскаго, кнутъ полагался по 140 статьямъ. Почти за всѣ преступленія полагался кнутъ или какъ добавочное, или въ видѣ самостоятельнаго наказанія. Особенно лихоимство преслѣдовалось кнутомъ, что не мѣшало ему расти.

По замѣчанію А. Г. Тимофѣева, кнутъ считался государственной понацеей противъ всѣхъ золъ [37]).

Своего апогея кнутобитіе достигаетъ во второй половинѣ XVII в. При Петрѣ В. били кнутомъ торговцевъ старомодныхъ платьевъ, домовладѣльцевъ, бросающихъ на улицу соръ; кнутъ полагался за рѣзанье скота въ неуказанныхъ мѣстахъ; нищихъ также истязали кнутомъ. До 1845 г. кнутъ у насъ считался государственной панацеей. Били кнутомъ лежащихъ, стоящихъ, водимыхъ голыми по улицамъ [38]).

Былъ назначенъ въ XVIII ст. максимумъ 300 ударовъ и minimum 5 ударовъ. Въ 1828 г. убійцамъ Минкиной, любовницы Аракчеева, было дано по 300 ударовъ. Юстъ Юль впрочемъ утверждалъ, что жертва „государственной паницеи“ рѣдко переживала 50 ударовъ, послѣ 50 ударовъ били уже мертвыя тѣла. Кнутъ былъ замѣняемъ батогами въ видѣ особой милости. Въ XVIII в. послѣ кнута считалось слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ плети и розги, которыя считались казнью, устанавливаемою не только общимъ, но и духовнымъ судомъ для священниковъ и монаховъ, а также женъ духовныхъ лицъ и ихъ дѣтей. Въ 1754 г. наказаны плетьми 18 монахинь, выбравшихъ игуменью изъ бѣлицъ. Священниковъ наказывали плетьми за

дерзость противъ начальства. При Петрѣ В. въ дополненіе къ плетямъ введены были уставомъ 1720 г. кошки. Петромъ В. были введены и шпицрутены главнымъ образомъ для солдатъ. Шпицрутены въ широкихъ размѣрахъ практиковались еще при Николаѣ I. Описанія казни, по замѣчанію Тимофеева, наводятъ ужасъ на читающаго ихъ. Это была дѣйствительно мучительная квалифицированная смертная казнь.

И вотъ всѣ эти ужасы дѣйствовали у насъ въ теченіи вѣковъ и русскіе граждане немного освободились отъ страшнаго историческаго кошмара только во второй половинѣ XIX вѣка!

Реформаторъ Россіи Петръ I приглашалъ къ себѣ знатнѣйшихъ сановниковъ и наказывалъ ихъ батогами. Въ 1714 г. были биты кнутомъ два сенатора Волковъ и Опухтинъ, имъ жгли, кромѣ того, языки каленымъ желѣзомъ. Не щадили высокихъ бояръ и сановниковъ, не щадили придворныхъ дамъ, которыхъ также раздѣвали до нага, наказывали кнутомъ и жгли языки.

Понятно, о развитіи личности при такихъ порядкахъ нельзя и говорить. Можно удивляться лишь живучести у русскихъ людей образа и подобія Божія, сохранившихъ въ своей кошмарной исторіи разумъ и не превратившихся въ звѣрей. Достаточно сказать, что шпицрутены были отмѣнены только въ 1863 г.! А тѣлесныя наказанія для крестьянъ только въ XX в. по Рождествѣ Христовомъ.

Такъ живуча мерзость въ человѣчествѣ! И только всемогущее время могло если не побѣдить, то лишь ослабить нашу „государственную панацею“.

Приходящій въ ужасъ отъ этихъ историческихъ кошмаровъ пусть не думаетъ, что онъ, живя въ періодъ господства ихъ, не былъ бы активнымъ участникомъ истязаній! Даже московскій митрополитъ Филаретъ, писавшій манифестъ 19 февраля, писалъ на запросъ министра юстиціи Панина, желавшаго уничтожить истязанія, что христіанство „одобритъ сію кротость, но и не осудитъ строгости, только бы наказаніе было бы справедливо и не чрезмѣрно“!

Это писалось уже во второй половинѣ XIX в.!

То было страшное *время*. И нужны вѣка, чтобы въ русской жизни изгладились слѣды его.

Вѣчное битье обращало жертвы въ рабовъ, восхищавшихся самимъ битьемъ. Такъ архіепископъ Сибирскій Нектарій въ письмѣ къ придворному Михаила Ѳеодоровича съ умиленіемъ вспоминаетъ о настоятелѣ своемъ: „всего было 1430 боевъ въ 2 года, училъ клюкою и остномъ, прободалъ и мелномъ, коимъ въ жерновѣ мелютъ муку, и пестомъ и кочергой и поварнями и рогатками, и не только древомъ, но и желѣзомъ, за власы рваніемъ и кирпичемъ—*всѣмъ душу спасалъ*“ [39]).

До какой атрофіи личности нужно дойти, чтобы въ изстязаніяхъ видѣть путь спасенія души!

О русской личности такъ говоритъ современникъ иностранецъ: „Великій князь, говоритъ *Барберини*, (XVI в.) приказывалъ сѣчь, растянувъ на землѣ, знатнѣйшихъ бояръ. Нѣтъ почти ни одного не высѣченнаго чиновника, но они не гонятся за честью и больше чувствуютъ побои, чѣмъ знаютъ, что такое стыдъ". Стрюйсъ, жившій въ Россіи въ XVII в. также свидѣтельствуетъ, что русскіе не считали позорнымъ публичнаго битья кнутомъ. Только Олеарій замѣтилъ проблески не страха, а позора предъ кнутомъ. „Тѣлесныя наказанія, гов. Тимофеевъ, до конца перваго періода (и 2-й половинѣ царствованія Петра I) цѣнились лишь по свойству причиняемыхъ страданій, степень была ихъ единственной мѣрой".

При такихъ условіяхъ о правосудіи не могло быть и рѣчи. По словамъ Барберини, *„какъ угодно государю,* такъ и рѣшаетъ судъ, отъ того часто бываетъ, что одинъ за бездѣлицу отдается на съѣденіе медвѣдямъ, другой хотя въ чемъ большемъ провинится, о томъ даже и не разговариваютъ". Сильвестръ въ Домостроѣ смотритъ на царскій гнѣвъ, какъ на гнѣвъ Божій. До 1680 г. въ челобитныхъ сохранялась фраза: „чтобы государь пожаловалъ, умилосердился, какъ Богъ". По словамъ Корба „даже турки не изъявляютъ *съ болѣе отвратительной* покорностью своего приниженія предъ скипетромъ султановъ" [40]).

Какъ видимъ, не правъ Чаадаевъ, видѣвшій въ нашей исторіи лишь бѣлую страницу.

При этомъ въ африканской степи русской исторіи Чаадаевъ видитъ хорошее будущее. Пустота нашего прошлаго не только не мѣшаетъ роли безпристрастныхъ судей и вершителей европейскихъ тяжебъ, а напротивъ именно она то и дѣлаетъ возможнымъ исполненіе этой роли.—„Большая часть вселенной подавлена своими преданіями, своими воспоминаніями: не будемъ завидовать ея узкому кругозору: въ сердцѣ большинства націй засѣло глубоко сознаніе прожитой жизни и тяготѣетъ надъ настоящимъ.—Мы никогда не жили подъ роковымъ давленіемъ исторической логики; воспользуемся же огромнымъ преимуществомъ — повиноваться только голосу просвѣщеннаго разума, зрѣлой воли" [41]).

Въ дѣйствительности наше прошлое полное „роковымъ давленіемъ исторической логики", общей всему человѣчеству, ибо въ свое время всѣ народы переживали эту логику. И совершенно не правъ также Погодинъ, который въ своемъ дневникѣ (1829 г.) писалъ: „Удивительный русскій народъ, но удивителенъ только еще въ возможности. Въ дѣйствительности онъ низокъ, ужасенъ и скотенъ" [42]).

Печальное прошлое, заставившее нашего историка такъ мрачно отозваться о русскомъ народѣ, было удѣломъ всѣхъ народовъ вообще. Если человѣкъ есть храмъ Духа Святого, по словамъ Спасителя, то этотъ храмъ издавна запущенъ и опозоренъ. И многое изъ того, что и намъ кажется совершенно естественнымъ, не возбуждая отвращенія, уже нашимъ ближайшимъ потомкамъ будетъ казаться не вѣроятнымъ.

Время нашей исторической тьмы было длиннѣе, чѣмъ у западно-европейскихъ народовъ. Этому въ значительной степени содѣйствовала и суровая внѣшняя природа, своею безотрадностью скорѣе вызывавшая, чѣмъ нейтрализовавшая соціальную безотрадность.

Густавъ Лебонъ правъ, говоря: „Психологическіе виды, какъ анатомическіе, подвергаются дѣйствію времени. Они также осуждены старѣть и угасать. Всегда очень медленно образуясь они, напротивъ того, могутъ быстро исчезать. Достаточно глубоко нарушить функціонированіе ихъ органовъ, чтобы заставить ихъ испытать регрессивныя измѣненія; результатомъ которыхъ часто бываетъ очень быстрое уничтоженіе. Народамъ нужны многіе вѣка, чтобы пріобрѣсть опредѣленный психическій складъ, и они его иногда теряютъ въ очень короткое время. *Восходящая дорога, которая ведетъ ихъ на высокую ступень цивилизаціи, всегда очень длинна; покатость же, ведущая ихъ къ паденію, чаще всего бываетъ очень короткой*“ [43]).

Какъ ретроградные, такъ и прогрессивные разрушители, какъ таковые, представляютъ собою государственную опасность именно потому, что *разрушать можно въ одинъ день, а для созиданія требуются вѣка.* Поэтому то въ дѣйствительности періоды ретроградные, какъ и періоды революціонные, ведутъ лишь *къ смутному времени,* выходъ изъ котораго въ нормальномъ порядкѣ не мыслимъ. Разрушительная дѣятельность Ивана Грознаго неизбѣжно привела къ смутѣ, чуть было не окончившейся погибелью государства, на образованіе котораго затрачено было столько кровавыхъ усилій. Также періодъ бюрократизма, похитившаго самодержавіе, привелъ къ портсмутскому позору и безпримѣрной по звѣрству и гнустностямъ революціи, также поставившей было на карту самое существованіе Россіи и во всякомъ случаѣ сильно ослабившей и безъ того разрушенный бюрократіей русскій организмъ. Въ обоихъ случаяхъ деспотизмъ атрофировалъ личность русскаго гражданина, ослаблялъ народную предпріимчивость и самодѣятельность. А гдѣ тонко, тамъ и рвется или друзья готовы помочь этому.

Для образованія чего либо требуется безконечно больше времени, чѣмъ *для разрушенія* его.

Это величайшій *законъ* природы, игнорируемый на каждомъ шагу. Народъ выражаетъ его словами: болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками. Успѣхъ медицины основывается на этомъ естественномъ законѣ времени.

На этомъ основаніи органы не функціонирующіе быстро атрофируются. У рыбъ, живущихъ въ пещерныхъ водахъ, глаза атрофированы и въ такомъ атрофированномъ видѣ зрѣніе передается по наслѣдству. Для образованія глаза потребовались милліоны лѣтъ эволюціи, а для разрушенія его путемъ атрофіи достаточно жизни одного поколѣнія въ условіяхъ не требующихъ зрѣнія.

Этотъ законъ получаетъ громадное соціальное значеніе въ примѣненіи къ тѣмъ силамъ, отъ которыхъ зависитъ культура. Если какія либо неблагопріятныя условія атрофируютъ въ населеніи лучшія стороны человѣческой души, наприм. энергію, предпріимчивость, личное достоинство, способность къ иниціативѣ, храбрость и т. п., то въ такомъ атрофированномъ видѣ душа передается будущимъ поколѣніямъ и страна можетъ быстро изъ цвѣтущей превратиться въ трупъ. Упадокъ націй всегда происходитъ безконечно быстрѣе, чѣмъ ихъ возвышеніе. Въ этомъ отношеніи великій разбойникъ всегда больше сдѣлаетъ зла, чѣмъ самый геній можетъ сдѣлать добра.

III.

Справедливо замѣчаетъ А. Пренсъ: „Сила общества обусловливается наличностью сильныхъ индивидуальностей, но только содѣйствуя надлежащему развитію соціальныхъ группъ, мы создадимъ сильныя индивидуальности, потому что человѣкъ имъ всѣмъ обязанъ.—Ассоціація обезпечила правильное развитіе человѣчества. Она служитъ символомъ его плодотворной молодости,—той счастливой эпохи, о которой можно сказать, что въ ней дѣйствовалъ духъ солидарности, что въ ней чувствовалось біеніе коллективной души и существовалъ коллективный идеалъ. Ассоціація установила преемственность поколѣній; она представляетъ *картину общества, существующаго независимо отъ жизни или смерти его членовъ*: она олицетворила слѣдующую мысль Паскаля: „Поколѣнія, смѣнявшіяся въ теченіи вѣковъ могутъ быть разсматриваемы, *какъ одинъ человѣкъ, который вѣчно живетъ и вѣчно учится*“ [44]).

Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается указаніе на существеннѣйшій моментъ борьбы человѣка съ временемъ. Обреченный на эфемеридное существованіе, человѣкъ предпринимаетъ рано борьбу со своей эфемеридностью и организуетъ союзъ, какъ болѣе или менѣе вѣчное существо, продолжающее жить, не

смотря на смертность составныхъ его частей. Для образованія этого-то вѣчнаго или отвеченнаго существа и пришлось въ первое время жертвовать личностью, такъ какъ наиболѣе сильнымъ былъ тотъ союзъ, въ которомъ отдѣльное лицо поглощалось цѣлымъ. Только такой союзъ могъ жить и дѣйствовать „какъ одинъ человѣкъ, который живетъ и вѣчно учится“. Индивидуальность могла до сихъ поръ бороться со своей эфемеридностью не иначе, какъ посредствомъ коллективизма. Коллективизмъ поэтому предшествовалъ развитію индивидуальности.

Коллективныя права возникли раньше индивидуальныхъ. Весь древній міръ вовсе не зналъ индивидуальнаго права. Поэтому въ родовыхъ союзахъ инородцы могли быть или гостями или врагами, но не равноправыми людьми. Соціальная группа, въ видѣ рода, племени и т. п., имѣла всю полноту правъ. Отдѣльный человѣкъ пользовался не своими индивидуальными правами, но какъ членъ группы. Мало того. Даже за преступленія отвѣчалъ не индивидуумъ, совершившій данное преступленіе, но члены группы. Отсюда кровавая месть, т. е. своеобразная чисто соціальная справедливость, въ силу которой Немезида считалась удовлетворенною, если убивали не убійцу, но любого члена его рода. Можно сказать, что изъ этой коллективной правды возникли индивидуальныя права, а не на оборотъ.

И чрезвычайно характерно, что индивидуализація общества привела не только къ индивидуальной правдѣ, но даже къ отрицанію коллективной правды и коллективныхъ правъ. Такъ до сихъ поръ такъ называемыя юридическія лица представляются въ глазахъ юристовъ особаго рода условной фикціей, а не реально правоспособными лицами, какъ субъектами правъ. Полагаютъ, что такія фикціи искусственно создаются государствами въ интересахъ общихъ. Какъ видимъ, здѣсь юристы даже отрицаютъ естественность подобныхъ правъ и признаютъ, что права создаются государствомъ, а не охраняются и укрѣпляются имъ. Очевидно, на юридическомъ мышленіи отразилась дѣйствительность, уничтожившая прежде могущественные родовые, племенные кастовые союзы и не замѣнившая ихъ ничѣмъ. Для юриста индивидуалиста нѣкогда всю личность поглощавшій коллективизмъ пересталъ существовать и онъ не видитъ новыхъ союзовъ, стремящихся замѣнить старые. И теперь наприм. говорятъ, что, какъ признаетъ кодексъ Наполеона, моментъ соглашенія о цѣнѣ есть моментъ заключенія акта продажи, а для союзовъ, создающихъ помощь иротамъ, таковымъ моментомъ является лишь разрѣшеніе полиціи...

Одной изъ важнѣйшихъ формъ коллективизма есть патріотизмъ, представляющій собою также одно изъ орудій борьбы съ эфемерностью. По справедловому разсужденію А. Прэнса, „изъ

милліарда существъ, рождающихся, исчезающихъ послѣ скоротечной жизни, какъ мимолетные атомы, есть такіе, которые принадлежали уголку, въ которомъ самъ живешь, черпали въ немъ свои индивидуальныя особенности и передавали ихъ намъ, чтобы мы въ свою очередь передали ихъ потомству. Душу наполняетъ какъ бы физическая любовь къ родинѣ, и человѣкъ начинаетъ понимать, что въ бурныхъ треволненіяхъ міровой жизни связь, соединяющая человѣка съ родною почвою и дающая ему точку опоры въ жизни, не составляетъ простой иллюзіи“ [45]).

Чѣмъ сильнѣе индивидуальная эфемеридность, тѣмъ больше стремленіе къ организаціи коллективной вѣчности. И въ дѣйствительности мы видимъ, что при отсутствіи безопасности, личности вполнѣ поглощаются коллективизмомъ: родомъ, племенемъ, государствомъ. Другими словами, происходитъ какъ бы настоящая замѣна индивидуальности соціальностью, физической личности юридическимъ лицомъ. И вся нынѣшняя культура главнѣйшія основанія свои получила отъ этого первоначальнаго періода, когда объ индивидуальныхъ правахъ еще не было и рѣчи.

И по мѣрѣ ослабленія опасности для жизни, т. е. по мѣрѣ ослабленія эфемеридности, вызываемой средой, личность начинаетъ получать все большее и большее значеніе и наконецъ вырабатываются такія формы *неумиранія*, т. е. соціальныхъ или юридическихъ лицъ, при которыхъ физическая индивидуальность проявляется во всей ея полнотѣ. Возникаетъ идея общей солидарности, въ свою очередь вызывающая необходимость общественнаго и государственнаго регулированія частныхъ цѣлей и силъ. Но какъ солидарность, такъ и это регулированіе не искусственныя мѣры не воздушные сады, но коренятся въ потенціи человѣка, въ существѣ отношеній между людьми и—въ организмѣ націи и вообще союзовъ. Если бы не было зачатковъ въ потенціяхъ, не было бы и въ жизни. Ибо, если человѣкъ въ настоящее время ни на одинъ атомъ не можетъ увеличить вещества, создать въ матеріальномъ мірѣ новое вещество, то тѣмъ болѣе онъ безсиленъ создать новыя этическія начала, т. е. создать изъ ничего новые моральные элементы.

Борьба съ эфемеридностью человѣческой жизни до сихъ поръ носитъ исключительно эволюціонный характеръ. Прогрессивный едва зарождается и напоминаетъ собою то до-историческое время, въ которомъ зарождалась эволюціонная борьба, въ концѣ концовъ создавшая культуру.

Первичные зачатки ея мы видимъ въ общинныхъ семьяхъ, когда люди соединялись для общаго нападенія или отраженія враговъ. Смерть индивидуума не прекращала общаго дѣла, которое продолжалось. На мѣстѣ физическаго и подверженнаго

смертности лица выступало соціальное лицо, въ видѣ общинной или племенной семьи.

Когда община разрослась и оказалось невозможнымъ охранять интересы соціальнаго лица при массѣ индивидуумовъ, большія общины начали обособляться и отдѣляться. Мало по малу возникъ родовой бытъ и за тѣмъ семья въ формахъ матернитета и патернитета. Въ семьѣ этой новой формы меньше было гарантіи сохраненія соціальнаго цѣлаго по смерти главы ея, но за то личность получала больше силы и недостатки эфемеридности восполнялись большимъ просторомъ для личнаго развитія и въ случаяхъ нужды родствомъ, какъ пережиткомъ старыхъ общинныхъ порядковъ, но получившихъ болѣе узкую сферу заботъ о единокровныхъ и ближнихъ. Въ случаѣ погибели главы семьи, родственники приходили на помощь осиротѣвшей семьѣ и возсоздавали соціальный союзъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появилось и регулированіе этого возсозиданія въ видѣ обычныхъ и религіозныхъ предписаній о вступленіи въ бракъ, о наслѣдованіи, объ отношеніяхъ дѣтей къ роду и т. п.

Сожительство нѣсколькихъ семей при общности интересовъ нападенія или отраженія вызвало необходимость установленія порядковъ для сожительства въ населенныхъ пунктахъ. Возникло сознаніе общности интересовъ, сознаніе необходимости коммунальнаго строя въ деревняхъ и городахъ. Коммуны, какъ представители общаго интереса, представляютъ собою соціальное тѣло еще болѣе долголѣтнее, чѣмъ прежніе союзы. Деревня или городъ продолжаютъ существовать, хотя бы всѣ индивидуумы перемѣнились. *Соціальное* тѣло переходитъ въ *юридическое лицо*.

Дальнѣйшей ступенью въ эволюціи побѣды надъ временемъ является сбереженіе времени отъ раздѣленія труда и накопленія капиталовъ.

Раздѣленіе труда есть учетъ будущихъ вѣковъ. То, для чего нація должна бы затрачивать цѣлыя столѣтія своей жизни, получается въ результатѣ годичнаго труда при спеціализаціи.

Накопленіе капиталовъ есть учетъ прошедшихъ вѣковъ въ цѣляхъ и интересахъ настоящаго времени.

Благодаря накопленію капиталовъ и сбереженію труда общество вступаетъ въ періодъ *органической* связи, какъ періодъ самоорганизаціи.

Рядомъ съ этимъ появляется и сознательная организація, состоящая въ образованіи всевозможныхъ договорныхъ, земскихъ, общественныхъ союзовъ и наконецъ въ превращеніи государства, какъ союза безопасности, въ морально-хозяйственный союзъ.

Въ государствѣ эфемерность личности достигаетъ полной нейтрализаціи. Государство, какъ юридическое лицо, не умираетъ, несмотря на всю смертность эфемеридъ, входящихъ въ

составъ его организма. Какъ въ физическомъ организмѣ отдѣльныя клѣточки погибаютъ, отработавъ свою эфемерную жизнь, такъ и въ національномъ организмѣ отдѣльные члены исчезаютъ, но цѣлое остается.

Возникаетъ идея превознесенія національнаго интереса надъ частнымъ и поглощенія личности государствомъ.

Но въ свою очередь государство, накопляя въ своемъ цѣломъ культурныя блага, возвышаетъ сознаніе личности, начинающей заявлять о своихъ интересахъ и правахъ. И мало по малу вырабатывается modus vivendi между личностью и государствомъ. Государство становится могущественнымъ восполнителемъ эфемеридности личности, предоставляя ей участіе въ своей вѣчности или долговѣчности. Благодаря государству, свободная личность въ теченіи своей жизни переживаетъ вѣка и тысячелѣтія культурного труда.

Тогда и индивидуумъ въ свою очередь борется со своей эфемеридностью.

Искусство, поэзія, литература, ученыя книги и т. д.—все это продукты стремленій индивидуальнаго эфемеризма къ увѣковѣченію себя, стремленіе къ побѣдѣ надъ временемъ, стремленія къ безконечности. Въ концѣ концовъ это проявленіе того же, что мы называемъ инстинктомъ самосохраненія. По невѣдомымъ причинамъ, повинуясь невѣдомой силѣ, эфемеридъ борется за свое хотя и эфемерное существованіе, не щадя никого и ничего. Также по невѣдомымъ причинамъ и повинуясь высшей, могучей силѣ индивидуумъ творитъ какъ поэтъ или ученый, какъ художникъ, архитекторъ, ремесленникъ и т. д. И безусловно правъ величайшій изъ русскихъ поэтовъ, говоря, что пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ, въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ. Но лишь божественный глаголъ до слуха чуткаго коснется, душа поэта встрепенется, какъ пробудившійся орелъ. Можно еще спорить о томъ, божественный ли это глаголъ, или глаголъ слѣпой эволюціи, но фактъ могучей силы, заставляющей человѣка творить, какъ бы продолжая въ вѣчности свое существованіе, никѣмъ не отрицается. Говорятъ, что это есть сила идеи. Можно называть ее какъ угодно, дѣло не въ имени, а въ существѣ. Существо же дѣла состоитъ въ творчествѣ, увѣковѣчивающемъ эфемерность; въ творчествѣ, побѣждающемъ время. И можетъ быть правы тѣ, кто видитъ здѣсь стремленіе конечнаго духа къ своему небесному отечеству—къ безконечности. Много поводовъ, много данныхъ думать, что въ этомъ и состоитъ дѣло. Вѣдь стремясь къ безконечности, люди жертвуютъ собой, избирая тернистый путь художника, поэта, ученаго. Вѣдь отстаивая свою идею, мученики христіанства, „добрѣ страдавшіе“ за вѣру своего Учителя, спокойно переносили

невѣроятныя муки и со всепрощеніемъ и любовью къ палачамъ умирали. Они были убѣждены, что сохраняютъ вѣчную жизнь, умирая тѣлесно и эфемерно. Но хотя бы и не были въ этомъ убѣждены, все таки охотно шли бы на муки, истязанія и смерть, ибо не отъ ихъ сознанія зависило это, а сила высшая влекла ихъ къ подвигамъ мученичества. Вижу иной законъ въ себѣ, говорилъ А. Павелъ, и творю не еже хощу, но еже не хощу, сіе содѣваю. Въ этихъ словахъ суть таинственной эмоціи, помимо сознанія, воли и чувства влекущей человѣка къ опредѣленной дѣятельности, а часто и вопреки сознанію, воли и чувствъ.

Въ искусствѣ прекрасно отмѣчаетъ эту сторону увѣковѣченія эфемерной личности пр. И. Сикорскій: „Полотно, на которомъ овеществленъ и фиксированъ идеализированный психизмъ, цѣнится милліонами, подобно Джіакондѣ, по важности содержащейся въ немъ психической цѣнности, какая была пережита великимъ человѣкомъ, и будучи увѣковѣченной въ вещественномъ запечатлѣніи, можетъ быть впослѣдствіи повторно пережита, много разъ, милліонами зрителей. Она обладаетъ скрытой реальной силой, способной пробудить въ зрителѣ глубокій и сильный родникъ новой жизни, подобно зерну пшеницы, пролежавшему четыре тысячи лѣтъ въ катакомбѣ вмѣстѣ съ муміей и сохранившему въ себѣ силу прорости и дать явленія жизни подъ дѣйствіемъ влаги и лучей солнца“ [46]).

По прекрасному выраженію нашего психіатра, „одухотворенное стремится овеществляться, облечься въ матеріальныя формы и тамъ принять для зрителя и для самаго субъекта нѣкоторую видимость, осязательность, прочность. Овеществленіе всего идеальнаго стало важнѣйшей *другой стороной жизни, стремящейся закрѣпить себя, консолидировать, увѣковѣчить*“.

Да это и есть стремленіе *къ вѣчности*, хотя и *не къ увѣковѣченію*.

Дѣло въ томъ, что объ увѣковѣченіи не думаетъ творецъ. Онъ творитъ, потому что въ немъ живъ духъ творчества, эмоція созданія. Но въ результатѣ такое влеченіе является стремленіемъ къ вѣчности, является борьбой духа съ эфемеридностью жизни. Этотъ духъ, эта таинственная сила влечетъ въ невѣдомыя страны и личность погибаетъ въ своемъ стремленіи, какъ погибаетъ ночной мотылекъ на свѣчѣ.

Этотъ духъ лежитъ въ основѣ дѣятельности рыцарей, нашего казачества, въ основѣ дѣятельности всего живого и бурнаго. Въ буряхъ ищутъ покоя и безъ бури одинъ застой, а не жизнь. Въ ночь подъ бурею, говоритъ народный поэтъ, я коня сѣдлалъ въ путь дорогу отправляяся, горе мыкать, съ злой судьбиной перевѣдаться. И дайте такому человѣку мѣщанское самодовольство, онъ съ ужасомъ отвернется отъ него. Наша исторія полна

битвъ, походовъ, нападеній и отраженій. Близорукіе и слабосильные историки съ ужасомъ говорятъ объ этомъ времени, когда наши предки дѣйствительно жили только бурями въ кровавыхъ войнахъ, когда они или убивали, или были убиваемы, истязаемы, мучимы. Изъ за чего? Прослѣдите исторію военныхъ добычъ— неужели все это геройство предпринималось только изъ за шкуръ лисицъ, и куницъ, изъ за свиного сала, изъ за медовыхъ сотовъ? Неужели наши предки нападали на Константинополь изъ за никому не нужныхъ украшеній и безполезныхъ вещей, уносившихся ими въ видѣ трофеевъ? Но вѣдь для допущенія этого нужно предположить, что это были какіе-то слабоумные, а между тѣмъ врядъ ли кретины способны были бы на всю эту рыцарскую предпріимчивость, требовавшую ума и геройства и массы самопожертвованій. Нѣтъ, не фетишизмъ пріобрѣтенія какихъ-то вещей руководилъ ими. Вспомнимъ чудное завѣщаніе Владиміра Мономаха, въ которомъ онъ описываетъ свою дѣятельность. Онъ спалъ на лошади, онъ вѣчно въ походахъ, онъ жилъ впроголодь, каждый селянинъ, каждый холопъ и рабъ были болѣе счастливы въ обыденномъ смыслѣ слова, чѣмъ онъ. И онъ все таки искалъ бури, создавалъ бурю, жилъ бурей. Имъ руководилъ великій духъ, который не могъ удовлетвориться эфемерностью существованія, мѣщанскимъ счастьемъ. Быть можетъ проявленіе его не соотвѣтствуетъ святости самаго духа, эфемерное сознаніе было ниже вѣчнаго духа, искавшаго по ту сторону мѣщанства условій для существованія.

Каждое время имѣетъ и своихъ геніевъ, побѣждающихъ время. Сущность эмоціи, быть можетъ, и не измѣняется ни въ качествѣ, ни въ въ экстенсивности. Но форма ея подлежитъ измѣненію въ соотвѣтствіи съ условіями жизни. Безпокойный духъ, не вмѣщающійся въ рамкахъ узкаго мѣщанства, выбивается изъ силъ въ поискахъ пути. И не находя его, онъ рветъ связывающія его узы и становится или опаснымъ для среды или возвышаетъ ее силой генія. Таковъ Петръ I, не знавшій покоя въ жизни не потому, что бы имъ руководилъ какой либо личный интересъ, какое либо тщеславіе, но потому, что бурной дѣятельности требовали могучія эмоціи его бурнаго духа. Такъ Иванъ Грозный не зналъ покоя въ жизни не потому, что бы не признавалъ его благъ, но потому, что онъ не могъ найти покоя въ обычныхъ условіяхъ того времени. И онъ создалъ свое собственное время. И не даромъ историки говорятъ „о времени Грознаго“. То было несомнѣнно его собственное время.

Особенно важно въ духовныхъ произведеніяхъ ихъ неумираемость. Вещественныя блага исчезаютъ, потребляются. Духовныя блага, удовлетворяя потребности, не потребляются, но еще болѣе усиливаются. И каждое поколѣніе къ полученному наслѣдству

присоединяетъ новыя блага. Только ими и живетъ человѣчество. Первый плугъ исчезъ, но идея его жива въ каждомъ изъ современныхъ плуговъ. Первая паровая машина теперь никуда не годилась бы, но идея паровой силы, разростаясь и увеличиваясь, остается въ каждомъ новѣйшемъ локомобилѣ. Идея безсмертна и эфемериды, стремясь къ ней, естественно стремятся къ безсмертію. И пока только въ этой сферѣ человѣкъ находитъ свое безсмертіе. Онъ живетъ въ человѣчествѣ.

IV.

Дикарь есть „человѣкъ мгновенья.“ Онъ не умѣетъ соединять идею настоящаго съ идеей будущаго и поэтому живетъ только настоящимъ. Онъ не знаетъ и счета времени. Счетъ времени появился сперва у пастушескихъ народовъ въ видѣ счисленія по недѣлямъ и только у земледѣльцевъ появился счетъ по мѣсяцамъ и годамъ, т. е. по періоду, въ который заканчивается земледѣльческое производство.

Варварскій періодъ есть періодъ долгаго времени, безъ счета. Пастушескій и земледѣльческій—періодъ экстенсивной экономіи времени. Промышленный—интенсивное пользованіе временемъ. До 1833 г. спички не были извѣстны. Теперь если взять 8 спичекъ въ день на человѣка, то при прежнемъ способѣ (кремень и огниво) понадобилось бы по 15 секундъ на одинъ разъ, или 2 минуты въ день на зажиганье. До 1833 г. человѣкъ въ годъ тратилъ до 90 часовъ на добываніе огня, теперь 12 ч., т. е. экономія 78 ч. или 10 рабочихъ дней. Считая по 1 шиллингу 6 пенсовъ въ день, *экономія* для Великобританіи равняется 26 мил. фун. стерлинговъ, т. е. 260 мил. рублей въ годъ.

Теперь все направлено къ экономіи во времени. Можно сказать, весь прогрессъ состоитъ въ экономіи времени. Въ эту сторону направлены всѣ усилія человѣчества. При краткости жизни, человѣкъ старается прожить какъ можно больше времени во всемъ, что нужно ему для его жизни. Можно сказать, уже теперь годъ жизни культурнаго человѣка равняется по экономіи десяткамъ лѣтъ жизни средняго, малокультурнаго, и сотнямъ и даже тысячамъ лѣтъ до—культурнаго человѣка. Побѣда надъ временемъ громадная!

Стремленіе къ сокращенію времени выразилось даже въ названіяхъ орудій и машинъ: скоропечатная, скоропись, скорострѣльныя орудія, скоробѣлилка, скорая почта (пневматическая) По выраженіи пр. Янжула, „скорое выполненіе всякихъ промышленныхъ и торговыхъ законовъ, вообще *цѣнность быстроты* какъ въ хозяйственной дѣятельности, такъ въ рѣшительности и способахъ самого мышленія человѣка возрастаютъ вмѣстѣ съ ходомъ культуры; весь складъ распредѣляется у такихъ націй

или классовъ по часамъ и принаравливается къ этому быстрому біенію пульса жизни. Точность, правильность и однообразность желѣзныхъ дорогъ, а постепенно вслѣдъ за ними и иныхъ способовъ передвиженія, появленія газетъ по нѣсколько разъ въ день съ добавочными телеграммами и извѣстіями, приливъ и отливъ массъ людей въ извѣстные часы дня и ночи, оживленіе, наприм. биржи нѣсколко разъ въ день на опредѣленное время, въ опредѣленные часы,—все это такія явленія, которыя напоминаютъ лишь *быстрый темпъ хорошо развитаго животнаго организма*“ [47]).

И личность, съ ея интересами, эмоціями, стремленіями вполнѣ подчиняется *общему темпу*. Здѣсь и есть та соціализація людей, которая стихійно вліяетъ на противоположныя стремленія личностей, упорядочивая и примиряя ихъ.

Въ Америкѣ, давно признавшей, что время—деньги, видимъ замѣчательный образецъ такой соціализаціи личности. Даже люди иныхъ расъ, иныхъ историческихъ традицій и темпераментовъ быстро подчиняются общему закону интенсивной экономизаціи времени и становятся дѣловитыми, по типу янки. Быстрота движенія стадно подчиняетъ каждаго; энергія, дѣловитость, не устрашимость, предпріимчивость — вырабатываются въ школѣ. Быстрота отражается далѣе на занятіяхъ. Вмѣсто уравновѣшенной спеціализаціи, тамъ генералы становятся адвокатами и кучерами, полковники—священниками и пр. [48]).

Время побѣждается усиленіемъ темпа обращенія капитала. Такъ, по словамъ Г. Зомбарта, процессъ переработки чугуна въ ковкое желѣзо требуетъ при кричномъ огнѣ около 3 недѣль, при пудлингованіи $2^1/_2$ дня, при бессемероваціи 20 минутъ. Дубленіе кожъ въ ямахъ требовало $1—1^1/_2$ года, въ чанахъ—4—6 недѣль, электрическое дубленіе 4 дня.

Ускореніе транспорта всѣмъ извѣстно.

Естественная эволюція медленно производитъ улучшенія, для ея реформъ требуются сотни тысящелѣтій и милліоны лѣтъ. Сколько наприм. понадобилось бы времени, чтобы усовершенствовать глазъ такъ, какъ человѣкъ усовершенствовалъ зрѣніе изобрѣтеніями телескопа, микроскопа и зрѣніемъ при посредствѣ фотографіи? Для такой естественной эволюціи понадобились бы милліоны лѣтъ,

Очевидно, человѣкъ разумомъ побѣждаетъ время. И это одна изъ величайшихъ побѣдъ, совершенно преобразующихъ экономическій бытъ.

Благодаря наприм. раздѣленію и соединенію труда то, что прежде производилось бы въ столѣтія теперь производится въ въ нѣсколько часовъ.

Оглядываясь назадъ и сравнивая работу человѣчества по

времени, можно рѣшительно утверждать, что 19 вѣкъ сдѣлалъ больше для человѣчества, чѣмъ всѣ предшествовавшія тысячелѣтія.

Весь процессъ промышленности состоитъ въ борьбѣ съ временемъ: производить какъ можно больше въ минимальное время. Къ сокращенію времени производства и увеличенію такимъ образомъ продукта, приходящагося на единицу времени, направлены всѣ техническія улучшенія. Начиная съ первобытнѣйшаго орудія въ формѣ лука и оканчивая сложными машинами новѣйшаго времени, все направлено къ этой единственной цѣли. Человѣчество какъ бы стремится прожить въ одинъ день тысячелѣтія. Въ этомъ же состоитъ и вся экономическая культура. Раздѣленіемъ труда, производствомъ въ большихъ размѣрахъ, соединеніемъ труда люди въ то же время добываютъ больше продуктовъ, т. е. каждая единица продукта представляетъ собою возможно меньшее количество овеществленнаго въ ней времени. Время—деньги это не фраза, а основной экономическій фактъ. Трата времени есть трата силъ, трата жизни.

Часто говорятъ, время—деньги. Основательнѣе сказать, справедливо говоритъ Леббонъ, время—это жизнь [49]).

Но остается во всей силѣ и поговорка, что время—деньги. Благодаря деньгамъ—времени въ настоящее время „даровыя“ произведенія природы имѣютъ свою цѣнность.

Благодаря эфемерности жизни человѣка, время дѣятельности природы получаетъ строго экономическій характеръ. Для насъ безразлична одинаково чистая вода, находящаяся въ одинаковомъ разстояніи отъ мѣста потребленія. Быть можетъ, природа милліоны лѣтъ затратила на производство ея, но все это геологически время для насъ ничтожно и мы не цѣнимъ его. И вода, какъ готовый продуктъ силъ природы, для насъ не имѣетъ никакой цѣнности. Мы цѣнимъ только трудъ и капиталъ, необходимые для доставки ея. Но если для производства продукта А необходимъ цѣлый годъ дѣятельности природы, а для производства продукта В достаточно таковой въ теченіи одного мѣсяца, то первый продуктъ уже не можетъ быть для насъ равноцѣннымъ второму. И мы оцѣниваемъ его, при равенствѣ остальныхъ условій, въ 12 разъ выше, ссылаясь на то, что въ теченіи года мы можемъ получить 12 произведеній природы В и всего 1 продуктъ А.

Для эфемериды, каковой является человѣкъ, не безразлично то, въ какое время можетъ быть созданъ продуктъ естественными дѣятелями. О даровыхъ дѣятеляхъ природы возможно было говорить лишь въ то время, когда не было счета, когда люди еще не додумались до величайшаго изъ благъ—разумной экономіи во времени.

Прогрессъ есть результатъ борьбы между конкретностью и безконечностью, между эфемерностью и вѣчностью, между смертью и жизнью. Сущность его состоитъ въ подчиненіи временному вѣчнаго. Чѣмъ болѣе человѣкъ въ своемъ эфемерномъ существованіи воплощаетъ безконечность, тѣмъ выше онъ въ міросозданіи и тѣмъ прогрессивнѣе его существованіе.

Прогрессъ въ этомъ пониманіи существуетъ безсознательно и въ эволюціонномъ мірѣ. Каждая высшая стадія живыхъ существъ носитъ въ себѣ пріобрѣтенія, добытыя раньше появленія ихъ въ теченіи цѣлыхъ геологическихъ эпохъ. И то, что вырабатывалось милльонами лѣтъ, теперь достается имъ, какъ наслѣдіе предковъ. Каждое изъ живыхъ существъ носитъ въ себѣ геологическія эпохи, олицетворяетъ собою работу всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній. Физическій или физіологическій процессъ есть ничто иное, какъ накопленіе въ индивидуумѣ всего прошлаго жизни на землѣ. Это милліоны лѣтъ, заключенныхъ въ эфемеридѣ, въ краткомъ срокѣ жизни смертнаго. Съ человѣческой точки зрѣнія можно сказать, что природа борется со смертью, подчиняясь ей, но увеличивая продолжительность жизни накопленіемъ въ ней всего прошедшаго времени.

Но это прогрессъ безсознательный, пассивный или эволюціонный. Сознательный прогрессъ состоитъ въ разумномъ сбереженіи времени и такомъ накопленіи его, которое даетъ возможность человѣку-эфемериду пользоваться милліонами и милліардами лѣтъ рабочаго времени. Каждый изъ насъ, пользуясь любою мелочью культурной обстановки, пользуется величественной силой раздѣленія занятій и труда, дающей возможность потреблять продукты, производство которыхъ потребовало бы тысячелѣтій, если бы пришлось производить ихъ самому себѣ. Благодаря тому же раздѣленію труда, студентъ въ теченіи часа лекціи, прослушанной имъ у профессора, пользуется годами усиленнаго труда и при томъ труда спеціалиста, т. е. успѣшнаго и наиболѣе поэтому полезнаго труда.

И человѣческій прогрессъ сперва носитъ эволюціонный характеръ. Но мало по малу сознаніе становится факторомъ какъ личной, такъ и соціальной дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессъ въ человѣчествѣ изъ механическаго и эволюціоннаго превращается въ сознательный и активный процессъ борьбы съ эфемерностью земной жизни человѣка. Уже теперь эта эфемерность даже забывается. Человѣкъ становится какъ бы *постояннымъ хозяиномъ* въ экон. сферѣ, а не эфемеридой.

Въ свою очередь если прогрессъ есть результатъ борьбы между эфемеридностью и вѣчностью, причемъ побѣждаетъ идея вѣчности, то и регрессъ есть также результатъ борьбы между ними, но когда побѣждаетъ эфемеридность. Отличительная черта

пролетаріата—необезпеченность въ завтрашнемъ днѣ, отсутствіе хозяйственной прочности. Массы населенія живутъ въ полнѣйшей неувѣренности, будетъ ли у нихъ завтра заработокъ или они останутся безъ хлѣба. Этой неувѣренностью они живутъ, не думая о выходѣ изъ нея. Они свыклись съ ней, какъ съ родной матерью, отъ которой отказаться не въ силахъ—это въ тѣхъ случаяхъ, когда экономическая конъюнкція создала такой классъ обездоленныхъ. А чаще бываетъ и на оборотъ: неувѣренность является дѣйствительной матерью пролетарія. Человѣкъ лишенъ предусмотрительности и энергіи, онъ живетъ настоящимъ, не думая, и не желая думать о будущемъ. Получается настоящій атавизмъ варварства. Какъ дикарь срубаетъ дерево, желая воспользоваться его плодами, такъ и современный атавистъ ищетъ готоваго продукта, ищетъ хозяина, бѣгаетъ за предпринимателемъ, который накормилъ бы его. И за тѣмъ, конечно, проклинаетъ его, когда онъ плохо кормитъ, вопіетъ къ небу и властямъ объ эксплоатаціи и кровопійствѣ, а при случаѣ и срубаетъ дерева, кормившее его. Изъ такой же атавистической среды появляются и ученые, не только оправдывающіе рубку плодоносящихъ деревьевъ, но и видящіе въ этомъ единственное спасеніе дѣйствительно обездоленнаго человѣка. И не напрасно говорятъ о варварахъ, готовыхъ разрушить культуру. Но напрасно думаютъ, что дикари могутъ создать новую культуру. Для такого созданія у дикаря нѣтъ никакихъ шансовъ. Потребуется опять много милльоновъ лѣтъ эволюціи для достиженія той точки, на которой теперь стоитъ человѣчество. Классъ населенія въ своей психической сферѣ, находящійся еще внѣ интенсивной экономіи времени и даже внѣ времени вообще, какъ и всякій дикарь, не можетъ ничего создавать. Вмѣсто него работаетъ эволюція, которой онъ всецѣло подчиненъ. И уничтоженіе той части человѣчества, которая въ отношеніи къ пролетаріату имѣетъ значеніе отношенія лягушки къ головастику, ничего не можетъ обѣщать хорошаго съ точки зрѣнія цивилизаціи. Конечно, головастикъ можетъ быть радъ, избавившись на мгновеніе отъ неудобства и добравшись до готовой пищи, созданной другими. Онъ обожрется. Но и только. Потомъ опять начнется дѣйствіе эволюціи, внѣ которой онъ не можетъ существовать.

Чарльзъ Брэй, англійскій дѣятель, послѣ ряда лѣтъ попытокъ подъема въ народѣ духа ассоціаціи, пришелъ къ заключенію, что „нѣтъ принциповъ, достаточно сильныхъ, чтобы преодолѣть индивидуализмъ, себялюбіе и невѣжество, еще повсюду преобладающіе. Когда моральная натура человѣка, въ настоящее время еще повсюду находящаяся въ первобытномъ состояніи, вполнѣ разовьется, когда желаніе человѣка поступать справедливо будетъ также сильно, какъ его теперешнія естественныя

стремленія (наклонности), когда совѣсть его будетъ мучить. въ случаѣ пренебреженія имъ справедливости, въ такой же мѣрѣ, какъ теперь страдаетъ его желудокъ, въ случаѣ пренебреженія имъ труда (т. е. лѣности), тогда лишь *нѣкоторыя формы* ассоціацій сдѣлаются возможными, но не раньше“ [50]).

Послѣдователи К. Маркса думаютъ, что достаточно будетъ срубить дерево, чтобы сразу произошелъ „скачокъ изъ царства необходимости въ царство свободы“. На этомъ мистическомъ скачкѣ и обосновывается вся система соціалъ-демократизма. Къ сожалѣнію, мистицизмъ въ экономической сферѣ теперь все меньше и меньше пользуется авторитетомъ и никто не вѣритъ въ то, чтобы дикарь, способный лишь додуматься до идіотской мысли срубить дерево, чтобы воспользоваться его плодами, послѣ таковой срубки сразу перемѣнился, сталъ культурнымъ предпринимателемъ, проникся бы идеями правды, справедливости и любви. Дикари и теперь рубятъ деревья для использованія плодовъ, но никакого скачка изъ царства необходимости, въ которомъ они пребываютъ, въ царство свободы никто еще не замѣчалъ. А замѣчали лишь то, что послѣ такой операціи и послѣ достаточнаго насыщенія, дикарь ищетъ новаго дерева, чтобы повторить свое варварство. Когда же деревья бываютъ вырублены, то лишь голодъ заставляетъ его обратиться къ первобытнѣйшему труду. Но и этому труду онъ предпочтетъ бродяжничество и разбой, при чемъ готовъ оправдывать свою дѣятельность тяжелыми обстоятельствами жизни.

Пролетаріатъ—это соціальный атавизмъ. Происхожденіе его заключается въ конъюнкціи, давящей развитіе личной энергіи и ослабляющей психику вообще. Соціальные элементы, освященные исторіей, остаются и при измѣнившихся условіяхъ или явно, или тайно, т. е. въ скрытомъ состояніи. Въ первомъ отношеніи давно замѣчено, что наиболѣе постоянны тѣ соц. элементы, которые отличаются древностью. Іерингъ замѣтилъ, что для признанія нѣкоторой самостоятельности сына у римлянъ потребовался болѣе долгій періодъ времени, чѣмъ для эмансипаціи плебеевъ. Женщина и теперь у всѣхъ культурныхъ народовъ еще подчинена мужчинѣ и о равноправіи пока мало кто думаетъ, даже въ средѣ самихъ женщинъ. Тысячелѣтія подчиненія до того атрофировали истинную волю, что самой женщинѣ кажется чѣмъ то не нормальнымъ ея равноправіе съ мужчиной. И только время, выработавшее эти эмоціи рабства, можетъ вытравить ихъ въ женской душѣ.

Если старый культъ остается открыто и при господствѣ новыхъ культовъ, то тѣмъ вѣроятнѣе сохраненіе его въ скрытомъ состояніи, изъ котораго онъ выходитъ наружу при наличности соотвѣтствующей конъюнкціи. Такой конъюнкціей является глав-

нымъ образомъ политико-экономическій строй, отдѣляющій трудъ отъ капитала и земли, а также ослабленіе личной энергіи чисто политическимъ, а то и экономическимъ гнетомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ люди пріучаются къ паразитизму, къ жизни не собственной волей, а чужой волей, не собственной головой, но чужой головой, предоставляя ей свои руки. Экономическая самостоятельность атрофируется и пролетарій готовъ. Такъ слабые христіане легко возвращались въ язычество, которое также оставалось въ ихъ душѣ лишь въ скрытомъ состояніи. Правъ Г. Лебонъ, сказавшій, что „время является единственнымъ истиннымъ творцемъ и единственнымъ великимъ разрушителемъ. Время воздвигло горы изъ песчинокъ и возвысило до степени человѣческаго достоинства безвѣстную клѣтку геологическихъ эпохъ. Достаточно вмѣшательства вѣковъ для того, чтобы явленіе подверглось полному измѣненію. Справедливо говорятъ, что муравей могъ бы сгладить Монбланъ, если бы только ему дано было на это время“ [51]). Необходимо лишь не забывать, что это время, этотъ „истинный творецъ и великій разрушитель“, имѣетъ монополіи воскресать послѣ видимой смерти и это воскресеніе наука называетъ атавизмомъ. Само воскресеніе происходитъ строго эволюціоннымъ путемъ, медленной подготовкой почвы. Не даромъ замѣчаютъ, что народъ переходитъ отъ Августа къ Нерону черезъ царствованіе Тиберія и Калигулы [52]). „Деспотизмъ слишкомъ мраченъ, чтобы могъ быть сразу принятъ, онъ представляется людямъ во всей своей наготѣ, но люди привыкаютъ и къ ядамъ, если принимаютъ ихъ малыми дозами“ [53]).

Когда самостоятельный хозяинъ превращается въ своихъ потомкахъ въ пролетарія, нуждающагося въ работодателѣ, проходитъ длинный процессъ атрофіи волевой энергіи и самостоятельности. И такъ какъ болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками, то въ естественномъ, т. е. въ эволюціонномъ порядкѣ потребуется и эволюціонное время для исправленія экономическихъ факторовъ. Скачки, хотя бы и самые сатанинскіе, тутъ ничего не могутъ помочь.

Но, какъ мы видѣли, человѣкъ уже и теперь умѣетъ побѣждать время и то, для чего въ эволюціонномъ порядкѣ потребовались бы тысячелѣтія, мы производимъ въ годы и мѣсяцы. И въ данномъ случаѣ вполнѣ возможна борьба съ соціальнымъ атавизмомъ путемъ воспитанія въ населеніи соціальныхъ чувствъ, путемъ развитія въ немъ практическихъ знаній, дающихъ возможность жить самостоятельною жизнью, и наконецъ такими формами экономической помощи, которыя не убиваютъ, но укрѣпляютъ и развиваютъ самопомощь, т. е. то, что является ближайшею и основною причиною соціальнаго бѣдствія. Выработать мѣры борьбы—задача практической части государствовѣдѣнія. Дѣло

политической экономіи разъяснить сущность даннаго экономическаго явленія и законъ его эволюціи. Сущность заключается въ атавизмѣ, а эволюція главнымъ образомъ въ тѣхъ условіяхъ, благодаря которымъ медленно, но систематически подрывалась самодѣятельность населенія. Благодаря этимъ условіямъ и произошелъ тотъ соціальный атавизмъ, который угрожаетъ самому существованію современной культуры, такъ какъ по существу своему онъ тождественъ съ психологіей дикаря, готоваго срубить дерево для использованія его плодовъ. Логически нелѣпа жалоба на тѣсноту чумака, разложившаго въ степи костеръ и поставившаго на немъ котелокъ съ кашей, но, по неосторожности, перевернувшаго котелокъ и оставшагося голоднымъ. Но неужели „армія безработныхъ“ не напоминаетъ намъ жалобъ этого чумака? Кругомъ нужда, кругомъ поиски за самыми необходимыми продуктами удовлетворенія потребностей, а люди остаются безъ работы. Это настоящая тѣснота въ степи, на которую жалуется нашъ легендарный чумакъ, самъ по своей неловкости уничтожающій заготовленный ужинъ. И эти поиски за работодателемъ, котораго самъ же рабочій обвиняетъ въ эксплоататорствѣ, неужели не психологія дикаря, не логика ребенка, не привыкшаго думать и дѣйствовать безъ няньки? Наконецъ, это стремленіе грабить нажитое другими, особенно эта проповѣдь „эксплоатаціи эксплоататоровъ“ неужели хотя на волосокъ лучше стремленія дикаря срубить дерево, чтобы воспользоваться его плодами? Предъ нами дѣйствительный атавизмъ, который тѣмъ болѣе опасенъ, что никакими паліативами побороть его нельзя. Тутъ необходимы радикальныя мѣры, возстановляющія въ человѣкѣ волевую энергію и разумъ.

V.

Территорій народа—его тѣло. Роли тѣла индивидуальнаго организма соотвѣтствуетъ территорій для національнаго организма. В. Рошеръ считаетъ, что народы выбирали себѣ подходящія мѣста и этимъ выборомъ въ значительной мѣрѣ объясняется аналогія между территоріемъ и особенностями національнаго характера. Конечно, и этотъ выборъ могъ оказывать нѣкоторое вліяніе. Но врядъ ли когда либо могла существовать свобода выбора мѣста въ такой мѣрѣ, что бы ей возможно было приписать такое исключительное значеніе. Въ дѣйствительности исторія свидѣтельствуетъ, что главнымъ факторомъ поселенія была борьба за существованіе, при которой народы болѣе сильные оттѣсняли болѣе слабыхъ и занимали ихъ мѣста. Осѣвшій на опредѣленномъ мѣстѣ народъ приспособляется къ условіямъ внѣшней природы, которая такимъ образомъ и отпечатлѣвала свои особенности на физическомъ и духовно-нравственномъ складѣ націи.

Лучшей иллюстраціей этого вліянія могутъ быть евреи, разселенные по всему свѣту и принявшіе типическія черты той мѣстности, въ которой они поселились, благодаря чему одна и та же нація, при единствѣ религіи, въ настоящее время слагается изъ территоріальныхъ массъ, ничего общаго между собою не имѣющихъ и лишь въ слабой мѣрѣ сохранившихъ первобытныя типическія особенности. Даже въ одной и той же странѣ еврей литвинъ рѣзко отличается отъ польскаго, а оба ничего общаго не имѣютъ съ евреемъ сибирякомъ. Нѣтъ такой расовой силы, которая не подчинялась бы территоріальнымъ силамъ. И только господствомъ метафизики въ умахъ возможно объяснить тотъ прискорбный фактъ, что до послѣдняго времени на людей смотрѣли лишь какъ на отвлеченныя величины, подчиненныя *общимъ* для всего человѣчества законамъ и поэтому такъ усердно экспериментировались надъ ними системы государственной нивелировки.

Эти системы у насъ пользуются издавна особымъ авторитетомъ, оправдываемымъ *однообразіемъ* русской земли. Считается чуть ли не аксіомой, что Россія представляетъ собою однообразную равнину, отличающуюся физическимъ однообразіемъ растительнаго и животнаго міра, а вслѣдъ за тѣмъ и бытовымъ однообразіемъ. Такъ говорятъ, что „равнинность громадной Европейской Россіи, окаймленной сравнительно незначительной береговой линіей, создала однообразіе климата: изъ всѣхъ обширныхъ пространствъ, вдали отъ моря, и внѣ тропиковъ, нигдѣ температура такъ медленно не убываетъ, съ юга на сѣверъ, какъ въ Европейской Россіи“ [53]).

Изъ этого дѣлаютъ обыкновенно заключеніе, что „однообразіе поверхности и однообразіе климата“, облегчая передвиженія, создали колонизаціонный характеръ русскаго народа. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что будь наши равнины раздѣлены непроходимыми горными хребтами, наша исторія имѣла бы другой видъ“.

И въ доказательство этой мысли обыкновенно приводятъ факты, какъ разъ доказывающіе совершенно противоположное. Говорятъ: „Гдѣ всѣ эти безсчисленныя финскія племена, гдѣ наши радимичи, вятичи, древляне, сѣверяне и т. д.? Ихъ нѣтъ: они ассимилировались легко и быстро въ одно великоруское племя, не смотря на то, что великороссы вовсе не отличались высокой степенью культурности“ [54]).

Но всѣ эти „безчисленныя“ племена существовали и не малое время. Стало быть, равнинность не препятствовала ихъ существованію и лишь затѣмъ историческія условія оказали на нихъ свое ассимилирующее дѣйствіе. Да и теперь послѣ тысячелѣтней исторіи, у насъ оказывается чуть ли не 120 отдѣльныхъ племенъ, т. е. въ племенномъ отношеніи Россія представляетъ

собою настоящее вавилонское столпотвореніе. Лучшій изъ нашихъ историковъ С. Соловьевъ писалъ даже, что „племена исчезаютъ въ Россіи съ самаго начала, а въ исторіи Германіи мы постоянно встрѣчаемся съ саксонцами, турингами, франконцами, швабами“, что „особенность, самостоятельность и сила племенъ были причиною того, что государственное единство Германіи стало невозможнымъ“ [55]).

На дѣлѣ германское единство оказалось грозной и могущественной силой, а исчезновеніе племенъ въ Россіи—одной изъ часто встрѣчающихся въ исторіи нашей иллюзіей. Племена не только не исчезаютъ у насъ, но чуть ли не нарождаются на нашихъ глазахъ. По крайней мѣрѣ, когда заходитъ рѣчь о племенной автономіи, то появляются на Божій свѣтъ такія племена, названія коихъ впервые приходится слышать...

По словамъ историка М. В. Довнаръ-Запольскаго, природа Россіи произвела колонизаціонный характеръ русскаго народа. „Климатъ страны, главнымъ образомъ той ея части, въ которой произошли основные моменты развитія, или весьма суровъ, или достаточно суровъ; почва бѣдная, часто неудобная для земледѣлія, ботаническія богатства однообразны; зоологическія богатства, обильныя въ древности, съ теченіемъ времени истощаются. Словомъ, въ то время какъ почва требуетъ наибольшаго приложенія трудовой энергіи, климатъ предъявляетъ наивысшія требованія для поддержанія въ человѣческомъ организмѣ трудовой и животной энергіи. Однообразная и безконечно обширная равнина удалена отъ морей и обладаетъ рѣчными путями, которые съ теченіемъ времени оказались неудачно расположенными, когда культурная жизнь съ юга и далекаго юго-востока перешла на западъ. Однообразіе и обширность равнины, нигдѣ не пресѣкаемой природными преградами, давала легкую возможность развиться колонизаціонному движенію, которое начинается на зарѣ русской исторіи и продолжается до послѣднихъ дней. Природныя условія страны сдѣлали изъ русскаго человѣка, особенно изъ великоросса, колонизатора по преимуществу“ [56]).

„Брести розно“ дѣйствительно характеристическая черта русскаго народа, подъ вліяніемъ чего самое населеніе до сихъ поръ носитъ полу-кочевой характеръ.

Вообще думаютъ, что бредутъ лишь слабые, которымъ трудно приходится на мѣстахъ. Этого мнѣнія держится и Довнаръ-Запольскій. Это грубая ошибка. Бредутъ подъ вліяніемъ эмоціи брести, искать лучшаго. Бредутъ наиболѣе сильные, не способные усидѣть на мѣстѣ. И бредутъ не только въ поискахъ матеріальнаго хлѣба, но и духовнаго, ищутъ Бога на русской землѣ, ищутъ божьяго града.

А для этихъ людей ни горы, ни моря препятствіемъ не могутъ быть, о чемъ свидѣтельствуетъ наша же исторія.

Г. Довнаръ-Запольскій доводитъ господствующее ученіе о вліяніи русской природы до его конца.

„Однообразіе рельефа страны, говоритъ онъ, а равно однообразіе зоологическихъ и ботаническихъ богатствъ въ связи съ отсутствіемъ минераловъ, имѣло безспорное вліяніе на однородность занятій жителей. *Умъ человѣка, стремившагося добыть средства къ существованію, не изощрялся въ примѣненіи къ разнообразію силъ и богатствъ природы*“ [57]).

Другими словами, однообразіе природы естественно вызывало скудоуміе по той естественной причинѣ, что умъ находилъ мало впечатлѣній, а гдѣ мало впечатлѣній, тамъ неизбѣженъ умственный застой. Въ дѣйствительности не только не было и нѣтъ у насъ умственнаго и вообще духовнаго однообразія, но въ этой сферѣ замѣчается не меньшее стремленіе „брести въ рознь“, чѣмъ и въ колонизаціонномъ.

Въ трудахъ киргизской экспедиціи о кочевомъ хозяйствѣ основательно говорится:

„Первый народъ, овладѣвшій стадомъ овецъ (и верблюдовъ) вначалѣ, надо полагать, долженъ былъ заботиться только о томъ, что бы онѣ не разбѣгались. Онъ навѣрное даже не направлялъ своихъ стадъ, а только шелъ за ними, давалъ имъ ночлегъ около своей кибитки и охранялъ ихъ отъ нападенія волковъ и другихъ хищниковъ. Животныя же шли за кормомъ и за погодой. Начиная съ половины марта, когда на югѣ, по берегамъ Каспійскаго и Аральскаго морей и южнѣе, на границѣ нашихъ владѣній, солнечные лучи растапливаютъ снѣжные увалы, когда вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ подножные корма здѣсь совершенно истощаются, киргизскія стада начинаютъ передвигаться на сѣверъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ постепенно въ этомъ направленіи начинаетъ оживляться и развиваться растительность. Осенью, когда на сѣверѣ пріостанавливается ростъ травъ, оскудѣваютъ водные источники, понижается температура, стада поворачиваютъ обратно и идутъ на югъ. Болѣе или менѣе значительное пониженіе температуры заставляетъ быстро покидать стоянку и двигаться дальше на югъ; поднявшіеся бураны гонятъ стада и кочевниковъ опять въ томъ же направленіи, потому что чѣмъ южнѣе, тѣмъ меньше бываетъ бурановъ. Эти передвиженія съ юга на сѣверъ и обратно вызываются въ общемъ тѣми же причинами, которыя обусловливаютъ вообще передвиженія животныхъ, какъ перелетъ птицъ или передвиженія американскихъ зубровъ и буйволовъ, сѣверныхъ оленей и дикихъ лошадей“ [58]).

Перелетъ птицъ, какъ и переселенія американскихъ зубровъ и буйволовъ—явленія того же порядка, какъ и кочевой бытъ и

разселеніе населенія по берегамъ рѣкъ, озеръ, океановъ, естественныхъ и за тѣмъ искусственныхъ путей передвиженій. Сюда же относится сперва эволюціонное и конъюнктивное, и за тѣмъ и искусственное или прогрессивное распредѣленіе его по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ. *Удобства сношеній* сперва то же, что представляютъ собою естественныя богатства, въ видѣ звѣрей, рыбы и плодовъ, а затѣмъ создается искусственно и въ этой высшей формѣ возсозданная человѣкомъ природа является настоящимъ кровообращеніемъ въ соціальныхъ организмахъ.

Развитіе искусственныхъ путей сообщеній, какъ и усовершенствованіе естественныхъ, служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что кочевой бытъ нашихъ предковъ не случайное явленіе, объясняемое единственно недостатками мѣстности. Кочеванье, т. е. движеніе съ развитіемъ культуры не ослабѣваетъ, а усиливается. Можно сказать даже, что развитіе культуры прямо пропорціонально развитію движенія. Тотъ народъ, въ которомъ болѣе движенія, имѣетъ и высшую культуру. И нельзя сказать, движеніе ли порождаетъ культуру, или культура порождаетъ движеніе. По всей вѣроятности, здѣсь происходитъ обыкновенная взаимная обусловленность, составляющая отличительную черту каждаго ограническаго развитія. Въ какой мѣрѣ кочевой бытъ не уменьшается, но возрастаетъ съ развитіемъ культуры, можно судить по движеніямъ населенія въ городахъ. Чѣмъ выше культура города и чѣмъ больше она отличается отъ деревни, тѣмъ большее въ немъ движеніе населенія. Не довольствуясь улучшеніями въ мостовыхъ и тротуарахъ, города устраиваютъ городскія желѣзныя дороги обыкновенно приносящія не малый доходъ ихъ учредителямъ.

Хотя comparaison n'est pas rasion, но въ данномъ случаѣ сравненіе само собою напрашивается. Кровообращеніе въ физіологическомъ организмѣ зависитъ отъ энергіи сердца, которая въ свою очередь обусловливается конъюнктивными силами, наприм. разстояніями прогона крови по отдаленнымъ конечностямъ тѣла, состояніемъ кровеносныхъ сосудовъ и т. п. Совершенно аналогично этому и движеніе населенія, какъ соціальнаго организма. Оно также прежде всего опредѣляется силой національнаго сердца, характеромъ населенія, его предпріимчивостью, его волей. Воля есть начало активное, т. е. принципъ движенія или творчества. Она борется эмоціями сохраненія, покоя, съ консервативными эмоціями, представляющими собой развѣтвленія самосохраненія. У европейскихъ націй активный элементъ жизни преобладаетъ надъ пассивными. Отсюда прогрессъ и культура. У восточныхъ народовъ пассивность преобладаетъ надъ активностью. Отсюда застой, стремленіе къ покою, высшимъ выраженіемъ коего— Нирвана. По всей вѣроятности сила соціальнаго пульса об-

условливается территоріальной конъюнкціей и укрѣпляется эволюціей.

Если сердце переутомляется въ своей работѣ, если оно встрѣчаетъ не мало препятствій, то естественно оно ослабѣваетъ и приходитъ въ упадокъ. Въ благопріятной средѣ оно вырабатываетъ свою собственную энергію и заставляетъ весь организмъ совершенствоваться, создавая культурную среду для своей дѣятельности. Улучшеніе водныхъ и созданіе искусственныхъ путей—это проявленіе національной энергіи, создающей для себя культурную среду. Распредѣленіе населенія по территоріи также можетъ быть или естественнымъ или культурнымъ. Въ этомъ послѣднемъ національный пульсъ самъ создаетъ условія для наилучшей самодѣятельности. Природа уступаетъ мѣсто соціальному искусству, какъ воскресшей къ сознанію и разуму природѣ. Кровообращеніе остается, но оно становится болѣе соотвѣтствующимъ нашему сознанію, нашимъ желаніямъ и стремленіямъ. Искусство не упраздняетъ природу, но даетъ ей съ человѣческой точки зрѣнія опредѣленную цѣль, желаемую человѣкомъ. Такъ гигіена и медицина нормируютъ дѣятельность тѣла въ интересахъ человѣческой личности. Человѣкъ остается тѣлеснымъ существомъ, но его тѣло одухотворено сознаніемъ. И какъ въ индивидуумѣ, такъ и въ соціальной личности еще много предстоитъ работы сознанію. До сихъ поръ какъ въ одной, такъ и въ другой сферѣ темныя силы эволюціи и конъюнкціи имѣютъ едва ли не исключительное значеніе, а разумъ едва намѣчаетъ пути для предстоящей работы.

Соціальная пульсація, выразившаяся въ стремленіи „брести врознь“ не только физически, но и духовно, лежитъ въ основѣ существующей разноплеменности населенія Россіи. Никто же не сомнѣвается въ томъ, что многомилліонное малорусское племя одного корня съ великорусскимъ, но бросающаяся каждому въ глаза дифференціація произошла подъ вліяніемъ не столкновеній и борьбы, но подъ вліяніемъ прежде всего территоріальныхъ условій жизни.

„Господиномъ нашей страны, говоритъ П. Забѣлинъ, и полнымъ ея хозяиномъ въ отношеніи климата было, конечно, свѣтлое и теплое солнце, дававшее всему жизнь и движеніе. Но свое благодатное царство оно дѣлило съ другимъ господиномъ—морозомъ“.

Но эти хозяева не вездѣ одинаково хозяйничали и хозяйничаютъ. Въ однихъ мѣстностяхъ солнце—полный хозяинъ, а морозецъ—рѣдкій гость; въ другихъ наоборотъ. Получается стройная гамма отношеній между солнцемъ и морозомъ, между свѣтомъ и тьмою, между тропиками и холоднымъ полюсомъ, благодаря чему наша родина содержитъ въ себѣ чуть ли не всѣ кли-

маты и всѣ почвы міра. Понятно, въ соотвѣтствіи съ этими естественно-территоріальными условіями и населеніе дифференцировалось даже независимо отъ соціальныхъ конъюнкцій.

Разноплеменный составъ Россіи и представляетъ собою эту совершенно естественную дифференціацію, которая, при настоящемъ состояніи человѣческихъ познаній, не можетъ быть ничѣмъ аннулирована.

Кочевое хозяйство, какъ и весь кочевой бытъ, безъ всякаго сомнѣнія вызываются территоріальными особенностями, съ которыми человѣкъ вынужденъ былъ считаться, не имѣя силъ и знаній, необходимыхъ для того, чтобы подчинить себѣ природу. На этой ступени развитія человѣкъ, подобно остальнымъ животнымъ, пользуется готовыми дарами природы и уже поэтому подчиненъ временамъ года, урожаю или неурожаю травъ, движенію стадъ, служащихъ ему пропитаніемъ.

Такимъ же образомъ на ступеняхъ гражданственности, когда человѣкъ еще слабъ, все зависитъ отъ удобства естественныхъ путей сообщеній.

Мечниковъ [61]) вѣрно утверждаетъ, что въ это время водные пути имѣли прямо рѣшающее значеніе. Онъ различаетъ три періода: 1) періодъ великихъ рѣкъ, 2) періодъ средиземно-морской и 3) океаническій. Въ древнемъ мірѣ культуры египетская, ассировавилонская, индійская и китайская были основаны по большимъ рѣкамъ—Нилу, Тигру и Ефрату, Инду и Гангесу, Гоангу и Янтсекіангу. Государства, основавшіяся внѣ большихъ рѣкъ, не оставили и слѣда по себѣ. Въ Европѣ видимъ то же. Европейскія культуры были основаны по Рейну, Дунаю, Днѣпру, Волгѣ. Съ развитіемъ судостроенія культура пошла по морскимъ берегамъ: Тиръ, Карѳагенъ, Грецiя, Римъ образовали свои культуры благодаря Средиземному морю и замѣнили древнія государства. Наконецъ въ XV в. покоренъ былъ океанъ и появились культуры Пиринейскаго полуострова, Франціи, Англіи, Голландіи.

Въ древней Руси, особенно въ XVII в., вплоть до новаго времени „рѣки, какъ единственное средство сообщенія, были линіями, опредѣлявшими административное дѣленіе сѣвера, были канвой, по которой располагались границы административныхъ округовъ. Группы поселковъ, вытянувшихся по берегамъ небольшой рѣки, образуетъ мелкую областную единицу—погостъ, станъ, волость, приходъ. Бассейнъ большой рѣки съ ея притоками, по берегамъ которыхъ расположились эти волости и станы, образуетъ уѣздъ; такъ что въ Поморьѣ территорія уѣзда—это система большой рѣки съ ея притоками. Уѣздъ—какъ бы живой организмъ съ становою нитью и съ нервными развѣтвленіями, расходящимися отъ нея въ обѣ стороны. Въ двухъ уѣздахъ не рѣки, а озера являются такою связью, объединяющей систему. Онежское

озеро въ Заонежскихъ погостахъ, озеро Воже въ Чароѣдской округѣ“ [62]).

Вотъ почему экономисты склонны даже преувеличивать значеніе природы въ народной экономіи. Такъ наприм.

По мнѣнію Е. Дюринга, „Англія обязана своею всемірною торговою монополіею главнымъ образомъ природѣ, именно своему географическому положенію и своимъ свойствамъ острова. Повсюду горы представляютъ обращенію преграды, а моря и рѣки съ ихъ болѣе или менѣе удобными пристанями—соединительные пути опредѣленнаго характера“ [63]).

Не менѣе часто повторяется также примѣръ изъ исторіи и быта Индіи.

Въ Индіи „природа страны содѣйствуетъ развитію фантазіи; жизнь индусовъ вспыхиваетъ на мгновеніе въ страсти къ наслажденіямъ, но въ общемъ народъ этотъ жаждетъ празднаго спокойствія; онъ думаетъ лишь о настоящей минутѣ. Индусы живутъ словно во снѣ, жизнь ихъ имѣетъ чувственную и вмѣстѣ съ тѣмъ фантастическую окраску; это мягкая жизнь, гдѣ преобладаетъ чувство и фантазія“ [64]).

Никто не можетъ отрицать того, что природа страны, т. е. всѣ особенности данной территоріи, представляя собою внѣшнія условія, въ которыхъ происходитъ развитіе человѣка, могутъ задерживать его, ускорять или направлять въ ту или иную сторону. Но *все* сводить къ природѣ территорія значитъ аннулировать не менѣе могущественный факторъ той же природы—природу самого человѣка, законы эволюціи и т. п. Какъ извѣстно уже намъ, Г. Дарвинъ впалъ въ противоположную крайность. Вся теорія Г. Дарвина цѣликомъ направлена къ разрушенію теоріи о вліяніи климата на распредѣленіе организмовъ на землѣ. Онъ отвелъ климату ничтожную роль. Главное вліяніе приписалъ естественному подбору въ борьбѣ за существованіе, т. е. внутреннимъ силамъ самого организма. И только къ концу своей дѣятельности Дарвинъ отказался отъ своего ученаго монизма, признавъ и вліяніе на эволюцію внѣшнихъ дѣятелей.

Не меньшее преувеличеніе представляютъ собою и попытки сведенія къ монизму безконечныхъ вліяній территорія. Такова наприм. попытка Л. Мечникова, высказавшаго слѣдующее положеніе:

„Во всѣхъ странахъ жизненнымъ синтезомъ всей совокупности сложныхъ условій климата, почвы, конфигураціи земли, геологическаго строенія представляется мнѣ рѣка. Быстрота или медленность ея теченія, обиліе и степень стремительности воды обусловливаются дождями, таяньемъ снѣговъ, смѣной временъ года, безсчисленными климатическими измѣненіями; повер-

хностный земной рельефъ, степень отдаленности отъ моря опредѣляютъ длину и извилистость ея теченія; отъ природы русла, обилія или недостатка наносовъ, присутствія или отсутствія органическихъ остатковъ зависитъ прозрачность или мутность водъ; тѣ же условія сообщаютъ рѣчной водѣ спеціальныя свойства, окраску и т. п.“ [65]).

Аналогичное воззрѣніе высказываютъ и другіе мыслители. Такъ С. Бётингеръ въ предисловіи къ своей работѣ о Средиземномъ морѣ, говоритъ, что это море было переходной средой отъ *рѣчного* культурнаго міра древнихъ народовъ *къ океаническому* міру нашихъ дней. По его мнѣнію „вода — оживляющій факторъ не только въ физической природѣ, но и истинный двигатель въ исторіи. Не только въ геологіи и ботаникѣ, но и въ соціологіи вода есть факторъ, побуждающій къ развитію, къ переходу отъ рѣкъ на берега морей и оттуда къ океану“.

Самая возможность этого монизма объясняется тѣмъ, что стихійныя силы территоріи находятся въ органической связи.

Такъ если рѣка является синтезомъ другихъ природныхъ особенностей, то и эти послѣднія въ свою очередь зависятъ отъ рѣчныхъ системъ территоріи. Достаточно припомнить наприм. различіе между приморскимъ и континентальнымъ климатомъ. Съ другой стороны такой монизмъ и недостаточенъ, такъ какъ не обнимаетъ всѣхъ явленій. Припомнимъ различія между сѣверомъ и югомъ. Рѣки могутъ быть одинаковы, а въ то же время существуетъ громадная разница во вліяніи природы на человѣка.

На сѣверѣ медленно развивается жизнь и разъ достигнутый результатъ дольше сохраняется, чѣмъ на югѣ, именно потому, что тамъ меньше разнообразія, меньше борьбы и столкновеній. Поэтому на крайнемъ сѣверѣ вездѣ сохранилась первобытная культура во всей ея примитивной неприкосновенности. Поэтому у насъ историки констатируютъ тотъ фактъ, что въ сѣверныхъ областяхъ сохранились въ народѣ старо-русскія былины, старыя легенды, преданія, суевѣрія. По этой же причинѣ община цѣльнѣе сохранилась на сѣверѣ, въ то время какъ на югѣ или исчезла, или измѣнила свой характеръ.

Какъ среда, въ которой и при посредствѣ которой происходитъ процессъ развитія культуры, территорія является факторомъ этой культуры въ такой же мѣрѣ, какъ тѣло человѣка является дѣятелемъ духовно-нравственнаго развитія. Въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа. Физическая природа страны—это нормальное или не нормальное, здоровое или больное тѣло для національной культуры. Конечно, не рѣдки случаи здоровой души въ больномъ тѣлѣ, а еще рѣже случаи, когда сила души

возстановляетъ больное тѣло. Но въ общемъ, для массъ, для большинства остается старая истина: in corpore sano—mens sana. И тѣмъ больше чести народу, если онъ побѣждаетъ свои не благопріятныя территоріальныя условія. А вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо не забывать и о великихъ задачахъ государствъ относительно народовъ такихъ странъ.

VI.

Съ матеріальной точки зрѣнія силы природы проявляются въ суммѣ полезностей, годныхъ посредственно или непосредственно для человѣка.

Силы природы съ экономической точки зрѣнія могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: на общедоступныя и необщедоступныя. Относительно первыхъ не соблюдается хозяйственный принципъ бережливости, проявляющійся въ стремленіи получить возможно большій результатъ съ возможно меньшими усиліями; подобной бережливости, напримѣръ, никто не соблюдаетъ при вдыханіи воздуха. Такія общедоступныя силы не подлежатъ экономическому анализу, не имѣютъ значенія экономическихъ величинъ; такія силы обладаютъ химическими, физическими и тому подобными свойствами, но не имѣютъ свойствъ экономическихъ. Въ составъ экономическихъ явленій входятъ только тѣ силы, которыя, вслѣдствіе своей ограниченности и необщедоступности, должны быть утилизируемы хозяйственнымъ образомъ и по поводу утилизированія которыхъ необходимо возникаютъ между людьми опредѣленныя сношенія.

Силы природы послѣдней категоріи въ свою очередь раздѣляются на соединенныя или съ двпжимыми или съ недвпжимыми вмѣстителями. Различіе это имѣетъ весьма существенное значеніе.

Силы природы, соединенныя съ недвижимыми вмѣстителями, подчинены закону, по которому при данной техникѣ удвоенный трудъ не даетъ удвоеннаго продукта. Тюненъ вычисляетъ, на основаніи опытныхъ данныхъ, что нанесеніе навоза толщиною на $^1/_2$ дюйма увеличиваетъ плодородіе земли на $^1/_2$ зерна, но дальнѣйшее увеличеніе навоза не сопровождается пропорціональнымъ увеличеніемъ плодородія. Если прибавить навоза снова на $^1/_2$ дюйма, то плодородіе возрастаетъ лишь на $^3/_8$ зерна; при дальнѣйшей такой же прибавкѣ оно увеличится только на $^1/_4$ зерна. Такимъ образомъ, увеличеніе навоза на $1^1/_2$ дюйма вмѣсто того, чтобы увеличить плодородіе земли въ $1^1/_2$ раза, увеличиваетъ всего на $1^1/_8$ зерна, то есть на $^3/_8$ менѣе, нежели могло бы получиться въ томъ случаѣ, еслибы увеличеніе издержекъ производства сопровождалось пропорціональнымъ увеличеніемъ продукта [66]).

Полученный результатъ не прямо пропорціоналенъ увеличенію издержекъ. Нельзя отрицать, что въ земледѣліи существуетъ тотъ предѣлъ, далѣе котораго увеличеніе издержекъ производства влечетъ за собою относительное уменьшеніе дохода, вслѣдствіе чего каждый новый продуктъ получается съ относительно большими усиліями. Если бы въ земледѣліи не суще-

ствовало такого предѣла, то увеличеніемъ издержекъ на одной десятинѣ можно было бы прокормить населеніе всей Европы (Рошеръ). „Лишь только земледѣліе достигаетъ извѣстной не очень высокой степени развитія, говоритъ Милль, лишь только люди начинаютъ заниматься воздѣлываніемъ земли съ нѣкоторою энергіею, лишь только явились у нихъ порядочныя орудія, земледѣльческое производство подчиняется дѣйствію закона, что, при данномъ положеніи земледѣльческаго искусства и знанія, увеличеніе труда не даетъ пропорціональнаго увеличенія въ продуктѣ, удвоеніе труда не удвоиваетъ продукта, или, выражая тоже самое иными словами, каждое возрастаніе продукта получается болѣе, чѣмъ пропорціональнымъ возрастаніемъ въ приложеніи труда къ землѣ“ [67]).

Всякое сосредоточеніе силъ въ неподвижномъ вмѣстителѣ сопровождается относительнымъ уменьшеніемъ дѣйствія каждой изъ нихъ. И это вѣрно не только въ отношеніи естественно неподвижныхъ вмѣстителей, но также и относительно вмѣстителей экономически неподвижныхъ въ данное время.

Если машина вполнѣ удовлетворительно дѣйствуетъ при 10 рабочихъ, то удвоеніе количества рабочихъ не будетъ сопровождаться пропорціональнымъ увеличеніемъ дѣйствія машины и удвоеніемъ продукта. Точно также, если сила воды въ данной мѣстности приводитъ въ дѣйствіе мельницу съ десятью колесами, то, очевидно, что увеличеніе колесъ не дастъ пропорціональнаго увеличенія дѣйствія силы.

Силы природы, соединенныя съ движимыми вмѣстителями, подчиняются совершенно иному закону. Увеличеніе вмѣстителей здѣсь сопровождается пропорціональнымъ увеличеніемъ силъ; умножая тѣла, съ которыми соединены силы, мы вмѣстѣ съ тѣмъ въ одинаковой степени умножаемъ и самыя силы. Увеличивая, наприм., количество каменнаго угля, мы вмѣстѣ съ тѣмъ получаемъ и пропорціонально большее количество теплоты. Возможность увеличенія такихъ движимыхъ вмѣстителей опредѣленныхъ силъ обусловливается естественнымъ положеніемъ страны. Особенно большое значеніе въ этомъ случаѣ имѣютъ запасы горючихъ матеріаловъ и удовлетворительныя средства сообщеній. По справедливому замѣчанію Франклина, Англія обязана своимъ богатствомъ каменному углю и каналамъ.

Нѣкоторые изъ экономистовъ поднимали вопросъ о сравнительномъ участіи силъ природы въ различныхъ отрасляхъ производства. Такъ, по мнѣнію А. Смита, природа помогаетъ человѣку только въ земледѣліи, въ другихъ же отрасляхъ промышленности все производится руками человѣка, безъ всякаго участія силъ природы. По мнѣнію другихъ экономистовъ, природа не участвуетъ въ производствѣ того, что имѣетъ цѣнность, что составляетъ предметъ купли-продажи; все, производимое природой, не имѣетъ цѣнности [68]).

А. Смитъ не замѣтилъ того, что природа—необходимый дѣятель во всѣхъ отрасляхъ промышленности. „Матерія, находящаяся на земномъ шарѣ, говоритъ Милль, небездѣятельно принимаетъ формы и качества, придаваемыя ей человѣческими руками. Она имѣетъ сама дѣятельныя силы, которыя участвуютъ въ трудѣ и могутъ быть употребляемы на замѣну его. Силы и вещества природы участвуютъ въ трудѣ дѣятельнымъ, а не пас-

сивнымъ образомъ. Работникъ беретъ стебель льна или пеньки, раздѣляетъ его на волокна, свиваетъ пальцами нѣсколько такихъ волоконъ при помощи простаго орудія, называемаго веретеномъ. Надѣлавъ такимъ образомъ нитокъ, онъ кладетъ рядомъ множество ихъ и всовываетъ поперекъ ихъ другія такія же нитки, такъ чтобы каждая поперечная шла поочередно сверху одной и снизу другой продольной, эта часть дѣла облегчается орудіемъ, которое называется челнокомъ. Вотъ работникъ произвелъ ткань, льняную или пеньковую, смотря по матеріалу. Говорятъ, что онъ выдѣлалъ ее руками, и предполагается, что никакая сила природы не содѣйствовала ему. Но какая же сила дѣлала возможнымъ каждый процессъ этой выдѣлки и сдерживаетъ сдѣланную ткань въ цѣлости? Это дѣлается крѣпостью волоконъ, то есть силою сцѣпленія ихъ частицъ, а это одна изъ силъ природы и мы можемъ въ точности измѣрить ея энергію сравнительно съ другими механическими силами, чтобы узнать, какое количество каждой изъ нихъ нужно для нейтрализованія или уравновѣшенія этой силы сцѣпленія [69]).

Съ другой стороны, необходимо также признать участіе силъ природы въ производствѣ цѣнностей. Самъ же Милль, отрицающій это участіе, въ то же время говоритъ: „Участіе природы къ каждой человѣческой работѣ неизмѣримо и несоизмѣримо. Если два элемента равно необходимы для произведенія результата, то нельзя говорить, что такая-то часть его произведена однимъ элементомъ, а такая-то другимъ; это все равно, что попытаться рѣшить, которая изъ двухъ половинъ ножницъ болѣе участвуетъ въ разрѣзываніи, или который изъ двухъ факторовъ, 5 и 6, болѣе участвуетъ въ произведеніи числа 30 [70]).

Климатъ принадлежитъ къ числу дѣятелей, хотя и не способныхъ къ присвоенію отдѣльными лицами, но находящихся въ неразрывной связи съ тою или иною страною, и въ этомъ отношеніи принадлежитъ къ числу дѣятелей непосредственно необщедоступныхъ въ международныхъ мѣновыхъ сношеніяхъ. Свойствами климата опредѣляется плодородіе земли, ея годность къ производству тѣхъ или иныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, что въ свою очередь вліяетъ на характеръ и направленіе другихъ хозяйственныхъ предпріятій. Въ странахъ съ теплымъ климатомъ многія сельско-хозяйственныя работы могутъ быть распредѣлены найбольшее количество времени, вслѣдствіе чего одна и та же работа исполняется меньшимъ количествомъ рабочихъ рукъ, скота, орудій и машинъ. Вотъ почему, даже при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, въ странахъ съ продолжительными зимними холодами сельское хозяйство не можетъ быть такъ успѣшно, какъ въ мѣстностяхъ въ которыхъ зимнее время не такъ продолжительно и менѣе сурово. Это никода не должно быть забываемо при оцѣнкѣ состоянія и развитія сельскаго хозяйства во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества. Еще А. Гакстгаузенъ замѣтилъ тотъ фактъ, что къ Россіи не можетъ быть приложимъ сельско-хозяйственный масштабъ, который привыкли употреблять при оцѣнкѣ состоянія и развитія сельскаго хозяйства въ западной Европѣ. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, говоритъ онъ, земледѣліе при равныхъ затратахъ не можетъ быть такъ успѣшно, какъ въ мѣстностяхъ съ болѣе умѣреннымъ климатомъ и зимними холодами менѣе продолжительными. Обра-

ботка земли и сборъ продуктовъ съ полей въ послѣднихъ мѣстностяхъ могутъ быть совершаемы въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ въ первыхъ: такъ наприм., около Орлеана, или около Майнца эти работы продолжаются въ теченіи 7 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ частяхъ Россіи онѣ должны быть окончены въ 4 мѣсяца,—короткость лѣта не позволяетъ долѣе работать на поляхъ. Изъ этого видно, что при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, если около Орлеана или Майнца опредѣленный результатъ получается работой четырехъ людей и четырехъ лошадей, то на сѣверѣ отъ Волги для полученія того же результата необходимо семь человѣкъ и семь лошадей [71]). Значительная часть нашихъ сельскихъ хозяевъ. поэтому, болѣе нуждается въ сокращающихъ трудъ сельскохозяйственныхъ орудіяхъ и машинахъ, чѣмъ сельскіе хозяева западной Европы, работающіе при болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ [72]). Продолжительность и суровость зимы ведетъ къ полному прекращенію сельско-хозяйственныхъ полевыхъ занятій. Это ведетъ въ свою очередь къ тому, что сельское хозяйство такихъ мѣстностей не можетъ вполнѣ спеціализироваться; сельскій хозяинъ не можетъ всецѣло предаться одному промыслу, онъ ищетъ для свободнаго зимняго времени работъ постороннихъ его главному промыслу. Сельскій хозяинъ, полевыя работы котораго продолжаютоя не болѣе четырехъ или пяти мѣсяцевъ, не можетъ такъ спеціально заняться своимъ дѣломъ, какъ земледѣлецъ, находящійся при болѣе благопріятныхъ условіяхъ; весьма естественно, что дѣло перваго не можетъ быть такъ успѣшно, какъ дѣло послѣдняго. Наша кустарная промышленность представляетъ собою результатъ такого рода климатическихъ условій, мѣщающихъ крестьянину въ зимнее время заниматься сельскохозяйственными работами. Крестьянинъ не можетъ заниматься спеціально однимъ земледѣльческимъ промысломъ, онъ по необходимости ищетъ постороннихъ заработковъ и находитъ ихъ главнымъ образомъ въ разнаго рода кустарныхъ занятіяхъ. Вполнѣ справедливо, что въ настоящее время „это соединеніе разныхъ занятій, основанное на естественныхъ отношеніяхъ страны, отсутствіе строгаго раздѣленія промысловъ, составляетъ характерную черту хозяйственнаго быта Россіи и есть одна изъ причинъ, почему обработка полей не доведена у насъ до такого совершенства, и почему наши урожаи не такъ изобильны“ [73]). Но желать уничтоженія кустарной промышленности болѣе, чѣмъ странно; эта промышленность основывается „на естественныхъ отношеніяхъ страны“. Нельзя сомнѣваться, что въ будущемъ она перестанетъ быть тормазомъ въ ростѣ нашего сельско-хозяйстеннаго дѣла, въ большей части случаевъ обставленнаго такими неблагопріятными климатическими условіями. Освобожденный крестьянинъ, получившій возможность развиваться умственно, безъ всякаго сомнѣнія, съ теченіемъ времени организуетъ болѣе разумно свой кустарный трудъ, который станетъ приносить достаточный доходъ, что свою очередь отозвется и на развитіи земледѣлія, требующаго большихъ средствъ сравнительно съ болѣе благодатными мѣстностями.

Подобно климату и почва, особенно на низшихъ ступеняхъ развитія, отказываетъ громадное вліяніе на человѣка. Въ Азіи цивилизація всегда ограничивалась полосой наиболѣе плодород-

ной, простирающейся съ небольшими перерывами отъ восточной части южнаго Китая до западныхъ береговъ Малой Азіи, Финикіи и Палестины. Арабы въ своемъ отечествѣ, вслѣдствіе безплодія почвы, были грубымъ народомъ; но въ VII в. они завоевали Персію, въ VIII лучшую часть Испаніи, въ IX Пенджабъ, и грубые дикари сдѣлались образованнѣйшими народами тогдашняго міра. По ученію Бокля, цивилизація Азіи и Африки произведена почвой, а цивилизація, Европы—климатомъ. Отсюда происходитъ и различіе въ характерѣ этихъ цивилизацій. Вліяніе благодатной почвы проще, а потому и цивилизація, вызываемая ею, ранѣе. Но эта цивилизація не прочна, такъ какъ при благодатной почвѣ человѣческія силы усыпляются, подобно тому, какъ замораживаютъ ихъ холодныя пустыни полярныхъ странъ. Напротивъ того, умѣренный климатъ, поддерживая трудовую энергію, представилъ возможность большаго постоянства цивилизаціи. Вотъ почему цивилизація Европы показала способность къ развитію, неизвѣстную для цивилизацій обусловливаемыхъ почвою [74]).

Самое отношеніе между сушей и водой оказываетъ значительное вліяніе на развитіе общественности.

Для уясненія этого вліянія достаточно припомнить, что на Европейскомъ материкѣ одна миля берегового протяженія приходится на 40 кв. миль внутренняго пространства, а если считать береговую линію острововъ, то менѣе, чѣмъ на 30 кв. миль; между тѣмъ какъ въ южной Америкѣ на 97, въ Азіи на 105, въ Африкѣ на 152 кв. мили. Своимъ экономическимъ развитіемъ Европа во многихъ отношеніяхъ обязана достаточному развитію береговой линіи, морямъ Средиземному и Нѣмецкому съ Балтійскимъ, множеству заливовъ и острововъ, состовляющихъ удобныя станціи для сношеній [75]). Выгоды приморскаго положенія и большихъ внутреннихъ водныхъ путей весьма часто нейтрализуютъ печальныя послѣдствія безплодія почвы. Правда, какъ замѣчаетъ Милль, польза отъ моря и большихъ рѣкъ состоитъ исключительно въ томъ, что онѣ сберегаютъ расходы по перевозкѣ. Но люди, размышлявшіе объ этомъ предметѣ, понимаютъ, какая, огромная экономическая выгода приносится такимъ сбереженіемъ. Эта выгода такъ важна, что часто съ избыткомъ вознаграждаетъ за безплодіе почвы и почти за всѣ другія естественныя невыгоды; въ особенности относится это къ тому раннему періоду промышленности, когда трудъ и наука еще не создали искусственныхъ средствъ сообщенія, могущихъ соперничать съ естественными. Въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка самыми цвѣтущими обществами были не тѣ, которыя имѣли наибольшую территорію, или плодороднѣйшую почву, а тѣ, которыя, какъ Аѳины, Тиръ Марсель, Венеція, вольные города Балтійскаго моря, были принуждены безплодіемъ почвы обращаться къ извлеченію всей возможной пользы изъ своего удобнаго приморскаго положенія [76]).

Но какъ ни сильно вліяніе природы на общественный бытъ, какъ не значительно вліяніе естественныхъ выгодъ на экономическое развитіе народовъ, тѣмъ не менѣе мы не должны считать силы природы исключительнымъ факторомъ благосостоянія Избыткомъ естественныхъ выгодъ весьма часто скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Успѣшность въ производствѣ зависитъ отъ трудовой энергіи, которая развивается не отсутствіемъ препятствій, но за-

трудненіями. Избытокъ естественныхъ выгодъ также можетъ быть вреденъ, какъ и крайній недостатокъ ихъ; въ благодатныхъ странахъ, гдѣ почти безъ всякаго труда человѣкъ можетъ имѣть средства къ существованію, его силы усыпляются и энергія ослабѣваетъ точно также, какъ суровыя полярныя страны, такъ сказать, замораживаютъ эти силы и энергію ихъ. Вотъ почему вполнѣ справедливо замѣчаніе Милля, что качества и способности самаго общества еще важнѣе для него, чѣмъ естественныя выгоды, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ онѣ важнѣе богатства и знатности. Въ самомъ себѣ человѣкъ находитъ силу, которая даетъ ему возможность бороться съ самыми неблагопріятными естественными условіями, и исторія представляетъ намъ факты достойныхъ удивленія побѣдъ. Сила эта—его трудъ, его физическія и духовныя свойства, направленныя къ достиженію хозяйственныхъ цѣлей.

Не смотря на естественныя неблагопріятныя условія, въ общемъ природа, какъ факторъ производства, даетъ полную возможность организаціи у насъ вполнѣ самостоятельнаго національнаго труда, при извѣстныхъ условіяхъ, направленныхъ къ ослабленію такихъ неблагопріятныхъ природныхъ особенностей, измѣненіе которыхъ подчинено человѣку. Слѣдуя Семенову, Европейскую Россію можно раздѣлить на слѣдующія естественныя области. [77]).

1) *Черноземная не степная область.* Сѣверной границей ея служитъ сѣверная граница распространенія чернозема, а южная —съ началомъ степей и исчезновеніемъ лѣсныхъ пространствъ. Въ этой полосѣ населеніе повсемѣстно имѣетъ значительный хлѣбный избытокъ, какъ въ озимыхъ, такъ и въ яровыхъ хлѣбахъ. Благодаря достаточному количеству лѣсовъ, естественное орошеніе обильно и колебанія въ урожайности сельско-хозяйственныхъ продуктовъ крайне слабы. Населеніе группируется въ крупныхъ поселкахъ, расположенныхъ густо вдоль теченія рѣкъ. Эта область представляетъ собою, по выраженію г. Семенова, главную житницу Россіи.

2) *Черноземная степная область.* Въ составъ ея входятъ: часть Бессарабіи, новороссійскія губерніи, за исключеніемъ значительной части Таврической, части Донской области и губерніи: саратовской, самарской, пермской и оренбургской. Черноземная почва ея почти совершенно лишена лѣсной растительности, лѣса занимаютъ въ среднемъ менѣе 5% всего пространства. Благодаря отсутствію лѣсовъ, орошеніе крайне скудно и колебанія въ урожайности хлѣбовъ на столько значительны, что сельское хозяйство весьма часто носитъ характеръ азартной игры. Съ 1870 по 1876 г. разность между наибольшею и наименьшею жатвою во всей Европейской Россіи составляла не болѣе 28% средняго сбора за это время, между тѣмъ какъ въ степныхъ губерніяхъ она составляла 86%. Нѣтъ ничего безотраднѣе степнаго хозяйства, говоритъ кн. Васильчиковъ; при этомъ хозяйствѣ все зависитъ отъ климатическихъ случайностей, или отъ дуновенія сѣверо-восточнаго или юго-западнаго вѣтра, или отъ мглы и удушливаго зноя, навѣваемаго изъ средне-азіатскихъ пустырей. Чувствовать себя постоянно безпомощнымъ тягостно, а эта безпомощность убиваетъ всякое стремленіе къ улучшенію, снѣдаетъ духъ предпріимчивости. Причину такого явленія нужно искать въ географическомъ положеніи страны, во внѣшней ея формѣ, представляющей плос-

кую, со всѣхъ сторонъ открытую равнину, на которой не встрѣчается ни горъ, ни лѣсовъ, могущихъ защитить ее отъ бушующихъ постоянно вѣтровъ“ [78]). Здѣсь развитіе земледѣлія слабо зависитъ отъ индивидуальныхъ усилій. Отдѣльный сельскій хозяинъ не можетъ бороться наприм. съ засухами, часто повторяющимися въ степныхъ мѣстностяхъ. Для этой борьбы необходимы коллективныя усилія, необходимы государственныя мѣры къ облѣсенію степей и организаціи орошенія. Только благодаря высокому плодородію почвы населеніе имѣетъ значительный хлѣбный избытокъ при вполнѣ экстенсивной культурѣ.

3) *Лѣсная черноземно-суглинистая область* лежитъ къ сѣверу отъ восточной заволжской части степной черноземной полосы. Въ составъ ея входятъ: большая часть Уфимской губерніи, плодородные уѣзды вятской и осинскій уѣздъ пермской губерніи. Плодородная почва даетъ избытокъ хлѣбовъ, главнымъ образомъ ржи и яроваго хлѣба, сближая эту область съ черноземными. Лѣса занимаютъ до 50% всего пространства и такимъ образомъ сближаютъ ее съ лѣсными областями.

4) *Подгорная и нагорная области Крыма и Кавказа.* Эту область г. Семеновъ характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ. Подгорная и нагорная область Крыма и Кавказа заключаетъ въ себѣ части Россіи, находящіяся въ лучшихъ климатическихъ условіяхъ. Почва весьма различна, такъ какъ рядомъ съ мѣстностями гористыми, скалистыми и каменистыми, а потому совершенно безплодными, многія горныя долины, наклонныя плоскости и подгорныя равнины представляютъ нерѣдко почву самую плодородную, вслѣдствіе чего постоянное населеніе области недостатка въ хлѣбѣ не ощущаетъ, а нѣкоторыя мѣстности представляютъ даже и значительный его избытокъ. Спеціальныя культуры: садоводство, винодѣліе, разведеніе тутовыхъ деревьевъ для шелководства, разведеніе марены, хлопчатника и т. д. играютъ значительную роль въ народномъ хозяйствѣ области. Особенность хозяйственнаго быта ея состоитъ также въ томъ, что здѣсь довольно значительно распространено искусственное орошеніе.

5) *Степная нечерноземная область.* Она лежитъ въ промежуткѣ между подгорною и черноземными областями и идетъ далѣе къ востоку, между южною границею чернозема и Каспійскимъ моремъ, до Киргискихъ степей средней Азіи, съ которыми эта область имѣетъ большое сходство. Она характеризуется совершеннымъ отсутствіемъ лѣсовъ, недостаткомъ дождей и обиліемъ солончаковъ. Земледѣліе почти не существуетъ, ведется гуртовое скотоводство и до сихъ поръ государствуетъ кочевая жизнь.

6) *Западная окраина.* Въ составъ ея входятъ нечерноземныя мѣстности Европейской Россіи, находящіяся въ сосѣдствѣ съ Западной границей. Почва достаточно плодородная, лѣса занимаютъ до 30% пространства, орошеніе достаточное. Близость къ иностраннымъ рынкамъ и густота населенія вызвали высокое развитіе земледѣльческой культуры; населеніе имѣетъ довольно значительный хлѣбный избытокъ въ особенности яровыхъ хлѣбовъ. Изъ спеціальныхъ культуръ здѣсь наиболѣе распространено льноводство.

7) *Центральная промышленная область.* Сюда входятъ: Московская губ., большая часть Владимірской, части Нижегородской,

Костромской, Ярославской, Тверской, Рязанской, Тульской, Калужской, уѣзды Сычевскій и Гжатскій Смоленской. Почва мало плодородна, но съ одной стороны обиліе лѣсовъ, а съ другой выгодныя историческія условія и положеніе между двумя главными водными артеріями Россіи (Волгою и Окою) вызвали значительное развитіе обрабатывающей промышленности. Обилію лѣсовъ нашими изслѣдователями придается весьма существенное значеніе въ дѣлѣ развитія здѣсь этой промышленности. „Лѣсъ, говоритъ В. Безобразовъ, является первостепеннымъ естественнымъ или географическимъ элементомъ промышленнаго характера московской области. Лѣсъ былъ такимъ элементомъ издревле, не только для промышленности, но и для всей исторіи этой области. И теперь еще она заключаетъ въ нѣкоторыхъ своихъ краяхъ значительныя лѣсныя богатства, а въ началѣ нашей государственной исторіи, до истребленія лѣса промышленностью и сгущавшимся народонаселеніемъ, она прямо принадлежала къ *области лѣса*, въ отличіе отъ *поля*, отъ всей южной половины Россіи. Въ этомъ лѣсѣ главнѣйше сосредоточилась послѣ кіевскаго періода вся наша исторія и вся наша культура“ [79]). Въ будущемъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, центральная промышленная область будетъ получать необходимое для промышленности топливо изъ сосѣдняго сѣвернаго лѣснаго края. Лѣса, начинающіеся на границѣ этой области и простирающіеся до крайняго сѣвера, представляютъ собою неисчерпаемый запасъ горючаго матеріала, полезное значеніе котораго будетъ увеличиваться по мѣрѣ улучшенія путей сообщеній.

8) *Петербургская промышленная область.* Выгодное торговое положеніе, обиліе топлива, какъ древеснаго, такъ и минеральнаго привознаго, сосредоточеніе въ столицѣ капиталовъ и выгодныя культурныя условія вызвали въ уѣздахъ с-петербургскомъ, царскосельскомъ и петергофскомъ значительное развитіе фабричной и заводской промышленности, что въ свою очередь должно было вызвать привлеченіе населенія изъ сосѣднихъ губерній и даже изъ нѣкоторыхъ мѣстностей московскаго промышленнаго раіона, въ которыхъ развиты отхожіе промыслы.

9) *Полѣсья.* Сюда входитъ: сѣверско-бѣлорусское полѣсье, новгородско-финское полѣсье, вологодско-вятское полѣсье, уральское полѣсье и крайній сѣверъ. Всѣ эти полѣсья имѣютъ почву нечерноземную, мало плодородную, слабо вознаграждающую трудъ земледѣльца, благодаря чему населеніе почти повсемѣстно испытываетъ недостатокъ въ собственномъ хлѣбѣ. За исключеніемъ горной области Урала, въ полѣсьяхъ и обрабатывающая промышленность слабо развита, причиной чего главнымъ образомъ является отсутствіе путей сообщеній, посредствомъ которыхъ облегчался бы сбытъ продуктовъ и привозъ хлѣба изъ болѣе плодородныхъ мѣстностей. Отсутствіе же удобныхъ и дешевыхъ сношеній служитъ причиною того, почему и уральскія богатства слабо эксплоатируются.

Такимъ образомъ наиболѣе производительными областями, составляющими, по выраженію г. Семенова, „всю основу могущества Имперіи“, слѣдуетъ признать четыре естественныя области: черноземную не степную, черноземную степную, центральную промышленную и западную окраину. Это пространство заключаетъ въ себѣ почти $^1/_3$ площади Европейской Россіи и болѣе $^2/_3$

ея населенія. Здѣсь сосредоточены главныя производительныя силы Россіи. Всѣ остальныя мѣстности имѣютъ значеніе необходимыхъ придатковъ къ этому ядру государства. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ большое значеніе, представляя собою морскія побережья съ портами и устьями рѣкъ, другіе заключаютъ значительныя лѣсныя, звѣриныя и рыбныя богатства, третьи—горныя богатства, четвертые годны для спеціальныхъ культуръ и т. п. Если присоединить къ этому естественныя богатства Сибири и другихъ азіатскихъ областей Россіи, то необходимо согласиться, что наше отечество заключается въ себѣ всѣ условія наиболѣе систематическаго національно-экономическаго развитія.

До сихъ поръ это развитіе встрѣчало есественныя треграды въ громадности пространства и недостаточности путей сообщенія. Это препятствіе съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе преодолѣвается и въ то время, когда всѣ уголки Россіи будутъ соединены между собою удобными и дешевыми путями сообщеній, неизбѣжно возникнетъ то экономическое единеніе между ними, которое имѣетъ значеніе краеугольнаго камня въ организмѣ національнаго благосостоянія. Отъ западно-европейскихъ государствъ Россія въ этомъ отношеніи рѣзко отличается, благодаря необъятности своей территоріи. Въ то время, какъ западно-европейскіе народы для избытка населенія должны пріискивать колоніи, Россіи нѣтъ надобности искать на сторонѣ помѣщенія, если бы возникъ въ той или иной мѣстности избытокъ населенія. Колоніальный вопросъ замѣняется у насъ переселенческимъ, имѣющимъ такое же государственное значеніе, какъ и колоніальный вопросъ на западѣ. Особенно онъ имѣетъ важное значеніе на окраинахъ. „Русская соха и борона должны обязательно слѣдовать за русскими знаменами и точно такъ же, какъ горы Кавказа и пески Средней Азіи не остановили русскаго солдата, они не должны останавливать русскаго переселенца“ [80]).

Обширность и разнообразіе территоріальныхъ силъ Россіи вызываютъ также необходимость болѣе непосредственнаго участія у насъ государства въ экономическихъ отношеніяхъ страны. Вдохнуть жизнь въ Полѣсья, канализировать торфянистыя болота, дать орошеніе степямъ, поддерживать правильное экономическое единеніе между отдаленными частями нашего отечества-это задача государства, а не частнаго интереса, которому не можетъ быть доступно осуществленіе такой задачи. Идеи невмѣшательства государства въ экономическую жизнь у насъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть того значенія, какое приписывается имъ на западѣ.

XIV. Капиталъ.

Капиталъ—это искусство, а искусство—это природа, создаваемая творческими силами и служащая или непосредственно для удовлетворенія потребностей или для созданія произведеній, необходимыхъ для достиженія той же цѣли. Рано человѣкъ замѣтилъ, что природа недостаточна для удовлетворенія его потребностей и уже въ до-историческое время онъ занялся созданіемъ новой природы, въ полномъ смыслѣ слова искусственной,

очеловѣченной природы. И каждый успѣхъ въ этомъ направленіи настолько казался человѣку чудеснымъ, что онъ приписывалъ удачу своей мысли не себѣ, но божеству. Таковъ мивъ о Прометеѣ, добывшемъ огонь съ небесъ и доставившемъ его людямъ. И люди берегли его, какъ величайшую святыню въ жизни. Съ открытіемъ огня возникла осѣдлость и не даромъ у насъ домъ носитъ названіе огнища. Поэтому же древніе боготворили орудіе. Въ одной рукописи соловецкаго монастыря говорится о лопатяхъ: „Отнюдь Бога единаго ни разумѣти хотяху, но може кто когда чрево насытитъ тогда они и Бога си поставляше и аще иногда каминемъ звѣря убиваетъ, камень почитаетъ и аще палицею поразитъ ловимое, палицу боготворить". По разсказамъ Геродота, у скиѳовъ въ царствованіе трехъ сыновей Таргитая упали съ неба плугъ, ярмо, сѣкира и чаша. Это случилось за 1500 л. до Р. Хр. Эта-то очеловѣченная природа, или точнѣе выражаясь, природа, одухотворенная мыслью человѣка, и есть капиталъ, какъ искусственная природа, направленная къ подчиненію человѣку и всей внѣшней, не созданной человѣкомъ природы.

Въ нашей литературѣ это идейное значеніе капитала впервые было высказано Н. Чернышевскимъ.

„Много краснорѣчивыхъ голосовъ въ З. Европѣ возстало противъ капитала. говоритъ онъ, и надобно сказать, что всѣ нападенія на него справедливы, когда это слово понимается въ томъ узкомъ смыслѣ, какой имѣетъ оно на языкѣ спекуляторовъ парижской биржи и ихъ друзей между экономистами. Смѣясь надъ меркантилистами, полагавшими народное богатство въ обладаніи большою массою звонкой монеты, они сами впадаютъ въ такую же ошибку, когда, превознося необходимость капитала, для экономической дѣятельности, разумѣютъ подъ словомъ „капиталъ" исключительно запасъ звонкой монеты, кредитныхъ знаковъ и матеріальныхъ вещей, которыми торгуютъ на биржахъ и которыя передаются по купчимъ крѣпостямъ. Фабрики съ ихъ машинами, пакгаузы съ ихъ товарами, дома съ ихъ мебелью, кипы акцій и облигацій, груды золота и серебра—все это капиталъ; но совершенно ошибаются люди, воображающіе, что только такого рода капиталъ нуженъ для возвышенія производительности національнаго труда, и что ему именно должна доставаться значительнѣйшая часть производимыхъ трудомъ богатствъ, потому что будто бы ему именно и исключительно должно приписывать успѣшность и энергію труда. Ошибка эта имѣла самыя печальныя послѣдствія, какъ для науки, развитіе которой надолго замедлилось и извратилось узкостью понятій, такъ и для общественнаго быта, вдавшагося въ гибельную односторонность, по вопросу о распредѣленіи плодовъ труда между трудящимся классомъ и капиталистами и при заботѣ объ умноженіи національнаго ка-

питала. Если капиталъ только деньги и матеріальныя вещи, то разумѣется, надобно признавать справедливымъ, когда почти всѣ производимыя богатства обращаются въ пользу капиталистовъ, а для трудящагося класса предоставляется только ничтожная часть, не больше того, сколько нужно для скуднаго поддержанія жизни. „Безъ капитала трудъ не успѣшенъ—успѣхъ придается ему капиталомъ, потому и плоды успѣшности труда принадлежатъ не самому труду, а оживляющему его капиталу, говорила эта односторонняя теорія. И такъ какъ успѣшность труду придается исключительно содѣйствіемъ матеріальныхъ капиталовъ, денегъ и замѣняющаго ихъ кредита, машинъ и пр., продолжаетъ она, то очевидно, что на увеличеніе этихъ матеріальныхъ капиталовъ и должна быть обращена вся забота, а самый трудъ, безсильный безъ нихъ, не заслуживаетъ особеннаго вниманія“. Но дѣло въ томъ, что тутъ есть вѣчный недосмотръ. Какое бы опредѣленіе капитала мы не взяли, все таки окажется, что кромѣ матеріальнаго капитала, существующаго въ видѣ зданій, машинъ и денегъ или кредитныхъ знаковъ, существуетъ другой капиталъ, сливающійся съ организмомъ работника, и что *этотъ капиталъ, который можно назвать нравственнымъ, гораздо важнѣе матеріальнаго. Этотъ важнѣйшій національный капиталъ есть запасъ нравственныхъ силъ и умственной развитости въ народѣ.* Англія богата отъ того, что въ ней много, Испанія бѣдна отъ того, что въ ней мало капиталовъ, говорятъ экономисты. Такъ; но это изобиліе или недостатокъ относится или къ однимъ денежнымъ или вообще матеріальнымъ запасамъ? Если два корабля, одинъ съ англійскими, другой съ испанскими пассажирами, разобьются у двухъ сосѣднихъ острововъ, одинаково пустынныхъ и одинаково плодоносныхъ, и пассажиры того и другого корабля одинаково будутъ выброшены на берегъ, подобно Робинзону Крузо, не имѣя ровно ничего при себѣ или на себѣ, кромѣ платья и нѣсколькихъ складныхъ ножей, участь того и другого населенія будетъ ли одинакова? Нѣтъ. Посѣтивъ черезъ десять лѣтъ островъ англичанъ, вы найдете у нихъ удобныя и прочныя жилища, изобильно снабженныя всякими вещами необходимыми для комфорта; найдете обширныя и хорошо воздѣланныя поля съ богатыми жатвами; словомъ, найдете благосостояніе и даже избытокъ. На испанскомъ островѣ вы не увидите ничего подобнаго. Его жители представятся вамъ бѣдняками, живущими въ жалкихъ лачугахъ, часто голодающими и не имѣющими ничего, кромѣ своихъ старыхъ плащей, уже обратившихся въ лохмотья. Отчего же такая разница? Оттого, что англичане, хотя и выброшены были на берегъ, подобно испанцамъ, безъ всякаго запаса денегъ и другихъ вещественныхъ капиталовъ, имѣли въ своихъ привычкахъ и знаніяхъ нравствен-

ный капиталъ, несравненно важнѣйшій, нежели всѣ тѣ громады товаровъ, тысячи фабрикъ и паровыхъ машинъ, которыми владѣетъ ихъ родина. Они имѣли съ собой трудолюбіе и бережливость, имѣли техническія знанія, наконецъ, основаніе всему остальному—они имѣли развитыя головы, съ убѣжденіемъ, что человѣку слѣдуетъ жить въ довольствѣ, и крѣпкою увѣренностью въ своихъ силахъ. Всего этого лишены были испанцы. *А въ этомъ нравственномъ капиталѣ и заключается источникъ всего матеріальнаго капитала.* Если бы въ одну ночь сгорѣли Лондонъ, Манчестеръ и Ливерпуль, со всѣми своими казначействами, банками и конторами, доками, флотомъ и пакгаузами, это былъ бы тяжелый, но вовсе не смертный ударъ для ихъ населенія. Черезъ пятнадцать, много двадцать лѣтъ, на прежнихъ мѣстахъ стояли бы новыя конторы и пакгаузы, заваленные еще большимъ количествомъ товаровъ, и гавани были бы наполнены флотами, многочисленнѣйшими прежнихъ съ грузами, драгоцѣннѣйшими прежнихъ. Но, къ чему дѣлать предположенія, когда есть факты, къ чему противопоставлять одинъ другому два народа, когда въ исторіи одного и того же найдутся примѣры достаточно ясные? Изъ Франціи были удалены десятки тысячъ людей послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Сто лѣтъ спустя изъ Франціи десятки тысячъ людей удалились послѣ взятія Бастиліи. Вещественныхъ капиталовъ гугеноты унесли съ собою заграницу въ тысячу разъ менѣе, нежели эмигранты временъ революціи. То были большею частью простые ремесленники и мастеровые, а эмигранты были богатые землевладѣльцы, и многіе изъ нихъ считали свои вывезенные богатства милліонами франковъ. Но черезъ пять лѣтъ гугеноты не только сами пользовались довольствомъ въ новыхъ своихъ поселеніяхъ, но и удвоили богатства тѣхъ странъ, въ которыхъ поселились; черезъ пять лѣтъ эмигранты не только сами нищенствовали, но и были причиною обѣдненія странъ, которая ихъ приняла. Надобно ли говорить, отчего произошла такая разница? Гугеноты, кромѣ своихъ техническихъ знаній, имѣли съ собою твердыя нравственныя правила, неуклонную любовь къ законности, привычку къ энергической дѣятельности, развитую мыслительную способность. Эмигранты, кромѣ невѣжества, вывезли съ собою презрѣніе къ закону, поклоненіе грубой силѣ своего крика и своихъ шпагъ, легкомысліе и неспособность ни къ какой серьезной мысли, ни къ какому дѣльному труду. Да, *нравственный капиталъ—источникъ всѣхъ вещественныхъ капиталовъ, которые безъ него не могутъ ни возникнуть, ни сохраниться, тѣмъ менѣе могутъ возростать безъ его возрастанія*“ [1]).

По странной ироніи судьбы это дѣйствительно строго научное понятіе о капиталѣ выработано, главнымъ образомъ, въ Рос-

сіи, русскими учеными и публицистами, т. е. въ странѣ, наиболѣе слабой нравственными капиталами, хотя и богатѣйшей въ мірѣ своими природными вещественными капиталами и поэтому одновременно заключающей въ себѣ и невѣроятное убожество и также невѣроятное богатство естественными силами, каковы земля, ископаемыя, водныя богатства и т. д. Здѣсь въ словахъ русскихъ мыслителей какъ бы сказалось то, что представляетъ собою „единое на потребу“ для поднятія и укрѣпленія національнаго благосостоянія. Западные ученые, подавленные страшнымъ ростомъ матеріальныхъ богатствъ, могли заговорить о непроизводительности невещественнаго труда. Намъ эта теорія оказалась далекою отъ истины. И Н. Чернышевскій, лучше другихъ русскихъ экономистовъ, выясняетъ намъ высокое народно-экономическое значеніе нравственнаго капитала, какъ источника всѣхъ вещественныхъ капиталовъ.

Народы богатѣютъ въ мѣру накопленія въ странѣ нравственнаго капитала, этого основного источника благосостоянія. Чѣмъ больше этотъ капиталъ, тѣмъ меньше непроизводительныхъ расходовъ на сторожей, полицію, суды, адвокатовъ и т. д. Уже одни эти сбереженія въ громадной пропорціи поднимаютъ благосостояніе, которое растрачивается у нравственно-варварскихъ народовъ на самообереганіе. Положительная же выгода состоитъ въ непосредственномъ увеличеніи производительности и накопленіи энергіи и предпріимчивости, въ оживленіи духа народа. Истинный капиталъ націи не въ золотомъ тельцѣ древнихъ евреевъ. Золотой телецъ есть въ строгомъ смыслѣ слова бездушный идолъ, который требуетъ кровавыхъ жертвоприношеній, который питается человѣческой кровью, который враждебно относится къ человѣческой личности, ея свободѣ и достоинству. Не даромъ старый законодатель Моисей такъ сурово предостерегалъ отъ него своихъ единоплеменниковъ. Еврейскій народъ не внялъ голосу своего законоучителя, сталъ поклоняться золотому идолу и потерялъ все, ибо потерять отечество, значитъ потерять все. Жизнь гонимаго и не имѣющаго пристанища еврея служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ страшно опасна, страшно вредна для народовъ блестящая идея отождествленія капитала съ золотымъ тельцомъ, т. е. съ вещественнымъ имуществомъ вообще. Подчинившись экономическому фетишизму, народы гибнутъ.

Къ несчастію, до сихъ поръ идолъ, отъ котораго въ ужасъ приходилъ ветхозавѣтный законодатель, безраздѣльно и деспотически царитъ не только въ темной средѣ невѣжества, но и въ книгахъ и умахъ ученыхъ. О нравственномъ національномъ капиталѣ, какъ денежномъ источникѣ народнаго благосостоянія „часто забываютъ люди, справедливо говоритъ Н. Чернышевскій, провозглашающіе безграничное уваженіе къ капиталу, и имѣ-

ютъ въ виду только матеріальное богатство, когда говорятъ, что капиталъ долженъ владычествовать надъ экономическою дѣятельностью народа. Нельзя найти довольно сильныя выраженія для протеста противъ поклоненія такому золотому тельцу. Онъ ведетъ къ пренебреженію матеріальнымъ благосостояніемъ народа ради развитія богатства не многихъ отдѣльныхъ лицъ, къ пренебреженію нравственными потребностями народа ради возвышенія коммерческихъ оборотовъ. Но если понимать подъ капиталомъ весь запасъ, какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ богатствъ, пріобрѣтенныхъ націей вслѣдствіе предшествовавшихъ ея трудовъ, то мы, избѣжавъ односторонности понятій, предохранимся и отъ опасности жертвовать участью массы народа ради выгодъ людей, располагающихъ матеріальными капиталами. Тогда, если мы скажемъ: „необходимо народу всѣми средствами заботиться объ увеличеніи своего капитала“,—мы не будемъ уже думать, что эта потребность удовлетворяется, какъ скоро возрастаетъ богатство богатыхъ людей; если мы скажемъ: „капиталъ необходимъ для успѣшности народнаго труда“, мы не будемъ думать, что одни матеріальныя средства капиталиста могутъ произвести что нибудь безъ запаса нравственныхъ силъ въ его работникахъ“ [2]).

И современное капиталистическое производство процвѣтаетъ лишь въ странахъ, богатыхъ нравственными капиталами.

„Испанія не дальше Америки, нежели Англія; почему жъ бы какому нибудь Броуну или Джемсу не завести хлопчато-бумажную фабрику въ Испаніи? Вѣдь и въ Испаніи есть каменный уголь; привозъ хлопка въ какую нибудь сѣверо-западную гавань Испаніи сталъ-бы не дороже привоза въ Ливерпуль, а заработная плата въ Испаніи ниже, чѣмъ въ Англіи, да и испанскіе рынки для хлопчато-бумажныхъ издѣлій ближе были бы тогда къ фабрикѣ Джемса. Нѣтъ, онъ все-таки основываетъ фабрику въ Манчестерѣ. Почему же? Изъ любви къ родинѣ? Но матеріальные капиталы не имѣютъ привязанности къ родинѣ; они стремятся туда, гдѣ находятъ болѣе выгодное помѣщеніе. Почему же Джемсъ не находитъ выгоды фабриковать свои назначенныя для Испаніи ткани въ самой Испаніи, гдѣ нашлись бы всѣ матеріальныя удобства для фабрикаціи? — Потому, что онъ можетъ перенести въ Испанію только вещественный капиталъ, но не найдетъ въ ея населеніи нравственнаго матеріала, содѣйствіе котораго необходимо для успѣха предпріятія, не найдетъ въ Испаніи такихъ работниковъ, какихъ имѣетъ Англія. Джемсу или надобно перевоспитать испанцевъ, или перевезти въ Испанію англійскихъ работниковъ“.

Н. Чернышевскій, подъ вліяніемъ цензурныхъ условій, не говоритъ о Россіи. А онъ могъ бы въ данномъ случаѣ сказать много, много поучительнаго. Онъ могъ бы разсказать, какъ ино-

странцы, поощряемые всяческими льготами и таможеннымъ покровительствомъ, пытались устроять у насъ фабрики и заводы и какое непреодолимое препятствіе встрѣчали они со стороны косности русскихъ людей, лишенныхъ иниціативы, т. е. по просту сказать, ума и знаній въ населеніи, нравственный капиталъ котораго былъ атрофированъ бюрократіей. Онъ могъ бы разсказать, почему нѣмцы выписывали своихъ техниковъ, почему нѣмецкія фабрики въ Россіи представляютъ собою экономическія отдѣленія великаго культурнаго народа среди пустыни. А если-бы дожилъ до нашего времени, онъ своимъ чуднымъ, металлическимъ языкомъ разсказалъ бы намъ, какимъ образомъ образовались у насъ крупныя нѣмецкія колоніи, вродѣ Лодзи, какимъ образомъ мирно завоевываютъ русскія естественныя богатства иностранцы. Онъ много разсказалъ бы намъ о чудовищной слѣпотѣ и не менѣе чудовищной безнравственности бюрократіи, поощрявшей распродажу родины иностранцамъ подъ пошлымъ мотивомъ привлеченія иностранныхъ капиталовъ. Иностранные капиталы громадной волной нахлынули, подчинивъ иностраннымъ интересамъ русскія естественныя богатства, стоившія крови нашимъ отцамъ и дѣдамъ. Онъ любилъ родину и не перенесъ бы этой экономической мазепинщины. А послѣдователи Мазепы и до сихъ поръ справляютъ свою пьяную вакханалію на могилахъ національныхъ силъ. Русское достоинство распродавалось даже не за чечевичную похлебку, а за корку черстваго хлѣба. Любя родину, онъ не перенесъ бы этого позора и второй разъ умеръ бы. Не утѣшили бы нашего мыслителя и наши государственныя думы. Было ихъ уже нѣсколько, но ни въ одной изъ нихъ ни слова не было сказано, о томъ, что „едино на потребу“ для поднятія русскаго благосостоянія. Простой, полуграмотный крестьянинъ Посошковъ написалъ намъ цѣлую систему обязательнаго обученія русскаго народа, а интеллигентные люди въ думахъ заявляютъ лишь о нуждахъ иностранцевъ и инородцевъ въ Россіи, забывая объ интересахъ родины. Н. Чернышевскій съ болью въ сердцѣ сказалъ бы, что наши Думы во-очію убѣждаютъ всѣхъ и каждаго о страшной атрофіи въ Россіи нравственнаго капитала.

Старая Русь, въ которой за мысль лучшіе люди ссылались бюрократіей въ каторгу, что испыталъ на себѣ и самъ Чернышевскій, не могла создать иного типа Государственныхъ Думъ. Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не погаситъ, но для освѣщенія тьмы нужно много и много свѣта. Дикое яблоко даетъ дикіе плоды и нужно много культуры, что бы улучшить его. Вотъ почему такъ безконечно дорогъ каждый шагъ на пути къ культурѣ. Время не ждетъ и отставшіе народы обречены на смерть. Какъ недостойные занимать мѣсто на земномъ шарѣ, они должны исчезнуть.

И горе наше великое въ томъ, что даже лучшіе наши ученые смѣшиваютъ капиталъ съ золотымъ тельцомъ. Въ любомъ учебникѣ политической экономіи, написанномъ молодыми учеными, вы встрѣтите это глубоко вредное понятіе, съ которымъ такъ боролся Н. Чернышевскій. Въ особенности распространенію этого заблужденія много содѣйствовала теорія капитала К. Маркса, односторонне понятая его учениками до того, что самъ Марксъ искренно отказывался отъ нихъ и постоянно твердилъ, что онъ не марксистъ. Въ противоположность ученію Н. Чернышевскаго, доказывавшаго, что источникомъ вещественнаго капитала является нравственный капиталъ націй, „ученики“ Маркса твердили и твердятъ, что источникомъ капитала является неоплаченный трудъ, т. е. эксплоатація, что необходимо поэтому „эксплоатировать эксплоататоровъ“. Тогда сразу воцарится не борьба между людьми, а всеобщій міръ и всеобщее благосостояніе. Н. Чернышевскій не хуже нашихъ марксистовъ понималъ, что такое историческая неправда въ соціальномъ строѣ. Борьбѣ съ этой неправдой и указанію средствъ какъ для самой борьбы, такъ и для лучшаго будущаго онъ посвятилъ всю свою жизнь и дѣятельность. Но онъ дорожилъ истиной и не жертвовалъ интересамъ политики или тактики великими интересами истины. Онъ честно и прямо говорилъ, что источникомъ вещественнаго капитала служитъ нравственный капиталъ націи. Онъ, говоря это, имѣлъ въ виду принципъ, а не преходящее явленіе. Принципъ можетъ измѣняться въ жизни до неузнаваемости, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что его нѣтъ.

А какая страшная практическая разница между этимъ новѣйшимъ теченіемъ экономической мысли и ученіемъ Н. Чернышевскаго!

Послѣдователи марксизма проповѣдуютъ въ лучшемъ случаѣ абсолютное ничего недѣланіе въ ожиданіи того блаженного времени, когда „экономическій матеріализмъ“, слѣдуя своимъ „естественнымъ“ законамъ эволюціи, сократитъ капиталистовъ до минимума и когда такимъ образомъ будетъ уже легко, безъ всякихъ усилій, свернуть имъ головы, т. е., какъ они говорятъ, „эксплоатировать эксплоататоровъ“.

Въ ожиданіи у житейскаго моря погоды они проповѣдуютъ Нирвану, созерцаніе кончика своего носа, вполнѣ индифферентное отношеніе къ дѣйствительности. Придетъ-де баринъ—экономическій законъ и разсудитъ, какъ и чему быть. Въ худшемъ случаѣ—и эта честь принадлежитъ русскимъ сѣдовласымъ ученикамъ—нужно обезземелить народъ, превратить всѣхъ рабочихъ въ голодныхъ батраковъ, тогда, по достиженіи голоднаго и нищенскаго благополучія, появится Мессія и водворитъ неизвѣданное и неизвѣстное благополучіе, о сущности коего они даже

отказываются говорить, называя „утопистами“ людей, желающихъ заглянуть въ будущее. Другое, чисто русское ученіе призываетъ къ энергической дѣятельности, зоветъ къ свѣту и борьбѣ съ тьмой, проповѣдуетъ эволюцію человѣка не путемъ отсиживанія у моря погоды, но трудомъ и духовно-нравственнымъ совершенствованіемъ самой природы человѣка же. На этой сторонѣ надежда, любовь и вѣра. На сторонѣ „учениковъ“—ожиданіе добычи. На одной сторонѣ призывъ къ духовно-нравственному прогрессу націи, на другой—злой покой въ ожиданіи крови. На одной сторонѣ человѣкъ, на другой звѣрь.

Н. Чернышевскій высказываетъ приведенныя воззрѣнія на капиталъ по поводу брошюры И. Бабста: „О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала“. Пр. Бабстъ также причисляетъ нравственныя блага къ капиталамъ, но только причисляетъ. Онъ говоритъ: „Все, что содѣйствуетъ народному производству: орудія, машины, строенія, пути сообщенія, почва, суровье, средства для содержанія рабочихъ, деньги кредитные знаки, нравственныя качества народонаселенія, его образованность, изобрѣтательность—все это мы вправѣ назвать народнымъ капиталомъ, безъ котораго невозможна ни одна хозяйственная дѣятельность и для умноженія, для усиленія котораго должны быть употреблены всѣ силы и стремленія народа“. Н. Чернышевскій пошелъ дальше. Онъ нравственный капиталъ признаетъ источникомъ вещей.

Экспропріація капитала—явленіе желательное и даже необходимое. Но нужно экспропріировать именно капиталъ, а не что либо иное. Капиталъ—это овеществленное знаніе, это предпріимчивость, энергія, свобода. Для поднятія благосостоянія дѣйствительно необходимо упразднить новый феодализмъ, называемый промышленнымъ. Безъ феодала въ средніе вѣка не мыслимо было жить рабочему. Онъ искалъ защиты, искалъ сильнаго покровителя и такового находилъ въ сеньерѣ. И теперь безъ промышленнаго рыцаря также не мыслимо существованіе рабочаго. Рабочій ищетъ капиталиста, организующаго предпріятіе и дающаго своимъ умомъ, своею предпріимчивостью хлѣбъ рабочимъ массамъ. Безъ него рабочіе не могутъ существовать, потому что нѣтъ у нихъ капитала. Предлагаютъ отнять капиталъ. Пусть отнимутъ. Совѣтующіе забываютъ, что нельзя отнять ума, энергіи, предпріимчивости, не разрушивъ ихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Можно отнять готовую машину, но она быстро изнашивается и быстро сама уничтожается. Можно отнять хлѣбъ, но онъ и безъ того быстро потребляется. Отнять существующій капиталъ тоже, что поймать руками звукъ. Отнять нельзя того, что въ минуту отнятія исчезаетъ.

Но капиталъ можно *усвоить*. Не знающій можетъ воспольз-

зоваться чужимъ знаніемъ. Такъ экспропріируютъ работу композитора: не всякій можетъ быть активнымъ музыкантомъ, но каждый можетъ быть копіистомъ, исполнителемъ чужихъ плановъ и мыслей. Когда промышленные композиторы будутъ поняты массами, эти массы превратятся въ промышленныхъ копіистовъ, хотя и въ томъ случаѣ дѣло не обойдется безъ регентовъ промышленныхъ хоровъ. Артельное пѣніе все таки требуетъ артельнаго регента, которому подчиняются отдѣльные пѣвцы. И 50% успѣха дается именно этимъ регентомъ, а не артельными голосами.

Экспропріація капитала какъ усвоеніе знаній, развитіе предпріимчивости, накопленіе энергіи,—произойдетъ естественной эволюціей общества и личности. Никакихъ грабежей и иллюминацій для этого не потребуется. И будутъ съ ужасомъ говорить потомки наши о варварахъ, желавшихъ кровью добыть счастье, зломъ добро, подлостью честность.

Рабочій и теперь эксплоатируетъ капиталъ. Онъ живетъ не своимъ трудомъ, а геніемъ изобрѣтателя, умомъ предпринимателя, ловкостью и энергіей промышленника, умѣньемъ торговца. Капитализмъ въ экономической жизни, какъ мы уже говорили, напоминаетъ феодализмъ въ политической. Во кругъ болѣе сильнаго, умнаго и предпріимчиваго вождя осѣдаютъ земледѣльцы, которыхъ онъ защищаетъ отъ нападеній враговъ, не только грабящихъ его имущество, но и обращающихъ его съ семьей въ рабство, а то и просто убивающихъ. Спасая свою жизнь и трудъ земледѣлецъ поступаетъ подъ покровительство и защиту болѣе сильнаго человѣка. Вассалъ эксплоатируетъ безопасность и силу своего рыцаря. Съ теченіемъ времени сила рыцаря передается государству, которое беретъ на себя обязанности рыцаря. И чѣмъ болѣе государство проникнуто рыцарскимъ духомъ, тѣмъ больше безопасности, т. е. тѣмъ больше свободы для населенія. Совершенно такое же значеніе рыцаря, но не въ политической, а въ экономической жизни играетъ капиталъ. Онъ есть воплощеніе генія въ видѣ ли предусмотрительности, въ видѣ ли ума, изобрѣтательности, энергіи и т. п. Населеніе, нуждающееся въ капиталѣ, т. е. въ чужомъ умѣ, въ энергіи и предпріимчивости другихъ, пользуется услугами и работой капитала, вступая въ союзъ съ нимъ для общаго экономическаго дѣла. Такъ происходитъ обобществленіе человѣческаго генія. Конечно, суть дѣла не измѣняется отъ того, что данный капиталистъ пользуется геніемъ, пріобрѣтеннымъ или родовымъ. Во всякомъ случаѣ соединеніе труда съ капиталомъ есть соединеніе физической или моральной работы однихъ съ идеей, воплощенной въ капиталѣ.

Не капиталистъ эксплоатируетъ рабочаго, но рабочій пользуется геніемъ человѣчества, эксплоатируетъ капиталъ.

Горе странѣ, въ которой не было сильныхъ феодаловъ, мо-

гущихъ защитить населеніе отъ варваровъ. Племена такихъ странъ мѣняются, не оставляя по себѣ и слѣдовъ. Такова была до-историческая русская земля. Не было защитной власти,—не было ни селъ, ни городовъ. Были только могилы. По словамъ нашего историка, „однѣ кости мертвецовъ привязывали Скиѳа къ землѣ, и ничего кромѣ могилъ не оставилъ онъ въ историческое наслѣдіе племенамъ грядущимъ“. По его выраженію, это „была страна могилъ“ [3]).

То было во время всеобщей звѣрской войны между людьми.

Съ появленіемъ безопасности страна также можетъ быть лишь „страной могилъ“, когда нѣтъ въ ней предпріимчивыхъ, энергичныхъ, умныхъ и дѣятельныхъ людей. Горе странѣ, если нѣтъ въ ней представителей лучшаго и стремленія впередъ. Въ такой странѣ можетъ быть лишь могильная тишина. Массы инертны, разумъ всегда является удѣломъ не многихъ. Нѣтъ этихъ рыцарей прогрессивной жизни, страна является лишь большой могилой, ничего не оставляющей въ историческое наслѣдіе грядущему, погибаетъ безслѣдно въ исторіи.

Но если рыцарей силы, создававшей безопасность, могло замѣнить государство, то можетъ ли оно замѣнить рыцарей духа?

Отвѣтъ простъ и очевиденъ. Духъ жизни появляется лишь тамъ, гдѣ есть личность, ибо онъ и есть личность. И никому не извѣстно, гдѣ онъ можетъ проявиться. Поэтому для проявленія и воплощенія его необходима свобода личности. Государство можетъ лишь облегчить условія для проявленія личныхъ талантовъ, создавая школы, кредитъ и т. п. А главное—этотъ духъ жизни не выноситъ рабства и народной тьмы. И государство, принимая мѣры къ процвѣтанію страны, должно содѣйствовать созданію условій, при которыхъ является наибольшая вѣроятность индивидуальнаго развитія, т. е. наибольшая возможность роста Таланта.

Соціализмъ, мечтающій замѣнить личные таланты казенщиной, можетъ только превратить землю „въ страну могилъ“, ибо гдѣ нѣтъ талантовъ, тамъ нѣтъ и культуры. Таланты же растутъ не въ стадахъ, а въ индивидуумахъ и въ средѣ индивидуальнаго развитія.

II.

Но правъ Н. Чернышевскій, говоря, что существуетъ капиталъ относительно котораго основательны всѣ нападки.

В. Зомбартъ считаетъ принуд. трудъ однимъ изъ первоисточниковъ образованія капиталовъ въ З. Европѣ. „Конечно не легко составитьсебѣ правильное представленіе о колоссальныхъ массахъ людей, поглощенныхъ въ четыре послѣднихъ столѣтія въ трехъ частяхъ свѣта, подчиненныхъ европейцамъ. Никогда не

слѣдуетъ забывать такой вещи: Зап. Европа, что бы забраться на вершину ея теперешняго могущества, не только захватывала продукты труда внѣ-европейскихъ народовъ, нѣтъ, она вела въ истинномъ смыслѣ слова хищническое хозяйство съ милліонами людей и до такой степени высасывала ихъ, что они утрачивали способность къ дальнѣйшему воспроизведенію. Мы сдѣлались богатыми потому, что цѣлыя расы и племена вымерли для насъ и цѣлыя части свѣта для насъ обезлюдѣли“ [4]).

По словамъ С. Булгакова, „капиталъ въ исторіи есть сынъ отца—разбойника и матери—лиходѣйки, онъ запятнанъ въ самомъ своемъ происхожденіи. Денежныя богатства въ отдѣльныхъ рукахъ въ средніе вѣка накоплялись путемъ гражданско-правовымъ, т. е. безъ прямого нарушенія права, и путемъ внѣ-правовымъ, но просто говоря—разбоемъ. Что касается перваго способа, то на первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ растовщичество, представлявшее почти единственную форму капитализма въ средніе вѣка; затѣмъ сюда же относятся богатства частныхъ лицъ, наживаемыя на основѣ крѣпостного права, немилосерднаго взиманія налоговъ и т. д. Сюда же, къ категоріи легальнаго обогащенія, слѣдуетъ отнести обезземеленіе крестьянъ, которое совершалось по буквѣ закона. Но рядомъ съ населеніемъ правовымъ стоитъ и населеніе внѣправовое, прямой разбой и грабительство. Здѣсь достаточно вспомнить колоніальную политику Европы, это всемірно-историческое преступленіе, общій итогъ котораго Зомбартъ приводитъ въ слѣдующихъ словахъ: „мы стали богаты, ибо цѣлыя расы и племена вымерли за насъ, цѣлыя части свѣта лишены изъ за насъ населенія. Жутко становится отъ этого историческаго баланса“ [5]).

Не менѣе правъ г. Булгаковъ, называя русскій капитализмъ *бюрократическимъ*. „Онъ выкормленъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и извращенъ бюрократической опекой, которая сдѣлала попытку опереться на него, сдѣлать его новымъ фундаментомъ для своего подгнившаго зданія и теперь, когда господство бюрократіи приходитъ къ концу, и русскому капитализму приходится становиться на свои ноги, существовать своими силами безъ внѣшней опеки“ [6]).

Почтенный профессоръ вѣрно оцѣниваетъ послѣднее время нашего бюрократизма, приведшаго Россію въ Портъ-Артурскую бухту и къ Цусимѣ съ Портсмутомъ: „Бюрократическое властолюбіе—вотъ ключъ къ новѣйшей экономической и финансовой политикѣ Россіи. Естественно, что властолюбіе это требуетъ прежде всего пышной декораціи—вздутаго бюджета, и вотъ бюджетъ нищей и разоряющейся страны взгоняется до двухъ милліардовъ. Мы играемъ международную роль, задаемъ ноты, строимъ безсмысленно задуманный флотъ, наконецъ впутываемся въ

разбойничью дальне-восточную авантюру, пока не несемъ за это должнаго наказанія“ [7]).

А пока деревня остается „безъ лишняго гвоздя, остается деревянная и соломенная. Податнымъ аппаратомъ изъ нея вытягивается послѣднее, а на эти деньги развивается промышленность,—это напоминаетъ, какъ если бы кто либо сталъ питаться своими собственными кишками и утолять жажду своей кровью“ [8]).

Все это правда. Но можно ли отрицать законъ всемірнаго тяготѣнія на томъ основаніи, что подземнымъ взрывомъ разрушаются цѣлые города и цѣлые острова? Можно ли отрицать совѣсть на томъ основаніи, что на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ людей безъ совѣсти? Можно ли отрицать умъ человѣка на основаніи того, что plena sunt omnia stultis?

Мыслители поступаютъ односторонне, то оправдывая зло, не видя исхода изъ него, то отрицая добро, видя кругомъ себя лишь зло. Идея капитала, повторяемъ, есть очеловѣченная, искусственная природа. Если дѣйствительность далека отъ идеи, значитъ осуществленіе ея еще далеко отъ совершенства. Обращаемся къ фактамъ этого осуществленія.

Съ частно-хозяйственной точки зрѣнія капиталомъ можетъ быть названо всякое вообще имущество, которое какимъ бы то ни было образомъ приноситъ доходъ. Политическая экономія, занимающаяся изученіемъ общественной стороны въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, не можетъ ограничиться этимъ частно-хозяйственнымъ понятіемъ.

Понятіе это не можетъ быть примѣнимо къ тому коллективному человѣку, который называется обществомъ. Такъ для частнаго кредитора долговая росписка есть капиталъ, она свидѣтельствуетъ о томъ, что кредиторъ далъ взаймы опредѣленную сумму, которую онъ имѣетъ получить по истеченіи извѣстнаго срока и которая приноситъ ему доходъ, обыкновенно называемый процентами. Но съ общественной точки зрѣнія такая долговая росписка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа капиталомъ. Если бы признать вполнѣ вѣрнымъ частно-хозяйственное понятіе о капиталѣ, то въ такомъ случаѣ, когда кредиторъ ссужаетъ опредѣленную сумму другому лицу, было бы два капитала: въ а) долговая росписка, находящаяся въ рукахъ кредитора и предоставляющая ему право на полученіе въ извѣстное время ссуженнаго имущества и процентовъ, во б) самое это ссуженное имущество, находящееся въ рукахъ должника. Съ общественной точки зрѣнія здѣсь вовсе нѣтъ двухъ капиталовъ, но только одинъ—ссуженное имущество.

Но и это ссуженное имущество не всегда можетъ быть названо капиталомъ съ общественной точки зрѣнія. Положимъ, кредиторъ даетъ въ займы опредѣленное имущество, получая отъ должника долговую росписку, причемъ возвратъ занятаго обезпечивается поземельною собственностью должника. Послѣдній занятую сумму можетъ употребить производительнымъ или непроизводительнымъ образомъ. Онъ можетъ употребить ее или на улучшенія въ своей поземельной собственности, или расточить

на пріемы гостей, на балы и т. п. Въ первомъ случаѣ занятое имущество затрачивается производительнымъ образомъ, въ теченіи опредѣленнаго времени издержки, затраченныя на поземельныя улучшенія, возвращаются съ прибылью. Должникъ въ этомъ случаѣ имѣетъ возможность возвратить занятое имъ имущество при посредствѣ этого же занятаго имущества, получая, сверхъ того, опредѣленную прибыль. Здѣсь это имущество воспроизводится впродолженіи извѣстнаго времени, что и даетъ возможность возвратить долгъ при посредствѣ самого же долга. Во второмъ случаѣ должникъ теряетъ имущество непроизводительно; занятая имъ сумма пропадаетъ, все равно, что бросается въ воду. Должникъ возвращаетъ свой долгъ не посредствомъ самаго же занятаго имущества, но изъ другихъ источниковъ. Потребленное имущество въ этомъ случаѣ не воспроизводится. Съ общественной точки зрѣнія послѣднее имущество не можетъ быть названо капиталомъ. Это имущество для общества не существуетъ, хотя кредиторъ такимъ употребленіемъ его собственности ея не лишается. Не кредиторъ, но общество теряетъ то имущество, которое употребляется непроизводительно, которое послѣ потребленія не воспроизводится. Изъ этого же видно, что съ общественной точки зрѣнія капиталомъ можетъ быть названо лишь то имущество, которое употребляется производительно, которое воспроизводится послѣ того, какъ было потреблено. Такъ, въ приведенныхъ случаяхъ займа капиталомъ называется то занятое имущество, которое употреблено на поземельныя улучшенія и въ теченіи опредѣленнаго времени воспроизводится. Я затрачиваю свое имущество на содержаніе рабочихъ, строющихъ мнѣ домъ; мое имущество употребляется рабочими, уничтожается ими, но въ результатѣ употребленія и видимаго уничтоженія оно не только воспроизводится, но получается, сверхъ того, прибыль. Затраченное такимъ образомъ имущество можетъ быть названо капиталомъ съ общественной точки зрѣнія [9]).

Воспользуемся для болѣе точнаго уясненія научнаго понятія о капиталѣ нѣкоторыми примѣрами, приведенными Миллемъ въ его основаніяхъ политической экономіи [10]).

Извѣстное частное лицо отдаетъ свои деньги государству и получаетъ долговую росписку или обязательство, по которому государствомъ уплачивается опредѣленный ежегодный доходъ. Безъ всякаго сомнѣнія, для частнаго лица такое обязательство— капиталъ, хотя оно не можетъ быть названо капиталомъ для общества. Но можно ли назвать самое ссуженное имущество капиталомъ? Если оно употребляется на постройку желѣзной дороги, то это—производительное потребленіе; занятая сумма воспроизводится съ прибылью, что даетъ возможность возвратить занятое при посредствѣ самаго же занятаго имущества. Употребленное такимъ производительнымъ образомъ имущество является капиталомъ. Оно перестаетъ быть капиталомъ лишь тогда, когда потребляется непроизводительно, когда оно не воспроизводится, и когда, поэтому, долгъ долженъ быть возвращенъ при помощи другихъ источниковъ доходовъ.

Можно ли считать капиталомъ ту плату, которая идетъ землевладѣльцу въ видѣ вознагражденія за пользованіе принадлежащей ему землей и которая обыкновенно называется рентой? Милль не считаетъ этой платы капиталомъ. „Рента, платимая за

землю, а не за улучшенія, произведенныя въ ней трудомъ, говоритъ онъ, есть расходъ непроизводительный. Она въ такомъ случаѣ просто цѣна, платимая за пользованіе силами природы, обращенными въ частную собственность. Инструменты — вещи, произведенныя трудомъ, но земля существуетъ сама собою. Плата за землю не принадлежитъ къ издержкамъ производства; необходимость платить за нее заставляетъ имѣть такое количество капиталовъ, которое больше размѣра, требуемаго естественною необходимостью или достаточнаго при иной системѣ поземельнаго владѣнія. Этотъ излишекъ капитала, хотя и назначенъ своими владѣльцами на производство, употребляется въ сущности непроизводительнымъ образомъ и ежегодно воспроизводится не изъ собственныхъ продуктовъ". Ученіе Милля можно болѣе наглядно уяснить слѣдующимъ образомъ. Положимъ, арендаторъ земли имѣетъ капитала 1.000 рублей; размѣры ренты—300 рублей, уплачиваемые въ началѣ года. Арендаторъ, уплатившій 300 рублей ренты, имѣетъ капитала только 700 рублей, который онъ и затрачиваетъ на производство. Такимъ образомъ эти 300 рублей не входятъ въ составъ издержекъ производства. Необходимость платить ренту заставляетъ имѣть большее количество капиталовъ, чѣмъ нужно было бы безъ платежа ренты; безъ послѣдняго условія въ приведенномъ случаѣ было бы достаточно имѣть только 700 рублей для полученія того же количества продуктовъ, для полученія котораго, при существованіи ренты, необходимо имѣть 1.000 рублей. Вотъ почему Милль и не считаетъ имущества, входящаго въ составъ ренты, капиталомъ. Съ этимъ воззрѣніемъ мы не можемъ согласиться. Нельзя утверждать, что плата за землю не входитъ въ составъ издержекъ производства. Плата за землю еста плата за пользованіе производительными силами природы, заключенными въ землѣ и состоящими въ частной собственности, безъ существованія которой разумное производство не мыслимо; 300 рублей ренты, о которой мы говорили, существуютъ во все время производства въ ихъ эквивалентѣ—производительныхъ силахъ земли. Плата эта ежегодно воспроизводится не изъ 700 рублей, то есть не изъ оставшейся части имущества арендатора, но изъ производительныхъ силъ земли; она является вполнѣ производительною затратою и затраченная такимъ образомъ сумма должна считаться капиталомъ.

Можно ли считать капиталомъ то имущество, которое входитъ въ составъ налога на матеріалъ? „Предположимъ, говоритъ Милль, что налагается пошлина на производство въ одномъ изъ его первыхъ періодовъ, на примѣръ, облагается пошлиной матеріалъ. Фабрикантъ долженъ платить пошлину до начала производства, и потому долженъ имѣть большую массу средствъ, чѣмъ сколько нужно было бы имѣть безъ этой пошлины. Такимъ образомъ этотъ способъ взиманія налоговъ подвергаетъ излишнему ограниченію промышленность страны: часть имущества, назначеннаго своими владѣльцами на производство, отвлекается отъ этой цѣли и находится въ постоянномъ положеніи уплаты впередъ". Никто не сомнѣвается, что то имущество, которое входитъ въ составъ налога на матеріалъ, необходимый для производства, представляетъ собою вычетъ изъ капитала фабриканта; если бы налога такого не было, то фабрикантъ могъ бы пріобрѣтать большее количество матеріала для своего производства.

Нѣтъ сомнѣнія никакого, что налогъ на доходъ, получаемый въ результатѣ производства, выгоднѣе для общества, чѣмъ налогъ на матеріалъ производства. Но все это еще не даетъ права отрицать капиталистическій характеръ у имущества, входящаго въ составъ пошлины на матеріалъ. Когда пошлина эта истрачивается непроизводительно, когда она такимъ образомъ пропадаетъ для общества, только тогда мы не можемъ считать ее капиталомъ. Когда же она производительно употребляется, тогда ущербъ, произведенный уменьшеніемъ капитала фабриканта, восполняется; то, что было бы безъ существованія пошлины произведено фабрикантомъ, производится быть можетъ въ иномъ видѣ лицами, употребляющими имущество, входящее въ составъ пошлины.

И такъ, отличительная черта капитала — воспроизводство; что не воспроизводится въ результатѣ употребленія, то не можетъ считаться въ реэстрѣ народныхъ капиталовъ.

В. Рошеръ называетъ капиталомъ всякое произведеніе, которое предназначено къ полученію новыхъ произведеній. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ онъ насчитываетъ слѣдующіе роды имуществъ, изъ которыхъ слагается народный капиталъ. 1) Поземельныя улучшенія, каковы наприм. осушительныя или оросительныя сооруженія, ограды и т. п. 2) построенія, предназначенныя къ производству, храненію произведеній и улучшенію естественныхъ путей сообщей; 3) инструменты, машины и утварь (Geräthe), необходимая для пользованія производителей; 4) полезныя животныя, разводимыя человѣкомъ; 5) произведенія, какъ матеріалъ добыванія новыхъ произведеній, наприм. сѣмена; 6) произведенія, необходимыя для производства, но не входящія въ новые продукты какъ ихъ составныя части, наприм. порохъ для охоты; 7) средства содержанія лицъ, занимающихся производствомъ; 8) торговые запасы; 9) деньги и 10) нематеріальныя имущества, (unkörperliche kapitalien, Quasikapitalien по Шмитгеннеру) [11]).

Попытка Рошера, какъ и вообще всякая попытка опредѣлить точнымъ образомъ, какія вещи входятъ въ составъ капитала и какія не входятъ, не можетъ быть признана удовлетворительною. Дѣло въ томъ, что различіе между капиталомъ и не капиталомъ, какъ основательно замѣтилъ Милль, заключается не въ характерѣ имущества, а въ намѣреніи капиталиста, въ его рѣшеніи употребить имущество на ту или другую цѣль. Одно и тоже имущество можетъ быть капиталомъ и не быть имъ, смотря по тому, къ какому употребленію назначаетъ его владѣлецъ. Если это имущество употребляется производительно, оно капиталъ; въ противномъ случаѣ, оно перестаетъ быть капиталомъ. Самъ же Милль впадаетъ въ заблужденіе, сдѣлавъ попытку опредѣленія того, какое именно имущество, входящее въ составъ заработной платы, должно считаться капиталомъ. Онъ говоритъ, что значительная часть этого имущества не можетъ считаться капиталомъ. „Тотъ излишекъ заработной платы, который превышаетъ дѣйствительную необходимость для жизни, составляетъ не содержаніе труда, но его вознагражденіе. Этотъ излишекъ равняется всей суммѣ, которая превышаетъ то, что разсчетливый рабовладѣлецъ даетъ на содержаніе своему рабу“. Излишекъ этотъ, по мнѣнію Милля, не составляетъ капитала. Если

рабовладѣлецъ даетъ своему рабу въ теченіе года имущества на 50 р. и этой суммы достаточно дли поддержанія жизни раба; если, далѣе, свободный работникъ получаетъ въ годъ 100 рублей, то излишекъ отъ платы, получаемой рабомъ, составляетъ уже не то, что необходимо для содержанія, но вознагражденіе за трудъ. Излишекъ этотъ необходимъ для содержанія, слѣдовательно безъ него возможно было бы обойтись въ производствѣ, почему онъ и не составляетъ капитала въ строгомъ смыслѣ этого слова. Утверждая это, Милль не обратилъ вниманія на то, что увеличеніе заработчей платы усиливаетъ энергію труда и увеличиваетъ производство. Та часть заработчей платы, которая превышаетъ уровень необходимыхъ средствъ для содержанія рабочаго, можетъ быть названа капиталомъ, такъ какъ она увеличиваетъ производительность труда и такимъ образомъ не исчезаетъ безслѣдно, но воспроизводится и почти всегда воспроизводится съ излишкомъ.

Считая воспроизводство отличительною чертою капитала, мы должны сдѣлать слѣдующую оговорку. Имущество иногда можетъ не находить для себя въ продолженіи извѣстнаго времени производительнаго употребленія. Такъ имущество, годное для содержанія производительныхъ рабочихъ, иногда можетъ оставаться безъ производительнаго употребленія по недостатку рабочихъ. Капиталъ фабриканта, состоящій въ промышленныхъ постройкахъ, машинахъ и орудіяхъ производства, можетъ нѣкоторое время оставаться безъ употребленія вслѣдствіе недостачи матеріала, обрабатываемаго на фабрикѣ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ имущество остается капиталомъ, но капиталомъ мертвымъ, какъ выражается Милль, или покоющимся, какъ выражается Рошеръ.

Изъ понятія о воспроизводствѣ, какъ отличительной чертѣ капитала, слѣдуетъ, что всякое имущество, представляющее собою капиталъ, должно быть признано активнымъ факторомъ производства. Имущество перестаетъ быть капиталомъ, когда въ результатѣ употребленія возстановленіе его производится на счетъ другихъ источниковъ. Въ научномъ понятіи о капиталѣ, такимъ образомъ, содержится понятіе о его производительности, о его возстановляемости не изъ постороннихъ источниковъ, но изъ собственныхъ силъ, участвующихъ въ производствѣ наравнѣ съ трудомъ человѣка и силами природы. Въ этомъ отношеніи научное понятіе о капиталѣ существенно отличается отъ частнохозяйственнаго, по которому является капиталомъ все, что только даетъ какимъ бы то ни было образомъ доходъ. Если считать капиталомъ всякое имущество, которое частному лицу приноситъ доходъ не изъ собственныхъ силъ, то производительность уже не можетъ считаться принадлежностью капиталовъ; ея нѣтъ тамъ, гдѣ не существуетъ воспроизводимости. Это различіе между частно-хозяйственнымъ и обще-хозяйственнымъ, единственно научнымъ, опредѣленіемъ капитала игнорируется нѣкоторыми писателями. Между тѣмъ, благодаря смѣшенію ихъ, до настоящаго времени существуетъ экономическая школа, отвергающая производительное значеніе капиталовъ. Послѣдователи этой школы считаютъ, что капиталъ не можетъ быть названъ самостоятельнымъ факторомъ производства, что онъ представляетъ собою только условіе для обнаруженія производительныхъ силъ чело-

вѣка и природы. Домъ, говорятъ намъ, не строитъ новыхъ домовъ, но онъ необходимъ для плотника, строющаго дома. Капиталъ—необходимая принадлежность производительныхъ силъ, но самъ ничего не производитъ, подобно тому, какъ старый домъ не строитъ новыхъ домовъ.

Намъ кажется странною мысль доказывать производительность капитала; его производительность очевидная истина для всякаго, кто не смѣшиваетъ обыденныхъ опредѣленіи съ научными и кто не закрываетъ глазъ предъ дѣйствительностью, указывающею на капиталъ, какъ на ту великую силу, благодаря которой человѣческій міръ получилъ возможность такого развитія, какого мы не видимъ въ другихъ сферахъ жизни. Капиталъ служитъ съ одной стороны къ поддержанію и усиленію производительности труда, а съ другой къ поддержанію и усиленію производительной дѣятельности природы. Примѣромъ перваго могутъ служить орудія, какъ механизмы, приводимые въ движеніе человѣкомъ и часто замѣняющіе его члены. Животное роетъ землю непосредственно своими членами, человѣкъ передалъ эту дѣятельность заступу и такимъ образомъ увеличилъ силу ноги своей. Животное ловитъ добычу непосредственно своими членами; человѣкъ изобрѣлъ для этого лукъ, ружье и другія орудія, безконечно увеличивающія его силу сравнительно съ силами животныхъ. Всѣ подобнаго рода капиталы служатъ къ увеличенію и поддержанію силъ трудоваго организма [12]). Наоборотъ машины, какъ механизмы, въ которыхъ главная дѣйствующая сила не человѣкъ, но силы природы, напр. вода, вѣтеръ, паръ, служатъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ увеличенія служебности человѣку силъ природы. Безъ дѣятельности капитала человѣкъ былъ бы рабомъ природы, каковымъ мы и находимъ его на низшихъ ступеняхъ развитія.

Орудія—это искусственные органы человѣка, значительно усиливающія производительность.

Машины—это искусственная природа или искусственный рабочій, вполнѣ и рѣшительно замѣняющій рабочаго живого человѣка или животнаго, но значительно превосходящій силы послѣднихъ. Такъ паръ замѣняетъ на желѣзной дорогѣ лошадей и другихъ вьючныхъ животныхъ. Если прирученное животное замѣнило при перевозкѣ тяжестей человѣка, то паровая машина замѣнила и животныхъ. Такъ прядильная машина замѣняетъ женщину, употреблявшую веретено, какъ орудіе, усиливающее силу ея пальцевъ. Теперь это орудіе беретъ въ свои руки искусственный рабочій въ видѣ прядильной машины.

И такъ какъ новый промышленный рабочій заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ усовершенствованными органами также подлежащій безконечному совершенствованію двигатель (источникъ силы—паръ, электричество и т. д.), то онъ замѣняетъ не только рабочаго человѣка, но и прежнія силы природы, не только животныхъ, но и мертвыя силы, наприм. вѣтра, паденія воды и т. п.

Но *соціальное значеніе* этой силы зависитъ уже отъ человѣка. „Мертвая машина, вѣрно замѣчаетъ С. Н. Булгаковъ, можетъ служить могучимъ орудіемъ разъединенія людей, вражды, эксплоатаціи, но она же можетъ быть и великимъ средствомъ человѣческой солидарности, объединенія, прогресса. Потенціально машина представляетъ собою источникъ энергіи, родникъ чело-

вѣческаго духа, частичное одухотвореніе темныхъ и мертвыхъ силъ природы, которыя могутъ стать намъ доступны и проницаемы. Машина есть концентрированная духовная энергія, способная служить и добру и злу, потому нельзя благословлять или проклинать эту потенціальную энергію безотносительно къ тому, къ чему она служитъ. Машина можетъ быть и дѣйствительно становится, подобно и всей матеріальной культурѣ, и всему народному богатству, и проклятіемъ, и благословеніемъ, *и отъ человѣка зависитъ, чѣмъ ее сдѣлать*“ [13]).

Но и въ настоящемъ главное значеніе ея не отнятіе заработка, а увеличеніе его созданіемъ *новыхъ сферъ дѣятельности*, сдѣлавшихся возможными лишь съ ея появленіемъ, таковы пути сообщеній и пр., при которыхъ находятъ заработокъ милліоны рабочихъ. Увеличеніе плотности населенія въ XIX в. объясняется введеніемъ машинъ. Можно положительно утверждать, что машина *родитъ людей и даетъ имъ хлѣбъ*—даже въ капиталистическомъ строѣ. Она—причина усиленія плодовитости населенія.

Капиталы раздѣляются на двѣ категоріи, на *постоянные* или *основные* и *оборотные* или *движимые*.

А. Смитъ къ категоріи постоянныхъ относилъ такіе капиталы, которые приносятъ доходъ, не перемѣняя своего владѣльца, не уходя изъ рукъ въ другія руки; наоборотъ, къ категоріи оборотныхъ, по его мнѣнію, относятся капиталы, приносящіе доходъ посредствомъ обмѣна. Машины могутъ приносить доходъ безъ перемѣны ихъ владѣльца, прямымъ употребленіемъ ихъ въ дѣло; въ этомъ случаѣ онѣ считаются постояннымъ капиталомъ. Но машина можетъ принесть доходъ и инымъ образомъ; владѣлецъ можетъ продать ее и такимъ образомъ получить прибыль; здѣсь машина приноситъ доходъ тѣмъ, что переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія, перемѣняетъ своего владѣльца и поэтому является оборотнымъ капиталомъ [14]).

Въ своемъ послѣдовательномъ развитіи экономическая наука пришла къ отрицанію этого ученія. Весьма легко замѣтить, что, по воззрѣнію А. Смита, источникомъ дохода, приносимаго оборотнымъ капиталомъ, не можетъ считаться производство, но обмѣнъ. Между тѣмъ посредствомъ обмѣна доходы только распредѣляются, а не производятся. Если въ результатѣ производства не созданъ доходъ, то онъ не можетъ быть пріобрѣтенъ посредствомъ обмѣна по той простой причинѣ, что контрагенты обмѣна не имѣютъ его. Не обмѣнъ, но лишь производство можетъ быть источникомъ доходовъ или прибылей какъ на постоянный, такъ и на оборотный капиталы.

По ученію Д. Рикардо [15]), оборотнымъ капиталомъ называется такой, который быстро разрушается и требуетъ безпрерывнаго возобновленія, постояннымъ же такой, который медленно разрушается. Пивоваръ, машины и строенія котораго долговѣчны, обладаетъ постояннымъ капиталомъ; напротивъ того, сапожникъ, капиталъ котораго состоитъ въ пищѣ, выдаваемой рабочимъ, владѣетъ оборотнымъ капиталомъ. Точнѣе формулируя это воззрѣніе Рикардо, въ настоящее время экономисты къ категоріи оборотныхъ капиталовъ относятъ такіе, которые, служа производству, исполняютъ свое назначеніе въ одинъ разъ въ противоположность постояннымъ, могущимъ служить производству много разъ, не измѣняя своей формы. „Сало и поташъ, изъ которыхъ

дѣлается мыло, говоритъ Милль, разъ пошедши въ дѣло перестаютъ быть поташемъ и саломъ, и въ другой разъ уже не годятся на выдѣлку мыла, хотя въ новой своей формѣ мыла могутъ служить матеріаломъ или орудіемъ для другихъ отраслей фабрикаціи. Капиталъ, исполняющій такимъ способомъ въ одинъ только разъ все свое дѣло въ производствѣ, на которое обращенъ, называется оборотнымъ капиталомъ. Другіе капиталы имѣютъ болѣе прочный характеръ, ихъ дѣятельность не истощается однимъ разомъ употребленія ихъ въ дѣло. Сюда принадлежатъ зданія, машины и всѣ или почти всѣ вещи, называемыя инструментами, сюда принадлежатъ прочныя улучшенія земли. Капиталъ, существующій въ одной изъ этихъ прочныхъ формъ и возвращаемый продуктами въ теченіи продолжительнаго времени, называется постояннымъ или основнымъ капиталомъ".

Указанное различіе между оборотными и постоянными капиталами имѣетъ важное практическое значеніе. Оборотный капиталъ воспроизводится сполна въ результатѣ одной операціи, возстановляется каждый разъ по окончаніи производства, принося прибыль; постоянный же, не разрушаясь одной операціей, возстановляется или воспроизводится по частямъ: если машина служитъ сто лѣтъ для производства, то ежегодно возстановляется только $^1/_{100}$ часть ея стоимости. Изъ этого слѣдуетъ, что превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный можетъ быть вредно для людей, живущихъ заработною платою. Частные случаи такого вреда были возведены нѣкоторыми экономистами въ законъ. Такъ, по ученію Рикардо, превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный ведетъ къ уменьшенію валового продукта страны и такимъ образомъ наноситъ вредъ рабочему классу, такъ какъ нѣкоторые изъ его членовъ остаются безъ заработковъ и „часть населенія становится излишнею въ сравненіи съ фондами на употребленіе его въ дѣло". Положимъ, землевладѣлецъ употребляетъ капиталъ въ размѣрѣ 200 рублей на содержаніе рабочихъ, какой капиталъ даетъ прибыли 10%. Въ результатѣ производства нашъ землевладѣлецъ имѣетъ общаго или валового дохода 200 рублей; для простоты вывода мы не беремъ въ разсчетъ другихъ издержекъ, наприм. издержекъ въ видѣ сѣмянъ. На слѣдующій годъ этотъ землевладѣлецъ изъ своего капитала половину употребляетъ на прочныя земледѣльческія улучшенія; въ это время онъ имѣетъ уже только 100 рублей на содержаніе рабочихъ. Половина прежняго количества рабочихъ въ этомъ случаѣ остается безъ заработка. Но измѣнилось ли положеніе самаго землевладѣльца? Нисколько, его чистый доходъ, которымъ лишь онъ и заинтересованъ, остается прежній, хотя измѣняется валовой. Считая прибыль 10%, онъ получитъ 20 руб. чистаго дохода на весь свой капиталъ; сверхъ того, его оборотный капиталъ, затраченный на содержаніе рабочихъ, въ результатѣ производства весь возстановляется, наконецъ, если новый его постоянный капиталъ служитъ производству 50 лѣтъ, то ежегодно возстановляется только $^1/_{50}$ часть его или 2 рубля. Такимъ образомъ этотъ землевладѣлецъ имѣетъ валового дохода только 122 р., вмѣсто прежнихъ 220 руб. Очевидно всякому, что отъ этого измѣненія нисколько не ухудшилось положеніе земледѣльца, онъ получаетъ свой прежній чистый доходъ, которымъ живетъ; измѣненіе состоитъ лишь въ томъ, что одна часть 200 рублей, прежде цѣликомъ расходо-

вавшихся на содержаніе рабочихъ, теперь заключена въ землю, но приноситъ прежній доходъ. Землевладѣльцу нѣтъ дѣла до того, потребляется ли его капиталъ рабочимъ, или заключается въ землю: въ томъ и другомъ случаѣ онъ одинаково не пользуется самимъ капиталомъ, а только прибылью. Положеніе нашего землевладѣльца не измѣнилось, хотя ухудшилось положеніе рабочихъ. Въ дѣйствительности положеніе этого землевладѣльца можетъ даже улучшиться. Оборотный капиталъ, превращенный въ постоянный въ видѣ поземельныхъ улучшеній, увеличиваетъ плодородіе земли, вслѣдствіе чего землевладѣлецъ можетъ получать большій чистый доходъ. Капиталъ, затраченный на поземельныя улучшенія, даетъ, положимъ, 15% прибыли; въ такомъ случаѣ валового дохода будетъ 127 рублей, а чистаго 25 рублей. Валовой доходъ хотя и меньше сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда не были производимы улучшенія въ землѣ, но чистый доходъ, какъ видимъ, можетъ увеличиться. Улучшеніе, произведенное превращеніемъ оборотнаго капитала въ постоянный, можетъ быть выгодно для капиталистовъ, будучи въ то же время вредно для рабочихъ.

Развивая свою мысль о вредныхъ послѣдствіяхъ превращенія оборотнаго капитала въ постоянный, Рикардо представляетъ слѣдующій примѣръ. Положимъ, говоритъ онъ, примѣняется машина въ суконной промышленности; по введеніи машиннаго производства было бы произведено менѣе сукна, ибо предприниматель не сталъ бы нуждаться болѣе въ той части этого количества, которая предназначалась на уплату большему числу рабочихъ. Могутъ возразить, что спросъ на сукно будетъ прежній, но кто заявилъ бы этотъ спросъ? Фермеры и другіе производители необходимыхъ предметовъ, которые употребляли свои капиталы на производство этихъ товаровъ съ цѣлію пріобрѣсти за нихъ сукно; они отдавали хлѣбъ и другіе предметы необходимости суконному фабриканту за сукно, а послѣдній доставлялъ ихъ своимъ рабочимъ за сукно, которое производили они для него. По введеніи машинъ, фабрикантъ не нуждается болѣе въ прежнемъ количествѣ пищи для содержанія рабочихъ, потому, что этихъ рабочихъ меньше, такъ какъ часть труда рабочихъ замѣнена трудомъ машинъ; ему нѣтъ болѣе мотивовъ производить прежнее количество сукна для полученія пищи. Производители пищи, производившіе ее для обмѣна на сукно, теперь не могутъ получать послѣднее посредствомъ прежняго способа употребленія своихъ капиталовъ. Въ данномъ случаѣ „спросъ на трудъ уменьшился бы и товары, необходимые для поддержанія труда, производились бы въ меньшемъ количествѣ“ [16]).

Не отрицая частныхъ случаевъ вреднаго дѣйствія превращеній оборотныхъ капиталовъ въ постоянные, современная экономическая наука не возводитъ такихъ случаевъ въ непреложный законъ. Превращенія эти обыкновенно производятся въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ существуетъ обиліе капиталовъ и трудъ дорогъ; слѣдовательно, они происходятъ не въ бѣдныхъ, но богатыхъ странахъ. Въ такихъ странахъ превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный производится или на счетъ мертвыхъ капиталовъ, или на счетъ доходовъ. Милль говоритъ, что едва ли можно найти хотя одинъ примѣръ значительнаго увеличенія постояннаго капитала въ такой странѣ и въ такое время, когда не

возрастаетъ быстро оборотный капиталъ; что усовершенствованія очень рѣдко или даже никогда не дѣлаются на капиталъ, извлекаемый изъ существующаго производства, а совершаются обращеніемъ на нихъ возрастанія капитала. Если же такъ, то, по общему правилу, превращеніе оборотныхъ капиталовъ въ постоянные не сопровождается печальными послѣдствіями. Печальныя послѣдствія такого превращенія появляются только тогда, когда оно производится на счетъ уже занятаго оборотнаго капитала. Вотъ почему въ странахъ недостаточно развитыхъ въ экономическомъ отношеніи, поэтому не богатыхъ капиталами, машины вызываютъ вполнѣ основательныя жалобы со стороны рабочихъ. Но и здѣсь введеніе машиннаго производства, какъ и всякое превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный, сокращающее трудъ, будучи въ первое время вредно для рабочихъ, впослѣдствіи становится выгоднымъ для всѣхъ. Когда вводятся усовершенствованные способы производства, тогда обыкновенно понижаются цѣны продуктовъ, производимыхъ этими усовершенствованными способами; у потребителей вслѣдствіе этого происходитъ сбереженія и является возможность постепеннаго накопленія капиталовъ. Пусть въ бумажномъ производствѣ чрезъ приложеніе машинъ фабриканты пришли въ состояніе выдѣлывать свой товаръ съ употребленіемъ только $^1/_{10}$ части прежнихъ расходовъ. Тогда бумажный товаръ будетъ продаваться за $^1/_{10}$ часть прежней цѣны, вмѣстѣ съ тѣмъ у потребителей остается $^9/_{10}$ отъ денегъ, которыя прежде тратились на этотъ предметъ, а у производителей $^9/_{10}$ свободнаго капитала. Въ такомъ положеніи вещей потребители увеличиваютъ свой спросъ или на бумажныя вещи, если не были ими достаточно снабжены, или же на другіе предметы. Для удовлетворенія этого новаго спроса производство вещей соотвѣтственно возрастаетъ, для чего употребляется упомянутый капиталъ, сдѣлавшійся свободнымъ. Съ увеличеніемъ производства увеличивается и спросъ на рабочихъ, вслѣдствіе чего тѣ рабочіе, которые были лишены заработка, снова находятъ примѣненіе своей рабочей силы и заработокъ [17]). Въ однихъ случаяхъ такое увеличеніе спроса на трудъ наступаетъ медленно, въ другихъ же оно является очень быстро. Въ послѣднемъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе грандіозный фактъ превращенія оборотнаго капитала въ постоянный, совершившагося съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія. До этого изобрѣтенія множество лицъ занималось перепиской книгъ, какъ ремесломъ, доставлявшимъ средства къ существованію. Съ появленіемъ книгопечатанія это ремесло переписчиковъ само собою уничтожилось, но отъ этого не могли пострадать представители самаго ремесла. Благодаря книгопечатанію, книги сдѣлались продуктомъ дешевымъ, вслѣдствіе чего увеличился спросъ на нихъ и ихъ производство; увеличеніе производства создало значительный спросъ на трудъ людей, занимающихся приготовленіемъ орудій и машинъ, употребляемыхъ для печатанія, а также непосредственно занимающихся этимъ дѣломъ печатанія книгъ. Этотъ видъ превращенія оборотнаго капитала въ постоянный служитъ прекрасной иллюстраціей того, въ какой степени можетъ увеличиваться спросъ на трудъ по прошествіи нѣкотораго времени, необходимаго для увеличенія спроса на товары и увеличенія производства ихъ. Въ настоящее время количество

лицъ, непосредственно занимающихся печатаніемъ книгъ, въ громадныхъ размѣрахъ превосходитъ число прежнихъ переписчиковъ.

Наконецъ, необходимо не забывать, что превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный во многихъ случаяхъ сопровождается еще болѣе значительнымъ освобожденіемъ части оборотныхъ капиталовъ страны. Это въ особенности необходимо сказать относительно постройки желѣзныхъ дорогъ; здѣсь затрата оборотнаго капитала одновременно сопровождается громаднымъ освобожденіемъ тѣхъ долей оборотныхъ капиталовъ, которыя затрачивались на проѣздъ и перевозку по простымъ дорогамъ. Сопоставляя тарифы желѣзныхъ дорогъ съ платою за гужевую перевозку, находимъ, что во Франціи перевозка по желѣзнымъ дорогамъ въ 4 раза дешевле, въ Англіи—въ 7 разъ, перевозка по каналамъ въ среднемъ выводѣ стоитъ въ двое дороже желѣзнодорожной. Но еще большее сбереженіе замѣчаемъ относительно времени. Высшій предѣлъ быстроты проѣзда лошадьми — 12 верстъ въ часъ; таково движеніе лучшихъ дилижансовъ Англіи и Франціи. Между тѣмъ высшій предѣлъ переѣзда по желѣзнымъ дорогамъ около 84 верстъ въ часъ; въ Англіи, въ которой существуетъ самое быстрое желѣзно-дорожное движеніе, экспрессы или курьерскіе поѣзда проходятъ отъ 74 до 84 верстъ въ часъ [18]). Изъ этого видно, какое громадное сбереженіе оборотнаго капитала, необходимаго для сношеній по простымъ дорогамъ, происходитъ одновременно съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, то есть съ превращеніемъ части оборотнаго капитала страны въ постоянный. Французскій экономистъ М. Шевалье, спеціально занимавшійся вопросомъ объ увеличеніи производительности подъ вліяніемъ машинъ, представляетъ слѣдующіе примѣры сбереженія времени Пріобрѣвшая ловкость женщина, дѣлая чулки, производитъ въ минуту 80 стежекъ или петель, тогда какъ при помощи особаго орудія можетъ производить 480.000 стежекъ въ минуту, т. е. отношеніе равняется 1: 6000. Работа молотья хлѣба на мельницѣ сравнительно съ работой ручнымъ орудіемъ равняется отношенію 1 къ 150. По Вильсону и Виллеру, для приготовленія рубашки необходимо 14 часовъ и 26 минутъ простого труда, а при помощи машины достаточно 1 часа и 16 минутъ. Въ послѣднемъ случаѣ работница дѣлаетъ 640 стежекъ въ минуту, между тѣмъ какъ въ первомъ всего 23, т. е. въ 28 разъ меньше[19]).

Имѣя въ виду эти факты уменьшенія затратъ производства, Молинари говоритъ, что промышленный прогрессъ имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ уменьшеніе неравенства условій въ положеніи разныхъ классовъ общества, т. е. производитъ „демократизацію богатства и цивилизаціи“. Какъ бы ни былъ богатъ путешественникъ, назадъ тому сто лѣтъ онъ не могъ сдѣлать болѣе 15—20 километровъ въ часъ, теперь же богатый и бѣдный могутъ дѣлать по 40, 50, 60 километровъ. Съ учрежденіемъ почтъ богатый и бѣдный за одинаковую плату имѣютъ возможность дешево и регулярно сноситься съ другими. Съ изобрѣтеніемъ фотографіи каждый можетъ имѣть свой портретъ, что прежде было доступно только богатымъ. Бѣдные въ этомъ прогрессѣ выигрываютъ болѣе, чѣмъ богатые. Этотъ процессъ, по

мнѣнію Молинари, будетъ продолжаться до той поры, пока *физическій* трудъ не будетъ вполнѣ замѣненъ *механическимъ*.

Уясняя значеніе и свойства капитала, Милль констатируетъ слѣдующія теоремы: а) размѣръ народной промышленности ограничивается размѣромъ существующаго капитала; б) капиталъ есть результатъ сбереженія; в) хотя капиталъ есть результатъ сбереженія, тѣмъ не менѣе онъ употребляется, и г) спросъ на товары не есть спросъ на трудъ.

а) Размѣръ промышленности, говоритъ онъ, не можетъ быть больше того, на сколько она снабжена необходимыми матеріалами и пищею для прокормленія. Эта истина такъ очевидна, что многими принимается за безспорную въ разговорной рѣчи. Но многіе думаютъ, что можно создать промышленность, не создавая капитала. Думаютъ, напримѣръ, что когда правительство запрещаетъ ввозъ какого нибудь иностраннаго товара и этотъ товаръ начинаетъ производиться въ странѣ, то этимъ страна обогащается, такъ какъ создается, сверхъ существующихъ уже, новая отрасль промышленности. „Если бы законодатели понимали, что размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, они понимали бы, что когда масса капитала страны не увеличилась, то часть капитала, обращенная ихъ законами на новоприобрѣтенную отрасль промышленности, отнята у какой нибудь другой отрасли, въ которой она давала занятіе, вѣроятно, почти такому же количеству труда, какому даетъ знаніе въ новомъ дѣлѣ“.

Можно считать безусловной истиной, что размѣръ народной промышленности ограничивается размѣромъ существующаго капитала, что промышленность не можетъ быть болѣе капитала; рабочихъ не можетъ быть больше того, сколько возможно ихъ содержать запасами приготовленной пищи; утилизированіе силъ природы не можетъ быть больше того, что допускается существующими орудіями и количествомъ рабочихъ, обусловливающимся размѣромъ существующаго капитала. Тѣмъ не менѣе нельзя согласиться съ положеніемъ Милля, что правительство своими запретительными законами не можетъ увеличивать размѣровъ народной промышленности. Оно не можетъ ихъ увеличивать только въ томъ случаѣ, когда уже весь существующій капиталъ занятъ, когда такимъ образомъ нѣтъ капитала для новой отрасли промышленности. Въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительно новая отрасль промышленности можетъ образоваться не иначе, какъ отнятіемъ части или даже всего капитала у другой отрасли существующаго производства, которая вслѣдствіе этого или уменьшается или вовсе уничтожается. Созданная при подобныхъ условіяхъ новая отрасль промышленности не увеличиваетъ народнаго богатства; размѣръ народной промышленности остается прежній. Но врядъ ли существуетъ гдѣ либо такая страна, въ которой бы весь капиталъ былъ приложенъ къ производству, въ которой бы не было покоющихся или ищущихъ занятій капиталовъ. Самъ же Милль говоритъ: „Если размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, чтобы онъ всегда достигалъ этого предѣла“. Можетъ случиться, что нельзя найти рабочихъ, которыхъ могъ бы содержать существующій капиталъ; часто капиталъ не употребляется въ дѣло лишь потому, что владѣльцы его не могутъ конкуррировать съ иностранными производителями. Вообще много дан-

ныхъ указываютъ на то, что въ каждой странѣ находятся незанятые капиталы. Когда правительство запрещаетъ ввозъ иностраннаго товара, оно представляетъ возможность незанятымъ капиталамъ обратиться къ производству. Появившаяся при такихъ условіяхъ новая отрасль промышленности увеличиваетъ уровень народнаго богатства и уровень народной промышленности.

Такъ какъ размѣръ промышленности ограниченъ размѣрами капитала, то всякое увеличеніе капитала можетъ увеличивать промышленность. Изъ этой очевидной истины Милль дѣлаетъ въ высшей степени важный въ политической экономіи выводъ. Каждое увеличеніе капитала, говоритъ онъ, даетъ труду или увеличеніе занятія, или увеличеніе вознагражденія, обогащаетъ или страну, или рабочій классъ. Если новый капиталъ находитъ новыя руки для занятія дѣломъ, онъ увеличиваетъ общую массу продуктовъ; если онъ не находитъ новыхъ рукъ, то даетъ прежнимъ рукамъ большую пропорцію продуктовъ и даже въ этомъ случаѣ можетъ увеличить общую массу продуктовъ, возбуждая работниковъ къ болѣе усердному труду. Границею богатства, поэтому, не можетъ служить недостатокъ потребителей, а служитъ ею недостаточное количество производителей и производительныхъ силъ.

Соглашаясь съ положеніемъ, что размѣры промышленности не могутъ превышать размѣровъ капитала, мы не можемъ согласиться съ тѣми экономистами, которые утверждаютъ, что такія страны, какъ Росія, не могутъ обойтись безъ иностранныхъ капиталовъ для поднятія своей промышленности, что иностранные займы необходимы странамъ мало развитымъ въ промышленномъ отношеніи. До той поры, пока въ странѣ находятся свободныя земли, нуждающіяся въ обработкѣ, и пока есть въ ней люди, нуждающіеся въ заработкѣ или вообще въ приложеніи своего труда къ производству, страна не можетъ нуждаться въ иностранныхъ капиталахъ. Добытымъ хлѣбомъ могутъ быть прокормлены рабочіе, добывающіе металлы и перерабатывающіе ихъ въ машины и орудія производства, хотя бы для лучшаго производства того же хлѣба. До той поры, пока существуетъ не занятый трудъ, а слѣдовательно, пока существуетъ нужда, возможно увеличеніе производства, направленнаго къ удовлетворенію нужды посредствомъ занятія труда. Почти всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда говорятъ о необходимости иностранныхъ займовъ для привлеченія въ страну капиталовъ, страна нуждается не въ дѣйствительныхъ капиталахъ, т. е. не въ капиталахъ для производства, но въ орудіяхъ для соединенія раздѣленныхъ факторовъ производства, наприм. въ организаціи внутренняго кредита, въ деньгахъ бумажныхъ и т. п. Это въ особенности вѣрно въ примѣненіи къ нашему экономическому быту. При избыткѣ хлѣба, отправляемаго нами въ огромныхъ количествахъ за границу, между тѣмъ какъ внутри существуетъ нужда въ хлѣбѣ, Россія можетъ обойтись безъ всякихъ иностранныхъ капиталовъ, давъ надлежащее занятіе труду. До той поры, пока у насъ будетъ существовать нужда, возможно и увеличеніе производства.

б) Если бы каждый человѣкъ расходовалъ все имъ производимое, то не было бы накопленія капиталовъ. Всякій капиталъ есть результатъ сбереженія, онъ не существовалъ бы въ томъ состояніи, при которомъ все производимое потреблялось бы цѣ-

ликомъ. И сбереженіе не означаетъ непремѣнно уменьшенія въ размѣрѣ потребленія; оно состоитъ въ томъ, что производится больше, чѣмъ потребляется.

в) Хотя сбереженіе необходимо для возникновенія и накопленія капиталовъ, тѣмъ не менѣе все, что производится, потребляется. „Капиталъ поддерживается отъ поколѣнія въ поколѣніе не тѣмъ, что сохраняется, а тѣмъ, что постоянно воспроизводится: всѣ составныя части его разрушаются употребленіемъ и вообще разрушаются вскорѣ послѣ того, какъ произведены; но люди, потребляющіе ихъ, занимаются между тѣмъ производствомъ другаго капитала, имѣющаго большій размѣръ. Возрастаніе капитала подобно возрастанію населенія. Каждый кто рожденъ, умираетъ; но каждый годъ число рождающихся больше числа умирающихъ; потому населеніе постоянно возрастаетъ, хотя ни одного изъ лицъ, составляющихъ его, не существовало вовсе на свѣтѣ до времени не далекой старины". Слово „сбереженіе" не говоритъ о томъ, что продуктъ спрятанъ, онъ не потребляется, но не лицемъ сберегающимъ, а другимъ лицемъ. Если продуктъ отложенъ до будущаго потребленія, то нужно сказать просто, что онъ спрятанъ".

Легко замѣтить, что въ изложенныхъ двухъ теоремахъ Милль впалъ въ противорѣчіе, желая отождествить сбереженіе съ потребленіемъ. Сбереженіе есть ничто иное, какъ сохраненіе продукта отъ потребленія, значитъ, оно не тождественно съ послѣднимъ. Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что сбереженіе состоитъ въ потребленіи продукта не лицемъ сберегающимъ, а другимъ лицемъ. Если согласиться съ этимъ, то необходимо признать, что накопленіе капиталовъ невозможно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ хозяинъ предпріятія и работникъ соединены въ одномъ лицѣ, каковы наприм. наши крестьяне собственники. Въ дѣйствительности капиталъ образуется и увеличивается какъ сбереженіемъ, такъ и производительнымъ потребленіемъ.

Сбереженіе, какъ экономическій дѣятель, есть результатъ предусмотрительности, существенно необходимой для возникновенія капитала. Человѣкъ замѣчаетъ, что въ одно время онъ можетъ работать и приготовлять продукты для своего прокормленія, между тѣмъ какъ въ другое время этому препятствуютъ внѣшнія условія дѣятельности. Для того, чтобы просуществовать въ холодное время года, онъ заготовляетъ средства къ существованію въ теплое. Безъ предусмотрительности такое предварительное заготовленіе не мыслимо. Есть страны въ высшей степени богатыя производительностью, но въ то же время народъ въ такихъ странахъ весьма часто живетъ въ бѣдности. Извѣстно всѣмъ плодородіе земель Новой Испаніи и въ то же время крайне необезпеченное экономическое положеніе ея туземныхъ жителей. Въ Испанскихъ колоніяхъ часто повторяютъ, что жители жаркой полосы до тѣхъ поръ не выйдутъ изъ состоянія апатіи, въ которую они погружены уже цѣлыя столѣтія, пока банановыя деревья не будутъ истреблены по распоряженію короля. Очевидно, что одной производительности еще мало для появленія капитала. Для капитализаціи имуществъ необходима предусмотрительность, на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія едва существующая. На этихъ ступеняхъ цивилизаціи, говоритъ американскій экономистъ Рэ, у человѣка недостаетъ привычки связывать въ

умѣ будущее съ настоящимъ и представлять рядъ событій, которыми они соединяются. Отсутствіе предусмотрительности представляетъ собою важнѣйшую причину бѣдности людей на этихъ ступеняхъ развитія. Подтвержденіемъ этой мысли служитъ опытъ іезуитовъ цивилизовать парагвайскихъ индѣйцевъ. Іезуиты встрѣтили въ своей попыткѣ препятствіе не въ отсутствіи трудолюбія у туземцевъ; трудолюбіе они успѣли скоро вызвать. Самымъ главнымъ препятствіемъ было отсутствіе предусмотрительности. „Если миссіонеры оставляли на ихъ собственную заботу воловъ, которыми они пахали, индѣйцы въ своей несообразительной беззаботности могли оставлять ихъ на ночь не выпряженными изъ плуга. Бывали примѣры и хуже того, индѣйцы рѣзали воловъ себѣ на ужинъ, и слыша упрекъ за это, думали, что достаточно оправдываются, говоря: „намъ хотѣлось ѣсть“. Дикарь живетъ только настоящимъ; онъ рубитъ дерево, желая достать плодовъ его, не замѣчая того, что въ будущемъ лишается возможности пользоваться плодами этого дерева. Онъ не можетъ трудиться для будущаго; горизонтъ его мышленія ограничивается настоящимъ, о будущемъ онъ не думаетъ“. Ясно, что при такомъ состояніи людей образованіе капиталовъ невозможно. Когда люди непредусмотрительны, сбереженія не существуетъ, не существуетъ и капитализаціи имуществъ.

Но считая сбереженіе необходимымъ для образованія капиталовъ, мы не должны преувеличивать его значенія, не должны распространять его вліянія на всѣ виды капитала. Сбереженіе необходимо относительно распредѣленія работъ по временамъ года, относительно существованія въ нерабочіе возрасты человѣческой жизни, относительно разныхъ случайныхъ обстоятельствъ каково, наприм. храненіе хлѣба въ общественныхъ магазинахъ на случай неурожая и т. п. обстоятельствъ. Но для массы другихъ общественныхъ явленій сбереженіе не только не имѣетъ благотворнаго вліянія, но часто становится даже вреднымъ.

Одного сбереженія недостаточно для капитализаціи имуществъ. Ирландскій работникъ въ значительной степени бережливъ, но въ то тоже время не можетъ выбиться изъ бѣдности. Во всѣ времена отсутствія общественной безопасности люди сберегали запасы, зарывали ихъ въ землю, но этимъ богатство ихъ мало увеличивалось. Капиталъ можетъ увеличиваться не иначе, какъ при производительномъ потребленіи его составныхъ частей. Машины, орудія и тому подобные виды капитала приносятъ доходъ не сбереженіемъ, но производительнымъ потребленіемъ всякому очевидно, что сбереженіе ихъ отъ употребленія въ дѣло было бы причиною не увеличенія, но уменьшенія капитала. Наблюденіе надъ экономическими фактами современныхъ образованныхъ государствъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что большая часть существующихъ въ настоящее время капиталовъ обязана своимъ существованіемъ производительному потребленію. Въ этомъ отношеніи вполнѣ вѣрно сдѣланное Миллемъ сравненіе роста капиталовъ съ ростомъ населенія. Населеніе постоянно ростетъ, постоянно увеличивается, не смотря на то, что лица, входящія въ составъ его, вовсе не существовали въ недалекомъ прошломъ. Точно также ростетъ и постепенно увеличивается капиталъ. Въ настоящее время почти не существуютъ тѣ капиталы, которыми пользовались люди назадъ тому нѣсколько

десятковъ лѣтъ. Машина, бывшая вполнѣ годною для производства въ прошломъ столѣтіи, вовсе не годится для этой цѣли въ наше время. Капиталы, которыми пользуются современныя общества, будутъ не годиться для цѣлей производства будущимъ поколѣніямъ. Продукты, производимые однимъ поколѣніемъ, потребляются этимъ же поколѣніемъ или ближайшими его преемниками. Одно и только одно передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, постоянно накопляясь и увеличиваясь, это знаніе. „Каждое поколѣніе къ унаслѣдованнымъ отъ предковъ знаніямъ прибавляетъ новыя знанія, увеличивая такимъ образомъ свою власть надъ природой, экономизируя трудъ и въ результатѣ производя все больше и больше капитала производя, но не накопляя, потому что капиталъ не пригоденъ къ накопленію и слѣдующія поколѣнія будутъ нуждаться уже въ иныхъ орудіяхъ производства въ иныхъ капиталахъ. Настоящій капиталъ общества—это знаніе его и власть надъ природой, и когда мы говоримъ о накопленномъ капиталѣ, мы собственно говоримъ о накопленномъ знаніи, о накопленномъ умѣньи сберегать трудъ“ [72]).

г) Спросомъ на товары, говоритъ Милль, опредѣляется направленіе труда, а не самое количество его; послѣднее опредѣляется капиталомъ прямо обращеннымъна вознагражденіе труда, то есть капиталомъ, представляющимъ собою спросъ на трудъ. Изъ этого видно, что спросъ на товары и спросъ на трудъ не одно и тоже, покупать продуктъ еще не значитъ давать занятіе труду. Положимъ, что потребитель прежде имѣлъ привычку покупать бархатъ, но потомъ онъ отказывается отъ этого расхода и начинаетъ употреблять прежнюю сумму на наемъ каменьщиковъ. Если справедливо, что спросъ на товары есть въ тоже время спросъ на трудъ, то перемѣна въ характерѣ этого расхода не даетъ новаго занятія труда, а только переноситъ занятіе отъ ткачей бархата къ каменьщикамъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ иное. Фабрикантъ бархата, послѣ того, какъ уменшился спросъ на бархатъ, уменьшаетъ размѣры своего производства и освобождаетъ часть капитала, соотвѣтствующую размѣрамъ уменьшенія производства. Этотъ капиталъ не та сумма, которую покупщикъ сталъ употреблять на продовольствованіе каменьщиковъ; это вторая такая же сумма. Такимъ образомъ мы видимъ теперь двѣ суммы, обращенныя на вознагражденіе труда вмѣсто того, что прежде была только одна такая сумма. Тутъ не просто переносъ занятій отъ бархатныхъ ткачей къ каменьщикамъ; тутъ во первыхъ, создается новое занятіе для каменьщиковъ, а во вторыхъ переносится занятіе отъ ткачей бархата къ какимъ либо другимъ работникамъ, по всей вѣроятности къ тѣмъ, которые производятъ пищу и другіе предметы, потребляемые каменьщиками.

Положеніе, что спросъ на товары не тоже, что спросъ на трудъ, по мнѣнію Милля, равнозначительно выраженію, что человѣкъ приноситъ пользу другимъ не тѣмъ, что потребляетъ самъ, но только тѣмъ, чего не потребляетъ самъ. Если вмѣсто расхода въ 100 р. на вина, говоритъ онъ, я употребляю свои деньги на заработную плату, то спросъ на товары въ обоихъ случаяхъ равенъ: въ 1-мъ случаѣ на 100 р. требуется вина, а во 2-мъ на 100 р. требуется хлѣба и другихъ предметовъ, потребляемыхъ рабочими. Но въ первомъ случаѣ я самъ потребилъ имущество на

100 р., а во второмъ передалъ силу своего потребленія рабочимъ. Сказать иначе значило бы сказать, что когда я потребилъ меньше прежняго, то не осталось больше прежняго на потребленіе другимъ, а это явное противорѣчіе. Въ этомъ второмъ случаѣ нельзя сказать, что человѣкъ вовсе лишается потребленія, онъ отсрочиваетъ его и на время своей отсрочки передаетъ силу своего потребленія другимъ. „Изъ всей той части продуктовъ страны, которая дѣйствительно и буквально потребляется всѣми другими ея жителями на ихъ личныя потребности, ровно ни одна доля ни малѣйшимъ образомъ не продовольствуетъ труда. Потребленіе не служитъ ни на чью пользу, кромѣ самаго человѣка, который потребляетъ“. Иногда увеличеніе потребленія извѣстнаго товара, то есть увеличеніе спроса на извѣстный товаръ, дѣйствительно имѣетъ слѣдствіемъ своимъ, что въ отдѣльной отрасли промышленности, прежній капиталъ даетъ больше занятія труду. Но при этомъ обыкновенно не замѣчаютъ другого обстоятельства: эта выгода приносится труду и капиталу въ одной отрасли промышленности только отнятіемъ такой же выгоды у другой отрасли.

Научный анализъ отношеній между производствомъ и потребленіемъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что Милль правъ, но только односторонне. Онъ вполнѣ правъ, говоря, что если спросъ на товаръ есть спросъ на трудъ, то въ приведенномъ выше случаѣ перемѣны въ характерѣ расходованія капиталовъ не можетъ быть увеличенія ни капитала, ни занятій, а только простое перенесеніе ихъ изъ одной отрасли промышленности въ другую. Въ дѣйствительности весьма часто происходитъ увеличеніе и занятій и капитала, слѣдовательно весьма часто бываетъ, что спросъ на продуктъ не одно и тоже, что спросъ на трудъ. Но такіе случаи представляютъ собою исключеніе изъ общаго правила, а не общее правило. Милль свою теорему основалъ именно на такихъ исключительныхъ случаяхъ. Это очевидно изъ слѣдующихъ его словъ: „спросъ, отложенный до окончанія дѣла, не дѣлающій никакой затраты на производство, а только уплачивающій затраты, сдѣланныя другими, ни мало не составляетъ спроса на трудъ“. Это вполнѣ вѣрно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что по общему правилу спросъ на товары не даетъ занятія труду. Къ тѣмъ исключительнымъ случаямъ, когда человѣкъ можетъ покупать, ничего не производя, теорема Милля вполнѣ приложима. Но не могутъ же всѣ члены общества жить такимъ образомъ. Для производительныхъ людей спросъ на товары есть и условіе и причина занятій труда. При настоящемъ состояніи производства взаимное потребленіе продуктовъ труда есть необходимое условіе для занятія труда. Коль скоро прекращается потребленіе, прекращается сбытъ, прекращается и производство. Взаимность потребленія продуктовъ разнообразныхъ занятій представляетъ собою ничто иное, какъ взаимность спроса на продукты, взаимность сбыта ихъ, безъ котораго невозможно производство. Человѣкъ приноситъ пользу другимъ своимъ собственнымъ потребленіемъ. Я произвожу пшеницу и желаю пріобрѣсть рожь; другой человѣкъ производитъ рожь и желаетъ пріобрѣсть пшеницу. Взаимная нуждаемость порождаетъ обмѣнъ взаимно спрашиваемыхъ продуктовъ, каждый изъ насъ потребляетъ часть продуктовъ, производимыхъ другимъ. Это потребленіе продуктовъ другаго

приноситъ пользу каждому же изъ насъ, представляя собою рынокъ для сбыта произведеній. Изъ этого видно, что спросъ на товары является спросомъ на нашъ трудъ. При мѣновомъ хозяйствѣ спросъ на трудъ овеществляется въ спросѣ на продукты. Къ такимъ общественно-хозяйственнымъ фактамъ относится положеніе Кэри, что каждый актъ потребленія есть въ то же время актъ производства, что экономическая жизнь представляетъ собою безконечный кругъ, въ которомъ производство и потребленіе исчезаютъ другъ въ другѣ. Въ сферѣ этихъ общественно-хозяйственныхъ фактовъ спросъ на товары есть въ тоже время спросъ на трудъ.

III.

Капиталъ освобождаетъ человѣка отъ случайностей слѣпыхъ стихій. Производство перестаетъ слѣдить за вѣтромъ, теченіемъ водъ, состояніемъ солнца. Паръ замѣняетъ вѣтеръ и теченіе водъ, искусственное бѣленіе — дѣятельность солнца. И до сихъ поръ наиболѣе отсталыми являются тѣ отрасли труда, гдѣ человѣкъ еще зависитъ отъ природы, гдѣ онъ еще — первобытное животное, не съумѣвшее устроить свою жизнь по разуму и сознанію.

И совершенно правы экономисты, доказывающіе, что развитіе культуры есть замѣна естественной матеріи неестественной, разумной или „организованной“, такъ выражается Г. Зомбартъ. Дерево замѣняется желѣзомъ, дрова—торфомъ, каменнымъ углемъ. Свѣтъ получается не изъ лучины или жира, но изъ электричества, газа. Растительныя краски замѣняются химическими. И нашъ вѣкъ, говоритъ Зомбартъ, вѣкъ камня, стекла и желѣза. Но будущій будетъ вѣкомъ химической бѣлковины, вѣкомъ хлѣба, добываемаго химиками изъ минеральныхъ веществъ. Объ этомъ новомъ творчествѣ часто съ ненавистью говорятъ, что мы живемъ подъ господствомъ капитализма, особой мрачной системы, замѣнившей старое юридическое рабство рабствомъ фактическимъ.

Подъ капитализмомъ подразумѣвается тотъ своеобразный чисто экономическій феодализмъ, при которомъ массы населенія отдѣлены отъ средствъ производства, принадлежащихъ не многимъ счастливцамъ, по своему усмотрѣнію и произволу распоряжающихся трудомъ первыхъ.

О свойствахъ этого капитализма до сихъ поръ идетъ споръ и, можно сказать, что самое историческое явленіе, носящее названіе капитализма, остается неопредѣленнымъ и еще далекимъ отъ уясненія даже въ основныхъ своихъ чертахъ.

Самаго опредѣленія понятія капитализма обыкновенно избѣгаютъ, по всей вѣроятности по той причинѣ, что такое опредѣленіе вышло бы слишкомъ разбойнымъ. Въ нашей литературѣ не

убоялся этого М. П. Туганъ—Барановскій, откровенно высказавшійся въ слѣдующихъ словахъ: „Капиталистическое хозяйство есть такое хозяйство, при которомъ общественное отношеніе присвоенія одними членами общество прибавочнаго продукта, созданнаго трудомъ другихъ членовъ общества, скрывается подъ вещной товарной *маской* созданія прибавочной цѣнности капиталомъ. Присвоеніе продукта чужого труда является скрытой основой всякаго капиталистическаго дохода“ [21]).

Другими словами, капитализмъ—это грабежъ или, въ лучшемъ случаѣ, воровство. Современная капиталистическая культура—разбойническая или воровская. И этотъ разбой, какъ и это воровство, наши quasi-ученые признаютъ *неизбѣжной* стадіей въ развитіи! При этомъ нашъ экономистъ смѣшиваетъ даже такія понятія, какъ производство продукта и производство цѣнности. Капиталъ, по его ученію, не производитъ ровно ничего, ни продукта, ни цѣнности.

Очевидно, останавливаться на этомъ дѣтствѣ мысли нѣтъ надобности. Обращаемся къ болѣе серьезнымъ мыслителямъ.

Особенности капиталистическаго производства Николай—онъ сводитъ къ слѣдующимъ: 1) Производство мѣновыхъ цѣнностей при стремленіи продавать товаръ *выше индивидуальной стоимости.* 2) Усиливая производительность, уменьшаетъ спросъ на трудъ, наприм. у насъ въ Россіи заставляетъ полгода сидѣть безъ работы. *Покупательная способность общества уменьшается.* По этому капиталистическое хозяйство мало отвѣчаетъ общественно-хозяйственнымъ потребностямъ. 3) Вызываетъ необходимость *улучшеній въ формѣ машинъ* и техническихъ пріемовъ, подъ страхомъ промышленной смерти. Въ 4) капитализмъ *не можетъ быть самодовлѣющимъ.* Капитализмъ разсчитываетъ на массовое производство, а массы бѣднѣютъ отъ него же. Остается внѣшній рынокъ, какъ спасеніе, на которомъ единственное оружіе—дешевизна. Безъ внѣшняго рынка капитализмъ существовать не можетъ [22]).

Такова точка зрѣнія нашихъ народниковъ. Наши марксисты смотрятъ иначе. По ихъ ученію, капитализмъ расширяетъ рынокъ. По словамъ Ильина, „рынокъ есть категорія товарнаго хозяйства, которое въ своемъ развитіи превращается въ капиталистическое хозяйство и только при этомъ послѣднемъ пріобрѣтаетъ полное господство и распространенность.“

Даже разореніе мелкихъ производителей означаетъ созданіе, а не сокращеніе рынка. Дѣло въ томъ, что освобожденіе мелкихъ производителей отъ средствъ производства равносильно переходу послѣднихъ въ другія руки и новые владѣльцы являются новымъ спросомъ на рынкѣ на орудія производства и предметы потребленія для рабочихъ.

Капитализмъ, по этому ученію, самъ себѣ довлѣетъ, постепенно и неуклонно концентрируя богатства въ рукахъ не многихъ. Когда будетъ достигнутъ предѣлъ концентраціи, обездоленныя массы эксплоатируютъ весь капиталъ.

По замѣчанію Н. Бердяева „Марксъ вѣрилъ только въ творческую силу зла, добро изъ зла для него рождалось, и „злымъ“ путемъ жаждалъ онъ устроить земное человѣчество, осчастливить его, лишивъ свободы выбора, религіозной совѣсти. Совсѣмъ какъ Побѣдоносцевъ, который тоже вѣрилъ только въ „злой“ путь, путь насилія и ненависти и хотѣлъ насильственно спасти человѣчество, создать принудительное счастье, отвергнувъ свободные дары святого Духа“ [23]).

Въ нашей средѣ эта мрачная теорія насилія нашла давно подготовленную насиліями почву и расцвѣла въ пышную доктрину, на противниковъ которой сыплются и кулаки и всякіе жупелы [24]).

Марксисты желаютъ водворить *согласіе* бомбами. Это не ново. Это продолженіе тѣхъ же: кнута, шпицрутеновъ, висѣлицъ и т. д. Глубокая и горькая старина слышится въ этихъ новшествахъ. Къ сожаленію, именно родная старина, о которой лучше бы и не вспоминать.

По вѣрному замѣчанію Н. Бердяева, „марксизмъ полагаетъ, что злоба есть единственный источникъ добра, что нужно раздувать, усиливать зло, что бы правда явилась въ міръ.—Капитализмъ есть зло и зло это есть единственная надежда жаждущихъ соціалистическаго рая“ [25]).

Проповѣдь естественности экономическаго зла въ видѣ капитализма у насъ доходитъ до возврата къ фетишизму.

Фетишизмъ накопленія у насъ проповѣдуетъ А. Мануиловъ. По его ученію „руководящимъ мотивомъ, опредѣленною цѣлью и необходимымъ условіемъ капиталистическаго процесса производства служитъ накопленіе, *а не личное потребленіе*, противорѣчащее самой природѣ капиталиста [26]).

Но пр. Мануиловъ, при всемъ своемъ фетишизмѣ, близокъ къ истинѣ. Существуетъ непроизвольное и безсознательное *накопленіе*, составляющее основную часть богатства каждой націи. Общество, говоритъ А. Фулье, изъ прошлаго „беретъ также, какъ рождающійся индивидъ беретъ свое тѣло, съ тѣмъ, чтобы усовершенствовать его путемъ хорошей гигіены; беретъ это, какъ всякій изъ насъ беретъ свою прошлую жизнь, съ ея воспоминаніями пріобрѣтеніями всякаго рода, какъ беретъ свой мозгъ со всѣми его складками и выемками.—Понимаемый такимъ образомъ *непроизвольный* элементъ въ обществѣ есть лишь скопленная *воля безсознательное* есть сокровищница *сознанія*, изъ которой оно

всегда можетъ черпать и богатства которой всегда можетъ выставить на свѣтъ“ [27]).

Источникъ непроизвольнаго и безсознательнаго, впрочемъ, не только въ волѣ и сознаніи, но и въ сферахъ до воли и сознанія, также принимавшихъ участіе въ эволюціи, создавшей человѣка, слѣдовательно также оставившихъ свое наслѣдство...

Знаніе, овеществленное въ машинѣ и орудіяхъ, произвело броженіе силъ, которое продолжается и въ настоящее время. Это-то броженіе, это нарушеніе стараго равновѣсія, вызвавшее къ жизни новыя эмоціи, новыя стремленія и новыя тяготѣнія, носитъ названіе капитализма.

„Какъ ни полезна и необходима молотилка для сельскаго хозяйства, говоритъ фонъ-деръ-Гольцъ, широкое распространеніе ея оказало роковое вліяніе на положеніе землед. рабочихъ. Молотьба цѣпомъ была нѣкогда главнымъ занятіемъ сельскихъ рабочихъ въ зимнее время. Молотьба машиной требуетъ гораздо менѣе людей; часто, чтобы получить возможно скорѣе значительное количество хлѣба для продажи, принимаются за молотьбу большей частью даже осенью, особенно тамъ, гдѣ употребляется паровая молотилка“.—Земледѣльческіе рабочіе, пишетъ по поводу этихъ словъ Э. Вандервельде, лишенные заработка, который доставляла молотьба цѣпомъ, вынуждены, за недостаткомъ работъ зимой, искать другихъ занятій, кромѣ земледѣлія, и чаще всего за предѣлами своей деревни [28]).

То, что дѣлаетъ молотилка въ земледѣліи, дѣлаетъ каждая машина, каждое усовершенствованное орудіе. Нарушенное ими равновѣсіе въ одной части соціальнаго организма постепенно передается другимъ и весь строй общественности вступаетъ въ движеніе. Въ чемъ оно состоитъ? Отвѣтъ простъ до очевидности: въ мысли, въ сознаніи, въ дуновеніи божественнаго духа. Происходитъ эволюція идей и прогрессъ ихъ, часто выражающійся въ катаклизмахъ и катастрофахъ, когда духъ тьмы долго задерживаетъ напоръ, а нормально—въ систематическомъ превращеніи безсознательной матеріи въ одухотворенную и очеловѣченную.

Ученые больше эмпирически чувствовали значеніе чисто революціонное и катаклистическое капитала и выразили свое глухое предчувствіе въ словѣ *капитализмъ*. Но они не поняли въ чемъ состоитъ страшная сила, произведшая настоящій катаклизмъ въ экономической средѣ. Видѣли ее въ парѣ и концентраціи капиталовъ. Но то *соединеніе труда*, которое сопровождается введеніемъ паровой силы было не меньше и раньше, даже въ древнемъ мірѣ. Оно было вызвано рабской организаціей производства. И наши заводы съ фабриками, устроенные по иниціативѣ Петра I, также стремились къ концентраціи труда и даже ради этой концентраціи купцамъ даны были дворянскія права вла-

дѣть крѣпостными. Если въ земледѣліи не было подобной *физической* концентраціи, то была несомнѣнно *экономическая* концентрація, такъ какъ не мало было помѣщиковъ съ количествомъ крѣпостныхъ свыше 100 тысячъ душъ. *Экономическая* концентрація въ земледѣліи крѣпостномъ была сильнѣе и могущественнѣе *физической—фабричной* при свободномъ трудѣ. Такое соединеніе рабочихъ армій въ рукахъ одого предпринимателя, какое нерѣдко бывало при крѣпостномъ хозяйствѣ или при рабскомъ хозяйствѣ у древнихъ и въ новѣйшее время въ южной Америкѣ, не знаетъ и до сихъ поръ физическая фабричная концентрація труда. А между тѣмъ экономическій катаклизмъ дѣйствительно произошелъ и именно подъ вліяніемъ капитала. Очевидно, не концентрація его причиной этого новаго явленія, ибо таковая существовала и раньше.

Ж. Тардъ справедливо говоритъ, что „машины не необходимы для крупной промышленности. Она столько же пользуется ручнымъ трудомъ (мануфактура), сколько и машиннымъ. Въ Римѣ, за отсутствіемъ типографій, существовали цѣлыя мастерскія, въ которыхъ переписывались изданія Виргилія, Горація и другихъ классиковъ и это была крупная промышленность, потому, что она снабжала своими произведеніями всѣхъ просвѣщенныхъ людей имперіи, получившихъ одинаковое образованіе, говорившихъ на одномъ языкѣ и имѣвшихъ одинаковые литературные вкусы [29]).

Капитализмъ—не въ концентраціи капитала, не въ сосредоточеніи населенія на фабрикахъ и заводахъ, вокругъ парового двигателя. Самая концентрація и капитала и населенія вызваны къ жизни общими причинами, одинаково дѣйствовавшими какъ на капиталъ, такъ и на населеніе. Люди всегда стремились къ сношеніямъ и объединенію. Сперва почвой для этого было единство происхожденія, затѣмъ единство вѣрованій, уступающее мѣсто въ свою очередь единству культуры. Сперва это стремленіе выражалось въ формѣ жизни деревенскими общинами, затѣмъ городскими коммунами и наконецъ скопленіями вокругъ фабрикъ и заводовъ, въ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ. Паровой двигатель не создалъ ничего новаго. Достаточно вспомнить, что тотъ же паръ въ видѣ желѣзнодорожнаго двигателя содѣйствовалъ не осѣдлости и концентраціи, а подвижности и разселенію. Въ свою очередь паръ завода или фабрики, привлекая заработками населеніе, развиваетъ въ немъ духъ предпріимчивости, бойкости, умѣнія, благодаря чему населеніе промышленныхъ районовъ рѣзко отличается отъ неподвижнаго населенія глухихъ угловъ страны, знающихъ лишь земледѣліе. Паръ въ буквальномъ и фигуральномъ смыслѣ создаетъ движеніе въ населеніи, а не концентрируетъ и укрѣпляетъ его. Соціальное

значеніе парового двигателя въ этомъ случаѣ извращено легкомысленнымъ заключеніемъ о концентрирующей его силѣ.

Соціалистъ Э. Вандервельде полагаетъ, что „законъ концентраціи капиталовъ“, подобно желѣзному закону заработной платы, долженъ быть сданъ въ музей древностей. „Процессъ концентраціи настолько не имѣетъ характера всеобщности и абсолютности, что существуютъ цѣлыя области производства, какъ наприм. земледѣліе, гдѣ обнаруживается какъ разъ обратное стремленіе“ [30]).

Если не концентрація капиталовъ составляетъ сущность явленія, носящаго названіе капитализма, то въ чемъ же состоитъ онъ?

Сущность его заключается въ талантѣ, въ мысли, направленной къ созданію искусственныхъ силъ. Когда мысль человѣка была направляема въ вѣрованія и метафизику, человѣчество было рабомъ природы, то пользовалась ея благодѣяніями, то переносило ея злодѣянія. Но уже очень рано человѣкъ сталъ создавать для себя искусственную природу и первые шаги его въ этомъ направленіи были дѣйствительно геніальны. Таково наприм. созданіе огня или примѣненіе колеса къ передвиженію, разведеніе и воспитаніе домашнихъ животныхъ и т. п. Когда затѣмъ теократизмъ и метафизика предоставили мѣсто позитивному мышленію, созданіе искусственной природы получило значительный толчекъ, хотя въ первое время и здѣсь представители старыхъ устоевъ не останавливались предъ казнями, что бы остановить новое теченіе мысли. Извѣстна судьба изобрѣтателя часового механизма, извѣстна судьба нашихъ авіаторовъ XVII в. Но зародившаяся новая идея не погибла и она-то произвела настоящій катаклизмъ въ экономической сферѣ. Лучшіе мыслители среднихъ вѣковъ культивировали идею свободы, равенства и братства, идею человѣческой личности, получившую свое завершеніе въ философіи 17 и 18 вѣковъ. Свобода личности привела къ свободѣ занятій, къ свободѣ труда и капитала. Каждый получилъ возможность быть хозяиномъ своего собственнаго труда, своихъ занятій, быть предпринимателемъ по своему усмотрѣнію. Эта свобода называется конкурренціей. Конкурренція же состоитъ въ борьбѣ изъ за прибылей, благодаря чему *всѣ прибыли стремятся къ равенству, къ одному уровню.* Это то стремленіе и представляетъ собою характеристическую черту капитализма, отличающую его отъ средневѣкового и отъ хозяйства древняго міра. Равенство прибылей сдѣлало стоимость производства основнымъ закономъ обмѣна, то есть закономъ участія свободной личности въ общемъ итогѣ народной дѣятельности. Если прибыль равняется 10%, то всѣ товары одинаковой стоимости будутъ обмѣниваться другъ на друга. При затратѣ 100 рублей, каждый товаръ будетъ продаваться за 110 рублей, такъ какъ лишь при этомъ условіи товары будутъ обмѣниваться другъ на

друга. Конкурренція не допуститъ, что бы одни товары продавались за 110 р., а другіе за 120 рублей. Получается въ жизни строго демократическій принципъ равенства, создающій концентрацію капиталовъ и населенія, борьбу формъ производства, борьбу между капиталистами и рабочими, напряженное состояніе рынковъ, стремленіе къ новымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, къ примѣненію чистой науки къ практическимъ цѣлямъ и т. д.

А. Смитъ, замѣтившій демократизмъ капитала, въ то же время констатируетъ рядъ условій, при которыхъ демократическія тенденціи капитала къ равенству не достигаетъ цѣли. Онъ говоритъ о различіяхъ въ прибыли въ разныхъ условіяхъ производства. Онъ считаетъ разный уровень въ этихъ условіяхъ постояннымъ и неизбѣжнымъ. Время разрушило эту иллюзію. Оказалось, что капиталъ завладѣлъ всѣмъ и вездѣ систематически проводитъ свою идею равенства. Конечно, это такой же законъ, какъ и стремленіе воды къ одному уровню; осуществляется равенство путемъ борьбы, т. е. неравенства. И вѣчна борьба между противоположными силами—стремленіемъ къ равенству и стремленіемъ къ неравенству. Побѣда остается то за одной, то за другой изъ борющихся идей. Но въ общемъ въ то или иное время преобладаетъ одна сила и ослабляется другая. Въ средніе вѣка неравенство прибылей поддерживаемо было искусственными раздѣленіями и законодательствомъ, санкціонировавшимъ привиллегированное положеніе нѣкоторыхъ классовъ. Съ паденіемъ привилегій капиталистическій демократизмъ получилъ самое широкое распространеніе и преобразовалъ весь экономическій строй культурныхъ народовъ.

Это былъ катаклизмъ, разрушившій старый аристократическій строй и создавшій на его мѣстѣ современную демократію. *Появилось равенство на мѣстѣ привиллегіи.*

Капитализмъ — это равенство прибылей. Привиллегія — это феодализмъ и рыцарство.

Капитализмъ—свобода таланта, свобода призванія, свобода личности: во плоти равенства.

Но равенство есть только одна изъ сторонъ свободы личности. Свобода однихъ не должна давить свободы другихъ, ибо это было бы подавленіемъ таланта, призванія и личности. Отсюда необходимость дальнѣйшей *эволюціи* капитала, если *не катаклизма.*

Въ экономической литературѣ очень часто сравниваютъ капитализмъ съ феодализмомъ. Это сравненіе и мы употребляли. Но нужно условиться въ терминахъ. По словамъ А. Миклашевскаго, съ денежнымъ хозяйствомъ и концентраціей капиталовъ „нарождается какъ бы новый промышленный феодализмъ и человѣчеству приходится искать новой контръ-силы, на которую

могло бы опереться и государство, что бы противостоять этому новому, опасному явленію и въ то же время неизбѣжному и необходимому“ [31]).

Промышленный феодализмъ—это симбіозъ физическаго труда съ талантомъ. Не даромъ зовутъ безталантными тѣхъ, кто не можетъ жить самостоятельно и не можетъ добыть свою долю. „Безталанность“ можетъ утѣшать себя соціальными условіями, случаемъ и т. п., но каковы бы ни были причины, она не перестаетъ быть „безталанностью“.

„Безталанною“ можетъ быть и цѣлая нація, когда она нуждается въ капиталахъ для предпріятій. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно принято обращаться къ иностраннымъ капиталамъ: Точь въ точь какъ рабочій, нуждающійся въ хлѣбѣ, обращается къ предпринимателю. Къ сожалѣнію, еще нѣтъ рабочаго, который разбогатѣлъ бы, работая у предпринимателя. Правъ Робертъ Пиль, говорившій, что „великое созданіе британскаго генія, позволившее фабричнымъ машинамъ достигнуть такого совершенства, вмѣсто того, что бы быть источникомъ неисчерпаемаго благоденствія, стало тягчайшимъ народнымъ проклятіемъ“. Оно пріучило народъ надѣяться не на себя, а на новыхъ феодаловъ. Въ батраки къ иностранцамъ поступаетъ и нація, привлекающая къ себѣ иностранные вещественные капиталы. Иностранные капиталы положительно вредны. Ими не оживляется національная промышленность, но убивается. Испанія, наводненная золотомъ по открытіи Америки, не оживила своей промышленности, но погибла и до сихъ поръ не можетъ поправиться. Но то были деньги, за пользованіе коими не приходилось платить процентовъ. Теперь же иностранные капиталы не даются даромъ. За нихъ приходится платить проценты и амортизацію. Вредъ отъ нихъ двойной.

Въ дѣйствительности не вещественные капиталы создаютъ промышленность, но промышленность создаетъ капиталы. И только *національные* капиталы, какъ созданные народомъ, какъ продуктъ національной промышленности, въ свою очередь оживляютъ промышленность.

Это чрезвычайно важная особенность, которую часто забываютъ и это забвеніе приноситъ странѣ громадный вредъ.

Заимствованное знаніе, не выработанное самостоятельнымъ мышленіемъ, имѣетъ такое же значеніе какъ и очки, надѣтые обезьяной на носъ въ подражаніе человѣку. Иностранныя предпріятія въ странѣ это обезьяньи очки, мѣшающія ей видѣть. И только. Если въ странѣ живъ трудъ, то онъ самъ создаетъ свои капиталы. Если трудъ слабъ, то иноземные капиталы убиваютъ и безъ того слабую его предпріимчивость. Порабощенная иностранными капиталами страна становится дойной коровой для

иностранцевъ, высасывающихъ ея соки. Наши города взяты на выкупъ бельгійскими капиталистами, устроившими у насъ трамваи. Выручая громадные барыши, иностранцы кормятся русскимъ трудомъ. Это рабство цѣлыхъ городовъ у болѣе зрѣлыхъ и болѣе предпріимчивыхъ людей. Польза, приносимая облегченіемъ сношеній въ городахъ, положительно ничтожна сравнительно съ громаднымъ вредомъ превращенія городовъ въ дойныя коровы для иноземныхъ магнатовъ капитала. Предположимъ, что бельгійцы скупятъ всѣ дома въ русскихъ городахъ, всѣ трамваи, всѣ общественныя сооруженія наприм. скотобойни, канализаціи и т. д. Не ясно ли всякому, что городское населеніе Россіи превратится въ населеніе батраковъ, работающихъ лишь на денежныхъ магнатовъ. Да, это было бы рабство. И по мѣрѣ увеличенія притока иностранныхъ капиталовъ мы приближаемся къ этому идеальному состоянію: поглощенія страны иностраннымъ капиталомъ. Остается разсчитать время, когда вся земля будетъ также мирно завоевана иностранными благодѣтелями.

Благосостояніе населенія возможно поднять единственно культурой въ немъ образованія и совѣсти. Безбожно и безсовѣстно заботиться о путяхъ сообщеній, о постройкахъ всякихъ сараевъ, о пушкахъ и порохѣ, объ аэропланахъ, когда населеніе тонетъ въ болотѣ невѣжества. Прежде всего нужно спасать утопающаго, потомъ уже самъ онъ позаботится обо всемъ, о чемъ вы такъ мучительно и такъ тщетно заботитесь. Утопающій, ставъ на твердую почву, легко сдѣлаетъ все то, что вамъ совсѣмъ не удается. Къ сожалѣнію, слова Спасителя объ единомъ на потребу остаются не услышанными государственными дѣятелями и не понятыми даже учеными. Такъ тотъ же Н. Чернышевскій, который такъ прекрасно уяснилъ сущность капитала, разрѣшая вопросъ о средствахъ къ народному образованію, говорилъ, что прежде нужно создать культуру хлѣба, а за тѣмъ уже организовать и народное образованіе. Если бы дѣйствительно существовала подобная альтернатива, то на нашей культурѣ уже давно слѣдовало бы поставить крестъ. Нѣтъ ничего безотраднѣе, какъ богатство при невѣжествѣ. Только невѣжественное богатство создавало то животное самодовольство и хлѣвное самообожаніе, которое съ презрѣніемъ относится ко всякому просвѣщенію, которое довольствуется своимъ хлѣвомъ, своей породой, и готово безпощадно истреблять все, мѣшающее его покою. Но исторія не знаетъ подобныхъ альтернативъ: нѣтъ такого самаго бѣднаго народа, у котораго не оказалось бы подходящихъ средствъ для организаціи самаго широкаго и плодотворнаго народнаго образованія. И очевидно нѣтъ такого народа, который не могъ бы создать свое матеріальное благосостояніе, помня лишь, что „едино на потребу“, т. е. обосновавъ его на общемъ просвѣщеніи.

IV.

На необходимость разума или просвѣщенія настоятельно указываетъ, какъ мани, факелъ, фаресъ, эволюціонное значеніе капиталовъ.

Естественно-историческое движеніе капитала состоитъ въ парцеляціи и соединеніи капиталовъ.

Раздѣленіе происходитъ подъ вліяніемъ такихъ условій, какъ наслѣдованіе, распредѣленіе между участниками предпріятій и въ особенности потребленіе. Послѣднее является основнымъ факторомъ дѣленія. Каждый потребитель продуктовъ, покупая на рынкѣ необходимыя вещи, раздѣляетъ между послѣдними свои доходы. И если онъ, по мѣрѣ потребленія, не создаетъ новыхъ доходовъ, то въ концѣ концовъ онъ разоряется, т. е. его средства переходятъ къ другимъ и онъ лишается источниковъ къ существованію.

Но рядомъ съ раздѣленіемъ, въ экономическомъ организмѣ идетъ и соединеніе капиталовъ подъ вліяніемъ такихъ условій, какъ малое количество наслѣдниковъ, между которыми раздѣляется наслѣдство, полученіе наслѣдствъ изъ боковыхъ наслѣдодателей, остающихся бездѣтными и т. п. Но въ особенности въ этомъ направленіи коллективирующей силой служатъ единоличныя предпріятія въ большихъ размѣрахъ и кредитъ, также дающій возможность расширять производство для продажи оптомъ. При этомъ получаетъ громадное историческое значеніе извѣстный въ физикѣ законъ массъ: чѣмъ больше масса тѣла, тѣмъ обладаетъ она большею силою притяженія, т. е. собственнаго разростанія съ экономической точки зрѣнія. Утроенный капиталъ въ обыкновенномъ случаѣ обладаетъ утроенною силою, но чаще всего значительно болѣе, чѣмъ утроенною. И получается слѣдующее:

1) Если капиталы равномѣрно увеличиваются, то лишь съ внѣшней или механической точки зрѣнія происходитъ общее поднятіе экономическаго уровня, въ дѣйствительности же дифференціація классовъ разростается. Положимъ въ одномъ періодѣ междуклассовое различіе по состояніямъ равняется: 1:4:8:16; если въ слѣдующемъ періодѣ происходитъ равномѣрное увеличеніе на 3, то цифры измѣняются такъ: 4:7:11:19. Очевидно, 4:7 не тоже, что 1:4.

Если второй классъ сравнительно съ первымъ былъ въ четыре раза сильнѣе, то онъ во второмъ случаѣ становится только едва въ два раза сильнѣе.

Междуклассовая пропасть ослабляется и экономическій прогрессъ значительно облегчается. Легче перейти отъ состоянія 4 къ 7, чѣмъ отъ 1 къ 4. И это дѣйствительно было бы, если бы

не было двухъ обстоятельствъ: равномѣрное прибавленіе богатствъ въ жизни не бываетъ и въ экономическомъ смыслѣ 7 : 4 значительно больше 4 : 1. Такъ 700 рублей представляютъ для предпріятія, требующаго тысячу рублей, дѣйствительную силу, способную привлечь недостающія 300 рублей, между тѣмъ какъ для этого же предпріятія 400 рублей есть ничтожная сумма, не способная привлечь недостающія 600 рублей. Поэтому, съ точки зрѣнія даннаго предпріятія классу, имѣющему теперь 4, противополагается сила также, какъ и раньше, въ 4 раза большая: вдвое реальная (7 : 4) и вдвое кредитная (300 : 600). Вотъ почему ослабленіе механической пропасти въ дѣйствительности ведетъ наприм. къ лучшему питанію низшихъ классовъ, но не къ ихъ большей экономической предпріимчивости и самостоятельности.

2) Но въ дѣйствительности и этого не бываетъ, такъ какъ съ перваго же появленія своего большія массы начинаютъ больше и быстрѣе расти, чѣмъ растутъ малые капиталы. Первый милліонъ стоитъ громадной предпріимчивости, а второй милліонъ уже требуетъ не много ума. И чаще всего мы встрѣчаемъ не равномѣрное прибавленіе къ состояніямъ, а въ высшей степени различное, при чемъ дифференціаціи помогаетъ различіе конъюнкцій. Вмѣсто 1 : 4 : 8 получится напримѣръ: 2 : 8 : 20. Ясно, что хотя отношеніе 2 : 8 = 1 : 4, но сумма 8 не въ четыре раза сильнѣе 2, а гораздо выше: 8 воловъ подымутъ тяжесть, которую не мыслимо поднять парой воловъ, хотя бы и работающихъ цѣлый мѣсяцъ. И силѣ 8 достается большая мощь, чѣмъ вытекающая изъ простой пропорціи 8 : 2. Оно завоевываетъ рынокъ, побѣждаетъ противниковъ, поглощаетъ ихъ. А тѣмъ болѣе это нужно сказать объ отношеніи 20 : 8, появившемся на мѣстѣ отношенія 8 : 4.

3) Мелкія суммы, раздѣляясь по наслѣдству, парцеллируются въ величины, неимѣющія вовсе производительнаго характера. Благодаря эфемерности существованія, они теряютъ значеніе факторовъ производства, становясь исключительно факторами потребленія въ видѣ потребительнаго спроса на товары, т. е. въ видѣ фактора, временно оживляющаго рынокъ и затѣмъ исчезающаго. Эфемерность культуры, возникающая изъ эфемерности существованія человѣка, въ данномъ случаѣ страшно усиливается смертностью капиталовъ въ видѣ превращенія производства въ потребленіе. Распыленіе капиталовъ, такимъ образомъ получаемое, можетъ быть настоящимъ бѣдствіемъ, подобно большой смертности въ странѣ отъ разныхъ эпидемій. Періоды подобныхъ бѣдствій превращаютъ самихъ предпринимателей въ шакаловъ, живущихъ если не трупами, то превращеніемъ людей въ трупы ничтожной заработной платой, выдаваемой нуждающимся въ заработкѣ.

4) Большія суммы подвержены меньшему распыленію уже потому одному, что дѣторождаемость меньше въ болѣе состоятельныхъ классахъ, чѣмъ въ несостоятельныхъ. Здѣсь же больше появляется и полная бездѣтность, приводящая и къ механическому увеличенію богатства нѣкоторыхъ. Большія массы обладаютъ поэтому двойнымъ ростомъ: съ одной стороны онѣ увеличиваются извнутри, собственною своею силою, значительно превосходящею силы малыхъ количествъ, а съ другой извнѣ—механическимъ приращеніемъ по законамъ наслѣдованія.

Эволюціонный путь движенія капиталовъ такимъ образомъ ведетъ къ распыленію капиталовъ съ одной стороны и къ концентраціи ихъ въ рукахъ ничтожнаго меньшинства съ другой стороны.

Какая же изъ этихъ тенденцій *естественно* должна одержать верхъ?

Экономическая исторія даетъ на этотъ вопросъ такой отвѣтъ, который врядъ ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію. Еще не было ни одного историческаго примѣра, гдѣ бы народныя массы, т. е. наиболѣе несостоятельная часть населенія, благоденствовали. Бѣдные всегда будутъ среди васъ—сказано въ ветхомъ завѣтѣ. И также не было такой страны, гдѣ бы ничтожное количествомъ меньшинство не держало въ своихъ рукахъ національныхъ богатствъ. Бѣдные бѣднѣютъ, а богатые становятся еще болѣе богатыми—это общій законъ всемірной исторіи. И это и есть законъ всемірной эволюціи, т. е. того слѣпого Фатума, который управлялъ человѣчествомъ до появленія въ исторіи разума и совѣсти.

Малыя имущества эфемеридъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ становятся меньше и меньше, раздѣляются между наслѣдниками и распыляются. Единица превращается въ ничтожную дробь и каждому новому поколѣнію приходится начинать ab ovo экономическую исторію. Каждое новое поколѣніе является своего рода Робинзономъ на островѣ экономической исторіи съ тѣмъ лишь различіемъ, что рабочіе Робинзоны, по бѣдности родителей, не отличаются и тѣми запасами знаній, которыми богатъ былъ ихъ историческій собратъ. Наблюдающему въ жизни эволюціонные пути благосостоянія приходится поражаться страшной силѣ человѣка, сохраняющей народныя массы отъ погибели, вопреки всѣмъ требованіямъ эволюціи. Голые и голодные начинаютъ страшную сизифову работу, предписываемую эволюціей, и... спокойно передаютъ единственное наслѣдіе своимъ наслѣдникамъ—заниматься тѣмъ же.

Къ сферамъ большихъ капиталовъ приходитъ на помощь и малая рождаемость и слабая смертность съ ничтожною заболѣваемостью. Къ ихъ услугамъ знанія и таланты. За нихъ вся мі-

ровая эволюція, въ роскошныхъ колыбеляхъ убаюкивающая ихъ съ ранняго дѣтства, воспитывающая ихъ юношами въ чудныхъ школьныхъ зданіяхъ, готовящая имъ и на случай смерти родителей богатыя наслѣдства. Имѣющій еще больше пріобрѣтаетъ. А у не имущаго отнимается послѣднее.

Въ этомъ и состоитъ естественный законъ эволюціи. Горе побѣжденнымъ и вѣнецъ побѣдителямъ. Vae victis!

Напрасно экономисты въ сферѣ этой искали и ищутъ разума и правды. Было бы нелѣпостью видѣть ее въ слезахъ крокодила. Эволюція знаетъ только войну, признаетъ только побѣдителей и не щадитъ побѣжденныхъ.

Правда и милость, счастье всѣхъ не въ эволюціи, но въ жизни, освѣщаемой и оживляемой мыслью, руководимой и направляемой совѣстью.

Къ сожалѣнію, человѣческое сознаніе само подчинено тѣмъ же закономъ эволюціи, также съ одной стороны парцеллируется, а съ другой концентрируется.

Равенство интеллектуальной и этической дикости весьма рано уступило мѣсто неравенству, легшему въ основаніе всѣхъ историческихъ націй. Неравенство духовныхъ капиталовъ рано сдѣлалось общимъ закономъ всѣхъ людей на земномъ шарѣ и мы до того свыклись съ тѣмъ, что преданіе о сотвореніи человѣка по одному образу и нынѣшнему культурному человѣку представляется не вѣроятнымъ. Неравенство освящалось религіей, предписывалось и охранялось закономъ и въ результатѣ тысячелѣтій исторической жизни народовъ получилось такое положеніе, въ силу котораго съ одной стороны имѣемъ въ видѣ рѣдчайшихъ явленій великихъ геніевъ мысли, а съ другой почти первобытныхъ дикарей, живущихъ въ до-историческомъ равенствѣ варварства и дикости. Каждая европейская страна изображаетъ изъ себя пирамиду, на вершинахъ которой Кантъ, Дарвинъ, Менделѣевъ, а въ основаніи—первобытнѣйшее варварство. И дѣйствительно „не понятъ простымъ вѣтвямъ древеснымъ, о чемъ съ вѣтромъ поднебеснымъ вершины дуба говорятъ“, какъ не понять дикарю философіи Гегеля. Наука, высокое образованіе, высокое духовное творчество является долей очень и очень не многихъ баловней судьбы, а массы прозябаютъ въ глубокомъ невѣжествѣ, часто въ полной безграмотности. Статистики и экономисты уже давно свидѣтельствуютъ о томъ, что матеріальное богатство націи не тождественно съ народнымъ благосостояніемъ. Страна милліардовъ можетъ быть страной нищихъ, съ трудомъ и неимовѣрными пожертвованіями добывающихъ свой хлѣбъ.

Но не меньшая разница обыкновенно наблюдается между національною и народною культурами. Самая высокая духовно-нравственная національная культура не только не исключаетъ

народнаго варварства, но какъ бы находитъ въ немъ свой естественный фундаментъ. Наиболѣе характернымъ образцомъ этого была Германія къ концу XVIII и началу XIX столѣтій. Съ одной стороны самое высокое развитіе научно-философской мысли, сдѣлавшее Германію первымъ народомъ въ мірѣ по культурѣ, sui generis свѣточемъ человѣчества, безъ котораго не могъ обойтись ни одинъ образованный человѣкъ въ мірѣ. Съ другой стороны поголовная безграмотность и всеобщее варварство. И Германія не была исключительнымъ образцомъ концентраціи и перцелляціи духовныхъ капиталовъ. Въ большей или меньшей мѣрѣ это наблюдается во всѣхъ странахъ міра, не зависимо отъ времени, климата и другихъ естественно-историческихъ условій. Въ виду этого такая динамика духовнаго капитала должна быть названа естественнымъ закономъ.

А каковы послѣдствія этого закона капиталистической динамики можетъ разсказать намъ исторія Польши, прошедшее которой, по характерному выраженію Спасовича, представляется каждому интеллигентному поляку въ пурпурѣ и златѣ. Но польскому крестьянину и ремесленнику оно представляется наполненнымъ кровью и слезами, нищетой и горемъ народныхъ массъ. Интеллигентъ благословляетъ родную исторію, простолюдинъ съ ужасомъ вспоминаетъ и проклинаетъ. Носители пурпура и злата оказались трутнями, носители и представители культуры—простыми паразитами на тѣлѣ быдла—массы. И при первомъ дуновеніи вѣтра паразиты потеряли свое положеніе, а съ ними и созданный ими для себя соціальный строй.

Легко создаются теоріи, оправдывающія эту динамику духовныхъ и матеріальныхъ капиталовъ. Но рабочая пчела никогда не согласится съ оправданіемъ жизни трутня. А законамъ эволюціи, не знающимъ ни разума, ни совѣсти, нѣтъ никакого дѣла ни до жалобъ однихъ, ни до самооправданій другихъ. И жизнь строится по ту сторону разума и совѣсти, т. е, здѣсь, на землѣ. Разумъ и совѣсть вполнѣ подчиняются эволюціи, т. е. законамъ, отрицающимъ и разумъ и совѣсть. Ученымъ теоретикамъ приходится изображать собою крокодила, оплакивающаго свои жертвы. Они это и дѣлаютъ, утверждая, что культура не мыслима безъ жертвъ, какъ пшеница не мыслима безъ навоза. А тѣмъ временемъ гибнутъ государства, гибнутъ цѣлыя цивилизаціи. Только инстинктъ соціальнаго самосохраненія потребовалъ иной организаціи, такъ какъ оказалось, что и на поляхъ битвъ „народный учитель побѣждаетъ“. И на нашихъ глазахъ началась новая эра сознательнаго распредѣленія среди народа духовныхъ капиталовъ.

Законъ эволюціонной динамики духовныхъ капиталовъ съ особенною рѣзкостью проявляется въ сферѣ этики. Всегда

рѣдкіе этическіе Монбланы обыкновенно одиноко высятся среди безплодныхъ этическихъ низовъ, гдѣ homo homini lupus est, гдѣ міровоззрѣніе является дѣйствительно продуктомъ желудка и пола, гдѣ нѣтъ ничего священнаго, которое не приносилось бы въ жертву интересамъ желудка и пола. Самое распространеніе мрачныхъ теорій экономическаго матеріализма служитъ лучшимъ доказательствомъ распространенности желудочно-половой психики. Безъ этой дѣйствительности подобныя теоріи не имѣли бы послѣдователей и вызывали бы искреннее отвращеніе. А еще интереснѣе то, что самая доктрина экономическаго матеріализма возникла въ странѣ, честь и слава коей Э. Кантъ провозгласилъ моральный принципъ категорическаго императива воли. Съ одной стороны величайшая этическая система, исключающая не только матеріализмъ, но и всякую моральную относительность, а съ другой бушменство: зло, когда у меня крадутъ жену, добро, когда я краду чужую жену. Этическому Монблану вполнѣ соотвѣтствуютъ аморальные народные низы не только съ полнымъ отсутствіемъ совѣсти, но и сознательно отрицающіе совѣсть и признающіе лишь желудокъ да половые инстинкты. Разница въ нравственныхъ капиталахъ, очевидно, не меньшая чѣмъ и разница въ матеріальныхъ капиталахъ. Концентраціи нравственности соотвѣтствуетъ такое распыленіе моральныхъ принциповъ, которое граничитъ съ аморальностью, съ полнѣйшимъ аннулированіемъ совѣсти.

Концентрацію матеріальныхъ капиталовъ легко объясняютъ инстинктами наживы и ловкостью эксплоататоровъ. Такъ, говорятъ, возникаютъ милліардеры. Но чѣмъ же объяснить концентрацію духовныхъ благъ? Тутъ о наживѣ и эксплоатаціи не можетъ быть и рѣчи по той простой причинѣ, что наприм. моральный капиталъ и состоитъ въ исключеніи всякой наживы, всякаго матеріальнаго интереса. Въ сущности какъ матеріальная, такъ и духовная капитализація объясняется существомъ капитала, какъ проявленія таланта. Не всѣ люди одарены одинаковыми талантами, хотя въ жизни и на каждомъ шагу бываетъ такъ, что таталантливый пѣвецъ шьетъ сапоги, а талантливый сапожникъ отвратительно поетъ. Но разъ талантъ пробилъ скорлупу и выступилъ на свѣтъ Божій, онъ становится силой, вокругъ которой концентрируются всѣ безталанные и нуждающіеся. Таковы въ матеріальномъ капиталѣ все предприниматели. Обыкновенно мы нападаемъ на нихъ, какъ на эксплоататоровъ. Но обыкновенно же сами нападающіе не могутъ жить безъ предпринимателей, ищутъ ихъ и въ поискахъ своихъ „эксплоататоровъ“ не останавливаются предъ такими препятствіями, какъ моря и океаны, отправляются въ Америку и т. д. Точь въ точь какъ въ средніе вѣка искали защитниковъ и покровителей въ лицѣ феодаловъ.

Талантъ привлекаетъ къ себѣ все, что не имѣетъ собственной иниціативы и не можетъ жить собственнымъ умомъ и волей. Концентрація здѣсь также естественна и неизбѣжна, какъ естественно и неизбѣжно скопленіе воды въ глубокихъ водоёмахъ. Захребетники ищутъ хребта, за коимъ они могли бы жить или прозябать. Такъ не всѣ могутъ пѣть, какъ поетъ Шаляпинъ, но всѣ съ удовольствіемъ добиваются возможности послушать его, поэксплоатировать его талантъ для собственнаго удовольствія, для оживленія, подъема или успокоенія своей нервной системы. Такъ наборщикъ ищетъ автора, который написалъ бы книгу, печаталъ бы ее и далъ бы ему возможность заработать „за его хребтомъ“. Такъ предприниматель, полный энергіи и сообразительности, за своимъ хребтомъ даетъ жизнь массамъ, лишеннымъ и такой энергіи и такой сообразительности. Массы участвуютъ въ работѣ предпринимателя, какъ участвуетъ дружинникъ въ работѣ своего вождя. Безъ вождя нѣтъ дружины. Безъ предпріимчивости нѣтъ предпріятія. А гдѣ нѣтъ промышленныхъ вождей, тамъ необходима замѣна ихъ государствомъ или обществомъ. Отсюда стремленія современныхъ народныхъ массъ къ государственному участію въ промышленности. Это тѣ же поиски хребта, только не за океаномъ, а внутри страны. Злосчастные хребтоискатели при этомъ забываютъ, что въ тѣхъ соціальныхъ организаціяхъ, которые страдаютъ малокровіемъ, обыкновенно плоха и мозговая система, которая питается тою же кровью. Но простительно утопающему надѣяться и на соломинку. Нерѣдко противъ государственнаго предпринимательства возражаютъ, что оно подавляетъ личную предпріимчивость. Возраженіе не совсѣмъ основательное. Личный предприниматель дѣйствуетъ также, а часто и хуже. Онъ давитъ конкуррентовъ и лучшихъ рабочихъ удерживаетъ отъ самостоятельной предпріимчивости хорошей платой. Въ этомъ отношеніи государственная предпріимчивость не лучше, и не хуже частной.

Совершенно тождественно съ этимъ возникаетъ и развитіе концентраціи интеллектуальныхъ капиталовъ. Геній, проявившійся въ лицѣ Гегеля, собралъ громадную міровую аудиторію, появились во всѣхъ странахъ міра ученики, фанатически увѣровавшіе въ идеи своего учителя и разнесшіе его ученіе по всѣмъ уголкамъ образованнаго міра. Всѣ противники должны были замолчать. Такъ естественно образовалась дружина, еще болѣе усилившая вліяніе вождя. Люди, не одаренные творческою силою, съ восхищеніемъ усваивали идеи геніальнаго мыслителя, принимая ихъ на вѣру, вполнѣ подчиняясь его умственной силѣ. Тѣ, у кого были задатки творчества, подчинялись великому авторитету, какъ бы загипнотизированные имъ. Еще болѣе могущественное и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе продолжительное вліяніе на обра-

зованный міръ оказалъ А. Смитъ своей книгой о богатствѣ народовъ.

Казалось, геніальный мыслитель сказалъ послѣднее слово абсолютной истины и не соглашаться съ его ученіемъ значило бороться съ истиной, возставать противъ очевидности. Во всемъ мірѣ, гдѣ только экономическая дѣятельность регулировалась сознаніемъ, принципы А. Смита сдѣлались руководящими, преобразуя финансовыя и экономическія отношенія по его идеямъ. И до сихъ поръ вліяніе его сказывается во всѣхъ странахъ, въ которыхъ только допускается вліяніе мысли людей на ихъ же дѣятельность. Вокругъ учителя также образовалась великая школа, носящая названіе классической политической экономіи. Къ этой школѣ принадлежали такіе выдающіеся мыслители, какъ Мальтусъ, Рикардо, Сэ, Д. С. Милль и т. д. Предъ геніальнымъ творцомъ склонилось торчество другихъ мыслителей. Наконецъ въ новое время таково же было вліяніе Ч. Дарвина, предъ которымъ, можно сказать, преклонялся весь культурный земной міръ. Это уже не Монбланъ и не американскій милліардеръ. Это всемірный властелинъ, подчинившій себѣ все, что только не чуждо мысли, и сознанія. Подобной концентраціи еще не было въ сферѣ динамики матеріальныхъ капиталовъ. Можно сказать, весь культурный міръ поступилъ въ захребетники къ Ч. Дарвину.

Лучшей иллюстраціей системы захребетничества у геніевъ мысли и слова можетъ служить гр. Л. Н. Толстой. Въ сферѣ художественно-этической великій писатель русской земли представляетъ собою явленіе не менѣе грандіозное, чѣмъ Ч. Дарвинъ въ научной сферѣ. Онъ владѣлъ умами и чувствами лучшихъ людей всего міра. Онъ подъ свое знамя покорилъ людей самыхъ противоположныхъ направленій и даже враговъ своихъ собственныхъ идей. Извѣстно всѣмъ, въ какой мѣрѣ онъ негодовалъ противъ насилія, въ какой бы формѣ оно не проявлялось и какія бы цѣли оно не преслѣдовало. А между тѣмъ рьяные сторонники насилія преклонялись предъ его великой художественно-этической силой, провозглашали его своимъ пророкомъ. Такова сила генія, подчиняющая себѣ и враговъ.

И въ этической сферѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова легко наблюдается такая концентрація и такая же перцелляція. Народъ прекрасно выражаетъ этотъ фактъ признаніемъ, что страна держится тремя праведниками, вземлющими на себя грѣхи другихъ. Если бы не было ихъ, то грѣхи массы прекратили бы самое существованіе страны. Такъ погибли Содомъ и Гомора, ибо у нихъ не нашлось ни одного праведника. И въ дѣйствительности видимъ, что великіе представители нравственности до того не обыденны, что массы ихъ канонизируютъ, часто при жизни признаютъ ихъ святыми, сознавая свое моральное ничтожество предъ

ними. Послѣднее несомнѣнно, какъ несомнѣнна и чрезвычайная рѣдкость геніевъ совѣсти. И здѣсь массамъ остается лишь одно моральное захребетничество, обыкновенно выражающееся въ преклоненіи предъ чужою совѣстью за отсутствіемъ собственной. И несомнѣнно горе страны, въ которой нѣтъ такихъ геніевъ совѣсти. Народныя массы здѣсь не имѣютъ точки опоры, лишены моральнаго фундамента, беззащитны предъ собственными звѣрскими или животными инстинктами. Всѣ эпохи народныхъ волненій поэтому такъ звѣрски-жестоки, что массы выступаютъ на свой рискъ и на свой страхъ, т. е. съ парцеллированною и даже аннулированною совѣстью.

Публицисты много говорятъ о матеріальномъ пролетаріатѣ, т. е. объ аннулированіи въ массахъ матеріальныхъ капиталовъ. Но интеллектуальный, въ особенности же моральный пролетаріатъ—нѣчто болѣе ужасное и болѣе опасное съ точки зрѣнія національнаго или государственнаго существованія. Гдѣ массы невѣжественны и лишены совѣсти, тамъ не можетъ быть человѣческаго общежитія. Въ такихъ странахъ государство волей не волей является въ видѣ Левіаѳана Габбеса, поддерживающаго существованіе общимъ гнетомъ и общимъ рабствомъ.

О средствахъ къ болѣе равномѣрному распредѣленію матеріальныхъ капиталовъ также много говорится, но о средствахъ соотвѣтствующаго распредѣленія духовныхъ капиталовъ ничего не говорятъ экономисты, вѣроятно подъ вліяніемъ доктрины, что производителенъ лишь матеріальный трудъ. Быть можетъ именно по этой причинѣ и первый вопросъ такъ мало уясненъ. Въ дѣйствительности отъ распредѣленія духовныхъ капиталовъ въ странѣ, въ особенности совѣсти, зависитъ и матеріальное богатство.

XV. Трудъ.

Изолированнаго человѣка нѣтъ. Даже отшельники уносятъ съ собою въ пустыни цѣлые вѣка жизни и дѣятельности предковъ, понятія, эмоціи, идеи—полученныя въ томъ обществѣ, въ которомъ они родились и воспитывались. А чаще всего самое отшельничество ихъ есть эмоція, полученная ими отъ общества.

Если нѣтъ изолированной личности, то тѣмъ болѣе не можетъ быть и нигдѣ не бываетъ изолированнаго труда. Трудъ можетъ быть только соціализированнымъ. Въ этомъ отношеніи много правды въ сравненіи труда съ капиталомъ, какъ съ искусственной природой, созданной разумомъ.

Трудъ есть особый видъ капитала, какъ фактора производства. Только у первобытныхъ народовъ трудъ не требовалъ *предварительнаго накопленія*, т. е. не былъ овеществленнымъ тру-

домъ прошлаго. Воспитаніе первобытнаго человѣка—звѣря не требовало почти никакихъ затратъ, тѣмъ болѣе, что и потребности были въ зачаточномъ состояніи. Все воспитаніе сводилось къ грубѣйшему кормленію, какъ и теперь дѣлается у животныхъ. Но уже при пастушеской и осѣдлой жизни явилась необходимость въ приготовленіи ребенка къ предстоящей ему работѣ, потребовалось нѣкоторое физическое воспитаніе, такъ какъ нужны были извѣстныя физическія силы къ занятіямъ земледѣліемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появилось и обученіе промыслу. Поэтому уже въ то время рабочій человѣкъ представлялъ собою овеществленный трудъ предшествовавшихъ поколѣній. И чѣмъ далѣе шла культура, тѣмъ все болѣе и болѣе трудъ получалъ характеръ капитала.

А. Герценъ прекрасно опредѣляетъ значеніе историческаго фактора въ трудѣ. „Люди имѣютъ большой шагъ передъ обезьянами; ихъ стремленія не пропадаютъ безслѣдно; они облекаются словомъ, воплощаются въ образъ, остаются въ преданіи и передаются изъ вѣка вѣкъ. Каждый человѣкъ опирается на страшное генеалогическое дерево, котораго корни чуть ли не идутъ до адамова рая; за нами, какъ за прибережной волной, чувствуется напоръ цѣлаго океана—всемірной исторіи; мысль всѣхъ вѣковъ на сію минуту въ нашемъ мозгу и нѣтъ ея „развѣ нея“, а съ нею мы можемъ жить властно“ [1]).

Самъ физическій трудъ, накопляясь въ индивидуумѣ изъ поколѣнія въ поколѣнія, явился громадной эволюціонной силой, преобразившей всю физическую сторону человѣка.

Энгельсъ въ статьѣ „Участіе труда въ очеловѣченіи обезьяны“ говоритъ, что „трудъ самъ создалъ людей изъ какихъ то животныхъ“. Высокое развитіе руки возникло благодаря труду тысячелѣтій. „Рука ни одной обезьяны никогда не приготовила даже самаго грубаго каменнаго ножа“. „Рука не только органъ труда, но продуктъ его. Только благодаря труду, благодаря приспособленію къ все новымъ отправленіямъ, благодаря унаслѣдованію пріобрѣтеннаго такимъ образомъ развитія мускуловъ, связокъ и въ болѣе долгіе промежутки времени костей, а теперь благодаря постоянно возобновляющемуся примѣненію этого унаслѣдованнаго улучшенія къ новымъ, все болѣе сложнымъ отправленіямъ—только благодаря всему этому рука человѣка достигла того совершенства, при наличности котораго она могла созидать картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини“ [2]).

Трудъ каждаго изъ насъ, какъ видимъ, носитъ въ себѣ все прошлое человѣчества. И безъ этого прошлаго, вмѣсто рукъ у насъ были бы ноги. Полагать, что человѣкъ можетъ быть обязанъ своею дѣятельностью самому себѣ, значитъ отрицать очевидное. Вся наша дѣятельность прежде всего есть результатъ жизни и дѣятельность нашихъ предковъ, будучи въ то же время

регуляторомъ судьбы, счастья или злосчастья нашихъ потомковъ. Трудовое различіе между людьми, происходящее чисто эволюціоннымъ путемъ отъ различія историческихъ конъюнкцій, такъ велико, что привело многихъ изслѣдователей даже къ отрицанію единства происхожденія человѣка. Такъ, по мнѣнію Гобина, человѣкъ „адамитъ“ никому не извѣстенъ. Исторія знаетъ лишь расы: бѣлую, желтую и черную. За тѣмъ идутъ разновидности. Смѣшеніе расъ ведетъ къ вырожденію. Если производить сильное смѣшеніе, то появляются смуты, болѣзненная неподвижность и смерть. Бѣлая раса—наиболѣе интеллигентная. Она создана цивилизаціей. Но „славяне, какъ прежде семиты, представляютъ собою стоячее болото, засасывающее и другихъ“ [3]).

Но трудовое различіе существуетъ не только между расами, но и въ предѣлахъ одной и той же расы, и это уже ясно говоритъ о несомнѣнномъ преобладаніи вліяній историческихъ. Прежде всего это видно наприм. изъ цѣнности произведеній труда разныхъ націй.

По вычисленіямъ В. И. Покровскаго [4]) въ 1894 г. пудъ нашего отпускного товара цѣнился въ 69 коп., а привозного въ 1 р. 77 коп. За исключеніемъ хлѣба средняя цѣна пуда вывоза—1 р. 20 к., за исключеніемъ каменнаго угля и кокса пудъ привоза 3 р. 07 коп.

По вычисленіямъ Менделѣева пудъ зернового хлѣба въ Россіи соотвѣтствуетъ одному рабочему дню, средній пудъ отпуска такой же. Цѣнность милліарда дней въ нашемъ вывозѣ обмѣнивается на цѣнность полумилліарда заграничнаго труда, т. е. день русскаго труда равняется полдню иностраннаго.

Сравнивая трудъ Американца съ Нѣмцемъ и Французомъ г. Орбинскій говоритъ: „Какъ рабочая сила Американцы по крайней мѣрѣ вдвое выше нѣмцевъ. Физически, т. е. мышечною работою они, если не сильнѣе, то покрайней мѣрѣ равны имъ; но по энергіи, по напряженности труда своего, они оставляютъ ихъ на неизмѣримомъ разстояніи за собою. Пока нѣмецъ еще думаетъ, Американецъ давно рѣшился и сдѣлалъ половину дѣла. Трудолюбивъ нѣмецъ безъ сомнѣнія, но изъ той неутомимости, того упорства, которыя не позволяютъ отстать отъ начатаго дѣла, пока оно не кончено, у него нѣтъ и половины. Вотъ это то упорство, отличающее все англосаксонское племя и придающее ему что-то изъ натуры бульдога, внушаетъ невольное благоговѣніе предъ американцемъ, не смотря на множество крайне несимпатичныхъ чертъ, въ его характерѣ [5]).

Зависимость трудовой производительности отъ соціальныхъ условій проявляется даже въ формахъ труда. Такъ, по замѣчаніи А. Н. Егунова „бытовыя условія не надѣлили русскаго человѣка энергіей, выдержкой и дисциплиной, не одарили его умѣнь-

емъ сплотиться и дѣйствовать сообща, не нарушая чужихъ правъ; поэтому нигдѣ въ средѣ нашихъ кустарей кустарныя артели не возникали самостоятельно, а гдѣ вызывались къ жизни искусственно, тамъ влачатъ жалкое существованіе и не могутъ выбиться изъ долговъ, или подъ гнетомъ внутреннихъ раздоровъ очень скоро разлагаются“ [6]).

По поводу трудности образованія артелей сама артельщина говоритъ: „Переворуемъ другъ у друга“ [7]).

Поэтому пр. Исаевъ и утверждаетъ, что „условія для примѣненія артельнаго труда въ сколько нибудь сложныхъ предпріятіяхъ далеко не благопріятны“.

Отсутствіе нравственнаго элемента въ народномъ быту было у насъ причиной упраздненія кустаря и замѣны его сперва свѣтелкой, а потомъ мануфактурной и фабрикой.

Ткачи работали на домахъ надъ матеріаломъ доставляемымъ купцами. Они, какъ оказалось, продавали на сторону часть полученной ткани, а что бы восполнить недостающій вѣсъ ткани прибавляли муки, мѣла и т. п. „Нерѣдко они получаютъ пряжу и задатокъ подъ вымышленной фамиліей и мѣстомъ жительства. Подобное положеніе дѣлъ было тѣмъ болѣе невыносимо, что помѣщики открыто потворствовали обманамъ своихъ крѣпостныхъ. Болѣе ловкіе обманщики заручались самой лучшей рекомендаціей отъ помѣщика, что бы получить заказъ на работу у хозяина предпринимателя; помѣщики довольно часто получали свой оброкъ изъ подобныхъ негласныхъ источниковъ. Слѣдствіемъ такого положенія вещей былъ переходъ къ мануфактурѣ. Уже въ началѣ 60-хъ годовъ около 5% всѣхъ ивановскихъ ткачей работали въ свѣтелкахъ. При выходѣ изъ мастерскихъ рабочихъ обыскивали, и благодаря этому обманы по большей части прекратились“ [8]).

Это несомнѣнно характерное явленіе. Кустарное производство, единственно соотвѣтствующее стихійнымъ особенностямъ занимаемой нами территоріи, должно было *естественно* почти изсчезнуть и уступить мѣсто фабрикѣ и заводу. Не протекціонизмъ, не крутыя мѣры Петра I и его преемниковъ создали нашу фабрично-заводскую промышленность, а темныя бытовыя условія жизни русскаго народа.

Нѣкоторые изъ иностранныхъ наблюдателей, говоря о тяжелыхъ бытовыхъ условіяхъ русскаго труда, склонны даже преувеличить безотрадность нашего экономическаго положенія. Таковъ наприм. *Викторъ Генъ* написавшій книгу „De moribus Ruthenorum“. Zur characteristik der russischen Volksseele. Онъ пишетъ, что Россію можно безъ малѣйшаго ущерба для цивилизаціи вычеркнуть изъ списка народовъ. Со времени Петра В. въ Россіи каждый талантъ встрѣчается массой университетовъ, ака-

демій и т. д.—но ни одного генія не оказывается. Масса академій художествъ, а ни одного художника. „Отмѣна тѣлеснаго наказанія есть худшая изъ реформъ послѣдняго времени. Кромѣ тѣлеснаго наказанія, на русскихъ ничто, рѣшительно ничто (nichts, gar nichts) не дѣйствуетъ. Примѣняютъ нравственныя и полу-нравственныя мѣры—лѣность, ложь, пьянство, воровство продолжаются. За то розги преобразуютъ русскаго человѣка. Въ городахъ ремесла находятся въ полномъ разложеніи, благодаря строгому запрещенію мастерамъ бить учениковъ“ [9]).

О русскомъ юношествѣ этотъ нѣмецъ, пишетъ: „Ни у одного (bei keinem) изъ юношей нѣтъ мечтаній, надеждъ, ожиданій отъ жизни, идеаловъ, хотя бы и не зрѣлыхъ. Они отъ всего отошли, все испробовали, во всемъ сомнѣваются, вездѣ видятъ оборотную сторону.—Любовь, великая волшебница молодости и вѣнецъ жизни, имъ не извѣстна. За то имъ извѣстны сифилисъ и кое-что другое, чего я не рѣшаюсь написать. При томъ они грязны, съ поверхностнымъ взглядомъ и пошлыми, невыразительными чертами лица.—Строгость, произволъ и ударъ (Strenge, Wilkür, auch Hiбe) здѣсь вполнѣ умѣстны.

Съ часто дьявольскою злобою нѣмецъ заключаетъ: Русскіе гибнутъ отъ водки, которая т. обр. окажется благодѣтельницей человѣчества. Стыдъ и честь въ Россіи неизвѣстны, благодарность—тоже, любовь къ родинѣ—тоже [10]).

При оцѣнкѣ такого рода отзывовъ необходимо не забывать одного: ученые экономисты, начиная съ А. Смита, твердили и твердятъ, что эгоизмъ во всѣхъ его видахъ есть единственное творческое начало. Зачѣмъ же они приходятъ въ ужасъ, видя осуществленіе ихъ теорій? Конечно, на дѣлѣ эгоизмъ является принципомъ дезорганизаціи, но и это не открываетъ глазъ сторонникамъ научнаго озвѣренія. Если бы дѣйствительно русская жизнь представляла такое озвѣреніе, то это было бы лучшимъ опроверженіемъ ихъ же теорій созиданія общественнаго благосостоянія на своекорыстіи.

Къ счастью, дѣйствительность не оправдываетъ нѣмецкаго пессимизма.

У насъ бытовыя условія болѣе тяжелы, чѣмъ въ другихъ странахъ, но не нужно забывать и тѣхъ мѣръ, при помощи которыхъ усмирена была звѣрская природа въ человѣкѣ и которыми она усмиряется въ настоящее время. Въ видѣ примѣра укажемъ на такъ называемый законъ прерій въ Америкѣ.

Л. Сулержицкій въ книгѣ „Въ Америку съ духоборами“ пишетъ: „Въ преріи принято за правило, никогда не поднимать на дорогѣ найденной вещи, если навѣрное не знаешь ея хозяина. Так. обр. *находокъ здѣсь не бываетъ*. Правило это—такъ наз. законъ преріи—выработалось здѣсь давно, съ тѣхъ поръ, какъ

стали селиться бѣлые люди. Поддерживалось оно очень суровыми способами: всякаго нарушителя его, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, вѣшали на первомъ деревѣ. Но такъ какъ въ преріи часто бывало трудно найти дерево, то въ такихъ случаяхъ эта операція правосудія производилась такъ: изъ двухколесной арбы, на которой раньше тутъ ѣздили, выпрягали лошадей, къ концу оглобли привязывали за шею преступника, а затѣмъ путешественники влѣзали въ арбу, которая подъ ихъ тяжестью опускалась, а преступникъ подымался вмѣстѣ съ ней на воздухъ, гдѣ ему предоставлялось висѣть до тѣхъ поръ, пока, по мнѣнію пассажировъ арбы, попранное правосудіе не было удовлетворено. Тогда пассажиры вылазили изъ тѣлежки, запрягали лошадей и мирно продолжали свой путь“ [11]).

Въ рузультатѣ устрашенія и получилось то, что „находки“ исчезли.

Такъ въ Канадѣ, во время проѣзда автора съ духоборами въ Коуэнъ, „на протяженіи всей дороги валялись сброшенныя съ подводъ вещи. Чего только тутъ не было! Мѣстами возвышались цѣлыя горы, сложенныя изъ мѣшковъ съ мукой, крупой и др. провіантомъ. Они были тщательно покрыты огромными брезентами для защиты отъ дождя. Неподалеку переѣзжающій фермеръ бросилъ все свое имущество, кое какъ защитивъ его старой, ободранной палаткой. Дальше стоитъ прислоненный къ исполинскому стволу комодъ, изъ нижняго ящика котораго выглядываетъ какая то тряпка; вѣтеръ ее треплетъ и рветъ во всѣ стороны. Тутъ же мокнетъ подъ косыми струями дождя брошенный столъ, а подъ нимъ укрылась дѣтская колыбель. Все это брошено въ твердой увѣренности, что ни одна изъ вещей не пропадетъ, хозяинъ найдетъ все въ цѣлости. При видѣ этой картины, лучше всего иллюстрирующей нравы страны, невольно вспоминалась далекая родина, и думалось: много ли уцѣлѣло бы изъ этого добра, если бы оно такъ „плохо лежало“ у насъ“ [12]).

И въ Западной Европѣ не легко измѣнялись бытовыя условія труда, но тамъ въ меньшей мѣрѣ практиковались самимъ населеніемъ подобныя суровыя мѣры.

Безусловно правъ Н. Чернышевскій, рѣшительно отрицающій источникъ горя-злосчастья въ какихъ темныхъ особенностяхъ русскаго или вообще славянскаго племени. Вполнѣ вѣрно, что и З. Европа была бы мало культурна до сихъ поръ, если бы она въ X в. подверглась тому же, что было съ нами въ V в. и въ XV ст. повторилась бы такая же гибель.

„Особенности туземной расы ничего не значатъ, какъ ничего не значатъ особенности почвы, слишкомъ близко лежащей къ подножію Везувія: она со всѣми своими геологическими свойствами постоянно заливается массою совершенно грубою, истребля-

ющею всякую растительность; проходятъ вѣка, лава начинаетъ вывѣтриваться, живая сила природы начинаетъ покрывать ее слоемъ, удобнымъ для человѣческой жизни, но уже стремится новый потокъ прежней огненной лавы, сожигающій все, успѣвшее вырости, одѣвающій все каменнымъ саваномъ“ [13]).

Внѣшній Везувій соединился съ внутреннимъ и получилось для русскаго труда слишкомъ уже много Везувія. При оцѣнкѣ нашей трудовой энергіи не слѣдуетъ забывать этихъ Везувіевъ.

Горе не только въ дѣйствіяхъ Везувія, но не меньше зла въ томъ духѣ, который создается имъ. По выраженію Тарда „общество—это подражаніе, а подражаніе родъ гипнотизма“ [14]). Гипнозъ же есть страшная сила, аннулирующая душу. Достаточно сказать, что даже община вредна въ соціально-психическомъ отношеніи. Она давитъ индивидуальность, заграждая просторъ личной энергіи, указывая на безпрерывное попечительство, сопровождающее личность отъ рожденія до могилы. Спасая отъ волковъ, она сама становится звѣремъ, оставляющимъ тѣло, но заѣдающимъ душу. Изъ всѣхъ звѣрей врядъ ли это не самый опасный звѣрь. Вотъ почему уже въ стадѣ есть лишь экземпляры породы, но нѣтъ индивидуумовъ. Индивидуальное изглажено и уничтожено стадностью. Вотъ почему и община превращаетъ людей въ стадо, требующее для себя пастуха. Въ своемъ естественномъ ростѣ община не только враждебна индивидуальности, но враждебна и человѣчности, ибо внѣ индивидуальности нѣтъ человѣка. И въ общинѣ, какъ и въ феодализмѣ, матеріальное спасеніе получено на счетъ человѣческой души. Спасая тѣло, человѣкъ достигаетъ этого цѣной своего человѣческаго достоинства. Какъ феодализмъ, такъ и община—эволюціонные пути, но не пути прогресса и разума. Это пути слѣпой и неразумной природы, но не дары св. Духа.

Но дѣйствіе общества, націи, всей суммы бытовыхъ условій аналогично съ этимъ непосредственнымъ вліяніемъ общины. Личный трудъ вполнѣ обусловливается соціальными условіями.

II.

Наиболѣе изучена экономистами трудовая соціальность, извѣстная подъ названіемъ простого и сложнаго сотрудничества, т. е. соединенія и раздѣленія труда. На этихъ двухъ принципахъ устрояется и жизнь многихъ животныхъ. Такъ, цивилизація муравьевъ основана вполнѣ на принципѣ раздѣленія труда. Между муравьями есть воины, съ громадными челюстями, есть рабочіе, есть рабы, есть господа, есть прирученные домашніе животные. По словамъ Леббока, „англійскіе муравьи обладаютъ большимъ разнообразіемъ домашнихъ животныхъ, чѣмъ мы сами“ [15]).

Находятъ большое разнообразіе между прирученными жи-

вотными: одни имѣютъ значеніе коровъ, другіе употребляются для общественныхъ работъ, служатъ, наприм. мусорщиками, нѣкоторыхъ держатъ для забавъ.

Понятно, что у человѣка эта общественность въ трудѣ должна была возникнуть весьма рано. И дѣйствительно, какъ соединеніе, такъ и раздѣленіе труда встрѣчаемъ на первыхъ же ступеняхъ человѣческой жизни. Это самые первобытные и въ то же время самые постоянные спутники человѣка. Какъ нѣтъ предмета безъ тѣни, такъ не мыслимъ человѣкъ внѣ соединенія и раздѣленія труда.

Простымъ сотрудничествомъ называется общая работа нѣсколькихъ людей, производимая по одному общему плану. Здѣсь люди стремятся къ достиженію опредѣленной цѣли сообща, непосредственно соединяя свои силы. Такое соединеніе силъ имѣетъ громадное значеніе въ общежитіи.

1) При простомъ сотрудничествѣ происходитъ прежде всего такое сложеніе силъ, безъ котораго многія работы были бы положительно не мыслимы. Десять человѣкъ, работающихъ сообща, могутъ поднять извѣстную тяжесть, между тѣмъ какъ одинъ человѣкъ, работающій десять дней, или десять человѣкъ, работающихъ отдѣльно, не въ состояніи ея сдвинуть съ мѣста. Эта особенность простаго сотрудничества имѣла громадное значеніе на низшихъ ступеняхъ развитія, когда въ борьбѣ съ силами природы человѣкъ не былъ еще вооруженъ могущественной силой, состоящей въ знаніи и его техническихъ примѣненіяхъ. Въ сѣверной Россіи издавна велось лядинное хозяйство, состоящее въ выжигѣ лѣса, причемъ по охладившейся гари производится посѣвъ. Для этого обыкновенно весной рубятъ сначала крупный лѣсъ, потомъ и молоднякъ, и оставляютъ срубленное на мѣстѣ до осени. Осенью отрубаютъ сучья и вѣтви, выбираютъ изъ нихъ все лучшее, нужное въ хозяйствѣ, а слѣдующей весной лѣсъ поджигаютъ. Эти работы и теперь требуютъ большихъ силъ, не доступныхъ отдѣльнымъ лицамъ, а въ прежнее время отдѣльному хозяину нечего было и думать бороться съ могучею, еще не тронутою человѣкомъ растительностью. Необходимо было работать сообща, цѣлыми товариществами, общинами, родами. Слѣды этой общей работы остались въ общинномъ землевладѣніи. Такая же необходимость заставляетъ людей непосредственно соединять свой трудъ и на высшихъ ступеняхъ развитія для поднятія тяжестей, для расчистки лѣсовъ, для передвиганія оснастки на кораблѣ, для установки лѣсовъ при постройкѣ зданій, для передвиженія большихъ лодокъ веслами и т. п. Безъ соединенія труда подобныя работы невозможны и такимъ образомъ простое сотрудничество возникаетъ въ силу физической невозможности обойтись безъ него. Чѣмъ больше препятствій представляетъ природа человѣку, тѣмъ больше въ населеніи потребность въ простомъ сотрудничествѣ и тѣмъ сильнѣе должна быть наклонность народа къ этой формѣ труда. Это и послужило одною изъ важнѣйшихъ причинъ развитія въ Россіи наклонности къ артельному труду.

„Вліянія природы производятъ въ жизни людей иногда такія явленія, которыя не появились бы въ дѣйствительности ни по чьему приказу. Суровый нашъ климатъ, огромнѣйшія степи,

лѣса, болота, тундры, дѣйствуя на сравнительно малочисленное населеніе наше, сильно даютъ знать себя не только во время трескучихъ зимнихъ морозовъ и вьюгъ, но и среди весны и лѣта. Борьба съ этими суровыми условіями природы не подъ силу одному человѣку и люди стараются *кучиться*. И кучатся они не только при занятіяхъ земледѣліемъ, но и при занятіи какимъ бы то ни было дѣломъ. Очень мало у насъ такихъ ремесленныхъ и промышленныхъ производствъ, гдѣ большинство ремесленниковъ и промышленниковъ не были бы соединены въ артели. Они и на промыслъ идутъ обществомъ, работаютъ обществомъ, возвращаются домой тоже всѣ вмѣстѣ. Кто былъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи, въ Сибирскихъ тайгахъ, тотъ очень хорошо знаетъ, что въ этихъ мѣстностяхъ почти невозможно одолѣть однихъ трудностей путей сообщенія одному человѣку“ [16]).

2) При сотрудничествѣ происходитъ не простое сложеніе, но въ большинствѣ случаевъ такое увеличеніе силъ, которое превосходитъ сумму силъ отдѣльныхъ лицъ, работающихъ врозь. Десять человѣкъ, работающихъ сообща, въ теченіи дня произведутъ больше, чѣмъ десять человѣкъ, работающихъ отдѣльно, или чѣмъ одинъ человѣкъ, работающій десять дней. Соединеніе людей въ большинствѣ случаевъ не слагаетъ, но умножаетъ ихъ силы. Это прежде всего объясняется оживленіемъ, естественно возникающимъ при общей работѣ, которое возбуждаетъ напряженіе труда и увеличиваетъ результаты его. Также естественно возникаетъ при общей работѣ соревнованіе; отдѣльный рабочій не желаетъ отстать отъ другихъ и производительность каждаго поднимается до уровня производительности лучшаго изъ нихъ. Уравненіе труда различныхъ рабочихъ здѣсь неизбѣжно и оно получается путемъ взаимнаго соревнованія. На міру и смерть красна, говоритъ народъ, высказывая этимъ оживляющее и возбуждающее значеніе артельной работы. Во многихъ производствахъ увеличеніе производительности зависитъ отъ значительной экономіи въ количествѣ рабочаго времени, затрачиваемомъ въ каждый отдѣльный предметъ работы. Элементарнымъ примѣромъ этого можетъ служить переноска кирпичей рабочими въ верхніе этажи строющихся кирпичныхъ домовъ. Вмѣсто того, чтобы носить кирпичи отдѣльно, рабочіе передаютъ ихъ другъ другу въ руки, каждый разъ подбрасывая кирпичъ выше стоящему рабочему. Здѣсь происходитъ съ одной стороны сбереженіе времени на томъ, что рабочій, отнесшій кирпичъ на верхъ, не спускается внизъ за новымъ кирпичемъ; затѣмъ рабочій, поднимая кирпичъ на небольшую высоту, менѣе утомляется, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда ему приходится носить тяжесть на верхъ самому, благодаря чему въ данное время онъ въ первомъ случаѣ сдѣлаетъ больше, чѣмъ во второмъ. Если въ теченіи рабочаго дня отдѣльный рабочій можетъ поднять на опредѣленную высоту не болѣе 2 т. кирпичей, то 5 рабочихъ, работающихъ вмѣстѣ, поднимутъ не 10 т., а 20 т. кирпичей, т. е. каждый поднимаетъ вдвое болѣе, благодаря исключительно особому сочетанію труда. При многихъ случаяхъ простаго сотрудничества, говоритъ Уэкфильдъ, двое людей, работая вмѣстѣ, сдѣлаютъ больше четырехъ людей или четырежды четырехъ людей, работающихъ каждый особо отъ другихъ. Здѣсь, очевидно, проявляетъ свое дѣйствіе особая производительная сила, непосредственно заключающаяся въ сочетаніи труда. По справедливому

замѣчанію Уэкфильда, „въ безчисленномъ множествѣ занятій продуктъ труда до извѣстной степени пропорціоналенъ размѣру взаимнаго пособія между рабочими“ [17]).

3) Простое сотрудничество даетъ возможность производить извѣстныя работы въ болѣе короткое время, что имѣетъ особенно важное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ вліяніемъ климатическихъ или экономическихъ условій періодъ для производства ихъ кратокъ. Таковы наприм. работы сельскихъ хозяевъ въ страдную пору, когда необходимо воспользоваться краткимъ временемъ для окончанія полевыхъ работъ. Въ это время для сельскихъ хозяевъ необходима помощь сосѣдей, чтобы, пользуясь хорошей погодой, сжать разомъ хлѣбъ, скосить траву, убрать скошенное сѣно и т. п. У насъ такое соединеніе хозяевъ для общей работы носитъ названіе *помочи* и *толоки*. Соединеніе это у насъ больше распространено, чѣмъ въ средѣ западно-европейскихъ сельскихъ хозяевъ потому, что и періодъ для полевыхъ работъ у насъ несравненно короче. Въ простомъ сотрудничествѣ наши сельскіе хозяева находятъ силу для нейтрализаціи неблагопріятныхъ климатическихъ условій, предоставляющихъ нашему сельскому хозяину меньше рабочаго времени для полученія продукта. „Короткое наше лѣто и значительныя по пространству сравнительно съ государствами западной Европы земли и малое, тоже сравнительно, количество народонаселенія часто производятъ у насъ потребность торопиться уборкой хлѣбовъ и травъ и сдѣлать въ одинъ день то, что при другихъ условіяхъ климата и населенности могло быть сдѣлано въ болѣе продолжительное время. Часто бываетъ такъ: на однихъ участкахъ даннаго селенія хлѣбъ вызрѣетъ совершенно, на другихъ же время зрѣлости еще не наступило. Причиной этому низменное или болѣе высокое положеніе участковъ, болѣе ранній или болѣе поздній посѣвъ и т. п. Промедлить владѣльцамъ первыхъ участковъ жатвою, значитъ дать колосьямъ осыпаться и вотъ каждый изъ нихъ созываетъ помочь, въ которой охотно принимаютъ участіе всѣ остальные владѣльцы участковъ, разсчитывающіе въ свое время тоже воспользоваться помочью“ [18]).

4) Распространеніе простого сотрудничества даетъ возможность производить сбереженія. По этому поводу еще I. Златоустъ въ одной изъ своихъ проповѣдей говоритъ слѣдующее: „Представимъ себѣ семейство, въ которомъ десять человѣкъ: дѣти, мужъ и жена. Не очевидно ли, что при общей жизни въ одномъ домѣ издержки будутъ меньше, нежели когда бы члены семьи жили врозь: такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ для десятерыхъ понадобилось бы десять домовъ, десять слугъ и такъ далѣе всѣхъ полезныхъ вещей. Раздѣльность всегда уменьшаетъ средства, а согласіе и соединеніе напротивъ умножаетъ ихъ“ [19]). Когда нѣсколько производителей соединяются вмѣстѣ для общей работы, тогда опредѣленный результатъ достигается съ меньшими затратами, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда каждый изъ нихъ работаетъ отдѣльно. Для обработки опредѣленнаго участка земли можетъ быть недостаточно пары лошадей, между тѣмъ какъ содержать четверку убыточно, такъ какъ часть времени остается праздною. Вмѣсто того, чтобы каждому содержать четыре лошади, хозяева держатъ по двѣ и въ рабочую пору обрабатываютъ землю сообща. Это сбереженіе особенно полезно тогда, когда про-

изводители недостаточно владѣютъ средствами. Во многихъ мѣстностяхъ наши крестьяне не въ состояніи обрабатывать полей своими единичными средствами, тѣмъ болѣе, что не могутъ содержать въ теченіи зимы всего того количества скота, какое необходимо для того, чтобы въ теченіи короткаго лѣта не нуждаться въ рабочей силѣ скота. Въ такихъ случаяхъ „нѣсколько домохозяевъ спрягаются вмѣстѣ и затѣмъ пашутъ то у одного, то у другого въ извѣстной очереди“ [20]).

Особенно важное значеніе имѣетъ эта сторона простого сотрудничества въ духовной дѣятельности. Учебныя заведенія имѣютъ въ своемъ основаніи этотъ законъ сбереженія затратъ. Если бы каждый ученикъ захотѣлъ отдѣльно пользоваться услугами учителей, то общее распространеніе образованія было бы положительно не мыслимо. Оно было бы доступно лишь самымъ богатымъ, между тѣмъ какъ въ школѣ оно доступно всѣмъ.

5) Многія изъ предпріятій по своему существу требуютъ одновременной работы многихъ людей на разныхъ пунктахъ. Такъ наприм. для поддержанія въ постоянной исправности дороги необходимо, чтобы поправка пути производилась одновременно разными рабочими въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ. Въ большинствѣ случаевъ такое сотрудничество различныхъ людей вызывается общественнымъ интересомъ, почему и прямо предписывается закономъ. Таковы наприм. предписанія относительно истребленія всѣми смежными владѣльцами садовъ гусенницы въ опредѣленный срокъ;—работы предписываемыя уставами относительно пользованія водою въ цѣляхъ орошенія;—работы относительно предупрежденія опасностей отъ разливовъ рѣкъ;—работы для исправнаго содержанія на всемъ пространствѣ желѣзно-дорожнаго пути и т. п. Чѣмъ выше экономическая культура даннаго народа, тѣмъ сложнѣе экономическія отношенія между людьми и тѣмъ больше усиливается необходимость въ регулированіи такого сотрудничества, такъ какъ отъ этого зависитъ согласованіе между собою частныхъ интересовъ и удовлетвореніе общественнаго интереса. Во многихъ случаяхъ предпріятія такого простого сотрудничества, въ виду ихъ общественнаго значенія, берутся непосредственно въ руки государства. Таковы наприм. почты.

Одно и то же время, гов. Сеніоръ, необходимо какъ для доставленія письма изъ Фальмута въ Нью-Іоркъ, такъ и для доставленія десяти тысячъ писемъ. Если бы каждый негоціантъ самъ долженъ былъ развозить письма, посылаемыя имъ корреспондентамъ, то ему пришлось бы всю жизнь употребить только на одни путешествія съ одного конца свѣта на другой и все таки онъ не въ состояніи былъ бы передать столько писемъ, сколько почта передаетъ ихъ иногда въ одну ночь. Трудъ очень небольшого числа лицъ, назначенныхъ исключительно для пріема и развозки писемъ, производитъ такіе результаты, какихъ не въ состояніи былъ бы достигнуть трудъ всѣхъ обитателей Европы, если бы каждый изъ нихъ дѣйствовалъ отдѣльно [21]).

6) При раздробленіи земель дробность участковъ можетъ дойти до того, что обработка самостоятельная каждаго участка становится не возможною или соединяется съ громадной потерей времени и земли. Земли много теряется на межи, въ особенности при общинномъ землевладѣніи. „Чтобы по возмож-

ности уравнять отдѣльныхъ домохозяевъ, гов. Васильчиковъ, поля дѣлятся на очень мелкія полосы, между которыми остается борозда, на которой почти вовсе нѣтъ хлѣба. Такимъ образомъ чѣмъ мельче единица дѣленія, тѣмъ большее пространство занимаютъ эти борозды. Можно сказать, что отъ всей площади пахатной земли пропадаетъ подъ бороздами отъ 15 до 20%. Если бы крестьяне обрабатывали землю сообща, то они не имѣли бы этой потери, ихъ урожай увеличился бы на 15% при той же затратѣ труда“ [22]).

Не меньшія потери могутъ происходить и во времени, затрачиваемомъ на обработку мелкихъ полосъ. Если полоса въ 100 саж. длины и 4 саж. ширины, то считая 12 бороздъ на сажень, получаемъ 48 оборотовъ плугомъ или сохою. Если то же пространство въ квадратѣ въ 20 саж., то 240 оборотовъ и считая на каждый поворотъ сохи по одной минутѣ, будетъ затрачено лишнихъ 192 м. или 3 ч. 12 м. на вспашку $^1/_6$ дес. Если фигура неправильная, съ острыми углами, съ извилистой кривой межой, то потеря еще болѣе значительна. Въ этихъ случаяхъ мелкимъ землевладѣльцамъ выгодно соединяться для общей обработки. Г. Потанинъ по этому поводу приводитъ слѣдующій фактъ изъ Никольскаго уѣзда: „Съ умноженіемъ населенія и вмѣстѣ съ идущимъ съ нимъ рука объ руку истощеніемъ нѣкоторыхъ полей, является необходимымъ съуживать полосы, разсортировывать землю. Когда наконецъ дѣло доходитъ до того, что полосы становятся чрезвычайно узки, ($2^1/_2$ шага), то хозяева, получающіе надѣлъ всего на одну душу, соединяются съ какимъ либо сосѣдомъ, получаютъ надѣлъ вмѣстѣ и обрабатываютъ его сообща“ [23]). Къ этому же способу общей работы прибѣгаютъ наши крестьяне общинники при косьбѣ. „Подлежащіе раздѣлу сѣнокосные участки, по раздѣлѣ ихъ между группами лицъ, принадлежащихъ къ обществу; выкашиваются слѣдующимъ порядкомъ: лица, принадлежащіе къ извѣстной группѣ, придя на свою дѣлянку, мечутъ жребій для размѣщенія себя въ извѣстномъ порядкѣ, затѣмъ каждый отмѣриваетъ для себя полосу шириною въ косовище; выкосивъ отмѣренное, переходитъ дальше. Продолжая такимъ образомъ дѣлить и выкашивать приходятъ наконецъ къ тому, что косовище не укладывается больше вдоль дѣлянки нужное число разъ; тогда мѣряютъ косовищемъ поперегъ дѣлянки; если и тутъ образуется остатокъ, который нельзя уже болѣе дѣлить, его выкашиваютъ сообща и раздѣляютъ уже скошенное на немъ сѣно. Нѣкоторыя селенія уже перешли и вообще къ общему сѣнокошенію и дѣленію копенъ.

Наконецъ въ 7) простое сотрудничество оказываетъ громадное вліяніе на развитіе всего общества соединеніемъ для общей работы въ цѣляхъ благосостоянія нѣсколькихъ поколѣній. „Результаты труда различныхъ поколѣній и различныхъ мѣстностей интегрируются въ одно цѣлое—экономическую силу и богатство народовъ, силою солидарности интересовъ, сплачивающихся все болѣе въ одно стройное, связное цѣлое, до того связное, что во многихъ отношеніяхъ представляетъ сходство съ отдѣльными живыми организмами“ [24]). Наиболѣе рельефнымъ выраженіемъ этой работы служитъ семья. Дѣти пользуются источниками благосостоянія, приготовленнаго ихъ родителями, и въ свою очередь работаютъ для будущихъ поколѣній. Какъ

замѣтилъ Кове, семья соединяетъ настоящее съ будущимъ и представляетъ собою нѣкоторымъ образомъ общественную вѣчность (la perpètuitè sociale).

Простое сотрудничество можетъ быть добровольнымъ, обязательнымъ и служебнымъ.

Добровольнымъ сотрудничествомъ называется вполнѣ свободное соединеніе людей для общей работы. Въ этой своей формѣ простое сотрудничество обыкновенно называется у насъ артелью, помочами, толокой и т. п. Обязательнымъ называется сотрудничество, предписываемое самимъ закономъ, какова наприм. работа владѣльцевъ береговъ рѣки по устройству дамбъ и плотинъ. Наконецъ служебнымъ называется то сотрудничество, которое устанавливается по добровольному соглашенію отдѣльныхъ лицъ съ учрежденіями, частными компаніями и пр. посредствомъ поступленія на службу, срочнаго найма и т. п. Различіе между этими тремя категоріями простого сотрудничества важно въ практическомъ отношеніи. Обязательное или принудительное сотрудничество должно имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда предоставленіе труда частной иниціативѣ можетъ сопровождаться положительнымъ вредомъ для другихъ или для цѣлаго общества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что предоставленіе полной свободы частнымъ прибережнымъ владѣльцамъ предпринимать или не препринимать мѣръ противъ наводненій можетъ сопровождаться большимъ вредомъ даже для тѣхъ владѣльцевъ, которые на своемъ берегу устраиваютъ необходимыя плотины. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что садовладѣлецъ, не очищающій своего сада отъ вредныхъ насѣкомыхъ, причиняетъ вредъ всѣмъ другимъ садовладѣльцамъ, такъ какъ весь трудъ ихъ оказывается безполезнымъ, если одинъ изъ смежныхъ владѣльцевъ не очищаетъ своего сада. Въ такихъ случаяхъ и должно имѣть мѣсто предписываемое самимъ закомъ простое сотрудничество. Въ тѣхъ случаяхъ, когда организаціи предпріятій на принципѣ простого сотрудничества требуютъ интересы страны, ея благо или польза, принудительное сотрудничество имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда иначе благо страны не можетъ быть осуществляемо. Такова натуральная обязанность каждаго гражданина служить въ войскѣ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ интересы цѣлаго примиряются съ интересами частными посредствомъ организаціи дѣла въ формѣ служебнаго сотрудничества. Наконецъ въ сферѣ исключительно частныхъ интересовъ можетъ имѣть мѣсто лишь простое свободное сотрудничество.

Вмѣстѣ съ простымъ сотрудничествомъ весьма рано возникло и сложное въ видѣ раздѣленія труда. Оно существовало уже у дикарей: мужчины занимаются охотой, женщины же лазятъ на деревья за плодами, собираютъ ягоды, или, въ поискахъ [25]) за корнями, разрываютъ землю заостренными кусками дерева Отсюда же возникло земледѣліе. Оно могло сперва быть въ формѣ огородной, о чемъ свидѣтельствуетъ уже то, что до сихъ поръ огородъ обрабатывается преимущественно женщинами и дѣтьми.

Способности людей разнообразны и не равны подобно тому, какъ разнообразны и не равны ихъ духовныя и матеріальныя потребности. Также разнообразны и силы природы. Нѣтъ въ мірѣ

такой страны, которая вмѣщала бы въ себѣ всѣ необходимыя условія производства. Однѣ страны и даже однѣ мѣстности одной и той же страны изобилуютъ извѣстными условіями производства, между тѣмъ какъ въ другихъ эти условія отсутствуютъ. Наконецъ, то же необходимо сказать и относительно капитала; силы его разнообразны въ разныхъ странахъ и въ разныхъ частяхъ одной и той же страны. Это разнообразіе потребностей человѣка и производительныхъ силъ представляетъ собою основную причину разнообразія производительной дѣятельности по содержанію ея. Люди группируютъ свои занятія по извѣстнымъ условіямъ производства; однѣ группы занимаются одними промыслами, другія—другими; каждая изъ нихъ старается заниматься именно тѣмъ, къ производству чего находитъ наиболѣе пригодныхъ условій. Такъ возникло раздѣленіе занятій или промысловъ. Производительная дѣятельность человѣка въ этомъ отношеніи можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе отдѣлы: а) отдѣлъ добывающей промышленноети, состоящей въ добываніи продуктовъ, произведенныхъ главнымъ образомъ силами природы; сюда относятся наприм. охота, рыболовство, такъ называемые горные промыслы; б) сельское хозяйство, имѣющее своей задачей производство сырыхъ продуктовъ и первоначальную переработку ихъ; в) отдѣлъ обрабатывающей промышленности, состоящей въ дальнѣйшей обработкѣ продуктовъ, какъ создаваемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и получаемыхъ въ добывающихъ отрасляхъ промышленности; г) отдѣлъ торговой промышленности, имѣющей своимъ предметомъ посредничество между производителями и потребителями; д) отдѣлъ перевозочной промышленности, имѣющій своей задачей перемѣщеніе лицъ и вещей изъ однихъ мѣстъ въ другія и е) отдѣлъ такъ называемыхъ свободныхъ профессій (professions libérales), сюда относится трудъ ученыхъ, художниковъ, артистовъ и т. п. Эти общіе отдѣлы, на которые дѣлится народный трудъ, какъ видимъ, въ свою очередь раздѣляются на отдѣльные виды, изъ коихъ каждый становится предметомъ занятій особыхъ группъ людей. Благодаря этому раздѣленію, въ настоящее время самая простая вещь, употребляемая каждымъ изъ насъ, прежде чѣмъ достигнетъ своего назначенія, должна проходить массу самыхъ разнообразныхъ производствъ. Для той одежды, которую носитъ простой поденщикъ, необходимо, чтобы одни производители занимались разведеніемъ овецъ, другіе мытьемъ шерсти, третьи пряденьемъ, четвертые тканьемъ, нѣкоторые крашеніемъ сукна, шитьемъ его и т. д. На приготовленіе этой же одежды идетъ часть труда фабриканта, занимающагося приготовленіемъ машинъ для пряжи, для шитья и т. п., идетъ часть труда земледѣльца, инженера, фабриканта красокъ. Каждый изъ нихъ работаетъ, даже не зная о существованіи другого, но въ результатѣ ихъ совокупной дѣятельности является одежда поденщика. И эта одежда только потому такъ дешева и общедоступна, что представляетъ собою результатъ такого обширнаго раздѣленія занятій или сложнаго сотрудничества.

Вотъ примѣръ раздѣленія занятій изъ нашего экономическаго быта. Каждому знакомы, говоритъ пр. Вреденъ, ворсминскіе и павловскіе перочинные ножички, продающіяся по невѣроятно дешевой цѣнѣ. Стоитъ вглядѣться въ процессъ ихъ производства чтобы понять, что такое раздѣленіе труда и изъ какихъ эле-

ментовъ слагается механизмъ, называемый народнымъ сотрудничествомъ. Представляются въ первомъ мѣстѣ вереницы тѣлегъ, нагруженныхъ рудою, артели рабочихъ, сваливающихъ ее на заводахъ, за ними идутъ закопченные, опаленные рабочіе при выплавкѣ чугуна и выдѣлкѣ желѣза, а тѣмъ содѣйствуютъ дровосѣки, рубящіе и доставляющіе топливо на заводы. Но вотъ желѣзо готово, оно грузится на барки, а послѣднія строили опять другіе рабочіе, гдѣ нибудь верстъ за 200—300, а пожалуй и болѣе; тронулся затѣмъ караванъ, тянетъ бичеву новый народъ. сбѣжавшійся съ разныхъ сторонъ, или въ движеніи участвуетъ, на одно лѣто бывающій у дѣла, экипажъ буксирнаго парохода. Наконецъ причалилъ караванъ, новые рабочіе разгружаютъ чугунъ и желѣзо; желѣзо переходитъ въ руки оптоваго торговца, отъ него къ розничному, а послѣдній на недѣльномъ базарѣ передаетъ его павловцу—слесарю. Но и у ножевыхъ мастеровъ опять разнообразіе въ занятіяхъ: одинъ куетъ лезвіе, другой дѣлаетъ черенки. Изъ всѣхъ этихъ производителей рѣдко кто знаетъ другого, никогда не сговариваются они всѣ между собою, а между тѣмъ всѣ дружно содѣйствуютъ производству ножичковъ, которые тысячами дюжинъ расходятся по Россіи и въ огромномъ количествѣ отправляются въ Азію [26]).

Вслѣдствіе раздѣленія занятій каждый человѣкъ имѣетъ возможность посвятить себя тому, къ производству чего онъ наиболѣе способенъ и что онъ можетъ производить наиболѣе успѣшно. Одинъ человѣкъ посвящаетъ себя производству продукта А, другой—продукта В; каждый изъ нихъ, занявшись спеціально однимъ производствомъ, пріобрѣтаетъ ловкость, благодаря которой производство идетъ съ успѣхомъ. Положимъ, каждый изъ нихъ производитъ продуктъ своей спеціальности въ два дня, но продуктъ, составляющій спеціальность другого, можетъ произвесть не иначе, какъ въ пять дней. Предположимъ далѣе, что между этими производителями устанавливается обмѣнъ, такъ какъ каждый изъ нихъ нуждается въ продуктѣ другого. Такимъ образомъ каждый изъ нихъ получаетъ желаемый продуктъ двумя днями труда; между тѣмъ какъ въ томъ случаѣ, если бы самъ производилъ, то употребилъ бы для этого пять дней. Каждый, слѣдовательно, выигрываетъ по три дня, а оба вмѣстѣ сберегаютъ шесть дней. Эти шесть дней безвозвратно пропали бы, если бы эти производители не спеціализировали своихъ занятій и не обмѣнивались между собою продуктами. Если мы обратимъ вниманіе на то, что общество состоитъ не изъ двухъ производителей, но изъ милліоновъ, то поймемъ, какая громадная масса сберегается труда, благодаря раздѣленію занятій. Съ другой стороны раздѣленіе занятій представляетъ собою условіе, благодаря которому спеціальныя качества различныхъ факторовъ производства относительно потребленія какъ бы сглаживаются. Одна мѣстность наиболѣе способна къ производству одного продукта, другая—къ производству другого. Если бы каждая изъ этихъ мѣстностей вела изолированное хозяйство, то вслѣдствіе этого каждая изъ нихъ была бы монополизирована относительно другой, не могла бы пользоваться спеціальными особенностями другой. Даже болѣе; каждая изъ нихъ не пользовалась бы во всей полнотѣ своими спеціальными особенностями. Если бы населеніе каждой изъ этихъ мѣстностей производило для себя все, что необходимо для

удовлетворенія потребностей, то оно принуждено было бы производить и то, что въ данной мѣстности плохо производится. Такимъ образомъ была бы двоякая потеря: а) населеніе не вполнѣ утилизировало бы спеціальныя особенности своей мѣстности и б) имѣло бы въ плохомъ качествѣ и меньшемъ количествѣ то, что всего успѣшнѣе производится въ другой мѣстности. Для избѣжанія этихъ потерь населеніе каждой мѣстности спеціально посвящаетъ себя тому производству, которое ведется всего успѣшнѣе въ его мѣстности; затѣмъ устанавливается обмѣнъ продуктовъ, вслѣдствіе чего каждая сторона имѣетъ возможность пользоваться особенностями другой. Такимъ образомъ раздѣленіе занятій приводитъ къ общности въ дѣлѣ пользованія спеціальными особенностями факторовъ производства; относительно потребленія оно какъ бы уничтожаетъ естественныя монополіи различныхъ мѣстностей, труда и капитала.

Въ своемъ постепенномъ развитіи раздѣленіе занятій переходитъ въ раздѣленіе между людьми промышленныхъ операцій въ каждой отдѣльной вѣтви промышленности. Для уясненія сущности этого подраздѣленія приводимъ нѣкоторые образцы его.

Процессъ выдѣлки булавки, говоритъ А. Смитъ, раздѣляется на 18 отдѣльныхъ операцій, изъ которыхъ каждая можетъ быть предметомъ занятій особаго работника; одинъ рабочій тянетъ проволоку, другой прямитъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостряетъ отрѣзки и т. д. А. Смитъ видѣлъ небольшую фабрику, на которой работало всего 10 человѣкъ, такъ что нѣкоторымъ изъ этихъ рабочихъ приходилось дѣлать не одну, а нѣсколько разныхъ операцій. Не смотря на то, что рабочіе эти были бѣдны и употребляли плохіе инструменты, тѣмъ не менѣе они производили въ день около 12 фунтовъ булавокъ. Въ фунтѣ считается около 4,000 булавокъ среднихъ размѣровъ; слѣдовательно, 10 рабочихъ производили въ день около 48,000 булавокъ, или каждый въ отдѣльности—4,800 булавокъ. Если бы они работали отдѣльно, то есть если бы каждый изъ нихъ производилъ всѣ операціи выдѣлки булавокъ, то не сдѣлалъ бы ихъ и 20 въ теченіи дня.

Ж. В. Сэ представляетъ примѣръ фабрикаціи игральныхъ картъ. Каждый небольшой кусокъ картона, величиною въ ладонь, прежде превращенія въ игральную карту, проходитъ не менѣе 70 отдѣльныхъ операцій. Сэ видѣлъ карточную фабрику, на которой работало всего 30 человѣкъ. Эти люди дѣлали въ день 15,500 картъ, т. е. каждый изъ нихъ производилъ болѣе 500 картъ. Если бы они работали врозь и каждый производилъ всѣ части фабрикаціи картъ, то каждый изъ нихъ едва ли бы успѣлъ сдѣлать въ день двѣ карты, а всѣ вмѣстѣ вмѣсто 15,500 картъ, сдѣлали бы только 60 картъ въ день.

По замѣчанію Ч. Беббеджа, производство часоваго механизма раздѣляется на 102 отдѣльныя операціи, требующія спеціальнаго изученія; ученикъ, поступающій къ хозяину для изученія часоваго мастерства, изучаетъ только $^1/_{102}$ часть его и, по истеченіи срока обученія, безъ новаго обученія не способенъ ни къ какой другой операціи того же искусства. Только тотъ работникъ, который занимается сборомъ въ одно цѣлое всѣхъ отдѣльныхъ частей часоваго механизма, можетъ работать въ другихъ отдѣленіяхъ, сверхъ своего; но этотъ рабочій и не включается въ число

102 лицъ, между которыми распредѣляются отдѣльныя операціи производства часоваго механизма.

Въ числѣ причинъ успѣшности производства при раздѣленіи операцій промысла между отдѣльными рабочими имѣютъ силу и общія причины успѣшности производства при раздѣленіи занятій или промысловъ, но существуютъ также и такія, которыя имѣютъ особенное значеніе именно при этомъ подраздѣленіи раздѣленныхъ занятій на отдѣльныя операціи, называемомъ нѣкоторыми экономистами „раздѣленіемъ труда“.

А. Смитъ приводитъ три причины особой успѣшности раздѣленнаго труда.

1) Раздѣленіе труда ведетъ къ увеличенію ловкости работника. Существуетъ *память мышцъ*, благодаря которой хорошій піанистъ можетъ играть въ темнотѣ, можетъ играть не глядя на клавиши и разговаривая съ сосѣдями, т. е. безъ памяти интеллекта. Извѣстенъ походъ шведскихъ войскъ во время 30-лѣтней войны, когда утомленные солдаты маршировали въ сонномъ или полусонномъ состояніи. Тотъ кузнецъ, который искусно владѣетъ молотомъ, но не пріобрѣлъ навыка къ выдѣлкѣ гвоздей, не можетъ сдѣлать болѣе двухъ или трехъ сотенъ гвоздей въ день; между тѣмъ какъ мальчикъ, исключительно занимающійся выдѣлкой гвоздей, можетъ производить ихъ болѣе двухъ тысячъ. Эта причина, констатированная А. Смитомъ, дѣйствительно имѣетъ весьма важное значеніе; благодаря раздѣленію труда ловкость работника увеличивается и подъ вліяніемъ навыка и подъ вліяніемъ упрощенія производимыхъ операцій. То, что сначала дѣлается медленно, по замѣчанію Милля, впослѣдствіи дѣлается быстро; то, что сначала дѣлается аккуратно только при медленности, потомъ дѣлается также аккуратно съ быстротою. Чѣмъ проще части, на которыя раздѣляется трудъ, тѣмъ скорѣе пріобрѣтается ловкость. И это относится не только къ операціямъ физическаго труда, но также и къ умственному труду.

2) При раздѣленіи труда происходитъ сбереженіе времени, которое обыкновенно теряется при переходахъ отъ одного дѣла къ другому. На этомъ основаніи, говоритъ А. Смитъ, сельскій рабочій, принужденный часто мѣнять работы, непроизводительно теряетъ много времени, пріобрѣтаетъ привычку къ праздности и становится неспособнымъ къ энергическому труду. Воззрѣніе А. Смита раздѣляется также Беббеджемъ. По его мнѣнію, когда человѣкъ занятъ однимъ дѣломъ, то не можетъ съ успѣшностью сразу заняться другимъ. Различныя операціи производятся разными мускулами; мускулы работавшіе пріобрѣтаютъ гибкость къ работѣ, между тѣмъ какъ бездѣйствовавшіе пріобрѣтаютъ неподвижность, вслѣдствіе чего при перемѣнѣ работы сначала обыкновенно дѣло идетъ вяло и медленно. Сверхъ того, при многихъ производствахъ орудія требуютъ особаго приспособленія, для чего также можетъ безполезно тратиться много времени.

Милль не раздѣляетъ этого воззрѣнія. Онъ говоритъ что А. Смитъ придаетъ слишкомъ большое значеніе потерѣ времени отъ перехода отъ одного дѣла къ другому. Сама перемѣна работы можетъ служить вмѣсто отдыха; надъ разными работами работаютъ разные мускулы и умственныя способности, изъ которыхъ однѣ отдыхаютъ и освѣжаются, пока другіе работаютъ. Физическій трудъ самъ по себѣ служитъ отдыхомъ для умственнаго, и

наоборотъ. Разнообразіе въ работѣ производитъ освѣжающее дѣйствіе на человѣка, слѣдовательно и въ экономическомъ отношеніи полезно.

Но самъ Милль вполнѣ справедливо утверждаетъ, что его соображеніе имѣетъ не одинаковую важность для разныхъ характеровъ. Такъ наприм. женщины живѣе мужчинъ, вслѣдствіе чего предпочитаютъ разнообразіе въ трудѣ. Но есть многіе и между женщинами и между мужчинами, предпочитающіе усидчиво работать надъ какимъ либо однимъ дѣломъ. Очевидно, къ такимъ людямъ воззрѣніе А. Смита вполнѣ примѣнимо. Необходимо, чтобы при раздѣленіи труда каждый могъ заниматься именно такъ, какъ онъ находитъ для себя наилучше заниматься. И однообразіе и разнообразіе въ трудѣ имѣютъ важное значеніе въ дѣлѣ производства, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ трудящихся. Раздѣленіе труда, упрощая производственныя операціи, должно предоставлять полную возможность примѣненія къ производству трудовыхъ особенностей каждаго.

3) Когда человѣкъ сосредоточиваетъ вниманіе на одномъ предметѣ, то при этомъ онъ скорѣе можетъ изобрѣтать средства болѣе легкаго достиженія цѣли, чѣмъ при раздѣленіи его вниманія между многими и различными предметами. Вотъ почему, говоритъ А. Смитъ, раздѣленіе труда должно быть признано важнѣйшею причиною техническихъ улучшеній, облегчающихъ производство. Это воззрѣніе примѣнимо и къ умственному труду; только сосредоточиваясь на небольшомъ кругѣ предметовъ, человѣкъ можетъ изслѣдовать всѣ стороны изучаемыхъ явленій и принесть дѣйствительную пользу умственному развитію.

4) Къ этимъ тремъ причинамъ особой успѣшности раздѣленнаго труда Ч. Беббеджъ присоединяетъ четвертую, состоящую въ классификаціи работниковъ по ихъ способностямъ. Трудъ распредѣляется наиболѣе производительнымъ образомъ чрезъ эту классификацію. Еслибы работникъ, который получаетъ два рубля, былъ принужденъ производить всѣ операціи, на которыя можетъ быть раздѣленъ данный промыслъ, то онъ тратилъ бы мало производительно часть своего рабочаго времени. производя тѣ операціи, которыя могли бы выполняться болѣе простыми и менѣе способными рабочими, получающими меньшую заработную плату. Издержки производства при такихъ обстоятельствахъ были бы непомѣрно высоки. Такимъ образомъ классификація работниковъ по ихъ способностямъ при раздѣленіи труда приводитъ къ значительному сокращенію издержекъ въ многихъ производствахъ.

5) По замѣчанію J. Rae, благодаря раздѣленію труда, извлекается наибольшая полезность отъ употребленія въ дѣло инструментовъ и машинъ. При отсутствіи раздѣленія занятій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣло употребляются разные инструменты и машины, часть ихъ не была бы постоянно занята, лежала бы праздно. Когда производитель употреблялъ бы въ дѣло одинъ инструментъ, употребляемый для одной операціи, всѣ остальные инструменты, употребляемые при другихъ операціяхъ, лежали бы праздно. Благодаря раздѣленію труда, является возможность постояннаго ихъ употребленія различными рабочими, занятыми различными производственными операціями. Когда же машины и инструменты постоянно заняты, то полу-

чается отъ каждой изъ нихъ большій доходъ и можно каждую изъ нихъ лучше содержать, что въ свою очередь увеличиваетъ производительность.

6) А. Прэнсъ основательно замѣтилъ, что раздѣленіе труда сберегаетъ творческія силы человѣка. „Человѣкъ первоначально совершаетъ произвольное усиліе; отъ повторенія оно пріобрѣтаетъ характеръ рефлекса; *воля освобождается* и можетъ быть направлена на новыя цѣли; она пользуется накопившеюся силою для удовлетворенія все болѣе и болѣе возвышенныхъ потребностей. Раздѣленіе труда и есть примѣненіе этого принципа; оно представляетъ собою громадное сбереженіе творческой силы и съ своей стороны содѣйствуетъ ускоренію человѣческаго развитія“ [27]).

Прекрасной иллюстраціей этого служитъ письмо. Сначала медленное, требующее громаднаго вниманія къ очертанію каждой буквы, письмо теперь выполняется каждымъ изъ насъ механически, почти безъ вниманія, сокращая работу на 99% сравнительно съ начинающимъ писать. Становясь механическимъ, оно *освобождаетъ вниманіе* для другихъ цѣлей и работъ.

7) Наконецъ имѣетъ значеніе и экономія матеріаловъ, о чемъ говорилъ еще Тюрго.

Допустимъ, что человѣкъ выдубитъ для себя одну кожу; изъ нея онъ приготовитъ одну пару башмаковъ, такъ какъ больше ему не нужно. Что онъ станетъ дѣлать съ остальнымъ кускомъ кожи? Для того, чтобы сдѣлать пару башмаковъ, потребовалось убить цѣлаго быка; для того, чтобы приготовить пару деревянныхъ подошвъ, потребовалось срубить цѣлое дерево. Стоило ли для этого тратить такую массу труда?

Степень, до которой можетъ быть доведено раздѣленіе труда, обусловливается размѣрами сбыта продукта и характеромъ производства.

Десять рабочихъ, раздѣлившихъ между собою операціи выдѣлки булавокъ, могутъ приготовить въ день 48,000 булавокъ. Очевидно, для того, чтобы раздѣленіе труда могло быть доведено до этого предѣла, необходимо, чтобы существовала возможность сбывать именно это количество булавокъ. Если спросъ на этотъ продуктъ не такъ великъ, если покупщиками требуется ежедневно всего 24,000 булавокъ, то трудъ рабочихъ не можетъ быть раздѣленъ на 10 операцій, такъ какъ въ этомъ случаѣ они производили бы часть булавокъ, не находящихъ сбыта. Вотъ почему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда спросъ на продукты ограниченъ, раздѣленіе труда незначительно. Въ небольшихъ городахъ и деревняхъ торговецъ занимается продажей самыхъ разнообразныхъ продуктовъ, между тѣмъ какъ въ большихъ городахъ торговля спеціализируется, торговецъ исключительно занимается наприм. продажей чая, масла или какого нибудь другого одного предмета. Многіе продукты не выдерживаютъ далекой доставки, или, если и выдерживаютъ, такъ не иначе, какъ при значительныхъ издержкахъ провоза. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ спросъ на продукты ограничивается небольшимъ райономъ, слѣдовательно въ производствѣ подобныхъ продуктовъ раздѣленіе труда по необходимости незначительно. Изъ этого видно, что раздѣленіе труда и, слѣдовательно, усиленіе его про-

дуктивности можетъ быть достигаемо не иначе, какъ при расширеніи рынка для сбыта продукта. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣютъ улучшенія въ путяхъ сообщеній, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ возможность сбыта продуктовъ.

Съ другой стороны, какъ мы сказали, степень раздѣленія труда обусловливается характеромъ производства. Оно вообще менѣе возможно въ тѣхъ отрасляхъ, въ которыхъ главнымъ дѣятелемъ являются силы природы; въ земледѣліи оно менѣе возможно, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности. Въ сельскомъ хозяйствѣ различныя работы въ большинствѣ случаевъ совершаются не одновременно, но въ различное время года. Сельскій хозяинъ долженъ быть то пахаремъ, то сѣятелемъ, то жнецомъ и т. п. Эти работы совершаются въ разное время, поэтому должны быть выполняемы однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Невозможность широкаго примѣненія раздѣленія труда въ сельскомъ хозяйствѣ представляетъ собою одну изъ причинъ того, почему производительная сила труда въ этомъ хозяйствѣ не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Крайнее развитіе раздѣленія занятій и труда имѣетъ и свои темныя стороны. Оно можетъ быть причиною зависимости работника отъ капиталиста, когда приводитъ къ тому, что обученіе рабочаго ограничивается какимъ либо однимъ незначительнымъ предметомъ производства, или частью его, наприм. $^1/_{102}$ частью часового механизма. Такой рабочій находится въ полномъ подчиненіи у хозяина, такъ какъ ему трудно найти занятіе въ другомъ мѣстѣ, гдѣ требуются иныя свѣдѣнія и гдѣ ему приходится конкуррировать съ мастерами своего дѣла. Сопровождаясь такою односторонностью въ развитіи человѣка, раздѣленіе труда приводитъ за тѣмъ къ тому, что, по выраженію Рошера, въ людяхъ общество начинаетъ болѣе терять, чѣмъ пріобрѣтаетъ въ вещественныхъ цѣнностяхъ. Каково можетъ быть умственное развитіе того человѣка, который въ продолженіи всей своей жизни больше ничѣмъ не занимался, какъ только выдѣлываньемъ $^1/_{102}$ части часоваго механизма? Видѣть выгоды въ усиленіи производства при такомъ крайнемъ раздѣленіи труда, значитъ подчинять человѣка производству, значитъ утверждать, что не продукты создаются для человѣка, но человѣкъ созданъ для производства продуктовъ. Разумное развитіе раздѣленія труда не должно приводить къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Обязательное образованіе является однимъ изъ лучшихъ средствъ къ правильному направленію раздѣленія труда.

Въ умственномъ мірѣ раздѣленіе занятій и труда можетъ сопровождаться не менѣе печальными послѣдствіями. Въ настоящее время науки раздѣлились на дробныя части, изъ коихъ каждая составляетъ спеціальность особыхъ лицъ. Между различными узкими спеціальностями нѣтъ ничего общаго; ученые разныхъ видовъ умственнаго труда перестаютъ понимать другъ друга. Средствомъ противъ такихъ печальныхъ результатовъ должно быть всестороннее общее образованіе, по которому каждый могъ бы быть подготовленъ къ потребленію разнообразныхъ продуктовъ раздѣленнаго умственнаго труда.

Благодаря сложному сотрудничеству въ настоящее время

не только отдѣльныя страны, но даже земной шаръ представляютъ собою нѣчто органическое, взаимно связанное [28]).

Андрэ въ предисловіи къ своей „Географіи міровой торговли„ пишетъ: „Я сижу за столомъ, сдѣланнымъ изъ гондурасскаго дерева, коверъ подъ столомъ выдѣланъ въ Англіи изъ шерсти, которая туда доставлена на кораблѣ изъ Новаго Южнаго Валлиса. Чай, поданный мнѣ въ чашкѣ изъ берлинскаго фарфора, привезенъ изъ Китая, кофе изъ Явы, сахаръ изъ Нижней Саксоніи, Бразиліи, или Кубы. Я курю табакъ изъ Порторико въ трубкѣ, стволъ которой сдѣланъ изъ венгерской черешни, отдѣлка его производилась въ Тюрингіи, морская пѣнка добыта въ Малой Азіи, янтарь—на Балтійскомъ морѣ, серебро—въ Рудныхъ Горахъ, Гарцѣ или Южной Америкѣ. Стоящая на столѣ желѣзная чернильница отлита въ Богеміи".

Благодаря раздѣленію труда, доля индивидуума въ буквальномъ смыслѣ слова становится частью цѣлаго человѣчества и такимъ образомъ возникаетъ не только національная, но и общечеловѣческая солидарность, при которой благосостояніе отдѣльнаго человѣка опредѣляется состояніемъ благосостоянія цѣлыхъ массъ. Совершенно основательно А. Фулье говоритъ о солидарности, какъ результатѣ раздѣленія труда. Солидарностью уравновѣшиваются части. „Когда въ животномъ мозгъ отказывается питать самаго себя, то нужно, чтобы желудокъ принялъ на себя обязанность приготовлять для него пищу, а сердце—приносить ее; когда въ обществѣ одни люди берутъ на себя трудъ размышлять объ общихъ дѣлахъ, то другіе должны принять на себя обязанность заботиться о доставленіи пищи и объ охранѣ [29]).

Возникаетъ та общность интересовъ, которая вызываетъ столько неосновательныхъ глумленій со стороны современныхъ сторонниковъ мрачныхъ теорій государственности, провозглашенныхъ еще Гоббесомъ. Городъ заинтересованъ въ процвѣтаніи деревни, занятой снабженіемъ его такими предметами, какъ хлѣбъ, мясо, молоко; деревня заинтересована въ процвѣтаніи города, такъ какъ отъ этого зависитъ лучшій сбытъ ея продуктовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ городъ и деревня должны имѣть и общность или взаимность въ потребностяхъ, безъ которой не мыслимъ взаимный сбытъ [30]).

И все то, что лежитъ на пути этой общности, становится вреднымъ, ослабляя въ странѣ раздѣленіе труда и занятій. Таково кастовое устройство, таково самодовлѣющее ойкосное хозяйство древней Греціи, таково же одностороннее потребленіе, безъ производства соотвѣтствующаго эквивалента потребляемому, т. е. расходы непроизводительныхъ классовъ. Принципъ соціальной

солидарности все болѣе и болѣе становится жизненнымъ принципомъ, обнимающимъ собою всѣ стороны индивидуальной жизни.

Но именно эта общность, развивающаяся подъ вліяніемъ раздѣленія занятій и труда, весьма рано послужила основаніемъ и къ теоріямъ, отрицательно относящимся къ самому принципу раздѣленія.

А. Фаргюсонъ (Ersais sur l'histoire de la société civoile. Paris 1783) писалъ: „Можно даже сомнѣваться, возрастаетъ ли общая сумма способностей всей націи пропорціонально прогрессу техники. Многія механическія ремесла... преуспѣваютъ въ совершенствѣ, когда совсѣмъ не нуждаются въ помощи разума и чувства, и невѣжество является въ такой степени отцомъ промышленности, какъ и суевѣрія. Разсудокъ и воображеніе могутъ заблуждаться, но привычка двигать рукой или ногой не зависитъ ни отъ разсудка, ни отъ воображенія. Так. обр. можно сказать, что усовершенствованіе въ мануфактурахъ состоитъ изъ возможности обходиться безъ работы мысли; такъ что мастерская, работающая безъ всякой помощи человѣческой головы, можетъ быть свободно разсматриваема, какъ большая машина, частицами которой являются люди. Генералъ можетъ быть весьма искусенъ въ военномъ дѣлѣ, тогда какъ вся заслуга солдата состоитъ въ выполненіи нѣсколькихъ движеній рукой и ногой. — Въ такую эпоху, когда раздѣленіе проводится въ всемъ, искусство мыслить можетъ тоже выдѣлиться въ особое ремесло“ [31]).

Общая идея доктрины, отрицающей принципъ раздѣленія труда, высказана въ слѣдующемъ положеніи Фр. Энгельса: „Съ раздѣленіемъ труда былъ разорванъ на части и самъ человѣкъ. Въ цѣляхъ развитія какой нибудь одной его дѣятельности были принесены въ жертву всѣ прочія способности.—И не только рабочіе, но также и эксплоатирующіе ихъ, прямо или косвенно, классы, благодаря раздѣленію труда, порабощены орудіями своей дѣятельности; бездушный буржуа—своимъ собств. капиталомъ и своею страстью къ прибыли; юристъ—своими закостенѣвшими правовыми воззрѣніями, которыя господствуютъ надъ ними, какъ самостоятельная сила; образованные классы вообще—своею ограниченностью и односторонностью, составляющими результатъ физическихъ и умственныхъ недостатковъ, неразрывно связанныхъ съ ихъ воспитаніемъ, приспособленнымъ къ ихъ спеціальности, къ которой они приковываются на всю жизнь, хотя бы эта спеціальность и стояла въ ничегонедѣланіи“ [32]).

У насъ съ особенною рѣзкостью и особенною настоятельностью нападаетъ на этотъ принципъ гр. Л. Толстой.

„День всякаго человѣка, говоритъ онъ, самой пищей раздѣляется на 4 части или упряжки: 1) до завтрака, 2) до обѣда,

3) до полдневa, 4) до вечера. Дѣятельность человѣка, въ которой онъ по самому существу своему чувствуетъ потребность, тоже раздѣляется на 4 рода: 1) дѣятельность мускульной силы, работа рукъ, ногъ, плечъ, спины—тяжелый трудъ, отъ котораго вспотѣешь; 2) дѣятельность пальцевъ, кисти рукъ—дѣятельность ловкости мастерства, 3) дѣятельность ума и воображенія, 4) дѣятельность общенія съ другими людьми. Блага, которыми пользуется человѣкъ, тоже раздѣляется на 4 рода: всякій человѣкъ пользуется во первыхъ произведеніями тяжелаго труда, хлѣбомъ, скотиной, постройками, колодцами, прудами и т. п. во вторыхъ, дѣятельностью ремесленнаго труда: одеждой, сапогами, утварью и т. п. въ третьихъ, произведеніями умственной дѣятельности наукъ, искусства; и въ четвертыхъ, установленнымъ общеніемъ съ людьми. Лучше всего было бы чередовать занятія дня такъ, что бы упражнять всѣ четыре способности человѣка и самому производить всѣ четыре рода благъ, которыми пользуются люди, такъ что бы одна часть дня—первая упряжка была посвящена тяжелому труду, другая умственному, третья ремесленному и четвертая общенію съ людьми. Только тогда уничтожится то ложное раздѣленіе труда, которое существуетъ въ нашемъ обществѣ и установится то справедливое раздѣленіе труда, которое не нарушаетъ счастія человѣка“ [33]).

Но уже Н. Михайловскій вполнѣ справедливо называетъ это ученіе не серьезнымъ. Говоря объ этой маниловщинѣ Толстого, онъ писалъ: „Человѣкъ, имѣющій какое нибудь свое дѣло, настоящее, а не игрушечное дѣло, которымъ онъ кормится и семью кормитъ, можетъ только улыбнуться *на предложеніе* жить въ упряжкѣ и отрываться отъ своего дѣла для того, чтобы наколоть дровъ или натаскать воды. Благо тому, кто, по обстоятельствамъ, можетъ дѣлать эти веселыя, пріятныя, здоровыя экскурсіи“ [34]).

Очевидно, для осуществленія „упряжки“ нужно организовать трудъ по приказу, т. е. нужно соціалистическое ярмо. Вмѣсто упряжки точнѣе бы прямо назвать ярмомъ.

Но и самъ Михайловскій относился хотя и болѣе серьезно, но не менѣе отрицательно къ раздѣленію занятій и труда. „Въ случаѣ простого сотрудничества, говоритъ онъ, люди входятъ въ группу всею своею разнородностью, вслѣдствіе чего вся группа совершенно однородна. Въ случаѣ же сотрудничества сложнаго происходитъ обратное явленіе: члены группы утрачиваютъ каждый одинъ ту, другой другую часть своей индивидуальной разнородности, они дѣлаются однородные, а вся группа получаетъ болѣе или менѣе рѣзко обозначенный характеръ разнородности“ [35]). „Физіологическое развитіе возможно только при про-

стомъ сотрудничествѣ и неизбѣжный результатъ сотрудничества сложнаго, раздѣленіе труда, есть патологическое развитіе и состояніе недѣлимыхъ“ [36]). Михайловскій полагаетъ, что раздѣленіе труда вызываетъ „нарушеніе равновѣсія въ органахъ, развитіе въ развитіи отъ другой, которой удалось развить въ себѣ болѣе выгодную физіологическую функцію; такъ что первая такъ или иначе становится по отношенію ко второй въ болѣе или менѣе замаскированное положеніе раба“.

Противъ этого вѣрно возражаетъ Н. Бердяевъ, что „вся современная соціологія признаетъ, что развитіе индивидуальности является результатомъ той соціальной дифференціаціи, которая нарушила однородность и элементарность первобытнаго общества. Жизнь личности первобытной группы необыкновенно бѣдна содержаніемъ, ея впечатлѣнія необыкновенно однообразны; тутъ личность не сознаетъ еще себя индивидуальностью и слита съ своей группой въ одну неопредѣленную однородность“ [37]).

Да и въ самомъ раздѣленіи труда заключается противоядіе противъ его же крайностей. Раздѣленіе труда равносильно упрощенію операцій, слѣдовательно получается возможность легкаго перехода отъ одного дѣла къ другому. „Чѣмъ выше проводится раздѣленіе труда, тѣмъ легче становится одному человѣку поочередно заниматься множествомъ разныхъ дробныхъ операцій. Не легко одному человѣку быть и хорошимъ портнымъ, и хорошимъ сапожникомъ, потому что въ этихъ производствахъ еще очень слабо раздѣленіе труда и рядъ операцій, налагаемый необходимостью дѣло не одного работника, очень многосложенъ, такъ что порядкомъ пріучиться къ нему—вещь очень долгая и трудная“. При раздѣленіи этой трудности нѣтъ [38]).

Только въ духовномъ трудѣ раздѣленіе труда равносильно его осложненію, а не упрощенію, Чѣмъ спеціальнѣе извѣстная отрасль науки, тѣмъ болѣе она детализируется и тѣмъ сложнѣе занятія. Въ научномъ смыслѣ дилентантизмъ и спеціализація—явленія противоположныя. Дилентантизмъ—это любовь къ общимъ свѣдѣніямъ, спеціализація—концентрированное знаніе. Первый можетъ быть сравненъ съ экстенсивнымъ хозяйствомъ, затрачивающимъ небольшое количество труда на большомъ пространствѣ; вторая—съ интенсивнымъ, затрачивающимъ большое количество труда на небольшомъ пространствѣ. Переходъ спеціалистовъ изъ одной отрасли труда въ другую не мыслимъ, какъ не мыслимъ компромиссъ между экстенсивнымъ и интенсивнымъ хозяйствами. Вотъ почему А. Менгеръ совершенно основательно полагаетъ, что и въ соціалистическомъ обществѣ ученые будутъ спеціально заниматься только наукой. „Громадный, ежедневно расширяющійся объемъ спеціальныхъ наукъ, колоссальныя приспособленія, которыхъ требуютъ въ наше время естественно на-

учныя и техническія дисциплины, да даже и нравственныя науки, сразу же заставляютъ казаться химерой мысль о томъ, что отдѣльныя лица могутъ наряду съ физической работой, заниматься наукой, какъ побочнымъ дѣломъ (Бебель) или что научное преподаваніе можетъ быть соединено съ практическимъ обученіемъ ремесламъ [39]).

Но какъ ни естественъ законъ раздѣленія занятій и труда, нельзя забывать, что это законъ эволюціоннаго характера, законъ стихійный, подчиняющій себѣ человѣка и въ этомъ отношеніи не всегда соотвѣтствующій человѣческимъ интересамъ. По выраженію Н. Михайловскаго, „процессъ общественной дифференцировки дробитъ группу на рѣзко обособленныя единицы, имѣющія свои собственныя цѣли и интересы“ [40]). Чисто стихійна та великая сила, которая заключаетъ въ себѣ потенцію солидарности и дѣйствительно стремится солидаризировать людей въ то же время производитъ раздѣленіе между ними. Какъ вѣрно выражается одинъ изъ нашихъ публицистовъ, раздѣленіе труда „является основой возникновенія цѣлаго ряда дифференцированій, цѣлаго ряда антагонизирующихъ коллективностей. Семья, осуществляющая взаимную зависимость и взаимную борьбу двухъ половъ; государство, сверху противополагающее себя человѣчеству, снизу поглощающее націи и въ свою очередь раздираемая борьбой кастъ, сословій, классовъ все это—коллективныя индивидуальности разныхъ порядковъ, порожденныя разными видами соціологическаго раздѣленія труда, дробящаго и обкрадывающаго челов. личность, низводящаго ее до степени безвольнаго органа какого то высшаго цѣлаго, до степени „пальца отъ ноги“, по выраженію шекспировскаго Менения Агриппы“ [41]).

И пока раздѣленіе труда будетъ подчинено только законамъ эволюціи, пока въ дѣло организаціи его не войдутъ сознаніе и разумъ, темныя стороны его будутъ существовать рядомъ со свѣтлыми и рядомъ съ солидарностью будетъ существовать антагонизмъ. Да и неразумно разсчитывать на то, что стихійныя силы водворятъ миръ и благоволеніе въ человѣцѣхъ, безъ всякаго участія нашей энергіи въ этомъ дѣлѣ. Надежды на эволюцію равносильны отказу отъ своей воли и своего разума, т. е. равносильны закапыванію величайшихъ на землѣ талантовъ въ землю. „Рабы лукавые“ изъ экономистовъ такъ и дѣлаютъ, когда доказываютъ, что съ одной стороны все прекрасно въ этомъ прекраснѣйшемъ изъ міровъ, все солидарно и гармонично, а съ другой, что конецъ тьмы наступитъ по неизбѣжнымъ законамъ эволюціи, когда и произойдетъ таинственный скачокъ изъ „царства необходимости въ царство свободы“.

III.

Трудъ появился на свѣтъ вмѣстѣ со смертью. Таково преданіе, сохранившееся у всѣхъ народовъ. Согрѣшили люди, проклялъ Богъ самую землю и сказалъ Адаму: „со скорбью будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей; терніе и волчцы произраститъ она тебѣ; и будешъ питаться полевою травою; въ въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ; ибо прахъ ты и въ прахъ возвратишься". Но человѣкъ могъ подняться, своими собственными силами найти тайну вѣчной жизни и избавиться отъ наказанія. „И теперь, какъ бы не простеръ онъ руки своей и не взялъ также отъ древа жизни, и не вкусилъ и не сталъ жить вѣчно" Господь Богъ выселилъ его изъ сада Едема и поставилъ херувима съ мечемъ, охранять тайну безсмертія. И съ тѣхъ то поръ люди обречены работать „со скорбью" и умирать отъ работы. И съ тѣхъ поръ и пошли по міру скорбь, трудъ и смерть, какъ неразлучные спутники человѣка.

Но „древо жизни" продолжало соблазнять, хоть и не видимо было. Болѣе находчивые люди придумали его суррогатъ, избавившій ихъ хоть отъ двухъ спутниковъ — отъ скорби и труда. Они приручили животныхъ, заставивъ ихъ работать на себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе слабыхъ ближнихъ, оказавшихся болѣе годными къ приручению и рабству, чѣмъ многія изъ дикихъ животныхъ. Такъ возникли праздность и рабство, грабежи и война, благородные и подлые.

Рыцарь слѣдовалъ совѣтамъ мейстерзингера: „Если ты, молодой дворянинъ, хочешь прокормиться, то послѣдуй моему ученію: садись на коня и впередъ на дорогу! Притаись въ зеленомъ лѣсу, а когда крестьянинъ поѣдетъ за дровами, стремительно бросайся на него! Вцѣпись ему въ воротникъ и отведи свою душу: возьми у него все, что только есть у него, и выпряги его лошадку [42]).

Работа слѣлалась принадлежностью рабовъ и низшихъ сословій. Pigrum et iners videtur, sudore adquirere,quod possis sanguine parare—этотъ принципъ старыхъ язычниковъ вотъ уже почти два тысящелѣтія находитъ фанатическихъ послѣдователей и среди христіанъ.

Мы только не любимъ называть вещи ихъ собственными именами, но отъ переложенія труда на ближнихъ никто не отказывается. На дѣлѣ мы даже не отрицаемъ, что трудъ и смерть—самыя близкія величины. Такъ мы признаемъ, что высокая интенсивность труда въ С.-Штатахъ, при высокой заработчей платѣ, сопровождается быстрою изнашивостью жизни. Дѣло дошло до того, что заводы Карнеджи принимаютъ рабочихъ только до

35-тилѣтняго возраста и безжалостно увольняютъ всѣхъ, перешедшихъ этотъ возрастъ [42]).

Мы нѣчто подобное видимъ и кругомъ себя, но теоретически отрицаемъ то, что признаемъ практически. Наши предки въ этомъ отношеніи были прямѣе. Въ Псковской Судной Грамотѣ „стражетъ“ и обрабатываетъ землю, одно и тоже. Отсюда выраженіе „нивы розстрадни“, т. е. разработанныя. „Страдать—владѣть, потому что нужна была разработка“, говоритъ М. В. Довнаръ-Запольскій [44]).

Дѣйствительно, часто страдать значило работать. Въ духовной грамотѣ волынскаго князя Владиміра Васильковича передаются княгинѣ городъ и село: „а людіи какъ то на мя страдалѣ, такъ и на княгиню по моемъ животѣ“ (1287 годъ). Старинныя веселыя трудовыя пѣсни еще не служатъ доказательствами того, что нѣкогда трудъ былъ игрой. Часто рабы поютъ во время работы. Въ Кано (Африка) женщины рабыни всегда поютъ за работой. Въ Бусеѣ Клаппертонъ видѣлъ пляску рабовъ обоего пола, пѣвшихъ во время работы подъ аккомпаниментъ флейтъ и барабановъ [45]).

Не удивительно, что и теперь въ самыхъ культурныхъ странахъ на каждомъ шагу можно встрѣтить настоящее отвращеніе къ труду. Нищій лаццарони отказывается поднести чемоданъ, говоря: я поѣлъ. Очевидно, онъ можетъ работать только тогда, когда желудокъ заставляетъ его. И такихъ людей во всякомъ обществѣ не мало. Трудъ для нихъ дѣйствительно какое то наказаніе, котораго они всѣми силами избѣгаютъ, не рѣдко не щадя себя, своего здоровья и покоя. Трудофобія—явленіе не только распространенное, но и прогрессирующее. И теперь идеаломъ жизни признается совершенно праздная жизнь, хотя бы и на счетъ кроваваго пота ближнихъ.

Людвигъ Поліанъ, спеціально занимавшійся нищенствомъ въ разныхъ странахъ, утверждаетъ, что источникъ нищенства—отвращеніе отъ труда. „Работа—пробный камень, посредствомъ котораго немедленно и безошибочно можно узнать человѣка, потому что нищій въ сущности *человѣкъ который поклялся не работать*“ [46]). Предложите работу, нищіе немедленно исчезаютъ. Даже самый легкій трудъ имъ кажется хуже каторги и каторгу предпочитаютъ легкому труду. Отвращеніе къ труду имѣло даже значеніе крупнаго историческаго фактора, задерживавшаго развитіе культуры.

Уже *Тейлоръ* констатировалъ факты, что многіе изъ дикарей не обрабатываютъ земли не потому, что не знакомы съ земледѣліемъ, но вслѣдствіе лѣности, вслѣдствіе отсутствія характера, вслѣдствіе отсутствія терпѣнія и т. п. *Т. Вайцъ* также полагаетъ, что этими причинами объясняется отсутствіе земледѣлія [47]).

Бюхнеръ въ свою очередь замѣчаетъ, что многіе изъ дикарей, зная обработку желѣза, пользуются деревянными копьями и стрѣлами вслѣдствіе лѣни.

Только съ эволюціей труда въ направленіи къ постоянству, произошла перемѣна кочевья на осѣдлую жизнь.

Нѣкоторые виды труда издавна самими трудящимися признавались низкими и даже позорными. Сюда, наприм., относились профессіи банщиковъ, пастуховъ, цирульниковъ, гробокопателей, палачей, ткачей холста, кожевниковъ. Такія лица не принимались въ башмачный цехъ въ Бременѣ [48]).

Вообще же до послѣдняго времени физическій трудъ признавался принадлежностью рабовъ, неблагороднымъ занятіемъ. И помимо благородныхъ, во всякой странѣ всегда существовала и теперь существуетъ масса праздныхъ.

Масса праздныхъ людей въ Россіи въ XVII прямо поражала иностранныхъ наблюдателей... „Эта праздная или непроизводительно занятая масса, говоритъ В. Ключевскій, почти всею тяжестью своего содержанія падала на рабочіе, тяглые классы, изъ которыхъ и казна извлекала свои доходы и въ этомъ отношеніи являлась соперницей государства, перехватывая у него средства, которыя могли бы идти на пополненіе государственной казны“ [49]). Петръ I солдатской вербовкой и подушной податью „произвелъ генеральную расчистку общества“. Въ этомъ отношеніи дѣятельность его еще не оцѣнена. Она подготовила реформу къ тому времени, когда отъ каждаго государство начало требовать указанія на „родъ жизни“, т. е. на трудъ, дающій средства къ существованію.

Къ сожалѣнію идея „рода жизни“, т. е. идея труда, какъ обязательнаго средства существованія, была заглушена идеями свободы, хотя бы и праздной и даже вредной. Свободы преступленія не можетъ быть. Не должно быть и свободы праздности. Ибо, „не трудивыйся, да не ястъ“, по выраженію апостола Павла.

Между причинами соціалистическихъ успѣховъ весьма основательно считается въ числѣ важнѣйшихъ соблазнъ жить безъ труда или съ ничтожнымъ трудомъ. Такъ Э. Демоленъ вѣрно заключаетъ, что заманчивое обѣщаніе соціалистовъ такого общественнаго строя, при которомъ всѣ будутъ принадлежать къ категоріи трутней, есть важнѣйшая причина колоссальныхъ успѣховъ соціализма [50]). Очевидно, и Демоленъ полагаетъ, что всякому пріятно быть трутнемъ. М. Нордау еще рѣшительнѣе заявляетъ объ этомъ. Онъ говоритъ: „Покой, пріятная праздность несравненно болѣе свойственны и желательны человѣку, какъ и всѣмъ прочимъ животнымъ, чѣмъ трудъ и усилія. Послѣдніе—лишь печальная необходимость, обусловленная самосохраненіемъ“ [51]).

Но существуетъ цѣлый рядъ писателей, рѣшительно отри-

цающихъ религіозно-уголовный принципъ въ трудѣ. По ихъ мнѣнію, тяжесть и непріятность труда, та „скорбь“, съ которою соединенъ трудъ въ настоящемъ есть продуктъ неблагопріятныхъ условій, а не принципа труда. Такъ соціалистъ Бебель думаетъ, что возможно такое устройство труда, при которомъ трудъ былъ бы наслажденіемъ. „Будущее общества, съ его полной свободой и демократическимъ равенствомъ всѣхъ членовъ, поставитъ трудъ въ такія условія, при которыхъ *одинъ будетъ заботиться о благѣ всѣхъ и всѣ о благѣ одного*, и чувство полной солидарности будетъ господствовать въ отношеніяхъ людей другъ къ другу. Такіе общественные порядки сдѣлаютъ самый процессъ труда источникомъ наслажденія и создадутъ такое соревнованіе между работниками, какого мы не встрѣчаемъ нигдѣ при современныхъ экономическихъ условіяхъ. Этотъ духъ творческаго наслажденія несомнѣнно отразится на продуктивности труда и на болѣе высокихъ качествахъ производимаго продукта“ [52]).

Къ сожалѣнію, самъ же онъ въ прошломъ видѣлъ лишь человѣка-звѣря и не разъясняетъ того чуда, благодаря которому звѣрь превратится въ ангела, всѣ заботы свои отдающаго благу всѣхъ.

Многіе признаютъ трудъ естественной функціей человѣческаго организма, вслѣдствіе чего бездѣятельность тяжела и можетъ быть серьезнымъ наказаніемъ. „Спросите любого изъ дѣльцовъ, оставившихъ свои дѣла, и они вамъ скажутъ, что чувствуютъ скуку смертельную послѣ того, какъ бросили свои дѣла. Они сожалѣютъ о времени, когда они были заняты, о времени полномъ заботъ и труда, т. е. о времени ихъ эмоцій, ихъ дѣятельности“ [53]).

Ахиллъ говоритъ Улиссу въ Одиссеѣ, что „лучше быть простымъ рабочимъ, даже рабомъ, чѣмъ царствовать среди мертвыхъ“.

Такъ разсуждаетъ и Н Чернышевскій. Онъ говоритъ:

„Праздность есть отсутствіе дѣятельности; очевидно, она не можетъ производить феноменовъ такъ наз. пріятнаго ощущенія. Теперь становится намъ совершенно понятно, почему во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ зажиточные классы общества жалуются на постоянную скуку, на непріятность жизни. Эта жалоба совершенно справедлива. Богачу также непріятно жить, какъ и бѣдняку, потому что по обычаю, внесенною въ общество ошибочною гипотезою, съ богатствомъ соединяется праздность, т. е. вещи, которые должны бы служить источникомъ удовольствія, лишены этою гипотезою возможности составлять удовольствіе“.—Поэтому прибѣгаютъ къ моціонамъ, гимнастикѣ и т. п. Но эти искусств. средства не достигаютъ цѣли. „Жизнь проходитъ у нынѣшняго богача такъ, какъ идетъ она у китайца, кушающаго опіумъ: противоестественное раздраженіе смѣняется летаргіею, напряжен-

ное пресыщеніе пустою дѣятельностью, оставляя послѣ себя все ту же пустую тоску, спасенія отъ которой ищутъ въ немъ“ [54]).

По Чернышевскому, непріятность труда зависитъ отъ обстановки и условій его примѣненія. Никто не заботится о наивыгоднѣйшей обстановкѣ его. Напримѣръ „Франки, основавшіе нынѣшнее французское общество, пришли въ страну, овладѣли ею и дали ей извѣстное устройство не для того, чтобы трудиться, а чтобы воевать, грабить и праздношатательствовать“. И до сихъ поръ коренной строй этотъ не измѣнился. И теперь „едва ли не половина земли во Франціи принадлежитъ малочисленнымъ потомкамъ тѣхъ малочисленныхъ франковъ, которые взяли себѣ эту землю при Хлодвигѣ и его преемникахъ. Весь порядокъ земледѣльческаго производства долженъ опредѣляться во Франціи надобностями и удобствами людей, которые живутъ доходомъ съ земли, не воздѣлывая ее; *потому что, когда половина производства зависитъ прямо отъ людей сильныхъ, то и другая половина должна подчиняться косвенному ихъ вліянію*“ [55]).

По вопросу о пріятности или отвратительности труда интересно мнѣніе Н. Михайловскаго: „Древній грекъ питалъ отвращеніе къ земледѣльческому труду и въ особенности къ ремесленному труду. Но это еще не значитъ, что бы онъ питалъ отвращеніе къ труду вообще или даже только къ физическому труду въ частности. Напротивъ онъ охотно выбиралъ себѣ трудъ, требовавшій въ то время особенно сильнаго напряженія нравственнаго и физическаго, полный опасностей, лишеній и отвѣтственности—трудъ воина. Онъ не избѣгалъ труда, а различалъ трудъ презрѣнный, рабамъ приличествующій, и трудъ почтенный, благородный, хотя бы и болѣе тяжкій. То же самое мы видимъ у нынѣшнихъ дикарей. Путешественники разсказываютъ объ нихъ какъ о завзятыхъ лѣнтяяхъ, которые только объ охотѣ и войнѣ думаютъ, а вся тяжесть домашняго обихода взваливается на женщинъ и рабовъ. Путешественники забываютъ при этомъ, что воинъ и охотникъ у дикарей еще отнюдь не значитъ лѣнтяй. Спенсеръ объясняетъ это дѣло такъ. Наиболѣе низко стоящіе дикари живутъ главнымъ образомъ непосредственными произведеніями природы, причемъ добываніе съѣдобныхъ кореньевъ и плодовъ, ловля какихъ нибудь ракушекъ и т. п. производятся съ чрезвычайной легкостью, но есть и другія произведенія природы, добываніе которыхъ сопряжено съ опасностями или требуетъ преодолѣнія значительныхъ препятствій; это или очень быстро бѣгающія или очень опасныя животныя. Кромѣ того опасность грозитъ со стороны другихъ людей. Такимъ обр. занятія первобытныхъ людей раздѣляются на двѣ категоріи: одни требуютъ силы, храбрости, ловкости, а другія мало нуждаются или совсѣмъ не нуждаются въ этихъ качествахъ. А такъ какъ въ

большинствѣ случаевъ благосостояніе племени зависитъ отъ успѣховъ въ войнѣ и охотѣ, то въ почетѣ оказываются упомянутыя качества, выгодныя для всего племени, и соотвѣтственныя имъ занятія; трудъ же, не требующій этихъ качествъ, мало уважается и даже презирается. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія промышленности, это отношеніе къ различнымъ категоріямъ труда измѣняется, но процессъ этотъ идетъ крайне медленно, а затѣмъ и послѣ измѣненія фактическаго положенія дѣла еще долго переживаютъ первобытныя воззрѣнія“ [56]).

Таково несомнѣнно историческое происхожденіе благородства и неблагородства въ трудѣ, перешедшія за тѣмъ вслѣдствіе наслѣдственности занятій въ представленія о благородномъ и низкомъ происхожденіи. Человѣчество еще далеко не освободилось отъ этихъ первобытныхъ понятій, господствовавшихъ въ теченіи тысящелѣтій звѣрскаго состоянія людей. Первобытный атавизмъ еще и теперь встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ раздѣленіи людей на благородныхъ и „подлыхъ“, т. е. низкихъ, занимающихся презираемымъ трудомъ.

Но та же исторія свидѣтельствуетъ и о томъ, что при извѣстныхъ состояніяхъ трудъ могъ заключать въ себѣ элементъ игры.

Исходя изъ точки зрѣнія horror laboris, обыкновенно тяжестью труда объясняютъ существованіе разбойн. племенъ, рабства, покупку невѣстъ, обремененіе женщинъ работою.

Бюхеръ [57]) считаетъ это не доказаннымъ. „Если допустить, что непреодолимая лѣнь есть древнѣйшее наслѣдіе людей, то какъ вообще могли они подняться выше существованія животныхъ, собирающихъ плоды и выкапывающихъ корни? Разбойничьи народы не находили бы добычи, если бы другіе народы не работали и не накопляли богатствъ“.

О рабствѣ исторія свидѣтельствуетъ, что „оно начинается состояніемъ, когда господинъ и слуга одинаково принимали участіе въ работѣ“.

Теорія „прирожденной личности“—выдумка, fable convenue. Дѣйствительность опровергаетъ ее. „Дикарь въ общемъ часто выполняетъ работы не меньше, чѣмъ культурный человѣкъ, но работаетъ не равномѣрнымъ образомъ, а скачками, въ зависимости отъ настроенія. Напряженной, равномѣрной работы—вотъ чего боится дикарь“.

Дѣло въ томъ, что первобытный трудъ имѣлъ характеръ игры.

К. Бюхеръ характер. чертою первобытнаго труда считаетъ „общность между производителемъ и продуктомъ“, благодаря которой самый тяжелый трудъ выполнялся съ удовольствіемъ. „Какъ украшеніе тѣла для первобытнаго человѣка служитъ един-

ственнымъ средствомъ, которымъ онъ выдѣляется изъ массы подобныхъ себѣ, вырисовывается въ прямомъ смыслѣ этого слова, каждое издѣліе его руки становится принадлежностью его личности. Такъ какъ обыкновенно каждый предназначаетъ свой продуктъ для собственнаго употребленія, то удовольствіе и честь обладанія имъ сообщается душѣ работающаго и тѣмъ болѣе ободряетъ его переносить всю тягость труда, чѣмъ ближе онъ подходитъ къ концу. Этотъ продуктъ и самъ носитъ ясно выраженную печать индивидуальности, смотря по свойству, происхожденію и назначенію; какъ воплощеніе индивидуальной работы и какъ приспособленіе къ жизни, предметъ этотъ становится принадлежностью лица, создавшаго его. У нѣкоторыхъ народовъ погребается съ покойникомъ все его движимое имущество.—Это и облегчаетъ тяжесть труда.

„То, что испытываетъ теперь живописецъ, скульпторъ, поэтъ, ученый благодаря произведенію, приносящему имъ славу, первоначально доставлялось каждымъ удачнымъ произведеніемъ человѣческой руки. *Радость творчества, которую культурный человѣкъ испытываетъ теперь лишь при духовной работѣ, первобытнаго человѣка воодушевляла постоянно, когда онъ принимался за производство утвари или предметовъ украшенія, орудій и оружія*“ [58]).

И такъ, „стремленіе производить“ лежитъ въ основѣ труда, какъ игры, какъ прихоти, какъ занятія, ведущаго и дающаго наслажденіе. Но такъ работаютъ и дѣти при непостоянствѣ и склонности къ быстро мѣняющимся ощущеніямъ. Какъ же возникъ трудъ, какъ долгъ?

Первобытные народы отдавались нѣкоторымъ занятіямъ съ упорствомъ и даже непонятнымъ терпѣніемъ. Таковы танцы. „Всѣ первобытные народы пляшутъ до истощенія силъ, часто до того, что плясуны съ кровавой пѣной у рта падали на землю“. Но, какъ заключаетъ Ферреро, моментъ физич. утомленія не можетъ быть причиною отвращенія, какое работа внушаетъ дикарю. Утомленіе танцора не отвращаетъ отъ танца. Почему? „Работа утомляетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ съ меньшимъ навыкомъ она исполняется. Всякій навыкъ есть приспособленіе; движенія мускуловъ правильно связываются между собою; напряженіе ихъ не колеблется невѣрными попытками ихъ примѣненія; точки покоя и моменты отдыха между отд. движеніями согласованы съ затратой силы“. То, что дается привычкой, дается также *ритмомъ работы*. Рабочій инструментъ, соприкасаясь съ матеріаломъ, издаетъ тонъ и по этимъ тонамъ можно судить о равномъ напряженіи затрачиваемой силы. Такъ кузнецъ, слесарь, котельщикъ опускаютъ молотъ на металлъ съ равномѣрнымъ тактомъ. Такіе ритмы существуютъ при многихъ работахъ. Тоническій ритмъ

соотвѣтствуетъ рабочему ритму. Но онъ своей музыкой и возбуждаетъ. „Тонич. ритмъ облегчаетъ и поощряетъ работу“, а при большихъ и общихъ работахъ также дисциплинируетъ въ общемъ дѣлѣ отд. рабочихъ. Такова молотьба и т. п. Тонич. ритмъ вызвалъ необходимость рабочей пѣсни и музыки. Бертонъ и Спинъ говорятъ о восточно-африк. племенахъ: „Они находятъ для себя отраду въ гармоніи. Рыбакъ поетъ, работая веслами, носильщикъ, таща свой грузъ, женщина, размалывая зерна“. В.-Іестъ о жителяхъ Молуккскихъ острововъ: „Они не только неутомимо поютъ и пляшутъ во время своихъ общественныхъ сходокъ, но каждая работа сопровождается пѣніемъ“.

„Чѣмъ первобытнѣе рабочія пѣсни, тѣмъ точнѣе связаны съ работой“. „Работа, музыка и поэзія на первонач. ступени ихъ развитія должны были быть слиты въ одно цѣлое, но основной элементъ этой тройственности составляла работа, тогда какъ два другіе имѣли только дополнительное значеніе. Общій связующій признакъ ихъ—ритмъ“.

„Танцы первобытныхъ народовъ — сознат. подражанія рабочимъ процессамъ - постройкѣ лодокъ, охотѣ, войнѣ, жатвѣ. Для этихъ механическихъ представленій работа неизбѣжно должна была предшествовать пляскѣ“.

Настоящее время совершенно лишено тѣхъ условій, при которыхъ работа могла бы доставлять рабочему удовольствіе. „Работа для трудящагося уже перестала быть музыкой и поэзіей; производство для рынка не приноситъ уже ему личнаго почета и славы, что давало производство для собственнаго потребленія, требуется дюжинный товаръ и индивид. художеств. способности не находятъ себѣ приложенія. Профессіональная дѣятельность— не веселая игра и не радостное наслажденіе, но очень серьезное дѣло и не рѣдко болѣзненное лишеніе“. Понятно, почему возникаютъ и мечты о возвратѣ труду его реальной природы, т. е. удовольствія.

Такова, наприм., извѣстная утопія Карла Фурье, лучше всѣхъ другихъ утопій въ этомъ родѣ иллюстрирующая значеніе стремленій къ превращенію труда въ игру. Всеобщая цѣль всѣхъ стремленій человѣка, по ученію Фурье, есть счастье. Счастье состоитъ не въ чемъ либо иномъ, какъ въ полномъ удовлетвореніи нашихъ страстей [59]). Долгъ, обязанность, все это простая выдумка философовъ, не имѣющая никакихъ реальныхъ основаній. Человѣкъ долженъ подчиняться только своимъ страстямъ и въ этомъ подчиненіи онъ найдетъ свое истинное счастье. Если въ дѣйствительности страсти приводятъ къ печальнымъ послѣдствіямъ, то это происходитъ вслѣдствіе отсутствія надлежащей среды, въ которой бы страсти человѣка могли находить полное удовлетвореніе. Необходимо, по этому, организовать такую среду. Страсти раздѣляются на чувственныя (p. sensuelles), сердечныя (p. affectives) и дистрибутивныя (p. distributives ou mécanisantes). Пер-

выя состоятъ въ стремленіяхъ къ удовлетворенію чувственныхъ потребностей и совпадаютъ съ пятью чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ. Вторыя состоятъ въ стремленіяхъ къ единенію и образованію группъ между людьми; къ нимъ относятся: дружба, честолюбіе, любовь и семейныя чувства. Третьи слагаются: изъ кабалиста (la cabaliste), состоящаго въ стремленіи къ интригамъ и соперничеству; изъ папильона (la papillonne), состоящаго въ стремленіяхъ къ перемѣнамъ и разнообразію въ удовольствіяхъ, и изъ композита (la composite), возбуждающаго до энтузіазма. Чувственныя и сердечныя страсти находятъ примѣненіе и въ современныхъ обществахъ, но не приводятъ къ всеобщему счастью, такъ какъ ихъ проявленіе стѣсняется вслѣдствіе всеобщаго гоненія страстей дистрибутивныхъ. Для всеобщаго счастія необходимо гармоническое проявленіе всѣхъ страстей. Когда настанетъ господство такой гармоніи, исчезнетъ съ лица земли всякое горе, не будетъ нищеты и пороковъ, трудъ будетъ не бременемъ, но истиннымъ удовольствіемъ. Такое блаженное время наступитъ тогда, когда люди раздѣлятся на производительныя группы и серіи, т. е. когда они подѣлятся по видамъ и родамъ труда на опредѣленныя общественныя единицы. Тогда кабалистъ, побуждая къ соперничеству, будетъ причиною общаго увеличенія производительной дѣятельности; въ этомъ же направленіи будетъ дѣйствовать и композитъ, вызывающій энтузіазмъ между производителями, работающими не въ одиночку, но въ пріятномъ и постоянномъ сообществѣ; наконецъ папильонъ, побуждая къ разнообразію въ занятіяхъ, при чемъ однимъ дѣломъ производитель не долженъ заниматься болѣе двухъ часовъ, предупреждаетъ усталость и самое занятіе дѣломъ превращаетъ въ развлеченіе. При такой организаціи „физическія влеченія находятъ свое удовлетвореніе въ трудѣ и создаютъ въ то же время блага, служащія къ удовлетворенію духовныхъ потребностей“ [60]).

Для достиженія цѣли, Фурье требуетъ соединенія людей въ фаланги отъ 1800 до 2000 человѣкъ. Фаланга занимаетъ квадратную милю и имѣетъ общую фаланстеру для жилья. Нѣсколько фалангъ соединяются подъ властью общаго начальника, дуарха, тріарха, тетрарха. Вся земля составляетъ одну монархію, подъ начальствомъ омніарха въ Константинополѣ.

Не смотря на всю эту фантастичность, въ теоріи Фурье есть и заслуживающее вниманія. „Оставляя въ сторонѣ все фантастическое, мы находимъ въ фурьеризмѣ здравое основаніе. Трудъ долженъ быть сообразенъ съ внутренней природой человѣка, между потребностями и занятіемъ человѣка должна существовать величайшая гармонія, возможная при соотвѣтствующей организаціи труда. Весь вопросъ заключается лишь въ томъ, можетъ ли избранный путь привести къ цѣли, возможно ли принудить народы избрать извѣстную форму жизни, не обращая при этомъ вниманія ни на различіе расъ, ни на различіе обычаевъ и жизненныхъ привычекъ, ни на различіе способностей и дарованій? Не напрасной ли, напротивъ, является борьба противъ всякой національности, противъ всякаго культурнаго различія“ [61]).

Вполнѣ вѣрно, что соціальныя условія, при которыхъ происходитъ работа, играютъ существеннѣйшую роль. Та или иная

организація труда вліяетъ на самый характеръ его. Одни люди лучше и охотнѣе работаютъ на себя, другіе лучше всего работаютъ для другихъ, для семьи, для близкихъ, для родины. Въ особенности серьезное значеніе имѣетъ свобода выбора занятій не только юридическая, но и экономическая, т. е. фактическая возможность избирать для себя тотъ родъ труда, который наиболѣе соотвѣтствуетъ наклонностямъ. А эта фактическая свобода выбора занятій обусловливается не только общимъ образованіемъ, но и общими соціальными условіями, даже общими соціально-этическими условіями. Въ этомъ отношеніи рѣзкій констрастъ со старымъ свѣтомъ представляетъ собою Сѣв. Америка.

„Американецъ вообще, чрезвычайно легко мѣняетъ ремесло и профессію. Доведенная до крайнихъ предѣловъ способность его къ самодѣятельности производитъ то, что онъ не гнушается и не страшится никакой работы, и съ большей легкостью и увѣренностью мѣняетъ, свою профессію, чѣмъ, нашъ братъ мѣняетъ свою квартиру. Я зналъ въ южной Айовѣ одного доктора, который послѣдовательно былъ батракомъ на фермѣ, акробатомъ въ странствующемъ циркѣ, затѣмъ докторомъ и, наконецъ маклеромъ для продажи и залога фермъ; теперь ему всего 40 лѣтъ, съ небольшимъ; онъ владѣетъ великолѣпной фермой и очень успѣшно управляетъ ею. Подобные случаи никакъ не исключеніе, а скорѣе общее правило. Фактъ, въ родѣ того, что Гарфильдъ былъ погонщикомъ муловъ, Линкольнъ—сапожникомъ, а Джонсонъ—портнымъ, факты, приводящіе Европейца въ изумленіе и заставляющіе евр. журналистовъ проливать слезы умиленія надъ превосходствомъ америк. общественнаго строя,—въ Америкѣ никого не удивляютъ. Сапожное или столярное ремесло такое же trade, какъ де путатство въ конгрессѣ или президенство, но только послѣднее ремесло неизмѣримо выгоднѣе“ [62]).

Если въ Америкѣ никого не удивляетъ то, что президентъ Гарфильдъ былъ простымъ погонщикомъ, президентъ Линкольнъ сапожникомъ, а Джонсонъ портнымъ, то въ старой Европѣ еще долго будутъ уважать лишь трудъ ничегонедѣланія.

Даже въ утопіяхъ европейцевъ не всякій трудъ признается почетнымъ и желательнымъ. Такъ наприм. Теодоръ Герцль признаетъ заблужденіемъ мысль „превратить евреевъ въ земледѣльцевъ.“—„Крестьянство, пишетъ онъ, есть собственно историческая категорія, въ чемъ легко и удобно можно убѣдиться изъ привычекъ и заботъ крестьянина, въ большинствѣ случаевъ одообразныхъ и старыхъ, и его земледѣльческихъ орудій. Тѣ и другія совершенно примитивны, ничѣмъ не отличаясь отъ привычекъ или замледѣльческихъ орудій его предковъ. Онъ пашетъ еще тѣмъ же плугомъ, онъ сѣетъ еще рукой, онъ коситъ еще допо-

топной косой и молотитъ допотопными цѣпами, несмотря на то, что для всего имѣются уже очень давно превосходныя землед. орудія и машины. Сельскохозяйственный вопросъ есть въ тоже время и машинный вопросъ и на этомъ пути Америка, подобно крупному хозяину, пожирающему мелкаго, побѣдила Европу.—И вотъ при такихъ обстоятельствахъ хотятъ еврея, интеллигентность котораго нельзя отрицать, принудить сдѣлаться крестьяниномъ *стараго покроя* (?!) Это также возможно, какъ сказать еврею: вотъ тебѣ лукъ и отправляйся на войну!“ [63]).

Если бы такъ разсуждали всѣ, то давно уже люди возвратились бы къ луку и охотѣ на звѣрей, такъ какъ никто не хотѣлъ бы работать въ полѣ, ссылаясь на свою интеллигентность, а извѣстно, что всякій признаетъ себя интеллигентнымъ.

Самая возможность указанныхъ нами противоположныхъ воззрѣній на трудъ говоритъ о томъ, что въ сферѣ труда есть элементы зла и элементы добра, употребляя старые термины, т. е. элементы эволюціи и конъюнкціи съ одной стороны и съ другой—элементы прогресса. Первые представляютъ собою, такъ сказать, ветхій завѣтъ труда, потовую систему его. Вторые—новый завѣтъ, на знамени котораго написаны слова Спасителя: ищите истину и истина свободитъ вы. Тяжелый трудъ, убивающій и тѣло и душу, дѣйствительно вызвалъ войну между людьми, борьбу не за существованіе, но за чужой хлѣбъ, за усвоеніе чужого труда. Разбой и хищничество были бы немыслимы, если бы трудъ былъ не бременемъ, не карой, а удовольствіемъ. Несомнѣнно horror laboris вызвана къ жизни тяжелыми условіями жизни рабочаго человѣка. „Не трудъ самъ по себѣ омерзителенъ человѣку, говоритъ Г. Джорджъ, но неестественная необходимость усилія, которая является проклятіемъ; это только трудъ, не производящій ничего, усиліе, результатовъ котораго онъ не можетъ видѣть. Трудиться изо дня въ день и все таки быть едва въ состояніи существовать, это дѣйствительно тяжело; это подобно адскому наказанію, принуждающему человѣка выкачивать воду насосами, что бы не утонуть, или ступать по мельничному топчаку для того, что бы не быть раздавленнымъ“ [64]).

Да и вообще необходимо отличать работу, какъ средство, отъ работы ради этой самой работы. Подъ вліяніемъ нужды человѣкъ работаетъ, какъ невольникъ. Это тоже рабство. Но когда нужды удовлетворены, возникаетъ работа, какъ требованіе не внѣшнихъ побужденій, а какъ результатъ творческаго самопобужденія. Такова прежде всего работа ученаго, артиста, публициста, изслѣдователя природы, изобрѣтателя и т. п. Люди таланта готовы отказаться отъ всего, лишь бы оставлена была имъ возможность такой работы. Но такой же характеръ имѣетъ и работа въ чисто матеріальной сферѣ, когда матеріальныя нужды

перестаютъ носить тираническій характеръ, когда человѣкъ работаетъ для того, чтобы не быть праздным, когда въ самомъ трудѣ онъ видитъ для себя не нужду, а естественное самопобужденіе, присущее каждому здоровому организму. Въ этомъ смыслѣ трудъ есть проявленіе творческихъ эмоцій человѣка, проявляющихся не только въ духовно-нравственной сферѣ, но и въ строго физическомъ или мускульномъ трудѣ. Вѣдь кому не извѣстно, что мускулы имѣютъ естественной своей функціей движеніе, т. е. работу. Необходимо лишь, что бы эта работа соотвѣтствовала силамъ человѣка, какъ такового, т. е. необходимо, что бы работа была свободной въ полномъ смыслѣ слова. Невѣжественный трудъ не можетъ быть названъ свободнымъ, хотя бы онъ и былъ таковымъ юридически, ибо это трудъ раба у стихій. Еще менѣе можно назвать свободнымъ трудъ, лишенный этики, ибо это трудъ раба эгоизма, работа хищнаго звѣря. Никогда не должны быть забываемы прекрасныя слова Монтескье: „Страны бываютъ счастливы въ зависимости не отъ степени ихъ плодородія, но отъ степени ихъ свободы“. Только трудъ одухотворенный знаніемъ и совѣстью перестаютъ быть карой. Такой трудъ и будетъ служить выраженіемъ высшаго развитія человѣческой личности, подобно тому, какъ въ настоящее время положеніе труда выражаетъ собою низшее, не достойное человѣка положеніе личности. Въ нашей литературѣ встрѣчаемъ прекрасную попытку отождествленія труда съ личностью, сдѣланную Н. Михайловскимъ. „Надо найти въ личности такой ея аттрибутъ, такое свойство, которое было бы ей присуще, и именно какъ личности и независило бы ни отъ какихъ случайныхъ опредѣленій. Такой аттрибутъ есть трудъ, цѣлесообразное напряженіе личныхъ силъ. Таланты отъ Бога, богатства отъ рукъ человѣческихъ, намъ говоритъ поэтъ. Если я талантливъ, то это случайный даръ судьбы, очень можетъ быть цѣнный, но онъ не составляетъ необходимаго элемента человѣческой личности и, если не будетъ оплодотворенъ трудомъ, то можешь ты совсѣмъ безслѣдно затеряться, какъ это часто бываетъ, или даже принести вредъ и мнѣ и людямъ, какъ это тоже часто бываетъ. Если я богатъ, то это богатство навѣрное есть плодъ дѣятельности „рукъ человѣческихъ“, но, по всей вѣроятности, не моихъ. Выигравъ 200,000 въ лотерею, или получивъ ихъ по наслѣдству, я этимъ ни на волосъ не прибавилъ и не убавилъ своего личнаго достоинства. Печать личности налагается лишь ея дѣятельностью, трудомъ.—Сама личность выражается только въ трудѣ, который относится, можетъ быть, къ ней такъ же, какъ движеніе къ матеріи“ [65]).

Трудъ и личность дѣйствительно не отдѣлимы также, какъ не отдѣлима матерія отъ движенія. Какова личность, таковъ и трудъ. Гдѣ личность порабощена, тамъ мыслимъ только рабскій,

малопроизводительный трудъ. Тамъ нищета и бѣдность неизбѣжны, неизбѣжны и преступленія, а также вся система учрежденій для борьбы съ ними, поглощающая и безъ того скудную производительность населенія. Тамъ не жизнь, а прозябанье. Въ особенности тяжело то переходное состояніе личности, въ которомъ она находится въ настоящее время. Старые соціальные устои, выработавшіе коллективную душу, выразившуюся въ родовыхъ понятіяхъ, въ общемъ религіозномъ міросозерцаніи, въ національномъ патріотизмѣ и т. п., все болѣе и болѣе рушатся. Новые принципы, освобождая индивидуальность отъ соціальнаго Молоха, пока приводятъ лишь къ эгоизму М. Штирнера и Ницше, т. е. приводятъ къ тому, что каждый старается работать какъ можно меньше и получать какъ можно больше. Въ результатѣ получается лишь общая бѣдность, выраженіемъ которой служитъ общая дороговизна, какъ общая затруднительность въ удовлетвореніи нуждъ.

Чѣмъ *меньше труда* приходится въ среднемъ на долю каждаго, тѣмъ *труднѣе жизнь* въ странѣ. Благосостояніе каждаго опредѣляется такимъ *среднимъ трудомъ*. Отдѣльный человѣкъ можетъ выбиваться изъ силъ и въ тоже время бѣднѣть, если уменьшается въ странѣ среднее рабочее время, приходящееся на долю каждаго потребителя. Выраженіемъ этого положенія служатъ цѣны. Чѣмъ дороже жизнь, тѣмъ меньше труда въ странѣ и тѣмъ труднѣе жить въ ней. Дороговизна есть праздность и праздность есть дороговизна. Цѣнность вещей есть выраженіе праздности населенія. Чѣмъ меньше оно работаетъ, тѣмъ меньше производитъ и тѣмъ дороже жизнь. Цѣнность и трудъ съ общественной точки зрѣнія обратно—пропорціональны. Если въ одной странѣ на долю каждаго приходится въ среднемъ работы 5 часовъ въ день, а въ другой странѣ 10 часовъ, то въ первой продукты вдвое дороже, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій и первая страна вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ вдвое бѣднѣе второй. Только индивидуалистическій экономизмъ могъ отождествить цѣнность съ трудомъ. Наоборотъ, цѣнность и трудъ обратно пропорціональны. Каждый чѣмъ больше производитъ, тѣмъ больше даетъ другимъ и тѣмъ болѣе получаетъ отъ нихъ. Поэтому рабочій самъ себя караетъ, когда работаетъ вяло и безплодно. Національное хозяйство представляетъ собою одну общую мастерскую, въ которой полагается общая кладовая. Все производимое въ мастерской складывается въ общей кладовой. Изъ послѣдней каждый получаетъ равноцѣнность произведеннаго, обозначаемую счетными единицами, наприм. рублями. Каждая такая счетная единица представляетъ собою произведенное трудомъ въ счетную единицу времени, въ теченіи, наприм. рабочаго дня. Если каждый рубль, т. е. день труда, въ одно время произво-

дитъ два продукта, а въ другое только одинъ, то въ первомъ случаѣ рабочій изъ общей національной кладовой получаетъ вдвое болѣе, чѣмъ во второмъ. Каждый живетъ своимъ трудомъ, каждый получаетъ изъ національной кладовой равноцѣнность своего труда. Общая лѣность ведетъ лишь къ общей нищетѣ, общее невѣжество создаетъ лишь общую бѣдность. Но и частные трудовые порывы ничего не даютъ личности, получающей изъ общей кладовой лишь то, что въ ней есть. Плоха общая мастерская, бѣдна общая кладовая, бѣденъ и каждый производитель. Это аксіома: *доля каждаго есть часть цѣлаго.*

Почти всегда плоха армія производителей тамъ, гдѣ плохи ея вожди, т. е. гдѣ плоха и слаба интеллигенція. Этимъ въ особенности страдаетъ русское національное хозяйство.

У насъ давно констатированъ фактъ экономическаго безплодія русской интеллигенціи. Это въ высшей степени интересный продуктъ искусственнаго созданія государствомъ дѣйствительныхъ трутней. Интеллигенція наша съ поконъ вѣковъ—служилое сословіе, т. е. получающее жалованье. Выработалась привычка надѣяться не на свои силы, но на государственное содержаніе. Естественно произошла атрофія энергіи и предпріимчивости. Произошло совершенно тоже самое, что видимъ и въ мірѣ животномъ. Трутни не способны къ работѣ; они выработали въ себѣ только способность услуживать царицѣ. У нѣкоторыхъ муравьевъ воины превратились въ страшныя челюсти для враговъ, но сами эти храбрые воины сдѣлались не способными даже кормиться и трудолюбивые рабочіе муравьи должны вкладывать имъ пищу въ ротъ. Безъ такихъ кормильцевъ воины изъ муравьевъ обречены на голодную смерть, несмотря на ихъ храбрость и неустрашимость въ борьбѣ съ врагами. Совершенно также безсильна и наша интеллигенція. Она не знаетъ энергіи, не знаетъ предпріимчивости. Она осуждена на нищенство или голодную смерть внѣ казеннаго содержанія.

Какъ и въ мірѣ пчелъ и муравьевъ, здѣсь интересы государства находятся въ явномъ противорѣчіи съ народными экономическими силами же государства. Убивая личность, т. е. ея энергію и предпріимчивость, государство осуждено на отсутствіе руководителей и предпринимателей въ экономической сферѣ. Интересно, что евреи и поляки, ограниченные въ правѣ превращенія въ чиновниковъ, развили въ себѣ ту предпріимчивость, благодаря которой они успѣшно борются и въ политической сферѣ съ русскими людьми.

IV.

Средній или, какъ говорится, общественно-необходимый трудъ есть первоисточникъ народнаго благосостоянія. Понятно,

почему весьма рано произошло *огосударствленіе всякаго труда.* Уже въ древнемъ мірѣ работы распредѣлены были между кастами, причемъ трудъ былъ не правомъ, но обязанностью каждаго члена касты. Уже въ глубокой древности религіи не только освящали, но и предписывали работу. И вѣрно замѣчаніе Э. де-Лавеле, что религіозныя предписанія въ древнемъ мірѣ значительно вліяли на культуру труда. Такъ нынѣ пустынныя области Тигра и Ефрата, составлявшія нѣкогда часть персидскаго государства, были извѣстны въ древности плодородіемъ своихъ полей и богатствомъ своихъ городовъ благодаря религіи Зароастра, освящавшей трудъ [66]).

Такимъ же образомъ по тѣмъ же причинамъ процвѣтало земледѣліе и у древнихъ евреевъ. Съ развитіемъ въ зап. Европѣ деспотій государственный характеръ труда выразился въ странной формѣ благодарства однихъ видовъ труда и неблагородства другихъ, а также въ правѣ государей распоряжаться самопроизвольно трудомъ подданныхъ. Франц. Генрихъ III въ эдиктѣ 1581 г. высказалъ такое ужасное положеніе: „Позволять работать есть право господъ и короля, (est un droit domonial royal). Людовикъ XIV также имѣлъ претензію, что только короли могутъ дѣлать художниковъ и ремесленниковъ (de faire des maitres des arts et metiers. Эдиктъ 1691 г.) Даже. Людовикъ XVI, чуть ли не наканунѣ революціи, возведшей его на эшафотъ, въ эдиктѣ 1776 г. провозглашаетъ принципъ Генрихъ III.

Въ этомъ уродливомъ видѣ сказался вѣрный принципъ государственнаго значенія труда. Общественная необходимость въ трудѣ тождественна съ государственной самообороной, которой приносится въ жертву и личность, когда обстоятельства этого требуютъ. Общественно-необходимый трудъ есть жизненная сила населенія. Всякій подрывъ ея равносиленъ подрыву общества и государства. Вопросъ объ организаціи нормальнаго труда есть чисто государственный національный вопросъ.

Поэтому-то и самыя свободолюбивыя страны въ тяжелые періоды экономической жизни не останавливаются даже предъ такими мѣрами, какъ реквизиціи труда. Во Франціи комиссія общественныхъ работъ, декретомъ, 15 марта 1794 г. уполномочена была производить реквизицію рабочихъ рукъ для производства общественныхъ работъ по всей странѣ. Но къ общественнымъ работамъ отнесены были и производимыя частными предпринимателями [67]).

30 мая 1794 г. была объявлена реквизація рабочихъ для сбора урожая. Исключались только тѣ рабочіе, которые раньше были объявлены подъ реквизиціей для другихъ работъ. Тѣ рабочіе, которые ослушаются, должны быть судимы, какъ „подо-

зрительные", т. е. могли быть преданы смертной казни. Плата опредѣлялась директоріей округа.

Реквизиція труда тождественна съ реквизиціей продуктовъ. Вѣдь продуктъ есть результатъ труда. Собственно говоря, реквизиція труда есть разумная предусмотрительность, дѣлающая честь правительству труднаго времени. Робеспьеръ строго логически проводилъ принципъ, что общественное благо выше частнаго и частное должно быть подчинено интересамъ народа.

Поэтому же стачка рабочихъ приравнивалась къ политическимъ преступленіямъ, къ нападенію на государственный строй. При этомъ было высказываема даже мысль, что государственное преступленіе извинительнѣе стачки, ибо государственные преступники дѣйствуютъ во имя политическихъ убѣжденій, а стачники изъ личныхъ выгодъ (n'etant mus que par un interè personnel). Въ 1794 г., говоритъ пр. Тарле, приравненіе стачки къ политическому преступленію могло въ самомъ дѣлѣ имѣть весьма и весьма устрашающій смыслъ. Веревочныя мастерскія работаютъ для флота, слѣдовательно вредить имъ все равно, что вредить государству [68]).

Въ Англіи черная смерть появилась въ м. августѣ 1348 г. продолжалась 14 мѣсяцевъ, уменьшивъ населеніе болѣе чѣмъ на половину. Пострадалъ главнымъ образомъ простой народъ и духовенство. Земли оставались невоздѣланными, помѣщикамъ пришлось посылать къ плугамъ дѣтей и женщинъ. Заработая плата поднялась. Хлѣбъ погибалъ на поляхъ, некому было собирать.

Пришлось государству придти на помощь земледѣлію и создать рабочихъ. *18 іюня 1349 г.* король Эдуардъ III издалъ Ордонансъ, которымъ повелѣвалъ чтобы каждый мужчина и каждая женщина, *какого бы состоянія они не были,* не старше 60 лѣтъ, кто не живетъ торговлей и ремесломъ, не имѣетъ собственной земли, воздѣлываніемъ, которой былъ бы занятъ, и не находится на службѣ у другого—*обязаны поступать на службу къ тому, кто ихъ зоветъ* и за плату, обычно дававшуюся за послѣднія пять или шесть лѣтъ. Отказавшіеся препровождаются въ тюрьму. Свобода возвращалась лишь тогда, когда находился поручитель, что будетъ работать [69]).

Королевскій ордоннансъ 1349 г. мало помогъ, несмотря на установленную имъ обязанность труда. Въ 1351 г. собрался парламентъ, созванный главнымъ образомъ для урегулированія рабочаго вопроса, получившаго первостепенное государственное значеніе. Общины единодушно констатировали необходимость крутыхъ мѣръ для поддержанія земледѣлія. Онѣ требовали ни болѣе, какъ тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ, кто отказывался отъ работы. И парламентъ издаетъ знаменитый въ экономической

исторіи *Статутъ о рабочихъ* 1351 г. Въ предисловіи къ нему законодатель недостатокъ рабочихъ объясняютъ злой волей рабочихъ, предпочитающихъ оставаться безъ работы, чѣмъ работать по справедливымъ цѣнамъ, предлагаемымъ хозяевами. Статутъ установилъ и размѣръ заработей платы въ разныхъ отрасляхъ труда. Такъ какъ рабочіе убѣгали изъ одного графства въ другое, то бѣжавшихъ должно было задерживать и препровождать въ главную тюрьму. По замѣчанію Д. Петрашевскаго, всѣ эти законодательныя мѣры остались мертвой буквой, рабочіе по прежнему не желали знать никакихъ законовъ божескихъ и человѣческихъ и руководствовались лишь собственными выгодами [70]).

Прибѣгали даже къ такимъ крутымъ мѣрамъ, какъ объявленіе убѣгавшихъ отъ труда находящимися внѣ закона и клейменіе раскаленнымъ желѣзомъ. Но и то не помогало и жалобы на отсутствіе, а также дороговизну рабочихъ продолжались. Въ 1368 г. общины жалуются королю и просятъ предпринять мѣры „противъ злонамѣренности и ужасной дороговизны слугъ, рабочихъ и ремесленниковъ, которые своимы чрезмѣрными и возмутительными требованіями съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разоряютъ и доводятъ до нищеты народъ, такъ что всѣ тѣ, кто живетъ землей, затрачиваютъ на ея обработку почти всѣ доходы съ нея“ [71]).

„Перспектива тюрьмы, колодокъ и даже выжженнаго на лбу раскаленнымъ желѣзомъ позорнаго клейма“ не устрашали и рабочіе убѣгали въ поискахъ за высшей заработей платой.

Ордоннансъ 1349 г. Англіи считаютъ первымъ статутомъ о рабочихъ. Всѣ люди, способные къ труду *и не имѣющіе иныхъ средствъ къ существованію* должны работать у каждаго, кто нуждается въ рабочемъ, за обычную плату. Подаяніе помощи бродягамъ наказывается тюрьмой. Въ 1388 г. было узаконено, что рабочіе могутъ передвигаться съ мѣста на мѣсто, но должны представлять удостовѣренія о службѣ, въ которомъ должно указывать родъ ихъ труда. Актомъ 1526 г. здоровые нищіе наказывались розгами и, по предъявленіи удостовѣренія о розгахъ, получали пособія въ дорогѣ на родину.

Всѣ эти попытки говорятъ о томъ, что трудъ имѣетъ не одно лишь частнохозяйственное значеніе. Вопросъ объ организаціи труда въ существѣ дѣла важнѣйшій государственный вопросъ. Вся исторія объ этомъ свидѣтельствуетъ. Не только рабство, но и крѣпостное право представляютъ собою лишь формы огосударствленія труда и такія формы, безъ существованія коихъ государства просто на просто не могли бы существовать, или же человѣчество осталось бы на стадіи животнаго анархизма и самъ человѣкъ былъ бы лишь высшимъ видомъ обезьянъ. Можетъ быть

обезьяны въ дѣйствительности не являются нашими предками, а представляютъ собою первобытныхъ людей, оказавшихся не способными перейти отъ анархизма хотя бы и стаднаго къ организованному сообществу и къ организованному труду. Быть можетъ, это выродившіеся люди же, устойчиво сохранившіе инстинкты индивидуальности, доведенной до анархизма....

Отрицающіе необходимость организаціи труда игнорируютъ тотъ всеобщій фактъ, что еще не было ни единой страны въ мірѣ, которая могла бы существовать безъ той или иной системы организаціи труда. Конечно, въ прошломъ едва ли не на каждомъ шагу мы видимъ кровавые законы трудовой организаціи, къ которымъ государства прибѣгали всякій разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тому или иному производству придавалось государственное значеніе. Такъ у насъ для культуры фабрикъ и заводовъ приписывались въ крѣпостные крестьяне и отдавались вполнѣ на усмотрѣніе фабрикантовъ и заводчиковъ. Припомнимъ хотя нѣкоторые факты изъ этой мартирологіи труда.

Приказчики Демидова до того били крестьянъ батогами и кнутомъ, что у нихъ не заростали раны по полугоду и въ ранахъ даже заводились черви. Въ случаѣ жалобы, приказчики, надѣвъ на приносившихъ жалобы колодки на шею, водили ихъ и наказывали ременными кнутьями. Въ одной челобитной названо 12 человѣкъ, засѣченныхъ до смерти. Крестьяне, приписанные къ заводамъ, должны были проходить въ одинъ конецъ отъ 490 до 688 верстъ [72]).

Какъ сурово обращались съ протестантами, видно изъ слѣдующаго. Крестьяне, приписанные къ заводамъ Никиты Демидова, въ 1765 г. начали волноваться. Агитаторъ каменщикъ былъ наказанъ кнутомъ, ему вырѣзали ноздри и сослали въ вѣчную каторжную работу на Нерчинскіе заводы. Изъ другихъ виновныхъ—десятый былъ битъ кнутомъ, а остальные батогами“ [73]).

Работа на заводахъ не давала возможности обрабатывать поля. Жены полученный ими отъ своей работы хлѣбъ продавали, чтобы уплачивать за мужей подати. „Бѣдность этихъ крестьянъ была такъ велика, что они принуждены были большую часть своей жизни довольствоваться пихтовою корою, которую они толкли въ ступѣ; просѣявъ, смѣшивали съ небольшимъ количествомъ ржаной муки и пекли лепешки“ [74]).

Это тяжелая быль, не поросшая еще быльемъ. И противъ нея-то возстали честные классики политической экономіи. Но они попали изъ огня въ полымя. Ратуя за освобожденіе отъ одного Молоха, они отдали трудъ другому, и только.

А жизнь не стоитъ и государство эволюціонируетъ вмѣстѣ съ нею. Во всѣхъ культурныхъ государствахъ появляется принципъ культуры національнаго труда.

Въ какой мѣрѣ отвращеніе отъ труда, этотъ horror laboris, зависитъ отъ отсутствія трудовой культуры, видно изъ фактовъ нашего каторжнаго труда. Тюремный трудъ у насъ совсѣмъ не удался и всѣ добрыя намѣренія оказались настоящимъ адомъ.

„Недостаточное питаніе, говоритъ пр. Дриль, иногда недостаточная одежда, скученность въ тюремныхъ помѣщеніяхъ, сырость и неудовлетворительность послѣднихъ—все это ослабляетъ организмъ и всегда болѣе или менѣе понижаетъ уровень его силъ, а слѣдовательно и его работоспособность, что не только наноситъ ущербъ интересамъ казны во время тюремнаго сидѣнья и дурно вліяетъ на порядокъ жизни въ тюрьмѣ, но выпускаетъ изъ тюремъ много людей ослабленныхъ, мало пригодныхъ къ напряженному труду, къ устройству вновь сколько нибудь прочнаго домообзаводства и веденію самостоятельнаго хозяйства, а потому и болѣе или менѣе наклонныхъ къ впаденію въ новыя преступленія и часто нуждающихся въ общественномъ призрѣніи“ [73]).

Такъ возникаетъ отвращеніе отъ труда. „Органическое ослабленіе обычно сопровождается повышенною раздражительностью, при извѣстныхъ условіяхъ—озлобленностью, усиленіемъ наклонности къ нарушеніямъ порядка, а въ тюрьмахъ иногда вызываетъ и явленія уклоненія и отказа отъ работъ, которыя въ свою очередь влекутъ за собою для виновника наказанія какъ розгами, такъ и карцернымъ сидѣніемъ, еще болѣе способствующимъ развитію слабосилія“ [74]). „Въ штрафныхъ тетрадяхъ приходится встрѣчать, что арестантъ, наказанный „за уклоненіе“ отъ работъ 40 ударами розогъ, на пространствѣ самаго непродолжительнаго времени наказывается уже „за упорный отказъ отъ работъ“ и т. д. Выкалываютъ себѣ глаза, чтобы избавиться отъ работъ [75]).

А между тѣмъ въ тюремномъ трудѣ у насъ рано видѣли лучшее изъ исправительныхъ средствъ! И въ высшей степени вѣрно объясняетъ эту полнѣйшую неудачу пр. Дриль отсутствіемъ у насъ сносной администраціи. Проф. Д. Дриль говоритъ, что „казенные заводы и фабрики въ Сибири были дурно обставлены и при значительномъ числѣ каторжныхъ, не могли давать работу еще и поселенцамъ, а сибирская администрація, особенно въ лицѣ низшихъ исполнителей, наклонныхъ къ злоупотребленію и формальному отношенію къ дѣлу, оказалась неспособной сколько нибудь правильно организовать ремесленныя работы“ [79]).

Также неудачна была и попытка устройства казенныхъ поселеній, таившая въ 1829 г. благую цѣль „чрезъ усредоточенный надзоръ и занятіе въ хлѣбопашествѣ удержать преступниковъ отъ праздности и побѣговъ“. Поселенцы побросали дома и „устремились къ бродяжеству и преступленіямъ“.

Съ одной стороны отсутствіе трудовыхъ эмоцій и съ дру-

гой отсутствіе честныхъ и разумныхъ руководителей и создали то, что благія государственныя намѣренія культивировать трудъ и трудомъ исправить моральный бытъ преступниковъ окончились полнѣйшей неудачей. Такую же неудачу дали бы и законы, заставившіе волостныхъ писарей преподавать математику въ гимназіяхъ и университетахъ. И министру, сдѣлавшему подобное распоряженіе, пришлось бы вдобавокъ поражаться, что его добрыя намѣренія не приносятъ желательныхъ результатовъ!

Быть можетъ, именно по этой причинѣ въ современныхъ государствахъ почти все, что только сдѣлано для культуры труда, сдѣлано по иниціативѣ и настояніямъ рабочихъ, а не по благимъ намѣреніямъ правительствъ или парламентовъ. Таково наприм. установленіе минимума рабочаго дня, имѣющее въ высшей степени важное значеніе въ культурѣ національнаго труда.

И. М. Сѣченовъ въ сообщеніи „Особенность устройства и свойство двигательныхъ органовъ животнаго тѣла“ даетъ слѣдующій разсчетъ для опредѣленія рабочаго дня. Сердечныя мышцы работаютъ, какъ простой пожарный насосъ съ клапанами, при чемъ сила сердца равняется почти двумъ килограммамъ или $^1/_{35}$ лошад. силы. Если въ минуту 75 ударовъ, то дневная работа, превышаетъ сотни лошадиныхъ силъ. Но каждый ударъ употребляется 0,8 секунды, при чемъ на работу идетъ 0,3 секунды, а на отдыхъ, т. е. когда оно опускается—0,5 секунды. Благодаря этому отдыху сердце не утомляется. Сердце въ 16 ч. употребляетъ 6 ч. на работу и 10 на отдыхъ.—Отдыхъ требуется и при праздномъ времени. 8 часовый сонъ возстановляетъ лишь силы для накопленія ихъ на другой день. Для рабочаго ночной сонъ не долженъ считаться отдыхомъ его фабричной работы, ибо онъ идетъ на отдыхъ только обычной жизни.

Это физическій минимумъ отдыха, безъ котораго національный трудъ не можетъ ремонтироваться и естественно долженъ падать. Но и нравственныя основанія въ свою очередь требуютъ опредѣленнаго отдыха. Физическій трудъ, поглощающій все время, одновременно съ этимъ поглощаетъ и самаго человѣка. По основательному мнѣнію В. Соловьева, отдыхъ есть требованіе нравственной культуры, такъ какъ безъ него немыслимо духовное развитіе. „Человѣкъ всецѣло поглощенный матеріальною работою, если не впадаетъ въ полное одичаніе, то во всякомъ случаѣ не можетъ уже думать о дѣятельномъ осуществленіи своего высшаго человѣческаго значенія“ [77]).

Въ общемъ напряженность труда не уменьшается, а страшно увеличивается. Вѣрно замѣчаніе М. Меньшикова: „членъ цивилизованнаго общества работаетъ теперь отъ пяти до двадцати пяти разъ больше, чѣмъ полвѣка тому назадъ, а параллельно съ этимъ быстро умножаются преступленія, помѣшательства, само-

убійства, явились новыя нервныя болѣзни, какъ прямое послѣдствіе новыхъ культурныхъ условій“ [78]).

Да, пора сказать труду: остановись, вспомни о днѣ субботнемъ. Въ особенности это вѣрно въ отношеніи къ обществу. Число пассажировъ въ Германіи, Франціи и Англіи еще въ 1840 году было не болѣе 2½ мил., а къ концу XIX в. свыше 614 милліоновъ. Въ г. Кіевѣ, съ населеніемъ въ 500 т., число пассажировъ въ 1910 г. по трамваямъ было 65 милліоновъ. *Жизнь превратилась въ вихрь.* Понятно, почему при этомъ невѣроятномъ трудовращеніи децентрализаціонныя силы убиваютъ массы ослабѣвшихъ, не способныхъ выдержать напоръ трудовой энергіи.

По вѣрному замѣчанію М. Меньшикова, „замѣчаемый въ послѣднія десятилѣтія во всей Европѣ упадокъ душевной дѣятельности, пониженіе литературы, науки, философіи и искусствъ, имѣетъ повидимому, тѣсную связь съ общимъ утомленіемъ образованныхъ классовъ. Даже если изъ болѣе свѣжихъ народныхъ нѣдръ и выйдетъ талантливый человѣкъ, то онъ попадаетъ въ омутъ чрезмѣрной работы и, невольно усваиваетъ ея пріемы, скоро устаетъ, благороднѣйшія свойства его души утомляются и онъ дѣлается живою машиною, ремесленникомъ науки и искусства. Всякое творчество есть продуктъ накопленной и бережливо истрачиваемой энергіи, нынѣшніе же дѣятели, которые „жить торопятся и чувствовать спѣшатъ“, открываютъ своей энергіи сразу всѣ выходы, жгутъ свѣчу съ обоихъ концовъ и сгораютъ, не давая ни спокойнаго, ни даже яркаго свѣта“ [79]).

Вотъ почему уже древнія религіи освящали опредѣленный день для отдыха и признавали отдыхъ отъ дѣлъ священною объязанностью, установленною самимъ Богомъ. Таковъ ветхозавѣтный субботній день. Поэтически и съ глубокою грустью о тяжелыхъ будняхъ говоритъ о немъ Гейне. У короля родился принцъ. На торжество забыли пригласить злую фею и она превратила принца въ собаку съ тѣмъ, чтобы лишь въ субботній день принцъ оставлялъ собачью жизнь и становился принцемъ. И съ тѣхъ поръ хотя одинъ день въ недѣлю рабочій еврей чувствуетъ себя человѣкомъ.

Во Франціи революція 1789 г. рѣшила отмѣнить воскресенье, какъ празднованіе седьмого дня. Вмѣсто воскресенья, чтобы рабочій отдыхалъ каждый десятый день, а не седьмой. Введеніемъ декады революціонеры стремились увеличить національный трудъ уменьшеніемъ дней отдыха. Насколько суровой обязанностью былъ признаваемъ ими трудъ видно изъ того, что закономъ 1793 г. милостыня была объявлена проступкомъ, подлежащимъ наказанію. Но ни милостыня, ни воскресный отдыхъ не исчезли, несмотря на суровыя революціонныя

кары. А вмѣсто этого XIX вѣкъ принесъ законодательное ограниченіе рабочаго дня [80]).

Только относительно женскаго и дѣтскаго труда существенныя ограниченія сдѣланы по иниціативѣ правительствъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ трудъ женщинъ и дѣтей появился съ первыхъ же дней земледѣлія [81]).

И теперь многіе виды сельско-хозяйственнаго труда считается или привиллегіей или обязанностью женщинъ. Таково огородничество, таковъ уходъ за коровами и вообще домашнимъ скотомъ. Только уходъ за лошадьми признается мужескимъ, вѣроятно со временъ охоты и кочевого быта, когда лошадь была орудіемъ охотника и кочевника. Жатва, полотьба и т. д.—все это женскія или дѣтскія занятія. Введеніе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ создало женскій трудъ, такъ какъ для сѣнокосилокъ, жатокъ и пр. понадобился трудъ мужчинъ.

Трудъ матери и дѣтей—великая историческая школа, воспитавшая трудъ человѣчества. Соціалисты, настаивающіе на воспрещеніи труда дѣтей, правы лишь относительно труда въ индустріи, но не въ земледѣліи. Лишеніе населенія этой трудовой школы было бы величайшимъ несчастьемъ для человѣчества. Только привыкнувъ съ дѣтства къ труду люди избѣгаютъ праздности и тунеядства. По вѣрному замѣчанію Э. Давида, „пріученіе ко труду можетъ совершаться лишь съ помощью труда“.

Въ обрабатывающей промышленности женскій трудъ появляется съ паденіемъ цеховъ и появленіемъ кустарнаго производства. Женщины въ цехи не принимались. Въ XV в. появляется раздача женщинамъ работы на домъ. Вмѣстѣ съ женщинами, конечно, стали работать и дѣти [82]).

Фридрихъ Великій покровительствовалъ распространенію труда женщинъ и дѣтей и даже самъ посылалъ сотнями и тысячами дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ для занятія ихъ въ пряжѣ холста и возмущался, когда матери отказывались отъ его предложеній. Марія Терезія также признавала выгоднымъ для націи дешевый трудъ женщинъ и дѣтей.

Съ распространеніемъ машиннаго производства женскій и дѣтскій трудъ вошелъ въ общее употребленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ появилась та страшная эксплоатація этого труда, которая должна была вызвать рядъ ограничительныхъ мѣръ.

Г. Джорджъ разсказываетъ, что начальники племени Сіу, пріѣзжавшіе съ дальняго запада и посѣщавшіе американскіе фабричные города, были удивлены не чудесами техники, не машинами, работающими, какъ будто они одарены умомъ, не быстротой движенія поѣздовъ, не телеграммами и телефонами, а тѣмъ, что среди этого чуднаго расцвѣта производительныхъ силъ на каждомъ шагу встрѣчались дѣти, занятые тяжелой работой.

Если эта работа дѣтей поразила первобытныхъ людей, привыкшихъ ко всякой жестокости, то, понятно, они должны были вызвать рядъ болѣе или менѣе ограничительныхъ мѣръ и со стороны правительствъ культурныхъ странъ. Въ этихъ случаяхъ правительства дѣйствуютъ исключительно во имя этическихъ принциповъ и это даетъ поводъ думать, что съ развитіемъ въ населеніи этическихъ принциповъ вообще будетъ обращено такое же не вынужденное вниманіе и на другія стороны народнаго труда. Эволюція морали захватываетъ въ своемъ естественномъ движеніи и правящія сферы.

Но главнымъ мотивомъ къ организаціи національнаго труда все-таки всегда будетъ національныя выгоды съ одной стороны и убытки съ другой, всегда отражающіяся на положеніи государствъ. Путь стачекъ сопровождается громадными убытками не только для рабочихъ, но и для всей страны.

Благодаря стачкамъ во Франціи, Англіи, Германіи, Австріи и Италіи потеряно рабочихъ дней въ

1899 . . . . . 7.328.677.
1900 . . . . . 13.190.327 [83]).

Каждому потерянному рабочему дню соотвѣтствуетъ удвоенная или утроенная потеря въ работѣ другихъ факторовъ производства, а также въ связанныхъ съ ними отрасляхъ національнаго труда.

Поэтому если рабочіе теряютъ 13 милліоновъ рабочихъ дней, то при этомъ страна теряетъ отъ 30 до 40 таковыхъ дней. Лучше разумными мѣрами предупредить, чѣмъ допускать эти потери. Съ другой стороны въ международной борьбѣ выигрываетъ та нація, трудъ которой наиболѣе производителенъ, а таковымъ можетъ быть только правильно организованный трудъ. И по естественнымъ законамъ эволюціи имѣютъ будущность лишь народы, принявшіе мѣры къ надлежащей постановкѣ своего труда. Въ данномъ случаѣ образцомъ того, что можно предпринять для національнаго труда, могутъ служить мѣры, проектированныя у насъ для правильной постановки нашего отхожаго труда.

Какъ земледѣліе отличается отъ промышленности, такъ и земледѣльческій трудъ отличается отъ фабричнаго. Многіе даже полагаютъ, что наемный трудъ немыслимъ въ земледѣліи, если рабочій имѣетъ возможность работать на собственной землѣ. Нѣтъ батрака, нѣтъ помѣщика. Такъ полагалъ и Энгельгардтъ въ своихъ „Письмахъ изъ деревни“. Въ странѣ исключительно земледѣльческой этотъ вопросъ особенно тяжелъ не только для земледѣльцевъ, но и для рабочихъ.

На пространствѣ Евр. Россіи ежегодно передвигается съ цѣлію отысканія заработка около 5 милліоновъ взрослыхъ мужчинъ. Это скорѣе меньшая цифра, чѣмъ преувеличеніе. Дошло

до того, что у насъ „моментомъ ухода“ и возвращенія рабочихъ обусловливается распредѣленіе зачатій и рожденій по мѣсяцамъ года. Женщины бываютъ ослаблены вслѣдствіе беременности и родовъ по преимуществу въ рабочую пору, а это отражается не только на питаніи дѣтей, но и на сборѣ с.-хоз. продуктовъ. Къ наиболѣе опасному для дѣтей періоду года, іюлю и августу, скопляется множество дѣтей 0—6 мѣсяцевъ, отчего въ усиленной степени развивается дѣтская холера [84]).

Браки вполнѣ зависятъ отъ передвиженія населенія [85]).

Д. Н. Жбанковъ относительно Костромской губ. сообщаетъ даже такой фактъ: ослабленіе организма и упадокъ питанія въ рабочее время доходятъ до того, что многія дѣвушки и небеременныя молодыя дѣвушки не имѣютъ менструацій все время съ самаго начала полевыхъ работъ до половины осени [86]).

Жбанковъ же констатируетъ фактъ, что благосостояніе уѣздовъ съ отхожими промыслами выше, чѣмъ въ уѣздахъ съ неразвитыми отх. промыслами.

Н. А. Каблуковъ говорилъ, что отхожіе промыслы очень часто результатъ „богатства рабочихъ силъ“ и способствуютъ умств. развитію [87]).

По этому поводу г. Варбъ замѣчаетъ: „Отходъ является зломъ не самъ по себѣ, а лишь благодаря тѣмъ ненормальнымъ условіямъ, которымъ онъ у насъ обставленъ. Въ С. Ам. Соед. Штатахъ, гдѣ отходъ на земл. промыслы развитъ въ громадныхъ размѣрахъ, онъ тѣмъ не менѣе никого не безпокоитъ и никогда не обращается въ тревожный общественный и госуд. вопросъ“.

Работа въ с. хоз. не постоянна и сразу требуется много рабочихъ. Благодаря этому: 1) Нѣтъ *приспособленій* для жилья, ибо на нѣсколько недѣль не выгодно строить дома; 2) *Цѣны* страшно колеблются. Возможны наприм. такіе факты: „Одинъ землевладѣлецъ, хозяйничавшій многіе годы въ родовомъ своемъ дворянскомъ имѣніи, видя свое ужасное положеніе, изъ котораго можно было найти выходъ единственно тройными противъ нормальныхъ и добросовѣстныхъ цѣнъ за уборку хлѣба платежами, брошенный рабочими, перешедшими къ другому хозяину, тамъ же на полѣ сельскаго труда умеръ отъ разрыва сердца [88]).

Но и рабочіе не всегда выигрываютъ. Высокія цѣны привлекаютъ массы и многіе остаются безъ заработка. При низкихъ цѣнахъ рабочіе страшно бѣдствуютъ. „Истративши на дорогу и на странствія по рынкамъ и экономіямъ всѣ свои скудныя средства, иногда „прохарчивъ“ даже часть своей одежды, голодные рабочіе толпами скопляются въ населенныхъ центрахъ, на большихъ станціяхъ жел. дорогъ, представляя изъ себя горючій матеріалъ, способный воспламениться для всякаго насилія и воспла-

менявшійся уже неоднократно до необходимости прекращенія буйства военною силою“ [89]).

3) Рабочіе странствуютъ по громаднымъ пространствамъ, оставляя хозяйства на женъ, дѣтей и стариковъ. Это поддерживаетъ полукочевой характеръ въ населеніи. Не даромъ П. С. Ефименко утверждаетъ, что „русскій народъ сохранилъ нравъ и привычки народа кочевого и крестьянскій отходъ есть не что иное, какъ отголосокъ этой уже пережитой имъ стадіи развитія. Конечно, нужда гонитъ крестьянина въ отходъ, но не она одна. Интенсивность отхода не стоитъ ни въ какомъ правильномъ соотвѣтствіи со степенью крестьянской нужды. Мало того, слишкомъ часто она находится въ прямомъ несоотвѣтствіи съ нимъ“ [90]). Крестьянъ Харьк. губ. „двигаетъ въ отходъ обычай, поддерживаемый, конечно, матеріальною необходимостью. Это традиціи чумачества, которыя въ свою очередь также имѣютъ историческую подкладку.

4) Не организованное или не урегулированное странствованіе рабочихъ можетъ быть опасно и съ санитарной точки зрѣнія, какъ и моральной.

Въ виду этихъ „особенностей“ сел. хоз. труда необходимо согласиться, что наемъ сельскихъ рабочихъ не можетъ быть подчиненъ лишь свободѣ найма по гражд. законамъ. Здѣсь необходимо разумное регулированіе и точки зрѣнія государственнаго благоустройства.

5) *Невозможность правильной конъюнктіи* въ с. хозяйствѣ приводитъ и неизбѣжно или къ несправедливости относительно рабочихъ или къ убыткамъ, дѣлающимъ самое земледѣліе въ крупныхъ или среднихъ размѣрахъ не мыслимымъ. Вотъ наприм. какъ было въ 1895 г. Съ весны на югѣ Екатеринославской губ. и въ Крыму слухи о высокихъ цѣнахъ привлекъ изъ Каховки и Херсона массы рабочихъ и цѣны понизились. Появились феноменальные дожди, шедшіе въ теченіе всего мая, хлѣбъ вылегъ, появилась ржавчина. Тогда хозяева стали притѣснять рабочихъ, желая избавиться отъ нихъ. „Съ этою цѣлію были пущены въ ходъ—плохое содержаніе пришлаго люда, обремененіе его непосильной, почти двадцати-часовой работой и проч.; когда же все это не помогло, тогда хозяева нѣмцы стали практиковать кулачную расправу съ рабочими, которые послѣ этого должны были уже поневолѣ бросать службу, оставляя даже заработанныя деньги въ рукахъ землевладѣльцевъ“ [91]).

Очевидно, противъ этого необходимо или большое примѣненіе машинъ, не требующихъ корма во время простоя, или раздробленіе большихъ имѣній. Во всѣхъ другихъ случаяхъ необходима правильная организація государствомъ и земствами передвиженія рабочихъ согласно съ закономъ спроса и предложе-

нія. Нынѣшнее передвиженіе—нѣчто ужасное. „Многомилліонная сельскохоз. армія рабочихъ, гов. Варбъ, бредетъ пѣшкомъ. Сотни верстъ эти толпы пѣшеходовъ тащатъ на плечахъ своихъ котомки, нагруженныя кое-какимъ скарбомъ и необходимой провизіей; косари еще несутъ съ собой косы. Блестящее развитіе сѣти жел. дорогъ и громадное оживленіе пароходнаго движенія мало, оказывается, облегчили передвиженіе отхожихъ рабочихъ. Вмѣсто прежнихъ чумацкихъ шляховъ, многочисленными партіями шествуютъ они „вдоль желѣзнодорожнаго полотна и береговъ судоходныхъ рѣкъ, развлекаясь наблюденіемъ красивыхъ картинъ быстролетныхъ поѣздовъ и плавно подвигающихся пароходовъ". Когда сухо и пыльно, босикомъ еще идти ничего, но если захватываетъ грязь, то отъ тяжелой обуви пухнутъ ноги и покрываются ссадинами. Каждый шагъ доставляетъ невѣроятныя мученія, а идти надо. Партія не ждетъ, сбрасываетъ сапоги и идутъ босикомъ. Отсюда массы больныхъ ревматизмами женщинъ, которыхъ приходится встрѣчать въ малорусскихъ деревняхъ.

Съ трудомъ повѣрять наши потомки, какъ мы безсовѣстно и не разумно растрачивали свою нѣкогда могучую рабочую армію, оставаясь, въ то же время въ бѣдности и нищетѣ, т. е. въ корнѣ подрывали собств. благосостояніе, уподобляясь той свиньѣ баснописца, которая подрывала корни дуба, богатаго жолудями и затѣмъ голодала.

Въ Германіи съ 1865 г. устраиваются пункты, гдѣ кровъ и питаніе даются даромъ подъ условіемъ лишь извѣстной работы. Въ 1884 г. ихъ было 595, а въ 1897 г.—917. Они называются Naturalphlegen stationen; при нихъ конторы для пріисканія работы; существуютъ также рабочія колоніи для борьбы съ бродяжничествомъ [92]).

У насъ составленъ практическій проэктъ организаціи рабочей арміи въ 1889 г. Ѳ. Баталинымъ, подъ названіемъ: „Проектъ снабженія юга Россіи рабочими". По этому проекту, организаціей д. заняться жел. дороги. Въ центрѣ Россіи, наприм. въ Москвѣ, устраивается Центральное рабочее бюро, куда два-три раза въ недѣлю телеграфировались бы съ нуждающихся въ рабочихъ станцій и пристаней свѣдѣнія о цѣнахъ на рабочихъ, условіяхъ найма и т .п. Центр. бюро печатаетъ рабочіе бюллетени и разсылаетъ ихъ по почтѣ для вывѣшиванія на видныхъ мѣстахъ станцій, пристаней, управъ и т. п. На станціяхъ происходитъ наемъ. „Положимъ, я крымскій землевладѣлецъ и мнѣ необходимо нанять 100 ч. рабочихъ. Тогда я пріѣзжаю наприм. на ст. Альма и справляюсь по раб. бюллетеню, гдѣ выгодно нанять. Выбравъ подходящую станцію, я прошу нач. станціи дать за мой счетъ телеграмму съ опл. отвѣтомъ въ Центральное ра-

бочее бюро. Послѣднее отвѣчаетъ, что рабочіе уже взяты и извѣщаетъ, гдѣ можно нанять. Я вношу въ кассу станціи стоимость провоза туда и обратно 100 рабочихъ вмѣстѣ съ задатками и нач. станціи телеграфируетъ о наймѣ. Тотъ нанимаетъ, выдаетъ задатки и договорные листы, отбираетъ паспорта и отправляетъ ихъ на ст. Альма.

Нѣтъ сомнѣнія, что осуществленіемъ этого проекта значительно упорядочилось бы дѣло найма и передвиженія; для жел. агентовъ необходимо лишь установить извѣстную плату, наприм. 50 коп. съ рабочаго.

Г. Варбъ признаетъ проектъ „ложнымъ въ самой основѣ, принимающимъ за вещь то, что въ дѣйствительности есть цѣлый живой человѣкъ“. Съ этимъ нельзя согласиться. Пока существуетъ наемъ, будетъ торгъ о рабочемъ. По Варбу, слѣдовало бы запретить всякій наемъ вообще. Онъ противъ регламентаціи, но что же дѣлать, если свобода ведетъ къ рабству или рабство принимаетъ лишь маску свободы. Лучше долой маску, тогда дѣло будетъ честно и ясно. Гласность и обществ. мнѣніе получаетъ силу и разовьется правильная организація найма, при коемъ рабочій будетъ участникомъ долей труда своего въ продуктѣ хозяйства.

V.

Часто приходится слышать о ничтожной производительности русскаго труда сравнительно съ трудомъ другихъ народовъ. Такъ, наприм. говорятъ, что „на десятину посѣвной площади приходится въ Америкѣ 6 душъ землед. населенія, въ Россіи же 10. А такъ какъ такое большое число лицъ производитъ въ Россіи на той же площади земли меньше хлѣба, чѣмъ въ Америкѣ, то производительность земл. населенія въ Америкѣ въ 10—11 разъ выше, чѣмъ въ Россіи, для разсчета на душу. По сравненію съ американцемъ русскій крестьянинъ находится въ такомъ же положеніи, какъ наприм. ручной ткачъ по сравненію съ ткачемъ, работающимъ на механическомъ станкѣ“ [93]).

А. В. Пѣшехоновъ разсчитываетъ производительность у насъ городского и сельскаго рабочаго. Въ 1897 г. на фабрикахъ и заводахъ работало 2 мил. рабочихъ и произвели 2 милліарда р., т. по 1000 рублей на каждаго рабочаго. Въ сельск. хозяйствѣ работало минимумъ 50 милліоновъ и произвели $1^1/_2$ милліарда рублей, т. е. по 30 рублей на рабочаго. „Встрѣчаясь съ рѣзкимъ фактомъ экономическаго неравенства, госуд. власть, казалось бы, должна была направить всѣ усилія, что бы смягчить это противорѣчіе, т. е. поднять производительность деревни и измѣнить въ ея пользу условія происходящаго въ странѣ обмѣна“. Конечно, ничего не сдѣлано [94]).

Для оцѣнки этихъ данныхъ необходимо остановиться на вопросѣ о предѣлахъ и условіяхъ производительности труда.

Предѣлы производительности труда обусловливаются физическими силами человѣка, не развивающимися, но остающимися безъ измѣненія, или даже ослабѣвающими съ развитіемъ цивилизаціи. Самое напряженіе физическихъ силъ не усиливаетъ, но уменьшаетъ производительность, не приближаетъ, но отдаляетъ отъ естественнаго предѣла производительности. Англійскій экономистъ Джевонсъ употребилъ слѣдующій пріемъ для иллюстраціи того, что максимумъ производительности не совпадаетъ съ максимомъ трудового напряженія. Взявъ тяжесть опредѣленной величины, онъ измѣрялъ время, въ теченіе котораго рабочій выдерживалъ ее. При этомъ оказалось, что тяжесть вѣсомъ въ 18 ф. рука выдерживала 15 секундъ, 10 ф.—60 секундъ, при 7 ф.—87 с., при 4 ф.—148 с., при 2 ф.—219 с., при 1 ф. 321 с. Умножая вѣсъ на время, получаемъ, что при 18 фунтахъ работа равняется 270 фунто-секундамъ; при 10 ф.=600 ф.—с.; при 7 ф.=609 ф.—с.; при 4 ф.=592 ф.—с.; при 2 ф.=438 ф.—с.; при 1 ф.=321 ф.—с. Другими словами, наибольшее количество работы получается не при самомъ напряженномъ трудѣ, а при средней напряженности его, т. е. въ данномъ случаѣ при вѣсѣ тяжести въ 7 фунтовъ. Вотъ почему сокращеніе рабочаго дня сопровождается не уменьшеніемъ, но увеличеніемъ производительности рабочихъ въ томъ случаѣ, если до этого рабочій день былъ слишкомъ продолжителенъ [95]).

Вопросъ о предѣлахъ производительности труда имѣетъ важное значеніе при опредѣленіи нормальныхъ размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія. Одни опредѣляютъ эти размѣры пространствомъ нужнымъ для пропитанія (Nahrungs-flache), другіе утверждаютъ, что нормальные поземельные надѣлы должны соотвѣтствовать рабочимъ силамъ крестьянской семьи (Arbeits-flache). Первый принципъ принятъ у насъ въ общемъ положеніи 19 февраля 1861 г. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ которомъ сказано, что надѣлы предоставляются крестьянамъ „для обезпеченія ихъ быта и исправнаго отправленія ими государственныхъ повинностей“ (ст. 6) [96]). Если принять такую потребительную норму, то у насъ размѣры крестьянскаго земледѣлія должны увеличиться съ юга на сѣверъ, по мѣрѣ того, какъ уменьшается урожайность земли. По нѣкоторымъ изсчисленіямъ, естественная потребительная норма для одного потребителя всюду, гдѣ урожайность колеблется между 7—9 четвертями съ десятины, равняется 1 д. посѣва или $1^1/_2$ дес. пашни при трехпольномъ хозяйствѣ. Чѣмъ меньше урожайность, тѣмъ больше должна быть площадь землевладѣнія. Тамъ, гдѣ урожайность уменьшается, одной десятины уже не достаточно для потребителя и надѣлы должны увеличиваться вдвое, втрое и т. д. [97]). Но такое увеличеніе площади, необходимой для прокормленія, можетъ не соотвѣтствовать рабочимъ силамъ. „Можно создать какіе угодно надѣлы, говоритъ одинъ изъ нашихъ изслѣдователей, но отъ этого положеніе рабочей семьи не увеличится, если площадь земли превосходитъ предѣлы рабочихъ силъ“. Какая бы ни была величина надѣла, но обыкновенный косарь въ одинъ день не сдѣлаетъ болѣе 11.000 взмаховъ косою, обыкновенная жница не сдѣлаетъ болѣе 25.000 ударовъ серпа, обыкновенный пахарь не пройдетъ за своей сохой болѣе 30 верстъ. Сила серпа,

шагъ пахаря и размахъ косы остаются одни и тѣ же на всякомъ надѣлѣ. „Если на данномъ надѣлѣ рабочія силы семьи вполнѣ заняты, то для обработки увеличеннаго надѣла необходимо измѣнить самый трудъ, перейти къ хищнической культурѣ“. Если рабочая семья, какъ представитель извѣстнаго количества механической силы, можетъ при тройной пахотѣ и систематическомъ удобреніи, обработать десять десятинъ, то для того, чтобы использовать двадцать десятинъ, она должна замѣнить своемъ хозяйствѣ тройную пахоту двукратной и отказаться отъ удобренія. Для болѣе тщательной обработки у нея не достанетъ времени, или, что одно и тоже, мускульной силы. Если рабочей семьѣ, вмѣсто десяти десятинъ, даютъ сорокъ, то она должна прибѣгнуть къ переложной системѣ; если ей даютъ восемьдесятъ десятинъ съ обязательствомъ ихъ использовать, она должна оставить земледѣліе и перейти къ скотоводству; если наконецъ семьѣ даютъ 640 д. съ обязательствомъ такъ или иначе эксплоатировать ихъ своей рабочей силой, то даже обыкновенное скотоводство не мыслимо, требуется верховой пастухъ, лассо или арканомъ загоняющій одичавшій скотъ. Рабочей семьѣ уже некогда косить сѣно, она обязательно отвыкаетъ отъ земледѣлія и невольно усваиваетъ привычки номада“ [98]).

Но и это не всегда возможно. Предѣлы занятія труда въ сельскомъ хозяйствѣ обусловливается климатическими особенностями страны, подъ вліяніемъ которыхъ тамъ, гдѣ земледѣліемъ рабочая семья можетъ быть занята наприм. всего 4 мѣсяца, поземельный надѣлъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ соотвѣтствовать потребительной нормѣ, не можетъ служить *единственнымъ* обезпеченіемъ хозяйственнаго быта населенія. У насъ это нерѣдко забывается при оцѣнкѣ благосостоянія и производительности крестьянъ. Крестьянская рабочая семья сѣверной полосы Россіи не можетъ обезпечить себя доходомъ отъ земли, подобно земледѣльческой семьѣ, работающей 8 или 12 мѣсяцевъ въ году. Трудъ не—земледѣльческій составляетъ для сѣвернаго крестьянина необходимое дополненіе къ труду земледѣльческому. Кн. Васильчиковъ такимъ образомъ характеризуетъ эти особенности земледѣльческаго труда въ Россіи: „Житель тверской, новгородской, псковской губерній (не говоря о крайнемъ сѣверѣ) прикованъ во все лѣто къ полевымъ работамъ на своей землѣ, работы эти слѣдуютъ одна за другою безъ перерыва, безъ отдыха съ ранней весны до осеннихъ заморозковъ: начиная посѣвъ раннихъ яровыхъ въ концѣ апрѣля, онъ оканчиваетъ обработку ярового поля не ранѣе половины мая; за тѣмъ приступаетъ немедленно къ вывозкѣ и запахиванію навоза; съ Иванова или Петрова дней принимается за сѣнокосъ, который въ сѣверныхъ влажныхъ мѣстностяхъ представляетъ такія трудности, о коихъ жители черноземныхъ и степныхъ губерній не имѣютъ и понятія; тамъ на одну десятину, для просушки и уборки сѣна, выходитъ втрое болѣе рабочихъ дней, чѣмъ въ степяхъ и поляхъ южной полосы. По окончаніи покосовъ, надо двоить паръ, жать рожь, потомъ сѣять озимый хлѣбъ и убирать яровой, что продолжается до конца августа или начала сентября. Всѣ полевыя работы прекращаются около Покрова (1 окт.). Жители чорноземной полосы находятся въ совершенно другихъ условіяхъ. Для примѣра возьмемъ группу губерній: тамбовской, воронежской и саратовской. Здѣсь весна открывается

въ мартѣ, яровые посѣвы начинаются и большею частью оканчиваются въ апрѣлѣ. Затѣмъ май и іюнь остаются почти свободными, навозницы, этой тяжкой работы сѣверныхъ губерній, здѣсь не знаютъ. Далѣе наступаетъ дѣйствительно рабочая страда— уборка хлѣбовъ, посѣвъ озимей, но опять въ условіяхъ несравненно болѣе легкихъ, чѣмъ въ навозной полосѣ. Хлѣба у крестьянина родится больше и уборка его легче, чѣмъ на влажныхъ и болотистыхъ почвахъ. Тоже можно замѣтить и о сѣнокосахъ, гдѣ они есть. Наконецъ осеннее время оставляетъ также много досуга крестьянамъ для постороннихъ работъ и тогда какъ въ сѣверной полосѣ всякія сообщенія и полевыя работы уже прекращаются, въ южной пахота, подвозы еще продолжаются до ноября. Изъ этого слѣдуетъ, что норма надѣла можетъ быть больше въ южныхъ и степныхъ губерніяхъ, меньше въ центральныхъ и еще меньше въ сѣверныхъ“ [99]).

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ климатическихъ особенностей у насъ возникаетъ естественная дисгармонія между трудовою и потребительною нормами земледѣлія.

Задачи народной экономіи у насъ встрѣчаютъ и въ этомъ отношеніи больше препятствій, чѣмъ на западѣ, гдѣ не существуетъ этой дисгармоніи. Уже изъ этого видно, что у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо имѣютъ значеніе всѣ тѣ условія, при помощи которыхъ облегчается трудъ и луше эксплоатируются силы труда и капитала.

Между трудомъ, направленнымъ къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей, и трудомъ, направленнымъ къ удовлетворенію потребностей духовныхъ, существуетъ самая тѣсная связь. Направленіе и характеръ матеріальнаго труда человѣка обусловливается направленіемъ и характеромъ духовной дѣятельности. Объ участіи умственнаго труда въ самой простой механической работѣ никто не можетъ сомнѣваться. „Самый тупой носильщикъ, изо дня въ день таскающій кирпичи по подмосткамъ, говоритъ Милль, исполняетъ отчасти дѣло умственное; самая понятливая собака не выучится этому. Самый тупоумный человѣкъ можетъ вертѣть рукоятку машины, а лошадь не можетъ вертѣть этого колеса, если кто-нибудь не погоняетъ ее и не смотритъ за ней“ [100]). Развитіе физическаго труда обусловливается знаніемъ свойствъ естественныхъ дѣятелей, то есть обусловливается умственнымъ развитіемъ трудящихся. Вотъ почему народное благосостояніе находится въ тѣсной зависимости отъ умственнаго быта; тамъ, гдѣ встрѣчается невѣжество, въ то же время господствуетъ и нищета. Поднятіе уровня умственнаго состоянія массъ равносильно увеличенію ихъ экономическаго благосостоянія. Причина бѣдности заключается въ томъ, что физическій трудъ не оплодотворенъ умственнымъ развитіемъ. Въ этомъ отношеніи вполнѣ вѣрно слѣдующее замѣчаніе одного изъ нашихъ экономистовъ: „Бѣдность народа есть ничто иное, какъ скрытое богатство. При благопріятныхъ условіяхъ этотъ скрытый теплородъ экономическаго міра освобождается и обнаруживаетъ сокровища, далеко превосходящій тѣ, сравнительно незначительныя богатства, которыя накопляются по временамъ въ рукахъ руководителей промышленности и къ которымъ такъ неразумно возбуждается многими недальновидными писателями зависть народа, этого величайшаго изъ всѣхъ капиталистовъ [101]). Благопріятныя условія, о которыхъ говоритъ нашъ экономистъ, состоятъ въ образованіи

производителей, дающемъ господство надъ силами природы и превращающемъ ихъ въ механическую въ сознательную дѣятельность.

Умственный трудъ, необходимый во всѣхъ родахъ и видахъ дѣятельности, для болѣе цѣлесообразнаго регулированія послѣдней спеціализируется и такимъ образомъ подчиняется общему закону интенсивнаго пользованія, состоящему въ сосредоточеніи или централизаціи силы, направленной къ достиженію опредѣленной цѣли. Такъ возникаетъ такъ называемая коньектура или проектъ предпріятія, предварительное соображеніе его осуществимости и доходности. Никакой трудъ не можетъ существовать безъ такой коньектуры [102]); всякая дѣятельность предполагаетъ предварительное осознаніе ея или осуществимости или доходности. Но многіе виды дѣятельности требуютъ спеціальной подготовки для составленія коньектуры; во многихъ случаяхъ для ея составленія необходимъ трудъ не одного, но многихъ спеціалистовъ: наконецъ могутъ быть случаи, когда дѣло составленія коньектуры не доступно средствамъ частныхъ лицъ и предпринимается правительствами,—таковы наприм. въ нѣкоторыхъ случаяхъ предварительныя изысканія о возможности проведенія желѣзнодорожнаго пути, о существованіи каменноугольныхъ залежей и т. п. Представляя собою результатъ общаго закона интенсивности пользованія силами, отдѣленіе коньектуральнаго труда отъ исполнительнаго должно быть разсматриваемо также какъ неизбѣжный результатъ безконечнаго разнообразія между людьми въ ихъ трудовыхъ способностяхъ. Нѣкогда существовало воззрѣніе, теперь окончательно потерявшее свой кредитъ, что всѣ люди равны по своимъ умственнымъ способностямъ. Воззрѣніе это на столько же истинно, какъ и аналогичная съ нимъ доктрина равенства по плодородію всѣхъ земель; доказывать равенство умственныхъ способностей людей все равно, что утверждать равенство плодородія различныхъ поземельныхъ участковъ на всемъ земномъ шарѣ. На низшихъ ступеняхъ своего развитія люди дѣйствительно мало различаются между собою, но такое равенство и есть признакъ дикости. Не даромъ говорятъ, что разнообразіе есть источникъ жизни; гдѣ нѣтъ разнообразія, тамъ нѣтъ и жизни; въ безжизненной песчаной пустынѣ каждая отдѣльная часть есть какъ бы повтореніе другой. Однообразіе умственныхъ способностей, какъ отрицаніе разнообразія въ жизни, представляло бы собою превращеніе экономическаго общежитія въ безжизненную песчаную пустыню. Если же умственныя способности людей разнообразны, то очевидно, утилизація ихъ не можетъ быть одинаковою; никто же не требуетъ одинаковой обработки земли на всемъ земномъ шарѣ и производства на ней вездѣ одинаковыхъ растеній. Разнообразныя способности людей вызываютъ разнообразіе въ средствахъ ихъ утилизаціи, подъ вліяніемъ чего они принимаютъ на себя исполнительный трудъ, другіе коньектуральный, одни являются самостоятельными предпринимателями, другіе наемными участниками въ предпріятіяхъ, одни хозяевами, другіе рабочими. Предпринимательство, по которому одинъ или нѣсколько человѣкъ, задумавъ извѣстное предпріятіе, осуществляютъ его при помощи наемнаго труда, представляетъ собою одинъ изъ видовъ коньектуральнаго труда, источникомъ котораго служитъ разнообразіе между людьми въ ихъ способностяхъ.

Не всякій, напримѣръ, можетъ рѣшиться принять на себя рискъ какого либо новаго препріятія; не всякій рѣшается на свой рискъ завести какое либо хозяйственное дѣло, въ результатѣ котораго можно получить выигрышъ, но можно и потерять все свое состояніе, или часть его. Такіе люди и находятъ примѣненіе своему труду въ исполнительныхъ наемныхъ работахъ, предпринимаемыхъ другими. Предпринимательство, такимъ образомъ, представляетъ собою явленіе вполнѣ естественое въ народной экономіи. Оно представляетъ собою продуктъ безконечнаго разнообразія способностей человѣческихъ. Подобно тому, какъ нелѣпа мысль о томъ, чтобы на всемъ земномъ шарѣ люди сѣяли одну пшеницу или одну рожь, такъ же нелѣпа и мысль о возможности превращенія всѣхъ людей въ предпринимателей и исполнителей въ одно и то же время. „До однообразной сообразительности всѣхъ людей довести невозможно, справедливо говоритъ Э. Вреденъ, именно въ послѣдствіи различія индивидуальныхъ способностей разныхъ людей. Если задаваться водвореніемъ подобнаго незыблемаго уровня, то это мыслимо не иначе, какъ притупивъ даровитыхъ лицъ до уровня наименѣе способныхъ. Не слѣдуетъ искать исхода существующаго неравенства въ стремленіи довести всѣхъ до однообразной степени трудовой способности. Въ дѣйствительномъ быту существуетъ нерушимая постепенность, только ее и возможно повысить“ [103]).

Другими словами, необходимо искать не уничтоженія разнообразія въ трудовыхъ способностяхъ, не превращенія общества въ безжизненную пустыню, въ которой каждая часть была бы повтореніемъ другой; но необходимо заботиться о возможномъ возвышеніи трудовыхъ способностей производителей, о поднятіи способностей каждаго до того уровня, который обусловливается индивидуальными силами. Вотъ почему вопросъ о народномъ образованіи имѣетъ въ высшей степени важное значеніе съ точки зрѣнія народной экономіи. Это прямой вопросъ о поднятіи уровня народнаго благосостоянія [104]).

Заботы о народномъ образованіи составляютъ почти вездѣ одну изъ функцій государственной власти. Это требуется уже тѣмъ, что народное образованіе имѣетъ общественное значеніе, вслѣдствіе чего не можетъ быть отдано на волю частныхъ дѣятелей. Государственные расходы на это образованіе имѣютъ высоко производительное значеніе для государствъ, благодаря тому, что трудъ народа, оплодотворенный знаніемъ, становится болѣе производительнымъ, что равносильно возвышенію податныхъ силъ населенія и средствъ, которыми располагаютъ государства. Съ другой стороны, эти расходы болѣе чѣмъ уравновѣшиваются уменьшеніемъ издержекъ по предупрежденію и пресѣченію преступленій, вызываемыхъ невѣжествомъ и слабостью трудовыхъ силъ, не укрѣпленныхъ умственнымъ развитіемъ. Безвозвратные расходы на охрану и преслѣдованіе, сыскную полицію и тюрьмы, исправленіе малолѣтнихъ осужденныхъ и т. п. сокращаются въ размѣрѣ ихъ полнѣйшей замѣны воспроизводительными затратами по воспитанію сообразительныхъ рабочихъ и добросовѣстныхъ податныхъ плательщиковъ [105]).

Первоначальное народное образованіе можетъ быть или произвольнымъ, или обязательнымъ. Въ первомъ случаѣ отъ воли родителей или опекуновъ дѣтей зависитъ посѣщеніе дѣтьми на-

роднаго училища. Предполагаютъ, что вмѣшательство государства въ это дѣло было бы нарушеніемъ свободы, вмѣшательствомъ въ частную жизнь, въ семейные разсчеты. Во имя этой свободы многіе и стоятъ за полную свободу первоначальнаго обученія. Но очевидно, что защищать безусловную свободу обученія, значитъ защищать право оставаться въ непроглядномъ невѣжествѣ, а такого права въ развитомъ обществѣ никто не имѣетъ. Въ свободной странѣ для гражданъ свобода обязательна; по закону, никто настолько не свободенъ, чтобы отказаться отъ своей свободы и сдѣлаться рабомъ или крѣпостнымъ человѣкомъ. Эта обязательность свободы не только не нарушаетъ послѣдней, но является ея необходимымъ условіемъ, ея законной гарантіей. Точно также и обязательное первоначальное образованіе не можетъ нарушать свободы гражданъ, а, напротивъ того, представляетъ собою необходимое условіе ея, такъ какъ при отсутствіи образованія истинная свобода не мыслима.

Подобно умственному, и нравственный элементъ въ трудѣ имѣетъ высокое значеніе въ народной экономіи. Въ древнемъ мірѣ трудиться считали безчестнымъ, всякій матеріальный трудъ считался признакомъ низкаго происхожденія. Если бы каждый думалъ такъ, то экономическое общежитіе было бы немыслимо. Съ развитіемъ общественности, образованія и въ особенности осознанія христіанскихъ истинъ нравственный элементъ во всякомъ трудѣ получаетъ все большую и большую силу, праздность признается порокомъ, житье здоровыхъ людей на чужой счетъ—преступленіемъ. Существованіе и развитіе трудоваго нравственнаго элемента гарантируется также общественною властью. Сюда относится дѣятельность солдата, полицейскаго сторожа, судьи, законодателя и т. д. О важности труда этихъ лицъ такъ выражается Милль: „трудъ ихъ составляетъ часть издержекъ производства; если бы количество продуктовъ не было достаточно на содержаніе этого труда, то производство не было бы возможно, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ теперь. Если бы правительство не давало охраненія дѣлу производства, то производители были бы принуждены или отнимать на свою защиту значительную часть своего времени и труда отъ производства, или нанимать на свою защиту вооруженныхъ людей; въ томъ и другомъ случаѣ трудъ охраненія прямо вознаграждался бы изъ продукта и нельзя было бы производить вещей, не дающихъ средствъ платить за этотъ прибавочный трудъ. При нынѣшнемъ устройствѣ продуктъ платитъ свою долю на такое охраненіе и получаетъ его въ болѣе удовлетворительномъ качествѣ съ гораздо меньшими издержками“ [106]). Изъ этого видно, что развитіе нравственнаго элемента въ трудѣ обусловливается личными выгодами производителей. Личный интересъ производителей требуетъ надлежащей охраны ихъ дѣятельности дѣятельностью законодателя, судьи, полиціи и т. п. Только на низшихъ ступеняхъ общежитія обманъ въ торговлѣ можетъ быть до извѣстной степени выгоденъ; съ экономическимъ развитіемъ онъ становится убыточнымъ для торговца. Отъ торговца, обманывающаго своихъ покупщиковъ, послѣдніе уходятъ къ другимъ торговцамъ и торговое дѣло его падаетъ. Обманъ для торговца могъ быть выгоденъ лишь въ то время, когда, при отсутствіи или слабомъ развитіи торговаго соперничества, покупщикъ не могъ выбирать

предмета покупки между многими торговцами, когда положеніе торговца было монополизировано, сравнительно съ положеніемъ покупателя. Въ настоящее время во всѣхъ большихъ городахъ, гдѣ развито торговое соперничество, интересъ каждаго лица, занимающагося торговлей, заключается въ возможно лучшемъ изученіи потребностей покупщиковъ и въ возможно полномъ ихъ удовлетвореніи. Этимъ обусловливаются размѣры получаемой имъ выгоды. Точно также лишь на низшихъ ступеняхъ развитія, при грубомъ состояніи общества, можно было не замѣчать убыточности житья чужимъ трудомъ, даровато пользованія человѣческими силами, то есть рабства и крѣпостнаго права, подобно тому, какъ только въ это время не замѣчается убыточность такъ называемаго хищническаго пользованія силами земли, приводящаго къ ея истощенію. Съ размноженіемъ населенія и съ его умственнымъ развитіемъ люди начинаютъ замѣчать, что свободный трудъ несравненно производительнѣе, и, слѣдовательно, выгоднѣе труда несвободнаго. Несвободный человѣкъ не имѣетъ личной выгоды быть прилежнымъ, не имѣетъ никакихъ мотивовъ обнаруживать свои трудовыя способности; обнаруженіе ихъ можетъ быть даже вредно, такъ какъ замѣтивъ эти способности, владѣлецъ можетъ усилить свои требованія. Съ другой стороны, необходимость строгаго надзора за несвободнымъ трудомъ еще болѣе усиливаетъ его убыточность. Свободные работники выгоднѣе, поэтому, и для общества и для каждаго отдѣльнаго человѣка. На тѣхъ же основаніяхъ и трудъ справедливо оплачиваемый выгоднѣе труда, оплачиваемаго несправедливо. Производительность зависитъ отъ охоты къ труду, а охота къ труду обусловливается преимущественно тѣмъ, въ какой мѣрѣ продукты труда принадлежатъ производителю и его семьѣ [107]).

Знаніе, свобода и собственность представляютъ собою важнѣйшія этическія условія производительности труда. Они находятся между собою въ органической связи: свобода немыслима безъ собственности и знаніе безъ свободы и собственности не можетъ имѣть нормальнаго практическаго значенія. Системы уничтожающія собственность, ограничиваютъ свободу и препятствуютъ надлежащему проявленію въ жизни умственнаго элемента. Но еще большее значеніе имѣютъ нравственные мотивы труда—родственныя и семейныя привязанности, любовь къ родинѣ, развитое чувство національности. Безъ этихъ нравственныхъ мотивовъ знаніе, свобода и собственность не могутъ дать наибольшаго напряженія труда. По прекрасному замѣчанію Тэна, эти внутренніе мотивы, заключающіеся въ привязанностяхъ и сокровеннѣйшихъ чувствахъ производителя, представляютъ собою живой источникъ силы, который не можетъ быть отдѣленъ отъ труда. „Одинъ безъ другаго безполезны. Отдѣлите источникъ отъ производителя, передайте его въ постороннія руки, онъ перестанетъ течь и производство прекратится. Слѣдовательно въ случаяхъ, когда требуется усиленное производство, управленіе машиной должно быть предоставлено самому производителю. Онъ есть тотъ настоящій собственникъ, который, неотступно при ней находясь, приводитъ ее въ движеніе, прирожденный, спеціально для того предназначенный инженеръ. Напрасны были бы попытки отвести воды источника въ другую сторону: это повело бы лишь къ закрытію естественнаго выхода. Въ концѣ концовъ получи-

лась бы плотина, которая бы запрудила бы полезные стоки; то былъ бы случайный отводъ, который, вмѣсто выгодъ, приносилъ бы убытки. Источникъ превратился бы въ болото, или же сталъ бы непроизводительно тратить свои воды, размывая крутые берега оврага. Въ крайнемъ случаѣ милліоны ведеръ воды, насильственно вычерпнутой изъ частныхъ резервуаровъ, едва до половины наполнили бы центральный искусственный бассейнъ. А въ немъ мелкая стоячая вода никогда не пріобрѣла бы ни силы, ни объема, достаточныхъ для того, чтобы приводить въ движеніе огромное колесо, которое замѣнило бы въ національномъ трудѣ частныя колеса меньшихъ размѣровъ“ [108]).

Въ особенности важное значеніе въ дѣлѣ національной производительности имѣетъ призваніе.

Творческая сила съ особенною очевидностью проявляется преимущественно въ формѣ *призванія*. Оно появилось весьма рано, быть можетъ раньше всѣхъ иныхъ мотивовъ, заставляющихъ человѣка работать и съ теченіемъ времени оно не ослабѣваетъ, но становится наиболѣе распространеннымъ и могущественнымъ двигателемъ культуры. Оно является первичною причиною различій между людьми, такъ какъ вся сущность его и состоитъ въ отрицаніи стадности и движеніи по самостоятельно избранному пути. Въ древнемъ мірѣ распространенію его на каждомъ шагу препятствовали кастовыя и племенныя стѣсненія, давившія личность и подчинявшія ее однообразію соціальныхъ условій. Но и въ это время видимъ высокіе образы дѣятелей по призванію, служащихъ до сихъ поръ гордостью человѣческой породы. Таковъ наприм. Сократъ, приговоренный къ смерти за свое, мышленіе не подходившее подъ оффиціальный уровень. Съ ослабленіемъ кастъ, призваніе получаетъ болѣе широкій просторъ и становится настоящей соціальной силой.

Въ нашей литературѣ это прекрасно уясняетъ М. А. Рейснеръ. Въ средніе вѣка скромность потребностей при натуральномъ хозяйствѣ „даетъ полную возможность развитію всякаго своеобразія, всякихъ личныхъ и мѣстныхъ особенностей, всякому призванію во имя не хлѣба, а идеи.—И тотъ, кто не надѣвалъ рясу, тотъ въ случаѣ наличности характера и честолюбія брался за мечъ и становился искателемъ приключеній, шелъ въ городъ и посвящалъ себя ремесленному художеству, бралъ лютню и дѣлалъ подвигъ изъ своего служенія Мадоннѣ или иной прекрасной дамѣ. Прежде чѣмъ создались сословія, люди раздѣлялись по свободнымъ классамъ. Послѣдніе не были раздѣленіемъ по правамъ собственности, но лишь по свободному призванію людей“ [109]).

Призваніе—принципъ рыцарства—есть фундаментъ и сила всякаго развитія. Только дѣятели призванія создаютъ религіозныя движенія, творятъ художественныя эпохи, двигаютъ науку. Но призваніе—это Духъ святый, исключающій рабство и при-

нужденіе. Поэтому появленіе и ростъ принципа призванія совпадаетъ съ появленіемъ и ростомъ свободы и какъ симптомъ и какъ причина послѣдней.

Призваніе обнаруживается главнымъ образомъ въ духовно-нравственномъ трудѣ, но именно поэтому оно вліяетъ на всю матеріальную культуру.

По замѣчанію Шарля Жида „всякому матеріальному труду долженъ предшествовать чисто интеллектуальный трудъ, называемый изобрѣтеніемъ и состоящій въ томъ, что бы найти практическіе способы заставить служить нашимъ цѣлямъ силы, которыми мы располагаемъ, и предметы, къ которымъ они могутъ примѣняться.—Нѣтъ ни одного движенія руки или пальцевъ рабочаго, которое не было бы въ началѣ кѣмъ либо изобрѣтено. Съ этой точки зрѣнія мы можемъ сказать, что человѣческій умъ есть первый творецъ всякаго богатства, *единственный дѣятель всякаго производства*“ [110]).

Всѣ эти, какъ стихійныя, такъ и моральныя условія у насъ не такъ благопріятны труду, какъ въ другихъ культурныхъ странахъ. Понятно, почему производительность нашего труда значительно ниже. И въ дѣйствительности заслуживаетъ удивленія не низкая производительность нашего труда, а могучесть его, по которой онъ вышелъ живымъ и бодрымъ изъ тяжкихъ историко-стихійныхъ условій. Это и даетъ вполнѣ основательную надежду, что русскій народъ, создавшій своими усиліями величайшій въ мірѣ политическій организмъ, направитъ свои усилія къ возсозданію своей культуры и побѣдитъ тѣ препятствія, благодаря которымъ его производительность такъ низко оцѣнивается сравнительно съ трудомъ другихъ народовъ.

VI.

Экономисты издавна спорятъ о сравнительномъ значеніи различныхъ занятій. Самый споръ въ значительной мѣрѣ объясняется стремленіемъ сравнивать разнородныя величины, но частью зависитъ и отъ сознательнаго умаленія нѣкоторыхъ видовъ труда.

Съ возникновеніемъ и развитіемъ раздѣленія занятій, когда общество состоитъ изъ множества группъ, трудящихся въ разнообразныхъ отрасляхъ промысловъ, весьма естественно возникаетъ вопросъ объ относительномъ значеніи этихъ послѣднихъ. Вопросъ этотъ долгое время былъ спорнымъ въ экономической литературѣ и имѣетъ свою исторію, свидѣтельствующую о печальныхъ послѣдствіяхъ заблужденій, нѣкогда считавшихся аксіомами.

Послѣдователи системы, носящей названіе меркантилизма, считали производительными только тѣ занятія, которыя умножаютъ въ странѣ количество благородныхъ металловъ. По ихъ ученію, мануфактурная или обрабатывающая промышленность производительнѣе земледѣльческой; мануфактурные продукты обла-

дают высокою цѣнностью сравнительно съ ихъ объемомъ, между тѣмъ какъ продукты земледѣлія имѣютъ сравнительно съ ихъ объемомъ незначительную цѣнность; поэтому первые доставляютъ большую возможность привлекать въ страну золото и серебро. На томъ же основаніи производство предметовъ роскоши и вообще утонченныхъ продуктовъ считалось наиболѣе производительнымъ занятіемъ. Внѣшняя торговля, по ученію меркантилистовъ, представляетъ собою ничто иное, какъ борьбу изъ-за денегъ между торгующими странами. Когда одна страна за свои товары получаетъ деньги отъ другой, то первая, по ихъ мнѣнію, увеличиваетъ свое богатство, между тѣмъ какъ вторая лишается части его. Отсюда выводили заключеніе, что страна посредствомъ торговли можетъ увеличить свое богатство не иначе, какъ въ ущербъ другой; увеличеніе благосостоянія одной страны разсматривалось какъ причина уменьшенія благосостоянія другой. На этомъ основаніи старались поощрять вывозную торговлю и всѣми возможными мѣрами стѣсняли ввозную, за исключеніемъ ввоза орудій производства и сырыхъ продуктовъ, которые имѣли быть вывезены обратно въ обработанномъ видѣ. Разработку рудниковъ меркантилисты считали занятіемъ производительнымъ даже въ томъ случаѣ, когда издержки производства вовсе не окупались, такъ какъ и въ этомъ случаѣ количество обращающейся въ странѣ монеты не уменьшалось, но увеличивалось.

Основное заблужденіе меркантилистовъ состояло въ томъ, что они отождествляли деньги съ богатствомъ. По выраженію А. Смита, считать деньги богатствомъ, это тоже самое, что считать дорогу, по которой всего удобнѣе доѣхать до нашего дома, за этотъ самый домъ. Деньги представляютъ собою только орудіе для обращенія богатствъ, а не самыя богатства. Если такъ, то очевидно, что все ученіе меркантилистовъ о производительномъ значеніи различныхъ занятій является страннымъ заблужденіемъ. Меркантильная доктрина, по замѣчанію Милля, кажется намъ похожею на нескладныя фантазіи дѣтства, мгновенно разрушаемыя однимъ словомъ взрослаго человѣка. „Но пусть никто не говоритъ, что избѣжалъ бы этого заблужденія, если бы жилъ во времена его господства“. Въ дѣйствительности это заблужденіе, основанное на такомъ нелѣпомъ понятіи о сущности богатства, господствовало въ умахъ лучшихъ мыслителей и современныхъ ему законодателей. Подъ вліяніемъ этого заблужденія фабричные законы многихъ странъ были законами Дракона, писанными кровью человѣческою. Въ Англіи, наприм., существовала строгая система постановленій, имѣвшихъ цѣлію стѣснить вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, служащихъ матеріаломъ для фабрикъ; наоборотъ, ввозъ такихъ продуктовъ поощрялся всевозможными мѣрами. При Карлѣ II вывозъ шерсти былъ объявленъ государственною измѣною; виновный подвергался конфискаціи всего имущества и смертной казни. Постановленіе это было нѣсколько смягчено при Вильгельмѣ III. Вмѣсто смертной казни и конфискаціи имущества, опредѣленъ былъ штрафъ въ 3 шилл. съ каждаго фунта и конфискація груза; сверхъ того, преступникъ такой терялъ право требовать отъ кого бы то ни было свой долгъ. Кто не могъ уплатить положеннаго штрафа въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, тотъ наказывается ссылкой на 7 лѣтъ; если онъ убѣгалъ изъ ссылки, то подвергался смертной казни. Былъ также запре-

щенъ вывозъ овецъ. Въ 8-й годъ царствованія Елисаветы былъ изданъ законъ, по которому уличенный въ этомъ преступленіи наказывался конфискаціей всего имущества, заключеніемъ въ тюрьму на одинъ годъ, и, по окончаніи срока заключенія, у него отсѣкали лѣвую руку. При повтореніи преступленія, виновный подвергался смертной казни. Считая мануфактурную промышленность наиболѣе производительною, меркантилисты порабощали мануфактурамъ всѣхъ производителей сырыхъ продуктовъ, имъ были подчиняемы интересы потребителей, имъ были подчиняемы всѣ люди не только живые, но и мертвые. Въ Англіи въ 1678 г. было издано постановленіе, по которому мертвые могли быть погребаемы не иначе, какъ въ шерстяной одеждѣ.

Ученіе маркантилистовъ было подвергнуто критикѣ экономической школой, извѣстной въ настоящее время подъ именемъ физіократіи. По ученію физіократовъ народное богатство можетъ быть увеличиваемо только однимъ путемъ, а именно—усовершенствованіемъ земледѣлія. Одно лишь земледѣліе не только возвращаетъ затраты, употребленныя на производство, но также даетъ чистый доходъ. Сельскій хозяинъ, положивъ въ землю одно зерно, возвращаетъ его въ видѣ пяти и болѣе зеренъ; благодаря участію силъ природы въ сельскомъ хозяйствѣ, получается новое имущество, которое не существовало прежде. Всѣ другія отрасли промышленности только воспроизводятъ сдѣланныя затраты: сколькимъ бы операціямъ не подвергался фунтъ шерсти въ обрабатывающихъ отрасляхъ народной промышленности, онъ остается не болѣе какъ тѣмъ же фунтомъ шерсти; промышленныя операціи не могутъ придать къ нему ни малѣйшаго атома, не создадутъ новаго имущества, этого produit net, составляющаго отличительную черту сельскаго хозяйства. Всѣ не земледѣльческія отрасли промышленности безплодны; отъ нихъ нечего ожидать увеличенія народнаго богатства. Фабричныя произведенія имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ сырые матеріалы, обрабатываемые на фабрикахъ, но это нисколько не противорѣчитъ признанію всѣхъ фабрикъ безплодными. Новая цѣнность, представляющая собою разницу между цѣною сырого матеріала и цѣною его въ обработанномъ видѣ, есть простой результатъ того, что при обдѣлкѣ сырыхъ матеріаловъ потребляются земледѣльческіе же продукты, размѣромъ потребленія которыхъ и опредѣляется размѣръ новой цѣнности. Мануфактурная промышленность только измѣняетъ форму вещества, но не создаетъ ничего новаго, поэтому не имѣетъ производительнаго значенія; точно также безплодна и торговля, не создающая продуктовъ, но только перемѣщающая ихъ. Возвысивъ такимъ образомъ значеніе сельскаго хозяйства, физіократы должны были признать, что подати могутъ быть налагаемы только на землевладѣльцевъ. Подати взимаются не съ капитала, а съ чистаго дохода, но такъ какъ, по ихъ ученію, только одно земледѣліе даетъ чистый доходъ, то одни лишь землевладѣльцы и должны уплачивать подати. Всѣ другія отрасли промышленности, какъ не дающія чистаго дохода, какъ безплодныя въ экономическомъ отношеніи должны быть свободными отъ всякихъ общественныхъ и государственныхъ повинностей.

Это ученіе физіократовъ было встрѣчено массой образованныхъ современниковъ съ полнымъ сочувствіемъ, многими съ энтузіазмомъ. Ф. Кенэ (Quesnay), основатель физіократіи, написалъ

таблицу, въ которой посредствомъ цифровыхъ формулъ изобразилъ сущность своего ученія. Таблица эта, говоритъ А. Бланки, разъяснялась и развивалась приверженцами съ такою же увѣренностью, съ какою объясняются въ школахъ геометрическія теоремы; ее твердили наизусть, какъ катехизисъ, изъ котораго каждый классъ гражданъ узнавалъ свои обязанности въ общественной іерархіи. Дюпонъ де Немуръ говорилъ о ней: „это чудная формула, благодаря которой мы имѣемъ возможность съ поразительною быстротою и точностью производить всѣ операціи относительно происхожденія и распредѣленія богатствъ“. По мнѣнію маркиза де-Мирабо, съ самаго начала существованія міра сдѣлано было три величайшихъ открытія: письма, монеты и экономической таблицы Ф. Кенэ.

Въ настоящее время это ученіе не имѣетъ никакого научнаго значенія. Теорія физіократовъ основана на ложномъ понятіи о томъ, что такое производство. Производство состоитъ не въ созданіи матеріи, но въ созданіи годности; въ результатѣ производства получается новая годность, новая полезность, но не новая матерія. Ни одна отрасль промышленности не производитъ новаго вещества, этого produit net физіократовъ, не производитъ его и земледѣліе, которое, подобно другимъ отраслямъ промышленности, лишь придаетъ существующей матеріи новую годность. Процессомъ производства человѣкъ придаетъ веществу ту форму, при которой оно становится наиболѣе годнымъ къ удовлетворенію потребностей. Въ этомъ отношеніи всѣ отрасли промышленности имѣютъ одинаковое значеніе; ни одна изъ нихъ не создаетъ новаго вещества, ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа безплодною, такъ какъ каждая имѣетъ своимъ предметомъ созданіе новой годности для удовлетворенія нашихъ потребностей.

А. Смитъ считалъ производительными только тѣ занятія, которыя овеществляются въ продуктахъ, могущихъ быть предметомъ обмѣна. Такъ называемый невещественный трудъ и вообще всѣ личныя услуги онъ считалъ не имѣющими производительнаго значенія для общества. Люди, работающіе въ такихъ занятіяхъ, не создаютъ ничего такого, что имѣло бы вещественную форму и мѣноспособность. Работа такихъ людей, подобно рѣчамъ оратора или аккордамъ музыканта, исчезаетъ въ ту же минуту, когда она окончена; результатъ годового труда не выражается ни въ какихъ вещественныхъ цѣнностяхъ. Но и между вещественными занятіями, по мнѣнію А. Смита, существуетъ разница ихъ значенія. Въ одномъ только земледѣліи, говоритъ онъ, не только воспроизводятся сдѣланныя затраты, но также получается излишекъ, называемый рентой; такого излишка нѣтъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Утверждая это, согласно съ воззрѣніями физіократовъ, А. Смитъ тѣмъ не менѣе отвергаетъ взглядъ послѣднихъ на земледѣльческія отрасли труда, какъ на безплодныя занятія. Сами физіократы признаютъ, говоритъ онъ, что классъ людей, состоящій изъ торговцевъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, ежегодно возстановляетъ цѣнность своего потребленія. Если же такъ, то мы не имѣемъ никакихъ основаній считать этотъ классъ безплоднымъ въ народной экономіи. „Не считаемъ же мы безплоднымъ тотъ бракъ, который даетъ, на смѣну отца и матери, сына и дочь, хотя такіе браки не увеличиваютъ

населенія, но только поддерживаютъ его на уровнѣ прежней численности".

Въ новѣйшее время ученіе А. Смита было поддержано Миллемъ. Всякій трудъ, говоритъ Милль, долженъ считаться непроизводительнымъ, если онъ оканчивается непосредственнымъ наслажденіемъ его результатами, не увеличивая запаса постоянныхъ средствъ этого наслажденія. Другими словами, всякій трудъ не увеличивающій матеріальныхъ продуктовъ страны, долженъ быть признанъ не имѣющимъ производительнаго значенія. Увеличеніе числа лицъ, занимающихся невещественнымъ трудомъ, ведетъ къ уменьшенію въ странѣ числа лицъ, занимающихся другими отраслями производства, наприм., земледѣліемъ; но увеличеніе числа людей, занимающихся вещественнымъ производствомъ, въ то же время даетъ возможность существованію большему количеству людей въ другихъ занятіяхъ. „Трудъ на спасеніе жизни другу непроизводителенъ, если этотъ другъ не производительный работникъ и не производитъ болѣе того, что потребляетъ. Для религіознаго человѣка спасеніе души представляется далеко важнѣйшею услугою, чѣмъ спасеніе жизни; но этотъ человѣкъ не назоветъ миссіонера или духовное лицо производительными работниками, если они не будутъ, подобно миссіонерамъ южныхъ морей, вмѣстѣ съ религіозными доктринами распространять плоды цивилизаціи. Напротивъ, очевидно, что чѣмъ большее число миссіонеровъ или духовныхъ лицъ существуетъ въ націи, тѣмъ меньшее число обращено на другіе предметы; тогда какъ чѣмъ большее число занимается земледѣліемъ и мануфактурами, тѣмъ большее число остается для другихъ цѣлей. Въ первомъ случаѣ оно уменьшаетъ caeteris paribus свой запасъ матеріальныхъ произведеній, въ послѣднемъ случаѣ оно увеличиваетъ его".

Доктрина непроизводительности невещественныхъ занятій весьма рано вызвала реакцію. Одни изъ противниковъ ея подводили невещественный трудъ къ одному знаменателю съ вещественнымъ и на этомъ основаніи утверждали его производительное значеніе. Такъ Ж. Б. Сэ смотрѣлъ на духовныя способности человѣка какъ на особаго рода капиталъ, приносящій проценты, подобно всѣмъ капиталамъ вообще.

Другіе противники, наоборотъ, такъ сказать, одухотворяли вещественную дѣятельность. Такъ чешскій писатель Ригеръ говоритъ, что производство состоитъ въ созданіи полезностей, но полезность никогда не можетъ быть вещественною. Та форма, которую ремесленникъ или художникъ сообщаетъ своему веществу, сама по себѣ на столько же можетъ считаться веществомъ, какъ и уроки, которые учитель даетъ своему ученику. Оба производятъ полезность, но съ тою разницею, что у перваго полезность воплощена въ веществѣ, тогда какъ у другого перешла въ духъ. Отсюда видно, что все различіе заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ перерабатывается вещь, а въ другомъ духъ. Работа, какъ вещественная, такъ и духовная, производитъ полезность, которая остается и накопляется или въ видѣ вещей или въ видѣ полезныхъ дѣйствій на человѣка. Часъ ученія, который учитель посвящаетъ своему ученику, пройдетъ, какъ и та работа, которую выполняетъ горшечникъ для производства своей посуды. Но образованіе, которое такимъ образомъ получилъ уче-

никъ, остается въ немъ не менѣе прочно, какъ и та форма, которую придаетъ своей посудѣ горшечникъ.

Уже самый фактъ существованія теорій съ одной стороны овеществляющихъ духовную дѣятельность и съ другой одухотворяющихъ физическія занятія ясно указываетъ намъ на существованіе тѣсной связи между вещественными и невещественными занятіями, которая приводитъ къ прямому отрицанію доктрины непроизводительности послѣднихъ. Благодаря существованію тѣсной связи между этими занятіями, послѣдователи ученія о непроизводительности духовнаго труда впали въ непримиримыя противорѣчія. По ихъ ученію, говоритъ Ф. Листъ, воспитаніе свиней представляетъ собою производительное занятіе, между тѣмъ какъ воспитаніе человѣка — непроизводительный трудъ („also wer Schweine züchtet, ist productiv, und wer den Menschen erzieht, ist unproductiv?!“). Точно также, по ихъ ученію, считается производительнымъ трудъ человѣка, дѣлающаго скрипку, но непроизводителенъ трудъ скрипача, хотя трудъ перваго имѣетъ своимъ назначеніемъ служить послѣднему. Не производителенъ трудъ врача, между тѣмъ какъ, по этому ученію, считается производительнымъ трудъ аптекаря, изготовляющаго лекарство по рецепту перваго... Вотъ къ какимъ абсурдамъ приводитъ ученіе, отрицающее производительное значеніе невещественныхъ занятій [111]).

Всѣ занятія, направленныя къ удовлетворенію потребностей человѣка, должны быть признаны имѣющими производительное значеніе. Но при этомъ каждое занятіе можетъ быть убыточнымъ для общества, когда оно развивается въ ущербъ другихъ занятій, когда оно развивается на счетъ этихъ послѣднихъ. Общество можетъ испытывать страданія отъ непомѣрнаго развитія однихъ занятій и слабосилія другихъ.

VII.

До сихъ поръ намъ пришлось говорить о трудѣ, какъ общей экономической силѣ, о трудѣ, какъ обязанности и долгѣ. Преимущественно эти вопросы до послѣдняго времени и были вопросами борьбы за существованіе. Но уже наше время выдвигаетъ и вопросъ о трудѣ, какъ правѣ. О правѣ на трудъ теперь приходится все чаще и чаще слышать. Рабочія массы заявляютъ объ этомъ правѣ и лучшіе изъ представителей науки и публицистики, начинаютъ изучать природу, характеръ и значеніе этого совершенно новаго права.

При открытіи Эйзенахскаго конгресса въ 1872 г. пр. Шмоллеръ произнесъ рѣчь: „Нашъ общественный идеалъ не есть нивелированіе въ соціалистическомъ смыслѣ. Мы считаемъ то общество самымъ нормальнымъ и здоровымъ, которое представляетъ собою лѣстницу различныхъ существованій, но съ легкими переходами отъ одной ступени къ другой. Между тѣмъ нашему теперешнему обществу угрожаетъ болѣе и болѣе уподобиться лѣстницѣ, въ которой сверху и снизу много ступенекъ, а среднія ступени прогрессивно исчезаютъ. Мы требуемъ отъ государства,

какъ и отъ всего общества, и отъ каждаго человѣка, желающаго работать надъ задачами эпохи, чтобы они руководились высокимъ идеаломъ. И этотъ идеалъ не можетъ, и не долженъ быть никакимъ другимъ, кромѣ пріобщенія все большей и большей части народа къ высшимъ благамъ культуры: *къ образованію и къ достатку.* Такова должна быть великая демократическая задача нашего развитія, являющаяся намъ и какъ высшая цѣль исторіи человѣчества".

Несомнѣнно въ словахъ почтеннаго ученаго ясно и точно выраженъ общественный идеалъ, какъ его представляетъ себѣ современное культурное общество. Идеалъ этотъ—образованіе и достатокъ всѣхъ.

Можетъ ли онъ осуществиться только индивидуальными усиліями самихъ трудящихся?

Практически отвѣтъ очевиденъ. Нигдѣ сами трудящіеся еще не создали себѣ собственнаго достатка, а тѣмъ болѣе образованія. Но теоретики даютъ жестокій и суровый отвѣтъ. Начиная съ Мальтуса, они доказываютъ, что человѣкъ, не находящій для себя работы на землѣ, долженъ умереть. Если онъ самъ не наложитъ на себя рукъ, то объ этомъ позаботится благомыслящая природа. Она не замедлитъ наслать голодъ и болѣзни, которыя и сразятъ строптиваго жизнелюбца. Знаменитѣйшій и гуманнѣйшій изъ англичанъ философъ Г. Спенсеръ училъ, что „природа требуетъ, чтобы всякій индивидъ удовлетворялъ самъ себя. Все, что не способно къ подобной жизни, постоянно удаляется посредствомъ смерти" [112]).

Виллерме утверждалъ, что „улучшеніе судьбы своей находится вполнѣ въ рукахъ рабочихъ". Хотя и онъ не могъ не констатировать того, что рабочему, лишенному знанія, воспитанія, предусмотрительности и т. п. нѣтъ силъ выбиться изъ бѣды [113]).

De Ferron полагаетъ, что естественнымъ путемъ выходъ будетъ состоять въ цезаризмѣ, который погубитъ нынѣшнюю цивилизацію, но который будетъ вызванъ къ жизни пролетаріатомъ [114]).

Послѣднее мнѣніе ближе всего къ истинѣ. Обездоленныя массы предпочтутъ естественной смерти бунтъ, возстаніе, революцію. А до сихъ поръ всѣ соціальныя смятенія приводили лишь къ цезаризму. Очевидно, возможенъ и такой цезаризмъ, который дѣйствительно погубитъ всю нынѣшнюю цивилизацію. И думается невольно, что какая-то злая судьба влечетъ современныя государства къ созданію смутъ и революцій, т. е. въ концѣ концовъ къ самоубійству. Не удивительно, что появились и теоріи, научно оправдывающія необходимость всеобщаго разрушенія современной культуры для осуществленія соціалистическихъ идей. Такъ В. Либкнехтъ говоритъ: „Перенести въ само нынѣшнее общество точку опоры, съ помощью которой это общество должно быть

сдвинуто съ мѣста, это значитъ съ самаго начала поставить себѣ задачу, безсмыслица которой ясна каждому школьнику, знакомому съ изреченіемъ Архимеда, задачу, которая такъ же не выполнима по своему существу, какъ и то, возможно или невозможно Мюнгаузену взобраться на луну при помощи собственной косы“ [115]). Эти слова сказаны В. Либкнехтомъ по поводу неудачи Р. Оуэна въ Америкѣ съ устройствомъ коммунистическихъ общинъ. Но вѣдь въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ попыткахъ, не было и рѣчи о томъ, чтобы сдвинуть съ мѣста современныя общества, чтобы перемѣнить всю культуру міра. Дѣло состояло лишь въ устройствѣ небольшихъ коммунъ. И эти коммуны не удались по той простой причинѣ, что члены нашли болѣе выгоднымъ то индивидуальное хозяйство, противъ котораго раньше они такъ вооружались. Лично для нихъ коммуна не оказалась раемъ, но трудовой общиной, которая потребовала многаго, но давала мало, сравнительно съ возлагавшимися на нее надеждами. Наконецъ и самыя индивидуалистическія эмоціи, пережившія рабство и крѣпостное право, оказываются болѣе соотвѣтствующими самой природѣ человѣка и неудачи коммунистовъ едва ли не исключительно объясняются этими эмоціями, а не законами Архимеда. Личность должна болѣе или менѣе потерять себя и она возстала противъ гнета. Тѣмъ болѣе, что всякій гнетъ обѣщали упразднить. А между тѣмъ человѣкъ попалъ изъ огня въ полымя. Понятно, что онъ предпочелъ вернуться къ прежнимъ условіямъ.

Нельзя отрицать, что можетъ найтись такое сообщество, въ которомъ сочлены будутъ въ данномъ случаѣ болѣе подходящи къ новымъ принципамъ жизни. Быть можетъ со временемъ и индивидуализмъ уступитъ мѣсто солидарности. Поэтому всякія препятствія къ организаціи коммунистическихъ общинъ должны быть признаны вредными. И это тѣмъ болѣе, что коммунисты имѣютъ право изображать себя жертвами буржуазнаго деспотизма и увлекать не далекія массы.

Необходимо сказать, что и само государство въ своемъ естественномъ же развитіи вызываетъ тѣ условія, при которыхъ развивается пролетаріатъ и возможность катастрофъ. По справедливому замѣчанію А. Менгера, „прогрессирующее возростаніе милитаристскихъ требованій и идущій съ нимъ рука объ руку полицейскій гнетъ постепенно революціонизировали во всей Европѣ низшіе классы народа въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ развитіе капиталистическаго способа производства, въ которомъ многіе экономическіе соціалисты усматриваютъ главную причину революціоннаго соціализма“ [116]).

Къ тому же ведетъ и организуемое государствами непроизводительное потребленіе, наприм. казенная продажа спирта, та-

баку и т. п., какъ предметовъ обложенія. Особенно въ политико-соціальномъ отношеніи можетъ быть вредно распространеніе государствами потребленія спирта. По прекрасному отзыву де-Лавеле. „Если бы рабочіе, сберегали только тѣ огромныя суммы, которыя они жертвуютъ на одуряющія ихъ напитки, то въ 20 лѣтъ они могли бы скупить всѣ тѣ мануфактуры, на которыхъ они работаютъ“ [117]).

И несомнѣнно, что такихъ сбереженій вполнѣ достаточно было бы для такого подъема національныхъ производительныхъ силъ, о какомъ и не мечтаютъ даже крайніе соціалисты. И вмѣсто того, что бы поощрять и облегчать сбереженіе, а особенно вмѣсто того, что бы предотвращать распространеніе употребленія одуряющихъ и подрывающихъ здоровье напитковъ, государства превратили ихъ въ источникъ финансовыхъ средствъ.

Воспрещая коммуны труда, уже eo ipso государство не только ограничиваетъ формы примѣненія труда, но и присваиваетъ себѣ верховное право надъ трудомъ, считаетъ себя въ правѣ распоряжаться имъ также, какъ распоряжались французскіе короли или древніе деспоты. Пока нѣтъ въ данныхъ трудовыхъ организаціяхъ ничего противорѣчащаго принципамъ общественности, не должно быть и рѣчи объ ограниченіяхъ или воспрещеніяхъ. Это мало по малу и входитъ въ общее сознаніе, хотя попытки государственнаго регулированія труда встрѣчаемъ уже въ глубокой древности. Такъ уже въ языческомъ мірѣ труду придавалось во многихъ случаяхъ государственное значеніе.

Титъ Ливій сообщаетъ, что бѣдные граждане Рима имѣли право жить на счетъ казны, при чемъ нельзя было обязать ихъ исполнять artes sordidae, грязныя работы. Были общественныя мастерскія, устроенныя именно для поддержки бѣдныхъ гражданъ. Въ греческихъ городахъ поддержаніе бѣдныхъ было важнѣйшею обязанностью управленія. Заботы доходили до того, что Периклъ раздавалъ деньги нуждающимся гражданамъ на посѣщеніе народныхъ собраній и театровъ. Аристотель свидѣтельствуетъ, что это былъ общій обычай у всѣхъ городовъ. Государства же предпринимали войны, что бы захваченными землями обезпечить бѣдныхъ гражданъ [118]).

По аѳинскому закону, каждый гражданинъ сообщаетъ государству о средствахъ своего существованія. У насъ требовалось указаніе на „родъ жизни“. И нельзя не согласиться съ тѣмъ, что первая французская революція была вызвана общими и политическими и экономическими причинами, но выполнена была исключительно голодной арміей.

По словамъ пр. Е. В. Тарле, предъ французскою революціей въ Парижѣ хотя и было немного мастерскихъ, съ рабочими

свыше 100 человѣкъ, но была масса съ рабочими до 30 человѣкъ и положеніе рабочихъ ни чѣмъ не было лучше нынѣшняго. „Армія голодныхъ“ опредѣлялась одними въ 80.000 человѣкъ, а другими даже въ 150.000 человѣкъ. Это-то рабочее населеніе и сыграло страшную роль въ дни революціи 14 іюня и 5—6 октября 1789 г., 17 іюля 1791 г., 10 августа 1792 г. и т. д. [119]).

И такъ концентрація рабочихъ была не меньше, чѣмъ при капитализмѣ; особенно это вѣрно, если взять въ отношеніи къ числу жителей того времени въ городахъ. Можно даже думать, что тогда концентрація была *относительно* больше, т. е. являлась большей силой.

Будучи относительно большей силой, голодная армія и могла произвести большую французскую революцію. Голодная армія 1870 г. не могла уже этого сдѣлать, такъ какъ относительная сила ея была гораздо меньше.

Интересы національнаго самосохраненія требуютъ такой національной организаціи труда, при которой рабочій имѣлъ бы работу. Это на западѣ раньше другихъ понято представителями такъ называемаго христіанскаго соціализма.

„Исходя изъ знаменитаго изрѣченія американскаго архіепископа Апрланда: не „проповѣдуйте Евангелія пустому желудку,—онъ васъ не будетъ слушать“,—соціалъ-католики новаго времени въ Бельгіи, какъ и вездѣ стали поддерживать главныя требованія рабочихъ“ [120]).

Въ энцикликѣ Льва XIII Rerum Novarum (отъ 15 мая 1891 г.) говорится: „чтобы уничтожить зло, соціалисты возбуждаютъ бѣдныхъ *къ ненависти противъ имущихъ*“, увѣряютъ, что всякая частная собственность должна быть уничтожена, всякое имущество должно сдѣлаться общею собственностью всѣхъ, управленіе которой перейдетъ къ муниципалитету или къ государству“.

Папа напоминаетъ, что „къ обездоленнымъ классамъ склоняется сердце Господне“.

Соціальные католики во Франціи во главѣ съ де-Меномъ говорятъ: „Безъ сомнѣнія, всегда будутъ бѣдные, и мы не претендуемъ ихъ уничтожать, но проповѣдывать имъ терпѣніе и покорность недостаточно, и мы должны сказать, что въ хорошо организованномъ общественномъ порядкѣ трудъ долженъ гарантировать человѣка отъ бѣдности, правительственная власть—обезпечивать будущность семьи“ [121]).

У насъ же эта идея всегда была присуща народному міросозерцанію, на что обращаетъ вниманіе еще Герценъ.

По мнѣнію Герцена, „передъ соціальнымъ вопросомъ начинается наше равенство съ Европой или лучше это дѣйствительная точка пресѣченія двухъ путей, встрѣтившись, каждый пой-

детъ своей дорогой".—„Vivre en travaillant ou mourir en combattant, кричатъ работники. Qui a du plomb a du pain, отвѣчаетъ имъ Бланки".—Въ Россіи „мужики наши вносятъ не только запахъ дегтя, но еще какое то допотопное понятіе *о правѣ каждаго работника на готовую землю*". А между тѣмъ оно у нихъ гораздо больше, чѣмъ право, оно фактъ; оно больше чѣмъ признано, оно существуетъ. Крестьянинъ на немъ стоитъ, онъ его мѣритъ десятинами и для него его право на землю естественное послѣдствіе *рожденія и работы.* Оно часто несомнѣнно въ народномъ сознаніи также логически вытекаетъ изъ его понятія родины и необходимости существованія возлѣ отца, какъ право на воздухъ, пріобрѣтаемое дыханіемъ, вслѣдъ за отдѣленіемъ отъ матери" [122]).

На Западѣ народъ имѣетъ право сказать своимъ правителямъ: „Мы васъ не знаемъ! Мы были голодны,—вы намъ дали парламентскую болтовню; мы были наги—вы насъ послали на границу убивать другихъ голодныхъ и нагихъ; мы просимъ совѣта, мы просимъ научить насъ, какъ выйти изъ нашего положенія,—вы научили насъ риторикѣ; мы возвращаемся въ тьму сырыхъ подваловъ нашихъ, часть насъ ляжетъ въ неравномъ бою, но мы вамъ, книжники революціи, скажемъ громко и ясно: „Народъ не съ вами" [123]).

Дѣйствительно, пока на западѣ подходятъ къ суррогатамъ права на трудъ, нашъ народъ прямо и рѣшительно заявляетъ о немъ, признавая это право основнымъ въ строѣ всѣхъ другихъ правъ. Такъ на Западѣ приближаются къ нему заботами напр. им. о страхованіи. Въ Германіи наприм., все болѣе и болѣе сознается обществомъ, *обезпеченность* существованія является однимъ изъ существенныхъ условій экономической дѣятельности. Такъ въ Пруссіи еще зак. 3 апр. 1854 г., установившій обязательныя правительственныя кассы страхованія, былъ мотивированъ слѣдующими словами: „Отсутствіе кассы помощи..... угрожаетъ прочности преуспѣянія государства, потому что происходящая отъ этого безпомощность рабочихъ вызываетъ въ массахъ страсти и способствуетъ развитію соціализма". Извѣстно всѣмъ, въ какую широкую форму вылились эти заботы государства въ формѣ страхованія рабочихъ отъ болѣзней, инвалидности и частью даже отъ безработицы.

У насъ община считаетъ своею обязанностью надѣлять своихъ членовъ землей для работы. Общинный принципъ безусловно обоснованъ на фундаментѣ права на трудъ.

Подъ вліяніемъ этого же національнаго міровоззрѣнія у насъ организована въ широкомъ видѣ государственная помощь населенію хлѣбомъ и трудомъ во время неурожаевъ.

Наконецъ подъ его же вліяніемъ у насъ государствомъ

организовано особое вѣдомство народнаго землеустройства и ведется государствомъ внутренняя колонизація.

Не сомнѣваемся въ томъ, что и наука въ непродолжительномъ времени признаетъ право на трудъ. Вѣдь право есть сумма требованій, проистекающихъ изъ существа союза между людьми. Оно не произволъ, оно не зависитъ отъ воли хотя бы и парламентовъ, а только зависитъ отъ сознанія потенцій союза. Между тѣмъ въ потенціяхъ или идеѣ союза, называемаго государствомъ, заключается съ одной стороны чисто физическая сторона—заботы о неприкосновенности гражданъ и ихъ союзовъ, а съ другой заботы о благосостояніи или благоустройствѣ ихъ. Говоря принципіально, каждый гражданинъ имѣетъ право на заботы государства о его безопасности и благосостояніи. Стало быть имѣетъ право на трудъ, такъ какъ послѣднее есть лишь выраженіе заботъ государства о благоустройствѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Предметъ, система и методъ.

I.

1) И. Забѣлинъ. Исторія русской жизни. т. II, стр. 281—282.

2) Рёскинъ. Unto thislast, стр. 156. Гобсонъ. Общественные идеалы Рёскина, пер. 1899 г. стр. 58.

3) С. Булгаковъ. Краткій очеркъ политической экономіи, 1906 г. В I, стр. 12—13.—4) Ibid, стр. 19.—5) Ibid, стр. 20.

6) Опытъ теоріи налоговъ. Изд. 2, IV—VI.

7) Современная наука и анархизмъ, стр. 35.

II.

8) Основ. полит. экон. стр. 1.

9) Richesse des Nationes, т. II, стр. 176.

10) Traité d'écon. pol.. стр. 33.

11) Cours d'écon. pol. см. discours prélim.

12) Principes de la science soc. т. III, стр. 411—412.

13) Основ. стр. 11.

14) Основ. пол. эк. Предвар. замѣчанія.

15) Cours d'écon. pol., т. I, стр. 19. L'écon. politique est la science qui décrit l'organisation de la société.—C'est la description du mecanisme de la société, en deux mots, une anatomie et une physiologie sociales.

16) Die Grundlegen der Nationalökonomie, стр. 33—34.

17) Dictionnaire de l'écon. pol. сл. écon. politique.

18) Harm. écon., стр. 58—59.

19) Nouv. Princ. I. стр. 51—52.

20) Курсъ національной и соціальной экономіи. Пер. 1893 г. стр. 499.

21) Г. Шенбергъ. Новая полит. экономія. Пер. 1894 г. стр. 8—9. 22) Ibid. стр. 9—10.—23) Ibid. стр. 3.

24) „Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Перев. 1897 г. стр. 4—5.—25) Ibid, стр. 72.—26) Ibid, стр. 81—82.

27) Д. Кейнсъ. Предметъ и методъ пол. экономіи. Перев. 1899 г. стр. 64. 28) Ibid, стр. 66—67.

29) Theory of Pol. Econ. стр. 23—25. Кейнсъ, стр. 71.

30) Соціальная экономія. Пер. Закъ, стр. 22.—31) Ibid, стр. 25.

32) Избранныя рѣчи и статьи. Пер. Николаева, стр. 100.

33) „Къ критикѣ политической экономіи. Пер. Лемберка. 1905 г., стр. 9, 34) Ibid, стр. 20.

35) Основанія полит. экономіи. Перев. 1895 г., стр. 4—36) Ibid, стр. 3.

37) Записки о пол. экономіи, т. I. стр. 17—18.

38) Начала полит. экономіи т. I, стр. 17.

39) Основ. пол. экономіи, стр. 11.

40) Задача пол. экономіи, стр. 13.

41) Полит. экономія, стр. 1.

42) Полит. экон. Изд. В. А. Косинскаго 1908 г., стр. 7.—43) Ibid, стр. 14.

44) Б. Чичеринъ. Собственность и государство. т. I, стр. 338.

45) С. Булгаковъ. Капитализмъ и земледѣліе. т. I, стр. 76.

46) С. Булгаковъ. Краткій очеркъ полит. экономіи 1906 г., т. I, стр. 17– 18.

47) І. Мархлевскій. Что такое полит. экон. и чему она учитъ. Перев. съ польскаго 1905 г., стр. 4.

48) Principes, т. I, стр. 224—225.

49) F. Bastiat. Harm. économ., стр. 141.

50) Даже понятіе объ обществѣ, высказанное Маклеодомъ, почти тождественно съ опредѣленіемъ Кэри-Бастіа. „Чтобы получить для себя необходимое, говоритъ онъ, человѣкъ долженъ изучать и наблюдать, въ чемъ нуждаются другіе люди; наоборотъ, если другіе нуждаются въ томъ, что онъ производитъ, они должны узнавать, въ чемъ онъ самъ нуждается, чтобы предложить ему этотъ нужный предметъ, въ обмѣнъ на его произведеніе. При такихъ условіяхъ, общество состоитъ изъ членовъ, связанныхъ другъ съ другомъ и принужденныхъ изучать потребности и желаніе каждаго изъ своей среды“ стр. 10. Осн. пол. экономіи.

III.

51) Курсель-Сенель прекрасно опредѣляетъ различіе между наукой и искусствомъ въ слѣд. словахъ: Quel est le propre de le science? C'est, sans contredit, l'etude des lois costantes et universelles qui régissent les phénoménes, des lois independantes des caprices humains et qui nous appelons naturelles. L'art, au contraire, étudie les meilleurs mojens d'obtenir un résultat déterminé, d'établir les constructions imaginées et voulues par les hommes. Il en resulte, que les lois qu'étudie la science ont un caractere de fixité qui manque aux préceptes de l'art, lesquels varient et se transforment par les progrés de la science et de la civilisation. См. Journ. des économistes 1877. м. Сент., стр. 323—324.

52) M. de Molinari, Cours d'écon. pol. т. I, стр. 30.

53) Physique sociale. 1869 г. т. I, стр. 94—95.

54) Die Göttliche Ordnung и т. д. 1788 г., т. I, стр. 78, 240—243 и др.

55) Исторія цивилиз. въ Англіи, ч. I, гл. 1.

56) Phys. sociale, I, 99.

57) Die Grundlagen d. N.—öconomie, стр. 43—44.

58) Phys. soc., I, стр. 98.

59) Въ нашей литературѣ значеніе этихъ пріемовъ прекрасно уяснено г. Зиберомъ въ первой главѣ его диссертаціи: Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо. См. также изслѣдованіе А. Антоновича. Теорія цѣнности, гл. 1.

IV.

60) Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. I, стр. 132—133.

61) А. Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ. Пер. 1882 г., стр. 172.—62) Ibid Гл. 8, стр. 22.—63) Ibid Гл. 21, стр. 19.—64) Ibid Гл. 6, стр. 27—29.—65) Ibid Стр. 173.

66) Вл. Соловьевъ. Три разговора съ приложеніями. 1901 г. стр. 248.

67) Курсъ національной и соціальной экономіи. Пер. 1893 г. стр. 52 2.

68) Голосъ. 1864 г., № 25.

I. Сходства.

1) Вопросы о жизни Р. пер. стр. 77.

2) Великій человѣкъ, пер. 1905 г. стр. 13.

3) А. А. Кауфманъ. Русская община. 1908 г. стр. 160.—4) Ib.. стр. 166.—5) Ib. стр. 183.—6) Ib. стр. 183.

7) Русская община. стр. 243.—8) Ib. стр. 140.—9) Ibid. стр. 112—113.—10) Ib. стр. 129.—11) Ib стр. 171.

12) Исторія русской жизни, т. I, стр. 543.

13) Старый порядокъ и революція, стр. 31.—14) Ib. стр. 32.

15) Гексли. Юмъ, его жизнь, философія, стр. 129.

16) Новый міръ. 1905 г. стр. 58.—17) Ib. стр. 62.

18) П. Бартъ, Философія исторіи, какъ соціологія. Пер. 1900 г. ч. I, стр. 164.

19) Э. Дюркгеймъ. Раздѣленіе общественнаго труда. Пер. 1900 г. стр. 63. 20) Ib. стр. 64.—21) Ib. стр. 138.—22) Ib. стр. 140.

23) П. Кропоткинъ. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. 1907 г. стр. 108.—24) Ib. стр. 109.

25) Н. Ядринцевъ, Сибирь, какъ колонія. стр. 81.

26) Dieu dans l'histoire. фр. пер. Paris, 1865 г. стр. 261.

27) Э. Дюркгеймъ. Раздѣленіе общественнаго труда. Пер. 1910 г. стр. 245.

28) Исторія русской жизни. 1876 г. т. I. стр. 434.—29) Ib. стр. 515.—30) Ib. т. I, стр. 515.—31) Ib. стр. 518.

32) Ibid, стр. 527.

33) Сочиненія А. И. Герцена, т. III, стр. 482.

34) Н. Герцбергъ. Рабочій вопросъ и соціализмъ. Пер. 1905 г. стр. 99.—35) Ibid. стр. 99—100.—36) Ibid, стр. 100—101.

37) M. Hauriou. La science sociale traditionnelle. Paris, 1896. стр. 14—15.

38) Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. 1904 г. стр. 88, ст. С. Суворова: „Основы философіи жизни".

39) Сибирь, какъ колонія, стр. 299.

40) Сибирь, какъ колонія, стр. 303.

41) Сибирь, какъ колонія. 1882 г. стр. 31—32.—42) Ib. стр. 32.

43) Н. Ядринцевъ. Сибирь, какъ колонія. 1882 г. стр. 33—34.—44) Ib. стр. 36.—45) Ib. стр. 39.

46) Н. Ядринцевъ. Сибирь, какъ колонія. стр. 44.—47) Ib. стр. 49.

48) Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, 1901 г. т. VI, стр. 346.—49) Ibid, стр. 347—348.—50) Ib., стр. 352.

51) Эразмъ Роттердамскій. Похвала глупости. Пер. проф. П. Ардашева 1910 г. стр. 98—99.

52) Культъ грубой силы въ сѣверной Месопотаміи дошелъ до обожествленія разбоя. Сеннахеримъ съ гордостью перечисляетъ разоренные имъ города. „На ихъ мѣстѣ, говоритъ онъ, я создалъ пустыню и кучи развалинъ". Въ одномъ изъ документовъ тотъ же деспотъ говоритъ: „Мои трофеи плавали въ крови, какъ въ рѣкѣ, мои военныя колесницы давили людей и животныхъ и терзали еще трепетавшіе члены враговъ. Я воздвигъ себѣ трофеи изъ кучъ замученныхъ труповъ; всѣмъ тѣмъ, кто сдавался, я велѣлъ отрубить руки". Сарданапалъ былъ еще жестче. Плѣнныхъ королей онъ отводилъ въ Неневію и сдиралъ съ живыхъ кожу. Онъ въ поученіе потомству разсказываетъ, что поднялъ къ небу дымъ 34 зажженныхъ городовъ.

53) Пер. Лютера, р. пер. 135.

54) Ш. Летурно. Эволюція собственности. Пер. 1899 г. стр. 133.—55) Ibid, стр. 170.

56) Politique, liv. II, ch. II, § 5, Летурно Эвол. собств. 258—259.—57) Ibid. стр. 266.

58) Ibid, стр. 266.

59) Основ. пол. экономіи, стр. 83.

60) Проф. Мартенсъ считаетъ „непосредственною цѣлію войны—возстановленіе права и мира“. (Курсъ международнаго права, т. II, стр. 461—462). По этому поводу Л. Слонимскій резонно говоритъ: „Въ спорѣ между Даніею и Пруссіею право могло быть вполнѣ на сторонѣ датчанъ; но право Даніи должно было подчиняться прусской военной силѣ. Можно ли говорить о возстановленіи права путемъ войны, когда результатъ зависитъ исключительно отъ превосходства силы, которая рѣдко совпадаетъ съ превосходствомъ права?“ (Основные вопросы политики стр. 376).

61) К. Каутскій. Очерки и этюды. Пер. 1895 г. стр. 68—69.

62) Леэръ. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. 1884 г. т. II, стр. 269.

63) Л. Слонимскій. Основные вопросы политики. 1889 г. стр. 83—84.

64) G. Vacher de La pouge. Les selections sociales. (1896). Н. К. Михайловскій подробно излагаетъ въ Откликахъ, т. II, стр. 246—257.

65) С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. III, стр. 40—41.

66) Курсъ русск. ист. ч. II, стр. 261.—67) Ibid, стр. 262—263.

68) Курсъ р. ист. ч. II, стр. 268—269.—69) Ibid, ч. I, стр. 270.

70) Курсъ р. ист. ч. II, стр. 56.

71) Ключевскій, Курсъ р. ист. ч. III, стр. 161.

72) „Вѣчная военная опасность, неизсякаемая потребность въ самооборонѣ легла неизгладимою печатью на весь складъ московскаго государства, на все его внутреннее устройство. Все московское государство устроилось по типу военнаго лагеря. Какъ въ военномъ лагерѣ всѣ должны безусловно и безпрекословно повиноваться одному вождю, подчиняясь общей суровой дисциплинѣ, всѣ должны равномѣрно нести общую службу и никто не можетъ быть оставленъ безъ обязательнаго дѣла, такъ и въ московской Руси всѣ и каждый, какъ одинъ человѣкъ, обязаны были отправлять всю жизнь, до самой смерти, опредѣленныя, разъ на всегда наложенныя на нихъ государственныя службы“. (А. Кизеветтеръ. Русское общество въ 18 столѣтіи, 1904 г. стр. 4—5). Поэтому моск. Русь вся была крѣпостная, всѣ были скованы по рукамъ и ногамъ по роду службы и содержанію повинностей. Служилые люди доставляли войско и наполняли бюрократію, тяглые люди поставляли въ казну деньги и содержаніе служивыхъ. При этомъ служба продолжалась до смерти.

Петръ I измѣнилъ формы, но усилилъ содержаніе: Сверхъ старой классовой службы введена *всесословная*. Такъ въ регулярной арміи, вмѣсто ополченія, появились рекрутскіе наборы. На дворянъ—обязательное обученіе съ ранняго дѣтства. Всѣ служащіе связаны табелью о рангахъ, вмѣсто прежней „отеческой чести“. Въ 1714 г. Петръ соединилъ вотчины съ помѣстьями зак. о единонаслѣдіи.

Только послѣ Петра начинается раскрѣпощеніе Россіи, конечно начинается съ дворянства. Въ 1736 г. была смягчена служба, одинъ изъ сыновей освобождался вовсе, другіе д. б. служить не болѣе 25 лѣтъ. 18 февр. 1762 г. Петръ III издалъ манифестъ „о дарованіи *вольности и свободы* всему россійскому дворянству“, а еще раньше при им. Аннѣ отмѣненъ указъ 1714 г. о единонаслѣдіи. Такъ началась „дворянская эра“.

Раньше все общество дѣлилось на людей, служившихъ службы и на людей, платившихъ подати, при чемъ тѣ и другіе одинаково были закрѣпощены къ своимъ службамъ и повинностямъ. Къ концу 18 вѣка общество стало дѣлиться на свободныхъ и крѣпостныхъ“. (Ibid, стр. 26).

Московское правительство не создало крестьянскаго прикрѣпленія, но, найдя его уже готовымъ, предало ему политическій характеръ. Служа на помѣщика, крестьянинъ служилъ на государство, такъ какъ и самъ помѣщикъ

владѣлъ крестьянами только потому, что онъ оплачивалъ это владѣніе ратной государственной службой". (Ibid. стр. 29).

18 вѣкъ усилилъ закрѣпощеніе, создавъ рабовъ. Появились продажи. По объявленію въ „С.-Пет. Вѣд." дѣвушка за 25 руб. и борзой щенокъ за 3000 р., т. е. 120 дѣвушекъ равнялись цѣнѣ одной собаки. (Ibid, стр. 33).

Городскіе жители также носили военный характеръ. *Кремль*, т. е. крѣпость,—ядро города, отдѣлялась рвомъ или валомъ. Далѣе дворы *посадскихъ людей* или *посадъ* и за ними *слободы*, гдѣ были мелкіе ремесленники, между тѣмъ въ посадѣ—купцы. „Были города, но не было городскихъ обществъ". Гор. общество появляется только съ Екатерины II, грамотой 1785 г. создано всесословное городское общество со сходами въ 3 года, избиравшими голову, съ общей думой и шестигласной думой.

73) М. А. Энгельгардтъ. Прогрессъ, какъ эволюція жестокости. С.П.б. 1899 г.—74) Стр. 50—51.—75) Стр. 41.—76) Стр. 53—54.—77) Ibid, 56.—78) Стр. 87.—79) Стр. 99.—80) Стр. 202.—81) Стр. 205. 82) Стр. 57.—83) Стр. 149.—84) Стр. 170—171.—85) Стр. 179—180.—86) Стр. 26.

87) Полн. собр. соч. т. VII, стр. 111.

88) Цѣнность жизни, стр. 74.—89) Ibid, стр. 153.

90) Цѣнность жизни, стр. 152.

91) Современный капитализмъ. Пер. съ нѣм. ч. I, стр. 377.

92) Сочиненія А. И. Герцена, т. VII, стр. 102—103.—93) Ibid, стр. 103.—94) Ibid, стр. 104.—95) Ibid, стр. 104.

II. Различія.

1) Цивилизація и великія историческія рѣки, стр. 58—59.—2) Ibid стр. 60.

3) Сибирь, какъ колонія. 1882 г., стр. 29—30.

4) И. В. Кирѣевскій. Пол. собр. соч. т. II, стр. 261.

5) Соч. К. Д. Кавелина т. I. ст. „Взглядъ на город. бытъ древней Руси".

6) Соціализмъ и этика. Пер. 1905 г., стр. 25.

7) Сочиненія А. И. Герцена, 1905 г., стр. 411, т. II.

8) С. Н. Булгаковъ. Душевная драма Герцена. 1905 г., стр. 34—35.

9) Вопросъ о жизни. Пер. 1902 г., стр. 82.

10) Зиммель. Соціальная дифференціація, стр. 18—19.

11) Стр. 28.—12) Ibid, стр. 30.—13) Стр. 63—64.—14) Стр. 89.—15) Стр. 90.—16) Стр. 90 —17) Стр. 182.—18) Стр. 146.

19) Сочиненія т. IV, стр. 461.

20) П. Кропоткинъ. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи, стр. 141.

21) Майковъ. Очерки юридическихъ обычаевъ у мордвы въ „Зап. Р. Геогр. Общества" 1886 г., стр. 257.

22) П. Кропоткинъ. Взаимная помощь, стр. 160—161.

23) П. Кропоткинъ. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. 1907 г., стр. 6—7.—24) Ibid, стр. 69.

25) Собр. сочиненій, т. XII, стр. 352.

26) М. Филипповъ. Философія дѣйствительности, стр. 1128.—27) Ibid стр. 551.

28) Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго 1901 г. т. VI, стр. 109.

29) Соціализмъ и патріотизмъ. Пер. 1907 г., стр. XII.—30) Ibid. стр. 8—9.

31) Стр. 55.—32) Ibid. стр. 124.

33) Чтеніе второе кн. стр. 35 и слѣд. Милюковъ. Главныя теченія т. I, стр. 336.

34) Н. М. Соколовъ. Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи. 1904 г. стр. 79.

35) П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи, стр. 303—304.

36) Новое ученіе о государствѣ. Пер. Б. Костяковскій, стр. 46.

37) Очерки по исторіи русской культуры, ч. III, выпускъ первый, стр. 7. 38) Ibid, стр. 8.—39) Ibid, стр. 95. Н. Соколовъ.

40) „Русское Слово". 1909 г. № 285 отъ 12 д.

41) Томасъ Карлейль. Sartor. Resartus. Пер. 1902 г., стр. 257.

42) Афоризмы и максимы, т. II, стр. 42—43.

43) Въ чемъ моя вѣра? 1906 г., стр. 30—31.

44) И. Тэнъ. Происхожденіе соврем. Франціи, т. II. стр. 29.

45) Р. Гинцбургъ. Смертная казнь у евреевъ. С.П-Б. 1910 г.

46) Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій. Торговля и промышленность Москвы. XVI и XVII в.в. стр. 43—45. 47) Ibid. стр. 59. 48) Ibid. стр. 60. 49) Ibid. стр. 61.

50) Аристотель признавалъ гражданиномъ только того, кто не вынужденъ былъ работать для полученія хлѣба.

Императоръ Августъ приговорилъ къ смерти сенатора Овинія за то, что онъ сталъ во главѣ завода.

Аристотель считаетъ ремесленный трудъ не достойнымъ человѣка; за исключеніемъ земледѣлія.

„Не слѣдуетъ обучаться разнымъ полезнымъ искусствамъ, такъ какъ они не достойны этого; юношей должно обучать лишь тому искусству, которое не имѣетъ ничего общаго съ жизнью жалкаго ремесленника. Такимъ недостойнымъ изученія слѣдуетъ считать всякій родъ труда, всякое искусство, которое дѣлаетъ тѣло, душу и умъ людей неспособными къ добродѣтели и ея проявленію. Поэтому мы называемъ низкими всѣ тѣ искусства, которыя нарушаютъ наше физическое благоденствіе и всякій трудъ, оплачиваемый поденной платой, такъ какъ онъ не оставляетъ достаточнаго времени и отдыха для духовнаго совершенствованія".

Вольтеръ былъ того мнѣнія, что „нужны люди, у которыхъ не было бы ничего, кромѣ ихъ рукъ и доброй воли". Онъ же утверждаетъ, что „разумъ восторжествуетъ у порядочныхъ людей, а сволочь (т. е. простой народъ) вовсе не для него созданъ. Католицизмъ нужно уничтожить у порядочныхъ людей, оставивъ его у сволочи.—Я понимаю подъ народомъ чернь, у которой есть руки, чтобы жить. Мнѣ кажется необходимымъ, чтобы существовали невѣжды".

Рёскинъ отличаетъ благородный трудъ отъ неблагороднаго. По его мнѣнію, трудъ рудокопа или матроса нельзя признавать такимъ же благороднымъ, какъ трудъ рѣзчика на деревѣ или металлѣ. Въ промышленности не мало труда прямо унизительнаго, „рабскаго". Таковы работы кочегара, кузнеца, рудокопа и вообще всякій „ручной трудъ". По его мнѣнію, такія работы необходимо поручать арестантамъ въ видѣ наказанія. Только работы въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ полезныя для здоровья, можно поручать высшимъ классамъ общества. (Munera Pulveris. § 109).

51) Стр. 82.—52) Ibid. стр. 82.—53) Стр. 83.—54) Стр. 83.—55) Стр. 84.

56) О. А. Фотинскій. Побратимство и чинъ братотворенія. Труды XI Археологическаго съѣзда, стр. 84—85. 57) Ibid. стр. 88.

58) Роландъ Гольетъ. Всеобщая стачка и соціалъ-демократія. Пер. 1906 г. стр. 131—132.

59) Курсъ національной и соціальной экономіи. Пер. 1893 г., стр. 310—311.—60) Ibid стр. 542.

61) A. Fremy. Les moeurs de notre temps. Paris. 1861 г. стр. 79.

62) Современная наука объ обществѣ, стр. 82.

63) Новое ученіе о государствѣ, Пер. Б. Костяковскаго, стр. 71.

64) Ch. Fourier. Le Nouveau monde industriel et sociétaire. Paris. 1848 г. стр. 33—34.

65 Э. Дюркгеймъ. О раздѣленіи общественнаго труда. Пер. 1900 г. стр. 233,

66) Бугле. Эгалитаризмъ. Пер. 1904 г. стр. 91.

67) Собраніе сочиненій, т. VI, стр. 204.—68) Ibid. стр. 205, т. VI.

69) Совершенно основательно также и Е. Дюрингъ видитъ въ рѣшеніи вопросовъ большинствомъ лишь проявленіе насилія. „Преобладаніе большинства надъ меньшинствомъ есть результатъ какъ бы войны голосовъ, заступающій мѣсто грубой борьбы. Большинство есть извѣстный видъ перевѣса силы и ничего болѣе. Находится ли на сторонѣ силы, какова бы она ни была, также справедливость,—это всегда вопросъ особый". (Курсъ національной и соціальной экономіи. Пер. 1893 г. стр. 331).

О всеобщемъ избирательномъ правѣ Г. Спенсеръ разсуждаетъ: „Нравственныя эпидеміи также возможны, какъ и физическія эпидеміи. Нравственная инфлуэнца, такъ широко распространенная теперь, имѣетъ одинъ общій симптомъ съ своимъ физическимъ синонимомъ—она сопровождается нервною прострацією. Люди, заболѣвшіе ею, разбиваются умственнымъ параличемъ. Ибо какъ объяснить тотъ поразительный фактъ, что избранники націи день за днемъ позволяютъ тѣмъ, которые ничего не имѣютъ, говорить имущимъ: „мы рѣшимъ, что должно быть сдѣлано, а вы платите за это. Въ настоящее время дѣло дошло до того, что „коллективная мудрость" полагаетъ, будто общество будетъ благоденствовать при господствѣ такого принципа". (Г. Спенсеръ. Сочинен. т. VII ч. 1. стр. 69).

И въ самомъ дѣлѣ, неужели не признакъ мозгового паралича въ современномъ поколѣніи господствующая идея, что потребители налоговъ, ровно ничего не имѣющіе, должны устанавливать налоги съ имущихъ. Вѣдь это значитъ, что неспособные къ экономическому творчеству должны располагать продуктами способныхъ, безталанные талантомъ, безумные здравомыслящими.

70) Наибольшаго развитія тресты достигли въ С.-Штатахъ См. П. Лафаръ. Американскіе тресты. Пер. Баллада, изд. Поповой. Также: Les industries monopolisees (Trusts) aut Etats—Unis. Paul de Rousiers. Paris 1898.

71) Цивилизація и великія историческія рѣки. 1898 г. стр. 15.

72) Женщины и экон. отношеніе. Пер. 1902 г. стр. 44—45.—73) Ibid стр. 133.

74) Женскій вопросъ. Пер. 1905 г. стр. 9.

75) Покровительство отеч. промышленности или свобода торговли. Пер. С. Николаева. стр. 51.

III. Число.

1) „Политика".—2) Ib. I, § 7.—3) Ib. I, 12.—4) Ib. III, VI, 4. Цитир. по переводу А. Эспинаса.

5) Посл. къ Римл. XII, 4. Перв. посл. къ Коринфянамъ, XII, 12. A. Espinas. Des societes animales. 1878 г. стр. 30. Р. перев. 1882 г. стр. 20.

6) Traité theologico—politique, p. 81.

7) А. Эспинасъ. Р. пер. стр. 122.—8) Ib. стр. 445—446.

9) Б. Сидисъ. Психологія внушенія. 1902 г. стр. 299.

10) Внушеніе и его роль въ общ. жизни. 1903 г. стр. 133.—11) Ib. стр. 140.

12) М. Ковалевскій. Краткій обзоръ экономической эволюціи и ея подраздѣленіе на періоды. 1899 г. стр. 4– 5.—13) Ibid. стр. 7.—14) Ib. стр. 8.—15) Ib. стр. 12.—16) Ib. стр. 15.

17) L. Lefèvre. Les phènomènes de suggestion et d'auto—suggestion. Paris. 1903 г. Левенфельдъ. Гипнотизмъ пер. 1903 г. Б. Сидисъ. Психологія внушенія 1901.

18) Философія исторіи, какъ соціологія, стр. 235.

19) Міровое хозяйство. 1910 г. стр. 328.

20) Луи Бурдо. Вопросъ о жизни. стр. 106.—21) Ibid. стр. 148.

22) Э. Дюркгеймъ. Раздѣленіе общ. труда, стр. 270—276.—23) Id. стр. 276.—24) Ib. стр. 276.

25) Собр. соч. Н. И. Костомарова. 1903 г. кн. I, стр. 427.—26) Ib. стр. 501.

27) П. Тэнъ. Происхожденіе соврем. Франціи, т. I, стр. 26.

28) Э. Дюркгеймъ. Разд. общ. труда, стр. 209.

29) Нравственные идеалы нашего времени. 1904 г. стр. 4.

30) „Соціологія и соціологи". Сборн. въ пользу недостат. студ. Моск. ун. Соврем. капитализмъ, ч. II, стр. 160—161.

32) Ольга говоритъ Древлянамъ: „А всѣ гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и земли своя. (Полн. собр. Р. Лѣт. I, 25).

„Пр жніе города славянскихъ племенъ, говоритъ историкъ Соловьевъ, были не иное что, какъ огороженныя села, жители которыхъ занимались земледѣліемъ". (С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. I, стр. 222, изд. 1883 г.).

33) А. Веберъ. Ростъ городовъ въ XIX ст. стр. 418.

34) Процентн. отношенія городского населенія въ Россіи и абсол. его цифры.

1630 г.	не болѣе	2,4%	не болѣе 292 тысячъ.
1724 „	„	3. %	„ „ 328 „
1782 „	„	3,1%	„ „ 802 „
1796 „	„	4,1%	„ „ 1301 „
1812 „	„	4,4%	„ „ 1653 „
1835 „	„	5,8%	„ „ 3025 „
1851 „	„	7,8%	„ „ 3482 „
1878 „	„	9,2%	„ „ 6091 „
1897 „	„	13,0%	„ „ 16289 „

(П. Милюковъ. Очеркъ по ист. культуры въ Россіи ч. I, стр. 82).

Милюковъ вѣрно замѣчаетъ, что и 13% гор. населенія—пропорція наименѣе выгодна въ Европѣ. Только Швеція можетъ въ этомъ отношеніи сравниться съ Россіей. (Стр. 82).

Эта же пропорція говоритъ о томъ, что промышленность страны не ограничивается городскими стѣнами, что д. б. развита домашняя промышленность. (Ibid 83—84).

„Позади насъ Россія, гдѣ люди, словно пауки, сидятъ въ одиночку по своимъ угламъ угрюмые, озлобленные, впереди—Россія покрытая всевозможными организаціями, единеніями людей, и въ этомъ единеніи людей Россія будетъ радостно ткать свое новое будущее". (И. Озеровъ. Большіе города, стр. 100)

35) Э. Дюркгеймъ. Раздѣл. общ. труда, стр. 236.

36) Пр. Озеровъ. Большіе города, стр. 49.

37) А. Веберъ. Ростъ городовъ въ 19 ст. стр. 412.

38) Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи, стр. 170—171.—39) Ib. стр. 171.

40) Сочиненія А. И. Герцена, т. VI, стр. 277.

41) См. А. Веберъ. Ростъ городовъ, стр. 361.—42) Ib. стр. 439.

43) Emile liv, I, p 36.

44) А. Вандервельде. Бѣгство изъ деревни, стр. 6.—45) Ib. стр. 230.

46) П. Кропоткинъ. Взаимная помощь, стр. 195.

47) Современный капитализмъ, ч. II, стр. 182.

48) П. Кропоткинъ. Взаимная помощь, стр. 207.

49) Тяготѣніе земледѣльческихъ фермъ зависитъ отъ максимальнаго разстоянія. Въ Англіи 8—15 миль, глав. обр. для купли—продажи лошадей. Теперь „сфера вліянія" городовъ расширяется, благодаря развитымъ сообщеніямъ. Такъ предѣльность городской округи сперва опредѣлялась 7—8 мильнымъ разстояніемъ пробѣга лошади; теперь—10—12 миль отъ центр. кварталовъ. Въ Лондонѣ 30 мильный радіусъ. При увеличеніи скорости района Лондонъ разростется до пространства территоріи Ирландіи. (Уэльсъ. О судьбахъ человѣчества, стр. 29 и слѣд.

50) Франція, которая такъ прекрасно развила теорію гармоніи (Бастіа)

и классовой борьбы (Прудонъ) принадлежитъ честь и выясненія *солидаризма*, какъ внѣшняго принципа, въ которомъ должны найти разумное примиреніе и доктрины гармоніи и доктрины борьбы. Таковы труды Маріона „La solidarité morale“, Дюркгейма „La division du travail social“, Шарля Секретана „Le principe de la morale“, Шарля Жида „L'idée de solidarité“, Жана Изуле (Jzoulet) „La cité moderne“, Гектора Дегане „Prevoyance et solidarité“, (Revue Philantropique, 10 oct—1897.) Bouglé „Solidarisme et liberalisme“, Леонъ Буржуа—Solidarité.

51) I. c. В. А. Гагенъ. Право бѣднаго, т. I, стр. 294.—52) Ib. стр. 296.

53) Ж. Тардъ. Законы подражанія, стр. 62.—54) Ib. стр. 64—65.

55) Булгаковъ. Капитализмъ и земледѣліе, т. II, стр. 225.

56) Теорія ренты, пер. 1908 г. стр. 196.

57) Э. Дюркгеймъ. О раздѣл. общ. труда, стр. 216.

58) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. VI, стр. 410.—59) Ib. стр. 411.

60) С. Южаковъ. Стат. законъ землевладѣнія въ Россіи.

61) С. Булгаковъ. Душевная драма Герцена. 1905 г. стр. 41.

IV. Эволюція.

1) М. М. Филипповъ. Девятнадцатый вѣкъ. 1900 г. стр. 99.

2) Происхожденіе человѣка и половой подборъ, т. II, стр. 436.

3) А. Фулье. Современная наука объ обществѣ, стр. 68.

4) Эволюція и прогрессъ человѣка. Пер. 1897 г. стр. 211.

5) Историческій методъ въ біологіи. Русская мысль. № 7, 1895 г.

6) La loi fondamentale de la vie.

7) Н. Михайловскій. Отклики. т. I, стр. 158.

8) М. А. Рейснеръ. Государство, ч. I, стр. 195—196.

9) И. Х. Озеровъ. Изъ жизни труда. В. I. 1904 г. стр. 78.

10) Ibid, стр. 78—79.

11) Бесѣды о торговлѣ зерномъ. Пер. М. Дрогомировъ. Стр. 157.

12) Л. И. Мечниковъ. Цивилизація и великія историческія рѣки. 1898 г. стр. 5.

13) Н. Михайловскій. Отклики, т. II, стр. 254.

14) Ibid. стр. 254.

15) Yves Guyot. La prostitution. Paris. 1883. стр. 3.

16) М. Филипповъ видитъ въ этихъ перемѣнахъ „молчаливое признаніе трудовъ, сдѣланныхъ другими, особенно въ Германіи, скорѣе, чѣмъ прямое слѣдствіе собственныхъ наблюденій Дарвина“. Девятнадцатый вѣкъ, стр. 103.

17) Сочиненія А. И. Герцена, т. IV, стр. 371.

18) По выраженію Лебона, „расовая душа, руководящая судьбой народовъ, руководитъ также ихъ вѣрованіями, учрежденіями и искусствомъ; какой бы элементъ цивилизаціи мы ни изучали, мы всегда найдемъ и въ немъ. Она—единственная сила, которой никакая другая не можетъ превозмочь. Она представляетъ тяжесть тысячъ поколѣній, синтезъ ихъ мысли“. (Психологія народовъ и массъ. Пер. 1896 г. стр. 107).

19) Полное собр. сочиненій, т. III, стр. 510.—20) Ibid, стр. 512.—21) Ibid, стр. 513.

22) Старый порядокъ и революція, стр. 230.

По словамъ Сандерсона, „молодые тигры очень милы и необыкновенно добродушны, но необходимо, что бы они были захвачены рано, когда имъ нѣтъ еще мѣсяца отъ роду, пока они *не пріучились* къ жизни на волѣ, въ родномъ лѣсу, и не привыкли бояться человѣка; если они старше, то приручить ихъ уже трудно. Дѣтеныши очень привязываются къ своему господину, повсюду за нимъ слѣдуютъ, ложатся подъ его стуломъ, когда онъ сидитъ, и издаютъ своеобразное, радостное фырканье, когда онъ ихъ ласкаетъ.—Я дер-

жилъ парочку молодыхъ тигровъ до восьми мѣсяцевъ и они очень мило играли между собою, съ людьми и съ ручнымъ медвѣдемъ, который жилъ у меня въ домѣ. По моимъ наблюденіямъ, съ молоду прирученные тигры вовсе не высказываютъ ни коварства, ни хищничества, если только имъ даютъ пищи до сыта. У меня жилъ довольно большой тигръ, который былъ пріученъ спать въ моей комнатѣ. Когда я засыпалъ, то онъ часто вскакивалъ на мою кровать, чтобы лечь около меня, но вовсе не сердился, когда я пинками и толчками заставлялъ вернуться опять на полъ". (А. Э. Брэмъ. Жизнь животныхъ. Пер. 1874 г. т. I, стр. 425).

По словамъ Брэма, азіатскіе властители уже издавна владѣли искусствомъ приручать тигровъ и даже пользоваться ими во время охоты. Марко Паоло пишетъ: у татарскаго хана въ завоеванномъ имъ городѣ Камбалу много леопардовъ и рысей, съ которыми онъ охотился; точно также у него есть львы, которые употребляются для охоты на дикихъ кабановъ, буйволовъ, дикихъословъ, медвѣдей, оленей, ланей и другихъ животныхъ". (Ib. стр. 426).

Звѣрство у леопардовъ ослабляется во время спариванья. (Ib. стр. 413).

Кугуаръ, пойманный старымъ, отказывается отъ пищи и добровольно умираетъ, но молодые становятся ручными (стр. 540).

Ягуары, пойманные сосунами, становятся ручными и весело играютъ съ кошками и собаками. (Ib. стр. 521).

Извѣстный грызунъ Хомякъ принадлежитъ къ числу наиболѣе злобныхъ и наименѣе уживчивыхъ животныхъ. Онъ живетъ въ одиночествѣ, особнякомъ. Даже во время полового союза онъ сходится съ самкой на самое короткое время и, встрѣтившись потомъ, готовъ загрызть ее до смерти. Хомякъ вѣчно недоволенъ, сердитъ, ворчитъ и скрежещетъ зубами. Въ состояніи злости онъ грызетъ первыхъ попавшихся ему своихъ же ближнихъ. Онъ принадлежитъ къ всеяднымъ животнымъ, хотя на зиму складываетъ исключительно зерно, которое накапливаетъ лично для себя, какъ Плюшкинъ. И вотъ это странное существо въ молодости отличается добродушіемъ, довѣрчивостью, любовью къ ближнимъ. По словамъ Брэма, „въ неволѣ хомяки рѣдко живутъ въ мирѣ другъ съ другомъ, старые же, вѣроятно, никогда. Молодые, не достигшіе еще года, уживаются лучше. Я содержалъ въ ящикѣ довольно долго трехъ хомяковъ; они никогда не ссорились, напротивъ очень миролюбиво жались другъ къ другу, къ тому же очень часто сидѣли одинъ на другомъ". (Жизнь животныхъ, т. II, стр. 550).

Волки въ молодости также совсѣмъ не похожи... на волковъ. Они въ это время отличаются добродушіемъ, ласковостью. Прирученные они остаются таковыми и привязываются къ своему хозяину. По словамъ Каде, „вблизи своего гнѣзда волкъ никогда не охотится, почему молодыя косули и волчата часто играютъ между собой на одной и той же прогалинѣ". (Ibid, стр. 28).

Даже гіены въ молодости не имѣютъ ничего страшнаго. Такъ, изъ полосатыхъ гіенъ молодые экземпляры считаются довольно способными къ прирученію и становятся совершенно ручными. (Ib. стр. 13).

О гіенахъ вообще Брэмъ того мнѣнія, что „если поймать очень юную гіену, то ее легко приручить и иногда изъ нее можно воспитать доброе, привязанное къ своему хозяину домашнее животное". (Ib. стр. 6).

Странное исключеніе изъ этого закона представляетъ лисица. Молодые лисенята безъ церемоніи и совѣсти съѣдаютъ раненнаго братца, съ которымъ только что играли и во время игры случайно ранили. (Ib. стр. 184). Но все таки любятъ играть въ своемъ обществѣ, не обижая другъ друга. (стр. 187). И старая лиса, часто отказывая себѣ въ пищѣ, кормитъ осиротѣлыхъ лисенятъ, подброшенныхъ ей. (Стр. 188). Взятыя молодыми, лисенята легко приручаются (стр. 189).

У кошекъ хищничество далеко не можетъ считаться инстинктомъ. Мать

пріучаетъ маленькихъ котятъ къ охотѣ. Для этого она приноситъ полу-живыхъ животныхъ, съ которыми маленькіе котята могли бы справиться. Охотясь за ними, котята пріучаются къ добычѣ пищи. За тѣмъ она приноситъ имъ живыхъ, пріучая къ ихъ ловлѣ и наконецъ вмѣстѣ отправляется на охоту. (Ib. стр. 400).

23) Прогрессъ и бѣдность, стр. 569.

24) По остроумному замѣчанію В. Соловьева, Данте и Сведенборгъ, поднявшись на небеса и спустившись во адъ, „и тамъ не нашли одинокой личности, а видѣли только общественныя группы и круги". (Собраніе сочиненій, т. VII, стр. 213).

Но самое общество, по его мнѣнію, есть „объективно-осуществляемое содержаніе личности". (Ib. стр. 214).

Уже *О. Контъ* замѣтилъ, что отдѣльный человѣкъ есть чистѣйшая абстракція, что отдѣльнаго человѣка въ реальной жизни не существуетъ, существуетъ лишь человѣчество. (Systeme de politique positive, t. VI, p. 590).

Вундтъ въ результатѣ своихъ философскихъ изслѣдованій пришелъ къ такому же выводу. (Logik, 2 изд. II, стр. 291 и слѣд.).

Вѣрно замѣчаетъ П. Бартъ, что человѣкъ, изолированный отъ общества, настолько теряетъ свои человѣческія способности, что, если изолированіе началось въ раннемъ возрастѣ годъ или два по рожденіи, то не можетъ уже пріобрѣсти ихъ вновь; но даже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ изолированіе разрушаетъ душевную жизнь. (Примѣръ одичанія сообщаетъ A. Rauber въ Homo sapiens ferus. Leipzig. 1885). (П. Бартъ. Философія исторіи, какъ соціологія. Стр. 186).

26) Hauriou. Précis de droit administratif et de droit publique general, стр. 19.

27) В. А. Гагенъ. Право бѣднаго на призрѣніе. 1907 г. т. I, стр. 20—21.

28) Бесѣды о торговлѣ зерномъ, стр. 152.

29) Луи Бурдо. Вопросъ о жизни. Р. пер. стр. 86.

30) В. Заболотный. Опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса: что такое война? 1900 г. стр. 13.

31) Г. Друмондъ. Эволюція и прогрессъ человѣка. Пер. 1897 г. стр. 246. 32) Ibid, стр. 263.—33) Ibid, стр. 275.

V. Конъюнкція.

1) Цит. у Г. Греефа. Общественный прогрессъ и регрессъ, Пер. 1896 г., стр. 246.—2) Ibid, стр. 246.

3) Случайностью, говоритъ Шопенгауеръ, называется совпаденіе во времени чего нибудь причинно не связаннаго. Рѣшительно отрицая свободу, онъ допускаетъ въ экономическомъ мірѣ случай. Наша собственность, говоритъ онъ, создается иногда „даже глупыми выдумками, которыя, посредствомъ счастливаго стеченія обстоятельствъ, вѣнчаетъ и возноситъ Deus Eventus (богъ случая)". (Свобода воли и основы морали. Пер. 1896 г., стр. 236).

В. Соловьевъ называетъ случайность—asylum ignorantiae. Собр. соч., т. I, стр. 19.

Напомнимъ, что этотъ asylum ignorantiae проявляется и въ наслѣдственномъ *законѣ*. Арно былъ двадцатымъ ребенкомъ у родителей, Буало пятнадцатымъ, Моцартъ—седьмымъ, Мирабо—пятымъ, Микель-Анджело и Кромвель—также пятыми, Наполеонъ—четвертымъ, Монтень, Декартъ, Ришелье и Вольтеръ—третьими, Паскаль и Монтескье—вторыми.

Фридрихъ Великій, по окончаніи семилѣтней войны, писалъ: „Самые утонченные разсчеты благоразумія, соединенные съ могуществомъ, часто оказываются игрушкою событій и неожиданныхъ сюрпризовъ судьбы. И кажется, есть нѣчто, издѣвающееся надъ предначертаніями людей".

Говоритъ о случаѣ и Ф. Лассаль. „Гдѣ владычествуетъ случай, тамъ не

можетъ быть и рѣчи о свободѣ индивидуума. Случай—уничтоженіе всякой самоотвѣтственности и вмѣняемости, а стало быть и свободы".

Онъ характерно отмѣчаетъ, что случай—это исконная орфическая связь въ обществѣ. „Эта связь общественныхъ отношеній, эта цѣпь, соединяющая всѣ существующія невѣдомыя обстоятельства, называемая въ общежитіи „стеченіемъ обстоятельствъ", въ торговомъ мірѣ называется коньюктурой. А сверхестественное, метафизическое гаданіе, результатъ невѣдомыхъ обстоятельствъ, есть спекуляція. Стеченіе обстоятельствъ и спекуляція управляютъ всѣмъ нашимъ экономическимъ бытомъ; они управляютъ всею дѣятельностью нашего меркантильнаго міра и его взбугренныя высокія волны, пуская отъ себя круги, распространяютъ ихъ вліяніе до послѣдней прибрежной капли, пока, повидимому, еще совершенно спокойной и самостоятельной, но вскорѣ принимающей подъ этимъ вліяніемъ свой индивидуальный образъ". (Капиталъ и трудъ. Пер. 1906 г., стр. 28—29).

4) Власть денегъ. Р. пер. стр., 248—249.

5) Бесѣды о торговлѣ зерномъ, стр. 70—79.—6) Ibid, стр. 127.—7) Ibid, стр. 127.

8) Ф. Ланге. Рабочій вопросъ. Пер. 1899 г. стр. 64—65.—9) Ibid, стр. 67.—10) Ibid, стр. 68.

11) П. П. Георгіевскій. Политическая экономія. 1904 г., т. I. стр. 142 и слѣд.—12) Ibid, стр. 145.

13) De Maistre. Consideration sur la France, ch. 1.

14) H. de Ferron. Theorie du progres, t. II, стр. 322.

15) Leuret. Fragments psichologiques sur la folie, p. 307.

16) Курсъ русской исторіи, ч. II, стр. 52—53.

17) Собственность и государство, т. II, стр. 85.

18) Сочиненія, т. X, стр. 214. Р. Богатство за 1909 г., стр. 61. Русановъ. Западный соціализмъ.

19) Сочиненія, т. X, стр. 276—277.

„Петровская метода избаловала насъ своей необычайной легкостью. Нѣтъ гражданскаго катехизиса—взять нѣмецкій, переложить на наши нравы, какъ перекладываютъ французскіе водевили, переплести въ юфть, вотъ и будетъ катехизисъ. Такъ думаютъ девять десятыхъ изъ нашихъ просвѣтителей in spe. Такъ поступали англичане съ индѣйцами, находя у нихъ какіе то не развившіеся зачатки патріархально-общиннаго управленія, они его замѣнили англійскимъ. Которое изъ двухъ законодательствъ—индѣйскаго или англійскаго—выше, кажется, нельзя сравнить. Посмотрите, что въ примѣчаніи къ индѣйскимъ земледѣльцамъ сдѣлало это повышеніе въ юридическомъ чинѣ. Оно кретинизировало народъ, мѣстами убило его, мѣстами развило ненависть къ Англіи". (Сочиненія А. И. Герцена. 1905 г., т. VI, стр. 273).

„Европа перешла отъ сквернхъ проселковъ къ хорошимъ шоссе, а отъ нихъ къ желѣзнымъ дорогамъ. У насъ и теперь прескверные пути сообщенія—что же намъ сперва дѣлать шоссе, а потомъ желѣзныя дороги? Эта педагогія напоминаетъ мнѣ Гейне, онъ находитъ очень хорошимъ, что въ нѣмецкихъ школахъ преподаютъ Римскую исторію такъ, какъ ее преподавали до Нибура. Иначе, замѣчаетъ онъ, трудно было бы молодому поколѣнію оцѣнить всю заслугу великаго историка, доказавшаго, что все то, что ихъ заставляли учить,—сущій вздоръ". (Ibid, т. VI, стр. 275).

Въ заключеніе Герценъ прекрасно говоритъ о русскомъ народѣ. „Слѣдуетъ ли ему пройти всѣми фазами западной жизни для того, чтобы дойти въ потѣ лица, съ подгибающимися колѣнами, черезъ рѣки крови, до того же выхода, до той же идеи будущаго устройства и невозможности современныхъ формъ, до которыхъ дошла Европа? И при томъ зная впередъ, что все это не въ самомъ дѣлѣ, а только для какого-то искуса. Да развѣ вы не видите, что это безумно? Довольно, что мы послѣ этого играемъ въ маневры и представляемъ

мирную войну, зачѣмъ же еще представлять прошлую исторію цивилизаціи?“ (Ibid, т. VI, стр. 279).

Это прекрасный отвѣтъ нашимъ доморощеннымъ марксистамъ, не останавливающимся даже передъ обезземеліемъ ради торжества своей нелѣпой теоріи.

Не менѣе рѣшительно высказывается и Н. Чернышевскій.

„Вообразите себѣ, что въ Новой Голландіи живутъ еще племена дикарей, не знающихъ никакого орудія, кромѣ дубины. Вотъ открыты золотыя розсыпи, европейскіе авантюристы (со штуцерами) проникаютъ въ мѣста, еще не посѣщавшіяся европейцами, и находятъ этихъ дикарей. Спрашивается, понадобится ли этимъ дикарямъ переходить отъ дубины къ копью, отъ копья къ луку, отъ лука къ самострѣлу, отъ самострѣла къ фитильному ружью и т. д., если они прямо будутъ вымѣнивать у европейцевъ штуцера?“ (Полное собраніе соч. Н. Г. Чернышевскаго, т. IV, стр. 328).

Низшая форма религіи, фетишизмъ, не знаетъ вражды къ иновѣрцамъ. Но другія языческія формы религіи болѣе или менѣе наклонны къ преслѣдованіямъ за вѣру. Грубые народы Новой Европы также имѣли инквизицію. Только въ послѣднее время европейская цивилизація достигла того высокаго понятія, что преслѣдованіе иновѣрцевъ противно ученію Христа. Спрашивается теперь: когда какой нибудь народъ, погрязшій въ грубомъ фетишизмѣ, просвѣщается христіанствомъ, введетъ ли онъ у себя инквизицію, или можетъ обойтись безъ нея? Надобно ли желать и можно ли надѣяться, что у этого народа прямо водворится терпимость, или онъ начнетъ воздвигать костры, и эта средняя степень такъ необходима въ его развитіи, что напрасно и удерживать его отъ гоненій на иновѣрцевъ?“ (Ibid, стр. 329).

20) Милюковъ. Главныя теченія русской истор. мысли, т. I, стр. 379—380.

21) Полное собр. сочиненій, т. VIII, стр. 168.—22) Ibid, стр. 170.

23) Очерки по исторіи русской культуры, ч, III, вып. II, стр. 22.—24) Ibid, стр. 24.

25) Н. К. Михайловскій. Сочиненія. III, стр. 417. Его же: Послѣднія сочиненія, т. III, стр. 482—485.

26) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. VII, стр. 745—746.

27) Сочиненія Грановскаго, т. I, стр. 338.

28) М. М. Филипповъ. Философія дѣйствительности, стр. 1112 — 1113. 29) Ibid, стр. 1114.

30) К. Каутскій. Сборникъ статей. Пер. 1908 г. стр. 58—59.—31) Ibid, стр. 31.

32) Система логики, стр. 106.

33) Афоризмы и максимы, т. II, стр. 269.

34) Проф. И. Иванюковъ говоритъ. „Цѣлью труда Смита было не объясненіе прошедшаго, настоящаго и вытекающихъ изъ настоящаго указаній ближайшаго будущаго экономическаго строя,—въ прошедшихъ и настоящихъ народнохозяйств. организаціяхъ онъ видитъ лишь нелѣпую регламентацію, порожденную, съ одной стороны, невѣжествомъ, непониманіемъ истинныхъ причинъ наростанія національнаго богатства и благосостоянія, съ другой, стремленіемъ господствующихъ классовъ къ эксплоатаціи: *цѣлью его труда было построеніе наилучшаго, абсолютнаго экономическаго порядка, долженствующаго еще быть осуществленнымъ*“. (Полит. Экономія, стр. 23).

Какъ видимъ, это не совсѣмъ такъ, и даже совсѣмъ не такъ.

35) По Н. Чернышевскому, „Характеръ науки есть *всеобщность:* она должна имѣть истину для всякаго времени и мѣста, для всякаго даннаго случая. Когда нравственная философія говоритъ „поступай честно“, она даетъ правило, которое прилагалось и въ допотопныя времена и будетъ примѣняться во все безконечное протяженіе будущаго. Когда юриспруденція говоритъ „оправдывай невиннаго и осуждай виновнаго“, она даетъ также правило отъ примѣненія

котораго не долженъ быть исключенъ никакой случай, никогда и нигдѣ. Если политическая экономія имѣетъ претензію принадлежать къ области наукъ, т. е. заключать въ себѣ хотя малѣйшую частицу теоретической истины, она также должна имѣть своимъ основнымъ принципомъ такую мысль, которая примѣнялась бы во всякое время ко всякому данному случаю". (Полное собр. сочин. Н. Г. Чернышевскаго, т. VI, стр. 10).

36) Соціологическіе этюды, т. II, стр. 189.

37) У. Уорнеръ. Неотложное дѣло. Пер. 1904 г. стр. 121.

38) Философія хозяйства, стр. 110.

39) Вернеръ Зомбартъ говоритъ: „Сущность естественно-историческаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, что бы представлять себѣ подлежащіе ему феномены и ихъ взаимоотношенія, какъ постоянные, соціальная наука должна считаться съ тѣмъ элементарнымъ фактомъ, что она противостоитъ въ каждый данный моментъ новымъ явленіямъ, благодаря непрестанной смѣнѣ условій, опредѣляющихъ собою единичные феномены; въ особенности это относится къ постоянной измѣнчивости внѣшнихъ формъ, регулирующихъ соціальное общежитіе". (Современный капитализмъ, т. I, стр. 8).

Б. Чичеринъ говоритъ о законоподчиненности въ слѣд. словахъ: „Человѣкъ не создаетъ, а только сознаетъ законы. Когда онъ ими руководится, онъ идетъ къ обогащенію; когда онъ ихъ нарушаетъ, онъ, вмѣсто богатства, получаетъ на долю бѣдность. Сознаніе этихъ законовъ составляетъ главную задачу экономической науки. Это не физическіе законы, всегда дѣйствующіе съ неприложною необходимостью.—Какъ свободное существо, человѣкъ можетъ ихъ нарушать; но какъ разумное существо, онъ долженъ съ ними сообразоваться". (Собственность и государство, т. I, стр. 329).

40) Насколько вліяетъ на весь строй жизни, даже на самый физическій организмъ конъюнкція отсутствія независимости можно судить изъ факта отсталости женщинъ сравнительно съ мужчинами. Самка животныхъ сама добываетъ себѣ хлѣбъ и нисколько не уступаетъ самцу ни въ развитіи, ни въ образѣ жизни. Женщина отстала на тысящелѣтія единственно потому, что она не можетъ существовать безъ мужчины. И ея организмъ въ теченіи вѣковъ сталъ приспособляться къ этому условію—зависимой отъ мужчины жизни. Выработалась женственность, какъ орудіе привлеченія мужчины и ослабленія зависимости и даже освященія ея. Самая *слабость* женскаго пола создана вѣками приспособленій. А вредныя послѣдствія этого очевидны.

Особенно вредъ великъ для культуры. Дѣти рабыни въ крови материнской получаютъ рабскія наклонности. Въ той странѣ, гдѣ женщина болѣе всего порабощена, тамъ и естественно всего сильнѣе всѣ институціи рабства, т. е. тамъ слабо развита предпріимчивость, находчивость, изобрѣтательность, энергія и вообще всѣ чисто человѣческія свойства, требующія свободнаго воздуха и не выносящія затхлой атмосферы.

Пока мать будетъ зависимой, нечего и думать о поколѣніи, которое знало бы и любило бы человѣческое достоинство. Ибо не только съ молокомъ матери, но еще больше въ крови ея будущія поколѣнія впитываютъ въ себя зародыши моральныхъ болѣзней.

Объясняютъ подчиненность женщины физическимъ и умственнымъ превосходствомъ мужчины. Но если это превосходство есть, то оно создано на счетъ *умаленія* физ. и умственныхъ силъ женщины. Сверхъ того, особеннаго превосходства и не замѣчается: если бы мужчина былъ умнымъ животнымъ, то онъ не выбиралъ бы себѣ въ подруги не умное животное, ибо это противорѣчило бы принципу разумнаго союза. Очевидно, не въ физикѣ и психологіи причина разницы, но въ экономической зависимости женщины отъ мужчины.

VI. Прогрессъ.

1) Ч. Дарвинъ. Происхожденіе человѣка, ч. III, стр. 214.

2) Теорія волевыхъ представленій. стр. 254.—3) Ib., стр. 258.—4) Ibid, стр. 319—320.

5) Въ заключеніе своей книги о представленіяхъ волевыхъ, т. е. воли, авторъ говоритъ „вообще воли въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно понимаютъ, никакой нѣтъ". (Ib., стр. 394). И зачѣмъ же было огородъ городить, когда никакой капустицы нѣтъ? Подъ волей онъ разумѣетъ неволю...

Ясно, что образующая органъ воля (функція) должна существовать для того, что бы творить. Мозгъ, какъ органъ волевыхъ представленій, долженъ существовать раньше, чѣмъ началъ создавать эволюцію. Но въ концѣ концовъ приходится допустить, что мозгъ создалъ сперва самъ себя, а потомъ органы душевныхъ движеній. И стало быть: было время, когда времени не было, т. е. $2 \times 2 =$ стеариновая свѣчка.

6) W. v. Humboldt. Über die Kawisprache, стр. XXXVII.

7) Капиталъ и трудъ. Пер. 1906 г. стр. 28.

8) Ф. Дрейфусъ. Міровая и соціальная эволюція, стр. 218.

9) Настоящее и будущее русскаго общ. хозяйства. 1896 г. стр. 190—191.

10) Собраніе сочиненій, т. III, стр. 2.

11) Эволюція собственности. Пер. 1889 г. стр. 156.

12) Л. Толстой. О жизни. М. 1907 г. стр. 95.

13) А. Менгеръ. Анархизмъ, индивидуалистическое и коммунистическое государство. Пер. 1905 г. стр. 33.

14) Л. Шестовъ. Апоѳеозъ безпочвенности. 1905 г. стр. 123.

15) Бесѣды о торговлѣ зерномъ. стр. 84.

16) Эволюція и прогрессъ человѣка. Пер. 1897 г. стр. 20.—17) Ibid, стр. 34—35.—18) Ibid, стр. 35.

19) Соціологическіе этюды, т. II, стр. 252.

20) Schmoller. Übereinige der Rechts und Nationalöko omie, стр. 35.

21) Новое ученіе о государствѣ. стр. 77.

22) Сочиненія Г. Спенсера. т. VII, ч. I, стр. 165.

23) Собраніе сочиненій, т. VII, стр. 143—144.—24) Ibid, стр. 145.

24) Де-Греефъ. Соціальная экономія. Пер. Закка, стр. 47.

25) Полн. собр. сочиненій, т. VIII, стр. 158.—26) Ibid, т. III. стр. 585.—27) Ibid, стр. 586.

28) Очерки древнѣйшей культуры русскихъ областей, 1898 г. стр. 42.

29) Хозяйство и право съ точки зрѣнія матер. пониманія исторіи Пер. стр. 166.

30) Послѣднія сочиненія, т. III, стр. 449.

31) „Прогрессивное развитіе общества приняло частичный характеръ. Представителемъ цивилизаціи сдѣлалась лишь часть общества, которая пользовалась и львиною долею ея благъ. Участіе въ этихъ благахъ другой части населенія было лишь побочнымъ и потому болѣе или менѣе случайнымъ результатомъ главнаго движенія, имѣющаго въ виду интересы верхнихъ слоевъ общества. Прогрессъ общественной организаціи принялъ характеръ приспособленія послѣдней къ удовлетворенію потребностей меньшинства". (Наши направленія. 1893 г. стр. 75).

В. В. сомнѣвается, что и въ будущемъ пролетаріатъ можетъ активно участвовать въ прогрессѣ. „Условія, лишающія пролетарія возможности активно участвовать въ созданіи обществ. формы въ настоящемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ воспитываютъ его для подчиненной роли и въ будущемъ. И дѣйствительно, какія творческія силы и стойкости можетъ развить въ пролетаріи обстановка его жизни, при которой три четверти своего бодрственнаго состоянія онъ слу-

житъ придаткомъ мертваго механизма, приводимаго въ движеніе волею одного лица, пріучаясь этимъ безъ возраженія исполнять чужія распоряженія, дисциплинируясь для роли промышленнаго солдата, котораго искусные демагоги могутъ обратить въ солдата политическаго, но не участвуя ни мыслью, ни чувствомъ въ процессѣ, съ которымъ онъ связанъ лишь своимъ тѣломъ, въ которомъ онъ играетъ роль живого инвентаря; а остальную четверть времени, когда онъ не спитъ, раб. посвящаетъ отдыху. (Ibib, стр. 140).

32) Ш. Летурно. Эволюція торговли. Пер. 1899 г. стр. 351—352.

33) Собственность и государство, т. II, стр. 455.

34) В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. II, стр. 338.—35) Ibid, стр. 345.

36) Политическая экономія промышленности. Пер. Г. Черняховскаго, стр. 19.

37) М. Бертло. Наука и нравственность. Пер. 1898 г. стр. 117—119.—38) Ibid, стр. 120.—39) Ibid, стр. 199.

40) Великій человѣкъ, стр. 23.—41) Ibid, стр. 24.

42) Н. Г. Чернышевскій и Ш. Фурье. „Соврем. Міръ“ 1909 г. ноябрь, стр. 178—179.

43) Проклятіе человѣку каждую секунду посылается не только людьми, но и всей природой. Припомнимъ сцену изъ „Синей птицы“ Мориса Метерлинка.

Душа *Дуба* жалуется Тильтилю: „Твой отецъ надѣлалъ намъ много зла. Въ одной моей семьѣ онъ убилъ 600 моихъ сыновей, 475 дядей и тетокъ, 1200 двоюродн. братьевъ и сестеръ, 380 невѣстокъ и 12000 правнуковъ“.—„Въ первый разъ намъ довелось сегодня судить человѣка. Послѣ всего того зла, послѣ чудовищныхъ несправедливостей, которыя мы потерпѣли отъ него, кажется, не можетъ быть ни малѣйшихъ колебаній относительно приговора ему“. *Всѣ деревья и всѣ животныя:* Нѣтъ, нѣтъ. Никакого. Повѣсить его! Смерть ему! Слишкомъ онъ злоупотреблялъ своей властью. Слишкомъ долго длилось его царство. Раздавить его“...

Это вердиктъ всего растит. и животнаго царства надъ человѣкомъ. А къ нему присоединяется и вердиктъ людей же... обездоленныхъ тоже человѣкомъ.

44) На зарѣ исторіи мы застаемъ человѣка признающимъ высшія силы, дающія счастье или несчастье народамъ. И эти суевѣрныя представленія, по выраженію Г. Греефа, хранятъ въ себѣ въ качествѣ предчувствія глубочайшія истины сознательной философіи (Общественный прогрессъ. Пер. 1896 г. стр. 8). Такъ „Санталы вѣрятъ, что изъ темной и молчаливой глубины сосѣдней могилы прежнія поколѣнія смотрятъ на своихъ дѣтей и внуковъ и играютъ роль въ ихъ существованіи, далеко не всегда враждебную. Тѣмъ не менѣе духи, обитающіе въ могилѣ,—суровые судьи, и если ихъ не умилостивить, они награждаютъ свое потомство въ изобиліи изуродованными членами, судорогами и проказой“.

Въ поэмѣ Гезіода „Труды и дни“ находимъ и этическое оправданіе всеуправляющей судьбы. „О Персей, выслушай справедливость! Окутанная облакомъ, она слѣдуетъ за народомъ, что бы карать злыхъ. Государство, уважающее ее, благоденствуетъ; въ немъ обитаетъ миръ, питающій людей, такъ какъ всезнающій Зевесъ не посылаетъ никогда не милосердной войны и голода въ среду справедливыхъ людей. Земля приноситъ имъ обильныя жатвы; на горахъ дубъ даетъ имъ свои плоды, овцы покрываются для нихъ тяжелою шерстью и женщины рожаютъ сыновей, похожихъ на своихъ отцовъ. Но часто цѣлый городъ подвергается казни ихъ за одного злого, не блюдущаго добродѣтели и питающаго преступные замыслы. Съ высоты небесъ сынъ Кроноса ниспосылаетъ на нихъ двойной бичъ, чуму и голодъ, и народы гибнутъ, женщины перестаютъ рожать, семьи вымираютъ. Или же Кроносъ губитъ ихъ многочислен-

ныя войска, разрушаетъ ихъ стѣны и разражается местью надъ ихъ кораблями, потопляя ихъ въ морѣ. О цари! вы то же не забывайте мщенія Зевса, такъ какъ тридцать тысячъ духовъ, его служителей, съ открытыми глазами слѣдятъ за дѣйствіями людей и непрерывно обходятъ землю, и Справедливость, безсмертная дива, сидитъ рядомъ съ царемъ боговъ".

45) Соціологическіе этюды, т. II, стр. 110—111.—46) Ibid, стр. 106—47) Ib., стр. 245.

48) Краткое руководство пол. экон. Пер. 1897 г. стр. 76.

49) Ев. отъ Матѳея, гл. 6, стр. 27.

50) Наука о нравственности, стр. 21.

51) Н. Михайловскій. Послѣд. сочин. т. III, стр. 389.—52) Ib., стр. 252.

53) Gdundlegung der Pol. Ockonomie, стр. 71.

54) Эволюція и прогрессъ человѣка, стр. 330.

55) Полное собр. сочиненій Н. Чернышевскаго, т. I, стр. 34.

56) Весь современный строй есть результатъ знанія, т. е. то, что считаютъ „надстройкой", есть не только *фундаментъ* но и *душа* экон. отношеній. Вспомнимъ, что сдѣлалъ паръ въ примѣненіи къ производству и передвиженію. Работа машины замѣнила ручной трудъ и работу лошадей, вѣтра и воды. А машина есть овеществленное знаніе. Въ Соед. Штатахъ мускульный трудъ замѣняется машиннымъ сравнительно съ прежними на 50% въ среднемъ выводѣ. Открытіе суэцкаго канала произвело цѣлую экон. революцію. А вотъ очевиднѣйшій результатъ. Въ 1872 химикъ Гофманъ открылъ способъ получать анилиновыя краски изъ каменно-угольной смолы и въ Голландіи, Франціи и Бельгіи д. было почти прекратиться производство марены, для добыванія изъ нея крапна (красильное вещество).

И въ концѣ концовъ самое соціалист. движеніе есть результатъ этихъ научныхъ открытій, какъ справедливо замѣчаетъ Е. Филипповичъ. (Основ. полит. экон. стр. 97).

57) Вспомнимъ чудныя слова Н. Чернышевскаго. „Прогрессъ основывается на умственномъ развитіи; коренная сторона его прямо и состоитъ въ успѣхахъ и развитіи знаній.—Развивается математика, отъ этого развивается и прикладная механика; отъ развитія прикладной механики совершенствуются всякія фабрикаціи, мастерство и т. д. Разрабатывается историческое знаніе, отъ этого уменьшаются фальшивыя понятія, мѣшающія людямъ устраивать свою общественную жизнь, и она устраивается успѣшнѣе прежняго. Наконецъ, всякій умственный трудъ развиваетъ умственныя силы человѣка и чѣмъ больше людей выучивается читать, получаетъ привычку и охоту читать книги, тѣмъ больше становится въ ней число людей, способныхъ порядочно вести дѣла, какія бы то ни было, значитъ улучшается и ходъ всякихъ сторонъ жизни въ странѣ. Стало быть, *основная сила прогресса—наука;* успѣхи прогресса соразмѣрны степени совершенствъ и степени распространенности знаній". (Сочиненія, т. VIII, стр. 158).

58) Экономическая оцѣнка народнаго образованія. 1896 г. стр. 34—35.—59) Ib., стр. 5.

VII. Потребности.

„На архипелагѣ Папуасіи рабство вытекало главнымъ образомъ изъ потребности въ мясѣ. Съѣдобныхъ млекопитающихъ почти совсѣмъ нѣтъ или очень рѣдки; въ Новой Каледоніи даже не было собакъ. Растенія, воздѣлываемыя на этихъ островахъ, содержатъ больше всего крахмалу; на большихъ островахъ рыбная ловля является рессурсомъ только для прибрежныхъ племенъ. Конечно, отъ времени до времени можно съѣсть женщину, но тогда лишаешься ея услугъ, а между тѣмъ ощущается настоятельная потребность въ

азотистыхъ веществахъ. Для удовлетворенія этой потребности различныя племена дикарей безпрерывно воюютъ между собою и каждую маленькую побѣду празднуютъ пиршествомъ людоѣдовъ. Вначалѣ ограничивались тѣмъ, что мертвыхъ и раненныхъ раздирали на куски и пожирали на самомъ мѣстѣ битвы; потомъ сдѣлались предусмотрительнѣе и стали оставлять часть плѣнныхъ про запасъ, для будущихъ пиршествъ и для жертвоприношеній богамъ; предполагая, что боги такіе же охотники до человѣческаго мяса, какъ и дикари, ихъ поклонники". (Ш. Летурно. Эволюція рабства. Пер. 1897 г., стр. 35).

„Одинъ изъ царьковъ апинджи (Тропическая Африка) прислалъ Дю-Шалью въ подарокъ невольника съ тѣмъ, чтобы путешественникъ съѣлъ его, и когда тотъ отказался, замѣтилъ: *„Къ чему же вамъ рабы, когда вы ихъ не ѣдите?"* (стр. 45).

Вѣроятно, подъ вліяніемъ *соц. гипноза* съѣдаемые не чувствуютъ страха. Такъ у племени индѣйцевъ—гуаранъ (Южн. Америка) плѣнники веселились на пиршествахъ, въ коихъ ихъ же пожирали. Мужчины высказывали полное презрѣніе къ смерти и безстрашно дразнили палачей (стр. 87).

Въ древней Мексикѣ широко практиковались челов. жертвоприношенія, при чемъ убитыхъ съѣдали. На войнѣ пожирали трупы убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ. Плѣнниковъ въ клѣткахъ откармливали на убой (Ib. стр. 103—104). Каждый храмъ потреблялъ громадное количество жертвъ, а въ одномъ городѣ Мексики ихъ было 78. Общее количество жертвъ ежегодно доходило до 50000 человѣкъ (стр. 106).

2) Вопросъ о жизни. Р. пер., стр. 237.

3) Лестеръ Уордъ. Психическіе факторы цивилизаціи. Р. пер., стр. 46. 4) Ibid, стр. 47.

5) Прогрессъ и бѣдность, стр. 165.—6) Ibid, стр. 166.—7) Ibid, стр. 523.

8) „Пусть моралисты сдѣлаютъ такъ, чтобы шелкъ и бархатъ не ласкали нашихъ глазъ, чтобы не считали красивымъ то, что намъ кажется красивымъ. Какъ бы имъ мы были благодарны. Отъ какого рабства они избавили бы насъ! А теперь они только болтаютъ противъ роскоши и на деньги, которыя мы имъ платимъ за ихъ болтовню, покупаютъ своимъ женамъ и дѣтямъ тѣ же тряпки, тѣ же вещи. Лгуны. Обманщики. Отравители колодцевъ. Говорить противъ роскоши, не мѣняя нашей природы, все равно что *совѣтовать повѣшенному не дать тѣлу висѣть инертно, а подтянуться вверхъ"*. (Н. Минскій. Желѣзный призракъ).

Новые идолопоклонники обвиняютъ въ рабствѣ природу.

„Существуетъ двѣ касты предметовъ: утонченныхъ, дорогихъ, которыхъ слишкомъ мало, и грубыхъ, дешевыхъ, которыхъ слишкомъ много. Такова воля природы. А такъ какъ существуетъ двѣ касты предметовъ, то и люди дѣлятся на двѣ касты—на маленькое меньшинство, которое пользуется предметами рѣдкими, и огромное большинство, которое пользуется предметами дешевыми.— Уравните сперва предметы, начните съ предметовъ, а не людей. Сдѣлайте, чтобы алмазовъ было столько же, сколько стекляныхъ бусъ и чтобы всѣ бусы сверкали, какъ алмазы. Тогда само собою настанетъ равенство людей" (Ibid).

Но односторонне матеріалистическое ихъ направленіе не удовлетворяетъ и самихъ потребителей. Поэтому поводу вполнѣ основательно замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ писателей: „Давно прекратились человѣческія жертвоприношенія, но лишь въ этой конкретной и миніатюрной формѣ, какую одну знала древность; на мѣстѣ ея выросла форма болѣе абстрактная, болѣе всеобъемлющая и не менѣе принудительная; огромныя массы людей повсюду разнообразными способами гибнутъ, чтобы и всѣмъ было такъ хорошо, какъ теперь". Но дѣйствительно ли хорошо даже? Не напрасна ли эта гибель? Не голодно ли вѣчно, какъ мѣдный идолъ древности, это вѣчно алчущее человѣчество, пожирающее свои члены? Быть можетъ, хоть этотъ неутоляющійся голодъ заставитъ человѣка

когда нибудь понять, что́ дѣйствительно насыщаетъ: насыщаетъ не это обиліе внѣшнихъ ощущеній, не полнота наслажденій, не сытость отъ удовлетворившаго. Печальная тайна состоитъ въ томъ, что этой сытости никогда не будетъ, что отъ нея тѣмъ болѣе удалится человѣкъ, чѣмъ жаднѣе станетъ усиливаться къ ней приблизиться. Одно можетъ удовлетворить его—это покой совѣсти. (В. Розановъ. Цѣль челов. жизни. Вопр. фил. и психологіи 1892 г., кн. 15, стр. 29).

9) Л. Толстой. Кругъ чтенія. 1911 г. стр. 396.

10) Ш. Летурно. Эволюція рабства. Пер. 1897 г. стр. 126—132.—11) Ibid. стр. 131.—12) Ibid, стр. 185.—13) Ib., стр. 180.

14) И. И. Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права. 1895 г. стр. 564—565.

15) К. Валишевскій. Смутное время. 1911 г. стр. 390.

16) Федонъ. Пер. Д. Лебедева. 1896 г. стр. 57—58.—17) Ib., стр. 123.—18) Ib., стр. 56.—19) Ib., стр. 59.

20) Пр. А. Эспинасъ. Исторія политико-экономическихъ доктринъ. Пер. 1896 г. стр. 27.—21) Ib., стр. 28.

22) По ученію Платона, потребности лежатъ въ основѣ организаціи общества.

Сократъ: Попытаемся мысленно построить общество. Потребности наши дадутъ для этого основаніе. Первой и самой существенной потребностью является потребность въ пищѣ, отъ чего зависитъ индивидуальное наше существованіе. Не такъ ли?

Адиматъ: Конечно.

С. Въ вторыхъ, потребность въ жилищѣ, далѣе въ платьѣ.

А. Совершенно вѣрно.

С. Какимъ же путемъ государство (общество) можетъ удовлетворить всѣ эти потребности? Не вытекаетъ ли отсюда необходимость, что бы одинъ былъ земледѣльцемъ, а другой архитекторомъ, третій ткачомъ? Прибавимъ сюда еще башмачника, или другого какого нибудь ремесленника.

А. Сдѣлаемъ такъ.

С. Так. обр. наше государство составилось изъ четырехъ или пяти человѣкъ?

А. Очевидно такъ.

23) А. Эспинасъ. Исторія, стр. 9—10. Ученіе Платона прекрасно изложено въ Исторіи соціальныхъ системъ Щеглова.

24) Facito. Dialogue sur les orateurs, 29. De Ferron, Theorie du progrès t. II, p. 125.

25) Ch. Fourier. Nonveau monde. 1848. p. 253—254.

26) Эволюція и прогрессъ, стр. 230.

27) Завоеваніе хлѣба, стр. 52.

28) Анархическій коммунизмъ и марксизмъ. 1906 г. стр. 42.

29) A. Karr. L'art d'etre malheureux. Paris. 1876, стр. 110.—30) Ib., стр. 109 и слѣд.

31) Проблемы совѣсти и чести въ ученіи нов. метафизиковъ. Къ вопросу объ интеллигенціи. 1906 г. стр. 96—97.—32) Ibid. стр. 98.—33) Ib., стр. 99—102.

34) Маркъ Аврелій Антонинъ: къ самому себѣ. Размышленія. Пер. Краснова. 1895 г. кн. II, стр. 21.

35) Л. Штейнъ. Къ аграрному вопросу. Вып. I. пер. 1901 г. стр. 7—8.

36) Э Дюркгеймъ. Раздѣленіе общ. труда, стр. 310.—37) Ib., стр. 311.

38) Предисловіе К. Каутскаго къ книгѣ: „Производство и потребленіе въ будущемъ соціал. государствѣ, стр. 11.

39) В. Базаровъ. Трудъ производительный, стр. 29.

40) Э. Дюркгеймъ. О раздѣленіи общественнаго труда, стр. 217.—41) Ib., стр. 279.—42) Ib., стр. 52.—43) Ib., стр. 279—280.

44) P. Apostol. Das Artiel. 1898.

45) „Если бы кто нибудь, гов. Чичеринъ, предложилъ планъ, по которому всякая иниціатива въ наукѣ или искусствѣ была бы отнята у частныхъ лицъ, и всѣ ученые и художники сдѣлались бы органами и орудіями государства, которое взяло бы на себя руководство всѣхъ ученыхъ изслѣдованій и всѣхъ художественныхъ работъ, то, безъ сомнѣнія, подобное предложеніе было бы принято за бредъ сумасшедшаго. А между тѣмъ именно этого требуютъ соціалисты въ приложеніи къ промышленной дѣятельности, которая, точно также какъ наука и искусство, составляетъ проявленіе человѣческой свободы и дѣло личнаго начинанія". (Собственность и государство, стр. 403—404).

46) Nouveau principes d'econ. pol. Paris. 1827, vol. I, p. 257.

47) В. Ильинъ. Экономическіе этюды и статьи. 1899 г. стр. 6—7.

48) Г. Цыперовичъ. Реклама. „Сов. Міръ". 1911 г. янв. стр. 180.

49) Покровительство общественной промышленности или свобода торговли. Пер. С. Д. Николаева, стр. 97.

50) К. Каутскій вполнѣ правъ, говоря о милитаризмѣ, какъ растратѣ народнаго капитала. Въ Германіи „въ 1874 г. растрачена рабочая сила 400.000 человѣкъ, теперь около 600.000 ч. Каждый изъ нихъ могъ бы создать ежегодно продуктовъ наприм. лишь на 100 марокъ, очевидно растрата = 600 милліонамъ марокъ. Если же прибавить къ этому денежныя затраты на милитаризмъ, то получаемъ сумму въ 1½ милліарда, которая ежегодно отнимается отъ народнаго хозяйства. За 25 лѣтъ Германская имперія стала, благодаря своей арміи, бѣднѣе на 25 милліардовъ, на сумму въ 6 разъ большую, чѣмъ уплоченная французами контрибуція".

Такая же растрата на моды. „Раньше слѣдить за измѣненіемъ моды было привиллегіей „высшихъ десяти тысячъ". Теперь же „дамы" съ глубокимъ возмущеніемъ замѣчаютъ, что даже среди служанокъ и фабричныхъ работницъ все болѣе и болѣе распространяется „страсть" всегда быть одѣтыми по модѣ. Измѣненіе моды дѣйствуетъ теперь не только въ узкомъ кругу, а охватываетъ все общество и оказываетъ глубокое вліяніе на производство. Мода сразу обезцѣниваетъ массу почти или даже вовсе не бывшими въ потребленіи фабрикатовъ, которые или залеживаются въ складахъ, не находя сбыта, или бросаются, какъ не нужныя тряпки, если матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы, нельзя подвергнуть переработкѣ. Такая смѣна модъ ведетъ къ чрезвычайной растратѣ всякаго рода продуктовъ" (стр. 143).

Скученность въ городахъ также ведетъ къ затратамъ, не нужнымъ въ деревняхъ. Современныя „чудеса міра", каковы канализац. сооруженія, водопроводы и т. д. все это затраты, вызываемыя искусственно скученностью въ городахъ.

Также требуетъ содержанія и не малаго армія безработныхъ. Въ Соед. Штатахъ средними числами свыше *одного милліона безработныхъ*, 5% участвующаго въ промысловой дѣятельности населенія.

51) A. Karr. L'art d'être malheureux, стр. 110.

52) Л. Уордъ. Психическіе факторы цивилизаціи, стр. 64.

53) П. Николаевъ (Активный прогрессъ. 1892 г.) вслѣдъ за Уордомъ утверждаетъ, что культура увеличиваетъ счастье.„ Говорятъ, что, несмотря на всѣ удобства цивилизаціи, на всѣ сложныя и гигантскія приспособленія, не смотря на нервное, дѣловое существованіе, какое позволяетъ намъ вести наука, не смотря на все это люди были счастливѣе раньше и были бы счастливѣе, если бы вернулись къ прежнему спокойному образу жизни, не насилующему и не истомляющему челов. мозгъ. Такимъ людямъ можно отвѣтить, что цѣль прогресса не простое довольство, а счастье. Первое происходитъ отъ недостатка желаній, второе отъ ихъ удовлетворенія. Улитка испытываетъ очень малое количество страданій и потому, вѣроятно она чувствуетъ себя всегда в. довольной, но за то, вѣдь, она испытываетъ и чрезмѣрно малое количество наслаж-

дѣній. Возможно, что человѣкъ, падающій подъ бременемъ страданій и неудовлетв. желаній, все растущихъ съ развитіемъ цивилизаціи, можетъ въ моменты отчаянія позавидовать судьбѣ улитки и пожелать себѣ улиточнаго существованія, но навѣрное онъ не долго удовлетворился бы имъ". (Стр. 85—86).

54) Что такое счастье? 1897 г. стр. 79.—55) Ib. стр. 78—79.

56) Тардъ. Отрывки изъ исторіи будущаго. Пер. 1906 г. стр. 48.

57) Н. И. Зиберъ. Очерки первоб. культуры. 1883 г. стр. 16.

58) Бесѣды о торговлѣ зерномъ, стр. 161.

59) П. И. Георгіевскій. Политическая экономія, т. II, стр. 240 и слѣд.

60) Пр. Исаевъ, не смотря на свое марксейство, говоритъ: „У людей есть влеченія, которыя стоятъ за предѣлами хозяйственныхъ интересовъ. Эти влеченія не зависятъ отъ окружающихъ условій экономической жизни.—Возьмемъ наприм. дѣятельность всѣхъ проповѣдниковъ вѣры, трезвости, воздержанія.—Во всѣ времена можно найти такихъ людей среди богатыхъ и бѣдныхъ, именитыхъ и простолюдныхъ. Въ первые вѣка христіанства послѣдователи Христа, проповѣдуя слово Божіе, пѣшкомъ передвигались по странѣ, всею своею дѣятельностью отрѣшались отъ цѣлей, которыя связаны съ народнымъ хозяйствомъ, они были полны одушевленія, которое не можетъ быть приведено въ ближайшую связь съ экономическимъ бытомъ того времени. Одушевленная проповѣдь Стефана Пермскаго среди зырянъ не можетъ быть, въ своемъ содержаніи и своей напряженности, истолкована по связи съ грубымъ экономическимъ укладомъ нашихъ предковъ". (А. А. Исаевъ. Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. 1896 г. стр. 23—24).

2) Къ этимъ же не матеріальнымъ мотивамъ А. Исаевъ относитъ и влеченіе къ знанію .которое часто вовсе не связано съ эконом. условіями и образуетъ въ человѣкѣ самостоятельную потребность, имѣющую мало общаго съ цѣлями хозяйства. Мы знаемъ не утолимую жажду знанія, которая отличала Аристотеля, Архимеда, Лейбница, О. Конта и другихъ.—Н. К. Михайловскій со свойственнымъ ему остроуміемъ, опровергаетъ мнѣніе одного начинающаго экономиста, будто бы характеръ и направленіе трудовъ Дарвина могутъ быть объяснены одной причиной—современными условіями народнаго хозяйства". (Ibid, стр. 25).

3) И это не единичные факты. „Многія массовыя явленія не могутъ быть истолкованы въ связи со складомъ хозяйственной жизни, они должны быть признаны отвѣтомъ на самостоятельныя потребности людей, стоящія внѣ міра хозяйства. Въ первые вѣка христіанства наиболѣе убѣжденные и ревностные поборники новаго ученія проповѣдовали жизнь простую, воздержную, свободную отъ всякихъ излишествъ, и эта проповѣдь находила въ массахъ многихъ послѣдователей. И въ наше время проповѣдь трезвости, связанная съ именами не многихъ людей, ведетъ къ ослабленію пьянства въ предѣлахъ цѣлыхъ округовъ отдѣльныхъ странъ. Наиболѣе выдающіеся доказательство этого п ед ставляютъ Соед. Штаты и Скандинавія". (Ib., стр. 26).

4) У насъ дворянствомъ введена земская безсословная реформа 1864 г., что противорѣчило классовымъ интересамъ.

Вообще, гов. онъ, нужно не забывать дружелюбія. „Человѣкъ отрѣшается отъ своихъ личныхъ выгодъ и нерѣдко до такой степени, что ослабляетъ могущество экономическихъ фактовъ". (Ibid, стр. 35).

61) К. Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Пер. 1907 г. стр. 177—179.

62) Munera Pulveris; § 14.

63) Д. Гобсонъ. Общественные идеалы Рёскина. 1899 г. стр. 71.

VIII. Эмоціи.

1) Ducunt volentem fata, nolentem trabunt (Seneca, 107).

Удовлетворительное описаніе эмоцій даетъ Л. Уордъ. „На ряду съ пятью внѣшними чувствами, говоритъ онъ, существуетъ еще шестое или внутреннее чувство, которое можетъ быть названо эмоціональнымъ. Подобно чувству осязанія и въ отличіе отъ остальныхъ четырехъ чувствъ оно разсѣяно по всему тѣлу и не имѣетъ мѣстнаго органа, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя части тѣла обладаютъ особой чувствительностью, благодаря экстенсивнымъ нервнымъ сплетеніямъ. Эмоціональное чувство локализировано въ тѣхъ частяхъ тѣла, въ которыхъ проходятъ нити симпатической нервной системы. Спеціальная характерная особенность эмоціональнаго чувства заключается въ томъ, что матеріальные предметы не воздѣйствуютъ на него и оно получаетъ свои впечатлѣнія исключительно черезъ нервныя нити, идущія отъ мозга“. (Л. Уордъ. Психич. факторы цивилизаціи, стр. 116).

Существуютъ совершенно безсознательныя эмоціи, управляющія самою сложною дѣятельностью человѣческаго организма, которымъ всецѣло подчинены его члены. Такъ страхъ удаляетъ кровь съ лица, страхъ и гнѣвъ вызываютъ сердцебіеніе, производятъ удушье и отнимаютъ языкъ. Ослабленіе эмоцій вызываетъ параличъ разныхъ органовъ, которыми человѣкъ перестаетъ владѣть, не смотря на полное здоровье мускулатуры и неповрежденность воли. (Elements de science sociale. trad. 1877. p. 178).

2) А. Эспинасъ. Соц. жизнь животныхъ, стр. 339.

3) Л. Петаржицкій. Введеніе въ изученіе права. 1905 г. стр. 221.—4) Ibid. стр. 232—233.—5) Ib., стр. 299.—6) Ib., стр. 308.

7) И. Забѣлинъ. Русская жизнь, т. II, стр. 507.

8) А. А. Кауфманъ. Русская община, стр. 51.

9) Письмо Лассаля къ Марксу. Цит. въ кн. Н. С. Русанова: Соціалисты Запада и Россіи. 1809 г. стр. 80—83.—10) Ib., стр. 71—72.—11) Ib., стр. 245—246.

12) Предисловіе къ I т. „Сочиненіе“ стр. VI.

13) Н. С. Русановъ. Соціалисты Запада и Россіи. 1908 г. стр. 332.

14) Д. Дриль. Преступность и преступленіе, стр. 137—138.

15) Причиной войнъ В. Соловьевъ считаетъ злую волю, а не борьбу за существованіе. Если бы „враждебныя столкновенія происходили только изъ за пропитанія, тогда первобытная эпоха исторіи была бы самою мирною. Ибо людей тогда было очень мало, требованія ихъ были простыя и передъ каждымъ былъ великій просторъ для ихъ удовлетворенія. Въ дракѣ и взаимномъ истребленіи былъ бы тогда только рискъ и никакой выгоды.—То братоубійство, которымъ открывается исторія, было вызвано завистью, а не голодомъ“.—Причиной войнъ—„свободная игра злыхъ страстей“. (Собраніе сочиненій т. VII, стр. 400).

16) Подъ вліяніемъ національнаго самолюбія даже чистая наука безсознательно извращается. Такъ у нѣмцевъ, говоритъ Грановскій, „всякая попытка объяснить отдѣльныя явленія древне-германскаго характера или быта аналогіями, заимствованными извнѣ, долгое время считалась признакомъ исторической тупости, неспособности оцѣнить германизмъ въ его самостоятельной красотѣ“. Сочиненія Т. Н. Грановскаго, т. I., стр. 120.

17) Исторія русской жизни, т. II, стр. 176.—18) Ib., стр. 338.

19) „Стремленіе, склонность—первоначальные факты; удовольствіе и страданіе—производные факты. То же самое въ соціальной жизни. Поступокъ соціально дуренъ, потому что онъ отвергается обществомъ.—Все, что побуждаетъ активность принять опредѣленную форму, можетъ дать начало привычкамъ; отсюда вытекаютъ стремленія, которыя въ будущемъ придется удовлетворять“. (Э. Дюркгеймъ. Раздѣленіе общественнаго труда. Пер. 1900 г. стр. 65).

Э. Дюркгеймъ представляетъ примѣръ такой эмоціи—въ *мести*. „Месть представляетъ настоящій—хотя инстинктивный и необдуманный—актъ защиты. Мы мстимъ только тому, что намъ причинило зло, а что намъ причинило зло всегда опасно. Инстинктъ мести есть инстинктъ самосохраненія, ожесточенный опасностью. Так. образомъ въ исторіи человѣчества месть далеко не имѣла безплодной и отрицательной роли, которую, ей приписываютъ. Это защитительное, имѣющее свою цѣну орудіе, только это орудіе грубое". (Ib. стр. 69). Изъ мести возникло *наказаніе*, которое „производитъ свои дѣйствія съ бо́льшимъ сознаніемъ того, что оно дѣлаетъ".—„Предполагая, что наказаніе дѣйствительно можетъ служить намъ защитой для будущаго, мы думаемъ, что оно должно быть прежде всего *искупленіемъ* прошедшаго". (Ib., стр. 70). „Наказаніе осталось для насъ тѣмъ же, чѣмъ оно было для нашихъ предковъ. Оно все еще актъ мести, такъ какъ оно искупленіе. То, за что мы мстимъ, что искупляется наказаніемъ, это оскорбленіе, нанесенное нравственности". (Ib стр. 71).

Другой примѣръ для иллюстраціи —*это безчестіе*, какъ средство усиленія наказанія. Оно безцѣльно, когда преступникъ удаляется изъ общества. Такого рода судебныя безчестія „своего рода дополнительное и безцѣльное наказаніе, не имѣющее другой причины, кромѣ *потребности возмьщать зло зломъ*. Они настолько продукты инстинктивныхъ, непреоборимыхъ чувствъ, что часто простираются на невинныхъ; такъ, на мѣсто преступленія, на орудія, послужившія для него, на родственниковъ виновнаго иногда—падаетъ доля презрѣнія, которымъ мы поражаемъ послѣдняго". (Ib., стр. 71).

20) Л. Толстой. Воскресенье. 1910 г., стр. 170—171.

21) Въ судѣ Л. Толстой видѣлъ безсознательную классовую эмоцію. Въ романѣ „Воскресенье" встрѣчаемъ такой діалогъ между кн. Нехлюдовымъ и зятемъ своимъ Рогожинскимъ:

— Какъ будто справедливость составляетъ цѣль дѣятельности суда,—сказалъ Нехлюдовъ.

— Что же другое?

— Поддержаніе сословныхъ интересовъ. Судъ, по моему, есть только орудіе для поддержанія порядка вещей, выгоднаго нашему сословію.

— Это совершенно новый взглядъ. Обыкновенно суду приписывается нѣсколько другое назначеніе.

— Теоретически, а не практически, какъ я увидалъ. Судъ имѣетъ цѣлію только сохраненіе общества въ настоящемъ положеніи и для этого преслѣдуетъ и казнитъ какъ тѣхъ, которые стоятъ выше общаго уровня и хотятъ поднять его, такъ и тѣхъ, кто стоитъ ниже его.

Въ основѣ мысль совершенно вѣрная. Теоретически мы говоримъ о справедливости, но фактически справедливымъ считаемъ лишь то, что согласно съ нашими интересами. Такъ не легко среднему человѣку стать выше своего средняго, какъ центра орбиты его, т. е. его дѣятельности. А центръ, какъ средняя величина, и состоитъ главнымъ образомъ изъ „матеріальныхъ интересовъ" въ виду того, что большинство составныхъ частей того цѣлаго, у котораго оно является центромъ, состоитъ изъ матеріальныхъ личностей.

22) Соціальная статика. Пер. 1906 г., стр. 182.—23) Ibid, стр. 183.—24) Ibid, стр. 228.—25) Ibid, стр. 239.

26) Эволюція капитализма, стр. 58.

27) Что такое счастье? 1897 г., стр. 44—45.—28) Ibid, стр. 54—55.

29) А. Менгеръ. Соціализмъ и этика, пер. 1905 г., стр. 19.

30) Записки изъ мертваго дома, ч. II, стр. 111.

31) Преступность и преступленіе, стр. 186.—32) Ibid, стр. 186—187.—33) Ibid. стр. 211.—34) Ibid, стр. 175—176.—35) Ibid, стр. 66.

36) Существуютъ національныя эмоціи, начало которыхъ скрывается въ мракѣ доисторическихъ временъ. Къ такимъ эволюціямъ Н. Костомаровъ отно-

ситъ вражду славянъ къ нѣмецкому племени и обратно: „Признаки ея можно видѣть во враждебныхъ отношеніяхъ Новгорода и Пскова къ Ливонскимъ рыцарямъ и Шведамъ, и равнымъ образомъ въ томъ воззрѣніи, какое нашъ народъ имѣлъ и до сихъ поръ неизгладимо имѣетъ на нѣмецкое племя. Новгородцы и Псковичи поддерживали языческихъ Эстовъ во враждѣ ихъ съ крестоносцами и финляндскую Емь въ борьбѣ со Шведами, противъ распространителей христіанства, защищая свободу языческой совѣсти отъ насильственнаго крещенія". Тѣмъ же отвѣчали намъ и нѣмцы. (Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, кн. I, стр. 25).

То же видимъ въ отношеніяхъ между поляками и русскими Національная вражда также началась чуть ли не въ доисторическое время и до сихъ поръ служитъ камнемъ преткновенія въ священномъ дѣлѣ объединенія славянъ. И нѣтъ той силы, которая могла бы уничтожить эмоціи, заключенныя въ крови людей и передаваемыя съ молокомъ матери отъ поколѣнія въ поколѣніе.

37) Анархическій коммунизмъ и марксизмъ, стр. 80.

38) А. Розовъ. Странники или бѣгуны. Вѣстн. Европы. 1872 г., м. ноябрь, стр. 275.

39) В. Бочаровъ отмѣчаетъ фактъ *неожиданныхъ* явленій въ сферѣ стачекъ.

„Политическая массовая забастовка родилась не въ головахъ руководителей движенія, какъ теоретическій выводъ изъ уроковъ исторіи. Нѣтъ, подобно всѣмъ другимъ методамъ массовой борьбы, она возникла стихійно и при томъ за самое послѣднее время. Еще 20 лѣтъ тому назадъ массовыя политическія забастовки были совершенно неизвѣстны". (Анархическій коммунизмъ. 1906 г., стр. 133).

40) Фюстель де-Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи, т. II, стр. 235. Пер. 1904 г.—41) Ib., стр. 235.—42) Ib., стр. 239.—43) Ib., стр. 240.

44) Ф. де-Куланжъ. Исторія общ. строя, т. V, стр. 247.

45) П. Е. Михайловъ. Къ вопросу о происхожденіи земельнаго старожильства. Журн. М. Нар. Просв. 1910 г., іюнь. Его же—Институтъ старожильства и крѣпостное право. Журн. М. Н. Пр. Янв., 1912 г., М. А. Дьяконовъ. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. 1908 г., т. I, стр. 339. Ключевскій. Курсъ исторіи, ч. II, стр. 406.

46) Акціонерная компанія, стр. 26.

47) Л. Петражицкій. Теорія права, ч. II, стр. 700.

48) Ж. М. Нар. Просв. 1912 г., янв., стр. 116.—49) Ib. стр. 115.

49) „Для чего заблудившійся путешественникъ механически пробирается впередъ по глубокому снѣгу? Почему осужденный на пожизненное тюремное заключеніе не разбиваетъ себѣ головы о стѣны своей темницы? Почему бѣдняга, присужденный на слѣдующее утро къ висѣлицѣ не удавится ночью своими цѣпями? Не потому ли, что ихъ несчастье не велико? Не вѣрьте этому, все дѣло въ томъ, что слѣпой лучъ надежды на спасеніе пробивается сквозь пучину ихъ страданій". (Шпильгагенъ. Загадочныя натуры).

50) В. К. Агафоновъ. Наука и жизнь. 1906 г., стр. 242—243.

51) В. Розановъ. О пониманіи. 1886 г. стр. 702.

52) По словамъ П. Кропоткина, „Толстой намѣревался эмигрировать навсегда въ Лондонъ и предупредилъ Александра II черезъ графиню А. А. Толстую, что онъ держитъ при себѣ заряженный револьверъ и застрѣлитъ перваго же полицейскаго чиновника, который явится въ его домъ". (П. Кропоткинъ. Идеалъ и дѣйствительность въ русской литературѣ, стр. 130—131).

53) А. А. Исаевъ. Вопросы соціологіи. 1906 г., стр. 94.—55) Ibid, стр. 156.

54) A. Espinas. Des sociétés animales. Paris. 1878, p. 144—145.

55) Нравственность зависитъ не столько отъ сужденій (сознаніе), сколько отъ безсознательныхъ или лучше внѣсознательныхъ эмоцій. „Люди могутъ

знать, что хорошо, и въ то же время поступать дурно, а потому правильное возбужденіе нравственныхъ эмоцій, такъ чтобы онѣ могли соотвѣтствовать усовершенствованнымъ нравственнымъ сужденіямъ, является столь же необходимымъ отдѣломъ нравственнаго воспитанія, какъ и непремѣннымъ условіемъ нравственнаго прогресса". (Томасъ Фаулеръ. Прогрессивная нравственность. Пер. Владиміра Соловьева 1896 г., стр. 51).

Внѣсознательными силами въ человѣкѣ не только можно, но и должно управлять. А для этого необходимо изученіе природы ихъ, т. е. изученіе ихъ біологіи, эволюціи и т. п. Зная условія образованія и роста эмоціи, вполнѣ возможно управлять ею, направлять ея силы въ желательную сторону, ослабляя тотъ „инъ законъ", который противорѣчитъ „законамъ ума", по выраженію ап. Павла.

Т. Фауеръ полагаетъ, что моральный прогрессъ находится „въ зависимости отъ увеличенія точности и распространенности примѣненія моральныхъ сужденій или, другими словами, отъ большаго развитія познавательнаго нежели эмоціональнаго элемента въ этическомъ актѣ". (Ib., стр. 49—50). Но развитіе одного сознанія еще не даетъ нравственности. Необходимо, какъ самъ же онъ говоритъ, также соотвѣтствующее развитіе эмоціи, т. е. сверхсознанія или совѣсти. Самое сознаніе является лишь *отблескомъ* этого сверхсознанія, т. е. прозрѣніемъ сквозь тьму при помощи луча свѣта эмоцій.

IX. Идеи.

1) Герценъ характерно отзывается объ этихъ прозанкахъ: „Объясните мнѣ пожалуйста отчего вѣрить въ Бога смѣшно, а вѣрить въ человѣчество не смѣшно; вѣрить въ царство небесное—глупо, а вѣрить въ земныя утопіи—умно. Отбросивши положительную религію, мы остались при своихъ религіозныхъ привычкахъ, и, утративъ рай на небѣ, вѣримъ въ пришествіе рая земного и хвастаемся этимъ". (Собраніе сочиненій. V, 124—5).

2) Сочиненія Т. Н. Грановскаго, т. I, стр. 389.

3) К. Валишевскій. Смутное время. 1911 г., стр. 374.—4) Ib., стр. 396.

5) Ив. Забѣлинъ. Мининъ и Пожарскій. 1883 г., стр. 48.—6) Ib., стр. 272.

7) Лѣтопись занятій Архогр. коммиссіи, в. X. стр. 14.—8) Ib., „Бесѣды", стр. 25.

8) По мнѣнію Дружинина и Дьяконова, „Бесѣда" составлена послѣ 1553 – 1554 годовъ.

9) Татищевъ доказывалъ, что „любочестіе, любоимѣніе и плотоугодіе намъ отъ Творца всѣхъ вмѣстѣ съ душой вкоренены, а такъ какъ Богъ есть творецъ добра, то и все, что онъ сотворилъ, не иначе, какъ добромъ именовать можемъ".

Его „Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ" П. Милюковъ вѣрно называлъ первой въ Россіи принципіальной защитой „свѣтскаго житія". Дѣйствительно до сихъ поръ *всѣ* смотрѣли на „свѣтское житіе", какъ на грѣховное и требовали приближенія его къ идеалу—иночеству. Вопросъ Татищевымъ былъ поставленъ радикально. „Если духовное житіе, говоритъ Милюковъ, ставитъ цѣлію спасенія души, то свѣтское имѣетъ полное право рядомъ съ нимъ поставить стремленіе къ земному счастью. Если для перваго—удовлетвореніе природныхъ склонностей человѣка есть грѣхъ, то для второго—это есть только выполненіе „естественнаго закона". (Очерки по исторіи р. культуры, III, в. 11 стр. 210).

Татищевъ, признавъ естественный законъ удовлетворенія потребностей, относитъ это и къ духовнымъ потребностямъ. Онъ говоритъ, что „разность вѣръ великой въ государствѣ бѣды не наноситъ". И въ Россіи „отъ разности вѣръ вреда не имѣли, но еще пользу видѣли". Поэтому онъ нападаетъ на Никона и его „наслѣдниковъ", которые и надъ безумными раскольниками свирѣ-

пость свою исполнили, многія тысячи пожгли и порубили или изъ государства выгнали". Исключеніе онъ дѣлаетъ только для іезуитовъ „по ихъ коварству", и евреевъ „не для вѣры, но паче для ихъ злой природы".

Не всякій, а только просвѣщенный эгоизмъ приводитъ къ добру. Поэтому Татищевъ требуетъ „знанія правилъ естественнаго закона". Невѣжественный человѣкъ „настоящаго страха не боится, а гдѣ нѣтъ страха—трепещетъ, въ печали и радости неумѣренъ, въ счастьи и несчастьи—непостояненъ и во всемъ, вмѣсто пользы, наноситъ себѣ вредъ".

Такимъ образомъ и этотъ образованный человѣкъ своего времени безъ страха не могъ обойтись.

10) „Не было во всемірной исторіи такого обмана, такого насилія, такого порабощенія народовъ, такой политической мерзости и политическаго ужаса, которые не благословлялись бы этимъ небеснымъ знаменіемъ: *Симъ побѣдиши*, которые не совершались бы подъ покровомъ церкви во имя Христа. Въ жизни человѣчества повторялась жизнь Сына Человѣческаго: второе предательство, второй судъ при дворѣ первосвященника Каіафы, второе осужденіе Пилатовъ, второе оплеваніе, избіеніе, увѣнчаніе терновымъ вѣнцомъ, облаченіе въ багряницу, второй путь крестный, второе распятіе. Нынѣ совершается и второе погребеніе Господа. Чаемъ же и второго воскресенія Богочеловѣка въ Богочеловѣчествѣ. (Д. С. Мережковскій. Теперь или никогда. 1906 г., стр. 129).

11) По ученію Г. Лебона, „Главнымъ факторомъ эволюціи народовъ никогда не была истина, но всегда заблужденіе. И если соціализмъ такъ могущественъ въ настоящее время, то лишь потому, что онъ представляетъ единственную уцѣлѣвшую иллюзію". (Психологія народовъ и массъ. Р. пер., стр. 241).

12) Arnold Fremy. Les moeurs de notre temps 1861, стр. 24.

13) Le P. Didon. Paris. 1879. p. 261.

14) Dieu dans l'histoire, trad. Dietz, p. 17—18, 46.

16) Вл. Соловьевъ. Собраніе сочиненій, т. I, стр. 255.—16) Ib., стр. 255.

17) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. VII, стр. 973. 18) Ib., стр. 964.

19) Грядущій Хамъ, стр. 7.

20) Афоризмы и максимы, т. II, стр. 259.

21) А. Шопенгауеръ считаетъ эгоизмъ безграничнымъ. „Онъ хочетъ всѣмъ наслаждаться, все имѣть. Но такъ какъ невозможно овладѣть всѣмъ, то его девизъ: „Все для меня—и ничего для другихъ". Эгоизмъ колоссаленъ: онъ превышаетъ міръ. Ибо если предоставить любому человѣку выборъ между его собственнымъ уничтоженіемъ и уничтоженіемъ остального міра, то нечего говорить, каковъ онъ будетъ у огромнаго большинства человѣчества. Сообразно съ этимъ каждый дѣлаетъ себя центромъ вселенной". (Свобода воли и основы морали. Стр. 249).—[21]) Ibid, стр. 302.

22) Собр. сочиненій, т. XII, стр. 40.

23) Правду говоритъ Э. Золя:

„Все древнее зданіе разрушено катастрофой, вызванной изслѣдованіемъ и анализомъ; осталось одно только обезумѣвшее человѣчество, и оно мечется по развалинамъ, не знаетъ на какомъ камнѣ преклонить голову свою, живетъ подъ грозой и требуетъ вѣрнаго и прочнаго убѣжища, гдѣ бы оно могло начать новую жизнь". (Э. Золя. Докторъ Паскаль).

24) По замѣчанію М. Филиппова, „кто знакомъ по личному опыту съ прогрессомъ воплощенія идеи, тотъ знаетъ, какъ при этомъ выползаютъ не видимые раньше враги дѣла: непредвидѣнныя и неожиданныя препятствія, вредящія воплощенію мысли". (Девятнадцатый вѣкъ, стр. 304).

Но еще больше мѣшаетъ идея, раньше воплощенная. Она новую встрѣчаетъ, какъ врага.

И борьба идей съ моральной точки зрѣнія нѣчто ужасное. Предъ нами мрачная картина убіенія матери своихъ же дѣтей и убіенія дѣтьми своихъ ма-

терей. Въ техническомъ мірѣ это всѣмъ очевидно. Каждый новый способъ освѣщенія встрѣчаетъ борьбу на жизнь и смерть со старымъ, уже практикующимся способомъ. Сперва новой идеѣ приходится плохо и она съ трудомъ выдерживаетъ борьбу, чаще же всего подавляется и уничтожается своей матерью. Но затѣмъ раньше или позже она получаетъ силы и уничтожаетъ старые способы, заступая ихъ мѣсто. Такъ на нашихъ глазахъ лучина уступила мѣсто свѣчамъ, свѣчи керосину, керосинъ газу, газъ электричеству. И тщетны всѣ сожалѣнія объ уходящихъ въ архивъ исторіи нѣкогда великихъ идеяхъ. Скорѣе достойна сожалѣнія та враждебность, съ которою приходится встрѣчать свѣтъ дѣтямъ—идеямъ. Но только въ борьбѣ растутъ эти дѣти. Внѣ борьбы они не знали бы и жизни. Поэтому-то въ той сферѣ, въ которой господствуютъ идеи гоголевскаго Пацюка, мечтающаго о варениках, любовно падающихъ въ ротъ, нѣтъ никакихъ идей и прогрессъ не мыслимъ.

24) Полное собр. соч., т. VI, стр. 231.—25) Ibid, т. IV, стр. 93.

26) Идеи воплощаются въ личности и подъ вліяніемъ этого становятся нерѣдко проникнутыми матеріальными интересами. Вспомнимъ страстный споръ между Ньютономъ и Лейбницемъ о томъ, кому изъ нихъ принадлежитъ честь открытія дифференціальнаго исчисленія. Вспомнимъ также, что и Ч. Дарвинъ поспѣшилъ обнародовать результаты своихъ долголѣтнихъ изслѣдованій даже въ сокращенномъ видѣ, когда убѣдился, что Уоллесъ пришелъ къ аналогичнымъ заключеніямъ и напечаталъ статью: о законѣ, регулирующемъ возникновеніе новыхъ видовъ. (1855 г.).

„Какъ было бы прекрасно, говорилъ Дарвинъ Ляйеллю, если бы всякій ученый послѣ 60 лѣтъ отъ роду непремѣнно умиралъ, такъ какъ послѣ этого онъ навѣрное будетъ противодѣйствовать всякимъ новымъ доктринамъ“.

Впрочемъ, самъ Дарвинъ доказалъ, что это не общее правило. На 73 г. жизни онъ усиленно работалъ надъ вліяніемъ углекислаго аммонія на хлорофилъ растеній и надъ восковымъ налетомъ, покрывающимъ плоды и листья нѣкоторыхъ растеній.

27) Е. Дюрингъ. Цѣнность жизни, стр. 43.

28) Отклики, т. I, стр. 397—398.

29) Исторія общественнаго строя древней Франціи, т. III, стр. 711.—30) Ib., стр. 712.—31) Ib., стр. 720—721.

32) Д. С. Мережковскій. Чеховъ и Горькій. 1906 г., стр. 53.

33) Грядущій хамъ, стр. 16—17.

34) Старый порядокъ и революція, стр. 196.—35) Ib., стр. 197.—36) Ib., стр. 197.

37) Государство, ч. I, стр. 165.

38) К. Рейнгольдъ говоритъ, что всю исторію Англіи можно назвать славнымъ расцвѣтомъ воли. „Она въ своей долгой борьбѣ съ деспотизмомъ добилась осуществленія важнѣйшихъ политическихъ правъ уже во всемірно-исторической Magna charta libertatum 15 іюня 1215 г.“. (К. Рейнгольдъ. Двигательныя силы народнаго хозяйства, пер. 1902 г., стр. 123).

39) О Созд. Штатахъ Америки Б. Лебонъ говоритъ: „Способность людей самоуправляться, объединяться для учрежденія крупныхъ предпріятій, основывать города, школы, гавани, желѣзныя дороги и т. д. доведена до такого максимума и дѣятельность государства низведена до такого минимума, что можно почти сказать, что тамъ не существуетъ государственной власти. Психологія народовъ и массъ. Пер. 1896 г. стр. 57.

40) Д. Дриль. Преступность и преступленіе, стр. 142—143.

41) Фр. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. Пер. 1906 г. стр. 126.

42) В. Розановъ. О пониманіи, стр. 573.

43) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. II, стр. 86—87.

44) Ж. Сорель. Размышленія о насиліи, стр. 153—154.—45) Ib. стр. 156—159.

41) Настоящее и будущее русскаго общ. хозяйства, 1896 г. стр. 126—127.

42) По счету Сольдана, девять съ половиною милліоновъ осуждено на смерть западно-европ. духовенствомъ въ заботахъ о спасеніи душъ. Всѣ войны, начиная отъ Юлія Цезаря, не дали столько жертвъ.

43) Субъективизмъ и индивидуальность въ общ. философіи, стр. 72.

44) „Если борьба людей ведется ими за существованіе, то спрашивается: согласуется ли съ этимъ взглядомъ на борьбу тотъ случай, когда человѣкъ, пользуясь всѣмъ необходимымъ для удовлетворенія своихъ потребностей, самъ прекращаетъ свое существованіе только потому, что не видитъ „цѣли жизни"? Не противорѣчитъ ли дарвиновскому принципу такого рода явленіе, когда человѣкъ жертвуетъ своимъ существованіемъ ради чисто условныхъ понятій, какъ то: чести, долга, любви, патріотизма и пр.? Согласуются ли съ этимъ принципомъ дѣйствія людей, жертвующихъ собою на почвѣ религіозныхъ воззрѣній, въ сферѣ философскихъ ученій, въ области политическихъ идей? Не противорѣчитъ ли принципу тотъ случай, когда человѣкъ добровольно сокращаетъ кругъ своихъ потребностей до минимума, подвергаетъ себя всѣмъ невзгодамъ матеріальнаго недостатка, терпитъ лишенія, униженія, пресмыкается, нищенствуетъ, являясь въ то же время обладателемъ такого капитала, который, если бы не лежалъ подъ спудомъ, могъ бы не только удовлетворить всѣмъ обыкновеннымъ запросамъ жизни, но и окрасить ее?" (В. Заболотный. Опытъ къ рац. разрѣшенію вопроса: что такое война? стр. 103).

На этомъ основаніи В. Заболотный предлагаетъ теорію борьбы за цѣли существованія: (стр. 106). Самую войну онъ такъ опредѣляетъ: война есть результатъ встрѣчи коллективныхъ индивидовъ, въ предѣлахъ одного и того же вида, по пути ихъ стремленій къ цѣли своего существованія, къ достиженію идеала. (Ib. стр 110).

45) Максъ Штирнеръ. Единственный и его достояніе. Пер. 1910 г.

46) Сочиненія, т. VII, стр. 880.

47) См. предисловіе: Жизнь человѣка.

48) В. Соловьевъ. Три разговора съ приложеніями. 1901 г. стр. 264.

49) В. Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 448—449.

50) В. Соловьевъ. Право и нравственность, стр. 77.—51) Ib. стр. 69.

52) Б. Уэббъ. Корпоративное движеніе въ Англіи. Пер. 1905 г. стр. 88.

53) Собственость и государство, т. I, стр. 278.

54) Эрнестъ Гроссе. Формы семьи. Пер. 1898 г. стр. 136.

55) Г. Шенбергъ. Новая пол. экономія. Пер. 1894 г. стр. 34—35.—56) Ib. стр. 38.—57) Ib. стр. 25.

58) Эволюція и прогрессъ. стр. 118—120.

59) Е. Филипповичъ. Основ. пол. экономіи. Пер. 1901 г. стр. 91. 60) Ib. стр. 92.

60) Сочиненія, т. VII, стр. 366.

61) Афоризмы и максимы, т. II, стр. 324.

62) Происхожденіе семьи, частн. собств. и государства. Пер. 1906 г. стр. 118—119.

63) Собственность и государство, т. I, стр. 35.

64. Ш. Летурно. Эволюція рабства. стр. 306—307.

65) М. А. Рейснеръ. Государство. 1911 г. стр. 116.—66) Ib. стр. 121.

67) В. Соловьевъ. Три рѣчи въ память Достоевскаго. 1884 г. стр. 39.—68) Ibid. стр. 35—36.

69) Курсъ русской исторіи. 1910 г. т. IV, стр. 293.

70) Самоопредѣленіе идей требуетъ борьбы и сила ихъ прямо пропорціональна препятствіямъ. Въ этомъ отношеніи совершенно основательно замѣчаніе В. Соловьева, что нашъ расколъ кристаллизировался, благодаря москов-

скому собору (1666—1667 гг.) съ его анаѳематствами. Не будь этихъ анаѳематствъ, расколъ далеко не получилъ бы того широкаго развитія, которое было вызвано ими. (Собраніе соч. т. VIII, стр. 85).

71) Зимаръ. Совѣсть и ея свобода. Пер. 1904 г. стр. 54.

72) В. Маклаковъ. Л. Толстой, какъ общественный дѣятель.

73) La réforme intellectuelle et morale. 1872. стр. 247.

74) Zur Genealogie der Moral.

75) Сочиненія А. И. Герцена. т. I, стр. 208. „Р. Богатство. 1909 г. № 7. ст. Русанова. Запад. Соціализмъ; стр. 175.

76) П. Милюковъ. Очерки по исторіи русск. культуры, III, в. II, стр. 390.

77) М Бертло. Наука и нравственность. Пер. 1898 г. стр. 176—177.

78) Сочиненія, т. VII, стр. 869.—79) Ib. стр. 870.

90) Ш. Жидъ. Основ. пол. экономіи, стр. 16.

91) Г. Спенсеръ. Грядущее рабство, стр. 77.

92) Исторія общ. строя древней Франціи, т. II, стр. 265.—93) Ib. стр. 266—267.—94) Ibid. стр. 267.—95) Ib. стр. 273.—96) Ib. стр. 371.—97) Ib. стр. 717.

98) Особый видъ истины представляютъ собою и вѣрованія.

В. Ключевскій прекрасно уясняетъ различіе между мышленіемъ—научнымъ, религіознымъ и художественнымъ.

„Религіозное мышленіе, гов. онъ, есть такой же способъ человѣческаго разумѣнія, отличный отъ логическаго или разсудочнаго, какъ и пониманіе художественное; оно только обращено на другіе болѣе возвышенные предметы. Человѣкъ далеко не все постигаетъ логическимъ мышленіемъ и, можетъ быть, даже постигаетъ имъ наименьшую долю постижимаго. Усвояя догматы и заповѣди, вѣрующій усвояетъ себѣ извѣстныя религіозныя идеи и нравственныя побужденія, которыя такъ же мало поддаются логическому разбору, какъ и идеи художественныя. Развѣ понятный вамъ музыкальный мотивъ вы подведете подъ логическія схемы? Эти религіозныя идеи и побужденія суть вѣрованія". (Курсъ русск. исторіи, ч. Ш стр. 371).

Художественная идея воспринимается не разсудкомъ, а художественнымъ органомъ. У кого нѣтъ художественнаго вкуса, тому сапоги выше Шекспира. Такъ цвѣтъ непосредственно воспринимается зрѣніемъ, но кто страдаетъ дальтонизмомъ, тотъ зеленый цвѣтъ принимаетъ за красный, а слѣпой и совсѣмъ не различаетъ цвѣтовъ. Такимъ же образомъ религіозныя идеи понимаются органомъ, называемымъ вѣрованіемъ, благодатью и т. п. Многіе лишены его и имъ представляются дикими и странными религіозныя понятія, какъ кажется намъ дикимъ и страннымъ наприм. то, что противорѣчитъ законамъ логики. Но есть законы вѣрованій, какъ есть и законы художественные и научные. Они также управляютъ волей людей, какъ управляютъ ими законы логики и искусства.

Конечно, воспитаніе играетъ громадную роль въ нашемъ мышленіи религіозномъ и художественномъ, какъ и въ логическомъ. Но воспитаніе—это лишь среда и условія роста, но не самая сущность растущаго или развивающагося. Нельзя же воспитаніемъ привить философское мышленіе дереву. Гдѣ нѣтъ сѣмени, тамъ нѣтъ и развитія, хотя и бываетъ эволюція, катаклизмы, метаморфозы.

Приходится возвратиться *къ врожденности идей,* какъ наприм. и къ врожденности законовъ мышленія, въ силу коихъ мы не можемъ сказать: $2 \times 2 =$ стеариновая свѣчка.

X. Талантъ.

1) Джонъ Рёскинъ. Полит. экономія искусства. Пер. 1902 г. стр. 17—18.

2) Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. Ш, стр. 620.

3) Time and Tide. § 6. Дж. Гобсонъ. Обществ. идеалы Рёскина. Пер. 1899 г стр. 115.

4) В. Либкнехтъ. Знаніе—сила. Пер. 1905 г. стр. 31.—5) Ib. стр. 30.
6) Генр. Жолн. Психологія великихъ людей. Пер. стр. 132 и слѣд.
7) Шульце—Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. 1899 г. стр. 35.
8) М. Щепкинъ. Жизнь и дѣятельность Р. Кобдена. 1899 г. стр. VII.—9) Ib. стр. XLVIII.
10) С. Трубецкой. Исторія древней философіи, ч. I, стр. 44.
11) Цит. Н. К. Михайловскій. Сочиненія, т. II, стр. 190.
12) Полн. собр. сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. III, стр. 745.
13) Задачи пониманія исторіи псевд. Арнольди (П. Лавровъ), стр. 371.
14) Великій человѣкъ, стр. 12.—15) Ib. стр. 11.
16) Философскія бесѣды Платона, Пер. А. Клеванова, 1861 г. стр. 57.—17) Ibid. стр. 58.—18) Ib. стр. 45—46.
19) А. Бебель. Соціализація общества. Пер. 1905 г. стр. 48—49.
20) Н. Г. Чернышевскій. „Совр. Міръ", 1909 г. ноябрь, стр. 161.
21) Ж. Тардъ. Законы подражанія, стр. 89.
22) Къ познанію Россіи, стр. 83.
23) Исторія госуд. учрежденій Англіи. Пер. 1885 г. стр. 841.
24) С. Булгаковъ. Капитализмъ и земледѣліе, т. II, стр. 283.
25) Рабочій вопросъ. Пер. 1899 г. стр. 37.
26) Сочиненія, т. VI, стр. 303.—27) Ib. стр. 304.
28) Полное собраніе сочиненій, ч. XI. стр. 461.
29) А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій. 1908 г. изд. 2, стр. 323. „Р. Богатство" 1909 г. янв. стр. 41.
30) „Р. Богатство. 1909 г. Январь.
31) В. К. Агафоновъ. Наука и жизнь, стр. 149.—32) Ib. стр. 150.
33) А. Герценъ по поводу книги Милля „О свободѣ" говоритъ: „На какомъ основаніи будитъ спящаго: во имя чего обрюзгнувшая личность и утянутая въ мелочь вдохновится, сдѣлается недовольна своей теперешней жизнью, съ жел. дорогами, телеграфами, газетами, дешевыми изданіями? Личности не выступаютъ отъ того, что нѣтъ достаточнаго повода. За кого, за что или противъ кого имъ выступать? Отсутствіе сильныхъ дѣятелей не причина, а послѣдствіе.—Semper idem—не требуетъ ни огромныхъ усилій, ни грозныхъ бойцовъ; въ какомъ бы родѣ они ни были, они будутъ лишни, среди мира не нужно полководцевъ". (Сочиненія А. И. Герцена. 1905 г. т. III, стр. 335).
34) Новый міръ. 1905 г., стр. 54.—35) Ib. стр. 122.—36) Ib. стр. 123.
37) В. Соловьевъ. Право и нравственность. 1899 г., стр. 35.

XI. Правительство.

1) 1809 г. м. Августъ.
2) Г. Спенсеръ. Соціальная статика. Пер. 1906 г. стр. 21—22.
3) Очерки теоріи госуд. кредита. 1892 г., стр. 9.
4) Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. 1901 г. т. VI, стр. 37.
5) Полное собраніе сочиненій. Н. Чернышевскаго, т. III, стр. 552.—6) Ibid стр. 522—523.—7) Ib. 524.
8) О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала. 1857 г., стр. 26—27.
9) Пер. Михайлова, т. II, стр, 56—61.
10) Полное собр. соч. т. III, стр. 526.
11) Полное собр. соч. т. VI, стр. 46.
12) В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи ч. III, стр. 285.
13) Вполнѣ вѣрно говоритъ Н. Чернышевскій, что правительство представляетъ собою могучій и неизбѣжный факторъ во всей экон. дѣятельности населенія.

„*Каждое* дѣйствіе государственной власти, къ какой бы сферѣ ни относилось оно прямымъ образомъ, къ военной или дипломатической, къ полицейской или судебной, непремѣнно производитъ соотвѣтствующую перемѣну въ экономическихъ отношеніяхъ, непремѣнно сопровождается передачею извѣстной массы дохода и слѣдовательно капитала изъ рукъ однихъ частныхъ людей въ руки другихъ частныхъ людей". Изъ этого онъ дѣлаетъ совершенно неизбѣжный выводъ, что „экономическая сторона частной дѣятельности никакъ не можетъ не находиться въ огромной зависимости отъ правительства". (Полн. собр. сочин. т. IV, стр. 442).

Основаніемъ этого служитъ тѣсная связь всѣхъ составныхъ отраслей народной жизни. Здѣсь все взаимно связано и, понятно, правительственная дѣятельность не можетъ не вліять и на экономическія отношенія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Изолировать правительство отъ экономики страны не мыслимо по самой природѣ вещей. „Возьмемъ, напримѣръ, случай, относящійся прямо къ вопросу о личной юридической самостоятельности. Въ уничтоженіи крѣпостного состоянія дѣло идетъ кореннымъ образомъ о возвращеніи гражданскихъ правъ людямъ, которые до сихъ поръ не признавались самостоятельными членами общества. Сомнѣніе тутъ невозможно: сущность дѣла состоитъ въ пріобрѣтеніи гражданскихъ правъ, въ пріобрѣтеніи самостоятельности бывшими крѣпостными крестьянами; основаніе вопроса чисто юридическое. Но что же мы видимъ? Съ перемѣною юридическихъ отношеній неразрывно соединена экономическая перемѣна; въ юридическомъ вопросѣ является экономическая сторона и оказывается столь важною, что совершенно заслоняетъ собою юридическую сторону отъ вниманія общества. (Ibid стр. 441).

Всякій шагъ правительственной дѣятельности, повидимому, самый узкій и невинный, отражается въ экономической сферѣ. „Предположимъ, гов. Чернышевскій, что правительство упрощаетъ формы дѣлопроизводства. Мы не говоримъ уже о томъ, что черезъ это уменьшается масса чиновниковъ: положимъ, что люди служащіе, по необходимости находясь въ прямой экономической зависимости отъ каждой административной мѣры, не должны приниматься въ разсчетъ; но каково вліяніе упрощенія переписки на экономическій бытъ частныхъ людей, не находящихся на службѣ? Вести дѣла стало легче, рѣшаются они скорѣе, ходъ ихъ понятнѣе, стало быть меньше расходовъ и меньше хлопотъ каждому, имѣющему какое нибудь дѣло съ полиціей, администраціею или судилищемъ. А изъ десяти человѣкъ девятеро имѣютъ въ годъ хотя одно какое нибудь дѣло до власти. Слѣдовательно, всѣ они что нибудь выигрываютъ въ денежномъ отношеніи" (стр. 442).

Еще большее вмѣшательство происходитъ при взиманіи податей, безъ чего никакое государство не существуетъ. „Что такое дѣлаетъ налогъ? Онъ беретъ у частнаго лица въ пользу государства извѣстную долю доходовъ, т. е. извѣстную долю капитала. Если у меня 300 д. земли, дающихъ каждая по 4 р. дохода, то для меня все равно, будетъ ли учрежденъ налогъ въ 1 р. на десятину или прямо была бы взята у меня четвертая часть моей земли: за уплатою налога изъ 1200 р. у меня остается дохода 900 р.; если бы у меня прямо было взято 75 д., результатъ былъ бы тотъ же: 225 д.; оставшіяся у меня и избавили бы отъ налога и давали бы также 900 руб. Доходъ былъ бы одинаковъ, слѣд. и капиталъ былъ бы одинаковъ.—Въ экономическомъ отношеніи налогъ совершенно равняется тому, какъ если бы соотвѣтственная доля имущества была обращена изъ частной собственности въ государственную" (стр. 443).

Отсюда, изъ этихъ безспорныхъ фактовъ, никѣмъ не отрицаемыхъ и совершенно неизбѣжныхъ, Н. Чернышевскій выводитъ: „Если государство безпрекословно пользуется правомъ присваивать себѣ посредствомъ налога такую часть имущества, какую почтетъ удобнымъ, то возможно ли разсудительному человѣку, понимающему экономическую сущность налога, сомнѣваться въ правѣ

государства обращать на экономическія отношенія дѣйствія своей власти гораздо болѣе медленно, и далеко не столь рѣзкое, именно принимать законодательныя мѣры, какія требуются улучшеніемъ быта массы?“ (Ibid. 443).

Но еще поразительнѣе экономическое дѣйствіе бюджета расходовъ. „Мало того, что бюджетъ даетъ содержаніе по нѣсколько тысячъ, или по нѣсколько десятковъ тысячъ въ годъ тѣмъ лицамъ, которыхъ правительство считаетъ достойными такого содержанія, бюджетъ во всѣхъ государствахъ служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ возникновенія наслѣдственныхъ классовыхъ богатствъ. Подрядчики, поставщики—все это созданіе бюджета. Въ Зап. Европѣ почти всѣ громадныя богатства пріобрѣтены частными лицами или прямо отъ бюджета, или по крайней мѣрѣ благодаря покровительству государства. Почти вся безъ исключенія поземельная собственность въ Зап. Европѣ произошла изъ пожалованій правительства. Но что говорить о недвижимой собственности, когда въ прямой зависимости отъ бюджета даже промышленная дѣятельность множества лицъ? Возьмемъ для примѣра хотя суконныя фабрики. Что, если бы государству вздумалось одѣвать солдатъ вмѣсто суконнаго платья въ бумажное? Кажется, тутъ не можетъ быть спора о границахъ его власти: форма мундира, конечно, зависитъ отъ правительства. Но отъ замѣны суконной шинели плисовою шинелью на ватѣ прямо погибли бы многіе фабриканты. Возьмите какую угодно другую статью государственнаго расхода и вы увидите, что на ней держится экономическая дѣятельность множества людей и что перемѣна въ ней будетъ прямымъ уничтоженіемъ многочисленныхъ состояній, прямымъ прекращеніемъ цѣлыхъ отраслей прежней экономической дѣятельности“.

По мнѣнію Н. Чернышевскаго, если государство искренно захотѣло проводить въ жизнь принципъ невмѣшательства, оно не было бы въ состояніи осуществить это. „Бюджетъ расходовъ развиваетъ экономическую дѣятельность въ извѣстныхъ направленіяхъ, бюджетъ доходовъ ставитъ въ прямую зависимость отъ государства всѣ безъ исключенія частныя имущества и доходы, и наконецъ всякое законодательное постановленіе, всякое измѣненіе судоустройства, всякая административная или судебная мѣра имѣетъ своимъ послѣдствіемъ перенесеніе извѣстной суммы имущества изъ однѣхъ рукъ въ другія. *Это фактъ неизбѣжный, неотвратимый никакою исторіею науки, никакими желаніями самаго правительства.* Послѣ того люди, толкующіе о невмѣшательствѣ государства въ экономическія отношенія, *не похожи ли на того господина, который толковалъ о букашкахъ, не замѣчая слона?* Если государство имѣетъ право вести войну, выбирать источники для состоянія бюджета своихъ доходовъ, употреблять, какъ ему покажется нужнымъ, собираемыя имъ суммы,—если оно такимъ образомъ имѣетъ власть надъ сотнями и тысячами милліоновъ, то какая тутъ можетъ быть рѣчь о независимости частной экономической дѣятельности отъ государства? Будемъ говорить откровенно: значительнѣйшая часть всей экономической дѣятельности общества находится въ прямой зависимости отъ правительства“. (Ib. стр. 444).

Теорія невмѣшательства не только практически неосуществима, но она вредна, какъ нелѣпая иллюзія. „Если бы браминъ сознавалъ, что онъ въ каждомъ глоткѣ воды поглощаетъ милліоны животныхъ существъ, онъ вѣроятно не остановился бы опасеніемъ наступить на какую нибудь букашку своею ногою, когда нужно спѣшить, чтобы вытащить утопающаго изъ воды. Если бы экономисты старой школы понимали неизбѣжность вліянія государства на экономическія отношенія, они, вѣроятно, вмѣсто пустыхъ толковъ объ утопической системѣ невмѣшательства, занялись бы опредѣленіемъ истинно-полезныхъ предметовъ и дѣйствительно разумныхъ границъ для неизбѣжнаго вмѣшательства“ (стр. 444).

Благодаря отсутствію разумной теоріи, до сихъ поръ вмѣшательство правительства въ эк. жизнь является механическимъ и безсознательнымъ, мало

полезнымъ. Такъ, наприм., правительство обращается къ отдѣльнымъ предпринимателямъ и даетъ богатѣть не массамъ, но отдѣльнымъ капиталистамъ. У Ивана есть доходъ въ 50 р., у Петра въ 500 р. Положимъ дается дѣло, дающее 100 р. дохода. Черезъ прибавку ихъ доходъ Петра увеличится на $^1/_5$ доли, а доходъ Ивана въ три раза. „Ясно, что поручать дѣло Ивану—значитъ принести человѣку гораздо болѣе пользы, нежели поручить Петру". Очевидно, правительство гораздо большую пользу приноситъ своимъ заказомъ, отдавая его небогатому, чѣмъ богатому; богатому прибавляется $^1/_5$, а небогатому втрое увеличиваетъ состояніе. Поэтому же съ національной точки зрѣнія производительнѣе расходы, распредѣляемые между массами, нежели отдаваемые одному.

Къ сказанному нужно прибавить, что въ послѣднее время и въ госуд. расходахъ начали сообразоваться съ идеей общественной и національной пользы, подобно тому, какъ этотъ принципъ все болѣе и болѣе проникаетъ и въ сферу взиманія доходовъ. Очевидно, мысль о томъ, чтобы „неизбѣжное вмѣшательство государства въ экон. жизнь начинаетъ проникать въ сознаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ направлять эту непреодолимую силу, согласно съ интересами націи. Это пока лишь, такъ сказать, отрицательная эпоха.

14) Ib. т. IV, стр. 562—563.

15) Основ. пол. экономіи, стр. 66.

16) Esprit des lois, XX, 3.

17) П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры ч. I, стр. 33 и слѣд.

18) Memoirs de Louis. Edite, Dreyss. H. de Ferron. Theerie du progres. 1857. t II, p. 165.

19) Ник. Катаевъ. Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія. Москва. 1903 г., стр. 48 и слѣд.—20) Ib. стр. 53.—21) Ib. стр. 56—60.—22) Ib. стр. 98.—23) Ib. стр. 159—160.

24) О пониманіи, стр. 624. 25) Ib. стр. 625.

26) Теорія ренты и изслѣдованіе о капиталѣ. Пер. 1908 г., стр. 34.

27) М. Мейеръ. Главныя теченія въ совр. пол. экономіи. Пер. 1891 г., стр. 394.

28) Инока Зиновія, посланіе многословное, стр. 144. Лѣтопись занятій археографической коммиссіи, выпускъ X. ст. В. Дружинина и М. Дьяконова. Введеніе къ изданію „Бесѣды преподобныхъ Сергія и Германа".

29) Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, 1901 г. т. VI, стр. 5.

30) Ф. Лассаль. Капиталъ и трудъ. Пер. 1906 г., стр. 200.

31) Л. Слонимскій. Основные вопросы политики. 1889 г., стр. 158—159.

32) Г. Спенсеръ. Развитіе полит. учрежденій. Р. пер. 103—106.

XII. Общество.

1) Полное собр. соч. Н. Г. Чернышевскаго, т. IV, стр. 480—481.

2) Телескопъ. 1836 г., стр. 283 и сѣд.

3) Сочиненія А. И. Герцена. СПБ. 1905 г., стр. 369—370.—4) Ib. стр. 369.

5) П. Милюковъ. Главныя теченія русской ист. мысли. т. I, стр. 55.

6) Погодинъ т. II, стр. 87. П. Милюковъ. Ib. стр. 167.

7) Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, кн. I, стр. 27.

8) Сочиненія, т. III, стр. 644—645. В. Плехановъ. Н. Т. Чернышевскій, стр. 191.

9) Соціализмъ и этика. Пер. 1905 г. стр. 7.—10) Ib. стр. 71—72.—11) Ib. стр. 71.

12) Экономич. исторія Англіи, стр. 715.

13) Исторія общ. строя древн. Франціи. т. V, стр. 251—252.

14) У. Эшли. Экон. ист. Англіи, стр. 84.—15) Ib. стр. 85.

16) Е. В. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи, ч. I, стр. 180.—17) Ib. стр. 160.

18) Аграрный вопросъ, стр. 216—217.

19) Соціальные этюды. 1893 г. стр. 907—931.

20) Сельская община въ литературѣ и дѣйствительности, стр. 69.

21) Формы крестьянскаго землевладѣнія, стр. 266.

22) Г. Смитъ. Лучшія системы организаціи земледѣльческой кооперації и кредита. Пер. 1910 г. стр. 57.

23) Г. Швиттау. Промышленные конфликты. 1911 г. стр. 72.

24) Экономич. исторія Англіи, стр. 436.

25) Союзы въ с. хозяйствѣ. Пер. 1907 г. стр. 40.—26) Ib. стр. 36.

27) Промысловые синдикаты, стр. 10.

28) Духовныя основы жизни. 1894 г. стр. 85.

29) Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи, т. III, стр. 163.

30) Полит. экономія промышленности, стр. 234.

31) Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи, стр. 240.

32) Боярская Дума, стр. 306.

33) Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому, стр. 251.

34) М. Богословскій. Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ. въ XVII в. в. I, стр. 141.

XIII. Природа.

1) Г. Спенсеръ. Соціальная статика. Стр. 42—43.

2) Политическая экономія промышленности, стр. 27.

3) Л. Шестовъ. Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Ницше, стр. 190—191.

4) Духовныя основы жизни. 1897 г. стр. 11.

5) В. Соловьевъ. Религіозныя основы жизни. 1884 г. стр. 4.—6) Ib. стр. 6.

7) Афоризмы и максимы, т. II, стр. 147.

8) Еще рѣзче выражается Э. Фриче.

„Природа—совершенно слѣпа и безразсудна, она не благоразумнѣе даже человѣка, который не приглашаетъ на трапезу больше, чѣмъ можетъ накормить. Это безразудство въ природѣ вызываетъ ужасныя послѣдствія: постоянную борьбу существъ между собою, печальную, болѣе или менѣе мучительную гибель ихъ. Большая часть животныхъ очень быстро плодится, такъ что какой нибудь родъ изъ нихъ въ весьма непродолжительное время могъ бы заселить весь земной шаръ и въ концѣ концовъ не было бы для нихъ мѣста, не говоря уже о необходимыхъ средствахъ къ пропитанію. Но масса животныхъ погибаетъ отъ недостатка пищи: главнымъ же образомъ вслѣдствіе того, что животныя другъ друга пожираютъ. Міръ существуетъ только тѣмъ, что одно животное пожираетъ другое. Страхъ, мученіе, смерть—вотъ участь міра животныхъ". Э. Фриче. Соціальный вопросъ. Пер. Р. 1884 г. стр. 15.

„Дѣйствуетъ ли природа подъ вліяніемъ стремленія къ цѣли, скрытой отъ пониманія людей, или подъ вліяніемъ пустой и безразсудной случайности, одно несомнѣнно, что земной шаръ не есть жилище всеобщаго благополучія" (стр. 16).

9) Ch. Fourier. Nouveau Monde. 1848 г. стр. 31.—10) Ib. стр. 26.

11) См. Альфредъ Бизе. Историческое развитіе чувства природы. Пер. 1890 г. стр. 32.

12) Собраніе сочиненій, т. VII, стр. 188.—13) Ib. стр. 155.

14) Э. де-Лавеле. Основанія пол. экономіи. Пер. 1893 г. стр. 43—44.

15) Г. Друмондъ. Эволюція и прогрессъ человѣка. Стр. 165.

16) Полн. собр. соч. т. IV, стр. 446—447.—17) Ib. стр. 448.—18) Ib. стр. 449.

19) T. IV, p. 387, t. V, p. 28.

20) Міросозерцаніе и медицина В. Европы. 1910 г. янв. стр. 235.
21) Основы истинной науки. кн. II, стр. 215.
22) Этика жизни. Пер. 1906 г. стр. 13.
23) М. Филипповъ. Девятнадцатый вѣкъ, стр. 291.—24) Ib. стр. 293.
25) Дополненія къ познанію Россіи, стр. 78.
26) Соціальная статика, стр. 78—79.
27) Прогрессъ и бѣдность, стр. 224.
28) К. Мергенъ. Основанія пол. экономіи. Пер. 1903 г. стр. 28—29.—29) Ib. стр. 27.
30) Собраніе сочиненій. 1901 г. т. VI, стр. 344.
31) Théorie des peines et de récompenses. Paris. 1825, стр. 12 и слѣд.
32) А. Г. Тимофѣевъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. 1897. стр. 49.
33) Соловьевъ, т. IV, стр. 373. Сергѣевскій. Р. уголовное право. стр. 141.
34) Исторія тѣл. наказаній, стр. 150.—35) Ib. стр. 157.
36) Сергѣевскій. Р. уголовное право, стр. 152.
37) Тимофѣевъ. Ib. стр. 154.—38) Ib. стр. 162.—39) Ib. стр. 63.
40) Чтенія Московск. Импер. Истор. Общества. 1867 г. іюль—сентябрь. стр. 277.
41) П. Милюковъ. Главныя теченія русской истор. мысли, т. I, стр. 390.
42) Барсуковъ. т. II, стр. 17.
43) Г. Лебонъ. Психологія народовъ и массъ. Пер. 1896 г. стр. 147—148.
44) А. Прэнсъ. Организація свободы. стр. 93.—45) Ib. стр. 171.
46) И. А. Сикорскій. Идеализація и матеріализація жизни. 1911 г.
47) П. Янжулъ. Изъ психологіи народовъ. 1895 г. стр. 29—30.—48) Ib. стр. 34—35.
49) Le bonheur de vivre. Paris. 1891. p. 10.
50) Charles Bray. The income of the Kingdom and the Mode of its Distribution. 1857 г. стр. 10. И. Янджулъ. Соціальные этюды. 1893 г. стр. 146.
51) Психологія народовъ и массъ, стр. 217.
52) De Ferron. Théorie du progrés. t. II, стр. 40.—53) Ib. стр. 9.
53) Брокгаузъ. т. 54, стр. 23. Н. Огановскій. Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи, стр. 15.—54) Ibid. стр. 16.
55) Исторія Россіи, т. XIII, стр. 8.
56) Исторія русскаго нар. хозяйства, т. I, стр. 89—60.—57) Ib. стр. 66.
58) Труды киргизской экспедиціи, стр. 8.
59) „Кочевой бытъ, говоритъ А. А. Кауфманъ,—это непрерывное приспособленіе человѣка и его хозяйства къ природѣ, которая всецѣло доминируетъ надъ нимъ, и которой кочевникъ всецѣло подчиняется. И въ этомъ приспособленіи кочевникъ достигаетъ огромнаго искусства; на безводныхъ степяхъ—пустыняхъ, среди каменистыхъ горъ, онъ используетъ обширныя пространства такихъ земель, которыя или безусловно, или, по крайней мѣрѣ, въ ихъ современномъ видѣ, не могутъ быть использованы ни при какомъ иномъ хозяйствѣ. Кочевникъ, говоритъ одинъ изъ видныхъ участниковъ киргизской экспедиціи, Л. К. Чермакъ, въ однихъ мѣстахъ пользуется превосходными пастбищами, въ другихъ, наоборотъ, съ рискомъ за собственную жизнь и за цѣлость скота, проходитъ безжизненную голодную степь; киргизъ самый лучшій и самый желанный хозяинъ въ степи и, что всего замѣчательнѣе, этотъ именно хозяинъ полупустыни оказывается самымъ богатымъ владѣльцемъ скота“.
60) Исторія русской жизни, т. I, стр. 9.
61) Цивилизація и великія историческія рѣки. 1898 г.
62) М. Богословскій. Земское самоуправленіе. I, стр. 10.
63) Курсъ національной и соціальной экономіи. Пер. 1893 г. стр. 150.
64) І. Гонеггердъ. Исторія человѣч. культуры. Пер. 1897 г. стр. 63.

65) Цивилизація и великія истор. рѣки, стр. 115.

66) Изолированное государство. Пер. Волкова. ч. I, стр. 179.

67) Основ. полит. экономіи, т. I, стр. 222.

Теоретическое объясненіе сказаннаго, по мнѣнію А. Людоговскаго, заключается въ томъ, что „расходъ на большую часть отдѣльныхъ работъ въ хозяйствѣ пропорціоналенъ или пространству, или количеству обрабатываемаго продукта, почему при повтореніи каждой данной работы стоимость ея каждый разъ остается одинаковою, между тѣмъ какъ дѣйствіе на увеличеніе урожая зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ достигнута цѣль предыдущими работами, предшествовавшими повторенію, при этомъ въ большинствѣ случаевъ оказывается, что для каждаго новаго повторенія работы остается меньшее поприще для дѣйствій, а слѣдовательно она оказываетъ менѣе сильное дѣйствіе на увеличеніе урожая. Такъ наприм., если бы для истребленія сорныхъ травъ употреблены были 4 вспашки экстирпаторами, то можно положительно утверждать, что первая вспашка была наиболѣе производительна, потому что уничтожила большее число сорныхъ травъ, чѣмъ остальныя, а четвертая повліяла наименѣе, потому что предыдущими обработками достигнута была большая часть цѣли. Между тѣмъ расходъ на каждую обработку остался равнымъ, будучи пропорціоналенъ пространству. При сортировкѣ хлѣба—пропускъ его черезъ машину въ первый разъ отдѣлитъ болѣе негодныхъ зеренъ, нежели пропускъ во второй, а этотъ болѣе, нежели третій разъ и т. д. Основанія сельско-хоз. экономіи, стр. 50.

А. Мейръ. (Учебникъ земледѣльческой химіи. Пер. А. Теодоровичъ. 1876 г.) объясняетъ непропорціональность между затратами и производительностью въ земледѣліи слѣдующимъ образомъ.

„Для успѣшнаго произрастанія зеленыхъ явнобрачныхъ растеній, къ которымъ безъ исключенія принадлежатъ всѣ наши культурныя растенія, необходимы:

1) Извѣстныя вещества, именно: вода, углекислота, азотъ (въ видѣ ограниченнаго числа соединеній), кислородъ и рядъ такъ наз. несгораемыхъ составныхъ частей.

2) Нѣкоторыя другія условія, для которыхъ труднѣе подыскать соотвѣтственное коллективное названіе, наприм. особенный механическій составъ почвы, какой необходимъ для образованія растеніемъ корней, далѣе извѣстная температура, колеблющаяся только между двумя болѣе или менѣе узкими предѣлами вверхъ и внизъ и проч.

3) Наконецъ для выполненія внутреннихъ химическихъ работъ растеніямъ необходимъ источникъ силы, солнечный свѣтъ. (Стр. 179).

Кислородъ воздуха составляетъ единственное дѣйствительно свободное благо изъ большаго ряда необходимыхъ для производство растеній условій. (180).

Углекислота, необходимая зеленнымъ растеніямъ для производства органическаго вещества, конечно составляетъ отчасти (насколько берется изъ атмосферы) свободное благо, но отчасти количество ея, могущее поступить въ растенія, находится въ зависимости отъ свойства почвъ, такъ что наприм. на почвахъ, обильно развивающихъ углекислоту, возможно увеличеніе производства растеній только при посредствѣ одного этого свойства.

Связанный азотъ (амміачныя или азотнокислыя соли) отчасти поступаетъ въ растенія прямо изъ атмосферы, отчасти приносится въ почву дождевою водою, слѣдов. накопленіе его по необходимости зависитъ отъ поглотительной способности почвы, отчасти, наконецъ, количество его, могущее поступить въ растенія, обусловливается состояніемъ удобренія почвы. Так. обр. это питательное вещество принадлежитъ къ свободнымъ благамъ, только отчасти и далеко въ меньшей степени, чѣмъ углекислота, такъ какъ роскошное

развитіе культурныхъ растеній вообще возможно безъ удобренія углекислотою, но не возможно безъ удобренія азотомъ.

Вода обыкновенно считается свободнымъ благомъ, но ни одни почвы и пр. Производство полевыхъ плодовъ, еще такъ экстенсивно, сравнительно съ нѣкоторыми технич. производствами и даже со скотоводствомъ, что не дозволяетъ никакой затраты труда на регулированіе наиболѣе благопріятнаго для растительной жизни количества воды. Но уже и теперь меліораціи орошенія в. часто значительно возвышаютъ цѣнность позем. участка.

„*Несгараемыя составныя части* могутъ считаться за свободныя блага только совершенными невѣждами". (стр. 182).

Теплота, подобно водѣ, не можетъ считаться свободнымъ благомъ. Различныя температуры различно вліяютъ на урожайность растеній, и тѣ позем. участки, которые, вслѣдствіе своего мѣстонахожденія въ извѣстныхъ климатахъ и географическихъ широтахъ, вслѣдствіе наклона къ солнечной сторонѣ вслѣдствіе темнаго цвѣта и вслѣдствіе своей способности поглощать теплоту или вслѣдствіе другихъ физич. свойствъ ближе подходятъ къ наиболѣе благопріятнымъ температурамъ при прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, имѣютъ сравнительно и большую цѣнность.

Свѣтъ. „Нельзя допустить, что воздухъ и свѣтъ, какъ принадлежащіе къ свободнымъ благамъ атмосферы, должны быть включены въ одну категорію и разсматриваемы какъ свободныя блага. Если изъ какого нибудь мѣста извѣстное количество воздуха удаляется и полезныя свойства его эксплоатируются и истощаются, наприм. кислородъ его идетъ на горѣніе, то въ этомъ случаѣ на мѣсто истребленнаго воздуха, вслѣдствіе диффузіи, устремляется новый воздухъ и если кто нибудь имѣетъ на своей почвѣ заводъ, потребляющій воздухъ, то на мѣсто потребленнаго онъ можетъ получить какія угодно количества этого блага.—Другое дѣло свѣтъ. Вездѣ, гдѣ какъ на прим. въ большихъ городахъ, свѣтъ не находится въ такомъ излишкѣ, вслѣдствіе котораго это благо теряетъ свою цѣнность, цѣна за пользованіе имъ заключается въ издержкахъ производства фотографич. изображенія. Солнечный свѣтъ составляетъ вполнѣ завладѣваемый предметъ. Съ поземельнымъ участкомъ очевидно пріобрѣтается и падающій на него свѣтъ. Съ правомъ присвоенія участка переходитъ и право на пользованіе солнечными лучами, съ правомъ собственности на капиталъ полезныхъ веществъ въ тоже время нераздѣльно право на правильную ренту съ силъ и только тотъ, кто не пользуется пріобрѣтеннымъ этимъ способомъ участіемъ въ силахъ, теряетъ снова такое имущество, побольшей части вслѣдствіе лучепусканія въ міровое пространство". (стр. 184).

На этомъ основаніи „поле, почва котораго годна для растительности на глубинѣ двухъ футовъ, никогда не будетъ, имѣть вдвое большей цѣнности, чѣмъ такое же поле съ почвой на глубинѣ одного фута.—Никому не придетъ въ голову надъ существующимъ полемъ поставить второй этажъ, ибо первое поле потеряло бы цѣнность по той простой причинѣ, что отсутствовало бы тогда одно изъ условій растительности—свѣтъ" (стр. 185—6).

Производительность зависитъ отъ минимума наличныхъ условій производства, она имъ пропорціональна. Но количество свѣта не можетъ быть по произволу увеличиваемо. Строго говоря, существуетъ нѣсколько способовъ, но примѣненіе ихъ крайне ограниченно. Таково обезлѣсеніе, уменьшающее облачность неба; измѣненіе склона поверхности почвы къ солнцу посредствомъ сноса и насыпи земли; таковы всѣ средства, общая цѣль которыхъ состоитъ въ возможно продолжительномъ и полномъ покрытіи поля зеленымъ растительнымъ ассимилирующимъ свѣтъ покровомъ. Но это слабое увеличеніе эксплоатацій. „Солнечные лучи никогда не могутъ быть разсматриваемы какъ капиталъ уже потому, что мы не имѣемъ возможности привлечь ихъ для производства въ любомъ количествѣ. Во всякой фабрикаціи, гдѣ для производства необходимы

только капиталъ и трудъ, мы можемъ смотря по надобности, собирать отдѣльныя условія для полученія продукта въ какихъ угодно количествахъ. Нѣтъ, никакого основанія допустить, что бы съ удвоеніемъ производства потребныя для сего издержки могли возрасти болѣе чѣмъ вдвое. При производствѣ растеній также можно, посредствомъ капитала и труда увеличивать безпредѣльно всѣ прочія условія произрастанія, но для солнечныхъ лучей такое увеличеніе достигается единственно удвоеніемъ воздѣлываемой поверхности; другими словами, съ того момента, какъ вся годная для культуры земля пошла на производство растеній, увеличеніе производительности, пропорціонально затрачиваемому труду и капиталу, становится невозможнымъ". (192—193).

68) F. Bastiat. Harmonies économiques, гл. V.

69) Основ. пол. экон. т. I, стр. 34.—70) Ib. стр. 37.

71) Studien über die inneren Zustände Ruslands, т. I, стр. 173—174. По изчисленіямъ Гакстгаузена, въ имѣніи около Майнца, обнимающемъ собою 1000 моргеновъ пахатной земли и луговъ, необходимо имѣть четыре пары лошадей, восемь работниковъ, шесть работницъ и 1500 дней поденныхъ рабочихъ; такое имѣніе даетъ около 8500 талеровъ валового дохода, издержки обработки не будутъ болѣе 3500 талеровъ, слѣдов. чистаго дохода будетъ 5000 талеровъ. Въ соотвѣтствующемъ по величинѣ имѣніи на сѣверѣ отъ Волги, при равенствѣ остальныхъ условій, уже вслѣдствіе климатическихъ невыгодъ, необходимо имѣть семь паръ лошадей, четырнадцать рабочихъ мужчинъ, десять работницъ и 2100 дней поденныхъ рабочихъ. Въ этомъ послѣднемъ имѣніи чистый доходъ не будетъ свыше 2000 талеровъ, вмѣсто 5000, приносимыхъ имѣніемъ, лежащимъ около Майнца. Сверхъ того, въ майнцскомъ имѣніи зимою прокармливается лишь $^4/_7$ того количества людей и скота, которое прокармливается сѣвернымъ русскимъ имѣніемъ; въ первомъ меньшее количество рабочихъ людей и скота зимою приходится прокармливать не болѣе 5 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ во второмъ ихъ большее количество должно быть содержимо въ продолженіи 8 мѣсяцевъ. Въ Майнцскомъ имѣніи и въ зимнее время рабочіе и скотъ могутъ быть заняты дѣломъ непосредственно относящимся къ сельскому хозяйству; между тѣмъ какъ въ русскомъ сѣверномъ имѣніи почти невозможны зимой никакія сельско-хозяйственныя работы, не считая привоза древеснаго матеріала и отправки продуктовъ къ мѣстному рынку, для чего достаточно пары лошадей и одного рабочаго. Очевидно, въ сѣверномъ имѣніи въ теченіи 8 зимнихъ мѣсяцевъ приходится почти даромъ содержать вдвое большее число рабочихъ и скота. Гакстгаузенъ говоритъ, что если бы кому либо было подарено имѣніе напр. въ Ярославской губерніи съ непремѣннымъ условіемъ завести хозяйство по образцу лучшихъ хозяйствъ зап. Европы, то онъ не только не имѣлъ бы дохода, но разорился бы.

72) Горловъ. Нач. пол. экономіи. т. I, стр. 196—197.—73) Ib. стр. 195.

74) Исторія цивил. въ Англіи, ч. I.

75) Э. Вреденъ. Курсъ пол. экон. стр. 168—171. Кн. Васильчиковъ. Сельскій бытъ и сельское хоз. въ Россіи, стр. 142.

76) Основ. пол. экономіи, т. I, стр. 139—140.

77) Стат. Врем. Россійской Имперіи, II, вып. I. 1871 г. ст. Населенность Евр. Россіи въ зависимости отъ причинъ, обусловливающихъ распредѣленіе населенія Имперіи, стр. 127—158.

78) Кн. Васильчиковъ. Черноземъ и его будущность. А. А. П. Современность орошенія въ степяхъ и какъ положить ему начало. Ж. М. Госуд. Имуществъ. 1876 г. Августъ.

79) В. П. Безобразовъ. Народное хоз. въ Россіи, ч. I, стр. 85—86.

80) Ѳ. М. Уманецъ. Колонизація свободныхъ земель Россіи, стр. 33.

XIV. Капиталъ.

1) Полное собр. соч. Н. Чернышевскаго, т. III, стр. 506—508. —2) Ib. стр. 508.

3) С. Соловьевъ. Исторія Россіи. 1883 г. т. I, стр. 47.

4) Современный капитализмъ, ч. I, стр. 323.

5) С. Булгаковъ. Краткій очеркъ пол. экономіи. 1906 г. В. I, стр. 84.—6) Ib. стр. 118,—7) Ibid. стр. 127.—8) Ibid. стр. 128.

9) Воспроизводимость, какъ существенная черта матеріальнаго капитала, придаетъ ему характеръ внутренняго постоянства, несмотря на внѣшнюю его измѣняемость, вслѣдствіе чего капиталъ представляетъ собою какъ бы родъ метапсихозы. „Если земледѣлецъ, напр. мѣняетъ мѣру хлѣба на барана или на какое нибудь полевое орудіе, то богатства, находившіяся въ его распоряженіи, измѣняютъ свой видъ; они состоятъ уже изъ другихъ предметовъ, но чрезъ это полезность и цѣнность ихъ, можетъ быть, не увеличились и не уменьшились. Это отвлеченіе нѣкоторой суммы полезностей или цѣнностей, существованіе нѣкоторой всегда связано съ существованіемъ матеріальнаго богатства, но которая, однакожъ, имѣетъ законы продолжительности, увеличенія и уменьшенія, совершенно независимые отъ законовъ, коимъ подчинены тѣ или другіе матеріальные предметы, получило особое названіе: его называютъ капиталомъ". К. Сенель. Банки, ихъ устройство, операціи и управленіе, стр. 14.

10) Осн. пол. экон. т. I, кн. I, гл. IV.

11) Die Grundf. der Nationlökonomie, § 42.

12) Въ финской поэмѣ „Калевала" лыжи называются „братьями ночи", а лукъ, стрѣла и копье—„товарищами руки".

13) С. Булгаковъ. Кр. очеркъ пол. экон. В. I, стр. 90.

14) Richesse des Nations, t. II, p. 5.

15) Начало пол. экономіи и налоги, гл. I, отд. 4.—16) Ibid. гл. XXXI.

17) Горловъ. Нач. пол. экон. т. I, стр. 219.

18) А. Чупровъ. Желѣзно-дорожное хозяйство, кн. I, гл. I.

19) L'évolution economique du XIX siecle, par M. Motinari. Journ. des écon. 1887. Janvier. p. 15.

20) Р. Кобденъ противникамъ машинъ говорилъ: „Вѣдь и иголка—машина, и наперстокъ—тоже машина, представляющая громадный успѣхъ сравнительно съ орудіемъ, которое она замѣняла—съ ногтемъ большого пальца. Р. Кобденъ. Москва. 1899 г. стр. 88.

Францъ Безингъ самое развитіе экон. культуры ставитъ въ полную зависимость отъ развитія техники. На 60 гектаровъ, гов. онъ, при трехпольи нужно 712 рабочихъ, при норкфольскомъ—1615, при хозяйствѣ со свеклой—2608. Если бы не было машинъ, то наличныхъ силъ хватило бы только для трехполья и улучшенное земледѣліе было бы немыслимо. (Der Einfluss der landwirtschaftlichen Maschinen auf Volks—und Privatwirtschaft).

По Лавеле, орудіе есть все то, что, кромѣ зубовъ и ногтей, служитъ для работы. Машина есть орудіе, приводимое въ движеніе не силою мускуловъ человѣческихъ, но силою природы—„двигателемъ". (Осн. пол. эк. стр. 93).

По свѣд. Жатса, *прядильная* машина, имѣвшая сначала 12 веретенъ, въ семидесятыхъ годахъ XIX в. приводили въ движеніе 3000 веретенъ, а продуктъ веретена въ единицу времени увеличился въ 50 разъ. Въ 1839 по 1862 г. вращеніе ускорялось на тросляхъ на 500 оборотовъ въ минуту, а на мюляхъ въ 1000 оборотовъ. Веретена, имѣвшія въ 1874 г. 4000 оборотовъ, въ 1883 г. имѣли уже 10.000 оборотовъ въ минуту.

Въ ткачествѣ раньше быстрота ткацкаго челнока колебалась между 90 и 112 ударами, въ 1873 г. достигла 170—200 ударовъ. Выработка рабочаго еще выше, ибо одинъ наблюдаетъ за 3 и даже 4 станками. Въ 1853 г. работая

60 часовъ въ недѣлю рабочій вырабатывалъ 825 ярдовъ хлопчато-бум. ткани, а въ 1878 г., работая 57 ч. въ недѣлю, вырабатывалъ 925 ярдовъ.

Обработка машинъ также. Раньше отстрочить, опилить и отшлифовать кв. футъ чугуна стоило 12 марокъ, а въ 1872 г. дешевле гроша.

(Шиппъ. Совр. бѣдность. 1902. стр. 25—29).

Булавка. Прежде самый искусный рабочій могъ сдѣлать не болѣе 20.000 булавокъ въ день; теперь 700 рабочихъ выдѣлываютъ ежедневно 50 мил. булавокъ, т. е. въ $3^1/_2$ разъ каждый болѣе, чѣмъ до 1824 г. спеціально рабочій выдѣлывалъ лишь головки.

„Куда бы мы ни взглянули, во всѣхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности, начиная съ голантской текстильной индустріи и кончая фабрикаціей бумаги и т. д. вездѣ бросается отрадный результатъ: повышеніе производительности человѣческаго труда". (Ibid. стр. 31).

При добычѣ *угля* въ Сод. Королевствѣ въ 1874 г. на одного человѣка 261 тонна, и въ 1883 г. 355. Добыча жел. руды въ Дургэймскомъ округѣ въ 1874 г. = 551 тоннѣ, а въ 1880 = 809 тоннъ.

Въ сельск. хоз. тоже. „Сельское хоз. окончательно теряетъ прежній характеръ, оно уподобляется промышленности; каждое поле въ будущемъ предоставляется своеобразнымъ механ. ткацкимъ станкомъ, управляемымъ рукою человѣка". (Ibid. стр. 36). Англія теперь добываетъ свое пропитаніе съ гораздо меньшей затратой труда, чѣмъ „въ прежнее время" (стр. 38).

Въ Великобританіи на 1000 жит. съ 1888 г. приходилось 250 лошадиныхъ силъ, т. е. 3000 чел. силъ. На одного англичанина 3 даровыхъ раба.

Пр. Озеровъ основательно замѣчаетъ, что мы присутствуемъ „при зарѣ рабовладѣльчества, расцвѣтъ котораго, вѣроятно, выпадетъ на XX вѣкъ". (Итоги экономическаго развитія XIX вѣка. 1902 г. стр. 15).

На фабрикѣ швейныхъ машинъ Зингера въ изготовленіи машины работаетъ 30 человѣкъ, при этомъ затрачивается $4^1/_2$ рабочихъ дня для изготовленія одной. И такъ машина, исполняющая работу 12 человѣкъ, сама изготовляется въ $4^1/_2$ дня.

Вытѣсненіе рабочихъ несомнѣнно.

Гобсонъ полагаетъ, что „вліяніе машинъ выражается въ уменьшеніи числа рабочихъ въ отрасляхъ, прямо связанныхъ съ машиной, и въ увеличеніи спроса на трудъ въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ машины играютъ малую и косвенную роль. (Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Пер. 1898 г. стр. 255).

Жакардовъ ткацкій станокъ увеличилъ производительность ткацкаго труда на 350%. Изобрѣтенія Аркрайта и Уатта увеличали производительность отъ 25 до 320 разъ сравнительно съ прошлымъ. По замѣчанію Ж. Геди, эти классическія изобрѣтенія сопровождались еще болѣе чудеснымъ усовершенствованіемъ: въ работѣ отдѣленія хлопка отъ сѣмени одинъ человѣкъ при помощи новѣйшихъ машинъ производитъ теперь работу 1000 человѣкъ; мотовило, дѣлавшее въ 1874 г. 4000 оборотовъ, теперь дѣлаетъ 10.000. По одному французскому разсчету, теперь достаточно семи человѣкъ, что бы взростить и смолотить хлѣбъ, смолоть муку, замѣсить тѣсто, испечь хлѣбъ и так. обр. накормить 1000 человѣкъ.

Машина Райдера для кузни (ковка веретенъ) дѣлаетъ 7000 пудовъ веретенъ въ минуту.

На бумаго-прядильняхъ веретено дѣлаетъ до 6000 оборотовъ въ минуту.

Машина, изготовляющая конверты, производитъ всѣ операціи ихъ изготовленія, т. е. сгибаетъ бумагу, разрѣзываетъ, намазываетъ края и т. д., дѣлая 3000 штукъ въ часъ.

„Въ 1870 г. сила однихъ лишь паровыхъ двигателей на земномъ шарѣ разсчитывалась въ 18 милліоновъ лошадиныхъ силъ, а въ 1890 г. всѣхъ паровыхъ двигателей предполагалось уже болѣе 60 мил. лошад. силъ и, полагая

каждую лош. силу равной 4 человѣкамъ, получается въ результатѣ, что современное человѣчество въ одномъ только паровомъ двигателѣ обладаетъ какъ бы 250 милліонами рабовъ—послушныхъ и дешевыхъ для удовлетворенія нуждъ и потребностей всѣхъ людей". („Экономическая оцѣнка народнаго образованія" 1896 г. стр. 5).

Когда то Анакреонъ въ звучныхъ стансахъ воспѣлъ изобрѣтеніе водяной мельницы, какъ великій актъ освобожденія женщины отъ тяжелаго, почти каждодневнаго труда—верченія ручного жернова.

Это лучшая иллюстрація *освободительнаго* значенія машинъ и вообще полезныхъ изобрѣтеній.

По словамъ пр. Озерова, „до сихъ поръ техника создавала новыхъ владыкъ для человѣчества: изобрѣтеніе жел. дорогъ создало желѣзнодорожныхъ королей, открытіе паровой машины создало современное экон. рабство и, быть можетъ, техника развѣнчаетъ современныхъ владыкъ: въ самомъ дѣлѣ будетъ изобрѣтено воздухоплаваніе и совершится страшная пертурбація въ перераспредѣленіи силъ и вліяній между отдѣльными группами населенія: желѣзнодорожные короли сойдутъ со сцѣны и произойдетъ перетасовка въ группѣ поземельныхъ владыкъ: путешествіе на воздушномъ шарѣ сдѣлается удовольствіемъ и цѣнность земли въ городахъ и около нихъ падетъ.—Совершенно неожиданно можетъ явиться для человѣчества новый фактъ, наприм. можетъ быть найдено средство искусственнаго лабораторнаго изготовленія пищи". (Итоги экон. развитія въ XIX в. стр. 57).

Гр. Канкринъ, министръ финансовъ Николая I, относился къ нимъ отрицательно. „Машины произвели дешевизну и увеличили потребленіе, не давъ собственно людямъ ни болѣе богатства, ни болѣе счастья—они дѣлаютъ невѣрными существованіе трудящагося класса и часто повергаютъ его въ бѣдность". (Die oekonomie der menschlichen geseltschaffen 1845)., помѣщ. въ извлеченіи въ „Библіотекѣ для Чтенія" въ 1846 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Канкринъ вооружается и противъ предпринимателей. „Несмотря на необходимость въ предпринимателяхъ, чтобы дать ходъ дѣламъ общественнымъ, они все же могутъ считаться угнетателями работниковъ, которыхъ принуждаютъ трудиться въ свою пользу; это вещь удобоисполнима, и т. обр. слабые и убогіе по большей части дѣлаются жертвами сильныхъ и богатыхъ".

По этому поводу Туганъ-Барановскій замѣчаетъ: „Это звучитъ даже соціалистически. Машины—враги трудящагося класса! Предприниматели—угнетатели работниковъ! Слабые и убогіе—жертвы сильныхъ и богатыхъ!". Русская фабрика, т. I, стр. 293.

Аристотель въ своей „Политикѣ" говоритъ, что рабство оказалось бы не нужнымъ въ томъ случаѣ, „если бы орудіе могло по приказу другого или по собственному желанію выполнять работу подобно тому, какъ искуственныя творенія Дедала сами двигались какъ по собственному стремленію отправлялись на богослуженіе треножники Гефеста. Если бы самостоятельно ткали ткацкія станки, рабъ былъ бы излишенъ".

Гобсонъ говоритъ, что „самый крупный и во многихъ отношеніяхъ самый характерный продуктъ машины есть современный промышленный городъ. Паровая сила есть въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова созидательница современнаго города". (Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Пер. 1898 г., стр. 358).

21) Основы пол. экономіи, стр. 96.

22) „Очерки дореформеннаго общественнаго хозяйства". 1893 г., стр. 104, 188 и слѣд. „Условія развитія внутренняго рынка для продукта въ крупной промышленности". Р. Богатство. 1899 г., №№ 4 и 5. „Теорія трудовой стоимости и нѣкоторые изъ ея критиковъ". Р. Богатство. 1902 г., № 2 и 3. Сводъ положеній

Николая—онъ сдѣланъ А. Миклашевскимъ. Обмѣнъ и экономическая политика, стр. 160 и слѣд.

23) Новое религіозное сознаніе и общественность, стр. 27.

24) Разбойничья и воровская философія логичнѣе марксистской. Марксисты признаютъ экспропріаторами только имущихъ, а пролетаріи ангелы. Воры и разбойники признаютъ экспропріаторами всѣхъ людей безразлично и тѣмъ оправдываютъ себя. Недаромъ въ популярномъ Жиль-Блазѣ воръ Роландо говоритъ Жиль-Блазу: „мы находимся въ постоянномъ довольствѣ, не ненависть, ни зависть не омрачаетъ насъ, между нами никакихъ ссоръ, мы болѣе объединены, чѣмъ монахи. Ты будешь вести съ нами пріятную жизнь, такъ какъ я не считаю тебя настолько глупымъ, что бы ты отказался жить съ ворами. Посмотри на людей. Всѣ они любятъ экспропріировать другъ друга; это общее стремленіе, только способы различны. Побѣдитель наприм. овладѣваетъ сосѣднимъ государствомъ. Благородные одолжаютъ безъ отдачи. Банкиры, кассиры, маклера, купцы также не знаютъ совѣсти. О судьяхъ не говорю, они не знаютъ, что творятъ. Но они болѣе гуманны, чѣмъ мы, часто мы убиваемъ невинныхъ, судьи-же часто спасаютъ виновныхъ“.

25) Новое рел. сознаніе, стр. 74—75.

26) Юрид. Вѣстникъ, январь, 1890 г., ст. Милитаризмъ и капитализмъ. Зомбартъ находитъ въ капитализмѣ слѣдующія характерныя черты.

1) Капитализму чуждо личное индивидуалистическое рабочее творчество. „Капиталистическое хозяйство—хозяйство общительное“. Здѣсь сила—общеніе съ людьми. (Commercium).

2) Дѣятельность разсчетно-спекуляторная. Символомъ служитъ „Главная Книга“: жизненный нервъ въ „Conto“ прибылей и убытковъ.

3) Дѣятельность капиталиста—раціоналистическая. Здѣсь требуется разсудокъ, изученіе причинъ и слѣдствій. (Ученіе Зомбарта о хозяйственномъ капиталистическомъ строѣ. СПБ. 1905 г., стр. 34—39).

27) Современная наука объ обществѣ, стр. 313.

28) Бѣгство изъ деревни. Пер. 1904 г., стр. 117.

29) Ж. Тардъ. Законы подражанія, стр. 325—326.

30) Э. Вандервельде. Золотая свадьба международнаго соціализма, пер. 1905 г., стр. 11—12.

31) Обмѣнъ и экономическая политика, стр. 472.

XV. Трудъ.

1) Сочиненія А. И. Герцена, т. Ш, стр. 395.

2) Люд. Вольтманъ. Истор. матеріализмъ, стр. 162—163.

3) De Gobineau. Essai sur l'inegalité des rasses humaines. Paris. 1884.

4) Къ вопросу объ устойчивости активнаго баланса русской внѣшней торговли.

5) О хлѣбной торговлѣ С. Ш. Сѣв. Америки, стр. 37.

6) Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи. 1895 г. т. Ш, стр. 164.

7) Плотниковъ. Кустарные промыслы Нижег. губ. 1894 г., стр. 206. А. А. Исаевъ. Настоящее и будущее р. общественнаго хозяйства, стр. 119.

8) Шульцъ-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. 1899 г., стр. 28.

9) Н. Михайловскій. Сочиненія, т. VП, стр. 694—695.

10) Нѣчто подобное, впрочемъ, высказываютъ и объ иностранной интеллигенціи. Такъ К. Каутскій признаетъ, что интеллигенція, подобно буржуазіи, состоитъ въ антогонизмѣ съ пролетаріатомъ.

„Буржуазный режимъ повсюду поощрялъ улучшеніе и расширеніе не только низшаго, но и высшаго образованія. Такъ какъ высшее образованіе подни-

мають людей на уровень буржуазіи, то считали, что оно равносильно подъему наемныхъ рабочихъ на уровень буржуазныхъ условій жизни. Но буржуазный standard of life лишь тамъ оказывается непремѣннымъ спутникомъ высшаго образованія, гдѣ это послѣднее является привиллегіей. Гдѣ же оно становится всеобщимъ, тамъ оно унижаетъ „умственнаго работника“ до уровня наемнаго рабочаго. Тогда въ интеллигенціи начинаетъ уже появляться враждебность къ распространенію образованія. Эти враждебные образованію слои становятся злѣйшими врагами прогресса, они соединяются съ самыми реакціонными изъ реакціонеровъ—со сторонниками цеховъ и аграріями. Цвѣтъ современной науки, профессора и студенты университетовъ, всего энергичнѣе возстаютъ противъ женскаго образованія, стараются оттѣснить еврейскую интеллигенцію отъ соперничества за мѣста и функціи, стремятся сдѣлать высшее образованіе дорогимъ и недоступнымъ людямъ не богатымъ. (К. Каутскій. Сборникъ статей. Пер. 1905 г., стр. 161—162).

Не клевета ли это на науку?

Вѣдь наука облагораживаетъ и воспитываетъ гуманность въ отношеніяхъ.

Если видимъ противное, а К. Каутскій очевидно не говоритъ на обумъ, то виновна не наука, а отрицаніе ея въ маскѣ науки, т. е. то невѣжество, которое дается врачамъ, юристамъ, инженерамъ и т. п.

11) „Въ Америку съ духоборами“, стр. 187.—12) Ib. стр. 241.

13) Полн. собр. соч. т. VII, стр. 19.

14) Ж. Тардъ. Законы подражанія, стр. 89.

15) Д. Леббокъ. Муравьи, пчелы и осы, пер. 1884 г., стр. 76 и слѣд.

16) Труды И. В. Экон. Общ. 1877 г. Авг., стр. 493. Формы землевладѣнія у русскаго народа въ зависимости отъ природы, климата и этногр. условій.

17) Этотъ законъ имѣетъ громаднѣйшее значеніе даже въ психическомъ отношеніи. „Лучи солнца, когда они собраны при помощи зажигательнаго стекла и наведены на какой нибудь предметъ, даютъ теплоту въ большинствѣ случаевъ сильнѣйшую, чѣмъ тѣ же лучи, не пропущенные черезъ стекло. Тоже самое происходитъ и со вниманіемъ. Разсыпьте его и вы получите обыкновенные результаты, но сконцентрировавъ его на вещи, которая должна быть сдѣлана, вы получите поразительный подъемъ энергіи“. В. В. Аткинсонъ. Сила мысли въ дѣловой и повседневной жизни. Р. пер. 1907 г., стр. 101.

18) Труды В. Э. Общ. 1877 г. Іюль, стр. 351—352.

19) Э. Вреденъ. Курсъ пол. экономіи, стр. 133—134.

20) Записки русскаго геогр. общества по отдѣлу этнографіи. 1869 г. т. I. Чубинскій. Очерки юрид. обычаевъ Малороссіи.

21) Senior. Principes fondamentales de l'econ pol., стр. 352. Г. Симоненко. Государство, общество и право съ точки зрѣнія законовъ нар. хозяйства, т. II, ч. I, стр. 11—12.

22) Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи, т. II, стр. 49.

23) Древняя и новая Россія. 1876 г. № 10. Никольскій уѣздъ и его жители, стр. 150—151. 24) Ib. стр. 152—153.

25) К. Бюхеръ. Возникновеніе нар. хозяйства, стр. 40.

26) Милль. Осн. пол. экон. т. I, кн. I, гл. VIII.

27) А. Прэнсъ. Организація свободы, стр. 10.

28) По замѣчанію Іеринга, „сокровищъ Креза не хватило бы на то, что бы пріобрѣсти для него чашку кофе и газетный листокъ, если бы онъ вздумалъ съ этою цѣлью лично для себя вызвать къ жизни всѣ необходимыя для производства этихъ предметовъ операціи; бѣдняку нашего времени за одинъ талеръ служитъ большее число людей во всѣхъ частяхъ свѣта, чѣмъ Крезу, хотя бы онъ рѣшился совсѣмъ опустошить свою сокровищницу“. Р. Ф. Іерингъ. Цѣль въ правѣ, р. пер. т. I, стр. 32—33.

29) Современная наука объ обществѣ. стр. 60.

30) Совершенно основательно Н. Кажановъ ставитъ въ числѣ условій раздѣленія труда взаимное пониманіе потребностей. „Всякій продуктъ, поскольку онъ созданъ приложеніемъ труда къ внѣшней природѣ въ соціальной обстановкѣ, несетъ въ себѣ отпечатки психологическаго момента индивидуума; индивидуумъ въ немъ такъ или иначе невольно реализируетъ свой внутренній міръ, вкладываетъ въ него свою идею. Чтобы продуктъ былъ принятъ другимъ, понятъ имъ, необходимо уже какое то внутреннее пониманіе индивидуумовъ другъ другомъ. Изъ этого уже надо заключить, что въ связи съ раздѣленіемъ труда стоитъ нѣкоторая общность внутренняго міра цѣлой группы, реализирующаяся также въ частности соотвѣтствующимъ общимъ вѣрованіемъ, обычаемъ, правиломъ". Н. Кажановъ. Соціально-хозяйственная эволюція и смѣна цивилизацій. 1907 г., стр. 99.

31) Карлъ Марксъ. Нищета философіи, пер. 1905 г., стр. 98.

32) Анти-Дюрингъ. Пер. 1907 г., стр. 244.

33) Сочиненія, т. XII, ст. О назначеніи науки и искусства.

34) Сочиненія, т. VI, стр. 414.—35) Ib. т. I, стр. 82—83.—36) Ib. стр. 91.

37) Н. Бердяевъ. Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи, стр. 149.

38) Н. Чернышевскій. Полн. собр. соч. т. VII, стр. 184.

39) Новое ученіе о государствѣ. Пер. Б. Костяковскій. Стр. 85—86.

40) Сочиненія, т. I, стр. 140.

41) Р. Богатство. 1909 г. № 5, ст. В. Чернова, стр. 167.

42) В. Зомбартъ. Современный капитализмъ, ч. I, стр. 353.

43) Н. Жизнь. 16 дек. 1904 г.

44) М. В. Довнаръ-Запольскій. Исторія русскаго народнаго хозяйства, т. I, стр. 292—293.

45) Ш. Летурно. Эволюція рабства, стр. 75.

46) Нищенствующій Парижъ, пер. 1898 г., стр. 109.

47) Th. Waitz. Antropologie der Naturvölker.

48) І. Кулишеръ. Промышленность и рабочій классъ на западѣ въ XVI—XVIII ст. 1911 г., стр. 6.

49) В. Ключевскій. Курсъ р. исторіи, т. IV, стр. 122.

50) Аристократическая раса, стр. 206.

51) Новые парадоксы, стр. 183.

52) А. Бебель. Соціализація общества, стр. 16—17.

53) Arn. Fremy. Les moeurs de notre temps., p. 73.

54) Полн. собр. сочиненій, т. VI, стр. 220.—55) Ib. т. VII, стр. 73—74.

56) Отклики, т. I, стр. 254—255.

57) К. Бюхеръ. Работа и ритмъ, пер. Д. Коропчевскаго. 1899 г.,—58) Ib. стр. 9—10, 68—69.

59) Le vraie bonheur ne consiste qu'a satisfaire les passions. Les bonheur sur lequel on a tant raisonné, on plutot tant déraisonné, consiste à avoir beaucoup des passions et beaucoup de moyens de les satisfaire.

60) Ф. Шефле. Капитализмъ и соціализмъ, стр. 280.

61) М. Мейеръ. Главныя теченія въ современной пол. экономіи, пер. 1891 г. стр. 144—145.

62) „Вѣстн. Европы". 1882 г., февраль. С. К. Фермерское хозяйство и фермерская жизнь въ Зап. штатахъ Сѣв. Америки, стр. 527.

63) Еврейское государство. Пер. 1896 г., стр. 27.

64) Прогрессъ и бѣдность, стр. 550.

65) Сочиненія, т. VI, стр. 489—490.

66) Основ. пол. экон. стр. 49.

67) Е. В. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. 1911 г. т. II, стр. 403.—68) Ibid. стр. 408.

69) Подробное изложеніе ордонанса у Д. Петрашевскаго. Возстаніе Уота Тайлера, т. II, стр. 32—37.—70) Ibid. ч. II, стр. 45.—71) Ibid. стр. 57—58.

72) В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II. т. II. стр. XXIII.—73) Ibid. стр. XXV.—74) Ibid. стр. XXVII.

73) Ссылка во Франціи и Россіи. 1899 г. стр. 83-84.—74) Ib. стр. 74.—75) Ib. стр. 85—86.—76) Ib. стр. 9.

77) Собраніе сочиненій, т. VII, стр. 355.

78) Думы о счастьѣ, стр. 82.—79) Ib. стр. 85.

80) Томасъ Моръ допускаетъ въ своей „Утопіи“ только шесть часовъ работы. Достаточно ли такого количества труда?

Отвѣтъ въ слѣдующемъ. Въ каждомъ обществѣ масса праздныхъ людей, Женщины составляютъ половину населенія. „Огромная масса священниковъ и разныхъ праздношатающихся церковныхъ служителей. Прибавимъ къ этому еще всѣхъ богатыхъ помѣщиковъ, называемыхъ „дворянами“ и лордами, присоединимъ къ нимъ еще цѣлыя полчища ихъ прислуги—этихъ тунеядцевъ въ ливреяхъ; не забудемъ также здоровыхъ нищихъ, скрывающихъ свою лѣнь подъ вымышленными недугами. Въ результатѣ станетъ вполнѣ ясно, что число людей, доставляющихъ трудомъ своимъ средства къ пропитанію человѣческаго рода, оказывается гораздо ничтожнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Теперь вспомнимъ, какъ мало трудящихся людей занимается дѣйствительно нужнымъ и полезнымъ дѣломъ, что въ нашъ вѣкъ нажива денегъ, являющихся для всѣхъ божествомъ и всеобщимъ мѣриломъ, множество не нужныхъ и пустыхъ искусствъ культивируется единственно въ угоду роскоши и разврата. Если бы вся эта масса рабочихъ рукъ была занята полезнымъ трудомъ, наприм. ремеслами, и изготовляла бы даже въ избыткѣ, все необходимое, то цѣны на эти издѣлія пали бы въ такой мѣрѣ, что рабочій не былъ бы въ состояніи жить на свой заработокъ. Допустимъ, что мы привлечемъ къ полезнымъ работамъ и тѣхъ, кто ровно ничего не дѣлаетъ, между тѣмъ какъ каждый изъ нихъ потребляетъ заработокъ двухъ дѣйствительныхъ работниковъ, легко понять, что у этихъ людей будетъ болѣе времени, чѣмъ нужно для того, что бы позаботиться о потребностяхъ, удобствахъ и даже удовольствіяхъ жизни“. (К. Каутскій. Т. Моръ. стр. 247—248).

Т. Герцль проектируетъ для своего утопическаго еврейскаго государства семичасовый рабочій день. „Работа будетъ производиться въ теченіи 14 часовъ, но рабочія группы будутъ смѣнять другъ друга черезъ каждые $3^1/_2$ часа. Въ продолженіе $3^1/_2$ ч. безъ перерыва здоровый человѣкъ можетъ работать усиленно. Послѣ перерыва въ $3^1/_2$ часа, посвященнаго отдыху, семьѣ, дальнѣйшему образованію, онъ опять вполнѣ бодръ. Такія рабочія силы могутъ совершать чудеса. (Еврейское государство, стр. 49).

Конгрессъ рабочихъ изъ 20 странъ съ 14 по 21 іюля 1889 г. на Парижской всемірной выставкѣ призналъ необходимымъ международную законодательную охрану труда. По его предложенію, рѣшено устроить „1 мая 1890 г. вообщую манифестацію и предъявить правительству требованіе ограничить закономъ продолжительность рабочаго дня 8 часами“.

81) Пр. Леонтовичъ сообщаетъ, что „у калмыковъ женщина всегда играла въ домашнемъ обиходѣ роль главной рабочей и производительной силы, выносящей на своихъ плечахъ всѣ заботы и труды кочевого хозяйства“. (Калмыцкое право, стр. 194).

Тоже подтверждаетъ массой данный и А. А. Кауфманъ. (Русская община стр. 15 и слѣд.). Между прочимъ у калмыковъ считается не приличнымъ ставить юрту: всѣ работы по постановкѣ юрты лежатъ на женщинахъ.

82) Въ Англіи въ 1840 г. коммисія о положеніи рабочихъ дѣтей. Въ 1843 г. она представила докладъ, раскрывшій, по выраженію Сеньора, „ужаснѣйшую картину алчности, эгоизма и жестокости предпринимателей и родителей съ од-

ной стороны и крайне жалкаго положенія дѣтей, съ другой". Оказалось, что дѣти иногда начинаютъ работать *съ трехъ или четырехъ лѣтъ!* Съ 7 лѣтъ— обыкновенно начинаютъ. Всѣ по 16 и 17 часовъ въ сутки. Дѣти „настолько подавлены, что даже не замѣчаютъ всего ужаса своего положенія". Въ производствѣ кружевъ въ 1842 г. дѣти начинали работать съ 3 лѣтъ, нѣкоторыя даже въ 2½ г. одинъ ребенокъ *двухъ лѣтъ*, а одинъ—даже не достигши двухлѣтняго возраста (стр. 61—66, соч. Шиппель. Современная бѣдность Пер. съ нѣм. 1902 г.). Ср. также стр. 72—73 о малолѣтнихъ рабочихъ при чисткѣ дымовыхъ трубъ.

Сравнительно съ этимъ даже безработица является благодѣяніемъ. „Многіе врачи утверждаютъ, что заминка въ дѣлахъ, лишающая работы многія тысячи, является большимъ благомъ, позволяя матерямъ отдаваться заботамъ о дѣтяхъ! Пониженіе общей цифры смертности въ концѣ семидесятыхъ годовъ, обусловленное главнымъ образомъ уменьшеніемъ дѣтской смертности, многіе наблюдатели приписываютъ безработицѣ матерей. Лучше совсѣмъ не работать, чѣмъ работать и получать такую плату, какъ получаютъ женщины при современной капиталистической системѣ,—можно ли представить себѣ болѣе уничтожающій приговоръ надъ этой системой?" (Ibid. стр. 77—78).

Высокіе идеалы свободы проповѣдывала буржуазія, выступая на историческую сцену и доказывая ея благотворное значеніе для всего человѣчества. Вотъ каковы результаты свободы звѣря.

Но вѣдь экономисты имѣли въ виду свободу человѣка, а не звѣря. Въ этомъ вся ихъ вина. Они были честны и думали, что у всѣхъ есть совѣсть и Богъ. На дѣлѣ у звѣря не оказалось ни совѣсти, ни чести.

83) Промышленность и здоровье. 1903 г. кн. 6, стр. 73.

84) М. С. Уваровъ. О вліяніи отхожихъ промысловъ на санитарное положеніе Россіи. Вѣстн. Общ. гигіены, т. XXXI, 1896 г. іюль. Е. Варбъ. Наемные сельско-хозяйственные рабочіе въ жизни и законодательствѣ. 1899 г.

85) Ѳ. В. Гиляровскій. Изслѣдованіе о рожденіи и смертности дѣтей въ Новгородской губ. Записки Имп. Геогр. Общества. 1866 г. т. I.

86) Д. Н. Жбанковъ. Вліяніе отхожихъ промысловъ на движеніе населенія Костромской губ. по даннымъ 1866—1883 г.

87) Н. А. Каблуковъ. Лекціи по экономіи сельск. хозяйства. 1897 г. стр. 190.

88) Е. Варбъ. стр. 16.

89) Сельско-хоз. отхожіе промыслы. Докладъ кн. Н. В. Шаховскаго комиссіи т. с. Звегинцева.

90) П. С. Ефименко. Отходъ крестьянъ изъ Харьк. губ. Харьк. календарь на 1885 г. стр. 549—550. Е. Варбъ—стр. 111.

91) Н. И. Тевяковъ. Сельскохоз. рабочіе, стр. 13. Е. Варбъ—стр. 70.

92) В. Дерюжинскій. Замѣтки объ общ. призрѣніи. 1897 г. стр. 41.

93) Шульце—Геверницъ. Очерки общ. хоз. и экон. политика Россіи, стр. 298.

94) Экономическая политика самодержавія. 1906 г. стр. 53.

95) И. Иванюковъ. Пол. экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій, стр. 110

96) Рѣшительнымъ сторонникомъ потребительной нормы у насъ былъ пр. Янсонъ. См. его книгу: О крестьянскихъ налогахъ и платежахъ.

97) С. Южаковъ. Нормы народнаго землевладѣнія.

98) О. Уманецъ. Колонизація. стр. 81—83.

99) Кн. Васильчиковъ. Сельскій бытъ, стр. 91—93.

100) Основ. пол эк. т. I, стр. 53.

101) Е. де Роберти. Политико-экон. этюды, стр. 99.

102) Э. Вреденъ. Строй экон. предпріятій, стр. 17, 34.

103) Основ. пол. эк. стр. 191.

104) Д. Менделѣевъ предлагаетъ отличать трудъ отъ работы. „Въ трудѣ содержится понятіе о свободной волѣ; къ работѣ же можно принудить, къ труду же люди пріучаются только по мѣрѣ развитія самосознанія, разумности и воли. Работу могутъ производить и вѣтеръ, и вода, и животныя: трудъ есть дѣло чисто человѣческое, выражающееся не только внѣшнимъ, такъ сказать физическимъ результатомъ, но и внутреннимъ, такъ сказать духовнымъ способомъ, особенно вліяніемъ на волю другихъ людей.—Труду иногда очень большому и многозначительному, зачастую отвѣчаетъ ничтожная на видъ видимая работа, наприм. труду руководителя, ученаго или художника. Главную же характеристику труда въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово употребляется здѣсь, составляетъ его полезность для людей, и чѣмъ болѣе трудъ относится къ широкимъ областямъ *сознательныхъ потребностей*, тѣмъ больше онъ пріобрѣтаетъ общаго значенія". (Къ познанію Россіи, стр. 55—56).

Б. Чичеринъ считаетъ *неравенство* естественнымъ условіемъ прогресса. Богатства производятся не физическимъ, но умств. трудомъ. Отсюда неравенство богатства. „Какъ бы высоко не поднялся уровень массы, богатства все таки будутъ сосредоточиваться главнымъ образомъ въ тѣхъ слояхъ общества, гдѣ господствуетъ умств. развитіе".—Неравенство „необходимый путь, который ведетъ къ развитію народнаго богатства. Неравенство происходитъ отъ того, что высшія силы пріобрѣтаютъ болѣе, нежели низшія; а это составляетъ единственное условіе, при которомъ возможно развитіе высшихъ силъ. Онѣ возбуждаются именно перспективой достиженія высшихъ матеріальныхъ благъ. Вся ихъ энергія напрягается въ иномъ стремленіи, и это идетъ на общую пользу, ибо матеріальное благосостояніе народа зависитъ главнымъ образомъ отъ дѣятельности лицъ, направляющихъ промышленное движеніе, изыскивающихъ новые пути и обогащающимъ страну тѣмъ самымъ, что они обогащаютъ себя. (Собственность и государство, т. II, стр. 103—104).

105) Э. Вреденъ. Основанія пол. эк. стр. 194.

106) Основ. пол. эк. т. I, стр. 49.

107) W. Roscher. Die Grundl. d. Nationalökonomie, § 39.

108) Соціализмъ, какъ правительство, стр. 54—55. Въ нашей литературѣ значеніе духовно-нравственной культуры въ трудѣ прекрасно было уяснено еще Ив. Посошковымъ. Свою книгу „О скудости и богатствѣ" онъ называетъ попыткой насажденія правды и истребленія неправды, что должно привести не только къ улучшенію финансоваго хозяйства страны, но также къ увеличенію народнаго богатства и водворенію народнаго благосостоянія. Онъ полагаетъ, что о невещественномъ богатствѣ необходимо заботиться болѣе, чѣмъ о вещественномъ, такъ какъ пріобрѣтеніе перваго является необходимымъ условіемъ пріобрѣтенія второго. Сочиненія Ивана Посошкова, изд. М. Погодинымъ. Москва, 1848 г., стр. 8.

109) М. А. Райснеръ. Государство, ч. I, стр. 169.

110) Основ. пол. экон., стр. 54.

111) A. Smith. Bich. des Nat. кн. IV, гл. VIII и IX. Д. С. Милль. Осн. пол. экон. кн. I, гл. III. Ригеръ. О капиталѣ и трудѣ невещественномъ, ихъ значеніи и положеніи въ пол. экономіи. W. Roscher. Die Grundl. d. Nationalökonomie, кн. I, гл. III. Къ воззрѣнію А. Смита склоняется Дюрингъ, полагающій, что, не принявъ доктрины А. Смита, мы тѣмъ самымъ разширили бы непомѣрно предѣлы пол. экономіи. Kritische Grundl. der Nationalökonomie und der Sozialismus. Berlin. 1871 г. стр. 161.

112) Соціальная статика, стр. 429.—113) Ib. стр. 324.

114) H. Ferron. Theorie du progrés. II, p. 442 и слѣд.

115) В. Либкнехтъ. Р. Оуэнъ. Пер. 1905 г. стр. 22.

116) Нов. уч. о государствѣ, стр. 53—54.

117) Осн. пол. экон. стр. 169.

118) П. Лафаргъ. Благотворительность; стр. 17—18.

119) Е. Тарле. Рабочій классъ во Франціи, ч. I.

120) Н. Водовозовъ. Экон. этюды. 1897 г. стр. 118.—121) Ib. стр. 174.

122) Соч. А. И. Герцена, т. VI, стр. 283—284.—123) Ib. стр. 328—329.

Физіократы учили, что „государство подобно дереву, корни котораго представляютъ земледѣліе, стволъ—населеніе, а листья—искусство и торговлю. Изъ корней подымается вверхъ по всему растенію животворный сокъ, вытягиваемый изъ земли посредствомъ множества нитей. Самою прекрасною частью дерева являются листья; но они всего менѣе выносливы: буря можетъ легко побить ихъ. Если же корни останутся не вредимыми, то ихъ сокъ можетъ снова создать листья. Но если какое нибудь вредное насѣкомое примется точить корни, то напрасно мы станемъ ждать солнца и росы: они не оживятъ высохшаго ствола". (Г. Гиггсъ. Физіократы. Пер. 1899 г. стр. 17—18).

Въ Баденскомъ графствѣ б. введенъ единный налогъ въ 1770 г. въ трехъ деревняхъ. Прекращенъ былъ въ 1792 г. Объ этомъ не зналъ А. Смитъ.

Есть категоріи матер. труда, которыя по терминологіи Смита, также не производительны. Наприм. постройка дороги. Ее нельзя отчудить; пользованіе неразрывно связано съ вещью. Но она *косвенно* служитъ производству и входитъ въ составъ стоимости богатства. Проведеніе каналовъ для осушки балотъ. Самъ по себѣ трудъ канализаціи не создаетъ ничего, но даетъ почву для производства хлѣба. Таковъ же трудъ архитектора, создающаго планъ и смѣту дома и т. д.

Здѣсь овеществленный трудъ также непосредственно ничего не создаетъ въ смыслѣ потребленія, какъ и духовный. Но тѣмъ не менѣе, какъ и послѣдній, является основнымъ условіемъ созданія богатства.

Производство скрипки—производительно, а игра на ней—непроизводительна. Постройка университетскихъ зданій—производительное занятіе, а использованіе ихъ для занятій—не производительное. Устройство лабораторіи—производительное занятіе, а занятія въ ней—непроизводительное.

Невещественный трудъ, по ученію Рёскина, не долженъ быть ремесломъ, т. е. средствомъ къ существованію. Весь духовный трудъ долженъ быть безвозмезднымъ, „профессія проповѣдника, судьи и воина должны быть безплатными". Средства къ жизни эти лица должны зарабатывать себѣ какимъ либо физическимъ трудомъ. Только относительно ученыхъ, живописцевъ и музыкантовъ Рёскинъ допускаетъ, что бы имъ другіе давали матеріальныя средства за что „они обучаютъ или увеселяютъ рабочихъ".

Это возвратъ къ теоріи физіократовъ, что и видно наприм. изъ слѣдующихъ словъ: „пища, отопленіе, платье добываются изъ земли или моря физическимъ трудомъ". (Fors III, письмо LXVII. Гобсонъ. Общественные идеалы Рёскина. Пер. 1899 г. стр. 124).

Т. Карлейль говоритъ, что онъ уважаетъ физическій трудъ, но еще болѣе уважаетъ того, кто трудится ради необходимаго душѣ человѣческой, не ради хлѣба насущнаго. „Если бѣдный скромный труженикъ работаетъ, чтобы добыть намъ пищу, то развѣ одаренный умомъ и геніемъ человѣкъ не долженъ трудиться въ свою очередь для него, что бы дать ему свѣтъ, руководство, свободу и безсмертіе". (Этика жизни. Пер. 1906 г. стр. 16).

М. Нордау совершенно основательно замѣтилъ, что приготовлять ракеты и выращивать куръ—не одно и тоже съ соціальной точки зрѣнія.

Дѣйствительно, основнымъ принципомъ нужно признать не производство цѣнностей вообще, а удовлетвореніе нуждъ населенія. Это и чисто экон. принципъ, ибо если $^1/_2$ населенія будетъ занята ракетами, то на $^1/_2$ уменьшается благосостояніе и страна впадетъ въ бѣдность.

Библиотека ООН